

Смирнова Ирина

ЦИКЛ ВЕНГА

326 328 год

«Айрин, Эйфри и остальные»

Annotation

На просторах галактики есть много очень разных планет: открытых и закрытых, демократичных и не очень... «Радикальный матриархат, не рекомендуется к посещению» — написано в межгалактической энциклопедии про Венгу. А Айрин — девушка, выросшая в обычном мире. Но, совершенно неожиданно, она становится наследницей одного из первых Домов планеты, где лидирующая роль принадлежит женщинам.

Что же она выберет? Богатство, гаремы и покорных рабов-мужчин или реформы, революцию и свержение насилия?

326 — 328 года по Венговскому календарю.

- [Смирнова Ирина](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [Глава 39](#)
  - [Глава 40](#)
  - [Глава 41](#)
-

Смирнова Ирина
АЙРИН, ЭЙНРИ И ОСТАЛЬНЫЕ
Книга 1

Глава 1

Корабль, атмосфера на котором еще хоть как-то напоминала Айрин о доме, только что отчалил с пристани. Возникло ощущение потерянности и одиночества, горькое предвкушение очередного переломного момента в жизни. Попутчицы предпочитали не общаться с девушкой, а только тихо перешептывались между собой о «континентальном воспитании» и всем своим видом осуждали стиль ее общения с членами команды. Естественно, ведь по местным меркам ее поведение было действительно возмутительным — она вела себя с мужчинами так, как будто признавала их равными. У нее были воистину шокирующие манеры для будущей госпожи-наследницы, но так сложно было сразу и бесповоротно отказаться и перешагнуть через устои общества, в котором жила и росла с рождения. Да уж, трудно ей будет здесь в первое время, ведь придется практически полностью перестраивать свое сознание. Осталось понять, надо ли ей это все или проще будет вернуться к родителям и привычной жизни.

* * *

Первооткрыватели называли планету «Островом обетованным». За красоту природы, удивительно мирный по отношению к людям животный мир и полное отсутствие следов обитания разумных существ. «Остров» только совсем недавно снова позволил «континентальным» кораблям безбоязненно причаливать к своей пристани. «Континентальным» на «Острове» называли все, связанное с инопланетниками, прародиной которых была Земля. В межгалактических атласах за «Островом» закрепилось название Венга, так как основу лесов планеты составляли деревья, очень похожие на земные венге.

Планета Венга была исследована и открыта для колонизации в 2112 году. Очередная планетка, найденная на задворках галактики, была поверхностно осмотрена и признана пригодной для заселения поселенцев, с фауной и флорой не несущими потенциальной опасности. На ней не было обнаружено никаких ценностей, никаких полезных ископаемых, только леса и океаны, а планетоиды такого плана уже умели создавать искусственно. Это был прекрасный природный рай, но других

преимуществ у планеты не было.

Группы первых поселенцев на планеты формировались или уже из сложившихся организаций, сект или подбирались с максимальным сходством признаков. Костяк переселенцев на Венгу составляла секта, где всем управляла женщина, провозгласившая себя новой мессией. Все лидирующие позиции в этом обществе занимали женщины, и управляющая роль в семьях сектантов принадлежала матери семейства, передаваясь со временем, постепенно, старшей дочери.

В это время было принято использовать везде однополые команды, так как противостояние между феминистками и их противниками и противницами достигло пика. Поэтому первых колонистов доставила команда корабля, состоящего на 98 % из женщин, и с двумя охранными сопровождающими ХЗКНками, тоже с женским составом.

Общепланетное правительство воспользовалось случаем и, что характерно, абсолютно добровольно, переселило на достаточно большую по размерам планету сразу несколько наиболее рьяных групп, ведущих борьбу за полное равноправие полов и некоторое количество сект, где вообще всем заправляли женщины. Еще отправляя первые корабли, все уже знали, что у планеты Венга в графе «форма общества» появится запись: «матриархат».

Так как количество мужчин среди первых переселенцев было ограниченным, женщины, по возможности, отказались от создания парных союзов. На Общем Совете большинством голосов было принято решение, что детей будут воспитывать, разделяя по половому признаку, и не в семьях, а в специальных лагерях, отдаленных от основного поселения. Не все отцы сразу согласились с подобными условиями, но на них влияли всеми возможными и невозможными методами, отвлекали их внимание на другие проблемы, и решение Общего Совета ни разу не было обжаловано.

Прибывающие на планету новые переселенцы или принимали существующие порядки, или улетали обратно. Наконец Венгу признали полностью заселенной и поток мигрантов прекратился. «Остров» стал медленно и незаметно обрывать все внешние связи, и в итоге превратился в закрытую территорию, охраняемую воинственными амазонками.

За нарушение космических границ корабль расплачивался самыми красивыми членами экипажа, вернее, их спермой. Новые гены были ценнее золота.

Специально назначенные «Генеалогические Управительницы» заводили на каждого ребенка отдельное генеалогическое древо, чтобы как

можно дольше предотвращать близкородственные скрещивания. Детей забирали из семьи в возрасте пяти-шести лет и первое время родители могли их навещать. Но затем, в дополнение ко всем прочим наукам, мальчиков начинали обучать подчиняться, а девочек — повелевать. И тут уже родительская любовь и забота становились явно лишними.

Венганцы по-прежнему в основном не покидали своей родины, даже для торговых миссий пользуясь услугами представителей инопланетного происхождения. Но, по прошествии трехсот с лишним лет, первые рискованные шаги в налаживании внешних контактов начинали осуществляться. Хотя для инопланетников сама Венга оставалась закрытой территорией. Манящим запретным плодом. Вернее, женщинам «континентального» происхождения покидать пределы Космопорта разрешалось, а вот мужчинам — нет.

Однако около 30 лет назад, группе молоденьких ребят-пассажиров пришла в голову опасная идея — пробраться в столицу, Венгсити, переодевшись в женскую одежду. Из этой отчаянной вылазки удалось вернуться на корабль только одному из пятерых. Через месяц на территорию Космопорта он вернулся с молоденькой аборигенкой, третьей дочерью очень влиятельной госпожи. Увезти ее с планеты удалось только потому, что сама девушка была в этом активно заинтересована. На родине ничего интересного не предвиделось, а с молодым, красивым инопланетником ее ждали разнообразие и приключения.

Айрин была дочкой той беглянки и единственной наследницей огромнейшего имения, так как оказалось, что обе ее тетушки не смогли произвести на свет ни одной девочки.

Девушка никогда не связывала свое будущее с планетой матери, она воспринимала все ее рассказы-воспоминания как чудесные сказки перед сном, не более того. Поэтому шок от полученного письма-вызова еще не отпустил до конца.

21 вайэба 326 года. Космопорт.

— Госпожа Айрин?

К девушке, почтительно склонив голову, обращался юноша, примерно ее возраста, или чуть постарше. Смуглый и светловолосый, как и все местные жители. Глаза зеленые-зеленые, ресницы длиннющие.

Единственный недостаток — брови практически срастаются на переносице. Но это тоже отличительная особенность местных.

— Да?

— Позвольте проводить вас к карете, госпожа?

— Позволяю. Провожай, — и тут же задумалась: «Интересно, может, надо было вообще просто царственно кивнуть?».

— Здесь все ваши вещи, госпожа?

— Ну... Вроде бы все, — девушка, немного помедлив, придирчиво оглядела две огромные сумки, в которых было собрано все самое дорогое и ценное, накопленное за двадцать два года жизни.

Парень легко, как пушинки, поднял эти два баула и, стараясь подстроиться под шаг Айрин, пристроился слева от нее и чуть сзади. Девушке пришлось внимательно за ним следить, чтобы придерживаться верного направления, но попытки отстать и пропустить путеводную звезду вперед были безуспешны — звезда тоже замедляла шаг и снова оказывалась чуть позади. «М-да, — мечтательно задумалась Айрин, — провожатый из тебя так себе, а вот в постель я бы тебя затащила с удовольствием. Тонкая талия, широкие плечи, длинные стройные ноги... Не мальчик, конфетка просто. И как играют мышцы на руках!».

В Космопорте рассматривать было практически нечего, он ничем не отличался от тысяч других. А вот картина в небе невольно привлекала взгляд — не над каждой планетой сияют одновременно сразу три солнца.

Стоянка карет находилась в двадцати минутах ходьбы, но была скрыта за полосой деревьев и высоким забором, отгораживающим Столицу от глаз любопытных инопланетников. Этим средством передвижения пользовались только представители местной знати, а обычные смертные предпочитали передвигаться более быстрыми темпами, в мелькающих то и дело в небе аэрошках — воздушных такси.

Возле одной из карет, белой с причудливым золотистым рисунком, напоминающим вензель, парень, наконец-то, рискнул обогнать Айрин. Карета была без верха, в форме полумесяца, причем дверца у нее открывалась не вбок, а вперед, на открывающего. Зачем нужна такая хитрая конструкция, девушка поняла буквально через минуту, когда дверца оказалась открыта, ее сумки были поставлены под сиденье, а на получившемся из сложенной двери импровизированном коврике, на коленях, спиной к карете и лицом к ней, стоял «конфетный» мальчик.

— Госпожа? — и тут же лицо юноши опускается в колени, руки сгибаются в локтях и вытягиваются параллельно телу.

— Ты что, хочешь, чтобы я встала тебе на спину? — искренне

изумилась Айрин.

Голова парня чуть приподнялась от колен, и из-под челки девушку быстро окинули настороженным взглядом.

— Госпожа предпочитает использовать для подъема нечто иное? Мне перевернуться?

— Вообще-то, госпожа предпочитает использовать для подъема лестницу, но, как я понимаю это тут не модно.

Настороженность во взгляде быстро перешла в удивление, удивление сменили искорки смеха, и губы юноши чуть дернулись в попытке сдержать улыбку.

— Простите, госпожа, я забыл, что вы не очень сильны в здешних обычаях. Лестницы тут и правда не в моде, не бойтесь, все будет хорошо, — и, успокоив, снова опустил голову в колени.

Айрин опасливо поставила левую ногу на спину и, не услышав ни криков, ни хруста, уже более смело поставила правую ногу чуть выше. Вдохнув, перешагнула в карету и устроилась там поудобнее.

Встав с колен, юноша закрыл карету, зафиксировал дверцу так, чтобы она не открылась во время езды, и уселся на место кучера. Затем хитро присвистнул и лошади тронулись крупной рысью, почти сразу переходя в галоп. Не прошло и получаса, как впереди показался высокий дом с огромными часами на башне. Все выглядело именно так, как и представлялось по маминым рассказам. Ну, или почти так.

21 вайэба 326 года. Дом Вайнгойртов.

Парень осадил лошадей, и карета остановилась в центре двора, у парадного входа. Спрыгнув на землю, он громко свистнул в два пальца, и, вместо Сивки-Бурки, из дверей высыпалась орава пацанят от девяти до двенадцати лет. Парочка, открыв дверь кареты, подхватила сумки, еще один упал на колени, подставляя свою спину. Юноша тоже опустился на колени, только после этого протянув Айрин руку, помогая ей спуститься.

Откуда-то из-за дома появилась полноватая, пожилая, но очень энергичная женщина:

— С приездом вас, моя госпожа! Я ваша домоуправительница, Хозяйка Сабина. Но вы можете меня звать просто по имени.

«А ведь она же моя тетя! — вдруг зашевелилось что-то в глубине подсознания. — Моя родная тетя, а называет меня госпожой! Как же тут все запущено!»

— Дорогая, вы сильно устали? Давайте я провожу вас в вашу комнату.

Там вы сможете помыться с дороги, переодеться, перекусить чего-нибудь вкусного. А я пока распоряжусь насчет обеда.

И Сабина почти силой подхватив девушку под руку, потащила ее за собой. Привезший Айрин парень сочувственно смотрел ей вслед, старательно покусывая губы и пытаясь спрятать улыбку.

— Вот это ваша комната, госпожа! Раньше она принадлежала вашей матери, и она очень любила ее за этот чудесный вид из окна. Вы, конечно же, уже оценили какие большие у вас владения? Лес, по которому вы ехали, он весь ваш, его посадила еще ваша бабушка вглубь до третьего колена. («Прапрапрабабушка», — мысленно перевела для себя Айрин). Правда, некоторую его часть все же пришлось вырубить под поля, но потом матери вашей бабушки удалось купить пару соседних участков и это помогло сохранить большую часть леса нетронутой. Так что вы теперь одна из самых богатых наследниц в Столице! Ох, вы не представляете, госпожа, как мы с Элессит обрадовались, когда узнали, что у нашей сестры дочка родилась. А то пришлось бы соседние ветви при поиске наследницы затрагивать, троюродное родство... Я-то сама уже стара для вступления в права наследования. Вы располагайтесь, госпожа, осмотритесь. Мы постарались предупредить все ваши желания, но если окажется, что здесь чего-то нет из того, что, по вашему мнению, тут должно бы было быть... Возле вашей комнаты постоянно рядом будет кто-нибудь из мальков, и они с радостью исправят наш недосмотр. Ну, а если вдруг вам захочется поговорить лично со мной, вам всего лишь надо нажать вот на эту красную кнопчку, и я постараюсь как можно скорее здесь появиться, — Сабина нажала на одну из кнопок рядом с дверью, и тут же на браслете у нее на руке загорелось «30 — вызов». — Тридцать — это номер вашей комнаты, госпожа. Еще есть такая же система кнопок в комнате старой госпожи.

Комната и правда была чудесная. Большая и светлая. Встроенный платяной шкаф вдоль стены, большая кровать у окна, три кресла и небольшой журнальный столик в центре — вот и вся мебель. Слева находился вход в ванную комнату, а справа, у окна, зловеще темнела приоткрытая дверь в какую-то кладовую.

— Это комната для индивидуального воспитания семейных рабов, госпожа, таких как Эйри, или наложников. Кого хочется не просто наказать во дворе, а получить от процесса удовольствие. Эйна вы уже видели, он рожден старой госпожой, и если бы родился женщиной... У него очень хорошая мужская линия, четыре поколения подряд закончили Джордан, — в голосе Сабины зазвучала гордость, — и ему даже разрешается одному выезжать в Столицу. Отличный раб, только слишком

уж... Избаловался последнее время. Ведь когда госпоже совсем плохо стало, весь дом только на нем и держался. Я-то все время возле нее сидела... Ой, что же это я вас, госпожа, местными сплетнями загружаю! Вот тут на столе кувшин с соком и ваза с фруктами. Или прикажете подавать обед?

— Нет, спасибо, Сабина. Я просто хотела бы помыться и немного поспать после дороги.

Наконец-то дверь за болтливой тетушкой закрылась. Спать Айрин на самом деле не хотелось, поэтому, освежившись под душем, она начала разбирать сумки и одновременно исследовать содержимое шкафов. Девушка догадывалась, что здесь разбирать сумки — обязанность рабов, но из какого-то подсознательного чувства противоречия решила сделать это самостоятельно.

Когда сумки были разобраны, а их содержимое развешано, расставлено и разложено, Айрин нажала кнопку. Только не красную, а синюю. Как она и предполагала, через минут пять в дверях появился Эйри.

— Госпожа, простите, что я позволил себе задержаться, — проговорил парень, опустившись на колени и еще не полностью восстановив дыхание после бега, — надеюсь...

И тут он испуганно замер при виде разобранных сумок, широко раскрыв глаза.

— Хорошо, я тебя прощаю.

— Неужели я так долго бежал, госпожа, что вы успели все сами разобрать? — Взгляд парня переходил с сумок на Айрин и обратно, на сумки.

— Нет, я разобрала их до того, как вызвала тебя...

— Госпожа, пожалуйста, не делайте так больше, умоляю! Если Хозяйка Сабина узнает...

— То что? Я не имею права вести себя в своем доме так, как мне хочется?

— Что вы, госпожа!.. Простите, что посмел...

— Все, забыли. Я еще не привыкла к местной манере общения, так что, будь добр, расслабься и сядь, — показывая рукой на одно из кресел. — Мне надо с тобой поговорить.

— Госпожа? — в голосе парня зазвучали испуг и изумление.

В голосе Айрин — усталость:

— Какие мировые проблемы возникнут, если ты сядешь в это кресло?

— Не сердитесь, госпожа, но раб должен либо просто стоять, либо

стоять на коленях, когда с ним собирается говорить госпожа, но никак не сидеть на кресле.

— А я хочу, чтобы ты сел на кресло!

В глазах у Эйнри появилась тоскливая обреченность. Процесс внутренней борьбы между желанием выполнить волю своей госпожи и нарушением правил поведения, можно сказать впитанных с молоком матери, грозил несколько затянуться, потому что верного решения из сложившейся ситуации не наблюдалось.

— Прости, наверное, у меня от нервного напряжения дурь пошла. Конечно, это мне придется подстраиваться под ваши нормы, морали и правила, а не вам. Сядь на ковер, поудобнее, но так, как тебе можно сидеть перед госпожой.

Вздых облегчения, наверное, услышали даже рабы в коридоре.

— А теперь наконец давай спокойно поговорим. Еще на корабле мне стало понятно, что стиль моего обращения с мужчинами — это шокирующий рубец на теле местного общества. Сейчас мне пришлось осознать это с новой силой. Но у меня никогда раньше не было рабов, надеюсь, ты это понимаешь? Я выросла в мире, где женщины и мужчины равны в правах, и мне тяжело... Хотя мужчинам нашего мира в вашем государстве должно быть совсем тоскливо, но они сюда и не рвутся. А я сюда рвалась, рвалась как в замечательную сказку. Но в этой сказке живут по непривычным для меня правилам, выполнять многие из которых я не готова. Просто не готова! Это как для тебя... Подойти и избить коня или собаку, просто так, потому что у тебя плохое настроение... Понимаешь? Конечно, я очень рассчитываю на помощь Сабины, но мне бы хотелось рассчитывать и на твою помощь тоже.

— Госпожа, простите, но я... Мне не совсем понятно, что вы хотите от меня? Я готов выполнять все, что вы пожелаете, но я очень смутно представляю, что же именно вы желаете!

Эйн всем своим видом изображал одно большое раскаяние, хотя было видно, как он напряжен и озадачен.

— Понимаешь, я не хочу и не могу просто использовать рабов, как вещи, но и не хочу создавать подобными своими капризами проблемы для вас и причины для сплетен у соседок... К тому же мне очень не хотелось спровоцировать наказание какого-нибудь раба без моего на это желания, как это произошло с тобой в начале нашего разговора. Ведь, по сути, я должна была тебя наказать либо за невыполнение моего приказа, либо за нарушения правил поведения раба, верно?

— Да, госпожа. Госпожа будет добра и накажет меня отдельно от

других рабов?

— Ты вообще слушаешь то, что я тебе говорю или нет?! Ты же понимаешь, что такое произошло именно потому, что я не умею с вами правильно общаться?! А совсем не потому, что мне этого хотелось!

— Не сердитесь, госпожа! На самом деле я очень понятливый, — и на лице парня наконец-то появилась легкая улыбка. — Со следующей недели к вам будет приезжать учитель из «Лагеря для госпож», чтобы вы через полгода смогли сдать большую часть экзаменов экстерном. Вот в процессе активного обучения у вас и начнет появляться много вопросов. Я с радостью отвечу вам на них с точки зрения раба, но только если вы собираетесь и наказание рассматривать с этой точки зрения, мы тут все избалуемся.

Говоря все это, Эйри с личиком невинного ангелочка внимательно изучал взглядом потолок.

— Не получится. Не успеете — войду во вкус, и вы все взвоете от моей жестокости. Ладно, можешь идти заниматься своими делами. И передай Сабине, что я передумала насчет обеда.

— Слушаюсь, госпожа!

Эйн, упав на колени, поцеловал кончик ее туфли и быстрой молнией исчез за дверью.

А девушка очень сильно заинтересовалась: «Если это избалованный раб, то какие же тогда не избалованные?!»

* * *

Не прошло и десяти минут, как в комнату вошла Сабина, а за ней следом пятеро рабов с подносами, на которых находилось огромное количество тарелок.

Парни поставили подносы на стол, приняли коленно-локтевую позу, и Сабина начала их «накрывать». Раб, на спине которого были первые блюда, аккуратно подполз к ногам Айрин, держа в зубах ложку.

— Сабина, сервировка, конечно, оригинальна, но вообще-то я привыкла есть за столом...

— Простите, госпожа, но это и есть стол. Вернее, столы. Это такой метод наказания и прежнюю госпожу он очень развлекал. Конечно, если госпожа придумает какой-нибудь свой метод обучения...

— Нет, госпожа предпочитает оставить пока все как есть. — В напряженной тишине очень громко прозвучал облегченный вздох одного из

рабов. — Какие еще оригинальные виды наказания приняты в этом доме?

— На самом деле их у нас мало. Плетка, прут, веревка и анфаллос, вот настоящие средства воспитания. А это так, почти профилактика. Вот столы для еды, подставки для ног, доска для глажки белья...

— Ну, это же совсем жестоко! Его же могут обжечь!

— Ну что Вы, госпожа! У нас есть специальные покрывала для таких целей. Раб-стол, подающий горячее, особенно супы, имеет гораздо больше шансов обжечься. Кстати, вы кушайте, пока все не остыло.

Когда все блюда были испробованы, наступило время экскурсии. Сначала Сабина провела новую владелицу по всему дому сверху донизу. Показала, где находится библиотека, где — зал для приема гостей. Дом был красив и огромен. И чувствовалось, что у дома есть хозяин — все дверные петли смазаны, ни одна половица не скрипит, ни пыли, ни грязи... На полах ковры, красивые и яркие так же, как и рисунки на стенах. Поверхностное обследование дома заняло чуть больше часа, после этого настала очередь сада. Сад был тоже выше всяких похвал. Небольшие фонтаны, скамеечки в тени деревьев, маленькие скульптуры детей и животных, клумбы с цветами... От осознания, что все это принадлежит ей, у Айрин захватывало дух и становилось немножко страшновато.

* * *

— А вот уж на озеро я вас, госпожа, не поведу. Лес, поля, озёра — там никто не ориентируется лучше Эйри.

И Сабина набрала какое-то сообщение у себя на браслете.

— Сейчас я передам вас ему из рук в руки, и пойду, займусь воспитанием. Совсем эти лентяи распустились! А ведь знали, что сегодня новая госпожа будет дом смотреть... Надеюсь, госпожа не очень сердится за беспорядок в доме?

— Госпожа не заметила в доме беспорядка. Не переживайте так, Сабина. В доме все блестело и сверкало.

Айрин успокоительно улыбнулась разнервничавшейся тетушке.

— Ну, вот и Эйри... Иди, покажи госпоже местные достопримечательности.

— С удовольствием! — юноша поймал взгляд Айрин, улыбнулся ей, и тут же отвел взгляд в сторону. — Госпожа предпочитает верховые или пешие прогулки?

— Сегодня лучше пешком, лучше недалеко, лучше не надолго. А

верховую прогулку устроим как-нибудь в другой раз.

— Хорошо, госпожа. Как пожелаете, госпожа.

По дороге к озеру парень решил себе позволить идти рядом, правда, при этом низко опустив голову. Периодически он ее поднимал, встречался взглядом с Айрин и тут же опускал взгляд на землю.

— Так и будем идти и молчать? Сколько нам еще?

— Недалеко, госпожа. Когда не знаешь, что говорить, лучше молчать, вдруг скажешь что-нибудь лишнее. А около сада всегда полно ваших родственников...

— И чем тебе не нравится наличие моих родственников? Кстати, они и твои тоже...

— Ну что вы, госпожа! Я просто раб семьи, у меня родственников быть не может. Только госпожа и Хозяйки.

— Все! Достал! — И девушка, слегка размахнувшись, хлопнула брата ладонью сзади. — Мы же с тобой вроде бы вполне мило беседовали меньше часа назад!

— Простите меня, госпожа! — юноша мгновенно упал на колени, и уткнулся головой в ноги Айрин, но потом поднял на нее лучащиеся смехом, соблазненно-манящие, глаза.

— Ладно, прощаю! Вставай. Так почему тебя не устраивает наличие вокруг МОИХ родственников?

— Я же раб, госпожа, а значит, должен вести себя соответственно положению. А так как Хозяйка Сабина очень переживает, что за последнее время она меня слишком избаловала, то теперь за моим поведением строго следят. И при малейшем отклонении от нормы моя задница рискует получить гораздо более серьезные удары, чем тот, который мне отвесила госпожа.

Все это Эйн говорил с улыбкой, но взгляд его был серьезным, скорее даже грустным.

Дальше оставшиеся несколько минут до озера шли молча. Озеро было небольшое, чистое, прозрачное, и в нем плавали небольшие рыбки. Дно озера и берег вокруг были песчаными.

Остановившись у края воды, парень снял с себя рубашку, расстелил ее и вопросительно взглянул на Айрин. Благосклонно кивнув, девушка присела, сняла туфельки и зарыла уставшие ножки в песок. Юноша сел рядом, обхватив колени руками.

— Ну и как вам первый день в роли госпожи?

— Сложно сказать. Наверное, через некоторое время я привыкну. Но от твоей помощи многое зависит — если мне не с кем будет разговаривать

по-человечески!..

— Хозяйка Сабина рассказывала, что вашу мать очень долго обучали вести себя так, как положено настоящей хозяйке дома, но безуспешно. Она очень переживает, что с вами будет так же трудно. И что вы в конце концов тоже сбежите или Совет решит отстранить вас. А главное — Хозяйку можно заменить, но госпожу нам заменить нечем. Вернее, Сабина вычислила один дом, который находится с нашим в троюродном родстве. Но там госпожа явно вам не чета. Ее даже раз штрафовали за жестокое обращение с рабами.

— А почему Сабина переживает, что я могу оказаться плохой госпожой? Как об этом может узнать какой-то там Совет?

— Узнают. Вам ведь придется выезжать на вечеринки, заводить знакомства среди богатых Домов, половина госпожей которых — члены этого «какого-то там» Совета. И вам придется устраивать такие вечеринки самой. Вы бы видели, как на таких встречах обращаются с рабами... С элитными рабами! Вы на меня встать спокойно не могли, чтобы в карету сесть, а ведь вам придется ноги об рабов вытирать. Причем, иногда в буквальном смысле этого слова.

— Я не смогу...

— Госпожа, понимаю, что для непривычного человека все это звучит дико. Но если вы не согласитесь немножко пересмотреть свои взгляды, то нас передадут в руки женщине с богатой, но очень жестокой фантазией. Хозяйка Сабина, та за генетическую линию дома переживает, а я за свою спину. Да и за свою жизнь, если честно, тоже. Хозяйка будет вас обучать, как обращаться с рабами так, чтобы они не избаловались, а я могу показать, как сделать так, чтобы во время наказания вы могли регулировать уровень боли, но чтобы этого никто, кроме раба, не заметил. Договорились?

— Хорошо, давай попробуем. В конце концов, тут мне нравится гораздо больше, чем на родной планете.

— Спасибо, госпожа!

Эйри благодарно улыбнулся, потом встал на колени у ног девушки. Слегка помассировав ей ступни, юноша нежно губами прикоснулся к каждому пальчику, обул свою госпожу, встал сам и протянул руку Айрин.

— Пора идти домой, госпожа.

Всю обратную дорогу они прошли молча. Эйн даже не поднимал глаз и шел ровно на шаг сзади.

После ужина Айрин решила развлечь себя посещением гарема. В конце концов, у нее еще никогда не было возможности выбирать сразу из нескольких десятков мужчин!

Наложники в гареме разделялись на «совсем непригодных», «пригодных» и «используемых». К «совсем непригодным» относились мужчины после сорока, от которых не избавились, а, благодаря прошлым заслугам или личной привязанности какой-либо из женщин, оставили доживать при Доме, в Семье. В категорию «пригодные» входили рабы, которые по всем признакам должны бы вызывать интерес у женщин Дома, особенно у Старшей госпожи, но почему-то этого интереса не вызывали или вызывали, но не часто. Таких обычно либо пытались продать в другой Дом, либо дарили какой-нибудь очень дальней знакомой.

Соотношение «пригодных» и «используемых» говорило о постоянстве госпожи, а общее количество молодых наложников говорило об ее богатстве. Старая госпожа была богата и непостоянна.

Атмосфера в гареме была довольно напряженной. Ведь сейчас могло оказаться, что вчерашние явные любимцы станут никому ненужными и будут проданы или подарены другим господам, а те, кто уже практически ощущал на себе ошейник с ценником, могут перейти в разряд «наиболее употребляемых». Когда Айрин вошла в зал, напряженное ожидание просто витало в воздухе.

Наложники были выстроены вдоль стен зала по степени популярности у прежней госпожи. Самые первые были слишком женственно-смазливые и по тому взгляду, каким их окинула новая хозяйка, они сразу поняли, что их ожидает.

Обойдя вдоль зала несколько раз, Айрин отобрала пятнадцать рабов, чьи внешние данные ее более-менее удовлетворяли.

— Вот эти мне нравятся, а с остальными поступайте так, как посчитаете нужным, мне они неинтересны.

— Хорошо, госпожа. Тогда любимчиков сестры я перешлю в качестве подарка ее лучшим подругам, дам женщинам выбрать себе немного рабов для развлечения, а остальных передам для продажи на рынке.

— Отлично. А тех, кого выбрала я, пришлите ко мне в комнату — я буду делать выбор уже там.

— Слушаюсь, госпожа!

Пятнадцать красивых молодых мужчин, полностью обнаженных, стояли вокруг сидящей на кресле девушки и ожидали, кого же из них она выберет.

У двери в комнату, скрестив ноги, стоял Эйри. Его взгляд был полностью сконцентрирован на большом пальце левой ноги и всем своим видом он выражал полнейшую безучастность и незаинтересованность происходящим. В кресле напротив Айрин сидела Сабина и, наоборот, являла собой олицетворение внимания. Эйр должен был после осуществления выбора увести остальных наложников обратно в гарем, а в обязанности Сабины входило приготовление выбранного раба к использованию госпожой. Как минимум, правильная фиксация, в зависимости от того, какая часть раба будет использоваться для удовлетворения госпожи.

Наконец выбор был сделан. Счастливчику было лет двадцать пять. Смуглый, светловолосый, зеленоглазый. Единственное, чем он отличался от Эйна, был рост. Наложник был чуть выше, практически под два метра, что для жителя Венги было ростом «чуть выше среднего». А так парней вполне можно было бы принять за родных братьев.

— Как госпожа будет использовать раба?

Эйри стоял в дверях и ждал ответа на вопрос, заданный Сабиной, с таким же, а то и с большим напряжением, чем сам избранник. Остальные быстро одевались.

— Я бы предпочла использовать его так, как привыкла. Не уверена, что сегодня мне бы хотелось испытать что-то новое.

— Госпожа будет использовать гениталии раба?

— Да, именно их!

«Интересно, а когда я начну их использовать, Сабина наконец уйдет или останется бдиль за нами?» — ехидно-нервно подумала девушка.

— Хорошо, госпожа. Сейчас я его подготовлю для использования. Эйри, чего ты стоишь, как столб? Забирай остальных и проваливай!

Дверь за парнем захлопнулась чуть громче, чем обычно. Недовольно хмыкнув вслед племяннику, Сабина занялась приготовлениями.

За руки и за ноги раба пристегнули наручниками к спинкам кровати, а тело полностью зафиксировали прочной эластичной веревкой, крепящейся на крючках, выдвигающихся, с небольшим интервалом, по краям кровати. Напоследок ему завязали глаза плоской черной плотной ткани.

— Госпожа, когда будете готовы, прикажите ему возбудиться. После этого наденьте на него «контролер оргазма» и используйте, пока не устанете. Если раб вам понравится, то можете, в качестве поощрения, разрешить ему кончить в вашем присутствии. Правда, тогда будет лучше, если вы расстегнете ему наручники. Ключи от наручников я кладу на стол, вот сюда. Развлекайтесь, госпожа!

«Вот это да! Такого секса у меня еще не было. Интересно, а если я предпочитаю нижнюю позицию? Однако, как он хорошо сложен... Погладить-то мне его можно, надеюсь...» — Размышляя, Айрин нежно провела кончиками пальчиков от запястья вдоль всей левой руки раба, до плеча... То же самое с правой рукой... Потом одновременно, пальчиками обрисовала полукруги вокруг сосков... Все тело раба прогнулось навстречу ее рукам и... капроновая веревка врезалась ему в живот, заставляя лечь спокойно. От сосков девичьи пальчики спускаются под углом все ниже и ниже, обрисовывают полукруг и спускаются по внутренней стороне ног, до колен. Веревка очередной раз укладывает парня на место.

— Ну что, по-моему, пришла пора продемонстрировать своей госпоже, насколько быстро ты умеешь возбуждаться!

Раб умел это делать действительно быстро. Последние минуты он старался, наоборот, дышать ровно и сдерживать себя. А получив разрешение, его орган сразу же принял вертикальное положение. Зрелище для нормальной и сексуально голодной женщины достаточно привлекательное. Член раба слегка покачивался, как бы приглашая приступить наконец к получению удовольствия.

Айрин скинула с себя одежду, чтобы ничто не стесняло ее движения. Усевшись на раба сверху, она начала старательно одевать ему местное подобие презерватива, называемое «контролер оргазма». В отличие от обычных презервативов, резинка «контролера» очень тугая, стягивающая основание члена. Кончить в таком «презервативе» невозможно.

Девушка позволила члену раба войти в себя, сделала несколько пробных движений, определяя наиболее удобный размах и угол скольжения. Тело юноши снова изогнулось вперед, навстречу своей госпоже. Айрин сняла повязку с его лица и наслаждалась гаммой чувств, переполнявших ее партнера. В его взгляде была мольба, немного страха и чуточку предвкушения. Греховный коктейль.

Нужный ритм был быстро найден. Заведя руки за спину, Айрин обхватила ими ноги парня, и в минуту наиболее приятных ощущений проводила по его коже ноготками. В момент наивысшего пика ее ногти до крови впились в раба и прошлись по нему, оставляя на внутренней стороне ног десять тонких дорожек. Юноша уже был возбужден до такой степени, что не чувствовал ничего кроме дикого желания кончить, и, желательно, как можно скорее.

Айрин нежно провела пальчиками у него по лицу, обвела контур губ. Когда сердце стало биться чуть ровнее и сладкое томление в груди отступило, девушка рискнула спуститься с кровати и встать на ноги. Раб

тихо постанывал и изгибался всем телом, просто каждой своей частичкой умоляя позволить и ему выпустить накопленную энергию на волю.

С него даже не понадобилось снимать наручники. Как только «контролер» был снят, тут же наступил оргазм, и длился практически минуту.

Завистливо хмыкнув, Айрин направилась в ванну, чтобы принять душ. Но перед этим она нажала на красную кнопку вызова Сабины. В конце концов, не ей же перестилать испачканное постельное белье?

* * *

Когда юная госпожа вышла, чистая и удовлетворенная, раба на ее кровати уже не было, постельное сияло своей свежестью, в кресле сидела Сабина, на столе лежали две толстые книжки, а рядом со столом, опустив глаза в пол, стоял Эйри.

— Простите, госпожа! Я вел себя вызывающе дерзко, позволив себе хлопнуть дверью вашей комнаты перед уходом, — проговорил он монотонно, смотря при этом в пол.

— Хорошо, прощаю. На самом деле я даже не заметила, что ты хлопнул дверью.

— Ну, уж нет, госпожа! Так вы его вконец избалуете, право слово! — Сабина от возмущения даже привстала с кресла. — Он вел себя дерзко. Даже для раба, которому позволено выражать свои эмоции, он их выразил слишком явно. И если вы сами его не накажите, то это придется сделать мне, как главной управляющей. А так как я не имею привычки наказывать рабов индивидуально, то мне придется высечь его при всех...

— Госпожа, пожалуйста! Накажите меня сами!

Парень упал на колени и в его голосе появились испуганно — просительные интонации.

— Хорошо, я его накажу сама, так как считаю нужным, теперь все довольны?!

— Старая госпожа предпочитала всем видам наказания хорошую порку. Наказывают рабов на рассвете, а ночь он должен простоять пристегнутым к вашей кровати. Ему ведь надо дать время, чтобы подумать над своим поведением и как следует раскаяться, как вы считаете, госпожа?

— Как я считаю? Я считаю, что его не за что наказывать, но с правом выбора у меня ведь очень напряженно? Значит, пусть будет так, как считаете правильным вы.

Довольная Сабина встала около окна. Эйри, встав, подошел к ней и снова был поставлен на колени, спиной к спинке кровати.

— Ползти на коленях надо, избалованный щенок! — и Сабина влепила ему пощечину, со всего размаха. Потом руки юноши она привязала к кровати той же веревкой, которая до этого уже использовалась для фиксации наложника. Эйн позволял делать с собой все, что Сабина считала нужным. Лишь когда его руки были подняты вверх и туго перетянуты, он сильно закусил губу и обреченно вздохнул.

— Я положила на стол учебники старой госпожи, полистайте их в свободное время. Спокойной ночи, госпожа! Приятных сновидений!

Когда дверь за Сабиной закрылась, Айрин подошла и присела рядом с братом.

— Ну и зачем тебе понадобилось хлопать дверью?

— Так получилось, госпожа, — прошептал он, отвернувшись к стене и смотря в пол.

— То есть, на самом деле ты не хотел хлопать дверью?

— Нет, госпожа, не хотел... Я хотел просто тихо уйти в спортивный зал и разнести там все, что можно.

— Неужели ты ревнуешь?!

— Раб? Свою госпожу? О нет... Мне просто горько, обидно и я ничего не понимаю. Но это мои трудности и я не имел права так откровенно демонстрировать свои переживания.

— Что именно ты не понимаешь?

Нежно, за волосы челки, повернув голову юноши к себе.

— Почему госпожа выбрала Сайни?

— Потому что он мой наложник. Раб в моем гареме. Логично?

— Простите меня, госпожа...

— Понятно. Не логично. Хорошо, в каком именно месте случилось расхождение между нашими представлениями о случившемся?

— Простите, госпожа?

— Почему я не имела права выбрать себе раба из гарема и спокойно его использовать?

— Это я не имел права хлопать дверью, госпожа. Простите меня...

— Вот ведь как у тебя по кругу песню... Хорошо, поставим вопрос по-другому. Почему, когда я выбрала этого несчастного наложника, тебе стало обидно?

— Он не несчастный, раз вы его выбрали! — возмущенный взгляд глаза в глаза, и тут же снова парень начал изучать пол. А потом прошептал, с тяжким вздохом:

— Я опять сорвался, госпожа! Простите...

— Повторяю свой вопрос!!!

— Потому что... посмел надеяться... что вы захотите использовать меня... а когда вы пошли выбирать раба в гареме, подумал, что не соответствую вашим вкусам... хотя я обычно хорошо чувствую, когда женщине нравится мое тело... а когда вы выбрали Сайни... я... ничего не понял совсем... но это, конечно, не давало мне права... и вообще это не мое дело, понимать ваше поведение... простите меня...

С каждым словом голос все тише и тише, голова все ниже и ниже. Но на последних словах снова глаза в глаза и во взгляде такая детская обида от непонимания происходящего.

— Так, уже легче... Но песню надо сменить срочно. Я тебя прощаю и совершенно не сержусь за этот хлопок дверью. В конечном счете, ты не бил посуду, не ломал мебель, не кричал грубые слова, а всего лишь чуть сильнее хлопнул дверью, чем положено. При этом ты искренне раскаиваешься в содеянном, правильно?

— Да, госпожа... Обещаю, что подобного больше не повторится и приложу все усилия, чтобы восстановить прежний контроль за своими эмоциями. Я постараюсь... Очень...

— Отлично. А теперь вернемся к нашим баранам. Тебе совершенно правильно казалось, что ты мне нравишься. И Сайни был выбран потому, что очень похож на тебя.

— А почему тогда госпожа просто не выбрала меня? — во взгляде парня появилось искреннее удивление и по-прежнему сохранилось полное непонимание.

— Потому что ты — мой брат.

— А почему госпожа считает, что Сайни ей не брат? Он же сын хозяйки Сабины.

— Ты хочешь сказать, что моя тетушка держала в своем гареме сына своей родной сестры?

— А что в этом такого? Да, его семья, как и мое, нельзя использовать для продолжения рода, но...

— У-у-у... Как у вас тут все запущено! Все, остановись, посиди, подумай о вечном... Мне тоже надо немного подумать. Кстати, а что я должна буду с тобой сделать на рассвете? Мне бы хотелось тебя наказать, если это до сих пор необходимо, до прихода нашей милой тетушки.

— То, что я искренне признал свою вину, не отменяет наказания. Наказание закрепляет чувство раскаяния. В учебниках все это подробно расписано. Старая госпожа мне часто отрывки оттуда зачитывала.

Айрин взяла один из учебников, скинула халатик и залезла под одеяло. Читать и просвещаться. Каждую главу приходилось прочитывать несколько раз, чтобы полностью проникнуться сложностью иерархического древа, всеми жизненными моментами, в которых раб мог быть неправ и системой наказаний за различные проступки. Но сначала она нашла в содержании главу «Стандартные наказания», пункт «Излишнее выражение своих эмоций» и прочла, что рабу в случае подобной провинности полагалось от 15 до 50 обычных по силе ударов.

Периодически девушка не выдерживала и начинала комментировать или уточнять прочитанное, мешая процессу раскаяния. Но читать такое молча было совершенно невозможно. Итоговых мыслей к утру было всего две. Первая и основная: «Как же тут все запущено!». И вторая: «Вот я попала-то!». Но главное — Айрин поняла, что должна справиться. Просто обязана справиться. Потому что любая другая госпожа сделает из ее двоюродного братика даже не отбивную — фарш.

* * *

— Госпожа, уже скоро рассвет, а вы так и не поспали...

— Если бы я уснула, то проспала бы все на свете, особенно приход Сабины.

— Вы не хотите, чтобы она присутствовала при моем наказании?

— Абсолютно не хочу. Вот еще — доставлять ей подобную радость. Сейчас я тебя развяжу, и мы пойдем изучать вон тот уютный темный закуток...

— Простите, госпожа, но вот уютным я бы его не назвал ни за что. Особенно если в нем находятся те же устройства, что и в комнате старой госпожи.

— Сейчас мы их проверим, сейчас мы их сравним... Где же в этой кладовке свет включается?! Ага, спасибо. Выключи обратно. Шучу... Ты прав, тут совсем даже не уютно. Пыточная камера какая-то. А для чего вот это? Ни за что бы не догадалась... А это милое бревнышко с веревками? Даже так? Хорошо. Из всей этой свалки нам нужно только две вещи — что-то типа скамейки и что-то типа плетки. Ага, плетку вижу. Ручка какой-то странной формы... То есть, это действительно фаллоимитатор? Анфаллос, ага. После каждого десятого удара? Нет, давай не сегодня, договорились? У нас намечено всего пятнадцать. Рада, что ты не настаиваешь... Ну, а скамейкой можно наречь это милое бревнышко. Ты считаешь, что тебя

обязательно надо привязывать? Вот и я думаю, что не убежишь ты никуда... Подожди укладываться. Сначала объясни, как этой штукой размахивать надо правильно, чтобы не разорвать твою спину в клочья. Вроде бы прониклась... Но если будет сильно больно... Там написано, что удары должны быть обычной силы. Ну, начнем эксперимент...

* * *

Когда в комнату постучала Сабина, эксперимент над живыми людьми был уже завершен. Эйри даже успел, скрипя зубами, принять душ, дойдя до ванной комнаты с помощью Айрин, но совершив процесс самостоятельно. По оценкам новоявленной истязательницы спина у него выглядела более чем прилично. Особенно после душа и втирания в раны заживляющего масла иши. Ожидались гораздо более серьезные повреждения. Девушка могла собой гордиться: «У меня явно врожденный талант, но слишком усердно его развивать, наверное, не стоит...».

Надо отдать должное Сабине, она не очень сильно расстроилась, когда поняла, что наказание уже было совершено. Для нее было важным лишь то, что наказание действительно состоялось, а в этом нельзя было усомниться. Даже после душа и с учетом сохранения целостности одежды, вид у племянника был явно не цветущий. Тем более, сказывалась бессонная ночь. Однако обязанностей у помощника управительницы было много, и предварительно преклонив колени перед своей госпожой, Эйри отправился их выполнять.

Айрин же решила позволить себе наконец-то вздремнуть, часиков так 5–6, не более того... Потом самостоятельно побродила по дому, пытаясь научиться в нем ориентироваться. А ближе к вечеру, вкусно пообедав, девушка решила совместить доброе дело с приятным, и нажала на синюю кнопку.

Глава 2

22 вайэба 326 года. Дом Вайнгойртов.

— Что угодно госпоже?

— Если ты не сильно загружен домашними делами, то мне было бы угодно с тобой пообщаться.

— Для своей госпожи раб не может быть...

— Я же не самодур какой-нибудь. Если тебе необходимо сделать что-то важное и неотложное — иди и делай. Мое желание интересно пообщаться вполне в состоянии потерпеть. Понятно?

— Да, госпожа. Я уже сделал все важные и неотложные дела, запланированные на сегодня.

— Отлично. Будь добр, сядь на ковер, рядом со мной. Хочешь фруктов? А сока? Ну, если захочешь — бери, не стесняйся. Расскажи мне о себе, о нашем доме, об «Острове»...

— Что именно вам рассказать, госпожа?

— Да все! Начни с рождения. Как у вас все происходит? Где сейчас твой отец? Есть ли у тебя еще братья? Чему учат в Джордане? Мне интересно все-все.

Эйнри, устроившись поудобнее, улыбнулся.

— Сам момент рождения я не помню, но все были страшно разочарованы, это уж точно. Ведь я был третьим ребенком у госпожи, третьим мальчиком. А госпоже было уже много лет и следующих родов она могла не перенести. Хорошо, что она не возненавидела меня, ведь я не оправдал ее ожиданий...

— Но ведь ты был не виноват!

— Конечно. Но во многих других домах такую неудачную попытку просто продали бы куда-нибудь с глаз долой. Меня же отдали в Джордан и даже заплатили вступительный взнос, дающий право выбора дополнительных предметов для обучения. Старших братьев раздали в чужие гаремы пока меня не было, я даже не успел с ними попрощаться. А Сайни не смог поступить в Джордан, и тетушка предпочла оставить его обычным наложником в гареме Дома. Он единственный ребенок хозяйки Сабины, и она его очень любит. Ей было приятно вчера, когда вы...

Эйн закусил губу и ненадолго затих.

— Спокойствие, главное спокойствие! Вот видишь, тетушке приятное

сделали... Радоваться надо. Теперь можешь быть совершенно спокоен — конкурентов в ближайшем будущем у тебя не предвидится. Правда потом мне все-таки придется искать «раба с хорошими генами», а то Сабина мне уже все уши прожужжала.

— Это она будет искать. Вы выбирать из найденного будете, а я стоять и смотреть, как вы выбираете. Знаете, как больно осознавать, что даже если я полностью выложусь и вам не захочется иметь никакого другого раба для удовольствия, кроме меня, все равно появится наложник, который станет занимать положение в доме выше моего... Будет командовать мной...

— У вас такая сложная иерархическая система. И среди женщин, и среди мужчин. Наверное, мне никогда не удастся ее до конца охватить своим разумом.

— На самом деле среди мужчин ничего сложного нет. Мы располагаемся в этой системе по степени родства и предпочтения женщинами дома. Сначала идет отец дочери госпожи или наследной госпожи, если она уже выбрана. Потом помощник Управляющей. Потом любимец госпожи, причем необязательно текущий любовник. Это может быть и любимый сын или племянник. И любимцев может быть несколько. Потом старшие спецы, потом просто спецы и наложники, помощники старших спецов, потом подростки, потом дети... Сейчас главный среди мужчин Дома я, потом старший в гареме, потом Сайни, особенно после того как вы его выделили.

— А твой отец и отец Сайни?

— Это один и тот же человек. После моего рождения его усыпили.

— За что? За то, что ты родился мальчиком? Это же несправедливо!

— Госпожа рискнула использовать его семя два раза и оба раза были рождены мальчики. И Сабина тоже родила мальчика. К тому же ему уже было за тридцать. Если хотя бы Сабина родила девочку, у него был бы шанс остаться доживать в гареме.

— То есть своего отца ты даже не увидел?

— У многих рабов так. Особенно сложно быть клоном, но элитных рабов, слава Матери Всего Сущего, не клонируют.

— А кстати, какие у тебя были отношения с матерью?

— Как у раба с госпожой. Какие же еще? Чуть больше было дозволено, чем всем прочим, чуть менее строго наказывали... Это вы ко мне как-то слишком по-доброму относитесь.

— Тебе не нравится?

— Госпожа, как меняются привязанности женщин мне приходилось наблюдать очень часто. Говорят, что старая госпожа очень была привязана к

моему отцу, но ей это не помешало отдать приказ об его усыплении. Потом у нее часто были избранные наложники... Самое страшное, когда это неопытные мальчишки, сразу после лагеря. Они ведь обычно совсем не готовы к тому, что их могут так легко использовать и выбросить. Им кажется, что их будут баловать вечно. Чем дольше наложник ходит в любимчиках, тем сложнее ему потом осознать свою ненужность и смириться. А у меня вообще здесь очень сложное положение. Мое семя непригодно для большинства женщин этого Дома, но мне уже много лет для того, чтобы я смог завоевать себе достойное место в другом гареме. Да и для того, чтобы долго удерживать ваше внимание, меня тоже может не хватить.

— Что значит, тебе слишком много лет? Ты же мой ровесник, разве нет?

— Мне уже двадцать пять лет. Еще пять лет — и моя стоимость, как наложника, будет равна нулю. Правда, как помощник управительницы дома я могу быть используем гораздо дольше, особенно если читать новые учебники.

— А ты читаешь?

— Конечно. Старая госпожа даже иногда оплачивала мои консультации с преподавателями Джордана.

— Если тебе понадобятся еще консультации, можешь на них рассчитывать. Не думаю, что это слишком дорогое удовольствие, правильно?

— Не слишком, но дорогое. Я прошу о консультациях, когда действительно есть в них необходимость и имеется наличие свободных денег.

— Отлично. Рада, что ты не транжира... — Пальцы девушки уже какое-то время нежно перебирали волосы Эйри, и, наконец, она решилась:

— Разденься.

Расслабившийся от ласки юноша изумленно поднял на нее глаза. Потом едва заметно улыбнулся, приподнялся на колени, развязал запах на рубашке, снял ее и аккуратно сложил. Потом полностью встал, расстегнул и снял брюки, наклонился и положил их сверху на рубашку. После чего сделал несколько шагов назад, выпрямил спину и, заведя руки за голову, спокойно и с интересом посмотрел в глаза Айрин.

Утром она видела его без рубашки, но оценивание происходило в напряженной обстановке. Теперь же у девушки была прекрасная возможность полностью изучить внешние данные своего родственника и, к тому же, сравнить имеющийся экземпляр со вчерашним, уже

использованным. Сегодняшний ей нравился явно больше. Пусть он был чуть ниже, пусть тело было не настолько отточено — совершенно, ведь кроме физических упражнений Эйри приходилось еще заниматься пополнением своих знаний. На самом деле Айрин была уверена, что не всегда излишняя мускулистость есть достоинство. Не полненький, не худосочный, не жилистый, пропорционально сложенный. Стройные длинные ноги, красивые руки, плоский живот, прямая спина. Мышцы есть и именно там где надо, именно той формы, именно той степени накачанности...

Неожиданно захотелось облизнуть губки. И тут же получила дерзкий взгляд из-под челки — парень явно знал, какое впечатление его тело производит на женщин. Было видно, что ему все равно, что с ним собираются делать дальше, просто ему приятно осознавать, что он сумел произвести впечатление и его заводит уже само ожидание последующих действий со стороны госпожи.

* * *

В планах Айрин не было вызова Сабины. О, нет!.. В это красивое тело она будет играть долго и не по вчерашним, банальным, правилам.

В качестве прелюдии поставила раба на колени и завела его руки за голову, сама же села у него за спиной. Легкое соприкосновение тел необходимо, оно должно усилить удовольствие от игры. Поэтому ногами девушка обхватила Эйри за талию, и, взяв найденный в комнате для наказаний тонкий стилет, плавно переходящий в пушистый и нежный букет из перьев, начала чередовать ласковые поглаживания его спины и плеч пером и нежные касания острия. Главное в игре, чтобы эти чередования были бессистемными и предсказать, что же коснется тебя в следующий момент — перо или кинжал — было невозможно. Юноша старался держать спину прямо, только едва заметно вздрагивая, и, если бы не контакт тел, то Айрин вообще могло показаться, что она развлекается со статуей. Девушка почти сразу осознала свою ошибку: Эйри был не обычным наложником, а выпускником Джордана. Его обучали контролю за своим телом, ведь умение не проявлять своих чувств и эмоций без разрешения очень ценилось в элитных рабах.

— Отомри!

— Простите, госпожа?

— Я хочу, чтобы ты полностью расслабился, хочу видеть и слышать,

что ты наслаждаешься происходящим, а не просто терпишь из вежливости!

— Госпожа... Нас учили... Мне будет сложно... Но если вы хотите...

Снова легкое касание спины пером и еле слышный стон удовольствия. Укол кинжала и спина прогнулась. Касание пером и почти неощутимое движение бедер. Укол кинжала и... Стон удовольствия? Касание пером, еще касание пером, еще... Позвоночник изгибается все заметнее, стоны удовольствия все слышнее. Укол кинжалом и тело само снова тянется под еще один укол, еще укол, провести кинжалом по спине, почти до крови... Стон, движение бедер. Айрин чувствовала, что Эйри уже возбужден, однако попыток «нечаянного» соприкосновения члена с ее ногами не было.

Положила «игрушку» на живот, сама села сверху и прошла поцелуями по шее, за ушами, по позвоночнику, по пояснице, вдоль позвоночника до самых ягодиц и потом, аккуратно их раздвинув, лизнула языком от ануса вверх. И этот человек что-то говорил о невозможности расслабиться и открыто показывать свои чувства?! Ха!

— Так нельзя, госпожа, пожалуйста, не надо со мной так!

— Почему? Тебе не нравится?

— Не нравится? О, Матерь Всего Сущего, да я схожу с ума от удовольствия, разве это не заметно? Меня трясет от возбуждения, госпожа! Еще немного и я потеряю контроль полностью! Где-то в глубине подсознания я еще помню, что моя обязанность — доставить удовольствие своей госпоже, и даже помню, что в кармане штанов лежит «контролер», который мне обязательно надо надеть, если что. Но еще пять минут... Нет! Еще минута и я начну тереться членом об пол, чтобы кончить. Матерь Сущего, я никогда не думал...

— Давай переворачивайся на спину.

— У меня вот-вот случится оргазм, госпожа! Я не могу его сдерживать больше...

— Так не сдерживай! Перевернись на спину, я хочу видеть твои глаза, когда ты кончишь.

Его глаза... В них столько обожания, столько наслаждения...

— Мне... Надо... Взять... Член... В руку... Чтобы направить семя... Можно, госпожа?

Девушка аккуратно лизнула языком капельку с члена, обхватила его губами, чуть сжала и... Вкусно. А главное калорийно и питательно. И ради выражения глаз Эйри это можно повторить потом еще. Такое впечатление, что ему никогда минет не делали. Хотя тут все может быть.

— Здесь обычно так рабов не удовлетворяют, да?

— Госпожа, то, что вы сейчас со мной сделали, не уверен, что

испытывал еще хоть кто-то из мужчин Обетованного в последние лет так двести точно. Между мужчинами в гареме такое возможно, но между рабом и госпожой... Если тебя погладили во время использования — это счастье. Позволили кончить в своем присутствии — тоже роскошь не на каждый день. А использовать руку госпожи, чтобы кончить — это самая-самая смелая эротическая фантазия. А вы не рукой, вы... Это нормально везде, кроме Венги, да?

— Да.

Эйри плавно перевернул Айрин под себя, покрыл поцелуями шею, грудь. Чуть сильнее вокруг сосков, сжал их губами, чуть прикусил зубами, потом снова губами, языком по кругу, снова губами, потом в ложбинку и ниже, ниже, мимо пупка и до треугольника каштановых волос. Языком, дразня, по клитору, несколько раз, потом сильнее, настойчивее, глубже. При этом внимательно отслеживая выражение лица, глаз. Какие ласки нравятся. Пробуя, запоминая, экспериментируя. Не зря в Джордане учился, не зря. Причем только губы и язык, руки держат тело над госпожой, руками трогать госпожу нельзя. Это одно из важных правил.

Но девушке это не известно и ей очень хочется почувствовать руки парня на своем теле, везде. И, не выдержав, Айрин берет руку Эйри и гладит ею себе между ног, так чтоб пальцы проскальзывали вовнутрь. Быстрее, еще быстрее. В глазах юноши очередной раз шок, удивление и восторг. Понял правила, и теперь сам... Губами и языком лаская грудь, а рукой в заданном темпе между ног, пальцами перебирая, перекачивая, пощипывая и надавливая. Шок шоком, но к импровизации оказался вполне способен.

— Госпожа! Моя госпожа!!! Госпожа, хотите я надену «контролер» и...? Или моих рук достаточно? Я могу сидя, тогда я буду ваш весь: и руки, и губы, и член. Пока не устанете.

— Поцелуй меня... Нет, в губы... Да, вот так... Боже, ты совсем не умеешь целоваться?

Прижаться к нему крепко-крепко и... Оргазм волна за волной...

— Я не хочу с тобой в этом неправильном презервативе, я хочу почувствовать тебя в себе и ощущать, как ты кончаешь.

— Нет, нет, не-ет! Умоляю, не надо давать мне столько сразу! Я не переживу сразу столько потрясений за одну ночь, меня разорвет от впечатлений, правда! Давайте оставим что-то на потом, если оно будет...

— Ты боишься, что утром я прогоню тебя? Сделаю вид, что ничего не было и все?

— Госпожа, это гаремные правила. Чтобы ни было между нами ночью,

утром я по-прежнему раб, а вы моя госпожа.

— То есть ты будешь каждую ночь думать, что утром сказка закончится?

— Ну уж нет, я буду надеяться, что вы снова вспомните обо мне. Вечером, через неделю, через месяц... Но вести я себя буду так, чтобы никто-никто не догадался ни о моих надеждах, ни о моих чувствах. Ни о моих желаниях...

— Но мне то ты можешь в них признаться? Сейчас, ночью, когда только ты и я...

— О, да! Позвольте мне еще поцеловать вас, пожалуйста...

Часа через два, уставшая и удовлетворенная девушка сладко спала на груди своего Эйпри, который, не смотря на прошлую бессонную ночь, тяжелое утро и трудный вечер, заснуть не мог. Ему хотелось достать луну с неба, собрать любимой ожерелье из звезд, совершить что-то героическое и абсолютно ненужное. Его чувства и желания абсолютно не отличались от чувств и желаний тысяч молодых людей, рядом с которыми спит любимая, единственная, желанная и неповторимая...

... Все же, через некоторое время усталость взяла верх и юноша тоже заснул... Напоследок представив выражение лица Сабины, если она утром зайдет в эту комнату до того, как он из этой комнаты уйдет.

* * *

Эйпри успел исчезнуть до рассвета, промедлив несколько минут на коленях возле кровати девушки и поцеловав ей руку на прощание.

Разум проснулся, снял розовые очки, здраво оценил все, что произошло ночью и застонал.

Да, уж не слишком завидное будущее, надо смотреть правде в глаза. Если привязанность госпожи окажется достаточно сильной, он будет с ней еще несколько лет? Месяцев? Выдержит ли он конкуренции с молодым выпускником Джордана, который скоро появится здесь, чтобы стать отцом следующей ветки наследниц? Как помощник управительницы, скорее всего, сначала он будет предпочтительнее, так как опытнее и знаний у него больше, чем у птенца-выпускника. Спасибо книгам и постоянным консультациям с преподавателями. То есть продать его не продадут. Но держать в доме двух выпускников Джордана и использовать только одного нет никакого смысла. Значит, второго ему отдадут в помощь и, если это не дурак, а дураки Джордан не заканчивают... А через пять лет ему самому

уже будет тридцать...

Сохранить привязанность, как раб для удовольствий? Сейчас госпожа от него совсем без ума. То что было этой ночью... Но детей то он ей дать не сможет, значит, его место в постели госпожи все равно займет новый, более молодой, возможно более красивый. Да без разницы, его место в постели госпожи займет другой! Дыши Эйври, дыши! Глубоко и ровно. Нельзя чтобы кто-то видел, что ты взволнован. Его место в постели госпожи уже сегодня может занять любой другой из оставленных в гареме рабов. И хоть искусай себе все губы в кровь и проткни ногтями ладони до кости, никто не даст тебе гарантий, что сегодняшняя ночь повторится. Да что там, придешь сегодня вечером к госпоже, она тебя свяжет, оденет контролер и использует, как Сайни. И ведь он счастлив! И ты был бы счастлив... Вчера... Если бы она тебя так использовала. А сегодня? Сегодня это будет жестоким разочарованием.

А о чем ты мечтал, когда она махала у тебя под носом плетью с анфаллосом из ручки? Правильно, чтобы она вставила его тебе. А если она вставит его тебе сегодня? После того как предложила кончить в нее без контролера?! Не собрав пол дома женщин и объявив, что решила зачать ребенка, сев на тебя связанного и беспомощного. Нет, наедине... После того как твои руки... Твои пальцы были в ней, плоть к плоти... После того как ее мышцы сжимали твои пальцы во время оргазма... Тля! Как он мог так вляпаться?!

Когда природа требовала свое слишком активно, Эйври наведывался в гарем и пользовал там молоденьких наложников или семейных мальков, мелькающих в доме на каникулах, между занятиями в лагерях. Так же, как раньше пользовали его. Пользовать, вставлять, поиметь по-быстрому, завалить и натянуть. Приличных названий не было. Только старший мог сверху, только старший мог вставить в рот и сказать: «Отсоси, щенок!». Так ведь надо ж еще доверять этому щенку, чтобы вложить ему в рот самое ценное. И о том, что его госпожа проделала с ним такое, причем ей явно нравилось... Ей нравилось! Лучше не думать. Хотя все равно член уже стоит и в голове пусто, хоть беги и ищи кого-нибудь, чтобы снять напряжение и начать думать о работе.

Все о чем мечтал вчера сегодня будет разочарованием. Как теперь жить с этим? Как вообще теперь жить? Работать... Думать... Делать вид, что ничего не было и что он не ревнует ее к каждому парню в гареме и, уже заранее, к будущему отцу ее детей. А! Мать Сущего!!! Как он уже заранее ненавидит этого парня!

Эйври как-то удалось сосредоточиться на делах усадьбы, но поздно.

Сабина была очень наблюдательна, и отметила странное поведение племянника.

— Что с тобой происходит?

— Все нормально, госпожа!

— Смотри мне в глаза, Эйн, и отвечай на вопрос.

— Со мной ничего не происходит, госпожа. Все нормально. Я что-то сделал сегодня не так?

— Нет, ты просто слишком странно себя ведешь. Ты ведешь себя странно с момента появления новой госпожи. Мне не хотелось бы с тобой расставаться, но, похоже, тебя придется кому-то дарить. Твое поведение может отразиться на работе и начать бросаться в глаза посторонним.

— Простите меня, пожалуйста. Умоляю, не надо от меня избавляться, я не создам вам проблем, правда! Я буду тихим, покорным и незаметным...

— Ты-то?!

— Когда появится претендент на роль отца наследниц... Я стану тихим и незаметным. Верьте мне. Мне будет так плохо, что, возможно, я сам начну вас умолять меня подарить кому-нибудь. Только не делайте этого, пожалуйста! Я хочу быть рядом с ней, смотреть на нее, видеть ее хоть раз в день... Тетя, я люблю ее!! Надежнее и преданнее меня раба здесь не будет, можете мне поверить.

— Может ты еще и клятву верности ей принесешь? Тогда уж я точно не смогу тебя никому подарить. И усыпить тоже без ее согласия не смогу. Но быть личным рабом это...

— Госпожа Сабина, я вас обожаю!!! Вы самая умная, самая-самая...

Эйнри, от избытка эмоций, упал перед своей тетей на колени и прижался губами к ее туфлям.

Лесть и изъятие полной покорности, такое нехарактерное для племянника, порадовали Сабину и она даже пожалела про себя парня. Это же надо, влюбиться в собственную сестру! Иногда на Венге были достаточно длительные союзы раба и госпожи, особенно если в таком союзе рождались дочери. Однако, тут-то не было никаких шансов. Конечно, мальчишке может повезти и новенький займет место старшего в гареме, но не в сердце Айрин. Все равно, с такой сильной привязанностью, ему придется сдерживать свою ревность постоянно. А то, что племянник смеет ревновать Сабина уже заметила.

— И еще, Эйнри, у нас через две недели большой вечер. Для знакомства нашей госпожи с соседскими. Продумай программу развлечений и сними в борделе Венгсити с десятков мальчиков для гостей.

Бордели Венгсити — кошмар любого раба старше пятнадцати лет. Туда отдают в наказание, иногда на неделю, иногда на месяц. А иногда навсегда. У раба в семейном гареме нет прав, но по сравнению с рабом в общем гареме он купается в роскоши и вседозволенности.

«Недельки» и «месячники» оберегаются по возможности и кормятся регулярно. А еще их не подсаживают на вейжэ. Наркотик возбуждения и покорности. Который, к сожалению, очень быстро затрагивает умственное развитие. После нескольких месяцев постоянного приема такого наркотика раба можно использовать только как безмозглую подстилку. Для вечеринок, когда уже выпито больше чем нужно, такие рабы незаменимы. Возбуждаются в момент и дальше покорно лежат и стонут. Их можно стегать, царапать, кусать, делать все, что хочется. Когда обслуживанием гостей занимаются рабы хозяйки, надо соблюдать определенные правила приличия. Никто в гостях не бьет специально посуду, не режет дорогой ковер и не портит красивого раба. Зато съедают все угощение, выпивают все вино и отрываются на рабах из борделей.

Последние два года в список обязанностей Эйри входило составление для гостей развлекательной программы. Рабы, вино, еда, музыка, танцы... Как же он это все ненавидел! Опять будут лапать и его, и Сайни. Надо будет стоять покорным столбом и терпеть руки у себя на теле и запах вина, и... Стараться не кончить как можно дольше, лучше вообще не кончить. Ловить суровые взгляды Сабины, если хоть на секунду на лице промелькнет тень того, как ему все это неприятно. Следить, чтобы не повредили наложников и обслуживающих спецов, выходить из всех конфликтов с улыбкой покорного подбострастя.

Мать Суцего! И во всем этом кошмаре надо будет оберегать Айрин. Что она выкинет, когда увидит, как его разложат на столе и запихнут руку внутрь, только чтобы вызвать стон боли и удовольствия и сказать соседке: «А мой терпит, хотя Джордан и не заканчивал!». Нет, конечно, можно и не стонать, но ведь тогда придумают что-то еще... Лучше сдаться сразу, если конечно нет прямого приказа терпеть. А уж как себя ведет на таких вечеринках Сайни, и... Вот ведь мать!!! Госпожа же приказала продать Хенгета и Майринэ.

Эйри влетел в гарем ураганом, убедился, что рабы еще не отданы на рынок, выдохнул. Нашел Сабину, объяснил ей, что приличных вечеринок без этих двух рабов им не видать, и что, наоборот, надо закупить еще

несколько совсем «нижних», лучше всего разного типажа, потому что теперь им придется устраивать праздники в большом количестве.

Сабина явно была рада, что племянник снова включился в реальную жизнь. С того момента, как Эйфри появился в доме после окончания Джордана, она медленно перекладывала на его плечи почти все обязанности управительницы. И спроси ее сейчас, что конкретно она делает в усадьбе, кроме переписки с родственниками и сбора свежих сплетен у соседей, она и не скажет вот так вот сразу. Хотя нет, теперь она занимается воспитанием молодой госпожи. Это очень-очень утомительно. И она так устает, что ни на что другое у нее просто нет сил.

Теперь вот еще надо отменить приказ о продаже двух рабов и съездить на рынок за новыми. Завтра. Рано утром. И весь жаркий день толкаться среди толпы на рынке, ища полностью покорных игрушек для начала вечеринки. А потом тащиться в бордель и отбирать подстилки для веселой оргии в конце вечера... Оно ей надо? У нее племянник есть. Вот он пусть и едет.

Когда Эйфри понял, что вместо не самой приятной, но все же привычной поездки в бордель, ему предлагается еще и самолично отобрать на рынке и купить рабов в гарем госпожи, кроме как тихо материться и постоянно поминать Матерь Всего Сущего ему уже ничего не хотелось.

День сегодня что-то не самый удачный. Очевидно в качестве уравниливания ночи. Кстати о ночи... Чем ближе был вечер, тем чаще взгляд Эйфри обращался к своим часам. Но вызова не было. Интересно, чем сейчас занимается госпожа?

* * *

А Айрин, проснувшись и слегка перекусив, стащила несколько книг из библиотеки, дошла до озера и, забыв о времени, погрузилась в чтение. Книги были любовными романами, в одном рассказывалось о любви девушки-военнослужащей к молодой и прекрасной художнице. У которой была своя мастерская, и пятеро рабов-спецов. Одного из которых она использовала как наложника. И даже позволяла ему ласкать самого себя в ее присутствии. Это здесь было одним из признаков наивысшего расположения. Ну, еще можно младшего раба из гарема позвать и смотреть. Как твой любовник при тебе другого парня имеет. Тоже шик и расположение. Вуайеризм по полной программе. В конечном итоге художница поняла, что военная ее любит безумно и в постели она

удовольствие доставляет больше. И только у них все в шоколаде стало, как военную вызвали родственники, чтобы она выполнила свои обязательства перед семьей. Породнилась с каким-то там важным домом, выбрав из трех сыновей кандидата в отцы своих детей. Ну и родила, само собой, наследницу. А это все заварушка длительностью на год, а то и больше. Выбор, процесс оплодотворения (судя по описанию именно Процесс с большой буквы П, а не просто так), потом беременность, роды, какое-то время при ребенке, потом долгожданная свобода.

И вот шоколад у них за этот год весь и растаял. У военной выиграли старые чувства к кухне. Она потом ей оставила дочку, а сама отправилась бороздить просторы вселенной и завоевывать новые колонии. А художница пошла на рынок и увидела там прекрасного наложника, купила его и он ее удовлетворял и так, и эдак, и вот так. И потом еще ее предыдущим любовником увлекся и того оприходовал во всех позах.

Второй роман Айрин вдумчиво читать не стала, так, пролистала только. Там две девушки в итоге все-таки стали жить вместе и по очереди пользоваться обученного наложника. И обе его использовали, чтобы родить от него девочек.

Короче, пользуйтесь услугами обученных наложников, круче них никого тут нет.

Такое вот понятие шоколада по-венговски. Обученный наложник у Айрин уже был, вот только детей у них быть не могло. Так что у нее пока не шоколад, а так... Какао с молоком.

И кстати, насчет какао, очень кушать хочется. Сколько сейчас времени? Вау! Обед с барабанным боем прошел мимо, уже время ужина. Странно, что ее никто не ищет.

* * *

Сабине, конечно же, доложили, что молодая госпожа сидит у озера с книжкой. И очень увлеченно эту книжку читает. Правда уточнить, что читается не учебник, а любовный роман, не посчитали нужным. На самом деле малек, нашедший госпожу, не сильно-то и приглядывался, что там она читает. Просто убедился, что все хорошо и побежал докладывать Хозяйке.

А потом сидел в кустах с браслетом на руке, чтобы в тот момент, когда госпожа направится в сторону дома, подать Хозяйке сигнал.

Когда стало понятно, что дело движется к ужину, а госпожа по-прежнему увлеченно читает, малек сбегал снова на доклад к Сабине и та

решила самолично вернуть племянницу. Но тут очень удачно мимо проходил Эйри, которому и было поручено привести свою госпожу домой. А Сабина направилась на кухню, распорядиться насчет позднего обеда или раннего ужина.

К тому времени, когда на тропинке появился Эйн, Айрин как раз пролистала второй роман и раздумывала на тему еды. Поэтому, увидев брата, девушка встала ему навстречу.

— Госпожа, Хозяйка Сабина очень переживает, что вы пропустили обед и...

— Как удачно, я тоже об этом переживаю.

— Госпожа позволит мне проводить ее домой?

Голос Эйри был тих и грустен, смотрел он себе под ноги и только руки, сжатые со всей силы в кулаки, выдавали, что покорность эта — только видимость.

— Госпожа позволит... Здесь же нет сейчас никого, почему ты ведешь себя так?

— Как, госпожа?

— Ты все прекрасно понял!

— Простите, госпожа, я не хотел вас оскорбить или расстроить...

Юноша наконец оторвал взгляд от земли и посмотрел прямо глаза в глаза. Потом закусил губу и, встав на колени, прижался лбом к животу своей госпоже. Подняв голову, снова посмотрел ей в глаза и опустил все тело вниз, прижавшись лицом к ногам девушки. Снова поднял голову:

— Когда я вас в первый раз привел на озеро... То без спроса посмел поцеловать их, вы не рассердились, хотя я был готов к наказанию. Сейчас я знаю, что вы не накажете, но мне почему-то хочется спросить разрешения...

— Эйри, ты можешь целовать меня в любой момент, когда посчитаешь возможным. Надеюсь твое чувство самосохранения позволит тебе вести себя так, чтобы не вызвать сердечного приступа у нашей тетушки?

— Да, госпожа, я тоже на это надеюсь. Хотя сегодня это чувство уже меня подвело и Хозяйка предсказала мне мое дальнейшее будущее очень доходчиво.

Говоря это Эйри начал нежно целовать девушке пальчики ног, потом ступни, потом выше, выше...

— И какое же у тебя будущее?

— Понимаете, я завишу от Сабины, потому что стоит ей во мне разочароваться и меня аккуратно уберут с ваших глаз и из этого дома.

— И от меня твоя судьба никак не зависит? Все-таки госпожа в этом доме я?!

— Вы лицо дома, от вас зависит судьба наложников в гареме, вы стихийное наказание и награждение для всех остальных рабов, но, на самом деле, управляет всеми нами Хозяйка Сабина. И если она решит от меня избавиться, она это сделает.

— А с чего бы ей могло прийти в голову избавиться от тебя? В первый день она тебя так нахваливала!

Эйнри как раз поднялся поцелуями чуть выше колен своей госпожи, остановился, вздохнул, и, встав и отряхнув брюки от песка, ответил:

— Мое будущее зависит от того, насколько хорошо я буду выполнять свою работу. А я сегодня первую половину дня был абсолютно не способен думать о чем-то, кроме того, что было этой ночью. И, сдается мне, дальше может быть только хуже. Если бы госпожа согласилась принять мою клятву верности и признала бы меня личным рабом...

— Хорошо, где спрятался подводный камень?

— Простите, госпожа?

— Плюсы у того, что ты становишься моим личным рабом я вижу, расскажи мне про минусы. Они ведь тоже есть?

— Ну... Меня уже нельзя будет продать или подарить, если я вам надоем, меня можно будет только усыпить.

— Хорошо, продолжай.

Эйнри приглашающим жестом махнул в сторону тропинки к дому, и продолжил отвечать, уже идя рядом с Айрин:

— На самом деле это все. Мне ставят клеймо, я приношу вам клятву верности, после этого продолжаю подчиняться, как помощник управляющего, Хозяйке Сабине, но управлять моей судьбой и жизнью она уже не сможет и наказывать меня сможете только вы. А, да, на вечеринках типа той, что скоро будет у нас, я могу участвовать только с вашего разрешения.

— Хорошо, про клятву верности я еще у Сабины спрошу. Мне почему-то кажется, что какой-то подводный камушек ты аккуратно замаскировал. А теперь про вечеринку, и поподробнее.

— Через две недели будет праздничный вечер, чтобы познакомить вас с нашими ближайшими соседями и родственниками. То есть с теми, с кем вам придется общаться чаще всего. Они все очень хорошо знакомы между собой, потому что такие вечера очень любила прежняя госпожа. Устройством этой вечеринки занимаюсь я, так что если у вас есть какие-то пожелания, только прикажите. И, кстати, госпожа, завтра я поеду в город,

закупать рабов для развлечения гостей.

— Ух ты, в Венгсити?

— Да, госпожа.

— Возьмешь меня с собой?

— Не очень уверен, что это хорошая идея, госпожа. Мне надо будет сначала заехать на рынок и выбрать специальных рабов, а потом я поеду в бордель. С радостью показал бы вам Столицу, правда, но лучше потом.

— А зачем ты поедешь в бордель?!

Эйнри принялся объяснять, чем отличаются рабы для «открытия» вечеринки и рабы для ее «закрытия», и почему лучше всего покупать «стержневое мясо», а не призывать приехавших гостей вести себя приличнее. Любопытство — основная часть женской натуры, поэтому, конечно же, Айрин решила завтра составить брату компанию.

— С утра проснемся и сразу поедем, только завтрак все же организуй, голодная я очень злая.

— Хорошо, госпожа. Мы проснемся у вас или мне сегодня не приходиться вечером?

Этот вопрос Эйнри задал буквально под дверью в комнату Айрин, которая тут же открылась и, увидев взгляд Сабины, юноша тут же закрыл лицо руками и упал на колени...

— Что он на этот раз сделал не так, Сабина?!

Голос девушки звенел от еле сдерживаемого раздражения.

— Он? Да это уже просто... Если бы я не знала, что он вырос и воспитан на Венге, подумала бы что это наглец из «континентальных»!

— Простите меня, госпожа! — испуг в голосе Эйна был настоящий, но переживал он больше за то, что разозлил тетюшку.

— Так, Сабина, мне принесли обед? Да? Отлично!! Какие-то особые приготовления для принесения клятвы верности нужны?

Сабина замерла, потом взгляд на племянника из осуждающего превратился в сочувствующий.

— Этот обезумевший раб рискнул предложить вам клятву и вы согласились?

— Сначала я хотела посоветоваться с вами и подумать. Но, после того, как задав ожидаемый мною от него вопрос, он падает на колени и начинает просить прощения, а вы смотрите на него так, как будто его надо убить на месте, я считаю, что думать тут нечего. Хотя сейчас, выдохнув, я готова выслушать ваше мнение. И, если не трудно, перечислите мне плюсы и минусы этой клятвы для раба и госпожи.

— А он вам что ж, ничего не рассказал?

— Рассказал. Но мне кажется, что не все.

— Хорошо, я считаю, что полностью перейдя под ваш контроль Эйври этот самый контроль полностью потеряет, и мне придется искать нового помощника, потому что терпеть его поведение я не готова уже сейчас...

— Он плохо выполняет свою работу и ведет себя с вами не так, как раньше?

— Пока нет, но начнет...

— А если мы разграничим зоны? Как он ведет себя и говорит лично со мной — это наше с ним дело, тем более что мы стараемся так общаться наедине, а на людях соблюдать формальности. А вся остальная его жизнь по-прежнему будет подчинена вам?

— Тогда зачем вам эта его клятва, госпожа? Давайте просто заключим между собой договор и все.

— Эйври? Тебя устроит просто наличие договора между мной и Сабиной?

— Госпожа... Мне было бы спокойнее, если бы на мне было ваше клеймо.

— Хорошо, плюсы и минусы, Сабина, пожалуйста.

— Плюсов для госпожи почти никаких — от раба никак нельзя будет избавиться, только усыпить. Преданнее с клеймом, чем без клейма он не станет. Беспрекословное подчинение должно быть у любого раба, а не только у клейменого. А вот у раба одни плюсы. Больше ни одна женщина не сможет использовать его без личного разрешения госпожи, наказывать его тоже сможет только госпожа, избавиться от него становится сложнее и убрать с глаз долой, когда он вам надоест, можно будет только усыпив.

— Тогда давайте Эйври принесет мне эту клятву, но мы все продолжим делать вид, что все у нас как раньше и он полностью подчиняется вам, Сабина, по работе. И насчет соблюдения всех формальностей вы тоже отслеживаете, как и раньше. Но мы с ним между собой говорим и творим все, что вздумается и никто моего парня на колени одним взглядом не кидает, договорились?

— Госпожа Сабина, клянусь, что знаю свое место! Я уже говорил вам сегодня, поверьте мне, пожалуйста! Заменить помощника управляющей сложнее, чем наложника в постели, но тоже можно. Я не хочу, чтобы меня заменяли. Это мой дом, я в нем вырос, я предан семье, предан вам. И я стараюсь соблюдать все правила, даже с госпожой Айрин. Но наедине это почти невозможно, вы же понимаете?

— Понимаю. Хорошо, договорились. На самом деле заменить этого обнаглевшего щенка сейчас действительно нечем. Так что играйте между

собой во что хотите, только на людях чтобы все было идеально по учебнику! Через две недели вечеринка, вам Эйри уже сообщил? Будет лучше, если вместо того, чтобы самому нарушать правила, он бы озаботился помочь мне подготовить вас, госпожа. И если от ваших отношений начнет страдать его работа, спишу его в гарем и найду замену! А сейчас пойду найду вам клеймо вашей матери. А ты озаботься жаровней, помощничек!

И довольная Сабина удалилась. Довольна она была безмерно, ведь Айрин сделает теперь все возможное, для того чтобы соответствовать и вести себя так, как подобает госпоже. На людях. Потому что иначе ее драгоценному Эйри не выжить. Вывозить мужчин с Венги запрещено, а никакой другой госпоже чужой клейменный раб не нужен. Надо будет только после обряда сообщить ей это попонятнее. А еще теперь можно будет постоянно манипулировать угрозами наказания, благо найти, за что наказывать этого раба проще простого. Он одна сплошная причина для наказания.

Эйн рискнул встать с колен только после ухода Сабины. Виновато посмотрел на Айрин и, тихо буркнув: «Я за жаровней, госпожа», тоже исчез в дверях. Юноша тоже понимал, что этой клятвой дает в руки тетушки кучу козырей против своей госпожи. Но без клятвы Сабина избавится от него сразу же, как только отец наследницы освоится и перетянет на себя все его обязанности. Этот парень, который даже еще не найден, заранее был его головной болью и кошмаром. А личные рабы не участвуют в иерархических разборках, и это очень радовало.

Айрин нашла на столе учебники и принялась искать в содержании описание клятвы верности. Нашла. Прочла. Села и задумалась. Краткое, почти схематичное описание самого процесса и далее перечислены все те же плюсы для раба и минусы для госпожи. Из плюсов для госпожи было только полное беспрекословное подчинение. А еще упоминалась энергетическая связка, устанавливаемая между рабом и госпожой за счет перехода рабом болевого порога. В какой момент происходит этот переход — в книге не уточнялось. В описании обряда ничего похожего не было. Да, процедура клеймения, конечно, неприятна, но для привычных к боли местных парней это не должно было быть чем-то сверхужасным.

В это время, почти одновременно, в комнату зашли Эйри и Сабина.

Эйн притащил жаровню, мешок дров, и начал меланхолично разжигать огонь. А Сабина протянула девушке перстень на стержне: «Ручка не нагревается, госпожа». Брат молча взял клеймо из рук Айрин, посмотрел на рисунок на перстне, хмыкнул и поставил в огонь. Дальше все тихо сидели и

смотрели на языки пламени из жаровни. Эйри иногда вынимал клеймо, смотрел на степень раскаленности и ставил обратно. Наконец уровень раскаленности его удовлетворил:

— Все готово. Можно начинать, госпожа.

— Что я должна буду сделать?

— Приложить клеймо вот сюда, чуть ниже ключицы, желательно не вверх ногами, и держать, пока я буду говорить клятву. При этом позволить мне смотреть вам в глаза, и, пожалуйста, не отводите взгляда до конца обряда, иначе я могу потеряться в боли.

Эйри минуту постоял на коленях, прижавшись лбом к животу девушки, потом снял с себя рубашку и лег на пол.

— Надо раздеться полностью, раб! — , уточнила Сабина.

Парень смущенно отвел глаза:

— Мне почему-то кажется, что это не главное, госпожа Сабина. То, что во время принесения клятвы я от боли потеряю контроль над своим телом...

— Разденься полностью, раб! Так принято. Надеюсь, слова клятвы ты выучил наизусть или мне их зачитывать тебе из учебника?!

— Выучил, госпожа...

Эйри начал снимать штаны, но Айрин остановила его.

— Если ты считаешь, что тебе удобнее будет одетым, я не возражаю.

— Спасибо, госпожа. Но будет лучше, если я выполню пожелание Хозяйки Сабины. Она права, так принято, и я не вправе менять что-то...

Полностью раздевшись, юноша снова лег на пол.

— Умоляю, не отводите глаз, пока все не закончится, хорошо?

— Хорошо, — целуя, прошептала ему в ухо Айрин.

В кресле возмущенно фыркнула, но промолчала Сабина. Потом девушка взяла клеймо, убедилась, что картинка будет расположена правильно и приставила клеймо к коже Эйри. Глаза юноши сразу распахнулись широко-широко, и создалось ощущение, что боль выплескивается из них лавиной. Через несколько секунд Эйн начал говорить слова клятвы. Тихо, медленно, но четко. Текст клятвы был не очень длинным, так что кошмар был недолгим. Но Айрин была уверена, что этот полный боли взгляд будет ей сниться очень долго.

Когда последние слова: «Клянусь Вам в этом, МОЯ госпожа!», были произнесены, Эйри потерял сознание.

— Слабак, — выплюнула презрительно Сабина, — Его отец сознание не потерял, а был младше на год. Хотя от боли тоже кончил и госпожа его потом за это наказала.

— Спокойной ночи, Сабина. Нам с Эйном завтра рано вставать и ехать в город, так что я сейчас приведу его в чувство, и мы ложимся спать.

— Спокойной ночи, госпожа!

* * *

Айрин тихо гладила волосы Эйри, шептала ласковые слова, потом начала целовать его в лицо, в губы, шею...

— Я знал, что это будет больно, но даже не думал, что так... Неудивительно, что от койхиу даже умирают.

— Что еще за койхиу?

— Койхиу, яд, которым пропитано клеймо. Он срабатывает только после сильного нагревания.

— А я-то не понимала, что означают слова про пересечение болевого порога. Теперь понятно. Не понятно только, зачем это должно быть так больно.

— Ну, с учетом того сколько преимуществ у личного раба, сама процедура должна отпугивать как следует, чтобы желающих было меньше. К тому же теперь, говорят, я полностью завишу от вас, а если вы будете долго смотреть мне в глаза, то я испытаю снова ту же боль, что и во время принесения клятвы. Что понимают под зависимостью, не знаю и спросить не у кого, единственный личный раб, про которого я слышал, был мой отец. Так что будем исследовать все вместе, МОЯ госпожа!

После этого Эйри притянул девушку к себе и прижался к ней всем телом, а потом начал целовать, одновременно раздевая.

— Значит, я любимый?

— Да...

— Желанный?

— Да...

— Ненаглядный?

— Да...

— Глупый мальчишка?!

— Тут даже Сабина согласится.

Эйн, наконец, добрался до цели и замолчал, девушке тоже было не до разговоров. Она тихо стонала, вцепившись пальцами в ковер...

Утром оба были невыспавшиеся, но довольные. Завтракать прокрались на кухню. Дом только начинал просыпаться, но на кухне уже возилось два

повара и куча мальчишек на подхвате. Эйри добыл две кружки с местным аналогом кофе, гору печенья, два огромных яйца от местных курочек, ветчины и сыра, миску местных овощей и буханку еще теплого хлеба.

— Ты мой герой!

— Госпожа сама говорила, что голодная она злая. Зачем мне злая госпожа?

Пока завтракали, малышня запрягла в карету лошадей. Правда Айрин уселась рядом с братом, и он взял с нее честное слово перед въездом в город пересесть. Всю дорогу ехали и весело болтали обо всем и ни о чем. Девушка поделилась впечатлениями о прочитанных романах, спросила, что бы почитать про жизнь на Венге, не такого бредового, но жизненного, а не учебники. Эйн начал рассказывать местные истории, потом затих и попросил сестру рассказать про свою жизнь.

При подъезде к городу Айрин выполнила обещание и пересела в карету. Заверив, что во время всего пребывания на рынке и в борделе будет по возможности молчать и строить суровое лицо.

В столице не было многоэтажных домов-муравейников, самые высокие дома были в пять этажей, а большая часть вообще была трехэтажными. Каждый дом окружали, как забор, невысокие, как раз до окон первого этажа, кустарники. За ними были лужайки с травой, а на лужайке или столик со стульями, или огромные качели с навесом, или шатер, или детская площадка, на которой резвились маленькие дети, преимущественно девочки.

— В городе живут в основном женщины-спецы, у которых нет больших семей — пояснил Эйри, — Или представительницы больших семейств, когда деятельность семьи требует наличие такого представителя. Хотя чаще женщины предпочитают отделяться и начинать жить пусть маленькой, но своей отдельной семьей, а с материнским Домом заключать договора.

Рынок находился в центре Столицы, и там каждый день было многолюдно. Рабами торговали ежедневно, лошадей и другой скот выставляли только по выходным, континентальные товары — со дня прибытия торгового корабля, в течение недели, чтобы захватить хоть одни выходные. Товары от местных специалистов выставлялись на рынке один-два дня в неделю, в остальные дни по рынку бродили мальки и отлавливали потенциальных покупателей, чтобы всучить им красочный рекламный буклет с адресом.

Не успев пройти за ворота, Айрин тут же получила в руки два буклета — с рекламой одежды и парфюмерии. Через минуту ей в руки впихнули буклет с рекламой салона красоты. Идущий у нее за спиной Эйн не выдержал и рассмеялся.

— Ты лучше не хихикай, а иди впереди или рядом! А еще лучше возьми меня за руку, а то я тут сейчас потеряюсь и Сабина тебя убьет.

— Мне нельзя впереди идти, госпожа. Давайте руку, пойду рядом, только вы все равно на шаг впереди идите.

— А я знаю, куда идти?!

— Двигайтесь в самый центр, мимо не пройдете. Сегодня не базарный день, но народу все равно должно быть много. В базарный день выставляют самых дорогих рабов, элитных. И устраивают торги. А сегодня продают по указанной цене, хочешь — плати, хочешь — мимо иди.

Рабы на продажу стояли и сидели вдоль стены, прикованные за одну ногу. «Это чтобы не украли», — на немой вопрос сестры пояснил Эйнри. Здесь он позволил себе проявить активность, сам подходил к заинтересовавшему его рабу, задавал вопросы, осматривал внешне. Причем безропотная покорность, с которой ему позволяли все это проделывать, удивляла, и привыкнуть к такому было сложно.

Вот парень из одних мускулов, который явно мог бы уделат ее кузена одним ударом, стоит и терпит, пока тот вертит его за подбородок, пинает в живот, потом сам спускает штаны, дает заценить то, что спереди и разворачивается, чтобы дать заценить то, что сзади. Брат его даже заставил наклониться и ягодицы раздвинуть. Все то же самое было проделано еще с несколькими рабами, и, наконец, довольный Эйнри подошел к ней.

— Выбрал. Сейчас пойду к торговцу. Госпожа не желает кем-нибудь пополнить гарем?

Спросил, а сам аж дышать перестал. Замер и в глаза смотрит. Потом опомнился, взгляд в землю опустил.

— Сабины на тебя нет!

— Это уж точно, госпожа. Жду не дождусь, когда к вам этот хваленый учитель приедет и буду тогда служить на ваших занятиях учебным пособием. Меня можно каждый вечер наказывать и всегда найдется за что. Так как насчет пополнения гарема?

— Что-то мне тут никто не понравился. Надо будет на твоих братьев посмотреть, может меня только родственники возбуждают?

Непочтительно фыркнув, Эйнри пошел выкупать ключи от цепей выбранных рабов. Пятеро совершенно разных внешне, но с одинаково покорным взглядом.

— И как мы их доставим домой? В карету такая толпа не влезет же...

— Госпожа, они побегут пешком, следом. Но нам еще надо посетить бордель. Вы же не будете со мной туда заходить, правда? — и, грустно вздохнув: — Понял. Будете.

Бордель чем-то неуловимым напоминал рынок, только рабы были не пристегнуты к стене, а сидели на полу в большой зале. Эйри не стал бродить и осматривать всех подряд, а сразу позвал одного из охранников и попросил выстроить для просмотра тех, кто сидит на вейжэ уже больше месяца, но еще не полный утиль.

— Стержневое мясо на вечеринку?

— Да.

Таких было человек двадцать. Эйр приказал всем раздеться и был очень удивлен, когда один из рабов не просто кинул одежду в общую свалку, а аккуратно сложил отдельно. Айрин тоже обратила внимание на этого мальчика. Фигурой он напоминал брата, правда была в нем еще какая-то мальчишеская хрупкость. Нет, мышцы у него были. Но это была фигура гимнаста, танцора. И все движения у него были завораживающе плавными, отточенно-красивыми.

— Нет, ты одевайся и отойди.

— Почему?! Почему, пожалуйста! Выбери меня, я умею танцевать, женщинам мои танцы очень нравились, но и для мужчин я тоже могу...

— Ты сам все понимаешь.

— Пожалуйста!!! Я закончил Джордан в прошлом году и весь год ублажал троих старших в гареме. Меня надолго хватает, правда! Я обученный, а не просто подстилка!

В голосе мальчишки зазвучали слезы. Он упал перед Эйри на колени и уткнулся лицом ему в ноги.

— Пожалуйста, заberi меня отсюда, умоляю! Я все-все для тебя делать буду.

Мальчик поднял лицо, в глазах стояли слезы, но заплакать по-настоящему он не посмел. Встав с колен, посмотрел на Айрин, увидел жалость в ее взгляде, покраснел, отвернулся и пошел к своей одежде.

— Эйри, давай заберем его отсюда?

— У нас будут проблемы с Хозяйкой Сабиной, госпожа.

— Ну мы ей скажем, что это было мой каприз, я же имею право на капризы?

— Имеете, госпожа. Но что мы с ним делать будем? Не гостьям же подкладывать?

— Нет, конечно. Мы обсудим все дома. Купи и его тоже. Ты же

предлагал мне пополнить гарем, вот я и пополняю.

— Рабов после борделя в гарем брать нельзя, госпожа. Если, конечно, хотите ему добра. Ребята его поимеют и в рот, и в зад все по очереди и по несколько раз. Такие как он годны только на «мясо» или как рабы рабам.

— То есть, я могу его купить тебе в подарок?

— Госпожа, мне не нужен раб...

— Эйри! Я могу тебе подарить раба? Это будет законно и к этому никто не придерется?

— Да, госпожа. И... Спасибо, мне пригодится в помощь выпускник Джордана. Но нам надо срезать у него с бедра клеймо борделя и поставить на щеке клеймо «раба раба».

— Обязательно надо будет портить лицо?

— Клеймо небольшое и его ставят вот здесь.

Эйри подошел к замершему во время их разговора парнишке, запустив руку ему в волосы, с силой швырнул на колени, резко запрокинул голову, затылком к позвоночнику и другой рукой нежно провел по скуле, остановившись возле уха. Мальчишка, закрыв глаза, явно наслаждался этой мимолетной лаской.

— А теперь давай коротенько, малек, чей ты раб и как ты тут оказался.

— Я не малек...

— Да-а?!

— Хорошо, как скажешь. Как ты пожелаешь. Меня отдали сюда, потому что любимый сын госпожи закончил Джордан в этом году и я стал ей не нужен.

— А почему она просто не продала тебя на рынке? Ты ведь, как прошлогодний выпускник, стоишь уйму денег!

— Меня стерилизовали...

— Зачем?! — вопрос вырвался одновременно и у Эйри, и у Айрин.

— Я — сын второй хозяйки, она зачала меня от любимого раба госпожи, без ее на то согласия. И его пришлось казнить за измену, а госпожа была к нему привязана и расстроилась. И меня стерилизовали перед первым использованием, потому что я сын изменника и потому что похож на отца. Но меня мало отдавали женщинам. Со мной обычно развлекались сыновья госпожи и старшей Хозяйки.

— Но тебя же отдали в Джордан... Это же куча денег!

— Если бы младший сын госпожи не смог закончить, меня бы оставили в семье.

— Мать Сущего! Тебе крупно не повезло, малек...

— Я правильно понимаю, что даже для вашего запущенного кошмара

этот случай не является нормой? — Айрин пребывала в шоке от всей этой истории.

— Да, госпожа. Потратить на обучение раба кучу денег и потом отдать его бесплатно в бордель только в качестве мести — это все же перебор. Сабина порадуеться новой сплетне.

После этого Эйри быстро отобрал десять рабов, позволил им одеться и посадил их в связку на ножную цепь. Своему «мальку» Эйри тоже разрешил надеть штаны, и, кивнув в сторону Айрин: «Держись за госпожой!», повел новых рабов к уже пристегнутым к карете.

— Как тебя на самом деле зовут?

— Вилайди, госпожа...

— И сколько тебе лет?

— Семнадцать, госпожа.

Мальчик шел за ней, опустив глаза в землю. Отвечал еле слышно. И, хотя вопрос про возраст его явно удивил, позволил он себе только почти незаметное движение глаз вверх, на госпожу. Не поднимая головы. Только чтобы убедиться, его серьезно об этом спрашивают, а не хотят на чем-то подловить.

Глядя на него и вспоминая поведение рабов на рынке, девушка начала понимать, что ее Эйри действительно слишком избалован. Наверное, Сабина права и надо заняться его воспитанием. А то увидят эти приглашенные соседки и родственницы, что вытворяет ее личный раб, и ни за что не одобрят ее кандидатуру на Совете.

Обратно Айрин ехала в карете, а Вилайди сидел рядом с Эйри. Остальные рабы бежали гуськом друг за другом.

Встречать их выбежала не только Сабина, но и еще несколько женщин помоложе. Они восхищенно зацокали на новое прибавление в гареме.

— Помыть, покормить, снять пробу и переодеть, — махнула им рукой Сабина.

Рабов из борделя мыть и кормить повели два подростка.

Вилайди замер у кареты и стоял, опустив глаза в землю, практически не дыша.

— А тебе что, особое приглашение нужно?! А ну, быстро беги мыться за остальными, щенок!

— Сабина, вы только не волнуйтесь. Я его купила для Эйри...

Сабина застыла. Вилайди тихо опустился на колени, сжался и закрыл голову руками. Эйри водил носком ботинка по песку и внимательно следил за появляющимися на песке кружочками и палочками.

— Я так понимаю, что вам, госпожа, просто стало жаль мальчишку?

— Да, он красивый, в прошлом году закончил Джордан и значит — умный, умеет танцевать...

— Клеймо поставить не забудьте. И пусть один по мужской половине дома не шастает. И спит пусть или у вас в комнате, или у него. И, надеюсь, Эйри, ты помнишь, что за провинности этого раба наказывать будут тебя?

— Да, госпожа Сабина. Помню. И клеймо обязательно поставим, прямо сейчас на кузницу пойдем.

— Госпожу я сейчас кормить поведу...

— Нет, я с ними схожу. Заодно кузницу посмотрю. А потом мы все у меня в комнате поедим, хорошо? Только за нормальным столом.

— Он — вещь вашего раба, госпожа. Пожалуйста, обращайтесь с ним так, как принято.

— Я не могу есть с ним в одной комнате?

— Вы можете все, он не может. Одного особенного раба нам хватит! — Сабина явно начинала злиться.

— Госпожа, я поставлю ему клеймо в кузнице, потом он у меня помоеется и переоденется, мы поедим на кухне и придем к вам, хорошо? — Эйри умоляюще посмотрел девушке в глаза, тут же отвел взгляд, потом снова посмотрел в глаза, из-под опущенных ресниц, кивнул в сторону так и стоящего на коленях Вилайди. — И ему так будет спокойнее.

— Хорошо, я жду вас в своей комнате.

Юноша, улыбнувшись, склонил голову. Потом подошел к Вилайди со спины, резко за волосы поднял его с колен, так, что мальчишка лег головой ему на плечо. И, почти касаясь уха губами, прошептал: «Пошли, малек, пометим, что ты мой». Мальчик, расслабившись, наслаждался, зажмурившись от удовольствия.

Глава 3

24 вайэба 326 года. Дом Вайнгойртов.

После сытного обеда полагается поспать. Тем более, если ты уснула достаточно поздно, а проснулась на рассвете и в общей сложности проспала от силы часов пять. А привыкла спать в два раза больше. Поэтому пришлось потребовать у Сабины большой кувшин с местным аналогом кофе, тайшу. И, от скуки, не иначе, начать листать учебники. На пятой главе и третьей кружке в дверь к Айрин постучали и зашли ее мальчики. Ее личный раб, и личный раб ее личного раба. Как тут все запущено!!!

Вилайди, не успев зайти, сразу упал на колени и закрыл голову руками. Девушка вопросительно посмотрела на Эйри.

— Он так обязан делать, госпожа. И находится в такой позе, пока мы с вами разговариваем. Если вы, конечно, не позволите ему встать. Вернее не позволите мне разрешить ему встать.

— Пусть он встанет, сейчас же!

Эйн повторил процедуру подъема с колен за волосы и головой на плечо. Прошептал в ухо: «Слышишь, малек, госпожа хочет чтобы ты встал», — и тут же отошел в сторону.

Вилайди остался стоять, опустив взгляд вниз. Мальчишке было немного страшно, а еще больно — свежее клеймо, даже после масла иши, жгло так, что хотелось плакать. Плакать хотелось сегодня целый день. Сначала когда его отвергли, от обиды. Потом, когда все-таки купили, от счастья, что его наконец-то увозят из этого страшного места. А когда ставили тавро раба раба, вид раскаленного железа так близко от глаз ввел просто в шоковый ступор. Владелец, правда, держал его голову, обняв сзади и плотно вжав щекой к себе в плечо, и даже что-то шептал успокаивающее. Но он и так не дернулся бы, не вздрогнул. Наоборот, после того как все закончилось и из бордельного ничтожества он превратился в имущество с вполне конкретным хозяином, этому хозяину пришлось вернуть его в реальность, дернув за волосы на затылке.

— Эйри, вот если я сейчас захочу использовать его как Сайни, мне можно будет это сделать?

— Да, госпожа. Один раз...

— А потом?

— А потом я перережу ему горло.

— Ты такой ревнивый, прямо ужас! Ну хорошо, а если его захочет использовать любая из женщин дома?

— Захочет и использует, так же как и меня могли использовать в любой момент. Спасало только то, что я всегда днем бегал по делам хозяйки Сабины, а вечером прятался у себя в комнате и делал вид, что меня там нет. А если бы жил при гареме, как раньше, то и имели бы меня все, по очереди и вместе.

— А чем тогда положение Вилайди отличается от твоего?

— Малька зовут Вилайди? Красивое имя. А положение его отличается от моего тем, что за него отвечаю я. Если он что-то отчудит, то накажут меня. Его, конечно, тоже слегка отлупят, потом его еще я отлуплю. Но основное наказание достанется мне. И если его парни в гареме поймают и поимеют, то мне можно их поведение как вызов рассматривать, и устроить бойню. За которую меня и еще пару-тройку активных участников опять-таки накажут.

— То есть тебе с ним повезло еще меньше, чем мне с тобой и твоей клятвой верности? — сочувственно съехидничала Айрин.

— Ну да, спасибо за подарочек, госпожа. Отомстили, — улыбнулся Эйри. — На самом деле я несказанно рад, что теперь меня наказывать можете только вы лично.

— А что ты теперь собираешься с этим подарком делать?

Парень плотоядно облизнулся.

— Как что?! Сейчас пойдем ко мне в комнату, растяну его на кровати и...

— Хорошо, идите.

— Вы меня прогоняете?! — Эйр от возмущения аж губу закусил.

— Ты сам сказал...

— Я пошутил, госпожа!

Упав на колени, уткнулся лбом сестре в живот, обнял ее и прижался к ней всем телом, крепко-крепко. Потом поднял глаза вверх:

— Госпожа, его нельзя оставлять одного, особенно первое время. Даже в мою комнату может кто-нибудь зайти и, увидев его, воспользоваться. Не думаю, что это хорошо отразится на его состоянии. А им теперь может воспользоваться даже кухонный мальчишка, потому что только собаки во дворе равны с ним по положению или чуть выше. Он — моя вещь. Бесправный в квадрате.

Девушка задумалась, перебирая волосы брата, прижавшегося к ее животу щекой и почти мурлыкающего от удовольствия.

Вилайди тихо стоял у стены, пытаясь слиться с ней или выдать себя за

элемент интерьера. На безумно длинных пушистых ресницах снова блеснули слезы. Да что же сегодня за день такой?!

Если у брата и сестры светлые волосы отливали золотом, то у Вилайди они были с рыжиной. Не рыжие, а именно с легкой рыжиной. И брови, чуть темнее спадающей густой волной ниже талии гривы, красиво смотрящиеся на смуглом лице. И совсем темные ресницы. И тоненькая полоска светлых волос от пупка вниз. И даже в зелени глаз проскальзывали рыжие капельки. А по щекам — нежная россыпь веснушек.

Из одежды на парнишке по-прежнему были только одни штаны, но явно другие, чистые.

Мальчик почувствовал взгляд Айрин, но глаз не поднял и попытался слиться со стеной еще больше.

— Чего ты боишься, Вилайди? Я тебя не съем! Ты возбуждаешь во мне материнский инстинкт, а не женский.

Губы у парня обиженно вздрогнули.

— Госпожа шутит? Последние четыре года я даже у своей матери никакого другого инстинкта, кроме женского, не вызывал.

— А во мне вот не вызываешь. Ты слишком молоденький еще.

— Я?!

— Госпожа выросла не на Венге, малек, я же тебе говорил, — Эйри повернулся в сторону Вилайди, при этом продолжая щекой прижиматься к Айрин, и ехидно ухмыльнулся: — Так что ты для нее тоже малек.

— Мне кажется, что тебя это должно радовать, — улыбнулась мальчику Айрин, — Или тебе хотелось бы, чтобы я воспринимала тебя по-другому?

— То есть вы не собираетесь меня использовать? Оба? Да?

Вилайди смотрел то на госпожу, то на своего владельца, пытаясь понять. Хороший раб должен понимать своих хозяев, чтобы угодить им. А мальчик был хорошим рабом.

Брат с сестрой задумчиво переглянулись.

— Знаешь, я тут в одной книжке читала...

Эйри хмыкнул, пытаясь сдержать смех, потом не выдержал и рассмеялся.

— В любовном романе, госпожа?!

— Ну да! Так вот там...

— Я не буду иметь малька при вас, даже не просите! — парень вскочил с колен, глаза засверкали зелеными звездами...

— Почему?

— Потому что... При вас это будет неправильно. Ну неправильно, и

все! Как раньше... Как со всеми...

— А ты уже имел мужчину в присутствии женщины?

— В присутствии и одной, и многих женщин. И я имел, и меня...

— А как это происходит? Похоже на то, как я использовала Сайни?

— Ну да... Обычно — да. Когда я был в возрасте малька, госпожа очень любила смотреть, как Сайни берет у меня в рот, а перед самым оргазмом приказывала остановиться и ждала, пока я подавлю возбуждение. Потом все снова. Пока я не сорвусь. Тогда Сайни разрешали взять меня сзади. Иногда наоборот, я доводил Сайни и потом брал его. Просто я контролирую себя лучше, поэтому в меня играть можно было дольше. А одна из младших хозяек любила, чтобы я при ней имел одного из мальков. Он всегда так плакал и умолял его не трогать... Мне его жалко было, сил нет. Но когда я раз рискнул его приласкать перед тем, как... Меня потом высекли, в комнате у госпожи, но в присутствии этого малька. И он больше уже ни о чем не просил, просто лежал и всхлипывал. А потом я стал активно помогать Хозяйке Сабине и она всех от меня разогнала. Сказала, что днем я занят важными делами, а ночью мне надо выспаться. Так что потом госпожа развлекалась или с одним Сайни, или подкладывала под него кого-то из наложников.

— Слушай, а твоя мать только смотрела и все? Или она тебя еще и...

— Иногда использовала. Но редко. Только когда много выпивала, и звала меня тогда именем отца. — Вначале Эйн почти кричал, потом, с каждой фразой, его голос становился все тише и эмоции в нем уже почти исчезли. Но в последней фразе они зазвучали снова — жалость. Жалость к своей матери. — Сайни использовали намного чаще, ему еще и тринадцати не было, когда она его в первый раз взяла.

Какая мысль посетила Айрин первой после всего услышанного? Правильно: «Как все здесь запущено!»

— То есть, ты предлагаешь выдать ему свечку и оставить стоять здесь у стены, пока мы с тобой мило развлекаемся? Или все же отведем его в твою комнату, запрем, а утром ты его выпустишь?

— Я боюсь его одного в своей комнате оставлять, у него был не самый простой период в жизни, — Эйри, встав с колен, подошел к Вилайди вплотную, и, прижав его к себе, обнял и запустил обе руки парнишке в штаны. Юноши были почти одного роста, так что их глаза оказались на одном уровне.

— Смотри мне в глаза, малек, пока я буду проверять, как сильно тебя разработали. И считай вслух. Сколько в тебе сейчас моих пальцев?

— Два...

— Сейчас?

— Четыре... Шесть... Пожалуйста, мне больно... Не надо!

Эйн убрал руки и ушел в ванную комнату, а Вилайди остался стоять у стенки, пытаясь восстановить дыхание. Слез в его глазах не было, было что-то... Было возбуждение, ожидание, предвкушение.

— Тебе нравится, когда он так с тобою обращается?

— Да, госпожа, — мальчик посмотрел на Айрин, взмахнув своими длинными ресницами, и тут же опустил глаза в пол. — Так всегда обращаются с Нижними. Верхний очень ласков со мной...

— Ласков?! — голос девушки зазвенел от возмущения. — Ну хорошо же...

Вышедшего из ванной комнаты парня ожидал неприятный сюрприз.

— Пойдем за мной, любимый, развлечемся вон в той уютной темной комнате. Пока твой малек посидит на ковре и помечтает о том, что ты с ним сделаешь сегодня ночью. После того, как в тебя наиграюсь я. Ласково и нежно, так как тут принято.

Как только дверь в комнату закрылась, Эйн упал на колени: «Госпожа, почему вы разозлись?»

— Почему?! Зачем ты так себя ведешь с ним?!

— Ему это нравится...

— Тебя зафиксировать веревками к кровати, надеть контролер и поймать? Желательно еще с повязкой черной на глазах?! Вам ведь тоже всем такое нравится? Нет?!

— Госпожа, вы вправе использовать меня так, как пожелаете...

— Я тебе не про это! Про то, что пока я тебе не показала, как можно по-другому, ты радовался тому, что есть, правильно?

— Да, госпожа...

— Ну вот и попробуй с ним тоже по-другому! Не сразу все пальцы в задницу, а сначала поцеловать, приласкать, возбудить...

— Да у него и так уже стояло...

— Эйпри, если я тебя сейчас привяжу к кровати и разденусь, у тебя тоже встанет. Но от дополнительных ласк и поцелуев ты же не откажешься?

— Госпожа, я... Я понял. У меня встает, даже когда я о вас думаю... А из него еще вейжэ до конца не выветрился.

— Отлично. Я рада, что ты у меня такой понятливый. А теперь иди, поиграй в свою новую игрушку. Сдается мне, много ему не понадобится, чтобы уснуть на ковре, а тебе придется еще ублажать меня. Иди. Он ждет.

Вилайди и правда ждал. Сидя на ковре, обняв руками колени и

уткнувшись в них лицом. Как только дверь открылась, он тут же поднял голову и настороженно замер.

Эйн подошел к нему, запустив руку в волосы, наклонил голову и, опустившись рядом на колени, другой рукой погладил по волосам, щеке, шее. Заправил прядь волос за ухо.

Парнишка закрыл глаза и старался не дышать, наслаждаясь лаской.

— Прости, малек. Ты мне очень нравишься. Ты красивый, нежный. Только глаза все-таки открой. Я, правда, люблю в глаза смотреть. Тем более мне интересно... С тобой ведь сейчас так в первый раз? Во второй все будет уже по-другому. Спокойнее. А в первый раз столько чувств новых. Я все это сам две ночи назад испытал. Да и вообще глаза у тебя красивые... А еще веснушки эти, — Эйнри провел большими пальцами по щекам мальчишки.

Рукой легонько толкнул паренька, чтобы тот лег на пол. Сам стянул с него штаны. Мальчишка уже был возбужден. Поэтому испуганно посмотрел на своего хозяина: «Ты же не приказывал терпеть...» Но тот лишь ласково погладил его по щеке. Потом провел руками по ключицам, захватил пальцами соски, чуть потянул их на себя, прокрутил между пальцев, взял за самые кончики, сжал и опять потянул на себя. Вилайди застонал и снова попробовал закрыть глаза.

— Играешь в горячо-холодно? — Айрин не выдержала долго в роли простой наблюдательницы.

— Это как, госпожа? — при этом с силой скручивая один сосок и пальцем другой руки нежно гладя второй.

— А вот примерно то, что ты делаешь. С одной стороны грубо, с другой нежно. Потом надо меняться.

— Сторонами? — улыбнулся, и тут же нежная рука начала с силой скручивать, а другой сосок, возбужденно стоящий, почти малиновый начали нежно гладить.

— Да, я вижу ты опытный игрок, — улыбнулась девушка.

Зашла брату за спину и начала целовать его плечи, потом по позвоночнику, вниз, медленно-медленно. А тот лег на Вилайди, и начал ласкать поцелуями его грудь, живот, ниже, ниже... То же медленно-медленно. К тому времени, когда Эйнри достиг финишного стержня, Айрин как раз поцеловала последний позвонок и отошла в сторону.

Вилайди уже давно забыл, как должен себя вести приличный раб, особенно выпускник Джордана. Стонал, выгибался, пытался запустить руки в волосы Эйнри. Правда тут же убрал их, спрятав себе за спину. Но, когда язык хозяина прошелся у него между ног, а хозяйские руки начали

нежно ласкать его яички, Вилайди выгнулся особенно сильно, и сжатыми в кулаки руками застучал по ковру: «Я... Больше не могу... Терпеть! Не могу!!! Пожалуйста!».

— Мне остановиться и дать тебе прийти в себя? — Эйври даже не попытался скрыть ехидства в голосе, после чего, плотно обхватив член мальчишки руками, плавно опустил кольцо из пальцев по стволу, до самого основания. Потом прошелся по открывшейся головке языком, сначала вкруговую, потом лизнул снизу вверх, еще раз вкруговую, языком. Замер.

— Нет! Нет, пожалуйста! Не останавливайся! Пожалуйста!

Усмехнувшись, Эйн начал играть в член Вилайди губами, руками и языком. То сжимая кольцо из пальцев у основания, то лаская языком уздечку и рядом с ней. Чувствуя, что игра почти закончилась, запустил пальцы одной руки в мальчишку сзади, по очереди, один за другим. На четырех Вилайди напрягся, и Эйври просто начал ласкать его внутри, а оставшимся большим пальцем — снаружи. При этом расслабил кольцо пальцев на члене, и парнишка тут же кончил, выгибаясь всем телом. Потом затах, отвернул голову к двери и закрыл глаза, стараясь выровнять дыхание.

Дыхание не восстанавливалось. В голове стучала мысль: «Что это такое только что сейчас было?!». Он был готов, что ему вставят сзади. Даже подстраховался, когда принимал душ — заметил на полке банку со смазкой и впихал в себя приличный такой кусок. Был готов к тому, что ему прикажут отсосать. Он бы не разочаровал, опыта, чтобы угождать мужчинам, у него было достаточно. Но к тому, что будут ласкать его... И как ласкать! И ртом его не ласкали уже давно. Если быть честным, то это вообще было всего один раз. И это было не так... Не так! Неужели ему наконец-то повезло? Почему же опять что-то душит, эмоции рвутся через край, снова хочется плакать... Радоваться надо, неблагодарный раб!

Эйври успел сходить принять душ, вернуться полностью раздетым, упасть на колени перед Айрин и начать целовать ее ноги. И только тогда Вилайди встал с ковра, всхлипнул и убежал в ванную комнату.

— Сходи к нему...

— Он плачет, госпожа. Пусть побудет один. Ему надо прийти в себя, принять душ, успокоиться.

Юноша взял Айрин на руки и перенес на кровать.

— Я вот думаю, госпожа, наверное, меня тоже надо стерилизовать.

— Ненормальный! Зачем?! Слушай, ты же у меня весь из себя элитный, а можно поручить Сабине найти женщину, которая захочет от тебя ребенка, но не будет забирать тебя к себе в гарем?

— Да, конечно. Госпожа, вы... Я был бы рад.

— Странно, что Сабина и твоя мать про это не подумали.

— Госпожа, позволить использовать мое семя для зачатия детей можно только после того, как у вас родится дочь. Потому что если дочь родится от моего семени, а я останусь в вашем доме, то через меня она сможет претендовать на наследование.

— И?! Если у меня не будет дочери, то я буду не против завещать все это богатство твоей. И вообще давай сейчас не будем о детях, мне пока хватает Вилайди. Просто выброси из головы все эти глупые мысли о стерилизации!

— Да, госпожа. Просто так не хочется вылезать за контролером...

В это время дверь в ванную комнату тихо приоткрылась, в угол комнаты мелькнула тень.

— Иех, все равно придется вставать... Эй, малек, лови одеяло с подушкой!

— Спасибо...

Эйнри подошел к мальчишке, присел рядом с ним, накрыл его одеялом, быстрым движением погладил по щеке... Вилайди схватил руку хозяина и прижал ладонью к губам: «Спасибо!»

— Спи, малек!

* * *

Ночью Вилайди снились кошмары. Вернее, ему снились воспоминания. Он метался во сне, стонал, шептал: «Нет! Пожалуйста, не надо! Я же все сделал... За что?! Не надо... Госпожа, не надо! Как больно... Больно! Не надо!»

— Эй, малек! Малек!!

— Вилайди, проснись, малыш, все уже хорошо!

Все и правда хорошо. Рядом двое, забравших его с самого дна, где он жил и держался только на упорстве, на надежде, что он понравится какой-нибудь городской госпоже, чей гарем обычно не очень велик. Он мог за ночь удовлетворить троих, иногда пятерых. Этого должно было хватить.

А теперь у него всего лишь один мужчина, красивый, нежный, добрый. Такого оргазма, как сегодня вечером, он не испытывал никогда. Разве только первые несколько раз, когда его брала госпожа. Унижение, возбуждение и боль сливались в единое нечто, из-за которого ощущения были ярче, сильнее. Потом все слилось в один непрерывный шок. Боль,

унижение, унижение с болью. Оргазм — тоже элемент унижения. А иногда и боли. В зад запихивали все. И руки, и члены, и анфаллосы. И пробками специальными затыкали, чтобы днем ходил и чувствовал в себе. А холодок внутри уретры, когда туда в первый раз вставили стальной стек-фаллос... Его трясло от страха, от боли и от возбуждения. Госпожа сначала вставила стек-фаллос и зафиксировала его на члене, и этот холодок был внутри него, пока его имели сыновья госпожи. Все трое, по очереди. А потом госпожа двигала этим стеклом внутри него, сначала нежно, потом все быстрее и быстрее... Боль была ужасная. Потом, когда его, почти без чувств, принесли в гарем и бросили на пол, кто-то из парней пожалел и влил ему в член масла иши... Когда в следующий раз госпожа снова достала стек-фаллос, он заплакал. Его тогда имели две госпожи, одна анфаллосом в зад, вторая стеклом. Он терпел, не дергался, не стонал... Только слезы текли и текли... Потом он уже не плакал. И с ним перестали играть в эту игру. А скоро он вообще надоел. И это его радовало, потому что удовлетворять всех своих братьев было проще, чем одну госпожу. Кто ж знал, что он надоест ей настолько, что она отдаст его в бордель?

— Прости меня!

— За что, малек?

— За то что... За то что не дал тебе...

— Малек, ты про что вообще? Спи давай, чудо рыжее! А то госпожа нас с тобой двоих из комнаты выставит, и будет права.

Вилайди испуганно посмотрел на Айрин, но она ободряюще ему улыбнулась и мальчик сразу успокоился.

— Простите меня, госпожа!

— Давай ложись к нам с краю, положим Эйри в середину и будет он хранить наш с тобой сон, правильно?

Мальчик замер, потом всхлипнул...

— Нервы у тебя, малек, совсем ни куда не годятся! Давай хватай подушку с одеялом и залезай на кровать, пользуйся добротой госпожи. Я бы тебя так баловать не стал...

— Тогда я лучше рядом с кроватью посплю, если ты против.

— Да ладно, малек, залезай. Я тебе даже позволю себя обнять, — Эйр улыбнулся и подмигнул.

Кровать была достаточно большой, чтобы на ней могли расположиться трое. Вилайди лег на живот и попытался сгруппироваться, чтобы занимать как можно меньше места. Эйри раскинулся на спине, Айрин улеглась рядом, закинув на него руку и ногу. Когда девушка заснула, юноша тихо развернулся на бок.

— Эй, малек! Ты почему не спишь?
— Не спится...
— Боишься, что снова что-нибудь не то приснится?
— Ага. Именно. Не то. Вся моя жизнь до встречи с вами — не то. Так что да, боюсь. Не хочу снова вас разбудить.
— Иди сюда, малек. Я сейчас тебя обниму, и никакой кошмар из прошлого тебе больше не побеспокоит. Да что ты опять сырость разводишь, чудо рыжее?! Спи сейчас же!

25 вайэба 326 года.

Утром Эйри проснулся первым, его ждала работа.
— Малек, эй, малек! Тихо, не вздрагивай ты так! Это всего лишь я. Слушай, у меня к тебе задание огромной важности. У тебя в доме вечеринки часто были? Попробуй объяснить госпоже, что там обычно происходит и как там надо себя вести, ладно? А то из меня чего-то не лезет, как не пытаюсь. Только приготовлюсь, посмотрю на нее и все... Попробуешь? А я тебя вечером поцелую!

Сабина с утра тоже пришла к выводу, что госпожу надо обучить и подготовить. И как можно скорее. Поэтому она выдала Эйри список дел на сегодня, вдобавок к уже запланированным им лично, и пошла будить Айрин.

— Вставайте, госпожа, будем сегодня учить основы этикета и правила поведения.

— Сначала завтрак! И можно Вилайди поест со мной?

— Нет, раз Эйри не позаботился о своей вещи, пусть будет голодный. Вас не должны беспокоить такие мелочи.

— Но ведь об этом никто не узнает...

— И в следующий раз негодный мальчишка снова забудет покормить свою игрушку?! Или щенок этот выкинет что-нибудь...

Вилайди, с той минуты как в комнату вошла Сабина, лежал на коленях, обхватив голову руками. Айрин это жутко злило. Ей очень хотелось, чтобы мальчишка как можно скорее пришел в норму. А если он будет большую часть времени проводить в такой позе...

— Вилайди, встань сейчас же.

Юноша поднял голову, посмотрел на Айрин, потом на Сабину.

— Госпожа правда хочет, чтобы моего Верхнего наказали за мое поведение?

Девушка вопросительно взглянула на Сабину.

— Зверек прав, госпожа. Сначала вы должны были спросить, не против ли я, чтобы он встал. А я против, значит если он встанет, то нарушит правила поведения, и за это мне придется наказать его владельца. Но раз вы приказали ему встать, а он не встал, значит ослушался вашего приказа, так что в любом случае Эйфри сегодня придется наказать. Это не относится к вашим личным взаимоотношениям, так что, по нашему договору, отменить наказание не получится. И если вы продолжите нарушать правила обращения с рабами направо и налево, то могут пострадать и другие. А на вечеринке будут члены Совета, — и Сабина многозначительно замолчала.

— Хорошо, хорошо! Завтракаем и начинаем учиться.

* * *

— Сначала приветствие. Если это равная вам по возрасту госпожа, то вы можете считать ее ровней. Если конечно она не из королевской семьи. Фамильярничать не стоит, но простого поклона головой и «Рада видеть вас в своем доме», будет достаточно. Более старшей госпоже надо поклониться ниже, можно даже присесть в реверансе. Вы ведь умеете делать реверанс? Отлично. Сказать можно что-то типа: «Благодарю, что посетили мой дом!». Управительницы любого возраста чуть ниже вас по положению, можете вести себя с ними, как с ровней.

— А как узнать, Госпожа это или Управительница?

— Вам, представляясь, скажут: «Госпожа такая то», или «Хозяйка такая то». Младших хозяек не представляют, это свита. Так же как и рабы. На них кивают и говорят: «Это со мной». Кстати, если в свите есть рабы, вы можете их пощупать. Это считается хорошим тоном, слегка потискать чужого раба. Это примерно как похвалить наряд. Кстати о наряде. Вечером к вам забегут наши портные и вы с ними обсудите несколько парадных и обычных платьев, брючный костюм, еще что-нибудь по мелочи. На вечеринке комплименты старайтесь делать только посоветовавшись с Эйфри или со мной. Мы вам скажем, кому и как лучше их сказать. Главное, приготовьтесь осматривать хоть одного раба из свит приглашенных. И готовьтесь к тому, что ваших рабов тоже будут тискать. Особенно Эйфри. Мальчишка очень популярен.

— А если я запрещаю ему присутствовать на этом сборище?

— Сами себя накажите. Он привык к таким праздникам, будет все время рядом с вами, в отличии от меня. Всегда сможет помочь советом,

если что. Тем более раз он теперь ваш личный раб, то кроме как потискать, с ним ничего без вашего согласия проделать не смогут. А на остальных старайтесь не обращать внимания, им всем не в первый раз. Когда выведут «мясо», постарайтесь абстрагироваться от происходящего. Уйти и оставить гостей сразу же будет неприлично. Оптимально было бы, если бы вы сами позволили себе расслабиться с кем-нибудь, только не с Эйври. Всем, кого мы хотим сохранить целыми психически и физически, надо будет в определенный момент исчезнуть. Забрав с собой рабов гостей, если это не угощение на вечер.

— А если я не хочу ни с кем расслабляться?

— Тогда найдите себе какую-нибудь молоденькую госпожу и поласкайте ее.

— А если...

— Тогда возьмите зверька своего раба и развлекитесь с ним, только не обижайтесь, когда его у вас потом заберут и пустят по кругу.

— То есть, вариант, когда я не участвую в оргии совсем — не рассматривается?

— Да. Надо хотя бы начать. Стержневое мясо можно иметь по-разному. Для некоторых случаев можно даже не раздеваться. Анфаллос у вас есть в комнате, стек-фаллос я вам принесу. Мальчишки научат вас ими пользоваться. Опять же можно натянуть перчатки и просто насадить раба на руку. Очень будет хорошо, если вы разделите эту игру с кем-нибудь из гостей. Только, умоляю, не вздумайте с рабами миндальничать, или вестись на их стоны и крики и кидаться защищать. Они куплены на одну вечеринку. Если выживут и доживут до следующей — им незапланированно повезет. Кстати, пусть мальчишки поучат вас разным играм. Вот, на зверьке потренируйтесь. Он много игр должен знать, с его-то прошлым.

Вилайди, тихо лежавший на коленях, напрягся, сжался, переплетенные пальцы вжались в руки до белых следов.

— То есть, моя задача правильно поприветствовать, потискать чужих рабов, позволить потискать своих, пережить, пока будут щупать Эйври, потом сидеть, всем улыбаться, говорить только когда вы разрешите, не вздрагивать, что бы с рабами не делали, одновременно развлекаясь со своим. Потом, когда начнется пьяная оргия, не сразу исчезнуть и не видеть этот кошмар, а принять участие хотя бы в начале, используя игры, которым меня должен обучить Вилайди.

— Умница!

— Главное — не дергаться, что бы с рабами не делали. Особенно с несчастными, которых вы зовете «мясом». А к чему мне надо готовиться?

Что с ними будут делать?

— Зверек вам все расскажет. Было бы лучше, если бы они вам это показали. Потому что один раз увидеть, это не то, что много раз услышать. Главное, помните, к ровесницам можете обращаться по имени и на «ты», но к тем, кто старше 30 — только на «вы» и постоянно добавляя «госпожа». К управительницам можно использовать обращение «хозяйка», но в некоторых домах как раз именно они всем и заправляют. Поэтому лучше всех называйте «госпожой», хуже не будет. Потом сами научитесь чувствовать, где хозяйка, а где — скрытая госпожа дома. И, если вы хотите поднять раба с колен, убедитесь, что остальные присутствующие ничего не имеют против, если вы конечно не хотите их оскорбить и это ваш раб. Чужих рабов вообще лучше игнорируйте, даже если они сами к вам будут приставать. Вот если вам сама хозяйка предложит угощаться, тогда надо поблагодарить и использовать. На эту вечеринку многие приведут своих сыновей и племянников. Вдруг вам кто-то понравится. Постарайтесь внимательно отсмотреть их всех, нам предпочтительнее породниться именно с соседями. Только если вас кто-то заинтересует сильнее, чем просто из вежливости, не показывайте этого хозяйке. Скажите мне и я обо всем позабочусь. И, пожалуйста, прочтите учебник как можно скорее, до праздника.

— Послушайте, а вот если мне предлагают раба, который мне не нравится, что тогда?

— Так он и не должен вам нравиться, просто ущипните раба пару раз, заставьте возбудиться, пихните ему в зад... Только, госпожа, не трогайте член руками! Соски ущипнуть или руку в перчатке в зад запихать — это одно, но член руками — это только для избранных.

— Да, Эйри мне объяснял...

— Ну хоть какая-то польза от этого мальчишки!

* * *

Как только Сабина, решив, что на первый раз информации достаточно, удалилась по своим делам, Айрин нажала на синюю кнопку. Эйри материализовался в течение десяти минут.

— Простите, госпожа, был очень далеко...

— Ты с утра завтракал?

— Да, госпожа...

— А вот он, — показывая рукой на продолжающего лежать на коленях

Вилайди, — не завтракал. Ты про него забыл, а мне его покормить Сабина не разрешила. И, кстати, я проделала с ним ту же злую шутку, что и с тобой в начале нашего знакомства. — Айрин виновато потупила глаза.

— Какую шутку, госпожа?

— Я приказала ему встать с колен в присутствии Сабины...

— Он встал?!

— Нет. Спросил, правда ли я хочу, чтобы тебя наказали. Но с колен не встал. Так что наказывать вас придется не за нарушение правил, а за невыполнение моего приказа.

— Вот ведь Матерь Сущего! Уй, простите, госпожа! По количеству ударов лучше бы он встал... Но так хоть перед Хозяйкой выделился. Она его похвалила?

— Ну, можно сказать, что да. Но строго-настрого велела тебя наказать. Сказала, что это выходит за рамки нашего договора.

— Иех... Ладно, малек, прости, что я тебя с едой так подставил, пошли на кухне покормлю. А вечером будем вместе развлекаться в темной комнате. Романтика... Мы можем уйти, госпожа? Только никуда не убегайте, я его сейчас покормлю и вам верну. Пусть он с вами будет, пожалуйста, госпожа?

— Ты же хотел его в помощь к себе пристроить?

— Я и пристрою, обязательно, госпожа. Потихоньку. Когда Хозяйка Сабина на него перестанет реагировать бурно. А то пока он не помогать мне будет, а на коленях целый день отдыхать. Пусть уж он лучше с вами, на коврике... — Эйри умоляюще посмотрел в глаза девушке.

— Не строй жалобную моську, я на такое без смеха смотреть не могу.

— У меня так плохо получается, госпожа? — парень чуть опустил голову и слегка наклонил ее на бок, приподнял брови, встряхнул челку рукой, чтобы она пышной копной упала на лоб, мольбу во взгляде усилил восторженным обожанием. Пальцы рук переплел у себя на животе. Замер.

Айрин не выдержала, рассмеялась. Обняла и поцеловала брата в щеку.

— Хорошо, я присмотрю за твоим пекулием, уговорил! Работай спокойно. Мы, может быть, пойдем на озеро сходим. При мне же к нему никто не пристанет?

— Нет, госпожа. Только не мешайте ему падать на колени при виде любой женщины дома. Правда, вы можете тут же приказать ему встать, не спрашивая согласия, потому что остальные женщины ниже вас по положению. Кроме Хозяйки Сабины. Вот с ней лучше дожидаться пока она скроется из виду.

— Слушай, она сказала, чтобы вы вдвоем научили меня играм с

рабами, в которые можно будет играть на этом съезде дружественного террариума, чтобы у меня культурный шок не случился.

Эйри обреченно вздохнул: «Конечно, госпожа, мы оба полностью в вашем распоряжении».

Приподняв Вилайди за волосы с колен, поцеловал в шею, за ухом, — «Пойдем, малек, я позабочусь о твоём растущем организме».

* * *

Пока мальчики ходили на кухню, Айрин собрала в сумку два учебника, посетила комнату для наказаний и вдумчиво изучила разложенные там по полкам предметы. В прошлый раз она выбирала инструмент для возбуждения, в этот раз ей нужно было что-то, чтобы просто показать заинтересованность, отметить своим вниманием. Через несколько минут девушке стало понятно, без своих мальчиков, самостоятельно, ей тут не разобраться даже с учебниками. Зажимы и пробки явно рассчитаны на длительные забавы, насадки на член тоже. Тетушка советовала анфаллос, но хотелось бы разнообразия. Может, снова взять кинжал?

— Госпожа? Я привел малька обратно... Вы где? Готовитесь к нескучному вечеру?

— Скорее к нескучному празднику. Что-то я здесь не вижу ничего для мимолетных увлечений, все как-то с расчетом на кучу времени. Скажи, мне кажется или этот зажим и правда слишком большой для груди?

— Это зажим для крайней плоти на члене..

— А это?

— Это два кольца, на основание и на головку. Очень больно, кстати, — Эйри смущенно отвел глаза в пол.

— А зажим не больно?

— Неприятно. Но хуже этих колец только стек-фаллос!

— Кстати, а что это за штука? Сабина обещала мне его занести.

— Вот мать... Простите, госпожа. Этот стек вставляют в уретру. Если двигать им аккуратно, то приятно даже. А если быстро и жестко, то потом дня три мочишься и орешь от боли. Даже если маслом иши заливаться утром и вечером.

— Кто с тобой так?..

— Да... Не важно, госпожа. Тут и в доме женщин хватает, и подругам своим меня госпожа иногда отдавала поиграть..

— Ладно, иди работать. Мы с Вилайди на озеро пойдем.

Встав на колени, юноша поцеловал ноги своей госпожи, и быстро вышел.

Вилайди стоял в углу, у стены. При виде Айрин он тоже попытался упасть на колени.

— Не надо. Если мы с тобой одни, то на колени вставать не надо.

— Как пожелает госпожа...

— Мы сейчас пойдем на озеро. Очень постараемся просочиться незаметно, но если что, падай на колени рядом со мной и шепчи, что я должна делать. Чтобы к вечеру ваш с Эйри список наказаний не вырос. Понятно? — девушка ободряюще улыбнулась.

— Как пожелает госпожа, — Вилайди рискнул на секунду оторвать взгляд от пола. На губах промелькнула тень несмелой улыбки.

Айрин подошла ближе к юноше, нежно провела внешней стороной ладони по его щеке, сверху вниз, пальцами до подбородка, чуть надавила снизу, заставляя поднять голову, большим пальцем провела по щеке, от носа к скуле...

— Вам тоже нравятся мои веснушки, госпожа? — теперь Вилайди старался смотреть в сторону и чуть вверх, чтобы точно не пересечься с девушкой взглядом.

— Да, они добавляют к твоей внешности еще больше детскости.

— Усиливают ваш материнский инстинкт? — юноша слабо улыбнулся. Это была быстрая, почти незаметная улыбка. Но все же именно улыбка, а не тень ее, как минуту назад. Отблеск ее мелькнул в зелени глаз. И, наконец (ура! победа!), мальчишка рискнул встретится взглядом с Айрин.

Его глаза открывались все шире и шире, зрачки становились все больше и больше. Наконец не выдержал и отвел глаза в сторону.

— Прежняя госпожа меня бы за такое на ленточки порезала, — Вилайди снова посмотрел девушке в глаза, но буквально на доли секунды, убедиться, что сейчас его никто на ленточки резать не собирается.

* * *

До озера дошли без приключений. Мелькающие в доме и во дворе молодые женщины близко к ним не подходили, лишь посматривали на Вилайди оценивающе-заинтересованно.

— Если бы ты шел с Эйри, они бы подошли к вам?

— Да, конечно, госпожа. Но, надеюсь, использовать прямо во дворе они бы меня не стали, хотя...

— А когда вы ходите на кухню, они тоже все так на тебя смотрят?

— Эйри водит меня по черной лестнице, там только рабы и служанки ходят. Служанки с помощником управляющей связываться не будут. А на кухне меня прячут к поварам, за плиты.

— То есть ты ешь на полу, в углу, за плитами?

— Госпожа...

— Извини, конечно, тебе нельзя есть за столом, у всех на виду. Но надо как-то придумать, чтобы мы могли кормить тебя в моей комнате, например.

— Госпожа, мне все равно придется позволить всем желающим в меня поиграть. Ничего непривычного. И потом, Эйри помешает им играть в меня долго. Когда мы шли вчера в вашу комнату, он дал одной хозяйке меня пощупать, а потом сказал, что нас ждете вы, госпожа.

— Мне не нравится мысль, что тебя будут тискать все, кому не лень.

— Госпожа, но ведь на вечеринке...

— Да, да. Я знаю. Давай не будем о грустном. Пойдем лучше быстрее к озеру.

* * *

Вид озера подействовал на Айрин, как всегда, умиротворяюще. В конце концов ее мальчики выросли на этой планете, воспринимают все происходящее как должное. Почему она должна беспокоиться?

Вилайди обрадовался озеру как ребенок.

— А у нас в поместье озера не было. Был только ручей вдоль границы с соседями. Спасибо, что привели меня сюда, госпожа. Вы позволите мне в нем искупаться?

— Конечно, купайся. А я полежу, почитаю учебники, — девушка обреченно вздохнула.

— Спасибо, госпожа! — Вилайди быстро скинул штаны и гибкой стрелой нырнул в озеро.

Читать учебник, когда в озере резвился такой мальчик, было абсолютно невозможно. Вилайди переплыл на другой берег, вернулся обратно, нырнул и вынырнул уже почти на середине озера. Айрин не выдержала, скинула платье, оставшись только в нижнем белье, медленно зашла в озеро. Водичка бодрила. Вилайди вынырнул рядом с девушкой, и та от неожиданности вздрогнула.

— Простите, госпожа!

— Ни — за — что!!! — Айрин со всей силы провела рукой по воде, подняв кучу брызг. — Бесполезно, ты все равно уже был мокрый. Сейчас я тебе отомщу по-другому!

Девушка запрыгнула на Вилайди со спины и уронила его в воду.

— Госпожа?! Вы не сердитесь?!

— Нет, конечно! Давай наперегонки до другого берега и обратно?

— И вы не накажите моего Верхнего, если я вас обгоню?

— Конечно, нет!

Вилайди обогнал Айрин оба раза, правда совсем чуть-чуть.

Уставшие, они упали на покрывало, которое девушка запасливо принесла с собой.

— Если у вас был только ручей, где ты научился так здорово плавать?

— В Джордане, госпожа. Там огромная река. Мы с ребятами плавали в ней ночами, а еще купали коней и ныряли с их спин. На спор. Кто дальше вынырнет.

— Ты скучаешь по тому времени?

— Тогда я был совсем мальчишка, — в голосе снова появилась тоска.

— Ладно, держи проклятый учебник и читай мне этот кошмар вслух.

* * *

Благодаря настойчивости Вилайди были осилены целых тридцать страниц. Потом они еще раз сплавали на другой берег, устроили бой в воде, с визгом, писком и громкими вскриками. Вилайди даже рискнул поднырнуть под Айрин и утащить ее с собой на дно.

А когда они вынырнули, на берегу стоял злой Эйри.

— Малек, подойди ко мне, быстро!

Швырнул за волосы, мокрого, на колени, в песок. Поймал умоляюще-возбужденный взгляд.

— Давай, малек, плати за вчерашний вечер!

Вилайди, развязал у Эйна запах рубашки, расстегнул штаны, вынул уже возбужденный член. Поцеловал сначала сверху, от основания до самой головки, потом приподнял и опять прошелся поцелуями от яичек вверх. Поднял голову, и, медленно, смотря своему хозяину в глаза, облизал губы — «Ты обещал меня поцеловать, помнишь?». Прошелся по головке языком и резко ударил им в самый кончик, а потом снова облизал всю головку. Наконец обхватил член губами и медленно погрузил его в рот, почти весь.

Эйри тихо стонал, запустив обе руки мальчишке в волосы. Не для

того, чтобы взять его под контроль, а чтобы просто перебирать, иногда сжимая со всей силы.

Сперму мальчишка проглотил с таким лицом, как будто ему достался редкий деликатес. Медленно облизал весь член, поднял голову и снова медленно, провоцирующе медленно облизал губы.

Эйн сдернул с себя рубашку, кинул ее на песок, толкнул Вилайди:

— На живот, малек! Ноги шире! Задницу раскрой!..

— Помнится, кто-то не хотел иметь его при мне, — Айрин понимала, что брат ревнует и злится. Правда, Вил сам его провоцировал, а значит, сейчас получает то, к чему стремился. Но ей не хотелось, чтобы мальчишку изнасиловали у нее на глазах. — Мы с ним просто купались вместе и еще он читал мне вслух учебник, кстати. Так что не ревнуй. Делай с ним что собирался, только успокойся сначала.

— Да, госпожа, простите...

Девушка погладила своего любимого раба, поцеловала его в плечо и села на покрывало, демонстративно уткнувшись в учебник.

Вилайди лежал перед Эйри, широко раздвинув ноги и чуть согнув их в коленях, приподняв бедра вверх, руками со всей силы сжав ягодицы. Поза готовности и подчинения.

— Пожалуйста, возьми меня! Как я могу называть тебя своим Верхним, если ни разу не был под тобой? Мне надо почувствовать тебя в себе, чтобы быть уверенным, что я твой.

— Госпожа права, сейчас не самые удачные время и место, малек. К тому же я еще слишком зол на тебя. И могу сделать тебе больно. Тем более членом по песку, даже через рубашку, не очень приятно, поверь мне.

— Думаешь будет хуже, чем об ковер? — Вил перевернулся и сел, упершись руками за спину.

— Давайте не будем предаваться воспоминаниям, мальчики. Если кому-то необходимо сбросить лишний адреналин, то рекомендую заплыв наперегонки. Представляешь, Эйри, твой малек меня обгоняет, причем постоянно! Отомсти за меня, мой рыцарь!

Парень скинул с себя штаны и обувь, зашел в озеро, обернулся и с тоской посмотрел на Айрин: «Что я вам сделал плохого, госпожа? За что вы решили меня заморозить?»

В это время в воду с разбега нырнул Вилайди, брызги долетели даже до берега.

— Я сейчас утоплю тебя, малек!

— Сначала поймай! Верхний! — звонкий смех мальчишки уже с середины озера.

Первым к другому берегу приплыл, конечно, Вилайди. Но он не стал плыть обратно, а сидя на мелководье дождался хозяина.

— Возьми меня здесь!

— У меня смазка в кармане штанов, малек. А вставлять член по сухому мне в тебя не хочется.

— Ты просто меня не хочешь, правда? Тебе хватает госпожи.

— Малек, мне кажется, или ты ревнуешь?

— Да нет же, мне просто важно, чтобы ты вставил мне, понимаешь? Я хочу тебя. Последний раз я так до дрожи хотел только в Джордане. Ты же помнишь, там с этим строго, тем более он был на два года старше. У меня аж зубы сводило, когда я его видел... Хотел, как безумный. И тебя я сейчас хочу почти так же!

— Встань на колени, малек. А теперь ласкай себя для меня, давай. Начни с сосков, оттяни их, сильнее. Теперь проверни между пальцев. Жестче. Да, вот так. Еще. Оттяни и проверни. А теперь сожми их ногтями, и тяни. Да! А теперь дрочи. Одной рукой. Быстрее. Еще быстрее. А другой продолжай играть с сосками. Левый. Да! Больше скручивай! Да! Теперь правый. Да, да! А теперь встань с колен и подойди ко мне, ближе. Смотри мне в глаза и считай...

— Два. Четыре. Шесть...

— На рекорд не пойдем? Остановимся на шести? Дрочить не забывай! И про соски тоже. Твой — левый, мой — правый. Вот так, да. Умница...

Вилайди выгнулся дугой, сжав ягодицы, тут же попытался их расслабить, потому что пальцы из него никто не вынимал, но новая волна удовольствия снова заставила сжаться. Кончив, он уткнулся лбом в плечо Эйпри, постоял так, стараясь восстановить дыхание.

— Этот оргазм так же прекрасен, как и вчерашний. Спасибо... Но, пожалуйста, возьми меня сегодня вечером, хорошо?

— Сегодня вечером нам будет немного не до этого. Или ты забыл, что нас сегодня будут наказывать?

— Забыл. Прости...

— Не переживай, тут ты не виноват. Сабина просто хотела найти причину, чтобы меня наказать, и нашла ее. Поплыли обратно. Я вообще-то пришел вас обедать позвать. Догоняй, малек!

На этот раз первым к берегу приплыл Эйпри, за что был награжден поцелуем в щеку от своей госпожи.

Обедали по уже привычной схеме. Айрин у себя в комнате, мальчики на кухне. Потом Вилайди вернули.

— Давай, залезай ко мне на кровать, бери этот ужасный учебник и читай мне его вслух дальше. У тебя хорошо получается. Еще немного, и мы победим первый том.

Когда голос Вилайди стал предательски подхрипывать, решили остановиться.

— Это же просто ужас-ужас какой-то! Все эти правила, нормы... Как вы все это помните?

— В нас вбивают это с раннего детства, госпожа. Что-то плеткой, что-то электрошокером. Госпожи учат это тоже с детства. Каждую группу мальчишек из нашего лагеря раз в неделю отвозили в лагерь госпожей, а их привозили к нам, потренироваться. Чем меньше наказаний получил за день, тем выше итоговый балл. А у госпожей задача, наоборот, заметить как можно больше нарушений. Я больше любил ездить к господам в лагерь. На чужой территории сразу напрягаешься и контролируешь каждый вздох. А у себя... Основную часть наказаний мы набирали с утра, еще не проснувшись полностью, и вечером, устав после занятий. Хорошо, что их никогда не оставляли в лагере на ночь. Все-таки до девяти лет нас старались защищать от сексуальных игр. Хотя раз, перед выпуском...

— Вот ведь! Я думала ты о Джордане! А ты о детском лагере... Но девочек же отдают в лагерь с девяти лет, если я не путаю?

— Да, все правильно, госпожа. К нам как раз их привозили где-то с середины первого года и до третьего. А с середины третьего года госпожей начинают возить в Джордан. Правда, уже раз в месяц. Самый сильный ажиотаж перед экзаменами, особенно у нас. Ведь если завалишь — отчислят тут же. А учиться в Джордане весело и интересно. Правда! Столько книг, музыка, танцы... Учитель обучала нас не только специальным танцам для возбуждения. Она разрешала просто танцевать. Для своего удовольствия. И еще обучали играть на всех музыкальных инструментах, правда моих способностей хватило только на сдачу зачета. А вот у Эйри в комнате я видел гитару и флейту, — и Вилайди внимательно взглянул на Айрин, — и это может означать только одно. Он очень хорошо умеет на них играть. Раз ему разрешили их купить.

— Как ты думаешь, почему Эйн мне ничего про себя не рассказывает?

— Он слишком Верхний, госпожа. Ему трудно раскрываться перед вами. А теперь еще я все время рядом.

— Это хорошо, что ты рядом! С тобой здорово...

— Я опять помешал вам, госпожа?! — Эйри тихо зашел в комнату и

услышал последнюю фразу.

— Ты опять ревнуешь...

— О, да! У меня вообще нет повода для этого, госпожа? В первый раз я застал его обнимающимся голым с вами в воде. Сейчас вы лежите рядом с ним на кровати. И говорите, что вам с ним хорошо...

— В воде мы не обнимались, а боролись! А на кровати мы лежим, потому что так удобнее. И, заметь, мы оба одеты!

— Да, это не может не радовать...

— Эйри, я не люблю, когда меня ревнуют! Даже если к этому есть повод. А в случае с Вилайди повода для ревности нет. Мне с ним и правда просто хорошо.

— Не буду вам мешать...

— Стой сейчас же!

— Как пожелаете, госпожа!

— А теперь извинись передо мной, быстро!

— Простите меня, госпожа, я был неправ...

— Нет, не так! С чувством! С раскаянием в голосе! На коленях!!!

На скуле у парня задержалась жилка, желваки заходили, губы дернулись от гнева. И тут же в его глазах промелькнул испуг, сменившийся настоящим раскаянием.

— Госпожа! Простите меня, пожалуйста! Я не понимаю, что со мной происходит! Просто схожу с ума, когда вижу вас... Прекрасно все понимаю... И что надо радоваться тому, что есть. И что вы моя госпожа, а значит можете делать все что хотите. Но когда я вижу вас рядом, у меня как будто мозги выносит, верите?! Вот просто пусто в голове и только страх и злость... Простите меня, пожалуйста!

Эйри отвел глаза в сторону, закусив губу задумался на минуту, потом закрыл глаза... Глубоко вздохнул... И начал медленно раздеваться, смотря в глаза своей госпоже.

— Только не останавливайте меня! Малек сегодня очень просил, чтобы я поимел его, иначе он не понимает своего места. И мне тоже очень необходимо понять мое. Ведь вы обращаетесь со мной как с обычным парнем, континентальным. И поэтому на меня навалились все эти непонятные чувства. Ревность, страх, злость, боязнь потерять... А я всего лишь раб, госпожа! Ваш раб, избалованный, любимый, личный... Но всего лишь раб. И чувств у меня таких быть не может. Я с ними бороться не умею. Теряюсь в них. Мне нужно напомнить себе, кто я такой, госпожа. Мне это очень нужно!

Эйн встал на колени и начал ласкать себя, так же, как совсем недавно

заставлял это делать Вилайди. Только еще злее, оставляя следы ногтей на груди, животе.

— Только не останавливайте меня! Боль отрезвляет, правда!

Айрин схватила юношу за волосы, резко запрокинула его голову к позвоночнику...

— Да! Да, госпожа, пожалуйста!

— Поднимите его, поставьте рядом с собой и возьмите сзади, — подсказал шепотом стоящий за спиной Вилайди. Зрелище ласкающего себя хозяина явно заводило его, дыхание мальчишки уже было прерывистым, но он изо всех сил старался держать себя под контролем.

Айрин сжала пальчиками соски брата, со всей силы, и дернула вверх, так, что тот не смог сдержать стон от боли:

— Вставай! Подойди ко мне! И, пожалуйста, дай мне как-то понять, что тебе хватит боли и я могу остановиться... А теперь считай!

— Два... Четыре... Шесть...

— Эйри, тебе больно, я же вижу... Я чувствую, как тебе больно!

— Нет! Еще! Пожалуйста, еще... Восемь...

Юноша выгнулся, грудью к госпоже, но не делая движений бедрами, наслаждаясь болью и ощущением пальцев Айрин в себе. Еще несколько злых, быстрых скользящих движений по члену и... Оргазм. Такой силы, что устоять на ногах было невозможно и Эйри снова упал на колени... Лицом в пол...

— Я люблю тебя, Эй!

— Я тоже люблю вас, госпожа! — в глазах юноши блеснули слезы.

— Не хочешь принять душ?

— Нет, сейчас не надо... Помните те украшения, в комнате, было бы здорово, если бы вы...

— Сейчас вернусь.

Айрин выбрала два зажима для сосков. Ее рабу явно нравилось испытывать там боль. А анальные пробки... Это пусть мальчишки между собой в них играют.

* * *

Эйри ушел дальше работать. Хотя как можно нормально соотносить после такого, не понятно. Ужин в доме должен был быть через два часа. На эти два часа Айрин с Вилайди снова убежали к озеру. Правда, на этот раз, вернулись домой как раз к ужину. Довольные и уставшие.

После ужина, прошедшего по обычной схеме «мальчики направо, девочки налево», собрались все в комнате у Айрин.

— Знаете, мальчики, после того что было сегодня днем, я как-то слегка нервничаю перед вашим наказанием. Может, ну его?

— Хозяйка Сабина завтра с утра обязательно захочет убедиться. В отношении меня точно, госпожа, можете не сомневаться! Малька можно не наказывать...

— То есть, моего Верхнего сейчас будут наказывать из-за меня, а мне предлагается просто на это смотреть?! И как ты думаешь, что я буду при этом чувствовать?! — Вилайди от возмущения даже глаза отвести в сторону забыл.

— Госпожа, за день общения с вами он сильно изменился. Вчера вечером здесь в углу у стенки стоял совсем другой раб, как вы считаете?

— Я считаю, что действую на вас расслабляюще. И с этим надо что-то делать, срочно. Пока Сабина не впала в панику и не запретила мне подходить к рабам близко. Поэтому давайте, мальчики, снимайте рубашки, оба, и вставайте в очередь. По учебнику вам полагается от тридцати ударов плетью. Останавливаемся на минимуме. Всех все устраивает? Отлично! Кто первый?

— А как же ночь на раскаяние, госпожа? — Эйри явно было не по себе, хотя он и попытался улыбнуться.

— А для особо страждущих пораскаиваться предлагается после наказания поспать ночь на ковре, пока мы с Вилайди будем лежать на кровати и болтать о жизни. Устраивает такой расклад?! Нет? Вот и отлично.

— Первым надо наказывать меня, госпожа. Потому что меня должен наказывать мой Верхний, а не вы, — Вилайди решил вспомнить о приличиях и смотрел в пол.

— Отлично! Начинайте.

Вилайди снял с себя штаны и лег на бревно.

— Тебя надо фиксировать, малек?

— Как хочешь... Я могу терпеть и лежать спокойно. Но и ощущения при связывании мне нравятся, тогда можно сосредоточиться на боли и не следить за телом.

Эйри понимающе кивнул, и закрепил наручниками руки и ноги Вилайди. Вариантов крепления для ног было два — с плотно сжатыми и вытянутыми в длину ногами и с широко раздвинутыми. Для своего малька Эйр выбрал второй вариант, а под бедра ему положил высокий кожаный валик. Так что сзади мальчишка оказался в очень открытом положении. Потом выбрал две плетки, одну с тремя длинными толстыми кожаными

хвостами и вторую, с большим количеством хвостов, но коротких, мягких и тонких.

— Отличный флоггер, — сделав несколько пробных взмахов, парень стеганул сам себя второй плеткой по животу.

Из последних сил старающийся дышать спокойно и ровно, при виде выбранного инструмента Вил чуть не потерял контроль. Сглотнул, закусил губу, не выдержал и сделал непроизвольно движение бедрами вверх, еще больше раскрывая ягодичы.

Девушка притаилась мухой на стекле, предчувствуя занимательное шоу.

Эйнри нежно провел кончиками хвостов флоггера по спине Вилайди, от шеи до упругой задницы. Как будто кисточкой. Мальчишка снова выгнулся бедрами, раскрываясь. Хвосты погладили каждую ягодичу, раскрывшись на них веером. Потом прошлись по открытой нежной коже. Парнишка раскрылся до предела... И тут же именно туда и последовал удар плетью. Отвесив пятнадцать ударов, Эйн сменил плетку, взяв длинную треххвостку. Ею он бил только по спине. Елочкой. Еще пятнадцать ударов. Потом легкими массирующими движениями втер в тело мальчика масло иши. Перевернув флакон, вылил масло тоненькой струйкой на другую пострадавшую часть тела. Выровнял высоту ножек у бревна. И только после этого отстегнул Вилайди.

Мальчишка соскользнул с бревна сразу на колени, поднял голову и с восторгом посмотрел на хозяина.

— Я уже давно не кончал под плеткой, Верхний! Мне уйти, пока будут наказывать тебя или можно остаться?

— Оставайся, малек. Может получится кончить еще раз, — Эйн усмехнулся и начал раздеваться. Плавнo. Зовуще глядя в глаза своей госпоже.

— На такой класс я не способна, так что пойдем уже проверенным путем.

Айрин взяла с полки уже один раз опробованную ее плетъ, дождалась, пока брат ляжет на бревно, и просто выписала ему по спине и заду тридцать ударов. Эйнри молча вытерпел все, потом встал и ушел в душ.

— Ну вот! Ни тебе «спасибо», ни тебе «простите»...

— Спасибо, госпожа! — продекламировал парень, высунув из двери ванной комнаты голову.

Вилайди виновато улыбнулся девушке, потом похромал в сторону кровати. Вопросительно посмотрел на Айрин, уточняя, куда ему ложиться.

В это время из ванной, чуть пошатываясь, вышел Эйн. Опустился

перед сестрой на колени, уткнулся лицом ей в ноги... Удовлетворенно вздохнул. Потом поднял голову: «Госпожа позволит мне на ночь снять зажимы? И... Смажьте мне спину маслом, пожалуйста...».

После того как все расположились на кровати, единогласно было принято решение просто лечь спать. В эту ночь все спали спокойно.

Глава 4

Несколько дней прошли совсем незаметно и буднично-однообразно. С рассветом Эйри уходил по своим управительским делам, предварительно покормив своего малька завтраком. Айрин просыпалась, завтракала, и они вдвоем с Вилайди шли на озеро. Там купались, читали учебник, снова купались, снова читали учебник, просто болтали. Перед обедом к ним присоединялся Эйри. Они купались втроем, возвращались домой, обедали и Эйри опять уходил, а Айрин с Вилайди снова шли купаться и мучить учебник. До ужина.

Когда оба учебника были прочитаны, хитрый Вилайди решил устроить что-то типа проверочного экзамена. Девушка завалила половину вопросов и очень расстроилась. Пришлось начать читать все снова, но уже по другой системе. Прочитали главу и тут же повторили прочитанное. В Вилайди вообще, как выяснилось, жил внутри деспот и тиран, в смысле идеальный учитель. Он не просто настаивал на полном пересказе прочитанного, а еще задавал вопросы, иногда подсказывал правильные ответы и объяснял, почему должно быть именно так.

И только после ужина начиналось разнообразие.

Хотя нет, один раз серые будни были «разнообразжены» после обеда: пришли портные, сняли с Айрин мерки и выбрали вместе с ней кучу платьев из разных каталогов. Вилайди и Эйри приняли в выборе платьев очень активное участие. В итоге девушка пришла к выводу, что когда вся эта одежда будет готова, ей придется поменять шкаф. А еще лучше просто завести отдельную комнату, где будет жить ее новый гардероб.

А так все самое интересное начиналось после ужина.

26 вайэба 326 года. Двенадцать дней до вечеринки.

Вилайди был очень решительно настроен четко обозначить позиции положения Верхнего и Нижнего в их паре с Эйри. Настолько решительно, что последний час до ужина они с Айрин разрабатывали план соблазнения.

Сначала юноша привел в порядок свое тело. Вымылся, втер в себя какое-то пахучее масло. Когда Айрин спросила, смазал ли он себя только снаружи или изнутри тоже, мальчишка так мило покраснел, что ответа не понадобилось.

Потом волосы Вилайди тщательно причесали и заплели в косу. Губы

долго-долго натирали жестким полотенцем и смазали обычным маслом. Нижние контуры глаз юноши Айрин, закусив кончик языка от старания, выделила коричневыми тенями. Так, чтобы эффект был заметен, а сами тени — практически нет. Глаза Вилайди и так были удивительными. Большие, чуть поднятые к вискам, темно-зеленого цвета с рыжими точками. Обрамленные самыми длинными и пушистыми ресницами, какие Айрин видела в своей жизни.

На штаны, через бедро, под углом, намотали сплетенную косичкой из разноцветных кусочков кожи «заманушку», как ее обозвала девушка. На соски Вилайди выбрал себе два зажима с камушками, похожими на изумруды. Айрин одобрила выбор: «Под цвет глаз. Красиво.»

В общем, когда Эйри зашел, чтобы отвести своего малька на ужин, он так и застыл в дверях. Хорошо хоть успел их закрыть.

— Матерь Сущего! Маль... — юноша запнулся, сглотнул, — Вилайди, ты... Ма-ать... У меня просто нет слов! Мне к тебе подойти страшно, такой ты красивый... У меня. Оказывается. Вот Матерь Сущего! Как я тебя сейчас ужинать поведу?! Мы же до лестницы не дойдем... Нет, мы даже от двери не отойдем... Мы вообще никуда не пойдем, пока я не сделаю тебя своим. — Эйри умоляюще посмотрел на Айрин: — Госпожа, можно?!

— Да, конечно, развлекайтесь мальчики. Я пока в библиотеку за новыми книжками схожу. Часик у вас есть точно. Только двери закройте, а то у Сабины сердце не выдержит.

И девушка быстро выбежала из комнаты. Сначала — совершенно честно направившись в библиотеку за очередным любовным романом. А то все время учебники и учебники, скучно. Там ее и нашла Сабина. Ужинать девушка напросилась в гости к тетушке, правда, за это ей пришлось выслушать большую подборку местных сплетен. Но чего не сделаешь ради счастья своих рабов, верно?

Вернувшись к себе в комнату значительно позже, чем через час, она нашла там сладко спавшего в кровати Вилайди и не спящего взволнованного Эйри.

— Малек уснул почти сразу, даже без ужина. А я успел и поужинать сходить, и в библиотеку заглянуть, и полдома обойти... Хорошо, кто-то из мелочи видел, как вы к Хозяйке в комнату заходили. А то я уже волноваться начал, госпожа.

— Что со мной может случиться в собственном доме?

— Ну... Просто... — Эйри опустил в свою любимую позу: на колени и головой прижаться к животу девушки, — Вилайди прекрасен, госпожа, но мне нужно... Хотя бы просто чувствовать ваше дыхание

рядом... Никогда бы не подумал, что сам буду просить об этом, но... Не уходите больше, госпожа, пожалуйста. Вам ведь нравится смотреть, когда мы с ним, верно же? А мне после него нужно принадлежать вам. Хотя бы просто постоять вот так, рядом... Иначе я чувствую себя отвергнутым. Вами. И... Вы возьмете меня сейчас?

— Ты уверен, что у тебя еще осталось сил на меня?

— Госпожа! На вас у меня всегда есть силы!.. И... Спасибо вам за Вилайди!

27 вайэба 326 года. Одиннадцать дней до вечеринки.

После ужина парни вернулись очень чем-то возбужденные, глаза блестят, лица загадочные.

— Ну и что вы задумали, мальчики?!

— Понимаете, госпожа, у Сайни сегодня день рождения, и он очень просил малька станцевать для него. Просто станцевать. И обещал позаботиться о том, чтобы его никто не трогал. Малек согласился, госпожа. Но мы подумали... Вдруг вы тоже захотите посмотреть как он танцует? Вы ведь не будете сердиться, если он будет танцевать для Сайни, а не для вас?

— Главное чтобы ты не сильно сердился. Или ты ревнивое чудовище только в отношении меня?

— Сайни будет только смотреть... И...Госпожа... Можно его снова сделать таким же красивым, как вчера? Пусть завидуют!

— А ты не боишься, что потом они организуют охоту?

— Я хорошо дерусь, госпожа.

— М-да? Ну тогда иди, погуляй где-нибудь, пока мы будем наводить марафет.

— Вы меня прогоняете, госпожа?!

— Конечно. Для твоего же удовольствия, между прочим. Вернешься и оценишь результат.

— Верхний... Мне будет нужна музыка, — Вилайди невинно похлопал ресницами, потом опустил глаза в пол, — я видел у тебя в комнате гитару... Может, ты сыграешь на ней для меня?

— Э... Малек... Ты умеешь подставить так, что на тебя и не разозлишься... Я уже давно не играл.

— Ну вот и потренируйся, — Айрин за руку дотащила брата до двери и выставила его из комнаты.

В этот раз Вил не стал заплетать волосы в косу: «Когда танцуешь, красивее с распущенными». Выплел из кожаной «заманушки» одну из

веревочек, коричневую, и отстриг от нее короткий кусочек: «На член завяжу, чтобы стоял, пока танцую. Все-таки лучше подстраховаться, вдруг переволнуюсь и не встанет...»

— А почему веревку, а не контроль-кольца из здешней коллекции?

— Потому что я танцую для брата своего мужчины, а не используюсь для развлечения. Это очень сложные чисто гаремные нюансы, госпожа... Я и на соски зажимы надевать не буду, хотя с ними красивее. Но они подчеркивают мое положение сексуальной игрушки. А я приглашен для танца, а не для того, чтобы в меня играли.

Зажимы Вил надевать не стал, но с помощью пальцев и холодной воды довел свои соски до сочно-красного цвета.

В процессе нанесения теней в комнату тихо вкрался Эйри. Увидел Вилайди. Глубоко вдохнул. Выдохнул.

— По сравнению с вчерашним — просто и по домашнему... — Айрин тут же залепила ему по затылку ладонью. — Ай, госпожа! Да красивый он у меня, красивый! Сам себе завидую просто... Ну пойдем же уже хвастаться...

На мужской половине дома было шумно и пахло чем-то терпко-хмельным.

— Кальяны уже заправлены. Вечером в гареме всегда покуривают... А сегодня к тому же праздник, — пояснил Эйн. — Нам в гаремный зал, госпожа. Помните, как туда идти?

— Да, конечно. Но я предпочла бы идти за тобой.

— Госпожа! Мы тут не одни. Даже на мужской половине встречаются женщины, да и парням нельзя показывать плохой пример поведения. Все и так в курсе, что вы меня балуете.

До зала надо было идти по длинному коридору с большим количеством дверей. Это были комнаты спецов и особо выделяемых наложников. Только у Эйри комната была на женской половине, рядом с Сабининой.

В зале было шумно и многолюдно. И правда, иногда встречались молодые женщины. Запах жимолости резко выделялся из всего хмельного букета ароматов. Рабы сидели на полу, на ковре, небольшими группами, а в центре каждой стояли кальяны. Один, два... Иногда даже три сразу. Айрин поискала глазами Сайни. Не нашла.

— Эйн, я не вижу здесь Сайни... Зато я вижу толпу обкуренных парней и с десятков девушек. Мне это не нравится.

— Что именно вам не нравится, госпожа? Это все ваши рабы и служанки. А, вот две ваши родственницы, но они настолько дальние, что

почти равны со служанками. А вот это — молодая хозяйка повыше статусом. Интересно, что она здесь делает? Ладно, потом узнаю. А теперь сделайте лицо позаносчивее и заходите. Если бы не эта молодая хозяйка, можно было бы не так точно играть по правилам, но раз она тут...

Айрин постаралась сделать требуемое выражение лица и вошла в зал.

Шум сразу затих. Рабы упали на колени, служанки и две молодых хозяйки присели в реверансе. И только молодая женщина, присутствие которой так удивило брата, просто встала и склонила голову.

— Она приветствует вас как равная, госпожа, — еле слышно прошептал парень, — а это не правильно. Вы, конечно, не прямая наследница и даже не дочь Управительницы, но она вообще дочь двоюродной сестры прежней госпожи. Живущая в этом доме, не специалист, то есть полностью зависимая от вашего расположения. Поставьте ее на место, госпожа. Лучше язвительно, а не грубо. Хотя сама виновата.

— А я и не знала, что у прежней госпожи была дочь. Или вы тайная дочь Сабины? — Айрин презрительно осматривала зарвавшуюся женщину, а голос просто сочился ехидством, — Или вы не узнали меня, хозяйственная наша? Тогда вам следует покинуть этот зал, ароматы которого оказывают такое ослабляющее действие на вашу память.

— Извините, госпожа, я и правда вас не узнала. Просто не ожидала увидеть госпожу Дома на празднике для рабов, — женщина присела в реверансе.

— Почему бы мне не зайти и не посмотреть, как веселятся МОИ рабы? Тем более, тут скоро будет танцевать раб моего личного раба.

Женщина еще ниже склонила голову и промолчала.

— А теперь все можете встать.

Зал снова начал потихоньку оживать и наполняться тихим ровным гулом голосов. Айрин обернулась к Эйну, чтобы поручить ему найти Сайни. И тут же сама увидела его в проходе в зал.

Поймав взгляд девушки он быстрым шагом подошел к их группе и упал на колени, так, что б как бы нечаянно чуть коснуться губами пальцев своей госпожи.

— Я так счастлив снова видеть вас, моя госпожа!

— Я тоже рада тебя видеть, Сайни. Можешь принять вертикальное положение и расслабиться.

Как только Сайни встал, Айрин поцеловала его в щеку: «С днем рождения, братик!». Сайни замер, потом немного испуганно взглянул на Эйни, убедился, что убивать не будут. Подмигнул в сторону Вилайди и

восхищенно присвистнул.

— Пойду, придумаю что-нибудь насчет музыки...

— Пошли кого-нибудь за моей гитарой, — Эйфри задумчиво-смущенно посмотрел на брата.

— Ты будешь играть? Матерь Сущего, Эйн, ты уже пять лет нас не баловал! И я не верю, что это в честь моего дня рождения...

— Просто пошли кого-нибудь за гитарой и не напрягай мозг! — взгляды братьев пересеклись.

Вилайди вцепился в руку Айрин, и на его лице появилось виновато-испуганное выражение. Он явно переживал, что спровоцировал все это. Девушка нежно погладила его по запястью и прошептала: «Успокойся. Если бы он действительно не хотел играть, просто сказал бы „нет“ и все. А раз согласился, значит ту причину, из-за которой он забросил музыку, время уже вылечило. Ты просто дал ему повод начать играть снова.»

В это время Сайни дружески хлопнул брата по спине: «Я просто очень рад, что тебя наконец отпустило...» И, вежливо склонив голову перед госпожой, ушел искать посыльного за гитарой.

Айрин видела, как откровенно изучают смотрящего в пол Вилайди. Чувствовала заинтересованные взгляды на себе. Хотя с ней глазами старались не встречаться даже женщины. Девушке казалось, что в такой обстановке Эйн должен быть одним сплошным комком нервов и ревности. А он, наоборот, стоял спокойно-расслабленно, улыбаясь и кивая тем, с кем пересекался взглядом.

— Двигаемся вон к той компании, где сидит мужчина лет сорока. Видите, госпожа?

— Вижу. А почему именно туда?

— Там сидят друзья Сайни. И он, когда придет, подсядет именно к ним. Значит, там вам будет лучше всего видно, как будет танцевать малек.

— Госпожа! — вся компания рабов упала на колени.

— Можете встать. Мы решили присоединиться к вам на время. Я не буду долго напрягать вас своим присутствием, не волнуйтесь.

— Госпожа!! Что вы такое говорите, госпожа! Для всех нас ваше присутствие — большая честь. А то, что вы решили сесть рядом с нами — честь вдвойне!

В основном в компании были молодые люди в возрасте около тридцати лет. «Пограничный возраст для наложников» — отметила для себя девушка, и самым тихим шепотом спросила у Эйфри:

— А сколько лет Сайни?

— Двадцать семь, госпожа... Еще три года осталось...

— До чего? Что с ним будет потом?

— Вы можете послезавтра прийти посмотреть на процедуру Прощания, госпожа, — улыбнулся девушке один из мужчин.

— Послезавтра? А с кем будут прощаться?

— Со мной, госпожа...

— И вы об этом так спокойно говорите?!!

Мужчина изумленно посмотрел на девушку, потом перевел вопросительный взгляд на Эйпри..

— Госпожа, он обычный наложник, у него нет детей и он не стал любимчиком ни для одной из женщин дома. Его ценность сейчас равна нулю, и он сам знает об этом.

— Но он по-прежнему красивый, спокойный, явно не глупый... Почему именно в тридцать?!

— Спасибо, госпожа! Особенно за «явно не глупого», — мужчина и с ним вся компания весело рассмеялись. — Если бы я был действительно умным, то стал бы спецом, как Кхериян. Он сейчас, в сорок два, стоит больше, чем стоил я сразу после выпуска. Нет, госпожа. Эйн абсолютно прав, моя ценность сейчас равна нулю и я только обуза для Дома. Еще месяц назад я мысленно приготовился к Прощанию. Но мне будет очень приятно, если в последние минуты рядом со мной посидит моя молодая госпожа.

— Все же это так неправильно...

— А вы посмотрите на это с точки зрения хозяйки дома, госпожа, — улыбнулся девушке Сайни, уже какое-то время сидевший рядом с ее собеседником. — Надо постоянно тратить деньги, чтобы прокормить и одеть наложника, которого никто не использует и который не проявил никаких талантов в других областях.

— А ты будто проявил... Блудливый котенок! — мужчина так хозяйски обнял Сайни, что в их отношениях сразу все стало понятно. — И вообще нам обещали танец. А, судя по гитаре в руках твоего брата, нас сегодня ждет не только радость для глаз, но и улада для ушей.

Сайни, Эйпри и Вилайди переглянулись. Вил подтверждающе кивнул и пошел в центр зала. Эйн пошел следом за ним. Обняв мальчишку за талию, откинул чуть назад, погладил ладонью по лицу, поиграл с сосками, поцеловал за ухом, что-то прошептал... Расстегнул ему ширинку, незаметно достав из кармана заготовленную веревку, потом, приподняв парнишку за талию вынул его из спущенных штанов на ковер. Отшвырнул их ногой в сторону Сайни и его компании. Прижался к мальчишке бедрами и потерся об него, потом, почти не разрывая слияние, плотно затянул

веревку на уже вовсю стоящем члене Вила.

Отошел в сторону и дал всем полюбоваться на мальчика. А полюбоваться было на что. Приглушенный свет ламп падал на юношу, усиливая отблески рыжего в волосах. Смазанное маслом тело блестело, подчеркивая гладкость и нежность кожи. Руки, с едва намеченным рельефом мышц, плечи, достаточно широкие для его комплекции. Намек на талию, узкие бедра, плоский живот, красивый рисунок ягодич, стройные длинные ноги, с более четким мышечным рельефом. Зал затих.

Выдержав минутную паузу Эйри взял из рук брата гитару... Сначала мелодия была тихая и нежная, прелюдия. Вилайди начал свой танец, плавно извиваясь бедрами и поднятыми вверх руками, потом как бы обнял себя руками, от шеи медленно вниз: плечи, грудь, талия, бедра... снова вернулся к груди, выгнулся, провел ладонями по соскам, встал на мостик, ловким движением снова выпрямился, руки снова вверх — и вот опять все тело плавно извивается, как у змеи...

Музыка набирала ритм. Танец тоже. Прелюдия закончилась. Руки, поднятые вверх, извивались змеями, вытянутые параллельно полу — напоминали волны. Юноша то вставал на мостик, то выгибался на ковре, лежа на животе и касаясь пятками плеч.

В музыке наконец явно зазвучали сексуальные нотки. Вилайди, танцуя, приблизился к Сайни и вытащил его в центр зала. Чуть толкнув усадил на ковер, заставив вытянуть вперед ноги и опереться руками за спиной. Встал перед ним на колени, зажав ноги Сайни между своими. Дальше мальчик то выгибался всей грудью, чтобы тереться ею о грудь мужчины, то приседал и, извиваясь бедрами, ласкал своим возбужденным членом одетую часть тела Сайни. То, изогнувшись в спине, проводил по обнаженной части его тела своими волосами... Иногда мальчик опускался на одну из ног мужчины и терся об нее, возбуждая себя для продолжения танца. Несколько раз Вилайди откидывался на спину, полностью ложась на ноги Сайни и выгибаясь всем телом. Тогда парень непроизвольно тянулся к его возбужденному члену, а мальчишка еще делал едва заметные движения бедрами, чтобы казалось, будто его член тоже танцует.

Наконец Сайни умоляюще посмотрел на брата и, кивнув себе между ног, смущенно-довольно улыбнулся.

Гитара снова заиграла что-то спокойно-нежное. Юноша сделал несколько завершающих танец движений, соскочил и юркой ящеркой спрятался за спину своего мужчины.

Эйри, обернувшись, одним движением развязал веревку на его члене, обнял и поцеловал мальчишку. Властным, собственническим поцелуем в

губы.

Друг Сайни перекинул им штаны Вилайди, а сам подошел к своему любовнику и протянул ему руку, помогая встать: «Ну как, удалось кончить? Хотя что я спрашиваю... Если бы на мне извивался такой мальчик, и я бы не удержался!»

— Спасибо за подарок, братишка!

— Главное, чтобы на пользу пошло, — Эйври, улыбался брату, при этом крепко прижимая Вилайди к себе. — Приятно было с вами посидеть, но мне вставать с рассветом, а на эту ночь у меня еще есть несколько приятных дел..

— Да уж не сомневаюсь! Госпожа, позвольте?.. — Сайни, встав на колени, протянул Айрин руку.

— Спасибо. Эйври прав, было очень приятно побыть с вами.

— Заходите еще, госпожа! Лучше всего днем... — Еще один из друзей Сайни, тоже где-то в возрасте около тридцати, смотрел ей в глаза и улыбался. — Мы все будем рады доставить вам удовольствие, пока ваш личный раб занят делами госпожи Сабины!

Девушка рассмеялась, представив, что здесь устроит Эйври, найдя ее развлекающейся с кем-то из этих мужчин. Еще раз поцеловав Сайни в щеку, она вышла из зала. Ее мальчики последовали за ней. Вслед Вилайди раздавались восторженные возгласы.

— Ты отлично играешь, Верхний!

— А ты очень сексуально танцуешь, малек! И теперь тебе придется за это ответить!

— Как только пожелаешь, я весь только твой, ты же знаешь, — Вилайди даже облизнул губы, предвкушая как ему придется отвечать за танец.

— Вы как хотите, мальчики, а я спать. Ковер полностью в вашем распоряжении. Сильно не шумите только.

— Госпожа?!

— Я правда очень хочу спать, Эйври, просто очень хочу спать. Но я в восторге от того, как ты играешь. И теперь буду постоянно просить тебя сыграть мне. И танец Вилайди мне тоже очень понравился, — девушка устало улыбнулась своим мальчикам. — Нескучной вам ночи! Я уже сплю... Вот просто уже сплю...

А Вилайди еще какое-то время расплачивался за свое умение танцевать.

28 вайэба 326 года. Десять дней до вечеринки.

Как раз в этот день Вилайди решил устроить своей госпоже тестирование. Настроение у людей, выяснивших, что из двух томов информации в их голове осталось меньше половины, обычно не очень веселое. И объявление Сабины, что через три дня к ним приедет «долгожданный» учитель из лагеря для госпож, улучшению настроения не способствует.

Правда, девушка постаралась принять это известие достойно, с улыбкой на лице. Потому что ей нужно было добиться от тетушки одного очень важного отступления от правил. Эта уступка касалась любовника Сайни. Мысль о том, что завтра этот красивый молодой мужчина будет усыплен, портила ей настроение гораздо больше, чем заваленное тестирование и приезд учителя. Главное, она никак не могла понять, почему в тридцать?! Если уж исходить из полной ненужности для использования, то сорок пять было бы более правильным. Ну хорошо, черная дыра им навстречу, пусть в сорок! Почему в тридцать?! Интересно, насколько сильно тетушка любит своего сына, единственного ребенка, между прочим?

— Сабина, я слышала завтра будет Прощание с одним из наложников?

— Да, с Лейхио. Хороший мальчик. Он у нас с четырнадцати лет, сразу после выпуска из лагеря.

— Мне показалось, что Сайни к нему очень привязан...

— К Лейхио? О да! Они вместе с самого первого дня... Лейхио сначала было очень одиноко, и Сайни заботился о нем. Хотя и был совсем маленьким. Приедет из лагеря на выходные и сразу к нему бежит. Госпожа очень любила смотреть на них. Пока Сайни не достиг возраста использования.

— Возраст использования — тринадцать лет?

— Да, госпожа. Смотрю, вы потихоньку осваиваете наши законы... Это хорошо.

— Я бы хотела с вами посоветоваться. Мы ведь достаточно богаты? А гарем мы сократили, по сравнению с тетушкиным, чуть ли не в два раза. Может быть, имеет смысл сохранить пока старых наложников? Сдвинуть возраст прощания на пять лет? А за эти пять лет переучить их на помощников спецов, например. Да, дорогими и опытными специалистами им стать не получится, но как помощники они могут и справиться. Вот если они за это время не найдут себе другое дело, значит, безнадёжны. А так, подумайте, Сабина, как экономно получается! До тридцати мы используем мужчину как наложника, потом отдаем его специалистам дома,

и используем по второму кругу. Как вы считаете?

— Я считаю, что вы очень умная девушка, госпожа! Наверное стоит попробовать... У нас пятеро наложников в пограничном возрасте. Давайте попробуем. У меня где-то валялись тесты по профориентированию.

Как и ожидалось, Сабину предложение заинтересовало. Ну хоть что-то хорошее за день...

А вечером Эйри предложил снять стресс конной прогулкой.

— Эйн, ты правда веришь в то, что от падения с лошади у меня улучшится настроение?!

— А вы правда верите, что я позволю вам упасть с лошади, госпожа?

Айрин ни разу не пожалела, что согласилась.

Лошадка ей выбрали смирную, спокойную. Вилайди угонял далеко вперед, возвращался, и снова исчезал в темноте. Эйри держался рядом и разговорами старался отвлечь девушку от грустных мыслей. Под конец поездки Айрин даже рискнула позволить лошади перейти на среднюю рысь. Мальчики добились своего — настроение у их госпожи явно улучшилось.

Вечером, после душа, лежа в кровати, Эйн сначала очень долго возбуждал своего малька, доведя его до привычного уже состояния: «Я-не-мо-гу-уже-терпеть! Возьми меня как угодно, пожалуйста!». Потом повернулся к уже возбужденной от красивого зрелища девушке: «Вы уверены, что не хотите его использовать, госпожа?».

Услышав это, мальчик широко распахнул глаза: «За что, Верхний?!». Принял позу для раба, которого используют без фиксации — ноги сжаты вместе, руки согнуты в локтях и под спину. Голову откинул назад, открывая Эйну доступ к шее.

В голове снова зазвучал диалог между его хозяином и госпожой: «Эйри, вот если я сейчас захочу использовать его как Сайни, мне можно будет это сделать?» — «Да, госпожа. Один раз...» — «А потом?» — «А потом я перережу ему горло.» — «Ты такой ревнивый, прямо ужас!»

Что он сделал не так? Сегодня? Сейчас? Он наконец-то поверил, что может быть счастлив. Расслабился. Когда Верхний вывел ему лошадь... Он скакал, и ветер свистел в ушах, и... Все было как в Джордане, только лучше! Во много раз лучше, потому что впереди был спокойный вечер с Верхним и госпожой. И эти двое заботятся о нем... И вот сейчас все должно закончиться. Жаль... Так хочется понять за что... Хотя зачем? Может, просто он надоел, вот и все. В прошлый раз он надоел своей госпоже и его сдали в бордель. В этот раз — ему просто перережут горло. Страшно. Это наверное больно... И крови будет много. Госпожа

расстроится, постель придется перестилать. А сейчас ночь уже и госпожа спать хочет...

— Верхний, — главное чтобы в голосе не было слез, главное чтобы в голосе не было слез! — давай я лучше лягу на ковер?

— Зачем? Тебе слишком мягко на кровати?

— Ну... Ведь будет же много крови. Белье испачкается...

— Малек! Ты что там себе придумал?! Малек! Прости, я забыл что ты вырос в еще худшем кошмаре, чем я... Ты правда решил, что я тебе сейчас перережу горло? После того как госпожа тебя использует? И единственное, о чем ты переживаешь, это чтобы мы твоей кровью постельное не уделали?! Малек... Я правда похож на монстра?

— Прости меня, Верхний! Пожалуйста, прости меня! — Испуганный Вилайди, всхлипывая, соскочил с кровати на пол и упал на колени, закрыв голову руками. — Я не хотел... Прости, что я тебя обидел!

Он обидел Верхнего!!! Теперь он его совершенно точно обидел. И тот не будет больше так с ним обращаться. Неблагодарных рабов наказывают, а не ласкают... Тем более так, как это делает Верхний. Хотя Эйфри и наказывает так, что...

— Пожалуйста, прости меня!!! Прости меня!!!

— Иди ко мне, малек. Вставай с колен, прекращай рыдать и бояться и иди ко мне.

Эйн прижал дрожащее мальчишеское тело к себе, гладил Вилайди по волосам, целовал его глаза, губы, шею... Шептал: «Малек, ты дурашка! Наивная дурашка, малек! Не бойся меня. Когда мы втроем — тебе нечего бояться. Я могу отвесить тебе подзатыльник, если разозлюсь. Но о большем можешь даже не фантазировать! Малек... Ты просто такой красивый, когда возбужден по самое твое „не-мо-гу“! Прости меня?.. Я не очень удачно пошутил, малек...»

Всхлипывая в плечо своего Верхнего, Вилайди уснул.

Эйфри виновато посмотрел на Айрин: «Я кретин после вейжэ, да?»

— Теперь моя очередь обнять тебя и успокаивать?

— Знаете, госпожа, я сейчас себя таким... дерьмом ощущаю... Просто не передать. В его возрасте я запоем читал континентальные книги и мечтал сбежать с планеты. И мне казалось, что моя жизнь полный ад. А сейчас вот понял — у меня для раба было счастливое детство. Ни мне, ни Сайни не пришло бы в голову просто молча подставить шею и — Матерь Сущего! — переживать о крови на постельном белье госпожи! Хотя... Если бы я понял, что надоел вам, то тоже молча подставил шею под нож и еще бы сам надавил... Как вы думаете, госпожа, в его голову могла прийти

мысль, что он просто надоел мне?

— Иди ко мне, Эйн... Я очень плохой советчик по поводу того, что могло прийти вам в голову. Но зато я могу целовать тебя вот так и вот так... И еще вот так... Расслабься... Все хорошо...

29 вайэба 326 года. Девять дней до вечеринки.

Утром Эйнри принес завтрак для Вилайди в комнату. Некоторое время любовался на спящего мальчишку, потом, встав на колени, погладил и поцеловал его в губы.

Вилайди тут же открыл глаза, в них были вчерашние слезы и страх, и сегодняшнее радостное изумление.

— Ты у меня одна сплошная эмоция, малек. Как ты Джордан умудрился закончить? У тебя все чувства на лице пробегают, как код на экране компьютера.

— Это плохо, да?

— Матерь Сущего, малек! Это не плохо и не хорошо. Это — часть тебя. Конкретно то, что ты так легко читаем, забавно. Ты так и не понял еще? Я не воспринимаю тебя как своего раба. Ты мой младший любовник. Любовник — это от слова любить, малек! И не смей разводить сырость в нашей кровати! Вылезай лучше завтракать. Только тихо, чтобы госпожа не проснулась. Садись на ковер, я тебя кормить буду...

Покормив Вилайди завтраком Эйнри ушел, а Вилайди тихо сидел на ковре и ждал, пока госпожа проснется.

Дверь чуть приоткрылась и в щель заглянул Сайни.

— Привет, красавчик! Госпожа еще спит? — Парень явно не спал всю ночь, в глазах тоска... — Можно зайти? Я тихо, шушаркой... Лейхио повели готовить к прощанию. Все скоро начнется. Как ты думаешь, может госпожу разбудить? Она хотела придти. На что она больше разозлится? Что мы ее разбудили или что...

— Сайни? Что ты тут делаешь?!

— Простите, госпожа! — упал на колени юноша. — Просто сегодня прощание с Лейхио. А вы вроде бы хотели присутствовать... Если вы передумали, простите меня! Я приду за наказанием как только вы выпитесь, только позвольте мне проводить Лейя.

— Нет, все в порядке. Притащи мне кувшин тайшу и каких-нибудь сладких плюшек, а я пока умоюсь и оденусь.

Парень кивнул и убежал на кухню.

— Как ты? — Айрин, приведя себя в порядок, ласково погладила

Вилайди по голове.

— Он... Сказал, что я для него младший любовник... Как Сайни для Лейхио. Это... Это значит, что он меня любит, да, госпожа?

— Знаешь, мне кажется, что да. Он смотрит на тебя открытыми глазами, а значит это уже нечто большее, чем влюбленность.

— Он принес мне сегодня завтрак сюда и кормил с рук. Зная, что его могут наказать...

— Тебе было приятно?

— Очень. Жаль, что так нельзя есть каждый день...

— У меня есть на эту тему одна мысль... Но я ее немного еще подумаю...

В это время в комнату осторожно постучал и зашел Сайни, неся на подносе завтрак. Тихо сел на ковер, поближе к Вилайди.

— А есть ограничение по количеству людей на прощание?

— Да, госпожа. Но очень условное. Из-за того что комната небольшая.

— Ну что, я готова. Можем идти?

— Да, госпожа.

* * *

Комната для прощания находилась в мужской половине дома. Лейхио дали выпить слабого настоя вейжэ, раздели и привязали к специальной скамейке. Рядом стояла капельница.

Лейя слегка потряхивало, несмотря на выпитый настой.

— Госпожа Сабина, можно еще?..

— Ты хочешь, чтобы твой разум покинул тело раньше, чем душа?

— Простите, госпожа Сабина. Я был уверен, что готов... А сейчас... Мне бы хотелось быть спокойным, когда придет Сай.

— Я все равно не дам тебе пока больше вейжэ. Когда придет Сайни, то он поможет тебе выпить еще стакан. А пока лежи один и успокаивайся сам, дыханием, — и Сабина вышла из комнаты.

Ей нужно было собрать остальных наложников, чей возраст подходил к пограничному. Настой, который она дала выпить Лейхио, был слабее положенного, и в него были добавлены травы, полностью нейтрализующие успокоительный эффект. Раньше рабов иногда даже обкалывали чистым вейжэ, только бы на прощание они выглядели спокойными и умиротворенными. А сейчас ей надо было показать, как это страшно. Страх иногда бывает очень хорошим стимулятором к действию. А ей надо, чтобы

эксперимент с переквалификацией наложников в специалистов прошел отлично. Тогда его можно будет преподнести не как блажь молодой госпожи, а как показатель ее ума и экономности.

Когда молодые люди пришли в комнату прощания, Лейхио уже почти успокоился. Он готовился к этому уже несколько месяцев, в последний месяц старался не отпускать от себя Сая ни днем, ни ночью. Наслаждаясь каждой минутой. Все равно мало... Шестнадцать лет вместе и все равно мало.

Сайни, не успев войти, тут же кинулся к своему другу: «Лей! Любимый!»

— А где Сабина?

— Уау! Молодая госпожа? Вы все-таки решили зайти попрощаться? Это большая честь... — Лейхио был привязан к двери головой, поэтому Айрин прошла на середину комнаты, чтобы разговаривая видеть лицо собеседника. Мужчина улыбался. Одними губами. А в глазах стоял страх. Страх, который он старательно прятал.

— Да, я решила прийти. Наверное вас стоит на время оставить одних?

— Мы были вместе сегодня всю ночь. Не уходите, госпожа. А мальчика-красавчика вы тоже привели с собой?

Вилайди, тихо стоявший у двери, подошел и встал на колени рядом с Сайни.

И тут в комнату величественно прошествовала Сабина. А за ней вошли трое мужчин, двоих из которых она видела в гаремном зале.

Лейхио попытался улыбнуться и им. Но страх заявлял о себе все сильнее и сильнее.

— Ну что же, мальчики. Я рада, что ваша госпожа здесь. И вам не придется искать ее по всему дому, чтобы отблагодарить. Она решила дать вам всем шанс продлить свою жизнь, если вы сумеете доказать семье свою нужность. Вам дается два года, чтобы научиться любой другой специальности. Пользуйтесь библиотекой, советами специалистов дома, женщин, с которыми у семьи договора... Ваше образование оплачиваете только вы сами. Деньги на вас начнем тратить, только когда докажете свою нужность. Все понятно?

Говоря все это Сабина отвязала Лейя от скамейки. Все остальные мужчины, включая Сайни, еще с началом речи упали перед Айрин на колени.

— То есть, просто пригласив вас на церемонию прощания я спас жизнь еще на два года себе и вот этим парням? — мужчина постепенно отходил от шока, но остался сидеть на скамейке и даже забыл добавить

«Госпожа».

— Можно сказать, что так.

— Госпожа, вы позволите мне поблагодарить вас позже, когда я приду в норму? Моя благодарность вам несколько больше, чем просто постоять на коленях... Но ничего умного пока в голову не приходит, простите.

* * *

На озеро Эйри пришел в странном состоянии восторженного негодования. Все утро он переживал за брата, но как назло, было какое-то нашествие неотложных дел. А когда наконец время появилось и он зашел к Сайни, то нашел того в постели с Лейхио. И ему рассказали об эксперименте. Сама идея Эйри очень обрадовала, но то, что он оказался не в курсе этого нововведения, его сильно обидело. Точнее описать то чувство, что он сейчас испытывал не получалось. Больше всего это походило на детскую обиду, когда мать всем детям раздавала сладости, а ему не дала. И он, ее сын, оказался единственным ребенком без конфеты. Вот сейчас было что-то похожее. С ним не то что не посоветовались, его даже в известность не поставили.

При виде веселящейся в воде госпожи Эйри сразу понял, что может сейчас наделать глупостей. Поэтому он разделся, поднырнул под Вилайди и потащил его за собой на другой берег.

— Малек, вот что с моими мозгами, а? Ты не поверишь, но я реально чувствую обиду на госпожу... Из-за того что я оказался не в курсе ее идеи с переквалификацией наложников. Ты ведь тоже считаешь, что это не нормально?

— Конечно, это не нормально, Верхний. Мы учились по одним и тем же учебникам, пусть и с разницей почти в десять лет. Так что теорию я даже напоминать не буду. Но я отлично понимаю, почему на тебя такое находит. Ты с самого Джордана заправляешь именем? Ну вот, Хозяйка Сабина, конечно настоящая госпожа, но она не жестокая садистка с причудами, и пока ты соблюдаешь внешние правила — встаешь на колени когда надо, зовешь ее госпожой, не споришь...

— Ты не поверишь, малек, но если с ней спорить уважительно и приводить правильные аргументы, желательно при этом вначале встать на колени и пролепетать что-то из серии: «Простите меня, госпожа Сабина..», то она вполне может тебя выслушать и даже принять твою сторону.

— Ну вот, ты же сам понимаешь, Верхний!.. Ты уже почти десять лет

управляешь всем домом и легко манипулируешь всеми местными женщинами.

— Но при этом прежняя госпожа легко могла отдать меня на несколько дней развлекаться своей подруге, которая у нас гостила, например.

— Я видел как ты ласкал себя у ног госпожи, Верхний. Ты уже был не ты. Ты, мой Верхний, спрятался где-то внутри вот этой головы и ждал, когда можно будет снова вылезти и не получить психологической травмы. Уверен, что и в случае с развлечениями гостей ты поступаешь так же. Я сам так делал. Отключаешься и смотришь, как что-то делают с твоим телом как бы со стороны. Только поэтому я не сошел с ума в том кошмаре, где находился до встречи с тобой. А ты... Раньше тебе еще хоть иногда напоминали, что ты раб. Ты боялся, что тебя могут отдать какой-нибудь из женщин для развлечений, наказать от скуки... А чего ты боишься сейчас, Верхний?

— Того, что потеряю ее. Что она в меня наиграется и выбросит. Что она заведет себе кого-то еще. А она же заведет, малек, понимаешь?!

— А теперь передумай все эти переживания так, как будто ты раб.

— Раб не может потерять свою госпожу. Раб может ее расстроить и разочаровать, и тогда она его продаст или подарит. Но я ее личный раб, усыпить меня она не сможет, значит, она просто отдалится от меня, но останется моей госпожой... Малек, я сам утоплюсь в озере, если она отдалится от меня!

— Главное было что? Главное было «расстроить и разочаровать». То, что ты ее ревнуешь и обижаешься на нее — это именно оно. Расстраиваешь и разочаровываешь. Она жила много лет в континентальном мире, думаешь у нее не было парней? Но она выбрала тебя. Вспомни, каким ты был, когда она тебя выбрала?

— Ну... Я понял, малек. Она не выбрала Сайни, потому что в нем больше от раба, чем во мне. Но она и не выбрала никого из парней на континенте, потому что они слишком собственники. Спасибо, малек! Ты чудесный мозгоправ...

Эйнри, поцеловав Вилайди, нырнул в озеро и поплыл к своей госпоже. Мальчишка нырнул следом, но приплыл раньше. С каждым днем он плавал все быстрее и быстрее. Но все же ему очень не хватало тренировок и танцев. Особенно танцев.

Когда Айрин уже успела пообедать, а мальчики еще были на кухне, в комнату зашли Сай и Лейхио. Мужчины сразу встали на колени, причем у Сайни это получалось абсолютно естественно, а вот Лей стоял на коленях как наказанный аристократ. Неудивительно, что с возрастом он перестал быть популярным среди местных женщин. Ломать под видом обучения может быть интересно мальчишек. Но смысл ломать взрослых мужчин, когда рядом всегда есть покорные? Для этого надо быть садисткой. А даже прежняя госпожа садисткой не была. Просто любительницей странного...

— Мы тут много думали, чем бы вас порадовать, госпожа, — Сайни поднял глаза от пола.

— Да, госпожа. Вот если бы у вас не было Эйри, проблемы чем вас порадовать у нас не было, — Лейхио смотрел девушке в глаза со своей обычной улыбкой очень взрослого, умудренного жизнью. Правда теперь в его глазах усталость и умудренность вытеснялись уверенностью и нахальством. — И мы, зная вашу привязанность к рыжему красавчику, предлагаем ему защиту на всей территории мужской половины дома. Он может беспрепятственно посещать тренажерный зал, бассейн, сидеть в гаремном зале и я даже готов подумать над временем и местом, где он мог бы танцевать. Музыку мы ему организуем без проблем. Никто из парней его пальцем не тронет, если сам не попросит, — Лей снова улыбнулся. — И служанок от него отодвинем.

— Спасибо, мальчики!!! Айрин от радости захлопала в ладоши и поцеловала сначала Сайни, потом Лейхио.

— Я опять что-то пропустил, госпожа? — В дверях стоял Эйри, у него за спиной, положив ему руки на талию, а голову на плечо — Вилайди.

— Эйн, мальчики предлагают Вилу свободу передвижения по мужской половине дома! Здорово, правда?!

— Да. Спасибо, Лей!

Лейхио улыбнулся Эйри, с оценивающей наглостью во взгляде. Эйри ответил ему еще более вызывающе-наглым взглядом, потом притянул к себе Вилайди и поцеловал того в шею, практически взасос.

— Да понял я, понял! Красавчик только твой и ты мне тоже не светишь, — Лей подмигнул и улыбнулся уже обычной улыбкой.

Потом повернулся к Айрин, снова опустился на колени, так как встал с них сразу же, как услышал голос Эйри.

— Спасибо за еще два года, госпожа.

— Ты не собираешься получать другую специальность?

— Сейчас я управляю мужской половиной дома. Если я стану поваром или конюхом, я потеряю это право. Да и времени не будет.

Девушка задумалась.

— Я правильно понимаю, что Эйри управляет всеми специалистами и служанками, а ты — наложниками?

— Да, госпожа.

— Сабина знает об этом?

— Ну... Я думаю, она считала, что если убрать меня, то всем станет заправлять Сайни. А так конечно знает. Ведь она иногда отдает приказы через Эйри, а иногда напрямую мне. Если бы я смог сломать себя настолько, чтобы получить джордановское образование, все было бы законно.

— Так, мальчики, а когда у нас появится так ожидаемый Эйри будущий муж моих детей, он автоматически получит всю власть в гареме?

— Нет, конечно, — улыбка Лейхио сразу стала властной и хищной. — Он станет помогать Эйну, будет при нем мальчиком на побегушках. Потом, может, освоится настолько, что заберет под себя кусок дел, если Эйри сгруппит и ему позволит. Но в гареме он сможет забрать власть, только доказав, что сильнее и умнее меня. Иначе ребята его не примут. При женщинах будут слушаться, а наедине сгибать. То есть, если парень не дурак и сумеет очаровать Хозяйку Сабину, то Эйна он в итоге подсидит. А со мной — не справится. Но, если он будет хорош в постели... — Лей плотоядно ухмыльнулся, а Сайни с силой припечатал любовника кулаком в живот. — Фу-уф, Сай, тебе надо прекратить качаться! Короче, госпожа, если мальчик не подсидит Сайни, но сумеет себя проявить, как властный и наглый негодяй, особенно если сумеет втереться ко мне в доверие, и научится некоторым чисто местным хитростям, то через два года он станет хозяином гарема. Это более выгодная должность, чем помощник Управительницы. Бегать никуда не надо... А если вы родите от него дочь, то он будет на этой должности до самой старости. Ну или до тридцати двух лет, раз вы нам срок жизни удлинили...

— Лейхио, я придумывала всю эту систему чтобы спасти тебя и Сайни!

— Спасибо, госпожа. Я позабочусь о том, чтобы этот мальчишка научился чему-то еще, кроме предоставления своего тела для развлечения других.

— Лейхио...

— Зовите меня Лей, госпожа. Лейхио меня зовет Сайни, когда собирается закатить очередную истерику.

— Ты безнадежен!.. Я с тобой серьезно разговариваю!

— Госпожа, я стал управлять гаремом с девятнадцати лет, как вы

думаете, после стольких лет власти, что я выберу? Спокойную смерть или падение в самый низ? Ведь настоящего специалиста из меня не получится, значит, только помощник. Вы не подумайте, госпожа, я очень благодарен вам за еще два года жизни. Я успею проследить, чтобы все парни получили новую специальность, особенно Сайни. Если вы поторопитесь с поиском, то подготовлю себе замену.

Сайни, уже вставший с колен, медленно закипал от этой речи. Желваки у него ходили примерно так же, как у разгневанного Эйри. Вообще в чертах лица юношей было очень много общего, что было неудивительно.

— Из твоих слов я понял, что тебе проще через два года пойти и тихо сдохнуть, чем спокойно жить со мной, без всякой власти?!

— Сай...

— Я не собираюсь устраивать выяснение отношений при госпоже, не волнуйся, Лейхио! Но сейчас мы выйдем и очень серьезно обсудим весь тот бред, что ты сейчас наговорил. И если ты предпочитаешь власть жизни со мной...

— Вы позволите нам уйти, госпожа? Вилайди будут рады на мужской половине в любое время суток и никто не прикоснется к нему. Ни рабы, ни служанки. От молодых хозяек полной защиты не обещаю, но к вам тут же прибежит кто-нибудь, чтобы сообщить о возникшей проблеме.

— Идите, мальчики. И не ругайтесь. Думаю, что пока вот у него, — кивок в сторону Лейхио, — нет конкурентов, он может свободно выделить некоторое время на переквалификацию. От этого менее властным и наглым он быть не перестанет, мне кажется. А когда появится будущий отец моих детей, вот тогда и будем решать проблемы передачи или сохранения власти. Вы вместе уже столько лет, не ругайтесь! — Айрин умоляюще посмотрела на мужчин.

Лейхио снова улыбнулся ей, Сайни просто молча склонил голову. И они вышли. Сразу за дверью послышался звук удара и «Фу-ух, Сай...».

Эйри опустился перед госпожой на колени и некоторое время постоял, прижавшись к ней. Наслаждаясь и успокаиваясь.

Довольный Вилайди уселся в кресло, попрыгал на нем, потом сполз на ковер, откусывая с хрустом яблоко, схваченное в прыжке со стола. Айрин с изумлением смотрела на мальчишку, который так раскованно вел себя только на прогулках.

— Простите, госпожа! — Вилайди сел на колени и стал есть яблоко не с таким хрустящим удовольствием, виновато опустив глаза в пол.

— Да я не сержусь, просто удивлена. Продолжай кушать яблоко так же вкусно, как начал, может это разбудит аппетит и у меня?

Вилайди разрешением не воспользовался, но уселся на ковре более расслаблено. И на его лице снова засияла счастливая улыбка... Потом, не выдержав, встал на мостик и перекувырнулся.

— Вау!!! Меня пустили на мужскую половину дома!!! Увау!!! Здорово-то как!

— Ладно, госпожа, мне пора... Вы только воздержитесь от посещений подвластной Лейхио территории ближайшие минут пятнадцать-двадцать, пока Сайни его избивает в темном углу. Пусть он успеет снова натянуть свою наглую ухмылку на лицо, без нее он себя неуютно чувствует, — Эйпри улыбнулся Айрин. — Вы позволите мне уйти, госпожа?

— Да, конечно, Эйн. Вечером поиграешь в гаремном зале на гитаре?

— Э... Как пожелаете, госпожа...

* * *

Вечер прошел в теплой и дружественной обстановке. Эйн сидел на полу и играл на гитаре, Айрин расположилась рядом с ним и иногда болтала с помирившимися, и сидящими рядом Сайни и Лейхио. Даже рискнула попробовала покурить кальян с местными травами.

Счастливый Вил пристроился с другой стороны от Эйпри. Иногда он срывался просто потанцевать, без всяких акробатических и эротических трюков. Иногда кокетничал с Лейем. А главное, он был полностью абсолютно счастлив.

Позже все пили чай, кормили Вилайди сладким с рук... К себе в комнату приползли очень поздно и сразу уснули.

30 вайэба 326 года. Восемь дней до вечеринки.

Утром Айрин в первый раз за много дней проснулась одна. На столе лежала записка от Вилайди: «Я у Лейхио. Пойдете на озеро — пришлите за мной кого-нибудь».

После завтрака девушка нашла мальчишку помладше и отправила его на мужскую половину дома. «За рыжим красавчиком, который так здорово танцевал?» — «Да, за ним».

Вместе с Вилайди пришли Сайни и Лейхио.

— Вил сказал, что он плавает быстрее Эйпри, и мы решили устроить спортивное состязание. Госпожа не будет против?

— Нет, конечно.

— А еще Вил сказал, что госпожа сама плавает с ним наперегонки... — Лейхио очень серьезно посмотрел на девушку.

— Ну, этого же никто не видит...

— То есть с нами вы плавать не будете?

— Это же будет какое-то нарушение правил поведения, да?

— Ну, мы же никому не расскажем, госпожа! — мужчина ободряюще улыбнулся.

— Знаешь, наверное плавать с вами я все-таки не буду, все равно Вилайди меня обгоняет, так что смысла не вижу, — Айрин тоже улыбнулась ему в ответ.

— Ну вот, то есть шансов увидеть свою госпожу обнаженной у меня нет никаких? — улыбка Лейя была вызывающе-наглая, а вот взгляд...

— Тебе обидно, что Сайни подо мной был, а ты нет? — Айрин попыталась отразить на лице такую же вызывающе-наглую усмешку.

Лейхио просто кивнул, не поднимая глаз, потом сделал приглашающий жест на дверь. И они всей толпой пошли на озеро.

— Ну, и до чего вы вчера договорились? Будешь менять специальность?

— Этот качок кого хочешь уговорит, у меня даже синяки на ребрах остались! Представляете, госпожа?! Конечно придется переучиваться, наверное, на повара. Кхериян согласился взять меня на обучение... А Сай будет цветы выращивать, — мужчина довольно фыркнул, — его две молодые хозяйки обучать будут. Уж чему они там его обучат...

В это время мимо них с визгом «Не догонишь!» пробежал Вилайди, за ним Сайни.

— И ведь десять лет разницы... — Лейхио изобразил тяжелый вздох. — Иех, давно я за молодыми мальчиками не бегал!

— Так что тебя останавливает? Беги!

— Вот еще... Стар я уже для этого...

— А за молодыми девушками? Догоняй, утиль гаремный! — Айрин хлопнула парня по спине и побежала в сторону озера. Лейхио побежал за ней. Догнал он ее только у самого поворота на озеро. Схватил за плечи, развернул... Если бы это был мужчина с континента, он бы поцеловал, даже помня, что у пойманной птички уже есть парень. Лей просто на секунду закрыл глаза и опустил на колени, выравнивая дыхание.

— У меня нет не единого шанса, госпожа?! — спросил он, продолжая стоять на коленях, и подняв глаза на девушку.

— Ты мне нравишься, Лей. Но мне вполне хватает Эйпри, веришь? — и Айрин зарылась руками в его волосы, так же, как она всегда поступала со

своими мальчиками.

— Госпожа, вы здесь? А то мы с Сайни уже начали волноваться, — в голосе Вилайди звучала... грусть. Ему было жаль Лейхио?

Сай тоже просто молча встал за спиной Вила. Поднял взгляд на девушку и тут же опустил его в землю...

— Я что-то недопонимаю, мальчики?

— Что я все-таки бегаю быстрее вас, госпожа, это точно, — Лейхио встал, отряхнул колени и улыбнулся.

К озеру спустились молча. Сайни и Вилайди разделись и кинулись в воду, Лей остался сидеть рядом со своей госпожой. Медленно пересыпая в руках песок.

Айрин всучила ему учебник: «Читай мне вслух, пока Вилайди развлекается. Завтра придет учитель, мне надо знать этот двухтомник наизусть».

У Лейхио был немного другой стиль — он читал сразу несколько глав, а потом начинал путать вопросами. Не объясняя, а заставляя вспоминать, думать и выдавать все самой.

Парни вылезли из воды, погрелись, подсохли, побегали наперегонки. Нашли в кустах мяч, заныканный мальками для вечернего отдыха... В мяч они играли так заразительно, что пришлось отложить учебники в сторону и присоединиться. Потом Сайни и Вилайди побежали снова в воду. Все это время Лейхио вел себя с девушкой на грани между наглым приставанием и заигрыванием.

— Лей, для тебя важно то, что я сплю только с Эйри? Или то, что я в начале использовала Сайни, а тебя нет?

— Госпожа... Вы просто очень красивая женщина. И мне бы хотелось просто принадлежать вам. Ну не совсем так, как Сайни. Хотя и так я тоже бы не отказался, он пришел ошарашенный пережитым оргазмом. Но я не понимаю смысла несколько лет учиться ублажать женщину, чтобы потом тебя тупо использовали как бревно под вейжэ. Вы Эйри тоже связанного используете?

— Можно, я не буду тебе отвечать на этот вопрос? Как я использую Эйну касается только его и меня.

— Понял. Значит не так, — Лейхио улыбнулся восхитительно мальчишеской улыбкой. — Может все-таки проверим, кто быстрее плавает, госпожа?

— Ну хорошо, давай.

— Просто на спортивный интерес?

— С тобой? Конечно.

— Отлично! Стартуем вместе? На счет? До трех?

— Раз, два, три!

Первым приплыл Лей. Оба раза.

После того, как они вылезли на берег, Лейхио, не одеваясь, подошел к Айрин... Дыхание, еще до конца не восстановившееся поле заплыва, сбивалось по новой. Глаза в глаза... В его глазах вызов, в ее — изумление.

В это время на Лейя со спины запрыгнул очень воинственный вихрь. Минута, и мужчина с заломленными руками лежит на животе, а сверху сидит Эйри.

— Эй, я просто стоял рядом! Я ничего не делал, просто стоял рядом! Слезь с меня.

— Он вел себя с вами вызывающе, госпожа. Это было не от ревности... — Эйри явно был зол. Очень зол.

Лейхио же спокойно пошел, окунулся в озере, чтобы смыть песок. Вытерся рубашкой и надел штаны.

— Ну что, закончил рвать и метать? Тебе очень повезло, парень. И, госпожа, если захотите меня наказать, можете поручить это вашему личному рабу. Я хоть так от него оргазм поимею! — и, нагло улыбнувшись, Лейхио пошел в сторону дома.

— Сайни, не смей уходить! Объясни мне, что происходит?!

— Лей в первый раз за десять лет не бежит от женщины, а сам навязывает себя ей. Вот что происходит. Позвольте мне пойти за ним, госпожа. Он еще не совсем отошел после спектакля Хозяйки Сабины. Я волнуюсь за него.

— Хорошо, иди.

Айрин тихо опустилась на песок, и поманила Эйри сесть рядом.

— Ну и что мне теперь со всем этим делать?

— Вы спрашиваете моего мнения как раба или как любовника, госпожа?

— А ответы будут очень разными?

— Диаметрально противоположными, госпожа. Как ваш личный раб и помощник управительницы я бы посоветовал воспользоваться неожиданно вспыхнувшей страстью Лейхио. Есть разница между простым подчинением раба госпоже и подчинением влюбленного раба, у которого есть шансы быть использованным. Причем использовать на самом деле и не обязательно, надо лишь умело давать понять, что есть шанс. Если вы будете манипулировать Лейем — вы будете манипулировать всеми наложниками. Но важно, чтобы именно вы манипулировали им. Лейхио старше вас и у него большой опыт реальной власти. Я по сравнению с ним

наивный щенок, хотя официально он никто. Теневой хозяин гарема. Если вы уверены в своих силах — я, как ваш раб, посоветовал бы вам сыграть. Хотя всегда есть риск попасть под его влияние. Прежней госпожой он вертел легко и непринужденно.

— А как мой любовник ты категорически против?

— Конечно. Красивый, опытный, наглый мужчина рядом с моей госпожой, тем более, обычно, в мое отсутствие. Но знаете, наверное будет лучше, если вы не станете учитывать мои чувства и поступите как настоящая госпожа.

— Хорошо. Я поняла тебя. Манипулировать мужчинами просто, если держать перед ними мешок с конфетами, чтобы запах сладостей сносил мозг, и иногда давать лизнуть или пососать, чтобы вспоминал, каково оно на вкус. Но если дать сразу съесть весь мешок — у мужчины может случиться приступ аллергии. А если давать каждый день по конфете — он привыкает.

— Но на меня-то вы сразу вывалили весь мешок...

— Да. И у тебя случилась наркотическая зависимость. Тебя теперь трясет, когда кто-то забирает из твоего мешка даже старый засахаренный леденец.

— Клятвенно обещаю больше никого не бить без вашего разрешения, — Эйри весело рассмеялся. — А теперь пошли обедать?

* * *

После обеда Айрин с Вилайди направились на мужскую половину дома и потребовали разнообразия впечатлений. Когда кроме озера никаких других развлечений нет, то как бы ты не любил купаться, в конце концов тебе это надоест.

Лейхио понимающе покивал и задумался.

— Можно уговорить Хозяйку Сабину выпустить нас в город — там-то весело можно провести время. Но мне кажется, что Эйн потом круто меня поймет без смазки, если я вывезу вас в город без него. Поэтому варианты у нас такие, госпожа. На лошадях вдоль леса, поотбивать себе копчик и полюбоваться красотами природы. Устроить очередную пирушку и обкуриться кальяном. Ну или можно устроить вылазку в гости к кому-то из мелких семей, живущих на нашей территории. Уверен, что Сабина одобрит эту идею.

— Ну хорошо, пошли искать ее и отпрашиваться. По твоему браслету

можно узнать, где она сейчас?

— Да, госпожа. Не хотите гонять Хозяйку к нам? И правильно. Добрее будет. Она на женской половине, в своем кабинете. Все пойдем или пусть младшие нас ждут?

— Пойдем вдвоем.

Лейхио умудрился, как обычно, вложить в улыбку всю свою самоуверенную снисходительность, склонить голову и приглашающе махнуть рукой.

Весь путь до кабинета Сабины проделали молча. Лей шел на шаг сзади, опустив голову в пол, такой тихий, покорный, незаметный... Эйри не умел так перевоплощаться. По нему сразу было видно, что он просто знает правила и старается их соблюдать. Лейхио был... Ну просто идеальный раб. Войдя в кабинет он сразу опустился на колени, у ног Сабины. Причем не обиженным аристократом, вынужденным соблюдать глупые приличия, как он это проделал ранее. Нет, полное глубокое погружение в роль. Раб, занявший привычное место у ног госпожи.

— Сабина, мне бы хотелось посетить соседей, проживающих на нашей территории. Это будет нормально? Я возьму с собой Лейхио, Сайни и Вилайди.

— Вилайди я бы брать не советовала... Только если он будет с распущенными волосами, чтобы не светить клеймом. А так... Почему бы нет. Лей за вами присмотрит, он хороший мальчик, правда?

Айрин скептически посмотрела в сторону «хорошего мальчика», и тот опустил голову еще ниже.

— Ну что ж, пойдем за остальными.

* * *

Лейхио долго обдумывал, к кому из соседей было бы интересно и политически правильно нагрянуть в гости без приглашения. Остановился на семье сестер Пайти: Пайтириане и Пайтиорине. Среди знакомых и родственниц — Риане и Рине.

Пешком до них неспешным ходом было не более получаса. Вилайди с Сайни всю дорогу обсуждали что-то насчет прокачки хитрой мышцы, которую Сайни никак не удавалось «красиво рельефнуть».

Лейхио шел сзади девушки и был молчалив и задумчив. Наконец он решил поговорить.

— Госпожа, у меня что-то не складывается в анализе происходящего и

меня это беспокоит. Вам дорог Эйри, который ревнует вас ко всему, что движется, как бы он не старался это скрыть. После утренней сцены я был уверен, что несколько дней вас не увижу. И что, возможно, мне придется самому искать встречи с вами и активно извиняться. Уверяю, если бы не восхитительно вовремя появившейся Эйн, через минуту я бы уже сам взял ситуацию под контроль. Просто давно уже не стоял совершенно обнаженный перед красивой женщиной. Что-то перемкнуло... Это не оправдание, понимаю. Так что насчет наказания я говорил совершенно серьезно. Но вы ведь не сердитесь на меня?

— Нет. Временное гормональное переключение мозга — вполне себе уважительная причина для мужчины. Если за этим не последовало непоправимых действий. Эйри вот от ревности дверями хлопает. Ты застываешь рядом со мной.

— Госпожа... Даже если вы на меня не сердитесь, Эйн должен рвать и метать. Правильно?

— Нет. Он даже просил передать, что в следующий раз будет тебя заваливать лицом в песок только после определенных слов или действий. А так, хочешь играть в обнаженную статую передо мной — играй.

— Какой добрый мальчик, — Лейхио смущенно улыбнулся, — значит он здорово повзрослел за последний год. Еще... Чтобы в дальнейшем избежать недоразумений... Если я спровоцирую вас на определенные действия в отношении меня, Эйн все равно попытается оторвать мне голову или, раз инициатива будет ваша, мне ничего не грозит?

— Смотря как именно ты спровоцируешь и на какие конкретно действия. Если я буду с размаху влепать тебе пощечину, думаю что брат тоже потом захочет поучаствовать. Но если ты имеешь в виду нечто иное, то да. Эйри старается научиться контролировать свои собственнические инстинкты и ревность. Признавая, что подобные чувства не являются положительными.

— Ага. Мальчик сильно вырос в моих глазах... Он гораздо больше склонен думать головой, чем его брат, — Лейхио с улыбкой посмотрел на увлеченно что-то доказывающего и жестикулирующего Сайни. — То есть, я правильно понимаю, госпожа: мне дается зеленый свет на попытки добиться вашего расположения?

— Да, но не агрессивно. И ты не играешь против Эйри. А еще, утоли мое любопытство, если я рожу дочь от тебя, Сабина очень расстроится? Это будет политический беспредел?

— Это будет полный политический беспредел, госпожа. Уж лучше вы родите от Эйна. Да что там, лучше от Сайни, чем от меня. Он сын старшей

хозяйки дома. А я сын служанки, даже не младшей хозяйки. Генетическая деградация у детей по отцовской линии. Нет, это будет мегаскандал. А с учетом того, что ваша отцовская линия тоже не безупречна...

— Жаль. Твой генофонд для будущей госпожи по-моему вполне подошел бы. Властная, наглая, самоуверенная... Мечта просто!

— Госпожа, у идеального отца наследницы должно быть обязательно джордановское образование. Он, знаете ли, должен быть умный.

— Ну, так ты вроде со стороны очень на умного похож... — Айрин от души развеселилась, заметив, что у самоуверенного Лейхио все-таки есть комплекс.

— Если бы я был умный, я бы закончил школу наложников с отличием, и получил право сдать экзамены в Джордан. Но я был ленивый и наглый.

— Жаль...

— Да, мы бы с Эйном замечательно договорились.

— Лей, расскажи мне про тех, к кому мы идем в гости.

— Это две молодые женщины чуть постарше вас. Риане и Рина. У них трое мужчин на двоих. И одна маленькая дочь. Дочь Риане, но воспитывают они ее вдвоем. Они — наша сельскохозяйственная надежда, — Лей ухмыльнулся, — изучают всякие новые веяния, исследуют, отрабатывают сначала у себя в огороде, потом у нас в полях. Потом продают эти идеи нашим соседям. С одной стороны независимы, а с другой мало какая семья будем доверять им настолько, чтобы предоставить для эксперимента целое поле. Я их выбрал, потому что им важно произвести на вас хорошее впечатление. Иначе вы же можете разорвать договор или пересмотреть его на более выгодных для себя условиях. Кстати, если что, пересматривать не советую — они смогут найти нового покровителя, не сразу, но смогут. А результаты их экспериментов ежегодно увеличивают ваш доход.

— Такого совета я могла ожидать от Эйри, но от тебя... То есть, за той частью управления, которой заправляет Эйн, ты тоже присматриваешь?

— Да нет, совсем в дебри расчетов обычно не лезу. Но эта ситуация прозрачно ясная. А так я больше по политическим нюансам.

— Понятно. Скажи, по жизни эти сестры нормальные, без заскоков? Мне как себя с ними вести? Нормально или с позиции «я королева»?

— Да нет, они нормальные! У них всегда вкусно кормят, чай с разными травами. Книжки, конечно, с ними обсуждать можно только детские или про насекомых-вредителей. Зато полный дом экспериментальных овощей и фруктов. К правилам они не сильно требовательны, так что я у вас в ногах

посижу, а не к остальным мужчинам уйду.

— Лей, а объясни мне, почему со мной ты не так перевоплощаешься, как с Сабиной?

Мужчина весело засмеялся.

— Мне искренне казалось, что вам этого не хотелось бы. Я ошибся? Надеть личину идеального раба мне ничего не стоит.

— То есть Сабина никогда не видела тебя настоящего?

— Я думаю, она догадывается. Хозяйка Сабина очень умная женщина. Нам с ней просто так удобнее, когда есть четкое распределение и соблюдение ролей. Вот Эйн не всегда играет правильно, поэтому они иногда из-за этого сталкиваются.

Сначала Айрин увидела высокий забор, вдоль которого они шли еще какое-то время. На калитке был нарисован череп, стилизованный под какого-то жука из местных, с четырьмя глазами. И пересекающиеся кости, заканчивающиеся снизу лопатой и граблями.

— Это у них один из парней рисует, Тоймаш, — пояснил Лейхио развеселившейся при виде рисунка девушке.

— У него отличное чувство юмора.

— Вы даже не представляете насколько! — Сайни и Лейхио, переглянувшись, скрючились от смеха. — Простите, госпожа! Мы с вами потом поделимся историями с участием этого юмориста. Стучите в дверь, госпожа.

Эскорт быстро расположился сзади Айрин: сначала Лейхио и Сайни, за ними Вилайди.

Калитку распахнул парень лет двадцати трех — двадцати пяти, светловолосый, но с карими глазами. Смазливый, с покорной улыбкой раба на лице. Девушку аж передернуло всю внутри. Хотя она тут же вспомнила, как хорошо играет идеального раба Лейхио и расслабилась. Может этот мальчик тоже просто играет? Да и вообще, он же не ее раб, может кого-то от поведения Эйнри так же потряхивает. Скорее всего большинство местных женщин, чего уж там, будем честными. Твой личный раб — редкий нонсенс. А ты, чтоб не скучно было, нашла еще большего наглеца, правда, старше и скрытнее. А еще пытаешься распустить мальчишку, который пока соответствует местным нормам поведения. Но тебя как раз это и беспокоит. Так что натягиваем дружелюбную улыбку на лицо. Хотя, стоя на коленях, этот парнишка твоей улыбки не оценит.

— Добрый день («Говорите от первого лица, госпожа!» — тихо в ухо прошептал Лейхио). Я зашла познакомиться с твоими госпожами. Они сейчас здесь?

— Да, госпожа! Это большая честь для нас, госпожа! Сейчас я их позову, если вы позволите? Проходите в дом, госпожа...

Айрин кивнула, подтверждая позволение пойти и найти хозяек дома, куда они завалили незваные и неожиданные, да еще и такой толпой. Раб тут же исчез где-то на заднем дворе.

Дом стоял в центре большого огорода, разбитого на грядки или прямоугольные поляны. Везде что-то росло.

— А за домом у них парники и клумбы, — в глазах Сайни засветился восторг.

— А! Так это они будут тебя обучать на садовника?

— Нет, что вы, госпожа! Попасть к ним на обучение, да еще бесплатно... Мне точно не светит.

Тут из-за дома, вытирая руки об рабочие комбинезоны, выбежали две девушки. Близняшки. Плотненькие, невысокие, обе с большим бюстом, смуглокожие, кареглазые и русоволосые. Парень, открывший калитку, явно приходился им близким родственником. Скорее всего очень близким.

— Госпожа! Какая неожиданная честь! Благодарим за то, что вы решили посетить наш дом! — проговорила одна из девушек. — Проходите, пожалуйста. Мы сейчас быстро приведем себя в порядок, Виайлис и Тоймаш накроют на стол, а Нейрио пока может показать вам наше хозяйство.

— Госпожа, пожалуйста, давайте посмотрим парники и клумбы, — возбужденно в ухо зашептал Сайни.

— Да, госпожа, иначе он потом выключит нам весь мозг на обратном пути, — в другое ухо прошептал Лейхио.

— Спасибо. Конечно мы... — Лейхио ощутимо ущипнул девушку за ягодицу. — ...Ой! Конечно, я с радостью посмотрю пока на ваши цветы и все остальное тоже.

Как только девушки скрылись в доме, Айрин тут же отомстила за свой будущий синяк, поставив точно такой же на том же месте у обидчика.

— И это ваша благодарность за вовремя сделанную подсказку? — Лейхио постарался изобразить невинно-обиженное создание, но это была явно не его роль.

Родственник хозяек, Нейрио, с воодушевлением маньяка начал бегать от грядки к грядки и захлеб рассказывать, что вот здесь у них ягоды такого-то сорта, скрещенные с ягодами такого-то сорта... А вот в этом парнике растет... А вот тут вот смесь цветов... А вот это дерево... А плоды будут... А...

Сайни слушал все это с таким лицом, как будто ему и правда

интересно, а, главное, все понятно. Наверное, надо будет пристроить братика к этим маньякам. Хотя Лейхио, скорее всего, не оценит.

— Госпожа, что-то вы замышляете недоброе...

— С чего ты решил?

— Вы долго задумчиво смотрели на Сайни, а потом посмотрели на меня и усмехнулись. Меня это беспокоит, госпожа.

— Я подумываю пристроить Сайни к этим милым людям, на обучение.

— Сай будет просто в восторге.

— А ты?

— Я? Если он станет таким же одержимым скрещиванием овощей с ягодами и фруктами? Гхм... Я буду мстить ему рассказами о смесях пряностей, — Лейхио предвкушающе злорадно ухмыльнулся.

Тут к ним присоединился Тоймаш, чтобы сообщить, что стол накрыт и обе госпожи ждут гостей.

Сайни был так откровенно расстроен, что лично для него экскурсия была продолжена. Остальные же пошли за Тоймашем в дом.

— Лей, вы же не в первый раз тут в гостях. Неужто Сайни до этого ни разу не видел все эти посадки? — по пути тихо уточнила Айрин.

— Нейрио редкий зануда, госпожа. Он считал общение с нами ниже своего достоинства. Сейчас он просто уже при вас распалился, вот и остался заливаться певчей птичкой для одного Сая. А когда прежняя госпожа ходила смотреть результаты экспериментов вместе с Сабиной, то рабов они не брали. Мы сидели дома и резались в карты с Тоймашем. На раздевание.

Тоймаш обладал не совсем обычной для местных внешностью. Видно было, что кто-то из его недавних предков был нарушителем границ. У мужчин Венги такие хищные черты лица давно и старательно искоренялись. При этом у него были темно-русые волосы и серо-зеленые глаза, обычные для жителей Острова. Тогда как карие глаза здесь были очень большой редкостью. Но именно Тоймаш, а не Нейрио с сестрами, производил впечатление выкраденного из Космопорта континентальца.

— Лейхио, я ослышался или ты сам признаешься своей госпоже, что вместо миллиардного раза интеллектуально-познавательного прослушивания курса лекций от Нейрио заставлял меня и Сайни играть в азартные гаремные игры? В которых ты беспардонно жульничаешь, кстати?! — Тоймаш, идущий сзади Лейхио, старался говорить тихо, как будто просто переговариваясь с другом, но так, чтобы госпожа при желании смогла услышать.

— Да, признаюсь. И мне ничуть не стыдно. Госпожа, наверное, тоже

предпочла бы поиграть в карты, чем слушать о том, как правильно скрестить плодовоовощные культуры с целью получить такие же, но больше и вкуснее. Надеюсь, угощение к чаю у вас, как всегда, твоего изготовления?

— Да, все утро простоял у печки.

— Отлично, — Лейхио добавил громкости и почтительности. — Госпожа, Тоймаш чудо как хорошо печет, вам обязательно понравится. Ну, еще и рисует неплохо. Вам уже понравилось.

У дверей дома — достаточно небольшого, надо заметить — их уже встречали переодетые и отмытые сестры. Лейхио и Вилайди почтительно склонили головы. Вернее, Вилайди начал падать на колени, получил знатный щипок от Лейя и одумался.

Девушки представились, обменялись ничего не значащими фразами о природе и погоде, уселись за стол. Хозяйки начали расспрашивать Айрин, как ей нравится на родной планете матери. Потихоньку разговорились. Лейхио пристроился слева, в ногах у девушки, и, когда что-то хотел сказать, аккуратно поглаживал ее по ступне. Вилайди сидел за отдельным столиком, очень низким, вокруг которого сидели на ковре все остальные юноши. В разговоры он не влезал, но внимательно слушал. До тех пор, пока Тоймаш не погладил его по ноге. Тогда мальчик подполз к Айрин под свободную руку. Девушка, разговаривая, вопросительно взглянула на Лейя и тот одними глазами дал понять, что все правильно. Надо просто погладить мальчишку, отметив как своего.

— Мы слышали, что в списке твоих игрушек на первом месте стоит Эйпри, — девушки еще в начале разговора перешли на «ты». — Странно, что он не присоединился к твоей свите.

— У него очень много работы, поэтому днем меня развлекают Лейхио и Сайни. А Эйпри сменяет их вечером.

— А еще до нас доходили слухи, что ты подарила Эйпри раба, красивого, юного и рыжеволосого, — Риана задумчиво посмотрела в сторону Вилайди.

— Да, подарила. Увидев в борделе этого ребенка, я не смогла сдержаться. Мальчик был такой нежный и еще совсем неиспорченный наркотиком.

Сестры переглянулись между собой, потом задумчиво посмотрели на Айрин и Вилайди и решили сменить тему, завалив девушку вопросами: «Ты готовишься к празднику представления обществу? Уже сшили платье? Заказали туфли? Придумали прическу? Нет?! Вот ужас-то!!! Осталось всего ничего... Завтра обязательно надо выбраться в город! О чем Сабина

думает, интересно! Какой учитель, когда туфли к платью не подобраны?! А надо еще перчатки... Как — „зачем“?! У тебя столько мужчин и ты не знаешь, зачем девушке перчатки?!»

Когда началась тема про перчатки, разговоры за соседним столиком стихли, Лейхио постарался слиться с ковром, Вилайди напрягся.

Айрин быстро вспомнила, что Сабина тоже упоминала перчатки. И даже вспомнила в каком контексте.

— Ой, девочки! Я просто не сразу сообразила. Конечно, я знаю... Завтра я обговорю с учителем свое расписание, ведь не целыми же днями она со мной заниматься будет. И мы все вместе съездим в город, да?

— Конечно. Тебя обязательно надо отвести в салон красоты Зуйлии! Там и стрижку подберут, и косметику... А еще там рядом чудесная ювелирная лавка. А вот перчатки и туфельки на другом конце города... Сейчас я принесу, покажу тебе каталог... И с ювелиркой тоже принесу.

Дальше девушки изучали каталоги, щебетали про косметику и украшения, а парни тихо ушли на второй этаж, играть в карты.

Вечером за ними прискакал Эйнри, ведя в поводу еще двух лошадей. Так что домой добирались быстро и с комфортом.

После ужина пошли втроем лежать на траве и смотреть на звезды. Целовались, обнимались и просто лежали вместе, рядом. Потом уползли спать.

31 вайэба 326 года. Семь дней до вечеринки.

Учитель приехала рано утром, Айрин только закончила пить третью кружку тайшу. Вилайди сидел у нее в ногах и пересказывал утренние новости. Лейхио в первый раз пробовал свои силы на кухне. Кхериян выдал ему белый колпак и передник с нарукавниками. Эйнри с Вилайди были первыми, не считая самих поваров и Сайни, кто видел Лейхио в таком наряде. И от души повеселились. Теперь же мальчишка веселил свою госпожу.

И тут в дверь постучали и в комнату вошла женщина, где-то между тридцатью и сорока. Ухоженная, высокая, с красивой прокачанной фигурой и жестким выражением глаз. Каштановые длинные волосы были заплетены в косу. Светло-серые глаза гипнотически притягивали. Черные туфли на высоких тонких каблуках, черная плиссированная юбка и белая рубашка. Никаких украшений.

Вилайди испуганно всхлипнул и сделал попытку спрятаться за кресло, на котором сидела Айрин.

Девушка встала из-за стола и поздоровалась. Вошедшая внимательно оглядела Айрин, потом поманила рукой Вилайди и тот, склонив голову и глядя в пол подошел к ней.

— Здравствуй, Айрин. Я заехала сегодня ненадолго, только лишь для того, чтобы познакомиться и понять, по какой системе нам в дальнейшем придется заниматься. Давай для начала обсудим теорию. Сабина сказала, что отдала тебе учебники Элессит. Ты прочла их?

— Да.

— Хорошо. Давай обсудим с тобой главу номер 125. Помнишь, о чем там?

Айрин порадовалась про себя, что Вилайди оказался дотошным занудой и вместе с названиями заставлял ее учить и номера. Наверное знал, что это важно. Так что девушке удалось блеснуть своими знаниями и пересказать несколько глав. Учитель осталась довольна.

— Ну что ж, один предмет ты уже освоила, правда только теоретически. Или приходилось уже наказывать рабов?

— Два раза уже.

— Хорошо, тогда сегодня я выдам тебе еще учебники по традициям, этикету и нейропрограммированию. И еще, дорогая, твоя тетушка очень переживает, что ты слишком избаловала своих мужчин. Мне бы сегодня хотелось показать тебе несколько интересных приемов для эффективного наказания, а, к сожалению, с собой я взяла только немного рабочего инвентаря, без вспомогательного материала, так что совместим приятное и полезное. Пригласи сюда и второго своего юношу, пожалуйста.

Айрин очень хотелось отказаться. Особенно когда она увидела обреченный вид Вилайди. Но он, почувствовав что девушка на него смотрит, поднял голову и кивнул. И Айрин вызвала Эйри. Подумав про себя, что вдвоем-то они уж точно как-нибудь выкрутятся.

Учитель одобрительно кивнула.

— Что ж, а пока будем знакомится с младшим. Как тебя зовут, малыш? — в голосе зазвучала обволакивающая томная ласка.

— Вилайди, госпожа.

— А как звали твою прежнюю госпожу?

— Госпожа Клаусийлия, госпожа — С каждым ответом голос Вилайди становился все более отстраненным.

— Клаусийлия, помнится мне, слишком жестокая дама. Ты — один из ее сыновей?

— Нет, госпожа.

— Родственник? Кто именно?

— Племянник, госпожа.

— Ах, да. Я вспомнила этот шумный скандал семнадцать лет назад... Тебе ведь семнадцать?

— Да, госпожа.

— Понятно. Ну что ж, пожалуй тобой мы слишком активно злоупотреблять не будем. Разденься и подойди ко мне ближе. Умница. Теперь развернись лицом к своей госпоже. Следи за дыханием, мальчик. Не надо меня бояться ТАК сильно. — Учитель подошла вплотную к Вилайди со спины, обняла его одной рукой за талию, другой за плечи. — Подними голову и смотри своей госпоже в глаза. Как ты думаешь, малыш, нам есть за что тебя наказать?

— Раба всегда есть за что наказать, госпожа.

— Умница. Давай вместе подумаем, за что именно мы будем тебя наказывать...

В дверях уже стоял застывший и старающийся не дышать Эйри. В глазах его была такая же отстраненная обреченность, что и у Вилайди.

— Мое поведение последнее время далеко от норм, госпожа.

— Это беспокоит твою госпожу?

— Нет, госпожа.

— Значит переформулируй причину.

— Пользуясь тем, что госпожа слишком добра и не знает многих норм и правил поведения раба, я позволяю себе их нарушать. Очень часто позволяю... Госпожа..

— Ты раскаиваешься?

— Да... — тихо, еле слышно. Потом более уверенно: — Да, госпожа.

— Умница.

— А теперь пойдем в комнату для наказаний и выберем там вместе инструмент, да?

Вилайди кинул панически-испуганный взгляд на Айрин, потом выдохнул:

— Да, госпожа.

В комнате женщина попросила Вилайди медленно внимательно осмотреть полки. А сама так же внимательно следила за лицом юноши.

— Среди этих инструментов нет нужного, да?

— Да, госпожа, — голос Вилайди начал слегка дрожать, дыхание сбиваться. Медитативная отстраненность явно покидала его.

— Хорошо. Так какого инструмента здесь нет?

Вилайди испуганно сжался, и снова начал напоминать того забитого потерянного звереныша, которого только что привезли из борделя.

— Пожалуйста, госпожа...

— Ты ведь знаешь правила? Соппротивление и капризы увеличивают наказание.

— Да, госпожа. Простите, госпожа. Стек-фаллос, госпожа, — юноша снова вошел в состояние «меня здесь нет, лишь только тело».

— Хорошо. Скажи мне, какие у тебя взаимоотношения с Эйнри?

— Он мой Верхний...

— Неправильный ответ. Я спросила про другое.

— Он... Он...

— Ты его любишь?

— Да, госпожа.

Эйнри закрыл глаза и сжал кулаки, губы его шевелились... Он считал вслух, чтобы успокоиться и достичь необходимого состояния отстраненности. Потому что уже понял, что будет дальше.

— Сейчас я буду при тебе наказывать стеклом Эйнри, а ты будешь на это смотреть.

Вся концентрация слетела с мальчишки в одну секунду...

— Госпожа, пожалуйста...

— Что делают с наказанием капризы?

— Увеличивают его.

— И так мы имеем наказание стеклом, увеличенное в два раза, а потом еще раз увеличенное в два раза. Айрин, какое минимальное количество движений стеклом должен получить раб за нарушение правил поведения?

— Я не очень хорошо помню... По-моему, десять, да?

— Да. Умножаем десять на два и потом еще на два. Получаем... Сколько мы получаем, Вилайди?

— Сорок, госпожа, — у Вилайди было такое лицо, что девушка для себя четко решила спрятать все колющие и режущие предметы из зоны его доступа на ближайшие дня три.

— Умница. Эйнри, подойди ко мне. Разденься. С тобой мы знакомы уже давно, так что давай сразу приступим к наказанию. Подойди еще ближе. Развернись лицом к госпоже и любовнику. Ты ведь тоже к нему равнодушен, верно? Значит вас можно называть любовниками? Не кивай!

— Да, госпожа, равнодушен. Можно называть любовниками.

Войти в стадию полной отстраненности у Эйнри не получалось. Мешал стек-фаллос, которым водили по его телу. Нежно, лаская. Вилайди следил за этими движениями, как загипнотизированный кролик. Айрин попыталась что-то сказать, но Вилайди тут же сжал ее пальцы со всей силы. «Восемьдесят он точно не выдержит» — тихо прошептал на ухо.

— Умница! Только кто же так ведет себя с госпожой? Может будем считать не от минимума?

Вилайди испуганно посмотрел на женщину, упал на колени и просто с мольбой и ужасом во взгляде смотрел ей в глаза.

— Ладно, детки. Будем считать, что сегодня я в хорошем настроении. Свою порцию энергии страха я получила. Так что можете оба одеваться. И, Эйн, что бы там не говорила твоя тетушка, ты умеешь быть покорным, когда нужно. А вот твой младший очень эмоционален, особенно когда речь заходит о тебе. Я обратила внимание, что на нем стоит клеймо Джордана. Ты собираешься как-то использовать его знания? Взять помощником?

— Да, госпожа. Как только хозяйка Сабина к нему привыкнет. А пока он помогает заниматься госпоже. Мне кажется, что ей он сейчас нужнее. И у него вроде неплохо выходит... Госпожа?

— Да, я довольна результатом. Оставляю вам еще стопку учебников, наслаждайтесь. А через месяц приеду проверю. И практики побольше!

— Да, госпожа.

Никогда и ни с кем еще Айрин не прощалась с такой радостью и облегчением. Эйри отпустило почти сразу, а вот Вилайди трясло аж до стука зубов.

— Я... Я... Я ее помню. Она меня раз наказывала... Когда я попался в их лагере... Она... Она... Она просто ас в этом деле! И, когда в глаза ей смотришь, то теряешь себя просто. Она не дает отстраниться от реальности, ты в теле, все чувствуешь, и при этом делаешь все, чтобы услышать ее «Умница!». И голос этот обволакивающий...

Работать после такого утреннего стресса Эйри не пошел, да и не смог он просто оставить Вилайди в таком состоянии. Поэтому все дружно отправились на озеро. Даже обедали там же. Мальчики сбегали на кухню и принесли корзину еды.

Пережитый страх спровоцировал всплеск возбуждения. Эйри ласкал то Вилайди, то Айрин. Они ласкали его в ответ. Потом остужались в озере и все начиналось по новой.

Вечером еле доползли до дома, поужинали и пошли на мужскую половину. Отмечать первый рабочий день Лейхио и Сайни.

* * *

Следующие дни были заполнены магазинами, салонами, примеркой платьев, поиском туфель и прочим предпраздничным женским ажиотажем.

Глава 5

3 жниэвен 326 года. Дом Вайнгойртов.

Утром Айрин разбудили на рассвете. На ее жалкие попытки вцепиться в подушку, как обезьяний детеныш в шерсть своей матери, и отговорки из серии «Все гады придут в пять вечера, почему она должна встать в шесть утра?!» внимания никто не обращал. Вокруг нее крутились Сабина, сестры Пайти, еще несколько женщин, которых она раньше мельком видела в доме.

Хорошо, что Эйфри с Вилайди ушли ночью спать к Лейхио и Сайни. А то бы сейчас кроме буквальной головомойки девушка получала еще и фигуральную. То есть, конечно, скорее всего, Сабина в курсе, что мальчишки спят не просто в ее комнате, а с ней на одной кровати. Но одно дело подозревать об этом на сто процентов, а другое — застать в реальности. Вилайди бы уже точно сейчас лежал на коленях, головой в пол, и боялся... Иех, как его сейчас здесь не хватает. Сидел бы рядом, в ногах, она бы его гладила и чувствовала себя спокойнее в этом ажиотаже. Шум и гам, как при захвате корабля пиратами! Хочу тайшу! И плюшек... И фруктов!

Зачем сейчас надевать платье и туфли? Какие такие гости «пораньше»? Кто приходит в гости пораньше часов на десять?! Госпожа Клаусийлия с племянником? Где-то совсем недавно она слышала это имя... Черную дыру вам на пути! Это ж бывшая госпожа Вилайди! А племянничек — один из тех, кто его насиловал?.. Что значит — «самый выгодный вариант»?! Вы что, с ума все посходили? Вилайди икать начнет от страха, когда увидит эту пораньше приехавшую гостью и ее подарочек. И еще трое? Каждая со своим сыном? Обалдеть! Через два часа приедут?! Завтрак мне, быстро!

Когда Айрин была готова внешне к приему гостей и даже успела позавтракать, она предложила Сабине такой план просмотра кандидатов. Родственниц Сабина сразу забирает к себе в комнату, а юношей выстраивают где-нибудь, ну, хоть в гаремном зале. Главное, чтобы она могла обсудить их кандидатуры со своими мужчинами и выслушать советы Лейхио и Сайни. В конечном счете, парням вливаться в мужской коллектив, пусть этот коллектив их и оценивает. А она уже примет окончательное решение по итогам. Только гарантий, что выбор будет сделан именно сегодня, она никому не даст, и надеется, что это всем понятно?..

Сабина поворчала и согласилась.

Первой прибыла пожилая госпожа возраста Сабины. С ней приехал испуганный блондинчик, явно сразу после Джордана. Пухлые губки у него испуганно дрожали, голубые глазки от земли не поднимались... Ну, просто мечта педофила. «Ебу и плачу»... Потенциально идеальный отец, аха!

Потом, почти одновременно, подъехали еще две кареты. Одна — с молодой женщиной лет тридцати. Она привезла русоволосого смазливового красавчика, постарше первого, но не намного. Брата. «У матери неожиданно случился приступ головной боли, и она не смогла приехать, очень просит ее извинить...». Во второй приехала пожилая госпожа сильно старше Сабины с блондином возраста Эйнри. Тихий кошмар. Пухлые губки, большие глаза чуть навывкате, гора мышц... Похоже, сегодня выбирать не из чего, можно выдохнуть и просто прорепетировать роль светской леди...

Все уже собрались в малом гостевом зале, где был накрыт стол. Девушка мимикой и жестами дала понять тетушке, что представленные экземпляры ее абсолютно не радуют и смысла вести их кому-то показывать она не видит. И тут в зал вошла женщина в возрасте около сорока. Безумно красивая. Вот просто сногшибательно красивая. Золотые волосы, локонами падавшие ей на плечи, синие глаза, в которых сочетались кошачья томность и отрешенное безразличие хищника. Она не была жестока, нет. Просто слишком самовлюбленная эгоистка, могла и приласкать, и наказать... Практически открытый бюст украшала цепочка с вензелем. На руке был плотный толстый браслет с этим же вензелем. И такой же вензель был на браслете, плотно обхватившем бицепс юноши, стоящего рядом с женщиной. Вместо традиционной для наложников рубахи с запахом на юноше была черная в обlipку футболка без рукавов из прозрачной блестящей ткани. Штаны тоже были не свободного покроя, а в плотный обтяг. Плотный кожаный обтяг! Как его в них запихнули?! А главное, руки юноши были скованы. Наручники были в форме стильных браслетов, между ними болталось несколько тонких серебряных цепочек. Лица юноши не было видно под шапкой черных, иссиня-черных волос чуть длиннее пояса. Парень был высокий, выше Сайни, поджарый и мускулистый.

По наступившей тишине Айрин поняла, что не только ее проняло до судорог мышц живота от перевозбуждения.

— Клаусийлия, дорогая, где ты прятала этот черный бриллиант? — у молодой женщины, сопровождающей своего брата, глаза светились, как у хищницы при виде добычи.

— Мийрийнива, как можно? Прятать что-то не в моих правилах.

Дэйниш — мой двоюродный племянник, он шесть лет назад закончил Джордан, и все это время управлял имением моей сестры. Сестра скончалась три месяца назад, оставив мне и имение, и Дэйниша. Имением уже управляет одна из моих женщин, а мальчика я хочу пристроить в хорошую семью. Конечно, мне пришлось с ним немного поработать, и результатом я еще не очень довольна. И если юная леди, — легкий поклон в сторону Айрин, — сегодня откажется принять мое предложение, то на вечеринке я его выставлю как вечернее угощение. В рамках разумного, конечно. Так что, Мийрийнива, у тебя есть все шансы вскрыть эту жемчужину! — и обе женщины засмеялись над шуткой.

Айрин тихо переваривала услышанное. Судьба юноши до какого-то момента явно очень напоминала судьбу Эйри. Только с новой госпожой ему не повезло. Фатально не повезло. И теперь у нее есть выбор. Или взять этого юношу в гарем, или наблюдать, как его будут насиловать сегодня вечером.

— Госпожа Клаусийлия, вы позволите мне осмотреть Дэйниша и поговорить с ним, перед тем как я сделаю выбор?

— Конечно, дорогая, само собой!

— Отлично. Дэйниш, идем за мной.

— Прости, дорогая, ты хочешь осмотреть раба наедине?!

— Да, поверьте, я его не испорчу и верну вам в целости и сохранности.

Тут в разговор вмешалась Сабина, вскользь пройдясь по тому, что Айрин девушка хорошая, но с кучей континентальных странностей. Которые со временем, конечно, сгладятся.

А девушка в это время вывела юношу из зала. И направилась на мужскую половину дома. Дэйниш шел следом за ней. В походке Эйри была мягкость и грациозность, у Лейхио была поступь хищника, Вилайди ходил, исполняя красивый сексуальный танец. Дэйниш шел с прямой спиной, расправив плечи, подняв голову... Так ходят офицеры в Космопорте. Откуда у него такая походка? И эти черные волосы на планете блондинов?

В гаремном зале кроме двух пар ее мужчин было еще несколько человек из старших. При виде красавца у нее за спиной Лейхио восхищенно присвистнул. И его можно было понять — только один прикид Дэйниша вызывал гормональный взрыв. Сайни, вместо того, чтобы привычно стукнуть любовника в живот, сам стоял, замерев от восторга.

— Дэйниш?! — в голосе Вилайди звучало изумление, но не ужас. А значит, к парню у него претензий не было и это радовало.

Претензии были у Эйри. И радости он не испытывал.

— Матерь Сущего!! Это что, единственный кандидат?!

Эйн подошел к Дэйнишу и откинул волосы у него с лица. Лейхио присвистнул снова.

Синие-синие глаза... Необычный разрез, от виска чуть под углом. Губы чуть тоньше местного понятия о прекрасном, что было только плюсом.

Юноша смотрел на всех не то чтобы с вызовом, но было в его взгляде что-то... Готовность дать отпор. И настороженность. Это была не дичь на закланье, а молодой волчонок в чужой стае. Примут — хорошо, нет — буду драться.

— Сколько тебе лет? — приступил к общению Эйнри.

— Двадцать два.

— Почему в наручниках?

— Потому что!

— Я задал тебе нормальный вопрос, парень. Сосчитай до десяти и попробуй ответить снова.

Дэйниш закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул...

— Потому что... Потому что если вы меня сейчас здесь пошлете, меня вечером разложат под толпой пьяных женщин. Наручники возбуждают... — и в глазах только злость.

— Значит, в твоих интересах, чтобы мы тебя приняли?

— А я знаю? Может, вы меня сейчас отымете всем составом и еще народ позовете?

— Хорошо. Все мы тебя иметь не будем, но я и он, — кивок в сторону Лейхио, — трахнем совершенно точно.

— То есть я буду третьим, пока не стану отцом наследницы?

— Скажем так, ты будешь пятым, но Сайни и Вилайди тебя иметь не будут, если не будешь сильно выступать. И рождение детей на смену положения не повлияет.

— Но вот ему же уже почти тридцать, или у него тут корни есть?

— Ему уже больше тридцати и он тут так же вечен, как и я.

— Понятно. Значит, пятый. Кто из вас управляющий домом? Ты?

— Я.

— А он гарем держит?

— Да.

— В помощники кто-нибудь из вас возьмет?

Мужчины переглянулись и Лейхио плотоядно ухмыльнулся.

— Тикусйо! Не трахать в перерыве, а реально в помощь. Я шесть лет имение у матери держал, мне работать хочется!

— Обсуждаемо. Присмотримся и решим.

— Хорошо... — запас злости и смелости у парня явно подходил к концу.

— Госпожа? Раз вы его сюда привели, значит, вас он устраивает?

— Да, Эйн, меня он устраивает. Хотя у него там конкуренции и не было вообще, один сплошной кошмар.

— Так, может, еще поищите, госпожа?

— Эйн, меня устраивает вот этот экземпляр. По всем параметрам.

— Отлично, — и уже Дэйнишу: — Снимай штаны и ложись лицом вниз.

— Тикусйо!!! — дыхание у парня стало прерывистым, он постоянно покусывал губу и сжимал и разжимал кулаки — Вы меня при госпоже трахать будете?!

— Можно подумать, тебя до этого при женщине не имели!

— Меня за последние три месяца имели при всех, все, везде и всем чем можно и нельзя. Но... Тикусйо!! Пожалуйста, давайте я лучше дам вам всем четверым...

— Если начнешь сейчас артачиться, то дашь. Снимай штаны и ложись!

Дэйниш, кусая губы, начал пытаться снять с себя свою вторую кожу. Сначала не расстегивалась пуговица, юноша дернул так, что она чуть не улетела. Потом заела молния... Айрин подошла к парню, положила руки ему на бедра. Тот взглянул на нее испуганным гордым волчонком.

— Успокойся. То, что я буду рядом, хорошо для тебя. При мне мальчики будут с тобой вежливее и ласковее, чем без меня. У каждого из них есть в кармане смазка. Все будет хорошо.

Парень закрыл глаза, глубоко вдохнул, выдохнул. Глядя девушке в глаза, спокойно расстегнул штаны.

— Если я их сейчас сниму, то обратно уже точно не влезу... Госпожа...

— Да уж понятно...

Эйнри подошел к Дэйнишу сзади, вплотную, и положил свои ладони сверху на руки Айрин. Девушка, освободившись, запустила руки уже под штаны, и плотно прижала к себе парня, за бедра, спереди. Эйнри передвинул руки чуть повыше, взялся за края брюк, и сдернул их, открыв только ягодицы. Ниже спускать не стал. Погладил юношу по заду, провел пальцами по щели между ягодицами, нашел вход. Айрин в это время запустила руки под футболку и начала нежно гладить большими пальцами соски.

Дэйниш уже не кусал губы, а облизывал их. То быстро, то медленно. А главное совершенно неосознанно. Дышал он от возбуждения почти так же,

как Вилайди: три коротких вдоха подряд, потом выдох с легким стоном и прогибом в спине. Это сходство явно заводило Эйри. Он начал нежно целовать парню спину, а Айрин уступила место Лейхио, у которого уже тоже чесались руки и не только. Эйн добрался до ушей и шеи. Лейхио одной рукой властно мямл Дэйнишу яйца, а другой аккуратно массировал проход сзади, вставляя туда пальцы, уже скользкие от смазки.

— Тикусйо! Да возьмите уже меня!

— Ну, уж нет, для меня сигнал готовности, это когда партнер кричит: «Я больше не-мо-гу», — прошептал в ухо парню Эйри, садистски вылизывая это ухо языком.

— Тикусйо!!! Я больше НЕ-МО-ГУ! Трахните же меня наконец!

— А вежливее? — Лейхио загнал в парня уже три пальца и нежно ласкал его ими изнутри.

— Вежливее?! Я соображаю-то уже с трудом!

Эйри решил пожалеть человека, толкнул Дэйниша на пол и вошел в него, придерживая рукой под бедра. Парень сам нашел наиболее оптимальное для себя положение, и начал послушно двигаться в задаваемом сверху ритме.

Лейхио, сменив Эйри, поставил юношу так, чтобы можно было ласкать ему член в процессе засаживания. Кончили они практически вместе — Дэйниш от оргазма сжал ягодицы так сильно, что это не могло не порадовать верхнего партнера.

Потом парень лежал вытянувшись, лицом в пол, а Эйри нежно гладил его по спине, через футболку. Лейхио сидел рядом, обняв одной рукой Сайни, другой — немного напряженного Вилайди.

Минут через пять-семь Дэйниш встал, натянул, сжав зубы, свои штаны, долго смотрел на Эйри, потом на Вилайди, потом на Лейхио и Сайни...

— Тикусйо! Вы просто знатные насильники... Госпожа? Наверное, меня надо предъявить моей госпоже, перед тем как она передаст вам все бумаги?

— Да, я думаю, придется вернуться в зал. Пошли.

Перед тем, как войти, Айрин остановилась, внимательно оглядела парня, поправила на нем одежду, уложила аккуратно волосы. Провела рукой вверх, от скулы к виску.

— Вы ведь будете меня использовать? Иногда? Просто так, не церемониально?

— Буду. Иногда, — Айрин встала на цыпочки, закинула руки Дэйнишу за шею, притянула его к себе и поцеловала. Состояние полного шока от

случившегося ее порадовало. И она вошла в зал. Еще не совсем пришедший в себя Дэйниш вошел следом.

Разговоры стихли.

— Госпожа Клаусийлия, я принимаю вашего раба, Дэйниша, в свой гарем, с надеждой, что он станет отцом моих дочерей.

Сабина не запрыгала от радости только потому, что возраст и имидж не позволили. А так она аж лучилась от счастья.

— Клаусийлия, надеюсь у тебя все бумаги с собой? Я рассчитываю завтра или послезавтра провести первую церемонию зачатия.

Сабина и Клаусийлия удалились в кабинет. Две пожилых госпожи продолжили разговор между собой, и только молодая Мийрийнива подошла к юноше, втянула носом запах, обошла его со спины и запустила руку в штаны.

— Пахнешь сексом, а из дырки течет сперма. Интересно тебя проверяли... Тебя покупают как подстилку для мужчин в гареме или все-таки как отца будущих детей?

— Госпожа Мийрийнива, вы же понимаете, что у мужчин в гареме своя иерархия? После того, как я сделала свой выбор, мои мальчики должны были обсудить и расставить все точки в расположении сил.

— Вы имеете в виду, дорогая, вставить все палки?

— Примерно так.

— Судя по тому, сколько вытекает спермы из вашего нового наложника, его положение в гареме где-то в середине. Если не первый с конца. Хотя, если верить слухам, у вас в гареме есть уже один родственник Клаусийлии, и первый с конца как раз он. Значит у Дэйниша почетное второе место?

— А почему вас так интересует положение в гареме моего нового мужчины, госпожа Мийрийнива? Под каким бы номером он не шел, сейчас он в моем гареме, — Айрин выделила «моем» голосом так, что даже мирно беседующие бабули прервались. — И на каком он там месте, это проблема его, моя, остальных моих мужчин, но ни в коем случае не ваша. Я бы еще поняла ваш интерес, если бы речь шла о вашем брате.

— Молодец, девочка, — одна из пожилых женщин одобрительно хлопнула несколько раз в ладоши, — Мийрийнива совсем разум потеряла от зависти. Конечно, мальчик прекрасен, и то, что его не удастся попробовать сегодня вечером, бесспорно огорчает. Но, с другой стороны, у нас еще есть надежда увидеть на празднике Эйнри, правильно?

— Эйнри, конечно, будет на этом празднике. Но на нем теперь клеймо моего личного раба.

— Фр-ффр! — у Мийрийнивы явно закончился запас слов, — то есть, на Эйри мы тоже сегодня будем только смотреть? А тот родственник Клаусийлии, что сейчас уже живет в этом доме?!

— Возможно, его выпустят потанцевать, мы еще обсуждаем это с Сабиной.

— Но только потанцевать, правильно, дорогая? — последняя, третья женщина решила тоже вступить в разговор.

— Да. Но у нас закуплено специально для праздника много красивых рабов, я уверена, что они вас порадуют.

— Надеюсь, девочка. Хотя Эйри я предпочитаю всем остальным, даже собственным наложникам. Жаль, что Элессит так и не отдала его мне, хотя я и предлагала за него кучу денег. Но она зачем-то берегла мальчика, и теперь, к сожалению, такой хороший генетический материал пропадет.

— Ой, я все время забываю спросить у Сабины! — роль молодой неопытной девочки Айрин вполне устраивала, тем более что она не противоречила реальности. Неопытным молодым девочкам многое прощается, особенно если они ведут себя почтительно и постоянно советуются, преданно заглядывая в глаза. — А вот если я хочу поделиться генетическим материалом? Я не хочу отдавать Эйри в чужой гарем, тем более что сейчас это уже невозможно. Но я бы хотела, что б у него были дети. Так можно?

— Мальчик как отец идеален. Насколько я помню последние пять поколений у него по мужской линии выпускники Джордана, а женщины — старшие в роду. Моя старшая дочь начала задумываться о детях. Было бы интересно заключить постоянный контракт. Это даже удобно, с учетом того, что в еще одном выпускнике Джордана мой дом не нуждается.

— Вы тогда поговорите об этом с Сабиной? А то я опять забуду... — Айрин преданно заглянула в глаза женщине, и та машинально погладила ее по голове.

— Конечно, дорогая.

«Уф! Две из трех на моей стороне», — облегченно подумала девушка.

Тут, стуча каблуками, в комнату вернулась Клаусийлия, а за ней Сабина. Айрин решила, что с госпожой, чьи два родственника находятся в твоём гареме, лучше тоже дружить, чем враждовать. Поэтому кинулась к ней.

— Госпожа Клаусийлия, все нормально? Я могу увести Дэйниша?

— Ты не хочешь похвастаться им перед гостями, дорогая?

— Очень хочу! Просто, как ненавязчиво несколько раз уже отметила

госпожа Мийрийнива, Дэйнишу не помешает смыть с себя последствия общения с моими мужчинами. Он сможет после душа снова одеть то, что на нем сейчас? Мне бы хотелось показать его гостям именно в таком наряде, правда, без наручников. Но вот этот стильный браслетик на его руке мне очень нравится. Вы его заберете?

— Если после душа ты выдашь ему крем или смазку, то с влезанием в штаны проблем не будет. Футболку и мокасины одеть можно без всяких хитростей. Браслет... Хорошо, пусть это будет мой подарок племяннику на церемонию зачатия.

— Ой, спасибо большое!

— Нет, дорогая, мне конечно приятна твоя благодарность, но я бы хотела услышать «спасибо» от самого Дэйниша.

Айрин зыркнула на своего мужа, тот опустил голову, но упрямо поджал губы и сжал руки в кулаки. Черная дыра ему навстречу! Квота на особенных рабов с характером уже явно была перевыполнена, тем более что ничего сложного сейчас не требуется. Всего лишь сказать тете спасибо за подарок. Ну что ж... Подходим сзади, руку в волосы, затылок к позвоночнику, пинком коленом. Оп-паньки! Поза благодарного племянника принята. Теперь снова за волосы головой к позвоночнику, и на ухо, с интонацией Эйри, главное мальком не назвать: «Дэйниш, скажи своей прежней госпоже спасибо за подарок!».

— Спасибо за подарок, госпожа!

— Ну, теперь я вижу, что оставляю тебя в хороших руках, мой мальчик! — Клаусийлия нежно погладила Дэйниша по щеке. Парень попытался отдернуть голову, но Айрин удержала его, продолжая держать за волосы.

Остальные женщины одобрительно похлопали в ладоши. Сабина светилась, как сверхновая. Клаусийлия протянула девушке ключи от наручников и погладила ее по руке.

— Простите, мы скоро вернемся, — Айрин, приподняв парня за волосы с колен, теперь пинком направила его к двери, с такой силой, что он чуть снова не упал. У самой двери Дэйниш пропустил девушку вперед и вышел за ней следом.

Тут же, развернувшись, Айрин впечатала его в стену.

— Запомни на будущее! Я не отдаю своих мужчин развлекаться, если у меня не безвыходное положение. Но элементарные нормы и правила поведения они соблюдают и не рыпаются! Понятно?!

— Да, госпожа! Простите! Такого больше не повторится! — Дэйниш смотрел в сторону, стараясь не встречаться взглядом с разгневанной

госпожой. При этом он чуть выгнулся грудью ей навстречу, приоткрыл губы и непроизвольно облизал их. Поймав себя на этом, глубоко вдохнул и с вызовом взглянул девушке в глаза.

— Волчонок! Ну, натуральный волчонок просто! Пошли под душем тебя будем полоскать.

По пути Айрин поймала одного из мальчишек и поручила передать Лейхио и остальным, что она ждет их в своей комнате.

В комнате первым делом Айрин сняла с парня наручники. Тот тихо стоял, сжав руки в кулаки, и молчал.

— Тебе помочь раздеться или сам справишься?

— Как пожелаете, госпожа...

— Когда мне захочется сделать так, как я пожелаю, вопросов задавать не буду, а сейчас тебе задали вопрос. Отвечай.

Парень снова с вызовом посмотрел Айрин в глаза, долго. Достаточно долго. Потом опустил голову: «Помочь».

Девушка подошла, притянула к себе за ширинку, Дэйниш прогнулся в спине так, чтобы максимально прижаться к девушке... Закрыв глаза и тихо застонал, не разжимая губ... Дыхание участилось, рот чуть приоткрылся, быстрое движение языком...

— Я никогда так не хотел... — парень открыл наконец глаза. — Весь мой контроль разлетается вдребезги от одного вашего запаха, госпожа... Наверное, если вы будете вот так просто прижимать меня к себе...

— То, когда я это увижу, вставлю тебе сзади и ты кончишь, — Эйри, как обычно, был одна сплошная политкорректность.

— Тикусйо! Ты всегда так вовремя появляешься?

— Привыкай парень, Эйри у нас главный по обломам конкурентов, — Лейхио вполне дружелюбно рассмеялся, — так что даже в церемониальном зале рекомендую быть готовым к какой-нибудь гадости с его стороны.

— Ладно, мальчики, помогите Дэйнишу снять штаны.

— Что, опять?! Не вопрос, госпожа!

— Ему надо просто помочь снять штаны, Лей, чтобы он смог принять душ. И кстати, уже прибыли первые гости и они скучают. Наверное, надо отправить к ним кого-нибудь?

— Понял. Но сначала штаны...

С шутками и прибаутками пятеро парней одержали победу над одной парой кожаных штанов. Футболку удалось снять почти без борьбы.

Совершенно обнаженный, только с браслетом на бицепсе, Дэйниш стоял перед Айрин, опустив голову и спрятав лицо за волосами. Лейхио восхищенно сложил губы трубочкой, Эйри внимательно следил за

реакцией своей госпожи. Сайни, скрестив руки на груди, неодобрительно хмурился, поглядывая на Лейхию, и тут же начинал облизываться, глядя на Дэйниша. Вилайди спрятался за спиной Эйри, обняв его за талию и положив голову ему на плечо.

Все мальчики явно чего-то ждали.

— Дэйниш, ты прекрасен и знаешь об этом. А теперь марш под душ, нам еще тебя обратно в штаны запихивать. И, Эйри, меня уже спрашивали про тебя, так что имеет смысл тоже идти наряжаться. Вилайди, ты готов сегодня потанцевать для толпы женщин? — Мальчишка испуганно сглотнул и сильнее прижался к Эйри... — Понятно, не готов пока еще.

— Если госпожа пожелает, то я...

— Нет, радость моя, госпожа не пожелает. Лейхию, ты появишься на празднике?

— Уже нет, староват я стал, — вздохнул мужчина с притворным сожалением. — Но Сайни там будет. Так же как и все остальные наложники. Первые час-два. Потом останутся только специально выбранные. А под закрытие их сменят на «бревнышки».

— Уф, мальчики, что-то я нервничаю...

— Не переживайте, госпожа, все будет хорошо, — Эйри встал на колени и прижался головой к животу девушки. Айрин моментально успокаивалась, чувствуя, как ее обнимают сильные руки. Если еще при этом закрыть глаза и запустить пальцы в волосы любимого... Полная нирвана!

В это время из ванной комнаты вышел Дэйниш. Нет, он не хлопнул дверью от ревности, но прикрыл ее с такой мрачной энергетикой, что девушка спинным мозгом почувствовала потребность обернуться.

В синих глазах была несочетаемая в нормальных ситуациях гамма чувств. Волчонку было очень-очень плохо.

Айрин нежно освободилась из рук Эйри и подошла к Дэйнишу. Он снова стоял перед ней, низко опустив голову, спрятав лицо за волосами, красивый и потерянный.

— Госпожа...

— Молчи!

Девушка провела руками по ключицам, обрисовала мышцы груди, обвела каждый кубик пресса... Прокачан парень был сильнее, чем Эйн. Правда, до Сайни ему было далеко, но это был его плюс. Еще чуть больше мышц и его фигура потеряла бы в глазах Айрин всю привлекательность. А так... И эта трогательная покорность, которая так умиляла ее и у Эйри. К сожалению своего брата она избаловала, но второй раз на эти же грабли

наступать не будет. Дэйниш будет обычным рабом для удовольствий. Строго по учебнику. А строго по учебнику вот как раз сейчас его надо обнять и запустить руки ему между ягодич... Нет, сначала все-таки провести по ним, таким упругим... А вот теперь проскользнуть внутрь.

Три глубоких вдоха подряд, прогиб в спине, глубокий выдох, закрытые глаза и быстрое движение языком по губам... Оживление среди мальчиков. Примерно такие же вдохи и выдохи чуть слева... Ага, Эйри занялся Вилайди. Сейчас еще Лейхио кинется на Сайни и получится знатная предпраздничная групповушка. А гости там пьют чай и скучают.

Дэйниш открыл глаза... Начал пытаться восстановить дыхание.

— Госпожа?..

— Да, волчонок? Ты успокоился?

— Да, госпожа...

— Отлично. Держи банку с кремом и запихивай себя в этот кожаный презерватив.

Девушка обернулась к остальным: «Мальчики, стоп разврату! Эйни и Сай, пошли приводить себя в порядок. Лей, развлекай Вилайди. Только так, чтобы потом Эйни не предъявил к тебе претензий!..».

Уф! Как-то так получилось, что из обычного гарема Айрин выделила себе маленький филиал, и этот филиал чего-то слишком активно разрастался. Сейчас у нее пять мужчин. Хорошо, Вилайди не в счет, ему Эйни хватает. Сайни посматривает на нее, но вроде как понимает, что ему остались только воспоминания. Лейхио... Лейхио настоящий политик, а политически правильно крутиться вокруг в качестве интересного и много знающего собеседника. При этом да, для спортивного интереса он пытается флиртовать и заигрывать. Но по-настоящему в то, что ему дадут доступ к телу, он не верит. Так что сейчас самое главное — как-то упорядочить отношения между ней, Эйни и Дэйнишем. А уже потом можно будет попробовать Лейхио. Если скучно станет...

Дэйниш сидел на ковре, уже в своей «второй коже». Эйни застегивал на себе свободные шелковые черные штаны. Рубашка с запахом отличалась от обычной только более тонкой и гладкой тканью. Вроде бы и нарядный, но привычно как-то. Волосы своего Верхнего Вилайди быстро заканчивал заплетать в косу.

— Мы готовы, госпожа. Сайни с остальными подойдут к началу, через час.

— Пойдем?

— Кто идет слева, а кто справа, госпожа?

— В этом есть какой-то сакральный смысл?

— Ну... В принципе нет.

— Тогда ты справа, мне удобнее поворачивать голову в эту сторону. А в твои обязанности входит подсказывать мне, что делать. Пошли.

Женщин в гостевом зале стало значительно больше. Приехало еще человек десять. Айрин быстро представили всем. Гости заценили визуально и на ощупь ее мальчиков, она сама небрежно приласкала несколько чужих рабов. Конкуренцию Эйнри и Дэйнишу могли составить только трое из присутствующих. Причем, это без учета оригинальности наряда волчонка. Потому что при виде его кожаных штанов, браслета и обтягивающей грудь и живот футболки, гормоны начинали бунтовать у всех женщин. Когда он резким движением головы откидывал челку с лица, ближайšie к нему госпожи начинали выражением лица напоминать детей у фургона с мороженым. Эйнри тоже был популярен. Но на него реагировали проще. Он не был экзотикой. Его норовили погладить, ущипнуть, запихать руку ему в штаны... На Дэйниша, в основном, просто смотрели. Ну, иногда трогали за волосы, чтобы взглянуть на лицо. Даже Мийрийнива больше не позволяла себе распускать руки.

Айрин переходила от группы к группе, перекидывалась парой фраз, улыбалась, выслушивала комплименты Эйнри и восхищенные дифирамбы Дэйнишу. В каждой группе она вела себя по-разному, но в основном придерживалась образа молодой, наивной, но очень вежливой девочки. Старалась блеснуть знаниями, вовремя задать нужный вопрос, с улыбкой выдать комплимент. И много-много слушать и анализировать.

Подъезжали все новые и новые гости. Пришлось перейти в большой зал для приемов, туда же пришли Сайни и остальные наложники. По всему залу мелькали мальчики с подносами, на которых были бутерброды и бокалы с алкогольными напитками. Девушка открыла для себя несколько вкусных коктейлей. Праздник ей явно начинал нравиться... И тут к ней подошла Мийрийнива и предложила выпить вейкоктейль. Эйнри тихо на ухо посоветовал отказаться. Тогда Мийрийнива предложила просто отпить из ее бокала, попробовать. Мальчики не успели отреагировать, и Айрин сделала пару глотков.

— Тикусйо! Смывайся по-быстрому отсюда, пока госпожа еще себя контролирует, — Дэйниш, поджав губы, внимательно провожал взглядом Мийрийниву. — И сообщи об этой выходке Сабине.

— Я не понял, ты пытаешься мною руководить?

— Вот давай сейчас сцепимся на тему, кто здесь главный, как раз до госпожи дойдет вейжэ, и тебя разложат здесь, прямо на полу. Как ты думаешь, она потом простит сама себя завтра утром, когда действие

вейкоктейля закончится? А насчет моей фразы, что надо сообщить Сабине... Согласен, очевидность ляпнул. А теперь исчезай скорее с горизонта.

— А как же ты?

— Тикусйо! Мне все равно, как она меня поймет, веришь?! И ей все равно. А как она смотрела на тебя, когда ты у ее ног стоял... Так смотрят на любовников. А любовников под вейжэ на ковре в зале среди пьяных незнакомых женщин не имеют! Исчезни! И зови сюда хозяйку.

Весь этот разговор девушка слушала находясь уже как будто очень-очень далеко... Ее тело начало слегка лихорадить, перед глазами мелькали обнаженные тела ее мальчиков, хотелось выгнуться и тереться как кошка об того, кто ближе всего. Где Эйфри?!

— Эйн...

— Тише, госпожа. Он ушел за хозяйкой Сабиной. Все хорошо! Он скоро придет...

— Волчонок?

— Да, госпожа?

— Что я такое выпила?

— Это коктейль с вейжэ. Вечеринка подходит к концу и в ход пошли возбуждающие напитки. Вы сейчас начнете терять контроль, а нам надо побыть здесь еще хотя бы полчаса. Я не могу вас оставить тут одну, но мне страшно немного среди такого количества женщин под наркотиком. Пожалуйста, не теряйте себя совсем! Ну, хотя бы настолько, чтобы суметь вовремя сказать: «Он мой!»... Хорошо?

— Волчонок! Это жуткий напиток... Ты отослал Эйну, да? Или это мне приснилось?

— Нет, не приснилось. Мне почему-то кажется, что роль раба для изнасилования мне подходит больше.

— А с чего ты взял, что я вообще кого-то изнасилую? Можно подумать, вас сильно насиловать надо... Только погладить вот так. И еще вот так. Ну и еще вот так...

— Госпожа!

— Да, волчонок? Стони, не стесняйся. В этом шуме все равно никто не услышит...

— Госпожа! Эти штаны предназначены вызывать возбуждение у смотрящих на меня женщин. Но в них абсолютно неудобно возбуждаться мне...

— Это должно меня волновать? Ну, давай их снимем?

— Нет, пожалуйста, не надо. Не здесь... Тикусйо! Я себя в них как в

поясе верности чувствую! Сейчас пуговица порвется...

— Ладно, давай просто расстегнем ширинку. Вот так уже лучше? Продолжаем изнасилование? На самом деле тебя реально хочется завалить на ковер... Только я не уверена, что это от вейжэ. Ты меня и с утра возбуждал.

— Госпожа...

— Развлекаетесь? Не возражаешь, если я присоединюсь? — Мийрийнива подошла со спины Дэйниша и запустила руки ему под футболку.

— Возражаю, Мийрийнива. Он мой и я не намерена им делиться.

— Все, кем нельзя делиться, ушли уже минут двадцать назад!

— Ну, а я решила не отпускать своего нового наложника, и развлекаться с ним прямо здесь. Ты ведь согласишься со мной, что он возбуждающе прекрасен? Зачем мне ждать до ночи, если все мои мысли только о нем? Так что иди, ДОРОГАЯ, найди себе другую игрушку. Дэйниш — мой! И, кстати, спасибо тебе за коктейль.

Злющая Мийрийнива пошла в сторону молодых женщин, развлекающихся с двумя рабами. Девушка проводила ее взглядом, стараясь даже краем глаза не обращать внимания на то, как именно происходит процесс развлечения. Убедившись, что Мийрийниву приняли в игру, облегченно выдохнула...

— Госпожа... Спасибо.

— Не за что, волчонок. Ты действительно мой, а своим делиться я не люблю. И, знаешь, мне кажется, что если сейчас мы уйдем, никто уже не заметит.

— Мне тоже так кажется, госпожа. Только подождите, пока я застегну ширинку, пожалуйста.

— Ты веришь в то, что сможешь засунуть ЭТО в свои штаны?! — Айрин задумчиво изучала возбужденный до предела член Дэйниша.

— Ну не пойду же я по дому с ЭТИМ наружу? — парень старательно пытался застегнуть молнию. Наконец молния сдалась. Правда, судя по лицу юноши, удовлетворения от выполненной задачи получить не удалось.

Выйдя тихо из зала, Айрин направилась в свою комнату. Ее слегка покачивало, а, главное, мужчину было нужно прямо здесь и сейчас. И от мысли, что подходящий по всем параметрам вариант идет всего лишь на шаг сзади, желание только усиливалось.

До комнаты они все-таки героически дошли...

— Раздевайся! Быстро! Или я сейчас разрежу твои штаны ножом...

Дэйниш умудрился вылезти из брюк за считанные минуты. С

футболкой проблем не было.

Толчок в грудь и парень ложится на спину, на ковер. Пытается убрать руки за спину, но девушка закидывает их ему над головой, целует шею, ключицы, грудь... Языком по соскам, по всему телу, чуть прикусить зубами...

Желание до дрожи... И просто до зуда хочется стянуть с госпожи платье, ласкать ее самому.

— Тикусйо!!! Можно??? Можно мне... Пожалуйста, можно?..

Айрин ложится на ковер и затягивает парня сверху на себя: «Входи!»

Дэйниш сначала целует, наслаждается ее телом губами, языком... Наконец медленно входит и пытается перевернуться на спину, чтобы госпожа оказалась сверху. Не удается. Девушка стонет: «Давай же! Быстрее! Резче! Давай!!!»

— Тикусйо... Только не убейте меня потом... Госпожа... Моя госпожа...

Кончают они одновременно, потому что в последние минуты Дэйниш сдерживается из последних сил. Айрин запускает пальцы в волосы парня, прижимает его голову к себе... «Мой волчонок!»

— Вы... Вы были со мной как со мной? — Губы Дэйниша чуть дергаются.

— Волчонок, ты сам понял, что спросил? Под кайфом здесь я, насколько мне помнится. И этот ваш проклятый наркотик из меня не то, что не вышел, он захватил меня еще сильнее!

— Позвать Эйнри?

— И Сайни, и Лейхио... И сам далеко не уходи!

— Тикусйо! Неплохая у меня будет первая брачная ночь...

И ночь действительно была неплоха!

Когда в дверь вошли остальные, Эйнри сразу же кинулся к своей госпоже, отодвинув Дэйниша в сторону. Лейхио тут же быстро разделся и начал целовать еще разгоряченного сексом парня, возбуждаясь при этом сам. Сайни и Вилайди решили сначала участвовать во всем этом только визуально, потом, не выдержав, замкнулись друг на друге. Когда Эйнри кончил, его сменил Лейхио, а Эйнри перешел к Дэйнишу... Когда кончил Лейхио, Дэйниш уже был на грани, и к Айрин снова дернулся Эйнри. Но девушка, в полубреду, прошептала: «Где мой волчонок?!» и Эйн вынужден был отступить. На втором круге мальчики забеспокоились. Во-первых, молодые здоровые организмы честно оценивали свои силы — еще круга два-три они выдержат, но не больше. Во-вторых, призывать свежие силы из гарема никто желания не испытывал. В-третьих, когда госпожу отпустит

утром, после такого марафона она будет себя явно не очень хорошо чувствовать. Так что девушку закинули на кровать, плотно зафиксировали и начали добиваться оргазмов с помощью языка и рук. Айрин металась, ругалась и требовала лекарство внутрь. Ближе к утру вейжэ наконец перестал действовать, или просто усталость победила возбуждение. И девушка уснула. Облегченно выдохнув Вилайди, Сайни и Лейхио ушли на мужскую половину, а Дэйниш и Эйри улеглись рядом с Айрин. Полусонный Дэйниш, лежащий у стенки, обнял девушку, притянув ее к себе и спрятав под бок, полностью счастливый уснул, уткнувшись лицом ей в волосы. Эйри, раскинувшийся почти по всей кровати, не возражал. Собственник просыпался в нем только днем.

4 жниэвен 326 года.

— Что здесь такое происходит?! — гневный шепот Сабины приподнял из кровати двух полусонных парней и телепортировал их на ковер, на колени. В считанные секунды.

— А ну, быстро оба за мной, — сказала и тут же вышла из комнаты. Двум юношам, еще до конца не проснувшимся и не отошедшим от ночной кардиотренировки, пришлось в ускоренном темпе вылетать следом. Эйри успел впрыгнуть в свои штаны, Дэйниш только кинул на свои тоскливый взгляд — натянуть их по-быстрому явно не удастся.

Гневно пыхтя себе что-то под нос, Сабина широким шагом продвигалась на мужскую половину дома. Парни на полувзлете — за ней следом. Обнаженный Дэйниш старался не обращать внимания на оценивающе-плотоядные взгляды встречающихся на пути женщин, да и мужчин тоже... Он очень рассчитывал после хорошей взбучки от хозяйки получить какие-либо штаны во временное пользование. Например, от Сайни. Чтобы обратный путь к госпоже проделать уже одетым.

Сабина разгневанной фурией влетела в комнату к Лейхио, где сладко спали остальные участники ночного разгула. Сладко спали они недолго.

— А теперь вот ты, — Сабина махнула рукой в сторону Эйри, — объясняй мне все, подробно.

— Хозяйка, вчера во время праздника госпожа Мийрийнива попыталась напоить нашу госпожу вейкоктейлем. Госпожа, следуя моему совету, отказалась. Но госпожа Мийрийнива уговорила сделать пару глотков из ее бокала, а там явно был чистый вейжэ и немного алкоголя, для запаха. Потому что у нашей госпожи взгляд стал туманный, отсутствующий. С двух глотков обычного вейкоктейля такого не бывает.

Дэйниш остался с госпожой, а я отправился искать вас. Не нашел. Послал на поиски Лейхио и Сайни. Мы обошли весь дом, хозяйка Сабина. И не нашли вас. Зато нас нашел мальчишка, сообщивший, что госпожа и Дэйниш сейчас в комнате госпожи и нам всем срочно надо бежать туда. Мы влетели в комнату, а там у госпожи уже полная потеря контроля. Ну и дальше мы всю ночь ублажали госпожу...

— Все?!

— Нет, только мы трое, хозяйка. Я, Дэйниш и Лейхио.

— С вами двумя все понятно, а этот наглец как умудрился примазаться?

— Госпожа занесла его в список избранных, к тому же она приказала вчера его позвать, вместе со мной и Сайни.

— Хорошо. Почему потом вы оба посмели улечься на кровать госпожи?

— У меня есть постоянное разрешение...

— А у него?!

— У него нет, но...

— Значит, придется наказать... Пошли в комнату для наказаний.

— Простите, хозяйка, но мне кажется, что своего мужа госпожа предпочла бы наказать сама и индивидуально...

— Госпожа и накажет. Потом. А сейчас я его приготавливаю к наказанию и оставляю раскаиваться. А тебе бы я посоветовала не заострять мое внимание на своем существовании. Иди и займись работой. И зверька своего можешь поднять с колен и забрать с собой. Я разрешаю ему появляться на женской половине без угрозы изнасилования каждой встречной.

— Спасибо, хозяйка...

— Все. Исчезните оба. А ты иди за мной...

И Дэйниш, закусив губу от волнения, последовал за Сабиной. Лейхио успел подмигнуть ему напоследок, чтобы не переживал сильно. Будет кому рассказать госпоже, где искать ее волчонка.

Сабина была очень зла на Айрин. Племянница, вместо того, чтобы приводить в норму Эйри, распустила того окончательно и начала баловать еще и нового, идеально вышколенного Клаусийлией. Девочка абсолютно не понимает, что, ослабляя контроль за рабами, она не приносит им пользы, а только вредит. И наказывать мальчишку, конечно, потом никто не будет. Что ж, значит надо оставить его раскаиваться в таком состоянии, чтобы проникся и запомнил надолго.

Первым делом Сабина швырнула парня на ковер и без всяких

предварительных ласк вставила ему анфаллос, один из самых крупных, зафиксировав его специальным ремнем на бедрах. Хорошо, что после вчерашнего такие мелочи, как отсутствие смазки, Дэйниша не волновали. Потом юноша был поставлен на колени, руки перекрещены сзади, в обхват специальной трубы, идущей вдоль стены, и скреплены с ногами. Ноги плотно перетянуты чуть выше колен, чтобы их нельзя было раздвинуть. В таком положении парень мог смотреть только в стороны и вверх, на свою мучительницу.

К соскам Сабина прикрепила зажимы с утяжелителями. На уже возбужденный от всех предыдущих манипуляций член надела два кольца. Одно у основания, обычное. И еще одно, широкое, на головку члена. Тоже с утяжелителем.

Мазнув по кончику члена и по соскам мазью со специальным составом, после которого начинает зверски жечь, но никаких следов на теле не остается, довольная собой Сабина ушла.

Дэйниш сначала просто старался расслабиться, но когда жжение стало нестерпимым, расслабляться стало сложнее. К тому же, так резко подскочив с утра, он не успел проделать один очень важный физиологический процесс. И теперь ему приходилось терпеть из последних сил. Прощальным мазком змеиным ядом по члену хозяйка не оставила ему вариантов. После того как хоть капля воды соединится с этим жгучим ужасом, его вопли услышит вся мужская половина дома и, возможно, даже часть женской.

Когда через два часа госпожа, даже не позавтракав, пришла спасать его, по щекам юноши тихо текли слезы от напряжения и боли. Он не кричал, не стонал... Но остановить одинокие слезинки из глаз было уже не в его силах.

Айрин оценила ситуацию и приказала крутящемуся рядом мальчишке привести Лейхио. Как можно быстрее. А сама начала снимать зажимы с сосков и освобождать руки и ноги от наручников. Потом аккуратно отстегнула и вытащила анфаллос.

Дэйниш уговаривал себя терпеть из последних сил, ведь осталось совсем чуть-чуть. Вот она, его госпожа, скоро придут Лейхио и Сайни и они все вместе что-нибудь придумают. Как сделать так, чтобы его мочевого не лопнул, как воздушный шарик, и одновременно он сам не взлетел бы от боли под потолок.

Вошедший в комнату Лейхио издал сочувственное «Ух ты ж!..», ловко подцепил и стащил кольцо с головки, а кольцо у основания срезал специальными ножницами.

— Мазала змеиным ядом?

— Да.

— Сейчас катетер вставим...

Дэйниш умоляюще посмотрел на Айрин и та вышла. Сразу за дверью уткнулась лицом в грудь Сайни и расплакалась.

— Успокойтесь, госпожа. С ним все нормально... Хозяйка Сабина ничего такого с ним не сделала, чего он уже не испытал за три месяца у госпожи Клаусийлии. Тем более, он же и правда был не прав...

— Сай, ну скажи мне, в чем он был не прав, что она с ним вот так?!

— Он не имел права засыпать на вашей кровати без вашего разрешения.

— А с чего все решили, что я была против? В том состоянии, в каком я была, спрашивать меня о чем-то было бесполезно. И как он должен был уснуть? На ковре?!

— Хотя бы на ковре...

— И за это...

За дверью раздался стон боли, потом вскрик... Айрин попыталась влететь обратно в комнату, но дверь оказалась закрыта на замок.

Девушка тихо спустилась на пол, обняла руками колени и уткнулась в них лицом. Сайни сел рядом.

— Госпожа, не расстраивайтесь вы так! Вам его еще потом наказывать...

— Как наказывать? А это что было?!

— Это был процесс раскаивания. Он должен был осознать, что поступил неправильно и с нетерпением ожидать прихода госпожи, которая его накажет.

— То есть, его надо было наказывать вот в том состоянии, в каком он был, когда я пришла? В неадеквате и со слезами в глазах?!

— Да, именно так. Хозяйка Сабина очень расстроится, что вы его сначала освободили.

— Сабину за то, что она где-то пропадала, пока я под вейкоктейлем развлекалась, саму надо наказать.

В это время дверь приоткрылась, и оттуда высунулся Лейхио:

— О! Сай! Ты-то мне и нужен! Принеси какие-нибудь свои штаны, а? И мою рубашку, ту бело-серую... Ну, ты помнишь...

— Лей, я уже могу зайти? — Айрин вытерла рукой слезы и стояла, покусывая палец от волнения.

— Ну, обнаженным вы его уже видели и не один раз, так что заходите, госпожа. И спасибо, что вышли... У вас величайшая способность выбирать

рабов с характером. Нет, чтобы простых каких, типа меня, — и Лейхию, обняв девушку за плечи, прижал к себе и вдохнул запах ее волос — Я той красавице, что вас опоила, букет цветов пошлю. А то так когда бы вы мне еще позволили...

Айрин весело рассмеялась, нежно провела рукой по щеке мужчины. Тот поцеловал ее ладошку. И девушка вошла в комнату.

Дэйниш сидел на ковре скрестив ноги, но, увидев свою госпожу тут же встал на колени. Губы у него еще слегка дрожали, в глазах были слезы, боль, надежда...

— Простите меня, госпожа, я был...

Айрин ласково прикрыла ему рот рукой, потом обняла за голову и прижала к себе. Юноша посмотрел своей госпоже в глаза...

— Вы плакали... Из-за меня?!

— Да, мой волчонок. Я вчера решила, что одного особенного раба мне достаточно, и что с тобой буду обращаться так, как здесь принято. Но это так сложно, оказывается.

— Почему, госпожа?

— Потому что ты тоже особенный, мой волчонок. Но это не значит, что ты будешь творить все, что тебе вздумается, так же, как Эйпри. Однако наказывать тебя мне будет так же тяжело, как и его.

— Госпожа... Я бы уснул на полу в коридоре под дверью вашей комнаты, если бы знал, что так вас расстрою.

— Ну, уж нет, насчет сна всем вместе мы обязательно договоримся с Сабиной. Мне понравилось спать между вами, а так как с нами уже привык спать Вилайди, придется искать или кровать побольше, или ставить еще одну рядом. А теперь объясните мне, к какой категории относится твоя провинность и что тебе за это положено.

— От тридцати ударов...

— Отлично. Здесь есть плетки?

— Да, госпожа...

— А масло иши?

— Да, госпожа... Меня только что им спасали.

— Зам-мечательно! Ложись вон на ту скамеечку, а я пойду выберу себе оружие.

Банально и без затей девушка отсчитала тридцать ударов по спине. После чего отправила Дэйниша под душ. Тут как раз пришел Сайни с одеждой. Поэтому после душа потерпевший был смазан маслом иши, одет и отведен в комнату к своей госпоже. Во избежание прихода всяких непрошенных гостей дверь комнаты Айрин закрыла на замок. Не то чтобы у

Сабины не было ключей, но скрежет в замке точно предупредит о визите.

Посмотрев на почти спящего Дэйниша девушка сжалась и отправила его досыпать в кровать, с которой он так жестоко был сдернут сегодня утром. Сама высунулась и потребовала себе завтрак. А заодно сразу уже и обед.

Села, начала есть и много думать.

Их у нее теперь пятеро. Что бы ей реально хотелось сделать, так это купить космолет и улететь с ними с этой сумасшедшей планеты. Но ее мальчиков не выпустят. Какие еще у них есть варианты?

Дэйниш лежал на животе, запихав подушку себе под грудь. Одеяло накрывало только ноги и часть аппетитной, но очень покрасневшей от наказания задницы. С другой стороны одеяла торчали ступни. Айрин так захотелось провести пальцем по пяткам... Еле удержалась.

Стараясь не хлопать дверью, вышла и направилась на поиски Сабины.

В итоге длительных торговых переговоров была получена в личное пользование часть дома за мужской половиной. Пять больших комнат. Там ей было дано добро творить все, что угодно. Туда переезжали Эйри и Лейхио с Сайни. Вилайди, получившему право появляться на женской половине дома, Сабина все же советовала этим не злоупотреблять. Пусть он уж лучше помогает Лейхио. А Эйри в помощь выделялся Дэйниш. Так как Лейхио признавался наложником, используемым госпожой, сильно утруждать себя обучением на повара ему уже было не обязательно. Ну а Сайни был вполне доволен своей новой специальностью, по возможности все свободное время проводя у сестер Пайти.

К самым главным минусам относилось требование строго соответствовать всем формальностям. А также обязательные еженедельные церемонии зачатия как у Айрин с Дэйнишем, так и у Эйри со старшей дочерью Эйлиорины, Кэйтириной. До получения требуемого результата, конечно. Контракт на Эйри у Кэйтирины был бессрочный, то есть, захочется ей троих детей — будут делать троих. Захочет остановиться на одном — значит, так тому и быть. Это именно контракт Сабина и Эйлиорина обсуждали в беседке у леса. Как раз в то самое время, когда Мийрийнива травила Айрин вейжэ.

Ну и еще девушка соглашалась без споров посещать еженедельные субботние посиделки. И вести себя там идеальной госпожой. Хорошо, хоть питье вейкоктейлей в обязательную программу не входило.

Ну и отсутствие нареканий от учителя, само собой.

Обе женщины расстались довольные собой. Это у них уже входило в привычку. Встретиться, поторговаться, договориться на взаимовыгодных

условиях, расстаться, сияя, с уверенностью, что каждая для себя выбила больше плюсов, чем другая.

Сабина выбрала Дэйниша еще за неделю до предъявления его Айрин. Это она посоветовала Клаусийлии привести юношу, пообещав практически стопроцентное попадание его в гарем. Потому что уже вычислила слабость своей племянницы к рабам с характером. А каждый такой раб — дополнительный рычажок для управления юной госпожой. Сейчас Сабина была занята поисками таких же характерных игрушек в других гаремах. К тому же она регулярно доплачивала одному из торговцев рабами на рынке, чтобы тот в случае появления особенного юноши старше двадцати лет тут же сообщил ей об этом. В любвеобильное сердечко племянницы пропихнуть еще двоих или троих, по мнению Сабины, было вполне возможно. Желательно потемпераментнее, как Эйбри, а то и круче, если повезет.

Дэйниш и Вилайди после школы Клаусийлии слишком хорошо себя контролировали. Сабина все утро ждала от Дэйниша хоть слова, хоть полслова, хоть жеста. Но нет же! Терпел, смотрел на нее своими синими глазами, вздрагивал от боли и молчал.

Вот Эйбри, хотя его даже наказывать никто не собирался, возражал, пока она не кинула ему косточку для зверька. Вилайди — это общая слабость и Айрин, и Эйбри. Милый такой, послушный, симпатичный рычажок для управления сразу двумя важными членами семьи.

А у нее, Сабины, слабость всего одна. Чтобы все было идеально. И молодая госпожа вполне хорошо себя проявила на празднике. Гостям понравилась. Кроме Мийрийнивы, конечно, но та большого влияния еще не имеет. А Валеинория, узнав о выходке дочери, была так рада, что никто не будет устраивать показательный скандал, что теперь и слова против Айрин не скажет. Учитель тоже уехала довольная: «Девочка старается, толк будет». Даже Клаусийлию сумела очаровать. Хотя та теперь родственница, причем если учитывать, что с другим ее племянником спит Эйбри, так вообще дважды родственница.

Теперь главное, чтобы племянница как можно чаще выезжала в общество и вела себя соответственно положению. А не плакала под дверями комнаты для наказаний... И у Сабины была идея, как решить эту проблему. Но для этого надо было подставить кого-то из любимчиков племянницы, или засветиться новой звездой.

Айрин, очень довольная сделкой, и совершенно не подозревающая о планах Сабины, спешила к себе, чтобы начать организовывать переезд.

Первым делом был пойман Лейхио и озадачен. Потом, уже вместе с

ним, были рассмотрены их новые апартаменты. Комнаты были в идеальном состоянии, но почти без мебели. К девушке привели мастера и она набросала схематично, где что должно стоять и как оно должно выглядеть. Одна комната отводилась под гардеробную (ура-ура, сбылась мечта!). Одна выдавалась на растерзание Вилайди и Эйри. Лейхио из своей комнаты на мужской половине выезжать отказался, смысла не было. Еще одна комната выдавалась в личное пользование Дэйнишу. Еще в одну ставили кровать размером от стены до стены. На которой легко могло поместиться и трое, и четверо, и даже пятеро. Там же чудом влезал столик для легкого завтрака или фруктов... И ковер, на котором те же пятеро могли расположиться не совсем локоть к локтю. И даже кресло с торшером удалось впихнуть. Ну, и в последней комнате сделали что-то типа гостиной. Диваны вдоль стены, ковер огромный с подушками. Три кальяна. Невысокий, но длинный стол. Чтобы есть могли все вместе. Вся мебель, кроме большого шкафа в гардеробную и очень большой кровати в спальню, была расставлена в течение нескольких часов. Покрывала на диваны, подушки и ковер в гостиную были подобраны в одном стиле, так же, как покрывало на кресло и ковер в спальне Айрин. На то время, что будут делать кровать и шкаф, Айрин в комнату перенесли ее мебель.

Вилайди с Лейхио отлично работали в паре, как дизайнеры, что давало надежду на их сотрудничество и в других областях. Хмурый Эйри вылил в себя кувшин тайшу, буркнул что-то из серии «Покормите малька обедом...» и скрылся. Дэйниш уселся в кресло, скрестив ноги,пил тайшу из огромной кружки и старался не заострять внимание на своем существовании. Только когда обсуждалась мебель для его комнаты, он попросил накидать в шкаф «барахла какого-либо на его рост».

Единственным минусом переселения стало то, что индивидуальной комнаты для наказаний теперь у них не было. Правда, в двух шагах находилась общегаремная, которая была и побольше и обставлена побогаче. В ней тоже был душ, и она запиралась на замок. Так что, перетащив туда свой любимый кинжал с перьями и убедившись, что всего остального там есть и немало, Айрин расслабилась.

* * *

Когда великое переселение было завершено, Айрин предложила пойти всем выкупаться в озере, а потом поужинать в новой гостиной. Всем вместе. Предложение было принято единогласно. Лейхио даже послал

мальчишку предупредить Сайни. И все пошли на озеро.

Впереди шла Айрин, за ней Дэйниш. Последними шли Лейхио и Вилайди, оживленно обсуждая влияния цвета на здоровье и поведение людей.

— Что такой задумчивый, волчонок?

— Пытаюсь понять правила, по которым тут принято играть, — грустно улыбнулся девушке Дэйниш.

— Сложно? Это потому что я безбашенная и неорганизованная, творю что хочу, а вы потом мучаетесь и теряетесь.

— Сложность только в том, чтобы вовремя успевать перестроиться. Это требует определенного навыка. Моя мать позволяла мне многое, но все-таки все формальные правила я соблюдал. Так что при появлении гостей проблем не возникало. С госпожой Клаусийлией приходилось соблюдать вообще все правила, и придуманные лично ею в том числе. Еще бы пара месяцев, и она сломала бы меня, как сломала Вилайди. А с вами... Интересно, Эйри всегда так напоминал обычного континентального парня или это вы его таким сделали?

— Знаешь, наверное, частично я. Хотя заготовка и так была достаточно хороша.

— Значит, и из меня вам удастся сделать что-то похожее? — Дэйниш смотрел на свою госпожу с исследовательским интересом.

— Боюсь, что нет, волчонок.

— Почему?

— Вот ты не соблюдаешь много мелких формальностей, в отличие от Эйри и Лейхио. Когда я говорю с Эйри, понимаю что со мной человек, специально загоняющий себя в определенные рамки, и постоянно из них вылезаящий, как закипевшее молоко. И его «госпожа» в каждом предложении звучит с той же интонацией, как у любого континентального парня звучало бы «дорогая» или «любимая». С тобой же все иначе.

— Сразу чувствуется, что я раб, говорящий со своей госпожой? — в голосе Дэйниша прозвучало что-то похожее на огорчение.

— Тебя это расстраивает?!

— Тикусьо!! Это расстраивает вас, моя госпожа! — Дэйниш с вызовом посмотрел Айрин в глаза и тут же отвел взгляд в сторону.

— Волчонок... Ты тем и прекрасен, что не похож ни на Лейхио, ни на Эйри. Зачем мне два Эйри в гареме?!

Дэйниш улыбнулся, смотря при этом в землю, потом исподлобья взглянул на девушку и улыбнулся уже нормально.

— Да уж! Не знаю как вы, а Сабина двоих Эйри точно не выдержит.

Он ведь с ней пререкался до последнего сегодня утром. Я все ждал, что она нас двоих распялит там, как бабочек. Уже прикидывал, чтобы такое проделать, чтобы все внимание снова мне досталось. Хотя я и так все звезды взял, пока весь такой не одетый половину дома прошагал. Но за это не наказывают.

— Надо тебе одежды нашить, чтобы ты обноски от Сайни не носил.

— Да ну, какие это обноски! Почти новая вещь... Мне, если честно, госпожа Клаусийлия желание красиво одеваться на какое-то время убила. Я раньше гардероб имел круче, чем у Сайни. Кольца, браслеты, зажимы... Мне нравилось быть экзотичным, красивым, особенным и в этом не было опасности. А у госпожи Клаусийлии я впервые пожалел, что не родился обычным смазливym блондом. По крайней мере, не так выделялся бы...

— Ты мой муж, возможно — будущий отец наследницы, так что я хочу, чтобы у тебя были личные вещи. Обычные, но сшитые лично для тебя.

— Да, госпожа. Я понимаю. Но вы не будете возражать, если это будет обычная традиционная одежда наложника?

— Конечно. Пусть только тебе сошьют несколько штанов и рубашек для выхода в люди, но, опять же, традиционного покроя. Я не буду заставлять тебя ходить в цепях и коже, не переживай.

— Спасибо, госпожа, — Дэйниш низко склонил голову.

— Ты вот сейчас серьезно это сделал?!

— Что именно, госпожа?

— Поблагодарил меня с поклоном... Ты бы еще на колени встал...

— А надо?

Айрин остановилась, откинула с лица парня гриву волос, повернула его за подбородок так, чтобы смотрел прямо ей в глаза.

— Волчонок, если вдруг какой-то мой каприз будет тебя задевать, скажи мне об этом. Обычно я не делаю людям больно просто потому, что мне этого хочется. И благодарить меня за это не надо, хорошо? Мне комфортно существуется, когда окружающим меня близким людям тоже комфортно.

— Я отношусь к близким людям?

— Да.

Дэйниш задумчиво посмотрел на девушку, потом перевел взгляд на Лейхио и Вилайди.

— Они тоже близкие люди?

— Да.

— А кто ближе?

— Ты или они?

— Мне просто интересно, есть ли какой-то приоритет, не считая Эйпри, само собой. Потому что после вчерашнего утра я подумал, что буду на последнем месте. А теперь я что-то запутался. Понятно, что на первом месте Эйпри. Тут все ясно. Если бы он не был вашим братом, вы бы были идеальной парой. А так придется терпеть еще и меня.

— Волчонок...

— Госпожа, я все понимаю, я вообще... Тикусйо! Я кальпапонятливый, госпожа! Вы только уточните мое место в иерархии лично для вас и я не буду дергаться, обещаю.

— Ну... Давай считать, что вы все на втором месте после Эйпри, а дальше каждый приоритетнее в определенной ситуации. В моей постели — ты.

— Не Лейхио?

— Нет. Ты. Но это не значит, что Лейхио в ней не будет.

Тут Вилайди с криком «Купаться!» со свистом пролетел мимо, скинул за секунду штаны и камышиком вошел в воду. Дэйниш вопросительно посмотрел на свою госпожу.

— Давай, ныряй, если хочешь. Если обгонишь это тощее нечто на суперреактивном двигателе, получишь приз.

И Дэйниш тут же рванул к озеру.

Лейхио медленно дошел до озера, спокойно разделся и степенно зашел в воду. Чтобы быть обрызганным пролетевшей мимо Айрин. Так же, не торопясь, поймал девушку за ноги и притянул к себе. Айрин отбивалась и вырывалась, но силы были явно не равны. Наконец девушка замерла у него в руках, и Лейхио тут же ее отпустил.

— Когда не сопротивляюсь, то не интересно? — Айрин с интересом разглядывала мужчину.

— Что вы, госпожа! С вами интересно всегда! — Лейхио засветился своей фирменной нахально-снисходительной улыбкой. — А главное — всегда экстремально непредсказуемо неожиданно. Не верю, что континентальные девушки не обучены бить зарвавшегося мужчину коленом между ног.

— Еще как обучены. Тебе продемонстрировать?

— Нет-нет, что вы, я вам верю на слово, госпожа!

— Лей, ты ожидал, что я тебя ударю? Ты сам самый непредсказуемый из всех моих мужчин.

— Вы просто льете бальзам в мои уши, госпожа! И где бы я был, будучи предсказуемым красавчиком с ресничками, создающими ветер, и

губками бантиком? Сдается мне, точно не с вами.

Иногда Айрин казалось, что она уже безнадежно испортила и избаловала своих мужчин. А иногда, смотря в их умоляющие, призывающие к действиям глаза, понимала, что ей еще работать и работать над ними. Лейхио просто хотелось получить свою порцию ласки, но явно заявить об этом он не мог. Вот устроить возню в воде — мог, а просто прижать к себе женщину, вместе с которой провел, не самым целомудренным образом, всю прошлую ночь — не мог. Ее мальчики — сплошная игра контрастов. Неудивительно, что у них периодически завихрения в мозгах случаются.

Девушка обняла Лейхио за шею, повисла на нем, и поцеловала сначала в одну щеку, потом во вторую, а потом в губы. Тот ответил. Сначала робко, потом активнее. Но инициативу перехватывать не стал, хотя Эйри уже позволял себе подобное. Но Эйри очень много чего себе позволял.

Лейхио обнял Айрин за талию, прижался к ней всем телом, всем своим возбужденным до предела телом. Девушка откинула голову, подставляя для поцелуев шею и грудь. Мужчина сначала изумленно замер, потом понял, что от него все же ждут инициативы, и начал наконец ее активно проявлять. Как здесь принято, сначала в ход пошли язык и губы. Девушке пришлось самой взять руку Лейя и пропихнуть к себе в трусики. Реакцией на это действие было редкое зрелище шокированно-удивленного Лейхио. Однако, после того как девушка, положив свою руку сверху, заставила его сделать несколько поглаживающих клитор движений, мужчина быстро освоил правила игры. Вторую руку он тоже запустил в трусики к Айрин, сзади. И ласкал ее ягодицы и проход между ними. Потом начал аккуратно вставлять туда пальцы, при этом властно целуя девушку в губы. Другую руку он уже вставил в нее спереди. С учетом разницы в росте получалось, что Лейхио держал девушку на весу, а она сама себя насаживала ему на руки собственным весом. При этом обнимая его за шею руками. Потом Лейхио поставил девушку и медленно снял с нее трусики. Айрин чуть толкнула его, так чтобы он упал на мелководье, сама села сверху. Лейхио попробовал убрать руки за спину, поймал сердитый взгляд своей госпожи, одумался и начал нежно ласкать ее грудь. Девушка нашла положение, в котором получала максимальное удовольствие. Несколько движений вверх-вниз и у нее прекрасный оргазм. Тогда Лейхио подмял ее под себя, и вошел сзади, благо с естественной смазкой проблем не было.

— Вау! Даже Эйри меня еще не брал так...

— Значит я первый? Вам нравится? — Лейхио жадно покрывал поцелуями все тело Айрин.

— Да...

— Бог ты мой! Вы сводите нас всех с ума... О, боже!!!

Мужчина кончил прямо в Айрин, потом развернул ее к себе лицом и лег на нее сверху. Так, чтобы можно было смотреть глаза в глаза.

Нежно погладил девушку по лицу, поцеловал в оба глаза по очереди... Потом нырнул и уплыл на середину озера.

К Айрин тут же подошел уже одетый Дэйниш, протянул руку, чтобы помочь встать. Прижал к себе всем телом. Уткнулся лицом ей в волосы, глубоко вдохнул запах... Потом упал на колени прямо в воду и прижался к девушке щекой. Он поступил сначала как Лейхио, потом как Эйри. И при этом все эти действия были пропитаны аурой его личной индивидуальности. Да, он прижал ее к себе со всей силы, но в этом не было ничего собственнического. Он прижался к ней щекой, стоя на коленях, но это был жест покорности. Дэйниш признавал себя подчиненным, зависимым. Он не искал защиты, как это делал Вилайди. Он наслаждался тем фактом, что рядом с ним находилась его госпожа. А его место было у ее ног.

Айрин запустила руки ему в волосы... Закрыла глаза и расслабилась. Есть ли у нее какой-то приоритет? Никакого! Только что она была с Лейхио. Сейчас ей безумно хочется приласкать Дэйниша. Если сейчас на тропинке появится Эйри, ему придется провести какое-то время с Вилайди. Никто не будет расстроен, конечно. У Лейхио есть Сайни. А Дэйниш только ее. Как-то это несправедливо.

— Волчонок, ты бы хотел иметь пару? Как Эйри с Вилайди и Лейхио с Сайни?

— Госпожа... У меня есть вы. И потом я признал Эйри и Лейхио своими Верхними. Сразу двоих. Если я заведу себе Нижнего, то не смогу его защитить от них. Ему придется спать со всеми.

— Но Вилайди и Сайни...

— Лейхио и Эйри стоят на одной ступени. Я ниже них. На той же ступени, что Сайни и Вилайди. Вернее, на полступеньки ниже и их тоже. Странно, конечно, быть ниже собственности раба, являясь мужем госпожи. Но у меня нет никакого опыта в гаремных интригах, да и желания бороться тоже нет. Быть Нижним этих двоих даже удобно в чем-то, у них в руках вся власть над рабочей половиной дома. Выше них я не прыгну. Они нормально ко мне относятся, так что мне под ними вполне спокойно. Но, тикусйо! Нижний Нижнего это уже перебор, мне кажется.

— Волчонок, как звучал вопрос?

— Хотел бы я иметь пару.

— Вот и ответь мне на него. Я поняла все сложности, связанные с этим. Теперь скажи просто, да или нет.

— Госпожа...

— Да или нет, волчонок!

— Нет... Пока — нет. У нас завтра первая церемония, вы знаете?

— Нет, Сабина как-то не сообщила.

— Мне Эйфри сказал. Наверное, он не стал вам говорить, думая, что вы уже знаете...

— Наверное. Волчонок?

— Да, госпожа?

— Не защищай Эйфри от меня, ладно? Я сначала разговариваю, а потом обижаюсь. Особенно на него.

— Хорошо.

Дэйниш потерся щекой о живот девушки, выгнулся так, чтобы ее руки как можно сильнее запутались в его волосах.

— Тебе тоже нравится боль?

Дэйниш замер. Закрыв глаза. Глубоко вдохнул. Выдохнул. Встал, опустив глаза в землю.

— Волчонок?! Мне все равно, понимаешь? Если тебе нравится, чтобы было чуть-чуть больно, я буду делать так, чтобы тебе было чуточку больно. Эйфри любит, Вилайди любит, не вижу ничего страшного в том, что это же любишь и ты.

— Я сам еще не понял, госпожа, что мне нравится. У меня очень небольшой опыт, как это ни смешно звучит после трех месяцев у госпожи Клаусийлии. Я у нее все-таки еще понимал, что меня насилуют и мое тело не подсело на это, а мозг не успел перевести изнасилование в удовольствие.

Но, знаете, на вас у меня очень странная реакция. Мне вот именно сейчас даже хочется, чтобы вы меня изнасиловали.

Айрин подошла к юноше поближе, сильно дернула его к себе за рубашку, так что та даже затрещала. Дэйниш почти сразу выдал три коротких вдоха подряд, потом выдох, стон... Девушка запустила руки ему в штаны, вошла сзади.

— Считай!

— Два... четыре... шесть...

Юноша застонал, выгнулся и начал насаживать сам себя на пальцы, двигая бедрами. Три коротких вдоха, выдох, стон... Стон... СТОН!

— Я тут вообще-то тебя изнасиловать пыталась, если ты не заметил!

Дэйниш всхлипнул на вдохе, застонал и замер, закусив губу и закрыв глаза.

Айрин опустилась на колени, спустила ему штаны, достала возбужденный член, на головке которого уже блестела капелька... Слизнула ее.

— Ти-икусйо... Ва-ау-у!!!

Дэйниш кончил буквально за минуту. Попытался выгнуться, освободиться, смирился и кончил. Потом упал на колени, лицом в песок, замер. Пришел в себя, поднял голову...

— Тикусйо! Это было... Мне никто не нужен, моя госпожа, кроме вас.

— Я что, все пропустил? — Эйри спускался по тропинке, обняв подбежавшего к нему навстречу Вилайди. — Я голодный как стадо маленьких шушар. Нет, как два стада. Пойдемте ужинать? Я уже даже мелочь организовал на стол накрыть. И послал за Сайни. Пошли скорее, пока я не съел кого-нибудь...

После ужина Лейхио с Сайни ушли к себе. Эйри, чуть не уснувший прямо на ковре, был уложен в своей новой комнате, с Вилайди рядом. А Дэйниш с Айрин улеглись в комнате девушки. Та сама залезла к нему под бок и сладко уснула. Парень немного полежал рядом, потом пошел побродить по дому, нашел библиотеку, какое-то время почитал... А потом вернулся к своей госпоже. Спать.

Глава 6

5 жниэвен 326 года. Дом Вайнгойртов.

Айрин проснулась от легкого дискомфорта, когда кто-то смотрит на тебя очень пристально, например. Лежит такой на соседней подушке и смотрит. Своими синими-синими глазами, чуть прикрытыми черными пушистыми ресницами. Слегка закусив изнутри нижнюю губу. И смотрит он на тебя как на давно потерянное и наконец неожиданно снова найденное сокровище.

Эйнри смотрит не так, у него даже в первые дни замашки были из серии «Не понял, зачем вы его выбрали, я же лучше!». Своим клеймом личного раба не она его к себе привязала, а он ее. К себе. Да она и не против. Как правильно заметил Дэйниш, за этими двумя, Эйном и Лейхио, можно спрятаться, как за каменной стеной.

Дэйн тоже надежный, но в нем нет их властности, их инстинкта собственников. Он именно надежный, преданный. Чтобы она не творила, он все примет спокойно. Интересно, если бы Эйнри вчера увидел, как они с Лейхио развлекаются, чтобы он сделал? Уж точно не подал бы спокойно руку, чтобы она могла встать. И не дал бы так просто уплыть Лейю, чтобы тот смог остыть и успокоится. Наверняка была бы драка, потом обиженные надутые губки, потом «ах, простите, госпожа, я опять зарвался!». Тоже забавно иногда, но вот конкретно после вчерашнего секса с Лейхио ссоры с братом не хотелось почему-то. Может, пора уже ставить Эйна на место, пока совсем не обнаглел?

Тут же, как почувствовав, что все мысли госпожи заняты только им, в комнату заглянул Эйнри.

— Доброе утро, госпожа! — подходя к кровати и усаживаясь на нее так, чтобы чуть отодвинуть Дэйниша. Тот без возражений просто встал и пошел одеваться.

— Сходить вам за завтраком, госпожа? Тайшу и пончики с клубничным джемом?

Айрин с изумлением любовалась на своего мужа. Пытаясь понять, как...КАК он мог уже узнать, что она любит на завтрак!

Дэйн улыбнулся девушке, и, поняв по ее взгляду, что она находится в крайней стадии изумления, решил открыть источник своих знаний: «Мне Кхериян вчера вечером рассказал».

— Так я пошел, да? — и получив утвердительный кивок, спросил, уже у Эйри: — Тебе что-нибудь принести, или вы с Вилайди уже завтракали?

Эйн в это время был занят, дразня языком грудь девушки, поэтому просто приподнял руку с согнутыми в кулак пальцами, всеми, кроме среднего. Засчитав этот жест за отказ, Дэйниш исчез за дверью.

Эйри перешел с груди в область чуть ниже, нежно раздвинув руками ноги девушки. Когда Айрин начала тихо постанывать, пытаясь захватить пальцами простыню, юноша скинул с себя одежду и приступил к более активным действиям.

Ее муж очень вовремя вернулся с завтраком. Как раз в тот момент, когда Эйн целовал свою госпожу за ушком, перед тем как удовлетворенно упасть рядом с ней. Хотя, конечно, скорее всего Дэйн банально ждал под дверью. И даже не использовал возможность обломать конкуренту кайф.

Айрин встала с кровати, потянулась, поймала восхищенные взгляды обоих парней и пошла в ванную. Даже сквозь шум воды она услышала громкие голоса, сократила процесс омовения до минимума и, еле прикрыв тело полотенцем, вылетела в комнату.

Дэйниш тут же протянул ей шелковый халатик, который валялся в старой комнате то на краю кровати, то на кресле, и девушка иногда его надевала. Если с утра кого-нибудь заносило попутным ветром. Обычно она сразу после душа влезала в платье и шла требовать себе завтрак. Сейчас завтрак стоял на столе, халат ей подали прямо в руки, полотенце забрали и повесили на место в ванной.

Стоило Айрин сесть в кресло и потянуться за кувшином с тайшу, Дэйниш опередил ее и налил напиток в кружку. Кружку протянул девушке. Сам сел на ковер, возле стола.

Эйри следил за всеми этими манипуляциями очень недобрый взглядом. Но сказать ничего не решился — сам он как-то не догадывался поухаживать за своей госпожой в таких мелочах. Девушка вспомнила, как в первые дни их знакомства Эйн массировал ей ступни. И, поманив брата пальчиком, указала рукой на место рядом с собой и положила ему на колени свои ножки. Юноша мгновенно сообразил, что от него требуется. Он не только нежно разминал ступни, но еще и иногда посасывал пальчики своей госпожи.

Дэйниш же следил за наличием тайшу в кружке жены.

— Ну вот, теперь я чувствую себя наконец-то почти местной, — умиrotворенно улыбнулась девушка. — Не хватает только танцующего Вилайди. В следующий раз надо исправить это, хорошо, Эйн?

— Да, госпожа, — в этот раз фраза прозвучала действительно с

почтительной интонацией. Девушка могла быть довольна собой — дрессировка брата начата и довольно успешно. Тем более, у него перед глазами такой хороший пример. Айрин откинулась на спинку кресла и, блаженствуя, закрыла глаза.

— Ух ты ж! — Вошедший в комнату Лейхио не смог удержать в себе эмоции и восхищенно присвистнул. Ему этого показалось мало и он три раза хлопнул в ладоши. Но все равно всего внутреннего эмоционального накала выразить ему не удалось. Даже после того как он еще несколько раз повторил что-то подобное «Ух ты ж!».

Потом упал на ковер, подполз к Айрин и положил свою голову ей на колени.

— Давайте, работайте, мальки! А меня сейчас гладить будут, правда? — и он преданно заглянул девушке в глаза. Увидел там искорки смеха и выдохнул: «У-уф, а то я чуть не испугался!».

— Лей, а вот если бы я разозлилась и приказала тебя наказать за такое?

— Ну значит судьба моя такая, госпожа, играл и не угадал...

Если бы Айрин знала анекдоты про поручика Ржевского, то вместо: «Матерь Сущего! Какой он все же непредсказуемый гад!», девушка подумала бы: «Ну вот, пришел поручик Ржевский и все опошлил!».

— Лей, когда в следующий раз ты откроешь дверь и увидишь совершенно естественную для вашей планеты картину, сделай вид, что тебе все это просто снится и уйди, а?! Я сидела, наслаждалась, входила во вкус...

— Но вот как раз это-то меня и испугало, госпожа! Что мы будем делать, если вы войдете во вкус?

— Ублажать меня, глупенький, какие у вас еще останутся варианты? — и девушка, цепко взяв Лейхио за подбородок, заставила его смотреть ей в глаза, а сама ногой начала ласкать его между ног.

— Ладно, мальчики, конец завтраку, — фраза в воздух, и, потом, конкретно Эйри: — А, действительно, где Вилайди и почему ты не на работе?

При этом массировать ногой между ног у Лейхио девушка не прекращала. А когда тот попытался зажмурится от удовольствия, тихо прошептала ему на ухо: «А глаза закрывать тебе никто не разрешал, мой хороший». От этих слов глаза у Лейя открылись шире, чем обычно. Айрин, решив наконец, что месть можно считать засчитанной, поставила ноги на ковер.

Лейхио тут же встал с колен, упал на уже застеленную Дэйнишем кровать, заложил руки за голову и задумчиво выдал:

— Вы, госпожа, даже в роли злобной гарпии соблазнительно прекрасны. Так что в следующий раз я обязательно снова зайду, вы уж простите. Я себе не прощу, если пропущу такое развлечение!

— Вилайди в спортивном зале, тренируется, чтобы форму не потерять. Обещал как закончит, зайти. А не на работе я потому что соскучился... Мне уйти? — Эйри построил лицо обиженной невинности.

— Ну вот, началось...

— Я пошутил, госпожа! Уйти сейчас, оставив вас наедине с этим маньяком?! Ни за что!

— Ты на кого батон крошишь? — Лейхио даже привстал с кровати от возмущения.

Эйн швырнул в него подушкой с ковра. Не попал. Лей швырнул подушку обратно, более прицельно. И подушка тут-же снова просвистела в сторону кровати, точно попав в голову Лейхио. В обратном полете ее поймал Дэйниш.

— Зануда! — Эйри сделал обманное движение и снова завладел подушкой. Теперь он кинул ее в основного конкурента. Дэйниш положил пойманную одной рукой в полете подушку рядом с собой, на ковер.

— Дважды зануда!

И уже более сочувствующим тоном уточнил: «Ты морально готов к церемонии?»

— Тикусйо! Кто из нас двоих зануда?! Церемония вечером, а ты мне с утра настроение испортить пытаешься?

— Мысль о том, что ты будешь удовлетворять свою госпожу, портит тебе настроение?!

Дэйниш гневно зыркнул в сторону Эйри, потом молча кинул в него многострадальной подушкой.

— Злые вы все тут и нехорошие. Пойду я работать... — и Эйн направился к двери.

— Давай-давай, попутного ветра под парусом, — Лейхио снова вытянулся на кровати.

— Эйн... — голос Дэйниша был одна сплошная неуверенность, — Так ты возьмешь меня к себе в помощь?

— Чтобы ты, весь из себя такой правильный, еще и хозяйку Сабину очаровал? Ладно, возьму. Прямо сейчас пойдем?

— Ага. Если госпожа не против?

— Вы оба отчаливаете, оставляя мне Вилайди и госпожу?! — Лейхио снова приподнялся на кровати, просто не веря своему счастью.

Юноши переглянулись между собой: «Потом дежурство наладим?»

Один с утра, второй после обеда?». И ушли.

Лей изумленно проводил их взглядом: «Я не понял, они что, спелись?»

Айрин весело рассмеялась над его искренним возмущением.

— Развлекай меня, моя радость! И секса я пока больше не хочу, так что придумай что-нибудь другое. И неплохо было бы найти Вила, а то что-то он долго спортом занимается. Как бы его не использовал кто-либо по назначению.

— Вместе пойдем искать Вилайди?

— Да, наверное. Подай мне вон то синенькое платье, пожалуйста...

— «Пожалуйста»? Я польщен, госпожа!..

— Сейчас кину подушкой...

Лейхио сделал выражение лица «ой, баюсь-баюсь!» и с поклоном протянул девушке на двух вытянутых руках платье. После чего с размаху получил этим самым платьем по тому самому месту, чуть ниже спины, чтобы не дразнился.

За это мужчина отвесил своей госпоже еще один почтительный поклон, пропуская вперед себя на выход.

Вилайди они нашли в спортивном зале, он увлеченно занимался растяжкой. В тот момент, когда Лейхио с Айрин, радостно пинаясь, щипаясь и ехидничая друг над другом, ввалились в зал, он сидел на идеальном поперечном шпагате, выпрямив спину и заложив руки за голову.

Лей выдал свое коронное: «Ух ты ж!» с присвистом, потом обошел Вилайди по кругу, зашел сзади, присев, нагнул мальчишку лицом вниз и, захватив за ноги у колен, сделал несколько поступательных движений бедрами. Айрин не удержалась и прыснула от смеха. Вил, упершись локтями в пол, оглянулся и скептически посмотрел на мужчину.

— Нет, мне, конечно, растяжка позволит, но вот насчет удовольствия... Не уверен.

— Красавчик, иметь тебя в таком ракурсе — это не для моих слабых старых нервов.

Девушка снова рассмеялась, но потом попыталась изобразить возмущение:

— Эй, хватит давить на нас своим возрастом, ты по континентальным меркам молодой мужчина в самом расцвете сил. А Вилайди мальчик несовершеннолетний.

— Вы еще скажите невинный, госпожа! — Лейхио задумчиво изучал парнишку, снова усевшегося на шпагат. — А сколько этой ходячей прелести до континентального совершеннолетия осталось?

— Совершеннолетие в основном в восемнадцать, в некоторых странах

в двадцать.

— И что, до этого ни-ни?! Как у наших до тринадцати?

— У вас четко ждут тринадцатилетия?

— Нет, конечно, что вы, госпожа! — Лей ностальгически-мечтательно улыбнулся, — Сайни тринадцати точно не было, когда я его взял в первый раз.

— Ладно, мальчики, давайте, придумывайте, как вы будете меня развлекать сегодня...

— У меня есть чудесная идея! В тумбочке рядом с кроватью лежат три толстых учебника, — Вилайди хитро усмехнулся.

— Уйди вдаль, пративный! — Айрин даже руками замахала от возмущения. — У меня сегодня тяжелый напряженный вечер, первая церемония зачатия, а ты издеваешься?! Бессердечный ребенок!

Мальчишка внимательно поглядел на госпожу, чтобы убедиться, серьезно она или шутит.

— На озеро? — предложил еще один вариант он.

— Можно, но не на весь день.

— А давайте мы съездим в город, закупим всякого по мелочи для наших комнат?

— Ты гений, Вилайди! А еще купим всем подарков по случаю переезда.

Минутная пауза заставила Айрин задуматься, что она сказала что-то не то.

— Тут не принято дарить подарки?

— Хм... Прямо даже не знаю, как вам сказать, госпожа, — Лейхио натянул на лицо свою снисходительную улыбку, — здесь очень даже принято дарить подарки. Между женщинами. Но вы-то хотите купить подарки нам, если мы правильно с рыжиком вас поняли?

— Ну да. Ничего особенного, так, мелочь какую-нибудь, хотя бы кружки для тайшу...

— Мысль как всегда прекрасна и неожиданна. Вернее, ожидаемо оригинальна, — Лей нервно усмехнулся. — Ну, значит, едем в город? Обедать тогда будем там, я чудное место знаю. Пусть Эйн удавится от зависти. Они-то небось сейчас права и обязанности делят и грызутся за каждый миллиметр. Ладно, идите наряжайтесь, я пойду на конюшне побуюню.

Вил, едва стало понятно, что его идея насчет поездки в город принята единогласно, подскочил и только не подпрыгивал от нетерпения.

— Я сейчас быстро в душ и потом к вам. Помочь наряд выбрать?

— Сама рискну, мне надо чтоб красиво и удобно. Ну, если совсем не угадаю, тогда поможешь с выбором.

И все разбежались готовиться к выезду.

Сначала в городе все шло по плану. Были изучены вдоль и поперек все крупные и средние лавочки с «хахаряшками», как презрительно Лейхио обозвал ассортимент предложенных в них товаров. Закуплены большие кружки, смешные подушки, покрывала с оригинальными рисунками, три торшера, скатерть в зал, куча ленточек и кожаных шнурочков для Вилайди, красивая заколка для волос для Дэйниша, оригинальный браслет Эйрин на запястье, Сайни Лейхио посоветовал купить набор каких-то редких семян и горшков с землей. В итоге без подарков оставались только Лей и Айрин.

Зашли в обещанное Лейхио интересное место пообедать. Место и правда было необычным. Столы были сделаны в виде ступеньки. Чтобы госпожа могла сидеть в кресле за столом, а сопровождающие ее мужчины на ковре, но тоже за столом. У стен стояли столики, рассчитанные на большое количество народу, а вместо кресел были диванчики. И кормили там действительно очень вкусно.

Потом, сытые и добрые, обошли еще несколько лавочек и купили Айрин набор «бирюлек»: обруч, цепочка с подвеской и кольцо. Все в одном стиле, очень подходящим для одного из ее празднично-выходных платьев.

Обсуждая, куда еще можно заглянуть, они как раз проходили мимо центральной рыночной площади. На которой, несмотря на будний день, толпился народ.

Вилайди, успевший юркой ящеркой просочиться и посмотреть, что там такое происходит, вернулся немного бледным, многозначительно кивнул Лейхио, и они оба энергично потащили девушку «посмотреть, что продается вон там, ведь явно что-то интересное...» с совершенно — как им казалось — незаметной целью как можно дальше увести девушку от площади.

Айрин относилась к подклассу кошек, которые могли бы скончаться от любопытства. Особенно после того, как оценила и бледность с испуганным взглядом Вила, и скорость с которой Лей потащил ее к большим рядам с «хахаряшками», хотя только что, минуту назад, намекал, что им пора закругляться и ехать домой. Но дорога к дому, вернее, к карете, проходила или вдоль площади, или в обход через лавочки. И Лейхио предпочел пойти в обход. А это могло означать только одно — ей очень нужно просочиться и посмотреть, что же там такое происходит.

— Госпожа, пожалуйста!!! — Вилайди смотрел на нее так, как смотрел бы ребенок на своего родителя, предлагающего ему провести ночь в

темной комнате наедине с кучей страхов, — вам не надо на это смотреть!

— Что там происходит?

— Там происходит показательное шоу, демонстрируют результаты профессиональной ломки строптивых рабов. Вот поверьте мне, вам действительно не нужно на это смотреть! — Лей был как никогда серьезен, и это пугало.

В это время раздался вскрик и потом вопль: «Нет, госпожа! Не отдавайте меня им, я стану послушным, идеальным! Пожалуйста!». Затем громкий женский смех в толпе, хлопки в ладоши, одобрительные выкрики: «Эти щенки только плетку и уважают!».

Айрин мучилась от желания краем глаза увидеть и одновременно прекрасно понимала, что видеть ей это и правда не нужно. Любопытство одержало верх.

— Вы меня потом отпоите настоем успокоительным. Пошли посмотрим, а то буду мучиться.

— Вы и так будете мучиться, когда это увидите. Эйри меня порвет, как пес тряпку... Пошли.

Просочиться в центр толпы, к сцене, оказалось довольно просто. Женщины расступались, видя у Айрин за спиной двух рабов, перешептываясь, что «рыженький еще более-менее, а второго-то точно пороли мало».

На сцене лежал привязанный к скамейке обнаженный юноша, от которого сногшибательно несло вейжэ. Две молодых женщины развлекались с его телом. Одна, стоя с одного боку, имела его в зад анфаллосом, вторая в это же время, стоя с другого боку, отхаживала его плетью по спине. При этом юноша лежал как изваяние, не стонал, не вырывался. Айрин вопросительно посмотрела на своих мальчиков. Ответил Лейхио.

— Он накачен чистым вейжэ по самые уши, ставлю на пять кубиков, но может и больше. Ему запрещено двигать телом и от боли, и от наслаждения. К тому же, готов поспорить, на нем одето кольцо-контролер. А вообще, парню повезло, ему надо просто лежать спокойно. Когда меня выставляли, то боль демонстрировать было разрешено, читай между строк — нужно обязательно. А вот за взмах бедрами я огребал палкой по яйцам.

— Тебя тоже вот так?.. При всех?

— Ну да. Говорю же, госпожа, ленивый в молодости был и наглый. Как раз перед продажей меня прежняя госпожа отдрессировать отдала. Так что с четырнадцати до шестнадцати я был идеально-сказочный мальчик. Потом отпустило потихоньку.

В это время женщины начали вызывать добровольцев из толпы, помучить тело. Чтобы все могли убедиться: нет никаких технических хитростей и все — только честный результат тяжелой работы воспитательниц.

— Да он без сознания уже, наверное! — крикнул кто-то. Тут же одна из женщин приподняла голову юноши за волосы и Айрин совершенно нечаянно встретила с ним взглядом. Выражение в глазах не было вообще. Бездна, обреченность. Даже испуга или отчаяния девушка не увидела.

— Лей!! Я могу как-то прекратить этот кошмар?

— Нет, госпожа. Это заказанное и оплаченное представление. Мы можем или смотреть, или уйти. У них там еще трое на демонстрацию.

Девушка, злобно пожелав черных дыр всем и каждому отдельно, начала выбираться из толпы. К сцене-то они втиснулись как нож в масло, а обратно приходилось выворачиваться, уворачиваться, но в итоге все как-то выбрались. Настроения идти дальше за покупками не было никакого, так что направились к карете.

— Ну и как, госпожа, будете нас слушаться в следующий раз?

— Нет. Я должна была это увидеть. Мне надо как можно чаще подобное показывать, главное, чтобы я реально не могла ничего сделать. Тогда я привыкну и смирюсь. А теперь расскажите мне, как будет проходить церемония зачатия, чтобы я своим шоком всю торжественность не порушила.

— Да там-то проблем никаких нет! — И Лейхио быстро пересказал то, что Айрин уже и так прочла в учебнике.

— То есть, я правильно понимаю? Мне нельзя ничего делать, просто подойти, сказать «возбуди», залезть сверху и отыметь до состояния «пока не надоест», в идеале — до моего оргазма, потом сказать «кончи» и получить его семя внутри себя. Так?

— У-ух ты, госпожа! Вы еще больше сократили! Но суть передана верно.

— Это только мне кажется, что оно все как-то маразмом отдает? Почему надо из этого устроить шоу с гостями? Почему нельзя возбудить? Почему...

— Остановитесь, госпожа! Я сейчас открою вам страшную тайну. Потому что в принципе возбуждать рабов просто так не принято. Дурной тон.

— Фу-ты ну-ты! А что я видела на вечеринке?! Как называлось то, что мои гости проделывали с моими же рабами?! Массовое умопомрачение?

— Нет, госпожа, — Лейхио явно развеселился, — они играли с телом раба. Это не то же самое.

— Ладно. Понятно. Возбуждать для возбуждения — проявление плохого воспитания. А играть с телом и ненароком возбудить — невинное развлечение. Лей, а тут анекдоты принято рассказывать?

— Гы-ы! Вам какие, госпожа? Отфильтрованные для хозяйских ушек или сразу народное гаремное творчество? Есть еще анекдоты чисто между госпожами, я такие тоже знаю, но рассказывать не очень люблю. Хотя среди них тоже смешные попадают.

— У нас впереди пятнадцать минут дороги, отфильтруй лично для меня из народного творчества...

На подъезде к дому настроение сделало скачок вверх, а остаточное проявление задумчивости на лицах Сабина и остальные встречающие списали на усталость от шопинга.

Дэйниш заранее уже явно был весь на взводе, правда, с учетом того, что ему предстояло пережить в этот вечер, состояние было оправданное.

— Волчонок, золотко, я верю в то, что стоит мне сказать «возбудись» и наклониться так, чтобы ты вдохнул запах моих волос, и у тебя все получится. Но вот насчет второго пункта меня мучают сомнения...

— Меня тоже. Я очень боюсь кончить раньше, чем нужно...

— Это-то не проблема. Подашь знак и я прикажу. Никто ничего не заметит. А вот если наоборот?

— Нет, я от страха и волнения ускоряюсь обычно.

— Хорошо. Давай так, когда надо будет, чтобы я красиво приказала, наклонишь голову на левый бок и глаза закроешь на подольше. Еще можешь губы облизать, чтобы я уж точно внимание обратила. Договорились?

— Ага. Только меня все равно потряхивает.

— Слушай, я знаю классный способ согреться! Пошли, покажу! — Эйри, обнимая одной рукой Вилайди, другой хлопнул Дэйна по спине.

— Тикусйо!!! Ты маньяк!

— И не он один, мальчик. Не он один, — старательно имитируя стариковский голос, Лейхио хлопнул Дэйниша с размаху ладонью по заднице.

Парень устало закатил глаза, вдохнул...

— А и ладно! Пошли! Только руками инструмент производства не трогать! Я греться собираюсь и нервы успокаивать.

— Вы все маньяки!! — Айрин обиженно надула губки. — А мне чем

прикажете себя успокаивать?

— А вы что, госпожа, с нами не пойдете? — Лей соорудил удивленно-изумленное выражение лица с элементами возмущения. — Мы, между прочим, вашего мужа разогревать собираемся. Неужто участвовать не будете?

— Мужу будет спокойнее, если вы его наедине, без меня поимеете. А то у него связка «жена и толпа мужчин» закрепится. А я лучше пойду с Сабиной посекретничаю. Поволнуюсь у нее на плече, ей приятно будет.

* * *

Вечером к дому подъезжали карета за каретой. Айрин, пытающаяся по мере сил абстрагироваться от происходящего, тоже начала ощущать некий озноб. Сабина, как успокоительное, действовала плохо. «Все будет хорошо», «Успокойтесь», «Главное, чтобы ваш муж все сделал правильно». Вот на этой фразе Айрин накрыло окончательно. Особенно с учетом того, что в зал вошла уже тридцатая или тридцать вторая, или вообще тридцать пятая по счету гостя.

Девушка уже сбилась со счета. Еще немного и количество гостей сравняется с количеством присутствующих на позавчерашней вечеринке. Да и лица все знакомые. Все те же, все там же. И все это для того, чтобы посмотреть как она... Тьфу! У мужчины должны быть железные нервы, чтобы в такой обстановке суметь изобразить хоть что-нибудь. С другой стороны, их вроде как с детства тренируют. Должен справиться. Черная дыра им всем навстречу! И ведь выпить ничего алкогольного нельзя. А то бы сейчас распили с Дэйнишем вейкоктейль на брудершафт, и никаких проблем.

И тут в зале зачем-то выключили свет и зажгли свечи. Сабина, сначала приветливо улыбнувшись вошедшей женщине, повернулась к Айрин:

— Дорогая, сходи приготовься. Прими душ и надень специальное платье, я его положила у тебя на кровать. Как только вернешься — начнем церемонию.

Девушка вылетела из зала, пронеслась по коридору, влетела в комнату... На кровати валялся Лейхио, в кресле сидел Эйри, у его ног на ковре — Вилайди. Боже, как она их всех любит! Какие они родные и славные!

— Лей, здесь на кровати должно было лежать платье...

— Упс! А мы-то все думали, что это за тряпочка с вырезом... Вам

помочь с ним справиться, госпожа? Или вам лучше помочь принять душ?

— Душ я приму сама, спасибо. Где Дэйниш?

— У себя в комнате, госпожа, вместе с Сайни. В шахматы играют. Оказывается, Сай умеет играть в шахматы! А со мной он не играл, чтобы не позориться. Зато с ним нормально все...

— Ты что, ревнуешь, Лей?

— А что, похоже? Нет, госпожа, я просто брюзжу. Потому что тоже нервничаю немножко. За компанию. А вот тот пацан в кресле вообще сам на себя не похож...

Эйнри скептически хмыкнул, но промолчал.

— Как же я вас люблю, мальчики! — очень эмоционально проговорила Айрин и ушла под душ.

Потом на нее надели «тряпочку» — круглый кусок шелковой ткани, с вырезом в центре для головы. И, поцеловав всех троих, девушка пошла обратно. Эйн шел за ней. Личному рабу полагалось присутствовать на такой церемонии. Девушка старалась расслабиться и настроиться на мысли о Дэйнише. Правда, где-то на уровне подсознания начала выкристаллизовываться мысль, слабая и неуверенная, что в такую же игру скоро будет играть еще одна пара. И одним из игроков будет ее брат.

— Эйн, а ты эту Кэйтириону хоть раз видел? Как она тебе?

— Вау! Я польщен, госпожа! Вы решили спросить мое мнение...

— Эйнри! Давай не будем сейчас ссориться?

— Давайте не будем, госпожа... Простите, я был не прав...

— Эйн!!!

— Да я серьезно совсем, госпожа! Серьезно, был не прав. Я же дал вам согласие, вы нашли подходящий вариант, надо отметить очень неплохой. Еще и хозяйку Сабину привлекли и она контракт заключила на самых выгодных для нас условиях. Это я заранее нервничаю просто. А госпожа Кэйтириона вполне так ничего, симпатичная...

Айрин остановилась, обернулась и в упор посмотрела на брата.

— А что я такого сказал? Госпожа?! Вы — красавица, а она симпатичная.

Удовлетворенно кивнув, девушка развернулась и пошла дальше.

— Госпожа? — давно уже она не слышала от брата такого виновато-просительного голоса...

Айрин, снова остановившись, обернулась и Эйнри, опустившись на колени, прижался лицом к ее животу, закрыв глаза сделал глубокий вдох и замер. Потом, вздохнув, открыл глаза и посмотрел на сестру. Так, как он смотрел на нее в первые дни. С обожанием и страхом потерять.

— Я люблю вас, моя госпожа!

— Я знаю... — девушка выдержала полминуты паузы. — Я тоже люблю тебя, Эйн!

Дальше они спокойно дошли до двери в зал, первой вошла Айрин, за ней, отставая на два шага, Эйнри.

Свечи в канделябрах, установленных вдоль стола, были единственным источником освещения. Лица гостей скрывались в полумраке зала. В центре стояла большая кровать, накрытая черным покрывалом. Никаких подушек, ни одного одеяла. Девушка сразу вспомнила свой первый сексуальный опыт в стенах этого дома, но, к счастью, крепежных крючков тоже видно не было. Вдоль кровати стояло три напольных канделябра на три свечи каждый.

— Девять — число удачи, — тихо прошептал ей на ухо Эйнри, — А теперь, если вы не возражаете, я отойду к хозяйке Сабине. Боюсь, Дэйн не очень обрадуется, если я буду стоять со свечкой у кровати, тем более тогда нарушится идеальное числовое сочетание.

— Да, конечно.

— Вы все помните, моя госпожа?

— Да. Лейхио экзаменовал меня, пока мы ехали домой.

— Ну тогда я могу быть абсолютно спокоен, — ехидно хмыкнул Эйн и исчез в полумраке.

Айрин осталась абсолютно одна, правда ненадолго. Дверь открылась, и в зал вошел Дэйниш. На секунды замер, явно собираясь с силами и заодно привыкая к освещению. Потом набрал полную грудь воздуха, и это было так громко в абсолютной тишине... И очень... Очень возбуждающе. Запах страха и волнения. Женщины Венги обожают такой запах, идущий от мужчины. Особенно если он так экзотично красив, как ее волчонок. Все женщины в зале хотели ее мужа, именно сейчас его хотели все. Все тридцать с лишним. А он шел к ней, бледный, с прикушенной изнутри губой, с волнением до состояния легкого испуга, с желанием в его синих — синих, почти черных глазах. Обнаженный, с напряженными кубиками пресса... Браслетом на бицепсе... Тугой косой черных волос... И это правильно, меньше будет соблазна запустить в его шикарную гриву руки.

— Госпожа? — одними губами, с неуверенностью невинности...

— Ты прекрасен, волчонок...

— Тогда прикажите мне лечь и приготовиться для вас.

— Прости, конечно... — и уже громко, на весь зал, стараясь не испортить важный момент своим смехом: — Ляг и приготовься для меня. Прости, но от фразы «возбудишься для меня» я бы точно не рассмеялась, —

уточнила уже снова тихо, шепотом.

— Не смешите меня, пожалуйста, а то я сейчас опозорюсь.

Девушка подождала, пока Дэйн ляжет на кровать и заведет руки за спину. Опозориться ему не удалось, и, специально для желающих в этом убедиться, Айрин выждала несколько секунд. Потом устроилась сверху, скрыв процесс соединения под своим платьем. Дэйниш, закрыв глаза от удовольствия, мог позволить себе выгибаться сколько угодно, этого все равно никто бы не увидел. Получать удовольствие от церемонии мужу разрешалось, если, конечно, госпожа не была против.

Когда девушка уже была на грани, Дэйн, еле слышно застонав, положил голову на бок, закрыл глаза и, чтобы уж точно никто не сомневался, медленно облизал губы. Потом открыл глаза и с мольбой посмотрел на жену.

— Давай, волчонок! — и громко: — Кончай, уже можно!

Юноша выгнулся, достигнув наивысшего пика удовольствия, потом несколько раз дернулся вверх бедрами, вливая свое семя в Айрин. Девушка, удовлетворенно застонала, впиваясь ногтями ему в ноги, оставляя на память о церемонии глубокие тонкие красные полосы. Дэйниш снова выгнулся, зажмурившись от наслаждения.

— Волчонок, — тихо спросила Айрин, наклонившись к самому уху мужа, — мне теперь надо просто слезть с тебя — и все, или я могу тебя поцеловать?

— Я бы не отказался от поцелуя, моя госпожа, — ответил Дэйн, тоже еле слышно, на выдохе, — но надо просто слезть и позволить мне встать и уйти одеться. Тем более, там, за спинкой кровати, стоит один очень ревнивый парень, готовый разорвать меня на части.

Айрин обернулась, поймала взгляд Эйри, совсем не ревнивый, скорее вопросительно-завидующий. И, соорудив безразличное выражение лица, царственным жестом протянула ему руку, чтобы он помог спуститься.

Дэйниш, спустившийся с кровати следом, быстро опустился на колени, поцеловал девушке ноги, встал и вышел из зала.

В зале включили нормальный свет. Все гости кинулись по очереди поздравлять, вернее, выражать сочувствие девушке в связи с одним из достаточно важных событий в жизни женщины.

— Это так неприятно, дорогая. Я их вообще бы внутрь себя не допускала, пусть между собой такой пошлостью развлекаются. Но для зачатия наследницы приходится идти на жертвы.

— Нет, с контролером вполне даже ничего. Но разрешать ему кончать внутри себя — это отвратительно. Эти самцы сразу забывают, что их

основная цель — доставить удовольствие женщине, начинают стонать, выгибаться, распускать руки!..

— Да они даже с контролером умудряются стонать, выгибаться, пытаться двигать бедрами, чтобы сбить тебя с ритма... А уж распускание рук — это вообще всеобщая беда. Я без наручников рабов не использую вообще. Иначе все равно как-то умудрятся вытащить руки из-под спины...

Айрин не знала, как правильно реагировать на все эти фразы. Наверное, пытаться объяснить этим женщинам, как много они теряют, подавляя инициативу в мужчинах, бесполезно. Не поймут. Так что девушка героически молчала, улыбалась и согласно кивала на все те бредни, какими ее эмоционально одаривали присутствующие дамы. Эйри и вскоре присоединившийся к нему Дэйниш тоже крепились. Хотя пару раз Эйн все же тихо хрюкнул. Гад! Ей тут на лице надо муки жертвы изображать... Хорошо, хоть Лейхио нет, он бы тут точно от души повеселился.

— Госпожа, может, сделаете вид что устали? А то еще немного и наш самоконтроль слетит в космические дали. Дэйи держится из последних сил, а у него нервная система расшатана сегодня, — Эйри умудрился тихо прошептать все это ей в затылок, и еще незаметно поцеловать в открытое плечо. Гад!

Айрин подошла к Сабине, пожаловалась, что перенервничала и устала. Вежливо со всеми попрощалась и величественно прямая, чтобы не согнуться пополам от смеха, вышла из зала. Даже умудрилась быстро добежать до мужской половины дома, прежде чем присесть около стены, держась за живот и тихо постанывая. Рядом упали два таких же ослабленных хохотом тела.

— Эйн, они серьезно верят в то, что говорят?!

— Да, госпожа. Они себя и ведут так же. Как говорят.

— Вот ужас-то!

Дэйниш перестал смеяться, сел у стены, обняв руками ноги и уткнувшись лицом в колени.

— Волчонок? Ты там как?

— Отпускает... Сейчас бы курнуть чего-нибудь успокоительного...

— Да не вопрос! — Эйн тоже воодушевился идеей, — сейчас найдем Лейхио с Сайни, у них чего только нет... Госпожа, вы не против?

— Кальян курить я не буду, наверное... Но посидеть с вами посижу, конечно. Особенно если ты на гитаре поиграешь.

Вечер обещал быть томным. Дэйи лежал на подушках и курил отдельный кальян, с успокоительным. Остальные курили обычный сбор, резко пахнувший каким-то местным цитрусовым. Айрин пила теплый

травяной настой с молоком и пыталась поймать за хвост ускользающую мысль. На этот раз мысль была связана с ее волчонок, хотя сидела она рядом с Эйри, и именно его рука обнимала ее за талию.

— Эй, там в коридоре, когда Дэйниш вдруг резко перестал смеяться, как ты думаешь, это было похоже на срыв? Я вот смотрю сейчас на него и мне не по себе делается...

— Ну, я был бы последним гадом, если бы попробовал вас удержать возле себя, сказав что все нормально. И ведь я даже ревновать к нему всерьез сейчас не могу. Забирайте его и идите спать. Я завтра утром приду, мне понравилось вас будить, — Эйри поцеловал девушку на прощание и прижал к себе посильнее Вилайди, сидевшего у него с другого боку.

— Волчонок, пойдем спать?

Дэйниш оторвал от подушек голову и посмотрел на Айрин мутным взглядом. Потом в глазах начало проявляться сознание, через секунду юноша встал, чуть покачнулся, и девушке пришлось приобнять его, чтобы тот не упал.

— Пойдем спать, волчонок...

— Нет, госпожа. Я пойду к себе в комнату, пожалуйста...

— Дэйниш, у нас все время как-то не складывается. То я под вейжэ, то ты обкурился какой-то гадостью. Но ты же не сбежал от меня, правильно? Почему ты думаешь, что я сейчас оставляю тебя в таком состоянии?

— Потому что так правильнее, — парень посмотрел Айрин в глаза, потом отвел взгляд в сторону. — Мне сейчас надо побыть одному, пожалуйста!

— Тебе плохо, это видно, но именно поэтому мы идем с тобой на одну кровать, хочешь — в твою комнату, хочешь — в мою.

— То есть, если я скажу, что мы идем в мою комнату и закрою дверь на замок, вы все равно согласитесь?

— Да.

— А ваш...

— Волчонок! Не разочаровывай меня сценой ревности, хорошо?

— Госпожа! Я не ревную...

— Да? А так похоже! Ревновать можно по-разному, волчонок. Эйри ревнует как собственник, ты же шантажируешь с позиции жертвы.

Дэйниш снова посмотрел девушке в глаза, потом отвел взгляд, покраснел и закусил губу.

— Тикусьо! Я кретин, простите! Пойдемте к вам в комнату...

Перед уходом Дэйниш глотнул стоящий на столе настой, очевидно отрезвляющий, потому что ясности в его глазах стало несколько больше.

В дверях комнаты Айрин парень замешкался, но девушка дернула его за руку и затащила внутрь.

— Даже боюсь оставлять тебя здесь, пока буду принимать душ... Сбежишь еще. Так что раздевайся, пойдем под душ вместе. (Дэйн испуганно сглотнул). Это не страшно, волчонок. Я тебя не съем. Ну улыбнись же, золотко!

— Тогда уж уголечек, золотко — это не ко мне, — Дэйниш честно попытался улыбнуться, но улыбка получилась очень грустной.

— Обижаешь! Золотко и волчонок — это только ты. У остальных другие прозвища. Я не страдаю от недостатка воображения, поверь мне. А теперь раздевайся и под душ. Быстро!

Как не странно, но под душем они действительно просто помылись. Ну, почти просто. Смотреть спокойно на член в состоянии эрекции у кого-либо из своих мужчин и не возбудиться? Возбудиться и ничего при этом не сотворить? Девушка просто развлекла себя тем, что тщательно прошлась по телу Дэйна мочалкой с шоколадно-ванильным гелем. Особенно мочалке нравилось мыть всякие труднодоступные и перпендикулярно стоящие части тела.

Парень чуть не выдрал из стены трубу для полотенец, за которую он держался в последние несколько минут мытья, особенно после того, как губы девушки начали пощипывать и оттягивать его соски. При этом мочалка хозяйничать по телу не перестала, а наоборот усилила свою активность.

— Ну вот, теперь ты чистый и готовый к использованию. Пошли на кровать.

Дэйниш широко раскрыл глаза, приоткрыл губы, попытался восстановить дыхание... Потом не выдержал, упал на колени в воду, застонал и стукнул кулаком по ванне. Не с размаху, конечно, но с душой.

— Простите, госпожа, но когда до оргазма остается одна секунда, очень трудно сдерживать эмоции. Особенно когда знаешь, что за это ничего не будет.

— А что тебе мешало задержать мою руку или как-то по-другому дать понять, что надо еще чуть продолжить?

— Тикусйо! Все время забываю, что для вас это имеет значение... Госпожа... Простите... — Дэйниш смотрел на нее, стоя на коленях и тяжело дыша, коса распустилась в процессе мытья и волосы мокрыми прядями падали ему на спину, в глазах плескались еще остатки разочарования и проявлялось уже чувство вины... — Я сегодня целый вечер вас разочаровываю, да?

— Волчонок, ты такой сексуальный! А еще я искренне наслаждаюсь твоей неуверенностью в себе. В Эйри мне хотелось искоренить ее в корне, что я и сделала. У Лейхио неуверенность проявляется так, что сразу и не заметишь. А то, как ведешь себя ты, когда неуверен в себе и волнуешься, меня просто заводит на раз-два-три. Нет, на раз. Сделай еще раз такие губки, золотко!

Все-таки здорово, что у нее такие разные мальчики. И реагируют они на ее подколки по-разному. Причем сейчас она говорила чистую правду. Кажется, у нее начали срабатывать гены матери, и запах волнения и страха ее реально возбуждает. Причем конкретно от этого парня.

Эйри бы или состроил заказанную мордашку, или обиделся. Лей обрызгал бы ее остатками воды, а реальнее — затащил бы в ванну и воспользовался ее возбуждением по назначению.

Дэйниш разозлился.

— Я знаю, что не такой, как они! Знаю! И вы сами сказали, что мне таким как они не стать... Я для вас такой же бракованный, как Вилайди. Даже хуже, потому что он еще мелкий и скоро придет в норму.

— А ты у меня старый... Не бреди в себе жертву. Я тебе говорю, что ты мне нравишься такой как есть. Что тебя не устраивает?

Дэйн застыл на коленях, уставившись в одну точку, потом упал лицом в дно ванны. Плечи его начали слегка вздрагивать...

Похоже, Клаусийлия успела запустить процесс ломки и ее волчонок доделывает все сам. Или состояние жертвы ему просто близко, или Клау нажала на нужные кнопки, или...

— Волчонок...

Дэйниш поднял на нее совершенно сухие злые глаза, моргнул — не помогло, закрыл глаза на подольше — теперь в глазах просто тоска. Да что же такое происходит-то?! Насколько с Эйри было проще, оказывается.

Девушка вытащила мужа из ванной, за руку, растерла полотенцем, запинала в кровать. Залезла к нему под одеяло, прижалась, уткнувшись носом ему в плечо.

— Поговори со мной, Дэйни...

Дэйниш опять застыл, устремив взгляд куда-то в стену... И наконец по-настоящему заплакал. Уткнувшись лицом в подушку, бесшумно. Плечи слегка вздрагивали, не так как в ванной. Айрин тихо сидела рядом и гладила своего волчонка по спине, долго. Пока не почувствовала, что он успокоился. Тогда она легла рядом и начала целовать шею, лопатки, позвоночник... Ниже, ниже. Парень выгнулся бедрами ей навстречу, чуть слышно застонал...

— Поговори со мной, Дэйни...

Возбуждение как рукой сняло, снова уткнулся в подушку, но хотя бы не плачет.

— Волчонок?!

— Она так мечтала побывать на моей церемонии. Говорила, что у меня все получится и все присутствующие скончаются от зависти к моей госпоже. И только она будет стоять, любоваться мною и радоваться. И вспоминать моего отца, в честь которого она меня назвала. Я так ненавидел ее все те три месяца, что жил у госпожи Клаусийлии. Ненавидел за то, что не успела меня отдать в мужья, просто пристроить в гарем к хорошей госпоже. Ненавидел, пока все ее клумбы равняли с землей, чтобы засеять ровным газоном. Ненавидел, пока стоял обнаженный с анфаллосом в заднице и рассказывал какой-то женщине про все бумаги, документы, договора, кредиты... А она большим таким карандашом гладила меня по члену и иногда чуть попадала внутрь, а я знал, что дергаться нельзя, и показывать, что мне страшно до таракашек в глазах — нельзя. Надо продолжать спокойно говорить, как будто все нормально... Как я тогда ее ненавидел!!!

А сегодня, когда мы из зала вышли, я вдруг понял, что она вам никогда...не сказала бы того, что они там... Она вас как дочь бы любила... И она не виновата, что ее время пришло. Мало кто в ее возрасте ожидает, что у тебя вдруг именно сегодня остановится сердце. Она меня очень молодая родила, ей еще восемнадцати не было. Вся семья была в шоке. А она справилась. Правда, больше детей у нее не было, потому что отца она отпустила. Он был инопланетником. Ну, по мне видно вообще-то... — поток слов с всхлипами и попытками снова не заплакать наконец начал стихать, и Дэйниш даже попробовал вспомнить, как надо улыбаться. — Она меня очень любила. Хотя глаза у меня почему-то получились синие, а не черные. У нее глаза синие. И у госпожи Клаусийлии тоже. Синие. Я смотрел в ее синие глаза и пытался думать о других. И ненавидел... Она меня простит за это? — в голосе вдруг зазвучало столько детского...

— Это она звала тебя Дэйни?

— Да.

— Тебя не надо так звать, да?

— Наверное, не надо. Простите меня за истерику, хорошо?

— Это ты меня прости. Я перебрала в голове все варианты, но совершенно забыла, что ты недавно потерял мать.

— Может, из-за Эйнири? Он ведь тоже недавно потерял мать, мы с ним говорили об этом. Он довольно спокоен, но у него с ней другие отношения

были. Для него как мать скорее хозяйка Сабина.

— Может. Будем спать?

Дэйниш задумчиво посмотрел на свою госпожу...

— После того как вы меня так классически обломали с оргазмом? Ну уж нет!

21 грейзэн 326 года. Дом Вайнгойртов.

Айрин проснулась от легкого дискомфорта, когда кто-то смотрит на тебя очень пристально, например...

— Доброе утро, госпожа! — а в дверях снова стоит Эйри.

— Я пошел за завтраком? — это уже слова Дэйниша...

И так уже несколько недель подряд. Ночь с мужем, утро с братом, день с Лейхио и Вилайди, а вечером все собирались вместе в гостиной, пили, пели, болтали, танцевали... Иногда выходили в сад и веселились там. Иногда вечером всей толпой бежали на озеро, купаться. Пока не похолодало.

Эйри теперь, благодаря помощи Дэйна, освобождался гораздо раньше. Иногда они оба уже были свободны после обеда, иногда один из двоих возвращался, чтобы доделать какие-то важные и срочные дела. И утром Эйн вставал уже не так рано. Зато своей утренней сменой караула у постели мальчики приучили Айрин просыпаться вместе с ними. Не совсем с рассветом, но гораздо раньше, чем она просыпалась в первые дни.

Занудный Вилайди все-таки нашел запрятанные глубоко и далеко учебники, и они с Лейхио по очереди заставляли девушку их читать, вникать и заучивать.

Один раз уже приезжала ее учитель, убедилась, что теория усваивается и усваивается хорошо. Похвалила всех. Чуть помучила Вила, только поговорив с ним в своем стиле. И уехала. Сказав, что скоро вывезет в Джордан на практику.

Погода начинала потихоньку портиться. Приближалась достаточно короткая, но очень холодная зима. Она не подкрадывалась так, как на Земле, сначала три месяца прихода зимы — осень, потом наконец сама зима, потом три месяца ухода зимы — весна. На Венге все было проще, в течении 10–14 дней становилось все холоднее и холоднее, потом два месяца снега, а потом яркое солнце, лужи, ручьи, и снова лето. Новый год отмечали зимой, в первый день. Назывался праздник «День первого снега», даже если снег еще не выпал или уже несколько дней покрывал землю. Правда случаев «дня первого снега» без снега за все время проживания

людей на Венге было не более десятка. Гораздо чаще праздник запаздывал дня на три-четыре. И жители успевали подготовиться к веселью. Построить снежные крепости, горки, целые города. Были любители лепки фигур из снега. Эти фигуры потом посыпались специальным порошком и стояли твердые, как каменные, до самого начала месяца тайя.

На сегодня были намечены несколько важных событий. Во-первых, генетический тест на определение пола будущего ребенка Айрин. То, что церемония зачатия прошла успешно, Сабина определила специальным тестом на третий день. Теперь она бегала по дому и нервничала примерно так же, как Айрин и Дэйниш в день церемонии.

Во-вторых, на завтрашний вечер была запланирована церемония зачатия Эйри и Кэйтирионы. Праздник должен был проходить в доме ее матери, Эйлиорины. А сегодня к ним должна была приехать Кэйтириона, утром. Чтобы провести вместе с Эйри как можно больше времени. Приучить его к себе. Обычно между фактом официального выбора и церемонией зачатия проходит несколько дней, именно для того, чтобы мужчина смог выработать определенные реакции на запах своей госпожи, во избежание конфуза. Против переезда Эйна в чужой дом, даже на несколько дней, возражали все, и он сам, и Айрин. И даже Эйлиорина. Аргументируя это тем, что Эйри являлся личным рабом, наказывать и развлекаться с ним обычными способами было нельзя, а держать этот ходячий соблазн рядом и не иметь никакой возможности его попользовать, это садизм над собой. Так что приручать мужчину было решено на его территории.

Оба парня сегодня были в напряжении. Эйри — в предвкушении вынужденного слишком интимного общения с посторонней девушкой, на которую раньше, до встречи с госпожой, даже поглядывал с интересом. А теперь...Кэйт проигрывала госпоже по всем пунктам, хотя по меркам Венги и считалась красавицей. Сходившиеся у переносицы брови женщины Венги сейчас начали старательно корректировать так, чтобы они формой напоминали континентальные. Хотя еще пятьдесят лет назад считалось, что чем пышнее брови, тем красивее. У сестры контур бровей тоже не от природы такой, она сама признавалась как-то, что провела в салоне четыре часа, прежде чем заполучить такую красоту. Но у госпожи это все же естественно получилось. Может, потому, что он не видел ее раньше? Кэйтириону Эйри видел в детстве и отрочестве, как раз с модными пушистыми бровями. Помнил еще зажимающий его у стены юной девушкой, пару раз чуть не затащившей к себе в комнату. Госпожа

часто подшучивала, что они идеальная пара. Только развлекаться с ним предпочитала старшая, Эйлиорина. Грубо, цинично, с кучей подручного материала. После таких развлечений он иногда неделю не мог нормально использовать по основному назначению обе части тела. И только вмешательство хозяйки Сабины спасло его. А родная мать, даже когда он разрыдался у нее в ногах, вместо жалости обдала ледяным презрением и велела не позориться. Можно подумать, он часто позволял себе подобное. Да ему потом самому месяц было стыдно за такое проявление слабости. А в ушах звенело: «Тебе, щенок, честь оказывают своим вниманием, а ты тут истерику закатил и выглядишь теперь ужасно». Аргумент насчет чести его не воодушевил, но презрительные интонации в голосе его тогда задели. Госпожа потом долго к нему относилась как к пустому месту. Оскорбленная за подругу.

Какие-то не те воспоминания в голову залезли. От бровей-то... Девушка и с бровями этими была симпатичная, кстати. А уж после посещения салона стала еще интереснее. Хотя госпожа красивее. Мать Сущего, как он согласился вписаться в это?! Надо будет попросить Айрин поппикать на Кэйт своими духами, должно помочь. Да чего он переживает?! Чтобы у него — да не встало на молодую девушку? Блондинку с зелеными глазами? С пышной грудью?! Грудь у нее, кстати, на два размера, точно, больше, чем у Айрин. У госпожи она такая красивая, аккуратная, в руке помещается. Ее ласкать — одно удовольствие. А ее соски... Эйри непроизвольно облизнулся, как будто хотел снова почувствовать под языком грудь своей госпожи. Так, опять не в туда. Ну да, у Кэйтирионы грудь заметно больше, значит будет не красиво стоять, когда та будет сверху, а... Мать Сущего, направь мои мысли в правильном направлении!!!

Дэйниш, лежавший на кровати рядом, размышлял уже не о процессе, а о результате. И о том, как госпожа поступит с ним, если это будет мальчик. Наверняка Сабина уговорит ее избавиться и попробовать еще раз.

— Волнуешься? — оба парня сказали это друг другу почти хором. Развеселились. Волноваться от этого оба не перестали, но стало значительно легче.

— Ты же видел госпожу Кэйтириону? Как она тебе? Направь мои мысли в правильное направление! С утра мучаюсь. Она уже вот-вот придет, а я только до большой груди додумался. И по мне так это минус.

— Тикусйо! Большая грудь — это красиво...

— Ага? Когда она сверху на тебе?

— Ну да, ты только представь, она же может к тебе наклониться и ты

тогда языком, как ящерица, как бы нечаянно, раз и достал.

— Во время церемонии?

— Ну, во время церемонии конечно не получится. Но она же молодая еще, значит грудь у нее такая крепенькая, аппетитная, соски встанут от возбуждения, и все это богатство у тебя перед глазами мелькать будет. Или она наоборот в спине выгнется, как госпожа, тогда вообще красота, грудь будет только чуть-чуть подсакивать, рядом животик с пупочком. Эйн, она сейчас уже придет и все нормально будет. Видел я ее. Красивая молодая госпожа. Настроишься и справишься. Хотя на твоём месте я оказаться не хотел бы, конечно.

Дэйниш лег на живот, чтобы удобнее было смотреть на друга. Убрал прядь волос у него с лица.

— Я не понял, это ты секс предлагаешь или просто в качестве успокоительной меры? — Эйри задумчиво посмотрел на соседа по кровати.

— А я и сам не понял, — Дэйниш озорно улыбнулся. — Соскучился. Вспомнил как вы мне помогали.

— Так ты был снизу...

— А с чего ты решил, что я тебе сейчас предлагаю сверху? — Парень сделал честные удивленные глаза. — У тебя для этого Виланди есть.

— А ты не подумал, что для верха у меня есть Лейхио?

— Тикусйо! Как раз подумал. Ты под него даже под вейжэ не ляжешь. Разве не так? — Дэйниш при этом развязал у Эйна рубашку и прошелся языком от пупка вверх, к впадинке между ключицами, потом по тому же пути поцелуями вниз.

— Не соблазняй меня, Дэйниш! Я же поведусь сейчас... — Эйри поймал неожиданно выбравшего активную роль парня за волосы и притянул его к своему лицу, посмотрел в синие глаза, не выдержал и поцеловал, одновременно переворачиваясь и заваливая Дэйниша под себя.

— Нет, так не интересно! — Дэйниш попытался вырваться. В силе они не уступали друг другу, это уже неоднократно было проверено и в шутку, и даже один раз абсолютно всерьез. Тогда их разнимали Лейхио и Сайни. Вернее разнимал Сайни, а Лейхио руководил. Однако каждый новый день сближал их все больше и больше. Парни прониклись уважением друг к другу. А будучи почти ровесниками и имея очень много пересечений в судьбе, им было достаточно легко найти общий язык.

Если бы надо было вырваться всерьез, то проблемы бы не было. Но хотелось просто уговорить на эксперимент, ну или честно отдаться уже, раз сам первый начал заигрывать. И чего, спрашивается, не лежалось

спокойно? После того разогрева для церемонии Дэйниш был только с госпожой. И вот захотелось приключений на свою задницу. Может и правда соскучился? Лейхио вот приласкать не хочется. На Вилайди тоже не тянет, хотя там обсуждать, кто под кого ляжет не пришлось бы.

— Ва-ау! Тикусйо! — Этот блондинчик умеет уговаривать, но так хочется взять его сверху! И Дэйи, пользуясь тем, что Эйри чересчур увлекся, перевернул их тела в изначальную позицию, когда сверху был он. Как не странно, парень активно не сопротивлялся. Дэйниш знал наиболее эрогенные зоны друга, благо неоднократно видел как того ласкают госпожа или Вилайди, или Вилайди и госпожа вместе. Надо всего лишь пару раз укусь его зубами за соски и он растечется лужицей по кровати. Да, именно вот такой красивой активной лужицей. Вот активность он не учел! Поэтому опять снизу.

— Не рыпайся, — Эйи, сжав ноги Дэйи своими, нашел в тумбочке возле кровати смазку. Вынул из штанов уже стоящий в боевой готовности член. Когда под тобой парень, не надо задумываться можно ли уже возбуждаться, когда надо будет кончать, куда деть руки, можно ли целовать...

Дэйниш, лежавший на локтях, с головой в пол оборота, снова сделал попытку вывернуться. Эйри хмыкнув, перевернул того на спину и лег сверху. Лицо к лицу, крепко зажав ноги Дэйи между своих, а руками прижав руки лежащего под ним парня.

— Хочешь, возьму так. Так даже прикольнее. Я люблю в глаза смотреть, когда партнер кончает.

— Ты знаешь, как я хочу... — Дэйниш сделал последнюю попытку перевернуть их сцепку тел, понял, что безболезненно не выйдет, слишком плотно зафиксирован. Ну вообще, сам кретин, чего уж там. — Поцелуешь? — и морду понаглее, с вызовом.

— Да не вопрос!

— Тику-ус...

Целовались они долго. Очень долго. Дэйниш продолжал бороться за лидерство, хотя бы в поцелуе, потом все же сдался, но Эйри какое-то время еще напоминал ему, кто на самом деле Верхний в их паре. Потом стащил с парня штаны, закинул его ноги к себе на плечи, провел по члену ладонью в смазке и с размаху загнал в него на всю длину. Еще, еще, еще...

— Тикусйо! — в глазах у Дэйниша от боли засверкали слезы, он был зол, но уже волнами начинало накатывать удовольствие, а еще его впервые брали в такой позиции. И в глазах Эйри он видел что-то такое... Что-то такое, что злость отступала.

— Прости, я не подумал, что могу сделать тебе больно.

— В следующий раз подумай...

— А ты захочешь следующий раз?

— А кто... меня... знает... Я странный, — и Дэйниш выгнулся, постарался полностью расслабиться и поймать ритм партнера. Боли уже не было, а вот удовольствия... И главное, он реально не понимал, что на него накатило и зачем он полез к Эйну, зачем позволил ему взять себя так... Унизительно, тикусйо!!! И зачем он захотел от этого блондинчика поцелуя! А, главное, непонятно, зачем тот повелся на все это. У него же Вилайди есть. И они друг друга любят, это слепому видно. Этого зеленоглазого нахала все любят. И госпожа, и хозяйка, и Вилайди.

Тут Эйри кончил, засадив в парня еще глубже, хотя, казалось бы, уж глубже не куда. А потом лег у него между ног и провел языком по члену. Взял в рот, сжал губами, хищно, властно. Минет как проявление власти над Нижним, это ж уметь надо! Дэйниша выгнуло дугой, руки беспорядочно шарили по кровати, наконец вцепились в покрывало, губа искусана, глаза полузакрыты, волосы черными прядями по красной подушке...

— Ти...ку...сйо-о!..

— Bravo, мальчики, я и наша гостя в восторге! Такое шоу не каждый день увидишь.

Дэйн подскочил, быстро натягивая штаны и прикрывая собой Эйну, который тоже приводил в порядок свою одежду. На ковре тихо сидели две довольных девушки, их госпожа и Кэйтириона. Убедившись, что ни одна из них не сердится, Дэйниш облегченно выдохнул и слез с кровати. Эйри слез следом. Девушки смотрели на них как-то странно. Оглядев с ног до головы себя и убедившись, что все нормально, Дэйн обернулся и увидел редкое зрелище: покрасневшего и смотревшего в пол друга. Если бы не гостя, не удержался бы и засмеялся, ну, уж подколот бы точно. А так — лучше промолчать.

— Волчонок, ты зря штаны надел, — Айрин встала с ковра, подошла к ним и достала из тумбочки масло иши. — Что-то мне говорит, что тебе оно сейчас не помешает. Пойдем в ванную, я тебя полечу.

И потянула мужа за собой, оставляя Эйри один на один с Кэйтирионой.

— Не стесняйся, Кэйт, можешь его потрогать, он не кусается.

Эйн склонил голову еще ниже, сжал руки в кулаки и застыл как памятник самому себе.

Айрин с шумом захлопнула дверь в ванную.

— Снимай штаны и ложись на край ванны.

— Госпожа...

— И ягодичы раздвинь!

Губы Дэйна предательски дрогнули от обиды. Но он, больше не возражая, выполнил то, что ему приказывали. И в растерзанный анус нежными девичьими пальчиками был вставлен пропитанный маслом иши тампон. Потом Айрин обняла своего волчонка за талию, выпрямила, поставила спиной к стенке...

— Можно мне надеть штаны, госпожа?.. — дыхание прерывистое, злость с обидой так и витают, глаза в пол опустил, лицо под гривой волос спрятал. Волчонок! Прелесть какая, сил нет!

Обняла за шею, прижалась, поцеловала в губы, поймала изумленно-вопросительный взгляд, поцеловала еще раз. Отвечает, отпустило, мир восстановлен.

— Ты не хочешь узнать пол своего будущего ребенка?

— Тикусйо! Я кретин...

— Ты — мой волчонок. У нас будет мальчик.

Дэйниш сглотнул, застыл, уставившись в одну точку, потом застонал, опустилсся вдоль стены и уткнулся головой в колени. Потом поднял глаза: «Вы оставите его или?..»

— Конечно оставлю. Станный вопрос. Только рожать наверное уеду к родителям. Чтобы мой сын не считался мужчиной Венги.

Дэйниш задумчиво посмотрел на девушку, потом снова уткнулся лицом в колени. Уже не поднимая головы: «Вы будете искать другого мужа?»

— Не поняла?! Зачем мне другой?

— Ну я же... У меня же не получилось... Вы не обязаны давать мне еще шанс... — парень поднял глаза и внимательно посмотрел на Айрин: — Я все понял, я кретин!

Девушка какое-то время любовалась на своего расстроенного волчонка, потом не выдержала:

— У нас будет двойня, Дэй. Мальчик и девочка.

— Вау! Правда?

— Правда. Мы трижды проверили с Сабиной.

— Можно, я пойду схожу к Лейхио? Мне надо...

— Ты становишься зависимым от этой травы. Мне это не нравится. Так что — нет, нельзя.

— Как скажете, госпожа...

— Не обижайся, — Айрин нежно погладила парня по щеке. Тот поймал ее руку своей, притянул к губам, покрыл поцелуями... Потом не

выдержал, издал громкий победный вопль, подхватил девушку на руки, поцеловал в губы, сам, первый. Испугался собственной наглости. Увидел в глазах одобрение и поцеловал еще раз. Так, как целовал Эйри. Айрин обняла Дэйниша за шею и млела у него на руках.

— Ладно, отец будущей наследницы, поставь меня на планету, пожалуйста. Нам надо идти спасать твоего друга, как ты считаешь?

— Тикусьо!

— Ага, вот и я о том же. И, кстати, чего он к тебе сегодня полез?

— Это я к нему полез, а не он... — Дэйниш виновато опустил голову, — А почему — не знаю. Вдруг накатило...

— Так, может, тебе все же кого-нибудь купить?

Парень отрицательно помотал головой. Потом махнул рукой в сторону комнаты: «Пойдем спасать...».

Первые несколько минут после того, как дверь в ванную закрылась, Эйри пребывал в шоке. Его! Бросили! Одного! Наедине! С... И разрешили ей его лапать сколько душе угодно!

Когда девушка подошла к нему вплотную его обдало запахом ее духов, других, не таких как у госпожи, а ее большая, мягкая, теплая грудь коснулась его обнаженного тела, так как завязать рубашку он не успел. А платье у Кэйт...Кэйт...было тоненькое и почти прозрачное, и белья под ним не было. Сначала его повело, как под вейжэ, еще функционирующей частью сознания Эйн ухватился за воспоминания о госпоже, чуть отпустило, но стоило вдохнуть этого одуряющего аромата и...

— У вас духи с вейжэ, — не спрашивая, утверждая, рассерженно.

— Да. Я уточнила у своего врача, такая концентрация не повлияет на здоровье ребенка. Зато тебе так будет проще...

— Мне не будет проще, госпожа. Мне придется контролировать себя не в нормальном состоянии, а под наркотиком. Это сложнее.

— Мама сказала, что это хорошая идея.

— А я говорю вам, что плохая. Церемония будет со мной, а не с вашей мамой.

Кэйтириона задумчиво обошла юношу по кругу, запустила руки ему в штаны, одну спереди, одну сзади.

Эйн замер. Члена она, вау-ух, не коснулась. Пальцы внутрь не запустила. Просто понаслаждалась его беспомощностью и вынула руки обратно. Развернула за бедра к себе лицом. Полоснула ногтями вдоль ребер с одной стороны, с другой. Ногти тонкие, острые. Кровь тонкой струйкой вниз. Какие забытые ощущения! Игрушка! Покорная игрушка... И этот срывающий мозг запах вейжэ, и голова кружится... Кружится...

— Смотри мне в глаза, Эй! Смотри мне в глаза!!! Лей!!! Почему он так отреагировал? Это же всего лишь вейжэ?!

— У него защитная реакция сработала, она пыталась им завладеть, а он принадлежит вам.

— Ты пыталась влезть к нему в мозг?!!

— Нет! Я просто играла с ним, как раньше. Он раньше очень любил такое, я помню. Выгибался и стонал. Если ногтями соски сжать до крови или по ребрам, или по пояснице... Я прошлась по ребрам, он зажмурился, застонал и вот...

— Эй, смотри мне в глаза, любимый!!!

Эйри попытался сфокусировать взгляд. Зеленые глаза госпожи, утонуть в них... Утонуть в них... Какая боль!!! Какая боль, Матерь Сущего!

— Только не отводите взгляд, госпожа! Моя госпожа! Пожалуйста! Смотрите на меня..

— Да, любимый. — и тихо, в сторону: — Мальчики, держите его, ладно? Если это то, что я думаю, он сейчас от боли орать будет.

Боль накатывала волнами, когда-то в другой жизни такое уже было... Он тогда давал клятву. Клятву своей госпоже. Клятву верности своей госпоже...

— Я в норме, отпустите.

Теперь Айрин стало понятно, как это работает. Но неужто Эйлиорина не знала об этом?

— Кэйтириона, ваша мать была в курсе, что Эйри принес мне клятву верности и при этом она одобрила идею временно затуманить ему мозг? Ведь в состав ваших духов входит не только вейжэ? Иначе бы он просто кинулся в ванную, взломал бы дверь и изнасиловал меня или Дэйниша. Или побежал к себе и завалил Вилайди. Однако он покорно стоял, терпел, вдыхал... Пока не сработала заложенная внутри программа защиты и его не отключило.

Девушка, вся покрасневшая, сидела и с испугом смотрела то на Айрин, то на Эйри. Когда она поняла, что с Эйном все нормально, то расплакалась. Правда быстро взяла себя в руки. Но всхлипы нет-нет, но вырывались наружу.

— Хорошо, задам вопросы по-другому. Что у вас за духи? Кто вам их дал? Чья это вообще была идея?

— Идея была моя. Я подумала, что под вейжэ ему будет легче. Я как лучше хотела! Спросила вчера вечером у лекаря, не отразится ли на здоровье ребенка. Мама как раз была рядом, и пообещала, что даст мне

отличные духи с вейжэ. Дала вот...

— Та-ак, — задумчивая Айрин села на ковер, подобрав под себя ноги. Лейхио нагло завалился в кресло напротив, хотя в комнате и была еще одна госпожа. Эйри расположился на ковре, прислонившись спиной к кровати, а с двух сторон от него устроились Дэйниш и Вилайди. Кэйтириона съежилась на кровати, заплаканная и несчастная.

— Ну что ж, теперь давайте решать, мальчики и девочки. Мне кажется, что какая-то пожилая леди решила саботировать завтрашнюю церемонию, хотя еще позавчера ее все устраивало и она была настроена очень положительно. Значит, она нашла своей дочке более подходящий вариант? Но побоялась разорвать контракт, чтобы не обидеть Сабину. Такая версия имеет право на существование?

— Имеет, конечно, — Лейхио говорил сквозь зубы. Вообще, такого злого Лейя Айрин видела впервые. — Но тогда не понятна эта выходка с духами. Можно подумать, что Хозяйка, пошли ей звезды еще лет двести, узнав про эту историю, умрет от восторга! У меня есть идея лучше. Но сначала скажите мне, производители наследной линии дома Вайнгойрт, кого в итоге зачали?

— Двойню, — в голосе будущего отца зазвучала гордость, — девочку и мальчика.

— У-ух ты! Поздравляю!

Эйри просто одобрительно хлопнул Дэйниша по коленке.

— А теперь давайте порассуждаем. Сначала старшая госпожа дома Маргойлин в восторге от контракта на брак с домом Вайнгойрт. Она соглашается на большие уступки, контракт составлен на более выгодных для нашего дома условиях. Отказывается от притязаний на присутствие Эйри в стенах их дома в течение трех дней до церемонии. Почти согласилась, чтобы церемония прошла на нашей территории! Присылает к нам свою любимую дочь, чтобы та здесь, у нас, за сутки установила минимальный контакт с будущим отцом их наследницы, если повезет. И вот, когда мы все абсолютно расслаблено подпускаем девочку к драгоценному телу, выясняется, что старшая госпожа дома дала своей дочери духи с интересным составом. И теперь осталось понять, зачем и какую реакцию она ожидала?! Знала, что Эйри личный раб, давший клятву верности, и попытка очаровать его вызовет протест на уровне подсознания? Знала. И тут внимание, парни! Какой именно протест выдает обычно подсознание личного раба? Знаете? Два экспериментатора над своими мозгами? Нет? Ага! Стандартно, ребята, это агрессия. А-грес-сия!!! Наш Эйн должен был, оставшись с девушкой наедине, нанюхаться

вейжэ и остального, понять, что его пытаются похитить от госпожи, и накинуться на беззащитную жертву, ну и изнасиловать ее, наверное, если бы никто не успел на помощь. Ну, или проделать определенное, заметное невооруженным глазом, силовое воздействие. И тогда дом Маргойлин получил бы — что?! Вечного должника в лице нашего дома. Вот так-то. Потому что, своего ненаглядного Эйри госпожа убивать точно бы не стала, а по закону положено. Доказать, что девушка своим запахом повлияла на его рассудок никто не смог бы. Даже если бы поняли. Так что с нас бы взяли большие отступные за заминание скандала или, что реальнее, просто постоянно пользовали. А еще такой стресс мог сильно повлиять на течение беременности, к слову. Такая вот продуманная многоходовка!

Обе девушки сидели в шоке, замершие, тихие, с широко распахнутыми глазами. Наконец Айрин приняла решение.

— Кэйтириона, если хочешь остаться — иди и смой с себя этот запах, хоть ванильным гелем, хоть шоколадной пенкой, хоть клубничным шампунем!

Девушка послушно кивнула и ушла в ванную.

— Ну, сначала о плюсах. Такой выгодный контракт мы можем больше не получить, а снова вляпаться в неприятности — запросто. Хотя вообще я пребываю в прострации, честно! Мне казалось, что я ей нравлюсь. Тем более, они с Сабиной подруги. И, мальчики, мне искренне кажется, что дочь явно к ее каверзам отношения не имеет. К тому же она мне нравится. Но решать, конечно, Эйри.

— Я с ней наедине больше не останусь! Только втроем. И чтобы она не обращалась со мной, как с игрушкой для развлечения...

— Насчет сопровождающей дуэньи я полностью согласна. А вот насчет игрушки... Ты же не думаешь, что она позволит тебе...

— Нет, конечно, не думаю. Что ж, буду терпеть, госпожа. Другого шанса мне уже может не представиться, тут вы правы, — Эйри грустно посмотрел на Айрин, вздохнул. — Ну и кто будет со свечкой стоять?

— Оптимально, конечно, чтобы это была я. Но смысл-то как раз в том, чтобы твое тело научилось реагировать именно на Кэйт, так что в роли дуэньи больше всего подходит Лей (Лейхио на это ехидно фыркнул). Да. Я в курсе, что тебя Эйри возбуждает. Но мы же ищем дуэнью не тебе.

— Я... Наверное... Да.

— Отлично. Кэйтириона, уже можешь вылезать. Тебя не учили, что подслушивать нехорошо?

Девушка вышла замотанная в полотенце, с мокрой головой, заплаканными глазами, с несчастным и виноватым видом.

— Простите, я правда не думала, что мама... Мне всегда, с самого детства обещали Эйпри. Я выросла с мыслью, что он будет моим. Я не хочу никого другого!

Девушка подошла к Эйну и тот испуганно вскочил на ноги.

— Я готова позволить тебе просто быть со мной, так как вас обучали в Джордане, как вы с Айрин... Если ты захочешь.

Парни постарались скрыть улыбки. Пусть все думают, что их госпожа позволяет им вольность быть с ней так, как их обучали. Это и достаточно скандально, и доступно разумом для молодежи Венги. Может, вообще войдет в моду, желание выделиться и пойти наперекор стандартам — общая черта всех подростков независимо от планеты рождения. По крайней мере, девушка, воспитанная на этой планете, уже дала свое согласие.

Эйн сначала вопросительно посмотрел на свою госпожу, получил одобрительный взгляд, потом глазами приказал всем выметаться из комнаты, только Лейхио остался сидеть в кресле. Потом скинул с девушки полотенце, опустился перед ней на колени и вдохнул ее запах. Запах чистого девичьего тела и простого мыла. Встал. Снова завернул девушку в полотенце и положил на кровать.

— Полежите здесь, я быстро, госпожа!

Быстро принять душ и, закрыв глаза, думать о теле именно этой девушки, разбудить воспоминания... Он ведь тоже хотел ее. Когда-то, в другой жизни.

Настроился. Вышел. Лег сверху, руками уперся в кровать, работают только язык и губы. Почти весь вес надо держать на вытянутых руках. Матерь Сущего, как же госпожа их избаловала, если эти, вбиваемые в течение шести лет в голову через задницу правила, вспоминаются с таким трудом. Надо сосредоточиться. Его задача сейчас возбудить госпожу, и только потом уже, лежа под ней, расслабиться и получать удовольствие.

* * *

Через два часа три мокрых после душа тела, одно слегка возбужденное, и два удовлетворенных, ввалились в гостиную. Все остальные передислоцировались туда сразу же, как только были изгнаны из спальни. Лейхио тут же упал в свободное кресло, Дэйниш и Вилайди, наоборот, тихо сползли с дивана на пол.

Айрин обратила внимание, что Эйн — ее Эйн!! — не просто вежливо пропустил Кэйтириону вперед, а еще и ободряюще погладил ее сзади по

плечу. Почти незаметное тихое касание, но как же оно сильно царапнуло по сердцу! И сел он на пол, вроде, рядом с ребятами, у дивана, но заодно получилось, что и у ног Кэйт.

Лейхио вдруг соскользнул с кресла и сел у ног Айрин, положив подбородок ей на колени.

— Госпожа! Вы же сами отдали его ей до завтра. Не ревнуйте! Его тело с ней, но любит он вас.

— Ты уверен?

— Он что, никогда вам об этом не говорил, госпожа?

— Говорил... И не раз.

— Его слова говорят о любви, его поведение говорит о любви, что заставляет вас сомневаться, госпожа? То что он слишком хорошо выполняет ваш приказ? Вас бы больше порадовало, если бы он сидел недовольный и злой?

— У ревности нет логики, Лей. Я с утра даже поревновала Дэйниша, представляешь?!

— К кому?! Он-то вообще только с вами, госпожа! Ну или с Эйври, но там-то все как раз...

— Вот как раз там оказалось и не все.

— Я весь одни большие уши, госпожа, — Лейхио обхватил руками ноги Айрин, положил голову поудобнее и преданно взглянул девушке в глаза.

— Представляешь, захожу вместе с Кэйтириной к себе в спальню, а на моей кровати мой личный раб имеет с остервенением моего мужа, причем не лицом в подушки, задом кверху, а...(Лейхио закашлялся, пытаясь проглотить попавшую не в то горло смешинку). Ничего смешного не вижу. Они даже не услышали, что мы зашли, представляешь? Не услышали и не увидели! Так были заняты друг другом. И когда я у Дэйниша спросила, за что его так, знаешь, что он мне ответил?!

— Что сам его соблазнил, верно, госпожа?

— Как ты догадался?!

— Он на него запал еще в первый день. А уж когда мы его перед церемонией разогревали, даже Вилайди заревновал. Вы разве не заметили, как мальчишка вечерами теперь на Эйне висит? Как будто территорию помечает, только не рычит пока.

Пока Лей и Айрин мило сплетничали, остальные мальчишки развлекали Кэйт. Налили ей тайшу, угостили булочками. Поддержали светскую беседу, отвечая на вопросы.

Айрин наконец решила снизойти и обратить внимание, что в комнату

вошел не один Лейхио.

— Судя по вашим лицам, все нормально? Можно со спокойной душой приказывать подавать обед?

— Да, пожалуйста, — Кэйт снова начала терять с трудом восстановленную уверенность в себе. Эйри, сидящий спиной к дивану, не оборачиваясь обнял ближайшую к нему ногу девушки руками и прижался к ней щекой.

Айрин тут же запустила руки в волосы Лейхио, притянула его к себе между ног, наклонилась и поцеловала.

Дэйниш встал, протянул руку Вила, который сначала ничего не понял, но, встретившись с грозным взглядом парня, решил уточнить все за дверью.

— Вы тут поиграйте в игру «мы совсем не ревнуем», а мы сходим насчет обеда разузнаем. Может, на кухне и пообедаем. Там сегодня спокойнее, — и Дэйниш вышел, уводя за руку Вилайди.

— Парень прав, можно я тоже уйду, госпожа? Мне нравится, когда вы меня целуете просто так, потому что вам хочется. Вкус этого поцелуя горчит, он предназначен не мне. Так что я пойду тоже на кухню. Заодно Сайни найду, — И Лей тоже вышел.

Эйри тут же отпустил ногу девушки, на четвереньках подполз к своей госпоже, встал перед ней на колени, втиснулся между ее ног, преданно заглянул ей в глаза...

Айрин, улыбнувшись, погладила своего любимца по щеке, убрала волосы с его лица, притянула к себе за затылок, поцеловала. Поймала во взгляде любовь, счастье, наслаждение... Успокоилась.

— Сходи, верни этих тактичных. Будем обедать здесь. Не придушу я твою будущую жену, не волнуйся.

Как только за Эйри закрылась дверь, Айрин пересела с кресла на диван.

— Как я понимаю, церемония завтра состоится?

— Да, если вы не против...

— Я не против. Но до церемонии ты останешься у нас. И с мамой встречаешься только под присмотром. Самые лучшие кандидаты для этого — Лейхио или Сабина. Договорились?

— Да. А на ночь вы Эйри заберете?

— Если ОН захочет побыть перед сном с тобой, я не буду возражать. Но спать он будет в своей комнате. А ты под замком. Уж извини. Ничего личного, но мне так будет спокойнее. Только на ночь, утром тебя выпустят.

— Да, хорошо.

Шумно что-то обсуждая, в комнату ввалились парни: «Обед заказывали? Столы подгонять или своими силами справимся?! Кто под супом сегодня?! Только не компот!! И у мяса горшок жирный, на рубашке пятна будут!»

— Несите на стол, если вас за обедом посылать, то умереть от голоду можно.

Во время обеда Эйпри опять сел у ног Кэйт. Состроив умоляющую моську и из-под ресниц посмотрев на свою госпожу, получил ее разрешающий кивок. Дэйниш с Лейхио, поняв, что разборки в семье закончились, пристроились у ног Айрин. Вилайди лежал рядом с Эйпри, положив голову ему на колени. Обедать он отказался. Сказал, что перекусил на кухне и так выразительно посмотрел на предлагавшую ему супа госпожу, что та мигом вспомнила про уже забытое правило. «Прости, забыла совсем!».

После обеда Эйпри рискнул провести время с Кэйтирионой, взяв с собой Вилайди. Дэйниш отправился выполнять обязанности помощника управительницы, а Лейхио, нежно обняв свою госпожу за талию, повел ее в библиотеку, заниматься.

На ужине встретились, мило поболтали, после чего Айрин, Вилайди и Дэйниш ушли на мужскую половину, а Кэйтириона с Эйпри и Лейхио удалились в комнату, условно считаемой комнатой Дэйниша. Через час мужчины присоединились к остальным. Эйн оттеснил Дэйниша от Айрин, улегся к ней на колени, и пролежал так весь вечер. Не шевелясь. Правда, от ласк девушки волосы у него на голове уже напоминали воронье гнездо, так они были перепутаны. Но парня это не беспокоило. Он даже не дернулся, когда Дэйниш спросил у Вилайди, не приютит ли тот его на ночь. Хотя потом, со вздохом, приподнял голову:

— Не суетись, пристанище будешь искать завтра после церемонии. Сегодня мне нельзя терять настрой, так что с мальком сплю я.

22 грейзэн 326 года. Дом Вайнгойртов.

— Доброе утро, госпожа!

— Я пошел за завтраком?

— Заодно выпусти Кэйтириону.

— Я уже ее выпустил, госпожа, — Эйпри уже сидел на кровати, уткнувшись головой в живот лежавшей Айрин. — И, Дэй, захвати побольше тайшу и булочек, ладно?

Насладившись обществом своей госпожи, Эйн пошел пригласить Кэйт

на завтрак.

После завтрака набежала толпа женщин, чтобы привести Айрин в порядок, для выезда в люди. Парни тоже разошлись наводить марафет. Вилайди сегодня был предоставлен сам себе, остальные, включая Сайни, ехали сопровождающей свитой. Ни госпожу, ни хозяйку, ни Эйри даже на минуту нельзя было оставлять без присмотра. Сайни стал тенью Сабины, Дэйниш ни на шаг не отходил от Айрин, Лейхио постоянно был рядом с Эйри. Когда его попытались ненавязчиво отправить к гостям, аргументируя это тем, что будущий муж должен подготовиться и побыть один, Лей радостно улыбнувшись во все тридцать два зуба, объяснил, что он существо подневольное. У него приказ от госпожи. Кто хочет, может пойти и поговорить с ней. Без личного приказа он не отойдет от друга до самой церемониальной кровати. А там прикинется канделябром и не будет отсвечивать.

Так что церемония прошла спокойно, мило и почти по-домашнему. Потому что приглашенных почти не было, ведь Эйлиорина ожидала другого развития событий. Так что были только гости Кэйтиайрионы.

Надо отдать должное старшей госпоже принимающего дома: она умудрилась сохранить гостеприимное выражение лица, радостно улыбаться весь вечер, и, поняв, что поговорить с дочерью наедине не удастся, смириться с данным фактом. На изнасилованную и избитую ее девочка похожа не была, контракт не разорвали, а значит, блестящий план провалился. И, самое главное, подруга ведет себя так дружелюбно, как будто вообще ничего не произошло.

По окончании церемонии Айрин подхватила тетушку под руку, мальчики рванули следом, прощались с хозяевами уже практически на бегу к карете. На обратном пути Лейхио, по приказу Айрин, рассказал всю историю Сабине. Та порвала перчатки от гнева, но согласилась, что младший двор принял верное решение. И то, что не предупредили ее — тоже правильно. Иначе она не смогла бы так искренне изображать полное неведение и дружелюбие.

Вечером, как и обещал, Эйри выгнал Дэйна из комнаты госпожи, и наслаждался ею весь вечер, часть ночи и еще, проснувшись, утром. После чего уполз к себе в комнату досыпать.

Глава 7

8 вйуэжен 327 года. Дом Вайнгойртов.

Зима захватила Венгу, шел второй месяц холодов, вйуэжен. Все вокруг было белым-бело. И просто так, в одном платье, на озеро купаться вечером уже не побежишь. В доме включено отопление, поэтому там по-прежнему обманчиво тепло, как летом. Но стоит посмотреть в окно и сразу становится понятно: «Не месяц май...». Да и нет такого месяца здесь в календаре, его переименовали в «тай». Что более правильно, кстати. Тает все в этот месяц.

По утрам совершенно неожиданно Айрин начало зверски мутить, а еще лекарь запретил пить тайшу. Злой перестраховщик! И мальчики из солидарности тоже перешли на чай из трав, соки и компоты. А тайшу пьют теперь тайком, в комнате у Лейхио. Наивно думая, что она запаха не чувствует. Три раза «ха»! Она теперь чувствует такое количество разных запахов, даже не знала, что столько есть. И со вкусовыми рецепторами явно какой-то сбой произошел. То, что раньше любила до трясучки, теперь в рот не лезет. Зато тянет на всякое странное. А еще Сабина явно подкупила Кхерияна. Он теперь готовит только «правильную» еду. Овощи, мясо. Печь или вообще перестали, или ловко шифруются. И все ее мальчики участвуют в заговоре. Гады!

И трясутся теперь над ней все, как листочки на ветру. А еще постоянно плакать хочется. И так мамы рядом не хватает. И по отцу уже соскучилась, просто сил нет. Они, конечно, раз в неделю точно по видеосвязи разговаривают. И всех своих мальчиков она им уже давно показала. Мама больше всего Эйри любит, ведь он ее племянник, тем более, она и его отца знала. А отец от Лейхио в восторге.

Дэйниша она представляла родителям, уже зная, что у них будут дети. У отца тогда задержалась жилка под глазом, но Айрин списала все на нервы, от ощущения себя будущим дедушкой. Потом, через месяц, отец в разговоре спросил, нет ли в лексиконе у ее мужа странных слов. И услышав про «тикусйо!» быстро закончил разговор и вот уже вторую неделю его нет дома. Куда уехал — мама не говорит. Секрет.

Дом Маргойлин, кстати, снова весь из себя такой дружелюбный, а теперь еще и по-родственному простой такой стал. Эйлиорина изображает самую заботливую тетюшку, интересуясь здоровьем Айрин, и Сабина по-

прежнему поддерживает с ней имитацию дружеских отношений. Потому как неделю назад выяснилось, что Кэйтириона ждет мальчика. Девушка со скандалом отказалась от него избавляться, объявив, что у нее бессрочный контракт на выбранного еще в детстве мужчину, ей всего лишь двадцать один год, ничего страшного не произойдет, если первым она родит сына. Хорошо ей. Вокруг ее беременности такого шума не создают.

А Айрин уже договорилась с Кэйт о выкупе мальчишки, когда тому исполнится пять. По цене выпускника Джордана. Но за это Эйри придется пережить еще как минимум одну церемонию. Года так через три-четыре. За право растить своего сына Эйн готов был пережить и не такое. Хотя переживал он свой так называемый «позор» долго. И, похоже, еще не пережил. Хотя уже неделя прошла, как узнали. Вот ведь изучают они в Джордане генетику, даже учебники видела. Откуда же такие предрассудки? Можно подумать, это его личная вина. И, главное, не он один так думает... Дэйниша накрыло волной, когда она сказала, что ждет мальчика. А лично ей все равно. Правда, с мальчиком придется выкручиваться. Смириться с тем, что сын Эйри будет вынужден пройти через все круги их образовательного ада, включая Джордан, было сложно. Но чтобы ее сын... Лучше уж пусть он видит свою мать только на экране. Привозить его на планету — даже если не пересекать границу Космопорта — до признания его половозрелой особью человеческого происхождения, не стоит.

Интересно, Эйлиорина и правда смирилась или замышляет снова какую-то каверзу? Кэйт объяснила поведение матери банальным призраком бедности. Старшая госпожа дома Маргойлин просто очень уважает азартные игры. Надо отдать должное их управительнице, вернее ее помощнику, они умудрились каким-то чудом держаться на плаву и создавать иллюзию семьи с достатком. Но Кэйтириона, которую искренне задело поведение матери, все пыталась найти ей оправдание, а первая приходящая на ум причина была как раз финансовая. Только страх разорения мог заставить Эйлиорину задумать такую аферу против дома своей лучшей подруги, с сестрой которой она еще продолжала дружить. А уж тем более — подставить свою собственную дочь под угрозу избиения или изнасилования. Мужчины на Венге обычно разменная монета во всех подобных интригах, но родная дочь... Так что Кэйт провела разведку, и выяснила, что семья вот-вот будет вынуждена начать продавать землю. При этом остановиться и прекратить играть Эйлиорина уже не могла. Она все время надеялась отыгаться. Выиграть. Сорвать большой куш. В пору было подавать прошение во дворец о принудительной смене старшей госпожи дома. Но сначала было решено попытать счастье без выноса мусора,

внутрисемейно. На сегодня как раз намечался этот серьезный разговор и Лейхио с Сабиной с утра уехали к соседям.

Дэйниш с Эйри заняты своими делами, Вилайди — и тот после обеда куда-то убежал. С тех пор, как он начал помогать Лейхио, его самооценка резко пошла вверх, хотя он и раньше не считал себя глупым тунеядцем. Но теперь вокруг него постоянно вилась мелочь, то прибегающая, то убегающая с какими-то поручениями. Пользуясь расположением господи, Вил еще три месяца назад обратил ее внимание на минимум развлечений в гареме. Спортивный зал, бассейн, посиделки с кальяном и настойками. Библиотека на женской половине, а значит, туда надо или вечерами красться, когда все спят, или быть особенным рабом под защитой. А, скажем, тем же молодым спецам библиотека часто нужна.

Айрин сначала решила, что мальчишка сошел с ума и предлагает перенести библиотеку. Но оказалось, что он просто предлагает выделить какое-то время, когда рабы могут беспрепятственно туда ходить, и никто их за это гонять не будет. Мало того, если раб объявляет, что спешит за книгой, то это засчитывается как уважительная причина и отмазка от приставаний. Девушка развеселилась, сходила посоветоваться к Сабине, и теперь в библиотеке три дня в неделю — мужские. Это означает, что в эти дни раб в библиотеке неприкосновенен, даже если он читает любовный роман. Еще Вилайди предложил назначить библиотекаря. У него было два кандидата: один парень из гаремных, безумно любящий читать, и одна молодая хозяйка, тоже почти все дни проводящая в библиотеке. Так что этим двоим были выданы деньги на приобретение системы учета книг, и через неделю библиотеку стало не узнать. Все упорядочено, вместо высоченных шкафов вдоль стен пущены, от двери до окна, в несколько рядов, открытые с двух сторон стеллажи. Появились кресла и столики с лампами. На каждом столике каталог со списком книг по жанрам и внутри по авторам. И нумерация — ряд, стеллаж и полка. Выбираешь книгу, ищешь одного из библиотекарей, он отмечает у себя в базе, заодно проверяя, не числится ли за тобой уже какая-то другая книга. Круть!

Потом Вила осенила очередная идея — устраивать в бассейне соревнования. То есть, их и раньше иногда устраивали, но неорганизованно. Парнишка поставил это дело на постоянную основу. На шестой день недели, за два часа до ужина, с таймером, сохранением результатов, призами и местами. И главное, договорился с женской половиной дома, чтобы девушки тоже участвовали. Сначала только служанки. Потом молодые хозяйки заинтересовались, потом уже женщины в возрасте стали приходить поволноваться за участниц. В итоге стали

устраивать иногда смешанные заплывы. При этом приставать к соперникам считалось не спортивным, общение становилось все более и более неформальным. После таких соревнований начали пользоваться популярностью совместные ужины в гаремном зале. Пришлось притащить и расставить вдоль стен диваны и столы, для тех женщин, которые хотели проводить время со всеми, но есть с рабами рядом на ковре им воспитание не позволяло. Кэйтириона была постоянной участницей и соревнований, и посиделок после них. Сначала она приезжала одна, потом стала привозить подруг. Те или приживались и начинали приезжать самостоятельно, или исчезали, решив, что такие развлечения не для них. Но к скандальным выходкам это нововведение не отнесли, посчитав просто за очередные континентальные странности. Слишком много народу из местной молодежи одобрило это веселье. Тем более, что в элитных лагерях такие соревнования практиковались, правда, не разнополюе.

Вилайди организовал мелочь со способностями и начал с ними заниматься. Его целью было не подготовить группу спецов-танцоров, а организовать мелькающих без дела ребятишек, во всех лагерях у которых были зимние каникулы. Здесь переход с одного года обучения на другой происходил как раз зимой.

Когда снег окончательно закрепился на планете, все развлечения передислоцировались на улицу. Основными соперниками среди домов были построены две крепости, женская и мужская. И объявлена натуральная снежная войнушка. Обычно старшие женщины в такие игры не играли, только смотрели с завистью, как веселятся рабы и служанки. Но, так как сейчас среди рабов и служанок очень часто мелькали головки их госпожи и наследницы соседнего дома, можно было снизойти и позволить и себе тоже повеселиться. Иногда случались интересные ситуации, когда парень и девушка, заигравшись и забывшись, весело смеясь падали в снег и в итоге парень оказывался сверху. Смех на какое-то время стихал, юноша, покраснев, подавал девушке руку, чтобы помочь встать, враги разбегались к своим командам. Но вечером совершенно неожиданно сталкивались, и девушка затаскивала драгоценную добычу к себе в комнату. Когда перед тобой не просто симпатичный раб, а человек, с которым ты вместе проводишь вечера, смеешься, слушаешь песни под гитару, танцуешь... Да, Айрин обучила Вилайди, а потом уже они вместе произвели фурор и сделали популярными парные танцы. Так вот когда перед тобой не просто симпатичный раб, а человек, то обращаться с ним хочется по-человечески. Ну, в меру воспитания, конечно.

Эйри в те вечера, когда приезжала Кэйтириона, по молчаливой

договоренности оказывал внимание ей. Но, опять же по молчаливой договоренности, такие приезды происходили раз в неделю. Не чаще. Из всей своей пятерки не ревновала Айрин только Сайни. За его моральным обликом следил Лейхио. Остальные мальчики были ЕЁ!! И беременность только расширила и углубила ее чувство собственности.

С того момента, как ее впервые замутило утром, спали они вчетвером. Благо, заказанная кровать в пол-комнаты уже давно стояла на своем месте. Правда, они именно спали, никакого секса: ни спокойного, ни бурного, последние две недели не хотелось. Хотелось лежать под боком у Дэйниша, закинув ногу на спящего Эйри — ЕЁ Эйри!!! — а, просыпаясь, любоваться на всех троих.

Вилайди все больше и больше становился похож на взрослого, а новые претенденты на ее материнский инстинкт росли у нее в животе не по дням, а по часам. Так что взгляды, которые временами Айрин бросала на парнишку, иногда не были даже сестринскими. Представляя, каким это чудо будет лет в девятнадцать-двадцать, девушка чувствовала себя хищницей, охраняющей добычу. Мое! Только мое! Подрастет еще и возьму... А пока любой человек женского пола, находящийся возле мальчишки дольше десяти минут, получал два грозных взгляда, от Эйри и от Айрин. Ну, или только от Айрин (потому что большую часть времени парень проводил с ней и Лейхио), но зато такой грозный, что потенциальная соперница пугалась и убегала. Даже если она просто зашла поболтать о погоде, природе или о какой-то интересной идее очередного культмассового развлечения.

Лейхио и Эйна девушка охраняла не так рьяно, потому что верила в их способность постоять за себя. На самом деле и к тому, что Вил просто стал популярен и с ним общаются не с приставательными целями, а по делу, она уже тоже начала привыкать.

К Дэйнишу девушки и женщины подходить боялись вообще. С любыми целями. Он смотрел мимо них, в сторону, в пол, куда угодно. Говорил почтительно, так, как даже у Вилайди не получалось, но при этом сразу становилось понятно, что собеседник где-то очень далеко от тебя, в другой галактике. Так как официально у парня не было пары, с ним иногда пытались пококетничать молодые наложники и даже несколько смазливых спецов рискнули предложить себя. Все напрасно. Тогда начали пытаться счастье старшие, но после пары драк все прекратилось, причем одна драка была между Эйри и претендентом. Вернее, это была не драка, а избивание младенца. Перекачанного такого младенца. Откуда в Эйне столько силы?! Хотя он, скорее, берет скоростью и увертливостью. Дэйн дерется очень

интересно, но все-таки зрелище больше похоже на драку, чем на мгновенный убийственный вихрь. Ее мальчишки уже какое-то время обучают друг друга в спортивном зале, и даже Вила в компанию взяли. Так что у них там сейчас по утрам полный набор: и растяжки, и тренажеры, и бег, и бокс, и потом заплыв. По два часа каждый день. Понятно, что на единственного свободного в этой тройке парня выстроилась очередь.

Вообще странно, что Дэйниш отказывается от развлечений, наверное, надо ему сказать, что хранить ей верность не обязательно сразу по всем фронтам. А с Эйри после того случая они снова только друзья. Правда один раз... Когда Эйн зашел Дэйну за спину и что-то сказал на ухо, глаза волчонка затянуло такой томной дымкой... Хорошо, Вилайди не видел. Ее брат теперь в центре двух любовных треугольников. Забавно.

Что-то беспокойно как-то стало, надо пойти найти ее мальчиков и посидеть с ними рядом, пока они будут обсуждать закупки, затраты, бюджет и прочие нудные вещи. Утром она уже позанималась с Вилом, так что ее совесть чиста и дел у нее никаких нет.

* * *

Вошла в комнату, которую Эйри гордо называл рабочим кабинетом и застыла. Дэйниш заблокировал правой удар ему в лицо, одновременно левой со всей силы ударил Эйна в живот, и брат на секунду согнулся от боли, этого хватило, чтобы ее волчонок применил скручивание, развернув противника к себе спиной, применил удушающий захват, а затем что-то сказал Эйри на ухо и отпустил. То есть, на самом деле Дэйн сильнее Эйна?

— Интересный способ давать отдых глазам и мозгу.

Парни наконец-то заметили, что они в комнате не одни.

Дэйниш испуганно искал в глазах госпожи следы гнева или волнения. Хотелось повернуть время вспять и сделать все по-другому. Второй раз дерется с Эйном, и оба раза первый начинает драку. Правда, после того случая, перед церемонией, когда он спровоцировал блондинчика на секс, казалось, что драк больше не будет и у них будут равные дружеские отношения. Тикусьо! Как же! Когда он словно в огне горит, а этот гад им играет. То на ухо что-то скажет, то во время тренировки сверху ляжет и губы к губам, в миллиметрах... А потом встанет, руку протянет — и все... Как приснилось. И Вилайди косо смотрит. Молчит, ничего не говорит, но смотрит как на гада последнего. Правильно, конечно, смотрит. Но, можно

подумать, он виноват! Да он даже одно предложение принял! Симпатичный паренек был, молоденький, нежный такой, кончить с ним — кончил, а удовольствия никакого. Вот когда Эйн засаживал, сначала казалось, что звездочки из глаз от боли, а потом — волнами блаженство просто какое-то. И он снова готов, без ласки, без смазки, только бы чувствовать, только бы видеть, только бы знать, что иногда... Но у него ж — тикусйо! — характер. Один раз первым предложил — взяли. Теперь надо ждать, чтоб Эйри предложил. А тот забавляется, провоцирует и больше ничего. Да и зачем он Эйну сдался? У него две госпожи и Вилайди на закуску. И тогда-то было непонятно, почему повелся. Пожалел, гад, наверное! И взял так, чтобы больше не хотелось. А ему хочется... Все равно хочется!

И вот сегодня блондинчик наконец размазал его по стенке: «Что, хочешь меня?». Заорать бы: «Конечно хочу!», но вслух: «Что, похоже?». А его — за воротник рубашки от стены и снова в стену: «Похоже, что ты готов лечь и под меня, и под Вилайди, лишь бы мы взяли тебя третьим. Такой зуд в заднице? Или госпожа ласки не додала?!». Гад, не смей про госпожу! Без того перед ней до сих пор за тот случай стыдно. «Что у нас с госпожой, тебя не касается! И третьим я к вам не пойду» — хотя и думал уже об этом.

Губы к губам, почти касание, его рука уже в штанах, мышцы живота сокращаться начинают, задница предательски сама раскрывается навстречу его пальцам, глаза начинает туманить... «Я сейчас отымею тебя тут, лицом в ковер, без предварительной ласки, и ты будешь стонать от удовольствия, как бордельная шлюха»- тикусйо, буду ведь... «Да!». Да, да! Ну, возьми же меня! Ты обещал! В ковер — так в ковер... Без ласки — так без ласки... Ну, не буду видеть твои глаза, когда ты вставляешь в меня... У меня хорошая память, мне твой взгляд по ночам снится, и я просыпаюсь, на спине и с одеялом палаткой. Или на животе и с пятном на простыне. В его голосе звучит изумление: «Что, согласен даже на такое?», и уже на ухо, ехидно так: «И смазку на тебя переводить жаль...». Обидно, до слез в глазах обидно, зачем он так?! Дэйн же не пристаёт к нему, не домогается, тикусйо! За что он его так?!

И тут блондинчик применил запрещенный прием: «Ва-алчё-ёно-ок!», нежно в ухо, тва-арь! Дальше до удара бывшего друга в живот ничего не вспоминалось. Обида, боль, злоба... А потом приятное такое ощущение его в своих руках. Покорного, тихого... И все отступило. Все сразу стало ясно. Тикусйо! Он кретин и забыл совсем, как было больно и хотелось провалиться от стыда: «У нас мальчик!». И это он и госпожа, а у него-то... «Это генетика, Эйн, ты не виноват. Так же как и я в том, что тебя хочу!» —

сказал и отпустил.

Вдруг неожиданно: «Интересный способ давать отдых глазам и мозгу.» Госпожа! Тикусйо!!! Они устроили драку на женской половине дома, у него губа разбита, и... Да, синяк на скуле будет, точно. Блондинчик вообще в мясо, хотя он вроде по лицу и не бил. Только в самом начале. Так разворотить с одного удара?..

— Эйн, ты как? Зубы целы?!

— Отвали! — и вверх кулак с поднятым средним пальцем.

— Хорошо, мальчики, развлекайтесь, пока никого нет рядом. Красавцы. Оба. Кто первый начал?

«Я» и «Я, госпожа» — одновременно, почти хором.

— Понятно, значит накажу двоих. Драка между рабами со следами на лице у каждого, да еще на женской половине. Да еще и в присутствии госпожи.

Последнее обвинение было несправедливым и Дэйн не выдержал:

— Нечестно! Мы без вас начали драку! И драку начал я.

— А он тихо сидел, с бумагами разбирался? Ты подошел и вмазал ему в лицо с такой злобой, что скулу свернул?

Дэйниш отвел глаза в сторону. Долго рассматривал пейзаж за окном, хотя чего там смотреть? Все белое...

— Да.

— Что — «да»?

— Он просто стоял, а я ему...

— Госпожа, это я его спровоцировал, специально! — держась за скулу и морщась от боли влез Эйри.

— Вот я и говорю, быстро ОБА сначала к лекарю, а потом жду вас в своей комнате.

И Айрин гордо выплыла, еле дошла до своей комнаты, упала на кровать, расплакалась. У них же был даже не нейтралитет, у них же что-то очень похожее на дружбу было. Что могло произойти такого, чтобы они устроили такую бойню?! У волчонка губа стала в два раза толще и на скуле синячина будет. А уж Эйри... Что они не поделили?!

— Госпожа?! Я кретин! Простите меня, такого больше не повторится! Это я устроил драку, правда, я. Накажите меня одного. В конечном счете, Эйн и так уже наказан, ему сейчас скулу вправляют. Пожалуйста!!

— С чего ты решил, что мне так будет легче? Почему ты его защищаешь, волчонок?

— Потому что это честно. Правда, честно.

— Посмотри мне в глаза и повтори.

— Я первый начал драку, госпожа!

— Нет, про то, что наказать одного тебя будет честно.

Дэйниш долго смотрел в глаза жене, попробовал сказать, покраснел, отвел глаза в сторону... Тут в комнату влетел второй участник.

— Госпожа, это я его спровоцировал на драку! Специально. Я знаю его слабые места и прошелся по всем. У него не было выбора.

— Зачем, Эйн?

Теперь настала очередь Эйнри отводить глаза в сторону и краснеть.

— Ладно, мальчики, пошли за мной.

Зашли в комнату наказаний.

— Раздевайтесь!

— Госпожа...

— Лучше молчи, Эйн! Я злющая, как космический пират!

Парни молча разделись. Начала с Дэйниша. На колени, спиной к стене, руки перекрестить за трубой и скрепить с ногами. Получить возмущенный взгляд синих глаз. Рядом швырнуть на колени Эйнри, все то же самое. Только возмущение теперь сверкает зеленым. Пусть посидят рядышком, по-хорошему еще надо бы... Ага. Одной и той же веревкой связать локти сначала у Дэйна, потом обмотать вокруг трубы, потом связать локти у брата. Лепота! Не расползетесь по разным углам.

— Отдыхайте, мальчики!

А теперь вернуться к себе, упасть на кровать, и снова расплакаться...

* * *

— Дэйн, прости, я...

— Проехали. Состояние твоей морды сейчас — лучшее извинение. Душа радуется. Хотя насрал ты мне туда сегодня изрядно.

— Прости. Я себя ненавижу.

— Рад за тебя. Это взаимно.

— Ты тоже меня теперь ненавидишь?

— Ну, ты же этого хотел? Расслабься, я имел в виду другое. Я себя тоже ненавижу. Мы вообще два эгоистичных козла. Госпожа там сейчас одна. Переживает. Тикусьо! Два кретины... Нет, это я крестин. Зачем повелся?

— Я тебе шанса не дал. Ты уже был в состоянии «возьми меня хоть как-нибудь», а мне надо было, чтобы ты меня избил. Думал, полегчает.

— Полегчало?

— Иди ты... Тогда просто как в дерьме был, а теперь сам себя дерьмом чувствую. Слушай, ты же из-за того, что я тебя так назвал...

— Не лести себе! Она меня волчонком зовет уже несколько месяцев, это только ее. А ты...

— А я знал, что это тебя из любого состояния возбуждения выдернет. Ну и выдернул...

— Почему я?!

— А кто еще? Вилайди?! Лейхио?! Он бы сразу вычислил, что я от него хочу.

— Сайни, например...

— Самому не смешно? Вывести Сайни из себя настолько, чтобы он меня первым ударил? Только ты и остаешься. Выводишься из себя легко и простить потом сможешь... Сможешь?!

— Подумаю.

— Угу. Подумай. Я насчет третьего всерьез, кстати. Вилайди сам предложил. Сказал, что так всем проще будет, чем мы опять сорвемся, а он об этом от посторонних узнает.

— Да за кой я вам третьим сдался? Не провоцируй меня, и все. Переживу...

— Кретин! Ты думаешь, я тебя провоцирую потому, что мне просто над тобой поглумится охота?!

— А что — нет, что ли?!

— Нет...

Накал страстей резко спал. Оба парня замолчали, каждый переживая внутри себя услышанное и сказанное.

— Вилайди это все не надо...

— Не надо.

— Он просто тебя очень любит.

— Любит. И я его люблю.

— Так зачем вам я?!

— А я знаю?! Тянет меня к тебе...

— Вот либидо у тебя, завидно просто! Две госпожи. Вилайди. Так еще и ко мне тянет!..

— Ты себя в зеркало видел?

— Видел.

— Вопрос закрыт?

— Да пошел ты... Тогда тебя к каждому смазливому парню тянуть должно.

— Сравнил! Себя и каждого! Кретин! Ты — не каждый! Ты... Я как

тебя в первый день вспомню, у меня стояк, веришь?! А в тот день, когда ты перед своей церемонией подо мной извивался... А уж когда мы в кровати госпожи... Ты бы свои глаза видел, когда я в тебя вставлял!! Черт, я бы повторил это...

— Ну так у тебя ж есть с кем...

— Ты сам понял, что сказал?! Он только расцвел... Засиял. Котенок рыжий.

— А меня, значит, можно?

— Тебя — нужно. Ты кайф с этого ловишь. Малек тоже ловит, но по-другому. В игре, с заморочками, долго. Он у меня раз под флоггером кончил. Так я выложился весь для этого. А с тобой легко. Было. Пока ты вот сейчас себе какую-то мозготрахалку не придумал. Сказал — нужен ты мне, хочу! Вот и не выделяйся. У тебя на меня стоит, у меня — на тебя. Госпожа против не будет, Вилайди добро дал. Чего тебе еще надо?

— Не поверишь! Любви...

— Ва-ау! Нет, это не ко мне. По поводу романтики — это к Сайни. Он Лейхио весь мозг проел, что тот ему цветы не дарит, про любовь не говорит, стихи не пишет, на гитаре не играет.

— А ты и стихи пишешь?

— Типа, все остальное я делаю?!

— Конечно. С цветами я тебя видел, нес ты их не к госпоже. К Кэйтиарионе, что ли?

— Нет, конечно, кретин!

Парни снова затихли.

— Тля! Ну хочешь, я тебе цветы подарю?!

— Тикусйо! Я похож на парня, которому дарят цветы? Ты мне еще стихи напиши...

— А я уже написал...

На этот раз тишина продержалась дольше минуты. Наконец Дэйниш нервно рассмеялся.

— Тикусйо! Вот ведь думал, что это я вляпался! Нет, со мной все нормально... Просто плавлюсь под тобой, как воск. Знаешь, вся прелесть наших отношений именно в том, что они по острию ножа, на грани между «можно» и «нельзя». С адреналином. А если мы их законными сделаем и по графику, то тоска будет. Так что ты уж извини, я к вам третьим не пойду. Соблазниай меня, я тебя. Только наедине. Без госпожи, Вилайди, Лейхио..

— А госпожа-то тебе чем не угодила?

— Тикусйо! Не-хо-чу при ней, понял?!

— Вы так и не помирились, мальчики? И что ты при мне не хочешь,

волчонок?

Тишина, оба покраснели...

— Мы помирились, госпожа.

— Да. Помирились.

— Хорошо. Сорок пять ударов каждому я сейчас выписать не в состоянии. Нет ни сил, ни опыта, ни желания. Если бы у вас на лице улики крупным синим пламенем не горели, можно было бы все замять, так как Сабина еще не приехала. А так... Будете один другого наказывать.

— То есть, госпожа, кто-то из нас, получив сорок пять ударов, должен найти в себе силы их вернуть другому?

— Да. И этот кто-то ты, Эйри. Как бы Дэйн не старался взять вину на себя, зла я именно на тебя. Ты старше. Ты выше по иерархии. В конечном итоге это он в тебя влюблен, а не ты в него.

Парни переглянулись, Дэйниш покраснел, Эйн ехидно хмыкнул.

— Я просто шифруюсь лучше, госпожа. У меня ответственности больше.

Кулак с поднятым вверх средним пальцем на этот раз, незаметно для Айрин, показал Дэйн. А Эйри постарался проглотить смех. На самом деле было не до веселья. После сорока пяти ударов (а Дэйн халавить не будет, оторвется по полной), прийти в себя настолько, чтобы суметь отвесить сорок пять ударов по этой желанной заднице... Заманчиво пройтись по нему флоггером. Вилайди кончил от пятнадцать плюс пятнадцать. С сорокапяткой можно разыграть пятнадцать плюс пятнадцать плюс снова пятнадцать. Тогда у одного из двоих спина останется условно целой. Весь вопрос в том, хватит ли у него сил так выложиться.

Дэйн подошел сзади, обнял, положив одну руку на грудь, вторую по краю штанов. Языком прошелся по больной скуле, потом облизал ухо... Гаденыш! «Я тебя сейчас свяжу и возьму сзади, ты же знаешь правило? После каждого пятнарика можно. Анфаллосом. Только у меня собственный есть, зачем суррогат использовать? За три подхода я кончу, веришь?!». Когда он успел таким гадом стать? Это ж подстава в духе самого Эйна. А нормальный Дэйниш сейчас должен переживать и думать, как бы так ему всыпать, чтобы любя и нежно. А он...

— Госпожа не даст тебе взять меня сзади, и не мечтай!

— С чего ты взял?

Гад... Не смей меня связывать!

— Эйри, не сопротивляйся. Если Дэйн считает, что тебе лучше быть связанным, значит, расслабься и позволь ему тебя связать.

Расслабься... Гад! Не смей ножки опускать! Черт! Ну да, еще и валик

подложи... Матерь Сущего! Как его при госпоже, так нельзя... А меня значит дыркой под все ветра — можно?! Вау! Он взял флоггер?! Матерь Сущего, откуда этот невинный мальчик знает, что с ним делать? Отберите у обезьяны гранату!!! У! Ё! Вау!

Айрин тихо вышла, села под дверью. Задумалась. Пыталась понять, что чувствует. Поняла, что несмотря на сложность ситуации ей хорошо и весело. Парни сейчас развлекутся друг с другом по полной. Проявят креативность мышления и широту души.

Отловив одного из мелькающих мимо мальчишек, послала на кухню, добыть пару бутылок с сладким красным вином и три... Да, три красного сухого. И найти и рассказать ей, где Вилайди.

В комнате снова начались какие-то переругивания. Заглянула. Ага. Эйри стоял, злющий, красный... А Дэйниш на коленях с его членом во рту. Один восстанавливается после наказания, гы! А второй подкупает палача... Хорошо, что Вил этого не видит.

Так, опять движуха пошла. Эйри укладывает волчонка. Мли-ин, какой он красивый... Оба они... Надо им волосы подстричь. А то обросли оба, гривы ниже пояса. На задницы любоваться неудобно. А они у них краси-ивые!

Как ее заводит дыхание возбужденного волчонка! Как-то раз они вчетвером на одной кровати устроили почти групповуху, Эйн с Вилайди, а она с Дэйнишем. И когда эти вдвоем, почти дуэтом... Три коротких вдоха подряд, потом выдох, потом стон... Ну вот как их не мучить подольше? Чтоб метались по подушке и шептали: «Я больше не-мо-гу...». Вил вежливый, он «пожалуйста» добавляет. «Возьми меня, Верхний, пожалуйста! Я больше не-мо-гу!». А Дэй начинает прятать руки за спину, потом снова их доставать, тянуться к ней, а в глазах уже туман... Иногда она разрешает ему взять инициативу, лечь сверху, целовать. Но редко. Ей нравится играть в него самой. У нее уже есть два инициативных: один нормальный и один — редкий затейник и извращенец.

Ну вот, судя по звукам, пришла пора мальчиков выводить.

Эйри как раз заканчивал смазывать спину Дэйниша. Тот сразу о наболевшем:

— У вас все нормально? Мы вас сильно расстроили, да?

— Сильно. Но я рада, что вы помирились. Вы ведь помирились?!

«Да» и «Да, госпожа» — одновременно, почти хором. Помирились. Но видон у мальчиков... У Сабины будет сердечный приступ, а Лейхио разорвет от ехидства на тысячи маленьких Лейев.

Кстати, странно, что они так долго не едут. Уже скоро ужин. Уехали

они сразу после завтрака. О чем можно разговаривать так долго?

* * *

Первым чуть не получил сердечный приступ Вилайди, когда увидел лицо, а потом и спину своего Верхнего. На Дэйниша он посмотрел так, что тот чуть не воспламенился.

— Малек, это я первым начал, не злись!

— Мне осваивать методы Сайни? Чуть что — кулаком в живот? Если я лишний, так и скажи!

— Малек, еще одну сцену я сегодня просто не выдержу. Вот поверь мне, ты не лишний, я тебя люблю, у нас с тобой все хорошо и этот парень быть с нами третьим отказался. Так что я только твой.

— А ему ты будешь вставлять раз в месяц, а если он не даст, то бить морду?!

— Слышь, Вил, расслабься, я на твоего парня, как на постоянного не претендую, — Дэйниш совсем не хотел быть причиной ссоры идеальной парочки.

— Да, вы только снова будете себя вести как кокетливые кролики с недоебитом. Друг друга провоцировать и отпрыгивать в сторону. Так себя с теми, на кого плевать, не ведут!

— О! У вас тут сцена ревности? У-ух ты!!! — ввалившийся холодный и снежный Лейхио с изумлением разглядывал лица двух своих соперников. Потом заценил их спины, снова ухтыжнул и присвистнул.

— Я думал, у нас для вас новости. Да наши новости просто ничто по сравнению с вашими.

— Расскажи сначала ты, Лей.

— Как скажете, моя госпожа! А меня покормят в этом доме? И где опять шляется мой парень? Я устал, замерз, промок, проголодался... Хочу любви и ласки, — Лейхио, упав на колени, подполз к ногам Айрин, прижался к ним. — Тепло! Ужин уже съели, троглодиты?

— Нет, его как раз вот-вот принесут. Там на столе стоит корзина с вином, хочешь? Надо будет научить поваров делать глинтвейн. А пока просто вставь в кружку с вином кипятильник, вон там, слева от корзины.

— Горячее вино? Забавно! Ну, как и ожидалось, никто никаких бумаг не подписал. Завтра они выставляют на торги соседний с нами участок земли. У нас, само собой, приоритет выкупа, как у соседей. Так что после ужина ищите хозяйку и валите готовить бумаги и деньги. Красавчики!

— Я с вами! — Вилайди злобно зыркнул на Дэйниша и вцепился в рукав рубашки Эйри. Тот обнял мальчишку и поцеловал его в макушку.

— Малек, не нервничай! Мы будем с хозяйкой Сабиной. Все будет хорошо. Вечером мы вернемся к вам, и я тебе покажу, как соскучился по тебе за день. А ты должен проследить, чтобы госпожа хорошо спала, пока нас нет.

* * *

Парни, быстро поужинав, вылетели искать Сабину. Снова просто друзья.

— Ну и что тут произошло? Положение не поделили? — уже серьезно спросил Лейхио.

Вилайди тут же покраснел и фыркнул презрительно.

— Да забей, рыжик! У них мужские игры, это спорт, а не любовь. Можешь попробовать сказать Эйну, что тебя не устраивает его слишком тесное общение с Дэйнишем, и они начнут работать отдельно. Эйри будет, конечно, очень плохо, но ради тебя...

— Почему, Лей? Чего ему не хватает? Что есть у Дэйниша, чего нет у меня?!

— Слушай, рыжик! Я много раз утешал парней, которых брали и меняли на других. А тебе просто раз в месяц маленькие рожки ставят. Забей, а? Они соперники, парень. У них это как в стае, альфа помечает, что он главный, Верхний. И то, что Дэйн от этого кайф ловит, это хорошо. Или ты бы предпочел, чтобы твой Эйн его насильовал?

— Верхний не стал бы его насильовать!

— Да ты что?! Я бы не был так уверен.

Мальчишка сильно задумался. А Лейхио начал рассказывать подробно о том, что творится дома у соседей.

По всему выходило, что письмо во дворец писать все-таки придется. Сейчас они выкупят кусок соседской земли, и, возможно, потом подарят его Кэйт обратно, например, на рождение дочери. Но если ее мамочка продолжит посещать игровые клубы, то распродажа земли продолжится. А скупать все соседское поместье им и невыгодно, и денег свободных не хватит. Так что у Эйлиорины надо искать тормоза. Чем Сабина с Лейхио и Кэйтиориной и занимались сегодня целый день. Не нашли. Поэтому завтра Кэйт приедет к ним, писать вместе с Сабиной письмо во дворец. И заодно полюбуется на лицо Эйри. И спину тоже. А рядом будет мелькать

такой же раскрасивый Дэйниш. И злобный Вилайди.

Сразу будет понятно, что у нее в гареме мирная, дружественная атмосфера.

Черная дыра им всем навстречу!! Что же все так сложно-то?!

* * *

— Ма-ать сущего, что же так темно-то?!

— Тихо ты, госпожу разбудишь! Она потом расстроится и ругаться будет... Тикусйо! Губу же больно, зараза! Не лезь ко мне, маньяк! Вилайди разбудишь... Тля, ты сегодня уже был в моей заднице...

— Так это суррогатом, а сейчас все исключительно мое...

— Ты мне там все до мяса разделал, гад! И теперь туда пальцы еще... Тварь!

— Ну давай же, давай... Подыши мне в ухо, как ты умеешь... Давай! У тебя же уже стоит, я чувствую!

— Тикусйо! Ты га-ад! Больно же! Губу хоть не трожь! Не-ет...

— У тебя кровь пошла... Дай слижу...

— Маньяк!

— Где-то здесь в тумбочке масло иши лежало, надо найти и...

— Включайте свет, мальчики.

Тишина. Две пары виноватых глаз смотрят в сторону кровати...

— Простите, госпожа! Мы не хотели... А где малек?!

— Ждет тебя в вашей комнате. Ты же обещал сегодня быть с ним...

Эйнри покраснел, опустил виновато глаза.

— Я тогда пойду к нему, да, госпожа?

— Нет. Сначала я хочу с вами двумя поговорить. Серьезно.

Парни переглянулись, грустно вздохнули...

— Мы будем только общаться. Раз вы против...

— Я еще ничего не сказала, Дэйниш. Я не против. Меня беспокоит то, что страдает Вилайди.

Эйнри задумчиво пинал ногой угол ковра. Дэйн, тяжело дыша, потому что гасил остатки возбуждения, закусив губу, смотрел в одну точку и накручивал себя до состояния «я, кретин, во всем один виноват...»

— То есть, вы мне не можете предложить решение проблемы, когда вы продолжаете общаться, и Вил при этом не страдает? Эйнри, ты его любишь или наигрался уже?

— Госпожа! Малек... Я... Он... Вы не поймете...

— А ты постарайся объяснить.

— Малек — он нежный, ласковый. Ему цветы, сладкое с рук, за ушком почесать, от кошмаров ночных спрятать.

— И ты от этого устал?

— Да нет же! Я... Мне иногда разрядка нужна. Я с вами ласковый, с ним ласковый, с госпожой Кэйтириной ласковый. А я не такой! Не всегда такой. Мне иногда хочется... А малек сейчас уже не поймет...

— Ты даже не предлагал ни разу! — в дверях стоял заплаканный и злой Вилайди. — Тебя на нем перемкнуло и все.

— Ты видел, как я его беру?!

— Да!!!

— И ты думаешь, я смогу взять тебя так же?

Вил сначала молодым петушком гордо выпрямился, чтобы сказать «Да!», потом задумался, очевидно, представил, и тихо, еле слышно: «Нет».

— Все! Я хочу спать, а не устраивать разбор полетов в ночи... — Эйри, обняв Вилайди, уже почти вышел, но вдруг вернулся. Резко схватил Дэйниша за рубашку, со всей силы швырнул на кровать, рядом с Айрин, сел на него сверху:

— И если ты сейчас напридумываешь всякой ерунды... — снова приподнял за рубашку и со всей силы, с утяжелением собственным весом в плечи — шварк! — ...и завтра будешь изображать из себя целку-недотрогу с идеей фикс «Ах, оставьте меня страдать и мозгопариться!»... — снова приподнял за рубашку, руки в волосы на затылке, и губами к губам, с силой, опять до крови, — ... я тебя изнасилую при всех в гаремном зале, и ты будешь стонать подо мной и умолять не останавливаться!!!

— Буду... — Дэйниш, закрыв глаза, выгнулся в бедрах навстречу Эйри, пальцами сминая одеяло...

Эйн, нагнувшись, сначала нежно слизнул тонкий кровавый ручеек в уголке рта, потом языком обрисовал губы Дэйна и очень-очень нежно поцеловал. Оторвался. Облизнув чужую кровь, повернулся к Айрин. Девушка испуганно замахала на него руками, но, потом, сложив губки бантиком потянулась к брату. Эйри, усмехнувшись, изобразил на лице похожую моську и тоже потянулся к сестре. Звонкий «чмок» и веселый смех.

— Спокойной ночи, госпожа!

Потом подошел к притихшему в дверях Вилайди, обнял, поцеловал в макушку.

— А ты, малек, мой личный рыжий котенок, и тебя я буду чесать за ушком, гладить по шерстке, поить молоком и баловать. И не смей

устраивать мне сцены из серии «А почему ты меня не насилуешь!», понял?

— Да, Верхний!

— Супер! Я вас всех люблю, просто сил нет как! Пошли спать, малек.

Когда за Эйпри и Вилом закрылась дверь, Дэйниш быстро сел.

— Мне уйти?

— Зачем?

Дэйн тихо сидел на краю огромной кровати, смотрел в окно, ничего там не видя. Потому что мысли его были далеко-далеко... О тех, кто был в соседней комнате и о той, кто на кровати рядом с ним.

— Вы меня презираете?

— Тебе Эйн четко сказал — мозготрахом не заниматься!

— Госпожа... — с укором в голосе.

— А что?! Слово, наиболее правильно выражающее то, что ты сейчас делаешь.

— Он сказал «мозгопариться», я запомнил.

— Странно, в том состоянии... Но он имел в виду именно то слово, которое сказала я. Просто постеснялся при мне его произнести. Иди ко мне, обними меня и давай спать. Я тебя люблю, волчонок. И единственное, что меня расстраивало в вашем треугольнике — страдания Вилайди. Но он, вроде бы, сегодня все понял. И теперь слабое звено — это ты. Со своей страстью к жесткому сексу с мозгом. Расслабься. Все хорошо. Тебе смазать губу?

— Я сам... Мне еще под душ надо... Вы спите, госпожа.

— Иди, я тебя подожду. А то ты наедине в душе со своим любимым партнером... Нам с Эйпри твой мозг дорог. Так что давай быстрее.

Дэйниш быстро сполоснулся, Айрин нашла в тумбочке масло и смазала ему губу и скулу. Прижалась спиной к его телу, положила его руку к себе на живот, и они уснули.

9 вйуэжен 327 года. Дом Вайнгойртов.

Утром Дэйн долго стоял перед комнатой Эйпри и Вилайди и стеснялся постучать. Реально стеснялся. В первый раз. Обычно даже не задумывался, что может помешать, что Вил любит понежиться в кровати, что... Нет, обычно Эйн соскакивал первым и бежал в их с госпожой комнату. Вообще не понятно, когда он спит?! Вечером отваливает спать одним из последних, наверняка еще какое-то время с Вилом развлекаются. Встает раньше всех, до противного бодрый и готовый к подвигам.

Сейчас, когда они вчетвером стали спать, его страсть к подвигам —

пытка жуткая. Вся эта затея со сном вчетвером — пытка. Лежишь под госпожой, а рядом стонет Вилайди, и если поднять глаза чуть вверх и в сторону, то встречаешься взглядом с этим... Стихи он ему уже написал! Трындец!

Дверь резко открылась и оттуда вывалился Эйн, в одних штанах. Босиком. На животе и груди следы бурной страсти — тонкие красные полосы от ногтей. Глаза при виде Дэйниша заблестели, как у охотника при виде взлетающих уток.

Схватил за рубашку, затащил в комнату, швырнул, лицом вниз, на пустую кровать...

— Эй, я только на минуту под душ ушел, а у вас тут уже разврат?

— Разврат был вчера, малек, — нежно, спокойно, и потом почти со злобой, другому, тому что под ним: «Лежать! Не дергайся!». И снова Вилайди, нежно, вежливо:

— Дай, пожалуйста, из тумбочки смазку и ту штуку, которую ты вчера в лапках вертел.

И, наклонившись к уху лежащего под ним парня: «Я кому сказал?! Тихо лежим и не дергаемся!»

Вил отдал своему Верхнему смазку и прозрачную банку с чем то желеобразным. Эйн притянул мальчишку к себе и поцеловал.

— А теперь иди к дяде Лейхию, малек. Если не хочешь участвовать, конечно, — и снова Дэйнишу, — Ну чего ты забился, жалко что ли дать ребенку?! В первый день предлагал, помнишь? Твое мычание расценивать как согласие?!

Дэйн забился с удвоенной силой, но все равно вырваться не удалось. Лицо плотно утрамбовали в подушку, так что дышать трудно, не то что разговаривать. Руки в первые же минуты привязали к спинке кровати рубашкой, на бедрах сидит Эйнри. И, главное, сопротивляться он сопротивляется, но внутри так уютно, так правильно. Откуда в нем это? Понятно, если бы на женщин так реагировал: и домашнее воспитание, и лагерное, и уроки госпожи Клаусийлии. Но на парней?! На одного конкретного парня, если уж быть честным.

Эйн решил, что пришло время для нежностей, и начал выцеловывать дорожку сначала от уха до уха, через шею, потом обратно, потом от шеи по позвоночнику вниз. По еще до конца не затянувшимся следам от вчерашних игр, по пояснице и наконец...

Вилайди тихо стоял в дверях, пытаясь понять, хочет ли он уйти или остаться. Тело еще помнило удовольствие, когда Верхний играл с ним во что-то подобное. Не так грубо, нежнее, ласковее. Если бы он обращался с

ним так, как сейчас с Дэйнишем, наверное удовольствия бы не было. Сразу после борделя — да. Он бы пищал от счастья, что его имеет один постоянный парень. Но потом... Потом уже нет. Верхний прав, он стал котенком. Ему нравится, когда чуть-чуть грубо, но именно чуть-чуть. Когда Верхний просто показывает, что он, Вилайди, только его. Весь его. А то, что сейчас происходит, не просто «чуть-чуть грубо»! Это на грани изнасилования. И Дэйну нравится!! Нравится! Он сам надевается на пальцы Эйны, стонет, выгибается, получает пинок коленом между ног... Больно же, наверное?! Затихает и только стонет, пока Верхний вводит в него пальцы в смазке и растягивает вход. Надо уйти, но ноги приросли к коврику. Не сдвинуться. Это так возбуждает!

Дэйниш уже на грани. Спинным мозгом он чувствует взгляд Вилайди. Уши не слышали хлопка двери. И почему-то это чувство чужого присутствия только усиливает возбуждение. Хочется расслабиться, стать мягким и покорным. Как всегда, когда рядом этот блондинчик. Тикусйо! Дурь какая...

— Скажи: «Возьми меня, Верхний!»

— Да пошел ты!!! — ради такого случая Дэйн даже смог голову от подушки оторвать. Правда, с трудом.

Эйнри смешно и приятно. Приятно, что сопротивляется, что не скажет. Смешно смотреть на его искреннее возмущение. Мать Суцего! Чем его околдовал этот парень? Но, как в первый раз увидел его, в дверях гаремного зала, за спиной госпожи, в тех штанах... Прав Вил, его на нем перемкнуло.

— Тикусйо! Ты трахнешь меня наконец или так и будешь на мой раскрытый зад любоваться?

Эйн снова впечатал парня в подушку. Пусть лучше молчит, сегодня так забавнее.

— Я твой Верхний, хочешь ты этого или нет. Можешь не говорить, но признай это для себя.

Стройное мускулистое желанное тело под ним снова задергалось, пытаюсь вырваться и сказать какую-нибудь гадость... И вдруг покорно затихло. Неужто сломал?!

— Дэйн?

На обеих связанных руках, сжатых в кулаки, поднялись средние пальцы. Значит все нормально. Шлепнул в ложбинку желе из банки. «Тикусйо! Холодно ж! Предупреждать надо!!!». Втер. Через полминуты Дэйн начал постанывать. Обезболивающее с вейжэ. Дорогое, зараза! Но для друга ничего не жалко. Теперь надо подождать, пока впитается. А пока

снова можно поиграть пальцами. Реакции на его ласку у Дэйниша и Вилайди одинаковые. И эти три вдоха и выдох... Интересно, можно ли сломать Дэйна наоборот?

— Расслабься, мальчик мой! — нежно, с интимным придыханием, в ухо...

Тля! Вот это рывки, надо бы и ноги привязать, а то не удержать же!

— Успокойся, я пошутил!

Кисельная лужица под ним — это все что осталось от крутого парня? Нет! Снова дергается. Слабо, конечно...

— Тикусйо! Прекрати иметь мой мозг, я сам с этим справляюсь! Просто вставь уже и успокойся!

Тикусйо! Гад! «Мальчик мой!»? После стихов?! Да он сразу понял, что блондинчик не серьезно! Конечно, он сразу это понял. И стихи у него, наверняка какие-нибудь из серии «Разложить бы тебя на ковре»... Надо бы попросить почитать. Только не при Вилайди.

О! Наконец-то! Да! Да!!!

— Да-а!!! Глубже! Да! Ти... Ку....Сйо... Тля!!!

* * *

Уже сидя в кабинете — в ИХ кабинете! — Дэйниш рискнул: «Дашь стихи почитать?». И Эйн, как будто ожидал этой просьбы, достал из кармана смятую бумажку. Дэйн надолго завис всего над двенадцатью строчками. Потому что — да! Они были из серии «Разложить бы тебя на ковре»... Но, главное, они действительно были. Первые стихи в его жизни.

— Переверни, — голос Эйна чуть с хрипотцой от волнения. Дэйн перевернул листок. Там было второе:

Глава 8

9 вйуэжжен 327 года. Дом Вайнгойртов.

Взгляд, которым Айрин одарила Кэйтиайриона, при виде лиц ее мальчиков, мог соперничать с прожигающим взглядом Вилайди на Дэйниша. Кэйт провела рукой по спине Эйфри, одновременно лаская юношу и проверяя свои подозрения. Естественно, парень слегка вздрогнул, и девушка, забыв о приличиях, приподняла его рубаху и увидела там следы воспитательной работы. Если бы взгляд мог убивать, Айрин скончалась бы на месте.

Вместо этого Айрин возмутилась. Вообще-то, Эйн был ее раб! Ее личный раб! И она могла творить с ним все, что вздумается, не придерживаясь только лишь правил из учебника. Так что, вместо вежливого объяснения случившегося вчера, Кэйтиайриона получила презрительно-высокомерное выражение лица с вопросом: «Кто вам разрешил трогать моего раба, дорогая?».

Девушка испуганно посмотрела на Эйна широко распахнутыми глазами, но тот молчал и виновато смотрел в пол. Когда две госпожи разбираются между собой, лучшее, что может сделать раб — это исчезнуть. Ну, или сделать вид, что его здесь нет.

Дэйниш тоже делал вид, что он подпорка у шкафа. Одна Сабина одарила Айрин тремя хлопками одобрения.

— Кэйтиайриона, деточка, то, что тебе дозволено вести себя в нашем доме почти так же, как в своем, не означает, что моя племянница должна давать тебе отчет о поведении мужчин в ее гареме. Тем более, тебе никто не давал права осуждать ее за то, как она обращается со своей собственностью. И, мне кажется, если ты сейчас извинишься и спросишь о том, что произошло, вежливо, то тебе все объяснят и мы, наконец, сможем сесть писать письмо. Иначе тебе сейчас укажут на дверь, и смысла заниматься твоей дальнейшей судьбой у меня не будет.

Кэйт покраснела от стыда, виновато вздохнула и просительно посмотрела на Айрин:

— Извини, я просто очень за него переживаю...

— За него многие переживают, он вообще у меня редкая за... Звезда. Но ключевое слово здесь «у меня», дорогая! Не забывай об этом! А о том, что произошло между ним и Дэйнишем, пусть тебе Эйн расскажет сам.

Потом. Если толпа его любовников разрешит ему выделить тебе несколько минут.

Теперь Дэйниш покраснел, как мак. Потому что Эйн хлопнул его при всех по заднице и нежно прошептал на ухо: «Тебя посчитали за любовника, заметил?».

Кэйтириона, заметив этот хлопок, вспомнила, как произошло их знакомство, и, произведя несложные аналитические выкладки, взволнованно спросила:

— Ты бросил Вилайди?!!

— Кэйт, дорогая, я же четко сказала «толпа»! — в голосе Айрин зазвучали раздражительно-покровительственные нотки, — он никого не бросил. Его на всех хватает, особенно теперь, когда я беременна и требую меньше внимания, чем раньше.

— Молодежь, у меня еще куча дел по дому, так что давайте быстро напишем письмо, а потом вы будете развлекаться, — Сабина уже отправила с утра Лейхию с доверенностью и кучей документов, чтобы он остановил торги и начал оформление. Но к обеду она должна была подъехать к соседям сама, чтобы привезти деньги. Тем более, нотариус, в принципе, не будет оформлять такую дорогую и важную сделку, как покупка земли, через раба.

Эйнри демонстративно ожил, потому как хлопок по заднице Дэйниша он осуществил с невинно-покорным выражением лица и глазами в пол. Сел за стол, взял планшет и приготовился конспектировать. Кэйтириона ничего лучше не придумала, как тоже сесть за стол. Юноша обреченно вздохнул и пересел на пол.

— Хватит выделяться, Эйн! Сядь снова за стол, и пиши, — Сабина уже начинала сердиться. И первыми под раздачу попадали, конечно же, рабы. Не Кэйт же объяснять, что она должна была сесть на диван?! Дальше Сабина начала диктовать письмо, в витиеватых и корректных фразах которого заключался тонкий намек на то, что старшая госпожа дома Маргойлин перестала справляться со своими обязанностями, мало того, прямой дорогой ведет дом к разорению. И потеря такого древнего и знатного дома беспокоит всех его друзей и родственников, особенно всех беспокоит судьба юной наследницы, беременной (тут Сабина злобно глянула на Эйнри и он даже всхлипнул, так ему было стыдно за свой позор, ведь если бы Кэйтириона ждала дочь, конечно, это была бы идеальная дополнительная душещипательная подробность, а так... «Не будем уточнять — кем!» — хозяйка презрительно фыркнула, как ударила, и продолжила диктовать дальше).

Дворец часто рассматривал подобные письма-просьбы. То в связи с излишней жестокостью старшей госпожи, то, наоборот, из-за ее излишней слабости. Страсть к азартным играм, наркотикам или к излишнему пополнению гарема, тоже были распространенными причинами жалоб. Далее дворец присылал комиссию, которая, партизански-разведовательным способом, исследовала ситуацию. По итогам полученных сведений принималось решение о: закрытии расследования; продолжении, если результат был не ясен; смене старшей госпожи временно или полностью...

В тех же витиевато-корректных выражениях в письме рассказывалось о полном помутнении разума у старшей госпожи дома и пересказывалась ситуация с духами. Все внимание было акцентировано на подставе собственной дочери и обиде госпожи дома Вайнгойрт. Также обращалось внимание дворца на то, что старшая госпожа дома уже стара и все это поведение можно скинуть на проявление старческого слабоумия. И передать управление домом дочери можно не в связи с описанными выше случаями, а исключительно из-за возраста матери.

Сабина даже вспотела, сочиняя такое сложное и важное послание. Все эти завуалированные игры словами очень любил Лейхио, и если бы обнаглевшие мальчишки не устроили вчера драку, разбираться с покупкой поехал бы Эйн, а Лейхио сидел бы сейчас здесь и подсказывал удачные формулировки. Хорошо, что племянница сама догадалась высечь своих любимцев, иначе бы Сабина просто сняла бы с них шкуру. Несмотря ни на какие договоренности. Утерев очередной раз шелковым платочком лоб, Сабина потребовала перечитать сочинение. Результат ее порадовал. Можно было спокойно уезжать и оставлять молодежь разбираться между собой.

Эйн, опустившись перед хозяйкой на колени, протянул ей планшет, чтобы она отпечатала, через экран, родовым перстнем вензель их дома. Точно такой же родовой перстень сиял на пальце Айрин, но она еще ни разу им не воспользовалась. Сабина оценила подхалимский ход племянника и поощряющим движением мимолетно коснулась его щеки.

Конечно, он очень разочаровал ее результатом церемонии, хотя и его отец тоже не смог сделать ни одной девочки, и внука теперь пристраивать в хороший гарем будет достаточно сложно. Правда еще не все потеряно, девчонка Эйлиорины совсем от него без ума, у мальчика будет еще шанс сделать ей наследницу. Но вчерашняя драка!.. И чего они не поделили? Объяснения причин вчера звучали по смыслу: «Мы подрались, потому что... Подрались». «Я дерусь потому что... Дерусь!» — эту фразу часто говорил отец Эйнри. Он ее вычитал в какой-то древней континентальной книжке.

Конечно на континенте в основном книжки читают на планшетах. Сейчас эта мода и к ним приходит. Только континентальный раритет, учебники и специальную литературу будут издавать в формате старинных книг. Племянница в библиотеку десяток дешевых планшетов откуда-то закупила. Сказала, что через месяц еще десяток закупит. Только чтобы книги хранить и читать. И музыку.

Размышляла об этом всем Сабина уже в карете, направляясь к соседям.

А в кабинете в это же время Кэйтириона пыталась выяснить причину драки. Ответ был очень похож на тот, что получила Сабина. «Мы подрались, потому что... Подрались».

В конечном итоге Айрин не выдержала, обняла Кэйт и увела: «Давай не будем мешать мальчикам работать. А понять женским разумом действия мужчин невозможно, поверь мне и даже не пытайся. Они захотели подраться и подрались. Сегодня утром они захотели... И сделали это.»

Парни, услышав последние фразы, развеселились. Хотя Дэйниша так до конца с утра и не отпустило, после стихов.

Кэйтириона попросила разрешения остаться в гостях до вечера. Ее желание было прозрачнее воды в озере, она хотела провести какое-то время наедине с Эйри. Но Айрин не зря шутила насчет «толпы» любовников. Во время обеда Вилайди плотно повис на Эйне, только не рыча: «это мое!!». Причем даже на Айрин он зыркнул, как на потенциальную конкурентку и соперницу, правда быстро проморгался и испуганно-виновато похлопал ресничками. Девушка от смеха даже сползла с кресла и чуть не подавилась супом.

— Кэйт, дорогая, ты, конечно, можешь провести у нас даже ночь и весь завтрашний день, но, сдается мне, спать мы будем с тобой вместе, две гордые, беременные и одинокие.

Дэйниш обиженно взглянул на девушек из-под челки:

— Вы меня прогоняете?!

Айрин посмотрела на Эйри и вцепившегося в него зубами и коготками Вила. Язык не повернулся съехидничать что-либо, и она просто улыбнулась своему волчонку и поманила его к себе, посадив рядом с креслом, где уже сидел Лейхио.

Сайни не появлялся в доме до ужина, даже зимой глубоко погруженный в свои ботанические эксперименты. Единственное, что он не пропускал, это тренировки по утрам. Будучи одиноким и заброшенным, Лей облюбовал себе место возле ног Айрин. Своего основного конкурента, Дэйниша, он выжил аккуратными тихими подколками. Ну и потом наедине высказав, что тот с госпожой спит ночью, значит, пусть не мешает

несчастливым и покинутым наслаждаться тихими дневными ласками. Дэйн, вздохнув, уступил. Айрин быстро привыкла, что во время дневных посиделок в гостиной, если Лейхио не расположился с наглой моськой в кресле напротив, то значит он уютно свернулся у ее ноги наслаждается, пока ее руки перебирают ему волосы. По утрам у ее ног обычно усаживались Эйфри и Дэйниш. А в кресле напротив болтал ногами Вилайди. Лейхио просто не вставал так рано. Ну а вечером когда как, когда где, под настроение.

После обеда Вилайди утащил Эйну в комнату, и, судя по звукам, начал заявлять на него права еще в коридоре. Лей переполз на диван, потребовал чтобы ему предоставили мягкие ножки под голову и сладкие губки, для наслаждения. Получил подушкой в живот, повозмущался, что ножки были бы лучше, но раз его никто не любит и не ценит... Положил подушку под голову и уснул.

Для человека, привыкшего вставать в десять-одиннадцать утра, подъем в шесть, чтобы успеть к семи на открытие торгов, можно было расценивать как подвиг. Сытный обед сгубил его героический организм, причем так быстро, что до своей комнаты дойти сил уже не оставалось.

Дэйниш, грустно вздохнув, пошел разбираться с делами. Бурча что-то из серии: «Ну и кто тут, тля, кролик?».

Девушки остались одни. Им было о чем поболтать друг с другом.

16 вйуэжен 327 года. Дом Вайнгойртов.

Ответ из дворца пришел достаточно быстро. «Резолюция от 16 вйуэжена. По представлению от 8 вйуэжена, от Сабины Вайнгойрт и Кэйтиайрионы Маргойлин. Назначить Кэйтиайриону Маргойлин старшей госпожой Дома Маргойлин». Кэйт долго смотрела на эти несколько строчек, отпечатанных красивым каллиграфическим шрифтом, с личной подписью и печатью королевы.

Их передал дворцовый посыльный лично ей в руки, хотя рядом находилась ее мать.

Но Эйлиорина даже не стала спрашивать, что там в конверте. Дворцовый посыльный и радость на лице дочери после прочтения послания. Все понятно. Она неудачно сыграла партию с участием дочери, теперь дочь вывела ее из игры. Сама виновата — не надо было очередной раз обижать Сабину. Конечно, все придумала эта хитрая и злопамятная лиса, а ее девочка просто попала под влияние молодой девчонки Вайнгойрт и теперь пляшет под ее флейту. Только за то, что ей дали развлекаться со

смазливой игрушкой, мальчиком-красавчиком. И она не вправе осуждать дочь, сама теряла голову от этого зеленоглазого чуда. Ведь не своди он ее с ума, она бы выкупила его для дочери сразу после того, как тот закончил Джордан. Так нет же, ей захотелось сначала поиграть в него самой. А Элессит соглашалась продать сына только как мужа для Кэйт. Дочь еще была очень молода, всего тринадцать лет, но все равно ни за что не подпустила бы ее к своей игрушке. Поэтому приходилось чуть ли не через день ездить к Вайнгойртам.

А потом, вдруг, совершенно неожиданно, к ней подошла Сабина и сказала, что мальчик теперь под ее покровительством. Родная мать позволяла играть, сколько душа пожелает, а тетушка, всего из-за одной истерики, взяла и перекрыла доступ. Причем намертво, сделав его своим помощником. Даже предложение взять его мужем Кэйтиорины было отвергнуто, именно потому, что девочка еще мала и церемонию сразу провести не получится. Поэтому пусть лучше мальчик работает на свою семью, а девочка спокойно вырастет. И вот, спустя восемь лет, дочь наконец-то получила доступ к драгоценному телу. Правда, совсем не так, как планировалось. Конечно, она не соображает, что творит, от радости.

Дождавшись, когда дочь уедет к подруге, Эйлиорина тоже собралась и поехала к старшей из Вайнгойрт, выяснять отношения. Но от души поругаться не удалось — Сабина просто указала ей на кресло и объяснила, что если сейчас официально смена госпож в доме произошла из-за ее возраста, то в случае, если Эйлиорина начнет только думать о том, чтобы произвести какие-то действия, будет проведено расследование. По результатам которого будет небольшой такой скандалчик. Что явно не пойдет на пользу ни дому Маргойлин целиком, ни матери и дочери отдельно, каждой. И Эйлиорине пришлось смириться. Тем более, что ей ежемесячно выделялась немалая сумма на личные затраты. Не считая основного содержания.

А в это время в комнатах малого двора Айрин готовились к глобальной пирушке. Такое событие надо было отметить. Так что в гостиную натащили фруктов, сладостей, напитков алкогольных и без. Мороженое и глинтвейн. Эйри сидел у дивана, у ног Кэйтиорины, и позволял ей делать с собой все, что только той приходило в голову. Не то, чтобы это было ему в радость, но госпожа приказала очень убедительным голосом. И Эйн терпел, улыбался, резал и чистил фрукты, наливал напитки, вылизывал испачканные в мороженом пальчики. В общем, вел себя как идеальный муж. Точно такой же идеальный муж сидел у ног Айрин. А в кресле, напротив девушки, сидела Клаусийлия Альцейкан, а у ее ног сидел один из

ее многочисленных племянников. Которого она то гладила по волосам, то с силой тянула за них так, что у парня слезы появлялись на глазах. При этом сама Клаусийлия даже не смотрела в его сторону.

Женщина заехала к Сабине, обсудить кое-какие дела, ну и заодно зашла навестить Айрин и узнать про ее самочувствие. А тут такая новость! Смена госпожей в Доме Маргойлин. Свежая сплетня, наисвежайшая, еще никому не известная. Конечно, она с радостью выслушала подробности из первых уст, пожелала девушкам крепкого здоровья и ушла. И только тогда Дэйниш позволил себе нормально вдохнуть воздух.

— Какое счастье, что здесь не было Вилайди!!!

Да уж, действительно. Айрин целиком и полностью была согласна с ним. Только Вила здесь и не хватало. Если Дэйниш чуть не забыл, как надо правильно дышать, то мальчишка просто умер бы на месте. Правда, скоро и Эйн, и Дэйн начнут ему завидовать. На сегодняшнюю ночь у Айрин назначена практическая работа по ломке. Прежде чем выпустить ее в Джордан, учитель хотела убедиться, что девушка поведет себя там адекватно. Поэтому ей сегодня придется быть грандиозно неадекватной со своими мальчиками. Главное, и не предупредишь ведь, надо чтобы было максимально приближено к реальности. Ра-аз! — и: «Здравствуйте, сейчас я в вас развлекаться буду».

А учитель будет за всем этим наблюдать с помощью включенной видеосвязи. Кровать она, правда, целиком не увидит, но зато будет любоваться тем из мальчиков, чья очередь стоять рядом и смотреть. Именно поэтому все должно быть максимально неожиданно. Голос и слова можно симитировать, но вот выражение лица, а особенно глаз... Чтобы Эйн хоть чуточку настроился, она приказала ему сегодня побыть игрушкой для Кэйт. А Дэйниш... Она обычно заставляет волчонка просто лежать, ей нравится смотреть, как он мечется по подушке, глаза полузакрыты, губы обкусаны. Так что для него переход с «просто лежи» к «лежи и терпи» будет менее болезненным, чем для брата. Эйпри привык быть активным и сверху.

Правда, Лей тут даст ему фору, он мало того, что иногда позволяет себе брать ее лицом в подушки, так недели две назад вообще привязал ее к кровати. И при этом днем сидит у нее в ногах и ластится, весь такой покорный-покорный котик. В Лейхио играть смысла нет, он опытный хамелеон. Иначе бы не выжил в гареме так долго без постоянной покровительницы. А он не просто выжил, он им заправляет.

К ужину Кэйтириона уехала, и Эйпри позволил себе вздохнуть свободно, начал улыбаться естественно. Вил прижался к нему под бочок,

нежился под его рукой и, наверное, планировал нескучную ночь. Дэйниш, чувствующий настроение своей госпожи порой даже лучше, чем она сама, был напряжен и иногда вопросительно поглядывал на девушку. Но та старательно делала вид, что все нормально. Правда, ее фраза «Вилайди, милый, сегодня тебе придется поспать одному» говорила об обратном. Дэйниш снова вопросительно взглянул на госпожу, но она ни словом, ни жестом не дала ему понять, где же этой ночью будет спать он сам. Спрашивать напрямую при Вилайди не хотелось. Потому что предчувствие говорило о наличии у девушки какой-то оригинальной задумки, и это было связано с ним и Эйном. И что-то, связанное с этой задумкой, госпожу беспокоило. Пусть Вил ляжет спать, уверенный, что его Верхний просто проведет ночь с любимой женщиной. Когда ночь с Эйнири была не спонтанным решением, а запланированным, Дэйниш уползал спать к себе в комнату. Поэтому, как только госпожа объявила, что пора ложиться спать, он встал и направился к выходу. Следом за Вилайди. Госпожа вышла вместе с ним, придержала его за рукав, дождалась, когда мальчишка скроется в комнате, и рукой махнула в сторону своей спальни.

Логично. По хлопку Вил не определит, была ли это дверь в комнату Дэйниша или госпожи. Потом по коридору прошли госпожа с Эйном и тоже хлопнули дверью. В спальню госпожи.

Айрин сразу от двери направилась на кровать. Эйнири, тоже наконец заподозрив недоброе, остался стоять рядом с Дэйнишем, у входа.

— Раздевайтесь, мальчики. Волчонок потом на коленях ко мне. Эйн остается на месте, тоже на коленях. Возбуждаться без разрешения запрещаю! Все понятно?

Парни испуганно переглянулись.

— Мы что-то сделали не так, госпожа?! — спросил Эйнири чуть охрипшем от волнения голосом.

— Я задала вопрос. Понятно ли вам, что делать?! — Айрин постаралась накрутить себя до состояния гнева. В конечном итоге она была зла на всю ситуацию в целом, и перевести свою злость с общего на конкретное оказалось достаточно просто.

Парни быстро разделись, оба упали на колени, и Дэйниш, встав на четвереньки, подполз к ней, положил голову ей на колени и преданно заглянул в глаза. Сердце у парня билось не очень ровно и испуг, как он не старался его скрыть, так и сочился из всех пор.

— Моя госпожа? — тихо, приправив смесью эротичности и покорности. И страха... Когда волчонок начинал так пахнуть, контролировать собственное возбуждение становилось почти невозможно.

А ей необходимо оставаться спокойной, в то время как ее мальчики будут бояться, волноваться и возбуждаться.

— На кровать, на спину, быстро! И помни, возбуждаться можно только после моего приказа! Тебя, Эйн, это тоже качается!

— Да, госпожа!

Этот еле слышный бесцветный шепот — голос ее брата?! А этот испуганно-затравленный взгляд — так на нее смотрит ее волчонок? Простите, мальчики, завтра я вам все объясню... А пока...

— Руки за спину, оба! — дальше уже одному Дэйну: — Только вздрогнешь, накажу!

— Да, госпожа! — взгляд становится отсутствующим, волчонок покидает свою оболочку. Это плохо.

— Смотри мне в глаза! Смотри и не смей отключаться!

— Да, госпожа! — голос дрожит, во взгляде страх, вопрос, мольба остановиться...

— Расслабься, волчонок, и попробуй получить удовольствие, — тихо, одними губами возле уха.

Дэйниш резко выдыхает, чтобы потом глубоко вдохнуть и снова резко выдохнуть. Успокоился. Взгляд осмысленный, все еще боится и волнуется, но уже не на грани. Можно продолжать. За несколько месяцев его тело изучено вдоль и поперек, точно знаешь, где надо провести, чтобы быстро возбудить, а где — для того, чтобы медленно наслаждаться. Но все равно контроль за телом теряется, теряется!..

— Волчонок!!

— Я стараюсь, госпожа, очень стараюсь! Простите!

— Мне придется тебя наказать... Ты же знаешь, это меня всегда так расстраивает.

— Простите, госпожа...

Нет, все же справился. Что-то шепчет про себя... «Раз, два, три... Пять». Понятно. Продолжаем играть.

— Госпожа... Тикусйо! Я больше не-мо-гу. Пожалуйста! Ну пожалуйста же!..

За волосы челки потянуть со всей силы назад, к спинке кровати. Поймать жалобно-умоляющий взгляд, почувствовать себя злобной стервой...

— Лежать и терпеть! Я еще не наигралась, понятно?!

— Да, госпожа... Моя госпожа... Простите... Пожалуйста, простите нас...

— Я на вас не сержусь! Но если ты сейчас сдашься, то рассержусь! —

снова тихо-тихо, губами к уху...

— Раз, два, три... Пять. Раз, два, три... Пять. Тикусйо!!! Сейчас...

Очередная победа разума над природой. Игра продолжается. Наконец отведенный по уговору временной интервал закончен.

— Все, волчонок, можешь отпустить контроль.

— Спасибо, госпожа!

— А теперь иди встань на колени рядом с Эйном и кончи для меня.

— Я могу использовать руки, госпожа?!

— А ты сможешь без рук? — тихо, на грани ультразвука. И такой же тихий ответ: «Да».

— Нет, Дэйниш! Я сказала «Кончи для меня», а не «Подрочи, глядя на меня»!

Юноша уже сложил в уме все и получил результат. Главное, чтобы он не попытался предупредить Эйна. Тот такой красивый, когда в глубоком погружении.

А вот этого она не ожидала... Эйри начинает терять контроль, смотря на возбужденного сосредоточенного Дэйниша. Если сейчас позвать Эйна к себе, это отвлечет волчонка, а ему осталось одна-две минуты. Оставить все как есть, тогда придется наказать брата. Неужто он не чувствует, как у него встает?! Ну не зря она так на него пристально смотрела, обратил внимание, сосредоточился. Фу-ух!

Дэйн, золотко, умница! Справился!

— Эйри, на коленях ко мне. Дэйниш, свободен! Можешь идти к себе.

Благодарные взгляды от одного и второго. Хотя брату благодарить ее пока не за что. Но он рад, что его будут унижать наедине.

Дэйна она не фиксировала вообще. Эйри положила лицом вниз и привязала плотно ноги друг к другу, от колен вниз, как в коконе, а потом — к спинке кровати. Взяла из тумбочки анфаллос и тюбик со смазкой. Раздвинула ягодицы, провела пальцами в смазке по нежной коже, запустила пальцы внутрь. Мышцы сжаты.

— Расслабился! Быстро!

— Я тогда потеряю контроль, госпожа...

— А ты не теряй!

Юноша закрыл глаза и начал шептать свою мантру от возбуждения. Она у него была позаковыристее, чем простой счет.

— Госпожа... Я так сильно по вам соскучился за эти две недели...

— Не подлизывайся! Мышцы расслабь, а то сейчас так и вставлю в нерастянутое.

Два пальца, и то с трудом. Толщина анфаллоса в три раза больше, если

не в четыре.

— Госпожа-а...

— Расслабь мышцы, если что, потом опустишь же?! — тихо в ухо...

— Не уверен, госпожа... Меня уносит... Ваш запах... Ваши пальцы во мне... — тоже на грани слышимости.

— Соberись! Соberись, Эй! — чуть громче, пусть учитель услышит, это же почти приказ.

— Да, госпожа!

Мышцы расслабились. Вставила. Закрепила вокруг бедер. Завела руки за спину, скрестила на ягодицах, плотно перетянула в кистях. Перевернула на спину. Редкое зрелище — Эйри с испуганным выражением в глазах. Дышит прерывисто. Погладила по щеке, нежно. Тут же прижался к ее руке, глаза закрыл, между бровей морщинка, вдохи короткие, частые. Погладила другой рукой по волосам. Задышал спокойнее. Открыл глаза. В них все равно настороженность и испуг. Понятно все, любимый. Я бы на твоём месте тоже боялась.

Достала из тумбочки стек-фаллос. О да, братик, я знаю, что у тебя большие глаза! Не нужно их делать ещё больше... В них уже не настороженность и испуг, а неверие и ужас. А что делать? Мне самой страшно, веришь? Хотя тебе лучше об этом не знать.

Вынула стек из чехла, медленно ввела...

— Смотри мне в глаза!!

Вытащила. Ввела снова. Оставила внутри.

В глазах ужас и... Любовь. Губы чуть дрожат. Потерпи, немного осталось.

— Я сдала зачет, учитель?

— Да, девочка, все отлично. В первых числах тайя поедет в Джордан. Играть в выпускников. Мальчиков своих можешь взять с собой. Я имею в виду этих двоих. А насчет рыжего почитай «Свод законов и правил», раздел 256. Думаю ты сможешь провернуть эту аферу. Спокойной ночи, девочка.

— Спокойной ночи.

Теперь быстро к брату, вынуть, развязать, вытащить... Сесть сверху и поцеловать. Обнять. Почувствовать, как его трясет. Прижаться как можно крепче. И ждать... Ждать, пока отпустит.

— Это был зачет?!

— Да.

— А предупредить?!!

— Милый, вы обязаны были быть в неведении. Сходи пока под душ, а

я пойду верну Дэйниша. Есть у меня предчувствие, что он не спит.

— Тля!!! Тля!!! Матерь Сущего! Тля!!! — У Эйри от гнева явно произошло короткое замыкание.

— Эйн!!!

— Да, госпожа! Простите... Я... Я пойду под душ, да?

— Да! Под холодный!

Из ванной комнаты слышались удары кулака об стену и «Тля!!! Тля!!! Матерь Сущего! Тля-а!».

Айрин дошла до комнаты Дэйниша, постояла, собралась с мыслями. Вошла. Дэйн лежал, одетый только в штаны, на неразобранной кровати, лицом в подушку. Услышав звук открываемой двери он тут же поднял голову.

— Госпожа?!

Девушка под села к нему на кровать, погладила по спине.

— Все уже нормально? — в голосе волнение и надежда.

— Да, хочешь — можешь вернуться ко мне.

— Очень хочу. Эйн тоже остается?

— Да, наверное...

Дэйниш уже соскочил с кровати, подождал, пока встанет госпожа, пропустил ее вперед. Айрин ждала обвинений или хотя бы вопроса из серии «А что это было-то?». Но важный для себя ответ волчонок уже получил. Все уже снова нормально.

Вылетевший из душа Эйн рвал и метал: «Это был всего лишь зачет, представляешь?! Я передумал и перебрал в голове все грехи за последний месяц, особенно связанные с нами двумя. Матерь Сущего, я чуть с ума не сошел... А это всего лишь зачет...»

— Тикусйо! Сейчас-то ты что орешь? Это был всего лишь зачет. Госпожа его сдала (Дэйн вопросительно взглянул на девушку, та кивнула утвердительно). Мы оба целы и невредимы. Чего ты шумишь?! Госпожа беременная, ей нервничать нельзя.

Эйн заткнулся на полуслове, долго и задумчиво смотрел на Дэйниша, потом перевел взгляд на Айрин. Всклипнул. Упал перед ней на колени, обнял, прижался лицом. Дэйн снял с себя штаны, стянул с кровати покрывало, швырнул все комком на кресло. Обычно он очень аккуратно складывал и штаны, и покрывало, но... Не сегодня. Залез под одеяло, на свою сторону.

— Спокойной ночи?

Эйри поднял взгляд на госпожу, в глазах блеснули слезинки. Девушка опустилась на колени рядом с ним.

— Любимый, прости меня, так было нужно, понимаешь? Ты же понимаешь, как важно, чтобы я сдала все экзамены?

— Да, госпожа. Это вы меня простите. Пойдем спать?

— Да.

17 вйуэжсен 327 года. Дом Вайнгойртов.

Утром все старательно делали вид, что ничего не было. Вилайди посматривал на них косо, но тоже молчал.

За полчаса до обеда прозвучал межпланетный вызов по видеосвязи. Это наконец-то объявился отец. Рядом с ним стоял высокий красивый мужчина, примерно одного с ним возраста. Что-то неуловимо знакомое в мимике лица, в том, как он откинул со лба длинные черные волосы, как улыбнулся Айрин...

— Дэ-эйниш!

Хорошо, что мальчики уже пришли и сидели в гостиной. Играли в шахматы. Плохо, что услышав ее крик они испугались и влетели в комнату, чуть не вынеся дверь. Потом Дэйниш проследил за ее взглядом, застыл... Протянул руку к экрану, как будто пытаясь дотянуться, дотронуться...

— Отец?!

— Дэйниш?! Тикусйо! Какой ты взрослый уже!

Айрин тихо вышла из комнаты, выведя за собой остальных ребят.

Эйнри пребывал в шоке.

— Он, конечно, говорил что его отец инопланетник. Но все равно... Завидно. Они же даже встретятся смогут. В Космопорте. Да?

— Да. Конечно. Мне вот интересно, как Дэйниш его сразу узнал? — Айрин, конечно, верила в силу зова крови, но чтобы вот так, с первой секунды, угадать?

— Его отец в течении года, прежде чем улететь, записывал видео. На каждый год по одному-двум дискам. И Дэйн получал их на свои дни рождения от матери. Он именно так драться научился. И это «тикусйо» у него от отца. Мать Сущего! Что ж так завидно-то?! — Эйнри ударил кулаком по ни в чем не повинной стенке.

Девушка обняла своего брата, начала успокаивающе гладить его по спине, а Эйн уткнулся головой ей в плечо. Пару раз сглотнул комок в горле.

— Я гуляющая тварь и эгоист жуткий. За что вы меня любите, госпожа?

— Лучше не спрашивай, а то задумаюсь! — Айрин, улыбнувшись, нежно поцеловала брата в щеку.

В это время в гостиную влетел Дэйниш. Ненормально счастливый и

одновременно потерянный. Несколько раз оглядел всех, прежде чем наконец-то смог сфокусировать взгляд на Айрин.

— Госпожа... Вы... Вы же... Меня в Космопорт? И... Потом отца тайком сюда? На неделю? Или меня... В гостиницу в Космопорте? Госпожа?

— Выдыхай! Придумаем что-нибудь. В первых числах тая мы уезжаем в Джордан. У нас есть две недели. Когда он вылетает?

— Сейчас. То есть, через два часа.

— Лететь ему пять дней. Поехали за подробностями в Космопорт?

22 вйуэжсен 327 года. Космопорт.

Через пять дней, рано утром, еще до прибытия корабля с долгожданным пассажиром на борту, Айрин, Эйри, Лейхио и Дэйниш были в здании центра управления Космопортом. Девушка наконец-то получила шанс использовать свой родовой перстень. Пропечатав им доверенности-пропуска, на всякий случай на каждого из парней, позволяющие им беспрепятственно находиться здесь в течение последующей недели, с утра до ночи, но с первым часом ночи и до рассвета посторонние должны были покинуть территорию Космопорта.

Идентификацию владельцев пропусков осуществляли по отпечатку пальца. При входе и выходе с территории надо было подойти к автомату и, приложив большой палец к внешнему сканеру, вставить пропуск в специальную прорезь.

Вокруг взлетного поля стояла неразрывная круговая стена в два метра высотой, реагирующая на касание звуком и ударом током, и у нее было четыре прохода, с автоматами-сканерами. Все это полностью уничтожало надежды мужчин Венги незаметно просочиться на корабль и улететь. Но Космопорт — это не только взлетное поле. Это гостиницы, казино, бары. Это маленький город для инопланетников. Ведь именно здесь обсуждались, заключались и отмечались межпланетные сделки.

Все парни были здесь не в первый раз, но раньше нигде, кроме центра управления и бараков с грузами, им посещать не приходилось. Эйри повезло чуть больше и он погулял вокруг стены к взлетному полю, встречая Айрин. Теперь их ожидало недельное переселение в иной мир. Мир, где в борделях женщины обслуживают мужчин, где в ресторане все сидят на одной высоте, где можно хлопнуть по заднице молодую симпатичную официантку, где можно... Можно обнять госпожу за талию, прямо вот так, на улице, и, пьянея от собственной наглости, уткнуться в ее

волосы лицом и прошептать туда: «Айрин! Моя Айрин!». Потому что здесь она просто девушка, красивая девушка. Его девушка.

— Эйн, любимый, мы непременно погуляем тут с тобой, только сначала передадим Дэйниша его отцу.

Айрин поцеловала брата совсем не братским поцелуем в губы, и, взяв Дэйна под руку, постучала каблучками в сторону взлетной полосы. Корабль должен был приземлиться с минуты на минуту. На табло уже даже горел номер посадочного места.

Дэйниша бил озноб, который он старательно и безуспешно пытался скрыть. Каждые две-три минуты он поворачивался к жене, собирался с силами что-то сказать, иногда даже набирал полную грудь воздуха, но потом закусывал губу и отворачивался. Через несколько минут все начиналось по новой.

Девушка крепко держала его за руку, то поглаживая ее, то прижимаясь к нему всем телом. В конце концов развернула парня к себе лицом, встряхнула за плечи.

— Волчонок, золотко, успокойся! Ты уже с ним разговаривал. Он тебя любит, раз и диски записывал, и примчался с другой планеты, чтобы с тобой увидится.

— У него еще сын есть... Нормальный...

— Ты тоже нормальный!!! — В голосе девушки зазвенел металл.

Дэйниш покраснел, сглотнул комок в горле и отвернулся. По местным меркам он нормален. А по континентальным... Можно подумать, он не чувствует, как к нему относятся родители госпожи. Да они бы Лейхио предпочли видеть ее мужем вместо него. Вилайди они все прощают, потому что тот, по их мнению, еще ребенок. А ему... Он чуть не искусал себе все губы в кровь, когда Эйн взял и спокойно обнял госпожу, так легко и непринужденно, как будто всегда так делал. И ей в волосы прошептал: «Моя Айрин!». Тикусйо!!! Она — его! ЕГО жена и в ней растут ЕГО дети. Но чтобы вот так, просто, собственнически обнять ее... Нет. Не сможет. Никогда. Поэтому его так никогда не поцелуют. И любимым не назовут. Вот чтобы не просто так «люблю вас, мальчики» или «я люблю тебя, волчонок», а потом что-то из серии «а теперь все спать!». Нет, чтобы так, как Эйну... «Любимый...». А отец у него... Красивый, глаз не отвести! Сейчас. А в молодости вообще вынос мозга был! У них общего — только цвет волос и словечко это отцовское к нему приклеилось. Все! Ну, рост еще... Интересно, тот, второй, младший, такой же красивый? Отец ни слова ему про брата не сказал, это мать рассказала. Давно еще. Как сама узнала, интересно? Или они отношения поддерживали? Странно.

Эйнри, долго со стороны наблюдающий, как друга потряхивает, не выдержал.

— Мать Сущего! Дэйн! Ты бы знал, как я тебе завидую! Это же твой отец, понимаешь?! Думаешь, он мчится в такую даль, чтобы посмотреть на тебя и сказать: «Тикусйо! Ты ненормальный кретин с кучей местных тараканчиков в голове!»? Развернуться и улететь обратно? Думаешь, оставляя тебя на этой планете, он рассчитывал, что ты вырастешь настоящим brutalным континентальным парнем?!

— Ну, ты же вырос...

Эйнри застыл. Потом задумчиво посмотрел на Дэйниша, обнял его за плечи и тихо, на ухо:

— Дэйн! Я вырос эгоистичной наглой тварью с повышенным недоебитом. Но мой отец любил бы меня и таким. Твоему будет проще, он летит сюда, потому что любит тебя. А тебя любить одно удовольствие. Особенно когда ты не дерешься.

Дэйниш грустно вздохнул... Может, он и правда весь из себя такой правильный, что его любить одно удовольствие. Но тогда вокруг него все с испорченным вкусом. Потому что все любят эгоистичную наглую тварь. Даже он сам.

И тут он увидел вдалеке отца. Его затрясло так, что Эйнри пришлось плотно прижать его к себе спиной. Одной рукой обняв за грудь, второй за талию. И, нежно поцеловав в шею, перевести волнение в возбуждение. У Дэйниша даже открылась способность соображать и он схватил Айрин за руку, притянул ее и прижал спиной, уже к себе. Эйн тут же опустил руки и отошел на шаг назад. Конечно, его отец должен был подозревать о взаимоотношениях между мужчинами Венги, но афишировать это вот так сразу не хотелось.

И вот они стоят друг перед другом. Отец и сын. Айрин тихонечко отошла в сторону, встала рядом с Эйнри и Лейхио.

— Сколько у нас есть времени?

— Целых семь дней. Здесь. На ночь я должен буду уходить.

— Отлично. Пойдем, пристроим меня и вещи в какую-нибудь из здешних гостиниц? Вы как, в курсе, какая тут самая лучшая?

— Нет. Я вообще здесь третий раз в жизни, — Дэйниш повернулся и вопросительно посмотрел на остальных. Те, почти синхронно, отрицательно покачали головами.

— Значит, сейчас пройдемся по всем, благо их тут всего четыре.

— Дэйн, вы с отцом давайте ищите гостиницу, а мы пойдем искать приличный ресторан. Споем потом, — и Айрин постучала пальцем по

часам.

Эйнри отдал Дэйнишу свои часы с функциями вызова и обмена сообщениями. По хорошему надо бы было закупить партию из штук десяти, связанных между собой. Двух, вернее, трех, если считать и Сабинины, явно было мало.

Как только Дэйн с отцом скрылись, Эйнри снова обнял Айрин и нагло улыбнулся, глядя ей в глаза: «Погуляем, красавица?». Лейхио фыркал от смеха, глядя на них.

— Эйн, ты не боишься, что ночью госпожа тебе отомстит?

— Хуже, чем неделю назад? Не боюсь, — и Эйн, запустив руку в волосы девушки, за затылок притянул ее к себе и поцеловал. Уже прошло несколько месяцев с того, первого, поцелуя, когда он почувствовал своими губами вкус губ госпожи. Вообще вкус губ женщины. Сформулировать словами, чем губы госпожи отличаются от губ Вилайди, он не смог бы. Но они отличались. Мягкостью, нежностью, чем-то неуловимым, когда сразу понимаешь — целуешь девушку. И где-то на уровне подсознания возникает контроль, поцеловать госпожу так же властно и нагло, как Вилайди, он не сможет. Пытался. Не вышло. Да, поцелуй отнюдь не нежный. Но все равно без полного погружения, расслабления. Вот когда целует сама госпожа... Тогда можно закрыть глаза и улететь. Если бы Дэйниш знал, как ему всегда страшно, в каком он всегда напряжении, когда ведет себя с госпожой вот так, как сейчас, например. Интересно, что чувствует Лейхио? Или его после процальной молитвы страх совсем покинул?

— Пойдем гулять, мальчики? Наша задача найти ресторан приличный, помните?

— Я-то помню, госпожа! — Лей снова фыркнул. Потом, подойдя к Эйнри, шепнул тому в ухо: «Что, красавчик, пошел в отрыв?!» и продолжил уже громко: — Предлагаю разделить! Связи у меня, конечно, нет, но я буду ждать вас на этом месте через три часа. Пойду в бордель и сниму там толпу девочек. Госпожа, выдайте мне, пожалуйста, единовременную дотацию на удовлетворение физических потребностей.

И Лейхио, соорудив на лице просительное выражение, сложил ладони горсточкой и протянул их в сторону Айрин.

— Я вам всем на пропуску положила кучу денег. На три часа в борделе тебе хватит. Правда, кормить тебя потом придется за наш счет, но что уж с тобой поделаешь...

— Да вы меня благодарить должны! За то, что я не буду ходить за вами следом с постной рожей и ехидничать, а тихо исчезну и оставлю вас наедине. Кстати, могу я надеяться, что за семь дней хоть три часа времени

вы уделите лично мне, госпожа?

— Спасибо тебе, Лей! Низкий тебе поклон! Выделю я тебе три часа, а может, и больше.

И все разбежались по территории космодрома.

* * *

Дэйниш был искренне удивлен, как легко и просто ему было с отцом. Как будто они знали друг друга всю жизнь. А может, так и было? Дэйн все время смотрел на отца, говорящего с ним с экрана. Слушал, учился, любовался. Копировал, сначала на подсознательном уровне, а потом уже осознанно. И походку, и манеру откидывать волосы или, наоборот, одним движением вдруг — раз! — и лицо спрятала черная грива. И теперь он смотрел на него: живого, близко, рядом. Узнавал и вспоминал. Знал всю жизнь.

А Дайнис... Был так рад, что мальчик выжил и нашелся. Потому что его мать полностью лишила его права видеть своего ребенка. Хотя он каждый год первые десять лет прилетал на Венгу в день рождения сына, пытался добиться встречи хотя бы с ней... Оставлял ей письма. Умолял. Убеждал. Готов был даже заплатить. Только одного он не мог дать ей — быть с ней. А она за это лишила его права быть с сыном.

И вот его мальчик вырос. Вырос в красивого парня. И уже умудрился сделать его дедом. В 41 год. И жена у него красавица. Главное, не стерва местная, а вполне себе адекватная девушка.

Постоянно ноющее где-то глубоко внутри чувство вины вдруг резко растаяло. Дайнису нравилось в сыне абсолютно все. Особенно, как он каждым неуловимым движением напоминал ему самого себя в молодости. Хотя лицом и был больше похож на мать. Даже глаза ее, синие. Но взгляд был его. И разрез глаз — его. И грива черных волос — его. И весь этот высокий, мускулистый, красивый парень — его. Его сын.

Они поговорили обо всем понемногу. И о жизни Дайниса, и о жизни Дэйниша. И о смерти женщины, которая их соединила и разлучила. И о женщине, которая скоро подарит одному сына и дочь, а другому — внука и внучку. И о том, что родители этой женщины чудом оказались друзьями Дайниса.

К тому времени, как они определились с гостиницей, заселили Дайниса в номер и даже разложили все вещи, между ними не возникло ни одной неловкой паузы.

И разговор тек спокойно, не напоминая встречу двух экзальтированных барышень или двух нелюдимых подростков. С младшим, тоже выросшим без него, потому что его мать так и не простила «измены», хотя ведь именно ради нее вырвался, прорвался, бросил... Выжил в этом кошмаре, для начала. С младшим такого взаимопонимания не было. С ним вообще было тяжело общаться. Как будто это он жил где-то на другой планете, а не в соседнем городе. И свою голубизну мальчишка преподнес ему пафосно, с вызовом. Типа удивил. После двух лет жизни на Венге. А Дэйниш... Тот парень рядом с ним, Эйри, кажется, он ведь его обнимал. Но потом расцепились. Интересно, неужели, чтобы его не шокировать?

— Блондин, который стоял рядом с тобой, зеленоглазый такой — твой любовник?

Дэйн в это время пил минералку и чуть не подавился. Откашлялся.

— Нет, я с ним просто сплю. И со вторым тоже.

Дайнис с интересом взглянул на сына. Улыбнулся. Тот тоже улыбнулся ему в ответ. Сначала настороженно, потом искренне.

— На самом деле, да, можно сказать, что любовник. Но не постоянный. Обычно я с госпожой, то есть с Айрин...

— Называй так, как тебе удобней. После двух лет жизни с твоей матерью я ее тоже называл не по имени.

— Странно, я больше всего переживал о том, что ты обо мне подумаешь... Из-за Эйри и остальных, и из-за того что я совсем-совсем местный... — Дэйниш посмотрел отцу в глаза, как бы уточняя, что у них на самом деле все нормально.

— Ну и зря! Я же сюда не на неделю в отпуск приезжал. Месяц из рук в руки, потом твоя мать, девять месяцев ее беременности и потом весь твой первый год с вами, с тобой. И только когда понял, что никак не заберу, только тогда сбежал. Думаешь, после того как я прожил здесь два года, ты меня чем-то удивишь? И насчет того, что ты совсем-совсем местный, льстишь себе нещадно. Надеюсь, ты понимаешь, что до местного идеала покорной игрушки тебя ломать и ломать.

— Это если мы про обычный гарем, а у госпожи... Она нас балует.

— Ну и отлично. Я видел здешние идеалы, и просыпался в холодном поту, представляя, что тебя вырастили таким же. Меня теперь беспокоит судьба внука и твое тридцатилетие.

— Ну раз у меня дочь, значит на спокойную старость я себе уже заработал... А насчет сына... Госпожа собирается рожать или здесь, или вообще улететь с планеты. И отдать мальчика своим родителям.

— То есть, я смогу помогать им растить внука?

— Да, думаю госпожа будет только рада. А мы всей толпой будем растить сына Эйри.

— Как вижу... — Дайнис развеселился, — ,в старину дети полка были. А у вас сын гарема...

Настроение, и так хорошее, сделало еще скачок вверх. Сына ему вырастить не удалось, но судьба сжалилась и дает ему второй шанс. Внука.

Тут пришло сообщение от Айрин, что ресторан они нашли и ждут их на том же месте, где расставались.

* * *

Лейхио действительно пошел в бордель. Снял смуглую, кареглазую, черноволосую, тонкую как тростинка, девушку. И за последующие три часа оторвался за все предыдущие тридцать лет. В договор входили элементы насилия, но так, чтобы не оставалось следов на теле. Следов на теле он не оставил. Но когда уходил, обессиленная девушка жалобно простонала: «Ты еще придешь?». «Постараюсь, красавица!» — а что еще он мог ей ответить?

* * *

Айрин с Эйри, обнявшись, гуляли по Космопорту, заглядывая в различные увеселительно-кормительные заведения. Эйн краем глаза выискивал похожие парочки, присматриваясь внимательно к тем, где мужчина был в форме. Ну, или у него на лбу стоял невидимый штамп «инопланетник». В целом, по поведению парочки инопланетиков мало отличались от местных пар любовников, когда один из пары сильно старше другого. Как у них с Вилайди, например. Другое дело, что сами инопланетные мужчины чем-то неуловимым отличались даже от него и Лейхио. Вернее, правильнее было бы сказать, что это они с Лейхио, при всей своей наглости и избалованности, чем-то неуловимым отличались от инопланетников. И Эйн никак не мог уловить, чем конкретно. Наверное, это было где-то на уровне энергетики, какое-то излучение силы и уверенности в себе.

Проходящая мимо группа парней в форме подозрительно оживилась при виде Айрин.

— Эй, лапулечка, зачем тебе местный? Иди к нам!

Девушка инстинктивно прижалась к брату покрепче. Эйн спокойно оценивал обстановку. Всего семь. Лицо изуродовать успеют. Крайний справа — не противник. Его вывести первым, потом нейтрализовать того, что с кольцом в ухе, белобрысого, у него костяшки пальцев сбиты, значит, дерется часто. Ну и потом двоих возле него, чтобы не мельтешить...

На плечо легла сильная рука. Эйнри бросил вбок короткий взгляд — здоровый мужик, конечно, и, главное, подкрался-то как незаметно, зараза. Но движений никаких агрессивных не делает. Группой поддержки быть собрался, что ли?

Незнакомый мужчина ободряюще подмигнул:

— Расслабься. Ты этих молокососов сделаешь и один, но если что — вдвоем оно веселее. А лучше вообще без драки, — и уже парням: — Салаги! Что б вам один день прожить в том аду, в каком он живет всю жизнь!

Парни замялись:

— А мы чего? Мы просто к девушке... Зачем ему наша девушка?

— Девушка с ним, значит она его.

— Крис, — парни явно знали этого мужчину, хотя он и был без формы, — ну ведь она не местная, а он местный. Еще б понятно было, если бы наоборот. А так...

— Вот вас не спросили! А ну, брысь отсюда, пока он вам мозги не вправил.

Драчун со сбитыми костяшками пальцев аж подпрыгнул.

— Ты думаешь, этот (презрительный кивок в сторону Эйнри) лучше дерется, чем я?!

— Уверен, Екки. Не думаю, а уверен. Ты дерешься ради удовольствия, а он — чтобы выжить и отвоевать себе ступеньку в иерархии, — и уже Эйну: — Ну что, парень, готов показать салажатам, как надо драться?

— По лицу пусть не бьет...

— Договорились. И ты тоже! — Екки принял позу боевого павлина, которому до победы один удар.

— Само собой, — Эйнри нежно подтолкнул Айрин к стене здания и замер, как хищник перед прыжком.

Крис махнул рукой: «Начали!».

Минуты не прошло, как белобрысый лежал на земле с заломленными за спину руками.

Оглушительная тишина. Потом что-то похожее на «у-ух ты...». Непобедимый драчун, отряхиваясь, с изумлением поглядывал на Эйна.

— Я тут местных видел достаточно часто, они вообще драться не

умеют.

— Ты любимчиков комнатных видел. Им драться не положено, они по-другому свою защиту отрабатывают.

— То есть, таких как ты сюда просто не пускают?

— Почему же. Пускают. Документы в руки и в бараки, за грузом. А по ресторанам нас не водят.

— Екки — парень протянул Эйну руку.

Тот замер, вопросительно посмотрел на Криса, потом тоже протянул руку:

— Эйри.

— Если кто будет приставать, скажи что завалил меня и тебя обойдут стороной, — самоуверенность била ключом, но если парень и правда любил подраться, то его наверняка знал весь космодром.

— А вы не порекомендуете нам хороший ресторан? Где вкусно накормят и интересно развлекут меня, трех парней из местных и одного гостя планеты, лет так слегка за сорок? — Айрин решила, что уже можно напомнить о своем существовании.

Крис знал и объяснил, как добраться до цели. Девушка поблагодарила, посмотрела на часы, ойкнула, отправила сообщение Дэйнишу и потащила брата к месту встречи, прощаясь уже на ходу. Вдруг Эйн резко затормозил:

— Крис, а как ты понял, что я из тех, кто умеет драться?

— По твоему поведению, парень. И по тому, как ты себя вел до этого. «Комнатные собачки» девушку за талию, да еще так естественно-непринужденно, как ты, обнимать не будут. Они и здесь ходят глаза в землю и на два шага сзади...

— Но если бы я был со своей хозяйкой, то шел бы точно так же.

— Нет, парень. Ты бы просто шел на два шага сзади. Прогулочным шагом и заложив руки за спину. Проникнись разницей!

— Проникся! Приятно было познакомиться!

И Эйри рванул догонять свою госпожу.

* * *

Дэйниш проводил все дни на территории Космопорта, с отцом. Эйри познакомил Лейхио с Екки и Крисом, и они тоже не скучали. Айрин работала переходящим знаменем. То болтая с Космопортовской молодежью, сидя между своих мальчиков. То общаясь с Дайнисом, сидя на руках у млеющего от счастья Дэйниша. Их тоже познакомили с Екки и

компанией. Дайнис и Крис даже умудрились замутировать какие-то общие дела. Дэйну пришлось тоже подраться с Екки, чтобы быть принятым Космопортовской элитой. Победа далась ему не так быстро и не так красиво, как Эйну, но все же «непобедимый» драчун и в этот раз оказался на земле с заломленными руками. Возмущению Екки не было границ.

Мало того, что его победили в драке два раза подряд, так еще и сделали это местные жители, которых он раньше считал неженками и хлюпиками.

Когда Екки начал ходить кругами вокруг Лейхио, оценивая, сможет ли он отыгаться на нем или их драка будет последним гвоздем в кресте над могилой его имиджа, хитрый Лей сразу сказал, что он не дерется. Ну вот совсем-совсем не дерется. Пацифист он, убежденный. Эйри, услышав, чуть чаем не подавился. Но промолчал.

Когда Дайнису пришло время улетать, взгрустнулось всем. Ребята за эту неделю привыкли к хорошему, и вновь возвращаться от ворот сказки в реальную жизнь, пусть она у них и в три раза круче, чем у большинства, не хотелось. К тому же, вот-вот надо было ехать в Джордан, а это равноценно переходу из кипятка в лед. Ничего себе такой контрастик...

Айрин тоже радовалась тому, как расцвели ее мальчишки. Иногда она мечтала о том, как было бы здорово жить с ними на другой планете. А пока она продумывала аферу по возвращению Вилайди статуса обычного раба. Как правильно заметила учитель, ничего невозможного для нее не было. Но сначала надо было получить диплом об окончании обучения.

Глава 9

2 тайя 327 года.

И вот наступил «долгожданный» месяц тай. Второе тая. На второе число был запланирован отъезд в Джордан. Заказано летающее такси, собраны сумки, расцелованы Вилайди и Лейхио. Расцелован даже Сайни, тоже пришедший проводить свою госпожу. И вот Эйбри и Дэйниш объясняют Лейхио последние «Это нужно будет сделать обязательно...» и «...это было нужно сделать вчера». И «...а эта бумажка лежит в такой синей папке, она не подписана, но ты сразу поймешь, что это она, потому что остальные не такие», и «Файл называется странно, но у него размер самый большой, ты по размеру сортируй»...

А Айрин просто сидит и волнуется. Еще не боится, но уже думает над этим. В принципе, всегда можно сослаться на беременность и переждать еще год. Наверное, это было бы правильнее, чем на двадцатой неделе ехать в лагерь укрощать малолетних мальчиков. Срок-то уже не маленький, заметно даже невооруженным глазом. Они там шевелятся внутри, так смешно это ощущать! А вчера все мальчики по очереди клали руки ей на живот и получали ощутимый пинок изнутри. И лица у всех были такие... Такие... Правда, когда это делает Дэйниш, дети, наоборот, затихают. Дэйни сначала переживал, а потом успокоился: «Зато я могу продолжать спать, обнимая вас.» И сделал для себя очень лестный вывод: «Значит, они меня выделяют из всей нашей компании».

Лекарь сегодня утром изучил ее всю и дал добро на поездку. Так что проблем быть не должно. У детей. А вот у нее самой...

План пребывания в Джордане был такой.

Сейчас там нет будущих выпускниц Лагеря госпожей, они приезжают сдавать экзамены с середины тайя, в начале недели. Чтобы неделю отлавливать нарушителей. Ее первая задача будет такой же. Неделю на отлов. Чем больше поймает, тем выше оценка. Ее мальчики будут ходить вместе с ней, и негласно им разрешено подсказывать.

В конце недели ей будут выданы трое нарушителя порядка за неделю из выпускников. Скорее всего из тех, кого она же и выловит. Но могут подкинуть кого-то другого. Тут будет определять учитель. Идея второго задания в том, что всем троим будут полагаться разные наказания, и она

должна будет продемонстрировать и то, что может владеть разными инструментами, и что вообще психологически готова наказывать виноватых. Как раз именно тест на эту готовность она и сдавала своему учителю. Готовность наказывать и умение работать с инструментом.

А на третье ей, по правилам, выдается один из учеников последнего или предпоследнего года. Из тех, чье обучение оплачивало государство, но он совершил какой-то проступок или завалил один из экзаменов, и теперь вместо выпускника, окупающего все расходы с лихвой после продажи на рынке, государство получает обычного налогоплательщика. Его продажа тоже окупит все расходы, но не с такой выгодой. Поэтому государство злится и стервенеет, исходя из убеждения, что «кашу маслом не испортишь». И на таких несчастных обучают молодых госпожой искусству ломки. Обычно количество молодых госпожой в несколько раз превышает количество изгнанников из Джордана, поэтому учителя часто приводят материал для обучения с собой. Ведь опытным мастерам часто отдают рабов для воспитания. Шоу результатов такого обучения Айрин уже имела честь видеть в городе и глаза того парня еще иногда тревожили ее сны. После этой поездки у нее будет свой, личный «результат». Если не повезет, то ему будет пятнадцать-шестнадцать лет, и все мечты и планы этого «результата» совсем недавно скатились под откос, с треском ломаясь в щепки. Хотя может не повезти еще больше, и это окажется тринадцатичетырнадцатилетний мальчик, чья госпожа посчитала, что он ленив, нагл и непочтителен.

Третье задание пугало Айрин. Первые два просто чуть беспокоили. Она верила, что справится. Но вот последнее... Она будет работать сначала в паре с учителем, а потом ей придется взять инициативу на себя. Учитель будет рядом, следить чтобы все шло нормально. Но все равно страшно. А, самое главное, сможет ли она потом оставить этого ребенка? Если он будет ничейный и впереди у него будет рыночная стена и торги?

Во двор приземлилось летающее такси. Автопилот выбрал для места посадки прямо точно точку центра. Идеальный машинный разум.

Айрин в последний раз прижалась к Лейхио, боясь признаться даже самой себе, что именно с ним ей было бы спокойнее всего перенести этот запланированный кошмар. Его цинизм и наглость идеально защитили бы ее.

Парни уже затащили в такси сумку с вещами. И Дэйниш колдовал над автопилотом, выискивая в списке пунктов назначения «Элитный Лагерь для обучения мальчиков-подростков Джордан». Айрин как-то попыталась

выяснить, почему именно Джордан. Оказалось, что это первые буквы от фамилий преподавателей, работающих в Лагере в год его основания. Они долго экспериментировали и пришли к выводу, что такая комбинация букв им наиболее симпатична.

Уже сидя в такси, девушка вдруг осознала, как изменилось ее мировоззрение за эти несколько месяцев. Ее уже не шокирует перспектива неделю бродить по лагерю и практически шпионить за мальчишками, подставляя их под плетки преподавателей, чтобы самой просто получить хорошую оценку. Ее даже не шокирует, что придется, используя различные инструменты, наказывать малолетних подростков! Да чего уж там, она, правда, обливаясь в душе крокодиловыми слезами, от души поглумилась над телами двух своих любимых мужчин только для того, чтобы пройти тест. Сдать зачет. Правильно Эйн матерился громко и выразительно. Эта планета развращает ее и будит в ней генетическую память по женской линии. Которая, как оказалось, не так уж и далеко спряталась.

Парни сидели у нее в ногах и перешептывались о чем-то своем.

Как только Айрин соизволила вернуться от размышлений в реальность, оба затихли и замерли, смотря на нее.

Лицо Дэйниша немного взволнованное — наверное, переживает за малышей. Надо бы его успокоить.

— У меня все нормально и я отлично себя чувствую, мальчишки!

— Ага, — скептически выдал глубокомысленную фразу Дэйн.

— Серьезно, все нормально. Я жутко трушу в ожидании третьего пункта экзамена, но до него еще неделя и уж соберусь как-нибудь с силами. Все-таки, не только для себя стараюсь...

— Ага, — повторил все с тем же скептицизмом Дэйниш.

— Госпожа, Дэйн хочет обратить ваше внимание вот на это выражение лица у некой особы, утверждающей, что у нее «все нормально, все в порядке, все отлично»...

И Эйнри протянул Айрин зеркало. Там отражалась девушка с испуганными глазами и общей паникой на лице. Понятно, что парни ей не верят. Посидела, полюбовалась, понастраивала интерфейс.

Через полчаса к воротам лагеря подошла вполне себе приличная госпожа, со скупающе-бесстрастным взглядом. За ее спиной стояли два красивых высоких парня, справа — блондин, слева — экзотика черноволосая. Эффектное, должно быть, было зрелище, раз даже ко всему привычная охранница не сразу подошла, а сначала на несколько секунд замерла.

— Вы Айрин Вайнгойрт? Рады приветствовать вас в качестве гости в

нашем лагере.

Женщина распахнула ворота, посторонилась и проводила тройку восхищенным взглядом. Все в лагере были предупреждены, что к ним приедет сдавать выпускной экзамен девушка, выросшая на другой планете, со свитой. Поэтому ожидалось что-то напуганное, наивно-восторженное, с избалованными наглыми рабами. Рабы у нее, конечно, не покорные лютики, но взгляды в землю, расстояние четко в два шага, не придерешься! Таких выдрессировать менее чем за полгода — это ж какой талант иметь надо!

Административное здание лагеря находилось в центре территории. Остальные постройки возводились по кругу от него. Сначала жилые корпуса, потом спортивные площадки, а вдоль забора лагерь окружал лес, с лучами-дорожками.

Тройка прошла по лесу, потом мимо полян для игр с мячами, спортивных площадок и жилых корпусов. У входа в здание администрации их встретила следующая охранница, уже предупрежденная первой. Она пристально изучила Эйри и Дэйниша и тоже не нашла к чему придраться. Вот спинным мозгом чувствовала, что непростые рабы, с характером, но ведут себя на «отлично». Девочке можно только позавидовать. И внешне удались, и дрессировка идеальна.

— Госпожа Айрин Вайнгойрт, рады приветствовать вас гостей в нашем лагере.

Один из рабов, блондин, стрельнул в нее глазками, быстро, взгляд ей в лицо и тут же снова вниз, но аж мурашки пробежали по коже. Охранница сообразила, что забыла отойти в сторону. Как только она сделала несколько шагов к стене, девушка и ее свита вошли в здание.

— Вас ждут на третьем этаже, в 325 кабинете.

— Благодарю! — голос без интонации и легкий кивок головой. Ну и стерва! Зачем ей экзамены сдавать? У нее на лице диплом с отличием проштампован.

Троица пошла к подъемнику. Дэйниш, зашедший последним, нажал кнопку «3». У лифта их встретила охранница этажа, пробурчала быстрое: «рады приветствовать вас гостей в нашем лагере» и махнула рукой в сторону коридора налево. Проходящие мимо женщины замирали и провожали тройку восхищенными взглядами. Эйри развлекался тем, что нарочито медленно изучал их ножки от туфель или высоких сапог до бедер, потом быстрый взгляд от бедра, мимо груди, до лица и потом сразу снова в пол. Поймать и придраться не к чему, но этот взгляд вводил женщин в еще больший ступор. Дэйн, наблюдая, как хулиганит друг, старался скрыть

улыбку. Тень улыбки на лице такого экзотического красавца — дополнительные полминуты шока у несчастной, которая только что спешила по своим важным делам. Хорошо, что нужный кабинет находился не очень далеко от лифта, а то работа на этаже была бы парализована минут на пятнадцать, точно.

Айрин видеть спиной, что именно вытворяют ее мальчики, конечно, не могла. Но зато могла наблюдать результат — лица женщин, замирающих и внимательно смотрящих то на правого, то на левого. Проходя мимо очередной статуи, девушка не выдержала:

— Надо было еще кожаные штаны на Дэйниша надеть, с той милой футболочкой.

За спиной раздались подавляемые из всех сил смешки.

Наконец цель достигнута. Кабинет для регистрации гостей. Парни встают по обе стороны от двери. Айрин заходит.

— Добрый день, я — Айрин Вайнгойрт.

— Добрый день. Мы рады приветствовать вас в нашем лагере. Сколько человек вас сопровождает?

— Двое, личный раб и муж.

Женщина, заинтересовано подняла бровь: «Пусть зайдут.»

Айрин нажала на синюю кнопку часов. Дверь тут же открылась, и в комнату вошли двое ее мужчин. Глаза в пол, сделали несколько шагов по ковру и встали на колени, оба.

Женщина вышла из-за стола, подошла к парням поближе. Потянула руку к Дэйнишу, вопросительно посмотрела на Айрин. Девушка кивнула, давая согласие. Не та причина, чтобы качать права.

Убрав волосы с лица Дэйна, женщина замерла, любуясь редкой для этой планеты красотой.

— Посмотри мне в глаза, раб.

Дэйн выполнил приказ, хотя на слове «раб» губы у него чуть дернулись. Это не скрылось от опытного взгляда.

— Не нравится, когда называют рабом, раб?

Идеально спокойное лицо, без всякого выражения, отрешенный взгляд в никуда.

— Моя госпожа редко так меня называет, но правда не может нравиться или не нравиться, госпожа. Я помню свое место.

— Отлично. А я помню тебя, Дэйниш. Ты был одним из лучших наших выпускников. И... Я сочувствую твоей потере. Очень рада, что ты хорошо устроился и уже успел помочь продолжить знатный и древний род своей новой госпожи.

— Спасибо, госпожа.

Женщина перешла к Эйри. Приказала ему поднять глаза. Тот сразу отреагировал спокойно, поэтому придирается было не к чему.

— Пропуска на вас и двоих сопровождающих выписаны еще неделю назад, — женщина протянула Айрин три карточки-пропуска, почти таких же, как в Космопорте. — Ваш номер сорок девять в шестом жилом корпусе. Успешной вам охоты!

— Благодарю!

И тройца двинулась в обратный путь. Игривое настроение у Эйри пропало, так же, как и желание улыбаться у Дэйниша. Правда, когда они вышли из здания, вредность у Эйны снова начала повышаться. Айрин отметила это по лицу проходящей мимо девушки ее лет, сыгравший в игру «хлопай ресницами и взлетай». Конечно, можно было предположить, что это реакция на Дэйна, но что-то подсказывало, что завешенное гривой черных волос лицо мужа не могло вызвать такого эффекта. А вот чьи-то зеленые нахальные глазки — запросто. Девушка проводила Айрин завистливым взглядом. Они не были знакомы, так что поиграть в эти красивые игрушки ей не удастся.

Номер представлял из себя большую комнату, меблированную с традиционными для Венги практичностью и минимализмом: двуспальная кровать, шкаф, кресло со столиком. И, конечно, ванной комнатой. Закинули вещи в шкаф и пошли на охоту.

10 тайя 327 года.

К концу недели улов состоял аж из пятнадцати человек. Из них целых четыре Айрин вычислила лично, на остальных ей тактично помогли обратить внимание. Эйри был прекрасен в роли охотника, каким-то особым чутьем находя парней, находящихся на грани, и Айрин оставалось только понаблюдать за ними не более получаса. Дэйниш помогал по-другому. Он, казалось, помнил наизусть весь свод правил и соответствующие им наказания. Благодаря Вилайди Айрин тоже практически наизусть выучила два тома учебника, но там упоминались только самые распространенные, а Дэйниш знал наизусть полное издание «Кодекса раба» в шести томах. Так что Эйри находил потенциальных жертв, а Дэйниш их приговаривал. Оба парня чувствовали себя немного предателями, но такая охота входила в условия выпуска, тем более что, скоро в лагерь должны были привезти около сотни молодых и наблюдательных. И тогда всем тут мало не покажется. А после отлова

пятнадцати человек остальные должны будут напрячься и начать следить за собой.

Учитель была в шоке от размера улова. В среднем за неделю выпускницы находили где-то с десяток. Пятнадцать — это был очень хороший результат. Повод для гордости.

Айрин и гордилась. Тихо. Уткнувшись по ночам в плечо Дэйнишу. А он гладил ее, всхлипывающую, по спине, шептал: «Вы не переживайте. Мы все через это проходили. Их же только накажут, отчислять не будут. Зато они теперь сядут и выучат кодекс...»

А Эйри еще в первый вечер прогулялся по корпусу и нашел коменданта, скромно ей улыбнулся, состроил невинные глазки и получил разборную кровать и комплект постельного белья, с подушкой и одеялом. На большую кровать, к госпоже, он приползал традиционно по утрам. И тогда полусонный Дэйниш тихо сползал и уходил досыпать на место Эйны. Засыпала Айрин с мужем, а просыпалась с братом. Вот такой вот круговорот мужчин в природе.

Эйри не утешал ее. Большую часть времени он искренне наслаждался охотой и считал, что мальки со времен его выпуска обнаглели.

Возможно, он был в чем-то прав, плотное общение с иными планетами оказывало расслабляющее влияние. И пусть инопланетников-мужчин по-прежнему держали за забором Космопорта, но у многих домов были деловые отношения с различными инопланетными компаниями, и за «Великую Стену» с успехом просачивались представители женского пола. Конечно, на Венгу старались отправлять женщин определенного склада характера, и многие из них смело могли конкурировать с той же Клаусийлией Альцейкан. Но были и другие. И они своим поведением вносили разлад в неокрепшие детские умы, и девичьи, и мальчишечьи. Дворец уже раздумывал, как быть с этой проблемой. Пока планировалось ужесточить контроль за хотя бы внешними соблюдениями «Кодекса» и рабами, и госпожами, и гостями планеты.

В конце недели учитель предложила Айрин отметить вечером успешную сдачу первой части экзамена. Очень успешную сдачу! Заодно познакомиться с сотрудницами лагеря, и обязательно привести на вечерние посиделки своих рабов. Обязательно!

Парни от этой идеи были явно не в восторге. Дэйниш сначала категорически отказался заплетать волосы в косу и полностью занавесил челкой лицо.

— Волчонок, ты хочешь, чтобы тебя подергала за челку каждая из присутствующих женщин? Заплети косу и открой лицо — пусть смотрят. У

них тогда не будет причины лезть к тебе руками.

С тяжким вздохом Дэйн занялся косой. Эйпри догадался заплести волосы самостоятельно. И надеть рубашку так, чтобы вся грудь была раскрыта. Потом подошел к другу, расправил воротник и распахнул края и его рубашки, перевязал узел, разгладил концы. Отошел на несколько шагов полюбоваться, снова подошел, стряхнул невидимую пушинку, ободряюще сжал плечо, пристально посмотрел в глаза...

— Дэйн, ну что ты разнервничался? — таким тоном, как будто сам полчаса назад не психовал, бегая по комнате, пока Айрин принимала ванну. — Мы просто посидим на ковре, посмотрим на пьяных женщин, потом заберем госпожу и уйдем.

Дэйниш обреченно смотрел в окно... Потом перевел взгляд на друга:

— Я так отвык от ощущения себя красивой вещью...

Айрин подошла сзади и обняла своего волчонка за талию. Дэйн обхватил ее руки своими и снова уставился в окно...

— Простите. Я сейчас соберусь.

— Это у тебя от длительного воздержания, не иначе, — Эйн, многозначительно и ехидно усмехнувшись, толкнул Дэйниша в бок локтем.

На самом деле пару раз за неделю они тихо ночью развлеклись на полу, стараясь не разбудить Айрин. Девушка старательно делала вид, что им это удалось. Последний месяц она не хотела ничего, кроме объятий и поцелуев. Парни давно уже поняли это, но у Эйпри был Вилайди, а у волчонка... Так что пусть хоть сейчас. Здесь. Правда все равно тайком, ночью, тихо.

Дэйниш, тоже усмехнувшись, обернулся лицом к Айрин и поцеловал ее. Потом провел легонечко пальцем по ее скуле. Вздохнул...

— Ну, вроде бы мы оба готовы.

— Все же надо было взять твои кожаные штаны...

* * *

Посиделки с чаем и коктейлями проходили в столовой. Первое, что увидела девушка — обреченно сидящих на полу, вдоль стены, мальчиков. Некоторые были из ее улова, каких-то она просто видела и запомнила, были и незнакомые даже визуально. Мальчиков было много, больше двадцати точно.

Напротив, вдоль другой стены, стоял большой накрытый стол. С фруктами, пирожными и бутербродами. А также пустыми бокалами,

бутылками с чем-то явно алкогольным и кувшинами с водой и соком. По залу передвигались или стояли и разговаривали женщины, много женщин. Начиная от возраста Айрин и старше.

— Ну вот, что-то подобное я и ожидал... Здесь, Дэйн, всем не до нас с тобой.

Несмотря на успокаивающий смысл фразы и попытки схохмить, голос у Эйри слегка похрипывал, как всегда, когда он волновался. Дэйниш просто схватил свою госпожу за руку, хотя и продолжал стоять за ее спиной.

К ним, стуча на весь зал каблуками, шла учитель Айрин. В черных шелковых брюках и белой рубашке с кучей рюшек. И в сапогах на высокой шпильке. От талии наискось через бедро шел красивый ремень с креплениями, на котором висели плетка с ручкой-анфаллосом, стек-фаллос в красивом чехле и тонкий трехгранный стилет. Дэйниш сжал руку девушки еще сильнее.

— Я рада, что ты решилась посетить нашу маленькую вечеринку. Заодно сдашь и вторую часть экзамена, в компании. Вместе же веселее, правда?

Айрин почувствовала, что ее мозг как бы сдает управление, расслабляется, ей хочется идти за этой красивой и уверенной в себе женщиной и делать все, что она скажет.

— Да, конечно, учитель!

Рука Дэйниша сжимает ее руку еще сильнее, становится больно, и эта боль возвращает ей контроль над разумом. Но она не решается показать это учителю. Чтобы успокоить мужа, девушка нежно поглаживает его ладонь большим пальцем. Тот сразу расслабляет хватку, но руку не выпускает.

— Вот и умница! Пойдем со мной, я познакомлю тебя с моими подругами.

Айрин послушно идет, но уже сама крепко держится за руку Дэйниша. Это ее якорь, связка с реальностью. Хотя, наверное, было бы проще сдать вторую часть находясь частично не в себе. Но она отвечает за своих мальчиков. Здесь на них найдется слишком много желающих. Вот, уже слетаются, как бабочки на огонь.

— Дорогая, представь нас!

— Айрин.

— Эйсивилия.

— Дорогая, представь нас!

— Айрин.

— Клементийлиона.

— Дорогая, представь нас....

Через некоторое время имена женщин стали путаться в голове Айрин, все начинало потихоньку путаться. Даже рука Дэйниша уже не помогала, хотя парень и сжимал ее уже снова до боли. Правую руку захватил Эйри. Он нажал на какую-то очень болезненную точку между большим и указательным пальцами, в голове снова наступило прояснение. Обе руки тут же отпустили.

Учитель настороженно посмотрела Айрин в глаза, та ответила преданно-щенячьим взглядом. Представления, наконец-то, закончились.

— Дорогая, можно нам поиграть с твоими рабами? — женщина средних лет, уверенная и наглая, сначала она посмотрела на учителя и получила от той быстрый утвердительный кивок. Если бы ее разум продолжал вращаться и крутиться в других плоскостях, девушка не обратила бы на этот кивок никакого внимания. И даже сейчас она чуть не ответила согласием. Но тепло мужа, мгновенно схватившего ее за руку, остановило почти уже вырвавшееся «Да».

— Нет, извините, у меня ужасно собственнический характер. Ни своим мужем, ни своим братом, являющимся моим личным рабом, я ни с кем не делюсь.

— А до нас доходили слухи, что братом ты все же поделилась... — женщина не смогла скрыть своего изумления от отказа, но быстро сориентировалась.

— Да, я отдала его в мужья своей подруге и соседке, но он при этом продолжает жить со мной. Мы заключили сделку. И, надеюсь, слухи донесли вам, что я забираю сына своего раба себе? Я очень-очень жуткая собственница.

— Что ж, жаль. Мы бы их не обидели, уверяю! Мальчики бы получили удовольствие, вспомнили юные годы. Они ведь оба закончили Джордан, правильно? Вот этого темненького я очень хорошо помню.

— Мы все его очень хорошо помним, — хихикнула еще одна из женщин, помоложе. — Жаль, что очень редко удавалось найти причины для его наказания. Но для нас это было просто делом чести, и мы наказывали его сразу всем педагогическим составом.

Айрин поняла, что умеет ненавидеть. До этого она сомневалась в своих способностях испытывать столь сильное чувство. Но как только она представила юного Дэйни — ее волчонка! — которому пришлось выучить наизусть шесть томов «Кодекса», только бы стать идеальным воспитанником, сразу зубы издали скрежет и руки сжались в кулаки. Пальцы мужа успокаивающе погладили ее руку.

Учитель уже некоторое время задумчиво смотрела на девушку.

— Ну что ж, раз наша новая знакомая не желает делиться своими рабами, давайте все развлечемся с нашими!

— Да, давайте начнем!

— Но для начала пусть наша гостья выберет из них троих, чтобы наглядно продемонстрировать нам не только свое потрясающее теоретическое знание «Кодекса», но и умение выполнять рекомендации оттуда на практике.

Все радостно захлопали, закивали, некоторые подняли вверх бокалы с коктейлями, в знак согласия.

Учитель сделала приглашающий взмах рукой в сторону стены, вдоль которой сидели мальчики. Мальчики еще младше, чем Вилайди. Мальчики, которых парализовывал страх, когда после совершения явной или не очень явной оплошности вдруг к ним подходила девушка и спрашивала имя и группу. Несколько из этих мальчиков сейчас испуганно прижимались своими худенькими спинками к стене, сидя на пятках. Как только Айрин двинулась в их сторону, все сразу выпрямились и, продолжая стоять на коленях, опустили головы в пол. По какому принципу выбирать из этих детей себе три жертвы?!

Девушка протянула руки назад, схватила своих парней, и быстро сжала и расслабила хватку на их руках. Давая понять, что именно так надо подсказывать ей, помогая с выбором. Очередной раз убедилась, что у нее очень сообразительные мужчины. Пройдя вдоль ряда стоящих на коленях мальчишек она получила от них несколько легких пожатий, отметила двоих, на которых пожатия с обеих сторон совпали. Прошлась вдоль ряда обратно. Тех четверых, которых выбрали оба ее мальчика, подняла с колен и поставила рядом с собой. Задумчиво осмотрела. Одного из них она не хотела наказывать ни за что. У него был взгляд затравленного щенка и слезы в глазах. Наверное, парни выбрали его из жалости, чтобы он не достался этим гримзам. Но ей сейчас эгоистически важно собственное спокойствие. Остальные трое радовали глаз, как будущие жертвы. Одного из них она поймала собственноручно. Когда Айрин спрашивала его имя, он, отвечая, смотрел ей в глаза и только столкнувшись со взглядом Эйри опустил голову. Такой — не забывается. Как он смог столько лет здесь продержаться, удивительно?! Правда, сейчас мальчик был сама покорность. Двоих других она не знала, но в них тоже чувствовался негнувшийся стержень. Выживут. И совесть ее будет мучать по минимуму. Тем более, все трое выглядели на свой возраст, а не младше.

Вспомнить бы еще, что там натворил этот ее личный наглец...

— Дорогая, а почему ты отказалась наказать этого чудного ребенка? — учитель поманила пальчиком напуганного щенка обратно.

— Насколько я помню, положено наказать троих...

— Поскольку ты превысила среднюю норму по охоте за нарушителями, думаю, будет честным позволить тебе превысить лимит наказываемых.

Ну и как, КАК вежливо сказать ей, куда она должна пойти со своей честностью?!!

— Этот детеныш тоже твой, дорогая. Ему полагается сорок пять ударов плетью, самое простое наказание.

— Вот этот, — учитель взяла за ухо ее улов, — заслужил хороший анальный секс с помощью анфаллоса, какого-нибудь ребристого, потолще и без смазки. У нас богатая коллекция, я тебе дам выбрать подходящий.

— Вот этот (про себя Айрин мысленно его назвала «мальчик с мушкой», у него на щеке, ближе к губам, была небольшая родинка) заслужил секс со стеклом. Не уверена, что ты сможешь довести его до оргазма, так что давай просто на количество движений, скажем, тридцати будет достаточно.

Мальчишка испуганно сглотнул, ноги у него медленно подкосились и он опустился на пол, на колени. Молча.

— Хорошо, уговорил, сорок движений стека.

Эйри одной рукой приподнял парнишку за волосы с колен и поставил нормально. Чтобы не выпросил еще.

— А вот этот звереныш, — в голосе учителя появились нотки удовлетворения и предвкушения, — должен будет вытерпеть, специально привязанный, пятьдесят ударов флоггером, а потом кончить без помощи рук в течение трех минут.

Да, практически все виды наказаний девушка уже проделывала со своими мальчиками. Единственное, флоггером поиграть так и не пришлось. У нее для этого есть Эйн.

— А могу я использовать помощь своих рабов?

Учитель задумалась. Потом посмотрела в сторону подруг. Те тоже пожимали плечами или задумчиво крутили в руках бокалы.

— Если бы это было наказанием для них, вопросов бы не было. Но они ведь будут помогать тебе добровольно?

— Не думаю, что с радостью, но добровольно, да. Просто сейчас у меня может не хватить сил выдать сорок пять ударов плетью без перерыва. Когда мои мальчики недавно заслужили такое же количество ударов, оба одновременно, я выдала им плетку и флоггер, и они наказали друг друга.

Женщины продолжали задумчиво переглядываться.

— Мне кажется, наиболее правильным будет такое решение. Ты начинаешь наказание, показываешь нам, что умеешь обращаться с инструментом, а потом, устав, зовешь на помощь своих рабов. Все согласны?

Все выразили свое согласие различными движениями, жестами и словами.

— А теперь осталось пойти посетить нашу коллекцию инструментов и выбрать необходимые. Прошу за мной, дорогая.

Девушка и ее эскорт двинулись вслед за женщиной. Коллекция хранилась в соседнем помещении. Выбранный с помощью учителя анфаллос вызвал в Айрин уважительную нервную дрожь. Представлять эту штуку в теле мальчика ей не хотелось абсолютно. Она даже вспомнила, что он совершил. Этому была красная цена — тридцать ударов плеткой.

— Скажите, учитель, а тот мальчик, для которого предназначено вот это мощное орудие, Юйлайнэ, кажется? Что он сделал? Ну, кроме того, за что его поймала я?

— Юйлайнэ? Да ничего серьезного... Это наказание в целях профилактики. Уж больно он последнее время вызываясь себя ведет. Когда раб начинает забывать свое место, задача хорошей заботливой госпожи напомнить ему, кто он есть. Тем более у Юйлайнэ особый случай, его обучение оплачивает не родная мать, а мать его будущей жены. И она очень просила максимально выбить из мальчика все лишнее. Так что профилактику мы ему устраиваем чуть ли не ежемесячно. Но что-то результат не радует. Вот твой муж всего год побыл объектом особого внимания преподавателей и смотри какой идеальный мальчик получился, — учитель, обернувшись, потрепала Дэйниша за волосы, и тот покорно терпел, не поднимая глаз. — Будет очень жаль расстроить старшую госпожу одного из самых древних родов Венги. Она ведь может потребовать компенсации убытков.

Входя в зал Айрин увидела, что у отобранных для нее мальчиков крутятся несколько женщин. Одна из них стояла возле «мальчика с мушкой», поддерживая кувшин, из которого тот пил, и, похоже, не совсем добровольно.

«Звереныш», на котором ей придется впервые опробовать на практике свои теоретические познания в области порки флоггером, был зажат между двумя девушками чуть постарше Айрин.

Подавив желание грубо выкрикнуть что-то похожее на «Брысь все от моих мальчиков!», Айрин вопросительно посмотрела на учителя.

— Что они делают с предназначенными мне рабами?!

— Ну, с Айугийсти девочки просто развлекаются. А вот Киайинурэ поят мочегонным, чтобы уретральный секс доставил ему еще большее удовольствие.

Девушка про себя матюгнулась так заковыристо, что даже сама покраснела.

В это время двое мальчиков из приговоренных к сегодняшним развлечениям втащили специальную скамейку для наказаний. Поставили ее в центре зала и снова сели у стены.

Запуганный мальчонка с трясущимися ручками и губками обреченно двинулся к месту наказания, разделся. Испуганно замер и обернулся. Учитель Айрин поощряюще кивнула: «Ложись, ложись. Умница!». И сделала девушке приглашающий жест рукой:

— Вперед, дорогая! Приступай. Он в твоём распоряжении.

Сорок пять ударов... Самое простое наказание?! Тут спины-то нет...

Эйн встал у девушки за спиной.

— Пятнадцать через пятнадцать, хотя по таким косточкам лучше двадцать через пять, но нельзя.

Потом, вложив в руку Айрин флоггер, обхватил его вместе с ней, несколько раз показал ей, как правильно делать замах. Потом отошел в сторону и встал рядом с Дэйнишем и остальными.

Девушка отсчитала пятнадцать ударов, тут же почувствовала у себя за спиной дыхание брата, который поменял ей флоггер на простую плетку-треххвостку.

— Замах слабее, чем вы обычно делаете, и расстояние ударов подальше друг от друга, не бейте в одно и то же место, у него кожа очень тонкая.

Еще пятнадцать ударов. Брат снова поменял инструмент в ее руках. Еще пятнадцать ударов. Все!

Мальчик, тихо поскуливая, сполз со скамейки.

На его место подошел Юйлайнэ. На лице попытка изобразить безразличие, но взгляд выдает. Боится. Когда увидел в руках Эйна то, что должно войти в него, сглотнул от страха и глаза у него стали в два раза больше. Пока мальчик раздевался, руки его заметно тряслись, узел рубашки с первого раза не дался, потом совсем перепутался... Дэйниш подошел и помог ему раздеться. Мальчишка благодарно уткнулся ему в грудь. Потом лег. Зажался так, что даже лопатки на спине оказались сведены от напряжения. Дэйниш зафиксировал его так же, как и для межгодовой порки.

Эйн незаметно вложил девушке в руку маленький тюбик: «Смазка с обезболивающим и вейжэ, одна доза. Выдавливайте все, госпожа.» Выдавила. Пустой тюбик так же незаметно вернула брату. Аккуратно пальчиками начала расширять проход. Ничего не получается. Стоящий за спиной Эйн сквозь зубы прошипел: «Тля!».

— Юйлайнэ, малыш, расслабься, все будет хорошо! — девушка начала ласково гладить мальчика по спине легкими массирующими движениями. Нежно шею, чуть посильнее плечи, круговыми движениями всю спину... Проскользнула и добралась до груди, нашла соски, погладила их. Спустилась, лаская, от подмышек до бедер, проскользнула снова к животу... Ниже... Бедра мальчишки уже готовы были двигаться ей навстречу, насколько позволяли веревки. Один палец, два, три... Можно попытаться вставить анфаллос. Мальчишка медленно насадился на него сам, практически полностью. Вынула, вставила, вынула, вставила... На четвертом или пятом цикле Эйн сменил ее и бедра мальчишки значительно оживились. Через некоторое время Эйна сменил Дэйниш, парнишка же бился и метался по скамейке. Еще через несколько минут все внешние признаки начали кричать о приближении оргазма. И тогда учитель подала знак вынуть анфаллос.

Юйлайнэ со всей силы несколько раз стукнул головой об скамейку. Потом затих, пока Дэйниш отвязывал его. Встал.

Фигурка у него была еще мальчишечья, черты лица нежные, почти девичьи. А вот возбужденный орган был уже вполне себе многообещающе внушителен. Но Айрин любовалась на чуть дрожащую от обиды нижнюю губку, нежный румянец щек, взгляд голубо-серых глаз, устремленный вверх, в угол зала.

— Кто тебе разрешал возбуждаться, раб?! — голос учителя зазвенел в тишине зала.

Девушка снова заковыристо выматерилась. Как она не подумала, что уж очень просто для профилактического наказания — обломать оргазм и все.

— У тебя есть две минуты чтобы успокоиться!

— Да, госпожа. Простите меня, госпожа... — щеки уже пылают, губка дрожит еще сильнее, в глазах блестят слезинки.

— Что они с ним сделают, если он не уложится за это время? — шепотом спросила Айрин у Дэйниша, как самого теоретически подкованного.

— Плетка, от тридцатника. Ему, наверное, сорокапятку выпишут. Только уже вам не отдадут, а сами развлекутся. Без разогрева флоггером,

само собой.

Парнишка, закрыв глаза, пытался сконцентрироваться. Айрин старалась любоваться на его лицо, а не следить за успехами.

— Умница! Можешь одеваться и идти к себе.

Эйн тихонечко протянул мальчишке тюбик с маслом иши.

— Ты хорошо подготовился к вечеру, как я смотрю! — Айрин нервно хихикнула.

— Я знал, куда еду и зачем. И подозревал, для чего нас пригласили на эти посиделки, госпожа.

В это время учитель подвела к ним Киайинурэ. Мальчик сумел раздеться сам. Вообще, судя по его взгляду, он был где-то далеко. Безропотно лег на спину. Закрыв глаза и абсолютно расслабился.

— Правильный подход, — одобрительно прошептал Эйн, — если бы еще не впал в панику в самом начале... У меня остался еще один тюбик с обезболивающим, госпожа, но ваш учитель стоит слишком близко. Протяните руку за спину, прежде чем будете вставлять стек, и я выдавлю вам на палец.

Айрин села сверху, на ноги мальчишке, расчехлила стек-фаллос, незаметно размазала по нему смазку.

— Помните, вы не можете взять член руками, госпожа, поэтому прикажите ему возбудиться, тогда будет удобно вводить стек.

Киайинурэ приоткрыл глаза, поймал взгляд девушки: «возбуждайся, малыш». Снова закрыл глаза и выполнил пожелание. Айрин медленно ввела стек, мальчишка даже не вздрогнул. Значит, нормально все. Сама сделала все сорок движений.

Где-то на двадцатом Киайинурэ стал тихо постанывать. И явно не от боли.

— Терпи, малек, в твоем случае лучше не кончить, чем сделать это раньше выписанной дозы, — Эйнри просто брызгал успокоительным оптимизмом во все стороны.

Мальчишка учел совет более опытного человека... Но все равно мотало его по скамейке примерно так же, как предыдущее чудо.

— Тридцать пять. Если хочешь кончить, у тебя есть пять движений. Замедлить? Ускорить? В том же темпе?

— Ускорить, чу-уточку, пожалуйста... Госпожа.....

Киайинурэ повезло гораздо больше, чем Юйлайнэ. Гораздо, гораздо больше. Парнишку колотило от оргазма почти минуту.

После того как последствия такого специфического наказания были убраны, настала очередь последней жертвы.

Для Айугийсти к скамейке в углах сзади привинтили два шеста с крючками. Руки мальчишки привязали в обхват, как и у предыдущих ребят, а вот ноги приподняли и притянули каждую к своему шесту. В расслабленном состоянии он, начиная от груди, просто бы висел в воздухе, как криво подвешенный гамак. Но в возбужденном одна часть этого гамака почти касалась сидения скамейки. При ударе флоггером бедра будут делать движение вниз, а член тереться о жесткую поверхность.

— Кожу сотрет до мяса... — грустно констатировал Дэйн.

— Да, не повезло пареньку... — сочувственно вздохнул Эйри. — Пятьдесят ударов может и вытерпит, но кончить потом не сможет... Он потом долго ничего не сможет...

Махать по новой флоггером девушка много не стала, сделала первую десятку, а остальное уже выписал Эйн.

Когда Айугийсти встал со скамейки, стало понятно, что пессимистичный прогноз полностью сбылся. Мальчишка не плакал от боли только из-за упертости характера.

— Будешь пытаться кончить или сразу идешь ко мне и получаешь свой сорокет? — одна из женщин, очевидно, воспитатель его группы.

На оба плеча девушки легло по руке. Удерживая и успокаивая. Да, главное для нее — это ее парни. А этих мальчишек годами прессовали, сейчас прессуют и еще долго прессовать будут. А купить их всех у нее денег не хватит. К тому же впереди еще третий пункт. Он покруче всего этого будет...

Мальчишка, всхлипывая, пошел к женщине, упал перед ней на колени, лег, головой в пол. Та отстегнула от пояса плетку и размахнулась. Айрин зажмурила глаза. Полвечера стегала по мальчишечьим спинам, смотрела как это делает Эйн, и нормально все было. А сейчас, увидев лицо этой воспитательницы и оценив силу замаха, захотелось спрятаться за спины своих мужчин и плакать, плакать, плакать...

Вжи-их!

— Считай удары, щенок!

— Два...

Вжи-их!

Айрин обернулась на учителя. Та строго смотрела на нее.

— Не смейте им показывать, что вам его жаль, госпожа! Уважать не будут!

— Знаешь, Эйн, куда им надо пойти вместе с их уважением?!

— Догадываюсь, госпожа...

Девушка вспомнила тренировки у зеркала и натянула на себя маску

бесстрастной скучающей стервы. Учитель одобрительно хлопнула в ладоши и махнула рукой в сторону стола: «А не пойти ли нам выпить что-нибудь?»

— Тридцать...

Вжи-их!

— Принесите ведро с водой, щенок потерял сознание. Похоже, придется все начинать с начала...

Девушка нашла руку кого-то из своих парней, судя по ощущениям, Дэйна. Сжала со всей силы. Получила нежный поцелуй в плечо, возле шеи, и тихий шепот: «С начала она начинать не будет, это запрещено по отношению к воспитанникам.»

— Простите, госпожа!

— Плюс десять ударов, раб!!! Считай!

— Тридцать один...

Вжи-их!

Рядом с девушкой, с другой стороны, возник Эйри.

— Смотрите, здесь есть ваши любимые яблоки, госпожа! Вам почистить?

— Да.

Дэйниш протянул ей кисть винограда в вазочке и держал, пока она ела. Эйри положил в вазочку почищенное и порезанное яблоко. Учитель с одобрительной улыбкой следила, как парни крутятся вокруг своей госпожи.

— Пятьдесят...

Вжи-их!

— А этот для профилактики. Проваливай к себе, раб...

Мальчишка попробовал встать, выпрямился, стоя на коленях, зажмурился, закусил губу и встал. Покачнулся. Теперь девушка сама вцепилась в руку Дэйниша, чтобы не кинуться на помощь. Мальчик сделал несколько шагов. Когда воспитательница отвернулась от него и пошла в сторону Айрин, Эйн, тихо перемещавшийся вдоль стола, как будто ища, что же предложить своей госпоже, кинулся к мальчишке, перекинул его через плечо и вынес из зала. Тут же вернулся обратно и продолжил бродить вдоль стола. Девушка обернулась к учителю, та старательно прятала улыбку, но погрозила брату пальцем. Парень виновато опустил голову, а потом прошелся взглядом от каблуков медленно вверх и быстро от талии в глаза, и снова взгляд в пол, рискованный шаг! Но учителю понравилось — она подняла вверх бокал и выпила. Здесь это было жестом одобрения. Но потом женщина показала рукой жест, имитирующий замах плеткой, и Эйн кивнул, склонив низко голову и прижав кулаки к груди: «Признаю свою вину,

больше не повторится».

Дальше парни только и делали, что отвлекали Айрин, а та старательно держала на лице бесстрастную маску. Потому что каждая из воспитательниц в свою очередь развлекалась, наказывая своих воспитанников из стоявших вдоль стен мальчишек. Некоторые наказания были традиционными, а некоторые инструменты Айрин увидела в первый раз. Причем, сразу в работе. Были там такие, увидев которые, не за что не догадаешься, для чего нужен. Но в работе сразу становится все понятно. Хотя девушка вполне могла бы себе позволить жить дальше в неведении.

В итоге она не удержалась и выпила два алкогольных коктейля, чтобы хоть как-то расслабиться. Но когда она тянула руку за третьим, Дэйн выдал бокал с соком.

Обняв свою госпожу за талию, он тихо прошептал: «Еще полчасика и можно уходить. Потерпите!» — и с эротичным придыханием: «Моя госпожа...»

Все когда-нибудь заканчивается. Закончился и этот кошмар. Следующий был назначен на завтра, после обеда.

11 тайя 327 года.

После обеда, во время которого кусок не лез в горло, хотя Айрин и старалась съесть хоть что-нибудь, девушка пошла следом за учителем к ее номеру, в соседний корпус.

В коридоре, у двери, стояли на коленях семеро.

— Выбирай, с кем будешь работать, дорогая, — и широкий взмах рукой на стоящих мальчиков.

— Надеюсь, в этот раз как положено? Только один?

— Да, дорогая. С двумя одновременно ты еще не скоро сможешь справиться.

В этот раз у Айрин за спиной не было ее любимых помощников, но и выбор сделать было проще. Первыми стояли двое мальчишек лет четырнадцати, потом парнишки чуть постарше, замыкал ряд парень лет восемнадцати. Вот к нему-то девушка сразу и направилась.

Запустила пальцы в волосы челки, подняла голову. Мальчишка не был классическим смазливый красавцем, но был очень обаятельным.

Он старательно отводил глаза, чтобы не встречаться с девушкой взглядом, наконец сдался. Стал понятен смысл такой долгой борьбы — страх, испуг. Сглотнул. Внимательно посмотрел в глаза девушке и, очевидно, увидел в них слабо скрытую под маской стервы жалость. В

глазах тут же засверкали недоверие, изумление, слабая надежда. Потом парень перевел вопросительный взгляд на женщину. Айрин проследила за направлением его взгляда и столкнулась со строгим взором учителя. Тут же сильно дернула парнишку за волосы, и их глаза снова встретились.

В глазах юноши вина, они говорят: «Простите, что я расстроил вас... Простите, что разозлил своим неверием... Простите, я не ожидал жалости в глазах женщины...»

Вина переходит в вопрос: «Вы теперь меня не выберете?»

Потом в мольбу: «Ну пожалуйста! Пожалуйста, по-жа-алуй-ста-а!»

Потом в безразличие: «Все равно... Мне уже ВСЕ все равно...» — и глаза отводятся в сторону.

Айрин вдруг, захотелось услышать его голос. Если у него голос будет таким же обволакивающе обаятельным, как и внешность, тогда уже точно выберет его. Хотя, можно подумать, у нее есть варианты.

— Как тебя зовут?

— Мийлийяш, госпожа, — взгляд снова обращен к ней, с надеждой «Выберете?! Все-таки выберете?!»

— Милаш? Тебе подходит, — и девушка, не удержавшись, нежно провела рукой по щеке.

Всем лицом к ней навстречу, глаза от удовольствия закрыты... И тень тени улыбки.

— Вот этот!

— Хороший выбор. Его госпожа передала мне все права на него, полностью. Так что, если сдашь и последний пункт так же хорошо, как первые два, я соглашусь тебе его продать. Если ты, конечно, захочешь.

Мальчишка замер, даже боясь дышать. Чтобы не спугнуть птицу счастья, так неожиданно раскрывшую над ним свои крылья.

— Посмотрим. У меня и так их пятеро, вы же знаете. Хотя мальчик, конечно, милый. А чем он так расстроил свою госпожу?

— Он? Отказался стать мужем ее подруги. По-хорошему, его надо укротить и все-таки отдать той госпоже, но она сказала, что ей он силой не нужен.

Паренек виновато опустил голову, потом исподлобья взглянул на девушку. Убедился, что она не сильно в нем разочаровалась, успокоился.

Учитель в это время приказала остальным мальчикам возвращаться к ней в комнату. А Мийлийяшу — идти за ними.

Для подготовки к сдаче третьего пункта экзамена использовали хранилище инструментов. Там была небольшая смежная комната, где было все минимально необходимое оборудование.

У входа в кладовую у парнишки случился ступор. Он испуганно разглядывал развешанное и разложенное оружие наказания и укрощения. И явно тоже не подозревал, для чего предназначена большая часть этого. Но выглядело все устрашающе, и при должном воображении представить, как же можно использовать не самые общепринятые в обиходе инструменты, было вполне возможно. А Мийлийаш от отсутствия воображения явно не страдал.

Губы у него чуть приоткрылись, глаза стали несколько больше, брови начали изумленное движение вверх. Айрин, обернувшись, встретила с его испуганным взглядом и успокаивающе кивнула. Не то, чтобы это сильно помогло, но войти парень рискнул.

Мгновенно оказался рядом с девушкой, у нее за спиной.

— Я рада, раб, что ты заранее демонстрируешь свою преданность возможной новой госпоже, — голос учителя сочился ядом, — но сначала она должна успешно сдать экзамен. А если ты сейчас разбудишь в ней жалость, то, боюсь, у нее ничего не получится.

Парень сначала несколько секунд исподлобья смотрел на женщину, потом перевел взгляд на Айрин. Потом — в пол. Вздохнул. Снова испуганно посмотрел на девушку. Исподлобья и искоса.

Та сделала приглашающий жест рукой в сторону комнаты, в которой им придется провести вместе большую часть последующих нескольких дней. Пока учитель не одобрит результат — идеальную покорность.

Мийлийаш храбро вошел, сделал два шага и остановился окаменевшей статуей. Вдохи и выдохи стали короткими, поверхностными и частыми. Глаза становились все больше и больше. Губы снова чуть приоткрылись и нижняя начала еле заметно дрожать.

Айрин обошла мальчишку, встала к нему лицом. Он был не очень высок по местным меркам, всего на сантиметров десять выше самой девушки. Поэтому их глаза оказались практически на одном уровне.

— Смотри мне в глаза и успокаивайся. Успокаивайся! Дышим медленнее, глубже. Вдо-ох. Теперь вы-ыдох. Спокойнее. Еще спокойнее. Волноваться и бояться надо было раньше. Почему ты отказался стать мужем подруги своей госпожи?

Юноша дышал грудью, но спокойно, как приказали, медленно и глубоко. Когда прозвучал вопрос, он как раз делал вдох. Так и застыл. Умоляюще глядя на девушку.

— Я задала тебе вопрос, раб! («Ну, не провоцируй меня, мой хороший! Я заберу тебя к себе, найдем тебе хорошую госпожу, только не провоцируй меня! Выбирая между ломкой тебя по-настоящему или жалостью в ущерб

моим мальчикам, я не буду думать ни секунды»). Отвечай!

— Простите, госпожа! — парнишка испуганно падает на колени, головой в пол, прижимается к ногам девушки. Его всего трясет... — Она хотела, чтобы я принес ей клятву полной верности, а я... Я оказался к этому не готов!

— То есть, ты был готов стать ей преданным мужем, но не был готов стать личным рабом?

— Да, госпожа.

Девушка посмотрела на нахмуренное лицо учителя. Та подала знак, что надо бы выйти за дверь и переговорить одним.

— Стой вот так и жди меня здесь.

— Да, госпожа.

Айрин вышла следом за женщиной.

— Я правильно помню, что клятва верности приносится только по инициативе самого раба?

— Да, дорогая. Подруга его бывшей госпожи нарушила правила, и я очень надеюсь, что сама его бывшая госпожа об этом не знает. Она моя дальняя родственница, не хотелось бы проблем в семье. Давай исходить из того, что наказывать раба всегда есть за что. Но я готова дать небольшую поблажку во время испытания. Обычно рабу предлагается испытывать два противоположных ощущения, обычно боль и наслаждение. Иногда жар и холод. На одно ему необходимо показывать реакцию, на другое — запрещено. Я готова разрешить ему не демонстрировать оба чувства. К тому же я не буду настаивать на полной ломке, пусть покажет безропотную покорность, этого будет достаточно. Полного растворения в мастере добиваться не будем. Думаю, за два дня ты справишься. Мальчиков своих к нему активно не подпускай! Это только твой экзамен. Но зато и я тебе мешать не буду. Пойду разбираться с ситуацией. Надеюсь, удастся все решить не привлекая Дворец.

Айрин вернулась к стоявшему на коленях Мийлийяшу.

— Раздевайся, раб.

Парень, волнуясь, разделся. Снова испуганный взгляд исподлобья и приоткрытые губки.

Матерь Сущего, как ее добиться, этой безропотной покорности? Запугать или приручить?!

— Значит так, мальчик, у нас с тобой есть два дня. К окончанию срока ты должен выполнять любой... Слышишь меня, Мийлийяш?! Любой! Мой приказ. Безропотно. И продемонстрировать всем твое умение управлять своим телом. По моему приказу. Как ты думаешь, что мне надо для этого

сделать?

— Я готов безропотно выполнять все, что вы пожелаете уже сейчас, госпожа, — снова взгляд исподлобья, испуганно-умоляющий, плавно переходящий в виноватый, — но я очень плохо умею владеть своим телом. Очень плохо, госпожа.

М-да, подстава притаилась там, где не ждали.

— Что ж, будем учиться. Не успеем за два дня, будем учиться дольше... Начнем с простого. Возбудись за... за две минуты. Время пошло.

Айрин включила таймер на часах.

Мийлийяш справился. Правда, на щеках у него заиграл румянец, нижнюю губку он стыдливо закусил и глаза неотрывно смотрели в пол.

— Умница («Прилипло же это слово!»)! А теперь давай обратно. Успокаивайся. Время то же.

Не справился.

Настало время вызывать играющих тренеров.

Набрала сообщение, отправила. Махнула рукой Мийлийяшу, чтобы продолжал, а сама села в единственное в комнате кресло и положила ноги на подлокотник.

Парень только поднял глаза на девушку — и все его небольшие успехи по успокоению были утеряны. Горестно шмыгнув, он начал пытаться снова.

В это время в дверь кладовой постучали, и Айрин пошла открывать. На пороге стояли ее мальчишки.

— Значит так, вот там, — девушка махнула рукой в сторону маленькой комнаты, — моя успешная сдача экзамена. И он абсолютно не умеет управлять своим телом, но чем скорее он этому научится, тем скорее мы поедем домой. Задача ясна?

«Да» и «Да, госпожа».

— Я в вас верю! Вы по очереди учите, я сижу в кресле и умиляюсь. А пока принесите мне фруктов, воды и сока.

Дэйниш рванул за едой, Эйн вальжной походкой пошел знакомится с «пропуском домой».

— Этот, что ли, госпожа?

Мийлийяш испуганно уставился на молодого мужчину, который явно не входил в его программу сегодняшних развлечений. Дыхание снова стало испуганно-неровным.

— Значит так, слушай меня внимательно и запоминай. Мы с другом здесь уже неделю, устали до тошноты, тем более меня дома парень ждет. Так что, как ты понимаешь, в наших интересах обучить тебя за

сегодняшний вечер. А на госпожу щенком напуганным не смотри, она вчера свою норму по таким щенкам выполнила и перевыполнила. И домой ей хочется еще больше, чем нам. Теперь объясняю теорию. Клевою мантру выдумывать нет времени, поэтому тупо считаем до ста и дышим. Давай, начали. Сначала поставить не забудь. С этим-то проблем нет, надеюсь?

В это время вошел Дэйниш с корзиной фруктов и кувшином сока. С интересом осмотрел Мийлийяша, перевел взгляд на Эйна, подняв вопросительно бровь.

— Выясняю, полный у нас провал или только на опускание.

Щеки у парнишки уже просто пылали, периодически, несмотря на предупреждение, он кидал испуганные взгляды на девушку.

— Нет, поставить я могу... Мог... Сейчас не уверен.

— Что тебя смущает? Зрители? Во время сдачи будет еще человек так плюс сто-двести. Ставь давай, не выделяйся. Две минуты. Время пошло.

Мальчишка обреченно вздохнул и искоса посмотрел на Айрин, сидевшую на кресле. Уложился быстрее, чем надо.

Эйнри с Дэйнишем переглянулись. Парень понял, что его выбор для вдохновения не оценили, но сам процесс засекли, и покраснел еще больше. Хотя казалось, что больше уже некуда.

— Давай, очаровашка, считай и дыши. На счет «сто» у тебя все должно лежать. И глаз от госпожи не отводи. Вслух считай.

Парни прерывали, давали советы, как расслаблять мозг, как полностью погрузиться в счет. Снова ставили, снова прерывали. Где-то после десятка начала проявляться проблема с подъемом. Решили, что надо передохнуть.

— Госпожа? Ему бы кончить...

— Пусть кончает, я не против. Или вы хотите оказать ему посильную помощь? — Айрин ехидно улыбнулась и подмигнула брату.

Мийлийяш упал на колени и подполз к креслу девушки.

— Госпожа! Пожалуйста...

— Оба-на! — Эйн с изумлением смотрел на парня, как будто увидел природное ископаемое или редкий раритет. — Мы тебе так не нравимся?

Юноша замотал головой:

— Не в этом дело...

— Ты что, целка что ли? — типа «пошутил» Дэйн.

Мальчишка, сжавшись в комочек у кресла, испуганно закивал, преданно заглядывая всем в глаза.

Все изумленно переглянулись. Для Венги это было большой редкостью.

— Мы вроде говорили о добровольном беспрекословном подчинении,

раб?

Мийлийяша начало слегка потряхивать. Потом он глубоко вдохнул:

— Если госпожа прикажет...

— Да нет, думаю, что пока не прикажет. Встань с колен, подойди вон к той стенке. Да. Смотри на меня и давай, поработай ручкой.

Парни взяли по яблоку, сели на пол с двух сторон кресла и тоже приготовились смотреть шоу.

Мийлийяш пылал, как мак. Но природа оказалась сильнее смущения. Когда дело начало двигаться к разрядке, Эйн начал тереться щекой об руку Айрин, потом переполз за креслом к Дэйну, сел так, чтобы тот оказался у него между ног, прижал к себе как можно плотнее. Запустил руки к нему в штаны спереди. Бедняга Дэйниш, которого зрелище тоже возбудило, почувствовав спиной мощную эрекцию друга, руки которого в это же время начали ласкать его возбужденный член, тоже вспомнил, что умеет краснеть.

— Как мы отсюда уходить будем, если сейчас оба кончим в штаны, скажи мне? — тихо, сквозь зубы, прошипел он Эйну.

— А мы их сейчас снимем и покажем тому мальчику-обаяшке, что он теряет.

— Ты спятил? Я при госпоже...

— А почему ты меня так стесняешься, волчонок? — Айрин решила вмешаться в их разговор на ультразвуковых волнах.

Дэйн продолжил краснеть. В это время Мийлийяш издал несколько стонов подряд и кончил. Так как руки Эйри продолжал ласкать член Дэйниша, его мозг ослабил контроль, голова откинулась другу на плечо, собственные руки начали искать, во чтобы вцепиться покрепче... Девушка спустилась с кресла, заботливо расстегнула ширинку, и Дэйн, чуть приподнявшись, выгнулся в бедрах, помогая снять с себя мешающий кусок ткани. Брюки были спасены в последние секунды. Пролежав минуты две на Эйне и восстановив дыхание, Дэйниш натянул штаны обратно, развернулся к другу и стащил брюки уже с него. Эйри встал, взял Дэйна за волосы и, практически, надел ртом на свой член. Потом ласкал черные шелковистые волосы, перебирал, пропускал их через пальцы... Иногда шептал что-то типа: «Да, да..», «Быстрее, Дэй, быстрее же!»... Потом: «Сейчас, вот-вот, сейчас...». И кончил. Дэйниш поднял на любимого счастливые глаза. А Эйн опустил рядом с ним на колени и поцеловал, нежно, благодаря. Потом встал и исправил беспорядок в одежде.

Парнишка смотрел на все это, находясь в легком шоке. И немного с завистью.

— Ну что, отдохнули, мальчики? Время перекусить и продолжить.

Мийлийяшу выходить было нельзя, так что ему пообещали принести еду в место заключения.

Еще с десятков «поднял-положил» — и эти два этапа можно было засчитывать. Снова показательный оргазм у стенки, в этот раз оба парня просто вышли. «Посмотреть коллекцию. Дома же такой нет».

Теперь оставался этап «Кончи по приказу, без помощи рук». Парнишке объяснили теорию, выдали песочные часы, пожелали спокойной ночи и ушли спать.

12 тайя 327 года.

Утром, после завтрака, Айрин, с корзинкой еды, пошла к пленнику. Он спал, свернувшись калачиком, на ковре. Ресницы нежным веером, губки чуть приоткрыты, руки спрятаны между ног. Будить такое чудо было жалко, но от пристального взгляда девушки Мийлийяш проснулся сам.

Тут же быстро подскочил на ноги. Перед сном юноша оделся, но утреннее возбуждение не скрывали даже широкие штаны. Проследив за взглядом госпожи, Мийлийяш начал постепенно зарумяниваться.

— Доброе утро. Как успехи?

— Доброе утро, госпожа. Ну... Я же физически слишком много тренировок провести был не в состоянии, — и просительно-умоляюще: — Мне бы душ принять.

— Хорошо. Я узнаю насчет душа. И насчет того, по чему тебя еще тренировать надо. Завтракай пока.

— Спасибо, госпожа.

Девушка с трудом нашла учителя и получила добро на прием душа. Заодно выяснила подробную схему демонстрации. Кончить на время могут попросить, да. Не справится — это не проблемы Айрин. Ее проблема — покорность и наказание. Она же не мастер, а всего лишь сдает выпускной экзамен.

Главное, научить парня терпеть боль и наслаждение. Тренировки, тренировки, тренировки...

Вернувшись, нашла парней втроем за поеданием пирогов и дружественным общением.

— Ну, сначала сообщаю хорошую новость, можете отвести вашего нового знакомого к нам в комнату и предоставить ему душ. Так что, как наедитесь — вперед.

— Госпожа? Вы расстроены? Будет и плохая новость? — Дэйниш

напряженно смотрел на Айрин.

— Да. Будет и плохая. Если Мийлийяша попросят кончить без помощи рук на время и он не сможет, то его накажут. Но главное не это. Главное, чтобы он смог продержаться спокойно, не выдавая телом никаких реакций ни на боль, ни на наслаждение.

Юноша покраснел, виновато опустив глаза в пол.

— Тикусйо! Ты и этого не сможешь?

— Да где тебя вырастили? Мимоза декоративная! — Эйн был одно сплошное изумление.

— В Космопорте... У меня мама там работала.

— А как тебя тогда сюда занесло?! — изумился Эйн еще больше.

— Мама уехала к отцу, а меня отвезла к своей сестре, которая ее дочь воспитывала. Ну я почти сразу перешел к ней...

— К своей сестре?

— Да, госпожа.

— И она хотела отдать тебя в гарем своей подруге, а потом передала своей родственнице на ломку?!

— Да, госпожа. Мне нравилась подруга сестры, очень! Я просто оказался не готов к клятве... Наверное, если бы я знал, чем все закончится, то поклялся бы во всем и всем.

— А сейчас?

Юноша замер, потом отрицательно замотал головой.

— Я не смогу им снова доверять так, как раньше... И они для меня ничем не будут отличаться от остальных. Вам я доверяю сейчас больше.

Девушка заковыристо матюгнулась про себя и снова пошла к учителю. Научить парня за несколько дней не реагировать на боль — это не к ней.

— Давай так, дорогая. Или ты его дрессируешь, хоть неделю, хоть месяц, но так, что он не реагирует ни на боль, ни на наслаждение, экзамен тебе засчитывается, платишь минимальную стоимость и увозишь его с собой. Или я его забираю, дрессирую до идеального наложника и продаю на рынке. Выбирай. Ах, да! И для сдачи экзамена тебе придется тогда выбрать себе другого раба.

Девушка обреченно пошла обратно. Мийлийяш уже принял душ и теперь, волнуясь, ожидал решения своей участи.

Решение его ошеломило. И не только его. У Эйнри и Дэйна приличных слов для реакции на все происходящее тоже не нашлось.

— Мы, тля! Должны будем за несколько дней обучить его такому контролю за телом, которому учат год?!! Понятно, когда расслабился и надо скорректировать. Но когда вообще не владел?!

Девушка эмоционально объяснила, что вариантов нет. Она с пацанами младше семнадцати ничего общего больше иметь не готова. Ее еще от последствий второй части экзамена не отпустило. Да и передать сейчас Мийлийяша из рук в руки учителю и компании она тоже не сможет. Так что, грубо говоря, все поставлены в интересную позу без выхода. Или плохо, или совсем плохо. Как-то так.

Юноша слушал всех очень внимательно. И Айрин, и Эйри, и Дэйниша. Потом встал, нашел на полках плетку и флоггер, взял и, стоя на коленях, протянул девушке.

Обсуждения прекратились на полуслове. Как-то все забыли, что рядом с ними сидит живой человек, тоже заинтересованное лицо.

— Мне совсем раздеваться, или как? — голос все же чуть сыграл от волнения.

— Совсем. Сначала будем учиться получать от боли наслаждение.

Эйри поймал умоляющий взгляд своей госпожи и обреченно понял, что обучать придется в основном ему. Правда, ситуация усложнялась тем, что Мийлийяш абсолютно не реагирует на мужчин. Значит, обучать придется двоих. Одну, кстати, на свою и Дэйна задницу.

* * *

Чтобы получать кайф от боли, надо или с этим родиться, или долго и старательно этому в детстве обучаться. Или поставить тело перед фактом — или кайфуем, или нам кирдык.

Тело юноши было привязано к скамейке и поставлено перед фактом. Сначала девушка возбуждала это тело до предельного предела, потом брала флоггер и доводила до оргазма. Сначала лаская нежной мягкой кожей флоггера, потом удары с легким взмахом, потом сильнее, сильнее... По всему телу, с замахом. По самым интимным местам, нежно. Потом отдыхали. Иногда использовали кольцо-контролер. Иногда просто в последний момент все прекращалось и надо было быстро успокоиться. Через несколько дней реакция на флоггер у тела была однозначной. При виде его в руках Айрин тело Мийлийяша возбуждалось и тянулось навстречу, бедра раскрывались, дыхание учащалось. Теперь можно было переходить к более сложным инструментам и играть с болевым порогом.

Еще через несколько дней был найден порог перехода от наслаждения болью к просто боли, и даже удалось перейти от просто боли к состоянию полного погружения внутрь себя.

Смысл, правда, был как раз в том, чтобы держать в зоне наслаждения. Если никто не полезет проверять и тестировать, то как раз будет наслаждение болью и просто наслаждение...

И тут! О, Матерь Сущего! До Айрин совершенно неожиданно дошла одна маленькая, лежащая на поверхности, истина. Мийлийяш не сможет получить наслаждение от анального секса, вернее сможет, но... Над этим тоже придется поработать.

— Мий, малыш, пришло время лишиться невинности.

Юноша испуганно посмотрел на девушку.

Вчера у него было что-то сильно похожее на нервный срыв. Когда после завтрака и душа ему не выдали стандартный утренний сеанс, а парни сели вокруг и стали грузить его теорией: различным способам погружения внутрь себя, оставляя тело неподвижным и с иллюзией присутствия сознания. И вот где-то через час парнишка подполз к ногам Айрин, заглянул ей в лицо и испуганно прошептал: «Госпожа... Я сейчас испытываю странное желание схватить с полки флоггер или плетку, протянуть их вам, а самому лечь, закрыть глаза и расслабиться. Мне страшно!»

Дэйн с Эйри многозначительно переглянулись и вышли из комнаты, оставив девушку наедине с напуганным Мийлийяшем.

А тот сидел, привалившись спиной к креслу, прижав к себе ноги и уткнувшись носом в колени. И тихо шептал: «Я нормальный... Я нормальный... Все скоро закончится, и я снова стану нормальным...». Айрин тихо гладила его по голове, как маленького ребенка. Очень бы хотелось надеяться, что он прав. Но гарантий она никаких дать не могла. Человеческий мозг — орган хрупкий и нежный. Если бы Мийлийяш проходил через руки опытного мастера, шансов у него точно не было. Но и сейчас девушка наблюдала, как их связь, построенная на болевых ощущениях, растет и крепнет. Оптимальным было бы потом пристроить парнишку в хорошие руки, с которыми у него не будет общих воспоминаний о плетках, флоггерах, и прочих подобных радостях. С трудом успокоив юношу, решила устроить ему выходной. В конечном счете они уже смирились с тем, что быстро домой попасть не удастся. Так что лучше еще один день потерять, чем человека.

И вот сегодня на девушку свалилось осознание того факта, что Мийлийяш — местное декоративное растение, выращенное в оранжерее под названием «Космопорт». Натуральное такое растение.

— Мий, малыш, пришло время лишится невинности.

Юноша испуганно посмотрел на девушку. Ему уже несколько раз в красках и пошагово объясняли, как проходит демонстрация. Но у него в голове не складывались «лежу на спине и получаю наслаждение» и «анальный секс». У парней тоже, похоже, не сложилось. Но быстро дошло. «Тля!», «Тикусйо!». Ага, именно...

— Нам, наверное, лучше уйти, госпожа? — Эйн подкинул девушке в руки очередной одноразовый тубик с обезболивающей смазкой.

— Да, наверное, в первый раз лучше мы побудем вдвоем.

Когда за парнями закрылась дверь, Мийлийяш поднял на девушку испуганные глаза: «А зачем?!»

Получив объяснение затих, уставился в одну точку. Айрин уже приготовилась к новому нервному срыву...

— Вы же будете со мной ласково, да? — и в глазах что-то среднее между страхом, надеждой и предвкушением очередной порции новых ощущений.

Девушка прошла взглядом по полкам, выбрала небольшой и не очень толстый анфаллос, идеально подходящий для первого раза. Юноша пытался проследить за ее взглядом и оценить выбор. Но Айрин, подойдя к нему близко-близко, взяла его за подбородок и повернула так, чтобы он смотрел ей в глаза.

— Расслабься. Ты же хотел почувствовать себя нормальным? Ну вот. С тобой рядом девушка, чувствуй, наслаждайся, действуй!

— Но...

— Забудь про все «но». Просто расслабься. Ты в школу при Космопорте ходил?

— Да...

— В старших классах к девушкам приставал?

— Меня бы мама...

— Мамы здесь нет. Приставал?

— Нет...

— Мий? У тебя и....

— Да! У меня никого не было! Я свой первый оргазм с чужой помощью получил от вас, под флоггером!

— Как... Как твоя мать решила оставить тебя здесь?!

— Она еще раз была беременна, снова мальчиком. Поэтому и улетела к

отцу. И... И не смейте меня жалеть!!!

Мальчишка схватил Айрин за плечи, притянул к себе, поцеловал... Неумело, но страстно. Оторвался. Обнял девушку чуть ниже талии, прижал ее бедра к своим. Снова поцеловал. Отпустил. Отошел на шаг назад.

— Простите...

— Мий?

Дыхание неровное... Возбужден. Странно.

— Что не так, Мий?

— Я... Просто я... Не знаю, госпожа.

— Волнуешься?

— Немного.

Айрин обняла юношу за шею, поцеловала рядом со скулой, уголки губ, потом в губы.

— Мий, ты уже готов, теперь надо возбудить меня.

Парнишка испуганно сглотнул, на лице изобразив вопрос «А как?».

Давно уже Айрин не приходилось иметь дело с неопытным партнером. Это если засчитывать школьный опыт, который закончился на стадии поцелуев.

— Ну сначала ты меня нежно целуешь... Вот здесь, — девушка провела от мочки уха вдоль скулы, — потом ласкаешь и медленно раздеваешь, заодно целуешь там, где раздеваешь. А потом на месте ориентируемся.

И девушка закрыла глаза, полностью передав Мийлийяшу инициативу. А что? Он хотел почувствовать себя нормальным?

Иногда она нежно брала его руку в свою и показывала, как надо действовать. Как неопытному ученику, выписывающему на планшете свои первые буквы.

Ученик оказался способный, и скоро девушка уже была готова приступить к основному акту лишения Мийя невинности. Но сначала она выползла из под него, взяла с полки любовно выбранное орудие, а из кармана — тюбик со смазкой. Села на пол, облокотившись об кресло, а юношу положила на спину, перед собой. Закинув его ноги на подлокотники.

— Закрой глаза и полностью расслабься. Полностью! Не думай ни о чем, ничего не бойся, просто лежи и старайся, чтобы все-все твои мышцы были расслаблены. Да, именно вот так.

Айрин нежно размазала смазку между ягодиц, у зоны входа и внутри. Часть выдавила и размазала по анфаллосу. Сначала чуть растянула проход пальцами и вставила. Сделав несколько движений, оставила инструмент

внутри и затянула парнишку снова на себя.

Когда он вошел в нее и начал двигать бедрами, девушка за ручку тоже начала двигать анфаллос внутри тела Мийя. Нежно, медленно, не на всю глубину. Но Мий сам начал пытаться получить двустороннее удовольствие. То глубоко входя в Айрин, то со всей силы надеваясь на фаллоимитатор.

Когда появились уже изученные до вдоха и стога признаки приближения оргазма, девушка тихо прошептала: «Можешь кончать в меня».

Вынимать анфаллос сразу девушка не стала. Она планировала дать парню отдохнуть немножко и повторить, но уже только с одной стороны.

27 тайя 327 года.

В итоге экзамен Айрин сдала. И Мийлийяша выкупила. И, наконец-то, они вчетвером летели домой. Дэйниш с Эйри сидели и боялись того, что наворотили за время их отсутствия Лей и Вилайди. Айрин сидела и думала, как можно использовать абсолютно натурального парня, практически без сексуального опыта, получившего образование при Космопорте, разбирающегося в космических кораблях и имеющего за плечами успешный опыт их пилотирования. Оптимальнее всего было какими-то хитрыми путями отправить его продолжить обучение в лагере по подготовке космолетчиков. Там давалась двухлетняя базовая подготовка по всем специальностям, а потом еще несколько лет по выбранной. Все хорошо, только лагерь был женским. И обучали там с шестнадцати лет. Мий был девятнадцатилетним парнем, по всем параметрам — мимо. Ну а при Космопорте была только школа, высшее образование улетали получать на другие планеты.

Мийлийяш старался ни о чем не думать, просто радовался, что кошмарный этап в его жизни остался позади. И очень надеялся, что теперь у него все будет хорошо.

Глава 10

27 тайя 327 года. Дом Вайнгойртов.

Надо было видеть лица Лея и Вилайди, когда из такси вывалились сначала Эйн с Дэйнишем, потом Дэйн подал руку и помог выйти Айрин, а в конце тихо, шушаркой, вылез Мийлийяш.

— Вот нам народу в гареме не хватало! — возмущенно буркнул Лейхио.

А Вилайди напряженно пытался понять, спал уже с этим парнем Эйнри или не спал. И какие у того планы относительно новенького.

Сабина, кинувшаяся навстречу племяннице, забыв про возраст, тоже краем глаза оценивала очередную игрушку. Она что-то подобное подозревала, конечно. Ее сердобольная девочка наверняка должна была притащить с собой одну, а то и две жертвы ее выпускного экзамена.

Правда, рассчитывала она на мальчишек-выпускников, а этот зверек явно был старше. И невысокий какой, просто ужас! Чуть выше племянницы. Но зато как на нее смотрит!

— Это результат твоего первого опыта по ломке, дорогая?

— Да, не могла же я его бросить?!

— Конечно, милая, не нервничай только! Конечно, надо было привезти мальчика с собой. Пусть он будет с тобой рядом. Какой удачный первый опыт, ты просто молодец, моя девочка! Он же взгляда от тебя не отрывает... В каком статусе он будет у тебя в гареме? Отдашь его мальчишкам?

Мийлийяш испуганно всхлипнул и преданно уставился на свою госпожу. Этого ему показалось мало и он опустился на колени сбоку от нее. Продолжая испуганно пытаться поймать взгляд девушки.

— Да помню я, помню, что ты мимоза декоративная! — ласково потрепала Айрин парнишку по макушке.

— У нас теперь в гареме есть редкий для Венги экземпляр, Сабина. Выращенный в Космопорте.

— Ух ты ж! Целка, что ли?! — возбудился от любопытства Лейхио.

Вилайди выдохнул и расслабился. Насиловать этого парня госпожа не даст, а сам он на эксперименты свою задницу предлагать не торопиться — вон как трясет. Так что новых конкурентов пока не появилось. А вот если бы салажат после Джордана навезли, пришлось бы их палкой от Верхнего

отгонять. Или его от них.

Вот, помнится, когда он здесь только появился, сам отчитывал Верхнего за сцены ревности. Иех, что он тогда в ревности понимал?

— Малек, ты так и будешь стоять как памятник великим первооткрывателям? Или может все-таки подойдешь и поцелуешь?! Я по тебе соскучился, между прочим!

Вилайди, вспыхнув, кинулся к Эйври на шею. Тот нежно целовал его в лицо: «Котенок мой! Рыжик! Я так без тебя скучал!». Потом схватил и потащил в их комнату.

Дэйниш проводил пару взглядом, закусив губу. Потом посмотрел на госпожу, которая оживленно общалась с Сабиной и Лейхио, одновременно глядя по голове стоящего рядом на коленях Мийлийяша. Девушка, почувствовав взгляд своего волчонка, прервала разговор и поманила его к себе.

— Ну ты-то не мог по мне соскучиться, золотко?! Мы же все время вместе были. Или ты к нему (Айрин за волосы челки слегка дернула голову Мия вверх) ревнуешь?

— Нет, что вы... — глядя в сторону соврал Дэйш. Да его просто разрывало от ревности! При этом он понимал, что парень не виноват в том, что произошло. А обвинять госпожу, что она выбрала себе еще одного мужчину, тоже как-то... Неправильно. И все равно — было еще обиднее, чем в первый день. Когда он вышел из ванны и увидел, какими глазами госпожа — его госпожа! — смотрит на Эйври. Но тут все было понятно, так же как и с Лейхио. Он не такой, как они. Он — ее волчонок. Но сейчас его место нагло узурпировали!

Да, он никогда бы не смог стоять на коленях во время разговора с вот таким вот отсутствующим выражением лица. Тикусйо! Он опять не получился!! Попробовать сломать себя до состояния этого паренька? Не выйдет. Натурально и естественно, так, как он это делает сейчас — не выйдет, тля! Да и не хочется, при Лейхио. Сгнобит потом подколками. Тикусйо!

Тут Айрин решила сжалиться над своим волчонком и протянула ему свободную руку. Дэйниш тут же сжал ее и почувствовал себя нужным.

Девушка как раз закончила рассказывать про их злоключения и потащила, за одну руку — Дэйна, за другую — Мийя, в свои комнаты. Лейхио пошел следом самостоятельно.

Он, конечно, тоже соскучился по госпоже. Да и по парням, если уж честно. Уезжали всего на одну или две недельки. А не было их целых двадцать пять дней. Почти месяц! Месяц они с Вилайди занимались

управлением делами дома. Больше никогда не впишется в подобный разврат! Это же сплошной гиммор и головная боль! Хорошо, хоть Вил взял на себя почти всю отчетность, а то при виде всех этих циферок, дебетов, кредитов... Его уже через неделю тошнило!

А парнишка интересный. Сломанный, но не до конца. Вон глазенками так и стреляет в разные стороны. Присматривается. Вместо того, чтобы на госпожу тупить, взгляда не отводя. Надо будет сейчас одну идейку проверить...

Лейхио степенно вошел в гостиную, где уже на ковре сидел Мийлийяш, у ног госпожи. А второе кресло занимал Дэйниш с лицом абсолютно не ревнующего мужчины.

Лейхио плюхнулся на диван, оглядел идеалистическую картину и, хмыкнув про себя от удовольствия, начал игру.

— Так что мы будем делать с парнишкой? Сразу портить или подождем, пока Дэйн окончательно озверееет? Или вы его, госпожа, Эйври в качестве второго Нижнего подарите? Мне не надо, сразу предупреждаю, а то Сайни убьет.

Как и ожидалась, госпожа задумалась. Сразу заявлять, что мальчик будет только с ней, не стала. Это хороший знак.

А вот парнишка занервничал. И опять же, как и ожидалось, преданным щенком госпоже в глаза, только хвостиком не виляет. Смотрите, какой я ласковый и послушный. А вот и нет, парень! Через гарем таких ласковых и послушных толпа проходит, не обманешь. Не сломали тебя, ты просто влюбился в нашу госпожу, и я тебя понимаю. Но Дэйна подсидеть не дам. Ты — неведомая зверушка, а он уже привычный и проверенный.

— Знаете, мальчики, я как раз хотела с вами посоветоваться. Насчет Мийлийяша... Мне кажется, самым правильным решением будет отправить его в Академию, учиться на космопилота.

— Ух ты ж!

Лейхио аж привстал с дивана. Дэйниш, наоборот, еще плотнее слился с креслом. Оба мужчины в шоке переваривали эту смелую идею.

— Понимаете, он здесь сломается до конца.

«Ага! — подумал Лейхио, — Госпожа тоже понимает, что мальчишку еще ломать и ломать».

— А если нам удастся как-то вывезти его с планеты, — продолжила развивать свою мысль Айрин, — у нас будет, во-первых, прецедент, во-вторых, свой пилот корабля. Согласитесь, пригодится. И первое, — девушка выразительно погладила свой живот, — и второе.

— Осталось только продумать, как все это провернуть, госпожа, —

сделал снисходительно-отеческое выражение лица Лейхио.

— А думать, мой хороший, будешь ты! — ехидно подмигнула ему Айрин. — Я выдам тебе пропуск в Космопорт недели на две. Сольешься в экстазе с Екки и Крисом, и придумаете что-нибудь. Денег у нас много, если что.

— Вот спасибо, госпожа, удружили с заданием! — не упустил шанса съехидничать Лей, но на самом деле был доволен. Паренька, и правда, лучше всего куда-нибудь поскорее и подальше сплавить, пока госпожа к нему не привыкла. А уж дальше, чем на другую планету, придумать невозможно. Пять дней пути на скоростном пассажирском!

Мийлийяш сидел и переваривал услышанное. Его отправят учиться в Академию? Матерь Сущего, неужто ему и правда так повезет?! Да если только ради этого он должен был пережить последние кошмарные недели, оно того стоило!

* * *

Вечером из комнаты вылезли утраханные Эйри и Вилайди. Дейн пересказал другу планы госпожи насчет свежего приобретения.

— Послушай, ты только не заводишься сразу, но мне кажется, или ты к нему ревнуешь?

— Тикусйо! Да что вы все, сговорились, что ли?! Не ревную!

— Ты кого обмануть сейчас хочешь? Меня или себя?

— Да пошел ты!

— Понял, значит себя...

— Тикусйо!! Я не ревную! Нет! Я злюсь...

— На кого, если не секрет?

— Не знаю, на кого... На себя больше всего.

— Трахаем мозг? Понятно... И в чем ты перед собой провинился? — интонация Эйри стала снисходительно-ехидная.

Дэйн сначала стукнул кулаком в стену, рядом с головой друга, потом попытался объяснить, сформулировать внятно то, что его мучило. Эйн слушал очень внимательно и даже снисходительное выражение лица стер.

Потом обнял друга за плечи и молча повел его к госпоже. Под дверью в спальню Дэйн попытался упереться, но был настойчиво запихан в комнату. Айрин дремала, Мийлийяш сидел на ковре.

— Давно спит? — шепотом спросил у него Эйн.

— Я не сплю, мальчики, просто лежу. Что-то так быстро уставать

стала, просто ужас какой-то! Пойдем в гостиную, — и девушка начала вставать с кровати.

— Так, очаровашка, смойся с глаз, хотя бы в ту же гостиную, нам тут поговорить надо.

Мий, даже не повернувшись к госпоже за подтверждением приказа, быстро вылетел в дверь.

— Что-то случилось, мальчики? — в голосе Айрин зазвучали тревожные нотки и Дэйниш сразу почувствовал себя эгоистичным кретином.

— Да, госпожа. Новые игрушки — это всегда весело. Но при этом старым очень грустно. Если вас это хоть чуточку беспокоит...

Девушка сразу поняла, что брат говорит не о себе. Подошла к своему волчонку, приласкала его нежно. Прижалась к его груди, потом подняла голову:

— Золотко мое, я понимаю, что тебе сейчас трудно! Потерпи немного, хорошо? Ты просто всегда помни, что я сначала твоя (Эйн многозначительно покашлял)... Ну хорошо, сначала я ВАША, поэтому можешь смело подходить, обнимать, целовать и просто брать меня за руку, если тебе это в данный момент нужно.

Айрин обняла Дэйниша и Эйнри одновременно и по очереди поцеловала обоих в щеку.

— А теперь пошли в гостиную, и закажите туда что-нибудь поесть...

* * *

Следующие дни Мий потихоньку осваивался в новом доме,знакомился, пытался найти, чем себя развлечь, кроме сидения у ног госпожи. Активно принял участие в еженедельных заплывах, правда, плавал он не очень быстро, но технично-правильно. Так бывает, когда обучал опытный тренер, но было мало практики.

Лейхио провел в Космопорте почти месяц, но нашел таки лазейку. Правда стоила эта лазейка очень негуманно.

Айрин собрала «совет пятерых», и бурно, с эмоциями и аргументами типа «отвали от меня!», был продуман дальнейший план действий.

Эйн, сдружившийся за это время с «очаровашкой», был очень рад, что в итоге у парня будет нормальное будущее. Весь такой довольный и умиротворенный после «совета», он как раз проходил по коридору мужской половины дома, когда этот самый «очаровашка» схватил его за руку и

потащил в комнату для наказаний. Тля?!

— Эйн, ты ведь сейчас свободен, правда? Ну пожалуйста, пусть у тебя не будет никаких срочных дел, а?!

— Да не переживай ты так, обаяшка, я абсолютно свободен и весь твой. Ты решил предложить мне свою невинность, надеюсь?

— Ну... Не совсем. Понимаешь, госпожа меня... Ну не игнорирует, но... Она не понимает... А я... Я уже на грани!

— Да успокойся ты, Мий! Чего конкретно ты от меня хочешь?

— Высеки меня, а? Ты ведь умеешь...

В комнате наступила минутная пауза.

— Хорошо. Поцелуешь, нормально, по-настоящему?

— Маньяк озабоченный!

— Ну если бы я был маньяком, то уж точно не поцелуй попросил бы! — и Эйн с размаху шлепнул Мийя по заднице.

Аппетитной такой заднице, кстати. Которую ему сейчас вручат для развлечения. И, тля, он себя уважать перестанет, если этот мальчишка у него не кончит под флоггером!

Мийлийаш подошел к нему, закрыл глаза, сложил губки бантиком, встал на цыпочки. Эйн из последних сил сдерживался, чтобы не заржать. Но, если знать, как парень дрожит за свою натуральность, то, что он согласился поцеловаться, означало, что его реально прижало. Госпожа все же неопытная девчонка. Подсадить-то парня она посадила правильно, а вот снимать так резко — нельзя, да и бессмысленно.

Мий наконец дотянулся своими губами до губ Эйри, глаза зажмурил еще сильнее, на лице не то чтобы отвращение, но... Бедолажка, как тебя скрутило-то!

Обнял и поцеловал мальчишку, ну, не просто чмокнул, конечно. Но взасос с языком целовать не стал — грех глумиться над ребенком.

Потом, пока тот, волнуясь и нервничая, раздевался, приготовил рабочий инвентарь: скамейку и флоггер. Растянул, завязал глаза, чтобы окончательно расслабился, приласкал, разогрел... Парнишка потребовал больше сил и времени, чем Вилайди, но все равно, своего Эйн добился.

Потом, правда, задумался, как действовать дальше. Обычного малька надо было приласкать, поцеловать и тот был бы счастлив. А что делать с этой мимозой обаятельной — непонятно.

В итоге решил просто погладить, приласкать как котенка. Мийю понравилось, он выгибался и нежился у него под рукой. А потом взял и расплакался.

— Почему?! Почему она совсем теперь меня игнорирует? Я ей надоел,

да? Так быстро?! Что мне сделать, чтобы она снова меня заметила, а?! — и в глаза смотрит преданно. Ну как ему объяснить, что госпожа хочет как лучше? Не надо ей, чтобы ты от нее зависел, вот и лишила тебя дозы. Резко, правда. Не правильно. Но из лучших побуждений. Привыкай, парень. Тебя хоть не в гареме забросят, а на свободу выпустят.

* * *

После этого случай Эйн нет-нет, да поглядывал, облизываясь, на задницу Мийя. Ну красивая у него задница, прокачанная такая, что же тут поделаешь? Руками можно лапать с осторожностью, так хоть полюбоваться тайком. Теперь на чужие задницы пялиться приходилось с оглядкой. Мало того, что в Вилайди проснулся собственник нежданно-негаданно. Но, если вдруг Дэйн заметит, что обаяшка ему и здесь дорогу перебежал, пришибет ведь пацана.

Мийлийяша поселили в комнате Дэйниша, все равно обычно та простаивала пустой, особенно ночью.

Иногда, оставив спящего сладко Вилайди, Эйн крался в комнату госпожи, стаскивал Дэйна на ковер и... На самом деле как маленькие, тля! Могли спокойно делать это на кровати госпожи, она бы даже не заметила — мегакровать же, специально для такого сделанная. Могли, в конечном счете, прогнать Вила к госпоже... Могли вообще втроем. Но вот прав, прав Дэйн, тогда бы вся прелесть их отношений опошлилась бы, стала нормальным бытовым трахом. А вот вылезти тайком из постели малька, открыть тихо дверь, чтобы не заскрипела, прокрасться на цыпочках по коридору, в щелочку просочиться в комнату госпожи, нащупать в темноте какую-нибудь часть тела друга, заткнуть ему рот поцелуем, стащить на ковер, там еще побороться немного, в зависимости от настроения взять его или лицом в пол или глаза в глаза... И все это беззвучно... Адреналин же, тля!

Ну вот, как-то, получив очередную порцию адреналина, Эйн крался по коридору и увидел, что у обаяшки в комнате горит свет. Эйнри, конечно, был эгоистичной наглой тварью, но при этом он искренне переживал за всех своих близких. А Мий... Мий уже был этим близким, за которого можно и нужно переживать. Так что, предварительно постучав- а то вдруг обаяшка дремлет, а тут он вваливает без штанов и без стука — зашел в гости. Оценил обстановку, вышел. В гаремном зале взял пару кальянов и вернулся.

Сели рядом на ковре и часа три болтали, за жизнь. Пока, открыв дверь с ноги, не вломился злой полусонный Вилайди. Увидев два обкуренных, но полностью одетых тела, сразу успокоился, схватил абсолютно никакого Эйна, и утащил к себе в нору. А утром злостно глумился, наблюдая как проспавший всего два часа Верхний пытается разлепить глаза. В дверях стоял чуть более бодрый Дэйниш, подпирая косяк или опираясь на него, чтобы не уснуть, непонятно. Хорошо, Мийлийяша здесь нет, чтобы окончательно у всех картинка сложилась.

Вилайди вот, например, все давно понятно. Верхний спит с Дэйнишем. Это из разряда секретов Полишинеля. При этом их двоих прет с того, что они это делают типа тайно. Обхохочешься! Только ленивый не знает, что эти двое — пара. Вот странно как-то получается. Верхний и госпожа. Брат и сестра. И именно на них всех и перемкнуло. И даже не поймешь, на ком-то одном или на двоих сразу. Вот у Лейхио госпожа — первая женщина больше чем за десять лет. Но ведь на Верхнего он тоже постоянно облизывается. Хотя спит с Сайни, который, кстати тоже из этой семейки, но вот не поймал при раздаче нужной дозы сексуальной харизмы. И Сай тоже спал и с Верхним и потом — всего один раз! — с госпожой. Клинит его на нее до сих пор. С Дэйнишем вообще все прозрачно. Мийлийяш? Натуральная мимоза?.. И что же эта мимоза крутится вокруг его Верхнего? А еще, малек один как-то рассказывал, что эти двое заперлись и больше часа провели в комнате для наказаний. И чем они там занимались, хотелось бы знать?! А уж каким взглядом этот миляш смотрит на госпожу!.. Аж сердце сжимается... Наверное он, Вилайди, с таким же обожанием на Верхнего смотрит... Смотрел... Пока ревновать не начал.

Вил задумался, вспоминая, как в первые дни жизни здесь, еще находясь в эйфорическом состоянии, он, умный такой, объяснял Верхнему, что ревновать нехорошо. И потом Верхний сам ставил себя на место, перед госпожой. Может, Вилайди уже тоже пора поставить себя самого на место? Потому что если вдруг это решит сделать Верхний... Вилайди даже всхлипнул испуганно, представляя как ему будет стыдно. Обидно и стыдно. Хорошо, если наедине... А если при всех, то вообще провалиться сквозь землю придется. Особенно если при Дэйне. Да и при мимозе этой тоже...

В это время Эйни наконец-то смог разлепить глаза, увидел лицо Вилайди и развеселился.

— Малек мой, ты перенял дурацкую привычку Дэйна? Жесткий секс с мозгом вредит не только твоему партнеру, но от него еще и морщинки на лбу появляются!

Вил с размаху залепил своему Верхнему подушкой по голове.

— За что?!!

— За все... За все сразу! — и Вилайди ударил еще несколько раз, сильнее. Последний удар Эйну пришлось блокировать рукой. Такая сила обиды туда была вложена.

Схватил своего малька, подмял под себя, покрыл поцелуями обиженную любимую мордашку.

— Котенок мой, чего ты разбушевался с утра пораньше?! Не с той ноги встал? Или я тебе не с той стороны вставил? Давай повторим в другой позиции...

От двери послышалось тактичное покашливание Дэйниша.

— О! И ты тут? Присоединишься?

— Нет, спасибо. Я работать пошел. А ты, как кончишь, — Дэйн многозначительно хмыкнул, — приходи. У меня тут парочка интересных мыслей возникла, хочу посоветоваться.

Идя по коридору через мужскую половину дома Дэйниш через шаг-два стучал кулаком по стене. В кабинете закрыл дверь на замок и сел на ковер, уткнувшись лицом в колени.

Почему он везде в лучшем случае третий?! Для Эйна на первом месте госпожа, все понятно, потом Вилайди... Тоже все понятно. Но теперь его взгляд слишком часто стал останавливаться на упругой заднице Мийя. Тикусйо! Тля! Тля!!!

И с госпожой опять все непонятно... Сначала он думал, что будет третим после Эйнири и Лейхию. Потом понял, что все-таки второй. Успокоился. И вот опять все стало непонятно... И снова из-за этого новенького.

И... Главное, накрыло-то не из-за этого, а потому что... «Котенок мой», тля!!! Неужели надоело скрываться по ночам? Неужели захотелось сверху чего-то спокойного и ласкового? Или просто устал от этой неопределенности постоянной?

Наверное, просто устал. Надо скорее сплавить эту мимозу из дома и снова все станет как раньше. С госпожой, по крайней мере точно. А с Эйном... С Эйном можно всегда договориться, что сегодня хочется нежности. А иногда тот и сам чувствует. И слова ласковые в ухо шепчет... Дэйниш даже поежился, а по коже мурашки пробежали, тело вспомнило жаркое дыхание друга в шею.

Стук в дверь оторвал от очередной порции депрессивных размышлений.

— Ну, с одним начинающим мозготрахателем я кончил, давай и тебя приласкаю, что ли! А то ты тут тоже весь в процессе...

— Да пошел ты!..

— Ну вот примерно туда я сейчас и пойду, если вам двоим меня ночью не хватило...

— Отвали! Тикусйо! Хватило!.. Давай работать, тля! У меня мысль есть...

И Эйн с Дэйнишем приступили к очередному рабочему дню. Теперь им надо было экономить на всем, чтобы снова начать восстанавливать финансовый резерв, большую часть которого они вот-вот изведут на свободу Мийлийяша.

22 йакишэн 327 года. Дом Вайнгойртов.

И вот настал знаменательный день, с госпожой в Космопорт поехал Лейхио, ну и, само собой, Мий. Все остальные попрощались с ним дома, закатив грандиозную пирушку вчера ночью.

Когда карета отъехала со двора, Дэйи рванул в тренажерный зал. Эйн пошел за ним следом — друг лупасил со всей дури ни в чем не повинную боксерскую грушу. Полюбовавшись какое-то время на это зрелище, рискнул оторвать от процесса:

— Дэйи, ты же пиццать от восторга должен, а из тебя пар валит...

— Она... Тикусйо! Дала... Тля!!!! Она дала ему... Тля! Тля! Тля!!! Она ему дала свою фамилию! Ти... ку... сйо!!!

Груша выкручивала вензеля и кренделя, и траектория ее полета уже проходила в опасной близости от потолка, Дэйи еле успевал от нее уворачиваться, при этом нанося новые удары.

— Ну... Ну... Ну, тля, согласен... Тебя не спросила?

— Нет! Привлекла моего отца в помощь этому... Тля! И он теперь ее младший муж!

Груша все же ударилась об потолок и, изогнувшись, летела на Дэйна. Эйн прыгнул и швырнул друга на пол, упав на него сверху.

Тут в зал вошел Вилайди, выразительно фыркнул: «Вы хоть двери бы закрывали!» и возмущенно удалился.

Эйнри поймал разбушевавшуюся грушу, потом подождал, пока Дэйниш встанет, и потащил его в гаремный зал, за кальяном. Заодно нагнали Вила и объяснили ему ситуацию.

Когда заплаканная госпожа и довольно потирающий руки Лейхио ввалились в гостиную, на ковре шалашом сидело три тела и распевало песни. Рядом валялась гитара, которую одно из тел, очевидно, мучило, пока пальцы слушались.

— Провожали друга, порвали струны в клочья! — хмыкнул понимающе Лей.

Айрин тоже подозревала, что кроме нее оплакивать отъезд Мийя никто не будет. Но все равно было немного обидно.

Девушка сама не понимала, почему так привязалась к этому мальчишке. Старалась все то время, что он был здесь, держаться от него подальше. И чтобы мальчиков своих не расстраивать, и самому Мийю только на пользу, пусть отвыкает от нее, и ей самой привыкать к нему нельзя. Нельзя ей к нему привыкать. У нее есть Эйн, волчонок, Лей... Если уж так молоденького захотелось, то скоро Вилайди подрастет. У них же с Мийем разница в возрасте меньше года. Объяснить все приступом материнского инстинкта девушка даже не пыталась. И ведь сначала просто был обаятельный мальчик, когда он стал для нее кем-то большим?! Кем-то, ради кого она пожертвовала большей частью свободных денег. Забыв о правилах и зная, что это обидит Дэйна, все равно дала ему свою фамилию. И теперь еще смотрит на своих мальчиков, и обижается, что они не расстроены его отъездом...

* * *

Следующую неделю накал страстей и эмоций потихоньку сглаживался. Айрин извинилась перед Дэйнишем, спокойно объяснила ему, что со своей настоящей фамилией светиться в Космопорте Мийю ну никак нельзя было. «Ты же понимаешь, волчонок мой?». Дэйн все понимал. Он был кальпапонятливый. Особенно теперь, когда потенциально опасный конкурент исчез из поля видимости.

Детей оставим тут до трех лет? Да хоть до пяти! Нет, он совсем не против. Конечно, дети должны расти с родителями. Надо было мимозе дать фамилию госпожи? Ну надо, так надо. Это же просто формальность. Мимоза где? Правильно... А он рядом с госпожой.

Вилайди тоже отпускало. Хочет Верхний насиловать мужа госпожи? Да на здоровье. Его это никак не касается. Везде Верхний появляется с ним в обнимку, на всех вечеринках они сидят рядом, спят они в одной комнате... А если Верхнему потом припирает прогуляться до комнаты госпожи, так это его личные проблемы. Кто потом не выспавшийся? Да, именно. Верхний. А он, Вилайди, больше не будет плакать в подушку. Нет. Он будет спокойно спать. Потому что утром он просыпается от поцелуя Верхнего. Он. А не Дэйниш. Засыпает он рядом с Верхним. Просыпается

рядом с Верхним. Что ему еще надо?! Милашку увезли, больше ни на кого Верхний так не реагирует. Можно расслабиться и получать удовольствие.

* * *

Через неделю, вечером, поступило два коротких сообщения. От Мийлийяша: «Прилетел», и от Дайниса: «Встретил».

Айрин бегала по комнате и плевалась ядом.

— Нельзя было на пять минут напрячься и выйти на видеосвязь? Хотя бы в общественном месте?!

Весь следующий день девушка ходила кругами вокруг экрана, но тот молчал. И наконец ночью, почти на рассвете, замигал долгожданный вызов. Айрин тут же сорвалась, еле успев накинуть на себя халатик. Дэйн меланхолично, шепотом, сквозь зубы, награждал младшего родственника всеми известными ему нелестными эпитетами.

На экране появился Мий, с еще мокрыми после душа волосами и возбужденным взглядом.

— Все нормально? Что-то случилось, Мий?!

Почувствовав, что госпожа волнуется, Дэйн решил, что прибьет этого кретина, сразу как только снова встретит. Гад! Госпоже рожать не сегодня, так завтра, а он ей спать не дает и волноваться заставляет.

— Простите меня, госпожа! Я забыл про разницу во времени. Простите, пожалуйста.

Ну хоть сам понимает, что гад и кретин. И взгляд у него такой... На мою жену, тля!

— Выплюсь днем, не переживай так. Малыш, мы же все волнуемся за тебя! Как дела?

О, да! Мы все за тебя волнуемся...

Тут в комнату ввалился заспанный Эйн, тихо, шушаркой, просочился мимо экрана.

— Все нормально? — Дэйн утвердительно кивнул. — Не спится одному на новом месте? — Дэйн снова утвердительно кивнул.

— Мий? Мий, мальчик..

Кулаки Дэйниша непроизвольно сжались. Тикусйо!

— У меня все отлично, госпожа. Я... Поступил на второй курс Академии!

А мы не только обаятельная задница с глазками, оказывается. Ладно, пусть живет. Эйн тоже впечатлился успехами мимозы.

— Умница! Я верила в тебя, малыш! Сразу на второй курс! Ты молодец!

От «умницы» лицо Мийя окончательно приняло дебильно-влюбленное выражение.

— Госпожа. Я бы хотел уточнить один момент... Раз вы дали мне свою фамилию, то я теперь принадлежу вам?

Дэйниш снова сжал кулаки. Эйн обнял друга за плечи, прижал к себе.

— В какой-то мере да. Мне бы хотелось, чтобы ты с гордостью носил эту фамилию и не разочаровал меня. Но ты ведь не поэтому спросил?

— Госпожа...

— Не тяни кота за яйца, Мий, — Эйнри не выдержал всей этой ласковой щебетни, разговор пора было прекращать, пока Дэйн не разнес экран. — Девочку уже нашел?

— Нет, но если найду, хотелось бы понимать, что я могу ей предложить.

— Развлекайся по полной, малыш. Только с детьми пока подожди.

— Спасибо, госпожа!

— Мий, мальчик, ты там теперь навсегда. Устраивай свою жизнь. Учись. Влюбляйся.

— Простите. Простите, что спросил. Я... Госпожа!

— Мий, малыш, я просто твой первый сексуальный опыт, не накручивай себя. Все будет хорошо. Звони почаще. Только лучше днем, хорошо, милый? Ты хорошо отметил свое поступление? А где, кстати, Дайнис? Он разве не с тобой?

— Нет, он остался в клубе, а я...

— Устал? Слишком много впечатлений? Спокойной ночи?

— Простите, госпожа! Спокойной ночи.

Айрин выключила экран и обернулась к своим мальчикам.

— Мне бы хотелось поплакать, а вы, боюсь, этого не поймете ведь, да?

— То есть вы прогоняете меня из своей кровати, чтобы поплакать о мимозе?! — чаша терпения Дэйниша переполнилась мгновенно, как закипевшее молоко.

Айрин всхлипнула, обняла своего волчонка и долго рыдала у него на груди, а тот сначала злился и молчал, потом испуганно посмотрел на Эйна, и тот рванул за водой и успокоительным. А Дэйн гладил свою госпожу по спине, шептал ей, что он ревнивый кретин и больше никогда не посмеет ее расстраивать. А у мимозы все хорошо, чего же из-за этого плакать? Да, он молодец, сразу на второй курс Академии — это же какие мозги иметь надо?! И здесь бы он просто был одним из гаремных мальчиков, а теперь

он там выучится, пристроится на корабль, может, дослужится до капитана.

Тут влетел Эйн, влил в госпожу стакан какой-то мерзко пахнущей гадости, та послушно выпила. Всхлипнула еще пару раз и так и заснула, сидя и продолжая прижиматься к груди Дэйна.

Парни аккуратно уложили девушку на кровать, заботливо укрыли одеялом и улеглись рядом. Сначала просто болтая, искренне восхищаясь тем, что очаровашка оказался еще и умный, зараза. Потом начали целоваться. Ну и потом, как-то само собой, все кончилось как обычно. Ну и заснули в итоге вместе. Эйфри решил, что один раз Вилайди ему простит, тем более причина уважительная.

* * *

Где-то сильно после обеда на связь вышел Дайнис. Госпожа дремала на диванчике в гостиной, а в комнате в это время очень удачно оказался Дэйниш.

Дайниса волновала судьба внуков. Приблизительно подозревая, какие огромные деньги надо было вложить, чтобы организовать побег Мийя с планеты, Дайнис тактично пытался уточнить, осталась ли еще такая же сумма на внука. И вообще, ему искренне хотелось бы видеть рядом с собой и сына тоже.

Дэйниш, тоже подбирая тактичные выражения, объяснил отцу ситуацию.

— Денег пока свободных в резерве больше нет. Да и не выпускают госпожу, так явно за неделю до родов. Если бы только мальчик был, может и выпустили. А с дочерью не выпускают. Так что рожать она будет здесь. А года через три-четыре провернем снова ту же ситуацию, что и с Мийем.

Дайнис, конечно, восторгов по этому поводу не испытал. Ну, Дэйну тоже эта идея сначала не понравилась. Но потом, когда госпожа все разложила по полочкам, он согласился. Так было правильнее.

И тут в зоне видимости экрана показалось заспанное, с блестящими от слез глазами, личико Мийя.

— Доброе утро всем.

Дэйниш покраснел. Он так искренне себя накручивает против этого парня, забывая, что тот ни в чем не виноват. Так проклятые обстоятельства сложились. Вообще хорошо, что у парня крыша до сих пор не поехала. Вырасти в Космопорте, потом оказаться брошенным родной матерью, преданной сестрой, пережить неподготовленным абсолютно все то, что с

ним проделывали в Джордане... И при этом остаться улыбчивым, обаятельным, добрым и умным парнем?! И чего он на него взъелся-то так? После ломки обязательно возникает привязанность жертвы к ломающему. А если ломка первая, то и связь двусторонняя. Это же даже во всех учебниках расписано.

— Доброе утро, Мий. Ты все слышал, да?

— Да...

— Это был ее выбор (Мий посмотрел так, как будто хотел сказать: «Ясно, что не твой!») и я его одобрил.

Теперь мимозка пребывал в полнейшем изумлении. Не ожидал, что я такой понимающий парень? Тикусйо! Правильно. Я еще та ревнивая зараза, не расслабляйся!

— Почему?!

— Потому что так правильнее, — вот ведь, думал что шире распахнуть глаза, чем у мимозки уже было, невозможно. Ха!

— Правильнее отправить сюда меня, а твоего сына растить на Венге?

— До трех лет — да. Он будет расти с матерью и отцом. Так правильно. Мы не будем для него абстрактными дядей и тетей, которых почему-то надо называть мамой и папой.

Хорошо, что госпожа это ему подробно, в красках и на пальцах, доходчиво объяснила. Убедила. И сейчас Дэйн говорил таким тоном, как будто с самого начала верил в правильность всего этого.

— А если вам не удастся вытащить его с Венги?

— Тебя же удалось. Теперь у нас уже есть опыт и свой человек в Космопорте. А скоро будет свой капитан корабля, — и Дэйн улыбнулся.

Мий тоже начал улыбаться, робко так, не как обычно, во все тридцать два с сиянием очарования.

Совесть Дэйниша окончательно скрутила душу в жгут. Эта улыбка пробила брешь в его сердце и он простил парнишке все. Ну не виноват он в том, что влюбился в его жену. Так сложилось и им всем придется как-то с этим жить теперь. И будет спокойнее, если госпожа при этом не будет волноваться. А для этого всякие кретины не должны закатывать ей сцены ревности... Ну и еще, наверное, ее не обрадует, если другой кретин ринется трахать всех девушек подряд, чтобы забыться. Тля, да еще вчера он бы ему рукой вслед помахал! Но после ночной истерики госпожи... Ну, привязана та к нему. Как по учебнику.

— Мийлийяш, ты вчера про девушек у госпожи спрашивал...

— Да?

— Я бы тебе не рекомендовал торопиться и кидаться на первую

встречную. Тебя одноразовый секс только утвердит в привязанности к госпоже. Подожди немного.

Ну почти не соврал, мимозка, между прочим.

— Хорошо, попробую.

И парни снова улыбнулись друг другу.

Глава 11

Через неделю, 2 мойиэля 327 года по Венговскому календарю или 16 августа 2488 года по календарю межгалактического союза, Айрин родила двух славных малышей: Айзарийэн и Дэйнослайва.

На Венге имена детям дает мать, и мальчиков часто называют по первым буквам ее имени. И то, что имя сына начиналась от имени отца, большая, просто огромная честь. От которой Дэйниша распирало так, что общаться с ним несколько дней было практически невозможно.

Он пребывал в состоянии эйфории, отвечал невпопад, улыбался и мечтательно смотрел в окно, замолкая на середине разговора... Потом поворачивал к собеседнику абсолютно счастливое лицо и, смущенно закусив губу, просил повторить последнюю фразу. В итоге выяснялось, что повторить надо последние фраз восемь, а то и девять.

Эйн и Лейхио сначала подшучивали, потом перестали обращать внимание на состояние друга: «Само рассосется...».

* * *

Когда в первый день мойиэля стало понятно, что госпожа чувствует себя как-то... подозрительно не так, все кинулись собирать вещи. И тут выяснилось, что никто не знает, что именно надо собирать... Плюнули, схватили госпожу в охапку и рванули на такси в Космопорт. Сабина в это время по местной видеосвязи разыскивала чудо-врача, специалиста по сложным родам. Та как раз принимала двойню в строго противоположном месте планеты. Так что смогла появиться в Космопорте только через четыре часа.

Все это время весь небольшой родильный блок Космопортовской больницы был похож на корабль, захваченный пиратами. Сразу пятеро мужчин при одной роженице — такого у них еще не было. Да еще двойня — не самый часто встречающийся случай. Обычно беременные двойней или улетали рожать на свои планеты, к родным. Или рвались в местные больницы, где было комфортнее, уютнее и народу мельтешило вокруг раз в десять больше. Местные женщины вообще предпочитали рожать дома. А эта ненормальная прилетела к ним. И что с ней теперь делать — не понятно? Поэтому явление венговского врача, в обычной ситуации

расценивающееся как вторжение захватчика на личную территорию, было принято как благодать свыше. Женщина сразу взяла власть в свои руки. Ее тихий повелительный голос изгнал из больницы всех посторонних, кроме Эйнри и Дэйниша. Вставших стеной, и объявивших, что никуда ни за что не уйдут.

Потом врач осмотрела Айрин, сказала, что раскрытие небольшое, и до завтра детки еще посидят внутри, а она как раз приготовит все необходимое. И привезет ассистентку. Мало ли, придется делать кесарево? Выдала номер своего мобильного Эйнри, потому что Дэйниш впечатления нормального и ответственного уже не производил, и уехала.

Сразу после ее отъезда Лейхио с командой вернулись обратно, отчитались, что сняли большой номер в гостинице, пробили разрешение ночевать для Дэйниша, сообщили Дайнису и родителям Айрин.

Дэйниш с трясущимися руками сидел, уставившись в одну точку, и оставлять с Айрин его одного было как-то слишком жестоко по отношению к обоим. Хотя девушка выглядела явно лучше. Она даже сама дошла до лифта и потом прогулялась до гостиницы. Смеялась, успокаивала всех и утверждала, что все будет хорошо. Вилайди и Сайни были отправлены домой, чтобы не крутились под ногами. Лейхио остался до вечера, пока Эйнри бегал в управление, хлопал ресничками, очаровательно улыбался, падал на колени и целовал руки и ноги работающих там женщин. В итоге добился права тоже ночевать на территории Космопорта.

Потом сменил Лейхио на посту возле будущих родителей, отправив того за едой и водой. Где-то среди ночи Айрин проснулась и объявила, что схватки стали болезненными. Общими усилиями вспомнили, что им говорила врач. Посидели с таймером. Поняли, что приплыли. В смысле, начали отходить воды...

Эйн рванул в больницу, за носилками, Дэйниш дозвонился до врача...

Рядом с женой он сидел до последнего. Эйнри вылетел, шепча что-то из серии «Тля! Не могу смотреть когда ей так больно...». А в пять утра им в коридор вынесли два крошечных голеньких тельца, еле прикрытых пеленочками. Чисто чтобы держать было не так страшно.

Выдали каждому по штучке, предварительно, спасибо большое, показав как держать.

— Мать сказала отдать вам, чтобы они одни не лежали.

— Тля-а, мелкие какие! — только и смог выдавить из себя Эйн.

А Дэйниш сразу начал выяснять — что с матерью и когда им ее вернут?!

— Все нормально, пара швов... Не переживайте. Все хорошо прошло.

Даже к груди уже приложили. Сейчас ваш врач к вам выйдет.

Когда мужчина, вынесший им детей, скрылся обратно в зал, Эйн возбужденно сообщил: «У меня парень на руках! Прикинь, мелкий такой, а все уже есть!». Дэйниш не выдержал и заржал: «Кто про что, а ты про это..». Парни переглянулись и с облегчением выдохнули. Наивные, они думали, что наконец-то все закончилось.

На специальном кресле врач выкатила в коридор Айрин и тут же выдала им облегченный курс юного бойца.

— Эту ночь еще проведете здесь, завтра с утра врачи осмотрят мать и детей и, если все будет хорошо, поедете домой. Педиатра я вам пришлю уже домой, надеюсь. Рада была оказать помощь в продлении столь знатного рода, как дом Вайнгойрт.

— Спасибо вам большое! — Айрин действительно была благодарна этой чудесной женщине. — Если буду рожать еще, обязательно обращусь к вам.

— Это большая честь, дорогая. Буду ждать. Но сильно не торопись, после двойни надо дать организму как следует отдохнуть.

Взаимно довольные врач и Айрин распрощались.

* * *

Домой Эйнри и Дэйниш вернулись уже опытными отцами, на которых уже не раз писали и срыгивали. Ну еще, вдобавок, Дэйниш узнал, как Айрин назвала их сына. И сиял, как начищенная монетка.

Детей между собой называли Азари и Дэйник. Дайнис аж подпрыгивал у экрана, пытаясь разглядеть, на кого похожи внуки. Внуки были похожи на всех сразу и при этом не похожи друг на друга абсолютно.

У Азари были темные волосы и серо-голубые глазенки, в которых уже иногда мелькали искорки зеленого. Дэйник был золотоволос и черноглаз.

— Хана девкам, — констатировал отец Айрин.

Пока что хана была матери. Дети жили каждый в своем режиме. Есть хотели в разное время и, если Азари оказалась прирожденной совой, то Дэйник был жаворонком.

Путем насилия над малолетними личностями их привели к более-менее общему знаменателю со сном и едой.

Спали они между мамой и папой, на мегакровати. Вечером Айрин кормила их, засыпала и просыпалась только утром. Всю ночь с детьми играл Дэйниш. Дэйник требовал еды каждые два часа, Азари — раз или два

за ночь. Ночная война между Дэйником и Дэйнишем через полтора месяца окончилась полной победой старшего. Дэйник согласился, что ночью надо есть два раза, но много. Айрин ежевечерне тратила больше часа на сцеживание. Но зато потом ее ждал спокойный ночной сон.

* * *

Первым обратил внимание на то, что рекомендованное госпоже время «воздержания от игр с рабами» прошло, конечно же, Эйн.

Дэйниш, которого голодные детки будили два-три раза за ночь, хотя потом и сладко отсыпался утром, был все равно сильно настроен на «детскую волну». Его мир временно сузился до размеров проблем двух маленьких человечков.

Колики, пучики, утреннее и вечернее купание в бассейне, вся библиотека поставлена на уши в поисках детских стихов и сказок.

Нет, Айрин тоже занималась детьми, особенно в то время, когда Дэйн отсыпался после ночных дежурств. Но всю основную нагрузку молодой отец взял на себя. Во-первых, потому что это было правильно: «Вы девять месяцев их вынашивали, теперь моя очередь ими заниматься!», во-вторых, в отношении мальчиков, так было вообще принято на Венге. Мальчиков растил отец, если он был в наличии или кто-то из мужчин гарема. Девочек растили мать и хозяйки. Но никто даже не пытался отнять Азари у отца. Сабина немного побрюзжала, но смирилась. Девочке явно хорошо было с мамой, отцом, братом и кучей дядей.

Так что Дэйниш был несколько занят и не следил за календарем. Соскучившийся без госпожи Эйн поставил у себя на планшете счетчик: «До конца воздержания осталось...». И, как только появилась желанная надпись «Поздравляю, указанная вами дата наступила!», рванул по коридору искать Айрин.

Затащил девушку, не очень понимающую, что происходит, в первую попавшуюся комнату, оказалось что в свою же собственную. Прижал, не отходя далеко от двери, к стене и начал целовать, закрыв глаза от наслаждения. Вдыхая ее запах, объединяясь, сливаясь, становясь единым целым. Это была снова его Айрин.

Матерь Сущего, как он долго жил без всего этого...

Девушка, понявшая наконец, что конкретно от нее надо брату, начала отвечать на его поцелуи. Потом очнувшееся и тоже соскучившееся тело запросило большего... Развязала запах рубашки, покрыла поцелуями лицо,

шею, грудь... Опирающийся о стенку руками Эйн тихо стонал от удовольствия. Потом опустил на колени и начал целовать ноги, вверх, внутри бедер, живот... Мать Сущего, это снова все его! Завладеть этим немедленно, сейчас же! Первым... Раствориться в ее теле.

Сначала губами... Языком... Нежно... Активней... Прижимая руками к стене ее извивающееся тело. Поднялся с колен и, взяв девушку на руки, отнес на кровать. Раздел, сглотнул комок в горле, любуясь...

— Я сильно изменилась, да?

Мать Сущего... Не понял вопроса совсем...

— Ты же никогда не любил большую грудь, я помню...

Кто? Я? Разве? Я был кретином...

Девушка дернулась за одеждой.

— Госпожа... моя госпожа! — заткнуть ей рот поцелуем, ласкать ее тело, не давая ей очнуться, задуматься, опять сказать что-то непонятное... Изменилась? Наверное, изменилась. Грудь точно стала больше... Но разве это имеет значение? Ничего не имеет значения, кроме ее сводящего с ума запаха, хмельного вкуса ее кожи, нежности ее губ... И того, что они наконец-то снова вместе. Моя Айрин! Моя...

Потом они лежали вместе, девушка пристроила голову на грудь своему мужчине, задумчиво-нежно ласкала его тело, а Эйни, обняв и прижав свою госпожу к себе как можно крепче, наслаждался минутами полного обладания и полного растворения друг в друге.

Уединение было недолгим. В далеке послышался детский плач...

— Ой, Дэйник! Проголодался!

И Айрин мгновенно слетела с кровати, быстро оделась и скрылась за дверь.

Ударив кулаком в кровать, Эйн смачно выругался. Понятно, что дети — это важная часть в жизни женщины. Но он как-то не ожидал, что эти два мелких полностью притянут к себе внимание и его госпожи, и его друга. Интересно, тот хоть обратит внимание, что Айрин вылетела не из своей комнаты?

* * *

Дэйниш обратил внимание. Очень даже обратил. И на чуть виноватый, но удовлетворенный вид жены — тоже внимание обратил.

Тикусьо! Пока он тут с детьми занимается, этот самец с повышенным либидо первым добрался до их женщины?! Вот гад!

Злился Дэйн не всерьез, смешно злиться на Эйна из-за того, что тот опять успел просочиться первым. Наверное, в календаре планшета дни красным крестиком помечал. Или вообще счетчик поставил, с него станется. Озабоченный маньяк!

Айрин, видя, что Дэйниш, с одной стороны явно не обрадовался, но сцену ревности закатывать не собирается, облегченно выдохнула. Конечно, Дэйн раньше не позволял себе проявлять ревность к Эйну, но теперь-то все изменилось. Или не изменилось?

— Ты не ревнуешь, волчонок?

— Я? Да что вы... Просто надеюсь, что обо мне тоже помнят. Помнят? «Ну пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!» — и Дэйн очень похоже изобразил любимый взгляд Мийлийяша, исподлобья, чуть искоса, умоляюще-влюбленный.

— Конечно, золотко мое ненаглядное, — девушка, смеясь, обняла мужа за шею и поцеловала его. Очередной раз радуясь, как ей с ним повезло. Как ей со всеми ее мужчинами повезло!

* * *

А 21 кайаэба к ним во двор прискакала напуганная «мечта педофила», правда, слегка повзрослевшая за год, и с придыханием сообщил: «Госпожа Кэйтиариона рожает!». И тут же ускакал обратно.

Эйну, вдруг неожиданно растерялся, испуганно огляделся, нашел взглядом Айрин... Потом перевел взгляд на Дэйниша.

— Тикусйо! А ты думал, что твой из живота так и не выползет, что ли?!

— Эйн, милый, хватай лошадь и скачи к ней. Раз Кэйт послала сюда брата, значит хочет, чтобы ты был с ней рядом.

Эйну кивнул и на автопилоте двинулся в сторону конюшен.

Вернулся он через два дня, злой и невыспавшийся. Сообщил, что роды прошли нормально и мальчика назвали Кэитар. Собрал сумку с вещами и уехал обратно.

Кэйтиариона была до неприличия привязана к своему мужу, поэтому кормила его ребенка грудью и иногда днем проводила с ним какое-то время, если была не слишком занята. Проводить с ребенком ночи в ее планы не входило абсолютно. На Венге даже среди очень ответственных матерей это было не принято. Для такого есть пожилые мужчины в гареме.

Эйну совсем не хотелось, чтобы его сына растили чужие мужчины

чужого гарема, поэтому он, наступив на горло песне, переехал в дом Маргойлин. И даже иногда оплачивал свое проживание натурой, в постели у Кэйт.

Отлучать от груди мальчиков принято в два месяца. Девушка так и поступила, не сообразив по молодости лет, что заодно отлучает и себя от тела мужа.

Тут же приехала Айрин, в сопровождении Лейхио, какое-то время поторговалась, потому что платить за двухмесячного младенца стоимость выпускника Джордана было явным перебором. В итоге согласилась на перебор, потому что уговор был заключен на эту цену, а то, что покупателям приспичило сдвинуть сроки покупки — их личная проблема.

И Эйри с ребенком уехали. Ночи снова стали пусты и одиноки. Кэйт много размышляла и никак не могла понять, что она сделала не так. Мужу позволялось больше, чем нормальный раб себе может представить. Сына кормила, ласкала иногда, даже пару раз поиграла с ним, пока Эйри ездил домой. То есть, по меркам обычной венговской женщины, она была идеальная жена и мать. Почему же ее опять бросили?!

Когда она попыталась выяснить это, болтая с Айрин по видеосвязи, (ну не с матерью же про это разговаривать?), та ласково улыбнулась и напомнила, что приглашение приезжать к ним в гости раз в неделю по-прежнему в силе. Раз в неделю, конечно, не так здорово, как каждый вечер, но все же лучше, чем ничего.

А потом в комнату к Айрин зашел ее, Кэйтирионы, муж, склонил перед ней голову, чуть улыбнувшись, вежливо. Уткнулся лицом в волосы счастливой соперницы и что-то тихо прошептал ей на ухо, а она просто взяла и погладила его по щеке. И на лице у ее мужа — у ее Эйри! — появилось такое счастливое выражение! Он чуть прикрыл глаза и сделал едва заметное движение навстречу глядящей его руке. Все это заняло меньше минуты. И ее собственный муж, снова низко склонив перед ней голову на прощание, вышел. Ни сказав ей ни слова!

А, главное, никогда! Никогда на лице Эйри ей не приходилось видеть такого блаженствующего выражения. Хотя она и не гладила его так никогда... Наверное вся разница между ней и Айрин именно в этом. Та их берет лаской и нежностью, как щенков на псарне приручают. Надо будет попробовать. С мужем уже не получится, прирученные псы хозяев не меняют. Но можно же купить какого-нибудь мальчишку после Джордана. Брата уже давно пора в гарем пристраивать, так что смену в любом случае искать нужно. Заодно и эксперимент провести. Деньги теперь есть, не зря она рожать решила. Мальчишка окупился даже быстрее, чем

рассчитывалось. А благодаря его имени Эйн всегда будет помнить, кому он обязан за сына.

* * *

Эйн прекрасно понимал, кому он обязан за сына, даже если того звали Кэйтар, а не Айринэ. Теперь на мегакровати спали трое детей, а по ночам какое-то время парни дежурили вдвоем, потом Кэйтар проникся местным режимом кормлений и сна, обреченно понял, что ради него все перестраивать не будут, и смирился.

Жизнь снова обрела стабильный график.

* * *

Первое, что сделал Эйн, когда его сына выкупили и их вернули домой, поймал Айрин в коридоре и затащил, уже целенаправленно, в свою комнату. Только успеть вновь распробовать и начать наслаждаться телом своей любимой, и вдруг так резко быть оторванным от нее на два месяца?! Феерическая несправедливость! Так что, проигнорировав голодные взгляды Вилайди, Эйн начал вечер с госпожи. Оставив малька на десерт.

— Эйн, милый, ты такой агрессивный всегда после долгого воздержания!

— Я? Я соскучившийся, моя госпожа! — дразня языком сосок груди...

Интересно, какое оно на вкус, грудное молоко?

— Эйн, ненормальный! Не смей! Щекотно же!

На коровье молоко немного по вкусу похоже, только сладкое очень...

— Эйн... Ты — извращенец!

— Я просто проверяю, чем вы тут наследную госпожу кормите! — переходя с груди ниже, ниже... Совсем даже не агрессивно, нежно...

* * *

А в ночь с 29 на 30 вайэба Эйври с Вилайди проснулись от удара ногой в дверь. В комнату влетел злой... нет, зверски злой, абсолютно злой Дэйниш, глаза которого из синих превратились почти в черные.

— Дэ-э-эйн?!

— Она, тля! Летит к нему, тля! Потому что ей его выражение лица последнее время не нравится, тля-а! Представляешь?! Выражение лица у мимозы не то! Поэтому она бросает детей и летит к нему!! Завтра за билетами, тридцать первого вылетает. Пять дней туда, пять дней обратно!.. Еще там не один же день будет! А я все это время с детьми, как дурак?! Тикусйо! — и Дэйн вылетел из комнаты.

Эйн, вздохнув, нашарил рядом с кроватью штаны, меланхолично натянул их на себя, поцеловал Вила: «Спи, котенок, я, похоже, не скоро вернусь...» и пошел искать друга.

Как и ожидалось, тот лупил в тренажерном зале бедную грушу.

— Дети с кем?

— Лейхио сдал.

— То есть, и его разбудил?

— Он не спал еще... Я как раз к тебе шел, а он мне навстречу.

— Странно... А куда он шел?

— Да насрать, тля! Меня бросают, а ты тут вычисляешь, куда тащился Лей, когда я его подсек?! Тикусйо! Я думал, ее отпустило...

— А я думал, что тебя...

— Тикусйо! Тля!

— Иди сюда, поболтаем... Тебе надо выдохнуть и расслабиться.

— Руки только от меня убери, я на секс не настроен! Сказал же, убери руки!

— Да ладно... Мы вместе уже не помню когда в последний раз были! Почти полгода уже прошло.

— Да иди ты?! Правда, что ли?

— Спиногрызам сейчас сколько?

— Тикусйо! Почти четыре уже!

— Оба-на, да? Прикинь?! Так что не выделяйся...

— Эйн, я сейчас очень зол. Seriously, очень зол!

— На что конкретно?

— Ну... Руки убери, я сказал! Ты меня отвлекаешь!

— Злиться мешаю? Так я еще и поцеловать могу, ты же знаешь...

— Знаю... Тикусйо! Эйн... Лю...

Эйнри быстро заткнул рот друга поцелуем. Когда Дэйн называл его любимым, внутри сразу как будто что-то начинало душить, мешало дышать, и глотать становилось тяжело.

Лежа рядом на ковре и смотря в потолок, Эйн решился наконец на серьезный разговор.

— Понимаешь, я же сразу знал, что буду не единственным. Что кроме

меня появится еще кто-то, кому суждено будет стать отцом ее детей. И я заранее его ненавидел до искр в глазах. И вот госпожа приводит тебя. В наручниках. В штанах этих... И я пропал. Особенно когда ты на нас с Лейем из-под гривы своей зыркнул... Но я сразу тебя пометил, как младшего и все было нормально. А обаяшка задницу прячет. Если бы ты сразу его, ну, хотя бы на уровне подсознания, трахнул, то реагировал бы на него как на младшего, а ты реагируешь, как на равного. Кто ты, а кто обаяшка, ну, сам подумай?!

Дэйн решил последовать совету друга и правда подумать. Он — отец наследницы, выше уже не прыгнуть. Верхняя ступень. Мимоза... Мимоза — это слабость госпожи. И на самом деле парень и правда плохо выглядит. И... Чего он, и правда, так распсиховался? Вроде уже решил все для себя. Ну, уедет госпожа на две недели, с кормлением они без нее выкрутятся, немного молока оставит сейчас, еще пришлет с пассажирским рейсовым... Кретин он нервный. К кому ревновать надумал? К мимозе! Вот позорище...

* * *

Айрин было очень стыдно перед ребятами. Правда, очень стыдно... Особенно перед Дэйном. Он вылетел после ее разговора с Мийлийяшем, хлопнув дверью так, что полусонные дети расплакались. Пока она металась между тремя малышами, пытаясь их успокоить, бежать догонять волчонка было уже поздно. Когда ввалился удивленно-озадаченный Лейхио: «Меня тут прислали помочь вам с детьми. Вы уж простите, но я никогда такого злого Дэйна не видел, госпожа. Что у вас тут творится?!», Айрин не выдержала и расплакалась... Начала, всхлипывая, объяснять. Лейхио очень внимательно выслушал, сидя у Айрин в ногах и положив голову ей на колени. Потом поставил диагноз: «И этот мальчишка совсем обнаглел!».

Девушка снова расплакалась. Ставить сейчас Дэйниша на место ей не хотелось. По сути он был миллион раз прав. Но когда перед глазами снова вставало лицо Мийя... С ним там явно что-то происходит. Она должна всего лишь съездить и убедиться... Хотя кого она хочет обмануть? Просто соскучилась по парню, вот и все. Их как будто связало невидимой нитью что-то, и теперь она чувствует, когда ему плохо. Она чувствует Эйна, чувствует волчонка, абсолютно не чувствует, но ей очень дорог Лейхио. С Мийлийяшем все так же и совсем по-другому. Больше всего это похоже на ее связь с детьми. Когда у Азари ночью разболелся животик и девушка тоже сразу проснулась, буквально чувствуя сама эту боль. Не сопереживая, а

ощущая как свою собственную. И сейчас там, далеко, Мий страдает. И ей от этого плохо... Очень плохо! Настолько, что она готова бросить детей, мужа, брата и лететь пять дней, только чтобы обнять, поцеловать, успокоить... И вернуться обратно.

— Лей, почему такое происходит с нами?!

— Вы планомерно привязывали его к себе. Хорошей такой, надежной цепью. А блок, чтобы защитить себя, не поставили. Поэтому связь получилась обоюдной. Вот вы парнишек, которых наказывали в Джордане, вспоминаете?

Айрин задумалась...

— Нет, представляешь? Думала, снится по ночам будут, как кошмарный сон, но почти забыла уже, даже лица.

— Потому что подготовились и блок поставили. А с парнишкой этим расслабились, переживали за него не отстраненно, а как за родного. Слили с ним. Обычная ошибка начинающих и неопытных. Хотите, я попробую объяснить это Дэйну?

— Да, пожалуйста... Я знаю, что очень не права, но не могу поступить иначе.

Девушка опять начала всхлипывать. Лейхио пересел к ней рядом, на кровать, обнял. Айрин уткнулась ему в плечо и снова зарыдала. Лейхио взял ее на руки, перенес в гостиную, уложил на диван, налил воды, потом сел рядом и начал рассказывать историю из их с Сайни жизни, когда они только познакомились. История была смешная, девушка расслабилась, успокоилась. Потом Лей начал рассказывать историю, которую ему в детстве рассказывал в гареме один старик. Почти волшебную сказку. И под напевно-убаюкивающий голос мужчины Айрин уснула. Лей снова взял ее на руки и перенес обратно на мегакровать. Чтобы было удобнее следить сразу и за детьми, и за госпожой.

Проснулась девушка от тихого шепота.

— Давно спит?

— Ну, с час точно... Тебя отпустило?

— Да. Я знаю, что кретин, можешь не говорить.

— Поговорить я хотел с тобой о другом. Ты же в Джордане систему блоков должен был проходить?

— Тикусйо! Да понимаю я все. Просто больно, Лей! До слез больно, понимаешь! У него выражение лица не то — и все... Пропади мы все пропадом. И я, и дети..

— Попробуй посмотреть на это в другом ракурсе. Если тебе вдруг станет плохо, госпожа тоже все бросит и прилетит к тебе, где бы ты ни был.

— Ага. Куда мы денемся с этой гребаной планеты, скажи мне?! И... Мне, думаешь, сейчас не плохо?!

— Тебе плохо, потому что ты себя сам накрутил.

— А мимозе почему плохо? Не поэтому же?

— Дэйн, ему плохо...

— Все, замяли! Я уже понял, что ему плохо, потому что плохо, а мне — потому что я ревнивая истеричка. Мне уже Эйн все объяснил на пальцах.

— То-то у тебя такая походка странная и морда сытая. После его пальцев, не иначе! — тихо заржал Лей.

— Тикусйо! Да пошел ты!

— Я-то сейчас и пойду. Спать. Спокойной тебе ночи.

— Постой. А куда ты шел так поздно?

— Да к тебе и шел. Поболтать. Дело есть. Но лучше завтра уже обсудим. Спать хочется, сил нет. И прекрати госпоже нервы трепать! Где бы мы все были, если бы не она? И как бы мы все жили, если бы она хоть часть правил соблюдала? Тоже мне удумал, сцены ревности своей госпоже закатывать. У Эйна научился?

Показалось или... Не показалось...

— Волчонок, миленький, хороший мой... Ну не плачь!

— Ну вот, теперь я еще и вас разбудил.

— Я сама проснулась... Ну, не плачь, любимый мой, золотко мое...

Лейхио, дабы не мешать милой семейной идиллии, тихонечко выскользнул из спальни. Спать, спать, спать... К теплему боку Сайни, который никогда не страдает, а если ревнует — лупасит кулаком в живот, не устраивая из этого мелодрам.

* * *

С первой же ночи после отъезда Айрин Эйн переехал на кровать к другу. Вилайди героически согласился с этим решением — нехорошо было оставлять на одного Дэйна целую толпу детей, один из которых, к слову, был не его.

Дэйн старательно прочищал себе мозг на предмет ревности. Иногда получалось. Хотя бы просто потому, что он сам в глубине души переживал за Мийя. Иногда накатывало... Сколько себе не тверди, что госпожа вправе творить все, что угодно, что он старший муж и круче только тучи, что Мий и правда достоин жалости... Все равно было обидно. Ну, накопилось у него

к этому парню, просто накопилось уже! И фамилия, и деньги, и под конец вот это...

Наконец госпожа вышла на связь. Эйн выпинал друга из комнаты: «Или госпожа, или ты, или обаяшка ляпнете что-нибудь и будет новый виток великой депрессии и знатного мозгобства! Сиди под дверью и дуйся лучше.»

Дэйниш действительно сел под дверью и пристроился поудобнее, чтобы лучше было слышно.

— Оба-на! Как я вижу, вы без нас там не скучаете, госпожа?

Зубы чуть скрипнули, Дэйн тут же поймал себя на этом и расслабился. Эйри — молодец. Не выстави он его, госпожа сразу бы поняла, что ревнует... по-прежнему ревнует! Что же с этим делать то?!

— У меня все нормально. А у вас?

— У нас тоже тихо и мирно.

— Дети?

— Тоже хорошо.

— Отлично. Вечером перезвоню.

И это все? Никакого тебе «Люблю, скучаю»? Тикусьо!

— Слышал все?

— Да.

Эйн сочувственно посмотрел на друга. Да, перегнул тот палку со своими сценами... Если уж госпожа с ним разговаривала в таком тоне, то Дэйнишу вообще пора начинать мазать задницу барсучьим жиром. К возвращению госпожи, если та не остынет, огребет парень по самую «немогучую могучу». Но говорить он ему, конечно, об этом не будет. Вдруг все еще обойдется, а этот мозгобщик себя накрутит за неделю...

* * *

Когда карета с госпожой, управляемая Лейхио, въехала в ворота, все радостно бросились во двор, встречать.

Айрин поцеловала Эйри, Вила, Сайни. Обняла Сабину. Взяла за руку Дэйна и потащила его за собой.

Втянула в его, постоянно пустующую, комнату.

— Раздевайся!

Дэйниш, уже в общем-то, почувствовавший, что секс если и будет, то не совсем обычный, от приказного тона жены занервничал еще больше. Но разделся. И, не дожидаясь приказа, встал на колени.

— Я так скучал без вас...

Айрин фыркнула, отмечая все, что мешало ей идти намеченным курсом. Ей нужен был не просто скучающий без нее мужчина. Тактичные методы вправления мозга мужу не помогли, значит, будут нетактичные.

— Ты никак не можешь перестать ревновать меня к Мийю. Я много думала, что же мне с этим делать... Потому что Мий будет в моей жизни достаточно долго и ты, надеюсь, тоже (Комок обиды и волнения в горле увеличился, обернувшись возросшим в два раза страхом: что госпожа хотела сказать этим загадочным «надеюсь»?). Мне кажется, тебя стоит перевести с нормального секса на тот, который достается Мийю. Ведь раз ты к этому так ревнуешь, значит, тебе тоже хочется. Иди за флоггером.

Дэйн потянулся за штанами, получил звонкий шлепок ладонью по руке. Как мальчишке! Вспыхнул, разозлился. Задышал, глубоко, гневно раздувая ноздри. Глаза засверкали. Хлопнув дверью, вылетел в коридор и дошел до комнаты для наказаний, не встретив, к счастью, никого из парней. Сидят, наверное, сейчас в гостиной. Вино пьют. Тикусьо!

В комнате схватил флоггер, огляделся. Схватил еще две плетки, анфаллос, который терпеть не мог, предпочитая живой член Эйна, огляделся еще раз. Какое-то время размышлял на тему: брать стек или нет, решил не брать. Если будет под рукой, то они сейчас оба в неадеквате, и госпожа, может, и использует.

Здравая часть мозга, сначала полностью атрофированная, начинала потихоньку снова функционировать. Обратно возвращался, успокаиваясь, просчитывая различные варианты развития событий. Манипулировать госпожой он уже научился неплохо.

Вошел в комнату, высыпал все принесенное с собой на пол, опустился на колени возле двери. Госпожа сидела на кровати, поджав губы, и буравила его взглядом.

Дело дрянь, довыдывался, до истерил, кретин ревнивый.

— На кровать, лицом вниз, быстро!

Закусив губу, взгляд в пол, чтобы не сорваться от обиды и не испортить все еще больше. Быстро, на коленях, дополз до кровати. Тля, давно он так не унижался! Лег, заложив руки под голову.

Спину погладили флоггером. Не сразу с размаху, значит все не так уж плохо, как казалось. Есть еще шансы...

— Да, кстати, не волнуйтесь, отца я к мимозе отправил заранее, так что он к нему почти сразу после вашего отъезда приехал и реанимировал.

Ленточки флоггера остановили свое движение. Потом в его спину, между лопаток, уткнулось мокрое личико жены. Поцелуями покрыли

сначала плечи, потом шею, потом, наоборот, по позвоночнику вниз.

— Волчонок, любимый... Тебя, правда, отпустило? Я думала, что раз ты ни разу не поговорил со мной, то продолжаешь... Прости меня, мой хороший! Я тоже так без тебя соскучилась! Я... Просто сил нет, как соскучилась. Без тебя! Ты ведь больше не будешь на меня злиться, золотко?

— Нет, не буду. Он хороший парень, и очень вас любит. И... Я вас тоже очень люблю.

* * *

Жизнь снова обретала стабильный график.

А Дэйниш, очевидно, в качестве компенсации от мироздания за нервный стресс, нашел в пачке бумаг аккуратно запрятанное, специально для него написанное, четверостишье:

Глава 12

Между 22 вайэбом и 10 жниэвенем 327 года. Дом Кэйтирионы.

Кэйт распрощалась с подругой и, прервав связь, уронила голову в ладони. Перед глазами все еще стояла немая сцена отношений Айрин и Эйри, красноречивее всяких слов объясняющая, почему она сейчас одна.

Девушка уже поняла, что совершила очевидную глупость, так рано отказавшись от сына, бывшего единственной привязкой Эйны к ее Дому.

Конечно муж ради приличия попытался скрыть свою радость от того, что добровольно-принудительное заключение закончилось, но прекрасные бесстыжие глаза блестели ярче изумрудов в витрине ювелирного магазина. Обидно...

Осознание того, что деньги за ребенка, как и договаривались, упали на ее личный счет, было единственным, что согревало душу. Мать до них не доберется, даже сумев убедить тетюшку Ойливу, что они ей необходимы. Несмотря на то, что смена Старшей госпожи дома произошла уже давно, Хозяйка по прежнему больше прислушивалась к Эйлиорине, продолжая выполнять ее приказы. Пришла пора показать кто теперь главная в этом доме! Хорошо, хоть брат был больше привязан к ней, чем к матери. Впрочем, та сама виновата. Давно уже надо было пристроить его в приличный Дом.

Кэйтириона жалела мальчишку, очень комплексующего после того, как Айрин выбрала в мужья не его, а Дэйниша. Хотя сама очень даже понимала подругу. Эйлий на тот момент был слишком молод, и, положив руку на сердце, проигрывал Дэйну по всем статьям. Такую звезду, как волчонок — так его иногда называла Айрин, забыв, что посторонние могут услышать — каждая госпожа хотела бы заполучить себе в гарем. Да и в качестве мужа парень оправдал себя на сто процентов, сумев зачать сразу двоих... и самое главное, будущую наследницу.

Кэйт вздохнула.

Интересно, если бы она родила девочку, может быть, тогда Эйри оказался бы более привязан к ней? Или же, наоборот, Айрин нашла какую-нибудь лазейку, чтобы свести их встречи до минимума... Хотя Эйн все равно будет ее мужем до конца жизни! Это даже не обсуждается, несмотря на советы матери. Хватит ее уже слушать — в прошлый раз еле обошлось без скандала...

Кэйт снова вздохнула. Эйри и Айрин так и не желали убираться из головы.

Точно! Эта мысль уже приходила в голову, но была нечеткой, недооформившейся, а сейчас словно все встало на свои места — ей все-таки нужно купить нового раба. Может быть, даже не одного... И попробовать привязать его к себе так, как это делает Айрин — лаской. Хотя, мальчики, с детства привыкшие к повиновению, вряд ли оценят... Но попробовать-то стоит!

Девушка поднялась и, подойдя к зеркалу, покрутилась, придирчиво разглядывая себя. Внутри начинало расти глухое раздражение — чем она хуже Айрин? Ну чем?!

Все при ней — гибкая стройная фигура, густые волосы, немного потускневшие во время беременности. Но сейчас они уже вновь блестели, струясь золотым дождем... Выразительные глаза, тонкие черты лица... Даже брови теперь тонкие, как у подруги! Лишь бы нравились Эйну...

Грудь, совсем не потерявшая своей формы, хотя соски стали чуть больше, но оно и понятно — ведь сама кормила сына... Сама! Не каждая мать может с гордостью заявить о такой жертвенности — зная будущий пол ребенка, разрешить мальчику появиться на свет и кормить его грудным молоком, а не спихнуть в гарем, где бы его кормили смесями с первых дней жизни... О, да, она идеальна в этом отношении. Впрочем, по-другому Кэйт вряд ли бы смогла — ведь это сын Эйны... И все же, несмотря на распирающее понимание, что она правильная мать, девушку немного царапало то, что муж не выразил своей признательности сверх того, что было положено по этикету, хотя, скорее всего, просто еще не осознал. Наверное, стоит дать ему немного больше времени...

Кэйтириона провела ладонями по бокам и скользнула на талию, слегка натянув ткань легкого платья, плотно облепившего ее фигурку. Даже то, что скопилось немного лишнего на бедрах не портило образ, а, наоборот, делало ее более женственной, и вместо стершейся девичьей угловатости появились плавность и грация движений. Не зря же, стоит ей только появиться в гареме, Айк исходит слюной, да и остальные рабы выжидательно замирают, бросая осторожные взгляды из-под опущенных ресниц, в надежде, что молодая госпожа выберет кого-то из них.

Кстати о гареме... Пожалуй, стоит взять пример с Айрин и слегка проредить этот цветущий рассадник. Уж слишком много в последнее время развелось там «нежных мальчиков», с которыми полюбила забавляться мать. Хотя, с другой стороны, хорошо — меньше ее внимания достается

Айку.

После тесного общения с Эйном хотелось и дальше развлекаться лишь с брутальными самцами, а вот эти малолетки, только что после Джордана, на которых облизываются многие старшие женщины в доме, самой Кэйт почему-то перестали нравиться. Теперь подобные мальчики совершенно не вызывают возбуждения. У них даже запах страха совершенно другой — неинтересный, жалкий какой-то. С ними не чувствуешь себя алчущей хищницей, нет той необходимой искорки вожделения, чтобы в жилах закипала кровь от предвкушения...

Да, в первую очередь, надо избавиться от них... Хотя...

Девушка нахмурилась: «Тля!» — и тут же грустно улыбнулась — это ругательство она переняла от Эйри, хоть и не рисковала сама произносить его вслух. Но вот у мужа это выходило так... эротично...

Конечно же, он никогда не позволял себе выражаться в ее присутствии, но она ловила малейший его жест, взгляд, интонацию голоса... Дура наивная! Ну почему Эйн влюбился в свою сестру?! Но хватит об этом.

Кэйт попыталась ухватить ускользнувшую мысль — да, придется из вежливости спросить у матери, кого она хочет оставить себе, да и у Ойливы надо узнать, но на десяток пусть не рассчитывают — троих... максимум, четверых, и — хватит. Сейчас не то положение, чтобы содержать такой большой гарем. Хотя для себя так хочется новеньких...

Мать сама виновата в том, что из послушной девочки выросла та, которой теперь нравилось новое положение, несмотря на большую свободу, к сожалению, подразумевавшее и большую ответственность.

Но самая главная вина матери, по мнению Кэйтирионы, была в том, что ее муж живет в другом доме, и ей приходится довольствоваться единственным еженедельным визитом. Айрин — собственница еще та... Хорошо, хоть не ограничивает время посещений — можно приезжать прямо с утра и оставаться до позднего вечера. Жаль только, Эйри пользуется слишком большой популярностью, и его так просто не заполучить на целые сутки.

Вот это и было самым горьким разочарованием — понять и принять то, что обещанный чуть ли не с детства раб никогда не будет принадлежать ей...

* * *

Мать оказалась немного занята, развлекаясь с одним из этих

молоденьких, что так не нравились Кэйт. Мальчишка безмолвно хлопал длинными ресницами в попытке сдержать стоявшие в глазах слезы...

Госпожа Эйлиорина, в ее понимании, вовсе не была жестокой, она и сейчас предупредила раба заранее, что не хочет от него ничего невыполнимого — просто запретила возбуждаться, пообещав, что накажет. И даже продемонстрировала чехольчик со стерильным стек-фаллосом, намеренно положив рядом, чтобы паренек не забывал.

Но как можно удержаться от возбуждения, когда один из коварных анфаллосов вибрировал внутри? Это было просто невыносимо — раб не мог сопротивляться бесконечно и, конечно же, несмотря на унижение и страх перед обязательной болью, организм не выдержал сладкой пытки, и госпожа тут же ввела стек-фаллос. Пока еще осторожно, пару раз двинула им вверх-вниз, вызывая приближение оргазма. Вот только самого оргазма она видеть не желала, поэтому, как обычно, следующие движения ее пальцев, прикоснувшихся к его члену, будут не ласковыми, а жалящими. Так было не один раз, и вряд ли сегодня случится по-другому. А ведь это еще не все... Если он покажет, что напуган или расстроен до слез, его задницу ждет совсем другой инструмент, приносящий не удовольствие, а словно раздирающий плоть изнутри, и, если повезет — минимум наказание плетью...

Приход дочери госпожи отсрочил его экзекуцию. Парень, не дожидаясь разрешения от старшей Маргойлин, упал на колени, лицом в пол. Так и продолжавший вибрировать внутри анфаллос с торчащим, словно дрожащий хвостик, краешком между ягодич вызывал забавную ассоциацию, напоминая игривого щенка, возбужденно приготовившегося броситься на добычу.

Но девушка лишь поморщилась, поспешив отвернуться — бессмысленное унижение неприятно.

А Эйлиорине в последнее время нравилось забавляться именно с такими, которые у самой Кэйт вызывали что-то среднее между жалостью и брезгливостью. Упругий рельеф мышц тренированного тела Эйри занимал в ее мыслях призовое место, а на эти жалкие подобию мужчин смотреть было противно.

Кэйтириона и раньше не сильно расширяла круг допущенных к телу рабов, чуть ли не с самого детства настроившись на Эйна. Он ей нравился даже когда был совсем мальчишкой, и так горько и обидно было сознавать, что приезд Айрин оборвал последнюю надежду. Ведь если бы та настолько

сильно не привязалась к брату, Сабину, наверное, можно было бы уговорить, чтобы она продала его в мужья.

Как хорошо, что заключен бессрочный контракт. Кэйт не собиралась менять мужа. Отцом ее дочери обязательно должен стать именно он! В крайнем случае, возьмет себе еще одного...

Девушка давно не заглядывала в гарем, время от времени призывая лишь Айка. Беременность, потом время после родов, когда любимый постоянно находился при ней, послушно отрабатывая то, что она разрешила быть рядом с сыном. Надо отдать должное Айрин, которая, видимо, скрепя сердце, дала добро — муж безропотно выполнял все ее прихоти. Только вот Айкейнури совсем загрустил...

Айк... Он практически не уступал Эйну ни в росте, ни в телосложении, почти... Если закрыть глаза...

Айкейнури сам по себе считался одним из лучших приобретений Дома Маргойлин. Мама решила «подсластить пилюлю», когда сообщала, что Сабина отказалась продавать Эйнури даже в качестве мужа, ссылаясь на то, что Кэйт следует подрасти. Девушка с трудом смогла привыкнуть к этой новости и мама правильно рассчитала, подсунув новую игрушку — именно он стал чаще других выбираться юной наследницей. Парню доставалось и боли, и ласки. Правда, боли — гораздо чаще, словно это раб был виноват в том, что его сделали заменой идеалу.

Поначалу, когда Кэйтириона, как послушная девочка, не могла высказывать претензии матери, чтобы ее не упрекнули в непочтительности, и злилась на Эйну, и на Айрин, и на себя заодно, Айкейнури доставалось как следует, и по окончании сеанса его «употребления» приходилось щедро смазывать пострадавшие места маслом иши... А юная госпожа, стремясь выпустить наружу собственную боль от бессилия что-либо изменить, изо дня в день отрабатывала на нем все приемы ломки и подчинения, которым их обучали в Лагере. Вытерпел...

Странно, но вновь и вновь выбирая Айку, Кэйт не видела в глазах парня обреченности, скорее, некоторую настороженность и предвкушение. Непонятную радость, что он будет игрушкой именно в ее руках, а не у какой-то другой из женщин Дома.

Мать поначалу тоже вдоволь поразвлекалась с ним, пока не решила, что с такими вот, как сейчас стоящий перед ней на коленях, ей нравится играть больше.

И тут Кэйтириону озарило внезапной мыслью — а вдруг Айкейнури

влюблен? Может ли такое быть? Вдруг он так же помешан на ней, как Эйпри на своей сестре, а она никогда не обращала должного внимания на такие кричащие мелочи. Почему раньше не задумывалась над этим? Впрочем, госпоже не должно быть дела до чувств рабов... Но если это все же так, то почему тогда что-то екает внутри и приятное тепло разливается в груди?.. Наверное, это не очень хорошо, хватит и одного Эйна, по которому плачет душа... Хотя, в данном случае душа не плачет, а словно отогревается, нежась в новом понимании. Но, прежде чем мечтательно жмуриться, следует все-таки найти подтверждение своей догадке, а то вполне может случиться, что она просто от отчаяния хочет поверить в то, чего не существует на самом деле.

Да было бы здорово. Хотя, конечно... Айкейнури — не Эйпри!..

* * *

— Мама, у меня к тебе предложение! — решительно заявила Кэйт прямо с порога и безапелляционным тоном продолжила: — От которого ты не сможешь отказаться!

Эйлиорина досадливо поморщилась. Дочь невольно спасла мальчишку от наказания, к которому она его планомерно подталкивала, не разрешая показывать свое возбуждение и страх перед последующей болью. И, хоть тот и упал на колени, не спрашивая разрешения, но приветствие, положенное Старшей госпоже, было выполнено безупречно — с этой стороны не придерешься. Пока что его можно было наказывать лишь за то, что он оказался почти на грани. Эйлиорина уже предвкушающее ждала, когда же предательская слезинка сорвется с пушистых ресниц, чтобы обжечь смуглую кожу щеки — и вот тогда уже можно будет смело переходить в другую комнату, ту, которая вызывает у рабов вполне обоснованный страх перед расплатой за провинность. Сколько не проветривай аскетичное помещение с полками для различных девайсов, а запах страха, похоти, боли, возбуждения никуда не исчезает...

— Слушаю тебя? — надменно произнесла бывшая Старшая госпожа. Смириться с тем, что пришлось уступить место дочери, Эйлиорина пока еще не могла и постоянно срывалась. Раньше один только на полтона повышенный голос заставлял Кэйтириону подбираться, опуская глаза, но теперь девушка лишь выше вздернула подбородок:

— Это касается гарема, мама. Я решила внести некоторое разнообразие. Тебе следует выбрать себе троих-четверых, которых я

оставлю, а с остальными я поступлю по своему усмотрению.

— Как? — женщина даже опешила от неожиданности.

— Ну, а что тебе так удивляет, мама? — в голосе младшей Маргойлин послышалась некоторая язвительность. — Наше финансовое состояние, благодаря твоим стараниям, в последнее время не столь завидно, недостойно положения Девятого Дома, и пускать пыль в глаза соседям становится все затруднительнее. И не переживай — естественно, я предоставлю выбор Ойливе и старшим женщинам.

— Но... — возмущенно дернула плечом Эйлиорина...

— Мама! — холодно перебила ее девушка. — Четверо — это лучше, чем один или два, согласись. К тому же, я предоставляю тебе право выбирать первой. Ведь я очень хорошо помню, кто ты для меня, мама.

Глаза женщины недобро сузились, видимо, она лихорадочно просчитывала в уме варианты. Девушке, внимательно следившей за мимикой лица матери, это здорово не понравилось. В конце концов, такого опыта плести интриги, у нее пока еще не было, а в том, что мать сейчас уязвлена и попробует напакостить, сомневаться не приходилось.

Кэйтириона нахмурилась — что она упустила? Ах, да!

— Да, предупреждаю сразу, мама, — на Айка не рассчитывай. Его я вам делить не дам.

Плечи Эйлиорины тут же опустились.

— Хм... Ты быстро учишься иходишь во вкус, дорогая, — сделала она сомнительный комплимент.

Жаль, именно этого раба она и хотела оставить одним из четверых. Нда, ее девочка здорово повзрослела за последний год и нахваталась разной ереси от младшей Вайнгойрт, появившейся так некстати на горизонте. Именно ее дурное влияние чувствовалось сейчас. Хотя, чего еще можно ожидать от воспитывавшейся на другой планете? Да, очень неудачно получилось, что инопланетянка стала Старшей госпожой в Пятом Доме.

Эйлиорина взглянула на дочь. Вызывающая поза и властные нотки в голосе ее милой девочки не оставили сомнений, что Айкейнури она и в самом деле не даст «делить». Наверное, надо попробовать по-другому.

— Кэйт, ты же знаешь, я всегда тебя любила и старалась действовать в твоих интересах, — мягко начала женщина, но завораживающие нотки в голосе, которым старшая Майройлин владела в совершенстве, оставили ее дочь равнодушной и даже, кажется, немного разозлили.

— Ты сейчас об Эйне?

— Дался тебе этот своевольный дерзкий мальчишка! — с досадой поднялась Эйлиорина. — Что ты в нем нашла?! Он слишком избалован. И,

в итоге, ты все равно его имеешь...

— Не так, как мне хотелось бы, мама! И я прекрасно помню твое участие в этой истории, — оборвала ее Кэйтириона. — И вообще, сейчас речь идет о НАШЕМ гареме. Я хочу, чтобы ты подумала о том, кого пожелаешь оставить, и приду за ответом через час, если ты не готова обозначить их немедленно. Пойду пока к Ойливе, пусть соберет остальных и спросит их предпочтения.

— Послушай, меня Кэйт! Я думаю, ты сейчас погорячилась.

— Нет, мама, не стоит нам содержать балласт, все равно создавать видимость бывшего достатка уже не получится при сегодняшнем положении дел.

— Ну, Кэйт, дорогая, мы ведь выручили приличные средства от продажи твоего сына...

— Я! Мама, я выручила! Это только мои деньги, и даже не мечтай о них!.. — раздраженно вскинулась Кэйтириона, делая шаг к матери, и чуть не споткнулась об распростертого на полу парня.

— Но...

— Та-ак... — нахмурилась девушка, вдруг вспомнив о невольном свидетеле. Вот уж перед кем не следовало бы обсуждать подобные вещи да еще в таком тоне.

Схватив лежавший на столе пульт она, отключив вибрацию, швырнула его обратно, и приподняла голову парня, вцепившись в волосы:

— Исчезни! Живо! Госпожа Эйлиорина позже вызовет тебя для продолжения.

Мальчишка не заставил себя ждать, поднялся с колен и умоляюще взглянул на свою мучительницу. Та нехотя вытащила стек-фаллос, ничуть не заботясь о том, чтобы не повредить чувствительную плоть, и презрительно скривилась от невольного всхлипа раба — заорать от боли он не рискнул. Парень изо всех сил пытался показать, что, если бы не приход Кэйтирионы, он бы выдержал, но не смеет перечить Старшей госпоже...

Эйлиорина не прониклась и кивнула, соглашаясь с дочерью, что отпускает его на время — придется продолжить «воспитание», только не теперь, позже.

Парень натянул слегка трясущимися руками свои шелковые штанишки и, со всей возможной для него после такой экзекуции скоростью, вылетел за дверь.

Кэйт отметила, про себя, что ему не помешали бы тампоны с маслом иши, но лично ей этот раб был неприятен, а мать тоже не озаботилась состоянием своей игрушки. Значит подлечится сам, или кто-нибудь в

гареме окажет посильную помощь.

Тийкийлэ выскочил за дверь и прислонился к стене, стараясь унять дергающую боль в уретре. Сама мысль о возвращении в комнату госпожи Эйлиорины именно этим вечером скручивала его внутренности в тугой узел — он привык к боли, повиновению, но сегодня организм просто вопил: «Достаточно!». Сейчас хотелось поскорее прижаться к брату, чтобы тот приласкал (если только его самого не приходится кто-то из Верхних). И, наверное, ближайшие дни оправляться придется только через катетер... Вот гадость...

Ходили слухи, что в доме Вайнгойртов многие имеют собственные пары, но в их «террариуме», как поэтично называл гарем Шайнэйлиер, постоянных пар практически не было. Вечно какие-то подковерные игры, чтобы попасть в фавориты господам или хотя бы Хозяйке. Он мечтал понравиться Кэйтиарионе. Кажется, она единственная была достаточно лояльна к рабам. Ну, может, еще Ойлива... Но Хозяйка уже не так молода, а с юной Старшей госпожой возбуждаться было бы гораздо проще, и терпеть боль от ее рук — вне сомнений, приятней.

Пока парень переводил дух, чтобы заставить свое тело двигаться дальше, невольно услышал из-за двери продолжение разговора.

— Мне не нужны лишние, мама. Как только выяснится, кто останется из ваших предпочтений, с остальными я поступлю, как угодно мне, и вообще, пора немного обновить контингент.

— Ты так и не попробовала Эйли, а твой брат...

— Мой брат пока что мне пригодится для других целей. Я как раз хочу прикинуть предварительную выгоду от продажи, пока Ойлива будет проводить опрос остальных женщин.

— Кэйт, будь благоразумна, девочка моя, начни хотя бы с тех, кому за двадцать пять, зачем избавляться сразу...

В этот момент подслушивающего парня скрутило так, что он едва не оглох от боли и окончания фразы не услышал, зато услышал, что ответила Кэйтиариона:

— За тех, кому больше двадцати пяти, и не окончивших Джордан — много не выручишь. В общем, думай, мама. Я — к Ойливе.

Тийкийлэ отлепился от стены — не хватало только, чтобы его обвинили в намеренном подслушивании. Снова неприятно скрутило в животе, но желание поделиться сногсшибательной новостью придало сил,

притупило боль и, забыв о дискомфорте, мальчишка метнулся в сторону мужской половины дома. Ребята в гареме просто обалдеют, когда услышат, что их ждут бо-ольшие перемены...

* * *

Новость, рассказанная Тийкийлэ в самом деле оказалась сногсшибательной. Правда, в нее не все поверили, кто-то решил, что парень рехнулся, но кто-то запаниковал. Молодая госпожа не приходила, но атмосфера в гареме становилась все напряженнее. Не сговариваясь, парни почему-то не спешили расходиться по своим комнатам. И лишь Тийка ушел к себе, прихватив братишку, который его, конечно, пожалел и даже притащил масло иши, но выглядел так, словно это ему требовалось утешение.

Еще через час ожидание непонятно чего достигло предела, и кое-кто из Верхних, отловив мальков, отправился снимать напряжение обычным способом, уединившись в своих комнатах. Оптимисты начали надеяться, что Эйлиорине удалось отговорить дочь от безумной затеи. Хотя и не слишком ладили мальчики между собой, но все-таки уже привыкли друг к другу, и новенькие им были ни к чему. К тому же призрак вероятности быть проданным в чужой гарем нервировал почти каждого, кого давно или редко использовали, и настроение было соответствующим...

Айк же, решив, что общий психоз вредно действует на его нервную систему, пошел заниматься в тренажерку, но столкнулся в дверях с Рыжиком — Нэйем, старавшимся проскользнуть незамеченным мимо. Айкейнури обрадованно сграбастал парня (чуть-чуть не попавшего в поле зрения Шайна, который смог бы спасти его от неприятного общества), и потащил за собой. Вопить и возмущаться было бесполезно. На эту здоровую сволочь управы не было. А Шайнэйлиер...

Нэйклийанэ нравился спокойный рассудительный, немного ироничный мужчина, и он очень переживал от того, что Шайн на него не особо заглядывается... Так, имеет походя, время от времени, да прикрывает иногда от других Верхних, разрешая оставаться у себя в комнате на ночь. Конечно, здесь среди светловолосых парней Нэй был один такой. Правда на лицо, прямо сказать, «удался»... Еще спасибо, что в бордель не продали. Хозяйке, выбирающей очередную партию рабов, приглянулся его медный цвет волос, такой необычный. Да и стоил он не слишком дорого.

Нэй вздохнул, попытавшись выскользнуть из медвежьей хватки Айка. Буркнул, что пойдет сам, и тот отпустил шею, но пропустил вперед, словно конвоируя. Не повезло... Теперь придется его ублажать, а Айкейнури не слишком сдерживается во время акта, любит показывать, кто хозяин положения.

Рыжик мечтал, чтобы когда-нибудь кто-нибудь врезал Айку как следует, но тот на удивление хорошо ладил с равными себе по силе. Единственным, с кем Айкейнури всерьез сцепился, был муж госпожи, когда тот жил здесь.

Что уж они там не поделили, Нэй точно не знал, не застал самое начало, но ребята говорят, что Аик первый начал задирать Эйна, пришедшего в тренажерку немного размяться. А Эйнри тоже нравилось поддразнивать парня, а может он ему просто сам нравился. Но Эйн был добродушен и никогда не опускался до явной провокации, грозящей дракой, за которую попало бы обоим, а, скорее всего, только одному Айкейнури. Слишком уж Кэйтариона привязана к своему мужу — это ни для кого не секрет. Госпожа все то время, что муж был рядом, Айка совсем забросила, вот он и бесился.

Слово за слово, и оба словно с цепи сорвались, только вот Эйнри, с его отменной реакцией, быстро скрутил соперника. Видимо, тот все же не ожидал такого поворота, рассчитывая, что они в одной весовой категории. Тем более, число побед в гаремных боях у Айкейнури сильно превышало число поражений.

В бессильной злобе пытаюсь вырваться из весьма двусмысленной позы под навалившимся сверху Эйном, парень зло прошипел ему, проехавшись по самолюбию:

— Что, крутой, на наследницу генофонда в твоей сперме не хватило? Радуйся, что наша госпожа пожалела и выносила твою генетическую оплошность. И прохлаждайся теперь здесь, пока твою госпожу ублажают остальные. Вас же там много вокруг нее одной? Скучать без тебя не будет!

К удивлению Нэйя, это замечание не взбесило парня, а словно деморализовало на мгновение, будто его ударили поддых — и Айку хватило секундного замешательства, чтобы скинуть соперника. А тут уж и ребята подскочили, разняли их, посоветовав уgomониться, пока не дошло до женщин. Неизвестно, как отнеслась бы к подобному событию молодая госпожа, но вот если бы прознала старшая... Бывшая старшая госпожа точно поимела бы обоих. И Айкейнури досталось бы и в прямом, и в переносном смысле. Эйнри-то только бы мозг прополоскали через уши. Что еще можно сделать мужу Старшей госпожи Дома и чужому рабу, к

тому же?

Пока что можно было расслабиться, Айку похоже просто скучно было одному в зале, и он кивнул на соседний тренажер:

— Давай, Рыжик, тебе есть еще над чем поработать.

Вот сволочь! Нэй сморщился. Он только что как раз отсюда, уже и позанимался, и в бассейне поплавал, но все-таки лучше согласиться. Пусть уж Аик сбросит хотя бы половину на физические нагрузки, глядишь, и на секс меньше сил останется, а то, может, и совсем обойдется...

Шайн развалился в дальнем углу общего зала на широком пуфике, придвинув кальян к себе ближе. На все происходящее он смотрел слегка отстраненно и почему-то не слишком волновался. Двадцать девять — это уже не девятнадцать. Ему остался всего год до того, как произойдет церемония усыпления, и парень вполне справедливо полагал, что его вряд ли уже кто купит. Скорее всего, госпожа Кэйтириона оставит доживать здесь, ради былых заслуг... Хотя она его в деле и не испытывала никогда. Он вообще уже очень давно не пользовался благосклонностью женщин Дома.

Когда-то старшей Маргойлин было забавно его ломать. Он был у нее почти что «любимчиком», до тех пор, пока как-то раз она на одной из вечеринок не перепила вейкоктейля настолько, что забыла его вовремя отпустить. И им всласть позабавились остальные пьяные женщины. Он потом долго без содрогания не мог вспомнить тот вечер, от одного только воспоминания — начинались фантомные боли.

А всего через день, несмотря на его состояние, госпожа Эйлиорина вновь вызвала его к себе, но почему-то слегка брезгливо прикасаясь к нему. Будто не она виновата в том, что его имели, как последнего из бордельных рабов...

Кому она мстила, непонятно. Ему? Или пыталась оправдаться перед собой, причиняя рабу боль? Он тогда словно вообще перестал чувствовать, лелея только одно желание — сдохнуть, потому что и душевные, и физические страдания казались в тот момент запредельными... Только кому до этого было дело? И Шайн не нашел ничего лучшего, чем вообще перестать сопротивляться и никак не показывать своего состояния, словно вымороженный изнутри. Ему казалось, что конца-края этому персональному аду, состоящему из боли, унижения, насильного возбуждения и последующего наказания, не будет. Такая явная апатия и покорность стоили ему оставшихся на бедрах шрамов...

Платить врачу за вызов и еще немалый штраф за жестокое обращение

с рабом никто не пожелал. К тому же, Эйлиорина тогда как раз пристрастилась к азартным играм... И домашнего лекаря тоже, почему-то, решили не беспокоить, кажется, он был в отъезде, что случилось крайне редко, но ему «повезло».

Шайну хотелось тогда только одного — чтобы его усыпили, не дожидаясь тридцатилетия.

А потом Старшей госпоже подфартило, и на выигрыш она закупила новую партию рабов. Все равно Шайн был некоторое время недееспособен, а вскоре о нем и вообще позабыли — Эйлиорине понравилось играть в «нежных мальчиков». Нет, другие женщины его иногда использовали, но уже не так интенсивно, к тому же он постарался придерживаться выбранной линии поведения, словно ему вообще все безразлично, и очень скоро остался на голодном пайке...

Уже не первый год его выводили лишь к гостям, но больший интерес вызывали конечно же такие, как Айк или муж Кэйтиорионы...

Шайнэйлиер больше не был Нижним, хотя иногда и хотелось почувствовать внутри себя распирающую живую плоть вместо бездушного анфаллоса, но следовало поддерживать имидж хотя бы в гареме — здесь соблюдалась строгая иерархия.

С Айкейнури они не очень ладили. Когда тот только прибыл сюда, в первый год, Шайн попытался подмять молодого парня под себя, но тот, чудом сумев извернуться, чуть не поймел его самого. А за последующее время возмужал еще больше, основательно заняв верхнюю позицию.

А в тот раз, когда дошло до драки, они оба очень радовались, что застала их Ойлива, взявшая на себя обязанность наказать обоих... Это было более гуманно, чем попасть в руки Старшей госпоже. Наверное, все-таки хорошо, что теперь власть в Доме перешла к Кэйтиайрионе.

Тогда, после наказания за драку, он отлеживался у себя. А молоденького новенького увела юная госпожа, и вернулся Айк лишь спустя пару суток, довольный, как кот, обожравшийся сливок...

Шайн обвел взглядом помещение, которое снова начало заполняться выползшими из своих комнат парнями, пытаясь угадать, на кого падет выбор госпожи на «вылет». Сколько их будет? Стоит ли переживать заранее? Правда у него особой привязанности ни к кому не было... Разве что к Рыжику, да и то лишь потому, что парень сам за ним ходит хвостиком. И все же, по какому принципу будет происходить отбор? И главное — когда? Ведь уже вечер?

Через час с небольшим вернулся Айкейнури, и с грацией сытого хищника опустился рядом. Потемневшие от влаги волосы были зачесаны назад. На широких обнаженных плечах красиво сверкали капельки воды. Словно бы не специально поиграл мускулами на руках, напряг пресс, чтобы можно было сосчитать все рельефно выступившие «кубики», и лишь затем лениво потянулся, расслабляясь.

«Позер!» — хмыкнул Шайн, покосившись. Но и в самом деле хорош — один из лучших в гареме. Даже у него на Айка вставало, только, вот беда, они оба были Верхними. Может, поэтому и не ладили, что парень от него явно чего-то хотел, вот так соблазняя мимоходом. Но уступить?.. Нет, обойдется.

В дверном проеме мелькнула рыжая шевелюра Нэя, но парень сразу ушел к себе. Значит, все-таки Аик его трахнул после тренировки. Шайнэ вздохнул. Рыжик его умилял этой своей стеснительностью, тем, будто чувствовал себя виноватым, что не смог сопротивляться. Теперь вот пару часов порефлексирует, прежде чем снова придет, чтобы преданно заглядывать в глаза, ожидая, когда Шайн позовет его на ночь.

Айкейнури, похоже, мало интересовало, что происходит вокруг, и, возможно, он прав — насчет себя едва ли ему стоило волноваться. Молодая госпожа с ним вряд ли расстанется. Да и таких, как он, прокачанных, в последнее время была только половина гарема. Женщины, вслед за старшей госпожой, переключились на сублильных парней. То ли у них мода новая, то ли с возрастом пришло, то ли еще по какой причине.

Но его слова о том, чтобы почаще ходили в тренажерку, довольная популярностью молодежь игнорировала. Всего пятеро, помимо Айка, были просто фанатиками спортзала, проводя там почти все свободное время. То ли парням не хватало вывода из организма адреналина, то ли просто от нечего делать.

Айка тоже в последние месяцы отлучили от кормушки, и парень сидел на голодном пайке, если только не считать, что он перепробовал всех Нижних и чуть не добрался до Верхних. А может и добрался, но если что и было, то все помалкивали. Хотя в последнее время от вспышек его агрессии было уже невозможно укрыться. Только слепой мог бы не заметить, что он ревнует Кэйтириону к ее мужу. Но это же просто смешно! Раб по определению должен любить и почитать свою госпожу, вот только, кажется, Айка и в самом деле прихватило по-настоящему. Тем необычнее было то, что сейчас парень выглядел совершенно уравновешенным.

Шайн снова бросил взгляд на Айкейнури — попал все-таки парень...

Он как-то читал о подобной любви, которую может испытывать мужчина к женщине — на других планетах все было как-то странно, особенно то, что чаще мужчины доминируют, а женщины — в подчиненной роли или на равных. Понять и принять это, когда он на втором году обучения вскрыл заблокированный для просмотра от учеников Джордана сайт, было очень непросто. Но вот у Кэйтирионы объявилась подруга, как раз прибывшая с одной из таких планет, и хоть госпожа Айрин и старается придерживаться местных традиций, но только все равно земля слухами полнится. Хотя и не афиширует она свои настоящие отношения, а ведь явно что-то со своими мужчинами сделала. Их госпожа не хуже Айрин красавица, а Эйри отбывает положенное по этикету с женой время, словно срок на каторге.

Н-да, умом такого не осилить...

В время учебы полученные тайком сведения казались какой-то сказочной выдумкой. А он еще и радовался, что есть такие планеты, где женщины-рабыни подчиняются мужчинам и точно так же живут в гаремах, в полной зависимости от милости своего Господина. Даже размышлял, что хорошо бы оказаться каким-то чудом в космопорте и как-нибудь пробраться на корабль, который отвезет его хоть на денек в подобный сказочный рай... Так размышлял... что его засекла служба безопасности, и он был нещадно порот, ну, и все остальное наказание, естественно, прилагалось... Задница болела долго и внутри и снаружи.

Наказание в тот день последовало незамедлительно, и все последующие годы обучения в него пытались вбить одну простую вещь — он вещь, «домашний питомец», и никаких других миров лично для него не существует в природе. И если он хочет оставаться обласканным домашним питомцем, то должен научиться себя вести соответственно. Он старался, а толку?

Джордан... Всего год не доучился до выпуска...

Тогда его ценность была бы гораздо выше... Но нет, все сложилось не так, как он мечтал. Мать умерла, и его тетюшка почему-то решила больше не оплачивать его обучение, ожидая, пока окупятся вложенные в мальчишку средства, и продав его полноценным выпускником. Предпочла вместо этого сумму, полагающуюся на год его обучения, потратить на приобретение новой партии рабов для собственного гарема.

Самым ужасным было то, что он совершенно не ожидал такого предательства. Ему казалось, что мать и ее сестра хорошо ладили.

Ходили слухи, что они рассорились из-за какого-то раба, но это просто смешно. Средств в семье хватало, чтобы купить себе троих подобных,

чтобы у каждой было хоть по две одинаковые игрушки. Но факт остается фактом, мать умерла от острого пищевого отравления... Конечно же, было расследование, но дело быстренько замяли, убрав под шумок и повара (раз отравление пищевое) и свалив всю вину на него. Но Шайн не был уверен, что это на самом деле так. И в подтверждение этой версии говорило то, что, забрав из Джордана, его даже домой не завозили — сразу выставили на торги.

Айк покосился за задумавшегося Шайна, снисходительно ухмыльнулся и передвинул кальян ближе к себе:

— Что, обкурился? Или просто медитируешь?

— Угу, — неопределенно отозвался мужчина.

— Ну, и кто по твоим наблюдениям будет первым? — не выдержал все-таки Айкейнури, чуть прищурившись и обводя взглядом помещение, в котором снова прибавилось народу.

Шайн пожал плечами:

— Угадай сам.

— Вот эта парочка — Кэйтиайриона их ни разу не выбирала, — кивнул Айк на Тийкийлэ с братом, выползших в общую гостиную, но пристроившихся на одном из пуфиков в уголке. Тийка был бледен и даже смуглая кожа не скрывала, что ему, мягко говоря, хреново.

— Не-а, не угадал — этот как раз только что отработал, в них Эйлиорина любит играть.

Парни, на которых не церемонясь, небрежно указали, заметно сникли, ссутулив плечи и прижавшись друг к другу, как сиротливые щенки.

— Ты удручающе тактичен, — хмыкнул Шайн. Он этих «нежных» тоже недолюбливал. Вот Нэй, например, тоже был Нижним, но на пацана любо-дорого посмотреть. Это он пока Нижний, но скоро свое возьмет. Черты лица Рыжика пока еще имеют юношескую свежесть, но разворот плеч не оставляет сомнений, что он еще возмужает и вытянется в рост.

Шайн замечал за Айком некоторый интерес к Нэйю, но чаще парень зачем-то таскал Рыжика с собой в тренажерку, и занятия в спортивном зале не всегда заканчивались банальным трахом в душевой. Нэйю это не нравилось. А вот сам Шайн не возражал — ему остался всего год до церемонии. За год Нэй еще не будет достаточно готов, чтобы постоять за себя и утвердиться Верхним. Жаль, если мальчишку не пропустят. А вот Айк, похоже, понимает, что у парня все задатки и если и ведет себя с ним грубо — так это с расчетом на будущее, чтобы Рыжик не зарвался в отношении него. Пусть по привыкнут друг к другу, может... Кто знает, что у

них может получиться в этом серпентарии, но все-таки...

— А что? — усмехнулся Айкейнури, откидываясь назад, оперевшись на локти. — Хотя, ты прав — хрен тут угадаешь. Тебя вот, между прочим, ни одна госпожа уже давно не выбирала.

— На что ты намекаешь? — напрягся Шайн, выныривая из созерцательной задумчивости.

— Я не намекаю — просто констатирую факт.

— Я вообще-то, тоже наблюдаю странную тенденцию, — не остался в долгу задетый замечанием Шайн. — Ты в последнее время вроде как остался ни с чем. Сколько времени прошло с тех пор, как Эйври отвалил к себе домой, а тебя что-то нечасто зовут. Вот так оно и начинается, парень.

— Мне всего двадцать три! — искренне возмутился собеседник.

— Ага, — съехидничал Шайн, — а мне было всего двадцать четыре...

Айк помрачнел, но что-то достойное ответить не нашелся.

Поднялся, смачно выругавшись, кивнул одному из несчастно вздохнувших мальков, и пошел в свою комнату. Мальчишка засеменял следом...

Глава 13

Между 22 вайэбом и 10 жниэвеном 327 года. Дом Кэйтирионы.

День, заставивший мужскую половину Дома Маргойлин поволноваться, подходил уже к концу, но в гареме все равно оставалась напряженная атмосфера, несмотря на витающий в общей гостиной сладковато-приторный дурманный дымок кальянов, который, по идее, должен был расслабить присутствующих. Самым непонятным оказалось это странное затишье — не только Старшая госпожа не появилась, но и вообще никто из женщин не затребовал себе игрушек. Тийка, жуть как не хотевший возвращаться для продолжения экзекуции, называемой госпожой Эйлиориной «воспитательным моментом», был доволен хотя бы этим фактом — ему действительно требовалась передышка. Что готовил грядущий день — непонятно. Кое-кто снова решил, что новость о перетасовке гарема всего лишь слух, но то, что парней вообще никто не побеспокоил — хотя обычно под вечер женщины приходили за своими «любимчиками», чтобы нескучно провести время до сна — было непривычно странным. Укладываться в такую рань и всем составом было как-то неправильно и тревожно. Единственно, грела мысль, что всех скопом вряд ли их куда-то сплавят...

Брат Кэйтирионы, Эйлий, у которого можно было бы выпросить подробности, тоже ни разу не заглянул. Передвигаться же по дому, когда такие дела творятся, мужское население не рисковало.

Но едва парни расслабились в надежде, что наступающая ночь даст им некоторую отсрочку от оглашения приговора, хотя бы до утра, как влетел взъерошенный Эйли и велел всем собраться в гостиной.

Мальки резво бросились по комнатам звать тех, кого не было в общем зале.

Остальные обступили Эйлия, надеясь у него выпросить, что происходит.

— Сейчас придет госпожа и сама объявит, — отмахнулся он от наседающих. — А пока проветрите тут, и всем раздеться до пояса!

Гейнийляша, державшего гарем не первый год, маловразумительный ответ не удовлетворил, но сейчас трянуть парнишку, чтобы тот проболтался, мужчина не решился. Статус родного брата Старшей госпожи

и первого помощника Ойливы, давал пацану некоторую неприкосновенность. По крайней мере, если и проучить нахаленка — то не так открыто, когда в любой момент может войти сама госпожа Кэйтиариона. «Старшинство» в гареме к Гейну перешло по «наследству», потому что, попав в гарем, он сразу приглянулся тогдашнему зрителю, и когда тот достиг своего тридцатилетия, как-то само-собой получилось, что именно Гейнийляша признали Старшим. На тот момент Верхних, с кем он не состоял вообще ни в каких отношениях, было только трое, в том числе Шайн, но по молчаливому согласию, они признали его без вопросов, а вот остальным пришлось доказывать, хотя бы по разу.

Больше всего хлопот потом было с Айком. Правда, тот попал в гарем еще слишком молодым и его амбициям не суждено было реализоваться, по крайней мере до тех пор, пока перед Гейном не замаячит церемония усыпления. Для двадцативосьмилетнего парня это противостояние было делом принципа, и если уж Айкейнури захочет, то пусть рыпается через пару лет — успеет еще насладиться всеми «прелестями», дающими некоторую власть, и потешит свое самолюбие.

Гейнийляша младшая госпожа не сильно привечала, и это обижало мужчину. К тому же он привык, что его слушались беспрекословно практически все, кроме Айка. Но открыто конфликтовать с любимчиком Кэйтиарионы, особенно после того, как она была объявлена Старшей госпожой Дома Маргойлин, мужчина уже не рисковал. Теперь Гейн просто старался не доводить до ситуации, когда им с Айкейнури пришлось бы выяснять отношения, но то, что парень больше под него не ляжет, было очевидно. Да впрочем, и в прошлом это было-то всего пару раз, несколько лет назад, когда пришлось доказывать, кто собственно здесь главный. А так Гейнийляш был вполне вменяемым, и большего сверх того, чтобы просто не зарывались, не требовал. А Верхних и вообще не трогал... разве только в самом начале, когда поступал новенький, чтобы «определить» его место в иерархии, ну, или за особо тяжкую провинность. Решения Гейна обычно не обсуждались, даже если и не всегда одобрялись большинством.

Айкейнури появился предпоследним. Бросив взгляд на слегка помятую спронею физиономию парня, Эйли скривился:

— Ты что, Айк? Быстро приведи себя в порядок! Госпожа будет с минуты на минуту.

Парень пожал плечами и пошел умываться. Гейнийляш только зло сощурился, глядя ему вслед: вот ведь сучонок! Тут все на измене, а этот натрахался и уснул себе, будто его происходящее и вовсе не касается.

Через несколько минут вошла Кейтайриона, и рабы слаженно бухнулись на колени, приветствуя свою госпожу.

Девушка была непривычно сосредоточена и явно не слишком довольна предстоящим действием.

— Можете подняться, — разрешила она, наблюдая, как парни проворно принимают вертикальное положение, поднимаясь с колен.

Красивое зрелище — столько хищной грации и почти изящества, отработанного годами и ежедневной муштрой, словно исполнили танцевальное па. Замерли, расправили плечи, руки за спину, подбородки опущены, глаза — в пол. Идеально!

Кэйт подавила вздох. Сейчас, глядя на все эти великолепные тренированные тела, особенно те, что в первых рядах, девушка снова затосковала — они до боли в груди напоминали ей о муже. Тийка и ему подобные стояли в самом конце, за широкими спинами, впрочем, Кэйт наслаждалась именно теми, кто оказался рядом...

Подавив желание скрипнуть зубами от того, что Эйна нет среди ее рабов, госпожа протянула руку, и Эйли проворно подал ей список из папки, которую принес с собой.

Выяснение, кого кому все же оставить, вызвало недовольное роптание среди обитательниц Дома, особенно среди старших женщин. Мать благоразумно помалкивала, но девушка не могла отделаться от мыслей, что паломничество в ее комнату, где она обосновалась вместе с Ойливой и Эйли, прикидывая перспективы от продажи неугодных рабов гарема, все же не обошлось без участия старшей Маргойлин. Конечно же, напрямую потребовать объяснений никто не рискнул, но выслушивать обиженное негодование или слезливые просьбы оставить не двоих, а хотя бы четверых для каждой из женщин, а не только для избранных, было просто возмутительно.

У Кейтайрионы чуть не разболелась голова, но тут братишка подсказал выход, за что получил от тетушки весьма неодобрительный и не суливший ему в дальнейшем ничего хорошего взгляд поверх очков.

Парнишка сразу же заткнулся, поевжившись, но Кэйт уже уловила правильную мысль. Отпустив Ойливу заниматься хозяйством, она, вместе с Эйли угробили еще пару часов на то, чтобы составить график, по которому наглядно было видно, кто из рабов уж точно пользуется спросом. Вообще-то выходило славно — сразу определились «неприкосновенные» лидеры и те, кого упомянули лишь один или два раза.

По странному стечению обстоятельств, «неохваченными» не осталось ни одного. Вот точно, без негласного вмешательства матери не обошлось. Эйли тоже согласно кивнул, разглядывая получившийся график.

— Ну, нет уж, мама, буду брать пример с тебя, раз ты такая премудрая, — пробормотала Кэйтириона вслух, и братишка вскинулся, внимательно вглядываясь в сосредоточенное лицо сестры.

— Мне уже пугаться, госпожа? — его серьезный взгляд, в котором сейчас светился живой ум, а вовсе не усмешка, умилил девушку.

— Перестань, разве когда-нибудь я обижала ТЕБЯ? — Кэйт протянула руку, растрепав парню светлую челку, скользнула тонкими пальчиками вдоль щеки. На мгновение он прижался губами к ее ладони, безмолвно благодаря за милость. Дерзко, конечно, но к брату Кэйт испытывала совершенно неправильные чувства. Мужчины не делились на своих и чужих, брать дозволялось любого, лишь бы не возникало конфликта интересов между женщинами... Братьев и близких родственников нельзя было брать лишь в мужья, а вот держать их в гареме и пользоваться — запросто.

Но Кэйтириона не могла представить себе, что с Эйли можно и нужно обращаться, как с любым из своих мужчин, чтобы он не забывал, кому всем обязан в этом доме. Пока он обучался в Джордане, все было просто великолепно, но пребывание в доме, да еще и в статусе первого помощника Хозяйки, позволило мальчишке думать, что ему позволено больше, чем остальным. Впрочем, так оно и было, но распускать его все же не следовало. Пора искать ему жену, пока еще не обнаглел окончательно. Хотя ломать потом, конечно, все равно будут под прихоти новой госпожи, и брату все равно придется несладко. Девушка жалела Эйли, но правила никто не отменял, и все-таки надо обращаться с ним построже. Хорошо бы его забрать ненадолго к себе, чтобы уже никто, даже мать не посягала, но что-то в этой идее претило девушке, и она не могла понять, почему? Ведь Айрин и Эйри... правда, они двоюродные, но все же...

Эйли грустно вздохнул:

— О чем вы задумались, госпожа?

Кэйт вздрогнула. Нечасто они откровенничали.

— О нас...

— Госпожа? — братишка тут же напрягся, всем своим видом выражая неподдельный интерес.

— Не сегодня, милый. Это очень непростой разговор. Давай в другой раз.

— Да, госпожа, — согласился парень, опустив голову, чтобы скрыть

закушенную от досады губу.

А вот, кажется, настолько искренен брат был лишь с ней. За проявившееся на лице Эйли недовольство полагалось наказание. Только вот наказывать не хотелось. Слишком уж хорошо Кэйт его понимала. Всегда понимала. И именно к ней брат прибегал искать утешения, когда оказывался чересчур затисканным материнскими подругами.

— Вот, перепиши этих, — ткнула Кэйтириона в список, — где один-три голоса. Отбери десяток. Хочу сама посмотреть, на что они годны. В конце концов, я не обязана учитывать все прихоти, достаточно того, что, проявляя уважение, учла интересы старших женщин. Остальных даже смотреть не буду, сразу продадим.

Список возглавлял Гейн, здорово перетрухнувший, заметив, что вместе с ним влево передвинулись те, на кого молодая госпожа обычно не обращала внимания (Тийка был в их числе), и выдохнувший лишь когда прозвучало имя Айкейнури.

Парня «отпустило», значит, он все-таки среди тех, кого точно не коснутся перемены. Таких оказалось чуть больше тридцати.

Основной части еще не озвучили их участь — на рынок, завтра.

Осталось лишь десять ребят, которые не могли понять, на каком они свете, в черном или в белом списке.

Радостное оживление выдохнувших счастливицов, после того как к ним присоединился Айк, разом смолкло, как только парни смогли оценить масштабы бедствия. Вряд ли среди них было настоящее сопереживание неудачникам, но что-то вроде легкого сочувствия проявилось.

Девушка обвела взглядом две небольшие группы, стараясь вообще не смотреть в сторону третьей, и, почему-то, удовлетворение от собственного решения не получила. Рыжик, на которого она уже давно обратила внимание, но пока еще ограничилась только тем, что пару раз потискалась-пощупала, выглядел гораздо несчастнее Шайна, оставшегося в списке потенциальных неудачников. Но именно на него Нэй и смотрел сейчас. Правда, поняв, что его «засекли», парень тут же опустил ресницы.

«Ого, оказывается, у мальчишки есть привязанность... не мог выбрать кого помоложе», — недовольно отметила Кэйтириона.

— Ну что же, те, кто в первом списке, могут быть свободны. Ах, да! Тийка, ты немедленно идешь к госпоже Эйлиорине. Не заставляй ее ждать. Остальные сегодня отдыхают, по моему распоряжению.

Мордашка несчастного мальчишки, которому очень хотелось только одного — добраться до своей кровати, перекосилась, но перечить он не

посмел. Правда, и бегом не побежал. И, скорее всего, не столько из-за того, что потерял страх перед возможным наказанием, сколько из-за своего физического состояния.

Кейт даже почувствовала к этому недоразумению нечто вроде жалости, но входить в конфликт с матерью больше, чем она уже сегодня вляпалась, в планы девушки не входило — ничего, переживет как-нибудь.

У нее сейчас другая задача. С кого бы начать? Парни, попавшие в список «неопределившихся» казались надломленными.

Наверное, хорошо, что девушка не могла сейчас рассмотреть выражение их глаз, но на бледных лицах попавших в немилость было потерянное выражение. Интересно, каждый ли уже успел осознать, что он потенциально приговорен? То, что им не место в этом гареме, они поняли. Похоже, ее появление не было сюрпризом, а проболтаться об осенившей Старшую госпожу идее было некому, кроме «свидетеля» ее разговора с матерью, значит, Тийка получит свое заслуженно.

Кэйтариона еще раз скользнула взглядом по опущенным плечам, чуть сутулившимся спинам и объявила:

— Шайнэйлиер!

— Да, госпожа?

— Жду тебя через полчаса, не смей опаздывать!

Мужчина облизнул враз пересохшие губы, совершенно сбитый с толку — это-то еще зачем, если уже и так понятно, что он не нужен и будет продан? Или не все с ними десятью так просто? И будут проданы не они, а все остальные оставшиеся в зале?

— Д-да, госпожа, — еле выдавил он, низко склонив голову, и тут же, развернувшись, рванул в свою комнату.

Девушка поманила пальцем насупившегося Айкейнури, и, тут же просиявший парень опустил ее ног.

— Встань, — прошептала ему Кэйтариона. — Мне показалось, или ты посмел меня ревновать?

— Вам показалось, госпожа, — смиренно ответил врунишка, бросив быстрый пронзительный взгляд на свою госпожу, и тут же снова изобразив готовность понести «заслуженное» наказание.

— Хорошо, потому что в ближайшие дни я буду немного занята, — сообщила девушка, решив немного прояснить ситуацию, чтобы любимчик не изводил себя напрасно. — Эта десятка — под большим вопросом, я хочу протестировать их сама.

— Этих? — скривился и чуть повысил голос Айк, и тут же спохватился: — Простите, госпожа...

— Ты верно услышал, — усмехнулась Кэйт, потрепав раба по скуле, под которой перекатывались желваки. Бессильная злость на тех, из-за кого он вынужден будет ждать, пока любимая госпожа соизволит снова одарить его своим вниманием. А девушка продолжила: — Надеюсь, поймешь тоже правильно, и мне не придется повторять.

— Да, госпожа, — парень просто процедил положенный ответ, даже не постаравшись изобразить на лице покорность.

— А в качестве компенсации твоей моральной травмы, мой хороший, я объявила на тебя мораторий. Никто из женщин тебя больше не позовет, пока я не решу иначе.

— Правда? — Айк с надеждой и облегчением посмотрел на госпожу.

— Разве ты сомневаешься в моих словах? — вопросительно вздернула бровь Кэйт.

— Ни в коем случае, госпожа. Простите!

— Умничка, — девушка не удержалась от соблазна провести ногтями по напрягшимся кубикам пресса почти до самой темной дорожки жестких волосков, «ныряющих» под свободные широкие штаны с очень низкой посадкой. На бедрах они удерживались только за счет двойной резинки пояса.

Айкейнури шумно втянул воздух, проследив взглядом за тремя набухшими полосками потревоженной до крови кожи. Но это было все, чем он позволил выдать свое желание отправиться за госпожой в ее комнату немедленно.

«Неудачников» он почти ненавидел — именно из-за них Кэйтариона отлучала его еще на несколько дней... Зачем ей вообще кого-то проверять самолично?!

Парень бешено ревновал. Понимал, что это глупо, что желания или прихоти госпожи — не его ума дело, но все равно жутко страдал. С таким собственническим характером ему было непросто мириться с своим положением, но теперь от него уже ничего не зависело. Это в детстве определяют, кто из мальчиков достоин гарема, а кто может рассчитывать лишь на должность спеца в какой-либо из областей хозяйства. У него оказалось достаточно внешних данных. А характер? Кто же обращает внимание на характер маленького раба? Он и сам не знал, в кого такой вспыльчивый уродился. И, вообще-то, с госпожой ему очень повезло, она делает скидку на его молодость и горячность. У другой, да хотя бы даже и у матери Кэйтарионы, Айк уже давно ходил бы по струнке, если вообще смог бы ходить после «воспитательных мер».

— Я смогу увидеть Вас завтра днем, моя госпожа? — тихо спросил он.

— Конечно, — ободряюще кивнула ему девушка, отворачиваясь.

Как только Кэйт вышла, Айкейнури, обернулся и увидел, что к расстроенному Рыжику уже подбивают клинья и скрипнул зубами.

— Нэй! Ты что, забыл?! — рявкнул он так, что Нэйклианэ вздрогнул и оторопело вытаращил глаза. Вообще-то, он ничего такого и не обещал, но Айк уже уверенно направился к нему.

Рыжик закатил глаза — когда-нибудь этот «террорист» уже удовлетворится? Но выпендриваться не хотелось, и, выбирая из двух зол меньшее, парень решил, что лучше уж пойти с Айкейнури.

У двери в комнату Нэй все же решил возразить:

— Я не хочу...

— Не поверишь, — невесело хмыкнул Айк, — я тоже. Тащи пока свою гитару, а там видно будет, как карта ляжет...

Два раза повторять не пришлось. Нэй был достаточно сообразительным. Может быть, вполне удастся поразвлекать Айкейнури лишь игрой и песнями, и тот его не выгонит до утра?

Настроение у обоих было почти на нуле. Впрочем, в репертуаре Нэйклианэ было много композиций. А ему сейчас хотелось быть из-за того, что с Шайном придется расстаться. Но и Айк не разделял общего веселья оставшихся оживленно общаться в одной из больших комнат парней, делящихся впечатлениями, кто что успел прочувствовать, пока оглашали списки. Правда, у него была совсем другая причина, но тоже уважительная.

Рыжик еще ни разу не был с госпожой, но надеялся, что она все-таки когда-нибудь позовет его. Опасение вызывало лишь предположение, что благосклонность госпожи может отразиться на его заднице из-за ревнивого характера главного любимца... Но ради такой возможности стоит потерпеть...

* * *

Кэйтириона успела принять душ и набросить полупрозрачный пеньюар из легчайшего струящегося шелка бирюзового цвета.

Она заметила одну особенность, проведя ладонью по огромному запотевшему от пара зеркалу — в этом однотонном пеньюаре, лишь с нежной вышивкой по краю горловины и рукавов, ее зеленые глаза казались

почти голубыми. Вообще-то, красиво... Надо было раньше перед Эйном покрасоваться, но ничего, может быть, еще выдастся случай.

Шелк удивительно нежно ласкал обнаженную кожу, и Кэйт была настроена благодушно.

Выйдя из ванной, она увидела, что выбранный раб уже здесь, стоит, замерев у двери.

Коротко кивнула, и парень, упав на колени, подполз к ее ногам.

На нем была легкая рубашка и свободные брюки, плотно облепившие аппетитную задницу.

Согнутая спина выдавала нервное напряжение, и девушка удостоила раба легкого поглаживания по плечу:

— Поднимись, — велела она. — Разденься.

Шайн безропотно выполнил ее требование. Выпрямился, живо сбросил одежду и, убрав руки за спину, опустил глаза в пол, открываясь.

Девушка окинула фигуру мужчины оценивающим взглядом. Конечно, это далеко не Эйн, да даже и не Айк, но сложен вполне пристойно. Мышцы тела не перекачаны, хотя и четкого рельефа, так привлекавшего ее в Айкейнури, не наблюдалось. Впрочем, это не главный недостаток.

Кэйтариона обошла вокруг замершего раба, оставляя ногтями отметины на коже и с удовольствием наблюдая, как подтягиваются мышцы в ответ на незатейливую ласку. Попка была что надо, да и ствол, пока еще находящийся в спокойном состоянии, не вызывал неприятных ассоциаций.

Хотя... И тут девушка помрачнела. Одну неприятную мысль он все же вызывал. Без этой части мужского тела пока еще не удавалось обходиться в процессе зачатия. Конечно, всегда существовал риск вместо девочек-наследниц получить мальчишек.

Многие женщины для зачатия второго и последующих детей использовали искусственное оплодотворение. Но общественное мнение и Мать Всего Сущего осуждали подобное, если речь заходила о продлении рода. Наследница должна была быть зачата традиционным путем.

В принципе, Кэйт никогда не разделяла мнения многих подруг, что вот этот «отросток» был чем-то омерзительным.

У Эйна ничего такого отталкивающего девушка не находила точно, но у него вообще все было прекрасно. Один раз попыталась представить Айкейнури без «этого самого» и даже смешно стало — это был бы уже не он! Нет, определенно, или она такая извращенка, что ей нравится разглядывать мужские гениталии, или же матушкины и ее подруги лукавят, не желая признавать, что это вовсе не так тошнотворно, особенно, когда раб возбужден. Что-то такое странное волнующе царапает в груди и

заставляет усиливаться пульсацию предвкушения внизу живота, пробуждая инстинкты подавить это наглое восстание и снова доказать, что венец творения Природы — женщина, и никак иначе!

Сейчас, скользя взглядом по его спине, заднице и стройным ногам, девушка мучительно раздумывала над тем, какой же экзамен ему устроить? Начать сразу с анфаллоса? Перед глазами встала недавняя сцена с Тийкой у матери в комнате, и Кэйт поморщилась, решив, что лучше приступить стандартно, как в учебнике для начинающих...

— Приготовься для меня, — произнесла девушка привычную фразу и уловила, как он дернулся.

— В чем дело? — нахмурилась Кэйт, резко обойдя раба и оказавшись лицом к лицу.

При этом струящиеся складки ее пеньюара разошлись так, что сквозь полупрозрачную ткань стали отчетливо видны стройные ножки и аккуратная темная полоска на восхитительном треугольнике внизу живота.

— Ни каких, госпожа, — Шайну не пришлось прилагать усилий — близость Кэйтиарионы, ранее избегавшей контактов с ним, кружила голову, отодвигая на задний план мысли о том, что нынешняя Старшая госпожа посчитала его недостойным оставаться в гареме. Тонкий свежий аромат ванили и земляники, который впитался в ее кожу после ванны, и особенно понимание того, что впервые его молодая госпожа так близко, и то, что под этой тонкой тряпочкой, драпирующей ее тело, больше ничего нет, помогло ему мгновенно выполнить приказ.

— Хорошо, — одобрительно кивнула Кэйт, чуть склонив голову набок, оценивая его возбужденное достоинство. — А теперь — успокойся.

Удивленное выражение его лица было неподражаемо.

Кажется, парень не подумал, что его могут проверять обычным способом, как в Лагере для госпожей? Наивный! Девушка самодовольно хмыкнула.

Про свой извращенный пристрастие она старалась не распространяться. Даже подружке Айрин, с ее иноземным воспитанием, пока не призналась, что ей не противно дотрагиваться иногда до этой «мерзости», которой Природа отличала зверьков от их госпожей. И вот сейчас Кэйт вдруг почувствовала острое желание провести по гладкому ровному стволу пальчиком. Прямо по этой набухшей вене, почти как у Айка, до которой она как-то раз дотронулась, а потом сильно изумилась реакции, словно Айкейнури забыл, что вообще-то следует дышать. Но тогда она была не с голыми руками...

— Так, успокаивайся живо, я сейчас вернусь, — предупредила Кэйтириона, скрываясь в небольшой комнатке с подручными средствами для правильного воспитания зверьков. Этого воспитывать, конечно, уже поздно, но продолжать развлечение все же лучше в перчатках...

Шайн занервничал. Его живое воображение быстро нарисовало возможные варианты дальнейшего развития событий, когда он, уловив краем глаза промелькнувшие в дверном проеме полки с многочисленными девайсами, понял, куда удалилась девушка. Однако это не помогло ему избавиться от напряжения. Слишком давно он думал — а каково было бы, когда тебя имеет молодая госпожа? И вот пожалуйста: она наконец его выбрала, а он владеет собой, хуже чем второкурсник Джордана! Какой позор! Эрекция никак не хотела спадать...

Кэйтириона неслышно вошла обратно в спальню. Раб ее разочаровал — эрекция была достойна похвалы, но ведь она поставила совершенно другую задачу! Остановившись, девушка отметила, что он придерживается верной техники «успокоения» — глубокое дыхание и сосредоточенность говорили о том, что раб умеет владеть собой — так в чем же дело?

Конечно, можно было бы сделать скидку на то, что он расстроен тем, что попал в «черный список», но, собственно, почему это должно волновать ее?

— Как успехи? — немного язвительно поинтересовалась Кэйт.

Шайн вздрогнул от неожиданности и, бросив виноватый взгляд на госпожу, тут же опустил голову:

— Прошу прощения, госпожа, можно мне еще минуту?

— Время пошло! — выразительно вздохнула Кэйтириона, давая ему понять, насколько она утомлена тем, что приходится тратить свое время не так, как она планировала.

Шайн никогда не был дураком, но осознание того факта, что он уже прокололся, не столько помогало, сколько, наоборот, мешало осуществить команду.

Он постарался взять себя в руки, поражаясь терпению госпожи, которая молча отвернулась и даже не попыталась прокомментировать его жалкие попытки, давая ему так нужную сейчас минуту.

Это оказалось отличным стимулом, прошло даже меньше времени:

— Госпожа? — тихо произнес раб, готовый предстать перед ней в «заказанном» виде.

— Что ж... — протянула Кэйт. — Результат не впечатлил, но, в общем-

то, терпимо, учитывая обстоятельства. Какой анфаллос ты предпочитаешь?

— Как вам угодно, госпожа, — ровно ответил Шайн. Собственно, он был бы удивлен, если бы обошлось без любимой «игрушки», только вот вопрос, заданный ему, прозвучал насмешкой — кто же спрашивает мнение зверька?

— Отлично. Но пока обойдемся без него. Давай-ка повтори, — кивнула Кэйтириона.

— Простите? — поднял глаза раб, решив, что ослышался.

— У тебя со слухом проблемы? — раздраженно спросила девушка. — Сколько тебе полных лет?

Вообще-то она и так знала — только недавно видела (Эйли, умничка, напротив имени каждого приписал минимальную необходимую информацию), но Кэйт хотелось, чтобы раб произнес это вслух и в полной мере оценил весь трагизм ситуации. В его возрасте нельзя попадать в немилость.

— Двадцать девять, госпожа...

— Тогда покажи, чему ты научился за столь долгий срок жизни, — небрежно бросила она, ничуть не заботясь, о том, какой смысл несла в себе эта фраза для парня, который уже мог бы начать отмечать в календаре, зачеркивая крестиком, дни, оставшиеся до церемонии усыпления.

Команда была исполнена в рекордно короткий срок, что снова воодушевило потерявшую было интерес девушку.

Зайдя парню за спину и проведя пальцами по спине вдоль позвоночника, Кэйт усмехнулась — все-таки несмотря на возраст, раб слишком живо откликнулся, моментально поплыв — плохо себя контролирует. Она обошла его, оказавшись лицом к лицу:

— Руки за голову! Считай! — пальцы скользнули между ягодиц, находя тугой вход...

— Два... — тихо выдохнул Шайн.

Кэйтириона слегка надела, осторожно растягивая упругие мышцы. Не может быть, чтобы у него настолько плохо было растянуто, но пока что причинять боль не входило в ее планы, и, словно отвечая ее мыслям, Шайн расслабился, облегчая задачу.

— Четыре...

У закрывшего глаза мужчины вдруг сбилось дыхание.

— Что с тобой? — возмутилась Кэйтириона, уловив едва сдерживаемое желание качнуть бедрами навстречу ее пальцам. — Кажется, я не собиралась тебя поощрять, пока особых заслуг нет, терпи!

— Д-да, моя госпожа, — сглотнув, он постарался дышать ровнее.

— Ну-ка, успокойся, — убрала девушка руки, — посмотри на меня!

Мутный взгляд расширенных зрачков говорил сам за себя. Кэйт нахмурилась — ему нравилось. А она была уверена, что он только Верхний.

— Быстро успокойся! У тебя стандартные две минуты! — вытерла она салфеткой пальцы, затянутые в перчатки (впрочем, в этом не было необходимости, он успел подготовиться перед приходом) и сложила руки на груди.

Шайн прикрыл глаза, стараясь скорее прийти в норму, но Кэйтиариона не позволила:

— Глаза! — строго прозвучал голос девушки. — Команды закрывать глаза не было, насколько я помню! Что за самостоятельность?

Деморализованный тем, что вообще попал в «черный список» на последнем году жизни, и расстроенный первым проколом, Шайнэ всерьез забеспокоился. Близость госпожи, ее запах, восторг от ощущения движений аккуратных пальцев вместо ожидаемого грубого проникновения банального анфаллоса, ее полная грудь, которой она то ли нечаянно, то ли нарочно прижималась к нему, пока ласкала вход — все это сослужило плохую службу. Эрекция снова не желала пропадать!

— Н-да-а... — криво усмехнулась девушка, отходя и усаживаясь на кровать (при этом ее пеньюар улегся вокруг стройных ножек бирюзовым веером, оголяя колени, и Шайн едва не застонал — теперь он точно уже не мог ни о чем думать, кроме того, что она могла бы взять его, если бы он справился с тестом). — Время вышло.

Кажется, это был приговор...

Представив себе, что уже завтра-послезавтра его могут отправить на рынок, или вообще в бордель (кому он нужен в нормальном гареме на тридцатом году жизни?), парень запаниковал. Эрекция, правда, спала, но лишь после того, как он вспомнил тот единственный вечер-оргию, когда его имели все, кому не лень. После той ночи, собственно он и оказался негоден бывшей Старшей госпоже. Это была даже не паника — этот привет из прошлого прошиб до холодного пота.

Кэйтиариона задумчиво откинулась на кровати, оперевшись на локти. Шелк пеньюара скользнул по набухшим соскам, возбуждая, и она решила,

что хватит уже тестов, пора воспользоваться рабом и по назначению. В принципе, с этим зверьком все ясно — негоден...

Шайн стоял перед девушкой, стараясь понять, о чем она думает. Судя по заблестевшим глазам, шанс, пусть и призрачный, у него все-таки есть...

— Возбудись для меня, — прозвучало словно музыка для перетрухнувшего парня.

Только вот незадача... Он уже вспомнил свой персональный кошмар, угроза повторения которого наложилась на неудачный «экзамен». Внутренности скрутило в тугой узел отвратительного страха, и Шайн вдруг с ужасом понял, что не может выполнить команду.

Наверное, смятение отразилось у него на лице, потому что Кэйт резко поднялась, и подошла почти вплотную. Но сейчас от нее веяло не манящей близостью роскошного тела, а ледяным презрением к его никчемности. И это заставляло раба не просто нервничать, а по-настоящему паниковать. В голове образовался туман, будто просто что-то перемкнуло, и медленный счет госпожи, внимательно смотревшей на него, доходил словно через несколько слоев ваты.

— Семь... восемь... девять...

Шайн прикрыл глаза, желая зажмуриться и больше не просыпаться, потому что проклятое тело его подводило самым бессовестным образом. Он мог бы с этим смириться и получить свои заслуженные сорок пять плетей, или даже больше за такую провинность, но Старшая госпожа не будет наказывать. Вернее, может, и будет, но это — приговор его пригодности. Теперь уже окончательный и обжалованию не подлежит — он не выполнил ни одного из трех поставленных заданий... Немыслимо... просто невыносимо... Сердце, пытавшееся справиться со стрессом, словно взбесилось и, глухо бухая о грудную клетку, готово было выскочить из груди, прокачивая литры крови, насыщая бестолковый мозг кислородом, чтобы он мог найти достойное решение. Эх, не туда... сейчас было бы более важным снабдить совершенно другой орган, чтобы хоть что-то исправить...

— Десять... — слово, тихо произнесенное госпожой уже без раздражения и как-то грустно, словно она потеряла всякий интерес. Это резануло слух так, будто он был в пустом помещении, и сейчас в такой же пустой голове, отражаясь, металось это: «десять... десять... десять...»

Все!

Шайн даже не мог сказать — было ли это осмысленное решение, или ноги просто отказались держать его, но он бухнулся лицом в пол, не в

силах протолкнуть даже обычное: «Простите, госпожа». Челюсти, кажется, просто свело, или это спазм застрял в горле...

— Эй? — нахмурилась Кэйтириона, немного озадаченная таким поворотом событий. — Как тебя — Шайн? — девушка чуть было не забыла его имя, растерявшись.

Она же ничего ему не сделала! Ну абсолютно ничего из того, что могло бы вызвать такую реакцию... ну и дела... еще не хватало звать лекаря.

— Простите госпожа, — беззвучно шептали губы, только вот госпожа не могла прочесть по ним ни слова, лицо в пол — стандартная поза подчинения. А растерявшаяся Кэйт стояла над ним, размышляя, не принести ли воды на всякий случай?

Впервые она видела подобную реакцию на свое недовольство, и это ее слегка шокировало. Приятно чувствовать свою власть, добиваясь подчинения, но вот такого она не ожидала, и выглядело это довольно жалко... Мало того, еще и неприятно, словно она в чем-то могла быть виновата.

Девушка привычным жестом вцепилась в густую светлую гриву раба. Резко дернув назад, заставила поднять побледневшее лицо, увидела шевеление пересохших губ и странную поволоку в глазах. Коротко, без замаха ударила по щеке, прекращая постыдную истерику, и, удовлетворенно отметив прояснившийся взгляд серых глаз, выпустила светлые пряди.

Лицо мужчины приобрело осмысленное выражение.

— Простите, госпожа, я не могу... — хрипло выдохнул он, сгорая от стыда.

— Кхм... я как бы уже догадалась, — съязвила Кэйт. — И что мне с тобой делать теперь? У тебя есть хоть одно предложение?

— Я... я мог бы попробовать рукой... и кольцо-контролер...

— Руко-ой, — издеваясь, протянула Кэйтириона. — Рукой любой малек сумеет. Шайн, это возмутительно для выпускника Джордана!

— Я не закончил последний курс, госпожа, — признание в таком позоре заставило пылать аккуратные уши парня.

— Оно и видно! — недовольно бросила девушка. — Как только маму угораздило приобрести такое недоразумение...

— Вы правы, госпожа, — плечи мужчины поникли.

Кэйт неприятно царапнул ставший почти неживым голос. Что-то странное, похожее на угрызение совести шевельнулось в ее груди.

— Послушай...

— Да, госпожа? — несчастный обреченный взгляд уже не просто царапнул, а буквально вспорол грудь. Кэйтиариона отвернулась, прошла к кровати и легла.

— Раз уж ты ни на что не годен, да и я как-то уже перехотела, иди, ступни хоть помассируй. Надеюсь, твоих знаний Джордана на это хватит, — и она похлопала рукой по матрасу.

Мужчина поднялся. Ноги были словно чужие, но покалывание в мышцах говорило о том, что он еще существует.

— Шайн, не заставляй повторять дважды, — зевнула утомленная Кэйтиариона, нечаянно хлебнувшая чужих, совершенно ей не нужных эмоций, прикрывая глаза. — Приступай...

Искусством массажа ног, Шайнэйлиер владел в совершенстве, потому что заснула разомлевшая девушка, чуть не мурлыкая от удовольствия.

Изящные ступни, тонкие щиколотки, аккуратные перламутровые ноготки на тонких пальчиках... Шайн не понимал, что с ним творится. Его руки, вполне привычные к тому, чтобы сделать и обыкновенный, и эротический массаж, немного дрожали от переполнявших его ощущений, какой-то затапливающей нежности... хотелось любоваться, гладить, нежить и целовать, слыша отклик на чувственную ласку. Только вот целовать он не смел.

Его госпожа недолго хмурилась, раздосадованная неудачным вечером, уже через несколько минут ее дыхание выровнялось и она уснула...

Теперь рабу можно было бы сползти на пол и оставить госпожу в объятиях сладкой дремы. Для Шайна это, пожалуй, было бы наилучшим вариантом окончания сегодняшнего вечера его позора... но он просто не мог оторвать ладони от такого сокровища. И еще это дурацкое приглушенное освещение в комнате, словно нарочно играющее с его воображением, провоцируя на безрассудные смелые поступки... все равно терять уже нечего.

Парень поднял глаза, следуя за контуром изгиба стройных ножек от ступней к коленям и выше...

Тонкий шелк пеньюара сполз по сторонам, словно умышленно открывая бедра госпожи до самого... до того, что ему так и не удалось почувствовать...

Осторожно, стараясь не нарушить этой призрачной сонной тишины в комнате, Шайн склонился, аккуратно коснувшись губами мизинчика на ножке госпожи... замер. Ничего непоправимого не произошло, но

захотелось большего... Смело? Может быть, но завтра — а скорее всего, уже вообще больше никогда — он не переступит порог этой спальни...

Шайн подsunул теплые ладони, поглаживая икры госпожи, продвигаясь к коленям... гладкая шелковистая кожа, казалось, сама ласкает его руки, и еще неизвестно, кто получает при этом большее наслаждение — спящая девушка или зарвавшийся раб... Теплое дыхание опалило кожу Кэйт... что ей снилось, когда мягкие чувственные губы приникли к ее пальчикам, и двинулись вверх, к коленям, выводя невидимые замысловатые узоры на нежной коже?.. Впрочем, наверняка, Эйн...

Дыхание девушки сбилось, Шайн замер, но, услышав недовольный всхлип, решился действовать дальше на свой страх и риск... и стройное тело юной богини дома Маргойлин податливо ответило ему, извиваясь на смятом покрывале, в бессознательном порыве получить еще больше раскрывая бедра навстречу...

Шайн не мог поверить своему нечаянному счастью... его мужское достоинство, которое здорово подвело его перед госпожой, тоже радовалось вместе с обнаглевшим хозяином, теперь почти упираясь в живот. Вот уж совершенно некстати...

Сейчас, когда госпожа была во власти сна, она казалась такой хрупкой, такой непозволительно беззащитной, такой чувственной... он просто не мог оставить ее и остановиться.

Аккуратно раздвинув в стороны ткань пеньюара, Шайн сглотнул, жадно пожирая взглядом темно-русую полоску на тщательно выбритом лобке, словно стрелочкой указывая ему направление. Привыкший давать довольно циничные определения интимным частям человеческого организма, Шайн, кажется впервые поймал себя на мысли о том, что может сравнить себя с ловцом жемчуга, нашедшего прекрасную раковину с великолепной жемчужиной.

Парень приподнялся на руках, уперевшись ладонями в матрац, стараясь не потревожить госпожу, но вот уйти не смог. Открывшаяся картинка его притягивала, словно огонек свечи глупого мотылька, который рискует не просто опалить свои нежные крылышки, а сгореть, рассыпавшись пеплом в своем необузданном глупом желании...

Команды делать ланьет не было, и если госпожа проснется и будет недовольна самоуправством... даже представить страшно...

Но влажное лоно манило гипнотически... Шайн медленно приблизился, отдаваясь порыву, и больше ни о чем не смея думать, кроме как о том, чтобы доставить своей госпоже удовольствие...

Кэйтиона выгнулась навстречу, что-то простонала... и открылась

еще больше, словно предлагая продолжить. Воодушевленный успехом Шайн расстарался, словно от этого зависела его жизнь, прислушиваясь к своим ощущениям, стараясь угадать нужный ритм... его язык и губы ласкали, играли, нежили и отдавали, не останавливаясь ни на секунду, продлевая наслаждение... и сейчас его самого тревожило только одно — он настолько увлекся, что, чувствуя, как живо откликается тело госпожи на его ласки, сам уже был почти на грани, чего раньше с ним никогда не случалось...

Пальцы Кэйт сминали покрывало и тонкий шелк пеньюара, голова металась по подушке, с полуоткрытых губ срывались жалобные стоны, но она была не в силах вынырнуть из чудесного сна. И когда наслаждение накрыло девушку, заставляя ее забиться в сладостной судороге, скользнувшей электрическим разрядом по позвоночнику, а потом продолжило гулять эхом затихающей пульсацией внизу живота, Шайн отстранился и прикусил себе щеку до крови, чтобы боль слегка отрезвила, и он не смог, увлекшись, потерять последние остатки контроля над собственным телом. Это было бы неправильно, недопустимо.

Но ощущения были чересчур яркими и непривычными. Шайнэйлиеру опыта хватало, да и обучен он был весьма неплохо, только вот от близости с госпожой что-то сломалось в привычном мироощущении. Это тревожило, пугало — и в то же время расцветчивало его мир новыми красками, словно до этого он вообще не различал цвета, и все вокруг было серым...

Пожалуй, теперь он мог лучше понять Айка, запавшего на госпожу и любившего ее не только как положено хорошо вышколенному рабу, а по-настоящему, сходя с ума от ревности. Удивительно было лишь то, что Эйн не оценил свою жену по достоинству. Шайн видел госпожу Вайнгойрт, и, на его взгляд, их госпожа Кэйтариона ничуть не уступала госпоже Айрин. На самом деле она была даже красивее...

Девушка затихла и, поджав колени, лениво перевернулась на бочок. Мужчина едва успел переместиться в сторону, чтобы она не коснулась его. На губах Кэйтарионы застыла блаженная улыбка, а расслабленные черты лица, наполовину скрытые растрепавшимися прядями чуть влажных волос, выглядели теперь трогательно и беззащитно, и совершенно не вязалось это выражение с тем надменно-холодным и властным, которое он привык видеть на лице младшей Маргойлин... И если днем она внушала уважение и заставляла подчиняться просто взглядом, то сейчас, наоборот, хотелось укрыть и оберегать ее от всевозможных бед и напастей...

Странное, непередаваемое словами чувство затапливающей нежности

и тепла... Хотелось коснуться руками, губами, убаюкивая еще крепче, чувствуя, как самому становится трудно дышать от переизбытка самых противоречивых чувств и эмоций.

Шайн подавил стон и обреченно сполз на пол, заставив себя отвернуться от плавной линии оголившегося бедра, от этого силуэта, словно нарочно создавшего слишком уж эротическую композицию в приглушенном свете декоративных светильников. Именно такой скользящий контраст света и тени создавал сейчас нереальную сказку...

Жаль, что эта ночь единственная в жизни Шайна... и хорошо, что она у него все-таки была...

Он мог бы сидеть так, любуясь, еще какое-то время, но странные желания, совсем не позволительные рабу, особенно в его положении, обуревали парня, поэтому на всякий случай он прикрыл госпожу краешком покрывала, не рискнув вытаскивать его из-под спящей девушки, чтобы нечаянно не потревожить.

Что теперь делать самому, Шайн не очень представлял. Приказа убираться не было, стояк был такой, что яйца просто звенели, наверное, не случится ничего более ужасного, кроме того, что его на днях выкинут из этого дома, поэтому вполне можно воспользоваться ванной госпожи, чтобы избавиться от этого дискомфорта?

Разрешения Шайну было спрашивать не у кого, поэтому он и провел несколько минут в ванной госпожи, затем на цыпочках пробрался обратно в комнату, притушил лишний свет и улегся рядом с кроватью, так и не рискнув натянуть свои вещи. Кто знает, в каком настроении проснется госпожа, а одеваться ему тоже никто не позволил...

Глава 14

Между 22 вайэбом и 10 жниэвенем 327 года. Дом Кэйтирионы.

Кэйт казалось, что она находится в невесомости, словно плавая в легком мягком облачке, почти не чувствуя тяжести собственного тела. Светлое чувство гармонии с окружающим миром, созданным ее волшебным сновидением, было восхитительным. Томная нега заставляла девушку продолжать нежиться в коконе из облепившего ее тело шелка и покрывала, в которое она оказалась почему-то запелёнута.

Возвращение в реальный мир происходило поэтапно.

Густые пушистые ресницы все еще были не в состоянии разлепиться, но Кэйт уже вполне четко осознала, где она и, собственно, кто... Следующим этапом ее пробуждения была вялая попытка блаженно потянуться — это почти удалось — мышцы напряглись, возвращая привычный тонус, но тяжелые веки пока не хотели подчиняться воле хозяйки.

Кэйт пыталась сообразить, который час? В доме было тихо, без привычного отдаленного утреннего шума просыпающегося дома — из сада, окружавшего старинное здание, пока еще не доносились обрывки разговоров, из глубины дома не была слышна приглушенная множеством дверей музыка с мужской половины. Мальчики в гареме любили включать ее погромче.

Надо отдать должное терпению их госпож — к этой маленькой слабости домашних любимцев, они относились лояльно. Возможно оттого, что муж матери Кэйтирионы, при котором и стала дозволяться рабам подобная вольность, имел отличное музыкальное образование и изысканный вкус. Отец Кэйт каким-то чудом сумел привить любовь к музыке и Эйлиорине, благосклонно отнесшейся к маленькой блажи парня. Надо признать, что она, как порядочная воспитанная госпожа, предпочитала классику (причем древнюю, сочиненную композиторами в период от XVIII века до XX на старушке Земле) тому безобразию, что проникало на Венгу через Космопорт, формируя какие-то новые веяния. Молодежь везде одинакова, и любит самовыражаться, в том числе и в музыке. Современные композиции, особенно в отличной аранжировке, Эйлиорине тоже нравились. Ойлива, правда, ворчала, что у нее болит голова от шума, но парни не наглели, в крайнем случае, Хозяйка утешалась

тем, что отлавливала кого-нибудь в гареме для «воспитательного момента» и компенсировала себе подпорченное из-за выдуманных приступов мигрени настроение.

Кэйтириону музыкальное сопровождение в гареме не беспокоило и не раздражало. И даже, скорее всего, нравилось. Только открыто признаваться в этом она не хотела. Почему-то мамина «слабость» считалась изюминкой, а вот ее подозревали в том, что в Кэйт слишком много генов отца. Это было неприятно. Все-таки «порода» определяется по женской линии...

Впрочем, сейчас девушка не слышала отголосков ни классической музыки, ни современной, зато по ровному размеренному дыханию где-то возле кровати, поняла, что в комнате не одна.

Брови молодой госпожи удивленно поползли вверх и тут же, наконец-то, открылись глаза. Кэйт осторожно развернула свой кокон и, перекатившись к краю широкой кровати, в туманной дымке серого утра (пока еще не встало солнце), увидела спящего раба.

Логическая цепочка, каким образом он остался ночевать здесь, зияла небольшими пробелами памяти.

Как зовут зверюшку, мирно спящую на мягком пушистом ковре, Кэйтириона помнила — Шайн. То, что он вчера вечером изрядно облажался — это девушка помнила тоже.

Но почему он остался ночевать в ее спальне? Даже Айку не всегда выпадала подобная честь. Неужели она сама забыла ему сказать, чтобы убирался вон, когда она уснет?

Да-а, похоже, это Шайну в вину не поставить...

В паху сладко кольнуло, и Кэйт сдвинула ножки, чувствуя обжигающе горячую липкую влагу. Неприятного дискомфорта неудовлетворенности девушка не ощущала. Скорее, состояние ее организма говорило об обратном — ленивая нега сообщала о том, что оргазм имел место быть! Неужели же лишь из-за массажа ступней?

Кэйт недоверчиво оглянулась, поглядев через плечо на поджавшиеся пальчики на ножках. Облизнулась, припомнив, как почти сразу поплыла от умелых прикосновений ласковых теплых ладоней раба, нежно массирующего ее пяточки. Это священнодействие, прозаично называемое «массажем ступней», оказалось выше всяких похвал. Это, конечно, несомненный плюс в пользу парня, но вот все остальное... такая странная реакция на тест. Хотя, может быть, она не учитывает какие-то нюансы? Впрочем, какое ей, собственно, дело до того, что там у Шайна за личные

проблемы, когда он не смог выполнить волю госпожи?! Его предназначение — повиноваться приказам, доставлять эстетическую радость, физическое и моральное удовлетворение, иначе делать ему в этом доме абсолютно нечего.

Кэйтириона могла бы еще немного пофилософствовать на данную тему, но прозаическая потребность заставила ее все-таки сползти с кровати.

Девушка осторожно спустила босые ступни на ковер. Одна из пушистых тапочек, в которых она обычно посещала ванную, была использована Шайном вместо подушки... Кэйт, собравшаяся было возмущенно пнуть раба и отобрать свою обувь, обошла вокруг, но, скользнув взглядом по обнаженной фигуре спящего парня, умилилась. Блаженное выражение на его лице, вкупе с трогательной позой — руками, обнявшими тапку госпожи, и отменным стояком — зрелище было неподражаемо. Понятно, что утренняя эрекция, скорее всего, просто физиологическая потребность, но, тем не менее, в животе девушки снова сладко екнуло...

Отправляясь в ванную босиком, Кэйт размышляла о том, стоит ли его все-таки выпинать из комнаты или пусть уж досыпает... самой ей спать почему-то уже не хотелось, но и заниматься сексом пока желания не было... Как Шайн умудрился ее удовлетворить на несколько часов одним массажем? Правда, ночью снился Эйн, делающий ей ланьет... и не один раз, а много, и именно так, как ей нравилось — она чуть ли не захлебывалась от восторга... эх, жаль, что это всего лишь сон, и муж по-прежнему в доме своей госпожи, а не в ее спальне... Вообще-то пора, наверное, уже съездить к Айрин в гости...

Выйдя из ванной через несколько минут, Кэйт чуть не вскрикнула от неожиданности, споткнувшись о Шайна, уткнувшегося лицом в пол. Обувь аккуратно стояла у входа в ванную, ожидая свою хозяйку.

— Простите, госпожа, я напугал Вас...

— Э... — растерялась Кэйтириона, всовывая ножки в пушистые тапочки (одна из них была гораздо теплее по ощущениям). — Почему ты не ушел? Разве я разрешала тебе остаться?

Она попыталась нахмуриться, но, увидев, как парень только еще ниже опустил голову, сжалась — при желании придраться можно было к чему угодно, но, кажется, он и сам уже не рад, что не ушел без приказа. Рука машинально потянулась потрепать по волосам, и он вздрогнул, удивленно подняв голову. На его щеке, поросшей мягкой русой щетиной был виден

отчетливый отпечаток от пушистого помпона, и Кэйт невольно улыбнулась.

— Почему ты не побрился? — вспомнила она вопрос, который хотела задать еще вчера.

— У меня раздражение кожи. Госпожа Эйлиорина разрешала не бриться, если нет необходимости, лишь бы выглядело опрятно...

— Ты должен был предстать передо мной, а не перед прежней Старшей госпожой, — чуть более уязвлено, чем ей хотелось бы показать перед рабом, произнесла Кэйт.

— Прошу прощения, я не подумал...

— Впрочем, теперь уже без разницы. Надеюсь, остальные лучше усвоили, что в доме произошли перемены.

Шайн выругался про себя. Тем, что воспользовался поблажками, предоставляемыми ему, по старой памяти, бывшей Старшей госпожой, он невольно обидел молодую госпожу. Конечно, он должен был учесть прихоти новой Старшей госпожи Дома, вот идиот!

— Хорошо, можешь одеться и идти, — милостиво кивнула она.

— Благодарю, госпожа, — тихо вымолвил Шайн, мгновенно вскочив на ноги и бросившись к своей одежде. Он даже не потрудился одеться в комнате, пулей вылетев за дверь. Впрочем, сейчас в доме все еще спали...

Кэйтириона блаженно потянулась и плюхнулась на кровать, все еще хранившую тепло ее тела...

Промаявшись пару часов в легкой полудреме, время от времени прислушиваясь к отдаленным звукам просыпающегося дома, девушка решила, что пора вставать.

Одевшись и выйдя на застекленную веранду, больше похожую на зимний сад, хотя растения здесь были теми же самыми, что и на улице — с той лишь разницей, что в саду уже начали облетать первые листья и гулять сильный ветер, а тут было тепло и тихо — Кэйт присела на стульчик и, нажав кнопку на пульте, отправила сообщение на кухню, чтобы подали завтрак.

Приготовившись немного подождать, Кэйтириона оказалась удивлена тем, что вместо одного из шустрых мальков, с подносом вошел Шайн.

Кэйт вопросительно вздернула бровь. Насчет того, что ей сейчас хотелось именно тайшу и овсяного печенья, он угадал (но, скорее всего, поднос уже был готов заранее — если она просыпалась так рано, то обычно ничего другого до второго завтрака и не заказывала).

— Ты посчитал, что я пожелаю тебя снова видеть? — съехидничала

девушка.

— Нет, госпожа, — уголки губ парня дрогнули в заискивающей улыбке, которая удивительным образом располагала к себе. — Я хотел бы задать вопрос, но не осмелился потревожить Вас просто так, надеясь, что удастся спросить, если будет повод.

— Хорошо, спрашивай, — кивнула Кэйт, разглядывая раба. Шайн уже успел переодеться и даже побриться. Правда, на скулах и подбородке и впрямь угадывалось раздражение. И щетинка, оказывается, ему шла...

Кейтайриона поморщилась — зря он побрился.

Шайн опустил голову, угадав, что снова не угодил, но госпожа ждала вопроса. Он только было открыл рот, но тут распахнулась дверь, являя Айкейнури во всей своей красе — словно нарочно натянувшего штаны в облипочку, под которыми явно не было нижнего белья, с голым торсом и чуть влажными после душа волосами. Эта нахальная сволочь прекрасно понимала, насколько он неотразим этой нарочитой небрежностью, и поэтому, за появление в таком виде наказан не будет.

— Доброе утро, госпожа, — стремительно скользнув к Кэйтирийроне, Айк опустил у ее ног верным псом, за что тут же был удостоен ласкового царапающего движения по плечу.

— Ты специально меня с утра пораньше соблазнять пришел? — хмыкнула девушка.

— Нет, моя госпожа, — поднял голову паршивец, лукаво блестя своими бесстыжими серо-зелеными глазищами. — Я уже успел в тренажерку сходить и поплавать...

Кэйт убрала свесившуюся челку со лба парня. Айк не очень-то любил рано вставать, и то, что он не врал сейчас, утверждая, что уже потренировался (а с утра он уделял этому не меньше пары часов), было заметно по упругости его мышц, красиво перекатывающихся под золотистой от загара кожей. Значит, мальчику плохо спалось этой ночью.

— А позавтракать ты успел?

— Пока нет...

— Возьми печенье, — кивнула Кэйтиайриона любимчику. — И налей мне...

Полная кружка тайшу, разбавленного молоком, оказалась перед Кэйт быстрее, чем она успела закончить предложение.

Айк зло обжег взглядом Шайна, предупредившего пожелание их госпожи.

Кэйт заинтересованно взглянула на мужчину. Снова это подобие улыбки, хотя улыбаться в его положении совершенно нечему. Скорее всего,

Шайн знал, что улыбка ему идет, вот и пытался очаровать напоследок. Вряд ли у него еще будет шанс попробовать поманипулировать чувствами госпожи в свою пользу, но пару очков за смелость и находчивость раб несомненно заслужил.

— Ты хотел что-то спросить? — напомнила Кэйт, надеясь поскорее остаться с любимцем наедине.

Щека Шайна досадливо дернулась — очень не хотелось спрашивать при Айкейнури, но, похоже, другой возможности уже не будет:

— Что теперь будет со мной и с остальными?

Айк недоуменно вскинулся на «соперника» и в его голосе зазвучало недоумение и легкое превосходство:

— Шайн? Ты что, облажался?!

— Золотко, а тебе я разве разрешала задавать вопросы? — нахмурилась Кэйт, заметив, как кровь бросилась стоявшему рядом с ней мужчине в лицо.

— Порошу прощения, госпожа, — пригнул голову Айк, получив чувствительный шлепок по губам. Радостную весть, что Шайн не заинтересовал любимую, немного отравляло сочувствие незадачливому кандидату на вылет из гарема.

— Ты уверен, что я должна отчитываться перед тобой? — склонила голову Кэйт, глядя на второго парня и забавляясь ситуацией.

— Ни в коем случае, госпожа, я надеялся на Вашу снисходительность, — тихо ответил Шайн.

— Подумай сам, зачем мне такие? Для мебели, что ли? — снизошла она до разъяснений. — Можешь идти.

Шайн низко опустил голову в поклоне и развернулся, в дверях чуть не столкнувшись с домашним лекарем, вежливо постучавшим, перед тем, как войти.

— Госпожа Кэйтиайриона, доброе утро! Можно мне поговорить с Вами? — бодро начал лекарь.

— Да, проходите, — кивнула Кэйт.

— Наедине? — уточнил лекарь.

— Айкейнури! Выйди.

Парень насупился, но сейчас раздражать госпожу не следовало. Он быстро поднялся.

— Возьми еще печенье, — протянула Кэйт ему тарелочку в утешение. — Я тебя сама позову позже.

— Благодарю, госпожа, — кивнул Айк, быстро хватая еще одно печенье. И, расправив плечи, пошел к двери, прекрасно зная, что Кэйт

сейчас глядит ему вслед, любуясь его туго обтянутой узкими штанами задницей.

В коридоре парень нагнал задумчиво бредущего в сторону мужской половины Шайна.

— Ты что, в самом деле, лоханулся? — хлопнул он его по плечу.

Шайн раздраженно сбросил руку счастливики и зло прошипел:

— Отвали! Жуи свою печенку и не подавись, верный песик...

Айк сначала хотел было возмутиться, но, поняв, что Шайну не до шуток и не до драки, хмыкнул:

— Все лучше принимать из рук госпожи лакомство, чем в зубах таскать драные башмаки...

Айкейнури вспомнил один из своих давнишних «воспитательных моментов», когда госпожа Эйлиорина полдня дрессировала его, словно пса, а вот Шайн представил себе совсем другую «картинку». Подставив сегодня утром тапки Кэйт под дверь ванной, он поймал себя на мысли, что сам хотел бы обуть эти ножки в них... кажется, его ладони до сих пор ощущали гладкость ее кожи... ну хоть бы еще раз позвала... ну просто для массажа...

— Айк... — мужчина резко обернулся, прижав парня к стене. Тот от неожиданности даже и не подумал сопротивляться, недоуменно вытаращившись на оборзевшего Шайна, но тот уже и сам понял, что не сможет спросить, КАК сделать так, чтобы Кэйт его оставила? Что может посоветовать этот смазливый блондинчик, когда и сам-то «первый» лишь после Эйны...

Неудобный раб медленно убрал руки от любимчика госпожи и отступил на шаг.

— Тля! Ну и шутики... — буркнул Айкейнури, нервно дернув плечом.

— Какие уж тут шутики... — прошептал Шайн, отворачиваясь. По мозгам долбило снисходительное: «Зачем? Для мебели, что ли?...».

* * *

Когда за Айком закрылась дверь, девушка обернулась к оставшемуся мужчине:

— Я слушаю, — кивнула Кэйт лекарю на соседний стул. — Какие-то проблемы?

— Да, госпожа, у одного из рабов случился нервный срыв, пришлось колоть успокоительное.

— Базийлес, почему я должна об этом знать?

— Этот мальчик попал в ваш «черный список», и...

— А остальные? — перебила Кэйт.

— Остальные подавлены, но держатся достойно... так вот этот мальчик, Вайсляйнийш — родственник госпожи одного из влиятельных Домов...

— В гареме, так или иначе, все мальчики — чьи-то родственники.

— Д-да, но Ваша матушка обещала, что он будет именно в гареме Вашего Дома... я просто нечаянно присутствовал при тогдашнем разговоре... — смущенно пробормотал лекарь.

— Хорошо... — Кэйт задумчиво покрутила в руках чашку с тайшу. — Больше ни с кем проблем нет?

— Нет, госпожа Кэйтиайриона, — кивнул лекарь, поднимаясь.

— О, я хотела бы задать вопрос, надеюсь, вы сможете мне более доходчиво объяснить ситуацию? — вспомнила Кэйт.

— Постараюсь, госпожа, — услужливо кивнул лекарь.

Кэйт вкратце обрисовала вчерашнюю ситуацию. Вообще-то она не собиралась оставлять Шайна, но хотелось бы понять, что так удивило Айка в том, что парень прокололся.

— Видите ли, госпожа, — задумался лекарь, — конечно, не принято замечать настроение и учитывать особенности ваших... зверьков, но мужчины — они как бы тоже люди, и некоторые из них могут быть подвержены вот таким всплескам, спровоцированным стрессовой ситуацией. Сколько поколений не бьется над улучшением породы, но, к сожалению, все равно приходится сталкиваться с подобным... Вот типичный случай — во-первых, парню уже под тридцать. Кстати, ведь не с потолка же взято это возрастное ограничение гаремных игрушек.

Кэйт кивнула, соглашаясь с доводом — о том, почему возраст ограничен тридцатью годами жизни, пишут во всех учебниках.

— Во-вторых, он знал, для чего его отбраковывают, но наверняка ведь был уверен, что в любом случае оставят «доживать» и даже не беспокоился, а тут такой удар по самооценке.

На это заявление девушка хмыкнула:

— Допустим.

— В-третьих, то, что вы рассказали о его быстрой, но затяжной эрекции, говорит о том, что, скорее всего, он слишком сильно среагировал именно на вас. Но вы вполне справедливо посчитали это проколом, снова — тест, и снова — прокол. Он занервничал...

Кэйт рассмеялась.

— Да, я понимаю, что это говорит о его непригодности, но, как я уже обращал ваше внимание, госпожа, у мужчин хватает своих слабых сторон, именно поэтому их место в гареме, а к серьезным профессиям, требующим определенных навыков и стрессоустойчивости, их не допускают.

— Мне кажется, что на других планетах немного по-другому, — заметила Кэйт.

— Ну-у... — немного смутился лекарь, — я могу судить лишь по заключениям специалистов Венги.

— Что же, сомневаться в компетентности наших ученых умов, я, пожалуй, не буду, — улыбнулась Кэйтиайриона.

— И, в продолжение разговора, могу сказать, что хоть это вас и не должно волновать, но вполне нормально, что после двух неудач подряд Шайнэйлиер, даже с учетом его джордановского образования, перестал управлять ситуацией. Он не исключение, по статистике — двадцать пять процентов попали бы точно так же...

Кэйт вздохнула, спрятав промелькнувшую на губах улыбку, закрывшись поднесенной к лицу чашкой. Конечно, ей было не в новинку узнать, что мальчики неровно дышали именно к ней, но чтобы так явно и с первого раза, когда она даже не применяла никакой особенной техники, не пользовалась девайсами...

— Я удовлетворил ваш интерес, госпожа? — осторожно спросил лекарь, отрывая девушку от собственных мыслей о рабе.

— Да, вполне. Благодарю вас, можете идти.

* * *

Кэйтиайриона была не слишком-то довольна тем, что пришлось оставить этого Вайсляйнийша. Мальчишка ее не впечатлил. Особенно добивали эти по-детски сложенные губки бантиком. Девушке нравились более мужественные лица...

Но и портить отношения из-за Вайса тоже не хотелось. Настроение потискать Айка пропало, Кэйт прогулялась по дому, поболтала с женщинами, обсудила пару вопросов с Ойливой, а по возвращении в комнату обнаружила у своих дверей Шайна.

— Опять ты? — изумилась она нахальству настырного раба, но тут из-за двери выглянул Айк, и мгновенно низко склонил голову:

— Госпожа, Вы только сразу не сердитесь, пожалуйста... там, в комнате, для вас небольшой сюрприз.

— Айкейнури, ты же знаешь, я не слишком люблю сюрпризы, — сморщилась заинтригованная Кэйт. Вряд ли мальчики осмелились бы нарушить границы ее территории, не будь на то веской причины.

— Закройте на минутку глаза, госпожа, — попросил Айк, открывая дверь шире. — Прошу вас, пожалуйста, не злитесь.

— Надеюсь, сюрприз мне понравится, — фыркнула Кэйт. — Иначе — ты первый подставишь свой зад.

— А что сразу я-то? — тихо возмутился любимец, но госпожа предпочла «не слышать», интуитивно чувствуя, что Шайн здесь крутится неспроста.

Вот уж не предполагала, что Айк будет заинтересован в том, чтобы его потенциальный конкурент ошивался здесь.

* * *

На самом деле, Айкейнури и не был заинтересован. Просто Нэй, чуть было не повисший на шее Шайнэйлиера, когда тот вернулся, тоже не удостоился рассказа, о том, что же произошло в комнате госпожи, но все равно тихо уселся рядом и не желал выползать из комнаты Шайна. Именно там и застал их Айк, потребовавший, чтобы Рыжик пошел с ним тренироваться.

— Ты уже ходил с утра! — отмахнулся Нэй, оглянувшись на отвернувшегося к стене, скорбно застывшего на кровати Шайна, которому ничем не мог помочь.

— Зато ты не ходил, давай выползай. А то так и останешься дохлятиной, — пресек возражения Айк. Вообще-то Нэй уже давно не был дохляком, но до совершенства ему было, конечно, еще работать и работать над своим телом.

— Айк, пожалуйста, — Рыжик твердо взглянул в глаза любимчику молодой госпожи. — Ты можешь хоть когда-нибудь не быть таким эгоистичным?

— Нафига? — пожал плечами Айкейнури.

— Ну хотя бы потому, что я прошу тебя об этом... — тихо произнес медноволосый парнишка.

Айк подошел вплотную и поднял лицо Нэйклийанэ за подбородок. Что-то в его взгляде было такое... Кажется, Рыжик понял, что, когда Шейна уберут, искать защиты от притязаний остальных Верхних придется у него, Айка, но вот подбострастия совершенно не наблюдалось. Скорее вызов

маленького щенка матерому псу, вполне осознанная попытка договориться, потому что щенок знает, что скоро вырастет...

— Ну что, совсем все хуево? — сочувственно спросил старший, и младший грустно кивнул.

— Тогда хоть проводы нормальные устрой, — невесело хмыкнул Айкейнури и потрепал паренька по макушке. — Возьмите только смазки побольше. Мне твоя задница еще пригодится.

— Охрененное веселье! — увернулся от подобной «ласки» Нэй, мотнув головой, отчего его медные лохмы взметнулись языками пламени и вновь опали. Айк облизнулся — Рыжик комплексует из-за того, что среди блондинов он один такой «рыжий». Дурачок, в этом-то вся прелесть, так и хочется зарыться носом в этот шелк, а еще лучше- намотать его на кулак и, оттрахав, как следует, завалиться рядом, успокаиваясь, медленно-медленно выпускать, наблюдая, как пряди струятся сквозь пальцы огненными змейками, не обжигая, а, наоборот, лаская ладони... Может быть, даже чмокнуть в плечо, покрытое очаровательными веснушками...

— Ну тогда, можно что-то повеселее придумать напоследок... — неуверенно предложил Айкейнури.

— Кстати, о веселье... — хрипло подал голос Шайн, поворачиваясь. — Айк, я... могу тебя попросить?.. Напоследок.

* * *

— Открывайте, моя госпожа, — интимно шепнул на ухо паршивец, специально так вдохновенно, что аж дыхание перехватило. Таким голосом он обычно выпрашивал разрешение кончить в ее присутствии... и, как правило, отказать Кэйт не могла.

Девушка распахнула глаза, которые тут же сделались еще больше. Ну, еще бы! У одной из стен появился шкафчик, вернее нет, скорее, книжные полки. Оригинальнее не придумать... Кэйтириона удивленно моргнула, чувствуя, как позади нее замерли в ожидании ее реакции оба парня.

Она хотела возмутиться, вот честное слово! Только вид шестерых обнаженных рабов (из тех, кого юная госпожа даже не пожелала испытывать, однозначно пожелав избавиться от неугодных зверьков), стойчески сохраняющих вертикальное положение, упираясь друг в друга дрожащими от напряжения вытянутыми руками, поддерживая иллюзию книжных полок, заставленных книгами и безделушками, не мог не вызвать улыбки.

Кэйт рассмеялась, не услышав двойного вздоха облегчения позади.

— Чья идея? — обернулась она к Айку и Шайну. — Впрочем, попробую догадаться...

Айк беззвучно ржал, жмурясь от удовольствия, что развеселили госпожу удачной шуткой, а Шайн, опустив голову, кусал губы.

— Шайнэйлиер, для мебели я все-таки предпочитаю традиционные материалы... Но, пожалуй, подумаю начет введения должности придворного шута.

— Благодарю, — опустилсЯ Шайн на колени.

Кэйт не удержалась и потрепала парня по щеке:

— Я ничего не обещаю, не расслабляйсЯ. Разбери пока это сооружение.

Шайн благодарно кивнул:

— Да, госпожа.

— Айк, пойдем пока прогуляемсЯ, — поманила за собой любимчика девушка.

Просиявший Айкейнури тут же пристроился в двух шагах позади обожаемой госпожи, подмигнув чуть ожившему от вернувшейся надежды Шайну.

— Спасибо! — одними губами прошептал Шайнэйлиер, но эта сволочь лишь оттопырил средний палец.

Вряд ли Айк надеется нарушить образовавшийся давно нейтралитет — они оба Верхние. Скорее всего, рассчитывает на то, что будет отдуваться Нэй. Надо пойти, приласкать, подготовить Рыжика.

Мужчина вполне отдавал себе отчет, что госпожа могла бы и не обрадоваться сюрпризу, не будь любимчика рядом, так что за этот маленький успех точно придется расплачиваться Нэйю, который и уговорил фаворита на авантюру. Но, по крайней мере, теперь Шайн знал, что их молодая госпожа вовсе не так сурова, какой иногда кажется, и с чувством юмора у нее все в полном порядке... Он ни за что не хотел покидать этот дом...

* * *

Сначала Кэйтиайриона решила прогулятьсЯ по дому, пока в комнате Шайн разбирает «мебель». Девушка не удержалась и улыбнулась, вспомнив оригинальные полочки. У Вайнгойртов рабов использовали как столы для еды, подставками для ног вообще никого не удивишь, но полочки...

Полочки — это было весело.

— Айк, это ведь была идея Шайнэйлиера? С книжными полками?

— Ну да, госпожа.

Кэйт обернулась, строго посмотрев на раба, и Айк слегка сдрейфил, поняв, что перегнул планку.

— Простите... Да, госпожа, это была идея Шайя.

Кэйт продолжала задумчиво изучать парня, как микроба под микроскопом. Айкейнури занервничал по-настоящему. Быстро опустился перед госпожой на колени, соорудил на лице самое подобострастное выражение и попытался поймать взгляд девушки. Поймал. Тля!

Кэйт подошла к рабу вплотную, запустила руку ему в волосы, дернула сначала вверх, потом резко назад и вниз. Затылок к позвоночнику, очень болезненный прием, если все правильно сделать. А девушка сделала все просто идеально, вон у Айка слезы в глазах от боли.

Это хорошо, а то опять обнаглел звереныш. Раз в неделю, а то и чаще, приходится напоминать парню его место. Стоит только дать слабину, и он наглеет. Хватает кусок мяса прямо вместе с рукой, которая его угощает.

Но красив... Как же красив. Глаза, затянутые дымкой удовольствия, полуприкрытые ресницами, и порочно приоткрытые губы... Девушка в которой раз поймала себя на странном желании коснуться их, ну хотя бы пальцем. Нельзя. Этого раба так баловать точно нельзя. Но как смотрит... Оттянула голову вниз еще сильнее, парень чуть дернул крыльями носа и уголками губ. Больно? Хорошо.

Поставила одну ногу точно между колен Айка. Туфельки, конечно, домашние, на низком каблуке, но... Айкейнури испуганно открыл глаза и попытался передать взглядом, какой он преданный, покорный, просто сказочный раб.

Не обманешь, звереныш. Удар туфли с металлическим уголком на носке строго между ног зарвавшегося раба, но тот даже почти не вздрогнул, только сначала широко распахнул глаза, потом зажмурился, потом снова открыл. Сделал глубокий вдох и только после этого:

— Простите, госпожа. Я сегодня вел себя непочтительно...

— Значит, ты понимаешь, что заслужил наказание?

— Да, госпожа...

Показалось, или в голосе Айка прозвучало предвкушение? Зверек хочет, чтобы его наказали? Или зверек просто любит единолично владеть вниманием своей госпожи?

Кэйтириона знала, что Айкейнури готов был расшибиться в лепешку, только бы она развлекалась с ним одним. И ему почти было без разницы,

как именно.

— Я буду пороть тебя флоггером два часа!

— Да, моя госпожа! — так и представляешь облизывающегося после миски молока котяру, наглого и избалованного.

— Нет, я отхлещу тебя плеткой так, что ты потеряешь сознание!

— Да, моя госпожа, — котяра слегка сник, но все равно облизывается.

— Нет, пожалуй, я давно не пользовала с тобой стек...

Айк еле слышно вздохнул, но:

— Да, моя госпожа.

Может и правда, влюблен?

— Нет, я привяжу тебя к кровати и заставлю лежать рядом и смотреть, как меня удовлетворяет муж.

Зубы парня издали чуть слышный скрежет.

Ревнивый, наглый, избалованный зверек. Ее зверек. Какая прелесть!

— Думаю, мебель уже разобрали, так что давай вернемся в комнату и на месте решим, как я с тобой развлекусь.

В комнате девушка, подойдя к Айку вплотную, так, что даже почувствовала его тихое дыхание, оттянула и отпустила тугую резинку штанов, затем отошла немного и изобразила рукой — «раздевайся». Через полминуты перед ней стояло красивое мужское тело, просто манящее: «Ну поиграй в меня, Кэйтириона, пожалуйста!». После вчерашнего расстройства хотелось отвести душу. Сначала все же флоггер, потому что хозяин этого тела знатный наглец!

— На ковер, на спину, руки за голову и ноги раздвинуть.

Воля госпожи была исполнена почти мгновенно.

Кэйт обошла лежащего на ковре зверика, прислушалась. Раб дышал глубоко, размеренно. Старается. Контролирует.

Красивое тело манило... Провела ногтями, наискосок, от груди до бедра, проследила, как проступают на ровной коже красные тонкие полосы.

Парень блаженно зажмурился. Кто бы знал, как сложно давалась ему эта игра в покорность. Когда за каждым сказанным словом, за интонацией голоса приходилось следить. И ладно, если только чужого... Голос госпожи Айк готов был слушать часами, как самую сладкую музыку, даже когда она ругалась. Но ему нельзя было расслабляться. Хорошо, что он почти сразу попал в этот дом, потому что в любом другом с его-то вспыльчивым неукротимым нравом... Показательная ломка на рыночной площади, раз в год, как по расписанию. Странно, что его госпожа еще ни разу не выписала ему это универсальное средство от наглости.

Если сейчас его начали полосовать аккуратные длинные острые ноготочки, значит, стека уже точно не будет. Если, конечно, он опять не ляпнет что-то не то или не так.

Флоггер, даже когда бьют по самым нежным частям, терпеть можно. Да их еще в лагере приучали возбуждаться от хлопков по члену и яйцам, а тут он довел это умение до совершенства. Госпожу явно притягивали мужские гениталии, причем они ее не раздражали, как одну из его бывших хозяек, а именно манили. Она не избивала, а, казалось, ласкала кожаными ленточками флоггера...

Айк закрыл глаза и представил, что это немного другая кожа, чуть более теплая, касается его...

— Айкейнури!!!

Тля! Размечтался... Не вовремя...

— Да что же с вами творится последнее время?! Один опустить не может, второй сдержать... Что с вами происходит?!

Сдержать — это он, кретин и вейжевый болванчик, а опустить... Это Шай. Тля! Его-то сейчас простят, а Шайн облажался конкретно.

Флоггер ударил между ног, передавая импульс злости юной госпожи на все происходящее. Стерпел. Надо сейчас дать госпоже излить все свое недовольство и потом...

Еще удар. Есть шансы, что потом может и не получиться, если дело пойдет так и дальше. Надо что-то сделать...

Открыл глаза и преданно посмотрел, обычно помогает. Но не сегодня. Тля!

Сказать? Что? Обычно, чем меньше он открывает рот, тем лучше. Но делать что-то надо...

— Простите, госпожа... (Ну почему у него нет способностей красиво излагать банальную дурь, на которую так падки женщины? Матерь Сущего, помощи же, а?! Тля!!) Хотим мы вас очень, вот и теряем контроль!

«Тля... Да ты просто поэт, Айкейнури, сейчас зрители заплачут от восторга и поменяют флоггер на плетку».

Нет?

Приоткрыв один глаз, парень изучил обстановку. Госпожа задумчиво смотрела на него, сидя на коленях между его ног. Сглотнул, потому что в голове мысленно случилось наложение образов... Последний малек точно так же сидел у него в ногах, прежде чем начал делать ему минет. От воспоминаний член сразу стал подниматься, тля! Две пары глаз внимательно следили за этим процессом. Одна — заинтересованно, вторая — напряженно, пытаясь что-то сделать.

— Значит, только хотите? — что-то в голосе госпожи заставило Айку отвлечься от попыток уложить непослушную часть тела и попробовать включить мозг. Мозг подсказывал единственно-правильный ответ на этот вопрос, но его же потом разрежут на кусочки... Хотя, похоже, терять уже нечего.

— Нет, госпожа, я Вас люблю...

Тля! Похоже мозг угадал...

— Ставь давай, прекрати позориться, все равно уже не удержишь.

Госпожа скинула с себя халатик... Тля-а! Он правда угадал нужный ответ?! Матерь Сущего, спасибо тебе!

* * *

Исполнив приказание Кэйтиайрионы, осторожно сняв с «полочек» все вазочки, книги и другую мелочевку, чтобы парни, изображавшие «книжный шкафчик» могли разойтись, Шайн вернулся в гарем. Рыжика нигде не было видно. Один из мальков сказал, что его увели маленькие хозяйки. Ну вот, только этого и не хватало для полного счастья. Шайн расстроился — в доме было две маленькие девочки, которые не доросли для того, чтобы их уже отправили в Лагерь, но замашки у юных леди были вполне в духе госпожей.

Однако все оказалось не так страшно. Нэйя спасла мать одной из юных обитательниц Дома Маргойлин, позвав их обедать. Рыжика же просто полапали, пообещав в следующий раз отыметь, если он снова вздумает пойти с девочками, не догадавшись послать кого-то из мальков за «помощью». Дело в том, что оспаривать приказы рабы не имели права, даже если те поступали от семи-восемилетнего чуда с невинным выражением на милой мордашке, потому что это самое «чудо» было женского пола, а вот что могло прийти в голову такой очаровашке — никому не известно. Для игр им полагались ровесники, а никак не взрослые парни.

Правда, Нэйю вновь повезло — одна хотела играть в «Старшую госпожу», вторая решила применить свой парикмахерский талант. В результате Нэйклиянэ почти полтора часа изображал лошадку, безбожно пинаемую пятками по ребрам, а его рыжую «гриву» теперь украшало множество бусинок и заколок, которые можно было выбрать, лишь выдрав вместе с медными прядями. А еще он радовался безмерно, что кое-что из одежды ему тоже оставили на время перевоплощения в коня, не

догадавшись, каким образом можно более надежно пристроить «хвостик» из стыренного, видимо, у матери флоггера, и засунули его ему сзади в трусы, чтобы держался. Будь девчушки постарше, таким невинным способом Рыжик бы точно не отделался. Облегчение от того, что так легко отделался — подумает, поясница ноет, синяки на ребрах и колени содраны чуть не в кровь (спасибо, что еще не заставляли участвовать в «забеге» на время), зато задница цела, да и остальные части тела тоже — немного омрачалось предстоящими часами распутывания огненного золота волос. Иначе потом вся эта «невозможная красота», как выразилась одна из его экзекуторш, свалется в колтун, и тогда уж точно останется только подстричься.

Шайну было невесело.

Побывав в спальне госпожи Кэйтиайрионы, он не мог отделаться от чувства, что, несмотря на то, что Кэйт упорно гнала его прочь, почему-то не хочет, чтобы про него забыли. Даже если остался всего месяц или два-три дня до того, как его продадут, это время хочется провести у ее ножек. Совершенно нелогично, но тем не менее.

Наверное, это случилось из-за того, что Шайн видел ее спящей, совершенно не похожей на ту надменную холодную красавицу, которая проплывала по дому или заглядывала в гарем, чтобы поманить движением пальчика кого-то из рабов. Что-то в ней было такое... живое, настоящее. Напоминающее те странные сказочные сны о том, что любим и желанен, которые в утешение посылала Матерь Всего Сущего, когда в особо трудные дни, полночи ворочаясь от боли в самых дорогих организму местах, он молился ей о своей мечте...

Или же он сам себе выдумал виртуальную сказку, время от времени все-таки взламывая запрещенные сайты с пиратскими копиями инопланетных фильмов про «большую и светлую» любовь между мужчиной и женщиной...

Рыжик пробрался сразу к себе, но малек, с которым тот делил комнату, примчался доложить об этом Шайну, и Нэйю пришлось принять приглашение Верхнего.

— О-о... — невольно улыбнулся Шайнэйлиер, сочувственно оглядев ободранные колени парня, успевшего разоблачиться перед тем, как идти в душ. — Присаживайся, я тебя полечу для начала.

— Помоги лучше волосы распутать, — вздохнул Нэй, усаживаясь на ковер и со стоном выпрямляя ноги.

Над восстановлением прежнего облика Рыжика, млеющего под

аккуратными руками Шайна, осторожно вынимающими бусины и заколки из его волос, трудились едва ли меньше часа. И лишь затем, расчесав и заплетя многотрадальную гриву в косу, старший кивнул Нэйю на ванную:

— Подготовься, заяц, думаю, Аик уже скоро освободится.

— Шайн, — напрягся Нэйклианэ, — ты считаешь, он даже не будет дожидаться ночи?

— Не знаю, хочешь рискнуть?

— Н-нет, — помотал головой Рыжик, покорно поднимаясь и отправляясь в ванную.

Коленки все-таки по настоянию Шайна промыли обеззараживающим раствором и приложили примочки, пропитанные маслом иши, надев сверху сетчатые гетры, заменявшие бинты, чтобы повязки не слетели во время ласк.

Нэй опустил на кровать и хотел было сразу перевернуться на живот, но Шайн остановил:

— Подожди, может, до вечера как раз подживет чуть-чуть. Закрой глаза...

Рыжик послушно опустил ресницы и подвинулся к стене, освобождая место с краю.

Шайн аккуратно улегся рядом, опираясь на согнутую руку. Он все никак не мог понять, почему Нэй бежит за ним. Ведь явно же — потенциал будущего Верхнего в парне, но подчиняется ему, напрашиваясь на ласку, словно один из мальков, уже понявших, что будет ложиться под любого... А ведь с Айком, бывает, взбрыкивает... Эх, Рыжик...

У Шайна никогда не было личной привязанности к кому-то одному... до Нэйя... наверное, к сожалению... Но теперь уже не стоит замыкать парня на себя — разве что самому попробовать снять тормоза и отлюбить его напоследок так, как хочется, так, как Рыжик этого заслуживает...

Вторая рука, следуя за потоком размышлений Шайна, ласково и не торопясь поглаживала Рыжика по плечам и груди, словно впервые исследуя красиво прокачанное тело мальчишки, аккуратно обводя маленькие соски, возвращалась к шее, обрисовывала контур скул, легко прошла по щеке, усыпанной веснушками, заправила за ухо медные прядки, выбившиеся из нетуго заплетенной косы...

Шайн улыбнулся, глядя, как Нэй старается справиться с непослушными веками, не желающими подниматься.

— Не открывай глаза, — предупредил он, и Рыжик благодарно вздохнул, в очередной раз подчиняясь и расслабляясь.

Шайн провел по шее парня, почувствовав, как гуляет его кадык, делая

непроизвольные глотательные движения, но Нэй старался оставаться неподвижным... Хорошая школа, умница, только вот сейчас он не с госпожой.

— Расслабься совсем, заяц... — шепнул Верхний. — Сейчас можно, сам знаешь...

Переместившись чуть по-другому, сам улегся получше и продолжил издевательство, выматывая медленно лаская светлую кожу млеющего под его рукой парня. Обвел каждую выступающую косточку ключиц, коснулся груди, спустился к животу (тут же напрягшемуся, обозначивая намечающиеся кубики пресса), покружил подушечками пальцев вокруг впалого пупка и двинулся ниже. Ощутил, как Рыжик на мгновение замер, но потом, шумно выдохнув, сам раздвинул бедра.

«Не так быстро, мелкий, — ухмыльнулся Шайн, — тут еще много интересного спереди...».

Нэй уже возбуждился, но недостаточно до того, чего хотелось бы старшему парню.

Оставив нетронутым внушительное «орудие», Шайн сначала поочередно погладил внутренние стороны бедер, почти до самых повязок на коленях, а уж потом снова лишь тремя пальцами проведя снизу вверх по сморщенной гладковыбритой мошонке, накрыл ее ладонью, осторожно поласкал яички, поднялся вверх по отвердевшему члену. Подушечкой большого пальца нежно провел по уздечке, и коснулся головки. Почувствовав выступившую капельку смазки, покружил, размазывая ее, и снова двинулся вниз, впитывая кожей ладони трепещущее напряжение гладкой шелковистой кожицы члена Нэя. Вот теперь можно перейти и к основному блюду... Или лучше самому сначала скинуть штаны, пока они не лопнули...

Все тело Нэйклианэ давно уже охватил жар, разлившейся в районе живота и поясницы, теплыми волнами расходившийся по ногам до самых кончиков поджимающихся пальцев. Плыл по груди вверх, мешая дышать, румянил пылающие щеки, на которых почти не стало заметно веснушек, и испарялся где-то у корней волос на макушке, вызывая приятное покалывание во всем теле и желание елозить, выгибаться, тереться о постель. Но пока еще старался себя контролировать, зная, что Шайн этого и добивается. А перед ним хотелось открыться полностью и в то же время доказать, что может сопротивляться... или не может...

Но тут ощущение ласкового тепла пропало и Рыжик обиженно распахнул глаза. Расширившиеся от предвкушения зрачки не хотели четко

передавать картинку происходящего, но, судя по колыхнувшемуся рядом матрасу, с которого убрали тяжесть, Шайн поднялся. Рука Нэя взметнулась в желании задержать, и Рыжик услышал тихий довольный смешок:

— Я только штаны сниму и смазку возьму, заяц, потерпи минуту, я быстро...

— Тля! — пробормотал смутившийся Нэй, закрывая лицо руками и шустро сдвигая ноги.

— Ты такой забавный, когда стесняешься, — доверительно шепнул быстро склонившийся Шайн, прикусив губами мочку пылающего уха парня.

— Издеваешься? — недоверчиво прошипел Рыжик, отнимая ладони и пытаясь укоризненно взглянуть на мучителя.

— Не-а, наслаждаюсь, — рассмеялся Шайн, чмокнув парня в уголок губ.

Из штанов он выпрыгнул шустро, да и тюбик со смазкой валялся неподалеку, поэтому Верхний тут же вернулся в кровать, пока его Рыжик не остыл, и не пришлось все начинать заново.

Привычно выдавив на пальцы смазку, Шайн сразу же прижался губами к животу потянувшегося навстречу парня, локтем раздвигая его колени, чтобы получить доступ к ягодицам.

— Ммм...

Нэйя, почувствовавшего проникновение, выгнуло. Шайн растягивал нежно, умело, никуда не торопясь, добавляя по одному пальцу, и Нэй уже не стеснялся стонать и насаживаться сам, без слов упрасывая поторопиться.

Только вот на самом интересном моменте в дверь нетерпеливо стукнули, и она тут же распахнулась, являя на пороге недовольного Айка.

— Рыжик!!!

— Мы вообще-то заняты немного, — Шайн прикрыл собой вздрогнувшего от окрика парня.

— Я вижу! Но кое-кто кое-что обещал мне! — Айкенуйри сложил руки на груди, и встал в позу, явно подразумевающую, что он без обещанной добычи не сдвинется с места.

— Может быть, ты пока перепихнешься с кем-то еще? — без особой надежды высказал предположение Шайн, чувствуя, что без скандала уже не обойтись, только вот разборки сейчас устраивать не хотелось. Айк физически, конечно, сильнее, хотя тоже огребет, но все равно больше достанется ему. Да и Рыжик подготовлен достаточно. Только вот самому придется тогда кого-то из мальков отлавливать, потому что здорово

распалится.

— Не надо, — обреченно приподнялся Нэй.

— Рыжик, — огорченно произнес Айк. — Ну что ты вечно из себя жертву строишь? Тля!!! Ну хочешь, втроем? — Айкейнури перевел взгляд на мужчину: — Шайн?

Прежде, чем ответить «да!», Шайнэйлиер обернулся и увидел немую просьбу в глазах Нэйя.

— Ты действительно не против? — тихо спросил, прижав, обнимая уткнувшегося ему в плечо Нэйя.

Тот лишь покивал головой, подтверждая. Вслух произнести не поворачивался язык.

Сразу же сориентировавшийся Айк расплылся в улыбке и, моментально освободившись от одежды, забрался на кровать.

— Мы так не развернемся здесь, — досадливо покачал головой. — Давайте на пол!

Нэй тут же подобрался, стараясь держаться поближе к Шайну и, кряхтя, пополз к краю кровати.

— Что с тобой? — озадаченно придержал его Айк за плечо, уставившись на замотанные коленки. — И ты после этого будешь утверждать, что я тебя насилую? — пошутил он и подмигнул старшему:

— Ну, Шайн, ты даешь! Такого, чтобы затрахать до стертых колен, даже я не практикую.

— Это не он... — купился Нэй, пытаясь заступиться, но, увидев, как оба Верхних закатились смехом, смущенно улыбнулся. — Гад ты, Айк! Вечно прикалываешься.

— Не дерзи мне, мелкий! А то я тебя живо перевоспитаю, — сдвинул брови любимчик госпожи.

Нэй только вздохнул — угроза была процентов на шестьдесят реальной. Он сполз на пол и попытался принять коленно-локтевую позу, справедливо предположив, что Айк пристроится сзади, а у Шайна придется отсосать. Но вот это его как раз и не смущало. Только коленки и впрямь саднило так, что Нэйклийанэ только шипел, стараясь найти оптимальную позицию, чтобы как можно меньше получилось их травмировать при акте.

— Эй, — позвал Айк, — Рыжик, не придуривайся давай! Я же не садист, в самом деле. Встань! — и он протянул руку парнишке.

Нэй недоверчиво покосился на ладонь Айка, перевел взгляд на Шайна, и тот кивнул, вставая на ноги. Айк сам ухватил Нэйя за руку и, рывком подняв, поддержал под мышки, давая ему опомниться.

Шайн тут же переместился за спину Рыжика, обхватывая руками поперек живота, прижимаясь губами к его шее, а Айк встал спереди, положив ладони на плечи...

* * *

Когда его плавно, так что он даже не заметил, опустили на пол, на спину, Нэйклийанэ не запомнил, теряясь в своих ощущениях от странной нежности, которую дарил сегодня Айк, подчиняясь безмолвному требованию Шайна.

Рыжика уже колотило от желания, выгибалось под распалющимися ласками парней, удерживающих его в четыре руки, но так и не дающих ничего взамен, пока не дождались сначала невнятного: «Ну хватит уже... ну же... пожалуйста...» — а затем чуть ли не плаксивого: «Шайни-и...»

Рыжик увидел нависающее над ним крепкое прокачанное тело. Сильные ладони как-то неожиданно подхватили парня под ягодицы, приподняв вверх, и живот Нэя прижался к чьему-то твердому члену, парень всхлипнул, не сумев сдержать просящего стоны. Сейчас Рыжик сам не знал, кого именно хочет, но точно был уверен, что его обязательно спасут, пока не разорвало от нестерпимой ломоты в мышцах, головокружения и иссушающего тела жара вожделения. Нэй попытался приподняться, но его тут же придержали сзади теплые ладони, укладывая обратно уже на подставленные колени, и к его лицу откуда-то сверху склонился Шайн, остужая пылающий щеки легкими поцелуями.

Но и Айк не терялся. Теперь поцелуи любимчика госпожи стали нетерпеливыми, страстными, заявляющими права на распростертое между старшими парнями тело. У Нэйклийанэ уже распухли и ныли губы, каждый нерв был натянутой струной, но он хотел еще и еще, и каждый раз, когда Айк или Шайн отрывались от него, парень сам хватал ртом воздух, пытаясь отыскать ускользающий источник тепла. Один был слишком нахрапист, а второй слишком нежен, и этот контраст сбивал с толку, но заводил со страшной силой. И единственная мысль, которая пойманной птичкой билась в его опустевшей голове, была лишь о том, чтобы Верхние не смели прекращать, иначе он умрет от разрыва сердца... ну, или от спермотоксикоза, потому что кончить ему эти два гада тоже не давали...

* * *

— Я пойду? — подал голос Рыжик, все еще не в состоянии пошевелиться после одуряющего оргазма, чувствуя себя затраханым до смерти и почти таким же счастливым, потому что Айк превзошел самого себя, сдерживаясь и отымевав его так ювелирно, что кажется, даже не придется смазывать ничем заживляющим.

Два тела, опустившиеся в изнеможении рядом с ним, промычали что-то невнятное.

Сделав над собой невероятное усилие, Нэйклийанэ попытался сесть.

— Куда? — прихватил Айк парня поперек живота. — Мы еще только начали! Ща отдохнем и второй раунд...

— Я жрать хочу! — возмутился Рыжик. И словно в подтверждении его слов, у него забурлило в животе.

— Это не от голода, — глумливо усмехнулся Айк.

— Да иди ты! — обиделся Нэй на намек. — У меня уже твоя сперма скоро из ушей полезет!

— Ладно, иди мойся, я пока хавчик поищу, — легко вскочил Айк на ноги, покосился на лениво жмурившегося Шайна:

— Ты что будешь?

— По барабану... — зевнул тот.

— Мелкий, а ты? — обернулся Айк, прищурившись. Рыжик уже успел подняться и теперь, неуклюже передвигаясь, чтобы не так сильно текло по стройным ногам, направлялся в сторону ванны.

— Не знаю, что-нибудь сладкое...

— Сла-адкое, — передразнил Айк, — тебе белки, углеводы нужны. Пирожки с мясом будешь?

— Да все равно, — досадливо отмахнулся Рыжик. — И попить что-нибудь. На одном вашем «протеиновом коктейле» долго не продержусь. Сок вишневый хочу!

— Ты моя прелесть, — умилился Айк. — Вот нахаленок!

Естественно, сам Айкейнури и не подумал идти на кухню. Не одеваясь, выглянул в коридор, отловил одного из праздно шатающихся мальков и отправил его за едой. Сам же вернулся обратно и завалился рядом с перебравшимся на кровать Шайном.

Мужчина покосился на обнаглевшего любимчика Кэйт и хмыкнул:

— Айк, мне это следует расценивать, как приглашение?

Парень лениво оторвал голову от подушки и поднес поднятый вверх средний палец прямо к носу спросившего.

— Так я это тебе и предлагаю... — усмехнулся Шайн.

— И не мечтай даже, — Айк удовлетворенно выгнулся, и заложил

руки за голову. — Хорошо потрахались! Будет что вспомнить...

Шайн повернулся к нему и, кивнув на дверь ванной, где плескался Рыжик, серьезно произнес:

— Береги его, когда я... если меня...

— Сам знаю! — оборвав, кивнул Аик.

— Спасибо.

Глава 15

После 10 жниэвена 327 года. Дом Кэйтирионы.

Возвращению подруги Кэйт оказалась несказанно рада, и готова была поехать в гости прямо в тот же день, но, к сожалению, прекрасно понимала, что Айрин соскучилась по своим мальчикам, а уж они-то без нее и подавно. А ведь там еще и трое крохотных детишек. Впрочем, за детьми, нашлось, кому поухаживать, но сама девушка, наверняка, уже испереживалась. Материнские инстинкты у нее все-таки были воспитаны немного по-другому, чем у Венговских мамашек — это Кэйт немного удивляло и забавляло. Особенно то, что подруга никак не могла понять, как это можно отказаться от собственного сына, не в положенное время, когда мальчишек все равно забирают из семьи, в пять-шесть лет, а даже не достигшего полугода. Сейчас-то Кэйт и сама понимала, что зря она так поступила. К тому же, лишившись Кэйтара, она автоматически лишилась и Эйри, сразу же умотавшего обратно под крылышко Айрин... Но теперь уже ничего не поделаешь. Спасибо, что подруга разрешает еженедельные визиты и даже позволяет немного погулять с сыном и Эйном у них в парке.

Однажды даже сфотографировала их втроем, возвращавшихся с прогулки к дому, заставив остановиться рядышком. Кэитар, которого держал на руках отец, беззубо улыбался во весь рот, а она, повинуясь жесту Айрин, уверявшей, что они «не помещаются в кадр», почти прижалась щекой к плечу мужа. Фотография вышла до неправдоподобности непохожая ни на что подобное в понимании Венговской девушки. Они все оказались настолько искренне довольными, что ни у кого не возникло бы и сомнений, что эта сценка — не постановка. А все потому, что стоя за спиной фотографа, Сайни корчил забавные рожицы, потрясая погремушками-маракасами, которые сам и сделал по просьбе Вила для какого-то танца. Но, так как, заказчика пока не нашел, примчался похвастаться Лейхо. Лей, как всегда, оборжал оригинальную авторскую работу любовника, зато маленькая наследница упрямо тянула ручки, желая заполучить такую игрушку себе. Скорее всего, именно ей они и достанутся, а Сайни придется еще раз повторить заказ Вилайди.

Лейхио, у которого девочка была на руках, пытался переключить внимание ребенка на себя, но ее интерес полностью принадлежал Сайю, пытавшемуся изобразить Вила с этими атрибутами в танце. Правда, в его

исполнении, он был похож, скорее на неуклюжего медведя, поэтому даже Айрин тихонько шипела, чтобы он прекратил, потому что от смеха камера подрагивала в ее руках, и она никак не могла поймать фокус.

Скептически оценив получившуюся фотографию, подруга уверила, что примерно так и выглядят счастливые семьи инопланетников. Правда, заметив, как у Кэйтирионы загорелись глаза, сразу нахмурилась:

— И не мечтай! Фотку на память подарю, только никому не показывай.

— Хорошо, — согласилась Кэйт, понимая, что, скорее всего Айрин заботилась не о ней, а о Кэйтаре. Возможно, когда-нибудь, она покажет ее сыну этот снимок. Айрин ее предупреждала, что, несмотря на заключенную сделку, она постарается преподнести мальчику его продажу в двухмесячном возрасте так, чтобы у него не возникло сомнений — это было продиктовано необходимостью, а вовсе не тем, что он оказался не нужен собственной матери. Чтобы у него не возникало лишних комплексов.

Кэйт не понимала, какие могут вообще возникнуть комплексы, у мальчика, рожденного на Венге? От всех этих глупых заморочек их очень быстро отучали в лагерях, и ни о чем таком она раньше не слышала. Впрочем, у Айрин свои тараканы, и раз уж ей хочется воспитывать детей по своему усмотрению — на здоровье, Кэйтар теперь полностью принадлежит ее Дому. Единственное, на чем настояла — фамилию до женитьбы пусть носит только Дома матери. Не двойную, как отец.

Фотографию подруга и впрямь подарила, и сейчас, Кэйт испытывала странное чувство, словно она подпитывалась какой-то положительной энергетикой, глядя иногда на этот снимок. Странная смесь сожаления и легкой грусти тянула душу... Но хотя бы так Эйн оставался с ней постоянно.

Подобные снимки, где были запечатлены маленькая Айрин с отцом и матерью, Кэйтириона видела и в семейном альбоме девушки, привезенном ею с собой на Венгу. Но, кажется, подруга не показывала его никому, кроме нее и своих мальчиков.

Поговорив с Сабиной, подошедшей к видеофону, Кэйт попросила передать «очень занятой» подруге привет, поняв, что угадала, и Айрин теперь, наверное, раздирают на части, требуя внимания, муж и личный раб. Или же все мальчики сбились у ее ног, выпрашивая ласки...

«Хорошо, что она все-таки догадалась выделить себе мини-гарем, а то сидели бы сейчас в три-четыре круга», — усмехнулась Кэйтириона, живо представив визуальную картинку. Эх... надо все-таки выдержать пару дней, чтобы подруга могла уделить ей внимание и не тяготилась визитом.

Кэйт жутко соскучилась по мужу, но приехать в гости к подруге, даже не так — к ее личному рабу в отсутствии его госпожи, было бы крайне невежливо, и приходилось соблюдать эти тонкости этикета, что отнюдь не добавляло девушке хорошего настроения.

В результате, в ожидании своего сладкого мига встречи с Эйном... ну и с Айрин, и с сыном тоже, девушка занималась тестированием остальных кандидатов на вылет из гарема. Тех, кого она не стала даже смотреть, Эйлий и Ойлива через сутки после отбора отвезли на рынок. Денег выручили не так, чтобы много, но все равно сама сделка оказалась удачной. Сразу появились средства на покрытие нескольких хозяйственных статей расходов, и даже некоторый избыток, который юная госпожа приказала зарезервировать на какой-нибудь непредвиденный случай. А вообще, у нее давно уже зрела мечта, навести наконец-то порядок в собственном саду, в смысле не то, чтобы порядок, а превратить снова усадьбу в цветущий оазис, какой она и была когда-то давно, вызывая завистливые вздохи соседок. Ну еще бы! Земля была просто шикарной, и при должном уходе, здесь, кажется, зацвел бы и сухой прутик, воткнутый в грунт. Но мать профукала все, тратя деньги на свои азартные увлечения, и скоро без участия специалистов-садовников парк вокруг старинной усадьбы одичал. Хорошо еще деревья не требовали дополнительного ухода и кое-где каждый год снова расцветали многолетники, а вот шикарные цветочные клумбы с однолетниками уже не радовали глаз, зарастая сорняками и простой травой.

А вот всю оросительно-дренажную систему придется прокладывать заново. Да и оранжерею, которая в свое время уступала лишь тем, что располагались в парке Королевского Дворца, мечтала не просто восстановить заново, а даже увеличить площадь — в последнем каталоге, предлагающем новинки для декоративного украшения садов и парков, было много чего интересного. Оказывается, местные селекционеры Венги, нашли способ скрещивать некоторые экзотические растения, семена и саженцы которых закупают на далекой планете, с говорящим само за себя названием — Элизиум, признанной Межгалактическим Союзом «райским местечком». Просто раньше, импортируемые растения никак не хотели адаптироваться к местному климату, и гибли даже в исследовательских центрах, но теперь, можно попробовать высадить эдакую красоту и у себя, достаточно просто хорошо оборудованной оранжереи, а вовсе не экспериментальной лаборатории.

Из оставшейся десятки, помимо Шайна, опробованного в первый день, еще лишь один раб вызвал подобие интереса, а в остальных Старшая госпожа Дома Маргойлин разочаровалась абсолютно.

В день визита к Айрин, Кэйтириона вскочила ни свет, ни заря. Ошивающийся с самого утра возле ее комнаты Айк, в надежде, что госпожа позовет его пусть не вечером, но хотя бы утром, был удостоен лишь легкого похлопывания по щеке и отправлен восвояси. В предвкушении встречи с мужем, ей было уже не до собственных рабов.

Ойлива что-то пыталась выяснить за завтраком, но, наобещав тетушке, что выслушает ее потом, Кэйт быстренько хлебнула тайшу и умчалась в свою комнату, вызвав парикмахера и визажиста. Эйри не видел ее несколько дней, для него ей хотелось быть неотразимой. И сейчас срочно требовалось устранить все следы полубессонной волнительной ночи.

Эйли, сунувшийся было с какими-то отчетами, которые сама же и поручила составлять, так же был изгнан — не до него!

И сейчас была немного раздосадована тем, что, уже садясь в карету, ее догнал Шайн, пытавшийся передать какую-то информацию Хозяйки Ойливы, про которую совершенно забыла, что выслушает ее позже. Девушка, предвкушавшая скорую встречу с мужем и подругой, не желала задерживаться больше ни на минуту, поэтому коротко кивнула парню, чтобы запрыгивал в карету — по дороге и расскажет, что там такого не терпящего отлагательств, понадобилось тетушке.

* * *

На обратном пути Кэйт чувствовала себя удручающе. Отделаться от странного ощущения, что ее обманули, никак не удавалось. Ей было больно. Снова и снова вставали перед глазами сцены из фильма. Правильно, между прочим, что у них на Венге не показывали подобное извращение. Представить себе, что можно иметь со звериками какие-то отношения, вместо традиционных, уподобиться их распущенности и опуститься до животного уровня, предаваясь такой же развязной грязной ласке, которую они дарят друг другу между собой в гаремах, когда долго не устаиваются милости своих госпож — просто возмутительно, мерзко и... волнующе. Тля! Противно же...

Но почему тогда не отпускает? Что хорошего может быть в том, чтобы разрешить мужской особи целовать себя? Ну ладно еще, позволить

облизывать ступни, как признак преданности... можно даже «пожертвовать» кистями... тоже еще ничего ужасного — кошки же облизывают кормящую их руку хозяйки в благодарность за еду... Но самой целовать?!

Еще бы мужчине не сходить с ума от такой нечаянной радости! Хотя, нет... В фильме-то получалось, что герой воспринимал это как должное... кошмар...

Как можно целовать зверьков? Баловство какое... А уж про то, что брать их гениталии в рот... да вообще-то просто дотрагиваться губами до членов, которые побывали неизвестно в скольких задницах... ужас какой... отвратительно! Хотя... там, в фильме, мужчина, кажется, не практиковал однополые отношения с себе подобными, запрыгивая, как дикарь, исключительно на женщин... И в его поведении, в его движениях, в его эмоциях, отражавшихся на лице и передающих наслаждение и алчное вожделение, было столько необузданности, какой-то первобытной дикости, что это просто завораживало, возмущало, аж до легкого подташнивания, и все равно возбуждало, что ли...

Кэйт бросало то в жар, то в холод, она то приоткрывала окошко, подставляя пылающее лицо легкому сквознячку, то закутывалась плотнее в легкий плащ, казалось, что ее просто лихорадит, словно от простуды... только вот узнать бы от чего так?

Все ее существо противилось тому, что происходило на широкой панели плоского экрана, а ведь ей приходилось делать вид, что ее все это не шокирует, чтобы не обидеть Айрин своей невежливостью, или невежеством — вроде как подруга «приобщила» ее к культуре инопланетников, привезя эти кинокартины явно не Венговской индустрии кинематографа, а она не ценит. Кажется, Айрин решила, что это такой особый акт доверия между ними, до которого они смогли прийти. Вот Кэйт и старалась соблюдать законы гостеприимного дома. Понятно, что подобный фильм не покажешь на вечеринке — не поймет никто из госпож, и вряд ли оценят смелый вызов обществу. Скорее, осудят за распространение подобной пропаганды, сбивающей с толку.

Правда, девушка не могла понять, почему Айрин позволила себе подобный просмотр в присутствии своих гаремных мальчиков? Все ее приближенные, за исключением Сайни, как всегда, пропадающего где-то по своим садовым делам, сидели у ее ног. Даже не у ног — Лей был в кресле, и когда Кэйт пришла, и один из мальков Дома Вайнгорт, без доклада своей госпоже, привел ее прямо к Айрин в комнату, парни слегка смутились. Лейхо быстро соскользнул с кресла, Вил вообще, склонившись в

приветственным поклоне, метнулся вон тихой шушаркой, чуть не налетев на застывшего в дверях Шайна.

Шайн же, шагнувший следом за ней в комнату, чуть было не забыл упасть на колени, почти на минуту впад в ступор при виде действия, происходящего на экране. Это изумило девушку до такой степени, что она даже не сразу сообразила его тут же наказать. И Лей, паршивец, смекнув, что сейчас кому-то влетит, быстренько отпросил у Кэйтирионы ее сопровождающего раба, уведя за собой на мужскую половину. Впрочем, и хорошо. Главное, что Эйн остался.

Айрин, вовсе даже и не казалась смущенной, наоборот, обрадовалась подруге, пригласив присоединиться к просмотру, сразу же придвинув к ней маленький сервировочный столик, заставленный легкими закусками, и кивнув Эйну, разрешая поухаживать за женой. Кэйт с удовольствием бы осталась с ним наедине, но, похоже, Айрин еще не полностью удовлетворила свою потребность видеть своих мужчин рядом после долгой разлуки, поэтому и делала вид, что не понимает, что от нее ждут разрешения.

Девушка горестно вздохнула, но мысленно была согласна с подругой. Представить, что Айк, например, чей-то муж, а она по нему соскучилась и, не успев насытиться встречей, его надо сдавать в аренду... неет, не отдала бы...

Ладно, придется подождать другого раза. К тому же женское любопытство все-таки брало свое. Зрелища, подобного происходящему на экране, Кэйт еще ни разу не видела. Покосившись на парней, удивилась только тому, что они совершенно спокойно продолжали смотреть.

Она потом еще несколько раз, в особо откровенные моменты, где ВСЕ ЭТО показывали крупным планом, бросала быстрые взгляды на рабов, и удивлялась все больше — почему их так же не трясет, как ее саму? Неужели им творящееся на экране не кажется дикостью? Или они с удовольствием предавались мечтам о несбыточной сказке? Или... Айрин, воспитанная на подобного рода фильмах, не находила в этом ничего противоестественного и вытворяла со своими рабами нечто аналогичное?

Поверить в то, что она могла это сделать, оказалось не так сложно.

Кэйт время от времени просто подвисала, глядя на экран, но не забывала коситься на рабов Айрин, снова замерших у ее ног, особенно на своего мужа. И то, что девушка замечала, возмущало ее до глубины души.

Не понять, что подруга практиковала со своими зверьками вот это безобразие, было уже невозможно — по скрытым жестам благодарности,

по тому, как Эйн, бросив быстрый взгляд на Айрин, облизал пересохшие губы, как подавил легкую улыбку, и в зеленых, чертовски красивых глазах мужа промелькнула тень приятного воспоминания, затуманившая заблестевшие зрачки...

Девушка почувствовала, что ей стало тяжело дышать.

Да как она посмела? Как только она додумалась так развращать своих рабов? Как ей пришло в голову попробовать это с Эйном?! Пусть на своем муже ставит эксперименты, если уж так этого хочется!

И когда? Неужели... еще до того, как Кэйт заключила договор о том, что берет раба Дома Вайнгойрт в мужья? Тогда понятно, почему Эйн так холоден, почему он выпросил себе статус личного раба — Айрин привязала брата к себе, намертво пленив его тело и душу... Бесстыжая воровка! Тля!

Сволочь, как он мог... ведь давным-давно ходили слухи, что будет мужем... Мужем, а не просто рабом!!! Почему? Неужели вот эти ласки его госпожи стоят того, что он теперь полностью зависим от ее воли?

Зачем она проделала такое с Эйри? Умышленно или по незнанию, по привычке, по своей этой испорченной инопланетной привычке, опустившись так низко, даже не думая о последствиях, насколько она пошатнула психику рабов, не смеющих даже грезить о чем-то подобном? Ведь за такую милость... Ох, Айрин, что же ты натворила?

И как теперь перебить эту связь?

И получится ли вообще? Это же отталкивающе-омерзительно — все существо Кэйтирионы восставало против этого знания о подруге и ее гаремных развлечениях. Но ладошки отчего-то вспотели, кровь металась в жилах, требуя чего-то немедленно, да и трусики увлажнились, совершенно однозначно требуя, чтобы хозяйка сбросила накопившееся напряжение или раздражение... или все-таки желание... Ну не в гостях же, когда Айрин упорно не желает вспомнить, что ее личный раб, вообще-то чужой муж, по которому скучала не одна она...

Нет, Айрин сейчас не отдаст Эйна... Да и что она теперь сможет противопоставить, если эта зеленоглазая бестия, уже отведал запретное, и, скорее всего, подсел на это не хуже, чем опаиваемые бордельные рабы на вэйдже....

* * *

Распрощалась Кэйт в этот раз с подругой довольно быстро — очень хотелось поскорее спрятаться от внимательного взгляда Айрин, в глубине

глаз которой искрился затаенный смех. Подруга словно наслаждалась произведенным впечатлением и исподволь изучала реакцию на свое полупризнание в том, что так низко пала...

Но пала ли, или, наоборот вознеслась в глазах своих рабов на немыслимую высоту, на пьедестал, с которого ее уже не спихнуть и даже не подвинуть? Вот гадство!

Кэйт снова стало жарко, она расстегнула плащик, ее душили злость и непонимание, обида и зависть... мозг просто закипал, не в состоянии отфильтровать и упорядочить полученную информацию, перекодировав ее в привычные образы. А тело девушки тоже требовало чего-то такого, волнующего, бесстыжего и порочного. Кроме Эйнри, перед которым ни в коей мере не хотелось выставить себя на посмеище или оказаться совершенной неумехой в подобных играх по сравнению с Айрин, перед мысленным взором возникал только Аик. Но нет, нет и еще раз нет!!! Этому нахапенку только дай лишний повод, он и так позволяет себе слишком много.

Что делать?

Взгляд метнулся в сторону Шайна, замершего у ее ног, и проворно опутившего глаза. Тля! Наверное, он все это время наблюдал за ней, а она даже и не скрывала своих эмоций, оказавшись в карете. Что только он успел себе вообразить?

Кэйт впервые, наверное, стало стыдно, словно раб мог подслушать или подсмотреть ее «грязные» мысли, которые сейчас уже почему-то и не казались настолько чудовищными, наоборот, срочно захотелось попробовать самой... Чтобы уж точно увериться, что Айрин настоящая извращенка, или... или почему вся остальная галактика не считает в отношении пары из лишь одного мужчины и одной женщины, что это скучно? Не находит в равноправном партнерском союзе, не оставляющем никаких запретов на проявление влечения, называемого любовью, хотя, правильнее было бы назвать похотью, ничего предосудительного...

Невыносимо душно...

Кэйт скинула плащик и приказала остановить карету, срочно хотелось на воздух.

Шайн метнулся вперед, открыв дверцу и подставив госпоже согнутую спину, чтобы она могла сойти.

Приказав вознице оставаться на месте, пока она не позовет, Кэйт медленно пошла по дороге вперед, подставив пылающее лицо встречному

прохладному ветру, беспардонно забирающемуся под развивающийся подол платья, и даже не замечая, что по ее щекам текут злые отчаянные слезы...

Только вот и идти не было сил, хотелось сесть и, закрыв лицо руками, пореветь всласть, как в детстве, когда вместе со слезами выйдет из сердца и вся эта горечь. Что с ней не так? Она же все делала правильно, всегда старалась следовать правилам обращения с рабами, как учили, как положено порядочной девушке древнего рода, понимающей свою значимость будущей, а теперь уже настоящей Главы Дома... Тогда почему тот единственный, из-за кого она забывает себя, кто крадет ее сны, и без кого мир вокруг становится тусклее и звуки глуше, любит другую, подло привязавшую его своими континентальными приемчиками...

Кэйт пошатнулась и опустилась прямо на обочину дороги, обняв подтянутые к груди колени и уткнувшись в них лицом.

— Госпожа? — окликнул раб, заставив ушедшую в свои переживания девушку вздрогнуть.

— Что?! — недоуменно подняла голову Кэйт, удивляясь нахальству парня, которого никто не звал за собой.

В руках у Шайна был ее плащик.

— Госпожа, на улице прохладно, оденьтесь, прошу Вас... И не надо сидеть на земле, простудитесь...

В его взгляде, сразу же опущенном вниз, промелькнуло искреннее сочувствие.

Жалость от раба была невыносима.

— Пошел прочь! — резко мотнула головой Кэйтирийона.

— Оденьтесь, госпожа, и я уйду, — тихо попросил Шайн, не двигаясь с места.

— Ты что, совсем страх потерял?! — от возмущения у девушки даже слезы высохли.

Раб опустился на колени и молча протянул плащ.

Кэйт выхватила его из рук Шайна, со злостью отшвырнула в сторону и наотмашь влепила пощечину зарвавшемуся парню, как учили. С отяжкой. Так, что голова раба дернулась в сторону, и на его щеке сразу же проступил очаровательный след ее ладони.

Шайн лишь зажмурился, сцепив зубы, а вот ее ладошка продолжала гудеть. Кажется, она перестаралась — себе лишней боли доставлять не хотелось и от этого стало еще обиднее. Кейт прижала пострадавшую руку другой рукой к груди и разрыдалась по-настоящему.

Шайнэйлиер поднял голову. В левом ухе все еще звенело, щеку отчаянно жгло, но то, что творилось с его госпожой, было чем-то неслыханным. Видеть холодную красавицу Кэйт такой расстроенной и такой потерянной, ему еще не доводилось, и было очень страшно...

И еще, представив себе, что с ним сделают Хозяйка или госпожа Эйлиорина, если Кэйт простудится и заболеет, узнав, что он сопровождал ее в этой поездке и ничего не сделал, чтобы с его госпожой не приключилось такого несчастья, Шайну и вовсе поплохело.

Наверное, все-таки он смертник, но по-другому просто не мог поступить. Решительно поднявшись на ноги, он подобрал плащ, накинул его девушке на плечи и, подхватив ее на руки, развернулся обратно к карете.

От такой вопиющей беспардонности Кэйтириона вообще потеряла дар речи. Только, набрав воздуха, собралась высказаться, так этот придурок еще и свистнул над самым ухом, призывая возницу, быстро сообразившему подогнать карету.

Оглушенная неслыханной наглостью и самоуправством, и чуть не оглохшая по-настоящему, Кэйт ошарашено дала занести себя внутрь. И, только почувствовав, что ее и не собираются отпускать, крепко прижали к груди и вообще укачивают, как маленького ребенка, шепча что-то нечленораздельное, типа: «все будет хорошо, моя госпожа», Кэйтириона, наконец-то опомнилась и разразилась отчаянной бранью, наобещав Шайну страшные мучения.

Парень только замирал на мгновение, наверное, представляя себе, сколько он сможет вынести, потому что после четвертого «смертного приговора», уже даже не обращал внимания на бушующую госпожу, которая только и могла ругаться. Брыкаться у нее не получалось, два раза она попала ножкой по сиденью вместо его ноги. Было больно. А руками она вообще не могла двигать, только сжимать и разжимать кулачки, бессмысленно царапая воздух — уж очень хитро он спеленал ее собственным плащиком.

Спустя несколько минут тщетных попыток вырваться, Кэйт озадаченно заткнулась, решив, что у зверька повредился мозг, потому то, что он только что посмел сделать, не поддавалось вообще никакому анализу. А если он повредился умом, то вполне может быть опасен...

Кэйтириона затихла, лихорадочно пытаясь припомнить, как следует поступать в случае, если с одним из рабов приключилась такая беда, но, как

назло, ничего не вспоминалось. Просто подобное вообще сложно было представить, и, как правило, учителя в Лагере для будущих госпож не заостряли на этом внимания. Кажется, следует вызвать специальную службу и усыпить его от греха подальше. Вот не зря все-таки определили пограничный возраст, наверное, стресс из-за того, что было несколько дней назад, когда он понял, что его продадут, и вызвал это отклонение...

Почувствовав, что девушку отпустило, и она теперь, изредка шмыгая носом, как-то странно нахохлившись просто молча изучает его лицо, Шайн медленно разжал руки и пересадил ее на мягкое сиденье кареты, аккуратно расправил складки плаща у ее шеи. Затем отполз в дальний угол, приняв совершенно смиренную позу... идеально выражавшую покорность — хоть сейчас на иллюстрацию в учебник...

— Прошу прощения за мою дерзость, госпожа... — тихо прошептал он, не поднимая головы от пола.

Кэйт сглотнула, интуитивно поджав ножки и сгруппировавшись, словно он только прикидывается тихим, и стоит ей сделать какое-то резкое движение, снова бросится ее обнимать...

И в то же время, лишившись тепла его тела, этих его наглых объятий... таких уютных и убаюкивающих и... вопиюще хамских... и...

Кэйт запуталась и снова расстроилась. Мозг отчаянно вопил, что она должна немедленно его как минимум кастрировать без наркоза, потом четвертовать, и еще раз кастрировать, а тело отчего-то просило снова очутиться в этом уютном коконе сильных рук и больших ладоней... может, он заразный какой, и теперь она тоже подхватила этот вирус? Или, скорее всего, это Айрин со своими фильмами вывернула ее мозг наизнанку, и раб просто почувствовав слабину, ошалел...

— Я... — хрипло произнесла Кэйт, кашлянула, прочищая горло, и отчетливо закончила:

— Я тебя убью.

— Да, госпожа, — согласился раб.

— Хм... — Кэйт слегка расслабилась — а сейчас вроде бы не такой уж и невменяемый...

— Тебе будет оччень больно...

— Конечно, госпожа...

— Нет, я тебя сначала помучаю, а потом все-таки продам... или лучше просто отдам... в бордель!

— Д-да, госпожа... — дрогнул, наконец, его голос.

Тля! Показалось, или именно бордель его и напугал больше всего?

Нет, пожалуй, пока больше испытывать судьбу не стоит...

Карета как раз уже подъезжала к воротам усадьбы, и у девушки отлегло от сердца. Как бы там ни было, а дома его быстренько скрутят, если у него вновь случится приступ острого помешательства.

Карета остановилась у крыльца. Кэйт поднялась, и Шайн хотел было вскочить, чтобы предупредить выход госпожи, но Кэйтириона рывкнула:

— Лежать!

Раб молча замер. К тому же сразу двое мальков оказались рядом, мечтая послужить Старшей госпоже хоть ступенькой для выхода, потому что попасть к ней в спальню, оказывается, слишком сложно... Если сам Гейн пока еще не удостоился...

Выйдя, Кэйт не оборачиваясь, кинула Шайну, отчаянно молящемуся, чтобы она про него забыла хотя бы на вечер (может быть, до утра она все-таки передумает убивать его с особой жестокостью, и обойдется только плетью и стеком?):

— За мной! Живо!

Не обошлось...

Ноги сделались ватными, но Шайн понимал, что госпожа права, во всем права... Он сглупил и теперь будет наказан... Значит так тому и быть... жаль только с Рыжиком не дали проститься...

* * *

Мрачно прошагавшая по коридорам к себе в комнату, Кэйтириона отмахнулась от бросившегося навстречу Айка, караулившего ее приезд:

— Исчезни!

— Да, госпожа, — пролепетал расстроенный раб.

В глазах светленького красавчика мелькнула досада и разочарование. Впрочем, он и боялся, что после того, как Кэйт пообщается с мужем, будет пребывать еще пару дней в мечтательно-блаженном состоянии легкого ступора, словно снова и снова переживая их свидание. Как хорошо, что госпожа Айрин не разрешает эти встречи, чаще, чем раз в неделю... Правда, сегодня любимая, явно не в духе. И почему впустила в комнату Шайна, бледного, как полотно, следовавшего за нею, словно его ведут на казнь? Что он мог отчудить в гостях такого, что Кэйт злится?

Ничего не понимая, Аик все же не посмел ослушаться приказа, хлестнувшего по самолюбию не хуже хлыста, и побрел на мужскую

половину.

В общей комнате гарема было многолюдно. Рыжик мучил гитару, собрав вокруг себя мальков, заморожено слушавших какие-то его заунывные напевы. Несколько Верхних сидели неподалеку, обсуждая очередное обучающее видео, отпуская время от времени пошловатые комментарии и потягивая ароматный дымок кальяна. Гейна среди Верхних не было. Скорее всего, старший по гарему в спортзале или в бассейне. Попадать ему на глаза Айкейнури не желал. Эта сволочь, хоть и не приставал к нему, но в последнее время его взгляды были просто невыносимы — словно он осуждал Айку за то, что Кэйтириона устроила этот отсев ненужных, и не пользуется рабами, как положено Старшей госпоже. Понятно, что ей было несколько не до этого, пока была беременна и сразу после родов, пока здесь торчал ее муженек, но прошло уже почти два месяца, а новые привязанности госпожи так и не определились. Мало того, сам Айк, хоть и пользовался большей благосклонностью по сравнению с другими, но все равно чаще оставался незадействованным. Может быть, Гейна уязвляло то, что его самого госпожа вообще ни разу не позвала, хотя у остальной женской половины Дома Маргойлин он шел нарасхват? Значит, в тренажерку сейчас лучше пока тоже не соваться, хотя злость и обида требовала выхода. Непонятно, на кого Айкейнури злился больше — на Эйну, словно приворожившего их госпожу, на себя, на госпожу или вообще на всю ситуацию в целом? И все-таки, почему, она позвала Шайну?

Словно почувствовав, его появление, Рыжик обернулся, обрадовано вскинувшись, но тут же недоуменно поднялся:

— А где Шайн?

— У госпожи, — процедил Айк, направившись в свою комнату. Хотел было зацепить Нэйя, но тот, сунув гитару одному из окружавших его парней, стремительно рванул вон из гостиной.

— Ну-ну, — криво усмехнулся Айк, поняв, что Рыжик помчался под дверь Кэйт. — Только тебя там и ждут, наивный...

Повалявшись на кровати, Айк встал, снова заглянул в гостиную. Гейна по-прежнему не было, впрочем, как Шайна и Нэйя. Трепаться с остальными тоже желания не возникало. Айк в задумчивости постоял в дверном проеме коридора, и отправился на свой «пост», решив, что Рыжику там одному скучно.

Как он и предполагал, Нэй сидел на полу недалеко от двери в комнату госпожи, скромно притулившись под листьями пальмы, растущей в огромном деревянной бочке, украшенной причудливым орнаментом. Госпожа обожала разную растительность, хотя вот Айк, например, совершенно не понимал, есть ли разница, какие листья собирают пыль — настоящие или искусственные? Местечко было выбрано стратегически правильно — из коридора, по которому могла пройти Хозяйка Ойлива или кто-то из других женщин дома, сидящего в засаде, было почти незаметно.

— Ну и что там? — грубо подвинул Айк грустного парня.

— Не слышно ничего, — огорченно прошептал Нэй, подтягивая конечности ближе к животу.

— А что ты хотел услышать?

— Ну-у, — отчего-то засмутился Рыжик.

Айк прислушался, и в самом деле за дверью, ведущей в комнату госпожи было подозрительно тихо, а это может значить только одно — Шайна отвели в комнату для наказаний, в ту, без окошек, с отменной звукоизоляцией и кучей различных девайсов, разложенных по полочкам, чтобы любой из них мог оказаться под рукой, если госпоже вздумается наказать провинившегося зверика...

У Кэйтиайрионы, окончившей с отличием Лагерь для госпож, всегда была шикарная коллекция. Впрочем, как и у ее матери. У остальных женщин арсенал подручных средств был победнее, да и пользовались они общей комнатой для наказаний. Шикарных апартаментов с собственным кабинетом для «воспитательного момента» рабов в доме было лишь четыре — у Старшей госпожи, у Наследницы, разумеется, когда она подрастала достаточно, у Хозяйки-Распорядительницы, и одну держали на случай дорогих гостей... По идее, став Старшей госпожой, Кэйтиайриона должна была переселиться в комнату матери, но решила остаться в своей, девичьей, так как наследницы пока еще не намечалось. Эйлиорина была очень довольна тем, что дочь любезно не возражала против проживания матери в своей старой комнате. Нужды перебраться в другую, менее интересную своими возможностями, бывшая старшая госпожа не испытывала. Отчасти Айк был рад тому, что Эйну не удалось заделать дочку. Госпожа Эйлиорина тяжело мирилась с потерей власти в Доме, но на открытый конфликт с Кэйт не шла. Возможно, она и впрямь по-своему любила ее и гордилась своей девочкой. Однако мелкие пакости время от времени все же совершала, по старой памяти пользуясь влиянием на свою младшую сестру — Ойливу. Да и раздражение от более скромного времяпрепровождения, после того, как ей было запрещено развлекаться

азартными играми высочайшим Указом Королевы, мужская половина испытала на своих... разных частях тела в полной мере. Счастье, что Кэйт все же объявила его неприкосновенным. Эйлиорин косилась в его сторону, но не трогала. Айкейнури завидовали многие.

И все же в данную минуту Айк сам остро завидовал Шайну, оставшемуся с Кэйтирионой наедине. Он готов был вынести все что угодно, за возможность побыть рядом со своей любимой, упорно не желающей понимать, что Эйн просто ее не достоин. Ему свалилось невъебенное счастье — его любит такая удивительная женщина, а этот, кретин, совсем не ценит...

Возможно, унылые парни так и просидели бы до самого утра. Один — ожидая своего Верхнего, которого сам себе выбрал, а второй — «подачки» от госпожи, отчаянно надеясь, что раз уж она перепробовала всех, кого наметила в списке навывлет, и наконец-то освободилась, теперь позовет его, но вечер еще не закончился...

Маленькие жительницы дома Маргойлин затеяли прятки, пока их матери, занятые разными неотложными делами, которые не рекомендовалось пока творить на глазах у малолетних дочерей, не спохватились, что пора их укладывать спать. Девочки добрались до этой части дома, и пока одна, замурив по-честному глаза, вслух громко считала до пятидесяти, вторая лихорадочно искала, где бы спрятаться от подружки. И не нашла ничего более привлекательного, чем огромная бочка с пальмой стоявшая в этой части коридора.

Втроем тут уж точно было не поместиться так, чтобы их было незаметно, поэтому, недолго думая, малышка топнула ножкой и возмущенно потребовала, чтобы парни освободили занимаемую территорию.

Уговорить ее, чтобы не шумела и пошла поиграть в другое место, Айку, осмелившемуся возражать маленькой женщине, не удалось, так как, по ее словам — в шкафу она уже два раза пряталась, в нише за занавеской — четыре, а в темной кладовой было слишком страшно ждать того счастливого момента, когда какая-то — юродная сестренка ее отыщет.

Пока перепирались, вторая, сжульничав и пропустив почти десять счетов, пошла на поиски. Конечно, девочку привлек шум, и она быстро нашла всю компанию, и восхищенно замерла при виде сбледнувшего с лица Рыжика. А Нэй, увидев свою мучительницу, вспомнил, сколько времени потом пришлось расчесывать «гриву», судорожно сглотнул и

поспешно вскочил на ноги, решив, что ждать Шайна все-таки безопаснее на мужской половине.

Но ребенок уже передумал играть в прятки, потребовав, чтобы медноволосый раб пошел за ней.

Нэй беспомощно оглянулся на Айку, ища поддержки. Рейтия (ее мать) в прошлый раз подробно рассказала, что с ним будет, если он еще раз пойдет играть с ее дочерью, но видимо, самой девочке объяснить забыла, или же малышка решила, что «если нельзя, но очень хочется — то можно».

Айк закатил глаза. Выступать в роли малька, которому следовало бежать и доложить госпоже, чтобы она спасла парня от притязаний своего ребенка, ему не улыбалось, но и Рыжика было жаль.

— О, несравненные госпожи, — вкрадчиво обратился парень, присаживаясь на корточки перед польщенными подружками, — у меня есть шикарное предложение, только вот не знаю, подойдет ли оно вам?

Дождавшись, пока в глазенках малышей загорится интерес, он понес какую-то ахиною про разные опасные приключения, в которые можно поиграть. Например, сделать смелый налет на кухню за конфетами, или поиграть в прятки, когда водящим будет Рыжик, а он им поможет спрятаться так, что Нэй их вообще не найдет. Девочки задумались и решили пойти на компромисс — сначала сделать вылазку на кухню, а уж потом поиграть в прятки.

На кухню пришлось идти Айкейнури — Рыжика оставили в заложниках.

— Айк, пожалуйста, возвращайся скорее, — взмолился тот, страдальчески морщась, потому что его косу уже принялись расплетать проворные детские пальчики, ничуть не заботясь о том, что больно дергают прядки.

— Заяц, ты же со мной не рассчитаешься, — хмыкнул Айк.

— Обещаю, — угрюмо кивнул Нэй.

— Сегодня? — уточнил Айк, наслаждаясь тем, что Нэйю некуда деваться.

— Да.

— Хорошо, договорились, — блеснула белозубая улыбка старшего парня, и он быстро исчез из поля зрения.

Вернулся Айк так же быстро, притащив полные карманы конфет. Правда, девчушкам досталось лишь по три штуки. Подставлять свою задницу под экзекуцию за то, что накормил детей, которых все-таки

ограничивали в шоколадном лакомстве, ему не хотелось. У одной из них, кажется, был диатез, если слишком увлекалась сладостями. У какой именно, Айк не помнил, потому что оба ребенка были из какой-то там отдаленной родни Эйлиорины, а детишек мамашки привезли «из гостей», умудрившись забеременеть, развлекаясь с чужими наложниками. Но новую кровь в дом запустили, главное не близкородственную, и ладушки. В своем Доме полно рабов в гареме, и на содержание мужей для бедных родственниц госпожа Эйлиорин не собиралась раскошеливаться.

Айк иногда даже мечтал, чтобы Кэйт вот так же родила ребенка от кого-то там, и больше о предоставившем сперму не вспоминала. Пусть даже и мальчика родила бы. Вот как раз Шайну бы и спихнули — пусть бы повоспитывал, вместо того, чтобы вокруг госпожи увиваться. Но, к сожалению, Кэйт тогда уже была наследницей... Конечно, у нее должен был бы быть официальный муж. И еще неизвестно, хорошо ли это или плохо, что он живет отдельно... Может, потому госпожа и скупает по нему, что редко видит?

Нет, все-таки хорошо, иначе он сам просто уже с ума бы сошел, а так хоть какая-то надежда теплится...

— Так, юные госпожи... — начал было распоряжаться Айк.

— Несравненные, — капризно поправила дочка Рейтийи.

— Конечно, несравненные, госпожа, — легко согласился Айкенури, стараясь не заржать — что ему трудно, что ли, польстить малышке, если уж ей так понравилось это обращение. — Теперь вы быстренько съедаете свои конфетки, возвращаете мне фантики, чтобы не оставалось улик, и мы идем прятаться, — не дал он опомниться девочкам.

Затем, кивнув Рыжику, чтобы тот шустро валил в гарем и не высовывался, быстренько завел их в темную кладовку, уверив, что вдвоем им бояться нечего, а сам пошел разыскивать Рейтийю — надо «заложить» маленьких вымогательниц — пусть забирает и уводит. Девчонки все равно не сообразят, что их просто развели, еще и радоваться будут, что так хорошо спрятались от водящего. Айк считал, что эта женщина обладает более отзывчивым характером, чем мать второй девчушки, и не будет сильно возмущаться, что они с Рыжиком вот так решили возникшую проблему.

Однако ждать, пока Кэйт выгонит Шайна теперь уже было чревато, вдруг маленькие госпожи ляпнут, что засекли гаремных рабов «в засаде». К тому же лучше воспользоваться шансом, пока Рыжик добровольно согласен

на все. После того раза втроем, Айк как-то попытался повторить, но номер не прошел. Шайн отказался. Айк подозревал, что как раз Шайнэйлиер был бы не против, но Нэйклианэ потом долго ходил насупившийся, переживая, что так легко поддался на ласку старших парней и сам умолял, чтобы его оттрахали.

Вот и сейчас, вернувшись к себе, Айк застал мрачного Нэя, сидящего на полу возле кровати.

— Может, я лучше гитару притащу? — все-таки попробовал он откосить.

— Нет, заяц, — опустил Айк на ковер рядом с ним, — лучше сначала я тебя трахну, а потом ты сходишь за гитарой.

— Охренительная программа, — вздохнул Рыжик, расстегивая рубашку.

— Подожди, — остановил его Айк, поднимаясь и, пересев на кровать, притянул к себе парня:

— Конфетку хочешь? — высыпал он содержимое карманов рядом, щедро предложив:

— Выбирай...

— Засунь их в задницу, — мотнул головой Нэй.

— Да как скажешь, заяц. Не думал, что ты такой оригинал. Я бы все же предпочел воспользоваться стандартной смазкой.

— Ха-ха, как смешно! — прошипел Рыжик сквозь зубы.

— Тля! — разозлился Айк, резко швырнув парня на кровать и нависнув над ним. — Тебе не угодишь! Ну что ты снова строишь из себя недотрогу? Сколько можно?!

Нэй упрямо сжал губы и только тяжело сопел, ожидая, пока с Айка слетит дурь. Вряд ли ударит, но бесить его еще сильнее не стоило.

Айкейнури резко отстранился, схватил конфету, развернул ее и поднес к губам Нэя:

— Ешь! Для тебя специально натырил.

— Не хочу! — упрямо мотнул головой Рыжик.

— Ты же любишь сладкое?

— Не хочу...

Айк в упор смотрел на покрасневшегося парня, такого очаровательного в своем ослином глупом упрямстве...

Тля! Он ему нравился, вот этой своей непосредственностью — ведь знал же, что сдастся, в конце концов, но каждый раз Нэй все равно пытался отстоять хоть немного позиций. Злющий взгляд Рыжика буравил насквозь,

и это здорово заводило Айку, не слишком уважавшего покорность. Правда, спина и задница Айкейнури частенько страдали от такой несвойственной привычки, если он забывался, что находится не в гареме, а перед госпожой. Рабу на Венге не следовало бы развивать подобную черту характера, но Кэйт... кажется, именно это ее в нем и привлекало...

— Ладно, не хочешь по-хорошему...

Айк взял конфету в зубы, быстро перехватил обе руки дернувшегося было Нэя, завел их ему за голову, удерживая одной рукой, а второй схватил распятого под ним парня за яйца. Вначале довольно чувствительно сдавил, отвлекая внимание, концентрируя Рыжика на его боли, и лишь затем начал медленно наглаживать тут же среагировавший на смену «ласки» член парня.

— Гад, ты, Айк... — обиженно всхлипнул Нэй, отчаянно пытаясь оставаться неподвижным, но дыхание уже сбилось, и зелено-желтые, как у тигра, глаза полуприкрылись пусть от нежеланного, но удовольствия.

— Шам жнаю, — согласился Айк, не выпуская подтаявшую конфетку из зубов, медленно склоняясь ниже, стараясь не разрывать эту дуэль взглядов, пока Рыжик не опомнился, продолжая наглаживать его член, уже просящийся из штанов. Дождался, пока Нэй приоткроет губы, переводя дыхание, и вдруг резко склонился, точно пропихнув конфетку парнишке в рот и тут же накрыл его губы своими губами, чтобы тот не вздумал ее выплюнуть. Нэй отчаянно замычал, попытавшись помотать головой, но Айк снова сжал яйца парня, углубляя поцелуй, и надеясь, что Рыжик не подавится...

Когда сладость шоколада растаяла в их горячих ртах, Айк отстранился и, удовлетворенно взглянув на обиженно облизывающегося Нэйклианэ, взялся за пояс своих штанов:

— Ладно, заяц, не хочешь нежно, быстро давай разоблачайся и вставай раком, — небрежно бросил Верхний.

— Не называй меня «зайцем»! — буркнул Нэй, расстегивая штаны.

— Почему? — ехидно прищурился Айк.

— Потому! — не пожелал объяснять Рыжик.

Впрочем, Айкейнури и сам знал — так называет его Шайн.

Тля! Шайн, который сейчас в комнате у Кэйт, и неизвестно, чем они там занимаются.

От острого приступа ревности у парня снова испортилось настроение, и он хмуро взглянул на Рыжика, поняв, что больше с ним миндальничать не будет — выпросил...

А в это время в комнате Кэйт...

Шайн мужественно старался не шевелиться, но Кэйт оказалась жестока в своем гневе. Вместо того, чтобы привязать к специальной скамье, надежно зафиксировав конечности, просто велела встать к столбу и поднять руки, на запястьях щелкнули наручники (хорошо хоть анатомические, с прокладкой из нежной мягкой замши, ведь острые края простых, немного изгибаясь в сторону ладони, уже больно впивались бы в руки). Разогрева флоггером не последовало, из чего Шайн сделал неутешительный вывод, что анфаллос и стек-фаллос в программе могут быть предусмотрены, как и было ему обещано, перед тем, как кастрируют совсем. Единственное, пока еще теплилась слабая надежда, что раз госпожа сразу не позвала лекаря, может быть, все-таки обойдется, и его яйца останутся на месте. Хотя... какая разница, отцом ему все равно вряд ли позволят стать...

Удары следовали друг за другом, один больнее другого. Кэйтириона секла с явным удовольствием, но делала достаточные рваные паузы между ударами, специально для того, чтобы он не смог соскользнуть в мазотранс, подхватив ритм. Его госпожа была слишком рассержена проявлением своей слабости и его вопиющим самоуправством, чтобы простить и понять, что преданный раб ни в коей мере не пытался ее обидеть или тем более унижить, а лишь хотел помочь справиться с ее состоянием.

Девушка искусно выбирала наиболее чувствительные места. Шайн не мог кричать, просто не смел еще глубже провалиться в ту сточную канаву, в которую загнал себя сам, поддавшись безумному порыву увидеть в госпоже, в богине, обыкновенного человека, нуждающегося в сочувствии и утешении. И теперь пути назад, наверх, из этой ямы, куда рано или поздно сваливаются все неудачники, для него уже не существовало. Теперь уже не шла речь о том, получится ли у него остаться в гареме Дома Маргойлин — нет.

Сейчас были мысли только о том, чтобы не потерять сознание и не вывихнуть в суставах руки под тяжестью собственного веса, если вдруг все же отключится. Тело, предательски норовило уйти от очередного удара, несмотря на весь самоконтроль парня, понимавшего, чем ему это грозит, и он лишь глухо мычал от боли, стиснув зубы и зажмурив глаза.

Через некоторое время он потерял счет ударам, ему казалось, что он

больше не выдержит. Судя по тому, что кожа на спине стала чересчур чувствительна — все-таки рассечена до крови. Что ж, сам виноват — надо было оставаться совершенно неподвижным. Под зажмуренными веками плавал багровый туман, а уши, наверное, уже оглохли от стука собственного пульса.

«Достаточно, госпожа, прошу...» — мысленно прошептал Шайнэйлиер, и, Матерь Всего Сущего, его, кажется, услышали... ну, по крайней мере, очередного удара не последовало.

Оглянуться и взглянуть, почему?

Нельзя...

Шайн сглотнул, попробовал переступить с ноги на ногу, немного пошевелил пальцами рук, которые уже занемели и отозвались болезненным покалыванием, возвращая чувствительность.

Позади раздался тихий голос госпожи:

— Несладко под плетью, раб?

— Д-да, госпожа...

— Ты меня огорчил...

— Простите, госпожа...

— Ты достоин наказания.

— Конечно, моя госпожа...

Кэйт перехватила плеть другой рукой, потому что правая казалась тяжелой и непослушной. Слишком давно она не порола вот так, на эмоциях, бесконтрольно. Повредила спину раба, и сейчас малиновые взбухшие полосы кое-где кровоточили... Сам виноват, не надо было дергаться...

Почему же тогда нет чувства удовлетворения? Почему где-то внутри ворочается глухое раздражения не на него, а уже на себя, за то, что не привязала, что заставила его отдуваться за то, что Айрин позволяет рабам смотреть такие фильмы, за то, что подруга развратила собственного брата и влюбила его в себя, тем самым, отняв у нее мужа. За то, что ее гордость никак не может смириться с этой потерей. За то, что опустилась до того, что показала свои эмоции, и раб осмелился ее пожалеть...

Девушка, как замороженная, стояла и смотрела на окровавленную спину Шайна, виноватого лишь в том, что по какой-то странной причине в этом парне проснулось сострадание...

Ее взгляд скользил по его обнаженному телу снизу вверх, «зацепился» за наручники на его запястьях и остановился на сложенных вместе

ладонях... и захотелось, чтобы он снова обнял и пожалел, погладил по спинке теплыми руками и прошептал, что все будет хорошо...

Тля! Хорошо уже не будет!

На душе почему-то было тошно. Раздражение уступило место холодному опустошению, и эта пустота разрасталась в груди черной дырой, грозя затянуть в нее само ее существо...

Надо остановиться, пока не стало слишком поздно, пока не перешагнула какую-то незримую черту, за которой она просто будет уже другой...

Кэйт передернула плечами — на собственную мать ей, почему-то, не очень хотелось походить. Не хочется наказывать за то, что не кажется уже неправильным...

Теплая атмосфера в доме подруги была ближе... Дом, в который она могла приезжать не чаще раза в неделю, вдруг показался ей гораздо уютнее собственного...

Отбросив в сторону ненужный девайс, Кэйт подошла к Шайну и отцепила наручники.

— Благодарю, госпожа, — произнес раб, медленно опуская затекшие руки.

Обернуться? Пожалуй, без приказа теперь вообще ничего делать не стоит.

Госпожа освободила его, но что теперь? Анфаллос или стек?

Его спина и ягодицы горели, словно охваченные огнем. Парню казалось, что прислонись он сейчас к ледяной глыбе, она моментально превратится в лужу или вообще испарится, окутав его клубами пара... Матерь всего Сущего, как же больно! Слишком давно он не попадал на подобный урок.

Почувствовав легкое прикосновение к плечу, Шайнэйлиер вцепился зубами в Нижнюю губу изнутри, предупреждая стон, когда нажим ноготочков госпожи будет сильнее, но боли почему-то не последовало, наоборот, она совсем отняла свою руку.

— Прими душ...

«Что? Неужели это все? Или ей просто неприятно смотреть на не эстетично выглядевшую спину?»

Шайн развернулся и направился к выходу из комнаты, с сожалением бросив взгляд на валяющиеся сиротливой кучкой свои вещи.

Спросить, можно ли одеться, чтобы не светить по коридорам своим достоинством и красным, как у макаки задом, пока не очутится в своей

комнате, он уже не рисковал.

— Дверь в ванную слева от тебя, раб.

Шайн замер на месте, надеясь, что он не ослышался, и госпожа ему разрешила воспользоваться собственной.

— Не тормози, Шайнэ, по голове я тебя не била, — в голосе Кэйт послышалась досада.

Интересно только на что — потому что не била, или потому, что он все еще стоит столбом, переваривая новость. То, что в таком виде не стоило бы лезть в ее душевую, ведь очевидно...

Но и повторения приказа ждать не следовало.

Кэйт проводила неровно ступающего парня взглядом и передумала ждать его в кресле. Вся правая сторона почему-то ныла, сейчас она уже чувствовала, что неприятно тянет не только плечо, но и поясницу. Да, слишком уж давно не было у нее такого долгого наказания. Лучшим вариантом поскорее устранить этот дискомфорт — встать под теплые струи лейки, переведя ее на массажный режим...

Девушка быстро скинула платье и белье, и вошла в ванную.

Шайн не услышал тихо открывшейся двери. Брызги воды, разбивающиеся о стенки и поддон большой душевой кабины, и его собственное шипение сквозь стиснутые зубы, перемежавшиеся еле различимым: «тлаяя...», заглушали посторонние звуки.

Несчастную спину, несмотря на то, что он обливался чуть ли не ледяной водой, все равно нещадно жгло. И сейчас, поврежденную кожу, еще больше раздраженную попаданием смываемого пота и жидкости, щипало так, словно на нее лили не воду, а уксус. Розовые струйки крови, смываемые водой, становились все бледнее, исчезая в сливных отверстиях поддона.

— Подвинься, раб.

Шайн вздрогнул от неожиданности и тут же отпрянул в сторону:

— Да, госпожа. Я уже закончил, — поспешно доложил он, выключая воду.

Полностью обнаженная Кэйт грациозно перешагнула порожек и задвинула стеклянную дверцу, отрезавшую прижатому в угол Шайну, путь к отступлению. А он, замерев возле регулирующего механизма, судорожно пытался сообразить, что ему теперь делать?

Госпожа «услышала» его мысли и пришла на помощь, подсказав:

— Включи воду.

Шайн мгновенно открыл кран, и был награжден оглушительным:

— Ааай!!! — заматавшимся в стенах кабинки. — Выключи!!!

— Простите, госпожа, — побледнел парень, сообразив, что для госпожи его предыдущие настройки слишком прохладны.

Мокрая с головы до ног Кэйт, обхватив себя руками, зябко поежилась, открыла было рот, чтобы высказать все, что она о нем думает, но столкнувшись с совершенно потерянным, полным вины и раскаяния взглядом, резко подобрела:

— Теплую настрой, несчастный... — почти простонала она, испытывая какую-то смесь желания расплакаться с досады, что сегодня от этого несносного раба одни неприятности, или же рассмеяться над этой нелепостью. А рука, между прочим, по-прежнему ныла. И вот спрашивается, кого она наказала, себя или его?

Кэйт окинула взглядом спину отвернувшегося к крану парня, и отвела взгляд. К его шраму на бедре, вполне могут прибавиться еще несколько и на спине, если не поторопиться смазать чудесным маслом, только вот немного пройдет эта ноющая боль, и она сама ему намажет, потому что Шайн просто не извернется так, не дотянется, а отпускать его в гарем в таком виде — значит, расписаться в собственном непрофессионализме... Желательно, чтобы все-таки было поменьше свидетелей ее... позора от потери контроля при «воспитательном моменте»...

Нет, ну куда это годится — расписать раба до крови...

А вот когда он, настроив, развернулся... Кэйт непроизвольно облизала губы, только сейчас сообразив, что не стоит упускать такой шанс. Ведь все равно же она его будет продавать, так почему бы не попробовать?

— Я могу выйти, госпожа? — сглотнул раб, чувствуя своей надранной задницей, что этот странный взгляд госпожи, скользящий по его телу, сулит еще какие-то сюрпризы. В животе ёкнуло, и отнюдь не от предвкушения, что им воспользуются для обычного секса, а от гаденького страха, чувствуя, как сыграло очко, и так подтянувшееся под ледяной водой.

— Нет, — последовал ответ.

Кэйт повернулась, становясь правым боком под направленную струю...

— Усиль напор, — велела она, морщась, растирая предплечье.

— Госпожа... позвольте мне? — слетело с языка раньше, чем Шайн сумел сообразить, что не следует лезть со своей дурацкой предупредительностью. Просто он вдруг четко себе представил, что у нее устала рука, и виноват в этом только он, и самое меньшее, чем он может

быть теперь полезен — это сделать легкий массаж.

— Хорошо, — милостиво кивнула девушка, не собиравшись выходить из-под воды.

Но влага не послужит достаточной смазкой для скольжения ладоней. Взгляд парня заметался по угловой полочке с разнообразием масел, шампуней, гелей...

Схватив первый попавшийся гель, выдавил на руку и осторожно прикоснулся, словно настоящий ценитель искусства к бесценной вещице, существующей в мире в единственном экземпляре...

Впрочем, для Шайна так оно и было...

— Шайн! — отдернула девушка руку, гневно сверкнув глазами. — У тебя руки ледяные!!!

Тля! Он и сам весь ледяной... и покрылся гусиной кожей. И снова этот несчастный взгляд: «я не хотел...»

— Иди сюда, — вздохнула Кэйт, подтягивая его ближе под теплую воду, почти вплотную, так, что его многострадальной спине досталось очередное испытание на контрасте перепада температур.

Вот же! Оба хороши!

— Руки нагрелись?

— Да, госпожа, — поспешно кивнул Шайн.

— Тогда встань, как тебе удобно, и делай уже что-нибудь!

— Да, госпожа, — парень отступил на полшага назад, только чтобы горячая вода не попадала ему на плечи, и попытался хоть немного реабилитироваться перед Кэйтирионой, перед которой он сегодня выставил себя полным кретином.

Сначала было неприятно, но Кэйт чувствовала, что он очень старается, чтобы ненароком не прогневить, и мужественно терпела, хотя эти первые, почти нежные касания слишком быстро перешли к настоящему массажу. Натруженные мышцы радостно заныли еще сильнее и капитулировали, расслабляясь под умелыми руками парня, приносящими облегчение и тепло... и странное желание, чтобы эти руки не останавливались, облегчив участь плеча, спины и поясницы, а двигались дальше...

Только вот раб четко определил для себя границы дозволенной территории, чуть не заставив госпожу простонать от досады: «Куда? Стоять!»... Нет, не услышал, его ладони снова заскользили вверх по ее спине.

Кэйт шагнула назад, почувствовала ягодицами его эрекцию и

хмыкнула про себя. Впрочем, еще бы он сумел себя контролировать... Когда еще выпадет такая честь, прикоснуться к женскому телу?

Шайн на мгновение чуть не оглох от ослепительного чувства, застигнутый врасплох — он настолько увлекся, что забыл контролировать себя, надеясь, что Кэйт не повернется так стремительно... Судорожно попытался уйти из ее личной зоны, увеличивая расстояние и надеясь, что она не заметила его оплошности, он тут же взял себя в руки, в желании немедленно опустить уже довольно внушительный стояк, но как бы не так! Он снова не угадал. Госпожа завела обе руки назад и, обхватив его бедра, совершенно недвусмысленно подтянула к себе, прижимаясь вплотную.

Тляяяя! За что?!

Шайн совершенно потерялся в своих ощущениях — понятно, что за самостоятельно ожившую без приказа часть тела, его не похвалят, но и постараться отойти, не было совершенно никаких сил. Ноги просто отказались повиноваться, подчиняясь желаниям головки, а не головы запаниковавшего хозяина, представляющего, чем это ему грозит, но...

Кэйт потерялась попкой о его бедра, словно наслаждаясь этим ощущением мягкого скольжения, когда естественной смазкой оказалась мыльная пена, обильно нанесенная им же самим на ее спинку, а теперь слегка подтаявшая под теплой водой. Его член скользил ровно между двух полушарий ее попки, то «ныряя» в щелочку между ее ножек, а потом с дурацким «блном» подскакивая, когда девушка отстранялась, чтобы тут же шлепнуть его по животу. Но госпожа снова пристраивалась, дразня, зажимая несчастный орган между их телами, не больно, но довольно чувствительно, как раз на самой границе, чтобы в следующую секунду чуть-чуть уменьшить давление, и оно снова становилось больше похожим на ласку. Кэйтиайриона двигалась медленно, словно смакуя и прислушиваясь к себе... Затем откинула голову ему на плечо, прикрыв глаза, и... ее губы расплылись в улыбке???

Матерь Всего Сущего! Что все это значит? И, главное, чем непонятное состояние госпожи снова грозит ему? Правда, подобные мысли промелькнули где-то на краю сознания раба.

Про свою пострадавшую спину Шайнэйлиер думал меньше всего, просто совершенно дурея от того безрассудного желания, что концентрировалось сейчас у него в паху, разрастаясь, растекаясь в обе стороны — вниз, по бедрам, чуть не подгибающимся коленям и устремлялось к пальцам ног, стекая вместе с водой в темнеющие дырочки слива. И поднималось вверх, распирая грудь, так что перестало хватать

воздуха, порождая непонятную смесь нежности, желания защитить госпожу от всего мира, и такого вожделения... почувствовать себя внутри нее, что самому сделалось страшно от подобной дерзости. Сердце заколотилось, будто он пробежал стометровку. Хватая ртом воздух, парень проворно убрал руки за спину и сцепил их в замок, опасаясь, что не удержится и вцепится в свою госпожу, явно издевающуюся над ним, испытывая на прочность устойчивость его психики...

Шайн отчаянно помотал головой, отгоняя непристойные мысли, но Кэйт... Она вдруг отстранилась и развернувшись, провела ладошками по его животу, снимая немного пены, мазанула небрежно по своей груди со странно затвердевшими сосками, хотя уж под теплой водой такого не должно было быть... ну, насколько Шайн представлял себе физиологические процессы... Снова окинула его насмешливым взглядом, таившим на дне зрачков какое-то предвкушение (наверное, новой экзекуции), и вдруг, ухватив его намыленной ладошкой за мошонку, потянула на себя.

От неожиданности и резкой смены милости на боль, ощущение было такое, что яйца стремительно уменьшились в размере. Он приготовился терпеть, но вместо ожидаемого усиления давления, Шайн с еще большим ужасом от невероятности происходящего, почувствовал, как тонкие пальчики его экзекуторши, решившей довести свою казнь до конца, сведя его с ума, начали тихонько поглаживать плененный орган.

— Смой с меня пену, — произнесла госпожа, глядя в совершенно ошалевшие глаза раба.

— Эээ...

— Красноречиво, — хмыкнула она, прекратив ласкать его мошонку и опустив руки. — Я хочу услышать, что ты меня понял.

— Д-да, госпожа, — надеясь, что он не ослышался, дрожащий рукой, не смея разорвать взгляда, Шайн нащупал шланг, снял его с крючка, чуть не выронив из непослушных пальцев, и направил на ее грудь.

— Ладонями, раб! — ехидно потребовала Кэйтиарийона, слегка прогнувшись вперед.

Тля! Тляяя...

Теперь он уже абсолютно точно понимал, что ему не жить, но и не воспользоваться шансом перед незапланированной кончиной, он уже просто не мог...

— Смелее! — недовольно бросила Кэйт, почувствовав, как возбуждение от этого непристойного действия охватывает ее, словно пламя.

Она хотела видеть, что происходило с ним, но у самой почему-то закрывались тяжелеющие веки. И ощущения того, что она входит в какой-то полутранс, загипнотизированная мерным шумом воды, аккуратными прикосновениями, ласкающими ее кожу, обрывками видений, о том, где она с Эйри, просто сводили с ума...

Тело девушки, кажется, слегка в растерянности, что же это такое несусветное творится, решило пожить самостоятельной жизнью, прогибаясь навстречу мужским ладоням, выпрашивая еще и еще, только вот ноги почему-то не держали. Кейт уцепилась за руку парня, тут же замеревшего, решив, что это сигнал остановиться.

Но ей хотелось продолжить! Потому что внизу живота уже просто все горело и плавилось, требуя немедленно притушить этот пожар... Как все нелепо...

Остановиться, пока не поздно... не поздно?

Кэйт резко оттолкнула его руки, которые Шайн поспешно спрятал за спиной, словно опасаясь, что сейчас их лишится. Впрочем, он был недалек от истины. Просто у самой Старшей госпожи в мозгах царил такой сумбур, что она не могла определиться — казнить или помиловать?

По-хорошему, надо было бы сурово наказать...

Только за что на этот раз? За то, что сама велела исполнить?

И в противоположность этому Кэйт с ужасом понимала, что она готова сейчас разложить его прямо здесь на дне душевой кабины и оттрахать так, чтобы... Чтобы он помнил?

Кэйтириона немного пришла в себя.

Незачем ему помнить такое! Надо просто позвать Айки и уж его-то отыметь, как полагается...

Или нет?

Под затуманившимся взглядом госпожи, в котором явно теперь просыпался какой-то совершенно другой интерес, Шайн поспешно опустил глаза в пол, холодея при мысли, что «пряники» закончились, и теперь снова будет «кнут»... в лучшем случае...

Почему он не кончил, было совершенно непонятно. Как смог удержаться, пока она провоцировала его, потираясь, или потом, позволив омыть ее прекрасное тело... А ладони так и вообще просто казались до сих пор наполненными ощущением тепла и восхитительной шелковистой гладкости ее грудок... Матерь Всего Сущего!!!

От переизбытка эмоций голова шла кругом.

Но госпожа вдруг как-то плотоядно усмехнувшись, велела выключить

воду и идти за ней.

Она развернулась, вышла из душевой кабинки, схватила полотенце и ушла в комнату.

Шайнэйлиер ошалело проводив ее взглядом, наконец-то отмер, торопливо бросился выполнять задание и, едва не навернувшись на скользком полу, поспешил за девушкой.

Кэйтириона уже сидела на кровати, обернувшись пушистым полотенцем.

— К ногам! — последовал приказ.

Шайн упал на колени и подполз к кровати. Замер, уткнувшись лбом в пол всего в нескольких сантиметрах от пальчиков ее ног, которые очень хотелось поцеловать.

Кэйт провела ладонью, запуская пальцы во влажные пряди волос парня, и, зацепив, с силой дернула назад, заставляя запрокинуть голову.

В глазах раба плескалась упоительная смесь боли, благодарности, предвкушения и страха, что же последует дальше, после того, что между ними случилось?

Правильно боится, потому что теперь уже Кэйт точно решила, что она испробует на нем все, прежде чем вычеркнет из своей жизни...

Но для начала следует все-таки немного подлатать его спину.

Кэйтириона ослабила хватку, позволяя ему опустить голову, и, размотав свое полотенце, промокнула капли воды на его спине. Недовольно покачала головой — мог бы сам взять другое полотенце в ванной... хотя, куда ему до наглости Айкейнури...

Чувствуя буквально пылающую жаром кожу под подушечками своих пальцев, размазывая заживляющее масло Иши по спине раба, особенно по поврежденным до крови участкам, Кэйт поймала себя на мысли, что хочется отмотать назад этот час, чтобы исключить из вечерних развлечений порку... неужели же и ей знакомо чувство сострадания? И плохо это или хорошо? Не слишком ли расслабляет?

Шайн не проронил ни звука, словно закаменев, слишком тщательно стараясь сейчас не реагировать на раздражающее прикосновение. К своему ужасу, понадеявшись, что боль его слегка отрезвит, парень понял, что ничего подобного, и вместо того, чтобы эрекция уменьшилась, ощущение такое, что яйца просто взорвутся. Никогда не предполагал в себе столь мазохистские наклонности без необходимости выживания. Но в данном случае, как раз все было наоборот! Он готов был терпеть эту слишком

медленно угасавшую под чудодейственным исцеляющим маслом жгучую боль, только бы госпожа не убирала проворно бегающих по его спине пальчиков. Может быть, он окончательно рехнулся, но вот стойкое чувство, что на закате жизни он хочет принадлежать лишь одной-единственной женщине, было каким-то всепоглощающим, вытеснявшим все остальные здоровые мысли.

Хотя, может это и правильно, потому что возвращение в реальность не сулило ему ничего радужного...

Когда пальчики девушки дошли до поясницы и спустились на ягодичы, круговыми движениями втирая масло, его и совсем накрыло, потому что, если она сейчас захочет его трахнуть — достаточно будет и ощущения одного ее пальчика, проникающего в тугое колечко мышц, чтобы наступил долгожданный оргазм. Только вот тогда будет неизбежно испачкан ковер... Тля! Этот светлый пушистый ковер, в который так приятно упираться пылающим лбом, удерживая разлетающиеся мысли.

Шайн инстинктивно поджал ягодичы, мысленно умоляя не трогать его там... и Кэйт его снова услышала!!! Обойдя «опасный» участок, пальчики госпожи вновь скользнули вверх, на поясницу. Счастье казалось почти запредельным, по крайней мере, хоть еще от одного позора удалось увильнуть.

Наконец, Кэйт отстранилась, вызвав у него непроизвольный вздох разочарования, и отошла взять салфетки.

— Можешь выпрямиться, — разрешила она небрежно.

Парень с трудом распрямил спину, оставаясь на коленях.

Похоже, никто отпускать его не собирался. Наверное, госпожа просто ждет, когда впитается масло, чтобы перейти к следующему этапу, — тоскливо решил Шайн, скосив глаза.

Кэйт отошла к окну, задернула плотные шторы, погрузив комнату в почти осязаемую физически темноту, обернулась, задумчиво взглянула на него так, что аж мурашки побежали по позвоночнику и эрекция наконец-то начала спадать... Давно пора, пока не приключилось очередного конфуза, выглядевшего в глазах госпожи омерзительным недостатком.

А потом она направилась в комнату для наказаний, и его сердце ушло в пятки...

Ну, все...

Айк налетел внезапно, ни «с добрым утром», ни хотя бы «привет!». По его перекошенному лицу было понятно, что для него очередное утро, которое он встречает под дверью госпожи Кэйтирионы, ожидая, когда она приоткроется, выпуская полусонного, довольного Шайна, выглядевшего так, словно он все еще витает в облаках, было вовсе и не добрым.

— Убери руки, Айк, — тихо прошипел старший.

— Какого фига! Тля! Почему ты каждый раз оказываешься там?! Чем, вы, тля! вообще там занимаетесь всю ночь?!

Шайнэйлиер выразительно перевел взгляд на стиснувшие на его груди ткань рубашки кулаки Айкейнури, и процедил сквозь зубы:

— Возьми себя в руки, Айк. А то ведь и в самом деле нарвешься.

Тот чуть ослабил хватку, понимая, что ведет себя как самый настоящий кретин, и от этого стало только еще более тошно. Даже глаз задергался, но вот гнев и в самом деле пошел на убыль. Он медленно разжал руки.

— Твоя ревность просто смешна. Ты рядом с госпожой с утра до ночи...

— Но ночью она зовет тебя! — снова взвился Айк. — Ну ответь?! Почему?

Шайнэ усмехнулся — самое правильное послать бы этого придурка куда подальше, но ведь жаль, идиота, не понимающего, почему Кэйт не зовет его... И, скорее всего, позовет еще не скоро, если он будет вести себя в том же духе, претендуя на единоличное внимание госпожи.

— Шайн... прошу, — с трудом протолкнул из себя Айк унижительный, но практически жизненно важный для него вопрос.

— Госпожа изучает...

— Что? — не поверил Айкейнури, решив, что Шайн просто увиливает от ответа, издеваясь над менее удачливым соперником. — Что изучает? Тебя? Тля!!! У тебя, что к ночи второй член вырастает, или тля! лишние дырки в жопе появляются?! — взбесился он, долбанув кулаком по стене. — Сука, ты, Шайн!

— Айк, — попытался остановить его Шайнэйлиер, но парень уже, размашисто шагая, двинулся в сторону выхода.

— Тляяя... вот, придурок... — огорченно покачал головой мужчина.

Вместо того, чтобы нырнуть к Кэйт в тепленькую кроватку, когда она с утра такая вся нежная, добрая и ласковая, этот кретин помчался теперь в парк, чтобы попереживать всласть, какой он бедный-несчастный, заброшенный...

Ну как ему рассказать о том, что он и сам наедине с собой вслух произнести не смеет, опасаясь прогнать это наваждение... Никто никогда

не должен знать, если только госпожа, за которую готов умереть вполне осознанно, сама не захочет поведать или поэкспериментировать на ком-то еще...

Глава 16

После 10 жниэвена 327 года. Дом Кэйтирионы.

Шайн постоял немного в задумчивости, но вернуться обратно в комнату к Кэйт сейчас не решился. С утра госпожа предпочла бы видеть Айку, но этот дурачок сам отказался от своего счастья. Да и Рыжик, наверняка соскучился...

Идя по коридору на мужскую половину, Шайнэйлиер нащупывал рукой черную повязку, сшитую в несколько слоев из мягчайшего шелка, которую он выпросил у Кэйтирионы на один денечек.

Госпожа сначала напряглась, но выслушав про его заветную мечтузатею, посмеялась, и разрешила взять, пообещав, что если понравится, так и быть, приобретет еще одну, лично для него.

С этой повязкой у Шайна было связано слишком много незабываемых впечатлений и воспоминаний, бережно запихнутых в дальний уголок сердца на всякий случай, если, а вернее, когда Кэйт забудет про него. Он очень серьезно опасался, что, наигравшись, госпожа именно так и поступит. Поэтому и хотел попробовать хоть немного добавить к тем, тщательно запрятанным, еще и других, чтобы, когда настанет срок, не выть от тоски и отчаяния, а вызывать вот эти, новые...

* * *

В тот день его стремительного падения и оглушительного взлета, Кэйт впервые надела ему эту повязку. Как он тогда перетрусил, словами, наверное, не передать. Липкий страх холодными каплями пота полз по позвоночнику, и если его не было заметно, то лишь потому, что многострадальная спина все еще была покрыта слоем заживляющего масла.

Окончательно поплохело, до скручивания внутренних органов в тугой узел, когда госпожа велела перебраться на кровать, и лечь на спину.

Как всегда, он протормозил, неловко поднявшись на ноги, и решившись напомнить, что перепачкает ей простыни.

Девушка тогда издала какой неопределенный звук — то ли усмехнулась, то ли неодобрительно фыркнула и, велев подождать, отошла.

Лишившись визуального восприятия, ориентироваться лишь на звук, чтобы догадаться, что происходит вокруг, когда лихорадит от страшной неизвестности, было жутко.

И когда госпожа, чем-то пошуршав, повторно повторила приказ, его уже основательно потряхивало. Все тело просто закаменело, словно в стазисе, не в состоянии расслабиться, потому что если он хоть на миг утратил бы самоконтроль, то представлял бы совершенно жалкое зрелище, дрожа, будто осиновый листик на ветру. Осины-то, конечно, на Венге не росли, но он как-то специально лазил смотреть, что это за дерево такое, когда прочитал рассказ древнего писателя, настолько поэтично описывающего природу Земли, что казалось, даже ни разу не побывав там, можно себе представить, какая она.

Ноющей боли в спине, как ни странно, он почти не ощущал, и был крайне удивлен, когда она коснулась чего-то мягкого. Впрочем, это было и неудивительно. Вопивший об опасности мозг, наверное, просто блокировал остальные ощущения, которые казались незначительными, по сравнению с предстоящими...

А вот то, что последовало потом... Шайнэ мечтательно улыбнулся...

Как он не рехнулся прямо в ту же ночь — непонятно. Наверное, просто старался думать, что он потерял сознание и ему все происходящее снится. А поэтому нет нужды психовать и дальше. Госпожа вольна распоряжаться его телом, и, наверное, даже душой, но над снами рабов женщины Венги, пока что, не властны. И у мужчин есть тайное прибежище, куда они время от времени могут сбегать в свой иллюзорный мирок от действительности.

Ему было жуть, как любопытно понять, что же испытывала сама Кэйт. Нет, конечно не в тот, первый день, тогда он и соображал-то с трудом, а вот наутро...

Кэйт саму немного знобило от слишком смелой идеи, никуда не девшегося возбуждения, зародившегося еще в ванной под душем, и от предвкушения. Она, во чтобы-то ни стало, решила осуществить свое желание. А то, что она желала непременно узнать, какой же этот оральный секс на самом деле, и так ли уж все противно, как ей виделось раньше — в этом она больше не сомневалась, отодвинув на задний план мысли о том, что потом сильно пожалеет. Ну, это будет «потом», а упускать такую возможность ей не хотелось. Слишком уж болезненны были ее переживания, из-за того, что подруга перешла ей дорожку, своим

развратным искусством отняв у нее любовь мужа, обещанного ей чуть ли не с детства...

— Раздвинь ноги, раб! — потребовала девушка, собираясь с духом.

Мошонка то ли от страха, то ли от прохладного по сравнению с теплым парным воздухом душа сморщилась, подтянувшись к телу, и эрекция Шайна, так возбудившая ее, сейчас уже не была полноценной. Но это не проблема — стоит только приказать. Конечно, так ее задача усложнялась, но трудностей Кэйт никогда не страшилась.

Парень был напряжен, как натянутая струна, частое поверхностное дыхание выдавало его панику, подстегивая саму девушку действовать смелее, пока не прошел настрой. О чувствах и переживаниях раба, она, естественно, думала в последнюю очередь.

Шайнэлиер послушно выполнил приказание.

— Шире! — произнесла Кэйт, прикинув, что вряд ли уместится между его бедер, при таком его положении.

Раб беспрекословно выполнил указание и снова замер. Девушка опустилась на кровать, на колени, между его ног, откровенно любуясь интересным ракурсом положения тела, выглядевшего сейчас таким порочно-беззащитным, что даже дух захватывало. Решая, с чего бы начать, медленно провела ноготочками по внутренней стороне его бедер почти до самых колен, пытаясь сообразить — то ли это ее руки дрожат, то ли Шайна так потряхивает от новых ощущений.

Шайн действительно был близок к состоянию, когда долгое ожидание неизвестности нервирует, и кажется гораздо страшнее самих последствий. Судя по требованию госпожи, произнесенному как ему показалось (но, наверное, от страха) каким-то незнакомым вкрадчивым голосом, царапнувшим внутренности бархатной лапкой, развлекаться она будет изощренно. И, скорее всего, одновременно сразу во все дыры...

Парень попробовал расслабиться, чтобы проникновение анфаллоса прошло по возможности безболезненно, но его, почему-то, не последовало. Лишь госпожа подвинулась еще ближе. Почувствовать ее бедра между своими было до нелепости странно. Никогда женщины его не брали так. Только усаживаясь сверху, зажимая, лишая возможности двигаться, подавляя. И это новое ощущение было одуряющее приятным и пугающим еще больше.

А когда госпожа положила теплые ладони на его живот, он и вовсе перестал дышать. Это действие было почти похоже на ласку. Да не почти... А самое настоящее чудо... Вместо того, чтобы, как обычно, в добром

расположении духа, провести ногтями по коже раба, девушка заскользила ладонями вверх к его груди. Медленно, словно смакуя свое издевательское действие, дотронулась до сосков, очерчивая их подушечками пальцев, отчего они превратились в две крохотных горошины, снова накрыла ладонями, погладила круговыми движениями, затем опять ухватилась пальчиками, слегка сжимая и покручивая. И в тот момент, когда парень уже начал задыхаться (потому что, глубоко вдохнув, до сих пор так и не сообразил выдохнуть), Кэйтириона удивленно шепнула:

— Шайнэ?

В этот момент его, наконец, прорвало и, шумно выдохнув, он чуть не закашлялся, судорожно хватая ртом так необходимый сейчас воздух.

Девушка отстранилась, нахмурившись, но раб уже почти справился с самоконтролем, выравнивая дыхание, и пробормотал:

— Прошу прощения, госпожа...

Кэйт озадаченно пыталась сообразить, почему последовала такая реакция, но, переведя взгляд на паховую область, удовлетворенно хмыкнула — стояк теперь был такой, что немедленно захотелось почувствовать это внутри себя. Но сегодняшний эксперимент заключался в другом действии.

Хорошо, что девушка не могла видеть, как расширились от ужаса зрачки Шайна, в широко распахнувшихся под плотной повязкой глазах, когда она обхватила основание его члена голый рукой без перчатки.

Бедный парень молился, чтобы Кэйт была милосердной и просто надела бы кольцо-контролер, хотя уже практически не сомневался, что это необычное действие не сулит ему ничего хорошего, и, скорее всего, сейчас последует введение в уретру стека.

Однако коварная госпожа решила продлить его мучения, и окончательно свести с ума, ведь даже в самом своем бредовом эротическом сне Шайнэ не мог и представить, что вместо стек-фаллоса, или еще какой гадости, и даже вместо тривиального контролера, его член вдруг окажется в плену... горячих девичьих губ. Ощущение нереальности происходящего оказалось до того пронзительным, что он снова позабыл про несчастные мозги, которым, для того, чтобы они не отключились, требуется кислород, и замер на вдохе.

Кэйт тоже замерла на мгновение, прислушиваясь к своим ощущениям. Они были странные, очень неоднозначные, но, даже через несколько секунд, звенящую тишину ее спальни ничего не нарушило. Потолок и не думал трескаться, чтобы обвалиться ей на голову, и сирена, оповещающая

окрестности дома о приближении отряда быстрого реагирования на ЧП, также не была слышна...

Зато появилось стойкое желание продолжить исследование, и определить для себя, как далеко она в состоянии зайти в своем стремительном падении. Попытаться оценить, что же привлекательного может быть в подобном изврате, так забавляющем Айрин...

— Ааах... — вдохнул Шайн, позабыв, что ему-то никак комментировать происходящее не полагалось, и вообще следовало бы выдохнуть, а не вдохнуть еще раз.

Девушка вздрогнула, но не отшатнулась от неожиданности, а только еще крепче машинально сжала руку, инстинктивно не желая пока выпускать новую игрушку, и Шайн заткнулся, снова замерев. Кэйт подняла глаза и бросила быстрый взгляд на его лицо, наполовину прикрытое маской. Губы парня были приоткрыты, а его грудь часто-часто вздымалась, и вообще очень было похоже на то, что он сегодня заработает какую-нибудь сердечную болезнь, вроде аритмии. Впрочем, Кэйтириону, решившую расстаться с этим рабом, это мало волновало. Лишь бы пережил эту ночь.

На самом деле сердце Шайна, по его ощущениям, сейчас сделало немыслимый кульбит — ухнув сначала в пятки, а затем, резко подскочив, почти к горлу, и теперь отчаянно бухало, колотясь внутри грудной клетки, словно намеревалось выскочить совсем.

Ощущение пульсирующего члена у себя во рту было странным, но не отталкивающим, и Кэйт осмелилась опуститься еще ниже, теперь заглатывая уже не только головку с выступившей из крохотной щели капелькой смазки, но и сам ствол, перевитый вздувшимися пульсирующими венками. На вкус это было немного терпко для ее восприятия, но тошнотворного позыва не последовало. А уж когда она попробовала провести кончиком языка по гладкой нежной коже, пытаясь получить еще большее представление об этом объекте и прочувствовать, как же отзывается на подобное ее собственный организм, Шайна вдруг резко выгнуло дугой. Бедрa парня качнулись вперед, вторгаясь в ее рот, и она оказалась зажата между его судорожно сведенных ног, стиснувших ее словно тисками. Тугая струя горьковато-соленой терпкой спермы ударила в глотку, но потрясенная девушка даже не успела среагировать, не понимая, откуда этот странный тонкий, как у малька, звук на одной ноте:

— Аааа...

Организм Кэйт среагировал быстрее, чем она сама осознала, как в

таком случае следует поступать. Ее губы выпустили обмякший член раба, обессилено откинувшегося обратно на кровать. Она попыталась откашляться. Взглянула, сквозь выступившие слезы на потрясенное перекошенное лицо и еле шевелящиеся губы, в тщетной попытке вымолить прощение, беспрестанно повторяющие:

— Простите госпожа, простите... Матерь Всего Сущего, я не хотел... простите, госпожа...

И вдруг почувствовала, как зарождающийся гнев стремительно тает от нелепости и смехотворности ситуации. Для нее подобная потеря контроля взрослым парнем, оттого лишь, что она только прикоснулась, толком и не решив, нравится ей такое или нет, показалась слишком забавной, и, как ни странно, почему-то безумно польстила. Кажется, она поняла, что за секретное оружие было в арсенале злостной соблазнительницы чужих мужей, и, по совместительству, ее подруги Айрин.

Однако нервное потрясение вызвало у нее почти истерическое состояние, и девушка просто расхохоталась, уткнувшись лицом в живот, чуть не поскуливающего уже от страха Шайна. Парень уже почти смирился, что теперь ему одной кастрацией не обойтись — скорее всего, просто оскоят, и будет он выглядеть, как на гравюрах в древних раритетных книгах по истории Земли...

* * *

Шайнэйлиэр веселья госпожи не разделял абсолютно. И сейчас находился уже даже не на грани, а за гранью отчаяния. Перепады настроения госпожи, за которой раньше он не замечал ничего подобного, пугали. Впрочем, может быть, она и всегда была столь эксцентричной, просто ему не доводилось сталкиваться с ней раньше лично.

Сказать, что он ничего не терял? О, нет!

Такого, что вытворила с ним только что его госпожа, он забывать не хотел.

Чувствуя себя абсолютно опустошенным внутренне, Шайн сейчас с трудом пытался себе представить, что же последует дальше? Ничего конкретного предположить не удавалось, как он ни старался. Очень хотелось дернуть подальше отсюда и убедиться, что Мир вокруг не перевернулся, не рухнул, не сошел с ума. Но как раз этого он теперь сделать не мог, впад в какое-то странное оцепенение — что воля, что неволя — все равно...

Кэйт тем временем отсмеялась и отстранилась. Ускользнувшее тепло ее лица от его живота отразилось мучительной болью. Шайну стало холодно. Нет, не так — он сейчас не чувствовал вновь содранной спины, которая тем не менее горела огнем и нещадно саднила из-за его кульбитов в экстазном порыве. Просто все внутренности вдруг сковало льдом, и этот студеный мрак расползлся все дальше, подступал к груди, заставляя все реже сокращаться сердечные мышцы, замедлял дыхание. Руки и ноги, кажется, занемели, во всяком случае, он их почти не чувствовал.

Мелькнула малодушная мысль соскользнуть в этот мрак стужи и безмолвия, чтобы уже не возвращаться сюда, в эту уютную спальню в теплых тонах, к красивой и жестокой госпоже, которая выдумала эту безжалостную пытку, насилуя не только его тело, но и его мозг, никак не желавший смириться с настоящей действительностью, больше похожей на состояние стойкого умопомешательства.

Но весь ужас его положения заключался теперь в том, что он не ненавидел за это свою мучительницу, а готов был отдать душу, лишь бы только она не гнала его прочь. Самое разумное — это бежать во всех ног, как только она хоть на миг отвернется, не дожидаясь команды. И закрыться, забаррикадироваться в своей комнате, или лучше в каком-нибудь чулане редко используемой части старого дома, в который почти не заглядывают. Но разве он мог оставаться в здравом уме, находясь рядом с этой непостижимой женщиной?

Кэйтириона отстранилась, а он лежал замороженным бревном. И хотелось выть от собственного бессилия, но Шайнэ не мог произнести теперь ни слова — челюсти свело...

Кэйт заметила, что с парнем происходит что-то совсем не то. Быстро оседлав его бедра, она склонилась над рабом, почти коснувшись его своей грудью, сдернула повязку, заглянула в лицо и встретила с остановившимся полубезумным пустым взглядом.

— Шайнэ? — тихо позвала девушка, чувствуя, как самой становится страшно.

Он моргнул и снова вперился в нее взглядом, но создавалось впечатление, что он ее просто не видит, зависнув где-то в своих переживаниях.

— Шайн! — Кэйт пощелкала пальцами перед его глазами. Парень снова моргнул. Кажется, безумие потихоньку отступало. По крайней мере, хотелось верить, что это ей не показалось.

Губы раба разлепились, он силился что-то сказать и не мог.

— Шайн, Шайн, заканчивай придуриваться. Мне уже не смешно, — досадливо произнесла девушка, скользнула ладонями по его скулам к ушам, потеревила, потерла мочки парня.

— П-простите, гос...пожа... — наконец-то сподобился он на диалог.

Ну вот, так-то лучше.

Кэйт опустила голову, уткнувшись лбом в его ключицу. Облегченно выдохнула. А то что-то даже ей стало не по себе.

Поистине убойный приемчик этот оральный секс...

А еще у этого конкретного раба с головой большие проблемы. Только вот ее это почему-то волнует, хотя не должно бы. И не в том смысле, что хочется немедленно избавиться себя от подобной головной боли, а попытаться понять, что его так выбивает из колеи? И почему он упорно лезет, куда его не просят, зная, что все равно получится как «он не хотел»?

Зачем ей это надо? Кэйтиайриона и сама не знала. Скучно. Любопытно или... она к нему привязалась немислимым образом? Странное состояние, очень похожее на то, когда происходят первые ломки, сразу в обе стороны.

Их ведь предупреждали, что такое может случиться, и все они в Лагере для госпожей в обязательном порядке сначала зубрили наизусть инструкцию по технике безопасности, проходили кучу тестов по психологии, сдавали теорию и лишь после этого допускались к практическим занятиям.

О, Матерь Всего Сущего! Или нет... Тля!!! — привычнее и более уместно в данном случае. Она же была одной из лучших, как же угораздило вляпаться-то? Ну ладно еще расслабиться с очаровательным мальком, но со взрослым рабом, которому осталось всего-ничего до Церемонии Прощания.

— Простите, госпожа, я не хотел, — пролепетал этот несчастный, наконец-то пошевелившись.

Кэйт оторвалась от его тела (где-то на краю сознания, отметив, что с сожалением, но не придавала этому значения) и, заглянув в глаза, отражающие целую гамму эмоций, серьезно ответила:

— Я верю тебе, Шайнэ, верю...

Этот упоительный коктейль из безграничной преданности, страха, благодарности и отчаяния, затягивал словно омут, и она тонула в нем, даже не делая попыток сопротивляться, питаясь через установившийся невидимый канал, поддерживаемый зрительный контактом, словно энергетический вампир, выпивая досуха его эмоции, убивая тем самым, и умирая вместе с ним и его не то болью, не то наслаждением...

— Госпожа... — еле слышно прошептал парень.

Магическое очарование тишины тут же растаяло, и девушка очнулась, мотнув головой и отгоняя наваждение.

— Госпожа... — заморожено повторил раб.

— Да, Шайн, я слышу, — попробовала ободряюще улыбнуться Кэйт, только сейчас почему-то не вышло.

— Госпожа... — снова прошептал Шайнэ и мысленно добавил, — «МОЯ...»

Девушка вздохнула. Она-то сама вроде уже очнулась. А вот парень явно пока еще не адекватен. Почему-то очень захотелось созорничать, и Кэйт, стараясь не рассмеяться в предвкушении забавы, произнесла:

— Госпожа, — указала она на себя, потом приложила узкую ладошку к груди раба, выразительно подняв бровь, заставляя его сообразить, что она от него ждет:

— Ваш раб, — догадался Шайн.

— Умничка, — похвалила Кэйт, забавляясь. — Идем дальше. Кэйт, — снова указала она на себя и вновь дотронулась ладонью до его груди:

— Ш-шай... — сподобился он выдавить самое короткое свое имя.

— Поразительные успехи, раб. Твоя госпожа довольна.

Шайн, сообразивший наконец, что она ерничает, слабо улыбнулся.

И девушка просто не смогла не улыбнуться в ответ. Все-таки его заискивающая и в то же время располагающая улыбка была безупречна. По крайней мере, на Кэйтириону она действовала именно так. Удивительно — ведь черты лица Шайнэйлиера, особенно по сравнению с мужем, были не идеальны, но, тем не менее, лицо раба было привлекательным, особенно озаренное этой немного застенчивой улыбкой, будто он знал какую-то тайну, однако не спешил ею делиться...

Его тут же захотелось приласкать, чтобы поощрить за то, что потеплело на душе или втереться в доверие, чтобы он сам рассказал все свои секреты. Кэйт и не преминула это сделать, опустив ладонь на его щеку. Медленно провела вниз до самой скулы (щетинка на его подбородке уже снова отросла). Впрочем, щетинка на ощупь оказалась мягкой и приятно щекотала кожу ладошки, вызывая массу положительных эмоций, заставляющих негативные чувства не просто отступать, а исчезать — обида, раздражение просто таяли, как последний грязный снег под ярким весенним солнцем...

И ощущение было такое, словно приняла легкий наркотик, к которому тем не менее, быстро привыкаешь...

Шайн прикрыл ресницы, уплывая под этой незатейливой лаской.

— Подняться сможешь? — услышал он.

— Конечно, госпожа, — и тут же попробовал осуществить сей маневр, но с первой попытки ему удалось лишь чуть оторвать голову от измятой подушки. На его шее от напряженных усилий вздулись жилы, да скрючились ледяные пальцы на руках.

Виновато взглянув на Кэйт, поспешно выдавил:

— Простите госпожа, я сейчас.

Вторая попытка оказалась удачнее. Парень, хоть с трудом, со стоном и перекосившимся от боли лицом, сел, и Кэйт закатала глаза: полотенце, которое было подстелено, чтобы намазанной маслом спиной не перепачкались простыни, прилипло к содранным до крови ранкам, которые, покровоточив, пока он изгибался в оргазме, теперь подсохли и прилипли намертво.

«Тляяя!» — выругалась про себя Кэйтиайриона — теперь отдирать и заново смазывать.

Шайн уже и сам почувствовал, что на нем явно что-то лишнее. Попытался, заведя правую руку за левое плечо, сдернуть инородный предмет, но тут же зашипел от боли, сквозь стиснутые зубы.

— Ну вот, сплошные расходы мне с тобой, Шайнэ, — притворно грустно произнесла Кэйт, стараясь не рассмеяться, потому что он воспринял это за чистую монету и, виновато склонив голову, удрученно произнес:

— Вы правы, госпожа. Простите госпожа...

Это самобичевание было таким забавным и трогательным, что девушка невольно фыркнула, но тут же воскликнула:

— Нет!

Не успела. Он все-таки дернул несчастную тряпку со всей дури, отодрав ее вместе с подсохшей кровавой корочкой. Не издал ни звука, лишь глаза влажно блеснули, да на лице, на мгновение, отразилась болезненная гримаса, но теперь оно медленно разглаживалось под упрекающим взглядом госпожи.

— Эх... Шайн. Тяжело быть бестолковым, — обреченно произнесла Кэйтиайриона, поднимаясь. — Сиди так. Я масло принесу.

— Спасибо госпожа. Вы слишком добры ко мне.

— Надеюсь, мне это зачтется Матерью Всего Сущего, — хмыкнула девушка.

— Обязательно, — прошептал Шайн, не уловив иронии. Он действительно теперь уже считал, что получил слишком много того, чего и не заслуживал после всего, сотворенного лишь за один этот день. Нет,

доброта его госпожи поистине была безгранична, чем, кстати, беззастенчиво пользуется Айк. Только его за дерзость и время от времени просыпающуюся ревность, которую он осмеливался показывать, пока, почему-то не прибили, и даже, наоборот, холили и лелеяли...

Кэйт вернулась довольно быстро. Забралась с ногами на кровать, пристроившись позади спины Шайна поудобнее, и принялась оказывать «первую помощь» уже второй раз за этот вечер.

Парень млел под ловкими проворными пальчика госпожи, почти не чувствуя боли от накрывающей его снова эйфории. Но и после этого госпожа не прогнала прочь (правда, преследуя собственные мотивы — не дело, чтобы все видели его плачевное состояние), а велела остаться в комнате, и даже скинула на пол одну подушку со своей кровати.

Шайнэйлиер был счастлив. Пока госпожа смазывала ему спину, заledenевшие конечности тоже отчего-то нагрелись. С мальковского возраста он не спал на ковре, но, за последнее время, это уже второй раз, еще немного и снова войдет в привычку. Госпожа позволила даже надеть белье, понимая, что ему удобнее будет спать на животе, чтобы не тревожить спину.

Только вот спустя несколько минут, после того, как они улеглись и госпожа выключила пультом свет, он, уже проваливаясь в сладкую дрему, вдруг услышал:

— Шайн, иди сюда.

Замер, поднял голову, прислушиваясь к тишине погружившейся в темноту комнаты и тихому дыханию девушки на кровати. Решил, что ему просто пригрезилось, но...

— Не заставляй повторять дважды, раб, — добавила Кэйтириона в голос яда.

Хотя сама готова была рассмеяться, предвкушая очередное покаянное: «Простите госпожа...»

Шайн осторожно прилег рядом.

— Ближе! — потребовала Кэйт. — Обними меня, как днем... в карете, — тихо произнесла девушка, отчего-то смутившись.

Шайн чуть не застонал — да что же она творит-то? Еще что-то придумала? Но все же робко обнял, как приказывали, боясь громко дышать. Воля госпожи — Закон для раба!

— Чуть сильнее, — капризно протянула она и сама обняла его за талию, забыв, что у него и поясница пострадала. Шайн мужественно стерпел — хотя в темноте уже и не видно его перекошенное лицо. Но Кэйт

и сама, почувствовав под пальчиками гладкую скользкую от не достаточно впитавшегося масла, пышущую жаром кожу спины, догадалась, не став привычно царапать, чтобы оставить «следы любви».

Парень облегченно вздохнул. Следов внимания драгоценной госпожи у него предостаточно — любой в гареме обзавидует — точно не равнодушна...

— Теперь скажи, что все будет хорошо, — тихо шепнула девушка, пряча, как днем, лицо у него на груди.

— Все будет хорошо, моя госпожа, — послушно повторил Шайнэйлиер, стараясь не потревожить госпожу бешеным стуком своего отчаянно колотившегося сердца. — По крайней мере, у Вас, — уверенно пообещал раб, силясь сохранить ровное дыхание из-за этого тепла прильнувшей к нему девушки, свернувшейся у него в объятиях, точно маленький котенок.

Невероятно... Одурачивающие ощущения... Наверное, все же это сон...

Только просыпаться больше не хотелось... О, Матерь Всего Сущего — пусть этот сон длится вечность!

* * *

Пробуждения Шайн боялся. Его просто подкинуло, когда он, разлепив глаза, обнаружил себя лежащим на роскошной кровати госпожи в довольно вольной расслабленной позе, причем в совершенном одиночестве!

Тело спросонья было не слишком послушным после вчерашнего наказания, но парень проворно постарался выпутаться из-под легкого одеяла, отменяя мысли о том, что стояк просто рвет ткань трусов, которые ему вчера любезно позволили надеть, так как предполагалось, что ночевать он будет на ковре.

Сейчас надо было, как можно скорее, сползти с кровати госпожи и замереть на коленях, лицом в пол. Неважно, что физиология требовала соблюдения утренние процедуры — потерпит, не маленький. Гораздо важнее угодить госпоже, ведь неизвестно, в каком настроении она проснулась. Да что же столько стрессов-то за последние сутки? — Шайн зажмурился, пытаясь отогнать наваждение и восстановить в памяти — что же все-таки можно принять за сон, а с чем просто смириться, что это произошло?

И именно в этот момент неподалеку раздался тихий смех:

— Шайнэ, я не разрешала тебе вставать, — постаралась добавить строгости в голос госпожа, но все равно он чуть подрагивал от еле

сдерживаемого смеха.

— Простите, госпожа, — замер раб в нелепой колено-локтевой позе.

— Хотя... — задумчиво произнесла девушка. — Оставайся так, раб.

Шайнэйлиер выругался про себя, проклиная за глупость. Он стремился избежать наказания за то, что не ушел, когда Кэйт заснула, и спал рядом на ее кровати, хотя, как известно, даже мужьям не всегда выпадает подобная честь. Если уж раб ночует в спальне своей госпожи, то обычно на полу, рядом. А теперь вот, даже в животе екнуло, боясь представить, какие фантазии нарисовало воображение Кэйтирионы, когда он застыл этакой эффектной скульптурой?

А Кэйт тихо подошла, склонив голову набок, наблюдая за реакцией зверика, провела ноготочками по внешней стороне его бедра от колена вверх, заставляя его напрячься, чтобы не шевелиться. Правда, трусы, кажется, натянулись еще больше, и даже маленькое пятнышко, свидетельствующее о том, что контроль его так себе уже, расплылось по ткани, но девушку это лишь позабавило.

Хлопнув по ягодице, она склонилась к его уху и шепнула:

— Кончи для меня, Шайнэ.

Раб сглотнул. Приятная волна мурашек, скользнувшая по его позвоночнику из-за этого интимного тепла ее дыхания, дразняще приласкавшего ухо, замерла в паху, и теперь уже там что-то сладко екнуло от предвкушения. Остальные мысли поспешно ретировались из его головы, обрадовано устремившись вниз, сконцентрировавшись лишь на одной-единственной задаче.

Госпожа села на кровать, и ободряюще кивнула. Шайн сполз на пол, встал на колени и потянул трясущимися от желания руками трусы вниз, освобождая свое достоинство. Но Кэйтириона покачала головой:

— Разденься совсем. Я хочу видеть тебя полностью обнаженным, — мурлыкнула она, шире разводя свои стройные ножки.

У Шайна застучало в висках. Под легким пеньюаром на девушке ничего не было, и теперь она нарочно его дразнила, а, может, наоборот, поощряла, позволяя увидеть приоткрывшийся треугольничек идеально ухоженного лобка, гладенького, с одной лишь русой дорожкой-завлекалочкой, словно стрелкой указывающего направление.

Только вот Шайну и не надо было «указывать», он и так не мог забыть тот самый первый вечер, когда он делал ланьет своей спящей госпоже.

— Шайн, не торопись. Успокойся.

— Да, госпожа, — немного пришел в себя раб. Он совершенно не мог понять, почему его кидает из одной крайности в другую в ее присутствии

— от леденящего ужаса перед наказанием, до обжигающего внутренности вождения, когда уже ничего не имеет значения.

Шайнэйлиер честно старался не закрывать глаза, чудесное видение манящего лона притягивало, как магнитом. Но стоило лишь на миг скользнуть взглядом выше, увидеть, как Кэйт, теребя тонкие завязки, удерживающие ее пеньюар на полуобнаженной груди, чтобы не распахнулся, словно ненароком касается чуть виднеющихся из-под кружев вокруг откровенно низкой горловины темных сосков, парень чуть не подавился слюной. А когда она, опустив ресницы, облизала губу кончиком розового язычка — память Шайна мгновенно подсунула ему картинку вчерашнего чуда, что не замедлило сказаться на поспешной эякуляции и накрывшем с головой оргазме. Таком, что он чуть не рухнул на пол, подавшись вперед, выставил руку, чтобы «отодвинуть» приближающийся к лицу ковер, судорожно зажимая второй ладонью липкий от выплеснувшейся спермы член.

Кэйт молчала, давая рабу возможность отдышаться и прийти в себя, и, безмерно благодарный за эту поблажку, Шайн никак не мог понять, за что?

— Благодарю, госпожа, — поднял он голову.

Девушка снисходительно улыбнулась и, подняв валявшее у изножья кровати полотенце, подкинула ему:

— Вытри руку, и на коленях ко мне! Медленно!

— Да, госпожа, — парень опустил голову и послушно пополз вперед.

— Можешь смотреть, — разрешила госпожа, наконец-то распустив завязки на пеньюаре, и он распахнулся. Кэйтириона лишь слегка повела плечиками, помогая почти невесомой шелковой тряпочке соскользнуть по предплечьям, обнажая ее аппетитную фигурку. По мере приближения парня, сползающая материя приоткрывала все больший участок тела девушки, сидящей на кровати, еще шире раздвинувшей свои прелестные стройные ноги.

Кэйт грациозно прогнулась в пояснице и опустилась на спину практически одновременно с тем, как раб оказался рядом.

Самое ужасное было то, что Шайнэ прекрасно знал, что инициатива наказуема, но команды делать ланьет не поступало, а между тем, другого варианта он придумать не мог.

Кэйт же лежала, уже чувствуя, как истекает от желания (еще бы, вечером-то так и заснула неудовлетворенной). И про себя считала до пятидесяти, решив, что если он не услышит ее мысленного призыва, значит, она все-таки ошиблась и вчерашний эмоциональный контакт, который неожиданно выделил этого раба на фоне остальных, был просто

временным отклонением, вызванным какими-нибудь магнитными бурями, и Шайн ничего интересного собой не представляет.

Видимо, Мать Всего Сущего все же решила сжалиться над несчастным парнем, и дала ментального пинка, потому что он все-таки рискнул сделать то, что ему самому безумно хотелось. Кэйт успела сосчитать лишь до тридцати семи, когда почувствовала теплые мягкие губы на своем клиторе, замершие на мгновение, видимо все же в ожидании, что последует гневный окрик, но девушка лишь выдохнула, расслабляясь, с улыбкой представляя себе, насколько полегчало угадавшему бедолаге.

— Дотронься до меня...

— Но, госпожа...

— Это приказ, раб! — нахмурилась разомлевшая было Кэйт, но тут же смягчилась:

— Дотронься так, как тебе хочется, — разрешила она. — Не волнуйся, если мне будет неприятно, продолжим развлекаться с плетью. Я уже отдохнула, — лениво пошевелила девушка правой рукой, «подбодрив» сглотнувшего Шайна.

Как угадать-то? Никогда в жизни ланьет не делали, применяя прикосновения рук. Да и вообще... если только рискнуть и... Но у Шайна слишком давно не было совсем юных мальков, которым требуется нежная ласка. Рыжик — не в счет — с ним эта ласка была, скорее, чувственной, чем по-настоящему нежной... Остается только надеяться, что он сумеет понять ощущения, которые испытывает госпожа, ориентируясь на ритм ее дыхания и отзывчивость тела. Очередной тест, из тех, что им не преподавали даже в Джордане. Эх, знать бы, что от этого по-настоящему будет зависеть твоя жизнь — наверняка был бы одним из лучших, но юности свойственны радужные мечты о будущем...

У Шайна было несколько лет, чтобы понять, что радуга вспыхивает в его небе не так часто, а уж последние пять лет и вообще почти забыла, что ему тоже хочется праздника. И вот теперь его персональное небо странным образом поделилось на две части. На лазурную высь, пронизанную солнечными лучами и коромыслом радужных полосок, весело искрящихся и поблескивающих в бриллиантовых каплях грибного дождя, смывающего прошлые неприятности, очищая...

Вторую половину заняли грозные иссиня-черных тучи, громоздившиеся друг на друга, пронизываемые яростными вспышками молний, символизирующих очередной прокол и падение в глазах госпожи.

Горячий язык раба тут же подключился к тому, чтобы доставить своей

персональной богине максимальное удовольствие, довести ее до экстаза, заставить извиваться, прогибаться и стонать от наслаждения, удивляясь, с каким воодушевлением ему самому это приятно делать. Наверное, даже приятнее, чем в прошлый раз, когда до колик в животе боялся разбудить ее. Теперь он боялся только одного — не показать все, на что способен.

Его ладони робко прикоснулись к ее коленям и заскользили вверх, едва-едва касаясь гладкой кожи. Но и этого оказалось достаточно, чтобы лежавшая на спине девушка, как-то странно всхлипнув, подтянула ножки на кровать, поставив их на полные ступни. Шайн замер, пытаясь понять, не пора ли уже готовиться к новой порции плетей, но решил снова рискнуть, и, просунув руки под ее коленями, теперь уже осторожно оглаживал внешнюю сторону стройных бедер, подбираясь все выше. И когда Кэйт чуть приподнялась, уверенно подsunул свои руки ей под ягодицы, чуть сжав, но ни на миг не переставая работать языком и губами. Почувствовал, как его ладоням становится жарко, как возбуждение, которое ему разрешили сбросить, снова начало нарастать. Только вот контролировать себя сейчас не было возможности. Госпожа не останавливала, а наоборот, зарывшись пальцами в его волосы, теперь легким натягиванием прядей «руководила» процессом, то сильнее вжимаясь попкой в его, вспотевшие от страсти ладони, то подаваясь навстречу, раскрываясь еще шире...

Нет, в тот день он не посмел удерживать ее в неподвижности, чтобы «поиздеваться» и продлить наслаждение. В тот день, когда она позволила ему такое в первый раз, он и так был настолько ошалевшим, что его эмоции зашкаливали. Обычно, когда процесс происходил технически грамотно, то, если здорово везло, можно было даже настроиться и, в ходе действия, самому получить толику радости и возбуждения. Сейчас же просто сносило крышу, потому что, чувствуя, как откликается тело госпожи на его ласки, он радовался именно тому, что ей хорошо, а вовсе не тому, что будет избавлен от очередного урока в комнате для наказаний...

И это было ни на что не похожее чувство эйфории и гармонии, чего ранее Шайну испытывать как-то не удавалось... ну разве что-то похожее было с Рыжиком...

Весьма отдаленно похожее, потому что делать это с женщиной, доверившей тебе свое тело, это нечто...

А потом он опустился на колени, ожидая, когда обессиленная госпожа придет в себя и отпустит его восвояси. Пошевелилась Кэйт минут через пять. А затем сонно потянулась, перекатилась на бочок, поманила пальцем

и, погладив по щеке, улыбнулась:

— Шайн, мне следует тебе напомнить...

— Что мне все это приснилось? — тихо продолжил раб, преданно глядя в любимые глаза. — Нет, госпожа, не обязательно. Я никому не смогу рассказать про свой чудесный сон, иногда даже за самые невинные помыслы следует наказание. Я вообще-то понятливый...

— Шайнэ, — улыбнулась Кэйт, — ты меня приятно удивил. Можешь идти, только воздержись от посещения бассейна, пока не пройдет спина.

— И в спортзале я буду в футболке, — согласно кивнул парень. — Иначе все обзавидуются таким следам любви, — не смог удержаться он от иронии, поняв, что госпожа в благодушном настроении.

Девушка попыталась нахмуриться, но губы сами собой расплылись в улыбке. Кэйтириона расстроилась бы, но была слишком переполнена эмоциональными переживаниями и удовлетворена до кончиков ногтей, удивляясь, как ему удалось это сделать простым ланьетом.

— Только не наглей, Шайнэ, второго Айка я не потерплю рядом.

«Рядом!» — долбануло, словно обухом. Он будет рядом?!!!
Пожалуйста! Пусть он не ослышался...

— Я не посмею, госпожа, — вместо того, чтобы склониться в поклоне, Шайн подарил своей госпоже такой обожающий взгляд, что она рассмеялась, не в силах рассердиться.

А окрыленный перспективой парень, раз уж ему выпала такая честь, быть с ней рядом, решил, что начнет доказывать свою полезность прямо сейчас. Поэтому прикрыл пожившуюся, остывающую после оргазма госпожу одеялом, на что девушка молча прикрыла глаза, чуть не замурчав. Легкое тепло, словно облако, приняло ее и, коснувшись возбужденных сосков и все еще чувствительных нервных окончаний на коже, напомнило о только что пережитом удовольствии, которое ассоциировалось вовсе не с Айком и даже не с Эйри, в вполне с конкретным рабом, чуть было не проданным... Впрочем, продать-то никогда не поздно, но пока точно не будет...

Шайн, чувствуя, как на пострадавшей спине, выросли крылья, то и дело норовящие оторвать его от пола, быстро собрал свои вещички и на цыпочках вышел за дверь...

Надо теперь добраться до своей комнаты, и по-быстрому облегчить свое положение с очередным стояком. Вот ведь, даже Рыжика не позовешь — Нэй будет задавать ненужные вопросы, если не раздеться полностью. Впрочем, можно цепануть по ходу кого-то из мальков, чтобы отсосали по-быстрому, но впечатлений хватит и для самоудовлетворения. Так что,

вообще, просто надо побыть одному и попереживать всласть, чтобы через час, если Айкейнури не сподобится влезть вперед, принести госпоже завтрак. Хотя, все равно Айку это даже и в голову не придет. А уж потом можно будет поискать Рыжика.

Шайн подозревал, что Нэй провел эту ночь у Айкейнури, и очень надеялся, что любимчик Кэйт был не слишком расстроен тем, что Шайн ночевал в комнате госпожи, и Рыжику не слишком пришлось утешать его в расстройстве.

* * *

На той неделе было еще много всяких интересных экспериментов, потрепавших его нервную систему, когда Шайнэйлиер чувствовал, что слишком близок к провалу миссии, которую определила ему его богиня. Но все же совместными усилиями удалось обойти некоторое недопонимание ответственных моментов. Кэйт училась вдумчиво, старательно и с огромным энтузиазмом. Училась тому, как умеют заниматься любовью... континентальные женщины. Что-то ей и самой, как видно было, понравилось, что-то так и не нашло отклика, и больше они к этому не возвращались. Шайна просто распирало от восторга, как какого-то мальчика, только что после Джордана, которому, сообщили, что его возьмут первым мужем в приличный дом с ласковой госпожой... Нет, наверное, даже больше...

Он прекрасно понимал, почему именно его выбрали в качестве учебного пособия, но был счастлив и этим. Единственное, что несколько расстраивало — он до сих пор не мог определить, для кого госпожа готовит большой сюрприз — для Эйри или для Айка? На ее месте, он бы не стал давать Айкейнури лишних поводов для поднятия его значимости в собственных глазах, но, как ни крути, а своего брата Айрин не отдаст, и, если даже Кэйтирионе удастся продемонстрировать мужу свое мастерство, ничего хорошего не выйдет... Впрочем, может быть, юная Старшая госпожа поддержит этот козырь для кого-то другого... Она же собиралась покупать еще рабов...

Но сейчас у Шайна было огромное преимущество перед всеми. Совместные исследования, полные смешных, курьезных и незабываемых чувственных моментов настолько сблизили их, что они научились буквально за неделю понимать друг друга с полуслова, с полувзгляда, он

успевал прочесть невысказанное желание и предупредить голосовое подтверждение.

Айкейнури бесился, но у него так не выходило почему-то. И, тем не менее, Шайн был уверен, что Айк по-настоящему любил Кэйт, он же сам... Нет, это чувство было чем-то большим, чем любовь. Возникшее чуть ли не в один день, это было поклонение суровой богине, жрецом которой он назначил себя сам...

Шайн никогда не думал, что такое возможно, но как оказалось, чудеса бывают. Как жаль, что происходить они начали лишь к закату его жизни...

* * *

Как-то раз Кэйт застала Шайна с одним из спецов, обсуждающими какой-то сбой в системе охраны дома, отобрала навороченный планшет у побледневшего парня, полистать странички, пока мужчины закончат. И, открыв последние вкладки, изумленно замерла...

Оказывается, ее Шайн смотрел фильмы инопланетников. Вот почему его не особо удивляло то, что она на нем отрабатывает. Он лишь чуть не лишился разума в первые два дня, потому что не мог поверить в то, что его госпожа, хорошая девочка с Венги, способна на такое. Просто так оставлять это Кэйт не была намерена. Не хватало только подобного подпольного разврата в собственном доме!

И они уже шли в комнату для наказаний — Шайн в этом не сомневался, судя по эманации негатива, которым буквально искрилась Старшая госпожа...

Но его спас Сайни, неожиданно заявившись вместе с братом, «на минуточку» и с разрешения Айрин, разумеется. Сай принес цветок, о котором как-то мечтательно высказалась девушка, когда была у Айрин в гостях и пролистывала каталоги, выписываемые для сестер Пайти и работающих с ними специалистов.

Видимо, разрешения на уединение не было, поэтому обошлись, действительно недолгой беседой, за чашечкой тайшу и вкусной выпечкой, во время которой Эйри сидел у ног млеющий от счастья жены. Сайни вздыхал и помалкивал, довольный и тем, что чуть не взвизгнувшая, как маленькая девочка, Кэйтириона, обрадовавшись подарку, чмокнула его в щеку. Айкейнури чуть не скрошил себе челюсти, скрипя зубами, а понурый Шайн мысленно прикидывал, стоит ему улизнуть из небольшой гостиной, чтобы попроситься с Рыжиком, или все-таки госпоже не хватит духу

прибить его окончательно.

Распрощавшись с визитерами, девушка повернулась к своим рабам, указала Айку «на колени». Когда он плавно скользнул вниз, обняла за шею и, склонившись к уху, что-то шепнула, после чего он просиял и, обняв ее за талию прижался щекой к животу, а Кэйт уселась в кресло и еще наверное полчаса ублажала поправное самолюбие любимца, лаская его, пока он (нарочно растягивая удовольствие) лежал щекой на ее коленях, перебирала его распущенные волосы, поглаживала по щеке...

В результате, отправив всех с глаз долой, подняла на виновато застывшего Шайна глаза и, кивнув на планшет, бросила:

— Накачай мне каких-нибудь фильмов... — и, запнувшись, пояснила. — Я никак не могу понять, что хорошего в союзе одной женщины лишь с одним мужчиной...

Кажется, она просто устала от своей зависимости от Эйнри. Она занимала так много места в ее сердце — эта бесперспективная любовь к нему, и если ее все же удастся вытравить, потребуются чем-то заполнить пустоту. И ей, девушке, воспитанной на Венге, вдруг захотелось любви и тепла.

Невысказанная мысль и это полупризнание давались ей болезненно.

А огорчать свою госпожу вовсе не хотелось...

И потом, ночью, закрывшись с ней вдвоем у нее в спальне, Шайн с повязкой на глазах снова чувствовал себя подопытным кроликом, но до одури счастливым кроликом, да хоть лабораторной крысой! Ведь Кэйт впервые решила его поцеловать в пересохшие от волнения губы.

Кажется, до нее только что дошло, что у инопланетников сначала идут поцелуи, а потом уже все остальное. И теперь пыталась разобраться, нужна ли ей эта составляющая отношений, и зачем вообще нужен этот период, несущий яркую эмоциональную окраску эротических переживаний.

Шайн был уверен, что, как почти все девочки, его смелая богиня пробовала целоваться с подружками по Лагерю, но оказалось — нет... По крайней мере, опыта техники глубокого поцелуя у нее не было. Скорее всего, такой смелой и «развратной» она стала лишь благодаря своему мужу, надеясь когда-нибудь его поразить...

Шайн не возражал — он слишком хорошо понимал, насколько ничтожны его шансы стать для нее единственным, и поэтому старался быть самым необходимым.

К утру госпожа созрела до того, чтобы разрешить показать, как

мальчики целуются между собой в гареме...

Сказать, что было снова не страшно — Шайн не мог. У него никогда не было подобного опыта отношений с женщинами. Если ей не понравится то, как он обычно целуется с Рыжиком, вряд ли он вообще сможет ей помочь...

Но оказалось, что целоваться ей понравилось...

Кэйт и в самом деле испытывала доселе не переживаемые трепетно волнующие ощущения, когда Шайнэ сказал, что раз уж она хочет получить все, то надо делать правильно. «Правильно» в его понимании, на основании просмотра пиратских фильмов инопланетников — это значит создать соответствующую романтическую обстановку, которая являлась необходимым фоном для преодоления некоего психологического барьера.

В результате, отправив ее в ванную, он, за 20 минут, среди ночи, организовал волшебную сказку, преобразив ее комнату в странного вида помещение. В спальне госпожи теперь тихонько звучала какая-то смутно знакомая музыка с легким налетом щемящей грусти и радостного предвкушения чего-то особенного. Все поВерхности мебели и кое-где на полу, в совершенно хаотичном порядке, стояли разнообразные, разнокалиберные зажженные свечи, колеблющееся пламя которых причудливыми тенями плясало на стенах.

Кэйт ахнула, заворожено разглядывая свою спальню, решив, что отругает его за столь вольное расположение огнеопасных древних атрибутов потом. Слишком уж необычно. А Шайн уже наливал в высокий бокал какое-то вино. Где только взял? То, что Айк мог бы сделать налет на кухню и выцыганить что угодно — это уж давно известно, но Шайнэ, скорее всего, просто взломал замок запирающегося на ночь помещения. Судя по тому, с какой легкостью он помог сегодня справиться технику-спецу с неполадкой в системе, электронные замки для него не составляли проблемы.

Не дав госпоже углубиться в анализ правомочности своих действий, парень предложил сделать глоток вина, теплой волной скользнувшей Кэйтайрионе по языку, невольно заставляя ее расслабиться. А затем подошел вплотную, осторожно провел по предплечьям, погладил плечи, все это время глядя прямо в глаза, следя за малейшими признаками недовольства. В это утро, наполненной ароматом свечей, их неярким мерцающим светом, все выглядело по-другому. И даже блеск глаз был

особенный... Одна рука Шайна продолжила движение вверх по шее к ее чувствительному местечку за ушком. А вторая в это время скользнула к позвоночнику, поднялась вверх к затылку, лаская нежными круговыми движениями, отвлекая на себя внимание. И лишь когда Кэйт прикрыла глаза от удовольствия, Шайнэ решил, что теперь она достаточно ему доверяет, и накрыл приоткрывшиеся губы девушки своими.

Она ждала, что сейчас его язык вторгнется в ее ротик, и напряглась, пытаясь представить, понравится ли это или нет?

Но парень, поняв, что теряет над своей госпожой контроль, снова подключил обе руки, одной продолжая ласкать область шеи от выступающей косточки позвоночника, а другой, снова скользнув по плечу к локтю, перехватил ее за талию и, прижав к себе плотнее, теперь легонько ласкал спину над поясницей.

Вторгаться завоевателем в прекрасный ротик своей госпожи он вовсе и не спешил — сначала обвел языком по контуру губ, словно намечая будущую территорию. Поддразнивая, осторожно коснулся внутренней стороны ее мягких губ, поласкал, вызвав странные ощущения приятной щекотки и, наконец, коснулся ее языка, давая привыкнуть к этому ощущению. Давал перевести дыхание и затем приглашающее поиграл с ним. С удовольствием отметил, что Кэйт повелась, потянувшись за ним, когда он попытался отстраниться, обхватила его шею руками, притягивая его ближе, и тихонько застонала, выпрашивая, чтобы он вернулся...

Шайна не надо было просить, он еле сдерживался от того, чтобы не впиться в желанные губы так же, как и с Рыжиком — до головокружения, когда сам процесс уже не осознаешь, только бы он не заканчивался...

Опущенные ресницы девушки трепетали, а на лице пробегали странные эмоции удивления, наслаждения и покорного подчинения.

Похоже, что она оставила решение за ним. Шайн тихонько покачнулся в такт звучащей музыке, Кэйт поддержала, и тогда, он медленно двинулся в сторону кровати, увлекая ее в танце за собой, ювелирно обходя расставленные по полу свечи.

Ощущение мягкого ковра под босыми ступнями, контраст холодного воздуха и очагов тепла, ласково облизывающие ее обнаженные ножки, горячие уверенные ладони на спине, сводящие с ума поцелуи...

Кэйт упивалась этим состоянием легкой прострации то ли от глотка вина на голодный желудок, то ли оттого, что давно пора было лечь спать, то ли от этих поцелуев, от которых у нее кружилась голова, подгибались колени. Ее возбужденно набухшие соски трутся по его голой груди, между

ног стало влажно... Похоже, она теперь просто не уснет, и одними поцелуями дело не кончится.

И когда Шайн, наконец, аккуратно опустил ее на кровать, оперевшись коленом, чтобы его движение оказалось более плавным, и отстранился — только тогда она сообразила, что уже лежит совершенно обессиленная, дрожащая от возбуждения, довольно облизываясь.

— Еще... — выдохнула Кэйт.

— Разрешите, госпожа? — спросил Шайн, любуясь обнаженной девушкой такой непривычной в своей похотливой неге, жутко жалея, что, возвратившись из гостиной, где «позаимствовал» вино, не скинул снова свои брюки. Отвлекаться на такую мелочь не было времени, но кажется, госпожа все-таки захочет и чего-то еще кроме поцелуев...

Снова прильнув к губам девушки, Шайн осмелел и перешел от губ на лицо, на требовательно подставленную шею, спустился до груди, не решился дальше наглотать и снова поднялся к ее губам. Наверное, поцелуи в губы ей все-таки понравились больше, потому что еще раз проделав смелый путь до груди, обратно он был притянут за волосы — не больно, но чувствительно. Госпожа напомнила, чтобы не забывался, что является «главным блюдом».

Она вообще уже потерялась в своих ощущениях — от его горячих поцелуев на теле загорались маленькие очаги пожара, по позвоночнику растекалось сладкой патокой наслаждение, внизу живота уже все пульсировало, требуя внимания и привычному местечку для слияния с телом раба.

— Все, больше не могу, — захныкала Кэйт, отпихнув улыбающегося Шайна. — Быстро раздевайся, на спину, приготовься для меня — ляпнула она и тут же сама рассмеялась.

Ритуальная фраза, повторяемая в течение многих лет, была явно неуместна. Шайн, ее Шайнэ «готовился» рядом с ней постоянно. Проблема была как раз в другом. До сих пор неразрешимая — опускал с трудом, если не было возможности кончить. Хорошо хоть, что она возникает, лишь когда они наедине. Наказывать его каждый раз за это уже отсохла бы рука. А вот играми с анфаллосом она с ним не практиковала, лишь однажды увидев странный заморозившийся взгляд раба, словно он пытается отрешиться от действительности.

Отбросила игрушку в сторону, прижалась, чувствуя, как облегченно опускаются напряженные плечи. Приласкала его пальцами, добавляя по

одному и заставив считать — на четырех остановилась, хотя, кажется, он ждал еще... добилась непроизвольной эрекции, дождалась пока окончательно расслабится и поверит, что больше ничего ему за это не будет, и застенчиво улыбнется, виновато пожав плечами и отводя взгляд. Девушка растаяла, опустилась в стоявшее рядом кресло, притянув к себе, и попрактиковалась в оральных ласках, едва успев вцепиться в ягодицы раба ногтями, чтобы успеть привести его в чувство до того, как придется ловить.

Кэйт всегда забавляла подобная реакция на исполнение ею минета. Она не обольщалась, что овладела этим убойным искусством в совершенстве. Просто, наверное, Шайнэ до сих пор принимал это как величающую милость, непонятно за какие заслуги оказываемую ему, и у парня кружилась голова от переизбытка зашкаливающих эмоций, заставляя на пару минут терять ориентацию в пространстве после оглушительного оргазма.

Подобрать какую-нибудь еще жертву для сравнительного анализа, девушка пока еще не решалась — слишком уж смелым и вызывающим был эксперимент. Айка очень подмывало осчастливить, но нет, нельзя... Может быть следующей жертвой будет Рыжик? Сможет ли парень удержать подобный секрет при себе?

В общем, после экспериментов с поцелуями, «как у инопланетников», спали Кэйт и Шайн почти до обеда. И, если бы Кэйт, проснувшись, сразу не велела срочно прибрать все следы для правильного «романтического» настроения, пока она принимает душ, а потом, потребовав поцелуй, не вытолкала бы его в коридор, и тут же не втащила бы внутрь дежурившего под ее дверью Айкейнури, быть бы ему битым... Айк был взбешен и, казалось, готов был убить взглядом.

Через два часа Кэйт выпустила резко подобревшего любимчика, хотя до самого вечера он одинолично сопровождал ее по всему дому и саду, таскаясь за ней, как привязанный. Даже Рыжик вечером подколот, что Айк пропустил обе тренировки — утром боялся прокараулить ретирующегося соперника, а днем не смог заставить себя расстаться с Кэйт, находящейся в таком прекрасном настроении, что даже про Эйпри почти не вспоминала...

А сейчас, Шайнэ, привычно уступив свой ночной пост Айку (который, видимо, дошел до крайней точки кипения, идиот), шел к своему Рыжику, предвкушая развлечение с использованием этой повязки, подарившей ему самому массу незабываемых минут наслаждения, хотя, впрочем, убитых нервных клеток, наверное, не меньше.

Но это уже мелочи. Сердце лишь болезненно сжималось от понимания, что учиться скоро будет нечему, если только оттачивать мастерство... Но выберет ли Кэйт именно его для продолжения? Или же решит нарабатывать практику среди других рабов гарема?

Глава 17

В конце грядэзена Айрин получила официальное приглашение из Дворца. На встречу первого снега и представление обществу младшей дочери Старшей госпожи Первого Дома. Отказываться было нельзя — это огромная честь. Только дома, чьи представители заседали или заседают в Совете, могли рассчитывать на такое приглашение. Девушка подпольными путями выяснила, что количество рабов в свите ограничивается десятком, а сопровождающих старшую госпожу дома женщин — тремя.

Очень удачно все складывалось. Из женщин с ней поедут Сабина и сестры Пайти. Мужчин можно взять всех, но... Вечеринка — она и во Дворце вечеринка. Так что лучше взять троих своих мужчин и троих рабов для прикрытия. Вилайди на таком праздновании делать нечего, да и Сайни прекрасно переживет без выхода в свет.

Эйнри посоветовал для прикрытия взять Хенгета и Майринэ, а третьим — одного из новеньких, купленных в прошлом году. Например, Адейийляра. На том и порешили.

Лейхио, узнав, что его собираются везти во Дворец, на вечеринку, начал мучиться и метаться. Разрываясь между двумя противоположными желаниями. Во Дворец попасть хотелось очень. Понюхать дворцовые интриги и сплетни изнутри, попробовать их на вкус. Завести нужные знакомства. Но на вечеринку... С кучей женщин... Ох, как не хотелось. Бывал он на таких, в молодости. И вот как-то до сих пор не соскучился по впечатлениям. В итоге, все же согласился, что ехать надо. Планировалась большая игра, и каждый помощник был на счету.

Госпожа Эллессит не отличалась повышенной тягой к политическим интригам, в отличие от младшей сестры. Но, к сожалению, на Совете должны были присутствовать только или сама старшая госпожа дома, или ее дочь-наследница. Поэтому Эллессит, взяла и просто отказалась от места в Совете. Доведя этим Сабину чуть ли не до нервного срыва.

Лейхио уже давно обдумывал, каким бы хитрым способом вернуть Дом Вайнгойрт обратно в Совет. Это позволило бы узнавать о разработке проектов новых законов не из-под полы, от знакомых дворцовых рабов, за определенную плату деньгами или услугами. А, можно сказать, участвовать в создании этих законов.

Как раз об этом он и шел пошептаться с Эйнри и Дэйнишем. Когда случился очередной накал страстей, с бурлящим эмоциями через край

Дэйном.

Ну, пошептаться он с ними потом все равно пошептался. И все вместе пошли обрабатывать Айрин. Та, на удивление, быстро согласилась.

Когда Лейхио, настроенный на длительные уговоры, только выложив идею, тут же услышал: «Да», он даже немного расстроился.

Но девушка сама уже очень много размышляла о том, как действовать дальше. Трое детей очень усиливают чувство ответственности. Которое и так прогибалось от напряжения, с учетом размеров ее гарема. И тут приходит Лей и приносит ей идеальное решение. Пробыться в Совет и начать корректировать не из подполья, а прямо из центра управления.

Осталось только продумать план действий.

Политика и интриги всегда были слабостью Лейхио. Он просто дышал этим. Остальные парни только украшали гостиную своим присутствием и, иногда, кидали короткие реплики: «Ну ты даешь!», «Здорово придумал!» и «Тля!.. Простите, госпожа!».

Конечно, план был готов не за один вечер. Но на остальные обсуждения ни Эйн, ни Дэйн уже не ходили. Смысла не было. Их роли им потом расскажут, тексты раздадут. Выучить они уж как-нибудь выучат... Основная нагрузка падала на плечи Айрин.

Иногда дуэт интриганов превращался в трио — приглашалась Сабина, хорошо знакомая со всеми членами Совета и с их семьями. Она подсказывала, какие рычажки использовать для манипулирования.

Как это ни странно, но вскоре к их уютному кружку присоединился Вилайди. Нет, он говорил мало. Очень мало. Но много и внимательно слушал. А если и открывал ротик, то оттуда вылетали очень даже ценные мысли.

— А ты, рыжик, и раньше дураком не был, а сейчас из тебя просто радость моей души выросла! — похвалил его как-то за очередное замечание Лей.

Вил засмущался и снова надолго замолчал. Но при этом глаза блестели, и только, разве что, уши не шевелились от напряжения.

За месяц план по захвату Совета был разработан и откорректирован.

35 грейзена 327 года. Дом Вайнгойртов.

День 35 грейзена 327 года очень напоминал 3 жниэвен 326. Когда все бегали и крутились с самого утра, наряжая Айрин. Тогда ее ждала первая вечеринка на планете, но в собственном доме. Сейчас же ее ждал выход в свет. Ее ждал Дворец.

С тканями для нарядов экспериментировали очень долго, потому что, по неписаному правилу, одежда свиты, сопровождающей госпожу, должна была быть тех же цветов, что и одежда самой госпожи. Единственное, с чем можно было сыграть, так это с приоритетами между основными и вспомогательными оттенками.

Все девушки были русоволосы, но на этом сходство заканчивалось. Айрин, хоть и не была бледной немочью, но соперничать со смуглой от природы кожей сестер Пайти, конечно, не могла. Тем более, у девушек глаза были карие, а у Айрин — зеленые.

Для мужчин основным цветом был выбран черным. Для женщин сначала решили выбрать кораллово-алую гамму, которая должна была проявиться и в мужских нарядах.

Из гаремных запасов притащили ворох одежды. Алое, красное, коралловое — сочные, яркие. Бордовый и все оттенки вин (бургундия, сангрия) — строгие, темные. Вишневый — красиво и оригинально. Оттенки розового? На ее лютиках?..

Красное на черном, черное на красном... В глазах начинало рябить. Само по себе это сочетание Айрин очень понравилось и она сразу, наметанным глазом, выбрала, во чтобы ей хотелось нарядить своих парней. Но только, представив всю свою свиту, одетую столь вызывающе-контрастно, девушка поморщилась.

Отец в детстве читал ей сказки, в одной из которых описывалось выступление древнего народа Земли — кочевников-артистов цыган. И картинка там была очень подходящая к ситуации. Только дрессированного медведя не хватает! Эйну в руки гитару, и вперед!

Да уж, лучше, все-таки, подобрать костюмы в более спокойных тонах, всегда есть простор для полета фантазии. У одного зеленого столько оттенков, что глаза разбегаются.

А в эту вызывающе-агрессивную красоту лучше нарядить своих мальчиков, когда никуда не надо будет выходить из спальни. Просто полюбоваться, для души. И про Вилайди надо не забыть. Уже очень давно она не видела его танцев. Огненные всполохи в волосах, вот эта ализариновая тряпочка, темные, гладкие на ощупь, брюки...

Айрин мечтательно прикрыла глаза, представив, как легкий шелк нежно касается ее кисти в то время, пока ее ладони ласкают тренированное тело под рубахой. Да, мальчик уже давно перерос ее материнский инстинкт.

А потом она заставит Эйри и Дэйна развязывать все эти шнурки на одежде друг друга. Запустит руки им в штаны, подобные тем, в которых Дэйн впервые попал в ее дом... Нет, штаны обязательно надо оставить.

— Госпожа? — чуть насмешливый, вкрадчиво-провоцирующий голос Лейя донесся словно издалека. — Мы можем прямо сейчас воплотить ваши фантазии?

Три пары глаз выжидательно-предвкушающе устремили взгляды на свою госпожу.

— Н-нет, — Айрин очнулась. — Не сейчас... вот это все унесите, и будем искать что-то поспокойней.

Ветерок разочарованных вздохов прошелся легким сквознячком в гостиной, и Айрин рассмеялась, заметив явное огорчение, промелькнувшее, как минимум на лицах двоих. Дэйн тут же потупился, зато Эйн и не подумал опустить ресницы, прикрывая голодный блеск. Братишка, как всегда, возбужден и готов к развлечениям.

Лишь из-за одной реакции парней захотелось тут же отложить выбор нарядов, но уже осталось так мало времени, лучше перенести игры на потом.

— Я так понимаю, далеко не прятать? — чуть съехидничал Лей, сгребая в кучу одежду всех оттенков красного.

— Ты, как всегда, проницателен, — Айрин улыбнулась, и протянула руки мужу и брату, сразу же переместившимся ближе, чтобы хотя бы мимолетной лаской компенсировать своим любимым вот эту отсрочку.

* * *

В итоге выбрали гамму, как раз исходя из цвета глаз девушек, разбавив черным и золотым.

С нарядом старшей госпожи пришлось тяжелее всего. В него надо было заложить всю выбранную палитру красок.

Поэтому, корсет платья был нежного мятного цвета, с вышитыми на нем зелеными листьями с золотыми прожилками. Воланы многослойной юбки, похожей на воздушное облако, начинались от цвета напитка с большим количеством молока, лишь чуточку разбавленного тайшу. А потом создавалось впечатление, что молока с каждым шагом вниз наливали все меньше и меньше, и последний, самый нижний, волан был цвета темного шоколада. По самому краю у него шел почти незаметный вышитый черными нитями орнамент из переплетающихся листьев венге. Плечи и спина девушки были открыты. На ножках — туфельки цвета сияющего золота, на руках — длинные перчатки под цвет обуви.

Риана и Рина надели платья на бретельках, с прямыми лифами, слегка

заниженной талией и пышными многоярусными юбками. Различия были в цвете. У одной платье было фисташковое, у другой — бронзовое, чуть темнее ее кожи, с золотой тесьмой по краю каждого яруса, черные перчатки и черные высокие сапоги на тонкой шпильке.

Сабина надела длинное темно-зеленое платье, оттенив его коричневым широким поясом. В тон к поясу — перчатки и туфли на очень низком каблуке.

Парикмахер уложил волосы Айрин в сложную высокую прическу, полностью открыв длинную точеную шею. В ушах покачивались золотые серьги, подвесная часть которых была украшена черными агатами в виде бочонков и опоясывающим их узором из золота.

Сестры Пайти просто распустили свои волосы и подвили их красивыми локонами. Сабина заплела косу и закрутила ее в «розетку».

Любимый гарем Айрин одела в кожаные плотные черные брюки (вспоминая реакцию женщин на Дэйна, девушка решила использовать все козыри, а ее мальчики в коже — это просто джокеры, на такой-то вечеринке!). Дэйну была выдана золотая, с черной тесьмой по краям, безрукавка, короткая, до талии, оставляющая большую часть тела открытой. Штаны были с очень низкой посадкой, держащиеся на бедрах только благодаря вшитой внутри широкой резинке. На ногах — ботфорты. Волосы заплели в тугой колосок, затянув черными лентами, слившимися с косой.

Эйнри одели в брюки такого же покроя, что и у друга. И в безрукавку, сестру-близнеца безрукавки Дэйниша. Отличалась она только чистым изумрудным цветом, подчеркивающим сияние глаз. В золотой косе резко выделялась лента того же оттенка зеленого. На ноги Эйн натянул высокие ботинки на шнуровке.

Лейхию, волосы у которого, если с ними не бороться сразу после душа, вились волнами и были длиной всего лишь до плеч, просто вымыли голову и отняли расческу, пока его кудри не высохли. Вместо безрукавок ему выдали, в качестве контраста, рубаху с длинными рукавами нежно-оливкового цвета. И благодаря этой рубахе все обратили, наконец, внимание на то, что у Лейя волосы тоже отдают рыжиной, как и у Вила. Это послужило поводом для некоторого количества шуток. Надо же было как-то разряжать обстановку? Черные козаки, на таком высоченном каблуке, что еще немного и мужчина стал бы ростом с Дэйна, довершали наряд.

Оставшихся троих парней одели в черные штаны широкого прямого кроя и зеленые футболки, без рукавов, из прозрачной тянущейся ткани,

поэтому очень плотно прилегающие к телу. А на ноги — черные сликеры с зелеными вставками.

* * *

Напряжение просто витало в воздухе. Когда прилетели два воздушных такси, Айрин уже слегка потряхивало от волнения. Эйри с Дэйнишем тихо подшучивали друг над другом, но на самом деле тоже сильно нервничали. В течение вечера мелькать практически голыми задницами перед толпой празднующих женщин, и в качестве защиты иметь только статус, на который уже в середине вечеринки все положат большую толстую гайку — это было, с одной стороны, привычное, а с другой — такое забытое ощущение!

Задницы Хенгета, Майринэ и Адейийляра были прикрыты вообще только штанами. Свою роль закуски на этом празднике парни осознавали, и тоже не очень радовались. Одно дело — вечеринка дома, максимум на сто человек, и совсем другое — дворцовая гулянка. В самом Дворце живет толпа женщин, да еще каждая приглашенная старшая госпожа приедет со свитой.

Лейхио, присутствовавший только на домашних мероприятиях — и то много лет назад — сдерживал внутреннюю истерику только предвкушением большой игры. Ну, и наивной надеждой, что мужчина его возраста охотничий интерес уже вызывать не должен.

35 грейзена 327 года. Дворец.

Приземлиться рядом с Дворцом оказалось не самой простой задачей. Очередь страждущих была в несколько кругов, так что пришлось понервничать в такси еще немного. Сабина ласково взяла руку Айрин в свою:

— Не волнуйся, моя дорогая. Ничего непоправимого не случится, даже если мы сейчас и не выполним намеченный план полностью. Мальчиков никто не замучает насмерть, а если их немного и пощупают по углам, от них не убудет. Если же одному из них удастся заинтересовать наследную госпожу Первого Дома, как мы и планировали, думаю, ему хватит опыта защитить себя от изнасилования.

Дэйи нервничая хихикнул, а Эйри игриво подмигнул сестре, давая понять, что его изнасиловать никому не удастся.

Лейхио вообще даже не повернулся, смотря в окно, на толпы гостей, уже вышедших и идущих ко Дворцу или еще ожидающих в такси своего шанса припарковаться. Такое количество хищниц в одном месте... И он сам, добровольно, шагает к ним в клетку. Да еще и друзей сам предложил подложить под наследную принцессу этого прайда...

Наконец подошла их очередь. Сначала из такси вышли мужчины, потом Дэйн помог выйти Айрин, а Эйри — Сабине. Такси тут же взмыло в воздух, уступив место следующему. Из которого вышли остальные парни и сестры Пайти.

Старшая госпожа дома Вайнгойрт со свитой медленно прошествовали по ковровой дорожке, поднялись по лестнице и вошли в огромный зал.

В зале было не протолкнуться, даже на ступенях двух винтовых лестницах стояли люди. Мальчики, в полупрозрачных шароварах нежного персикового цвета, очаровательно улыбаясь, пытались поддерживать минимальный порядок. С небольшого балкона, под потолком, негромко звучала чудесная мелодия из XVIII столетия, Вольфганга Теофила Моцарта.

— Хрустальное трио, — благоговейно произнес Дэйниш.

Айрин вопросительно посмотрела на мужа.

— Они играют на особых инструментах из стекла: кристаллофоне, веррофоне и пан-флейте.

— Волшебно! Просто волшебно! — девушка замерла, заслушавшись.

— Искусство изготовления этих инструментов мастера Первого Дома передают от сына к сыну, там особое стекло требуется. Музыканты технике игры тоже посторонних не обучают, но если часто смотреть, как они играют, можно научиться.

— Еще скажи, что ты умеешь?! — в голосе Эйна удивление было чуть с горчинкой зависти.

— Нет, но всегда мечтал... Ты видел хоть раз игру на стеклянной арфе? У нас дома стоял кристаллофон, на 26 бокалов. Мать говорила, что кто-то из гарема бабушки умел играть. Так я кругами вокруг ходил и слюной захлебывался. Но эти дворцовые воображали даже за кучу денег не захотели меня обучать. Семейная тайна, тикусйо! Куда нам, простым смертным...

Тут музыка стихла, народ напряженно замер. С балкона зазвучал глухой бас тубы. Мелодия была короткая, людям давали время приготовиться, настроиться, привести себя в порядок.

Огромные двери в глубине зала открылись. Появилось два юноши в прозрачных персиковых шароварах. На них, обручами, были надеты

микрофоны. В которые они радостно сообщили слаженным дуэтом, что Первый Дом полон счастья и радости при виде такого количества гостей, почтивших их своим вниманием. Очень извиняется за небольшую задержку, но очень надеется, что звучание «Хрустального трио» чуть скрасило всем тягостные минуты ожидания.

Затем мальчики начали по очереди выкрикивать фамилии домов, в порядке старшинства и знатности. Дожидались, пока старшая госпожа прозвучавшего дома и ее свита скроются в дверях, и только после этого вызывали следующих.

Дом Вайнгойрт шел в списке пятым.

Айрин застучала каблучками туфель в направлении двери, следом за ней зацокали каблучки сестер Пайти. Дальше, парами, двинулись мужчины. И замыкала процессию Сабина. Возле дверей Сабина перешла во второй ряд, между старшей госпожой и сестрами. Заняв полагающееся ей по положению в доме место.

Айрин сосчитала до трех и перешла по небольшому коридору к входу в другой зал.

У дверей ее встретил очередной дуэт мальчиков в персиковом, гордо прокричавший: «Старшая госпожа Дома Вайнгойрт со свитой», и девушка вошла в «элитный террариум», как она про себя называла это собрание.

* * *

Зал был огромен, прямоугольной формы, двери были строго в углу. Стена рядом с дверью была одним большим аркообразным окном. Вдоль двух длинных стен зала были поставлены диваны, рассчитанные как раз на четверых человек и два ряда столов, заставленных едой и напитками. От диванов до столов было расстояние, которого как раз должно было хватить, чтобы на полу, более-менее удобно, смогли разместиться, ну, не десять, конечно, но шесть рабов — вполне.

Столы были очень низкими, чтобы сидящим на полу не пришлось постоянно вставать и тянуться, мешая этим своим господам смотреть на происходящее в центре зала.

С одной стороны было занято два, с другой — всего один диван. Но Сабина тихо прошептала: «Двигаемся к противоположной стене, к четвертому дому. С третьим домом сидеть рядом даже мне неприятно, а ты, девочка моя, вообще изведешься вся».

Айрин решила не капризничать, а поверить тетушке на слово. Так что

они расположились рядом с четвертым домом, Айзейнштайдт. Сабина тут же поздоровалась и перекинулась парой фраз со старшей госпожой и ее сестрой-хозяйкой, примерно одного с ней возраста. Представила им Айрин. Старшая госпожа представила свою дочь-наследницу. Оказалось, что девушки уже были знакомы, Айсоэль несколько раз приезжала в прошлом году, вместе с Кэйтирионой, на соревнования и снежные бои.

Сабина и Айсоэль временно поменялись местами. Девушки защебетали о своем. Айрин было очень интересно, почему Айсоэль перестала приезжать, ведь ей все очень нравилось. Она даже оставалась один раз до позднего вечера и рискнула потанцевать парный танец с кем-то из гаремных мальчишек.

Все оказалось до банального просто. Айрин и Кэйтириона на поздних сроках в соревнованиях уже не участвовали, большую часть времени болтая друг с другом, и Айсоэль просто стал скучно. А после длительного отсутствия ей показалось невежливым появляться без приглашения, тем более, в дом, где теперь так много детей. Айрин уверила девушку, что соревнования по-прежнему проводятся, и в них снова участвуют и она, и Кэйт. И Айсоэль все будут очень рады.

Пока девушки разговаривали, все гости совершили переход из зала в зал и расселись по диванам.

И только тогда из маленькой секретной двери, вышли Старшая госпожа Первого Дома, ее дочь и остальная свита. Во всех оттенках розового и оранжевого. Айрин про себя порадовалась своему уточненному вкусу.

Вернувшись на свое место Сабина одобрительно погладила племянницу по руке.

После того, как Первый Дом расположился на своем месте поудобнее, в центр зала выбежали «персиковые» мальчики и объявили, что сейчас, пока гости будут наслаждаться едой, их слух будет радовать «Хрустальное трио», а усладой для глаз послужат танцы юных наложников. Тут же появилось человек десять «персиковых» зайчиков, раннего пубертатного возраста, и, под нежное звучание стеклянных инструментов начали извиваться, прогибаться, плавно растекаться... Айрин сразу вспомнила Вилайди. Его бы сюда, он показал бы этим зайчаткам, что такое настоящий эротический танец.

Дэйниш ухаживал за своей женой, подкладывая ей вкусные салатики и держа перед ней тарелку, пока госпожа ела. Очищая фрукты, нарезаая овощи, подливая в бокал разные напитки и создавая свои собственные коктейли. Эйри так же крутился вокруг Сабины. Хенгет и Майринэ

обслуживали сестер Пайти.

Когда Айрин поняла, что в нее не влезет даже во-он то маленькое зелененькое яблочко, Дэйн уgomонился и, обняв ее ноги, положил голову на колени. Смотря при этом в лицо жены влюбленными глазами.

— Золото, нам надо изображать, что ты позабыт и позаброшен, помнишь?

Дэйниш кивнул и грустно вздохнул.

— Волчонок, когда все закончится, мы запремся вдвоем, оставив детей кому-нибудь, хоть на сутки! Не грусти, хороший мой!

Дэйн снова кивнул и чуть улыбнулся.

Мальчики-персики снова выбежали в центр зала, а эфирные вертлявые зайчики мгновенно растворились, лишь мелькнув, на грани видимости, в дверях.

Дорогим гостям предлагалось расслабиться и наслаждаться новой сменой напитков, более крепких, и заодно полюбоваться на конкурсы с участием рабов из свит гостей.

Первый конкурс был на выносливость. Участник от третьего дома заставил сердце Айрин болезненно сжаться. Даже после того, как она оставляла его в Джордане, после наказания, его глаза сияли ярче. Сейчас больше всего его взгляд напоминал того парня, на рыночной площади. В нем просто не было никакого выражения. Даже обреченности. Хотя мальчишка все же вздрогнул, когда громкий визгливый голос старшей госпожи его дома крикнул ему вслед:

— Запомни, щенок, проиграешь — на задницу неделю сесть не сможешь!

На участников конкурса надели специальные вибронасадки спереди и вставили анальные вибропробки сзади. После чего всю эту технику одновременно запустили. Выигрывал тот дом, чей раб оказался самым выносливым и продержался как можно дольше.

От дома Вайнгойрт выпустили Адейийляра, как единственного незанятого в обслуживании женщин.

Девушка шепотом уточнила у брата, насколько сильно их дом опозорится с таким представителем, ведь, в отличие от большинства участников, Адейийляр не заканчивал Джордан. «Зато он с тринадцати лет в таких конкурсах участвует. Он их всех сделает, вот увидите».

Сначала эта фраза Айрин порадовала. Но теперь она просто не знала, как дать парню знак, чтобы он поддался Юйлайнэ.

Участников оставалось всего трое, и мальчишка держался из последних сил. Назвать его спину прямой было нельзя, снова, хотя всего

лишь несколько минут назад один из наблюдающих мужчин выпрямлял парнишку, дернув за волосы вверх.

В глазах мальчика начинало проявляться выражение... Даже не страха, нет. Ужаса.

И Айрин поняла, что теперь точно выполнит задуманное. Да, глядя на вздыхающего Дэйниша, она еще сомневалась, а надо ли им все это? Может, имеет смысл тихо отсидеться в своем домашнем, уютном мирке? Но сейчас она понимала, что выхода у нее нет. Пробовала она привыкнуть к подобному зрелищу — не выходит. Скупить всех мужчин Венги в свой гарем тоже не получится. Так что надо что-то менять в глобальном смысле. А для этого надо пробиться в Совет.

— Эйн, скажи мне быстро, мы можем как-то дать понять Адейийляру, что надо проиграть?

— Малька жалеете? Да запросто.

Эйн быстро показал сложную комбинацию пальцев и Адейийляр, кивнул, закусил губу, закрыл глаза и... Буквально на секунды опоздал. Если придирааться, то у мальчиков была ничья. Но, на самом деле, выигрыш был за домом Вайнгойрт. Что и озвучили беспристрастные наблюдатели.

Юйлайнэ, тоже видевший жест Эйна и, очевидно, знающий его значение, вымученно улыбнулся девушке, пытаясь дать понять, что все равно благодарен за попытку его спасти. И обреченно пошел к своим господам. Тут же получил от старшей пощечину, такой силы, что его качнуло.

А потом Айрин почувствовала на себе полный ненависти взгляд младшей из госпож. Девушке внешне было чуть больше двадцати, но плещущееся в ее глазах море злобы прибавляло сразу еще лет пять. И это чудовище — жена Юйлайнэ?!

Девушка обратила на себя внимание Сабины:

— А вы, совершенно случайно, не знаете, наследница третьего дома уже замужем или это просто сопровождающий ее наложник?

Сабина понимающе хмыкнула:

— Жалеешь маленького зверька? Ему многие сочувствуют. Мужчины в этом доме долго не живут... Ну, у меня для тебя есть радостная новость, официально он пока даже еще не их наложник. Он — сын Кайрлойины, и я могу с ней переговорить, но тогда мы выйдем официально на тропу войны с более сильным домом. Ты уверена, что мальчишка стоит этого?

Айрин ни в чем не была уверена. Трое детей и ее парни против выключившегося сияния в глазах всего лишь одного шестнадцатилетнего подростка? Она подумает над этим завтра!..

Следующий конкурс был в чем-то невиннее, но и посложнее, участвовали в нем парами. Забава называлась «Возбуди другого без помощи рук». Выступали пары по очереди. Раб от одного дома и молодая девушка от другого. Сначала в центр зала выходила молодая девушка, а потом каждый дом предлагал ей своего кандидата. Тайным состязанием был счет, сколько раз выберут рабов из одного и того же дома. Начинали вызывать участниц в обратном порядке важности и значимости их домов. И девочки сразу же бежали к первым диванам, выбирать себе хоть на несколько минут игрушки, которых у них никогда не будет.

Для выбора дом Вайнгойрт предлагал Хенгета, Майринэ и Адейийляра. Парни пользовались популярностью. За ними было уже несколько выигрышей, но, в основном, ничьи. Это когда отведенное время истекло, а оба участника героически не сдались.

Когда вызвали пятый дом, на сцену вышла Рина. Выбрала мальчика из какого-то очень дальнего угла зала. Очередная ничья.

Дом Айзейнштайт выбрал Юйлайнэ. Большеглазое чудо спровоцировало Айсоэль на ласку. Про себя Айрин отметила и то, как легко сдалась Айсоэль, и как зажмурил глаза от удовольствия мальчик. И не она одна. Обе госпожи Ийссайхайрт тоже заметили интерес между практически уже принадлежащим им юношей и наследницей другого дома.

— Паренька ждет бурная ночь, — сквозь зубы процедил Эйри.

«Завтра... Я буду думать об этом завтра!», — про себя, как молитву, шептала девушка, сжимая кулаки и сдерживая слезы бессилия.

Наконец в центр зала вышла младшая госпожа Первого Дома. И ее взгляд тут же замер на двоих, Эйри и Дэйнише. Как загипнотизированная девушка подошла к столику Вайнгойрт и застыла, переводя взгляд с одного парня на другого и обратно.

— А вы считалочкой их, — не удержался и беззвучным шепотом съехидничал Лейхио.

Девушка сделала выбор в пользу Дэйниша. Тот, напоследок не удержавшись и испуганно оглянувшись на друга и жену, двинулся за юной госпожой.

— Лучше бы Эйна выбрала... Дэйн сейчас все провалит! — опять не смог промолчать и блеснул оптимизмом Лейхио.

Но Дэйниш собрался, сосредоточился и... Айрин сама чуть не подпрыгивала, как соблазнительно ласкал себя волчонок, как он выгибался, как...

— Тля! Да он Вилу может дать фору! У меня уже стоит! — Эйр возбужденно облизнул губы, не отрывая взгляда от друга.

— У тебя всегда стоит, — хохотнул нервно Лей.

— Молчите, мальчики! Наша цель, чтобы на Дэйна встало у наследницы! — осадила парней девушка, сама не отрывающая взгляда от собственного мужа.

Зал уже хлопал стоя.

Наследница держала руки за спиной, не делая сама никаких попыток соблазнить экзотического красавца. Просто застыла, и даже дышала, похоже, через раз. Потом она бросила взгляд на мать, потянула руки и нежно провела по телу парня, от ключицы вниз. Прошлась язычком по пересохшим, от волнения губкам. И, на последних секундах, быстро прижалась к парню и тут же отпрыгнула в сторону.

— Все. Спеклась, — констатировал Лейхио.

Потом было еще несколько конкурсов, в которых снова участвовали только рабы.

— Сходи, попудри носик, волчонок! (Дэйн непонимающе посмотрел на свою жену). Твою задницу уже проели глазами, девочка вся извелась уже. Иди, пора. Пока не перегорела, — Айрин незаметно ободряюще сжала руку мужа.

Тот, ловко просочившись под столом, быстро прошагал вдоль зала и вышел в дверь. Наследная госпожа Первого Дома тут же сорвалась за ним следом, несмотря на строгий взгляд матери, попытавшейся даже удержать непослушное дитя за руку.

Переждав некоторое время, Эйри и Лейхио тоже пошли «пудрить носики».

Старшая госпожа дома проводила их долгим взглядом, потом посмотрела на Айрин и похлопала по свободному месту на диване, рядом с собой.

Игра начиналась очень хорошо.

— Здравствуй, юная Вайнгойрт.

— Здравствуйте, первая госпожа Венги.

— Моя темпераментная девочка сейчас подставляет наш дом... Что ты хочешь получить, чтобы замять скандал?

— Всего лишь вернуть место в Совете.

— Это будет не очень сложно. Но будет небольшой скандал и у твоего дома может появиться враг. Готова ли ты к этому?

«У моего дома потенциальных врагов все больше и больше», — грустно подумала девушка.

— Да, я готова. Мне необходимо это место в Совете.

— Хорошо, дорогая. Если твои мальчики и моя девочка разыграют

партию так, как я подозреваю, а ты спланировала, твой Дом снова будет принимать участие в составлении и обсуждении законов. Ты ведь этого хочешь, дитя другой планеты?

— Да.

— Хорошо, иди на свое место и давай ожидать конца игры.

«Это не конец, это только начало», — думала Айрин, пробираясь на свой диванчик.

* * *

Дэйниш вылетел из зала, вдохнул полной грудью свежего воздуха и начал искать место, где он был бы замечен той, которая сейчас вылетит следом, и, одновременно, не замечен для большинства. Заодно включил маячок, чтобы его обязательно нашли парни.

Присмотрел чудное место, на ступеньках винтовой лестницы. Высокие темные закрученные перила, практически полностью скрывали даже его два метра с лишним. Если не приглядываться. Только успел принять непринужденную позу и распустить волосы, как в дверях показалась девушка.

Увидела, подбежала, глаза возбужденно блестят. Застыла, любуясь. Конечно, с распущенными волосами он еще более экзотичен для этой планеты блондинов.

Потянула руку к груди, провела снова сверху вниз, до самого края штанов...

— На тебе совсем нет следов любви, значит, это правда, что она тебя игнорирует и спит только с братом?!

Главное — не засмеяться, надо же изображать чувство горечи от того, что да, правда... И вины, что вот не сумел скрыть, стою тут и слушаю сплетни о своей жене... А еще, наверное, надо воззвать к жалости... Одинокий, позабытый, позаброшенный... Идеальный образец для подражания при передаче подобных эмоций сейчас учится в Академии. Значит, голову чуть набок, глаза в пол, потом исподлобья и искоса... О, да! Работает! Чуть больше вины и жалости... А, да! Еще испуг! Я же один-единешенек, наедине с посторонней женщиной!

Девушка начала сначала ласково, нежно. Дэйн смущенно, но не очень энергично сопротивлялся. Тогда девушка начала действовать более активно, на груди Дэйна уже появились первые «следы любви», и нежные пальчики начали искать вход в его тело.

За спиной раздалось тактичное покашливание Эйна: «Мы вам не помешали, госпожа?».

Девушка отдернула руки, сделала шаг назад, чуть не упала со ступенек. Хорошо, что Лейхио успел ее поймать.

— Что вы хотите, чтобы замять скандал? — обреченно прошептала девушка, чуть не плача. Ведь мама сразу сказала, чем все это закончится, а она не поверила.

— Ну, я думаю надо сообщить нашей госпоже, ведь решать будет она.

И Лейхио полетел на крыльях обратно в зал. Начало большой игре было положено удачно. Он еще не знал, насколько удачно.

При виде сияющего Лейхио обе женщины сразу поняли, что партия разыграна ровно так, как и ожидалось. Айрин вопросительно посмотрела на Старшую госпожу Первого Дома, та, поджав губы, кивнула, давая понять, что место в Совете она получит.

Подошедшему Лейхио было сказано разогнать актеров по местам. Главный акт пьесы был уже сыгран, здесь.

Посидев для приличия еще какое-то время до полного расцвета общего беспредела, Айрин со свитой с чувством выполненного долга отправились домой. Такая встреча первого снега ей не очень понравилась, хотя сама игра и прошла безупречно, как по нотам.

Но первый снег надо встречать не дома, за столом, а на улице. Правда, теперь придется каждый год мучиться в этот день в душном зале Дворца.

А еще очень надо подумать об Юйлайнэ. Очень надо о нем подумать.

Глава 18

Большая игра, действительно, только начиналась.

С давних времен было заведено, что Совет собирается раз в месяц. Для того, чтобы просто весело провести время, или провести весело время и обсудить кое-какие проблемы. Если проблем было много, значит, собирались несколько дней подряд. Но обычно умудрялись уложиться в один день. И о делах планеты пообщаться, и повеселиться, и коктейлей с вейжэ выпить, и игрушками подразнить, похвастаться.

Собирался элитный террариум по семнадцатым числам месяца.

И до первого сбора надо было успеть осуществить вторую часть плана.

Девушка начала активно выезжать с визитами, взяв с собой Эйри и Лейхио. А Дэйниш и Вилайди были полностью погружены в приготовление всего необходимого к назначенной через две недели милой домашней вечеринке.

Айрин знала, что у нее есть актерские способности, не зря играла в дворовом театральном кружке, но тут в ней проснулась просто великая актриса. Она съездила в гости почти в каждый Дом, имеющий своего представителя в Совете. Называлось это все: «Заехала познакомиться, вы же знаете, я не местная. Готова с радостью выслушать пожелания и советы. Ведь наедине можно сказать больше, вы же понимаете?». Для каждой из поездок был еще месяц назад написан отдельный сценарий.

Многие женщины не отличались излишней щепетильностью по отношению к рабам, именно поэтому и ездил Эйри, а не Дэйниш. Да, вечерами Эйн пинал грушу, насиловал Дэйна, накуривался кальяном, хотя, чаще всего, реанимировался в кровати с Айрин. Но психически пережить все это было проще ему, а не принимающему все слишком близко к мозгу волчонку.

Лейхио ездил «играющим тренером». Если вдруг возникала ситуация, когда приходилось импровизировать, сильно отступая от сценария, его советы были очень необходимы. Достаточно часто с ними ездила и Сабина, у которой тоже была своя роль в каждом из сценариев.

Со многими женщинами Айрин уже была достаточно близко знакома, они были и на ее первой вечеринке, и на церемонии зачатия, и потом иногда приезжали в гости. В день получалось от трех до пяти визитов. Это очень сильно выматывало к вечеру.

Да, отнюдь не везде и всюду девушке были рады. Иногда дальше обмена вежливыми фразами дело не доходило, иногда вообще какой-нибудь малек объявлял, что госпожа очень занята и никого не принимает.

На оплату сведений о планах хозяек, необходимых, чтобы обязательно заставить старшую госпожу дома на месте, было потрачено немало денег. Но никакие деньги не могли застраховать от завуалированного отказа пообщаться.

* * *

Успех от сыгранной, как по нотам, первой партии, от, собственно, получения обратно места в Совете, не вскружил Айрин голову. Хотя выдохнули они дома так, что стены закачались.

Конечно, можно было просто подойти к Старшей госпоже Первого Дома и попросить вернуть Вайнгойрт принадлежащее им по праву. Но просто так, без приглашения, подойти все равно бы не получилось. Значит, надо было как-то обращать на себя внимание. По мнению девушки они, как раз, вполне удачно с этим справились. И поведение юной наследницы оказалось вполне предсказуемо. А ведь могла и послушать мать. Хотя кто слушает матерей в этом возрасте? И сведения, полученные Лейхио, что Старшая госпожа лояльно смотрит на все нововведения Айрин и слегка заинтересовалась девушкой, тоже оказались верными.

В принципе, на полученной Лейем информации и строилась эта довольно наглая авантюра. Именно сведения о том, что Первый Дом следит с интересом и скрытым одобрением за Домом Вайнгойрт и послужили стартовой точкой.

Иначе никто бы просто не позволил так откровенно подставлять юную наследницу в собственном доме. И пришлось бы госпоже Вайнгойрт обращать на себя внимание как-то иначе.

Конечно, не только Айрин использовала интерес юной наследницы к своему мужу. И Старшая госпожа воспользовалась сложившейся ситуацией, чтобы показать дочери свою правоту. Ведь плата за обучение была совсем небольшая. Всего лишь выставить из Совета один из не очень родовитых Домов, попавший туда только лишь потому, что Эллессит Вайнгойрт решила расслабиться на старости лет. И вернуть это место заинтересовавшей ее девочке. За которой теперь будет удобнее наблюдать.

Наконец две недели, отведенные на визиты, закончились. Из пятидесяти девяти Домов, имеющих место в Совете, девушка и ее свита не посетили только Третий Дом, Ийссайхайрт, и то не по своей вине. Моральное изнасилование над собой Айрин совершила, в надежде, что может быть в спокойной, уютной атмосфере им удастся добиться если не сотрудничества, то хотя бы нейтралитета. Но Ийссайхайрт не удосужились даже напрямь малька на вежливый посыл, силовое поле просто не пропустило воздушное такси с гостями на территорию. Этот дом уже можно было официально относить к лагерю врагов. Так же как и тот дом, который выставят на следующих элитных посиделках.

Дальше порога девушку не пустили всего лишь в семи домах.

В остальных домах ее напоили чаем, но вежливо (или не очень вежливо) дали понять, что они — сторонники ужесточения контроля за соблюдением «Кодекса». Всеми. И рабами, и госпожами, и, особенно, инопланетными гостями. При этом, даже если рядом с фамилией Дома не появлялось галочки «наш сторонник», однако старшие госпожи могли расстаться вполне довольные друг другом.

Девушка не рассчитывала, что женщины, столько лет живущие в своем изолированном от других планет садистском мирке, сразу согласятся пересмотреть свое отношение к мужчинам. Она не планировала мгновенную революцию, а вынашивала идею реформ и внесения поправок в «Кодекс». Мягко, аргументированно, поэтапно. Поэтому ей важны были как раз хорошие, спокойные, добрососедские взаимоотношения. Так что, двадцать четыре визита можно было считать успешными.

Откровенных сторонников у девушки нашлось всего лишь пятеро. Среди них, как ни странно, оказалась Клаусийлия Альцейкан.

— Дорогая, мне, конечно, нежно нравится развлекаться со своими рабами, и я не смогу воспринимать их как разумных существ, уж извини. Но для инопланетников мы должны создать видимость приличий. Все же, на других планетах власть принадлежит мужчинам, и они любят разговаривать с себе подобными. Для этого в каждом доме надо держать пару-тройку зверьков, похожих на твоих любимцев. Да, в принципе, хватит и одного, посообразительней. И, конечно, он должен иметь право вылета с планеты. Мне кажется, оптимально будет провести закон, позволяющий вывозить с собой своих мужей. Во-первых, их не бывает очень много, во-вторых, их все же может быть больше одного. То есть, я смогу держать у

себя мужем такое вот распущенное создание, как твой брат, например, и еще одного, нормально воспитанного раба.

Айрин пребывала в шоке от такой речи. Когнитивный диссонанс от происходящего полностью выносил мозг. Она, в большом гостинном зале, сидя в кресле, с Эйри и Лейхио у ее ног, выслушивает революционно-новаторское предложение от госпожи Клаусийлии, у ног которой сидит затравленный блондинчик, вздрагивающий от каждого ее прикосновения.

На обратном пути Эйри и Лейхио просто не могли найти слов, чтобы внятно передать обуревающие их эмоции. «Тля» и «Ух ты!» не являлись информационно несущими. Так же как и «Тикусйо!», которое выдал Дэйн, после того как друзья, перебивая друг друга и пытаясь хоть как-то сохранить на лице невозмутимость, а не напоминать экзальтированных барышень, пересказали ему в лицах и дословно весь диалог.

* * *

Вилайди сохранял на лице нордическое выражение все то время, пока говорили об его и Дэйниша бывшей госпоже. Потом демонстративно фыркнул и удалился. Дошел до своей с Эйном комнаты, упал в кровать и расплакался. Благодаря этой женщине у него никогда не будет детей, он никогда не сможет никуда выезжать со своей госпожой, он сидит в этом доме... Он...

— Малек, прости, я не подумал, что это так тебя расстроит!

Эйри тихо подсел рядом и просто поглаживал своего всхлипывающего котенка по спине.

Конечно, можно было начать распинаться, что все кругом космическая пыль, кроме кусучих зудящих насекомых, но, если уж быть честным, принудительную стерилизацию космической пылью назвать было очень сложно.

— Ты думаешь, я детей не хочу?! — почти успокоившись, перевернувшись на спину и безучастно смотря в потолок, спросил Вил.

— Ну сейчас, думаю, детей тут хватает, — попробовал отшутиться Эйн. Посмотрел на лицо своего малька, грустно вздохнул и прилег рядом.

— Да понимаю я все. Прости. Был кретин, не подумал. Ты, кстати, обратил внимание, как на тебя госпожа последнее время смотрит?

— Обратил, — тихо прошептал Вилайди и испуганно посмотрел на Верхнего: — Хочешь напомнить, что если случись что?..

— Да нет, малек, я как раз хотел бы... В общем, если вдруг что — я не

против.

Вилайди снова перевернулся на живот, чтобы лучше видеть лицо своего любимого. Долго смотрел ему в глаза и о чем-то размышлял.

— Ты из жалости?.. чтобы я все-таки с женщиной попробовал по-нормальному, да?! А никому, кроме госпожи, я...

— Дурень ты малек, и не лечишься! Оглядиись внимательно, за тобой молодые служанки и хозяйки стайками выются. Я просто буду ревновать дико, если ты с кем-то кроме госпожи... А госпожа все равно тебя возьмет, если захочет. Я уже устал переживать из-за нее... Да и смысла никакого нет. Вон Дэйн весь с Мийлийяшем извелся, а толку?! Да и сам я не образец добродетели, чего уж там. Так что, если что, разрешение от меня ты получил. Карать не буду, — и Эйн, усмехнувшись, ласково погладил своего любимого мальчика по щеке. — Смотри-ка, ты стал совсем большой. У тебя уже растут волосы.

— Да? Где? — Вилайди испуганно провел рукой по лицу.

Эйнри развеселился так, что чуть не свалился с кровати.

— Да везде уже, малек! Просто везде! Придется устраивать всенародное празднование по повышению тебя из мальковского звания!

Вилайди сначала решил обидеться, потом передумал и тоже рассмеялся. И тут же погрузился.

— Верхний, у нас будет одна двухметровая проблема...

— Мда... — Эйн представил реакцию Дэйниша и ему тоже слегка взгрустнулось, — Дэйн тебя поймает и кастрирует, тупым ножиком. Или просто оторвет... Тля! Ладно, надо переждать, пока его от Мийлийяша отпустит, а то я прямо за вас двоих волноваться начинаю.

— То есть, вот так сразу и за двоих?! — с обиженно-ревнивой ноткой в голосе переспросил Вил.

— Конечно. Ты же у меня тоже мальчик не слабенький, — Эйнри не выдержал, и все же полез целоваться. Ну и не только целоваться...

* * *

Дом Маргойлин пропустил празднование первого снега по не очень приятной, но вполне банальной причине. Кэйтиайриона простудилась, бегая в легком платице по двору. А гряйзен славится не только дождями, лужами и грязью под ногами, но еще и холодными ветрами. Так что, вместо первого посещения Дворца в роли Старшей госпожи Девятого Дома, Кэйт пила лечебные настои, сделанные по личному рецепту тетушки Ойливы.

Но сухой надрывный кашель никак не желал успокаиваться, мешая спать, есть, жить...

И вот, проснувшись утром, за два дня до запланированной подругой вечеринки, девушка поняла, что абсолютно здорова. Радостно попрыгала на кровати — кашель не появился.

Конечно же, первым делом сообщила подруге, что готова принять ее приглашение и уточнила максимальное число сопровождающих. А также выяснила один немаловажный для себя момент — с кем из них двоих будет на этой вечеринке Эйри.

По затянувшейся паузе, во время которой девушка даже затаила дыхание от волнения, стало понятно — Айрин срочно ищет повод для отказа. Кэйтириона ее прекрасно понимала. Эйри — это же Эйри! Но, в конце концов, ведь он ее муж!!!

Она уже приготовилась, наступив на горло собственной гордости, попросить соперницу уступить, потому что требовать предоставить себе личного раба чужой госпожи было несколько невежливо, да и бессмысленно. Но тут Айрин, тяжело вздохнув, согласилась. Правда, дальнейший разговор прошел более напряженно, и искренней радости от сообщения об излечении подруги в голосе собеседницы поубавилось.

«Ну и ничего страшного, — фыркнула про себя Кэйт. — Подумаешь! Она-то пойдет сейчас и утешит бедного страдальца...».

Девушку раздирали противоречивые чувства. Душа ликовала, и торопила время, чтобы поскорее настала эта долгожданная встреча, и в то же время внутри снова заворчалось глухое раздражение. Если бы мать вовремя оформила договор, Эйри был бы сейчас рядом с ней, только ее, и не пришлось бы каждый раз унижаться перед Айрин лишь для того, чтобы побыть с человеком, о котором думала постоянно, дни напролет. Вот ведь! Как бы она не старалась отключиться, перенести внимание на кого-то из своего гарема, все равно, мысленно она теперь каждого сравнивала с мужем. Когда же только пройдет это наваждение!.. Нельзя так привязываться к рабам! Она ведь была отличницей по теории, как же умудрилась так вляпаться???

Надо срочно вызвать Айкейнури, или лучше, наконец, попробовать новенького? Девушку немного расстраивало то, что нового раба она так и не успела испытать. Надо же было так не вовремя заболеть! И праздник пропустила, и раба толком даже пощупать не успела, как скрутил этот проклятый кашель. Интересно, что с ним? Шайн обещал прикрыть от Айка, но сумел ли? Женщинам Дома было сказано, чтобы его, пока не трогали. И вряд ли кто, кроме матери, осмелится послушаться, но если мама

добралась... Ох! Кэйт решила, сразу же после завтрака, проверить, что же все-таки она приобрела.

За едой девушка размышляла, кого бы ей взять с собой. Естественно, она возьмет Айка, Шайна... Рыжика, пожалуй, тоже можно взять. Мальчишка умеет терпеть, пора его в свет выводить. Рэй? Нет, это еще слишком темная лошадка. Интересно, будет ли Айрин в этот раз устраивать конкурсы? На прошлой вечеринке их было не так уж много. Хотя на прошлой и не планировалось сразу столько гостей... Но может, все-таки рискнуть?

С мыслей о своих рабах Кэйт снова перескочила на мысли о муже, представила его спину, покорно согнутую в приветствии, сильные плечи, по которым водопадом рассыпается распущенная коса. Как приятно запустить руки в его густые волосы, а потом с силой потянуть за них, чтобы он поднял лицо и, как всегда, со смесью восхитительной покорности и порочности, прячущейся в глубине зрачков, взглянул на нее, ожидая приказа. Представлять же его полностью обнаженным, в своей кровати, и вовсе не следовало. Надо побыстрее закончить завтрак, а потом удовлетворить возбуждение, вызванное смелой фантазией разыгравшегося воображения.

Кэйт вздохнула... Айрин не так давно рассказывала ей о Мийлийяше и о том как она подозрительно сильно привязалась к этому мальчишке. Вот, кажется, что-то похожее произошло и с ней по отношению к Эйну. Как с этим жить? По меньшей мере, просто стыдно даже признаться кому-то в такой слабости. Совершенно недостойно Старшей... И все же...

— Эйри-и... — тихо простонала Кэйт.

* * *

Эйри в это время сидел у себя в кабинете, в кресле, нога за ногу. И выслушивал брюзжание Дэйниша, сводившего очередной раз дебет с кредитом, вернее концы с концами.

— Тикусйо! Как не вовремя мы влезли в эту политику! Опять весь свободный запас денег шушарам под хвост!

— А в политику, когда не влезь, всегда не вовремя, — глубокомысленно изрек Лейхио, оккупировавший второе кресло, чтобы проанализировать, в хорошей компании, итоги второго этапа, и монотонно забубнил:- Не считая нас, пятьдесят девять домов. Из них Ийссайхайрт мимо порта, значит уже пятьдесят восемь. Послали нас прямым текстом

семеро, обводим черненьким. Остается пятьдесят один дом. Маргойлин, Альцейкан и еще три дома совсем за нас. Зелененьким покрашу, как глазки у Сайни, — хихикнул и продолжил: — Еще в двадцати четырех вкусно покормили и мило пожурили за избалованных нас. Пусть будут за это коричневые. Так, что у нас остается? Двадцать два дома в нейтралке. Серенькие. Ну, не лучший результат, конечно. Двадцать два и восемь — как раз половина Совета и получается. Надо бы пару-тройку сереньких к коричневым... Кстати, Эйн, где список гостей, подтвердивших приглашение?.. Ух ты, а твоя жена чего нас игнорирует? Так и болеет?!

Тут в кабинет постучалась, — с некоторых пор она предпочитала сначала предупреждать мужчин о своем появлении, — и вошла Айрин.

— Дом Маргойлин подтвердил приглашение. И, — тут Айрин слегка покраснела, — Эйну придется изображать добропорядочного супруга.

— Тля-а! — раздалось с кресла, где сидел будущий представитель добра и порядочности в семейных отношениях. — Госпожа, ну хотите, я на колени встану?

Айрин подняла, изумленно-вопросительно, левую бровь. Эйри понял, что начал как-то не так, схватил девушку за руку и потащил ее по коридору к лестнице.

— Милая, дорогая, любимая, умоляю, дай мне выдохнуть, пожалуйста! Я две недели был хорошим, покорным и терпеливым. Ну не хочу я всю вечеринку любоваться на тебя краем глаза, изображая бесконечную любовь к другой женщине! Госпожа? Моя госпожа...

Парень опустил на колени и уткнулся лицом Айрин в живот. Надеясь, что хоть эта, уже не так часто принимаемая им поза, разжалобит сестру.

— Эйри, я все понимаю. Но потерпи еще немного. После семнадцатого мы все выдохнем, съездим в Космопорт и погуляем там вдвоем. А пока, пожалуйста, побудь еще немного хорошим мальчиком. Договорились?

Девушка легким нежным касанием за подбородок подняла голову брата вверх, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Договорились... — обреченно вздохнул Эйн.

Айрин оторвалась от лица брата и встретила взглядом с тоскующим взором Дейна. Ее волчонок стоял у лестничной площадки, закусив губу, сжимая и разжимая кулаки. Поймав взгляд жены, Дэйниш вымученно улыбнулся.

— Простите, что помещал, но... Пришел Вил, сказал, что Дэйник плачет. Я пойду к детям, хорошо?

— Хорошо. Я сейчас тоже приду к вам, — улыбка девушки была такой же вымученной, как и у мужа.

Как только Дэйн скрылся из виду, Айрин, тихо, по стенке, сползла на пол, откинула голову назад и всхлипнула, глядя в потолок ничего уже не видящими от слез глазами.

— Почему вы все считаете, что я — железная?! Я тоже устала!!! Устала...

Эйнри с надеждой оглянулся, потому что реплика «Простите, госпожа, я был кретином» у друга получалась гораздо эмоциональнее. Но, к сожалению, на площадке они были вдвоем. И перевести все сейчас в секс было бы нечестным по отношению к ожидающему свою жену Дэйнишу. Почему друга накрыло пыльным мешком, Эйн догадывался. Из-за упоминания про Космопорт. Вечером надо будет посидеть, поболтать, может и не только... И Дэйна отпустит. Но, если сейчас к нему срочно не отправить адекватную госпожу, он выебет себе мозги по самые пятки. Осталось совсем немного — успокоить сестру.

— Айрин? Госпожа? Простите. Мы все в таком напряжении последние дни. А вы так хорошо держитесь, моя госпожа! Конечно, мы ведем себя как эгоистичные кретины, согласен. Простите, ну пожалуйста! — Эйн, подсев рядом, обнял девушку и та уткнулась ему в плечо, успокаиваясь от любимого, родного запаха его тела.

— Сильно видно, что я плакала?

— Ну... Нет. Но Дэйн заметит. Скажите, что из-за меня, может поможет?

Брат и сестра понимающе переглянулись.

Парень уже, наверняка, начал себя накручивать за эту маленькую сцену у лестницы. Как в такой красивой оболочке смогло заселиться такое огромное количество откормленных тараканов?!

Айрин ласково поцеловала брата в щеку, и пошла спасать Дэйниша от самого себя.

* * *

В сущности все было не так уж плохо. Да, несколько причитаний из серии «Я эгоистичный кретин» прозвучали в голове Дэйна. Но через минуту общения с детьми все депрессивные мысли его покинули.

Старшие активно учились стоять, опираясь на все, что попадется под лапки. Младший, Кэйттар, пытался научиться садиться из положения

полулежа, потому что из положения лежа садиться не удавалось абсолютно никак. Цепкие лапки хватались за висюльки детского турничка и довольное маленькое тельце приподнималось и гордо оглядывало мир: «Видите, какой я?!». Дэйна очень веселил этот взгляд, только по нему одному уже можно было определить, кто отец этого ребенка.

Глазенки Азари уже давно поменяли цвет с серо-голубых на серо-зеленые и, с каждым днем, зеленели все больше. Но изумрудного сияния матери и дядей им, очевидно, достигнуть не удастся. Но и серо-зеленый — тоже красивый цвет. Чертами лица девочка напоминала отца, маленький миленький лисенок-волчонок. Скорее лисенок, потому что хитра была не по возрасту.

Дэйник смотрел на мир глазами отца с лица дядюшки Эйна. Кэйтара и Дэйна-младшего можно было принять не за троюродных, а за родных братьев. Причем, близняшек. Условная разница в возрасте, так заметная сейчас, через год уже не будет бросаться в глаза.

— С ними ты совсем другой... — голос жены вернул Дэйниша к реальности.

Айрин уселась на ковер, рядом с мужем. Положила голову ему на плечо, и тоже залюбовалась на детей. Дэйн, обняв жену, сидел и чувствовал, что жизнь прекрасна и удивительна.

— Она же ну вылитый ты! И смотрит так же, чуть наклонив голову! — девушка радостно засмеялась. Дочь будет просто сказочной красавицей! Тем более с этим контрастом между темными волосами и светлыми глазами. — Жаль, у Лейхио детей нет.

Два маленьких мальчика рядом с дочерью, сыновья ее любимых мужчин, подвели к грустной мысли, что у третьего мужчины с сыновьями все очень сложно.

— Да вроде Лей не очень грустит по этому поводу, — Дэйн попробовал представить старшего друга в роли отца и ему как-то не очень это удалось. Зато вспомнился другой... Ну, можно сказать, что друг. Все же уже столько времени рядом.

— Из Вилайди получится чудесный отец... — начал и тут же замолчал, вспомнив, что не получится. Как-то в голове не укладывалось, что вот так, просто и без затей... Хотя могла ведь и вообще все отрезать, чего уж там... Дэйниша даже передернуло, как только он об этом задумался.

— Скажи, мой хороший, что ты думаешь насчет Юйлайнэ?

— Денег больше нет, совсем нет больше свободных денег! На вечеринку уйдут последние резервы. — не то чтобы в голосе Дэйна

заввучала паника, скорее он просто слишком эмоционально констатировал этот прискорбный факт.

Да, парнишку было жалко. Реально очень жалко. Но таких парнишек — легион. А в доме подрастают трое собственных малышей. И одна из молодых хозяек беременна, на последних сроках. Значит, опять затраты... Надо станок какой-то придумать, что ли. Чтобы деньги печатал. А если серьезно, то неплохо бы пару идей по пополнению бюджета с отцом и Крисом обсудить. Если все сложится удачно, тогда можно будет рассказать Эйну и госпоже.

— Успокойся, мой хороший, я не хочу его к нам в гарем — Вилайди же умом тронется от ревности.

— Для госпожи Айсоэль?

На празднике только слепой не заметил искры, промелькнувшей между этими двумя. Хотя Юйлайнэ, конечно, значительно младше, но это было моральным препятствием только для воспитанной на другой планете Айрин.

— Да... Просто очень хочется успеть до вечеринки, и так забыли про него на две недели. С учетом того, что эти странные люди даже не пустили нас на свою территорию, думаю, хуже наши отношения уже не станут.

Дэйн горестно вздохнул, прикинул про себя стоимость обучения в Джордане, добавил туда стоимость самого Юйлайнэ... Суммы, отложенной для покупки детям большой детской площадки, как раз должно было хватить.

— Завтра поедете?

— Знаешь, хотелось бы сегодня. Ты съездишь со мной?

— Да... Конечно.

— Тогда я пойду скажу Сабине. Она с утра уже договаривалась, предварительно, с матерью Юйлайнэ. Как ты думаешь, почему Ийссайхайрты до сих пор не предъявили на него права и не забрали к себе?

— Думаю, потому что он еще не достиг семнадцатилетия. С этого возраста мужчина считается идеально готовым к зачатию.

— Но они могли просто забрать его себе...

— Наверное, его первая госпожа не такая уж жадная до денег оказалась. Дала сыну шанс пожить еще немного дома.

Да, Айрин очень хотелось верить, что мать Юйлайнэ адекватная на голову женщина.

Кайрлойина уже была в курсе, зачем к ней пожаловали гости. И тоже посчитала, какую сумму она может получить за сына. Причем, это будут наличные, лично ей в руки. Вот только что же сделать с договором, заключенным между ней и старшей Ийссайхайрт?

Все дружно сели вокруг большого стола и начали вдумчиво читать содержание договора. Все было составлено идеально, у Третьего Дома был отличный нотариус.

Мальчик, в сущности, принадлежал Ийссайхайртам с той минуты, как они начали оплачивать его обучение.

Дэйниш задумчиво перечитывал договор в пятый раз и вдруг:

— Тикусйо! Смотрите, госпожа! Статус в возрасте от шестнадцати до семнадцати — не сын, а раб.

Все внимательно уставились на текст. Да, в нем подробно и с указанием всех возможных нюансов расписывались права и обязанности сторон от десяти до шестнадцати лет Юйлайя. А далее шла фраза: «По достижению семнадцатилетия Юйлайнэ, раб госпожи Кайрлойин, из Дома Криейейвс переходит в гарем семьи Ийссайхайрт в качестве мужа госпожи Вейтийланы Ийссайхайрт».

И тут-то и возникал интересный момент.

Мальчишка, даже став трижды рабом другой семьи, все равно оставался бы «сын госпожи Кайрлойин», но снобистские замашки нотариуса Дома Ийссайхайрт заставили его в договоре написать «раба», вместо «сына». Так что, счастливо выдохнув, женщины оформили между собой договор купли-продажи собственности, и раб госпожи Кайрлойин, исчез, превратившись в раба госпожи Айрин.

Госпожа Кайрлойин честно взяла деньги только за стоимость Юйлайнэ, как выпускника Джордана, и небольшую сумму за будущий нервный стресс при выяснении отношений с госпожами Ийссайхайрт. А также получила право бесплатно пользоваться услугами нотариуса Дома Вайнгойрт.

* * *

Дэйниш, счастливый, что так дешево отделались, сиял, сидя в ногах своей жены. Наслаждаясь редкими минутами, когда она принадлежала только ему.

Сабина размышляла над тем, что сможет незаконного предпринять против ее девочки Третий Дом. Потому как законно они могли выставить

претензии только Кайрлойин, да и то что-то типа «за моральный ущерб». Никто не мешал им забрать мальчишку себе сразу после выпуска. Но, в отличие от остальных, Сабина точно знала, почему этого не произошло. У Вейтийланы уже было трое мужей. Одному из них как раз вот-вот должно было исполниться тридцать, и его должны были заменить на Юйлайнэ. Про наличие троих мужей, а не двоих, по официальной версии, Сабина знала только благодаря тому, что тридцатилетним мужем был ее собственный племянник. Главное, не проговориться бы никому об этом, а то девочка побежит спасать и его тоже. Иех, шуму будет из-за этого новенького мальчишки... Скандал на всю Венгу, точно. Хотя, это только послужит ее девочке дополнительной рекламой. Но теперь придется опасаться мелких и крупных незаконных гадостей. Да и в Совете Ийссайхайрт будут теперь голосовать против всех предложений племянницы.

— Волчонок, у нас с собой остались какие-то деньги?

— М-мм... Да, — Дэйниш напрягся и его сияние слегка потускнело.

— Тогда заедем на полчаса к Клаусийлии.

— Дорогая, а к ней-то нам зачем?!

Сабина уже запланировала кучу дел, которую она успеет переделать, вернувшись домой.

— Всего на полчаса, тетя! — Айрин сделала умоляющее выражение лица, и Сабина тут же растаяла.

Госпожа Клаусийлия немного удивилась неожиданному визиту, тем более, что завтра она должна была сама подъехать к Вайнгойртам в гости. Но Айрин, отведя женщину в сторону от остальных, запинаясь и смущаясь, объяснила ей причину.

— Балуешь ты своих зверьков, девочка! Но хорошо, я готова подписать договор купли-продажи задним числом. Платить ты мне будешь по стоимости выпускника Джордана? — Клаусийлия снисходительно улыбнулась Айрин. Девочка ей нравилась. В ее ласковом отношении к рабам женщина находила сходство с собственной страстью к кошкам, которые полностью заполонили ее дом. И абсолютно разбаловались, как и рабы Вайнгойртов.

Дэйниш отсчитал требуемую сумму, получил на руки очередной договор о купле-продаже собственности, прочел имя покупаемого раба и изумленно распахнул глаза.

В это время Клаусийлия внимательно изучала стоявшего за спиной Дэйна Юйлайнэ.

— Я не ошиблась, дорогая? Это будущий третий муж Вейтийланы?

— Вы не ошиблись, на празднике во Дворце он был с ней, но сейчас

он принадлежит мне.

— Дорогая, за эту прекрасную новую сплетню я готова уступить тебе племянника со скидкой. Тем более, он же порченный товар. Ты совсем не использовала этот аргумент, и абсолютно зря. Я люблю торговаться, это так захватывает!

Услышав последние фразы Сабина, до этого сидевшая в кресле и пытавшаяся понять, что же происходит, энергично приступила к торгам:

— Значит минус пятьдесят процентов, дорогая? — настоящая Хозяйка сможет поторговаться, даже если не очень понимает, что именно покупает госпожа ее Дома.

Женщины весело рассмеялись и к Вайнгойртам обратно вернулось пятнадцать процентов от стоимости Вилайди. С этой минуты, по закону, обычного наложника в гареме Айрин.

Основная задача теперь была только в том, как бы аккуратно вывести с лица парня клеймо.

* * *

Домой вернулись счастливые и возбужденные. Даже Сабина.

В конечном счете, Дом Альцейкан хоть и стоял во втором десятке по знатности, но в реальной жизни значение имели связи, энергия и ум старшей госпожи, финансовое положение, а не место дивана в зале Дворца. Ийссайхайрты, конечно, не бедствовали, но если Клаусийлия была просто извращенная садистка, причем в милом семейном кругу, то Вейтийлана с матерью славились именно своей физической жестокостью. На их счету было несколько замученных до смерти рабов. А это не одобрялось даже среди женщин Венги. Все же рабы проходили под категорией «животные домашние», а не мебель. А за жестокое обращение с животными закон наказывал. Штрафами. Ну, и отчуждением от общества. Характер у матери и дочери был темпераментно-взрывной, склочный и злопамятный. Так что, приобретая таких врагов, очень хорошо, что ее девочке удалось, в качестве компенсации, получить поддержку Клаусийлии Альцейкан.

* * *

Сначала Вилайди увидел Юйлайнэ. Осмотрел того с пяток до головы и обратно. Раза три.

Юйлай прятался за спину Дэйниша и оттуда испуганно стрелял глазками, изучая обстановку. И как-то сразу понял, что этому высокому стройному парню он чем-то очень сильно не приглянулся. Парень был красивый, аж сердце замирало. Правда, тот, за чей спиной он сейчас скрывался, был еще красивее. А еще у них должен быть спокойный такой, уверенный в себе, блондин. Но этого, темненького, он запомнил лучше. Его запах еще долго преследовал Юйлайнэ. А уж выступление этого красавца во Дворце перед наследницей!.. Когда даже его будущая жена, сжав покрывало дивана пальцами, следила не отрываясь, а потом долго плевалась ядом от зависти... Прости его, Матерь Сущего, за такие мысли...

* * *

Когда Юйлай увидел во дворе ту самую госпожу, что год назад отымела его, вместе со своими рабами, так, что он два дня сидеть не мог нормально, а спать спокойно — еще не менее полугода... Внутри него все сладко замерло. Большую часть времени он проводил у своей будущей жены, но после наказания, которое он... Наверное, заслужил... Да, конечно, он его заслужил. И конкурс проиграл позорно. И... Не удержался, выдал себя, когда рука той девушки... Его последний раз так ласкали почти год назад, как раз руки именно вот этой госпожи, что сейчас стояла во дворе и смотрела на него. Хорошо, что после наказания ему разрешили пожить немного дома. Менять повязки на изрезанной ножом спине желающих в гареме у жены не оказалось. А дома, все-таки, о нем позаботились. И теперь он еще раз встретился с этой женщиной. И... Ее умопомрачительным мужем.

Подслушивать, конечно, очень не хорошо, но Юйлайю было так любопытно, просто аж зудело. И он тихонечко прокрался в комнатку возле гостиной, в которой у него была проделана маленькая дырочка. Еще в раннем детстве расстарался. Пытался проследить, когда же Тетушка Хойлойдрийга приходит и раскладывает по всей гостиной подарки. Тогда он уснул, прямо в этой комнатке, и отец, прижав его к груди сильными руками, перенес юного разведчика на кровать, к остальным детям. А на следующий год он уже знал, что никакой Тетушки нет, и отца тоже... Уже нет. Ему даже не дали с ним попрощаться, усыпили, когда Юйлай был в лагере. «Чтобы зря не расстраивался!». Мальчишка быстро вытер кулаком нос, и засунул этот нос в дырку стены. То, что он слышал, заставило его еще раза два повторить трущее движение кулака рядом с носом.

Приехавшая госпожа и его мать читали брачный договор. Его, Юйлайнэ, брачный договор. И пытались найти в нем ошибку.

Юйлай уже давно нашел эту ошибку, хоть беги и кричи им об этом. Он спал с копией этого договора последние пять лет, знал его текст наизусть и знал, что там, в одной из последних строчек, пряталось его спасение. Только ему как-то в голову не приходило, что его пожелают спасти. Связываться ради него с Ийссайхайртами? Да он ради этой госпожи... Мать Суцего!!! Ну позови же меня, мама! Я скажу вам, где ошибка! Про себя Юйлай решил, что если вдруг никто так эту ошибку и не обнаружит, он, забыв о приличиях, подбежит к тому черноволосому красавцу и все ему скажет. Это же не будет так вызывающе, как если бы он подошел к его госпоже? Когда, наконец, ошибка была найдена, Юйлай выдохнул от облегчения так, что даже испугался. А вдруг в гостиной его услышали?

Потом он сидел и до конца не верил, что там, сейчас, реально пишется и подписывается договор об его купле-продаже, и что он переходит в другой дом, другой госпоже. Он будет жить в одном доме с этим черноволосым парнем?! Мать Суцего! Он обратит на себе его внимание, чего бы ему это не стоило!

* * *

И вот он стоит во дворе своего нового дома, и из-за спины самого желанного для него сейчас мужчины смотрит на высокого, стройного, красивого парня, чуть старше его самого. Что он ему плохого сделал?! Хотя... Может это парень Дэйниша? Да нет, не похоже. Не обнялись, не поцеловались... А вот и тот блондин, чтобы в Джордане с ними третьим.

— Вы все-таки притащили домой и это недоразумение, госпожа? — Эйпри не знал, то ли плакать, то ли смеяться, то ли умиляться на желание сестры скупить к себе в гарем всю мужскую часть Венги.

— Точно, в гареме же народу у нас мало, а денег навалом, — поддержал друга Лейхио. — Только от одного избавились, получайте новую малолетнюю радость. Теперь Ийссайхайртов можно из разряда «прошли мимо и не поздоровались», переносить в разряд «при виде них прятаться и прикидываться тряпочкой». Я во Дворец больше без защитного поля не поеду. Можете считать меня параноиком, госпожа!

Айрин грозно зыркнула на двух своих разбушевавшихся мужчин, потом перевела взгляд на сверкающего глазами Вилайди.

— Вил, подойди ко мне, у меня есть для тебя подарок.

— О, так это большеглазое чудо даже не нам с тобой, а твоему котенку! — сострил Лейхио.

— Мальчишки, вы так шумите, как будто еще несколько часов назад не поняли, что он появится в нашем доме.

— Да поняли мы, госпожа... Еще когда вы за ним поехали, поняли. Дэйн рассказал, — Эйпри примирительно улыбнулся, — но поругаться для приличия же надо. С вами, если не ругаться, придется еще один дом скоро строить, исключительно под мужскую половину. Этажей на пять.

— Маловато будет, — скептически хмыкнул Лейхио и, не выдержав, засмеялся. — Этажей на десять сразу строить надо.

В это время Айрин тихо передала Вилайди договор об его купле-продаже и парень застыл, пытаясь осознать тот факт, что он теперь полноправный член общества. Ну, условно полноправный, все-таки, это был договор о продаже, а не о смене половой принадлежности. Вил поднял глаза на Айрин, сглотнул комок в горле, сморгнул глазами влагу с ресниц, еще раз посмотрел на договор... Дрожащей рукой протянул его Эйпри со словами: «Проведи там у себя...» и быстрым шагом двинулся к озеру.

— Надеюсь не топиться? — нервно пошутил Эйн, пробегая глазами текст на бумаге. Провел рукой по лбу, прочел текст еще раз и поднял глаза на сестру: «Что ты ей пообещала за это?».

— Мы просто выплатили госпоже Альцейкан стоимость выпускника Джордана, правда с пятнадцатипроцентной скидкой за брак, — ответил вместо жены Дэйниш.

Кулаки Эйна сжались так, что ногти до боли врезались в ладонь.

— За брак, значит....

— Эйпри, сейчас же успокойся!

— Я спокоен, моя госпожа! Можно мне пойти к своему бракованному парню и успокоить и его тоже?

— Да, конечно. Только договор отдай Дэйну, он отнесет его к вам в кабинет.

Эйн быстро скрылся следом за Вилайди. Лейхио протянул руку и взял документ, из-за которого разыгрывались такие страсти, прочел.

— И вместо «спасибо» эти двое изобразили оскорбленных в лучших чувствах и скрылись в туманной дымке? М-да... Куда катится мир?! Ладно... А это чудо к нам надолго или так, перекантоваться? — Лейхио с интересом оглядел новое приобретение. Уже не просто скрывающееся за спиной Дэйна, а бесстыдно спрятавшееся к нему под руку. Юйлай, под шумок, приступил к осуществлению своего плана по завоеванию тела, а если очень повезет, то и сердца черноволосого красавца.

— Даже не знаю. Вообще-то я хотела предложить его Айсоэль, но, похоже, придется подарить Дэйнишу. Тем более у него скоро день рождения... — и девушка тоже многозначительно посмотрела на сияющее, как начищенная монетка, личико Юйлайнэ. Тот сразу принял приличный вид, даже попытался выскользнуть из под руки Дэйна, но его не отпустили, а наоборот, прижали к себе еще сильнее.

— Дарить его мне не надо, а обижать, пока он у нас, не дам. — и Дэйн предупреждающе взглянул на друга. Тот сделал невинное выражение лица: «А я что, я ничего, стою тут, никого не трогаю...».

— Ладно, пошли, я твоему подопечному комнату отдельную выделю. Или ты его в свою запустишь? — все же не удержался и съехидничал Лейхио.

Дэйниш задумался, вопросительно посмотрел на Айрин, но та увлеченно изучала облака в небе...

— Отдельную. И проследи, чтобы его никто не лапал!

— Кроме тебя? Обязательно прослежу... — из Лейя ехидство просто фантанировало.

— Тикусйо! Мне хватает забот и без него! — Юйлайнэ сразу сник и понуро поплелся за Лейем. Правда на половине пути он снова чему-то оживился и даже пару раз хихикнул над какой-то шуткой сопровождавшего его мужчины.

— Мальчик от тебя в восторге.

— Я заметил.

— И?..

— Вы же хотите его отдать своей подруге?

— Могу и не отдавать, если он тебе понравился.

— Нет, госпожа. Она возьмет его себе в мужья или в любимые наложники, а у нас его ждет судьба Вилайди. Но с ним-то все понятно, а у пацаненка, вроде, все функции в порядке.

Айрин некоторое время смотрела на мужа. Неисправим. Ведь ему хочется оставить этого мальчика. Но правильнее будет отдать его Айсоэль и он готов уступить. Только лишь потому, что так правильней.

— Золотко, а если к тебе подойдет Вилайди и попросит больше не встречаться с Эйри, ты перестанешь?

Дэйн опустил голову и отрицательно покачал ею, смотря в землю...

— А если об этом тебя попрошу я?

Не поднимая глаз от земли, Дэйниш кивнул, потом тихо прошептал: «Перестать?»

— Нет, золотко! Я просто пытаюсь тебя понять... Знаешь, давай пока

оставим этого мальчика, он немного подрастет...

— Пожалуйста, если собираетесь его отдать, отдайте сразу же. Я не хотел бы к нему привыкнуть... — Дэйи наконец-то рискнул поднять глаза и посмотреть на жену.

Айрин, глубоко вздохнув, кивнула и прижалась к груди мужа.

* * *

Эйри застал Вилайди у озера, кидающем снежки.

— Как ты, малек?

Вил швырнул в озеро очередной снежок, обернулся и повис у Эйна на шее.

— Верхний, а госпожа возьмет меня с собой во Дворец, как ты думаешь?!

— Котенок ты мой... Возьмет, конечно, если ты попросишь!

— А тебе новенький нравится?

— Мне? Даже если и нравится... Я не трахаю все, что движется, малек. У меня есть ты, и Дэйниш, и Айр... Госпожа. Мне хватает, веришь?!

— Верю...

Вилайди, скатал очередной снежок, сделал вид, что собирается кинуть его в озеро, а сам, чуть отбежав, кинул его в Эйри.

— Ах ты так, малек! Сейчас поймаю и за шиворот снега запихаю!

— Сначала догони, Верхний! — и Вилайди швырнул в друга очередной снежок. Тут же получил ответный и, взвизгнув от восторга, как мальчишка, помчался вдоль озера. Эйри рванул за ним... Поймал, прижал к деревьям. Сияющая, довольная мордашка. Как давно уже он не видел своего малька таким счастливым.

— Котенок мой...

Глава 19

Середина — конец грейзена 327 года и до 15 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

После разговора с подругой по видеосвязи, Кэйт погрузилась в размышления о муже. Представила его спину, покорно согнутую в приветствии, сильные плечи, по которым водопадом рассыпается распущенная коса. Ах, как приятно запустить руки в его густые волосы, а потом с силой потянуть за них, чтобы он поднял лицо и, как всегда, со смесью восхитительной покорности и порочности, прячущейся в глубине зрачков, взглянул на нее, ожидая приказа. Представлять же его полностью обнаженным, в своей кровати, и вовсе не следовало.

Надо побыстрее закончить завтрак, а потом удовлетворить возбуждение, вызванное смелой фантазией разыгравшегося воображения.

Кэйт вздохнула... Айрин не так давно рассказывала ей о Мийлийяше, и о том, как она подозрительно сильно привязалась к этому мальчишке. Вот, кажется, что-то похожее произошло и с ней по отношению к Эйну. Как с этим жить? По меньшей мере, просто стыдно даже признаться кому-то в такой слабости. Совершенно недостойно Старшей... И все же...

— Эйри-и... — тихо простонала Кэйт.

Айк, сидевший на полу, в ожидании, когда госпожа позавтракает, и можно будет снова полностью завладеть ее вниманием, все утро пристально наблюдал за тенью эмоций, скользивших по лицу госпожи, по которой безумно соскучился, пока она болела и запрещала ему появляться в ее комнате. И вырвавшееся «Эйри-и...» больно резануло по самолюбию парня.

Мало ему Шайна, чудесным образом после многолетнего «забвения» на мужской половине дома, совершившего такой стремительный взлет, что теперь проводит не просто несколько часов в неделю, а почти каждую ночь в спальне госпожи. Да уж, никто не мог и представить себе, что им заинтересуется сама Старшая госпожа, а главное когда — во время проведения «чистки рядов» неугодных рабов!

Эта сволочь так и не рассказал, чем они занимаются по ночам столько времени. Одна радость от этого — по утрам теперь Кэйт непривычно нежная. Пожалуй, раньше Айк не получал столько ласки от нее, как в

последнее время.

И все было бы ничего, но морально очень напрягал такой странный расклад. Из единственного любимчика оказаться вдруг дневным рабом, при наличии еще и ночного. Хотя все вокруг были уверены, что с момента переезда ее мужа обратно в свой Дом, Айк прочно обоснуется в комнате госпожи.

Но ночи теперь приходится проводить одному. Нэйклийанэ, зараза, как он его ни ублажал, все равно под разными предлогами возвращается спать в свою комнату. Если только не чуял своей аппетитной задницей, что в какую-то конкретную ночь ему лучше принять приглашение «привычного» Верхнего.

Айк не мог понять, почему Нэй так привязан к Шайну. Вот у него самого никого не было — Госпожа занимала слишком много места в сердце Айкейнури. И, разве что только Рыжик и вызывал приятное ощущение какой-то теплоты и желания побыть рядом, когда тоскливо, но ответной реакции от него не было...

После завтрака Кэйтиайриона пообещала, что отправится с ним на прогулку позже. А сейчас выразила желание пойти на мужскую половину, объявив, что Айкейнури пока может быть свободен, а ей хочется поиграть с недавно купленными игрушками.

Айк злобно скрипнул зубами, но что тут скажешь?

* * *

Покупать новых рабов девушка ездила еще до болезни, вдвоем с братом. В тот день они купили троих.

Один из парней, недавно перешагнувший невидимую черту, после которой его уже и мальком вроде бы и не назвать, но и до звания потенциального Верхнего явно не дотягивает, был примечателен тем, что имел темно-русый цвет волос. И глаза у него скорее были серыми, чем серо-зелеными, и лишь чуть-чуть, при определенном освещении отдавали привычной зеленью.

А вот два других — типичные дети Венги — оба ярких блондина были хорошо прокачаны, как и положено гаремным рабам.

Единственное, почему Эйлий пытался отговорить сестру от покупки, слишком уж низкая была цена для таких породистых звериков. Да и судя по их виду, оба были теми еще строптивыми занозами, потому что иначе вряд ли бы их тогда решились продать.

Продавец, правда, уверял, что он торгует только хорошо обученными и покорными рабами.

Просто в одном Доме возникли финансовые затруднения, и Старшая госпожа велела избавиться от нескольких. И выставила на продажу сразу пятерых, в надежде поправить дела. Эйлий на это заявление скептически хмыкнул — мол, тогда не продавала бы их по дешевке.

А второй раб вроде как оказался не у дел, в связи с замужеством его бывшей госпожи, сделавшей мужу свадебный подарок, избавившись от парочки постоянных фаворитов.

Кэйтиайриона прониклась сочувствием к парню. Представила себе, что Эйри, в качестве свадебного подарка, попросил ее продать Айкейнури... Ха! Попросить бы он мог, конечно... И ведь вся беда в том, что, как бы Кэйт не переживала и не была привязана к Айку, но Эйну отказать не смогла бы. Хотя, конечно, если рассуждать здраво — это было несколько неправильно для воспитанника Джордана, получившего честь войти в чужой дом не в качестве раба, а в качестве законного мужа. Вряд ли кто осмелился бы сунуться к жене с подобной просьбой... Разве что Эйри и смог бы. Для него будто бы были прописаны собственные правила, которым он и следовал... Впрочем, именно этим зеленоглазое наваждение и покоряло сердечко Кэйтиайрионы.

И ведь вроде уже пыталась привыкнуть и смириться с тем, что Айрин никогда не отпустит брата, да и он сам, паршивец, старался поменьше контактировать. Будто его вполне устраивают эти странные свидания раз в неделю, когда даже не всегда удается потискать, так, как хотелось бы... А все равно она продолжала его любить, вопреки всякой логике, уже почти привыкнув к этой ноющей боли, засевшей занозой в сердце, мешающей сосредоточиться на тех, кто постоянно обитает рядом с ней в ее Доме, и для кого она является единственной, неповторимой...

Раба, продаваемого в угодку мужу, звали Рэйнийляш. Основным достоинством парня, по уверению продавца, было умение танцевать.

Кэйт пожалала плечами, пытаясь еще немного поторговаться — любой раб в той или иной мере обучен этому искусству. На самом деле она уже прониклась каким-то предвкушением азарта — стоило лишь заметить эту

до боли знакомую манеру взгляда — от бедра, мимо груди, до лица и потом сразу снова в пол. Но в то же время — в глубине зрачков раба помимо вызова, таились отчаяние и страх. Видимо, мальчик был знаком и с ласками, и с драконовскими методами воспитания — наверное, провоцируя, пытался понять — что его ожидает, если купят?

Девушка усмехнулась — такие штучки в его исполнении не прокатят — она не впадет в ступор, загораясь немедленным желанием отыметь его прямо на площади, и не разгневается на бесспорную наглость. Просто она знакома с хорошим противоядием, в лице собственного мужа. К подобным выходкам Эйри она до сих пор не могла привыкнуть, а вот на других научилась реагировать спокойно. На лице зверика появилась явная заинтересованность и затаенная надежда — неужели ему повезет?

Продавец уверял, что бывшая госпожа Рэйя была помешана на танцах, и поэтому ее фавориту были наняты лучшие учителя для дополнительных занятий хореографией и постановочными номерами, развивая его индивидуальные способности и желание импровизировать, опираясь на каноны, и, мол, ученик уже дано превзошел своих именитых наставников.

В общем, пришлось купить расхваленную игрушку по запрашиваемой цене, хотя, Эйлий и ворчал всю обратную дорогу, что так не бывает, чтобы столь уникального индивидуума продавали почти задаром — у этого раба должен быть какой-то подвох.

Буйбрийаш, оказавшийся одним из пяти неудачников, намеченных госпожой его Дома на продажу, привлек Кэйт тем, что на его теле красовались яркие татуировки, и в нижней губе была продета серьга. Зачем ей лишний геморрой в своем гареме, она затруднялась бы сказать, но, наверное, все же подсознательно зудело, что именно вот этот — приобретается ею в качества «компенсации» женщинам дома за невозможность прикасаться к Айку и Шайну. Тем более, она рассчитывала в скором времени перевести и Рыжика на обособленный режим. И почему бы не взять? Раз по дешевке. Кстати, если кому-то из женщин понадобится новый генетический материал — очень подходит. В прилагаемой к бумагам родословной было сразу видно, что близкородственных связей с Домом Маргойлин парень никак иметь не может.

* * *

Парней сначала определили «в отстойник» в дальнем крыле дома,

недалеко от кабинета домашнего лекаря. Там, как обычно, сразу провели краткое обследование, накормили, сообщили особенности правил поведения в Доме Маргойлин и к вечеру запустили в гарем.

Двоих уже испробовали, как положено, устроив маленький такой междусобойчик из сильных Верхних во главе с Гейном, снимавшим «сливки». Для этого, как обычно, выбрали небольшое помещение, называемое Къйосом прозаично — «КПП». У него порой возникали какие-то совершенно непонятные ассоциации для гаремного раба. Наверное, все из-за того, что его родная старшая сестра выбрала карьеру военной и до сих пор поддерживала с ним связь. Поэтому парень и козырял при каждом удобном случае подобными словечками из ее лексикона.

Кто был наставником и идейным вдохновителем Гейна — тайна, покрытая мраком, но оба парня имели значительное преимущество и владели несколькими хитрыми приемами рукопашного боя. Скорее всего, это и было причиной, почему Айк занимал лишь третью позицию в гаремной иерархии — амбиций-то у него было вполне достаточно для лидерства, но вот практики не хватало.

У Буйбрийаша был очевидный потенциал лидера. И ему явно не понравилась прописка в новом гареме, но что тут возразишь? Парень попытался было отстаивать свои права на получасовой перерыв после каждой пары (один пристраивался сзади, а у второго следовало просто отсосать), но получил по печени, и дальше уже наслаждался процессом молча.

Немного смахивающий на малька Нийккийнэ, на глазах которого происходила несанкционированная Церемония Посвящения и принятия «в новую семью», был согласен на все. Видимо ему и у себя жилось несладко — лишь бы не били. Его решили сегодня не слишком мучить, составив Никки расписание на ближайшую неделю, чтобы сумел адаптироваться. Да и удовольствие поиметь такого милашку стоило небольшого ожидания.

Правила были простые и, в общем-то, почти такие же, как и в любом другом гареме. Сладких мальчиков старались не слишком обижать, чтобы не зашугать совсем, а то вместо приятного аромата, нежные грации просто фонили горьковатым амбре липкого пота, со страху перед неизвестностью их дальнейшего существования, попадая в незнакомое место — никакого удовольствия от процесса.

Хотя, может быть, и правильно, что побаиваются. Получить местечко в

гареме и, может быть, даже сразу найти своего Верхнего, который прикроет от остальных — это одно, а вот угодить новой госпоже, которая и является полновластной распорядительницей жизни любого раба в своем доме — это совсем другое искусство, требующее непревзойденного мастерства и определенных навыков. Хотя, удача будет абсолютно не лишней в каждом конкретном случае. Правда, Нийккийнэ на настоящую грацию не дотягивал, но если ориентироваться грубо, то перекося был именно в сторону того, что ему срочно нужно подбирать себе Верхнего, иначе у него их будет слишком много и не по одному разу за сутки.

* * *

Новенький парень стоял, прислонившись спиной к стенке, и явно пытался набраться сил, для того чтобы сдвинуться на поиски места на ночь. Обнаженный, со штанами в руках, он так напомнил Тийке его самого, что захотелось тут же обнять и утешить. Но парень явно был старше, пусть и не намного.

Как будто почувствовав его взгляд, юноша поднял глаза от пола и посмотрел на Тийку. Добро так посмотрел, хорошо, серьезно. И улыбнулся. Его имели во все дыры так, что по ногам течет сперма, а у него есть силы улыбаться? Причем так, что тут же захотелось улыбнуться в ответ. Что Тий и сделал.

— Нийккийнэ, можно Никки, — по-прежнему улыбаясь, представился парень.

— Тийкийлэ, Тийка...

— Приютишь на ночь?

— Конечно, пойдем...

Никки оторвался от стены, перекинул штаны через плечо и прогулочным шагом двинулся за Тийем. Его оценивающий взгляд ощущался физически, но это было легкое, нежное касание. Ласковое.

Тийка сморгнул непрошеную слезинку: ласково и нежно обычно было только с братом. Со всеми остальными эти определения казались раньше неуместными.

— Скажи, ты ведь... Тебе же все равно, если я буду сверху? Веришь, очень тебя хочу, но задница бастует.

Тий даже всхлипнул от приятного ощущения чужого стояка, зажатого между ягодиц, и от того, как крепко его обняли и прижали, и от чужого жаркого дыхания где-то между ухом и шеей...

— Ты... Спрашиваешь моего согласия?

— Ну да, мы ведь с тобой тут на равных птичьих правах, я правильно уловил расстановку сил? — выдохнули ему в ухо, с ощутимой усмешкой в голосе. — Не мальки, но от этого нам не легче, верно?

— Да...

— Значит, раз мы равны, я должен считаться с твоим мнением, верно? Тем более я — новенький и ты согласился приютить меня на ночь.

— Да...

— Так как, нежность моя грациозная, дашь мне сегодня побыть сверху?

— Да...

Тийку развернули и начали целовать, прямо в коридоре, за две двери от их комнаты. Целовать так, что ноги подгибались... Никогда раньше его никто так не целовал. На самом деле его вообще никто раньше почти не целовал, разве что, кроме брата.

— Где твоя дверь?

— Та-ам... — Тий махнул рукой, и Никки, целуя и делая несколько шагов в нужном направлении, потом снова целуя, а порой, шагая и целуя одновременно, довел их до комнаты.

— Я приму душ, хорошо?

Тийка покраснел, потому что очень хотелось предложить принять душ вместе, и парень услышал его мысли:

— Хочешь, вместе?..

В душе они снова целовались и потом, прямо там, в душевой кабинке, с каким-то кремом брата вместо смазки, Никки вошел в него... И целовал, обнимал и целовал. Все время. Тийка уже даже не надеялся, что его успеют взять до того, как он кончит, просто от поцелуев и от наслаждения ощущением чужой ласки. Но Никки все же успел, и, Матерь Сущего, какой он был нежный, когда вставлял! Как будто ему досталось сокровище, хрустальное сокровище... А это был всего лишь он, Тийка, парень, которого может поиметь любой из гарема.

— Сладкий мой, у тебя есть кто-то?

— Не-ет... — в этот момент Тийк и в самом деле забыл, что у него есть брат.

— Ты будешь моим? Будешь со мной? — гипнотизирующе шептали в ушко, продолжая ласкать непослушное самому хозяину тело.

— Да-а...

— Сладкий мой...

Потенциальных самцов приходилось испытывать на прочность в первые же сутки, чтобы сразу определить их место на ступеньке пирамидки уже сложившейся иерархии, на вершине которой располагался в гареме Дома Маргойлин Гейнийляш, затем — Кыйостяйнэ, Айкейнури, Иймайксэ и так далее. Чуть обособлено неожиданно оказался Шайнэйлиер, не пожелавший участвовать в расстановке сил, но его почему-то и так признали.

Никки — понятное дело — это даже и не обсуждалось. Рэй, задумчиво оглядев взрослого парня, чуть прищурился, но все-таки выдавил:

— Признаю, ты — Верхний!

Ну а Буйбрийаш, имя которого сразу же сократили до «Буй», скорее всего, решил уберечь свои дырки от очередной озабоченной парочки, прикидывающейся, что им вовсе не так весело «исполнять свои обязанности», но они просто вынуждены. Потому что, взглянув на стоявшего позади Шайна Рыжика, который уже вовсе не тянул на малька, наверное, Буй решил, что с него хватит и четверых на эту ночь. Шестеро — это уже перебор для его страдающего самолюбия и не менее страдающего тела, не привыкшего к подобному обращению в бывшем гареме.

Айку очень не понравилось то, с каким воодушевлением Кэйт рассказывала по видеосвязи своей подруге, Айсоэль, о новеньких, особенно о Рэйнийляше. Но, раз именно его он пока трогать не мог, следовало бы заявить свои права Верхнего на остальные приобретения Кэйтиайрионы. Хотя Нийккийнэ можно и не трогать пока в ближайшее время — он свое место сразу понял. А вот этого красавчика, Буйбрийаша, требовалось сразу определить, тем более настроение было очень подходящим.

Кэйтиайриона, сославшись на головную боль, даже вечером его не позвала, как обычно. Правда, она не позвала и Шайна, но он сам поперся, и возвратился с очень интересным распоряжением Старшей госпожи: Рэйя не трогать никому из женщин! И «опробовать» она разрешила его пока лишь одному Гейну.

Только вот сам Рэй, кажется, не оценил бонуса, и, встав из-под главного, плотоядно облизнулся и подмигнул парням, что мол, он бы и не прочь притереться к остальным, но госпожа может быть недовольна.

Парни отнеслись двояко к подобному заявлению — кто-то поржал, что

подождет, пока госпожа Кэйтиайриона наиграется, и тогда уж они познакомятся поближе, а кто-то откровенно принял как вызов. Сам Айк, скорее, зауважал парня. Явно же, тот не идиот, и понимает, что придется заплатить за неосторожные слова. Возможно, рассчитывал, что несколько дней без прессинга ему помогут адаптироваться и разобраться с каждым из них наедине, а там уж как фишка ляжет? Или он просто настолько озабоченный, что специально провоцирует?

Быстренько восстановившийся Гейн Рэя пялил аккуратно, помня о том, что для Старшей госпожи, выдавшей лишь ему одному разрешение, парень представляет определенный интерес. В это время как раз уже самого младшего новенького отпустили спать, и первая пара, Гейн и Кыйостяйнэ уступили место Айку и Иймайксэ, которым и пришлось объяснять новенькому, кто здесь диктует условия.

Сфинктер у Буйбрийаша после Гейна оказалась разработан достаточно хорошо, так что второй раз на смазку Айк тратиться не стал. Выпендривавшемуся новичку врезал по печени, и Буй свалился на пол как раз в нужное положение. Ну, пару раз пришлось еще пнуть, чтобы чуть расставил ноги и прогнулся пониже.

— Спасибо за помощь, дорогой, — ухмыльнулся любимчик Кэйт, подмигнув Иймайксэ, потряхивающему ушибленной о накачанный пресс Буйя кистью.

— Да гавно вопрос! Обращайся, — скривился «напарник».

Они с Айком недолюбливали друг друга, но вот в таких случаях приходилось сотрудничать, поэтому не упускали шанса подколоть.

Айк чуть не уржался, глядя, с каким подозрением Ийм достает свой член, чтобы Буйбрийаш ему отсосал, видимо, опасаясь, как бы новенький, затаив обиду, не вздумал покусать. Наверное, Иймайксэ завидовал, ведь ему-то досталось трахать Буйя сзади, а на жопе зубов нет.

Айк пожалел Ийма и сначала пристроился сам, засадив Буйбрийашу почти сразу по самые яйца, мысленно посетовав на то, что смазать все-таки стоило, но мычание сдающегося под его напором тела новенького быстро вернуло радужное настроение. Подождав, пока полегчает самому и раскоряченный под ним Буй выдохнет сквозь зубы и слегка расслабится (правильно, раз уж нет другого выхода — лучше принять правила игры), тут же, надавив на поясницу, не позволяя менять положения тела, с силой дернул его за волосы, задирая вверх только голову. Ну вот теперь «напарник» может совать свою драгоценную часть тела в приоткрывшийся рот.

Ритм удалось поймать не сразу, и пока они были сосредоточены на том, чтобы сработать в унисон, пропустили какой-то момент, когда Гейн, которого Рэй сначала ублажал орально, возмутился, а потом резко опрокинул Рэйнйляша на карачки и пристроился сзади. Обернувшись Айк мог бы поклясться, что у Гейна было слегка растерянное лицо, а Рэй беззвучно ржал, опустив голову к самому полу и закрыв ее руками. Подобная реакция на «прописку» была в новинку, и это еще больше настораживало.

Впрочем, вскоре Айк сосредоточился на получении собственного удовольствия...

* * *

Шайн, уходявший с Нэем на ужин, вернулся расстроенным. Госпожа неважно себя чувствовала и поэтому отказала ему в очередной ночи. Забрав с КПП Рэя, он отвел его к себе в комнату, собираясь запереть там на замок (на всякий случай, а то мать Кэйтирионы, видевшая новеньких, уже проявила заинтересованность), а сам отправиться ночевать к Рыжику. Очень удачно, как раз сегодня соседа Нэя на ночь ангажировал кто-то из Верхних, не принимавших участия в общем веселье.

— Веди себя прилично, ты в гостях, — предупредил Шайн остановившегося в дверях Рэя, с интересом разглядывающего комнату, в которой ему предстояло переночевать.

— Ага, ты только с утра пожрать не забудь принести, — оценил Рэйнйляш преимущество отдельных апартаментов.

— А тебе разве фигуру блюсти не надо? Говорят, тебя приобрели ради выдающихся танцевальных способностей? Калорий-то сегодня сжег не слишком много, — подколот Шайн.

— Ага, не повезло, — ухмыльнулся Рэй. — Ну, если так ставится вопрос, то видимо, придется произнести волшебное слово — «пожалуйста» — достаточно?

Шайн оценивающе склонил голову набок. Похоже, Рэю не очень нравилось простить, но он старался не наглеть.

— Пожалуй, сойдет пока. Кстати, утром будешь тусоваться в общем зале. Надеюсь, тебе хватит ума держаться подальше от хозяек и старой госпожи, пока ТВОЯ госпожа не определится, что с тобой делать дальше?

— Не дебил, догадываюсь, — кивнул Рэй.

— Госпожа Кэйтиайриона любит первой играть в новые игрушки, — продолжил Шайнэйлиер, — но ее мать любит подобные игры не меньше, так что, при любом раскладе, ты — крайний. А уж чье выбирать покровительство — сам решай.

— Постой! — посерьезнел Рэй. — А Старшая госпожа — Кэйтиайриона?

— Именно так, мой мальчик.

— Тогда без вариантов, — широко расплылся Рэйнйляш. — Она мне понравилась.

— Ха-ха! — рассмеялся Шайн, хотя такое заявление ему было совсем не по душе. — Главное, чтобы ты понравился госпоже, иначе вариантов у тебя, действительно не будет. Сладких грез, красавчик! — кивнул он новенькому, запирая замок.

Шайна этот парень напрягал.

Вот ни к Нийккийнэ, ни к Буйю претензий не было. Никки — стандартный милашка. Разве что, цвет волос, ну и некоторый элемент новизны действительно выделяют его среди ему подобных...

Буйбрийаш — тот по наблюдениям Шайна, вообще не во вкусе Кэйт. А вот эта наглючая морда, пока еще только приглядывающаяся и приспособливающаяся, как-то подозрительно быстро располагая к себе, даже вопреки логике, мог стать потенциально опасным соперником. Может быть, стоит намекнуть Айку?

Без Эйна им вдвоем хватало места у ножек Кэйт, и они уже почти научились терпеть друг друга. Но новенький для них обоих, как кость поперек горла... Самое неприятное было то, что явной антипатии Рэй не вызывал, скорее наоборот...

Шайн в задумчивости постоял под дверью, но решил все-таки не травмировать лишний раз Айкейнури, умудряющегося ревновать Кэйт к каждому столбу, что служило поводом для насмешек даже среди мальков (правда, явно выражать свое отношение юный контингент гарема все же воздерживался).

Гораздо больше парня волновало то, что Кэйтиайриона отказалась пригласить домашнего лекаря, решив, что она поспит, а к утру все пройдет и так.

Настаивать он не решился, слишком уж она была раздражена этой неприятностью. Каким-то шестым чувством, он теперь четко улавливал, когда следует остановиться, чтобы не подвергать свою задницу настоящей

экзекуции.

Госпожа, видимо, настолько ценила его, как подопытный образец, что даже не применяла никаких дополнительных атрибутов воспитания, помимо флоггера... ну, без него-то никуда. Для профилактики и вообще... Шайн слышал, что при должном настрое и умении госпожи, при флагелляции можно кончить и под мягкими кожаными лентами. Раньше ему такого испытать не удавалось, но Кэйтириона владела этим мастерством, и его профилактические сеансы теперь носили крайне выраженную эротическую направленность, гармонично вплетаясь в их отношения. Его богиня умела поощрять, и поэтому он совершенно не желал впадать в немилость. И, конечно, прекрасно понимал ее желание поскорее попробовать, что же она все-таки прикупила сегодня...

* * *

Лениво откинувшись на низком диванчике, Гейн с Кыйостяйнэ наслаждались созерцанием процесса «внедрения» нового члена (в прямом и переносном смысле) в «дружный коллектив» гарема Дома Маргойлин. Ийм кончил первым, Айк умел продлевать наслаждение. Впрочем, сейчас его заботило собственное, а вовсе не того парня, что уже стонал и извивался под ним, матерясь сквозь зубы, потому что стиснутый у основания широкой ладонью Айкейнури член не давал ему соскользнуть в блаженную нирвану.

Кыйос хмыкнул.

— Эй, красавчик, в этом доме не принято выражаться. — Ну, по крайней мере, в первые дни, — заржал он.

— Айк, мля, ты решил поставить рекорд? Хорош с него, кончай давай, — осадил Гейн, оценив состояние Нижнего.

Вот чего не отнять у Гейнийляша, так это умения остановиться вовремя. Он никогда никого не унижал бесцельно, ради развлечения. А Буй уже чуть не хныкал от невозможности улететь за грань. Айк, конечно, та еще скотина — мог бы и просто трахнуть, без затей, но, видимо, это с учетом на будущее, чтобы иметь значительное преимущество, если госпожа все же приблизит новенького, а ему снова придется сторожить большей частью под дверью любимой с внешней стороны комнаты, ожидая своей очереди.

Айк ценился за умение иногда подчинять свои инстинкты разумным доводам, поэтому ему хватило буквально пары-тройки фрикций, чтобы

подарить новичку долгожданное облегчение.

Не застегивая штанов, слегка вспотевший в процессе, Айкейнури упал на диванчик рядом с парнями, пытаясь отдышаться. Буй свернулся в позу эмбриона, силясь прийти в себя. Поимели его, конечно, знатно — в горле пересохло, несмотря на обильное орошение аж двумя порциями спермы, но предавшее тело все еще мелко сотрясалось в посторгазменном треморе, хотя в мозгах сидело обидное — «тля-а... вчетвером... с-суки...».

Последний раз его имело сразу столько народа в течение одного часа давным-давно, впрочем, о том разе вспоминалось с неохотой.

Чего ожидать дальше — он не представлял. Шансов отмазаться от продолжения банкета — никаких, сегодня он остался главным блюдом. А судя по тому, что старший по гарему велел закругляться, наверное снова уже восстановился, и теперь его очередь... Поверить, что парень не хлебнул вей-коктейля перед намечающейся вечеринкой, было сложно.

Но к огромному удивлению Буйя, его пока не трогали, и он решил поприкидываться, не привлекая внимания, еще немного, пока парни болтали между собой.

Однако ему вновь не повезло.

— Эй, как тебя? Буйб... — сморщился Гейн, припоминая имя новенького.

— Да просто Буй, — ехидно подсказал Айк, — что уж там. Думаю, после столь тесного знакомства уже можно обращаться на «ты».

— Остряк, — хмыкнул Гейн. — Ну, ладно, Буй, а ты чего, собственно разлегся-то? Давай, дуй в душ.

Буйбрийаш стиснул зубы — ну все, тля, третий круг...

— Йим, заберешь его на ночь? — обернулся Гейн к «напарнику» Айкейнури. — Завтра с утра решим, куда его поселить, если госпожа Кэйтиайриона сама не определится.

— Хорошо, — кивнул Йим. — Пошли!

Почти по-приятельски шлепнул он озадаченно хлопающего ресницами Буйя.

— А? — не понял Буй шутки юмора, неловко усевшись, старательно напрягая ягодицы, чтобы не выливалась сперма. Он и так в полном смысле этого слова сидел в луже.

— Так, — соорудил серьезную мину Гейн. — Я не понял, кто из вас двоих повредил его мозг?

— Это не я! — тут же отмазался Айк. — Если только его мозг не располагается в жопе. Но это, пожалуй, интересный случай для исследования в лаборатории...

Любимчик госпожи заржал.

— И не я, — буркнул Ийм, но заметив, что все уже еле сдерживают смех, за исключением Буйя, закатился первым.

— Бу-уй... (старший поводит ладонью перед лицом обиженно сопящего парня). Все, ты свободен. Завтра, если не будет определенных распоряжений от госпожи, взглянешь на свободные комнаты. Ну, а если варианты тебя не устроят — с остальными будешь разбираться сам, — снисходительно пояснил Гейн.

В принципе, редко доходило до того, чтобы новенький не был удовлетворен своим жилищем. Но свободных комнат и впрямь теперь, после «чистки рядов», было в достатке. Так что вряд ли Буй вздумает конфликтовать с другими Верхними, имеющими в распоряжении единоличное пристанище.

— Чо, правда? — недоверчиво уставился новичок на старшего по гарему.

У него немного не укладывалось в голове — вот, поймать поймали. Вчетвером. На глазах у мелкого... Но тут же дают возможность подняться в собственных глазах, не отправляя жить на первых порах с соседом.

— Не, если ты не удовлетворен, можем продолжить, — хмыкнул Къйос. — Только попроси.

— Нет уж, благодарю, — замотал головой Буй, стараясь подняться, испытывая неловкость за свой непрезентабельный вид. По ногам потекло. В правом подреберье кольнуло, но он не стал зажимать бок рукой. Удар по печени оказался болезненным, но не стоит давать лишний повод для злорадства.

К удивлению новенького, парни лишь поржали над его попытками прикрыться и, кажется, потеряли всякий интерес к его персоне.

— Пошли, так и быть, выдам тебе свечку с маслом, и даже сам вставлю, — благодушно пообещал Иймайксэ, поправляя свою одежду, прежде, чем выйти в коридор.

Айк застегнул штаны и, когда за ушедшими Буйем и Иймом закрылась дверь, напомнил Гейну о его обещании показать парочку эксклюзивных приемов. В связи с появлением потенциального кандидата на внимание Кэйт хотелось бы иметь преимущество, потому что этот Рэй слабаком вовсе не казался.

— Да так бесполезно, — скептически скривился Къйос. — Надо, чтобы тебе было с кем поспарринговать. Да вон, хоть с Буйем, раз Ийм тебе никак.

— Я лучше Рыжика поэксплуатирую, — ухмыльнулся Айк.

— Ну-ну... если только Шайн не освободится в связи с пополнением гарема и не будет теперь занимать Нэя сам, — съехидничал Кыйос, но тут же, увидев, как набылчился Айк, примирительно поднял руки: — Ладно, извини, понимаю, на больную мозоль... Пошли, кальян что ли курнем?

— А, может, сюда? — предложил Гейн, которому вообще было лень шевелиться. Три оргазма подряд без допинга вейжэ, удовлетворили его по самое не балуйся. И теперь очень не хотелось нарушать это блаженное состояние...

Оба, не сговариваясь, перевели взгляд на Айка.

— Ща организую, — вздохнул парень.

Идти куда-то и ему было лень, но он всего лишь третий, значит, перевести стрелки не на кого...

* * *

Шайнэйлиер наутро ругался, говорил, что именно из-за этого Рэйнйляша госпожа простудилась — именно его она хотела протестировать в первую очередь.

Скорее всего, организм девушки еще не полностью восстановился после родов, и легкомысленные прогулки туда-сюда в одном домашнем платице по двору, в ожидании, когда же лекарь выпустит рабов из «карантина», чтобы она могла тут же поиграть в новые игрушки, действительно могли послужить причиной болезни.

Айк тоже невзлюбил потенциального соперника, но Рэй, зараза, ни разу не дал повода, чтобы навешать ему, не опасаясь последствий. И пока госпожа не отменит свое табу на парня, лучше ее не злить... или не расстраивать, ей и так сейчас не сладко. И любимой, несомненно, нужны лишь положительные эмоции. Айкейнури, с которым Шайнэйлиер провел разъяснительную беседу в присутствии Гейна, постарался проникнуться, и всю неделю вел себя, как пай-мальчик.

Шайн винил себя, что не проследил за госпожой, не настоял, чтобы она оделась теплее. Но она была в возбужденном предвкушении скорого развлечения и поэтому отослала его с глаз долой. И, несмотря на то, что он ожидал этого, знал, что его когда-нибудь отлучат, все равно было обидно, и он пошел на поводу у эмоций и не проследил... А госпожа — она же порой

как маленькая девочка.

Вместо этого он сидел и переживал в своей комнате, а Нэйклианэ как мог утешал его своими песнями.

Айк нашел себе более интересное занятие — как всегда, сбрасывал лишний негатив в тренажерке.

Ну, а потом уже, когда оказалось, что сначала последует «прописка» новичков, и уже затем представление их госпоже, для Айкейнури и вообще случилось нечто вроде праздника.

* * *

Все то время, что Кэйтириона болела, Рэй от скуки развлекал желающих посмотреть, как он занимается своей хореографией. Оккупировав для этого давно не использованный по прямому назначению танцевальный зал.

Желающих было много, но он с завидным упорством до автоматизма отрабатывал какие-то элементы движений, а весь танец так и не показал, объяснив недовольным зрителям, что этот номер он готовит для госпожи. И именно она должна его увидеть первой.

Народ повозмущался, однако на репетиции приходить не перестал.

Айк, немного понаблюдав за потугами соперника, считал его все же опасным. Сильнее всего любимчика госпожи напрягало какое-то неуловимое сходство с еще одним типом, к которому у Айка мысленно был выставлен бо-ольшой счет с претензиями. Особенно этими своим блядскими провокационными взглядами, которые Рэй щедро рассыпал направо и налево, зная, что пока ему опасаться нечего. Вслух возмущаться тем, что Кэйтириона любит своего мужа, было глупо, поэтому Айкейнури бесился, страдая молча, до удручающей ломоты в зубах, оттого лишь, что Эйри вообще существует, пусть и не живет больше в их доме.

Мозг дымился, выдавая новые и новые варианты пакостей как отодвинуть новенького в сторону, но ни один способ пока не радовал.

Чтобы как-то отвлечься, Айкейнури решил внять совету Кыйоса и привлечь Рыжика к изучению некоторых приемчиков. Нэй не горел энтузиазмом, но парни живо объяснили, что ему это может когда-нибудь пригодиться, в особенности, когда Шайну стукнет тридцать, и, расстроенный напоминанием о приближающейся дате Церемонии Прощания, Рыжик согласился.

И вот Кэйт наконец-то выздоровела.

Как же Айк бесился, что она не пускала его все эти дни, ссылаясь на то, что боится заразить. Шайн, обитавший с ней рядом почти безвылазно, попытался объяснить, что госпожа просто не хочет, чтобы он видел ее в таком состоянии — со слезящимися глазами, распухшим носом и постоянно сотрясающим тело кашлем — больную и несчастную в своей беспомощности перед противным вирусом.

Девушка очень редко болела, поэтому слишком тяжело переживала вынужденное бездействие, но покорно старалась поскорее вылечиться. Стимулов для выздоровления была масса — от невозможности в таком виде увидеться с мужем до досады, что она даже не успела потискать новеньких мальчиков-рабов.

Все эти дни Шайн почти безвылазно проводил в комнате Кэйт. Хозяйка Ойлива самолично делала племяннице специальные отвары из каких-то трав, судя по всему, довольно невкусные. Потому что Шайну приходилось уговаривать ее действительно как маленькую девочку. Кэйтириона капризничала и вредничала — ну еще бы — никакого секса, жизнь какашка, противное молоко с медом и сливочным маслом, и горькие отвары... Правда, Шайн развлекал ее, читая книжки, потому что от просмотра передач и фильмов у девушки тут же слезились глаза, и быстро начинала болеть голова.

Несколько раз заходила мать Кэйт, взмахом ресниц отправляя раба восвояси. В первый раз он чуть было малодушно не спрятался за кресло, придвинутое к кровати девушки, но в последний момент опомнился и поприветствовал бывшую Старшую госпожу как положено — на коленях и лицом в пол. Для Шайна приказы его личной богини были приоритетны, но в присутствии Эйлиорины раб сразу припоминал, какой она может быть жестокой, если недовольна. Тем более сейчас, когда Кэйтириона не смогла бы проконтролировать, что с ним случилось, если он вдруг резко занедужит. Ведь, наверняка, ей скажут, что тоже простудился, а Эйлиорина еще и обставит так, словно это Кэйт его заразила, и заставит переживать.

Кэйтириона, кажется, и сама сообразила, что их встречи у ее кровати могут закончиться плачевно, и разрешила ему установить камеру слежения над дверью, по сигналу которой он быстренько сматывался в безопасное

место, по иронии судьбы, оказавшееся в комнате для наказаний, где и отсиживался до окончания визита родительницы.

Но Шайнэйлиер все равно был рад находиться рядом с обожаемой госпожой, потому что, скорее всего, как только ей станет лучше, ему придется вернуться на мужскую половину и снова стать еще одним «безликим» обитателем гарема, которых она почти не замечала. Неужели сказка так быстро закончилась?

Глава 20

Рэйнйляш.

Я мирно спал в своей комнате, когда в нее влетело двое бугаев Ее Высочества, Моей Ненаглядной госпожи Ейлийфии.

Вчера я полночи сладко забавлялся с ее новым мужем, уже вторым по счету. Первого я сумел медленно и аккуратно выжить из ее покоев за месяц, этого надеялся отвадить недели за две — парнишка был моложе, наивен и очень легко возбуждался. Игра предстояла такая простая, что даже скучно. С первым играть было забавнее... А этот лег под меня почти без напряжения с моей стороны. Узенький такой, худенький, вспомнить приятно...

Пока меня, под белы ручки, тащили по коридору к покоям Моей Ненаглядной госпожи, я даже успел слегка испугаться. Потому что плохо понимал, откуда вдруг такая спешка?

В своем любимом высоком кресле сидела Ейлийфия, а ее ног оба мужа. И у последнего личико было... ну... несколько подпорчено. Интересно, кто это его так припечатал?

Меня с размаху швырнули на колени и на них, родимых, не чьих-то там, а собственных, я проскользил по ковру несколько сантиметров и оказался точнехонько у ног госпожи.

Что-то происходящее мне нравилось все меньше и меньше. И колени содраны в кровь, между прочим. И выспаться не дали. И смотрят все на меня, как будто я не просто вчера, с поцелуйками и уговорами, нашил на член их нежного зайку, а макияж ему этот сине-красный заделал.

— Твоя последняя выходка, Рэйнйляш, переполнила чашу моего терпения!

Вот вам и здравствуйте — прискакали. Какая выходка-то?! И какую чашу? Я же ваш любимчик, ау?! Не забыли?

— Простите, моя госпожа, но я не очень понимаю...

— Жаль! Очень жаль, что все мои заботы о тебе ты расценил как повод обнаглеть.

Да вы уже покупали меня обнаглевшим, ну вспомните же! Я таким и был всегда... И вам нравилось... Вот, в космос мне на соломинке, нравилось вам!

— Госпожа... Я безмерно благодарен вам за все, что вы для меня сделали, но я, правда, простите, не понимаю...

— Жаль! Если бы не куча денег, которую я в тебя вложила, убила бы вот сейчас прямо, запоров до смерти!

Вот вам и... Что же такого я сделал-то?! Склерозом не страдаю, курить не курил, ну, не помню я ничего такого, чтобы меня... МЕНЯ! Нужно было запороть до смерти...

— Госпожа...

— Все, замолчи! Я уже решила! Сегодня как раз базарный день, так что тебя сейчас отвезут на рынок и продадут.

Меня? Продадут на рынке? Как шваль ненужную? Не подарят подруге в красивой упаковке с бантиком? Да что же я такого сделал-то?!!

— Госпожа...

Бугаи снова схватили меня под руки и потащили во двор, где уже стояла наша аэрошка. Пока летели, один из них смазал мне колени маслом, и саднить сразу перестало. А то отвлекало от размышлений. Наконец я закончил анализ случившегося и понял...

— Госпожа думает, что ее вторушечке сладкому морду нарисовал я?

— А чо, не ты что ли? Он с тобой ушел, еще вполне без грима, а вернулся вот такой вот раскрасавчик.

— От меня он тоже ушел еще без грима, ты же знаешь, я морду бить не люблю...

Бугаи заржали, коники, муравьев им в задницу:

— Ты зализываешь насмерть, с-сучара...

Потом переглянулись и до них со скрипом доперло:

— Так тебя кто-то подставил, а малек поддержал и наговорил?

Слава тебе, Матерь, что их шестеренки не совсем заржавели, хотя толку-то мне теперь...

Меня продадут на рынке...

* * *

Шел третий час моего позора. Меня щупали, трогали, лапали... Уже начинало слегка потряхивать, когда кто-то, похожий на потенциального покупателя, направлялся в мою сторону. За все свои двадцать лет мне как-то не пришлось помелькать своей упругой задницей среди такого количества женщин и их помощников. На вечеринках мой зад был почти неприкосновенен. Еще бы, такого танцора, как я, пускать по рукам — блажь редкая. И вот так сразу — раз, и получи Рэйник счастья и внимания по самый кумпол.

И ведь ладно бы восхищались! Нет, на меня все смотрели так, как будто я был сундук с западлом, а не танцор, на обучение которого уходили все свободные деньги госпожи последние три года.

Да и предыдущая моя хозяйка, которой свезло немеренно получить в подарок меня, любимого, сразу после Джордана, тоже не скупилась на книжки, диски и видео. До сих пор, кстати, не знаю, почему она решила отдать такое счастье своей подружке. Но сменил хозяйку я удачно, правда, с парнями не так повезло, но моей заднице не привыкать. Через месяца два я всем страждущим надоел, а потом начал тихо наглеть по миллиметру, со смазкой. И как-то так никто и не заметил, как опаньки — а я в кругу избранных, на самой верхушке. Где мне, красивому и умному, самое место. И при этом морду никому не бил, и официальной ступеньки в этой их сраной лестнице не имею. Такой вот я... Ветром меня принесло. И теперь снова все по новой...

Красавица какая! У меня аж сердце остановилось, Матерь Сущего! Вот ведь везет же тому пареньку с ней рядом... Хотя он как-то подозрительно на нее похож. Братанчик, похоже.

Купи меня, золотая, я танцевать умею так, что трусики не выжмешь!

Да, я знаю, что в этой толпе сияю как звезда в сливной яме, смотри — любуйся, у меня в запасе пара приемов есть, от них все женщины с ума сходят...

А еще я глазками вот так умею! От бедра, мимо груди — само собой, чтобы никто, ни в чем, ни за что — почти до лица и потом раз — и в пол. Как тебе?

Не понял! На это все реагировать должны! Матерь Сущего, я теряю квалификацию? У меня прыщ вскочил?! Купи меня, ну, пожалуйста! Так задрало уже тут на жаре стоять, веришь?! И красивая ты такая, аж скулы сводит! У меня никогда не было такой молодой и красивой... Я тебе танцевать буду, а ты меня холить и лелеять, а?

Ей, не слушай своего братца, умный нашелся! Меня задарма продают по навету злобному, а сам я котенок ласковый, и глаза у меня совсем не наглые!

Уф! Ей, а это-то прокачанное страшилище тебе зачем? Я с ним в одной карете не поеду — от него воняет! Наверное, от меня тоже, но я же розами пахну, а от него реально потом несет... О, еще один вонючка, и конкурент, судя по фигурке. Но с этим-то я быстро разберусь, хотя мы и ровесники, но у пацана явно запал слабее.

Да отвалите вы все от меня! Сам пойду. Третья прописка уже, правила наизусть знаю. Этому дала, этому дала... Сколько вас тут на мою задницу? Пятеро? Или шестеро? Рыжий тоже трахает или он при старичке? Расклад понятен. Дуэтом шпилить будете? Я бы на вашем месте мне в рот член-то бы не совал, могу, нечаянно совсем, зубками поцарапать.

Старичок куда-то смылся... Ну и черную дыру ему навстречу... Мне же проще...

Малька сначала? И то верно, трахнуть и спать отправить, заботливые какие тут все.

Главный у них тут Гейн, дальше кто? Судя по тому, что этот бугай с ним в пару трахать страшилище пошел, значит, бугай — второй.

А вон тот парень мне конкретно не нравится. И я ему, кстати, тоже. Значит, правильно жопкой вычислил. Любимчик. Чуешь, что двигаться придется?.. Правильно.

О, старичок вернулся. Меня трахать нельзя?.. Ага, я же звезда, мальчики!

С одним Гейном сейчас от души развлекусь!

В рот взять? Да не вопрос! Сначала делаем все как положено, а теперь языком в уретру раз... Ну и рожа, одно изумление сплошное, уржаться можно... А по морде мне не дашь — я же не зубами клацнул, просто, может, у меня последний Верхний извращенец был и ему нравилось..

Ох, тяжело как ржать-то, когда в задницу засаживают... И сдержаться не могу, как Гейновые глаза вспомню...

Глава 21

Датой массового сбора Айрин выбрала 16-ое снейжэна. Никаких государственно-важных дел у Совета не было, поэтому съезжались все во Дворец ближе к вечеру. Вот и как раз очень удачно получалось — сначала дамы у нее разомнутся, потом выспятся и соберутся посоветоваться, полные положительных впечатлений об ее, Айрин, празднике. И те, кто отсутствовал, будут завидовать про себя.

На Совете ей придется выступить с речью — представиться, как будто никто не знает, кто она такая. Огласить свои основные политические взгляды и жизненные позиции, ответить на вопросы, если они будут. Потом сесть на свое законное место, полученное обратно за хорошую шпионскую сеть Лейя и Сабины и красивую задницу мужа. И выдохнуть. На самом первом своем заседании лезть с какими-то новаторскими идеями она не будет. Только поддержит Клаусийлию Альцейкан, если та решится выдвинуть предложение вывоза мужей с планеты.

А ее основная задача — оставить положительное впечатление на завтрашней вечеринке.

День сегодня удался как никогда. Лейхию, правда, расстроен, что «коричневых» мало. Смешной он, когда расслабляется и снимает маску умудренного жизнью снисходительного циничного отца семейства. Наверное, стоит сегодняшнюю ночь провести с ним.

Ей хотелось оставить Дэйниша одного, чтобы спровоцировать, хотя бы от скуки, на какие-либо действия в сторону Юйлайнэ. Потому что мальчишка его неприкрыто хочет, а волчонку он симпатичен. Айсоэль не будет возражать против милой любовной интрижки между двумя мужьями. А она отдаст Юйлайнэ в чужие руки — только мужем. А если наложником, то только года через два, когда парнишка уже не будет общей подстилкой, оклемается и сможет постоять за себя.

Девушка улыбнулась, вспомнив, как глаза Юйлайя засияли, включились как новогодние гирлянды, сразу же, как только мальчик осознал факт изменения своего будущего. И всю дорогу не отлипал от Дэйна, причем, похоже, свято верил, что этого никто не замечает. Смешной ребенок.

А Вилайди... Взрослый, серьезный Вилайди? Парни прибежали через час, мокрые, холодные, с потрескавшимися от поцелуев губами... Тут же напоила их горячим настоем, выдала барсучего жира для губ, и теперь все

сидели в гостиной и пили горячий глинтвейн. Эйфри играл на гитаре, Вил иногда танцевал, а Юйлай «незаметно» прижимался к Дэйнишу, и все очень старались не обращать на это внимания. Не из-за мальчишки, понятное дело. Мужчины наехидничались бы всласть, если бы не боялись спугнуть странное выражение на лице ее мужа.

Девушка даже почувствовала что-то, похожее на укол ревности. Она привыкла к тому, что Эйн с Вилайди, Лей с Сайни...

Отношения Эйфри и Дэйниша ее вообще искренне веселили, это была странная такая дружба. Ребят понять можно, им или драться друг с другом постоянно, или дружить. А как можно дружить без эротического подтекста, когда у них групповой секс, считай, на уровне нормы? А все парни здесь воспитываются бисексуальными, причем с сильным гомоприоритетом. Да и иерархические их разборки подразумевают...

Но все же девушка привыкла воспринимать мужа, как личное. Индивидуально для нее дышащего рядом любимого человека. И вот он сидит, прижав к себе молоденького мальчишку, слушает, как Эйфри играет на гитаре и... ему явно хорошо. Если сейчас демонстративно встать и хлопнув дверью уйти, позвав за собой Лейхию, то хорошо мужу быть сразу перестанет. И тогда поймет он сегодня не это малолетнее чудо, а свой мозг. Причем не ласково и нежно, а зверски изнасиловает. Оно ей надо?

Эйфри, отложив гитару, чуть подвинулся поближе:

— Грустите, моя госпожа?

— Конечно. Вы все только и делаете, что меня ругаете последнее время. Это я сделала не так, этого я обидела, этого зря купила...

— Моя госпожа?! Простите, нас, засранцев избалованных?.. Не зря же считается, что мужчинам воли давать нельзя? Наверное, в этом есть доля правды... Вы нам дали волю, мы распустились и обнаглели. Хотя, верите, даже не представляю, как вы будете ставить нас на место, теперь... — и брат улыбнулся. Как он умудряется говорить серьезные вещи прочувствованным голосом, а в глазах светится желание завалить и поиметь... И его чувственный голос звучит в ушах как призыв лечь и раздвинуть ноги, прямо здесь, на ковре?.. Причем, он на самом деле ни о чем таком сейчас может и не думает. А абсолютно серьезно переживает, что его госпожа грустит... А глаза и этот тембр голоса... Хорошо, что он не засматривается на других женщин. Даже к Кэйтирионе его приходится подпихивать силой. Иначе удушила бы уже давно братишку.

М-да... Но к пацанам она его не ревнует совсем. И если бы сейчас Юйлай жмурился под рукой ее Эйна, она бы только расстраивалась из-за пылающего ревностью, как дракон из сказки, Вилайди.

Но Дэйн почему-то беспокоил... С этим надо что-то сделать немедленно, потому что иначе она все же сейчас подскочит и хлопнет дверью.

Айрин начала крутить в руках пустой бокал и задумчиво посматривать на мужа.

— Позвольте, госпожа, сделать мне это за него? — рядом неожиданно оказался Лейхио, со своей снисходительной улыбкой, с бутылкой вина в руках. — Он ваш, в первую очередь, так же, как и все мы тут. Позвольте же ему чуть-чуть расслабиться, госпожа. Ему это необходимо, и вам тоже...

Пока Лейхио вливал мед в ее уши, девушка влила в себя вино, практически не отрываясь, залпом.

Мужчина, грустно-снисходительно вздохнув: «Молодежь...», помог своей госпоже встать. Потом взял ее на руки и отнес на кровать, в комнату к Дэйнишу. Потому что на мегакровати спала малышня, за которыми сегодня присматривала одна из молодых хозяек. Лейхио, еще отводя новенького малька в отдельную комнату, подстраховался, надеясь, что Дэйна все же разберет и тогда ему будет несколько не до детей. А еще он понял, что сегодня госпожа будет или одна, или с ним. Конечно, упускать такой шанс он был не намерен. И так редко перепадает — госпожа больше ценит его ум, чем тело. Да он и не в обиде, потому что мог и вообще не получить ничего, но, спасибо Мийрийниве с ее вейкоктейлем..

Мужчина, нежно, ласкающими движениями, начал освобождать свою женщину от одежды. Наедине госпожа позволяла обращаться с собой вольно, очень вольно. И понимание, что Эйну такого не позволят никогда, согревало душу.

Лей достал заботливо припрятанные в тумбочку ленты — ну не капроновые же веревки ему использовать?

Полюбовавшись на обнаженное красивое тело, нежно привязал каждую руку к спинке, потом раздвинул ноги как можно шире, привязал их к крюкам по краям кровати. Запах возбужденной женщины сносил мозг, но еще рано... Рано. Госпожа страдает и ревнует. Страдает от того, что ревнует, и страдает ревнуя. Она чувствует себя очень плохой девочкой. Вся проблема женщин Венги в том, что они, чувствуя себя очень плохими девочками, идут и наказывают хороших парней из гарема. От этого они начинают чувствовать себя еще более плохими девочками и этот снежный ком катится и катится.

Госпожа — умная женщина. Сейчас они тихо, между собой, решат ее проблему, и завтра он будет снова покорно сидеть на полу у ее ног. И даже парни не будут знать, чем конкретно они занимаются наедине.

Сегодня он приготовил для своей женщины маленький сюрприз. Они уже пробовали почти все, кроме этого. Госпоже должно понравиться.

Лейхио вытащил из тумбочки маленький флоггер, почти игрушечный, особенно в его руках. Девушка отрицательно замотала головой, попыталась что-то сказать, но Лей, нежно поцеловав ее в губы, прошептал на ухо:

— Вам понравится, моя госпожа, уверяю!

И ласково погладил распростертое перед ним тело кожаными ленточками. Тело выгнулось. Легонечко, почти без замаха, приложил флоггер к одному бедру, потом ко второму, потом между бедер... Госпожа застонала... И явно не от боли. Да, он, как всегда, правильно все рассчитал. Именно сегодня госпожа позволит ему проделать с собой такое. Только сегодня. И, даже если ей очень понравится, традиционной эта игра не станет. Но, если случись что-то про нее вспомнят. А сейчас будем спасать госпожу от переживаний и рефлексий. Всего ударов десять, не больше.

Теперь можно лечь сверху, преданно заглянуть в глаза:

— Я угадал ваше желание, моя госпожа?

— Ты всегда их угадываешь, мой любимый извращенный Лей.

Госпожа улыбается, значит и правда угадал. Можно перейти к нормальному сексу, на грани изнасилования, но нормальному. На сегодня хватит разврата.

* * *

Айрин не спалось, хотя завтра и надо было рано вставать. Рядом, лицом в подушку, спал ее личный садист. Как он вчера точно почувствовал ее ощущения! Да, даже анальный секс со связыванием не произвел бы в ней такого эмоционального взрыва, как... Ее выпороли флоггером. Ее собственный раб, не муж, не брат, простой раб из гарема. И это расслабило натянутые, как струна, нервы. Ревность к Дэйнишу ушла. Осталось только странное ощущение, то ли унижения, то ли величайшего доверия... Ведь Лей очень рисковал, он постоянно ходит с ней по грани. Но понимает, что ее маленькой инопланетной девочке, заключенной внутри уже обжившейся тут оболочки, это очень нужно. Полная зависимость от мужчины.

Если впасть в такую зависимость от Эйна — потом проблем не оберешься, да и обнаглеет брат быстро. Скрывать их отношения так же хорошо, как это делает Лей, он точно не сможет. Уже пройденный этап, хорошо вовремя остановились.

Дэйниш? Дэйниш просто не создан для полной ответственности, со

своими тараканами и тягой к мозгоебству, если уж называть вещи своими именами.

А Лей... Лейхио... Вот он сейчас утром проснется, потянется, улыбнется своей снисходительной улыбкой и будет делать вид, что между ними ничего не было. Вообще ничего. Даже обычного секса. Просто ласковый такой, великовозрастный котенок. Чтобы она без него делала?!

— Не спится, госпожа? Еще очень рано... Давайте, я вам сказку расскажу?

— Лей, я уже большая девочка!

— Тогда я вам эротическую сказку расскажу...

Айрин, засмеявшись, улеглась мужчине на спину, поцеловала его между лопаток и... Через минуту спала, убаюканная мурлыкающим тихим голосом.

* * *

Дэйниш, отметив для себя, что жену похитили прямо у него из под носа, почувствовал своим мозгом легкое поглаживающее движение щупалец рефлексии. Но потом решил, что как раз все правильно. Лейхио уже давно гулял мимо спальни, а тут удачно воспользовался моментом. Эйнри сегодня будет с Вилайди, не зря котенок сияет, как сверхновая. А у него есть два варианта: или идти спать к детям, или идти спать с одним ребенком. Судя по тому, что ребенок этот уже практически уснул, а Лей — ушел, то провожать это юное тело придется ему.

— Эйн, присмотрите за детьми, пока я отнесу Юйлайя?

— Можешь сильно не торопиться, — подмигнул другу Эйнри, — великий предсказатель предусмотрительно подсуетился и пригласил им нянечку на всю ночь. При этом, похоже, оккупировал твою же комнату чтобы трах... побыть наедине с нашей госпожой.

Дэйниш обреченно вздохнул — ну, просто все против него. Торопиться никуда не надо, Юйлайнэ отнести в комнату, как раз наоборот, больше кроме него — некому. Госпожа сегодня всю ночь будет с Лейхио. Выйдет томная, загадочная и сияющая. Как будто после секса с Лейхио у нее второе дыхание открывается. Ну и ладно!

Посмотрел на сопящее у него на коленях чудо, аккуратно, чтобы не разбудить, переложил голову мальчика на ковер, встал. Взял спящее, удивительно легкое тельце на руки и понес деточку на кроватку.

Во время перекладывания деточка проснулась, обвила шею ручками,

притянула к себе и... Он же не железный, в самом-то деле?! Когда тебя целует такой красивый парень, весь день явно выражавший тебе свою симпатию... Удержаться очень сложно. «Возьми меня... Ну пожалуйста, возьми меня...». Тикусьо!

Стянул с этого чуда рубашку, перевернул его лицом в подушки и...

— Тля!!! Что с твоей спиной?!

Юйлай испуганно замер. Все складывалось так хорошо. Так хорошо... Он уже просто ощущал этот желанный член, сквозь штаны, пока целовались... И такой облом. Сейчас его отвергнут только из-за того, что спина не в должной форме?

— Это скоро пройдет... Правда, я буду как новенький, вот увидишь! — голос мальчишки зазвенел. Обидно же! Почти вот-вот уже и...

— Дурында! Тебе же повязку менять надо?

— Ну да... Надо... — голос Юйлая совсем потускнел, превратившись в тихий шепот.

Менять повязку — это больно. Там, наверное, опять все приклеилось... Мать использовала лечебную мазь очень экономно.

Ой, только бы не закричать! Только бы не закричать...

— Тля!!! Кто ж так перевязывает?! У тебя же все бинты присохли... А ну, давай мы тебя к лекарю сейчас отнесем.

— Нет!! Не надо! Сейчас поздно, он ругаться будет и тебе потом попадет...

— За что? — искренне удивился Дэйн, потому что это же участь у лекаря такая, в любое время суток оказывать посильную медицинскую помощь. Это же правильно? За что же надо ругаться?

Юй, по голосу парня почувствовав, что здесь, в этом доме, никто ругаться на поздний визит не будет, расслабился. Его повели по коридорам и лестницам на первый этаж, где находился небольшой медицинский блок, к которому примыкала комната лекаря. Тот уже спал, но, увидев состояние спины позднего пациента, мгновенно проснулся.

— Это новенький, Юйлайнэ.

— Да я уж понял, что не в нашем доме его так разукрасили. Даже когда была жива старая госпожа, я таких спинок не видывал.

— Не уходи... — мальчишка испуганно вцепился в руку Дэйну, сразу убивая этим двух зайцев. Действительно, не хотелось оставаться один на один с незнакомым мужчиной, мало ли чего, а он не каждому дает, да и обратно дорогу найти у него может не получиться. И внутри теплилась маленькая искорка надежды: раз его отвергли не из-за того, что спина страшная, а из-за переживания об его здоровье, то, может быть, когда они

вернутся в комнату... Может, все удастся еще исправить? Ему бы только раз получить этого парня, уж он расстарается... Тот про всех забудет!

Повязки отмочили в каком-то растворе, сняли так, что он даже не почувствовал, потом всю спину жирным слоем покрыли маслом иши... И убили надежду на корню:

— Теперь пусть полежит, на животе, до тех пор, пока это все не впитается. Потом я пройду по порезам склеивающим раствором, и только после этого забинтую и отпущу. На спине, конечно, останутся следы. Жаль... Ну, я подумаю, что еще можно будет с этим всем кошмаром сделать.

Так что Юйлайнэ положили на кушетку, впитывать спиной масло. А Дэйниш сходил наверх и принес пару подушек, чтобы не так жестко было лежать.

Только через полтора часа они вернулись обратно, в комнату Юйлайя. Уставший от процедур и от общего избытка впечатлений за день мальчишка почти мгновенно уснул. Дэйниш посидел, полюбовался на спящее чудо, поправил одеяло... и отправился спать к детям.

* * *

Эйн с Вилайди тоже провели нескучную ночь. Поэтому утром самым популярным блюдом была кружка кофе с тайшу.

Все старательно пытались добиться ясности ума и четкости зрения. Самым выпавшимся был Сайни, который ушел спать еще в середине вчерашних посиделок и, единственный, действительно сразу лег и уснул.

— Вот ведь кретины, нет, чтобы выспаться нормально... — не очень убедительно высказал общую мысль Эйнри, уткнувшись носом в волосы Вилайди.

— Все, мальчики, умываться-одеваться, а то вы скоро булькать будете! — девушка тоже не отказалась бы поспать еще часика так два, а лучше три.

Но надо смотреть на вещи реально — через час приедет Кэйтиайриона, которая будет оказывать посильную помощь в последних приготовлениях к вечеринке. И привезет своих парней.

Айрин видела мельком только одного, Айкейнури, симпатичного самоуверенного молодого блондина. Со спины его можно было бы принять за Эйнри, а по характеру... С характером девушка еще не разобралась, но то, что он безумно влюблен в свою госпожу, не увидел бы только слепой.

Хотя, Кэйт, похоже, не видела вообще никого, кроме своего мужа. Так что, какой бы характер у парня не был, но за ним и Эйри надо будет присматривать.

А вот второй мужчина, которого Кэйтириона недавно привозила, был спокойный и уравновешенный, уютный такой. Интересно, возьмет ли она его с собой? Возраст мужчины явно подходил к пограничному. Но у него был такой блеск интеллекта в глазах... У подруги были все шансы заполучить собственного Лейхио. Надо намекнуть ей на это. Не сексом единым можно питаться от мужчины. Мозг у них тоже очень даже неплохо функционирует. У некоторых.

А если Кэйт заупрямится, неплохо бы успеть выкупить этого мозговитого до того, как усыпят. А то жаль же... Такой умный взгляд! Что только потом с этим умным делать? Нет, надо постараться разуть глаза подружке, пошире. Расписать все преимущества...

А теперь и самой пора одеваться-наряжаться. День сегодня просчитан до минуток. Хотя глаза и слипаются... Ну хорошо, еще кружечку... Маленькую...

— Вы специально нас прогнали от кувшина, чтобы выпить гущу со дна? — сочувственно улыбнулся жене Дэйниш.

Именно на ее хрупкие плечи ляжет сегодня все управление праздником, хотя сценарий уже давно прочитан и выучен наизусть. Но моральное напряжение от общения с такой толпой женщин все равно будет, пусть даже госпожа и разговаривала с каждой из них по отдельности.

А потом, сценарий такой, что все будут икать от напряжения. Причем в буквальном смысле все — задействованы и сестры Пайти, и Тоймаш с остальными ребятами. И даже жена Эйна и ее гарем.

И право появляться на подобных мероприятиях для Вилайди было выкуплено именно вчера, а не сегодня, чтобы и тот смог блеснуть своими способностями.

Только ему блеснуть нечем. Красивая внешность — достоинство временное, к сожалению.

Интересно, выпустит ли госпожа к гостям Юйлайнэ?

Айрин как раз тоже размышляла, показывать ли свою покупку публике? Наверняка все уже в курсе, Клаусийлия отличалась большой скоростью в распространении информации. Поэтому смысла скрывать Юйлайя не было, наоборот, это спасет от излишнего потока вопросов. Все сразу увидят и выдохнут. Решено.

— Дэйн, подберите одежду и для Юйлайнэ, хорошо?

Дэйниш кивнул и удалился вслед за остальными.

К обеду ожидалась первая партия гостей, самых близких. «Зелененькие» и часть «коричневеньких». Всего шестнадцать домов, со свитой. К ужину должны были подъехать остальные «коричневенькие» и часть более-менее спокойно настроенных «сереньких», с которыми взаимной симпатии не возникло, но приглашение они принять — приняли, по разным причинам. То есть, еще двадцать домов. А так же просто несколько близких соседей, которых порекомендовала пригласить Сабина. Получалось примерно столько же, сколько было в позапрошлом году. Ужас! Она уже третий год здесь?..

В двери появилось личико Рианы:

— Мы уже пришли помочь тебе прихорашиваться, ты как?

— Ох, спать хочу! Просто не поверишь, как сильно я хочу спать!

— Почему же не поверим? У тебя на лице это желание написано, — рассмеялась Рина, и сестры Пайти захлопотали вокруг Айрин.

На этот раз все планировалось просто и по-домашнему. Длинное струящееся зеленое платье, ниточка жемчуга на шею и такая же ниточка на запястье. Сестры были в канереечно-желтом и ядерно-салатовом. Маленькие, яркие и юркие, как птички.

— Привели своих?

Девушки замялись...

— Нейрио остался с Рийти, — смущенно, не глядя Айрин в глаза, проговорила Риана.

— М-да? Но я же предлагала вам привести девочку сюда, за ней бы присмотрели...

Риана засмущалась еще больше.

— Пожалели брата?

— Ну да! — девушки сразу снова радостно заулыбались.

— Ой, смотри, Кэйт уже приехала! Сколько парней-то, просто глаза разбегаются!

— Девочки!! Смотрите, вон, блондин справа от нее, ну просто вылитый же Эйн! Нет?

— Да, похож... Только молодой еще совсем. Странно, имея такого красавца в своем гареме, каждую неделю, как часы, ездить к чужому рабу?

Сестры Пайти переглянулись между собой и вопросительно посмотрели на Айрин, ожидая, что может быть она сможет объяснить недоступную им логику подруги.

Айрин прекрасно понимала логику... Но как объяснить это девушкам, чье сердце еще пока было абсолютно свободно? Ни один, даже самый-самый похожий человек не в состоянии заменить любимого. Правда, для

жительницы Венги Кэйтириона уж очень постоянна в своих предпочтениях.

— Де-евочки, — с восторженным придыханием прошептала Рина, — смотрите какой... Медноволосый! Какая прелесть! Я в экстазе просто! Ах!

— Вау! А это что за субтильное недоразумение? Матерь Сущего, да он же ребенок совсем, зачем она его привезла? — теперь Айрин смотрела на сестер с надеждой. Недоумевающая тишина послужила ей ответом.

— Зато вон тот, смотрите, ну вон же! Ох, какая фигура! — обратила всеобщее внимание Риана.

— Нет, мне больше блондинчик нравится! Вылитый Эйн, только моложе! Я обязательно его попробую сегодня (тут уверенность в голосе Рианы несколько поутихла), если, конечно, Кэйт поделится!

— Я бы таким ни за что не поделилась бы! — заявила Риана.

— Потому что ты — жадина.

— Ну, Тоймаша же я привела!

— Так, девочки, а Вайлиса? — решила уточнить Айрин.

Девушки снова засмутились...

— Лис сидит с Нейрио, чтобы тому было не скучно? — умилилась Айрин привязанности девушек к своим рабам.

— Ты не сердишься? — опасливо уточнила Риана.

— Как я могу сердиться на то, что вы оберегаете своих собственных рабов от излишних стрессов? Тем более у меня свой гарем не маленький. И больше всего я рассчитывала именно на Тоймаша, а его вы привели.

Девушки очередной раз выдохнули.

Тут в комнату зашла Кэйт.

— Привет, девочки! — и, в ответ на вопросительные взгляды, изучающие пространство у нее за спиной, пояснила: — Рабов я отправила к остальным.

— А дать пощупать?! — возмущенно подпрыгнула Рина, — Хотя бы блонди-инчика!

Канючительные нотки в ее голосе развеселили остальных девушек.

— Блондинчика зовут Айкейнури, и... Ну, пощупать-то я его тебе дам, но на большее можешь не рассчитывать!

— Ты тоже жадина! — презрительно фыркнула Рина, и все снова рассмеялись.

— Девочки, не ссорьтесь! Мы сегодня собираемся проводить рекламную кампанию: «Мужчины тоже люди!», а вы пререкаетесь из-за них, как из-за игрушек.

Рина надула губки и отвернулась. Потискать блондинчика очень

хотелось, уж больно красив был, чертяка! Поиграть в Эйна ей как-то не удалось, так теперь перед носом помахали его молодой копией — и снова облом. Обидно же!

— Злые вы все и жадные. Заведу свой гарем, будете ко мне ходить и умолять дать поиграть... И вообще, Сайни мне давно глазки строит, вот!

Рина не удержалась, и показала этим зеленым жабам язык.

— Сайни — это брат Эйна? — заинтересованно уточнила Кэйт, — Я слышала, вы взяли над ним шефство и он делает большие успехи?

— Да, как ни странно, он очень хорошо чувствует живую природу, — похвалила Сайя Риана.

— Айрин, дорогая, у меня полное запустение в саду! Отпустишь Сайни ко мне, когда снег сойдет? Ненадолго?

— Ну, если только ненадолго... И разговаривать надо с ним самим, хорошо? Напрямую. Я, конечно, намекну ему, что мне будет приятно, если он согласится, но все же спроси у него лично.

Кэйт и сестры Пайти понимающе переглянулись. У раба-садовника спрашивать, хочет ли он привести в порядок сад подруги. До такого могла додуматься только Айрин.

— Хорошо, дорогая, я обязательно спрошу у него самого, лично.

Кэйтириона проговорила это с интонацией медсестры, разговаривающей с тяжело больным человеком. Вольные отношения Айрин с мужем и братом она еще хоть как-то могла понять, но в подобном стиле общаться со всеми рабами?! Хотя...

— А ты уже пробовала Сайни?

— Да, один раз, в первый месяц, как приехала.

— И как он?

— Похож ли на Эйна?

Теперь уже была очередь Айрин съехидничать над подругой. Кэйтириона смутилась и покраснела.

— Если тебя интересует мое визуальное впечатление, то прокачаннее (Кэйт облизнула губки), умеет возбуждаться и кончать по приказу. Больше ничего сказать не могу, я его использовала связанным.

— Ты? Вау! — даже в ладоши хлопнула от избытка эмоций Рина. — Я обязательно, обязательно его тоже использую... — поймав предостерегающий взгляд Айрин девушка несколько поумерила свой пыл: — Можно? Я у него спрошу разрешения, лично.

И, переглянувшись, все снова рассмеялись.

— Ладно, девочки, у нас осталось мало времени, давайте еще раз повторим сценарий праздника. Может, по ходу чего нового придумаем.

К обеду начали потихоньку подтягиваться другие гости. Только Кэйтириона приехала одна, без сопровождения подруг-родственниц. Остальные женщины приезжали в компании своих Хозяек-помощниц и привозили молодых родственников, не обязательно даже дочерей. И, конечно, в сопровождающих свитах было от пяти до десяти рабов. Айрин сначала спускалась к каждой гостье, потом решила просто не уходить со двора. Девушки стояли и щебетали о своем, о девичьем.

Во двор небольшой толпой вышло несколько парней. Эйри сначала дернулся разбавить женскую компанию, потом, увидев Кэйт, отвел взгляд и оживленно заговорил о чем-то с Дэйнишем.

Поздороваться с женой он уже успел, пока та шла в комнаты Айрин. Они как раз веселились с ребятами в большом зале, меряя одежду. И он, тля! Абсолютно голый, спиной к двери, вдруг почувствовал посторонний взгляд. Да и парни притихли и склонились в поклоне. Ну понятно, кто еще из посторонних может ходить беспрепятственно по мужской половине, кроме Кэйтирионы?

Так что медленно обернулся, глазами поймал ее плотоядно изучающий его тело взгляд, тут же быстро уставился в пол и медленно склонился в поклоне:

— Здравствуйте, госпожа!

За спиной у жены разглядел Айкейнури и почувствовал, как руки сами сжимаются в кулаки. Зачем Кэйт взяла с собой этого наглого влюбленного кретина? Ведь знала же, что сегодня с нею рядом приказано быть ему. Так зачем привозить Айку? Неужели старшей госпоже Дома не доложили, как они сцепились в тренажерном зале? Тля!

Жена, кивнув на его приветствие, гордо удалилась дальше. А ее мужчины ввалились в зал.

Эйри старательно делал вид, что не видит Айкейнури в упор. Хотя тот настойчиво ходил вокруг него кругами боевым петухом и явно искал повод снова завязать драку. Но остальные парни, почувствовав запах тестостерона, оттерли их друг от друга.

Дэйниш только вопросительно изогнул бровь, скосив взгляд на наглую молодую копию друга. На что Эйн пожал плечами, потом тихо на ухо выдал краткую справку: «Влюблен в мою жену, ревнует». Дэйн понимающе кивнул и теперь усердно помогает делать вид, что этого кретина здесь нет.

Положа руку на... На сердце, хотя другой орган у него тоже шевелится

при виде неудачливого соперника, парень похож на него не только внешне. Да он сам в первые месяцы влюбленности в Айрин вел себя так же, если не хуже. А ведь был на два года старше. Так что конечно Эйн понимал Айку и даже сочувствовал ему. К тому же тот не был братом своей госпоже, а Эйн не был отцом наследницы. Тля! Но как кретин этот хорош! Так бы и... Но ведь не даст. В этом они тоже похожи — свою задницу Айк берег исключительно только для госпожи.

Айкейнури тоже зачем-то потащился со всеми во двор, хотя эта прогулка была устроена именно для того, чтобы разделить двух просто излучающих взаимную любовь и симпатию мужчин. С ним обреченно вышел Шайн, который с большей радостью поболтал бы с тем же Лейхио, но приходилось присматривать за молодым любимчиком госпожи. Тот как будто не соображал, что сейчас за драку они не отделаются легким промыванием мозга. Причем, больше получит как раз он, Айк, потому что Эйн — любимчик и их, и здешней госпожи. Да и видят все, кто тут, распушив хвост, машет крыльями. А кто — пытается прикрыться широкой спиной двухметрового друга.

— Эйнри, Дэйн — подойдите сюда. А остальные, если не хотите испачкать брюки в дворовой пыли, быстро обратно в зал, — обратила внимание Айрин на кружащегося коршуном вокруг ее брата Айку. Прикинула, что нервная система у Эйна и так слегка расшатана, а драка между рабами сейчас будет как никогда не вовремя.

Мужья заняли положенные им места чуть сзади своих женщин. Им позволялось чуть нарушать этикет приветствия, не падая на колени, а низко склоняя голову перед подъезжающими гостями.

Наконец все ожидаемые к обеду госпожи подъехали, и девушки вошли в зал следом за последними прибывшими. В зале хозяйничала Сабина. Обед решили сервировать не «фуршетным столом», а рассадить всех женщин нормально. Конечно, такого количества диванов, как во Дворце, у Айрин не было. Поэтому были сделаны слитные скамейки со спинками, вдоль стен. Чтобы было не так жестко сидеть, скамейки обтянули толстым слоем войлока и сверху — красивое покрывало. Рабов отправили обедать на мужскую половину, а по залу мелькали только мальчики, разносящие еду и напитки и убирающие грязную посуду.

Во время обеда женщины разговаривали с соседками по столу, правда, основное внимание уделялось спектаклю, разыгранному доморощенными актерами. Сюжет Айрин выбрала из местной книги и чуточку его видоизменила. Играли и молодые хозяйки, и рабы. Домашние спектакли не были редкостью на Венге, редкостью был смешанный состав актеров.

И девушки, и парни играли с душой, их заставили разучивать эту пьесу еще в середине грейзена прошлого года. После месяца чуть ли не каждодневных репетиций слова роли просто отскакивали от зубов. Вилайди был очень строгим режиссером.

Изюминкой сюжета было акцентирование внимания на чувствах не главной героини, а главного героя. Он переживал, страдал, любил...

Некоторые молодые зрительницы под конец даже расплакались, когда главная героиня решила усыпить его и купить себе нового. И радостно хлопали стоя, когда любовь все же победила, и мужчина остался в гареме, пусть и не на правах мужа.

Мальчики-официанты убрали со столов после окончания спектакля, расставили фрукты и легкую закуску, принесли следующую партию напитков.

Айрин громко сообщила, что сейчас будут танцы. Причем не традиционные, а тоже смешанные. Все удивленно начали перешептываться, потому что как же можно смешать мужские танцы, предназначенные для возбуждения женщин, и женские, спокойные, расслабляющие. Когда одна женщина, более старшая, ведет другую?

Оказалось, что очень даже можно. Если чуть усилить ритм женских танцев. Через несколько минут одна из сидящих за столом женщин обратила общее внимание на то, что в парах ведут мужчины!

Потом было выступление трех пар, гордости Вилайди, они танцевали старинный танец со смешным названием «ча-ча-ча». Вилайди просмотрел все записи с этим танцем, начиная с блеклых и еле видных съемок 20-го века. Сделал некую сборную солянку, адаптировав ее под местные правила, получился завуалированно-эротичный танец соблазнения рабом своей госпожи.

Такой танец всем очень понравился — в нем было гораздо больше возбуждающей эротики, чем в обычных мужских стрип-танцах.

Пока шли танцы, в зал потихоньку просачивались отобедавшие рабы. Они усаживались на полу, вдоль столов. Появившийся в дверях Лейхио подал Айрин знак, что он — последний. Можно было приступать к конкурсам.

Столы унесли, оставив только один, вдоль стены напротив двери. Скамейки оставили, все же многие из женщин были в возрасте Сабины и им было удобнее сидеть.

Сначала девушка решила дать шанс всем втянуться в смешанные забавы. Вызвала трех молодых девушек, и предложила им выбрать трех чужих рабов. Эйнри и Дэйниш, как приличные мужья, сидели у ног своих госпож, и это служило намеком, что выбирать их не следует. Но Айкейнури был свободен. Еще двоих выбранных Айрин не знала.

Парней и девушек развели по разным сторонам зала, поставили каждую пару вдоль одной линии, в зубы девушкам выдали небольшие, продолговатые конфетки — леденцы. Всем участникам завязали глаза и связали руки за спиной, а потом по команде пары двинулись на встречу друг другу. Когда наконец происходило столкновение тел, основной задачей юноши было каким-то хитрым образом заполучить леденец из рта госпожи себе. Вот уж все повеселились! Особенно когда Айк первым дорвался до заветной цели и заодно вынужден был коснуться своими губами губ Рины. Конечно именно она выбрала приглянувшегося ей блондинчика.

Айк и Рина были объявлены победителями. Довольные победой, но очень смущенные этим неожиданным легким поцелуем, молодые люди вернулись на свои места.

Пока собирался народ для следующего состязания, мальки принесли влажные полотенца, чтобы все участники карамельной вакханалии смогли вытереть лица.

Для нового конкурса потребовалось пять участниц, выбравших себе по мужчине. В этот раз среди избранных оказались Сайни и Тоймаш. Двух девушек из пяти отвели в сторону, связали им руки за спиной и завязали глаза. Остальных молодых людей поставили в круг, лицом к залу. Потом подвели двух участниц с повязками на глазах и предложили им обойти круг и выбрать себе в гарем раба. Одна вытащила действительно парня, правда, не свою пару, а второй не повезло и ее улов оказался женского пола. Девушки поменялись между собой — выбранной завязали глаза и связали руки, а ошибшаяся встала в круг. Выбранный парень встал за спиной у своей «госпожи». После чего в круге сделали несколько перестановок и девушкам снова предложили испытать свою удачу. На этот раз обе угадали и выбрали себе по парню. У одной в гареме уже было двое, у второй — пока лишь один. Снова перестановки в круге и на этот раз ошиблась госпожа с более многочисленным гаремом. Двое ее парней пошли и сели к своим настоящим господам, для них игра была закончена. В итоге победительница собрала себе гарем из троих мужчин, и все приготовились к тому, что сейчас у каждой из настоящих хозяек уточнят границы допустимого и парней прилюдно поимеют.

Но Айрин сказала, что все будет наоборот. Парни озвучат свои тайные фантазии, в пределах разумного, конечно, а выигравшая девушка их осуществит. Парни с перепугу очень засмутились, переглянулись и все кончилось традиционным «Как пожелает госпожа!» и выяснением границ дозволенного у настоящих хозяек.

Пока еще не начала подъезжать вторая партия гостей, менее прогрессивно настроенная, Айрин хотела пропихнуть идею попробовать совместный танец. Одни из присутствующих девушек — сестры Пайти, Кэйт и Айсоэль, уже имели подобный опыт и могли помочь создать костяк. Еще некоторым девушкам можно было выдать таких партнеров, как Вилайди, Дэйниш и Эйри, если Кэйт его уступит.

Айрин вынесла предложение потанцевать в зал и несколько желающих попробовать новый эксперимент нашлось. Кэйтиайриона согласилась уступить мужа, взяв себе партнером Айкейнури.

— Буду единственной парой, где ведет женщина, — пошутила она.

Правда, тут же выяснилось, что таких пар будет две. Айсоэль наконец-то разглядела за широкими мужскими спинами фигурку Юйлайнэ и, конечно, вытащила его в притихший зал. Айрин пригласила Лейхию, Рина — Сайни, а Риана — Тоймаша. Вилайди, Дэйниша, Эйна и еще двоих парней разобрали желающие потанцевать молодые госпожи. Потом всей толпой удалились репетировать в гаремный зал.

Оставшаяся публика получила возможность посплетничать насчет Юйлайнэ и вообще всего происходящего. Как ни странно, пока всем все нравилось.

Танцоры вернулись, исполнили трехминутный спокойный танец, сорвали шквал аплодисментов. Тут же нашлось еще несколько желающих, и Айрин предложила им приехать на ближайшие молодежные посиделки. Девушки радостно закивали, и те, кто уже оттанцевали, и те, которым потанцевать не удалось.

В комнату занесли маленькую наследницу, Айзарийэн. Женщины вежливо повосхищались девочкой, одобрительно поглядывая на Дэйниша. Потом почти у всех срабатывала ассоциативная связь, и они переводили сочувственный взгляд в сторону Кэйт и осуждающий — на сидящего у нее в ногах Эйна.

Девушка искренне сочувствовала брату, хотя так и не могла понять его переживаний — с таким же успехом можно было бы обвинять в случившемся Кэйтиайриону. И не вынести дочь для демонстрации гостям было бы верхом неприличия, как объяснила Айрин Сабина.

Эйри медленно закипал, ему хотелось или провалиться сквозь землю,

или слить куда-то закипавшую внутри агрессию. Кэйтириона ободряюще погладила мужа по щеке, но от этого на душе у Эйна стало еще более погано.

Он так ее подвел, а она вместо того, чтобы осуждать, как все остальные... Тля! Любить он ее не любит, наследницу не сделал. А она еще его и жалеет. Тля! Тля! Тля! Интересно, можно ли сгореть от стыда?!

И тут Шайн, все это время развлекающий, а вернее — отвлекающий, Айка, ненадолго отошел, чтобы поболтать с Лейхио.

А Эйн, вымученно улыбнувшись жене, вылетел из зала. И за ним, с грацией хищника на охоте — оставленный без присмотра Айкейнури.

Столкновение, которого искусно пытались избежать в течение всего дня, наконец-то произошло.

— Что, носитель лучшей части генофонда, твою ошибку сегодня не вынесут, как я понимаю? На тебя даже собственная госпожа смотрит с жалостью, заметил? И наша госпожа тебя жалеет... Надеюсь, ты сам себе противен?! Может имеет смысл сдаться и уступить мне место на следующей церемонии?

Эйн даже не понял толком, что его задело больше всего. Рука сама сжалась в кулак и доведенным до автоматизма движением пошла вперед, соприкоснувшись с грудью целый день нарывающегося на драку любимца жены. Тот не остался в долгу. Не прошло и минуты, как двое мужчин катались по полу, стараясь сделать один другому как можно больнее физически, потому что морально они уже довели друг друга до грани.

— Какая прелесть! — прозвучал над ними чей-то до боли знакомый голос. — Ваши госпожи будут просто счастливы узнать, чем тут занимаются их избалованные зверьки.

Эйна, уже какое-то время меланхолично стучавшего головой Айка по полу, оттащили за руки, вывернув их за спину, потом кто-то крепко прижал его к себе одной рукой за грудь, другой за живот. И тихо зашептал в ухо: «Эйн, успокойся! Ну успокойся же!». В голове стучала единственная цель в жизни: вырваться и добить.

«Эйн, успокойся! У госпожи будут проблемы, много проблем! Успокойся!». Вырваться, добить и вскрыть себе вены. Классный план.

— Что здесь происходит?! Эйри, родной, что случилось?!

— Эйри, Айкейнури... Эйн, ты в порядке?

Два тоже отдаленно знакомых голоса... Вырваться, добить и вскрыть себе вены.

— Госпожа, ему нужен лекарь с успокоительным, и позовите когонибудь еще мне в помощь, а то он вот-вот вырвется и я песчинки тогда не

дам за жизнь вон того кретина.

Айк, хотя его и приложили под конец несколько раз головой об пол, в целом мог рассчитывать на ничью. Если бы не удачное появление Клаусийлии. Ведь он уже почти вывернулся из рук Эйна и тогда бы уже другая голова стучалась об пол. Но госпожа Альцейкан, имеющая неподражаемый нюх на интересные события, увидев, как Эйнри выходит из зала, а за ним следом идет этот наглый молодой блондин из гарема Кэйтиайрионы, мгновенно сориентировалась. Почти так же быстро отреагировал и Дэйниш, краем глаза следивший за другом все то время, что женщины восхищались Азари. Почти. Отстав всего на минуту, а то и меньше.

— Ну что, дорогие, будем делать с вашими зверушками? Мне бы хотелось, чтобы вы их наказали, при мне, так, чтобы устраивать такое шоу им больше и в головы прийти не могло. Иначе я буду очень переживать, встречая их в ваших свитах на Совете. Очень шумно переживать, понимаете, дорогие мои девочки?

— Да, конечно. Парней обязательно надо наказывать.

Айрин, переглянувшись с Кэйт, выразила их общее мнение, что два молодых тестестероновых безмозглых кретина не должны испортить им отношения с Домом Альцейкан. Тем более, что скоро их мозги вернутся, и один из них, самый неадекватный сейчас, точно еще пригодится. В свите. На Совете.

Брата было жаль, но это не оправдывало случившегося. И надо же было, чтобы их увидела именно Клаусийлия. С любой другой женщиной могло бы не получиться договориться замять скандал, но... Какое наказание для парней попросит госпожа Альцейкан, даже представить страшно.

— Как я понимаю, у вас уже есть идея, как мы должны их наказывать?

— Конечно, дорогая! У меня всегда есть идеи, как можно наказывать обнаглевших зверьков.

В это время появились Лейхио, Шайн, Вилайди и еще один парень из гарема Кэйтиайрионы, медноволосый, Нэйклийанэ. С другой стороны коридора резво шагал лекарь, за которым послали малька. Все переместились в соседнюю с залом комнату.

Вкатив Эйнри из шприца лошадиную дозу успокоительного, лекарь осмотрел голову Айка, поцокал языком:

— Явных повреждений нет, у молодого человека крепкий череп.

— Только мозгов в этом черепе меньше, чем у шушарки, — сквозь зубы процедил Шайн.

Ни у кого не было сомнений в том, кто зачинщик этой драки. Поэтому как гром среди ясного неба прозвучали слова Клаусийлии:

— Эйна надо наказать первым, это он начал драку.

— Но спровоцировал-то его... — Айрин не договорила и посмотрела на подругу. Той сейчас тоже не легко. Эйри она любит не меньше, а тут еще и ее любимец замешан. Грустно вздохнула, вспомнив, как ей было плохо после того, как подрались Эйри и Дэйниш.

В это время госпожа Альцейкан продолжила:

— Мне кажется, самым лучшим наказанием для этих зверьков послужит хороший секс друг с другом. Снизу будут по очереди... и под нашим присмотром.

— Тикусйо!.. — тихо прошелестело по комнате, и Дэйн испуганно опустил глаза в пол. Не хватало еще, чтобы и он попал под раздачу.

— Сначала пусть этот нахальный зверек с крепким черепом поймает при всех нас драгоценнейшего Эйри, а потом уже и Эйн его. Чтобы оба надолго запомнили. Ну, а уже после Совета мне бы хотелось увидеть на их спинах шестьдесят ударов плетью. Лучше в моем присутствии, мне так спокойнее будет, договорились, девочки?

Клаусийлия, по сути, шла всем навстречу, позволяя высечь парней не сегодня, а только после Совета, к тому же она требовала не максимальное число ударов за подобную провинность. Хотя, конечно, могла бы и на сорока пяти остановиться. Но то, что она требовала проделать сейчас... Ох!..

* * *

Все пребывали в шоке. Даже до Айкейнури наконец-то дошло, насколько серьезно он попал. Парень не имел чести быть близко знакомым с госпожой Альцейкан, поэтому рассчитывал просто на хорошую порку. Ничего критичного, зато душу очередной раз отвел.

Но секс с Эйном? Нет, Аик с удовольствием бы подмял его под себя, даже и без приказа (если бы тот дался, конечно), но не при всех же?! А то, что и ему придется потом ложиться под этого... мужа, которого иногда хотелось удавить просто голыми руками... Тоже при всех... При госпоже!!! Тля!

Он подвел ее, но не нарочно же! Просто эмоции у него всегда брали верх над разумом... Не зря Шайн весь день крутился рядом, пытаясь вразумить, а он, кретин, не послушал...

В голове все еще основательно так гудело, но кровавая пелена злости, застилавшая глаза, уже не отсвечивала, и тем страшнее прозвучал приговор, который ни его госпожа, ни даже госпожа Айрин не стали оспаривать.

Айк бросил быстрый взгляд на свою госпожу, но та, закусив губу, сейчас смотрела только на мужа, которому вкололи убойную дозу какого-то лекарства, и Эйн, кажется, пребывал в прострации, счастливо избежав терзающих незадачливого соперника переживаний.

В мозгу Айкейнури зафиксировался ее взгляд, полный негодования из-за решения госпожи Альцейкан, и пальчики, стиснувшие тонкое запястье. И это только подстегнуло Айку к новому всплеску бешеной злости: не за него она переживала — снова за своего ненаглядного, чтоб он сдох, сучонок!

Унизительней наказание придумать, пожалуй, было сложно. Почему-то шестьдесят плетей, да еще и отодвинутых на время, пугали его гораздо меньше, хотя тоже не сулили ничего хорошего... Но с плетью госпожа как-нибудь разберется, не порвет спину в клочья. А боль? Боль и потерпеть можно.

Шайн пребывал не в меньшем шоке от происходящего. Два долбоеба, решившие все-таки померяться силой! Ну ничего, сейчас они наконец добились того, к чему так долго шли.

Мужчина был очень расстроен — не надо было оставлять Айку ни на минуту! Ужасно было то, что этот молокосос подвел и их госпожу и госпожу Айрин. А Шайн уже успел пообщаться с Лейхио, выслушать, вкратце, описание дальнейших планов, даже дать пару советов. И надо же, эти два кретина подложили такую свинью своим господам!

Шайн возлагал большие надежды на Айрин, за которой тянулась и их Кэйтириона. Нельзя не признать, что положение рабов было бы значительно лучше, сумей госпожа Вайнгойрт хоть что-то воплотить из своих смелых идей...

Айка было жаль, но как ни крути — заслужил. Выпрашивал у Эйна весь день и вот — выпросил на свою голо... задницу! Повезло, что их «номер» не вынесли в гостиную, в которой проводились конкурсы — вот это было бы зрелище! Гости госпожи Айрин ладони бы себе отбили, хлопая...

Успокоительное притупило у Эйна все эмоции, абсолютно все. Вскрыть вены уже не хотелось, да и желание добить этого блондинистого нахала пропало.

Теперь интерес вызывали только глаза сестры, в которых совершенно ясно отражались испытываемые ею эмоции. Сначала злость. Тут было все

понятно. Как любит говорить его двухметровый друг: «Простите, госпожа, я был кретином!». Интересно, а если она не сможет его простить? Что он тогда будет делать?.. Хотя простит, конечно, простит. Его Айрин...

Эйнри перевел взгляд на жену — та не злилась. Странно. Он избил ее любимца, устроил драку рядом с залом, полным женщин, а она на него не злится. Кто бы знал, как унижает эта жалость в ее глазах...

Снова перевел взгляд на сестру. У той тоже в глазах жалость. Сговорились они, что ли? А сейчас-то почему? Они злиться на него должны!

Поймал взгляд Дэйна... Нет, наверное, надо попробовать собраться в кучку и понять, что происходит в мире. Хотя как же это трудно, кто бы знал! Лечь бы и уснуть где-нибудь...

— Скажите, вы можете вернуть его в реальность? — обратилась Айрин к лекарю. Потому что если сейчас позволить Айку поиметь ее брата, это будет просто секс с бесчувственным телом. Возможно, Эйн даже уснет в процессе. Глаза у него совсем без выражения.

— Да, конечно. Придется правда минут десять подождать, пока подействует.

— Мы никуда не торопимся, правда, девочки? — высказала общую мысль Клаусийлия. Ей тоже претила идея траха бесчувственного тела, потому что тогда это тело даже не сможет осознать всю полноту придуманного ею наказания.

Десять минут, пока Эйнри приходил в себя, все провели, мило обсуждая происходившее на вечеринке. Танцы, спектакль, конкурсы... Здоровье юной наследницы....

— Госпожа? — голос Эйна чуть хрипел, как всегда от волнения.

— Эйнри, госпожа Клусийлия, заставшая вашу драку, была столь добра, что позволила нам замять этот огромный, гигантский скандал, при условии, что вас накажут частично сегодня, частично после Совета. И в ее присутствии.

Эйнри понуро опустил голову. Последнее, о чем он думал, выбивая пыль из этого молодого нахала, было наказание. Ну что ж, давно уже его спину не ласкала плетка.

— Госпожа Клаусийлия, — продолжила сестра, — предложила свой вариант наказания, причем, предложила его нам так, что мы не смогли отказаться. Вы с Айкейнури...

Девушка чуть замялась...

— Сначала я тебя трахну, потом ты меня, — тактично закончил за нее Айк.

Глава 22

— Сначала я тебя трахну, потом ты меня, — тактично закончил за нее Айк. И радости в его глазах при этом не было.

Кто бы знал, как ему не хотелось светить голым задом перед чужими господами. Отступившая было на время злость, когда он увидел выражение лица пришедшего в себя Эйна, снова подстегнула парня. Руки тряслись, пока выпутывался из своей одежды, раздеваясь. Немного радовало, что Эйн пребывал не в лучшем состоянии. И, скорее всего, его трясло тоже не из страха, а от еле сдерживаемого бешенства и невозможности избежать поганой ситуации...

— Вилайди, выйди вон, быстро! — шепотом процедила Айрин и получила благодарный взгляд от брата.

Шайн, сообразив, что Нэйклианэ тоже не нужно смотреть, как будут иметь Айка, тихо прошептал Рыжику, замершему от напряжения и уставившемуся на двух обнаженных Верхних: «Бегом, в том же направлении!».

— С вашего позволения, я тоже уйду, госпожа, — Лейхио решил, что ему тоже не очень хочется присутствовать в этой комнате, к тому же нехорошо как-то было бросать Сабину совсем одну на растерзание гостям так надолго.

Метавший искры из глаз Айкейнури все же обратил внимание на исчезновение некоторого количества зрителей. Хорошо, хоть унижаться перед Нижними не придется. Но все равно... Все равно, тля! Как же он ненавидел этого парня, стоявшего сейчас перед ним, как его собственное отражение.

Изумрудные глаза Эйна сверкали, как молнии, но на ресницах блестели слезы, и губы предательски дрожали. От гнева, распирающего изнутри. Эйн был переполнен им до краев так же, как вот-вот в его тело войдет и заполнит, полностью, член этого кретина. Парень стоял очень спокойно, потому что одно неловкое движение могло заставить его расплескать странное смешанное чувство: гнев, обида, ненависть и... предвкушение.

Серо-зеленые глаза Айка потемнели, и зелени в них почти не осталось. На шее вздулась венка, брови сошлись у переносицы в единую линию, мышцы напряглись так, что казалось: еще чуть-чуть — и разорвут кожу.

Оба старались контролировать свои тела, но злость друг на друга

возбуждала так же сильно, как если бы между парнями было физическое притяжение. А, учитывая то, что и притяжение это на самом-то деле тоже было...

Айкейнури умоляюще посмотрел на свою госпожу, но та, плотно сцепив пальцы рук, застыла, приоткрыв губки и глядя на эту сволочь, из-за сходства с которым его купили.

В это время Дэйниш, выдавив себе на два пальца тюбик смазки, мысленно помолился, встал, бесшумно проскользнул между кресел и, подойдя к другу сзади, медленно засадил ему эти два пальца внутрь. Размазывая смазку и одновременно растягивая узкий проход, от общего напряжения мышц ставший еще уже. «Расслабься, Эйн! Сейчас главное, чтобы он тебя не порвал, а остальное потом...», — тихо в ухо, почти выдохнул. Эйнри, обхватив руку друга и нежно проведя большим пальцем по запястью, чуть дернул уголок губ в благодарной полуулыбке. «Вали отсюда на место, а то третьим будешь...».

— Дэйниш! — зазвенел голос Айрин, уловившей строгий взгляд госпожи Альцейкан в сторону ее мужа. — Иди сюда!

Подошедшему Дэйну было с размаху отведено две пощечины, а потом ему тихо прошептали: «Молодец, мой хороший!».

И тут Клаусийлия сделала кистью руки легкий взмах вверх:

— Начинайте трахать друг друга, зверики! Первым сверху тот, кто младше!

Айкейнури в это время пытался переварить увиденное. Спасая задницу своего друга этот черноволосый подставился сам, и хорошо, что огреб только по роже, а ведь рисковал спиной и ниже. Для Айка никто бы так не поступил.

Ненависть снова пролилась наружу закипевшим молоком... Мгновенно. Схватил стоящего напротив парня, который даже не сопротивлялся, швырнул лицом в пол, со всей силы. Хорошо, Эйн успел подставить руки и спружинить. Раздвинул ему ноги, чуть ли не на шпагат, стоя над ним и пиная пятками по внутренней стороне бедер. Опустился на колени, запихал в тугой проход, пылающий жаром, сразу все пальцы. Парень под ним застонал, сжав руки в кулаки от боли. Стони, гад! Ненавижу!!! Дернул за бедра, ставя на колени, лицом в пол. И засадил ему, с размаху, сразу по самые яйца. Еще, еще... Удары бедер по доставшейся ему наконец заднице соперника слышны, наверное, даже в коридоре. Как-то слишком быстро подкатило, надо сдержаться, замедлить движения... Но гнев не дает. Еще, еще... Сильнее, жестче, глубже... Тля!!! Айка выгнуло, он умудрился сделать еще два-три движения внутри ненавистного

тела, пока его собственное вздрагивало от оргазма. Вынул. И почувствовал внутри себя полное опустошение.

Чего он сейчас добился? Чего он вообще добился, устроив эту драку? Госпожа станет относиться к нему лучше? Нет, не станет. Наоборот, возможно... Даже не надо думать об этом. Госпожа перестанет любить этого гада? Нет, не перестанет. Тля!!! Он все испортил. Все испортил своим дерьмовым вспылчивым характером и этой, непонятно откуда взявшейся у раба, ревностью. Ревновать собственную госпожу к ее мужу... Он сошел с ума?! А уж то, что он сейчас проделал с Эйном... виноватым только в том, что повелся на его провокацию, и в том, что госпожа увидела его раньше. Они же похожи, как братья. Увидь госпожа первым не Эйри, а его... Именно он был бы сейчас любимым мужем. Но обстоятельства сложились иначе. Так в чем виноват этот парень, которого он сейчас изнасиловал? И который сейчас так же изнасиловает его в ответ. А ведь у него нет такого друга, готового рискнуть собой, чтобы спасти ему задницу.

Айк посмотрел на Дэйниша, потом перевел взгляд на Шайна. Прочел по губам: «Сказочный долбоеб!». Да кто бы спорил?

Перевел взгляд на госпожу, увидел на ее лице лишь осуждение... Ну, не будет же Эйн трахать его по-сухому?! Тля! В конечном итоге ему же самому хуже будет...

Дэйн, вопросительно посмотрев на свою жену и получив одобрительный кивок, швырнул Эйри в руки очередной тюбик со смазкой.

Айк почувствовал себя полным дерьмом. Можно было утешить себя мыслью, что это сделано только ради члена Эйна, а не ради чей-то чужой задницы. Но, тля! Все равно они здесь мыслят как-то иначе, чем принято у них в гареме. Абсолютно иначе.

Клаусийлия снова сделала взмах кистью и даже топнула ногой от нетерпения:

— Чего застыли? Теперь второй!

Эйн, закрыв глаза, сделал два глубоких вдоха, успокаиваясь. Он уже не хотел насиловать этого молодого вспылчивого парня, потому что видел, как того накрывает медленно, но, похоже, по полной. Беспросветно.

И сейчас он ожидает от него ответный ход, и сопротивляться не будет... Но это будет не победа, нет. Это будет полный провал. Сначала его изнасиловали, потом он изнасиловал. Нет. Все будет не так, главное, чтобы Дэйн понял правильно.

Эйри подошел к Айку вплотную, и тогда стало заметно, что парень все же чуть ниже, но зато шире в плечах. Провел ладонью по лицу, убирая прилипшие к щекам и лбу влажные от пота волосы. Поймал напряженно-

вопросительный взгляд серо-зеленых глаз. Не такие уж мы с тобою близнецы, парнишка, если присмотреться поближе. Лизнул большой палец и обрисовал им по контуру губы Айка, чуть надавливая. Его палец нежно прикусили, принимая правила игры. Сдаваясь.

Положил руки на плечи и скользнул по ним вниз, к возбужденно стоявшим соскам, захватил и прокрутил между пальцев, потом потянул чуть вперед, на себя и тут же нагнулся и пощекотал языком. Сначала один, потом второй. Облизал каждый по кругу. Снова подразнил языком. Парень в его руках уже был мягче воска. Но Эйну этого было мало.

Нагнулся и поднял отложенный тюбик со смазкой, выдавил содержимое себе на пальцы. Снова подошел к Айку вплотную, прижавшись грудью к его груди, к его бедрам своими. Чувствуя кожей живота не только свой, но и чужой такой же возбужденный член. Медленно ввел два пальца, прижимая парня к себе за раскрываемые ягодицы еще плотнее. Поймал слабый стон губами, тот не отдернулся. Наоборот, ответил. Ввел еще два пальца, растягивая такой же тугой, как и у него, проход. Нашел нужную точку...

— Да трахай его уже, вашим господам в зал возвращаться пора, скоро остальные гости подъедут!

Клаусийлия была сама тактичность. Но, как обычно, она была права.

Перевернул парня спиной к себе, чуть наклонив вниз, поцеловал между лопаток, медленно, надавливая руками на плечи, поставил на колени. Опустился рядом сам, чуть раздвинул Айку ноги, хотя тот и так сообразил встать поудобнее. Еще раз приласкал двумя пальцами проход изнутри, вошел, плавно, постоянно целуя парня в шею или за ухом... Тот не выдержал, и на оставшуюся половину насадился сам. Сдаваясь очередной раз.

Медленно двигая внутри своим членом, рукой начал ласкать чужой. Айкейнури стонал, всхлипывал, насаживался активней, пытаясь задать более агрессивный ритм. Эйн не сдавался. Ему нужны были не только действия, ему нужно было признание. Не скрытая, а во всеуслышание объявленная капитуляция. Чтобы в дальнейшем никогда ничего подобного не повторилось. Им придется часто встречаться, так что надо дружить.

— Эйн... пожалуйста... Пожалуйста, быстрее, тля!

Нет, это еще не полная капитуляция. Надо бы еще пощекотать языком ухо, вот так... И поцеловать, возле мочки. Теперь взять эту аккуратную мочку губами...

— Эйн, тля! Чего ты хочешь?!

— Ты знаешь...

— Ни за что!
— Ты уже признал это, твое тело признало это... Так скажи словами...
— И что тогда? Стать одной из твоих преданных собачек?
— Просто перестань докапываться до меня...
— Хорошо. Я сказал «хорошо»... Я же уже тебе сказал... Тля! Прекрати издеваться, сволочь!
— Разве я издеваюсь, Айк? — целуя за ухом, и шепнув тихо: «Айкейнури...».

При этом, как только Айк собирался кончить, его член сжимала сильная рука, возвращая обратно, в состояние «сейчас, вот-вот, еще чуточку»... Парень готов был уже сказать все что угодно, лишь бы его наконец отпустило... Но язык не поворачивался произнести слова признания. А терпеть больше уже физически было невозможно. И женщины не торопились прерывать эту сладкую пытку, хотя вначале и напомнили о времени.

— Тля-а! Дай же мне кончить, гад! Тля!!! — и, смирившись, устав бороться со своим телом, требующим разрядки: — Хорошо!!! Ты Верхний! Ты! Дай же мне кончить...

Надо отдать должное Эйнри, сначала он позволил кончить ему, причем, этот второй оргазм не шел ни в какое сравнение с первым. Сейчас его перетряхнуло всего и хорошо что крепкие руки держали сотрясающееся от сладких судорог тело. И только потом Айк ощутил как в него кончает его Верхний тля!!! Чуть по новой не скрутило так было... Приятно?! Сволочь! Как этот парень трахая в зад умудряется сносить всем мозг?!

* * *

— Все, шоу закончилось? Или поцелуетесь напоследок? — съехидничала Клаусийлия, встав с кресла и поправляя одежду, при этом с интересом разглядывая парней. Эйнри, как всегда, был великолепен и вывернулся ужом из ее ловушки. С этим мальчишкой всегда было забавно развлекаться — непредсказуем, как и его отец. Правда раньше он был более покорен, как и племянничек. Жаль, не успела сделать ему замечание первой, одними пощечинами тогда уж точно не отделался бы!

Девушки тоже встали и расправили юбки, а Шайн и Дэйн поднялись вслед за ними. Лекарь тихо испарился уже давно, практически сразу за Вилайди и Нэйклианэ.

— Эйн, отведи Айка к себе и примите душ, оба. И потом в зал как

можно быстрее, тоже оба!

Айрин величественно прошествовала к двери за Клаусийлией, но потом не удержалась, обернулась и подмигнула брату. Тот улыбнулся ей в ответ, чувствуя, как разжимается стянувший грудь железный обруч. Последние минуты, когда реакция на его поведение у женщин никак не проявилась, Эйн очень нервничал. Осуждают или одобряют? Одобряют или осуждают? Хорош же он был, сломав Айка зря и заслужив этим презрение со стороны сестры. Но он должен был подмять под себя этого парня, иначе они бы так и сталкивались постоянно.

Дэйниш, идущий следом за женой, остановился. Друзья встретились взглядом, и Эйн прижал сжатую в кулак правую руку к сердцу, благодаря. Дэйн хмуро зыркнул на Айка, потом снова перевел взгляд на Эйнри, вздохнул и склонил голову, принимая благодарность.

Кэйтириона быстро прошла мимо парней, опустив голову. Ей не хотелось сейчас смотреть ни на одного из своих мужчин. Это она зачем-то притащила с собой Айкейнури, не подумав, что этот ревнивый ишак устроит драку. Ревнивый раб, какой абсурд! Хотя как-то было бы понятно, если бы ревновал муж. Но он-то как раз абсолютно спокоен, сколько бы мужчин она не собирала вокруг себя. Айка, разумеется, надо будет еще наказать дома так, чтобы запомнил свое место, хотя... Ему сейчас плохо. Конечно, ей не должно быть никакого дела до того, что чувствует сейчас раб, но... Почему-то было жаль обоих. При воспоминании о сжатых от боли кулаках мужа захотелось тут же высечь Айка плетью, чтобы кожа на спине разошлась на лоскутки... Но... В ушах снова зазвучал его обреченный голос: «Ты Верхний, ты!!», и девушка тяжело вздохнула. В детстве она слишком много времени проводила при гареме, играя с братом, поэтому прекрасно представляла скрытую подоплеку того, чему была свидетелем. Айка сломали. Пусть лаской, пусть нежно... Но сломали. И как он будет теперь с этим жить, еще не понятно. Но если она сейчас, дома, добьет его, будет ли ей самой потом интересно развлекаться со сломанной игрушкой? Надо признать, что в Айкейнури ей нравились не только внешность, но и его самоуверенный, вспыльчивый, наглый характер. От этого смена дерзкого вызова на покорность и преданность в глазах раба доставляли тщательно скрываемое удовольствие. А став таким же кротким и послушным, как основная масса зверьков в гареме, он перестанет возбуждать в ней хищницу, и... Тогда от раба придется избавиться. Жаль-то как! Неужели она уже привыкла к этому парню? Вот уж верно в древности говорили: «С кем поведешься, от того и наберешься!». Чем дольше она общается с Айрин, тем больше начинает воспринимать рабов как... Как

полноценных личностей. Интересно, с этим надо что-то делать или расслабиться? Любимый, но нелюбящий ее муж. Любящий и ревнивый раб... Что дальше?!

* * *

В это время любимый муж и любящий раб, натянув на себя штаны и схватив в руки остальное, молча дошли до комнаты Эйна. Так же молча разделись и Эйври, помня о том, что работа по спасению чужих мозгов чем раньше начата, тем эффективнее, а он теперь несет ответственность за мозги этого кретина, прижал Айку лицом к стене, дав тому снова почувствовать задницей возбужденно стоящий член Верхнего.

Айк беззвучно всхлипнул, прижавшись лбом к холодной стене, но... Промолчал. Не попытался вырваться и промолчал. Хреново, тля! Прошелся языком от ягодичек вверх, по позвоночнику, и тело его игрушки выгнулось, покорно подставляясь. Ох, хреново!.. Развернул парня лицом к себе, поискал в глубине глаз следы прежнего Айки, нашел и именно ему прошептал: «Я больше не трахаю тебя в задницу, а ты не трахаешь мой мозг, договорились?». В глазах Айкейнури засветился интерес и неуверенная улыбка чуть тронула уголки его губ. «Договорились».

Пока шли по коридору, парню с каждым шагом становилось все хуже и хуже. Ему казалось, что каждый встречный знает про его позор, и дома... Дома тоже все узнают. Кто-то из двоих проболтается, или Шайн, или Рыжий, или оба сразу. А главное, что выбешивало больше всего — ему понравилось... Ему понравилось, и он не отказался бы повторить это еще раз.

Когда Эйн размазал его по стенке, захотелось завывать от того, что снова будут унижать, и стонать в предвкушении, от того, что сейчас снова будет хорошо... Руки сами собой сжались в кулаки — здесь никого нет, сейчас и выясним, кто из нас двоих...умнее... У него нет выбора, только подчиниться. Он признал себя Нижним. Тошно. Погано на душе, сил нет.

Когда язык Эйна прошелся, дразня, вдоль позвоночника, и тело предательски отреагировало, то просто расхотелось жить... Сейчас его снова поимеют, тело получит потрясающий оргазм и будет довольно. Но он, Айкейнури, умирает. И будет умирать с каждым новым трахом, пока не сдохнет окончательно. И тут: «Я больше не трахаю тебя в задницу, а ты не трахаешь мой мозг, договорились?»

Айк даже застыл, пытаясь переварить услышанное. Если бы ему

выдали на блюдечке задницу парня, достававшего его последние несколько месяцев, он от счастья член бы стер. Все же этот гарем живет по другим правилам...

«Договорились». Тело... Тело, которое только что снова возбудили, было полно ожидания, умоляя попросить трахнуть, вот сейчас, еще раз, последний! Но остальной Айкейнури был счастлив.

— Ты мне нравишься, Айк, и ты любишь мою жену. Надеюсь, она скоро поймет, что ты для нее более подходящий вариант, чем я. Меня бы это устроило, даже без второй церемонии, потому что... Мой отец наделал кучу сыновей и ни одной дочери, и, возможно, я такой же неудачник. Да дело даже не в этом. Как ты, наверное, заметил, я люблю другую. Так что тебе зеленый свет, парень. Но наш договор в силе до тех пор, пока ты его соблюдаешь. Иначе выебу так, как тебе и не снилось, понял?

— Да...

— Скажи так, чтобы я проникся твоим пониманием!

— Да, Верхний, — сквозь зубы процедил Айк.

— А теперь пошли под душ...

* * *

Тихими шушарками парни просочились на свои места, в ноги Кэйтиайрионы. Шайн озабоченно посмотрел на Айку, убедился, что если его еще раз и поимели, то только в голову, а оно парню не помешает.

Кэйт грустила... Вечеринка уже не радовала, хотя вот-вот должен был выступить Эйри и спеть пару своих песен.

Муж положил подбородок ей на колени и озабоченно заглянул в глаза. Волнуется. Переживает. Еще с утра сердце бы защемило от счастья, а сейчас... Кэйтиайриона меланхолично погладила Эйну по слегка влажным после душа волосам. Интересно, косу он не заплел специально, или просто чтобы не возиться и скорее вернуться в зал?

Айкейнури косу не заплетает, чтобы госпожа могла перебирать его волосы в любой момент, когда захочет. По крайней мере он так ей ответил сегодня. Айк... Еще сегодня он был такой... А теперь сидит каменным изваянием у ее ног, молчит и смотрит в одну точку где-то на противоположной стене.

А у Эйны такой виноватый взгляд, как будто это он сегодня весь день сначала злобно приставал, затем спровоцировал драку и изнасиловал ни в чем неповинного парня так, чтобы соперник под ним стонал от боли. Зная

характер мужа и его достаточно высокий порог терпимости, думать, насколько ему должно было быть больно, чтобы он позволил себе застонать при женщинах... Просто не хотелось, потому что тогда накатывала злость на Айка. Но почему-то злиться на этого раба, провинившегося так, что любая другая госпожа просто завезла бы его в бордель на обратном пути, Кэйтиариона не желала. Наоборот, непонятно почему, ее очень беспокоило его душевное состояние.

Кэйт бросила грустный взгляд на неподвижного Айкейнури и снова погладила мужа по распущенным волосам, пропустив прядки между пальцев. Эйн неслышно вздохнул, и лишь по легкому движению плеч было понятно, что он среагировал на скупую ласку. А вот дотронуться до второго, чтобы хоть как-то дать понять свое отношение к произошедшему инциденту, не поднималась рука. Девушка так и не могла для себя решить — выпороть его хочется или пожалеть...

Айрин тоже переживала за брата. И ей ничто не мешало злиться на Айкейнури, так что она отрывалась по полной, придумывая кучу «лестных» эпитетов для любимчика Кэйт. Пока не обратила внимание на источник ее «положительных» эмоций, сидевший застывшей ледяной статуей и полностью игнорируемый своей госпожой. Брат уже оклемался давно, и теперь именно его соперник вызывает жалость, как это ни странно.

— Не обманывайте себя, Эйну хуже сейчас, чем этому наглому выскочке, — прошептал Дэйниш, как всегда, удивительно точно угадавший ее мысли. — Он страдает и из-за того, что произошло с ним, и из-за того, что он вынужден был сделать с этим кретином. Переживает, не понимая, как на все это отреагировали вы, я и даже его жена. А ему сейчас выступать, между прочим.

Да, приближались последние выступления и конкурсы, придуманные для этой вечеринки. Из-за потери времени, уложиться до приезда первых гостей к ужину не получилось. Но показать задуманное очень хотелось, так что, посоветовавшись с Лейхио, девушка решила рискнуть.

* * *

Сначала выпустили Нэйклианэ, давая Эйнури шанс еще немного прийти в себя.

Рыжик все то время, пока Айкейнури, Шайн и госпожа отсутствовали, видел перед собой одну и ту же картину. Двое мужчин замерли друг

напротив друга, глаза в глаза. Два соперника. И пытаюсь представить, что сейчас происходит там, в соседней с залом комнате, искусал губы до крови, переживая за Айка. Когда же он увидел вернувшихся парней, то совсем стало тоскливо на сердце. Постоянно так раздражающий и достающий его Верхний... Хотелось заплакать, или схватить это застывшее тело и трясти, пока оно не подаст признаков жизни, и в него не вернется прежний Аик!

Как же растормошить-то его?! Как дать понять, что он нужен ему, Нэйю? Что за вспыльчивым, наглым, самовлюбленным позерством он сумел разглядеть множество его скрытых достоинств!

Парень вспомнил вечер, когда госпожа забрала Шайна, а Айкейнури тогда спас его от какого-то особо настырного Верхнего и полночи слушал грустные песни под гитару.

Одна особенно чем-то запала Айку в душу и он в ту ночь попросил исполнить ее раза три, пока не выучил наизусть. И потом напевал иногда, особенно когда думал, что его никто не слышит.

Это была явно не очень подходящая для данной аудитории песня, прямо надо сказать. Старинная баллада о любви раба к своей госпоже, настоящей, искренней, всепоглощающей. Когда мужчинам еще позволялось слишком многое. Говорят, были и такие времена на Венге. И вот этот раб застаёт свою госпожу — причем, в балладе о ней поется не как о хозяйке, а как о просто любимой женщине — с другим. И, вместо того, чтобы тихо уйти и не мешать, он врывается и убивает соперника. И потом падает перед госпожой на колени и протягивает ей меч, острием на себя. И просит пронзить и его этим же мечом, если она не сможет простить, принять и полюбить. И госпожа понимает, что так сильно ее никто любить не будет и соглашается быть только с этим рабом. Вообще только с ним одним. Красивая эмоциональная сказка для тихого вечера в гареме, так и не потерявшая со временем своего очарования, хотя уже вряд ли кто вспомнит имя автора...

Нэйклианэ собрал в кулачок всю свою храбрость, закрыл глаза и представил, что они с Айкейнури снова одни, в его комнате. И даже «увидел», как тот сидит напротив него на кровати с ногами, а он сам — на полу, на ковре, играет эту балладу... Только для него. Только для Айка. Так, зажмурившись, и отыграл всю песню, до конца. И только услышав звуки аплодисментов, рискнул распахнуть глаза.

Нет, были, были строгие взгляды, но молодежь, разогретая постановкой Вилайди, аплодировала. И потом, баллада была спета с такой душой, с таким надрывом в голосе, что осуждать певца явно никто не стал.

Зато Айкейнури при первых же словах ожил и не отрывал взгляда от

Нэя ни на секунду, боясь поверить в то, что ради того чтобы просто сделать ему приятное, Рыжик рискнул собой, и рискнул не при трех госпожах, а при полном зале. Значит, он тоже кому-то дорог? И... Эйн дает ему зеленый свет? Теперь бы снова попасть в спальню госпожи, после всего того, что он натворил. Матерь Сущего, помоги мне, пожалуйста!

* * *

Потом поднялся Эйнри, подошел к Нэю, взял у него из рук свою гитару, улыбнувшись, одобрительно потрепал парнишку по плечу и чуть подтолкнул в сторону кресла Кэйтирионы. А сам подтянул струны, подстраивая инструмент под себя, и задумался, выбирая, чтобы такое спеть.

С утра он хотел исполнить одну песню для Айрин, одну — для жены. А сейчас... Сейчас хотелось спеть для Дэйна, причем как для друга, а не любовника. Для человека, который сегодня очередной раз дал ему понять, что они уже давно не соперники, что они переросли все эти иерархические глупости, и что именно на этого парня он может рассчитывать, что бы с ним не случилось.

К сожалению, все его стихи Дэйнишу очень мало затрагивали их дружеские отношения. Но есть же старинные баллады, одну из которых сейчас сыграл этот медноволосый заяц, причем, — Эйн был готов поставить на кон самого себя, так был уверен в своей правоте, — пел Рыжик для Айкейнури. Не зря у того от волнения кадык заходил вверх-вниз, как поршень.

Что ж, а он сейчас споет для своего лучшего друга. Подходящая по смыслу песня наконец-то всплыла в памяти.

Сначала осторожно улыбнулся своей госпоже и, поймав ответную улыбку, расслабился. Опустил голову чуть ниже и пересекся с черносиними, как небо перед грозой, глазами Дэйна. Постарался своими передать все эмоции, всю благодарность за то, что рядом с ним есть такой замечательный парень, крутанул между пальцев медиатор, и, не разрывая слияния взглядов, запел.

В балладе было всего три куплета, но в них пелось как раз именно о том, о чем он никогда не говорил с Дэйном раньше, и что хотелось прокричать на весь белый свет сейчас. Про мужскую верность, мужскую дружбу, бескорыстную, преданную, надежную... О всем том, что забылось, перестало быть уместным среди гаремных иерархических разборок, среди попыток по трупам пробиться к телу госпожи, успеть обратить на себя

внимание, получить шанс выжить...

Эйнри с удовольствием наблюдал, как меняется лицо Дэйниша. Вот тот понял, что песня посвящается ему, напрягся. Ну конечно, ведь тему всех предыдущие стихов Эйна можно было выразить одной фразой «Я возьму тебя, мордой размазав по полу». Вот понял, что уже пропели куплет, а про «морду в пол» не прозвучало. Удивился, начал вслушиваться в текст внимательнее. Дальше вообще сплошное удовольствие, и кретин он был, никогда не говоря Дэйну, насколько тот для него ценен и дорог именно как друг. Сподобился наконец, и то хорошо. Темно-синие глаза подозрительно заблестели. Вот госпожа решила приласкать своего мужа, на которого сейчас смотрит весь зал. А Дэйн смотрит на него и — тля! — все же кроме дружеских чувств он испытывает к нему и другие. Но про них он напишет еще одно стихотворение и передаст как-нибудь хитро, как обычно.

Женщины похлопали, не так бурно, как медноволосому зайцу, но и не для них пелось.

А сейчас надо что-то спеть жене, уж больно тяжело на сердце, хотя и не виноват вроде. Песня, подобранная утром, сейчас не казалась уже подходящей. В голове крутились строчки нового стихотворения, но гнать экспромт? Прямо здесь и сейчас? Рискованно...

Спел ту, которую и собирался. Кэйтирионе она очень нравилась.

А одно из сложившихся четверостиший записал на салфетке и положил своей жене на колени:

* * *

По тому, с каким лицом Эйн протянул ей эту салфетку, девушка поняла, что там стихи. Не раз она видела, как такие же клочки бумажек получал Дэйн. Муж всегда старался проделать это незаметно, но она же обычно не сводила с него глаз ни на минуту. И вот тоже удостоилась. Интересно, почему именно сегодня?

После прочтения все вопросы отпали сразу. Сердце сжалось от слова «родная» — муж называл ее так, только когда думал, что она спит. Тогда он целовал ее в щеку и говорил: «Спокойной ночи, родная!» или, иногда: «Прости меня, родная!». Обе эти фразы разрывали душу на части, но Кэйт лежала и старательно изображала спящую. Вместо того, чтобы обвить его шею своими руками, прижать к себе, поцеловать... В губы, как это проделывают парни между собой. Может, поступи она так... кто знает? А теперь...

Теперь муж пытается раскрыть ей глаза, прямо хоть плачь, хоть смейся. Это какой-то заговор среди рабов. Сначала Рыжик со своей песней, теперь Эйри со своими стихами. Она взрослая женщина, старшая госпожа не самого последнего Дома, сама разберется в своей личной жизни!

Кэйт всхлипнула, но тут же постаралась взять себя в руки. Муж, обняв ее за ноги, положил голову на колени и потерся щекой. Потом вопросительно заглянул ей в глаза и спросил одними губами, беззвучно: «Как ты, родная?».

Что с ним сегодня? Почему он так поступает с ней?! Вспомнились их первые совместные вечера в этом доме. Эйри иногда был отстранен и далек, но обычно был ласков, нежен и излучал такое спокойствие, что она пряталась у него за спиной от ревнивых взглядов Айрин. И чувствовала себя защищенной. Как любовник, Эйн просто отрабатывал повинность, но вот это чувство защищенности, надежности, нежности... Это было настоящим. И сейчас он снова пытается заботиться о ней. Как о маленькой несмышленной девочке.

А может, это и правильно? Он не любит ее как женщину, с этим уже ничего не поделать. Но зато он любит ее как младшую сестру, так, как должен был бы любить Айрин, если бы они росли вместе. Соперница заняла ее место в сердце Эйна. А она — место соперницы. Но со своей личной жизнью она разберется сама, без чужих советов.

Девушка, усмехнувшись, запустила обе руки в густое золото, разметававшееся у нее по коленям. Эйри, закрыв глаза, наслаждался лаской и размышлял о чем-то своем.

* * *

После выступления певцов начался завершающий этап конкурса художников, одним из которых был Тоймаш. Парням еще до выступления Нэйклианэ раздали на бумажках имена женщин, готовых поучаствовать в качестве моделей. После того, как у каждого из них в руках оказался листик с координатами личной музыки, Лей взмахнул рукой и конкурс начался. Первым условием была скорость, а вторым — сходство с моделью. Выполнение второго условия оценивал зал.

В это же время по залу забежали мальчишки-официанты, приготавливая столы к ужину. Последние гости рассаживались по местам и пытались понять, что тут творилось до них, и много ли они потеряли, опрометчиво отказавшись сблизиться с этой странной старшей госпожой Дома

Вайнгойрт.

Тоймаш рисовал в технике «сухая кисть», поэтому справился с заданием раньше всех, и девушку на портрете, сделанном им менее чем за час, зал узнал сразу. Работу победителя Лейхио с поклоном передал юной модели. Судя по столпившемуся вокруг нее подружкам, скоро у Тоймаша должны были появиться еще заказы.

Потихоньку заканчивали рисовать и другие парни. Убеждение, что настоящим портретистом может быть только женщина, в этот вечер сильно пошатнулось.

И вот наконец, краснея и бледнея, последний, совсем юный конкурсант предоставил на суд зала свое творение. И зал восторженно ахнул.

Вдохновением художнику служил образ Айсоэль, и сразу было заметно, что это всего лишь набросок и техникой скоростного рисования парнишка явно не владел. Но эта наметка будущей картины раскрывала всю красоту молодой женщины и практически кричала о чувствах творца к своей модели.

Стоящий у стены, за спинами других парней, Юйлайнэ обнаружил в себе новое, странное желание. Даже целых два. Что-то сделать с этим художественно одаренным выскочкой. Что-то очень нехорошее... И второе, прямо противоположное первому — потребовать, чтобы парень дорисовал портрет до конца и отдал его ему, Юйлайю.

* * *

Последний конкурс был для творцов, не одаренных способностями музицировать, слагать стихи, петь песни, танцевать или рисовать. Но зато умеющих продумать и задать алгоритм действия для маленькой планшетной зверушки, например.

Конкурс назывался «Жажда жизни». Каждая команда, состоящая из двух человек, должна была создать животное, на выбор: травоядное или хищника. Победителей должно было быть четверо — команда, создавшая лучшего хищника и команда, создавшая лучшее травоядное.

На большом экране засветился огромный необитаемый мир, с кучей лесов, полей, озер. Командам раздали планшеты, подключенные к основному машинному разуму. Вот начали появляться первые живые существа. Травоядные ели траву, хищники ели травоядных и дрались между собой.

— Пойдем, развлечемся? — Лейхио, подошедший что-то сказать Эйпри, неожиданно подмигнул Шайю. — Покажем молодежи, что и мы еще чего-то стоим?

— А пойдем!

Шайн получил на свой вопросительный взгляд разрешающий кивок от госпожи и отправился за Лейем в центр зала, за планшетом.

— Кого будем создавать?

— Хищников что-то слишком много, да и это скорее для команды Эйна и Айка, — как обычно не удержался и съехидничал Лейхио. — А мы с тобой сейчас создадим идеальное жвачное!

И парни засели за листок бумаги, писали, вычеркивали, хмыкали... В последний раз изучили плоды своих творческих метаний.

— Ну, тут вроде учтены все нюансы, как ты считаешь? — поинтересовался Шайн.

Лейхио несколько раз вдумчиво перечитал каракули и неожиданно заржал.

— Есть у меня еще одна идея...

И дописал такой момент, что Шайн, прочтя, смог только выдать: «Ну ты и сволочь, оказывается!».

В итоге их идеальное жвачное, придя на поле и видя спокойно жующее жвачное своего роду и племени, спокойно жевало вместе с ним, но если на поле паслись конкуренты, оно быстро сжирало всю траву, умирало потом от голода или несварения желудка, но вместе с ним от голода гибло и стадо других травоядных.

При виде убегающего животного своего вида, присоединялось и бежало рядом, не разбираясь, зачем и от кого. При виде хищника — убегало в противоположную сторону. По условиям игры обмениваться между собой информацией животным не разрешалось, поэтому пасущиеся по краям стада не могли сообщить товаркам о приближении хищника или о новом прекрасном поле с травой. Так что продуманная парнями система идеальной стадности помогала им выжить. А пакость, задуманная Лейхио, приносила в жертву одно животное, но уничтожало целое стадо конкурентов.

Шай переписал придуманный алгоритм на машинный язык кодов, и оба парня замерли в предвкушении победы.

Конечно, их травоядное победило, заселив всю планету.

PS: идея последнего конкурса подчистую слизана с конкурса, который устраивал Майкрософт в 2002 году; а алгоритм поведения травоядных

придуман русскими программерами, участвовавшими в этом конкурсе.

* * *

Пока шел последний развлекательный конкурс, все успели поужинать. И дальше начинались традиционные, общепринятые развлечения. Мальчишки-официанты уже расставляли кувшины с вей-коктейлем.

Кэйтириона решила, что после всего, пережитого за сегодня, только традиционных конкурсов ей и не хватало, поэтому, вежливо попрощавшись с хозяйкой дома, отправилась в сопровождении свиты и мужа во двор.

Эйнри задумчиво стоял и смотрел, как рабы жены утрамбовываются в карету, а Айкейнури уже склонился на коленях... И это при том, что в карете полно Нижних, да и вокруг всегда толпа мальков, готовых подставить спину красивой госпоже.

Кэйт проследила за грустным взглядом Эйна, ласково погладила его по щеке, так, как это любит делать Айрин, а муж положил свою руку сверху, переплел пальцы и легко, как перышком, коснулся своими губами ее запястья. Кэйтириону как будто ударило током, но во взгляде Эйна не было обычного порочно-манящего приглашения, в них была нежность. В них была любовь, но не та, о которой Кэйт грезил темными ночами. Эйнри просто давал ей еще раз понять, что, хотя он и любит другую, судьба жены ему не безразлична. И он искренне переживает.

Девушка не удержалась и поцеловала мужа в щеку. И потом какое-то время любовалась в окно на стоящего во дворе и провожающего ее карету взглядом мужчину, в чувствах к которому она снова запуталась.

Глава 23

15–16 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

После завтрака к Кэйтирионе зашла Хозяйка Ойлива, и Айку пришлось покинуть комнату госпожи и вернуться на мужскую половину. Усевшись в дальний уголок, он мрачно думал, сколько ему еще ждать, пока госпожа переделает все дела, и уделит ему время.

Кэйтириона вошла в гаремный зал, и там сразу же наступила тишина. Парни попадали на колени и замерли, хотя все прекрасно догадывались зачем — а вернее, за кем — явилась госпожа.

Рэйни тоже догадывался и замер в предвкушении... Однако сначала Кэйт подошла не к нему.

Никки стоял на коленях рядом с Тийком и его братом. Конфликт интересов с которым по поводу обладания задницей Тийкийлэ они решили мирным путем, предоставив хозяину задницы самому выбирать себе компаньона на ночь. С учетом большого количества свободных комнат, у Никки были все шансы заполучить себе отдельный номер, что он и проделал для того, чтобы никому из парней не пришлось скучать третьим-лишним. Друг друга для веселого тройничка они не заинтересовали.

Кэйтириона отметила про себя, что этот новенький уже нашел себе друзей. Но она в нем даже и не сомневалась, юноша с самого начала показался ей очень милым и дружелюбным. Жаль, но с такой стройной фигуркой гимнаста у парнишки большие шансы попасть в комнату ее матери. Если, конечно, он уже там не побывал.

— Встань и сними штаны.

Никки поднял голову, чтобы убедиться — ему не показалось, первым подошли к нему, а не к танцору. Очень удивился, но гневить госпожу своей медлительностью не стал и, быстро раздевшись, замер и завел руки за голову.

Кэйт внимательно изучала стоявший перед ней экземпляр... Перед покупкой она только отметила не совсем обычный цвет волос — не то чтобы совсем экзотика, но все же один на десятку. Ну и то, что мальчик слишком худощав.

Теперь же девушка заметила, что мышцы у парнишки имеются — это стало особенно заметно, когда он напрягся от ласкового движения ее

ноготочков наискосок по ребрам. На прессе стали заметны кубики, и мышцы на руках очень красиво проявились.

Завороженно провела по напряженным трицепсам синхронно всеми пальчиками и вновь спустилась по ребрам вниз, чуть наискосок... Сделав угол как можно острее, чтобы почти коснуться... Почти...

Взгляд серых глаз испуганно метнулся от пола вверх. Поймался, потонул в зеленом омуте. Губы чуть дернулись, пытаюсь не выпустить стон наслаждения...

— Гейн, — не отрывая взгляда от жертвы, проговорила Кэйтириона, зная, что ее услышат, даже если она начнет говорить шепотом, — в него уже играл кто-нибудь до меня?

— Нет, госпожа, мы не знали...

— Отлично. Попридержи его еще.

И девушка, развернувшись, пошла в сторону двери, кивнув головой Рэйни, чтобы тот следовал за ней.

Никки потянул руку к штанам, но тут же был остановлен одним из парней, плотоядно облизывающихся все время, пока госпожа его изучала.

— Не торопись, сладкая ягодка, тебя попросили припрятать только от женщин.

До осмотра госпожой Никки удовлетворил элитную четверку и еще двоих, пониже рангом. А потом удачно затихарился и старался не обращать на себя внимание, большую часть времени отсидживаясь в своей комнате.

Но сейчас он засветился по полной.

Юноша закрыл глаза и попытался унять дрожь. «Не хочу!!!» — закричало что-то внутри него. Ты уже не малек, чтобы всем давать. Соберись и устрой драку.

Сердце гулко бухало, наверное, его удары были слышны не только ему.

Драку устраивать не хотелось — Никки прекрасно понимал, что одной гибкости, чтобы вывернуться ужом от такого количества желающих, ему не хватит.

Но и ложиться снова под весь гарем... Нет! Лучше устроить драку... Правда, тогда его изобьют и все равно поимеют, только уже без ласки и без смазки, тля!

— Отъебитесь от парня, — хмурый Айки, оценивший чужие душевные метания, вдруг решил стать для этого парнишки добрым самаритянином.

С чего вдруг на него навалился приступ доброты — не понятно. Просто стало тоскливо от того, что госпожа, чьего выздоровления он так

ждал, сначала помянула все имя своего мужа, пчелу ему в задницу, а теперь вообще удалилась развлекаться с Рэйни, две пчелы ему... Тля!

— Ты берешь ягодку под защиту или просто приспичило потрахать прямо сейчас? — уточнил парень, первым выразивший интерес к Никки.

Парнишка умудрился в это время выдернуть из лап захватчика свои штаны и раздумывал над тем, надевать их или не надо пока.

— Трахну прямо сейчас и подумаю, — буркнул Аик и подзатыльником придал Никки ускорение в сторону своей комнаты.

Закрыв дверь, обернулся:

— Что стоишь, как будто в гости зашел?

— А что делать-то? — смущенно улыбнулся юноша, и эта улыбка пробилась прямо Айкейнури в душу. Нет, не то, чтобы он запал на парня, но в нем проснулось странное желание взять и эту сладкую ягодку под свое крыло. Вот такой вот он иногда альтруист, тля!

Нэйклианэ вертит им, как хочет, еще и этот теперь будет ему улыбаться и дурацкие вопросы задавать. А и правда, дать отсосать или трахнуть? Дилемма, тля!

— Я хорошо минет делаю, позволишь? — и снова эта улыбка в душу, как будто не отсосать предлагает, а кальяну вместе курнуть.

— Валяй, соси! — похабно согласился Аик, чтобы отгородиться от происходящего чем-то привычным.

Никки подошел вплотную, встал на колени, нежно погладил уже возбужденный член Айка через штаны, потом вынул его, прижался губами...

— Ты что творишь, тля?! — тихо, сквозь зубы, с неровным придыханием прошептал бедный парень.

— Благодарю, — Никки поднял голову и снова улыбнулся, с-сучонок! Ягодка...

* * *

В компании с Никки Айку удалось почти незаметно пережить следующие два часа, пока госпожа тестировала Рэйя. Шайн, переживающий не меньше, но еще и сильно опасавшийся, что Айкейнури что-нибудь отчудит такое, за что придется расплачиваться всем, был безмерно рад, когда несчастный влюбленный придурок нашел с кем себя занять. Сам он провел все это время с Рыжиком.

Айкейнури еле успел закончить до того, как прибежал запыхавшийся

малек, сообщивший, что госпожа Кэйтириона ждет его для верховой прогулки. С еще влажными после душа волосами Айк улетел на крыльях любви, а Шайн с замученным Нэем, на которого пришлась основная нагрузка по отвлечению своего Верхнего от невеселых мыслей, просто вырубались, до душа так и не добравшись...

Своим решением насчет новенького, Рэйнйляша, Кэйт делиться ни с кем не стала. Однако на следующую ночь она не позвала никого, и в гареме воцарилось странная напряженная атмосфера. Шайн переживал, что его больше вообще не позовут. Айк обеими руками был за то, что лучше бы уж все оставалось по-старому, и он был дневной задницей госпожи, а Шайнэ — ночной. Свою порцию ласки он и днем успевал получить, а ночью еще ведь и спать надо, так что у него по-прежнему оставалось преимущество. И оба парня косились на строившего невозмутимые рожи Рэя, ревниво ожидая, когда Кэйт позовет его в следующий раз — днем или вечером?

Хотя, если отбросить эти мелочи, в основном все было более-менее хорошо... Ровно до той злосчастной вечеринки 16-ого снейжэна.

* * *

Шайн ругал себя последними словами за то, что оставил Айку ненадолго без присмотра, ведь чувствовал же, что в присутствии Эйри парень теряет все самообладание, а его у него и так-то не слишком много.

Самое неприятное было в том, что ближе к вечеру стали подтягиваться не только подруги госпожи Айрин, но и госпожи, придерживающиеся традиционных взглядов на культурные мероприятия, и непринужденная атмосфера начала смещаться в сторону напряженной.

В начале все было непривычно, но очень здорово, по мнению Шайнэйлиера, восхищавшегося смелыми идеями госпожи Айрин. Особенно впечатлил старинный чувственный и эротичный танец, поставленный Вилайди. Собравшиеся пребывали в культурном шоке, а котенок Эйна довольно светился от распирающей его гордости.

Потом начались конкурсы, и Шайн смог наконец-то передохнуть, потому что для оказавшейся довольно провокационной идеи — без помощи рук «отобрать» конфету-леденец из милого девичьего ротика — одна из молодых хозяек дома Вайнгойрт выбрала этот блондинистый мешок

тестостерона, быстро оглянувшись, чтобы убедиться — Госпожа увидела, какую ему оказали честь. Насколько задание было необычным, можно судить по тому, что Айк, добравшийся первым до «приза» и нечаянно соприкоснувшийся губами с выбравшей его девушкой, отчаянно покраснел, что случалось с ним очень нечасто. Ну и, к прочим радостям, Айкейнури и родственница госпожи Айрин были объявлены победителями.

Кэйтиайриона ободряюще улыбнулась любимчику, и у того как будто выросли крылья, которыми он мог бы помахать перед лицом сидевшего у ног своей жены Эйна — на него не сердятся, его заметили, вот какой он молодец!

Шайну не терпелось поболтать с Лейхио и выразить ему свое восхищение вечеринкой. Такого он себе даже не мог и представить. Но приходилось присматривать за этим, тоже слегка ошалевшим от общей атмосферы, окрыленным придурком. Нельзя допустить, чтобы Айк и в самом деле спровоцировал Эйнири на очередную драку, хотя бы не здесь и не сейчас!

Брату госпожи Вайнгойрт, похоже, не слишком нравилось его положение у ног жены, в отличие от сияющей Кэйт. И он время от времени косился на сестру, явно желая быть поближе к своему Дому. Шайну даже обидно стало за госпожу. Неужели она не понимает, как он тяготится своим положением «мужа на время»? Их Кэйтиайриона заслуживает лучшего. А Эйнири — зажавшаяся сука, раз не ценит преимуществ своего статуса. Конечно, заделай он наследницу — это было бы для всех предпочтительнее, но повезло хотя бы в том, что у него есть шанс дожить до старости и быть любимым... настолько любимым, что даже не замечают его холодности в ответ. Или делают вид, что не замечают?

Их госпожа слишком гордая, чтобы переживать на глазах у всех, но настолько сильные эмоции все равно не скрыть. По крайней мере, от тех, кто ее хорошо знает. Шайн изучил свою Богиню достаточно. И очень надеялся, что девушку все же со временем отпустит, и эта зависимость от Эйна сойдет на нет. В конце концов, у нее же есть Айкейнури, который когда-нибудь поумнеет и остепенится, и теперь еще Рэй. Да и вообще, его госпожа пока слишком молода, чтобы заикливаться на ком-то одном...

Сердце Шайнэйлиера защемило... Какое счастье, что она позволяет быть рядом. По крайней мере, уходить он будет с мыслью, что был обласкан так, как не каждый может и мечтать... Почему-то от осознания этого факта становилось одновременно невыносимо радостно и так же грустно... До одинокого дикого воя на луну — почему так мало?

Выражение лица Айка, бросающего на Эйна взгляды исподлобья, Шайну не нравились, но он очень надеялся на здравомыслие и рассудительность неглупого, в принципе, парня. Рассчитывал, что тот все же найдет в себе силы обуздать нечто, клокочущее у него внутри. Ведь если, не дай Матерь Сущего, затеет драку — восторженная публика будет аплодировать, но вряд ли самому затейнику награда за шоу придется по душе. Тут даже гадать не придется, на чьей стороне будут и их госпожа, и госпожа Айрин. К сожалению, против обаяния Эйри у Кэйтирионы нет антидота.

Пока еще не начали прибывать более традиционно ориентированные гости, было объявлено о том, что присутствующие смогут попробовать несколько непривычный для Венги танец, в котором пара получалась смешанная — Госпожа и раб. Несколько желающих примерить, что это такое, быстренько сориентировались и вызвались. Тем более, что предыдущие конкурсы уже несколько раззадорили публику.

Кэйтириона, к великому изумлению Шайна, согласилась уступить мужа, взяв себе партнером Айкейнури, который теперь не просто махал крыльями, а вообще, казалось, передвигался не касаясь пола. После недолгой репетиции пары выступили, сорвали законные аплодисменты.

Как он не смог понять, что переклинило Айка в тот момент, когда в комнату занесли гордость Дэйна — маленькую наследницу Айзарийэн? По понятным причинам ни одним из мальчиков, даже родным сыном, госпожа Айрин хвастаться не стала. Женщины, выразив свой восторг мужу одной из подруг по поводу его отличной наследственности и ювелирно исполненных обязанностей, тут же переводили сочувствующие взгляды на другую. Кэйтириона мужественно выдерживала их, но Шайнэ заметил, что Эйри выдержка начала покидать.

Если парня и не трясло от желания провалиться сквозь землю под этим шквалом негатива, то только лишь благодаря контролю, который он удерживал уже с трудом. На скулах играли желваки, и, сконцентрировавшись на какой-то точке на полу, он усиленно делал вид, что все происходящее его не слишком касается...

А вот Айкейнури как раз просто источал злорадство. Не слишком-то красиво и умно, если учесть, что для их госпожи осуждение в адрес любимого, было, пожалуй, более болезненно, чем досада, что у нее пока наследница не получилась, ведь она не собиралась отказываться от идеи родить дочь именно от Эйри.

И девушка поступила так, как уже привыкла поступать с ним, с Шайном — оттянуть часть боли на себя, разделяя его страдания. И погладила по щеке, просто и в то же время однозначно давая понять всем, что это их личное дело, и она никому не позволит обижать своего мужа, вопреки досужим разговорам и недоуменным насмешкам.

Смотреть на эту идиллию и такое самопожертвование было просто невыносимо. Айка затрясло, да и Шайн чувствовал себя несправедливо обиженным и покинул свой «пост». Решив, что пока Кейтайриона доказывает всем, что супруг ей бесконечно дорог, он может позволить себе поболтать с Лейхио и отвлечься от невеселых дум.

То, что для самолюбия Эйври эта поддержка была хуже пощечины, наверное, Кэйт просто не предполагала, впрочем, и Шайн тоже. Поэтому он удивленно взглянул вслед парню, выскочившему из зала, и оставившему растерянную Кэйт одну, потому что следом поспешно вышел Айк.

Что потом конкретно между ними произошло, Шайн не видел. Но очень скоро к ним подскочил испуганный Вилайди, с глазами по чайному блюдцу, и мотнул головой в сторону выходящих из зала Айрин и Кэйтиайрионы.

Не сговариваясь, они втроем постарались как можно спокойнее покинуть помещение, чтобы не привлекать излишнего внимания. Однако Шайнэ поймал вопросительный взгляд Нэя, сидевшего рядом с Тийком, и кивком разрешил парню присоединиться.

Лучше бы ему этого не видеть — почти невменяемый Эйн, которого, видимо, достало все: и сборище женщин с чужими рабами в их доме, и это излишнее внимание к его персоне, и вечер рядом с Кэйтиайрионой, и ее ласка, унижительная для его гордости и самолюбия... И в особенности — любимчик жены, которому он наконец-то попытался вправить мозги, судя по всклоченным волосам и взбудораженному виду обоих.

Лекарь, вкативший Эйври успокоительного, уверял, что голова Айка не пострадала, так как визуальных повреждений нет. Правда, Шайн сильно сомневался насчет отсутствия повреждений тайных, причем, полученных уже давно, похоже, травма при рождении... Не стоило его привозить. Лучше бы госпожа взяла любого другого, потому что не надо быть провидцем, чтобы предсказать — этим все и закончится. Айкейнури клинический идиот. Устроить такое в чужом доме, на вечеринке, тля!

Шайн с удовольствием сам бы отымел этого долбоеба за то, что так подвел госпожу. Ей и так было не слишком сладко, все-таки после болезни высидеть весь вечер, стараясь казаться жизнерадостной и веселой. Но госпожа Вайнгойрт затеяла масштабную игру, а их Кэйт должна была ее поддержать. Если в результате этого им удастся склонить на свою сторону хотя бы треть знакомых — и то уже огромная заслуга в облегчении участи гаремных рабов... А эти два... все испортили! И надо же им было попасться на глаза госпоже Альцейкан! Она не потерпит слишком притких «звериков» и, разумеется, будет голосовать против послаблений.

Айку, естественно было вовсе не до вселенских планов. Сейчас его конкретно занимало лишь одно — вымолить у любимой прощение, потому что сам себя он уже подставил и наказал так, что хуже и не придумаешь.

Но отчаяния на лице Айкейнури, молча умолявшего о снисхождении, девушка даже не заметила, потому что была сосредоточена на своих переживаниях, и с грустью и виной посматривала на Эйна. Это не прибавило Айку энтузиазма по поводу предстоящего, зато кажется, в мозгах у него что-то снова переклинило. И если бы мог испепелять его полный ненависти взгляд на соперника, то спалил бы Эйбри дотла. Охуительное будет соитие — один до бесчувствия накачан лекарствами, а второй собственным тестостероном.

Шайн мучительно думал, что можно предпринять, но в абсолютно пустой башке билось только то, что госпожа расстроена, и как, и чем теперь ее утешить? Бедная девочка!

Сейчас она вовсе не была Богиней, сейчас Шайнэ ощущал щемящее чувство необходимости защитить ее от всего этого кошмара. Ведь не просто рабы из ее гарема, а любимые мужчины будут унижены прилюдно. Поддерживая беседу о вечеринке и здоровье детишек, она даже старалась улыбаться, но ее лицо напоминало скорее маску, на которой улыбались лишь губы, и от этого делалось еще страшнее.

Шайн прекрасно знал, что госпожа сейчас винит себя — взяв Айку в гости, она сама подставила их обоих под удар... Впрочем, плети им выпишут чуть позже, а то, что предстояло сделать немедленно, было ужасно.

Когда Эйн очнулся и попробовал понять, в чем дело, Аик лаконично озвучил вердикт:

— Сначала я тебя трахну, потом ты меня...

Госпожа Айрин догадалась отправить прочь котенка Эйны —

правильно, нечего ему смотреть, как унижают его Верхнего. И, кстати, запоздало дошло, что и для Рыжика Айк тоже был Верхним, поэтому пребывающего в ступоре парня пришлось спешно отправить следом.

Лейхио, тоже не захотел смотреть спектакль, и улизнул, сославшись на необходимость следить за программой вечеринки. Шайн и сам ушел бы, но оставить госпожу одну, готовую вот-вот расплакаться, он не смог.

Из обоих замерших друг напротив друга самцов снова попер тестостерон. Учитывая сценарий, это было не слишком здорово, потому что они готовы были не трахать друг друга, а убить. Но воля женщин держала, душила... Шайну вдруг стало нестерпимо жаль обоих.

Кэйтириона, кажется, Айка теперь вообще не замечала, и сердце кровью обливалось, глядя на то, что у этого кретина творится на душе — по его лицу всегда-же можно было читать, как в открытой книге. И госпожу Клаусийлию происходящее жуть как забавляло.

А вот Эйн удивил. Хотя чему удивляться, все-таки у взрослого парня ума побольше. Наверное, это был единственный способ доказать молодому кретину, что мир не будет вертеться вокруг него в любом случае — трахнуть его изысканно, вставляя в задницу и проникая до самых мозгов, заставив Айку чуть не умолять. Айку! Да ему же теперь хоть в петлю — он признал себя Нижним перед рабом чужого гарема!!!

Выпендрился, называется... И это слышали все, кто был рядом:

— Ты — Верхний! Ты! Дай же мне кончить...

Сломал... С-сука, так изысканно и утонченно...

Приличных слов не было ни для одного, ни для другого...

* * *

Шайн опасался отпускать этих красавчиков одних в душ. Но господам пора было возвращаться в зал, чтобы остальные гости ничего не заподозрили, и он ушел вслед за ними. Айрин одобрила великодушные брата, но Кэйтириона даже не взглянула ни на одного из парней.

Обратно оба пришли притихшие и смирно пристроились у ног своей госпожи — любо-дорого посмотреть — просто идеальные рабы.

Айкейнури, заподозрив, что Кэйт всерьез его больше не желает видеть — совсем поник духом. Потухший взгляд парня пугал. Зато Эйна, кажется, проняло, до него наконец-то дошло, что Кэйт живая, может быть, такая же,

как и его несравненная сестра, в которую он по-настоящему влюблен. Дошло, что жена любит его гораздо сильнее, чем принято показывать в обществе, и ей не безразлично то, что они с Айком учудили. И ее участие, выраженное ему прилюдно, было вовсе не жалостью, а сочувствием и поддержкой, странно, почему он не хотел понимать этого раньше.

Смотреть на метаморфозы, произошедшие с Эйри, было отрадно, только вот случившегося в течение последнего часа не изменишь. Главное, вернуть прежнего Айка, который уже, наверное, сгрыз собственную печень от переживаний.

Шайна самого эмоционально мотало, как утлую шлюпку в шторм 7–8 баллов...

Кэйтириона грустила... Чувствовалось, что вечеринка ее уже тяготила. Неудивительно — столько переживаний сразу, когда организм еще ослаблен после болезни. Изредка она бросала странные взгляды на Айка, но не делала ни малейшей попытки как-то дать понять свое отношение. Эйна же ласкала, но как-то отрешенно.

Ему пора было выступить, но Лейхио решил немного переиграть сценарий, выпустив вначале Нэйклийанэ. Шайн видел, как остро переживает Рыжик случившееся, и теперь уже сам волновался за всех сразу, ведь для Нэя, впервые присутствующего на таком мероприятии, это своего рода испытание...

Ему надо было бы быть рядом с ним, чтобы тот не мандражировал. Все-таки выступить перед господами — не то же самое, что в стенах родного гарема.

Чем-то довольный Тийк что-то ободряюще втирал Рыжику на ушко, но тот его, кажется, не слышал, мучительно стараясь поймать взгляд отрешенного Айка, чем несказанно удивил Шайна.

Но еще больше его удивило то, что Нэй решился поддержать любимчика Кэйт, рискнув спеть совершенно незапланированную и очень неоднозначную балладу, слишком уж напоминающую дурацкую ситуацию... о любви раба к своей госпоже, как Мужчины к Женщине... Нэйклийанэ отчаянно храбрился, пел с закрытыми глазами, но Шайн не сомневался для кого поет Рыжик, его смелый мальчик. И в груди что-то стискивало, глядя на то, как проняло Айкейнури, для которого эта песня видимо что-то значила.

Шанэйлиер понимал, что это хорошо, что это нужно, на это он и надеялся, подталкивая их друг к другу — что они сумеют ужиться, когда его не станет. Но сейчас легкое чувство гордости за Нэя переплеталось с

ревностью. Когда это он успел настолько привязаться к Айкейнури? И даже знает, за какие струны души дергать этого непробиваемого эгоиста?

Эйнри, оказывается, тоже сумел оценить по достоинству выходку Нэйя.

Правда Шайну тут же захотелось оторвать ему руки, чтобы не смел прикасаться к их с Айком Рыжику. Хватит уже его тлетворного влияния на их Дом.

И после выходки Нэйклийанэ даже не слишком удивился, что песня посвящалась Дэйну. Если до этого Шайн и сомневался, в каких парни отношениях между собой, то сегодняшние события полностью прояснили все.

Эйн никогда не покинет Айрин. У него в доме есть все — и любимая, и друг, и любовник, и даже его сын при нем. Кэйт ему просто не нужна.

Песню про мужскую верность и преданную дружбу, о которой многие уже позабыли или вообще не слишком себе представляли, что это такое, женщины поддержали чуть более сдержанно, чем душещипательную «историю» Нэйя, но зато рабы оценили по достоинству.

А потом Эйнри вернулся к жене и, что-то быстро написав на салфетке, вручил ей.

После прочтения Кэйт чуть не расплакалась — да что он там ей написал-то??? Муж тут же обнял ее ножки и заглянул в глаза — и со стороны это смотрелось так, что Шайн скрипнул зубами, начиная понимать Айка. Наверное, их госпожа и мечтала именно о таком чуде, только почему он не делал этого раньше???

И зачем теперь вытворяет подобное???

Что они друг про друга поняли, если она, усмехнувшись, запустила обе руки в волосы мужа, подарив ему долгий взгляд, а он прикрыл глаза так и остался сидеть, не мешая ей нежить его?

Почему Шайнэйлиер согласился поучаствовать в последнем конкурсе, когда Лейхио неожиданно предложил? Скорее всего, чтобы хобби помогло отвлечься от посторонних мыслей, просто раздражающих его на части — отчего это все вокруг посходили с ума?

У Лейхио оказалось настолько живое воображение и извращенное чувство юмора, что совместный проект по выведению виртуального идеального животного, оказался действительно выше всяких похвал — они победили. Радость этой победы у обоих оказалась с ноткой горчинки — их госпожи улыбались, но видно было, как им хочется, чтобы гости поскорее разошлись.

* * *

Шайн со страхом ждал приближения традиционных развлечений, заставляя свой пульс не биться так заполошенно при виде мальчиков-официантов, расставлявших кувшины с вейкоктейлем. Но, к счастью, Кэйтириона решила, что — после всего пережитого за сегодня — пора домой.

Во дворе Айк метнулся ей под ноги, понимая, что в такой момент она сможет обратить на него хоть какое-то внимание.

Прощание Эйри и Кэйт тоже вышло слишком пронзительным...

Она нежно погладила его по щеке, почти один в один скопировав жест Айрин, а муж положил свою руку сверху, переплел пальцы и коснулся своими губами ее запястья. Настолько интимно, настолько непривычно, что Шайна словно поддых ударили — зачем он так с ней? И этот взгляд глаза в глаза и поцелуй в щеку... Наверное, ревность у Айка какая-то заразная, потому что Шайн, которому доставались по ночам и не такие поцелуи, вдруг почувствовал, как горячо становится в животе от глухого раздражения. Эта зеленоглазая сволочь, отравляющая им всем жизнь, оттягивая на себя внимание их госпожи, останется дома, а им придется заново добиваться того, чтобы ушла эта грусть из прекрасных глаз Кэйтирионы. И на губах снова появилась улыбка, предназначенная ее рабам, которые ее любят и ценят, для кого она дороже всего на свете, готовых ради нее на все что угодно!!! Жаль, что Кэйт этого не замечает...

* * *

Айку было уже почти все фиолетово — забившись в уголок, он проклинал себя, мысленно гоня по кругу, возвращаясь и возвращаясь к тому, с чего все началось. Что он хотел доказать Эйну? А главное — зачем?!! Тля!

Позлорадствовал, что его гнобили с ребенком, подкинул дровишек в костер, на котором и так медленно корчился его «счастливый» соперник. А ведь на какое-то мгновение даже появилось сочувствие, когда представил себе что любой мог оказаться на его месте... Но то, что Кэйт так однозначно показала, что она с ним, что не презирает его и готова дать отповедь любому, кто осмелится произнести вслух о ее муже что-то гадкое, переполнило чашу терпения. И он сам бросился навстречу приключениям

на свою многострадальную задницу...

Ничего никому не доказал, лишь унизительно признал его Верхним... Парня из чужого гарема! Тля!!!

Да еще и забыть не в силах, потому что отголоски пережитого все еще бродят по организму, заставляя гореть кожу там, где этот ублюдок прикасался руками и губами... тля! Вот уж не думал, что пьянящие поцелуи могут так больно жалить сладким ядом.

А Кэйт даже не хочет теперь смотреть в его сторону. Тля-а...

Зачем? Почему он не внял предупреждению Шайна? Ведь всегда, немного отойдя от эйфории после встречи с мужем, она полностью посвящала себя ему, даря ласки, стирающие негативные эмоции, убеждая, что он первый, пусть, после мужа, но первый... И никакой Шайн не затмит этого...

А теперь...

Он унизил не только себя, но и ее. Мало ей Эйна, так еще и он лег ему под ноги ковриком...

Особенно проняло, когда понял, что не сможет сопротивляться... Его чуть не разорвало от противоречивых чувств и эмоций: в мозгу билось — «Убью!» А тело уже готово было снова извиваться, покорно подставляясь... на, возьми меня, что же медлишь? Тля!

Так погано Айк, наверное, не чувствовал себя вообще никогда... Жить не хотелось...

И проникновенно, в обычной манере этой с-суки, произнесенное на ухо: «Я больше не трахаю тебя в задницу, а ты не трахаешь мой мозг, договорились?» — ударило по башке набатом... все так просто?

Оказалось все не просто, а гораздо сложнее, такого откровения он никак не ожидал:

— Ты мне нравишься, Айк, и ты любишь мою жену. Надеюсь, она скоро поймет, что ты для нее более подходящий вариант, чем я. Меня бы это устроило, даже без второй церемонии, потому что... Мой отец наделал кучу сыновей и ни одной дочери, и, возможно, я такой же неудачник. Да дело даже не в этом. Как ты, наверное, заметил, я люблю другую. Так что у тебя зеленый свет, парень. Но наш договор в силе до тех пор, пока ты его соблюдаешь. Иначе выебу так, как тебе и не снилось, понял?

Естественно, он ответил «да», и даже выдал по требованию Эйна: «Да, Верхний...», но на самом деле мозг требовал перезагрузки, нынешняя оперативка не справлялась с обработкой данных.

Он бы никогда в таком не признался. Нет! И уж тем более перед тем, кому доказал, что он — Верхний... круче не бывает...

Как это расценивать — как изысканное глумление, чтобы добить его окончательно, или невозможный акт доверия, устанавливающий равновесие в их отношениях, которое позволит им сосуществовать? Ведь как ни крути, если Кэйт его когда-нибудь простит, то с Эйном им придется встретиться еще не раз... Тля...

Кэйт... Айк кинул умоляющий о снисхождении взгляд на госпожу, но девушка была погружена в глубокую задумчивость, комкая в руках испитую красивым почерком салфетку... К сожалению, что на ней, прочитать было невозможно...

Осознание своей вины, никчемности и откровенного дебилизма пригибало бетонной плитой... Его трахнули... И пообещали больше не трогать... Ему «вручили» Кэйт... только он сам все испортил... как добиться снова ее расположения... Она же ведь не будет долго злиться? Ведь не будет же?

Мать Сущего! — еще слезу пустить осталось, чтобы разжалобить... и так с души воротит... Тля! Тля! Тля!!!

Шайн, словно почувствовав, что его зациклило, обернулся, но ничего не сказал, лишь подвинулся ближе к притихшему Рыжику и приобнял его.

Айкейнури ужасало, что Шайнэйлиер или Нэй поделятся сногшибательной новостью дома о его позоре, но то, что Рыжик не поглумится...

Айк был поражен и бесконечно благодарен парню... Просто даже не представлял, как пережил бы остаток вечера. Наверное, окончательно бы свихнулся, психуя внутри и стараясь не выдать ни единой эмоции, если бы не эта тонкая ниточка призрачной надежды, что он не безразличен хотя бы Нэю, иначе не стал бы тот так рисковать. Все-таки эта баллада, которая легла на душу, отражая его внутреннее состояние, была удивительно в тему для него самого, но никаким боком не вписывалась для вечеринки госпож. И то, что они приняли ее аплодисментами, а не распяли Рыжика прямо там, было великим чудом...

А песня Эйны Дэйнишу... Он, правда, ее почти не слышал, углубившись в созерцательный процесс собственного мозготраханья — только последний куплет, но и этого было достаточно, чтобы оценить... Все-таки в их гареме отношения далеки от идеальных... И парням госпожи Айрин повезло гораздо больше...

Видимо Дэйн много значит для Эйнири, вернее они оба слишком много значат друг для друга, раз так рисковали, по очереди. И это признание перед всеми...

Айк вдруг поймал себя на мысли, что остро завидует мужу Айрин.

Рыжик... так хочется высказать слова благодарности, только вот нет их, челюсти стиснуты... И подходящие пока не подобрались — слишком много хотелось сказать, объяснить, насколько для него была важна в тот момент эта поддержка собственного Дома...

Шайн молодец, отличился на конкурсе... Ведь сорванные Шайном и Лейхио аплодисменты явно были подтверждением их победы... Умные...

А Шайн, зараза, даже не умный, а, скорее, слишком мудрый... Вот так, подняться с самого низа... А он, бывший на вершине — слетел, и как карабкаться обратно, совершенно пока не представлял...

Эйн... По позвоночнику пробежала горячая волна, в паху ёкнуло — память тела отозвалась на постыдное воспоминание о ласке, а тут же отдалось в мозгах протестом — с-сука! Подсадил... не хватало теперь еще только по ночам грезить не о Кэйт, а о ее муже...

Айк скривился, как от зубной боли...

Да, он просто молодой щенок, не умеющий играть в подобные игры, и сунувшийся напролом против хищника... Даже не представляя, что всего один контакт с таким может быть опасен для психики...

Лучше бы он его трахнул так же жестоко, чтобы кричать от боли и неделю загонять в задний проход свечи с маслом, чем загоняться о том, что сам поступил, как свинья. Хоть прощения проси у... своего персонального Верхнего... Тля-а...

Мать Сущего! Только бы Кэйт не прогнала с глаз долой, пусть излупит сама, пусть отдаст поиграть госпоже Альцейкан, но только пусть не будет такой безучастной...

* * *

Рыжик, вообще впервые побывавший на подобном мероприятии, никак не мог сориентироваться в первое время. И даже слегка завидовал Тийке, хоть и молоденькому, но более опытному. Ведь его госпожа Эйлиорина таскала иногда на вечеринки к своим пожилым подругам. Правда, парень после каждой потом отлеживался почти неделю, но зато теперь радостно хлопал глазками и вертел головой, очевидно, не находя сходства. И все время что-то беззвучно шептал, смешно морща лоб и мечтательно закатывая глаза. Наверное, снова сочинял свои стишки...

Когда Шайн прогнал его из комнаты, где собирались наказывать Верхних, Нэйклианэ даже обрадовался, хотя мысленно оставался там. Он

пытался представить себе, каково же сейчас их Айкейнури, который так носился со своим раздутым эго, как же он теперь? Как он вообще будет жить, сгорая от стыда и за сам идиотский энтузиазм найти себе проблему, и за то, какое последовало наказание... И за то, что этому его унижению есть свидетели...

Нет, некое чувство удовлетворения постигшим Айку возмездием все же присутствовало — охуительно развлекся — почти так, как он любит развлекать его...

Но одно дело, когда Нэй только мечтал о том, чтобы Айку кто-нибудь вставил... И совсем другое увидеть результат... Нет уж! Пусть лучше будет прежний — их бросающийся из крайности в крайность Айкейнури — то таскающий ему конфеты и разные вкусности, спертые с кухни, то берущий его почти без подготовки. А потом, словно извиняясь, играющий с его растрепавшимися в процессе прядями... Как будто мало Нэю маленьких дочек Хозяек, желающих при каждом удобном случае позаплетать ему косички... Хоть перекрашивай волосы, честное слово, чтобы не выделяться так ярко на фоне блондинов...

Правда, когда он заикнулся об этом Айку, тот сказал, что просто открутит ему «блондинистую» башку. А потом ржал, что ему уже по уши хватает светловолосых конкурентов...

Брошенный в одиночестве Тийк спросил, что случилось, и Рыжик просто солгал ему — мол, ничего страшного, потому что точно знал, что сам никому никогда не расскажет. И Шайн тоже вряд ли пойдет трепать, а вот Тийк — он просто не выдержит, если его зажмет кто-то из старших.

Но как сказать Айку, чтобы он не загонялся? Как поддержать, чтобы не навредить еще больше? Как не привлечь внимание остальных, что ему хреново, чтобы не приставали с расспросами?

Увидев его лицо, когда Айкейнури и муж госпожи вернулись, Нэй испугался, что теперь парень так и останется замороженной ледышкой без души...

И тогда Рыжик нашел единственный выход — задыхаясь от собственной смелости, он спел ту песню, что однажды так понравилась Айку, рабу, воспитанному на Венге, размечтавшемся, что смог бы стать единственным для своей госпожи...

Нэй его с одной стороны понимал, а с другой было обидное — эгоист! А как же остальные?

Но сейчас... другу... (да, наверное, Айкейнури для него все-таки

больше друг, чем просто Верхний) требовалась поддержка. Рыжик это чувствовал. Правда, сейчас, в присутствии госпожи, лучше не показывать своего сочувствия. Все — потом... Всем, наверное, надо переварить то, что произошло И все же Айка было несказанно жаль.

Было грустно и страшно из-за того, что сыпались привычные идеалы. Нэй зябко поежился. Шайн, словно почувствовав это, обнял со спины и молча прижался. Нэйклианэ склонил голову на плечо своего любимого Верхнего и прикрыл глаза. Так хоть не видно, насколько всем невесело...

Госпожа Кэйтириона всю дорогу кусала губы, то разворачивая салфетку с какими-то строчками, то чуть не всхлипывала, промокая уголки глаз этой же самой салфеткой, комкая ее, замирая, расправляя, перечитывая, и все сначала...

Тийк замер в уголочке и вообще дышал через раз, радуясь, что все так счастливо отделались, слиняв до того, как началось привычное развлечение.

Наверное, интуитивно парень чувствовал, что произошло что-то не слишком хорошее, раз у всех такие траурные лица, но с вопросами понятливо не лез, переживая молча.

Кстати, Нэй никогда бы не подумал, что этот малек отличится на конкурсе стихов.

Лейхио, ушедший вслед за ним, тоже слегка взбудораженный и расстроенный возникшим «недоразумением», вновь принял на себя обязанности управляющего вечеринкой.

Оглядел зал, сморщился, выдернул парочку рабов по программе, но, судя по всему, вскоре должен был выступать Эйри. И Лей нервно поглядывал на дверь, но понятно было, что это процесс не слишком быстрый...

Старший гарема Дома Вайнгойрт тянул время, сверяясь с какими-то записями в планшете, даже озадаченно растрепал себе волосы челки. Потом еще раз обвел взглядом зал, и вдруг направился прямо к ним:

— Нэй, ты в порядке?

— Да, а что?

— Да видок у тебя, словно кто пыльным мешком приложил. Соберись! С тебя песня, помнишь?

Естественно, он помнил, и уже заранее переживал, но сейчас

переживания за Айку резко перекрывали собственные. Что значит облажаться с песней, когда, оказывается, можно подставиться вот так?

А потом Лейхио перевел взгляд на Тийку, который тут же заерзал, не в силах сообразить, то ли ему следует сделаться еще незаметнее, то ли слегка приосаниться и изображать «эффект присутствия», пока госпожа не вернулась.

— А ты что-нибудь умеешь?

— Да, наверное... я стихи могу, — немного смутился Тийк.

Лейхио скептически окинул сублильного раба взглядом, потом тяжело вздохнул и кивнул:

— Ну, давай, моги... Следующим пойдешь...

* * *

«Разговор с бесом» понравился, женщины благосклонно похлопали, и Тийк безмерно радовался, что его скромный талант смог вызвать одобрительные реплики.

Окрыленный успехом, раскрасневшийся от похвалы, усевшись на место, парень позволил себе немного помечтать, чтобы его скромную заслугу оценила и хоть раз пригласила к себе госпожа Кэйтириона... От нее он с радостью готов был терпеть то же, что и от ее матери. И даже, наверное, плетку, хотя вряд ли... Но вдруг?

И размечтался до того, что строки родились сами:

* * *

Когда карета притормозила у дома, Аик метнулся было вскочить, но Кэйт остановила его молчаливым жестом, и воспользовалась услугами одного из мальков, тут же оказавшихся во дворе.

Айкейнури выскочил следом, бухнулся лицом в землю:

— Простите, госпожа...

— Уйди с глаз, — коротко бросила девушка, не оборачиваясь.

И парень застонал, не чувствуя в себе сил подняться...

— Аик... она ушла, — осторожно заметил Нэй.

Тийк и мальчишки, испуганные непонятным поведением любимчика госпожи, замерли в ожидании продолжения мизансцены.

Шайн покачал головой:

— А ну брысь!

И мальки поняливо помчались в дом. Шайн, кивнув Рыжику, чтобы тот тоже шел вперед, дотронулся до плеча бесшумно воющего, лицом в землю, Айка:

— Вставай и вали к себе...

— Она меня не простит... — голос парня был неживой.

Очень хотелось пнуть раскаявшегося придурка, но Шайн выдохнул и мягко произнес:

— Не сегодня, судя по всему. Иди к себе и не отсвечивай по всему гарему с такой рожей. Сам не сболтнешь, никто не узнает, обещаю.

Айк заторможено поднял голову, пытаясь понять, можно ли верить? И тут же ему протянули руку, чтобы помочь подняться.

— Пойдем...

* * *

Гейнийляш, оглядев еще раз понурые лица Шайнэ и рыжего, только фыркнул про себя: «Знатно оторвались на вечеринке, парни». Хорошо, ему такие выезды уже не светят. А то на Айкейнури вообще смотреть без слез невозможно — нахальный блондинчик как-то сразу даже в плечах стал уже. И ведь ни одна тварь не признается, даже этот задохлик-стихоплет... Придушил бы, что б не мучался.

Гейн с ноги открыл дверь в собственную комнату, упал на кровать, полежал немного. Нет, понять что же, тля! произошло на этой долбаной вечеринке было просто жизненно необходимо. Четыре раба из его гарема вернулись с лицами... На Церемонию Прощания с более веселыми топают. И он не в курсе...

Пытать надо со слабого звена, но того, кто точно в курсе всего. Заморыш наверняка мечтал где-то в углу, если его не пользовала втихую какая-нибудь пожилая любительница заморышей, значит или Шайнэ, или рыжий. Начать лучше с рыжего.

Второй раз в свою комнату Гейн влетел похожим на огнедышащего дракона из сказки. И Шайнэ, и рыжий, и задохлик как сговорились: «Ничего не знаем, ничего не видели, разборки между господами и их любимцами нас не касаются». Одно стало понятно, тут замешен еще и этот выскочка из соседнего Дома. Нет, Эйн — парень в принципе нормальный, просто страшно бесила вся ситуация с арендно-выездным мужем и с его

непонятым статусом в их гареме.

А еще теперь очень хотелось понять, Айкейнури по-прежнему любимчик, или уже просто раб? Прощать ему его выходки или морду, наконец, начистить?

В итоге Гейнийляш решил проявить инициативу и пойти к госпоже, забыв древнейшее правило.

* * *

Вежливо постучавшись, Гейн вошел в комнату. На кровати полулежала госпожа, вытянув и скрестив стройные ножки, при виде которых парень непроизвольно облизнулся. Правда, краем глаза посмотрев на лицо госпожи, он сразу захотел обратно, к себе. Сидеть спокойно и ничего не знать о том, что у них там произошло.

— Что тебе нужно, Гейн?!

Кэйтиайриона из последних сил старалась не заплакать, и этот так не вовремя зашедший раб очень сильно сейчас рисковал. Потому что есть только один способ не заплакать от жалости к себе — это сорвать злость на ком-то. А злости за сегодня накопилось по самую макушку. И на Айка, и на Шайна, и на Эйри... И на Клаусийлию, всюду сующую свой любопытный нос, и даже на Айрин и Дэйниша. Одна зачем-то вытащила свою дочь, чтобы помахать ею перед Эйри, как красной тряпкой, а второй слишком медленно бежал и опоздал. А ведь мог разнять эту драку до появления Клаусийлии! Больше всего Кэйт злилась на саму себя, зачем-то потащившую с собой Айка, зная, какой он... непредсказуемый.

— Госпожа, я... просто зашел спросить... кого из рабов Вам сегодня прислать?

— Что-то раньше ты не был таким любопытным, Гейн! — в голосе молодой госпожи зазвучали холод и сталь, и парень тихо заматерился про себя за неумное любопытство, полностью отключившее инстинкт самосохранения.

— Знаешь, раз ты уже здесь, а не развлекься ли мне с тобой?!

Девушка резко поднялась с кровати, обошла мужчину по кругу, разглядывая его оценивающим взглядом, как коня на рынке.

— Разденься, когда госпожа говорит, что ее выбор пал на тебя, раб! И прими позу покорности и благодарности!

Гейн быстро скинул с себя штаны и упал на колени, лицом вниз. Сердце стучало так, что, казалось, сейчас выскочит из груди. Госпожа

походила вокруг него, потом отошла куда-то, вернулась...

— Так-то лучше... — в голосе госпожи послышалось удовлетворение. Может, еще обойдется?

Тут же звонкий свист плетки-многохвостки, разрезал воздух. Тля...

— Встань, я хочу рассмотреть тебя получше.

В голосе госпожи какая-то обреченная усталость... Что же эти ишаки устроили на вечеринке такого?

Выпрямившись, Гейн очередной раз кинул быстрый взгляд на лицо девушки, прежде чем снова уставиться в пол. «Узнаю, что они там натворили — яйца через член воздухом накачаю».

Свист, и на груди появился первый красный след... Свист... Второй... Свист... Загорелась спина... Свист...

В какой-то момент мужчина сбился со счета.

Свист... Удара не последовало.

— Уходи, Гейн... И... Никого больше сегодня ко мне в комнату не пускай. Понял?

— Да, госпожа!

Парень привычно опустился на колени, благодаря свою госпожу за оказанное ему внимание.

— Никого, Гейн! Понятно? Как бы он не рвался, не пускай его, пока я лично тебе не разрешу, хорошо?

— Да, госпожа! — почему-то Гейн сразу понял, о ком идет речь и, вместо дикого желания выйти и выполнить запланированную экзекуцию, вдруг ощутил к Айкейнури резкий приступ жалости. Всегда тяжело падать вниз, а уж Айку, с его характером... Надо достать смеси для кальяна поядренее. И сказать рыжему, чтобы постоянно крутился возле своего второго Верхнего.

Глава 24

16 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

Айкейнури лежал на кровати и смотрел в потолок. Сколько времени он так провел — парень не знал. Время остановилось в тот момент, когда госпожа сказала ему: «Уйди с глаз», даже не повернувшись, не удостоив взглядом.

Шайнэ обещал прикрыть его в гареме и не надо переживать, что все сейчас обсуждают его позор. Ведь жизнь не закончится, даже если госпожа перестанет обращать на него внимание? Или закончится? Айк перевел взгляд с потолка на противоположную от кровати стену. Тут дверь заскрипела, и в комнату ввалился Гейнийляш, с еще мокрыми после душа волосами, но, как ни странно, в футболке, да еще и с длинными рукавами.

— Пошли курнем, Айки. Я только что от госпожи...

— Что она тебе сказала? Что?! — парень соскочил с кровати и чуть не схватил Гейна за грудки, но вовремя остановился.

— Она сказала, чтобы я держал тебя от нее подальше.

Айкейнури, издав что-то среднее между всхлипом и стоном, снова упал на кровать, уже лицом в подушку.

— Айк, она сказала не пускать, пока она лично не разрешит, понимаешь? Не знаю, что вы там учудили с Эйври, но она очень на тебя зла. Но она не сказала, чтобы ты катился в черную дыру...

Парень поднял лицо от подушки и внимательно посмотрел на Гейна.

— Ты веришь, что она меня еще вернет, да?

Этот дрожащий от напряжения голос не мог принадлежать Айкейнури, абсолютно точно! У Гейнийляша даже руки стали сжиматься в кулаки. Но, ощутив пальцами горлышко кальяна, тут же вспомнил, зачем он сюда явился.

— Пошли курнем?! Там Шайнэ еще три заправил. Хорошая травка, из тайничка, — Гейн хитро подмигнул, намекая на их общий секрет.

В тайнике Гейн прятал редкие составы, для особых случаев. У него был свой поставщик из Космопорта, но брал тот безбожно дорого. Зато никогда не задавал лишних вопросов, поэтому кроме травки там же хранился еще и склад оружия. «На всякий случай. Случаи — они разные бывают», — объяснял Гейн.

О тайнике знали только трое, даже Иймайксэ был не в курсе. Да и

Айкейнури повезло узнать секрет абсолютно случайно, просто оказавшись в нужное время, в нужном месте.

Натянув на лицо выражение полного пофигизма, Айк выполз вслед за Гейном в гаремный зал. Лишних оттуда уже вытолкали, остались только первый десяток и Рыжик, прилипший к Шайнэ.

Курили долго, обсуждая всякую хрень, сначала более-менее связно, потом языки начали заплетаться, а мозги — расслабляться. В какой-то момент Айкейнури просто выключило.

А потом он пришел в себя от того, что его куда-то тащат двое, переговариваясь между собой.

По всполохам рыжего с одной стороны признал Нэя. А второй кто?

Шайн, посидев с ними какое-то время, вдруг сорвался и рванул куда-то. И, тля! скорее всего к госпоже. Ага... Сейчас Айк даже вспомнил, когда Шайнэ подорвался — когда Гейн начал снимать с себя футболку, а потом вдруг передумал. Хотя в зале уже было очень душно и жарко. Интересно, кто-нибудь догадается его проветрить за ночь? Мысли в голову лезут какие-то странные... Только о проветривании зала сейчас и думать, тля!

Гораздо интереснее понять, с чего бы это Гейн не захотел снять футболку, и что такого у него на спине смог увидеть Шайн, чтобы сразу вжиком метнуться... к госпоже... а Гейн пришел звать его курить после разговора с ней же... и теперь прячет спину и грудь... тля!!!

Из-за него высекли Гейна?! Лучше бы его... Тля! Ненавижу всех!

И тут Айкейнури разглядел второго парня. Ягодка! Как удачно!

* * *

Шайнэйлиер давненько уже просто так не сидел с парнями в общем зале, покуривая дурман. Последний раз подходящий повод был, когда госпожа решила избавиться от балласта, но тогда Гейн решительно помотал головой — не хватало еще, чтобы застукали. Тогда может появиться еще один «черный список». А вот сегодня старший по гарему предложил сам. И Шайн был с ним полностью солидарен — предлог был что надо...

Айк больше помалкивал, но взгляд расфокусированных зрачков парня говорил о том, что его потихоньку отпускает.

В зале меж тем становилось все жарче. Кто-то попробовал включить кондиционер, но фокус не удался. Парни немного попререкались, отнимая друг у друга пульт управления, тыкая подряд во все кнопки и высказываясь

примерно в таком ключе: «Ты уже укурился — дай-ка я», пока Рыжик, как самый вменяемый, потому что его чаще обносили мимо, не снял панельку, чтобы проверить зарядку. Все оказалось элементарно — он угадал — в пульте сели батарейки. Поднимать задницу и звать кого-то из мальков, чтобы сбегали за новыми, а уж тем более слазить под потолок и нажать сенсорные кнопки на самом корпусе, было влом.

Кое-кто из парней разделся до пояса. Рыжик был в плотной рубашке, так и не успев почему-то переодеться после возвращения, и ему сейчас, наверное, было жарче всех. Но, начав расстегивать молнию, поймал на себе сразу несколько заинтересованных продолжением стриптиза взглядов и резко передумал. Парни поржали, но Нэй проигнорировал их подколки и теперь сидел, периодически вытирая рукавом рубахи выступающие на лбу и на носу капельки пота.

Гейн, потянулся было тоже снять футболку — как ни странно, он был сегодня в одежде с длинными рукавами, хотя обычно предпочитал борцовки, коих у него были залежи, хоть пять раз на дню меняй — но отчего-то раздумал, спешно одернув.

Шайну просто повезло — он сидел рядом и успел заметить, что мелькнувшая полоска кожи между поясом брюк и краем футболки на широкой сильной спине их старшего иссечена плетью.

«Тля!!! — мозги прочистились в одно мгновение, — Кэйт!»

Сразу же вспомнился неподдельный интерес Гейнийляша к тому, почему это они вернулись с вечеринки с траурными мордами, хотя ничьи задницы в медицинской помощи не нуждались. Потом его недолгая отлучка, и, наконец, кальян, покурить который он самолично вытащил Айкейнури, хотя особой любви между парнями друг к другу не отмечалось. Все-таки Айк многим казался занозой в заднице, особенно со своим привилегированным неприкосновенным для остальных женщин положением в Доме.

С некоторых пор Шайна тоже не трогали, но ребята восприняли это более-менее терпимо. Все-таки помнили, что он был не особо востребован последние лет пять и вообще — удержался в гареме и потом был приближен к госпоже совершенно случайно. Наверное, за прошлые страдания ему и не завидовали так остро.

Судя по тому, что Гейн прячет свои «следы любви», больше похвастаться нечем, между ним и госпожой ничего не было.

Но это значит, что Кэйтиарионе совсем тошно. Вот тля!!! Оставил ее одну, надеясь, что это ей пойдет на пользу, а госпожа, может быть, там вообще сейчас вся расклеилась...

Шайн вскочил, как подорванный, шепнув Рыжику сваливать при первых признаках обостренного интереса к его персоне. Хотя, кажется, телесных удовольствий подающим первые признаки того, что уже вштырило, укутившимся парням не требовалось. Разве что принять, более горизонтальное положение и, желательно, чтобы до утра не кантовали.

* * *

Памятуя о том, что его личная Богиня может быть не в духе, Шайнэйлиер осторожно поскребся и, не получив вразумительного ответа, заглянул в комнату, в надежде, что Кэйт уже спит.

Не спала, сидела на кровати, прислонившись спиной к подушке, подтянув ножки, и что-то царапала на листочке, лежащем на коленях. Вокруг были разбросаны смятые бумажки, видимо, с неудавшимися вариантами.

Посреди комнаты валялась плеть. Значит, Гейну не повезло — его даже не фиксировали...

— Кхм...

— Шайнэ... — подняла голову Кэйт и нахмурилась — наверное, он сбил ее с мысли, и вдохновение улетучилось.

— Я зашел пожелать доброй ночи, госпожа, — смиренно произнес парень.

— Но я же просила меня не беспокоить! — девушка небрежно откинула в сторону лист и ручку, переползла на край кровати, села, свесив босые ножки и раздраженно сложила руки на груди, сверля его сердитым взглядом.

Шайн выругался про себя и принялся стаскивать рубашку.

Кэйтириона молча наблюдала за его манипуляциями, прикидывая, пора ли уже перестать прикидываться добренькой?

Шайн стянул штаны, грациозно скользнул на пол, подхватил плеть и подполз к кровати на коленях.

Девушка, чувствуя, как раздражение уступает место любопытству, склонила голову к плечу и вопросительно подняла бровь. Руки, сложенные на груди в защитном жесте — спрятаться от неприятной раздражающей ситуации, — безвольно разжались и опустились на колени.

Шайн добрался до кровати как положено приличному рабу, но затем приподнялся, дотронулся до ее руки, перевернул, прижался губами к запястью и отстранился, едва уловив неслышный вздох своей госпожи.

Затем вложил в ее ладонь рукоять плети:

— Прошу прощения, моя госпожа... Без фиксации, наверное, долго в меня играть не получится...

— Шайн, а ты уверен, что я вообще хочу в тебя играть? — нахмурилась Кэйт, смутно ощущая чувство вины перед парнем. Неужели до сих пор, после всего, ему в голову все равно приходит, что расстроенная госпожа всегда должна наказывать, независимо от источника раздражения? И что это за акт самопожертвования? Или паршивец прекрасно изучил ее за это время и понимает, что теперь-то она уж точно не использует эту плеть против него?

— Шайнэ? — позвала Кэйт, уже предвкушая увидеть лукавый прищур и обезоруживающую улыбку.

— Поиграем в другую игру, моя госпожа? Или баиньки? — поднял Шайнэйлиер голову, чтобы взглянуть в лицо своей любимой. Зелень прекрасных глаз, обычно такая яркая, сейчас потускнела. Взгляд казался уставшим, и веки припухли... Снова плакала... Из-за кого теперь? «Придушил бы обоих придурков...» — мысленно посетовал парень, но Кэйтиайриона получила ожидаемую улыбку на его лице и, отбросив плеть, обиженно надула губы:

— Так нечестно, Шайн!

— Простите, госпожа, я не хотел... — обнял он ее колени, уткнувшись в них лицом.

— Врешь ты все, — улыбнулась Кэйтиайриона, запуская пальцы в волосы покорно склоненной головы...

А покорно ли? Или специально прикидывается, встав сейчас так, выпрашивая ласку?

Впрочем, за одно то, что уходят эти противные грусть и печаль, уступая место уверенности, что раз Шайнэ здесь, значит, все будет хорошо, следует его поощрить.

Кэйт сжала ладони, собирая пряди волос в горсть, и с силой потянула назад, заставляя поднять лицо.

Ага, появилась настороженность? Не знаешь, что дальше? И правильно... потому что сил после всей нервотрепки, переживаний и невеселых раздумий, осталось только на сон.

— Набери ванну, — велела она, сообразив, что надо отправить его пока с глаз долой, чтобы не слишком заострял внимания на разбросанных смятых листиках. Раб и так понимает про нее слишком много, зачем давать лишний повод?

— Масло или пену? — спросил Шайн, поднимаясь.

— Без разницы, иди-иди уже...

* * *

Как же Шайн обожал, когда Кэйт принимала ванну... расслабленная, разморенная в теплой воде... разрешавшая себя вытирать и нежно ласкать губами везде-везде...

Вот и сейчас госпожа поднялась, струйки воды прозрачными змейками заскользили вниз по восхитительно гладкой из-за растворенного в воде масла коже. Руки так и тянулись погладить сокровище, которое он получил возможность созерцать... А если собирать эти капельки влаги губами...

— Шайнэ, — рассмеялась девушка, вырывая его из состояния полутранса, — очнись... Может быть, уже подашь полотенце или ждешь приказа, раб?

Ага, «очнись»... Когда предательски дрожат пальцы, и приходится следить за дыханием, чтобы не хрипеть, выдавая свое возбуждение. Хорошо еще, что госпожа не подкалывает его насчет целомудренно обернутого вокруг бедер полотенца, хитро запахнутого так, что под ним не заметно — он снова не контролирует стояк.

— Ну ладно, так и быть, — милостиво кивнула она, положив ему руки на плечи, — можешь подержаться...

Шайн тут же положил свои ладони на узкую талию, прижимаясь губами к животу, лихорадочно соображая, куда двигаться — вверх или вниз? И там и там — масса преимуществ и интересных местечек для его языка и губ...

Все-таки опустился ниже, выцеловывая дорожку к вершине треугольничка, не забывая приласкать паховые складочки, чувствуя, как Кэйт сильнее вцепляется пальцами в его плечи. Настаивать нельзя, она любит контролировать ситуацию, поэтому не спешил, чуть-чуть надавливая на бедра, чтобы раскрыть их и получить наилучший доступ к возжеленной цели, ожидая — разрешит ли?

— Шайн, я спать хочу, — голос госпожи прозвучал неубедительно, но раздражать не стоило.

Парень подавил вздох сожаления, и отстранился, лишь ладони все еще касались ее стройных бедер, и, поднимаясь, он заскользил вверх по бокам, словно очерчивая контур точеной фигурки.

Когда выпрямился, его глаза оказались на уровне блестящих

смеющихся глаз, и Кэйтириона потянулась губами к его рту, но не поцеловала, а выдохнула прямо в губы: «А, может, и не хочу», — и опустила ресницы, разрешая продолжить.

— Вы так непостоянны в своих желаниях, моя госпожа, — съехидничал Шайн, и тут же подсластил пилюлю: — именно за это я вас и обожаю...

— Подхалим, — хихикнула девушка, — мне так плохо, а ты еще и смеешься надо мной, несносный раб...

— Я просто жду приказа, чтобы сделать вам хорошо, — чувствуя, что сейчас он может позволить немного подразнить ее, шепнул Шайнэйлиер, снова опускаясь на колени.

Горячее дыхание щекотало кожу, но он лишь прижался губами к тонкой полоске волосков, и не спешил работать языком.

Кэйт переступила в воде, расставляя ножки чуть шире, подалась вперед.

Шайн лизнул приоткрывшуюся щелочку, едва задев маленький бугорок, и тут же поднял лицо, ожидая приказа.

Вот эти его чувственные игры вызывали в ней странное ощущение недовольства и разливающегося теплой волной по телу желания продолжить немедленно. Колени подкашивались, и Кэйтириона сердилась на себя, что просто тает в его руках, как восковая свеча.

Сейчас их можно было купить только в магазинах, торгующих раритетом и всякой экзотикой. А когда-то они служили источником освещения помещений, использовались в храмах, при проведении обрядов... При этом были совершенно не функциональны — слишком пластичны, нагреваясь от тепла ладоней, довольно быстро сгорали, обжигая пальцы каплями оплывшего воска, и странно пахли медом, будоража не только обонятельные, но и вкусовые рецепторы. Это неправильно! И так здорово...

— Шайн! Прекрати издеваться, а то накажу! — повысила девушка голос, стараясь заглушить в себе эту противную зависимость от его решения, которую пора бы искоренять... но все как-то не хочется... и, кстати, про восковые свечи... надо бы наведаться в магазинчик и закупить сувениров. При воспоминании о том, как прозрачные обжигающие капли быстро застывают, стягивая кожу на подушечках пальцев, становясь матовыми, у Кэйтирионы возникла вполне определенная «картинка», как можно использовать эти атрибуты древнего культа в своих интересах.

— Вы в своем праве, моя госпожа... — мурлыкнул Шайн, еще раз скользнув языком по призывно открытым складочкам, подхватывая Кэйт

под попку. — Только лучше продолжить в кровати, ведь вы это хотели мне приказать? Я угадал?

Подняв голову, он посмотрел в лицо госпоже снизу вверх. И такой взгляд... кристально-честный, заискивающий... Разве можно на него сердиться?

— Повезло, — хмыкнула девушка, сдаваясь. — Так и быть, прощаю...

* * *

Обессилено раскинувшись на подушках, Кэйтириона облизнула пересохшие губы, стараясь восстановить дыхание и раздумывая, послать Шайна за соком, чтобы смочить горло, или нет? Решила, что не хочет его отпускать от себя даже на время, и потянула раба за волосы, чтобы он поднялся выше.

Шайн выдохнул, отлепил мокрую от выступившей испарины щеку от теплого мягкого живота девушки и покорно пополз вверх. Навис над ней, опираясь на руки, стараясь, чтобы стояк не касался ее тела. Госпожа еще ни разу не упустила случая поиздеваться над его неумением справляться с этим недоразумением. Так было только с ней, и, кажется, ее это больше не раздражало, как в первые дни, а наоборот — смешило, заставляя его краснеть и чувствовать себя мальчишкой первого года обучения в Джордане...

Кэйт обняла его одной рукой за шею, второй — за талию, и притянула ближе, прижимаясь всем телом. Вся «конспирация» насмарку — конечно, она сразу же почувствовала, что у него снова «проблемка».

Но вдоволь посмущаться своему рабу девушка не дала и, найдя его губы, потребовала поцелуй. Разве Шайнэйлиер мог отказать своей Богине?

Получив компенсацию за свои дневные переживания, Кэйтириона оттолкнула парня, заставляя его улечься рядом, и устроилась у него на груди, сладко зевнув.

— Все, Шайнэ, спать...

— Госпожа... — замялся тот.

— Только не говори, что не потерпишь до утра, — провела она ладошкой по его члену, мгновенно заставляя его напрячься и охнуть.

— Потерплю, конечно, но...

— Что еще? — слегка напряглась девушка.

— Простите, госпожа, можно я сегодня уйду, когда вы уснете?

— Зачем? — Кэйт даже приподнялась на локте, пытаясь разглядеть в темноте выражение его лица.

— Я... Айк... просто взгляну...

— Не напоминай мне про него пока, — вздохнула Кэйт, снова уютно устраиваясь на плече своего раба.

— Простите, госпожа...

Немного полежав смирно и помолчав, обняла Шайна поперек живота и тихо попросила:

— Шайнэ... скажи, что у меня будет все хорошо, а?

— Обязательно будет все хорошо, — пообещал Шайнэйлиер. — А как же иначе? Сладких снов, моя госпожа.

Он нащупал ее кисть, и, накрыв сверху своей ладонью, переместил себе на грудь, переплетя пальцы.

— Ты только не уходи, пока я не сплю... — сонно пробормотала девушка.

— Не уйду, моя госпожа...

* * *

Вымотанная разными впечатлениями долгого дня, Кэйтириона заснула почти сразу, но едва Шайн сделал попытку пошевелиться, тут же, не просыпаясь, цеплялась за него, вынуждая остаться. Четвертая попытка оказалась удачнее.

Парень, стараясь не дышать, прикрыл ее одеялом и, подхватив штаны, на цыпочках выскользнул за дверь.

Пересекая холл чтобы попасть на мужскую половину, Шайн заметил в кресле забытого одной из девочек Хозяек большого плюшевого медведя. Усмехнувшись пришедшей на ум идее, взял игрушку, прижал ее к лицу и остался удовлетворен ощущением. Затем вернулся назад в комнату своей госпожи и, аккуратно пристроив игрушку на свое, еще не успевшее остыть место, замер. Кэйт сонно спохватилась, что ей некомфортно, но нашарила рукой мягкий гладкий мех, обняла медведя, уткнувшись в него лицом, и снова задышала ровно.

Парень остро позавидовал игрушке, но подавил в себе желание остаться. Надо было все же пойти проверить обстановку в гареме. Может быть, уже было пора спасать Рыжика. Или пусть уж лучше он спасет его, иначе придется удовлетворяться вручную, а это Шайн не слишком любил. Но по-другому до утра он просто не дотянет. А еще следует убедиться, что

Айкейнури на сегодня хватит и кальяна, чтобы забыться на время. А завтра, если он все еще будет у Кэйт в немилости, надо будет придумывать что-то еще.

К Айкейнури Шайн уже привык, и видеть рядом с госпожой нового фаворита категорически не хотелось.

И все-таки Айк клинический идиот!!! Попасть к госпоже в опалу в то время, когда в гареме появилось сразу трое новеньких?! Свою территорию надо было охранять, как следует, а не покушаться на чужую. «Надеюсь, теперь он поймет, что для Эйнри у Кэйтирионы всегда зарезервирована VIP-зона. А иначе госпожа не будет оставаться долго на распутье, и кем пожертвует — это и ёжикам понятно...».

* * *

В комнату к Айку Никки влетел с уже традиционным ускорением от подзатыльника. И дверь захлопнулась прямо перед носом Рыжика.

Парень, обернувшись к Айкейнури, попытался ему улыбнуться, но сейчас в его глазах плескались волны страха. Укуренный в хлам и на что-то обозленный Айк завалит его с одного удара, если сопротивляться. Или порвет задницу... Или...

— Я схожу в душ, хорошо? — гипнотизирующе-убеждающе прошептал Никки, нащупывая у себя в кармане тубик.

— Что там у тебя, ягодка? — процедил Айк.

— Смазка...

Парнишка очень старался выглядеть спокойным, но получалось не очень. В смотрящих на него глазах не было разума, только злоба и гнев.

Притянув парня к себе за соски, резко развернул и швырнул лицом в пол. Сдернул штаны и отбросил их в сторону. Лизнув три пальца, запихал их с размаху в сначала сжавшуюся, потом старательно раскрывшуюся дырку.

Никки, закусив губу, ровно дышал, чтобы полностью расслабиться.

Айк запихал внутрь еще три пальца, услышав стон боли, почувствовал сначала удовлетворение, а потом... Бьющий кулаком по полу от боли Эйн... Тля! Что он опять творит-то?! С Ягодкой...

Вытащил пальцы, перевернул парня к себе лицом...

— Прости. И вали отсюда быстро...

Никки, сначала привставший, чтобы действительно встать и свалить, вдруг передумал.

— Ты хотел меня трахнуть или сделать мне больно?

Айк задумался. Он хотел... Хотел перестать чувствовать себя кретином. И чтобы госпожа простила его. А что он хотел от Ягодки?

Нет, натрахался он сегодня вдосталь.

— Спать я хочу. Так что исчезни...

Но Никки не исчез. Сначала он помог Айку подняться, довел до душа и долго поливал то холодной, то теплой водой, а тот не возражал, чувствуя, как сознание проясняется, а ярость отходит на задний план. Потом долго растирал полотенцем, чтобы кожа загорелась... Довел до кровати, уложил и собрался уже наконец воспользоваться разрешением исчезнуть... Но был пойман за руку.

— Ягодка, не уходи... Не хочу сейчас быть один.

Никки, очень хорошо понимая, как Айку тяжело далось это признание в собственной слабости, втиснулся между парнем и стенкой, прижался всем телом к его спине и так и лежал тихо-тихо, пока Айкейнури не заснул. Уже и сам начал потихоньку отрубаться. И тут в дверь тихо поскребли. Потом раздалось переругивание-перешептывание, и наконец дверь чуть приоткрылась, и в щели засверкали рыжие локоны.

Нэйклийанэ, явно пришедший спасти своего почти тезку, от увиденной картины впал в ступор, и Никки пришлось, улыбнувшись, махнуть ему рукой, чтобы тихо растворился.

Конечно, можно было встать и уйти в свою комнату, но уже было настолько лень... И парнишка уснул в чужой кровати.

Глава 25

Все 17 снейжэна прошло в последних сборах и приготовлениях, Айрин про себя повторяла речь, парни нервничали и глумились друг над другом.

Наконец после обеда вылетели на двух такси в сторону Дворца. В одном такси были Айрин, Дэйниш и Эйри, а во втором — Лейхио и Сайни. И по всем такси были распаханы какие-то цветочки в горшочках, странной формы овощи и странного цвета фрукты.

У Дворца поймали молодую тонкую грацию, только вышедшую из мальковского возраста, и попросили помочь с разгрузкой «экспонатов для демонстрации». Грация уважительно присвистнул, и через несколько минут косяк ему подобных медленно проплыл в неизвестном направлении вместе с овощами, фруктами и цветочкамм. За всем этим резво удалился Сайни, на которого грации поглядывали очень плотоядно.

— Они его вернут дееспособным? — озабоченно уточнила Айрин.

Парни развеселились и начали активно обсуждать, что именно сделают с Саем и в каком состоянии его вернут.

Так, мило фантазируя, и вошли в Большой Зал Совета.

В центре зала находилась сцена, а вокруг — шестьдесят кресел, на некотором расстоянии друг от друга, и ковры с подушками вокруг каждого кресла. Благодаря тому, что Третий Дом уже занял свое, найти кресло Пятого Дома оказалось очень просто. Получив выразительно-ненавидящий взгляд от Старшей Ийссайхайрт, Айрин забеспокоилась, что между ними такое небольшое расстояние, к тому же мать Айсоэль еще не прилетела.

Понадеявшись, что среди такого количества свидетелей ее все же не лишат жизни зверским и извращенным способом, девушка попыталась расслабиться и даже отреагировала на пару шуток мальчиков. Хотя напряжение от волнения стягивало внутренности живота в тугой узел. И вроде видела она уже всех этих женщин не один раз, и дома у них была, и они у нее тоже были. Но все равно страшно, как на экзамене. Когда всех преподавателей знаешь в лицо и весь семестр вместе с ними нормально общаешься, но приходишь в Экзаменационный Зал — и робеешь. А они сидят и смотрят на тебя, такие величественные, неприступные и незнакомые. Вот сейчас Айрин испытывала очень похожие чувства.

Наконец все женщины расселись по своим креслам, краем глаза девушка разглядела родное лицо Кэйтиайрионы, выдохнула. Интересно, притащила ли подруга с собой Айкейнури? Если — да, то вечер может

оказаться слегка напряженным. Хотя парень вроде признал брата Верхним, а это значит, что рыпаться он больше не будет. У них почему-то принято, проиграв один раз, потом больше явных драк не устраивать.

В зал вошла Старшая госпожа Первого Дома и прошла к своему креслу, а все женщины встали и склонили головы.

— С сегодняшнего дня у нас небольшие изменения в составе Совета, — объявила Первая госпожа. — Дом Маргойлин поменял Старшую госпожу, и теперь вместо Эйлиорины Девятый Дом будет представлять ее дочь, Кэйтириона. — Женщина махнула рукой в сторону Кэйт, и все тоже посмотрели на нее и хлопнули один-два раза в ладоши. — А также временно занимающая место Пятого Дома Старшая госпожа покинула нас, чтобы уступить кресло Айрин Вайнгойрт, племяннице Эллессит.

Хлопков было несколько больше, женщины постарались поддержать девушку, в чьем доме вчера их так хорошо развлекли.

А Первая госпожа продолжала:

— Хотите ли вы задать вопросы кому-нибудь из новых членов Совета? Надо ли им провести Церемонию Официального Представления?

Женщины переглянулись и отрицательно помотали головами. Потом на настенном табло начали загораться цифры. Под «Нет» оказалось пятьдесят восемь, под «Да» — ноль.

Айрин облегченно выдохнула, и через несколько кресел Кэйтириона эхом повторила выдох за подругой.

Далее на обсуждение Совета было предложено несколько усовершенствований налоговой системы, в связи с расширением торговли с инопланетными компаниями. И спор между двумя малыми и одним основным Домами из-за желания первых отделиться, но с большой суммой долга, которую они потом обязывались выплатить с процентами, а основной Дом требовал сначала выплаты, а уже потом — отделения. Решение этого спора заняло больше часа — никто не хотел уступать. Но закон был на стороне основного Дома, так что в итоге малым Домам пришлось смириться.

После этого еще было несколько подтверждений законности наказания рабов, выходящих за рамки средней жестокости. В результате одну из госпож приговорили к штрафу, решения же пятерых остальных одобрили. Особенно много эмоций вызвала замена полной кастрации за измену на стерилизацию. Женщины бурно обсуждали и то, куда катится мир, и то, что госпоже изменника надо петь хвалебные оды, а не подавать на нее в суд. Юная госпожа, подавшая жалобу на свою тетушку за жестокое, по ее мнению, решение, чуть не расплакалась от обиды, узнав,

что на самом деле, по мнению большинства, ее родственница проявила доброту и сострадание.

Айрин тоже искусала себе все губы в кровь, героически стараясь помалкивать и не высовываться. Поглядывая иногда в сторону подруги, девушка отметила про себя, что Кэйт тоже не очень уютно себя чувствует, не зря Шайнэ поглаживает ее по руке.

Наконец все запланированные на сегодня вопросы были решены, и слова попросила Клаусийлия Альцейкан.

— Как уже упоминалось при обсуждении изменений в системе налогообложения, мы перешли на новый виток отношений с другими планетами. Мне кажется, будет правильным несколько скорректировать наши законы в отношении зверь... мужчин. Главное, что ужасает инопланетных представителей, это короткий срок жизни наложников в гаремах. Они упорно пытаются доказать, что это необходимое, экономически-выгодное и абсолютно правильное действие говорит о нашей безграничной жестокости по отношению к своим мужчинам. Мы, конечно, можем продолжать игнорировать эти нападки, а можем воспользоваться экспериментальным решением, уже опробованным в Доме Вайнгойртов. По переучиванию наложников, достигших критического возраста, на специалистов. Конечно, великого мастерства от них ожидать не нужно, но польза Дому будет. К тому же, они могут еще какое-то время продолжать функционировать как рабы для наслаждения, но затраты на их содержание уже можно будет сократить.

В зале начался шум, гвалт и столпотворение. Клаусийлия же, прямая и стройная, подошла к креслу Старшей госпожи Венги и что-то ей сказала. После чего из зала мелькнул один из рабов Первого Дома, через несколько минут вернулся и успокоительно кивнул: «Ваше приказание выполнено, госпожа».

Вскоре на сцене начали появляться горшки с цветами, вазы с фруктами и тарелки с овощами.

Израсходовавшие первый эмоциональный запал женщины заинтересованно замолчали. В зал вошел, весь красный от смущения, Сайни. Ловкий и уверенный в себе в тренажерном зале, сейчас он не знал, что делать со своими сильными руками и куда именно ему надо смотреть, то бледнел, то краснел. Говорить он точно не сможет, это уже было понятно.

Вздыхнув, Айрин начала было приподниматься с кресла, но властный взмах руки Клаусийлии уронил ее на место.

— Вот перед вами молодой человек, обучающийся у Пайтирионы

Вайнгойрт и ее сестры, а вот — результаты его трудов. Как видите, тут есть довольно оригинальные решения...

Содержимое ваз и тарелок медленно расползлось по залу, и обратно уже не возвращалось. Зато рты госпожей на некоторое время оказались заняты, чем госпожа Альцейкан не переминула воспользоваться. И продолжила гнуть свою линию, рассуждая о пользе переучивания наложников вместо их усыпления.

— Опять же, многие инопланетные представители предпочитают общаться только с себе подобными самцами, да и на других планетах, более близко расположенных к центральным торговым точкам, необходимо иметь пусть небольшие, но филиалы. Возможно, будет правильным отправлять туда именно бывших наложников, преданных Дому и благодарных за продление жизни.

— Но они же там избалуются, обнаглют и мы их потеряем! — выкрикнул кто-то из зала.

— Но мы и так их теряем, после Церемонии Прощания, разве нет? — в голосе Клаусийлии начинало звучать скрытое ехидство.

— Дорогая, а объясни мне, зачем моему Дому раз в год вливание в размере трех-четырех младших специалистов, причем пополнять гарем мне все равно придется? — вмешалась в обсуждение Мийрийнива. — То есть, вместо затрат на закупку и содержание только новых гаремных мальчиков, мне придется добавить к этому содержание, пусть и небольшое, наложников, которых я раньше усыпляла и не знала забот? И все это только ради того, чтобы мужчины на других планетах спали спокойно? Они тогда найдут в чем еще нас обвинить. Например, не будем далеко отходить, кастрация за измену — тоже не самое гуманное решение для инопланетников, разве не так?

Мийрийнива была убийственно логична. Чашу весов, уже немного склоняющуюся в пользу предложения Клаусийлии, снова резким ударом перевесило и вернуло в неустойчивое положение.

Быстро сориентировавшись, Клаусийлия предложила переучивать наложников с испытательным сроком, скажем, давать им пять лет, и если за это время они достигают такого же мастерства, как раб Вайнгойртов, то затраты на их содержание будут окупаться ими же самими, а Дому будет еще и идти немалая прибыль. К тому же никто не запрещает торговать переученными наложниками, пусть и совсем задешево, только чтобы окупить аренду места на рыночной площади и услуги продавца-надсмотрщика.

— Я целиком поддерживаю предложение Дома Альцейкан, — подвела

итог прениям Первая госпожа Венги, — мало того, я считаю, что где-то очень недалеко от Космопорта следует возвести приют для переученных наложников, которые оказались не востребованы в течении первых пяти лет, чтобы дать им шанс найти себя, работая среди инопланетников, хотя бы грузчиками. Как только работа раба начнет окупать затраты на его содержание, он получает шанс на жизнь. Ну и, естественно, как только его существование начнет приносить убыток, Церемония Прощания и Матерь Всего Сущего получает очередную душу.

После того, как Клаусийлию поддержал Первый Дом, спорить уже было бессмысленно. Надо было начинать обсуждать нюансы нового закона, бюджет строительства, сроки... Это было отложено до следующего Совета — всем предлагалось обдумать, подсчитать, пережить и предложить через месяц свой вариант закона.

Пока происходили дебаты, Айрин сидела застыв, с натянутой улыбкой на лице, и очень старательно не смотрела в сторону злющего Лейхию. Она никогда не видела его таким злым, и если сначала он пытался отпускать ехидные комментарии, то потом просто замолчал и только нервно отбивал кулаком такт одному ему слышной музыки.

Кэйтириона тоже сидела в состоянии шока. Настолько жестко и цинично обсуждать, надо или не надо лишать жизни несколько сотен человек в год, выгодно ли это финансово...

— Еще бы стерилизовали нас, чего уж там... — чуть слышно прошептал Шай, но девушка услышала его, даже несмотря на шум в зале. Возникло странное желание объявить, что она с этими женщинами не имеет ничего общего и гордо удалиться из зала. Вернее, увести отсюда Шайнэйлиера. И ведь знала же, что Клаусийлия собирается поднять этот вопрос, не зря Айрин притащила на Совет Сайни, но как-то в голову не приходило, что обсуждение будет происходить так, как будто... Как будто мужчины — это вещи, а не живые люди! Даже до знакомства с юной наследницей Вайнгойртов, девушка не считала рабов неодушевленными предметами. Просто никогда не задумывалась, что они не просто живые, но еще и чуткие, добрые, застенчивые, разные, такие же, как женщины.

А Эйпри сидел как на иголках совсем не из-за обсуждаемой темы. Если бы не скрипевший периодически зубами Лейхию, и это его постукивание кулаком об пол, вообще даже не обратил бы внимание, насколько женщины... в своем репертуаре. Чего зря злиться? Надо относиться к этому с юмором, а вот где Айкейнури, и почему жена не притащила своего преданного влюбленного наглеца с собой?! Ведь и не спросить напрямую..

— Госпожа... Айрин?..

— Да?

— А вы не спросите у Кэй... у госпожи Кэйтирионы, почему она сегодня... почему ее сегодня не сопровождает Айкейнури, а?

Айрин усмехнулась:

— Понравилось? Захотел повторить?

Эйн осуждающе посмотрел на сестру, но тут, в зале, пришлось промолчать. Потом не выдержал и улыбнулся:

— Мечтаю просто, госпожа, особенно о первой части. Переживаю я, вдруг она с ним чего нехорошее сделала, а ведь парень ее и правда любит.

— Хорошо, спрошу.

— Спасибо, госпожа.

Тихо, шушаркой, сразу, как только про него забыли, Сайни шмыгнул к креслу своей госпожи и теперь потерянно смотрел на своего Верхнего, пытаюсь придумать, что же такого сотворить, чтобы Лей так не изводил себя.

Хваленые ирония и снисходительность ко всему происходящему резко изменили Лейхию, перед глазами снова стоял тот день...

— Лей, это же женщины, ну же, соберись! — Эйн, успокоившись, что ответ на вопрос, занимавший его мозг уже длительное время, он скоро получит, решил заняться восстановлением иронично-снисходительного баланса друга. — Как, по твоему, они еще должны был обсуждать эту тему? Ах, бедные зверушки гибнут зазря, давайте их научим новым фокусам, и они снова начнут нас веселить и радовать. Только так.

Лейхию горестно вздохнул:

— Стар я становлюсь, чувствителен, теряю былую эмоциональную стабильность, еще немного и стану неустойчивым астеником.

Эйн улыбнулся, оценив попытку друга пошутить. Раз шутит — значит, уже скоро оклемается.

Сайни быстро подвинулся поближе, и Лей обнял его:

— Что, Сайник, полопали члены Совета все твои плодово-ягодные культуры? Хорошо, хоть цветочки на веночки не пустили...

Эйн с Дэйнишем не удержались от смеха, особенно представив некоторых из присутствующих госпож с веночками на голове.

Наконец прозвучала долгожданная фраза:

— Совет завершил свою работу.

И обе девушки, не сговариваясь, стремительно двинулись ко второму выходу из зала, на улицу. Однако двери оказались закрыты, а на сцене стояла Старшая госпожа Первого Дома и с усмешкой следила за ними.

Стало понятно, что так просто исчезнуть с вечеринки не получится. Придется какое-то время провести в традиционных венговских развлечениях.

По дороге во второй зал, к их компании присоединилась Мийрийнива:

— Добрый вечер, какая нечаянная радость, госпожа Вайногойрт со своим прекрасным мужем и госпожа Маргойлин, со своим не менее прекрасным супругом. И обе идут на милую дружескую вечеринку, где принято делиться своими рабами, дорогие. Кого из моих мальчиков вам отдать, пока я буду развлекаться с вашими мужьями? Хотя я, наверное, буду играть в них по очереди. Так какого из моих зверьков предоставить тебе в полное распоряжение, дорогая Айрин?

Говоря все это, Мийрийнива все ближе и ближе подступала к Дэйнишу, который беззащитно-испуганным волчонком смотрел то на свою госпожу, то на Эйри, пытаясь осознать, насколько реальна угроза.

— Мийрийнива, дорогая, мне кажется, ты немного забылась, Дэйниш не просто раб, он мой муж. А это имеет значение на любой вечеринке.

— На любой, кроме наших милых посиделок после Совета. Если не веришь, можешь спросить у любой другой из присутствующих здесь женщин. На них мы делимся даже личными рабами, дорогая. А уж мужья, да еще такие симпатичные, просто идут нарасхват, по кругу.

Шайнэйлиер почувствовал, как после этих слов у него от страха встали волосы на теле, захотелось превратиться в маленькое крылатое насекомое и улететь...

Дэйниш полностью разделял мечты Шайя, но, к сожалению, ни одному из них превратиться не удавалось, как бы сильно они этого не желали.

Дэйниш уже был распят по стенке, в его штанах нагло шарили чужие руки... Какого тля, в штанах... Чужие руки нагло шарили внутри его задницы, при этом шальные от долгожданного обладания редкой игрушкой глаза Мийрийнивы смотрели в его, напуганно-беззащитные, и наслаждались, как возбуждение потихоньку овладевает им, как бы он не старался этого скрыть.

— Мийрийнива, сейчас же убери руки от моего мужа!!

— Ты мне угрожаешь, дорогая?

— Я тебя предупреждаю!

— Лучше следите за другими своими зверушками, — нагло усмехнулась женщина, и, обернувшись, девушки заметили пропажу Эйри и Рэйнийляша.

Прошипев сквозь зубы пожелания добра на многие женские головы,

Лейхио кинулся искать друга, а Шайн, наоборот, схватил Кэйтириону за руку, и по тому, как мужчину рядом с ней начало потряхивать, Кэйт поняла, что сейчас единственное, чем она может ему помочь, это позволить держаться за нее, как можно крепче.

Тут из второго зала появилась Клаусийлия, оглядела компанию и, не удержавшись, ехидно усмехнулась:

— Дорогая, ты все же не устояла против уговоров Мийи и поделилась с ней своим мужем? Правильно, а то он уже начал являться ей во сне, и она беззастенчиво скупает к себе в гарем всех темненьких мальчиков, которых находит. За любые деньги.

— Клаусийлия, ты же знаешь, что я не смогу ни с кем поделиться твоим племянником, он для меня бесценен... Дорогая, отними у этой наглой твари моего мужа, или я сейчас без всяких реверансов вцеплюсь ей в патлы!!! — сорвалась наконец Айрин.

— Иех, континентальное воспитание... Ну, никакой выдержки, правда, Мийя? Отдай девочке ее собственность, пока она не осуществила свою угрозу. Уверяю, в этой драке я поставлю не на тебя.

Мийрийнива, злобно шипя, отошла от Дэйниша, грозно зыркнула на Айрин и прошествовала во второй зал.

— Надеюсь, мой племянник и правда настолько ценен, что ради него ты готова испортить отношения с младшей Шойфейр. Учитывая то, что старшая уже почти официально отошла от дел. Хотя, с учетом твоей выходки с Домом Ийссайхайрт...

— Спасибо, госпожа Клаусийлия, — Дэйниш тяжело пытался восстановить дыхание и заодно нарисовать на лице благодарное выражение, а не смесь страха с возбуждением.

— Пожалуйста, мой хороший, хотя благодарить ты должен свою госпожу — если бы она не попросила, я бы не вмешалась...

— Я знаю, госпожа. Но все равно благодарен и вам тоже.

— Вежливый мальчик. Что-то я не вижу рядом с вами Эйна и... второго, как же его... Лейхио? И у тебя, дорогая, был еще такой молоденький зверек, где он?

— Мы сами не знаем. Сейчас пойдем искать.

— Успехов, мои дорогие.

— Госпожа Клаусийлия, а это правда, что на здешних вечеринках принято делиться даже личными рабами?

— Принято и положено — это разные вещи, дорогая, — снисходительная улыбка госпожи Альцейкан могла конкурировать с обычной улыбкой Лейхио.

— Спасибо! — прокричали девушки, уже скрываясь в дверях второго зала, а Клаусийлия пошла по коридору в другую сторону, к потайной двери, ведущей в комнату для приема особых гостей Старшей госпожи Первого Дома.

Девушки влетели в зал, некоторое время постояли, пока глаза привыкали к полумраку, и тут Кэйтиайриона почувствовала, что чужая ладонь, надежно, чуть ли не до боли сжимающая ее руку, исчезла. Рядом с девушками остались Сайни и Дэйниш. Переглянувшись, парни разделились. Сайни схватил за руку Кэйт, Дэйниш — жену. И девушки разошлись в разные стороны на поиск своих мужчин.

Лейхио как раз в это время прижала к большому столбу какая-то уже очень сильно пьяная пожилая госпожа. Создавалось ощущение, что она начала пить еще на Совете, причем, если не в начале, то уж точно — в середине. Женщина еле стояла, но при этом настойчиво лапала Лейя за все места, куда попадали непослушные воле хозяйки руки. Тут, каким-то седьмым чувством, Лей ощутил жгучее желание заглянуть за угол столба и у соседней его стенки увидел распятого Шайнэ, причем тот просто стоял, зажмурившись, и что-то беззвучно шептал одними губами. У парня явно был психошок. Жаль, они мало болтали по душам, но вообще причин для психошока у наложика в гареме предостаточно. Надо спасать.

Аккуратно отодвинув женщину, впадшую в ступор от такой наглости, Лей чуть отошел от столба, потом вернулся с той стороны, где стоял Шай:

— Вот ты где, госпожа уже обыскалась, а ты тут прохлаждаешься в тенечке у стеночки?! Ну, сейчас тебе устроят, боюсь даже представить, но сильно сочувствую... Простите, госпожа, но я у вас его похищаю, как бы вы оба не были расстроены этой необходимостью, — продолжая нести подобный бред, Лейхио быстро схватил парня за руку и потащил за собой, пока развлекавшаяся с ним женщина, загипнотизированная убаюкивающим голосом, не пришла в себя.

Несколько раз с жутко деловым видом стремительно прошагав по залу, мужчины наконец увидели потерянную Кэйтиайриону и рядом с ней такого же потерянного Сайни. Издав победное «У-ух!», Лей быстро всучил девушке ее собственность, а сам рванул искать Эйри. Краем глаза ему показалось, что он видел друга... Но в той позе, в которой он его видел... Уж лучше бы показалось.

К сожалению, нет. Эйр и правда лежал лицом в стол, с раздвинутыми ногами, а в многострадальную задницу его радостно имела полностью обнаженная госпожа средних лет, с помощью двойного strapon, один конец которого был внутри нее, а второй — внутри Эйри. При этом

заколачивала она этот конец с усердием, достойным Айкейнури. Лейхио аж передернуло, но другу придется еще немножко потерпеть, потому что заговорить ЭТУ ему явно не удастся. Снова несколько стремительных забегов по залу и... слава тебе, Мать Сущего, одарившая Дэйна двумя метрами с лишним и привычкой ходить на каблуках.

— Госпожа, там Эйна имеют...

— Где?!!

Лейхио довел Айрин до ничем не примечательного столика, где отдыхал и наслаждался Эйнри, и...

— Кто вам разрешил так обращаться с моим личным рабом и мужем Кэйтиайрионы Маргойлин?!

Женщина даже не была Старшей госпожой, но она была одной из хозяек Первого Дома. Правда, перспектива рассказывать своей госпоже, из-за чего разгорелся скандал, в котором она виновата по всем пунктам, женщине не хотелось. Так что она тихо отошла на поиски новой жертвы.

— Эйн, милый, с тобой все в порядке?

— Нет, тля! Моя задница чем-то явно провинилась и ей достается второй день подряд... Тля! И сегодня — без смазки, на голом резиновом энтузиазме. ю Хорошо, после вчерашнего у меня там бутылка проскочит... Но все равно больно, тля!!! Простите, госпожа! — Эйнри наконец-то выдохся.

После того, как брат немного привел себя в порядок, пошли искать Кэйтиайриону. На том месте, где Лейхио передал ей Шайнэ, девушки не оказалось.

И тут Эйн кинулся вихрем влево, в темноту, остальные — за ним.

— Отпусти моего раба, гадина, а то я сейчас выцарапаю твои наглые маленькие глазки!! — Континентальное воспитание? Никакой выдержки? Да уж...

Картина была чем-то знакома, только вместо Эйнри — Рэйнийляш, и с ним — Вейтийлана Ийссайхайрт с анфаллосом в руках. Спина парня была полностью исполосована ногтями женщины — на «следы любви» женщина не поскупилась. Цель всего действия явно была одна — отомстить. Хотя, может, Вейтийлана получала и физическое удовольствие, кто ее, странную, знает. Судя по отстраненному выражению лица, Рэй явно витал где-то очень далеко от своего тела. И даже вполне реальная возможность драки между господами не вернула его обратно.

— Тля-а! — тихо матернулся Эйн, развернув парня, пока три женщины ругались между собой, уже не соблюдая никаких норм вежливости, и очень сложно было определить, какая из троих была воспитана не на этой

планете.

На член Рэя был одет контролер, и сам он явно снять его не сможет еще какое-то время, пока не вернется в реальность. Еще раз матюгнувшись, позаковыристее, Эйри медленно и аккуратно скрутил с парня тугое кольцо. Когда процесс был почти закончен, в глазах Рэйни начал просвечивать разум.

— Привет, меня зовут Рэинийляш, — улыбнулся он, все еще находясь в легком ступоре, правда, было видно, как сознание медленно прояснялось.

— Ага, привет, и все прочие радости, — хохотнул нервно Эйри, — так я еще ни разу не знакомился.

— Да? Значит, я у тебя первый? — усмехнулся парень. — А ты вообще кто? Хотя... Ты муж нашей госпожи, верно?

— Да, именно. Так что я тебя в задницу трахать должен, а не кольца с члена снимать.

— Вот так вот сразу, до дома не дотерпишь? — Рэй откровенно усмехнулся, глядя на старшего парня.

— Нет, сейчас от тебя толку никакого, только если снова бревном на столе разложить... Запиши, что ты мне должен, — тоже усмехнулся в ответ Эйн.

— А если я тебя по-простому Верхним признаю, это как, долг закроет?

Эйри оценивающе-внимательно оглядел парня, получил ощутимый тычок под ребра от Дэйниша: «Тикусйо! У тебя явно какое-то нарушение в развитии либидо было... Оно уж больно огромное вымахало», и удовлетворенно хмыкнул: «Позже обсудим, пошли госпожей растаскивать».

Рэинийляш изумленно посмотрел на него, потом перевел еще не совсем прояснившийся взгляд в сторону трех распаленных фурий:

— Когда госпожи ругаются, рабам лучше находится подальше, разве ты не знаешь основное правило выживания?

— Они из-за тебя ругаются, к слову, — строго глянул на Рэйни Дэйниш, которого озвученная парнем позиция сильно удивила, хотя еще несколько лет назад он, наверное, именно так бы и поступил.

Разнимать женщин было как-то надо, только вот как? Дэйниш и Эйн переглянулись, дружно попросили защиты у Матери Всего Сущего и, подскочив сзади каждый к своей жене, обняв их за талии, оттащили в разные стороны.

Младшая Ийссайхайрт выглядела очень непрезентабельно. Злая, с всклокоченными волосами, мечущая искры из глаз. При этом взывать к справедливости было невозможно, именно она воспользовалась чужим рабом без разрешения. Кидаться снова в драку тоже не хотелось, особенно

теперь, когда рядом с каждой из противниц стояло по высокому сильному мужчине и на их лицах было явно написано, что на данный момент они имели в... все правила Кодекса. Когда к каждой паре подошло еще по два, Вейтийлана предпочла гордо удалиться. Правда со сломанным каблуком, порванным платьем и птичьим гнездом на голове проделать это было довольно сложно.

— Тля-а! — высказалась ей вслед Кэйтиайриона, достойная жена своего мужа.

Эйнри не удержался и поцеловал воинственную девушку в плечо. Потом подмигнул сестре, которая тоже метала вслед младшей Ийссайхайрт зеленые молнии, и кивнул в сторону выхода, состроив умоляюще-просительную моську.

Айрин выдохнула, расправила платье и пошагала в сторону двери, а все остальные быстро двинулись за ней.

Но в коридоре девушки столкнулись со Старшей и Младшей госпожами Первого Дома, как раз направляющимися в сторону всеобщего веселья.

— Вайнгойрт? Маргойлин? Что же вы так рано нас покидаете? Еще даже не выставили угощение... — голос Старшей госпожи сочился ядом и медом одновременно.

— Простите, Первая госпожа Венги, но мы лучше поедим дома, неожиданно столько дел появилось... К тому же у меня там маленькие дети...

— У тебя — да, дорогая, но у твоей подруги детей нет... Пусть хоть она останется с нами?

Младшая госпожа под шумок добралась до тела Дэйниша и, нежно проведя коготочками ему по бедрам, тихо прошептала: «Мы с тобой тогда не доиграли, помнишь? Может, сейчас ты будешь посговорчивее?». Дэйниш, только пришедший в себя после Мийрийнивы, мог только тихо застыть и закрыть глаза.

— Вообще-то он по-прежнему чужой муж, госпожа, — преданно улыбнулся юной наследнице Эйн. Та строго посмотрела на обнаглевшего раба, посмеявшего заговорить с ней без разрешения, но Эйнри был сама покорность, и, к тому же, он был абсолютно прав. Так что девушка, грустно вздохнув, еще раз прошлась ноготочками по груди Дэйна и отошла к матери.

— Понимаете, Первая госпожа, нам с Кэйтиайрионой очень сложно наслаждаться вечером, когда приходится постоянно следить за своей собственностью. Это же неправильно, когда каждая проходящая рядом

женщина считает возможным вырвать наших рабов прямо у нас из рук, в буквальном смысле этого слова!

— Возможно, дорогая, это какое-то новое веяние. В Совете в основном женщины моего возраста и у нас всегда было принято делиться игрушками, — теперь в голосе Старшей госпожи яд явно начинал побеждать мед.

Айрин беспомощно оглянулась на подругу, та растерянно пожала плечами. Очень хотелось домой.

Первая госпожа Венги решила наконец сжалиться, но напоследок отыграться по полной:

— Я слышала, дорогая, ты вчера устраивала у себя прием? Меня очень расстроило, что ты постеснялась пригласить Первый Дом на этот вечер, где были почти все члены Совета. Мне многие очень хвалили все конкурсы, которые были на твоём празднике. Так что, думаю, Совет будет только рад, если организацию следующих вечеринок ты возьмешь на себя. Мне бы хотелось увидеть и пьесу, и танцы... Все финансовые вопросы решай с моими Управительницами, и если тебе понадобится любая другая помощь — можешь на нее рассчитывать.

В это время в коридоре, выйдя из потайной двери, появилась Клаусийлия и, переглянувшись с Первой госпожой, как две подруги, знающие некий общий секрет, удалилась в зал.

— Ну так как, юная Вайнгойрт? Я могу рассчитывать, что ежемесячную организацию развлечений членов Совета ты возьмешь на себя?

— Да, Первая госпожа, — мысленно Айрин горестно вздохнула: «Как будто у меня есть выбор».

— Тогда не смею вас больше задерживать, — медовым голосом промурлыкала Старшая госпожа Первого Дома.

И девушки, присев в прощальном поклоне, быстро выскочили на улицу.

— Тля! Ну мы и попали! — оформила всеобщую мысль во фразу Кэйтириона, девушка с идеальным венговским образованием.

Глава 26

17 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

Утром Айк проснулся с дикой головной болью, но привычной после перекура слабости во всем теле не было. Странно. Повернувшись на спину, в изумлении обнаружил, что спит не один.

Память услужливо прокрутила в голове кадры, как он пытается трахнуть Ягодку... Его смущенно-напуганную улыбку, напряженный взгляд, тихий голос... Только последней картинки или хотя бы надписи «в итоге трахнул» или «не трахнул» — не было.

Тут Айкейнури снова почувствовал напряженный взгляд и увидел эту смущенно-нежную улыбку, от души в душу. Никки полусонно потянулся и начал слезать с кровати.

— Пойдем пожрем, что ли? Или ты досыпать?

Парнишка замер у двери. Когда тебя зовут в комнату и трахают — это никак не отражается на твоём статусе, Верхние трахают в гареме все, что движется. Но если вы идёте вместе в столовку... Не встретились там и тебя ведут обратно, чтобы... А конкретно пришли туда вместе, именно чтобы посидеть за одним столиком и поесть... Это многое меняет в положение младшего. Очень многое.

— Ты понимаешь, что сейчас мне предложил? — на всякий случай решил уточнить Никки. Мало ли, его просто берут за компанию один раз, тогда надо идти не рядом, а сзади, делая вид, что...

— Ягодка, меня вчера осматривал лекарь и сказал, что с головой полный порядок, — заржал Айк.

Надо же, вчера он думал, что уже никогда больше не будет смеяться. Но этот изумленный взгляд, эти пухлые губки, пытающиеся соорудить на лице улыбку.

Айкейнури тоже спрыгнул с кровати и хлопнул Никки по заднице, придавая ускорение в сторону столовой.

Пока они шли по мужской половине дома, кругом слышался завистливый шепот. Младшие завидовали, что гадский новенький сумел втереться под любимчика госпожи, Верхние злились, что наглый выскочка захапал такого красавчика.

Нэйклианэ, сидевший в зале, рядом с Шайном, почувствовал необходимость протереть глаза руками.

— Охренеть, — только и смог тихо прошептать он.

А Айк поймал взгляд Шайнэ, и тот грустно помотал головой, давая понять, что пока все не очень радужно.

Ну что ж, госпожа его простит, обязательно простит! Может, и сегодня... Надо только подождать! И уверенной походкой, излучая оптимизм, Айкейнури ввалился в столовую.

В столовой сидели два тщедушных замухрышки, из любимчиков госпожи Эйлиорин. Один из них вчера таскался с ними на вечеринку, как же его зовут-то... Тийка!

И чего это он таким обиженным букой смотрит на виновато улыбающегося ему Ягодку?!

Никки, увидев Тийку с братом, сразу понял, что парнишка сейчас напридумывает себе невесть что. Поэтому, извиняясь, коснулся руки Айка, подошел к столику мальчишек, поцеловал своего сладкого в шейку, возле ушка, и тихо прошептал: «Сегодня ночью будешь со мной?». Тийка радостно закивал и Никки, улыбнувшись ему, снова вернулся к Айку.

— Не понял?! — начиная злиться, прошипел старший парень, — а что это сейчас было?!

— Ну, я уже достаточно взрослый мальчик, чтобы не только задницу подставлять, как ты считаешь? — усмехнулся Нийкийнэ. Усмешка у него тоже была с оттенком какой-то нежной невинности.

— Ну... Наверное, да! — заржал Айкки, — То есть, если заскучаю, с вашей парочкой можно будет в паровозик поиграть!

Поев, парни разошлись по своим комнатам, досыпать.

* * *

Для Кэйт этот день оказалось еще более насыщенным событиями, чем предыдущий. Как началось с самого утра беготней по дому в поисках каких-то недостающих деталей для костюмов, затерявшихся украшений, взамен тех, что были выбраны заранее, так и продолжалось бедламом на выезде почти до самого отбытия во Дворец.

Дебаты об изменениях в Законе о рабах довели девушку и ее подругу до нервного озноба. В их гаремах было достаточно парней, находящихся в пограничном возрасте, не имеющих никаких льгот и преимуществ, а, значит — и надежды на то, что смогут проскочить тридцатилетний рубеж и жить дальше...

Лейхио, несмотря на то, что для него эта проблема на ближайшее время не являлось актуальной, вдруг разозлился по-настоящему. Кэйт никогда еще не видела уравновешенного и циничного Лейя в таком состоянии.

Но гораздо больше ее обеспокоил Шайн, сначала молча поддерживающий ее, аккуратно, успокаивающе поглаживая руку и обещая взглядом, что «все будет хорошо», а потом вдруг безжизненным голосом прошептавший:

— Еще бы стерилизовали нас, чего уж там...

И словно заморозился, не реагируя больше на развернувшиеся дебаты.

Девушка настолько остро чувствовала, как ему невыносимо плохо, что хотелось немедленно увести парня отсюда, закрыться в своей комнате и позволить ему все, что только придет на ум, лишь бы снова научился улыбаться так, как умел только он, Шайнэ... Но что конкретно придумать, чтобы он мог вздохнуть спокойно и не ждать со страхом и обреченностью даты Церемонии прощания — пока не знала.

Взять его вторым мужем? Без законченного джордановского образования? Устроить в обществе новый скандал?! И как к этому отнесется Эйри? Нет, кроме Эйна, другого мужа рядом с собой Кэйтириона пока не видела. Айк — слишком эмоциональный и несдержанный эгоист. Остальным рабам будет очень несладко, и приступов ревности наверняка прибавится. Зачем ей лишняя нервотрепка, наподобие вчерашней? До сих пор тошно. А ведь еще не было второй части наказания...

Про статус личного раба Шайн не заикался. Конечно, не каждый решается на подобный шаг. Эйри вот смог, а Шайн... Неужели боится церемонии? Или он не верит, что все тогда для него сразу станет хорошо? Или не верит, что она воспримет его просьбу правильно?

В общем, если бы не этот актуальный вопрос, сам Совет можно было бы считать удавшимся. Хуже дело обстояло с тем, что предстояло после официального закрытия съезда и объявления о начале неофициальной части мероприятия.

Сбежать так быстро, как хотелось бы, им не удалось, и веселье началось по полной программе. Для начала столкнулись с Мийрийнивой, хамским образом попытавшейся заполучить обоих мужей, уверяя, что так принято. Кэйт хоть и бывала на подобных вечеринках, в отличие от Айрин, но все равно немного растерялась от уверенного тона женщины, ведь на

вечеринку после Совета она тоже попала впервые. Может, матушка в свое время не все секреты раскрыла, деликатно опуская детали случавшихся здесь оргий? Делиться ни одним из своих мальчиков очень не хотелось. А уж поделиться Эйри, который и самой-то достается раз в неделю, вообще было кощунством.

Пока Кэйтириона пыталась найти слова возражения, от возмущения и несправедливости застрявшие внутри, нахалка уже забралась в штаны к ошалевшему от подобной бесцеремонности Дэйнишу. И только лишь звенящий от ярости голос Айрин: «Мийрийнива, сейчас же убери руки от моего мужа!!!», немного привел Кэйт в себя. Шайнэйлиер замер рядом, стараясь слиться со стеной и, похоже, мысленно молился не только Матери Всего Сущего, но и вообще всем богам и идолам, каких только мог вспомнить.

Пока девушка хлопала глазами, восхищаясь смелостью подруги, оказалось, что у них увели двоих — и Эйри, и Рэйнийляша.

Лейхио опомнился первым и помчался на поиски Эйна. Шайн, которого вдруг резко начало знобить, вцепился в руку Кэйт, словно испуганный ребенок, которого собирались бросить одного в темном лесу на растерзание диким зверям. Подивившись такой метаморфозе взрослого парня, девушка пока не придумала ничего лучше, чем разрешить ему продолжать оставлять синяки. Своих леденеющих пальцев, стиснутых влажной мужской ладонью, до этого дня дарившей ей лишь ласку и нежность, она почти не ощущала.

Надо было раньше попробовать просто поговорить с ним!

Ведь собиралась же, да все как-то не до этого было. Сначала не желала знать о Шайне ничего. Потом с этими экспериментами после впечатлившего фильма инопланетников было не до таких глупостей, как расспросы о душевных метаниях раба. Потом вот болезнь и вчерашняя вечеринка...

Почему-то было неловко. Неправильно отмахиваться от проблемы одного из своих... получается, что тоже любимца? Ну вот, раз дурная голова не сообразила, а сердце не подсказало, пусть расплачивается конечность. По крайней мере, эта боль чуточку отвлекала от неприятного царапания проснувшейся не к месту совести.

Эх... ведь помнила же, что Шайна пугала перспектива борделя... А то, что сейчас, кажется, начнется здесь, не слишком-то далеко ушло от упомянутого заведения. Похоже, в парня играли компанией... У него и остался навязчивый ужас перед традиционными развлечениями Венги. Ну, еще бы! Она его отучила, позволила поверить, что бывает по-другому, а

сегодня снова окунула в... «самые сливки».

Вот уж чего-чего не ожидали девушки, так это того, что от Мийи их спасет Клаусийлия. От потрясения Дэйниш даже сумел почти сносно выдать слова благодарности.

Конечно, госпожа Альцейкан ничего не делала из простого альтруизма и наверняка вела какую-то свою игру. Или, по крайней мере, просто забавляла себя от скуки «добрыми» делами. В одном она была права — помимо Дома Йиссайхарт, врагов наживать пока не стоило. Они с Айрин пока еще новички в этом элитном серпентарии, и сожрут ли их одними из первых или нет — будет зависеть от выбора линии поведения. Надо научиться балансировать на тонкой грани, чтобы не попасть в зависимость от обстоятельств. И все-таки воплотить то, о чем размечталась Айрин, увлекая своими идеями и ее, Кэйт, чувствующую себя причастной к чему-то грандиозному, что наверняка войдет в историю Венги.

На всякий случай, пока Клаусийлия была рядом, девушки уточнили правила — неужели не только рабами, но и мужьями, в самом деле положено делиться? На что госпожа Альцейкан, изобразив непередаваемую словами снисходительно-ехидную улыбочку, милостиво пояснила: «Принято и положено — это разные вещи...». Не дала прямого указания, но повод задуматься теперь был.

Ну, а большего разъяснения и не требовалось.

Пока разыскивали потерявшихся, Шайн, наверное, наконец-то привыкший к обстановке, отцепился, но где-то приотстал в темноте зала.

Зато тут же многострадальную ладошку Кэйтирионы схватил Сайни. Удивленно взглянул на охнувшую девушку и покраснел — неужели он так сильно сжал ее ручку, утонувшую в его огромной ладони?

— Простите, госпожа!

— Ничего, Сайни. Да, лучше держись, чтобы мы знали, что вы рядом, — ободряюще кивнула Кэйт, удивляясь, насколько у этого медвежонка обаятельная улыбка.

Но сейчас предаваться мечтам было некогда. Надо найти остальных и срочно ретироваться по домам.

Мотаясь по залам, они уже почти отчаялись найти кого-то из своих, но тут откуда-то вынырнул Лей, волочивший за собой Шайна, находящегося в странном заторможенном состоянии и, вручив Кэйтирионе ее собственность, умчался спасать остальных.

Следующим он нашел Эйри, и, к счастью, Кэйт не видела, в каком

именно виде был обнаружен ее муж, иначе быть бы безобразной драке. Потому что за своего Эйна девушка готова была придушить любую голыми руками.

И не только за него, как оказалось.

Безобразную драку она все же устроила. И нашли ее, ругающуюся, как... грузчики в Космопорте. Еще бы! Нагло пользоваться ее новенького раба, мудро соскользнувшего в состояние, похожее на мазотранс, и явно пребывающего сознанием где-то вне собственного распятого тела!

Кэйт никак не могла успокоиться. Ийссайхайрт своей вины в том, что она переходит все границы в отношении чужой собственности, упорно не признавала. Айрин, конечно, встала грудью, руками и голосом на сторону подруги, и неизвестно, чем бы все закончилось, но только Эйри и Дэйниш просто оттащили своих жен от беснующейся Вейтийланы. А та быстро догадалась, что раз эти нахалы наплевали на правила Кодекса, то от них можно ожидать всего, чего угодно.

Счастливая, что и муж, и Рэй, и Шайн были уже рядом, девушка издала победный клич:

— Тля-а! — забыв, что ей, вроде как, не положено подавать дурной пример. Зато заслужила одобрительный поцелуй от Эйри и чуть не растаяла в его руках.

Пообещав созвониться позже, когда немного придут в себя, девушки быстро рассредоточились со своими рабами по аэрошкам и помчались по домам зализывать моральные травмы.

Только напоследок Кэйт прижалась к мужу всем телом, наплевав на остальных зрителей. Получилось так, что шея к шее, почувствовав, как бьется тонкая ниточка пульса друг друга, слишком просто и слишком интимно...

Наверное, Эйн тоже понял это, потому что, когда отстранился, в его зеленых дьявольски-прекрасных глазах было что-то такое... Отчего у самой Кэйт глаза предательски наполнились влагой. Может, от всего пережитого, что обошлось...

А может, оттого, что понимала — в губы она его целовать после признания в нелюбви не станет, чтобы не нарушить то, что у них есть сейчас — наконец-то та ниша, которая им дает это ощущение душевного комфорта и гармонии. То, что только их, общее, независимое ни от Айрин, ни от кого-то из ее мальчиков — странное партнерство...

— Береги себя, родная...

— Люблю тебя...

И это было правдой и не требовало в ответ лживой фразы про любовь.

«Родная» — это уже было признанием, что в его сердце есть местечко для нее, пусть и не в эротическом смысле. Она отвоевала это место и уж точно не будет требовать больше, чем он может предложить. Если любишь, надо чтобы любимый был счастлив... Дурацкие все же фильмы этих инопланетников, но так много нового объясняют в том, что раньше просто не складывалось в ее мироощущении. Словно теперь она нашла для себя какую-то новую философию, которую дано постичь немногим... Вот, Айрин, кажется, постигла, и она сумеет... со временем...

Однако, если Эйри сейчас было кому пожалеть-поддержать, ее собственные мужчины нуждались в этом не меньше, а даже больше.

Первый этап приведения Шайна в норму Кэйт попыталась осуществить еще в аэрошке, но процесс прошел со скрипом.

Рэй, которого она тоже заставила сесть рядом, прижался к ее бедру, но был, кажется, слегка озадачен тем, что госпожа озаботилась его состоянием. Похоже, на парня произошедшее на вечеринке вовсе не произвело такого же удручающего впечатления, как на Шайна. А вот его все еще не отпускало...

Дома Рыжик, видимо, поджидавший их возвращения и бросившийся навстречу, едва они вышли из аэротакси, переменился в лице, едва взглянул на своего Верхнего.

— Рэй, ты в порядке? — в пятый раз уточнила Кэйт, прежде чем отправить парня вместе с Нэем, которому было поручено позаботиться об устранении следов любви, оставленных на спине ее мальчика когтями этой сучки Вейтийланы. И Рэйни уже почти сиял. Неужели его больше радовало не то, что он уже дома, а то, что госпожа уделяет ему столько внимания?

А вот Шайна она забрала к себе, снова проигнорировав бросившегося в ноги Айка, подкарауливающего ее возле комнаты. Девушку раздирали противоречивые эмоции. Хотелось тут же поднять его с колен и обнять, утешить, простить...

Но Эйри... Перекошенное от боли лицо, сжатые кулаки и низкий стон... Нет! Пока Айкейнури полностью не раскается, не прочувствует на своей шкуре, как ему везло раньше, когда она, прощая любимчику слишком многое, баловала его... Никаких поблажек! А если не научится себя вести,

как подобает, не сможет прогибаться под существующую систему, подставляя других...

Что? Не простит? Продаст? Подарит?

Кэйтириона чуть не расплакалась... Айк был слишком дорог. Ведь он и нравился ей потому, что не умел скрывать свои порывы...

Ладно, с Айкейнури — потом, главное, привести в чувство Шайнэ...

* * *

Захлопнув дверь перед оставшимся в коридоре Айком, отгородившись еще от одной своей сердечной проблемы, Кэйт подошла к мужчине, пытавшемуся выдавить из себя привычную улыбку, но смотреть на его потуги было страшно.

Шайнэйлиер, которого она всю дорогу держала за руку, то впадал, то не впадал бормотал, что все нормально и не стоит беспокоиться. Но девушка просто физически чувствовала, что парень напряжен, как натянутая струна, и если бы не эта, из последних сил удерживаемая, оболочка, отгородившая его от всего, в том числе и от своей госпожи, и его уверения вслух, но, кажется, больше для самого себя, его бы просто уже трясло.

По-хорошему, сейчас следовало бы вызвать лекаря и вколоть ему дозу успокоительного. Но это сейчас, а дальше? Вечеринка — не последняя, и в этот раз ничего такого и не успело произойти. Значит, в следующий раз Шайнэйлиера просто не брать с собой в эскорт? Но с ним было надежно и привычно, он сам сначала излучал уверенность и оптимизм и внушал одним своим видом, этой ободряющей улыбкой и так много значащими прикосновениями, что все будет хорошо... И верить в это ей жизненно необходимо.

Вариантов всего два — или оставить его с этой проблемой, просто дав выпастись и убедив назавтра, что все ему приснилось, или ломать по живому, заменяя его страхи на более привычные впечатления.

Кэйт ужасно боялась, что не сотрет предыдущий негатив, а добавит в него только недостающую толику, чтобы утопить его совсем в эмоциях кошмарного прошлого. Мама, видимо, очень небрежно играла в свои игрушки, раз не позаботилась о том, чтобы получившего моральную (а скорее всего и физическую) травму парня привести в чувство. Физическая со временем прошла, а вот другая прочно засела где-то в умных мозгах и убираться из подсознания Шайна не желала.

А что, если теперь уже ничего не поможет? А что, если она, ломая, причинит еще больший вред? И Шайн и от нее начнет шарахаться так же, как от своих предыдущих кошмаров. Потерять этого мужчину так быстро, едва успев привыкнуть к нему, прикипеть все душой, Кэйтириона была просто не готова...

И все же, если она не рискнет, все равно придется его терять, иначе в свет выводить будет нельзя, а оставить его в качества комнатной игрушки, чтобы он так же поджидал ее, как сейчас Айк, живя моментами от встречи до встречи — не это ли более жестоко???

— Шайнэ, поговори со мной, — попросила Кэйт, усаживаясь на кровать и жестом повелевая рабу опуститься на колени. Вот так смотреть сверху вниз было намного удобнее... но это перед ней был пока еще не ее Шайнэ...

Девушка обняла напряженную шею парня:

— Обними меня.

Послушно выполненная команда, ничего сверх поставленной задачи.

Ладно...

Поймать взгляд, медленно придвинуться ближе... не расстраиваться, что зрачки не расширятся от предвкушения, что из глаз не уходит настороженность...

Прижаться губами к губам, не вторгаясь, ничего не требуя, просто предлагая... Не хочешь? Или все еще не можешь поверить?

— Все будет хорошо, доверься мне, Шайн...

Ресницы дрогнули, опустил глаза....

Так, все сначала...

Взять лицо в ладони, большими пальцами слегка погладить скулы, ероша мягкие волоски щетинки... поймать настороженный взгляд, не отпустить...

Снова прижаться щекой к щеке, медленно скользя по коже, не обращая внимания, что остается безучастным, не морщась, что щетинка, оказывается, может и колоться...

Запустить пальцы в волосы, массируя затылок, превращая прическу в воронье гнездо — плевать, нас никто не видит...

— Шайнэ...

Тихо, шепотом, не нарушая возникшей тишины, в которой слышно только, как гулко бьются сердца. У него — как будто он все еще куда-то (или от кого-то) бежит, а у самой — от страха, получится ли вытащить его, вернуть себе прежнего?

А теперь снова поцеловать, едва прикасаясь губами, его лицо... лоб над переносицей, едва коснуться губ, подбородок, скулу, горло, скользнуть по шее к уху, провести языком по мочке, снова поцеловать щеку, прижаться к виску сильнее, чувствуя, как под мягкими губами бьется тонкая жилка...

— Чш-ш, все будет хорошо...

Своими губами стирая чужие прикосновения.

— Ты — мой, Шайнэ, только мой...

Почувствовать, как неувовимо вздрогнули напряженные плечи, опускаясь, и его тихий вздох...

Ликование придушить в зародыше! До победы еще далеко, но хоть на правильном пути...

Мне с тобой нелегко, но я не сдамся, потому что ты разделил мою скорбь и тоску в тот день, когда я медленно умираю от горя, понимая, что никогда не буду любимой, что меня предали, не нарочно, не подло, но... и именно ты дал мне силы пережить мою печаль... Я научусь чувствовать тебя, ты мне слишком дорог, чтобы бросить тебя так... Ты нужен мне, чтобы говорить в конце дня, что завтра у меня будет все хорошо...

Провести ладонями по сильным плечам, огладив предплечья, вновь подняться к шее, слегка массируя участок спины, пробуя расслабить... не выходит... пока....

Может быть, секс?..

Ты не сможешь противостоять моей ласке, Шайнэ...

Но ты не возбужден.

То, что ты до сих пор не возбужден — это плохо... Всегда смеялась, ругалась и даже наказывала, а сейчас огорчена, но я заставлю утонуть тебя в моей ласке, задохнуться и умереть для твоих кошмаров, чтобы они оставили тебя навсегда...

Пусть тебя снова разрывает изнутри от желания мне угодить, от желания мной обладать... Оказывается, это так приятно и так необходимо знать, что в тебе настолько нуждаются...

Но одежда мешает...

Я знаю, милый, знаю, что тебе не хочется раздеваться сейчас... но мы вместе... ты и я... я тебе помогу...

— Встань, Шайнэ.

Нехотя...

Плохо.

Твое желание, оказывается, уже сформировалось и оно выражается в том, чтобы сидеть на коленях подле, и слушать тишину и наше дыхание. Ты прислушиваешься к себе, чувствуя мои руки и губы, но не веришь им,

ждешь подвоха...

Боишься, что все это сон?

— Не бойся...

Я помогу тебе избавиться от одежды, только не надо нервничать и снова закрываться...

Зачем снова это выражение в твоих глазах?

Тля!!!

Все сначала...

Или???

Расстроенная Кэйт скрылась в комнате для «воспитательного процесса» и возвратилась спустя пару минут, что-то бросив на кровать, но тут же села, загораживая спиной предметы.

— Приготовься для меня, раб...

Шайн вздрогнул, выходя из оцепенения. Голос был знаком, команда тем более, правда, пальцы немного дрожали, ну так... Госпожа... его госпожа приказала... ее воля — закон!

Одежда на полу, он совершенно обнажен...

— На колени, ко мне, раб!

Плавнo опустилcя, подполз, склонилcя лицом в пол...

Странно и дыхание почти ровное...

— Поднимись. Руки за голову.

Шайнэйлиер исполнил приказ.

— Хорошо...

Кэйт, не оборачиваясь, нащупала перчатки, натянула.

— Не отводи взгляд!

— Да, госпожа...

— Страшно?

— Н-нет, госпожа.

— Не лги!

— Простите, госпожа...

— Ближе. И ноги расставь...

Идеально...

Кэйт поднялась, встала почти вплотную, провела пальцами по бедрам раба, переместила на ягодицы, чуть сжав их...

Страшно, Шайн... Потому что не брала тебя с того самого первого дня, отчего-то считая, что с тобой так не надо... Видимо, зря...

В глазах появилась паника, но хоть не безразличие... Грудь парня теперь вздымается слишком часто, дыхание рваное...

Да, милый, будем учиться заново...

— Считай...

Замер, остановившийся взгляд куда-то мимо плеча на противоположную стену...

— Расслабься и считай...

Пытаешься восстановить контроль, молодец...

Не надо вздрагивать, я всего лишь прижалась к тебе, чтобы ты мог уловить мой ритм дыхания... пока еще не проникая, только лаская тугое колечко мышц...

Вот так... вдох... выдох... еще реже... почти совпали... нам некуда торопиться...

— Сюда никто не придет, не ввалится толпой, чтобы отнять тебя у меня... только мои руки будут прикасаться к тебе... везде, где пожелаю я, твоя госпожа... потому что ты принадлежишь мне... понимаешь?

— Да, госпожа...

— Хорошо... только Я тебя трогаю везде, где хочу, ты мне доверяешь?

— Д-да, госпожа...

— Я не ставлю тебе задачу возбудиться или нет...

— П-почему?

— Я хочу, чтобы ты сам определил, насколько тебе приятна или нет моя ласка... слышишь? Не наказание, Шайнэ... Ты ни в чем не виноват...

Тяжелый вздох, словно камень с души, и полный надежды и недоверия взгляд. Глаза в глаза...

— Да, госпожа.

А руки продолжают поглаживать каменные ягодицы, тиская, сминая и массируя, и снова чуть надавливая ноготочками и тут же лаская, чувствуя, как разогревшаяся кожа с множеством нервных окончаний начинает возбуждать и ее саму. Стимулируя тебя, загораюсь сама... но не теперь... чуть отодвигаюсь и вижу разочарование в твоих зрачках...

Твои соски превратились в горошины... вот как, оказывается, все в

организме взаимосвязано.

Мы оба это знаем... нас с детства этому обучают... Я помогу тебе, Шайнэ...

Прижмусь приоткрытыми губами... вот так... лизну твердую бусинку, вберу губами, посасывая...

Да, милый... я чувствую, как ты расслабляешь напряженные мышцы, теперь очередь второй горошинки...

Чуть-чуть прикусить... снова напрягся... и сразу же поцеловать, зализывая несуществующий след от зубов... расслабься...

Совсем не больно, это просто игра...

Не все умеют играть по правилам, не все получают удовольствие без запаха страха, примешивающегося к возбуждению и терпкому мускусному запаху похоти... Но ты же сам помогал мне понять простую истину — когда нет стыда и страха, можно сойти с ума от удовольствия, а почему нет?

— Ну вот... мой хороший, теперь считай...

— Один...

Удивлен... ладно не буду дразнить.

— Два...

Страшно... ну и достаточно...

Шайн сглотнул, по лицу парня пробежала тень, ощущение чужого присутствия почему-то воспринялось с обидой и облегчением. Радоваться или огорчаться?

— Не бойся, без лубриканта не трону...

— Я могу потерпеть...

— Ты уверен?

— Да, госпожа...

Не сегодня, мой хороший...

Кэйт обернулась, взяла открытый тюбик с кровати, быстро выдавила на пальцы.

— Продолжим? Ты готов?

— Да, госпожа.

— Считай...

— Два...

— Дыши ровнее, не нервничай, я остановлюсь... — Кэйт прижалась щекой к груди парня. — Можешь опустить руки. Лучше обними меня.

— Три... Четыре, госпожа, — поправился раб, напрягаясь...

— Достаточно, выдыхай... — шепнула Кэйт, больше не делая попыток вторгнуться, только лишь лаская и растягивая скользкий от смазки вход...

Шайн охнул, и Кэйт тут же почувствовала, что ей в живот упирается его начавший оживать член.

Ну вот, по крайней мере, один этап преодолели...

— Я не против, если ты для меня кончишь, Шайн.

— Благодарю, госпожа...

— Я хочу поучаствовать, а ты уже можешь сосредоточиться на своих ощущениях...

«А я — на своих», — мысленно добавила Кэйт, прикрывая глаза. Девушка прижалась всем телом, нежась в сильных объятиях своего мужчины, дыхание которого снова сбилось, потому что она добралась до той точки, стимулируя простату, прикосновения к которой вызывали у раба судорожные всхлипы... Правда, ему уже было не до эстетической подоплеки своего состояния...

— Радость моя, ты как? — спросила Кэйт, погладив Шайна по спине, стирая выступившую испарину и озабоченно заглядывая в лицо мужчины, который все еще стоял, слегка покачиваясь, с закрытыми глазами.

— Гораздо лучше, благодарю вас, моя госпожа, — Шайн разлепил веки.

Он казался удивительно серьезным, и Кэйт нахмурилась. Не хватало только, чтобы теперь он начал переживать по поводу того, что она в него не играла, а оказывала психологическую помощь.

— Шайн! — чуть не топнула ножкой Кэйтиайриона.

— Честно-честно, — наконец-то слабо улыбнулся он своей особенной магнетической улыбкой.

— С возвращением, мой хороший... — облегченно вздохнула Кэйт, обняв его за талию. — Прежде, чем ты пойдешь в душ, я хочу показать тебе вот это, — указала она кивком головы на рассыпанные у нее на кровати предметы. — Выбери, что будем делать в следующий раз. Что тебе пугает сильнее всего? Или по возрастающей?

Шайн побледнел. На кровати были раскиданы стек-фаллосы и анфаллосы различной модификации.

— Ты слишком эмоционально воспринимаешь эти предметы, я не хочу, чтобы кто-то понял, что для тебя они представляют что-то неприятное. Страх возбуждает, ты же и сам знаешь. Зачем давать лишний козырь тем, кто...

Девушка оборвала себя на полуслове.

— Я напому тебе, что эти игрушки могут доставлять удовольствие, ты мне веришь?

Шайн обреченно кивнул. Слов не было...

Кэйт тяжело вздохнула и снова обняла парня за талию, прижавшись к его груди лицом, чувствуя, как гулко бухает в груди его сердце.

— Шайнэ, я пытаюсь защитить тебя от самого себя... чтобы ты мог быть рядом. Я хочу, чтобы я могла брать тебя с собой в гости или на приемы, но если ты не перестанешь шарахаться от этих предметов, ты будешь сидеть дома, потому что я буду бояться, что не довезу тебя обратно в очередной раз, не успею привести в чувство и потеряю. Я не хочу тебя терять, Шайнэ!

— Госпожа, я справлюсь.

— Шайнэ, я была отличницей по теории и по практике... В конце концов, это просто вызов моим способностям, — вяло пошутила девушка. — Почему ты упрямишься? Думаешь, я не понимаю, что тебя пугают не только они, но и куча женских ручек, тянущихся растерзать-потискать. Ну что, хочешь, я организую для тебя домашнюю принудительную терапию? В нашем доме женщин достаточно...

— Стек-фаллос... — выдавил раб.

Кэйт отстранилась, взглянула в потемневшие глаза парня и покачала головой:

— Нет, Шайн, давай все же без фанатизма, следующий зачет будешь сдавать с обычным анфаллосом, без вибратора, хорошо?

— Спасибо, госпожа, — опустил он на колени, обняв ее за талию и уткнувшись лицом в живот. Его губы кривило подобие улыбки. А в груди теснилось теплое чувство к любимой — она искренне хочет помочь. А ведь могла бы и не спрашивать, и вообще...

Богиня...

* * *

Выйдя из душа, Шайн удивился тому, что Кэйт его ждет, чтобы пойти на мужскую половину.

— Я сегодня свободен, госпожа? — ровно произнес раб, хотя внутри все просто кричало — пожалуйста! Хотя бы еще одну ночь! Именно эту ночь...

Девушка изумленно взглянула на него.

— Шайнэ... я думала... ты будешь эту ночь со мной, но если хочешь... — огорченно начала Кэйтириона, которой просто необходимо было прижаться сегодня к горячему плечу мужчины, с которым так сладко и спокойно спится, перед которым необязательно помнить о том, что она Старшая госпожа, а не просто капризная девочка. Второй день нервотрепка...

— Нет!!! Спасибо, госпожа! — просиял парень, стремительно подлетев и упав на колени. Поднял голову, заглянул в глаза, поражаясь, каким образом она снова прочитала его желание?

— Тогда одевайся скорее, и пойдем. Почему-то чувствую себя... — неопределенно начала Кэйт, проведя ладонью по щеке, но не стала продолжать. — Надеюсь, мальчики найдут, чем меня развлечь?

— Думаю, да, — улыбнулся Шайнэйлиер, живо натягивая штаны и закидывая рубашку на плечо.

Эх... надо попросить госпожу, чтобы разрешила оставлять здесь смену одежды, потому что, например, эту рубаху, пахнущую чужими духами женщин, которые зажимали его на Совете, пока его не выручил Лейхио, надевать больше не хотелось. Давно надо было внести такое предложение, просто Шайн суеверно боялся, что Кэйт воспримет это как неслыханную наглость и покушение на свою личную территорию, и просто выставит за дверь насовсем...

* * *

Остаток вечера прошел в теплой дружеской атмосфере.

Правда, сначала парни слегка выпали в осадок, увидев на пороге большого общего зала Старшую госпожу Дома с идущим позади нее Шайнэйлиером, отсвечивающим голым торсом.

Попадав на колени, лицом в пол, все, кто находились в этот момент в зале, в полной мере ощутили, что еще не отошли от недавних потрясений с составлением списков.

Что теперь?!

Гейн, которого позвал один из мальков, сунувшихся было в общий зал, но, увидев госпожу, метнувшийся за старшим — пусть они сами

разбираются, явился через минуту, лихорадочно соображая, когда он последний раз видел Айка? И не его ли разыскивает госпожа? Что, в общем-то, было бы предпочтительнее, чем еще какие-то новости для внутреннего распорядка вверенной ему территории.

Оказалось, не все так страшно. Кэйтириона уселась на диван, посмеявшись про себя, вспомнив, как недавно представляла в такой ситуации Айрин. Парни, ошарашенные вниманием Старшей госпожи, рядками расположились у ее ног, в зависимости от статуса. Несколько сразу же сбежали переодеваться, точнее, раздеваться для танцевального номера, а пока Гейн поймал Нэя, собравшегося отнести гитару в свою комнату и заодно заскочить к Шайну, пока все заняты Кэйтирионой, и велел скрасить «паузу» в организационном моменте какой-нибудь песенкой.

— Нэй... спой еще раз ту, что пел на вечеринке у госпожи Айрин, — попросила девушка.

Парень зарделся, но голос чуть дрогнул лишь на первом куплете.

Кэйтириона почти сразу пожалела, что попросила, потому что мгновенно перед глазами встало безучастное лицо потерянного Айкейнури, для которого и была исполнена эта песня. Срочно захотелось отыскать этого гада и убедиться, что он уже в порядке. На глаза навернулись слезы, но Кэйт постаралась взять себя в руки, сосредоточившись на исполнителе.

Негромкий голос Нэйклианэ, с едва заметной хрипотцой, придающей какое-то особое очарование, пробирал до глубины души, заставлял прислушиваться, гипнотизировал. Странно, то ли из уважения к тому, что эту песню слушает госпожа, то ли он не пел ее раньше перед этой публикой, но парни притихли, пойманные в плен и самой манерой исполнения, и стихами текста.

А Кэйтириона разглядывала вдохновенное лицо, усыпанное веснушками и занавешенное медными прядями, словно огненными ручейками лавы стекающими по его плечам, и пыталась понять, почему она раньше не обращала внимания на то, какой он уже взрослый...

* * *

Айкейнури был здесь же, в зале, и даже постарался пристроиться, чтобы госпожа его непременно увидела. Он хотел было подойти, но Гейн быстренько оттер его, усевшись с таким видом, что стало понятно — не подпустит. Впрочем, спасибо, что вообще не запер в комнате, ведь госпожа велела, чтобы он не попадался ей на глаза. Изображать раскаяние было

нетрудно, ведь Айк и в самом деле чувствовал себя хуже некуда.

Гейн пристроился рядом с Кэйтирионой. А Рэй, которому госпожа задрала рубаху, осматривая спину, просто расцвел. Тля! Девушка озабоченно покачала головой, что-то спросила, провела пальцами по светлой челке убирая волосы назад, заглянула в наглючие зеленые глаза, старательно пытавшиеся изобразить невинную овцу, усмехнулась... Ха! Не убедил! Куда тебе до Эйна!

Тля! Убил бы! Обоих... Тля!!! Она специально, что ли?! Нет, но на что он-то рассчитывает?! Тля-а... Яйца ему, что ли, открутить, чтобы плясал лучше? Гы! Одного Эйни для Дома Маргойлин вполне достаточно!

Парень чувствовал, как в животе растекается что-то липкое, нехорошее, проникая своими черными щупальцами в каждую клеточку... Ревность и зависть... Как он не понимал раньше, что ему доставалось столько, сколько этим парням, сидящим у ног его любимой, и не снилось... А он... Он, придурок редкостный, все перечеркнул. Сам... одной своей выходкой... Тля!

Шайн появился очень быстро, и Кэйт кивнула, приглашая подойти. Поэтому Гейну, сидящему прямо перед ней, пришлось слегка потесниться. Но он быстро перестал расстраиваться, потому что Кэйт вдруг обняла его сзади, склонилась к уху, о чем-то спросила. Удовлетворенно провела ладошкой по мощной груди, поверх футболки, и, кивнув, отодвинулась. Гейн, зараза, сориентировался, что настал его звездный час. Повернувшись боком, лукаво взглянул на Кэйт, и та, ободряюще улыбнувшись, кивнула.

Мужчина приподнял ее ножки, снял домашние туфельки и пристроил ступни госпожи себе на колени, накрыв сверху ладонями. Опять взглянул на девушку, и та снова кивнула, разрешая помассировать ей ступни. Конечно, это вовсе и не было похоже на настоящий массаж, но вот на нежную ласку — очень даже. Наверное, Гейн просто боялся надавить на миниатюрные пальчики девушки чуть сильнее или же специально так рассчитал, что Кэйт только жмурилась от удовольствия и вовсе не возражала...

Номера сменяли друг друга. Айк с подозрением косился на Рэя, который явно тоже именно сегодня собрался показать, что умеет. Рыжик скучал в уголке, косясь на прилипшего к госпоже Шайна. Через какое-то время, видимо, и Кэйтириона почувствовав немой призыв, поманила Нэя к себе.

Потрепала по веснушчатой щеке, что-то сказала Гейну и отпустила

обоих — просиявшего Рыжика и выразившего благодарность поцелуем ее ладошки Шайна.

Айкейнури сидел далеко и то, что только что произошло у него на глазах, не совсем понял. Пока что было только: «Ура! Минус один». Шайн отвалил. Если Кэйт, конечно, не велела им обоим отправляться прямо к ней... Тля-а... Аж в жар бросило... Да нет, не может быть... Вдруг вспомнил совсем некстати, как Рыжик хныкал и сладко стонал, когда они с Шайном вдвоем... И затосковал, пытаясь отыскать взглядом Никки. Как назло, Ягодки нигде не наблюдалось...

Рэй все-таки выступил... Вот же сучонок прыгучий... Красиво, сволочь, двигался, не только Кэйт глаз не могла оторвать, подавшись вперед. Даже Гейн, кажется, забыл какое сокровище у него в руках... Этот паршивец изобразил что-то такое, что хоть проветривай помещение — настолько у всех обострение спермотоксикоза случилось. Воздух, наполненный вожделением и желанием немедленно отловить источник раздражения и отыметь его прямо здесь, можно было резать ножом...

«Да уж, понятно, что противник... В смысле, соперник, появился все-таки достойный», — совсем загрустил брошенный любимец. Порадовало лишь то, что вернувшись на место подле Кэйт, Рэй удостоился лишь похлопывания по щеке, а девушка, увидев, что в зал вернулся Шайн, поднялась, сообщила, что всеми очень довольна, пожелала парням нескучной ночи и, забрав Шайнэйлиера, отправилась спать...

Рэйнийльяш, с-сука, даже взглядом не выдал, что его задел выбор госпожи. Вернее, невыбор.

Но самому Айку до такого умения владеть собой было как до звезд раком. Весь вечер он сидел, как последний придурок, и ловил взгляд любимой, старался оказаться с ней рядом... И все напрасно. Он для нее — пустое место. Убейте его кто-нибудь!!!

И Ягодка, тля, куда-то пропал... Не иначе, теперь свой член полирует об этого стихоплета.

Глава 27

18 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

Гейнийляш, как и предполагал, нашел Айкейнури на его боевом посту, наблюдающим за дверью госпожи.

Айк, заняв стратегически выгодную позицию, привалился спиной к кадке с пальмой и мрачно раздумывал, а не принести ли ему сюда какой-нибудь коврик помягче. Ожидание, когда госпожа сменит гнев на милость, отчего-то затягивалось. То, что его наказали невниманием в первый вечер после пролета — нормально. И даже то, что не взяли вчера на Совет, в общем-то, было не так уж и удручающе, но скоро пойдут уже третьи сутки... И вся эта ситуация его всерьез начинала беспокоить.

Увидев Гейна, Айк досадливо сморщился, живо подобрал вытянутые в проход ноги и постарался слиться с интерьером.

Не помогло...

Судя по хмурой роже старшего по гарему, настроение у него было явно средней паршивости, под стать самому Айкейнури. Уходить с поста очень не хотелось, но парень пока еще не выучил все приемы самообороны, и Гейн его живо заломал, «убедив».

— Госпожа просила держать тебя отсюда подальше, так что извини! Пойдем на КПП посидим, кальянчику...

— С утра пораньше?! — сначала возмутился, но потом согласился Айк.

Увидевдвигающих в сторону КПП двоих Верхних, явно не в духе, большая часть мужского населения тихо растворилась по углам. Почувствовав пряный аромат дыма, весьма отличающегося от обычного состава, Кыйос хотел было присоединиться, но Гейн помотал головой — не сейчас.

Лучше бы им было самим посидеть в его комнате, но этот дым слишком долго выветривается, а здесь кондей помощнее, да и само помещение не в пример просторнее — должно хватить, чтобы пробрало, но не так, чтобы потом остро пожалеть о том, что выболтали друг другу... Спасение заблудшей души с подобным атрибутом «очищения» в виде особого табака для кальяна — палка о двух концах, ведь и у Гейна тоже были кое-какие скелеты в его личном шкафу.

Гейнийляш никогда дураком не был, и складывать два плюс два, чтобы получилось пять, и увидеть не только то, что очевидно, умел. Поэтому через какое-то время, выудив, что Айкейнури, кретин, все же умудрился еще раз сцепиться с Эйном, скривился.

— Ох, ни хрена ж себе, а что, попроще совместный номер нельзя было разучить для вечеринки? — заржал старший.

Айк обиженно засопел, поматерился, выражая свое согласие с тем, что, мол, экспромт получился так себе.

— Тля-а... Кто вас видел? — посерьезнел Гейн.

— Госпожа Клаусийлия...

— Мать Сущего! — аж чуть не подскочил Гейн. — Как это вас так угораздило? Как?! Вы, тля! в таком огромном доме, как у Вайнгойртов, места не могли найти, где поменьше народа шастает?

— Ну... вот так... тля!

— И что? Настаивала на самоличном наказании? — снова загорелся от любопытства старший. — А наша госпожа?

— Ни госпожа Кэйтиайриона, ни госпожа Айрин не могли отказать... но... — тут Айк припомнил, что лучше бы уж она наказывала сама, и его перекосило совсем.

— Дай-ка я угадаю... — усмехнулся Гейнийляш, глядя на мученическое выражение лица выскочки — наконец-то его проняло... — Вас заставили наказывать друг друга?

— Тля!!! — Айк резко проморгался. Он же не хотел говорить, как эта сука догадалась?

Гейн криво усмехнулся, поняв, что угадал. Айкейнури всегда так остро реагировал, когда ему напоминали про его место, что было даже забавно. Только вот то, с какой растерянностью парень теперь испуганно взирал на него, словно уже выболтал страшную тайну, убедило мужчину в предположении, что одними плетями дело не ограничилось.

— Да в чем проблема-то? Ну, перепихнулись и разбежались? — осторожно спросил Гэйн.

— В том!!! Тля-а... — Айк уронил голову, рассыпавшиеся волосы скрыли лицо господского любимчика, но кончики ушей, проглядывающие сквозь светлые прядки, предательски пылали.

— Эйри-и? Вот сучонок! Он и на тебя произвел впечатление? Значит, не зря болтают... — задумчиво (насколько мог уже в таком состоянии) протянул Гейн, пытаясь сообразить, что именно так убивает Айка. — Попробуй в двух словах...

— Н-не могу... — горестно выдавил Айкейнури, поняв, что просто не

сможет произнести вслух признание в своей позорной капитуляции.

— Айк?

— Я... слушай, я пойду, а? — попробовал подняться парень, но тут же был уронен на диванчик:

— Сидеть!

— Ну, хватит! Для первого раза сеанс откровений закончен! — психанул Айкейнури, повторно вскакивая.

— Не угадал, — Гейн снова опрокинул Айку и тут же, скрутив его, навалился всем телом, прерывая отчаянные попытки к сопротивлению.

Парень вызверился:

— Нет!!!

— Тихо, тихо... ты о чем размышлялся-то? — хмыкнул Гейн, прислонившись к самому уху. Как же ему хотелось иногда отыметь эту сладкую наглую задницу, но нельзя... слетит с катушек, Кэйт будет недовольна... — Айкейну-ури-и...

Получилось, конечно, не так проникновенно, как у Эйна, но для ассоциации вполне хватило. Парня затрясло:

— Гейн... не надо... тля! Сам же потом... ненавижу! Отвали!!! Я не могу! Не хочу!!!

— Что произошло, Айки? Что он с тобой делал-то? Тля! Я тебя просто не узнаю... Но лучше будет, если ты расскажешь сам. Поверь, я же все равно докопаюсь до истины, только о моей заинтересованности будет знать гораздо больше народу. Ты же в меня веришь, правда? Пообещаю достойную плату и...

— Тля! Так не честно! Гейн, какой же ты гад! — капитулировал Айк, совершенно по-детски обиженно надув дрожащие от негодования губы.

Гейн поспешно уткнулся ему в ключицу, закусив губу, чтобы не заржать. Он даже и представить себе не мог, что вот этот беспомощно спеленутый кретин с таким выражением на совсем сейчас ненаглой морде вызывает желание его поцеловать.

Но как? Тля! Нашел «зайчика» — рассердился он сам на себя.

— Ну, я все еще жду, — подняв голову, слегка усилил нажим в вывернутой болевом приемом руке. Айка перекосило, но тот, сцепив зубы, промолчал.

Нет, так дело не пойдет. Силушки у Гейна было не занимать, и если этот придурок будет и дальше геройствовать, то скорее он просто сломает ему руку, чем добьется результата.

— Ну и ладно, — мужчина сделал вид, что ему надоело играть в допрос с пристрастием, и он сейчас поднимется. — Можешь валить, я тебя

предупредил... завтра и начну.

— Что начнешь?

— Играть в другую игру — в детектива, — ухмыльнулся Гейн, в самом деле поднимаясь. Но тут же был обратно притянут за рубашку спохватившимся Айком, оказавшимся на распутье.

— Гнида ты, Гейн... не надо никакого расследования... Он... Я... Он теперь мой Верхний... Вот... — почти ровно закончил Аик и, опустив глаза, резко оттолкнул немного обескураженного Гейнийляша, поднимаясь. Признание далось нелегко, плечи парня ссутулились, и нервные дерганные движения вовсе не убедили старшего по гарему, что с его «подчиненным» все в порядке и на этом можно считать беседу удавшейся.

— Ну-ка сядь, — почти трезвым голосом произнес Гейн. — Расскажи-ка мне, в чем ты видишь главную проблему, Айкейнури?

— Не прикидывайся, — зло зыркнул Аик, и снова опустил глаза в пол.

— Ну и съехал ты с третьего места на четвертое, — вздохнув, приступил к мозготерапии старший. — Причем, заочно. Эйн в нашем Доме что-то вроде духа нематериального, так что его можно даже и не учитывать. И, по сути, так и должно быть, Айнурчик. Не забывай, что законным мужем госпожи Кэйтирионы является именно он, а не ты, и не я. И, кстати, чтобы тебе совсем полегчало, могу сказать, что по статусу, он получается выше меня, и если... ну сам понимаешь, тьфу-тьфу... — передернул плечами Гейнийляш, сплюнув через левое плечо, — так что не парься.

Парень старательно внимал, но, видно, пока еще не все укладывалось в его башке, как надо. И Гейн, следивший за реакцией «пациента», продолжил:

— А если уж тебе совсем так хуево, давай, я тебя трахну? Так хоть не обидно будет, и твои, судя по всему — невьебенные, впечатления слегка заменю на новые? Ну, как тебе мое предложение?

Все это время, пока Гейн старательно, но не вдаваясь в подробности, расписывал фактическую расстановку сил, Аик сидел, молча разглядывая здорового бугая, их старшего, более сильного, и, оказывается, более умного, мучительно размышляя о том, что Гейн не так уж и неправ.

Только вот представить, что и его трахает Эйн... было как-то неправильно. И даже не с эстетической точки зрения — некрасиво, и уж точно не из этических соображений... «Тля-а...», ахнул про себя пораженный Аик, словно током ударенный от проскользнувшей мысли — он ревнует!!! Матерь Сущего — он, Айкейнури, ревнует Эйна и даже мысленно не хочет, чтобы эта зеленоглазая ласковая сволочь трахал кого-то еще, кроме своего симпатичного котенка Вила и Дэйна... Хотя, там еще

бабушка надвое сказала, кто кого пялит, если у них настолько все серьезно, что друг для друга готовы рисковать.

По лицу парня, о чем-то сосредоточенно размышлявшего, пробежали тени, отражая напряженную работу мысли, но мысли явно не того направления, на которые рассчитывал Гейн.

— Та-ак... молчание — знак согласия, — съехидничал он, и Айк вышел из ступора.

— Да!

— Да-а? Ты согласен? — слегка удивился Гейнийляш.

— Тля! «Да», в смысле, согласен с тобой про статус, — смутился Айк. — А впечатлений мне и так хватает, но я не могу принять твоего заманчивого предложения.

— Эх... жаль, — почти непритворно вздохнул Гейн. — А я хотел ангажировать тебя на вечер...

Посмотрев друг на друга, парни расхохотались...

* * *

Выходя из с КПП, Айк увидел худенькую тень, шмыгнувшую из комнаты Никки.

А-ха! Член у Ягодки теперь наполирован, пора прочистить ему задницу.

С ноги открыв дверь, Айкейнури ввалился в комнату к своему Нижнему. Тот как раз застилал кровать, стоя в очень удобной позе. Швырнул лицом в подушки...

— Айк, дай, я хоть душ приму, тебе же приятнее меня трахать чистого будет...

— Ошибаешься, меня возбуждает запах секса... — глумливо покачал головой Айкейнури.

Никки глубоко вздохнул и попытался расслабиться. И даже пристроился поудобнее, расставив локти и уперевшись лбом в сложенные друг на друга ладони. Прогнулся в пояснице, поднимая зад, полностью открываясь. Однако Айк отчего-то медлил.

— И? — обернувшись, поинтересовался Никки общей обстановкой.

А Айку, после всех этих задушевных разговоров, захотелось чего-то... Странного, медленного и плавного.

— Ты куда-то торопишься? — хмыкнул он, медленно снимая штаны.

— Н-нет... — прошептал Никки, у которого вдруг сел голос. И по

позвоночнику побежали мурашки от звука слишком неспешного вжиканья молнии, словно предстоял не какой-то банальный трах, а некое священнодействие. И все должно происходить именно так, неспешно, взвешивая каждый жест, любое сказанное друг другу слово...

— Тогда не будем торопиться, ага? — вкрадчиво прошептал Айк, забавляясь.

Вытащив из кармана смазку, прикусил тюбик зубами, стянул штаны, и, отшвырнув их подальше, подошел вплотную к Никки. Прижался к аппетитной заднице парня пахом, уложив гордо вздыбленный член точнехонько между половинками. Положил ладони на ягодицы и слегка сдавил их, зажимая свое достоинство. Сделал пару движений бедрами, словно в танце. Услышал недоуменный всхлип, приглушенный подушкой, и, довольно рассмеявшись, отстранился. Вот теперь можно перейти к обычному действию.

Взяв тюбик в руки, выдавил немного лубриканта на пальцы и, щедро смазав туго поддающуюся дырочку, заменил пальцы на уже сочащийся от желания, подрагивающий в нетерпении член. Войдя наполовину, сильнее сжал пальцы на боках Никки, заставляя его качнуться назад, и самому насадиться до упора.

— М-мм...

— Не ври, не так уж и больно, — ободряюще погладил Айк парнишку по пояснице. — Ты же не мог сузиться за пару ночей?

— Наверное это ты увеличился, — сдавленно хмыкнул Никки. Отдышавшись, на пробу чуть вильнул задом и, обернувшись, улыбнулся, давая понять, что все уже нормально.

— Ну и отлично, — обрадовался Айкейнури, расставляя пошире ноги, чтобы было удобнее поскорее поймать нужный ритм...

На последних движениях, когда лежащий снизу парень уже не знал, чего ему больше хочется: подмахнуть еще выше, звонким шлепком встречаясь горевшей кожей задницы с пахом Верхнего, или уйти вниз, чтобы мазануть звенящим от приближения разрядки собственным стволom по сбившемуся под ним покрывалу, Айк переместил ладонь с его бедра на член. И, заскользив ладонью в том же ритме, что двигался и сам, довел его до хриплого вскрика, застрявшего в пересохшей глотке. Врезался сзади, содрогаясь в оргазме, и потом навалился сверху, подминая под себя, придавливая своим немалым весом накачанных мышц...

За... мученному охренительным сексом, морально опустошенному Никки, медленно возвращающемуся в реальность, было пока все равно.

Потому что попросить Айкейнури подвинуться он не мог — онемевший язык не желал его слушаться, тело не подчинялось, да и вообще, разъединиться прямо сейчас показалось парню просто кощунственным. Все-таки, несмотря на грубоватое соитие, его Верхний оказался выше всяких похвал. А уж ему было с чем сравнивать... Вот еще немного нежности бы... Интересно, его Верхний на это способен?

— А вот теперь в душ, — сытно потянулся Айк, отползая в сторону, вырвав Никки из грез на будущее, — ты первый!

* * *

После душа на Айка, вместо привычного состояния блаженной лени, неожиданно напало желание потренироваться.

Скорее всего, оно было спровоцировано коротким диалогом между парнями, пока Айкейнури натягивал шмотки на блестящее от капелек воды тело, а Никки откровенно, с легким оттенком зависти, изучал своего любовника.

— Сколько тебе лет, Верхний?

— Двадцать два. А тебе?

— Двадцать.

— Совсем ты уже не малек, Ягодка... — озадаченно нахмурился Айк, понимая, что при таком раскладе как-то уже неправильно наглухо расставлять акценты. Потенциал-то у парня есть. Как и у Рыжика... Вот невезуха.

— Да уж, что-то переходный возраст у меня затянулся, но вариантов-то мало, сам понимаешь, — мрачно вздохнул Никки. — Мелькаю и бегаю я хорошо, но один удар кулака Къйоса, например — и я в отключке, только переверни и ноги раздвинь...

— Ладно, Ягодка, нечего завидовать. Думаю, кое-что и из тебя можно вылепить, — подмигнул Айкейнури, придержав Никки, натянувшего свободные штаны и собирающегося плюхнуться обратно на развороченную кровать.

— Прости? — недоуменно поднял глаза младший.

— Вот, говорю, прямо сейчас и начнем! — обрадовался Айк стукнувшей в голову идее.

И, ускорив Ягодку шлепком по заду, потащил его в тренажерку. По дороге Никки бубнил, что у него нет сил, но понимал, что сопротивление бесполезно.

И тут Айку на глаза попался Нэй. Издав радостный возглас, захватил с собой и второго парня. Втроем веселее.

Рыжик привычно разминался, время от времени поглядывая в сторону Никки, вокруг которого прыгал сейчас Айкейнури, а тот как бы нечаянно прикасался то к руке, то к плечу Айка. Внутри разгоралась непонятная обида. Смешно, ведь сам недавно мечтал, чтобы настырный парень от него, наконец, отвязался... И вот теперь... А главное, претензий к новенькому милашке — «Ягодке», как то и дело называл его Айк, вместо того, чтобы обращаться по имени —, не было... А вот к Айкейнури, как ни странно, были, причем серьезные. Настолько серьезные, что Рыжик и сам испугался, что это слишком пахнет ревностью.

Значит, у него нет больше второго Верхнего?

Непонятная обида душила и он, несмотря на обещание Айка, если уйдет раньше, надрать ему зад, все-таки сбежал. А может быть, именно на это и надеялся? Что за ним тут же кинутся следом?

Новое чувство оказалось не слишком приятным... наверное, надо найти Шайна и попроситься в гости. Пусть Айк побегает и поищет, ведь он уже должен был по нему соскучиться? Не сошелся же свет клином на Ягодке?!

* * *

Шайна Нэй сразу не нашел, поэтому принялся мучать гитару у себя в комнате, но Гейн, пребывающий в меланхолии, пожелал живой музыки и вытащил Рыжика в общий зал, где почти до вечера с небольшими перерывами он и развлекал благодарную публику. Самое интересное, что и Айк приперся, усевшись напротив как ни в чем не бывало. Без Никки.

Тийка тоже не было. Но это и неудивительно — скорее всего, ему выпала гораздо более высокая честь, чем развлекать старшего по гарему — наверное, снова ублажал мать Кэйтиайрионы...

Жаль парня, но молодую госпожу парень абсолютно не вдохновлял, и она не спешила объявлять его статус неприкосновенным...

19 снейжэна 328 года. Дом Кэйтиайрионы.

Вчера, после тренировки, Никки выкрали Тийка с братом и утащили к себе. «Чаевничать», ага! Это теперь так называется... Нэй свинтил куда-то

еще раньше, хотя ведь предупреждал его, что задницей ответит. Надо было, конечно, поймать и завалить, но когда Айк нашел Рыжика, тот грустно поскуливал что-то под гитару, задушевное. И когда парнишка, подняв голову, встретился с ним глазами, а потом, пошарив взглядом вокруг, не увидел рядом никого, то создалось странное ощущение, будто Рыжик обрадовался. Вот не знай, что Нэй все время сопротивляется до последнего, как целка, решил бы, что тот и правда был доволен, увидев Айку одного. То есть, выходит, что Рыжик его к Ягодке приревновал? Вот ведь чудеса! Быть такого не может!

Поэтому сегодня был поставлен эксперимент. Сначала Айк, с ноги, вломился в комнату к Никки, увидел две пары глаз из-под одеяла, пара — изумленных и пара — напуганных. Тийку ураганом вымело в коридор, даже одеваться не стал. Никки же, со своей доброй усмешкой и смешинками в глазах, скинул одеяло и перевернулся на живот.

— Нет, тля! Не понял! Я что, такой страшный, что от меня дети убегают? — почти всерьез возмутился Айкейнури, — А ты меня тут голым задом не провоцируй, надевай штаны и пошли.

— Куда? Снова в тренажерку? У меня после вчерашнего мышцы все болят!

— Не ной, как раз еще позанимаешься и станет легче, увидишь... — Айк с испугом услышал в своем голосе ласковые нотки и быстро исправился: — А ну быстро прыгай в штаны и пошли! Нам еще Рыжика вылавливать...

— А его ты с собой как группу поддержки таскаешь? — Никки успешно продемонстрировал, что тоже умеет ехидничать.

— Тебя не спросил! А ну в штаны, живо! А то сейчас голышом через всю мужскую половину прогоню!

— Да одеваюсь я, одеваюсь...

Нэй сидел в своей комнате и ждал возвращения Шайна, когда к нему влетел, радостно улыбающийся во все тридцать два зуба, Айкейнури, а за ним тихо просочился Никки.

— Мы идем в тренажерку! — громко объявил Айк.

— Ну и попутного вам ветра в спину, — буркнул Нэй, которого еще от вчерашнего не отпустило, и с Шайном поболтать не удалось...

— Ты не понял, рыжий! Мы ВСЕ идем в тренажерку, ты посчитан! — заржал Айкейнури.

Нэй сначала хотел послать излучающего энергию и радость парня куда подальше, но потом решил, что все равно ведь придется идти, только после

хорошей перепалки. А зачем ему оно при Никки?

Рассчитывая на повторение вчерашнего, Рыжик выбрал беговую дорожку, и сосредоточился на стене перед собой.

— Куда бежим? — вдруг раздался над ухом ехидный голос его второго Верхнего.

— Тля! Я чуть ежа не родил! Нельзя так пугать...

Айкейнури довольно заржал, а потом прыгнул на дорожку, нажал на стоп и пристроился сзади.

— Ты мне вот что скажи, рыжий, а то я чего-то вчера не очень понял, и может ошибся... Но мне показалось, что ты ревнуешь, заяц? — и все это нежно так, в ухо, щекоча дыханием и руками прижимая к себе, за бедра, так, чтобы задницей его стояк чувствовать...

— Тебе показалось, — хрипло выдавил из себя Нэй, — у меня Шайнэ... И не называй меня...

— Ага, я вот тоже так и подумал, — усмехнулся ему в ухо блондинистый садист, — значит я могу рассчитывать, что мы завтра сыграем в мою любимую игру: «Ах, не дам я тебе, Айкейнури»? Ведь тебя вчера предупреждали, что из тренажерки линять нельзя, задницей ответишь. Предупреждали, заяц?

— Предупреждали... Я сказал, не называй меня...

— Хорошо, заяц, я не буду тебя так называть, — Айкейнури снова весело засмеялся и, уклонившись от кулака Нэйя, спрыгнул с дорожки на пол.

— Значит так, зайчики и ягодки, гы-ы! Я оставляю вас ненадолго, но чтобы когда я тихо вернусь обратно, вы оба продолжали тут развлекаться на тренажерах!

Айк нашел Шайнэ в зале, о чем-то разговаривающим с Гейном. Сначала вежливо постоял целую минуту рядом. Потом не выдержал: «Ну как?!».

Шайн грустно вздохнул и помотал головой.

— Ты Рыжика не видел?

— Я его в тренажерке запер, с Ягодкой. Пусть подружатся, — ухмыльнулся Айки. Шейн скептически хмыкнул. И парни пошли в тренажерный зал, за своими младшими.

* * *

Когда Айк свинтил в неизвестном направлении, хотя оба

догадывались, что искать Шайнэ, парни сначала молча продолжили тренировку. Потом Никки не выдержал:

— У вас с ним что-то было, да?

Рыжик хмуро зыркнул, потом выдохнул и почти спокойно ответил:

— Ну, до тебя он тут только со мной был...

— Так у тебя же второй есть, Шайн? Или я что-то не понимаю?

— Какие вы сегодня оба непонятливые! — Нэй криво усмехнулся и понял, что вот ревнует же! Иначе это чувство никак не назвать, именно ревность и точка. Поэтому и на Никки кидается. Хотя тот вообще не при чем, нашел свободного Верхнего, взявшего его под крыло, и счастлив.

Это вот ему не радостно совсем, потому что... Он был уверен, что Айк так и будет все время крутиться с ними рядом, третьим. А тот взял и... Завел себя Ягодку.

— Почему хоть Ягодка-то? — поинтересовался он у парня.

Никки улыбнулся. Улыбка у него была потрясающая, искренняя, добрая и нежная-нежная.

— Можешь не отвечать! — заулыбался ему в ответ Нэй, — Солнышко было просто слишком банально для Айка.

И оба парня рассмеялись, чувствуя как спадает возникшее вчера напряжение между ними.

Зашедшие тихо-тихо, как Айкейнури и обещал, оба старших застыли в дверях, любуясь на довольных и сияющих юношей.

— Рыжик, пойдем поболтаем, я ненадолго и потом снова к госпоже, — позвал Нэйя Шайн.

Никки, закусив губу, остался один на один с Айком.

— Валим в бассейн? — предложил тот.

Через какое-то время к ним присоединился Нэй.

* * *

Перед ужином Айк очередной раз появился в комнате Никки. На этот раз вежливо постучав перед тем как войти.

— Я фигею с твоей вежливости! — улыбнулся ему с кровати парень, — Перевернуться кверху задом или будем продолжать играть в воспитанных в Джордане мальчиков?

— Не знаю как ты, а я по Джордану не скучаю, — буркнул Айк, — И

что за привычка дурацкая, при виде меня сразу кверху задом ложиться? Может, я просто поболтать зашел?

— Чаю хочешь?

Айкейнури сначала изумленно вытаращился, пытаясь понять, правильно ли он расслышал вопрос. Потом заржал так, что даже на пол присел от смеха.

— Так вы чего, серьезно чаи тут гоняли вчера, что ли?! Умора!

Никки продолжал спокойно смотреть на него, с вопросом в глазах.

— Буду... А к чаю у тебя что? Контролер или стек? — снова закатился Айк.

— Печенье у меня к чаю, вчера из столовой экспроприированное.

— Какие ты, тля! слова длинные и умные знаешь! — у Айкейнури опять случилась истерика от смеха.

Правда, потом он сосредоточился, и они мило поболтали за чаем, вспоминая Джордан, который закончили с разницей всего в два года, поэтому смогли даже найти общих знакомых и, уж конечно, перемыть косточки всем учителям.

А потом взгляд Айка начал становится томно-загадочным, и Никки, потянувшейся было за очередной печенькой, тут же передумал, отодвинул от себя кружку и встал. Подойдя к Верхнему, все еще сидящему в кресле, опустился на колени и заполз между ног Айка. Тот откинулся на спинку и чуть сполз вниз, выжидаяще следя за вдруг ставшим слишком инициативным парнем. Никки начал ласково, еле касаясь губами, целовать грудь, живот, спускаясь все ниже и ниже, и уже вот-вот почти по краю штанов и вдруг раз, и снова наверх, лизнуть, укусить, оттянуть губами... Такие розовые, возбужденные, манящие...

Айкейнури, закрыв глаза, наслаждался... Нежная ласка Ягодки были прямой противоположностью захватнической жесткой прелюдии к сексу у Эйна. Айка убаюкивало, как на волнах, расслабляло. Ему хотелось чтобы Никки не останавливался и продолжал так целовать и ласкать его долго-долго. Услышав звук расстегиваемой молнии лениво приоткрыл один глаз, убедился, что важный орган вынули аккуратно и с должным почтением, и снова погрузился в нирвану.

Парнишка и впрямь умел делать минет. Вернее не так, он не только умел, а еще и любил его делать. Он целовал, облизывал, погружал чужой член себе в рот с таким удовольствием, что от одного только вида его лица в процессе хотелось кончить... Но когда до оргазма оставались считанные минутки, и растекшийся лужицей по креслу Айк приготовился словить

кайф, все вдруг прекратилось.

Открыв глаза, парень увидел улыбающегося Ягодку, сидящего на пятках и внимательно изучающего его лицо.

— И что это? Перерыв на попить чайку?

— Нет, предложение, — Никки перестал улыбаться и совершенно серьезно посмотрел на своего Верхнего.

— Додрочить самому? — Айк очень не любил обломы, особенно когда уже даже начал ощущать привкус оргазма, когда уже вот-вот... Да за такое по нахальной моське надо выписать. Жалко только и лень...

— Нет, Айки, побудь со мной таким же?..

— Отсосать тебе, что ли? Ты что в чаек добавляешь, Ягодка?

— Нет же! — в голосе Никки послышалась грустная обреченность, — Нет! Нежным со мной побудь! Ласковым! Ты же можешь, Айк?!

Айкейнури приготовился выдать очередной комментарий насчет наглости и нахальства некоторых перепивших чаю ягодок, но почему-то заткнулся и задумался. Потом решил, что ничего криминального не произойдет, если он не просто трахнет, а сначала поглумится. Так же, как и этот утонченный нежный зайчик над ним развлекся.

Встав с кресла, протянул руку и помог подняться Никки, притянул его к себе и поцеловал, сначала как привык, агрессивно, потом вспомнил, что прикол был запланирован иной, и начал целовать нежно, каждую губку отдельно, потом приласкать языком, потом... Юноша безвольно обмяк в его руках. «Интересно, почти ничего еще не сделал, а какой эффект!» — усмехнулся про себя Айк. И продолжил целовать, теперь уже за ушком, шеей, ключицы, выпирающие как у малька. «Худенький он у меня все-таки. Надо побольше гонять, сладкого..», — подумал, продолжая выцеловывать дорожку вниз. Никки выгнулся на его руке чуть ли не на мостик, старательно подставляя ему под губы свою грудь. И на лице такое наслаждение... Тля!

Взял на руки и отнес на кровать, положил блаженствующую тушку на спину и пристроился сверху, продолжая целовать, иногда вновь увлекаясь и впадая в агрессию, потом вспоминая, как это проделывал Никки, и повторяя за ним.

На третьем цикле от ключиц вниз медленно, чуть ниже пупка и снова наверх, снизу тихо прошептали: «Возьми...».

Айкейнури задумался, готов ли он отсосать или как-то уже будет слишком для обнаглевшего Ягодки...

— Возьми меня, Айки!

А! А он то уж подумал... Не вопрос!

Перевернул тельце, стащил с него штаны и решил поглумиться еще немного, уж больно забавная игра оказалась. Проложил поцелуями дорожку от шеи до самого входа, снова сверху вниз... Никки уже и в позу нужную встал, и выгнулся дугой, так, что дырочка раскрылась и зовуще манила. Но Айкейнури еще не считал себя отомщенным, нет. Надо еще поцеловать как раз в начале этой тропинки между ягодич, пройти по ней языком...

— Прости... Ну прости же меня, — тихо всхлипнули под ним. — Вставляй же уже! Сил нет терпеть! Пожалуйста, Айки!

* * *

Шайн шел по коридору, уступив на ночь довольно лбящемуся Рэйю «свое» место в постели Кэйт. Как-то он уже основательно привык проводить ночи с госпожой... На душе скребли кошки, и парень очень надеялся, что Рыжик еще не спит...

Не спал... Видимо, уже узнал, что Рэинийляшу выпал сегодня счастливый билетик. Нэй ждал Шайна в его комнате, стоя у окна и разглядывая бегущие по стеклу с внешней стороны струйки. Дождь вместо пушистого снега сегодня был очень в тему. Примерно так же рыдала душа Шайнэйлиера...

И то, что Рыжик был здесь, в полумраке его комнаты, теплым лучиком растопило такую же тьму в душе, как и за окном.

Подойдя к своему медноволосому зайцу, который так и стоял, не оборачиваясь, хотя прекрасно слышал, что в комнату вошли, обнял, развернул к себе.

Молча. В окутывающей коконом тишине, нарушаемой лишь шумом колючих холодных капель, царапающих стекла, и их дыханием... было какое-то ощущение нереальности. Или нереальности того, что эту ночь Шайн проведет здесь, в своей комнате, а не в комнате Кэйт?

Рыжик глубоко вздохнул, и губы младшего парня искривились в извиняющей улыбке.

Красновато-золотистая грива, кажущаяся сейчас почти черной, была распущена. Прежде, чем укладываться в постель, лучше бы ее заплести в косу, иначе с утра вообще не расчесать...

— Я ждал тебя...

— Я надеялся, заяц...

Нэй поднял бровь.

— Правда-правда, — улыбнулся Шайн, убирая Нэйю за ухо свесившуюся на лицо прядь волос, и прижал парня к себе.

Рыжик растроганно уткнулся другу в плечо, чувствуя, как от знакомого запаха парфюма, перемешанного с еле слышным ароматом духов их госпожи, и собственного мужского аромата кожи Шайнэ начинает знакомо кружиться голова, посылая сигналы в мозг... Или наоборот, отключая его, и заставляя думать совсем другим местом.

Руки мужчины заскользили по спине вниз, разглаживая складки свободной футболки и, дойдя до края, нырнули вниз, обжигая голую кожу сухими ладонями.

Рыжик всхлипнул и потянулся губами за поцелуем.

Шайн медлил лишь какое-то мгновение, жалея, что нельзя получить все сразу — и оставить вкус поцелуя Кэйт, и получить губы Нэйя в полное свое распоряжение.

Глаза Рыжика, блестели в темноте, отражая свет фонариков в саду за окном, и целый ряд эмоций. Но сейчас веки безвольно закрылись. Мужчина улыбнулся — Нэйклийанэ всегда слишком остро реагировал на нежную ласку, становясь безвольным куском пластилина...

И теперь, когда ладони Шайна продолжили свой путь обратно вверх, но уже под футболкой, Рыжик не сопротивлялся даже для вида, покорно поднимая руки вверх, чтобы дать возможность стянуть с себя ненужную тряпку, мешающуюся соединиться кожа к коже...

Губы медленно раскрылись навстречу губам, и тихий стон своего парня на выдохе бархатной лапкой прошелся по позвоничнику, отменяя неприятные мысли в сторону, заставляя сосредоточиться только на этом рыжем Чуде, которое, вот оно, здесь, рядом... Спасибо, Матьер Всего Сущего, за то, что разрешила узнать любовь и к мужчине, и к женщине... Наверное, это правильно, что все это на последнем году жизни, чтобы острее ценился каждый день, каждый час...

Парни углубляли поцелуй, словно прислушиваясь каждый к своим ощущениям, прощупывая, заполняя собой, своим дыханием друг друга, щедро делясь тем, что имели сами... Как будто виделись не пять часов назад, а как минимум неделю...

Рука Шайна заскользила вниз, сжала уже полувозбужденный член Нэйя, чувствуя, как под ладонью он наливается кровью и становится каменным. Нэй подался вперед, толкаясь в ладонь, вильнув бедрами, чтобы получить хоть немного удовольствия уже сейчас...

Шайн убрал руку и прижался вплотную пахом к паху рыжика, чтобы потереться о своего мальчика так же, пока еще в одежде, растягивая

удовольствие от встречи... Сегодня можно никуда не спешить — вся ночь впереди...

Нэй запрокинул голову, подставляя открытую шею и беззащитный кадык под поцелуи. И этот жест бесконечного доверия и покорности чуть не заставил мужчину слететь с катушек. И он целовал шею и подбородок, и выступающие косточки ключиц, и ямку между ними, замирая от острого щемящего чувства единения с тем, кто, сразу после Кэйт, так бесконечно дорог ему в этом доме. Хотя он и старался не показывать этого так откровенно, опасаясь привязать к себе почти уже взрослого парня. Зачем? Рыжику это уж точно не надо... Собственная рубашка мешала, но для того, чтобы ее снять, пришлось бы отстраниться, а это почему-то казалось неправильным... Нет, не так... Просто невозможным, словно от этого зависела жизнь или смерть...

Стоит перебраться на кровать...

Медленно переступая, словно в танце, под неслышную музыку, звучавшую где-то в душе или в головах у обоих парней, Шайн подвел Рыжика к кровати, продолжая целовать. Отпустил, собираясь стянуть рубаху. Нэйклианэ взялся за пояс своих штанов.

— Я сам, — остановил его Шайн, аккуратно толкнув смущенного парня в грудь.

Нэй упал на спину, подтянул ноги и отодвинулся дальше от края.

Шайн скинул одежду и оказался рядом, сразу же принявшись целовать открытые участки бледной кожи, оставляя языком влажные следы, которые странным образом будоражили нервы. Сами поцелуи горячие, как маленькие костерки, загорающиеся на теле, а вот эти холодные влажные дорожки создавали неповторимый контраст...

Руки Шайна нащупали пуговицу на штанах Нэйя, привычно расстегнули, молния поехала вниз, являя на свет уже болезненно набухший член парня.

— Ты опять без белья? — пожурил его Шайнэйлиер. — Отмрозишь себе все нафиг.

— Я не был на улице...

— А трусы у тебя в бассейне Аик отобрал?

— Ну-у, — отчего-то смутился Рыжик, напрягаясь.

— Я пошутил, не переживай, — шепнул Шайн, целуя за ушком, подозрительно так пылающим ушком... Но устраивать сцену ревности совершенно ни к чему. Глупый Рыжик...

Все правильно, парень взрослеет, а он так и не решается объявить его своим. И только упрямство Нэйя, покорно поджидающего каждого

удобного случая, чтобы оказаться рядом, заставляет всех думать, что они вместе по-настоящему... Хотя, это наверное, самое настоящее и есть...

Шайн снова подмывал парня под себя, скользя руками и губами по всему извивающемуся под ним телу, снова заводя парня, доводя его до сладкого иступления, и заводясь сам.

Он любил изводить его перед тем, как войти, и Рыжик уже сам, пьянея от страсти, почти умирая от сладкой истомы, выпрашивал, чтобы Шайн вошел. Но тот, лаская и нежа своего отзывчивого мальчика, доводил его до предела, угадывая по неровному дыханию, по неспособному больше подчиняться хозяину телу, когда наступает это «пора». И лишь тогда переворачивал его на живот, и, положив руки на бедра, двигал ближе, выцеловывая лопатки молодого любовника и ложбинку позвоночника...

Эти прикосновения рождали во вскипающей крови Рыжика, в подтягивающемся чуть не к позвоночнику животе, вибрирующие жаркие волны. Зарождающиеся где-то в паху, затапливающие позвоночник и растекающиеся по всем венам-жилам, и снова скользящие вниз, замирая в районе поясницы сладкими спазмами.

Нэйклианэ стонал и выгибался под умелыми руками и губами, стараясь скорее получить то, что жадно и эгоистично просит все внутри него... И лишь только затем отдать столько, сколько сможет, в благодарность за подаренное ему...

Шайн подтянул гибкое тело, придерживав под живот, и медленно вошел...

Двигался он неспешно. Медленные тягучие движения лишь в самом конце стали глубокими и яростными, незадолго до того, как мир вокруг обоих парней взорвался багровой пеленой под смеженными веками. И тугой жгут, скручивающий внутренности, не распрямился острой пружиной охренительного удовольствия...

После выматывающего марафона нежности сил не осталось даже поползти до душа. Шайн только лишь успел стянуть резинку и уронить ее рядом с кроватью. Рыжик уже был не в состоянии даже поднять голову и переместить ее на подушку. Шайнэйлиер улыбнулся и, кое-как подтянув повыше отяжелевшую полусонную тушку, промычавшую что-то вроде слов благодарности, упал рядом и блаженно прикрыл глаза.

Поскорее бы пришел сон. Лишь бы не думать, что Кэйт, может быть, тоже еще не спит...

— Добрых снов, заяц...

— Угумс... — сонно откинулся Рыжик, переворачиваясь на живот и засовывая руки под подушку.

Легкое одеяло при этом окончательно сбилось в ноги.

Шайн тяжело вздохнул и, приподнимаясь на локте, хотя у самого сейчас уже только одно желание заснуть, натянул одеяло на стройное обнаженное тело...

Все, теперь точно сладких снов...

Глава 28

20 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

Утром Рэйн вернулся в зал с независимым и загадочным видом. Встретившись с напряженно-злыми взглядами двух других любимчиков госпожи, сидевших рядом, и пристроившегося между ними Нэя, парень сначала ухмыльнулся, а потом отвел глаза в сторону, как будто настраивая лицо. И ни прошло и минуты, как на троих парней смотрел невинный восторженный ангел, которому привалило счастье протиснуться на одну ночь в покои госпожи и он сам не может прийти в себя от свалившегося на него счастья. Айкейнури с Шайнэ переглянулись, проверяя, может каждому из них эта усмешка померещилась. Но нет, она была. Секунду, даже полсекунды, но была. Эта довольная удовлетворенная улыбка парня, уверенного, что в сердце госпожи он занял вполне себе такой комфортный номер с длительным проживанием.

Гнев влетел и сразу заполнил всего целиком, отрезая, перекрывая, отнимая у мозга управление всей расшатанной нервной системой Айка. Красная тряпка с лицом ангела должна быть смята, порвана и выброшена. Парень только не зарычал и зубы не оскалил, приготовившись к броску, и тут же на нем с двух сторон повисли Шайн и Нэй.

— Айк, нет!

Шумно дыша и раздувая ноздри, Айкейнури пытался скинуть этих двоих, мешавших ему разорвать на клочки очередного соперника. Кто-то подошел и вылил на взбешенного парня ведро с холодной водой.

— Тля! Какая с-сука?!!

Гейнийляш, встав так, чтобы оказаться между Айком и продолжающим изображать невинного ягненка Рэйем, помахал перед носом у первого пустым ведром.

— Тля, Гейн! Мокро же... и холодно...

— А ты бы хотел на рынке попотеть? Как раз сейчас, пока снежок, самое оно, в крытом зале стеклянном, как в парничке... Толпа народу ходит, щупает, и ты голый такой, с цепочкой на ножке. Зато тепло и сухо. Расспроси малька своего, у него свеженькие впечатления, он тебе с душой прорекламирует.

И, взглянув на мокрое пятно на ковре, злобно сплюнул:

— Ну вот, ковер теперь еще сушить из-за тебя...

Айк, дернув плечами, освободился от по-прежнему придерживающих его парней:

— Да нормальный я уже.

— Я бы не стал с такой уверенностью это утверждать, — не очень вовремя решил сострить Нэй.

И Айк в момент вспомнил, что Рыжик ему должен задницу.

— А ну-ка, пойдем сыграем в твою любимую игру.

Нэй испуганно взглянул на Шайна, тот — вопросительно, на Айка.

— Твой заяц был предупрежден, что если смоемся раньше времени с тренажерки, ответит сидячим местом. Так он только письмо мне не написал: «Смываюсь, поцелуй меня в зад на прощание». А так все по науке, сначала грустил томно, потом дождался, когда я отвернусь, и вперед, ноги в руки, крылья в стороны и ветер в спину. А потом таким грустным кроликом в зале под гитару подвывал жалобно весь день, что прямо не вставало. Вчера тоже как-то не до того было. А теперь вот самое время. Набить чужую морду не дали, значит сейчас втрамбу в чужую задницу.

— У тебя Ягодка есть, вот в него и трамбу, — ревниво-обиженным тоном пробурчал Нэй.

— В кого хочу, в того и... Сразу сам пойдешь или повываешься для повышения стоимости?

Шайнэ изо всех сил старался придумать что-нибудь, чтобы спасти своего зайца, но проблема как раз была в том, что заяц был не его. Правда лезло к Нэйю все меньше и меньше, одни не хотели связываться с Шайнэ, другие — с Айком, третьи уже и от самого Рыжика огребли некое количество люлей, и не хотели это афишировать.

— Слушай, но раз ты собираешься паялить МОЕГО парня, значит я могу рассчитывать на ответное угощение? — все же придется прилюдно пометить Нэйя, только бы он сам не взъерепенился.

Айк и Гейн оценили завуалированное признание, но если Гейн просто отметил для себя, что Рыжик теперь не бесхозный доступный вьюнош, а частная собственность, то Айка как сорвало с якоря, так и несло по волнам, швыряя от камня к камню, от идеи к идеи. Идею порвать Рэйю личность ему реализовать не дали, значит, он теперь зубами вцепился в следующую — отыметь Рыжика.

Никки, со своей нежностью, улыбкой и лаской покрылся плотной туманной дымкой. А цель — задница Рыжика, в которую жизненно необходимо было спустить переработанную в сперму агрессию, была тут, перед глазами.

Кивнув Шайну в знак согласия, Айк, оставив обалдевшего мужчину

вместе с Гейном, схватил Нэя за штаны и потащил в свою комнату.
— Да отпусти ты, сам пойду!

* * *

Вчера, когда госпожа призвала Рэйни, и вежливо выставила Шайна за дверь, парню от тоски хотелось кусать себя за пальцы. Его подсиживали со всех сторон, и в этом виноват был только один человек — Айкейнури. Пока они вдвоем сменяли друг друга в покоях госпожи, все было просто идеально. А теперь Кэйт начала искать замену Айку, но новая игрушка может стать заменой и ему, Шайну. Тот же Рэйнйляш не будет честно и спокойно делиться, и что тогда?! Его отодвинут в сторону и позабудут, тем более, он же порченный, госпожа теперь точно поняла, что он — безнадежно испорчен. И хотя она и занялась активно его восстановлением, но уверенности, что все получится или что госпоже это все не надоест — не было никакой. И тогда... Шайн не хотел отодвигаться в сторону. Ему и без того осталось так мало времени, что просто... просто слезы наворачиваются... И что теперь? Провести это время вспоминая, как все было идеально, пока этот кретин не порушил их тандемчик своим приступом ревности?! А ведь он считал, что готов отойти в любой момент, наивный! Как он ошибался! Нет, не готов! Уступить место у ног Богини какому-то танцору?

Увидев сегодня эту его усмешку, сам чуть не бросился бить ему морду. Но потом пришлось сдерживать Айку, который вместо благодарности... Поступил как бесчувственная эгоистичная скотина.

* * *

В свою комнату Айк, как вежливый мальчик из Джордана, пропустил Нэя вперед. И предвкушающе облизнулся, представляя как засадит сейчас Рыжику по самые...помидоры. Но сначала тот будет смешно бухтеть, хамить и сопротивляться. Игра «Я не дам тебе, Айкейнури!» всегда заводила парня, как бешеная прелюдия.

— Ну, давай, шмотки в сторону и в коленно-локтевую позу, сачок ты мой рыженький, — спуская штаны, проговорил Айк.

Нэй, всю дорогу размышлявший, рад ли он что его сейчас снова поимеют или не рад, начал краснеть и злиться, как обычно.

После ночи с Шайнэ поведение Айкейнури особенно раздражало. Почему он всегда такой развязно-наглый, неужели по-другому не умеет? Нэй представил, как этот садист пялит Никки, и почувствовал укол совести в ребро — а с чего это вдруг он начал завидовать Ягодке, ревнуя?

Покопавшись глубоко внутри себя на ментальном уровне, пока второй парень засандаливал в него член на уровне физическом, Нэй понял, что ревновал он этого гада не к сексу, когда тебя используют как... как бревно после вейжэ, переворачивая и трамбуя, без ласки и смазки... А к... тем скандальным конфетам, которые для него тырили, рискуя собственной задницей, к прыжкам вокруг него во время тренировок, к... вниманию. Ему нравилось быть младшим другом, вот.

Как раз совместно с оформившейся в голове мыслью, другая занятая часть тела ощутила, как член внутри нее чуть прибавил в размерах. Сейчас уже вот-вот и все закончится.

Но тут из него все вынули, и член, и мысли. Потому что Айк... Тля! Рыжик даже глаза открыл, чтобы убедиться. Точно, Айк... Перевернув его на спину, начал целовать... Так, как делал только Шайн. НЕЖНО! ЛАСКОВО! Тля?! Нэйя начало потряхивать от волнения и возбуждения. Было немного страшно — непонятно, что задумал этот извращенец. Но как же, оказывается, он хорошо умеет... Почти как Шайнэ... Хотя, почему почти как... Просто чуть иначе. Шайн — с любовью, Айк — со страстью. Именно поэтому иногда срывается, становится привычно-агрессивным, но потом снова превращается в нежного и ласкового. Размякшее тело Рыжика перевернули и продолжили выцеловывать уже со спины. Нэй и сам не понял, как выгнулся, подставляясь, предлагая, умоляя... И Айк снова вошел в него, медленнее, поддержал, помогая принять более удобную позу...

Ощущение горячей, надежной руки Айка, удерживающей почти полностью вес его тела, возбуждало почти также, как и член в движении медленно ласкающий его внутри.

Застонав сквозь плотно сжатые губы, Нэй кончил... И еле подавил в себе желание без сил опуститься лицом в колени. Но Айкейнури кончил почти сразу за ним, и упал на ковер, на спину, увлекая за собой Рыжика. Традиционное успокоительное перебирание огненных прядей никто не отменял.

— Не отвлекаю? — с вежливой интонацией и ухмылкой на лице в комнату заглянул Шайн. Он уже извелся в коридоре, прислушиваясь, когда за дверью наступит тишина, означающая что все закончилось. Последнее время он достаточно часто уступал Рыжика Айку, в надежде, что тот за ним присмотрит... потом. И ревность всегда была с легким оттенком грусти — так надо и так лучше для его зайца. Но сейчас ревность была немного с другим вкусом. Он, перешагнув через собственные комплексы, при свидетелях назвал Рыжика своим, и тот не послал его в пеший эротический поход за океан, а чуть заметно улыбнулся и кивнул, давая понять, что расслышал и согласился. И это все равно не остановило Айкейнури, идущего к своей цели по прямой, как стадо слонов к водопою. То, что предупреждение о последующей расплате Ягодкой не остановит парня, было понятно. Никки был для него просто смазливый личиком, прилагающимся к упругой попке. Но то, что Айк поведет себя как последняя сука по отношению к Нэю... Особенно с учетом с таким трудом выдавленного из Шайна заявления... Этого прощать не хотелось. Раз для него дружеские отношения ничего не значат, будем поступать так, как положено по закону. Хотя трахать Ягодку абсолютно не хотелось... Да и раскроет ли это глаза Айку, или ему будет абсолютно безразлично? Нет, задеть все же должно — Айкейнури жуткий собственник.

И тут Шайн обратил внимание, что уже какое-то время за дверью тихо. Натянув на лицо ухмылку понаглее, вошел в комнату:

— Не отвлекаю?

На ковре, друг на друге, валялось два тела. Снизу на спине лежал Айк, а сверху, положив голову ему на живот — Нэй. Айкейнури блаженствовал, перебирая Рыжику волосы. А Нэй, приоткрыв затянутые поволокой глаза, смотрел на Шайна, как будто не узнавая его. Наконец в глазах младшего появилось прояснение:

— Шайн... Ты сделал это! Спасибо!

Шайнэ пытался как-то переварить увиденное. Не красный, злой и смущенный, а сытый и умиротворенный после секса с Айком Рыжик — это было что-то из ряда вон... Только разве что после того тройничка...

— На здоровье, заяц! Я рад, что ты не возражаешь...

Нэй приподнялся на локтях, повернулся к продолжавшему лежать с закрытыми глазами Айкейнури, шкодливо улыбнувшись, поцеловал парня и встал, подойдя к Шайну. А тому с каждой минутой становилось все страньше и страньше. Рыжик! Сам! Поцеловавший Айка?! Он все пропустил, стоя под дверью и только прислушиваясь. Надо было лучше следить за своим зайцем.

Шайнэ прижал Рыжика к себе, обняв за талию как можно крепче. Заглянул парню в глаза, удовлетворенные и влюбленные. В него или в Айка?

— Вставай, красавчик, время платить по счетам!

Тело на ковре приподнялось, изобразив на лице искреннее недоумение:

— Ты о чем, вообще?!

— Мы договаривались, помнишь? Ты забираешь с собой моего зайца, при условии, что потом я отымею твою ягодку.

Изумление на лице сменилось... Тля! Все страньше и страньше! Айк научился изображать на лице вину и раскаяние? Тренируется для демонстрации перед госпожой?

— Шайн, прости... Давай замнем? Ты же никогда по поводу Рыжика...

— Потому что он не был моим!

— Да он всегда был твоим, думаешь от одного сказанного слова что-то изменилось?!

— Изменилось. Теперь я имею права потребовать от тебя Ягодку. Ну, или трахнуть тебя самого, если ты такой собственник.

Айк аж подскочил... Да что они все лезут-то к нему теперь?! Сначала Гейн, теперь Шайн... Спятели совсем! Не убудет от Ягодки, если его поймает этот... Вдруг, неожиданно, ставший таким жадным...

— Ты... Ты хочешь сейчас пойти и поймать Никки?.. Чтобы наказать Айка за то, что он поймел меня? — Нэй говорил все быстрее и все громче. — Ты назвал меня своим, и сразу стал таким же как все?! Твою собственность трахнули — значит надо отомстить?! То есть теперь у меня права принимать решения нет, так что ли? Я специально спровоцировал его тогда, в тренажерке, потому что хотел, чтобы он обратил на меня внимание, понятно?! Это было мое решение! С кем хочу, с тем и сплю, ясно?! И если ты вместо... — голос Нэя чуть дрогнул, — вместо того, чтобы продолжать меня любить и доверять, будешь... Да пошел ты! Я отказываюсь быть твоим, ясно?! При свидетелях! Можешь набить мне морду, и взять силой... А сейчас я пошел к Эйли, он уже давно вокруг меня кругами ходит.

И Рыжик вылетел из комнаты, со всей силы хлопнув дверью.

Парни молча проводили рыжую фурию взглядами, потом посмотрели друг на друга.

— Я бы на твоём месте сейчас рванул бы за ним, — серьезно выдал Айк.

Шайнэ, понимающий, что Нэй во всем прав, и Айк прав, а он

поступает как последний кретин, вдруг ощутил в себе дух противоречия. Очевидно, бешеный дракон, живущий в Айкейнури и заправляющий его вспыльчивым характером, решил на время сменить хозяина.

— Я сам разберусь со своим парнем, а сейчас мы пойдем трахать твоего.

— Так вроде Нэй отказался..

— Имел ты его еще моим!

Айк наконец имел честь видеть со стороны поведение, именуемое в народе «Шлея под хвост попала». Обычно шлея попадала под хвост самого Айкейнури, но в этот раз он любовался на чужой приступ. «Никогда больше..., - тут же решил для себя парень, — почему я считал, что буду выглядеть глупо, отказавшись от идиотской затеи и прислушавшись к голосу чужого разума, когда свой в отключке?» Вот именно сейчас, упревшись, как баран в ворота, Шайн выглядел... Полным кретином!

* * *

До сегодняшнего дня Шайнэ свято верил, что вот такой уютный, умиротворенный, довольный и сытый от секса Рыжик — это только его зрелище, слишком интимное, чтобы кто-то другой мог на него любоваться. И вот, назвав парня своим и получив в ответ согласие, он и тут отодвинут в сторону? И снова из-за Айка?! Да еще эта гневная речь Нэйя... Что значит: «С кем хочу, с тем и сплю»? Что значит: «Пошел к Эйли»? Вот так вот опустить его при Айкейнури?! Отказавшись стать его... парой? Когда он это признание из себя с таким трудом выдавил?! Да пусть теперь хоть с конями трахается!!! Сам еще за ним бегать будет... Как всегда и было.

* * *

Никки сначала искренне обрадовался, увидев Айка, но потом почувствовал по общей напряженной атмосфере, что к нему зашли не чаю попить.

Сглотнув, потянул руки к штанам, вопросительно смотря на Айкейнури и пытаясь понять, зачем тот притащил с собой второго, Шайна.

Айк тяжело дышал, как загнанный зверь, что в общем, вполне соответствовало истине. Пока шли по коридору, он настраивал себя, что от Ягодки не убудет, и все пройдет отлично. Но, зайдя в комнату и увидев

сначала такую искреннюю радость в глазах, а потом напряжение, вопрос и это покорное движение рук на штаны... Не возмущаясь, не спрашивая ничего... Как будто от него и правда не убудет. Сердце парня сжалось от чувства вины, хоть самому под Шайна ложись! А он так это чувство возненавидел за последние дни... И Айк решил двигаться от противного — раз он себя сейчас последним дерьмом ощущает, значит и вести себя надо соответственно.

— Чего штаны теребишь? Снимай давай! Развлекаться с тобой будем...

Тля! Хоть глаза закрывай, так стыдно от этого невысказанного укора в глазах Никки. И не только ему, похоже. Вон Шайн тоже глаза в пол опустил. И правильно, он же все это затеял... А ведь у них с Никки все так хорошо складывалось. Так... Так же хорошо ему было только с Нэйем, сегодня. Рыжий заслужил. За все то время, что терпел его, парень заслужил нормальный трах. И потом, он все равно собирался оставить его при себе, присматривать и иметь при случае. Не ограничивая в праве выбора других партнеров, как и Никки. Пусть полируют свое хозяйство, где хотят, он претендует только на две их задницы. И он готов был иногда быть с парнями нежным, ему понравился и процесс, и результат.

А теперь что? Нэй вылетел к брату госпожи, а Ягодка сейчас смотрит на него так, что сквозь землю провалиться хочется!

А что ему сказать? Прости, Ягодка, я попробовал быть нежным с другим парнем, чужим, и поэтому тебя сейчас поимеет его Верхний?! Почти как в карты проиграл, тля!

— Айки? Ты же... Ты же не такой ведь, Айк? — вкрадчиво зашептал Никки. Наивный, он думал, что инициатива исходила от Айкейнури!

И это Айка разозлило окончательно. Конечно, чуть что плохое — так сразу он, а Шайн же добрый, при виде него дети из кровати не убегают.

— А с чего ты решил, что знаешь, какой я, а?! Я, тля, такой разный порой бываю, сам себя не узнаю! Во мне вот сейчас такой затейник проснулся, не поверишь! Ты же у нас, Ягодка, гимнаст? Вот и давай на мостик, быстро! А я пейзажем полюбуюсь, пока ты вот ему отсасывать в такой позе будешь.

На самом деле Айка просто трясло при мысли, что Никки сейчас забалтует Шайну такой же сказочный минет, как уже не раз ему делал.

Шайнэйлиер уже давно остыл и выдохнул, и уже был готов бежать и искать по всему дому Рыжика, который, тля! во всем был прав, конечно. А главное, несчастный не мог понять, что же это на него накатило-то вообще? И если бедного Айка так же цепляет, до полного помутнения в мозгах и во

взоре, как он не сбрендил то до сих пор? Это же какой откат потом, когда пелена с глаз спадает и ты видишь в здравом уме всю херню, что успел натворить!

Никки, издав какой-то странный звук, больше всего похожий на всхлип, действительно встал на мостик, а Айк еще и заставил его раздвинуть ноги как можно шире. Потом махнул Шайну, и он встал на колени, рядом с лицом Ники. Чуть приподнял голову парня, чтобы тому было хоть чуть-чуть по удобнее, и тут же член Шайна захватили в плен губами и языком. Даже в такой неудобной позиции Никки умудрился целиком отдаться любимому занятию.

Айк сначала действительно любовался пейзажем, потом пристроился у Ягодки между ног и начал ласкать того изнутри, пальцами, а потом вообще решил компенсировать парню доставленные неудобства и вспомнить молодость, взяв член Никки к себе в рот.

Ягодка даже отвлекся на секунду, так его шокировало происходящее, но потом вспомнил, зачем его тут раскорячили, и продолжил.

Когда Шайне кончил, Айк, сидевший на пятках, притянул парнишку на себя, так, чтобы тот сел к нему на колени, прижал его и начал целовать, с остервенением, страстно, жадно. А Никки запустил пальцы Акейнури в волосы, выгибался и стонал, стараясь задницей потереться о стоящий член Верхнего.

Шайнэйлиер почувствовал себя немного лишним и воспользовался случаем, чтобы бесшумно удалится на поиски своего Рыжика.

* * *

В своей комнате Нэйя не было, в общем зале — тоже, Шай даже рискнул заглянуть в комнату к брату госпожи, Эйлийоринэ, тихонечко. Но и там никого не нашел. Между тем уже наступило время обеда. В столовой Шайн пересекся с Айком, и таким довольным и сияющим Никки, что удержаться и не ответить на его улыбку не удалось.

Пробежавшись еще раз по дому, заглядывая всюду, куда было прилично заглянуть, и так и не найдя своего Рыжика, Шай конкретно занервничал.

Ближе к вечеру Акейнури и Никки присоединились к его поискам, но Рыжик как сквозь землю провалился. Кэйтиорионы сегодня, как назло, целый день не было дома, она ездила с визитом к Айсоэль, захватив с собой Буйбрийаша и Иймаксэ — подружка любила brutальных мужчин.

Спрашивать еще у кого-то из женщин, где может быть Эйлийоринэ, тоже словно провалившийся сквозь землю, было неловко. Поэтому Аик с Никки пошли ужинать, а Шайн остался бдить под дверью в комнату Кэйт. Но вскоре не выдержал, прикинув, что столовая вот-вот закроется, а ночью тырить еду, конечно, проблемы не было, вот только разогревать было стремно. Это все же занимало чуть больше времени, чем простое изъятие содержимого кастрюль из холодильника. Поэтому, последний раз обернувшись и тяжело вздохнув, парень побрел на ужин.

Сначала просто было очень стыдно, хотелось найти Рыжика и извиниться, а теперь Шайн уже по-настоящему волновался. «Главное, чтобы с ним все хорошо было!».

* * *

Уставшая Кэйт вошла в свою комнату и застыла в дверях от изумления. На ковре, у кровати, сидели ее брат и Рыжик Шайна и играли в карты. Причем, так увлеченно, что даже не заметили, как вошла их госпожа и, в общем-то, хозяйка помещения.

Девушка негромко покашляла, и карты сразу выпали из рук. Оба парня тут же оказались на коленях, лицом в пол. Потом Эйлий посмотрел на нее виноватыми глазами:

— Госпожа, простите, мы у вас прятались... И забыли о времени. Простите, пожалуйста!

— И от кого же это вы у меня прятались? — заинтересовалась Кэйтириона.

— От Шайна и остальных, госпожа.

Девушка широко распахнула глаза от изумления.

— Чуть подробнее, пожалуйста, Эйли. Я пропустила что-то интересное, пока была в гостях? С каких это пор Шайнэ внушает тебе ужас?

Любопытство просто распирало. И если насчет Рыжика еще можно было сделать хоть какие-то, пусть и притянутые за уши, предположения — мало ли, чего только не бывает между парочками, но вот с какого перепуга Эйли оказался сочувствующим проблемам Нэя? Только еще этого не хватало!

— Ну, они обидели Нэя, госпожа, и мы решили заставить их поволноваться немножко... А потом заболтались, заигрались и...

— И поэтому у тебя футболка наизнанку одета, да, братик? — ехидно

улыбнулась Кэйт, — Надеюсь, заигрались не на моей кровати?

— Госпожа! — в голосе Эйлийоринэ даже зазвучала обида от того, что кто-то мог подумать, будто они способны на подобное святотатство.

Девушка в это время перевела взгляд на второго парня, смущенного, раскрасневшегося, очаровательного в этом своем переходе от мальчишеско-юношеской угловатости к настоящей мужской красоте. А Нэй обещал превратится в очень красивого мужчину, да еще эти медно-рыжие волосы... Экзотичный, красивый и такой застенчивый...

— Эйли, радость моя, ты уже можешь идти — Кэйт перебила брата на полуслове, и тот, сразу все поняв, двинулся к выходу, — Ах, да! Найди тихо Шайна и скажи ему, что Нэй здесь. Пусть приходит забрать его... Часика через два-три. Только тихо! Чтобы ни одна живая душа не знала, понятно? А мы с Рыжиком еще поиграем, правда?

— Да, госпожа! — бодро отрапортовал Эйлийоринэ, и завистливо вздохнул.

Кэйт подошла и мимолетно коснулась ладошкой пылающей щеки растерявшегося парня. То, что его оставят, радовало точно так же, как и пугало. Эйли — брат госпожи, и все знали, насколько она к нему привязана. А вот он, оказавшийся здесь без приглашения хозяйки комнаты, вполне может теперь ответить за обоих. И вкрадчивый голос, и предвкушающая улыбка, блуждающая на губах госпожи, еще ни о чем не говорят. «Кто его знает, что именно она предвкушает?» — испуганно сглотнул раб, чувствуя, что в любом случае не должен провалить этот тест. Другого шанса может и не быть.

Взгляд испуганно метнулся вслед Эйли, который тоже пару раз оглянулся, чтобы удостовериться, что сестра в хорошем расположении духа, и не стоит прямо сейчас падать на колени и просить за друга. Вроде бы все было хорошо...

— Нэй, — рассмеялась Кэйт, — золотко, что же все-таки случилось? Мне кажется, я тебя пугаю не меньше Шайна...

— Нет, что Вы, госпожа, простите, госпожа, — опомнился Нэй, переводя на девушку смущенный взгляд, отчаянно пытаюсь взять себя в руки и изобразить подобающее выражение — радость от выпавшей ему чести, а не гремучую смесь из радости, паники и страха.

— Развей же скорей мои сомнения... В карты мне играть не хочется. Давай, поиграем в мою игру? — лукаво улыбнулась она.

— Конечно госпожа, — кивнул Нэй.

— Тогда приготовься для меня, Рыжик... Надеюсь, ты не против, что я называю тебя так, Нэйклианэ?

— Нет, госпожа, — смущенно выдавил парень, — Вы же вольны называть меня, как угодно. А «Рыжик» у вас получается так... что становится тепло вот тут, — указал он себе на грудь.

— Отлично, Рыжик, — рассмеялась Кэйтириона неумелой лести, — Мне уже начинает нравиться наша игра...

* * *

Быстро запихавший в себя что-то съедобное и, возможно, даже вкусное — распробовать в спешке не получилось — Шайн опять поспешил на свой пост. Но на последнем повороте, в коридоре, столкнулся со спешащим ему навстречу Эйлийоринэ.

Узнав, что с Рыжиком все хорошо, и клятвенно заверив Эйлийя, что чувствует себя полным кретином, искренне раскаивается в своем поведении и больше никогда — и да, он в курсе, какой у него в руках янтарь редкий — Шайн только после этого был оглушен сообщением, что с Нэем все не просто хорошо, а очень хорошо и забирать его надо через три часа из комнаты госпожи.

Практически на автопилоте развернувшись, ссутулившись и резко ощутив себя старой потрепанной и поеденной молью плюшевой игрушкой, Шайн поплелся к себе в комнату. Поставил будильник, чтобы не пропустить, задумавшись, нужное время. Закрыв глаза и... Несколько одиноких слезинок все же просочились наружу, потому что душа парня рыдала навзрыд.

Сегодня был определенно не самый удачный день в его жизни. Вернее, со вчерашнего вечера как все пошло наперекосяк, так и идет.

Наконец мелодичный звук вырвал Шайнэйлиера из мира тоскливо-серых мыслей, и он поспешил к своей Богине, и к своему же Рыжику.

* * *

Нэй лежал на кровати, закрыв глаза, весь натянутый, как струна, в сжатых кулаках смявшаяся ткань покрывала. Шайнэ вопросительно взглянул на Кэйт, боясь даже начать фантазировать на тему того, что же здесь происходило до его появления. У Кэйтирионы был вид напроказничавшей девочки-любимицы, знающей, что всерьез не накажут, но переживающей, что попалась и теперь все взрослые смотрят на нее с

укором. На немой вопрос во взгляде Шайна, она, мило покраснев и отведя глазки в сторону, тихо проговорила:

— Я только один раз... Проверить... Вдруг только тебе нравится, как я это делаю...

До парня медленно и со скрипом доходило, что именно его Богиня имеет ввиду. Когда все окончательно сложилось, Шайнэйлиер чуть не взвыл, представив что пришлось пережить бедному Рыжику, которого в краску бросало только лишь от мимолетной ласки госпожи, а уж от такого...

— Зай, Нэй?.. Ты как?

— Шайн? Со мной все хорошо... Ты... — медленно, как в полусне, тихим голосом начал отвечать парень.

— Прости меня, ладно? У меня с утра помутнение было. Простишь?

— Прощу...

— Давайте уже спать, ласковые мои? Я очень устала за день и так спать хочется, просто сил нет, — заявила, потянувшись и прикрыв зевком ладошкой, Кэйтариона, как будто не она тут на три часа игры затеяла. — Давайте, сползайте на пол, я вам даже подушек накидаю.

Нэй, в таком же странном сомнамбулическом состоянии, тихо сполз и прилег на ковер, свернувшись калачиком. Шайну пришлось самому приподнять парнишке голову, чтобы подложить подушку.

— Может, мне лучше забрать его? Хотя, нет... куда его в таком виде? — досадливо пробормотал мужчина, задумчиво разглядывая своего зайца.

— Шайнэ? — забеспокоилась Кэйт. — Как ты думаешь, он к утру оклемается?

— Пхе... — подавил Шайнэйлиер нервный смешок, — я очень на это надеюсь, и поддел: — Страшно представить, если последствия окажутся необратимы.

— Шайнэ... — замялась девушка, — тогда скажи на всякий случай волшебное слово?

— Все будет хорошо, моя госпожа...

— Сладких снов, мальчики, — облегченно выдохнула Кэйтариона, спихнув на пол подушки. — В шкафу есть еще одеяло, только возьми сам, если надо.

— Благодарю вас, моя госпожа, — улыбнулся Шайн, — надеюсь, вдвоем мы не замерзнем.

Губы девушки сами собой растягивались в улыбке. Рыжик оказался такой умильный...

«Но не Айк...», — вздохнула она, натягивая одеяло повыше...

Пристроившись рядом, обняв своего зайца как можно крепче и прижав к себе, Шайн начал шептать ему на ушко успокаивающе-ласковые нежности. Наконец, услышав ровное дыхание рядом, понял что для одного из игроков наступила наконец ночь. Чуть приподнявшись и прислушавшись, убедился, что и госпожа тоже уже уснула.

Попробовал заснуть и сам, но в голове было слишком много разных мыслей, они толкались, шумели, стонали и плакали. Покрутившись несколько минут, Шайн понял, что поспать пока не удастся, а вот разбудить двоих любимых — запросто.

Так как на ковер парень прилег не раздеваясь, то и проблемы поиска одежды в темноте не было. Бесшумно выскользнул за дверь и пошел по коридору в свою комнату. Дом уже спал, даже на мужской половине было тихо.

Шайн устроился в кресле, с которого вроде еще совсем недавно сорвался забирать своего Рыжика. Обхватив голову руками, слабо застонал, пытаясь переварить все случившееся с ним за сегодняшний день. Когда он два часа назад убегал к госпоже, то считал самым страшным, что может с ним там произойти — окончательную ссору с Нэйем, который не простит его сегодняшней выходки. В его больную голову даже мысли не пришло, что Кэйтириона захочет... Прodelает с Рыжиком... Матерь Сущего! А ведь он считал себя не ревнивым! Правда, как-то точно понять, к кому именно он ревнует, к госпоже или к Нэйю, не получалось. Как не поверни, все равно было плохо и тошно.

Так Шайн и просидел, до рассвета. И только с первыми лучами самого маленького из трех солнц парня наконец сморил сон.

21 снейжэна 328 года. Дом Кэйтирионы.

Айкейнури и Никки проснулись вместе, хотя спали в разных комнатах. Быстро приняв душ, оба парня выскочили в коридор, где и столкнулись, на пути к друг другу. Замерли. В глазах Никки светилось столько нерастраченной нежности, что у Айка даже сердце заныло. Особенно после того, как юноша, улыбнувшись, ласково провел ладонью по щеке и замер, ожидая ответной реакции: одобрения, поощрения или наказания за

вольность.

— Готов уже? Пошли к Шайну найдем, узнаем, нашел ли он рыжего, — смущенный Айкейнури старался говорить как можно увереннее и независимее, как будто ничего такого сейчас и не произошло.

— Да, конечно! — согласно кивнул Никки и первым двинулся к комнате Шайнэ.

Приоткрыв дверь парни увидели спящего в кресле мужчину, сделали неутешительные выводы и пошли в тренажерный зал.

Вскоре туда же пришел и Гейн, которому Айк обрадовался как родному.

— Подстрахуй меня на штанге! — и тут же рванул делать жим лежа.

Конечно, в зале были стойки, для того чтобы опустить штангу в нижнем положении, случись что, но парни предпочитали работать еще и с «подстрахуем».

Айуейнури как раз заканчивал, когда в дверях появился один из команды мальков, помогавших вчера искать Нэйя, радостно доложил: «Видел я вашего Рыжего, он из комнаты госпожи вышел! Заспанный такой...» и тут же скрылся.

Хорошо, что Гейн был очень ответственным и, выслушивая запыхавшегося мальчишку, краем глаза продолжал следить за Айком. Именно поэтому он успел заметить момент, когда штанга вместе с руками парня слишком резко начала двигаться вниз. Совсем хорошо было то, что вес, который мог легко и непринужденно брать Гейн, был несколько выше, чем вес штанги, а еще очень всем повезло, что реакция у мужчины тоже была отменная.

Поставив штангу на стойку, Гейнийляш вытер резко выступивший пот со лба, посмотрел в опустошенные глаза парня, матюгнулся. Дернув Айку за руку, заставил его встать.

— Мы сейчас пойдем в общий зал и все узнаем, да, Айки? — совсем как с мальчиком, отказывающимся идти к госпоже, заговорил Гейн.

В глазах Айкейнури появилась жизнь и он, впереди всех, быстро зашагал по коридору. Двое других еле успевали за ним, надеясь только на то, что Шайн уже встал и не даст своего зайца в обиду.

* * *

Айк пролетел по залу быстрой ХЗКаНкой, влетел в комнату к Шайну и, не глядя на хозяина, просто материализовался перед Нэйем. Уже

приготовившись устроить скандал и драку. Но, увидев состояние Рыжика, выдохнул и изумленно спросил:

— Что она с тобой делала?!

— Тебя это не касается, Айки, — медленно проговорил парень. Складывалось такое ощущение, что он все еще был не с ними, что как потерялся вчера где-то, так до сих пор еще не нашелся.

— Меня это очень даже касается! — снова начал злиться Айкейнури.

— Я же никогда не спрашивал подробно, как именно с тобой развлекается госпожа, правильно? — Нэй говорил так, как будто это он был старше Айка, причем лет так на пять, точно.

— Тебе это было не важно и неинтересно... А мне это важно! Очень важно, Рыжик! — в голосе Айкейнури зазвучали умоляющие нотки.

— Я не буду рассказывать тебе подробности (глубокий выдох напряженного в течение всего разговора Шайна). Скажу только одно... Я теперь понимаю, почему ты настолько сильно убивался в тот вечер. Просрать из-за собственной дурости такое... Я бы на себя руки наложил, точно!

Тут в дверь засунулась голова очередного малька: «Госпожа приказала Шайну к ней прийти...»

* * *

Целый день, пока Шайн был у госпожи, а Нэй мучал гитару у себя в комнате, Айкейнури пытался себя занять какой-то очень полезной для гарема активной деятельностью. Давно уже он не проявлял себя на общественных работах, но сегодня наверстал упущенное по полной.

Никки постоянно был рядом, и это очень успокаивало, радовало... Создавало иллюзию нужности хоть кому-то в этом мире.

Но под вечер стало совсем погано, и Айк рванул на любимое место, у пальмы. Где его и нашел Гейнийляш, в течение всего дня незаметно присматривающий за парнем.

— Я не буду высовываться! Правда! Я только посмотрю на нее и... — закусив губу и смотря в сторону, Айкейнури понимал, что со стороны выглядит жалким посмешищем, но ему было уже все равно. Удивительно, но Гейн не стал язвить, наоборот, в его глазах промелькнуло что-то похожее на жалость. Состояние поганства внутри усилилось. Если бы сейчас кто-то сказал ему, что если он позволит переспать с собой всему гарему, то его простят, он бы дал даже Тийке... Если бы сказали, что для того, чтобы

заслужить прощения госпожи надо будет отрезать себе палец, рубанул бы не задумываясь. Он уже был готов на все. Жалость от Гейна? Стыдно? Нет, мозг просчитывает как это можно использовать, чтобы уговорить его позволить постоять здесь и подождать... Чтобы увидеть... Любимую... Без которой нет смысла жить. Прав был Нэй, потерять такое и пытаться продолжать жить дальше бесполезно. Все равно, это уже будет не жизнь.

И тут дверь в комнату госпожи открылась и оттуда вышел Шайн, и высунула свою головку Кэйт. Удивилась, увидев у кадки с пальмой Гейнийляша, хотя настолько привыкла видеть там Айка, аж сердце кольнуло. И тут же разглядела рядом с Гейном своего любимчика, и в сердце кольнуло еще сильнее. Как он смотрел на нее, как тяжело делать вид, что ей это безразлично и вообще проще не смотреть в ту сторону, как будто там нет никого. Там просто никого нет, а сердце надо сходить и проверить к домашнему лекарю, он наверняка выпишет какое-нибудь лекарство и все пройдет.

Шайн тоже разглядел за листьями пальмы Айка и поэтому не уходил, дожидаясь продолжения развития событий.

Кэйтиайриона поманила к себе Гейна и захлопнула дверь. Шайнэйлиер и Айкейнури остались стоять в коридоре, замершие, в шоке от случившегося.

— Ну что, пойдем спать, что ли? — грустно спросил старший из брошенных любимчиков, и младший обреченно кивнул.

* * *

Понятно, что спать они не пошли — какой тут сон. Шайнэ притащил к себе в комнату кальян, с обычным расслабляюще-успокоительным сбором, и парни тихо сидели, молчали и курили, думая каждый о своем, и заодно присматривая друг за другом, чтобы не натворить непоправимых глупостей.

Нэйк и Никки, найдя своих Верхних в таком плачевном состоянии, сходили на кухню за ужином и потом тоже уселись молчать рядом, на ковре.

22 снейжэна 328 года. Дом Кэйтиайрионы.

Гейнийляш появился рано утром, еще перед завтраком. Нашел глазами Никки, сидевшего рядом с Айком и гладящего того по колену, успокаивая.

— Госпожа приказала, чтобы ты принес ей завтрак.

Никки испуганно-виновато посмотрел на Айку, который так и не пришел в норму после вчерашнего. Нийккийнэ привел его ночью в комнату, чуть ли не сам раздел и уложил спать, уже привычно устроившись между ним и стенкой. А Аик развернулся и уткнулся лицом ему в плечо, и Никки гладил его по спине, по плечам, молча, боясь спугнуть. Потом Айкейнури обнял его, прижал к себе, уже как Верхний, прошептал: «Спасибо, Ягодка..», и уснул. А Никки убежал в ванну и расплакался.

Давно он не плакал, очень давно. Как-то привык реагировать на все странности и несправедливости с улыбкой, и это действовало гораздо лучше, чем слезы. Но сейчас было так жаль, так нестерпимо жаль Айки... Наплакавшись вволю, умылся и пополз спать, надеясь, что завтра с утра Айкейнури отпустит. Но, к сожалению, утром его Верхний проснулся таким же отрешенным от мира, как и засыпал.

И теперь ему придется его бросить тут одного? Нийккийнэ поискал глазами Нэя и Шайна, не нашел — парни, наверное, еще отсыпались после вчерашнего.

— Беги быстрее в столовую, за завтраком — госпожа не любит долго ждать. Я присмотрю за ним, не волнуйся.

— Спасибо, Гейн, — Никки благодарно кивнул и, перепрыгивая через две ступеньки, побежал вниз.

* * *

Айкейнури через некоторое время заметил, что в мире что-то изменилось:

— Где Ягодка?

Гейн и проснувшиеся Шайн и Рыжик, переглянувшись, решили сделать вид, что не расслышали этот тихий шепот. Потому что предсказать, как поведет себя Аик, узнав правду, было невозможно. Но одно было ясно точно — хорошего и адекватного можно не ожидать.

Аик потряс головой, возвращая себя в реальный мир, и настырно переспросил, уже громче:

— Где, тля! мой парень?!

— У госпожи, — быстро-быстро, так что получилось «угспжы», ответил Нэй и испуганно замер, также как и все остальные, ожидая швыряния вещей и мебели, битья посуды или морды кому-нибудь из

присутствующих, рывка в сторону комнаты госпожи...

Но Аик просто кивнул, прошептав: «А... Понятно...», и снова ушел куда-то глубоко в себя.

Психанул и выбежал в комнату к госпоже Шайн. Двое других парней просто не успели сориентироваться и предпочли остаться возле Айкейнури, потому что тот выглядел более подозрительно.

* * *

У заветной двери Шайн остановился, отдышался, потому что бежал, забыв про все правила и техники, и тихо постучал. Его не услышали, или услышали и проигнорировали. Поэтому парень закрыл глаза и... открыл дверь.

— Шайн? А стучаться тебя разве не учили?!

— Простите, госпожа, я постучал, но вы меня не услышали, поэтому я взял на себя смелость... Я готов понести наказание...

— Шайнэ, ты заскучал по флоггеру?

— Нет, госпожа, я заскучал по своей Богине.

— Шайн, я безмерно счастлива услышать подобное признание, но сейчас мы несколько заняты, мой хороший, так что поскучай еще немного.

— Мне очень нужно с Вами поговорить, госпожа.

— Шайнэ, не будь настырным, тебе не идет.

— Но это действительно очень важно.

Никки, догадывающийся, что может быть настолько важным, что Шайн здорово рискует своей драгоценной задницей, сдавленно охнул и побледнел, бросив умоляющий взгляд на Кэйтириону, но девушка не заметила эту робкую просьбу без слов, пытаясь переиграть Шайнэйлиера в занимательную игру «гляделки». Однако сегодня стоящий напротив нее мужчина не был настроен уступать, и взгляд его был абсолютно серьезен.

— Хорошо, поговорим, только сначала доиграем... — сдалась Кэйт первой, отметив про себя, что, оказывается, не слишком любит проигрывать. Но эта дорогая ей зараза время от времени бывает слишком настойчивым... и отказать ему не получалось. Иначе девушка начинала себя чувствовать просто маленьким капризным ребенком. Однако и совсем позорно капитулировать было не в ее природе.

— А мы тут с Никки... Милый мальчик согласился, правда в устной форме, поделиться со мной своим опытом, как правильно делать минет, — бросила Кэйт взгляд исподлобья, проверяя реакцию.

Шайна слегка перекосило, только вот трудно было понять, из-за чего именно? Ему неприятно было то, что она занимается этим с Никки, или что вообще продолжает свои эксперименты и развращает мальчишек?

— Я могу быть чем-то полезен? — немного язвительнее, чем следовало, спросил Шайнэйлиер.

— О, я рада, что ты сам предложил! — уцепилась девушка за мгновенно возникшую идею, — мне не хватает наглядного пособия, побудь, пожалуйста экспонатом? — и Кэйт очаровательно улыбнулась.

— Но...

— Шайнэ, я уверена, что Никки не будет против, правда ведь, солнышко? — обернулась она к младшему парню, у которого связка «минет и Шайн» была не самой приятной, да и изменять Айки не хотелось. Но для того, чтобы госпожа поскорее наигралась и сосредоточилась на серьезном вопросе, он готов был и на это.

— Да, госпожа, — жарко подтвердил он. И, получив укоризненный взгляд от Шайна, сделал большие глаза — мол, ты что, сам не понимаешь, что чем дольше мы упираемся, тем больше проходит драгоценного времени?

И Шайн вынужден был признать правоту Ягодки — Кэйтиайриона иногда была поразительно упряма в своих фантазиях.

Парни по-быстрому изобразили нужную композицию, правда, если охарактеризовать ее более прозаично, получилось что-то вроде — Никки учит, Кэйт учится, Шайн мучится...

Девушка уселась на кровать, приготовившись к занимательному созерцательному процессу, но парни явно сачковали.

— Не-а, не реалистично как-то, — нахмурилась их госпожа, — не заводит...

Шайн выругался про себя, поднял ладонью за подбородок лицо Никки, а тот вопросительно взглянул ему в глаза: «Что делать?»

— Давай по-честному, Ягодка, — досадливо шепнул Шайн, — так будет быстрее и продуктивнее, поверь...

Сомневаться в том, что Шайнэйлиер лучше знает характер их госпожи не приходилось, поэтому Никки постарался взять себя в руки и отрешиться от панических мыслей об Айке.

Ему было стыдно — как только Кэйтиайриона прикоснулась к нему, все мысли об Верхнем, оставленном на попечении Гейна и ребят и расстроенном невниманием любимой, вылетели из головы, словно он попал под воздействие гипноза... Невнимательной любимой своего Верхнего. Теперь он понимал и Айки, и Нэя, и Шайна, которые, побывав у

девушки, теперь ходили, как зачарованные — их Старшая госпожа каким-то совершенно невероятным образом подсаживала на зависимость от нее, привязывала к себе, заставляла мечтать о новой аудиенции буквально за один визит... А ведь с ним-то она ничего такого не делала... Просто то, к чему их готовили в Джордане, Кэйтириона исполняла, замешивая боль и нежность ровно в тех пропорциях, как они любили... Дарила ему это, словно угадав самые тайные эротические желания... И когда, наблюдая за его реакцией, госпожа добавляла все больше и больше нежности, а потом прошептала: «Какой же ты ласковый мальчик, оказывается...», внутри него произошел просто взрыв наслаждения.

Опомнился он, пребывая в легком дурмане и покорно исполняя ее прихоти, лишь увидев на пороге встревоженного Шайна, посмеявшегося прийти без приглашения.

Хотелось бухнуться в ножки госпожи и отпроситься, хоть на пять минут, просто сбегать и убедиться самому, что с Айки все в порядке, но Шайн, словно почувствовав, что он готов на безрассудный поступок, вцепился в плечо, слегка сжав, и помотал головой, заставив протрезветь — «Нет».

Никки чуть не всхлипнул. Он появился здесь чуть позже того времени, когда в гареме происходили грандиозные перемены, но и до него дошли слухи о том, что Шайнэ на себе испытал все прелести особой расположенности госпожи. И, видимо, он лучше знает, до какого предела можно наглотаться с просьбами. Поэтому парень безропотно прикрыл глаза и сосредоточился на любимом процессе...

Когда удовлетворенная зрелищем, покрасневшая от возбуждения и довольная Кэйт разрешила Никки уйти, Шайн быстро заправил свое достоинство в штаны, вместо того, чтобы воспользоваться ее возбужденным состоянием и готовностью продолжить практиковаться с ним уже самой, показать, чему «научилась».

— Шайнэ, в чем дело? — нахмурилась Кэйт.

— Я не узнаю вас, госпожа.

— Ты в чем-то обвиняешь меня, Шайн?! — изумилась такой наглости девушка, только вот внутри уже заворачалось привычное ощущение раскаяния, особенно под таким вот колючим взглядом парня, обычно источавшего лишь любовь и безграничное восхищение, позволяя купаться в сиянии теплых лучей его обожания... И это разочарование и недовольство, словно на нее так надеялись, а она подвела, были очень

обидными...

Вот тля! Она первой опустила глаза, чувствуя, как вспыхнули щеки и кончики ушей...

— Как я смею, госпожа?! Что вы... — он не хамил, но вот эти едкие нотки с оттенком горечи... Как же стыдно...

— Ладно, говори, что не так на этот раз, — обиженно надулась Кэйт. — И нечего на меня смотреть так, словно ты меня осуждаешь!

— Я могу высказаться или прилично, или доходчиво... — уточнил раб. — И уж конечно не смею вас осуждать, моя Богиня.

— Пощади мое самолюбие, Шайнэ, постарайся совместить приличное с доходчивым, — вяло пошутила Кэйтиайриона.

— Зачем вы ТАК глумитесь над Айком, моя госпожа? Парень места себе не находит... Он ведь вам безразличен?

— Шайн! Ну вот тебе-то что за дело?! — возмутилась задетая за живое Кэйт. — Безразличен-безразличен — сама разберусь! Я уже взрослая девочка и в няньках не нуждаюсь! Раз он вас всех так беспокоит, продам его, с глаз долой!

— Благодарю за разъяснение вашей позиции, госпожа, — сухо произнес Шайн. — Только и я, как достаточно взрослый мальчик, позволю себе высказаться насчет того, что строить настоящие отношения гораздо сложнее, чем произносить, что все будет хорошо.

— Шайн! — вскочила Кэйт. — Ты...ты... ты забываешься и вообще! Не лезь ко мне! Я сама разберусь!

— Прошу прощения, что расстроил вас, — раб склонился, выражая позой полное смирение, но сначала подарил такой взгляд, что девушке захотелось тут же попросить прощения.

Ситуация была патовая. Характер гордой дочери Венги никак не мог пойти на сделку с очень не к месту проснувшейся совестью.

К счастью в этот момент пришел вызов от Айрин...

* * *

— Кэйт, дорогая, ничего не изменилось в планах? Ты подъедешь завтра? Посидим, поболтаем, перед... — девушка замялась, явно не желая озвучивать вслух неприятное ей событие.

— Да, конечно. Конечно, я помню, не волнуйся. И даже подарок приготовила, небольшой, но Дэйну должно понравиться.

— Отлично! Спасибо большое! Значит завтра, ближе к вечеру, да?

— Хорошо... Эйри...

— Эйр, конечно же, будет только твой, — в голосе Айрин прозвучал намек на легкое раздражение.

— Да нет, наоборот, если он не хочет...

— Что за глупости?! — раздражение стало более заметным, хотя причина поменялась. — Еще ты начни мне его баловать... Будет сидеть рядом с женой, как миленький!

— Вы поругались, да? — запереживала от слишком агрессивного настроения подруги Кэйтириона.

— Да нет еще пока... Надеюсь, и не поругаемся. Но ведет он себя ужасно, — пожаловалась, грустно вздохнув, Айрин. — Но это мы лучше при встрече поболтаем, — тут же улыбнулась она подруге.

— Хорошо, тогда до встречи!

— До встречи... Хотя... Лейхио спрашивает, нет ли случайно рядом с тобой Шайна?

— Есть, и абсолютно не случайно. Мы тут тоже пытаемся не поругаться.

— Преотличный день сегодня просто. Ладно, я уйду из комнаты. До встречи!

— До встречи... — эхом откликнулась Кэйт.

Потом повернулась к Шайну:

— Ну, и я тоже не буду вам мешать своим присутствием!

После чего, гордо развернувшись, удалилась в ванную комнату.

* * *

Поплескав в лицо ледяной водой, Кэйт показала язык отражению в зеркале и пошла мириться, гася легкое раздражение из-за агонизирующей гордыни. Остаться без вожака «Все будет хорошо» на ночь было страшнее, чем дать почувствовать Шайну, что он прав...

Кэйтириона вышла и остановилась, насушенная и смущенная.

— Мир? — застенчиво улыбнулась она.

Шайн обернулся, все еще под впечатлением невеселого разговора с Лейхио.

Кэйт не видела ничего криминального в том, что парни общаются, Айрин придерживалась той же позиции, пусть это и было несколько нетипично. Общественное мнение было традиционно венговским — а к

чему это зверикам общаться с себе подобными в чужих гаремах?

Однако, ломая привычные стереотипы, подружки пришли к выводу, что от подобного проявления лояльности все-таки больше плюсов, чем минусов, особенно в связи с тем, что теперь они были «в одной лодке», вызвав к себе более пристальное внимание Старшей госпожи Первого Дома, вынудившей их готовить вечеринки для будущих советов...

В глазах парня появилась привычная теплота, и, конечно же, он сразу вернул ей улыбку, понимающе поддерживав:

— А разве с вами можно иначе?

— Я у тебя неправильная Богиня, Шайнэ?

— Нет, моя госпожа, просто...

— Только не говори, что я еще ребенок! — сдвинула брови Кэйт, представила, как комично это выглядит со стороны — еще только ножкой топнуть осталось — и рассмеялась.

— Нет, моя госпожа — вы самая очаровательная и прекрасная женщина на свете...

Вот ведь... «И ни капли фальши в его словах, — растаяла девушка, — Он искренне верит в то, что говорит». И почему-то сразу захотелось доказать, что он прав, и чтобы даже не вздумал сомневаться.

* * *

Как-то незаметно, в процессе балансирования между худым миром и доброй ссорой, подошло время обеда, после которого девушка предложила совершить небольшую прогулку. Как следует утепившись, Шайн и Кэйт немного побродили по окрестностям, иногда просто болтая ни о чем, иногда играя в догонялки и весело дурачась. Наконец, замерзнув, вернулись домой, и уселись пить горячий чай на травах.

Контраст между свежим морозным воздухом и теплым уютом дома приятной истомой разливался внутри, расслабляя и убаюкивая. А Шайн, сидевший напротив своей госпожи, обеими ладонями удерживающей высокую кружку, просто тихо шалел от счастья, что он по-прежнему рядом с ней...

— Шайнэ? — тихо спросила Кэйт, заметив его затуманившийся взгляд. — Ты о чем думаешь?

Парень смущенно опустил глаза и помотал головой: «Это не стоит вашего внимания».

Кэйтириона задумчиво взглянула на него, встала, ненадолго вышла из

комнаты, потом вернулась и, загадочно улыбнувшись, продолжила чаепитие.

А через некоторое время, когда Шайнэйлиер попытался перебраться поближе и, обнаглев окончательно, выпросить еще одну порцию ласки, в качестве компенсации за то время, пока ему приходилось ждать «своей очереди», девушка, раскусив его маневр, погрозила пальчиком.

— Шайн, пришло время очередного урока, раздевайся, — голосом строгой учительницы произнесла она.

Внутри парня все сладко заныло. Как же он любил и ненавидел эти уроки, когда госпожа была с ним нежна и ласкова, по-венговски нежна и ласкова. Пользы от этих уроков было немало — его уже не трясло при виде раскиданных по кровати воспитательно-развлекательных игрушек. Некоторые из них уже оставили сексуально-приятный след в его памяти, стерев предыдущие, не самые радующие его воспоминания.

— Думаю, что сегодня нам стоит поработать над твоим страхом большого количества женщин, желающих поиграть с твоим телом.

Шайн испуганно сглотнул, и умоляюще уставился на госпожу. Но его никто не стал спрашивать, и что-либо говорить разрешения не было. А у них с Кэйтириной был строгий уговор — во время уроков он, ну, не покорный раб, а, скорее, послушный ученик. Поэтому ему разрешалось подавать знаки глазами, а вот обращать внимание на эти знаки или нет, девушка решала сама. Обычно она реагировала, но сегодня...

Стало страшно, и внутри живота начало крутить и вибрировать. Его пустит по кругу любимая госпожа? Матерь Сущего, неужели ему придется снова пережить повтор своего кошмара?

Кэйт, успокаивающе погладив парня, одела ему на голову даже не повязку, а маску из какого-то гладкого блестящего материала, прохладным касанием к коже остудившего пылающее жаром лицо. Маска натянулась так плотно, что можно было подумать, будто Шайна просто покрасили в черный цвет. Две небольшие дырочки для дыхания, и все.

Материал не пропускал ни свет, ни звук. Кэйт взяла Шайнэ за руку и уложила к себе на постель, на спину. Надежно зафиксировала его тело веревкой, используя специальные выдвигающиеся крючки по краям кровати, и, широко раздвинув ноги, села сверху, чтобы начать целовать, оглаживать, возбуждать и успокаивать одновременно.

Убедившись, что уже достаточно давно ничего страшного не происходит, Шайн позволил себе расслабиться и погрузиться в

наслаждение процессом. И вдруг рук на теле стало не две, а четыре.

Возбуждение сразу исчезло, накатила ужас, сердце забилося, как будто вот-вот выпрыгнет из груди... Но прошло несколько минут, и парень понял, что четыре руки — это лучше чем две. Намного лучше... И только он снова расслабился, как рук стало шесть.

Каждый кусочек его тела был обласкан, он чувствовал жаркие поцелуи и очень надеялся, что это губы Кэйт, хотя, по ощущениям, иногда его касались и совершенно другие, незнакомые... И мысли уже путались, стремясь отыскать «свои, родные», чтобы точно быть уверенным, что его не оставили, не бросили, усыпив бдительность...

Внутри шла борьба между прежними страхами, кошмарами и доверием. Он доверял своей госпоже. Она не сможет ему навредить, и все что она делает — это только ему во благо, не зря же она его Богиня?

И, наконец, доверие полностью победило. Он расслабился окончательно, позволив телу отзываться на ласки и количество рук начало уменьшаться. Шайн испуганно дернулся, но тут же пришло понимание, что руки любимой по-прежнему здесь, и снова позволил себе наслаждаться игрой. И вот их снова только две, и наконец госпожа стягивает с него маску, целует в губы и шепчет ему, довольная: «Ты справился, мой родной! Какой ты молодец, ты справился!».

Но Шайнэйлиер мог пока лишь жмуриться и глупо улыбаться в ответ, не в силах произнести ни слова благодарности. Очертания девушки все еще расплывались — мягкий приглушенный свет резал глаза, привыкшие к крошечной темноте... И только этот завораживающий шепот, незримой ниточкой привязывающий его к реальности, тянул за собой, заставляя выныривать из сладкого небытия...

Единственное, что он в эти минуты совершенно четко осознавал — абсолютное счастье бывает. И ему удалось снова испытать это... Жизнь прекрасна...

— Богиня... Моя Богиня, — закрыв глаза и начав наконец отвечать на поцелуи, прошептал парень...

* * *

— Шайн, перечисли еще раз достоинства своей своей Богини! — с просительной интонацией, кокетливо мурлыкнула Кэйт.

— Вы самая очаровательная и прекрасная женщина на свете... Но...

— Но??? Может, без «но», — скривилась девушка, состроив жалобную мордашку.

— Нет, моя очаровательная, добрая и справедливая госпожа, — нагло польстил жулик, — я все-таки вынужден указать вам..

— Шайнэ... я же только что была Богиней!!! — возмутилась Кэйт, пытаюсь нахмуриться снова, но, увы, не получалось, губы кривила улыбка, а на душе было тепло и радостно от того, что Шайн больше не колол ее взглядом.

— Ну, нет предела совершенству, — обезоруживающе улыбнулся парень, — вы вольны принимать любое решение, только не стоило трогать Ягодку.

Кэйтириона вопросительно выгнула бровь.

— Никки. Аик зовет его Ягодкой... Это о чем-нибудь вам говорит, госпожа? Если бы не Никки, Айкейнури давно свихнулся бы с тоски. Только благодаря тому, что удерживает иллюзию собственной необходимости кому-то кроме вас, он еще более менее вменяем... И это здорово облегчает ответственность Гейна, которому иначе пришлось бы составлять график дежурств.

— Нет... Шайнэ... — ошарашенно проглотила признание Кэйтириона. — Ты сейчас говорил об Айке?

— Да, моя госпожа, — серьезно кивнул парень.

— О моем... О нашем Айкейнури? — поправилась девушка.

— Именно, он у нас и у ВАС, — выделил голосом последнее слово Шайн, — один такой, единственный неповторимый.

* * *

— Что-то мне как-то на душе беспокойно, знаешь, как будто душит что-то... И... хочется куда-то бежать...

Шайн и Кэйт переглянулись, и почти в один голос выдохнули: «Айки...»

Девушка первой выпорхнула в коридор, за ней — Шайнэ, быстрым шагом до лестницы, потом вверх... Вот она, мужская половина. И как-то там непривычно тихо... Слишком тихо.

Кэйтириона как бежала первой, так первой и влетела в общий зал, где на ковре лежал Айки. Ее Айки. Вокруг него стояли Нэй, Гейн и беззвучно всхлипывающий Никки. А Аик просто лежал и не шевелился. Совсем.

Побелев как мел, девушка с тихим «А-ах..» опустилась прямо в руки

стоящего за ней Шайна.

Глава 29

Утром Дэйниш проснулся от поцелуя жены:

— С днем рождения тебя, золотко мое!

Еще не открывая глаз, улыбнулся любимой женщине, но попытка обнять и прижать к себе свой самый дорогой подарок не увенчалась успехом — госпожа ловко вывернулась. Пришлось открыть один глаз, хотя так хотелось еще поспать... Сегодня, по случаю праздника, Эйбри дал ему выходной. А значит, шанс спать столько, сколько хочется.

Но Айрин явно была настроена на другое, значит, надо ловить момент. Вернее — жену. Сделав вид, что еще окончательно не проснулся, расслабил все мышцы, даже глаза прикрыл, для большей достоверности. И сквозь ресницы внимательно отслеживал движение рядом с собой. Ага, любопытство сгубило кошку, быстрое движение рукой — и госпожа плотно прижата к телу, теперь переворот, и она под ним. Пытается изобразить гнев в своих огромных зеленых глазищах, но там только искорки еле сдерживаемого смеха и желание. Желание его, именно его. И, похоже, по случаю дня рождения, ему позволят быть сверху.

Сначала нежно вернул поцелуй, потом позволил себе чуть больше, дав команду телу забыть, что под ним женщина. Каждый раз приходится совершать усилие, переступая за эту грань, правда, на борьбу с собой уходит все меньше и меньше времени.

Теперь надо нежно поцеловать где-то на границе между скулой и ушком, потом спуститься по шее вниз, чуть под углом прямо до ложбинки... Повторить такое же с другой стороны... Вся эрогенность госпожи спрятана именно наверху, здесь, еще может чуточку линия плеч, а дальше — только ради эстетического и личного удовольствия. Но разве можно отказать себе, в день рождения, и не поиграть с нежными розовыми сосками, которые так и хочется поцеловать, потереть губами, поласкать языком? А потом взять ее обе груди в руки, и ощущать под ладонями, как стучит ее сердце, пока ты целуешь дорожку от ямочки вниз... вниз... Теперь руки нужны, чтобы чуть развести ноги, несколько поцелуев и пройти языком по клитору, с нажимом, иначе весь настрой собьется, а госпожа будет извиваться и кричать, что ей щекотно. Так что с силой, потом сжать губами, тоже как можно плотнее... Ну и, судя по тому, как руки жены вцепились в ягодицы и затягивают твоё тело на себя — время

предварительных ласк закончилось.

* * *

— Судя по сытой морде, тебя сегодня празднично трахнули? — цинично поинтересовался Эйн, когда Дэйниш зашел в их кабинет, навестить друга.

Всосав щеки и сделав губки бантиком, Дэйн состроил презрительно-покровительственный взгляд и гордо фыркнул:

— Работай, работай, до ночи еще далеко...

В него тут же швырнули тяжелой папкой с какими-то документами.

— Совсем офигел от зависти, что ли? А если бы они рассыпались? Я их два дня сортировал, между прочим.

Парни переглянулись, и теперь уже Эйн поймал папку, которая героически и в этот раз не раскрылась.

Когда Дэйниш понял, что друг снова собирается кинуть в него картонным хранилищем отчетности, быстро поднял руки вверх:

— Все, ты победил, сдаюсь! И вообще я пришел к тебе за подарком, а не за фингалом под глаз.

— Что, госпожа мало одарила с утра? — Эйн снова состроил похабно-циничное выражение лица.

Дэйниш почувствовал, как внутри просыпается странное ощущение дежавю, друг так откровенно нарывался на грубость, только когда его что-то очень беспокоило. Какой-то его личный огромный таракан, выедающий ему мозг изнутри, без наркоза.

Поэтому, вместо того, чтобы нахамить в ответ или обидеться и уйти, хлопнув дверью, Дэйн сел рядом с Эйном на пол и положил голову ему на колени. Вроде бы и сочувствия, как равный — равному, не выразил, и на нужную кнопку надавил. И словами ничего не спросил, и дал понять, что состояние оценил, и готов выслушать.

— Клаусийлия приедет завтра вечером...

— Тикусйо!

— Вот и я про то же... А Айкейнури, похоже, продадут... Она его с вечеринки игнорирует.

— Откуда знаешь?

— Лейхио у Шайнэ вчера тихо спросил, когда про твой день рождения разговаривали.

— Тля! Жаль парня...

— Уверен?

Эйн посмотрел на друга, запустил руку ему в волосы, опустил на колени рядом с ним и, притянув к себе за затылок, впился своими губами в его. Обычно Дэйн отвечал, но в этот раз было понятно, что будет «мордой в ковер». Значит, надо просто покориться и расслабиться. Просто праздник контраста какой-то сегодня.

* * *

Потом они валялись на ковре и лениво обсуждали финансовые вопросы. Потом Эйнри осенила блестящая идея и они дернулись ее реализовывать... Потом...

— Волчонок? Уже вообще-то время обедать, и ты ушел сразу после завтрака, всего на полчаса.

Дэйниш почувствовал, как краснеет... Тем более он так и не привел себя в порядок после... Как-то не до того было.

Айрин, оглядев парней, сразу поняла, что не только она сегодня празднично поимела мужа. Эйн сверкнул улыбкой и, облизнув губы, с порочным вызовом в глазах посмотрел на сестру.

— У тебя сегодня совсем другие развлечения на вечер, радость моя, — девушка строила ангельскую мордашку, — приедет твоя жена, помнишь? С ночевкой, между прочим. Потому что завтра у нас по программе обучающее шоу по флаггеляции, два экспоната — два урока.

— Умеете вы, моя госпожа, настроение ниже плинтуса опустить, — натянуто усмехнулся Эйнри, после оглашения программы увеселительных мероприятий.

— Ага, за это вы меня все и любите, — с тем же ангельским личиком, девушка взяла мужа под руку и вышла, оставив брата одного.

— Тля! — Эйнри со всей силы пару раз заехал в спинку кресла ногой. Тут же дверь приоткрылась:

— Относись с уважением хотя бы к неодушевленной моей собственности!

— А к одушевленной я отношусь без уважения, да?!!

— Да. Шестидесят плетей сильно подпортят состояние моей любимой одушевленной собственности!

— Офигительно польщен, госпожа! Я не просто облажавшаяся вещь, а любимая...

Брат с сестрой стояли напротив друг друга, глаза метали зеленые

молнии, в душах выли волки...

— Можно я вам немного помешаю? — тактично поинтересовался Дэйниш. — Вообще-то, к слову, у меня сегодня день рождения... И, главное, я не понял, когда вы успели поругаться.

— Утром... — отведя взгляд в сторону, виноватым тихим голосом ответил Эйн. — Простите, госпожа, я...

— Я тоже не в восторге, веришь?! С чего ты решил накинуться на меня за то, что Клаусийлия приедет наказывать тебя?!

— Потому что Дэйн спал, — попытался улыбнуться Эйнри. — Правда, прости, хорошо? Я был не прав...

— Ладно, пошли обедать. А потом будем дарить тебе подарки, золотишко!

— Спасибо, но вы уже вроде оба подарили, — облегченно рассмеялся Дэйниш.

Всегда плохо, когда два любимых человека ругаются, а уж когда на твой день рождения...

* * *

После обеда, когда накал страстей несколько приутих, Лейхио с загадочным лицом протянул Дэйну пропуск в Космопорт и еще какую-то бумажку.

Это была квитанция на получение груза, но что именно за груз, там было не указано.

— Вы не скажете, да? Все знаете, но не скажете? — Дэйн умоляюще заглянул каждому из друзей в глаза, получил сочувствующие и интригующе-загадочные улыбки и вздохнул:

— Ну, тогда я в Космопорт.

— Я с тобой, — поднялся Лейхио. — Один ты свой подарок не допрешь.

* * *

В такси Дэйн еще один раз рискнул спросить, что же ему за счастье привалило. Но, наткнувшись на снисходительную улыбку друга, прошипел сквозь зубы: «Тикусйо!» и постарался успокоиться.

Груз был не тяжелый, но очень громоздкий. Дэйн попытался вскрыть

упаковку прямо у бараков, но Лейхио запретил:

— Не допрем потом распакованное.

— Так и что теперь, я должен скончаться на обратном пути от любопытства?! Тикусйо! Садисты и гады! Не могли сами вчера привезти, чтобы дома мне вручить?

— Так было бы не весело... Зато сейчас сколько переживаний, — отечески похлопал парня по плечу Лей, пряча усмешку.

— Мне переживаний с утра хватило... Ну скажи, что там?! Тля!

Изнывая над коробкой всю дорогу и пытаясь просчитать, на что же больше всего это похоже, Дэйн к концу поездки был один сплошной комок нервов. Особенно, когда ему не дали вскрыть ее прямо во дворе.

— Неси в гаремный зал, деточка! — садистки заржали Лейхио и присоединившийся к нему Эйн. И даже помогли допереть.

И вот наконец в разные стороны полетели ошметки картона, бумаги... Дэйниш сначала разрывал все руками, потом Вил сжалился и протянул ему нож.

Внутри был деревянный сундучок. С замком. Ключа на замке не было. Дэйниш гневно обернулся на всхлипывающих от смеха и валяющихся на полу без сил парней.

— Тля!!! Где ключ?!

— А что нам за это будет, — простонал, задыхаясь и подхрюкивая Эйн.

— Я вас не убью всех прямо сейчас!

— Доброта твоя безгранична, мой мальчик, — Лейхио уже больше не мог смеяться, а только тихо фыркал, глядя на разгневанного друга.

Вилайди протянул Дэйну ключ.

— Тля, котенок, мы договаривались потребовать с него выкуп!

— А вот он сейчас откроет, и мы его с него потребуем. Хватит уже издеваться, я вот знаю как это трудно, когда очень любопытно, — и Вил улыбнулся имениннику. С учетом того, что обычно их отношения были довольно таки странными, эту улыбку тоже можно было записать к подаркам. По крайней мере, для себя Дэйн решил именно так.

И вот наконец, трясущими руками и не с первого раза, он попал ключом в замок и открыл сундук...

— Вы... ох... — только и смог выдохнуть парень...

В сундуке, из которого медленно выходил плотный упаковочный газ, находилась хрустальная арфа. Настоящая. На которой стояло клеймо мастера «сделано на Венге».

— Как?.. — Дэйн оглядел всех друзей по очереди, те загадочно

молчали. Наконец перевел взгляд на жену...

— Я договорилась с Первой госпожой, тебя будут учить на ней играть... Ты ведь говорил, что хочешь научиться... — в голосе девушки слышалась настороженность и невысказанный вопрос: «А доволен ли ты нашим подарком?».

— Спасибо. Я... Я просто в шоке, простите. Она же в три... В пять раз дороже, чем я! А еще учитель...

Айрин подошла к мужу, взяла его за плечи и, запрокинув голову, заглянула в любимые глаза:

— Волчонок, ты для нас бесценен. А это, — девушка махнула рукой в сторону арфы, — всего лишь вещь, предназначенная доставить тебе радость. Ты рад, золотко?

— Я... Очень, госпожа. Спасибо.

Дэйн прижал к себе жену, смущенно улыбнулся остальным и закрыл глаза, полностью отдаваясь наслаждению от лучей любви, излучаемых всеми окружающими его людьми.

Потом они все дружно пытались по приложенной к инструменту документации настроить арфу и сыграть на ней хоть что-нибудь. В итоге, поставили один из прилагаемых видеодисков, и сели пить глинтвейн и наслаждаться прекрасной музыкой.

Эйнри захлеб рассказывал об осенившей его с утра идее, Лейхио нашел в ней несколько слабых моментов, Вилайди тут же влез и предложил, как оптимально решить один из... Дэйниш сидел, любовался на спорящих парней и улыбался жене, которая тоже с умилением наблюдала за своими мужчинами.

Тут в комнату влетел запыхавшийся малек, пискнул: «Приехала госпожа Кэйтиайриона со свитой», — и тут же улетел обратно по своим мальковским делам.

Кэйт приехала с Айком, Шайнэ и рыжим Нэйклийанэ. Причем первый понуро плелся последним и выглядел очень заброшенным и несчастным. Девушка даже не обратила внимания, когда он опустился рядом с ней на колени, преданно пытаясь поймать ее взгляд.

Эйнри, у которого от такого зрелища настроение снова испортилось, вопросительно посмотрел на Шайнэ, подняв одну бровь. Тот грустно вздохнул, поджав губы, давая понять, что такая ситуация сейчас вполне в порядке вещей.

Кэйтиайриона демонстративно гладила сидящего напротив Айкейнури Нэйя, призывно улыбалась мужу, строила глазки Сайни, который буквально перед ней присоединился к общей тусовке. В общем, вела себя как

женщина, слишком старательно стремящаяся показать, что сидящий рядом с ней парень ей абсолютно неинтересен.

«И вот как ей объяснять, что она не права?» — задумался Эйфри. Смотреть на то, как унижается его соперник, было больно просто физически. Причем не только ему. Дэйниш тоже старался не глядеть в сторону Кэйт и Айка, да и Лейхио уселся в ногах своей госпожи, почти спиной к этой парочке.

Только Сайни, который с детства был равнодушен к Кэйтирионе, сейчас ловил ее оценивающие взгляды на себе и пытался понять, что происходит. Все то время на вечеринке, после Совета, пока они были вдвоем, парень тихо молчал и украдкой любовался на жену брата. А Кэйт была слишком погружена в размышления о судьбе своих мужчин. Правда, это ей не мешало и оценить сходство между братьями, и понять, что старшему она нравится гораздо больше, чем младшему.

Наконец Сайю стало даже неудобно от того, как его откровенно разглядывают. Захотелось встать, раздеться и пусть осмотрят уже явно, чем так... Аж мурашки по коже.

Лейхио тоже заметил, что на его мальчика положили глаз, и слегка занервничал.

* * *

И тут неожиданно вечер перестал быть томным.

— Добрый вечер, девочки, — улыбнулась в дверях госпожа Клаусийлия. — Я тут проезжала мимо и подумала, что вы как раз, наверное, все в сборе. Ведь, если мне память не изменяет, у моего племянника сегодня день рождения. И надо же, не ошиблась! — в голосе Клаусийлии звучала неподдельная радость. — И, раз я такая догадливая, давайте закончим с наказанием, потому что на завтра у меня запланировано очень много дел.

В комнате повисла гнетущая тишина. Аик инстинктивно сделал движение назад, пытаясь спрятаться за спинкой кресла. Эйн, стоящий в это время у окна, так и застыл, стараясь не отсвечивать. Девушки тоже потрясенно замерли. Одно дело знать, что их парней высекут завтра утром. А совсем другое, когда это должно произойти вот прямо сейчас.

Лейхио, схватив под руки Сайни и Шайнэ, быстро вылетел в коридор. Понадеявшись, что парнишек догадаются выставить госпожи.

* * *

— Первым в прошлый раз был младший. Будет честно, если и в этот раз будет так же.

Айкейнури медленно разделся и, подняв глаза, полные вины, боли и мольбы о прощении, посмотрел на свою госпожу. Кэйтэйриона ответила взглядом женщины, уверенной в своей правоте и вине мужчины, стоящего сейчас перед ней.

Вздыхнув, Айк понял, что пощады не будет. Нет, он не рассчитывал на отмену наказания, он хотел, чтобы его простили и снова приблизили... Он уже был готов к тому, что будет не единственным, но хотелось попасть хотя бы в первую тройку. Хотя, чего уж там... Хотелось просто остаться в этом доме, рядом с ней, хотя бы на должности «придворного шута», тля! Как сейчас он понимал Шайнэ!

— В позицию, раб!

Парень лег на специальную скамью, уже чуть приподнятую вверх, обнял ее руками и подождал, пока Эйн свяжет их снизу, кисть к локтю. Поймал сочувствующий взгляд... Понятно. Если совсем все будет хуево, значит, купят Вайнгойрты, и он будет сидеть в гареме и ждать — а вдруг, вместо Эйна она наконец-то вспомнит о нем... раз в неделю...

По спине сначала ласково прошелся флоггер, значит, сначала разогреют.

Интересно, в счет шестидесяти или просто для души? Судя по тому, с какой частотой посыпались удары, никто их не считал. Грустно вздохнул и попытался расслабиться.

* * *

Клаусийлия сидела в кресле, специально передвинутым так, чтобы открывать ей лучший обзор на происходящее, и медленно смаковала глинтвейн, покачивая остроконечной туфелькой на острых шпильках. Дейниш заворожено взирал на отблески света, стальными искорками вспыхивающие на металлической отделке обуви тетушки — на носке и на самом каблуке. Зрелище было завораживающим, и он никак не мог заставить себя отвести взгляд, потому что смотреть, как Эйн сейчас старательно делает вид, будто ничего такого особенного не происходит, усиленно сохраняя на лице невозмутимое выражение, было просто

невыносимо. Желваки на скулах друга жили самостоятельной жизнью, и это сочувствие при взгляде на парня, которого сейчас порола его жена, здорово напрягало. Тикусйо! Да, ему тоже жаль Айка, хотя впал в немилость он из-за собственной дурости, и наказывают его сейчас тоже не из-за отличного умения контролировать свои эмоции. А еще очень жаль госпожу Кэйтириону... Вот уж кого действительно очень жаль. Ей, в отличие от своего раба, сейчас приходится держать себя под полным контролем. Может, Эйн тоже сейчас сочувствует жене?

Дэйн поднял голову, но тут же опустил глаза в пол, успев лишь заметить, что стоящий на коленях рыжий тоже не смотрит, а прикрыл глаза и плотно сжал губы. На совершенно бесстрастном веснушчатом лице живыми оставались лишь трепещущие от негодования ноздри и подрагивающие от каждого ритмичного звука удара флоггера ресницы.

Неудачный он выбрал момент — Клаусилия, удовлетворенная безупречными действиями Кэйтирионы, как раз обводила взглядом остальных, контролируя обстановку. Тикусйо! Ощущение такое, словно прошло рентгеновскими лучами. Дэйниш вновь сосредоточился на ее туфельке...

* * *

Несмотря на грызущее изнутри чувство вины, принять все предназначенное, находясь в здравом уме и сознании, Аик был не готов. Так что, медленно выдохнув из себя все посторонние мысли, парень сконцентрировался на ритме, мозг начал медленно погружаться в транс. Тело расслаблялось. Музыка флоггера укачивала, завораживала, вела за собой... Становилось тепло, хорошо, приятно... Вот удары стали жестче и более четкими — флоггер сменился на плетку. Боль, практически незаметная уже, отступала все дальше и дальше и наконец потерялась в волнах приятного согревающего, чуть обжигающего тепла и странного сладкого чувства, как будто внутри растворился леденец... Розовый такой, огромный, сладкий-сладкий, и тает, где-то от низа живота, расплываясь липкой тягучей массой до самых кончиков пальцев... Тает от тепла, в котором греется все тело Айка... И больше нет никаких проблем, никаких обид, никаких забот... Только тепло... Тепло... Холодно... Почему вдруг стало так холодно?!

— Аик? Айкейнури?! Позовите лекаря, быстрее! Это не нормально, что он такой бледный!

— Не волнуйтесь, госпожа, это нормальная реакция...
— Нормальная реакция?! Эйн, это — не нормальная реакция! Он обычно счастлив и бодр, и потом не спит дня два-три!
— Ну, от настроения в начале многое зависит, госпожа.
— Ты считаешь, что я была с ним слишком жестока?!
— Что вы, разве я смею...
— Заткнись, Эйн! Я тебя серьезно спросила!
— Я серьезно вам ответил, что это не мое дело, как вы обращаетесь со своими рабами, даже если они вас любят.

Кэйт тихо всхлипнула...

Клаусилия откинулась на спинку кресла, со скептической ухмылкой наслаждаясь вторым актом, разворачивающего по ее сценарию спектакля. Это, конечно, уже голая импровизация, но поглазеть было любопытно, поэтому она не стала прерывать столь душещипательную сцену.

Сначала Эйпри и Дэйниш перенесли тело зверька на диван, потом Кэйтириона склонилась к лежащему на животе парню и, не обращая внимания на неподобающее госпоже поведение, вместо того, чтобы привести его в себя парой пощечин, гладила по бледному лицу, покрытому мелкими бисеринками испарины. Глаза парня были прикрыты, и он явно не торопился выныривать из своей нирваны.

Для госпожи Альцейкан умение звериков входить в мазотранс, естественно, не являлось событием — а как иначе они смогли бы приспособиться? И, вполне предсказуемо, реакции при возвращении в реальность были различны. На взгляд Клаусилии Айкейнури был сейчас в приличном состоянии — по крайней мере, на поверхностных участках покрасневшей кожи спины наказанного раба не было заметно ни единого следа от разрывов, даже микроскопического — четко, как по учебнику! Кэйт не зря считалась одной из лучших выпускниц Лагеря для госпож и сразу видно, что практику тоже успела наработать. По крайней мере, с технической точки зрения, претензий к Кэйтирионе не было абсолютно. Непонятно только, почему состояние ее щенка так сильно расстроило младшую Маргойлин?

* * *

— Айк... прекрати меня пугать, слышишь? Очнись, пожалуйста... Я тебе приказываю, слышишь?!

Тихий дрожащий, почти умоляющий голос девушки ну никак не

сочетался с приказной формой обращения.

Поэтому Айк совершенно не спешил выполнять требуемое действие. Голос любимой манил, очаровывал, убаюкивал, лаская слух, пробираясь под кожу, струился по жилам...

— Давай, мое сокровище, ну же, прошу тебя...

Тля-а... какой же прекрасный сон, только не будите... не надо... хотя бы во сне...

Противный холод, окутавший все тело, прогонял ласковый теплый бриз, облизывающий щеку...

* * *

Уже во время показательного урока Кэйт отметила, что Айк уходит в мазотранс, хотя обычно проделывал это крайне редко, но сейчас это было даже уместно.

Она была слегка шокирована внезапным визитом Клаусийлии, как и все остальные, но быстро поняла, что от показательного шоу не отвертеться, и постаралась взять себя в руки. Даже хорошо, что прошло столько времени — сразу после драки Кэйт себя контролировала гораздо хуже, а сейчас дикое желание исполосовать на ленточки спину Айка уже изрядно поостыло. Теперь она, наоборот, сосредоточилась только на одном — провести сеанс безукоризненно. Эйна, скорее всего, будет наказывать сама госпожа Альцейкан, и это было даже хорошо. Айрин вряд ли способна на отстраненный подход к спине брата. Да и без достаточной практики уставшая рука может нечаянно травмировать кожу, что вообще заставит ее запаниковать, а это приведет к еще более плачевным последствиям, ведь Клаусийлия не разрешит прекратить немедленно...

Максимальная концентрация, четко выверенные движения... не думать, глядя на разогревающуюся под флоггером сильную спину, что уже не хочется менять девайс на более суровый. Не надо представлять себе, как с каждой новой полосой, ровно, словно по линеечке, лежащейся параллельно предыдущей, хочется отбросить плетъ в сторону и прикоснуться к ним пальцами, смазанными волшебным маслом, чтобы почувствовать, как этот сильный зверек из всех сил пытается сдерживать сбивающееся дыхание... Обойти вокруг и, глядя прямо в глаза, прочертить ногтями полосы на груди до самого пупка, насладиться тем, как расширяются его зрачки, словно подталкивая ее — «ну же, ниже, умоляю, госпожа», приласкать взглядом, проследив, как он судорожно сглатывает

прежде, чем снова взять под контроль свое тело, и лишь затем опустить руку вниз от пупка до самых гениталий, чуть надавливая ноготками...

Нельзя! Сейчас только ювелирная точность и частота, задающая ритм, который облегчит его участь... Прав был Эйн! Айкейнури ей не безразличен. Настолько, что впервые боится, как на самом важном экзамене, что дрогнет рука, что она сама принесет ему лишнюю боль, помимо той, что уже терзала парня целую неделю... Почему это не пришло в голову раньше, почему она гнала от себя подобные мысли, отмахиваясь, как от назойливых насекомых на вечерней прогулке в лесу? Нет! Она не может причинить ему боль! Тля! Она не хочет причинить ему боль! Нет! Тля! Любимчик или любимый?! Любимый!!! Где ее глаза были раньше? Почему ТАК не сжималось сердце, глядя на потерянного парня, тенью замиравшего поодаль, пока она делала вид, что ей все равно, что с ним творится?! И почему вообще сейчас болит слева, хотя в полную нагрузку работают мышцы правой руки?

Еще немного! И... пятьдесят восемь... и пятьдесят девять... и... шестьдесят! Все!

Кэйт медленно опустила руку, почувствовав, как свинцовая усталость буквально стекает от плеча к кончикам разжавшихся пальцев, все еще сжимающих рукоять плети. И потом просто отстраненно смотрела, как Эйн, повинаясь разрешающему знаку Клаусийлии, бросился отвязывать Айку. Только вот тот почему-то не услышал, что надо встать и поблагодарить за урок...

* * *

— Айк, возвращайся ко мне, — тихо произнесла Кэйтиайриона. — Ты мне нужен, солнышко... очень нужен...

Нужен... ей нужен... — эхом отозвалось в блаженно пустой черепушке. Айк не мог отказать своей любимой в такой малой прихоти... Веки не желали слушаться, и очень не хотелось уходить из этого сладкого сна, но он нужен госпоже, она наконец-то вспомнила и снова позвала его...

«Да, госпожа», — подтвердил Айк приказание, правда, почему-то собственного голоса не услышал — наверное, просто оглох от счастья...

В это время в комнату влетел малек, весь заваленный одеялами, и еще один малек с секретной настойкой Сабины.

Эйн приподнял Айку, а Кэйт заботливо постелила под него одеяло, потом парня укутали в него, как в кокон, и, чуть приподняв голову,

осторожно влили несколько капель жгучего пойла, вышибающего у Лейхию слезу с «У-ух ты», а у остальных только «Тля-а!».

Именно его все и слышали. Слабое такое... Тихое...

— Айк! Айк, с тобой все хорошо?! — Кэйт тут же оттолкнула всех и оказалась рядом со своим позаброшенным на время любимцем.

— Не уверен, госпожа... У меня были слуховые галлюцинации...

Айк вопросительно смотрел на свою госпожу, не смея и мечтать о том, что его мало того, что простили, так еще и наговорили... при всех... такого! От чего начинала кружиться голова и хотелось петь. Только сил не было...

— Айк, не смей терять сознание!!!

Паника в глазах любимой казалась неподдельной. А ее ладони обхватили его скулы, прерывая сказочный полет снова в небытие.

Тля-а... да на этой счастливой ноте не жалко и копыта отбросить.

Только вот на помощь Кэйт пришел ее муж:

— Дыши, Айк, сконцентрируйся на дыхании, давай, ты же можешь!

Эйнри присел на колени, рядом, и внимательно следил за зрачками парня.

Видимо придется дышать... его Верхний умеет убеждать... Только вот вместо его смазливой рожи, старательно выискивающий что-то у него на лице, очень хотелось видеть любимую, но никак не удавалось сосредоточиться на расплывающемся силуэте позади Эйна. Тля!

Противный тремор был унизителен, а не слишком приятное тепло от выпитой настойки, до сих пор слегка царапающее внутренности, расползлось по непослушному телу слишком медленно.

Легкое шевеление вороха одеял, и ледяные пальцы Айка попали в плен маленьких нежных ручек, которые ободряюще сжались вокруг его скрюченной ладони, потирая и разгоняя кровь. Он еще не успел удивиться новому фокусу, которое вытворяло с ним его сознание, а теплые ладошки уже теребили его вторую руку... И не узнать их было невозможно... Кэйт, любимая...

Он прощен и обласкан...

Нет, ради такого он готов снова лечь под плеть, только бы это не оказалось сном...

Телу медленно, но верно возвращалась способность ощущать свое существование, правда, очень хотелось, чтобы этот полусон-полуявь подольше не заканчивались...

Раздавшиеся резкие аплодисменты испортили весь настрой...

— Bravo! (в голосе Клаусийлии звучало неприкрытое ехидство,

впрочем, это не мешало понять, что само представление госпоже Альцейкан понравилось). Ну все, хватит притворяться, раб! — насмешливо произнесла женщина и кивнула парням: — Поднимайте его и уводите. У нас еще не вся программа представлена.

* * *

После того, как Дэйн и Нэйклианэ увели Айкейнури, все женщины выразительно перевели взгляд на Эйна.

Скручивать что-то внизу живота в тугой жгут возбуждения начало еще несколько минут назад, когда понял, что вот-вот все начнется. Сейчас надо было только сильнее сконцентрироваться и затянуть этот жгут так, чтобы бедра раздвигались и член уже начинал твердеть, но назвать это настоящим стояком еще было нельзя. И... Кто бы догадался вывести сестру из комнаты?! Умению Клаусийлии Эйн доверял всецело, но уйти в мазотранс в присутствии Айрин у него может не получиться. Тля!

Умоляюще посмотрел на сестру и показал глазами на дверь, ну давай же, любимая! Девушка изумленно приподняла брови... Обидится, тля! Шестьдесят плетей в полном сознании? Какая хуйня, прости меня, Матерь Сущего!

Ледышка страха начала увеличиваться в размерах где-то в области груди и упала в ноги огромным тяжеленным булыжником.

Эйн просто физически ощущал, как начинает излучать манящую всех нормальных женщин Венги смесь возбуждения, страха и покорности тому, что сейчас должно произойти. Шестьдесят плетей без мазотранса... Матерь Всего Сущего, помоги мне выстоять.

— В позицию, раб!

Если у Кэйтиарионы, когда она говорила с Айкейнури, в голосе звенела сталь, то Клаусийлия говорила спокойно, негромко, но пробирало аж до кончиков пальцев на ногах.

Обхватил руками скамейку, замер. Дэйниша рядом нет, Айрин не догадается, Кэйтиариона... Слишком погружена в свои переживания об Айке и ей не до него. Клаусийлия точно не будет заморачиваться на фиксации. А если не привязать, то, как только расслабишься, тело начнет скользить по скамейке, значит, точно рассчитанный удар может попасть под другим углом и порвать кожу. Рубцы по всей спине? Даже с учетом волшебных свойств иши, все равно тонкие полосы-шрамики останутся с ним навсегда. Значит еще один аргумент в пользу того, чтобы оставаться в

сознании.

Внутри начала прорасти дикая жалость к себе, любимому, вдруг, совершенно неожиданно, оставшемуся наедине с будущей болью. Какое-то иррациональное чувство, из далекого подросткового прошлого. Когда вместе соединялись он, госпожа и инструменты для воспитания. И все его попытки покинуть тело и уйти в подпространство жестко пресекались.

Тля! Ведь уже почти тридцать... А внутри по-прежнему где-то живет этот шестнадцати-семнадцатилетний напуганный парнишка, застывшим болванчиком, смотрящий на разложенное перед ним богатство, из которого ему самому надо выбрать три или четыре инструмента для развлечения на сегодня. А госпожа, мать его жены, к слову, будет ласково шептать: «Ну давай же, умничка, выбирай. Хочешь вот этот? Смотри, какой твердый, толстый, ребристый. Тебе понравится. Возьми его, почувствуй, как он вибрирует!», и он загипнотизированным птенцом будет брать эту мощную дубину и...

Кто-то плотно пристегнул его руки друг к другу. Эйн вынырнул из кошмара воспоминаний и, открыв глаза, увидел Вила.

— Не волнуйся, Верхний, я сейчас уведу госпожу...

— Спасибо! Вил, котенок, ты только и сам тоже не возвращайся...

— Нет, я — вернусь. И буду рядом, чтобы быть уверенным, что с тобой все хорошо. Не думай обо мне. Просто ты же видел, что было с Айком? Я рехнусь под дверью и все равно буду смотреть в щелку. Не думай обо мне...

— Вы закончили прощаться? Завещание диктуешь, Эйн? Не переживай, выживешь! Твой щенок, когда еще был моим, получал гораздо больше, чем шестьдесят, и живой и целый, как видишь.

Оба парня внутренне вздрогнули, потом Вил пошел к Айрин, молча взял ее за руку и повел к выходу. Девушка, в шоке от такой наглости, даже не подумала сопротивляться. Эйнри, услышав хлопок двери, закрыл глаза и позволил себе расслабиться. Свист, удар, пауза. Свист, удар, пауза... Вжи-их-бум-тадада. Вжи-их-бум-тадада.

Жгут возбуждения почти полностью скрутил внутренности, такое ощущение, что внутри какой-то раскаленный сладкий штырь, на который его насадили сразу до макушки. И хочется скользить по этому штырю бедрами, насаживаться и соскальзывать, насаживаться и соскальзывать... Вжи-их-бум-тадада. Вжи-их-бум-тадада.

В полузабытьи почувствовал, как ему раздвигают ноги. Мозг сразу напрягся, слух вернулся, песня плетки стихла, жгут внутри скрутил так, что ни о каком контроле речи уже не было... Но, пока мозг напряженно

сканировал обстановку, тело послушно среагировало и... Наслаждение от оргазма запуталось в жгучей боли, тоже давно забытое чувство... Когда твой член просто сплюсчивает под ногой, или, как сейчас, под рукой госпожи и ты, раб природы, которая, тля! тоже ведь женщина, кончаешь, теряясь и путаясь между наслаждением и этой, сводящей с ума болью.

Тут же на спину опустилась плеть:

— Пятьдесят один! Считай сам, раб!

— Пятьдесят два...

— Как положено считай! Этот удар придется повторить.

— Пятьдесят два. Спасибо, госпожа!.. Пятьдесят три. Спасибо, госпожа!.. Пятьдесят девять. Спасибо, госпожа... Шестьдесят. Спа... Спасибо, госпожа!

Матерь Сущего, какое счастье, что Вилкин увел Айрин... Трамплинг, потом это...

— Эйн, ты в порядке? — тихий голос жены где-то рядом. Да, надо было и ее вывести, мало ей переживаний за Айка...

— Нормально все, госпожа, спасибо.

— Эйн... — в голосе Кэйт послышались слезы. — Я серьезно тебя спрашиваю!

Подавив в себе нервно-истерический смех, постарался передать словами и голосом, что его состояние максимально возможно приближенно к нормальному.

Вилайди в это время освободил руки и помог встать...

— А поблагодарить за урок, раб?!

Тля!!! Матерь Сущего! За что?..

Опустился на колени, лицом в пол, обреченно понимая, что обратно его придётся поднимать и ставить на ноги Вилу.

— Спасибо, госпожа, за то, что потратили на мое воспитание свое время.

Госпожа Клаусийлия подошла к стоящему на коленях парню, подняла его голову за волосы с такой силой, что глаза Эйна широко распахнулись от боли:

— Можешь же быть хорошим мальчиком, когда постараться?

— Да, госпожа.

— Надеюсь, ты запомнил урок?

— О, да! Госпожа...

В это время в комнату вернулся Дэйниш, оценил обстановку, принял из рук Вила Эйнри и повел того в комнату, где уже лежала предыдущая

жертва.

Глава 30

Вил очень хотел побежать следом за Эйном, посидеть с ним рядом, а лучше полежать, уткнувшись носом ему под мышку. Верхний всегда хихикал над этой его привычкой, потому что точно так же себя вела госпожа Айрин.

— Совсем ты у меня еще малек, Вилкин...

Вилайди честно пытался вести себя как взрослый, ведь ему уже скоро девятнадцать. Со всеми остальными — получалось, даже Лейхио стал относиться к нему более уважительно, а с Верхним... Он даже в мыслях по-прежнему не может назвать его по имени.

Он для него как пограничная полоса, между кошмаром у госпожи Клаусийлии, борделем — и нормальной жизнью. Конечно, пожалела его тогда госпожа Айрин, но... В его затопленном любовью мозгу все равно теплится вера, что Эйн купил бы его и без госпожи. Он ведь такой добрый, точно купил бы.

Да, побежать вслед и убедиться, что все хорошо... А, главное, успокоиться самому, как бы это не эгоистично звучало. Потому что каждый из этих шестидесяти ударов плетки он как будто прочувствовал собственной спиной. Особенно — учитывая, кто выступал в роли воспитателя.

Но Верхнего повели к Айкейнури. И если он сейчас вбежит к ним в комнату, то может увидеть... То, что видеть абсолютно не хочется. Верхний, трахающий Дэйна — зрелище уже привычное. Но Айка... Нет, лучше просто не знать, не думать и не знать.

— Вилайди, котенок, не расстраивайся...

Госпожа Айрин ласково провела большим пальцем у него по щеке, от крыльев носа, по скуле вниз, к подбородку. Ей почему-то всегда нравилось гладить его именно так. Не полной ладонью, как остальных. Казалось, она смахивает у него с лица веснушки. Обычно в этом жесте была нежность старшей сестры, но сегодня...

Вил поднял вопросительный взгляд на свою госпожу, и горячая волна прокатилась по всему телу — сегодня на него смотрели как-то иначе. Почувствовал, что краснеет, и тут же отвел глаза в сторону и в пол, а руки госпожи продолжали ласкать его тело, шею, плечи... Матерь Сущего!

— Правда же, Вил очень милый, да, Кэйт? Особенно, когда смущается?

Айрин подняла голову Вила за подбородок и заставила посмотреть на Кэйтириону. От оценивающего взгляда жены своего Верхнего парня бросило в еще больший жар. Закрыв глаза, он попытался успокоиться, вспомнить все, чему его обучали в Джордане. Но последние два года это как-то никому не было нужно, практики не было вообще, да и теория немного подзабылась.

Ласковых рук на теле стало четыре. Госпожа Айрин ласкала примерно так же, как это делает Верхний. Еще бы, ведь пока они не переехали в отдельную комнату, все происходило при ней... Грудь выгибалась навстречу привычным ласкам. А на спине, плечах и, главное, пояснице — самую отзывчивой к поцелуям Верхнего части тела — разгорался теплый пожар от ноготков другой девушки. И этот пожар быстро охватывал всего парня, даже пятки, казалось, стояли на раскаленных углях. А где-то внизу живота начинал распутываться клубок тягучей сладкой ваты, поднимающийся вверх и заполняющий сознание.

Хотелось и привычного ощущения твердого члена Верхнего внутри, и его губ на собственном, и... Чего-то еще не оформившегося до конца, чего-то... Нет, не того кошмара из далекого прошлого, когда он связанный и с контролером, нет... А то, чего иногда хотелось, когда смотрел на Верхнего или Дэйниша с госпожой... Когда они под ней, а она сверху... Вилайди испуганно сглотнул, почувствовав, как слишком бурно отреагировало тело на шанс реализовать недоступную фантазию.

Рука госпожи прошла по мошонке вверх... Да, для нее же нет ничего запретного... Но все равно, одно дело знать и даже видеть, а другое... совсем другое, когда это проделывают с тобой.

Приоткрыв глаза, Вилайди в ужасе понял, что проделывает это все с ним не его госпожа, а жена Верхнего. А вот сзади, сзади властвовала госпожа Айрин. И она точно знала, как доставить удовольствие, всего лишь погрузив внутрь два пальца.

Член уже находился в плену нежных женских губ... от избытка ощущений просто не хватало воздуха. Парню казалось, что его сейчас просто разорвет. Было странное чувство, что он рядом с горячей, пышущей жаром духовкой, а внутри у него не менее килограмма шоколада, так было тепло и сладко одновременно.

Когда стало понятно, что терпеть дольше невозможно, как бы не хотелось растянуть сладкую муку на века, Вил открыл глаза, потому что это единственное, что всегда требовал Верхний.

— Смотри мне в глаза, когда кончаешь, котенок!

И увидел в кресле Дэйна, жующего коктейльную трубочку, чтобы спрятать усмешку на лице. Но, встретившись с Вилайди взглядом, он улыбнулся. И Вил кончил, глядя в глаза своему сопернику и другу.

А потом тихо сполз на ковер... Казалось, на этот оргазм ушли все его силы. Наверное, потому, что слишком много эмоций...

Дэйн, вернувшись, и увидев творимое с Вилайди, сначала вообще решил, что парнишку надо спасать. Такое испуганно-потерянное было у него лицо. А потом сидел в кресле и пытался разобраться в своем отношении к происходящему. Ревности точно не было. Зависть?.. Немного, возможно. Хотя, если уж честно, было бы предпочтительнее, чтобы вместо жены был муж. Как бы Дэйниш не сопротивлялся идее Эйри трахнуть его в присутствии госпожи, но втайне ему очень этого хотелось. Просто это было неправильно.

Хотя, пока он сидел в кресле, и наблюдал за происходящим, его убежденность сильно поколебалась. И, тикусйо! у него даже встало от этого зрелища!

Так что где-то в блокнотике подсознание записало: «По возможности повторить, сменив двух участников».

— Пошли, я отведу тебя к себе в комнату, — помог Дэйниш встать парню, уже держа в руках его штаны.

Странное ощущение, когда тебя поддерживает твой постоянный соперник.

* * *

Уложив Вилайди на кровать, Дэйн сел рядом и вспомнил, как совсем недавно, всего неделю назад, укладывал в кровать другого парнишку, помладше.

— Он сейчас трахает Айку, да?

Дэйниш весело рассмеялся:

— Я бы на твоём месте сильно бы задумался насчет сцен ревности.

Но, увидев серьезные глаза Вила, ответил:

— Думаю, они лежат на кровати, ржут и выясняют кто круче. А насчет секса... Эйри уже самоутвердился, Аик признал его Верхним, зачем одному еще раз унижать, а другому — еще раз унижаться?

— Секс с Эйном — это унижение?! — всерьез возмутился Вилайди, и Дэйн не знал, как правильнее отреагировать на это заявление. Больше всего хотелось рассмеяться от умиления, но ведь котенок обидится...

— Для тебя — нет...

— А для тебя — да?! — В глазах Вила была реальная обида... На что? На то, что Дэйниш?.. Вот дурында же!

— Я не хотел специально... Извини. Ты же знаешь, что я его тоже люблю. Просто при тебе говорить об этом — неправильно. А сравнивал я тебя и Айка...

Вил еще раз гневно зыркнул в сторону Дэйна и сел с ним рядом, занырнув старшему парню под руку.

— Как ты думаешь, если я буду спать и с тобой, Верхнего это порадует?

— Думаю, что нет.

— Почему? Он же всегда предлагает присоединиться...

— Это такая игра, Вил. Он знает, что ты не согласишься, поэтому и предлагает. А если тебя на самом деле трахнет кто-нибудь, кроме него... Это его сильно расстроит.

— То есть, ему не надо говорить про то, что было в комнате? — смущенно краснея и отводя в сторону глаза, уточнил Вилайди.

— Думаю, ты не сможешь это скрыть. И будет лучше, если обо всем случившемся ему расскажешь именно ты.

— Да? Хорошо... Ты сейчас пойдешь к госпоже?

— Ты хочешь, чтобы я ушел?

— Нет, — снова смутился Вил, — наоборот, я бы не хотел сейчас оставаться один. Но и идти ко всем тоже не хочу...

— Хорошо. Давай в шахматы поиграем?

— Давай...

* * *

— Кэйт? — Айрин вопросительно взглянула на подругу, снова неосознанно облизнувшую губы, пытаясь сориентироваться, стоит ли вообще задавать вопрос.

Девушка и сама все еще была немного удивлена тем, что Кэйт решилась на подобное. Но не понять ее взгляд — смесь смущения, вызова и желания, спрашивающий разрешения на то, чтобы взять Вилайди так, как ей хочется, было невозможно.

Бедный котенок, он, должно быть, в шоке от всего случившегося. Но Кэйтиайриона действовала умело, опровергнув ее представления о том, что девушкам, получившим воспитание на Венге, оральные ласки вообще омерзительны. Похоже, подружка успела попрактиковаться на ком-то из своих... И, скорее всего, этим счастливым оказался Шайнэ. Она уже успела заметить, что между этими двумя есть что-то такое интимное, близкое, похожее на тайну. Наверное, это так же заметно и у них с Лейхо. То, что положено знать только им двоим, а остальным приходится с этим секретом лишь мириться...

— Все хорошо, — улыбнулась Кэйт, наконец-то смутившись по-настоящему.

— Веселеньким вышел день рожденья у мужа, — пошутила Айрин. — Я устала... за всех переживать.

— Представь себе, как устала я, — согласно кивнула ей Кэйтиайриона, и они обе невесело рассмеялись.

— Тогда я предлагаю пойти и пораньше лечь спать...

— Только заглянем к нашим мальчикам, как они там? — в голосе девушки звучал вопрос, но ясно было, что она все равно пойдет, даже если весь мир будет против.

— Само собой, — усмехнулась Айрин, кивнув подруге следовать за ней.

* * *

У двери в комнату Эйны, возле которой, как-то незаметно обогнав хозяйку, оказалась первой, Кэйтиайриона вдруг остановилась и обернулась, еле сдерживая смех:

— Как ты считаешь, стоит ли стучать?

— Ты... — Айрин даже слегка растерялась. — Ты что — думаешь, эти два полутрупа сейчас способны???

— Сомневаешься в моем муже? — подколола Кэйт подругу, и та в ответ рассмеялась:

— Нет. Я очень надеюсь на сознательность моего брата и вменяемость Айкейнури... и вообще, ты очень рисковала, дорогая, — теперь уже принялась подшучивать Айрин, — признаться парню в таком состоянии, что он тебе дорог... как только, бедненький, не скончался от счастья.

— Издеваешься? — вспыхнула Кэйт, смутившись.

— Нет, — улыбнувшись, ответила ей подруга. — Я рада, что ты его

простила. Да и сама ты, как я вижу, тоже рада...

* * *

Приняв из рук Вила тело друга, Дэйниш медленно довел Эйри до своей комнаты, куда он, вместе с Нэйклианэ, не так давно сгрузили Айкейнури. Причем Айка они именно сгрузили — парня знобило, как в лихорадке и явно начинался приступ истерики. Он то смеялся, то замыкался в себе, то снова начинал смеяться. Поэтому Нэй остался с ним, но, после того как Дэйн привел Эйна, Рыжик тихо смылся на поиски Шайнэ.

Эйри не смог спрятать глумливую улыбку, когда Айк понял, что им придется лежать на одной кровати.

— В этом доме что, больше комнат нет, тля?!

— А ты рассчитывал, что рядом с тобой будет лежать моя жена, что ли? Прикинь, я за нее! — Эйна просто распирало от щекотливости положения, в котором оказался Айкейнури. Ведь ничто, кроме собственного состояния, не мешало его сейчас поставить на колени и отыметь. И все прекрасно это понимали.

— Надеюсь, у тебя хватит сил контролировать свое либидо, маньяк? — Дэйн был сама серьезность, задавая этот вопрос, — Я бы хотел вернуться и убедиться, что наши женщины в норме. Но я искренне переживаю за это полубесчувственное тело.

— Не переживай, смазка у меня в кармане штанов, и я до них доползу уж как-нибудь... — Эйри собирался развлечь себя от души, а серьезность Дэйна могла все испортить.

Дэйниш задумчиво посмотрел сначала на друга, потом на тело на кровати, которое старательно пыталось приподняться и отползти как можно ближе к стенке, потом снова на друга, понимающе хмыкнул и пошел к выходу.

— Эй!! Дэйн! Ты что, правда оставишь меня с ним наедине? — В голосе парня, уже практически слившегося со стенкой, звучал не то чтобы страх, просто неверие в то, что его вот так сейчас подставят.

— Да. Вы сами уж как-нибудь между собой разберетесь, но, думаю, для его любимой позиции Нижнего ты вполне потянешь. Мордой в подушку и не дергайся, главное.

— Тебе виднее... — выпустил пары злобы Айк.

На что Дэйниш только фыркнул и вышел, хлопнув дверью.

— Слышь, а с чего ты решил, что мне просто вот так сильно присрало трахнуть тебя? Просто сплю и вижу, как загоняю в твоё бесчувственное тело свой, слегка сплюснутый в процессе воспитания член. У тебя мания величия, Айки.

— Тля! У меня мания того, что ты маньяк неумный!

— Выдохни. Мы же договорились с тобой, вроде? Мозг ты мне не трогал, так что можешь снять три десятка чугунных сковородок со своей задницы и отползти от стенки, а то ты с ней сливаешься — цвет лица такой же бледно-серый. Тля! Ебать и плакать... А я с тобой поболтать просто хочу.

— О чем? — Айк опасливо сделал несколько движений в обратную от стенки сторону.

— О делах твоих скорбных, сын мой, — заржал Эйн, потом согнулся от боли, выдохнул и уже серьезней добавил, — Что у вас там было всю неделю? Между тобой и твоей госпожой?

— А ничего не было... Тля!!! Совсем ничего не было! Понимаешь? Она вела себя так, как будто я — пустое место. Даже Рыжика попользовала... — парень на эмоциях сильно повысил голос, но, повинаясь жесту собеседника, чуть сбавил громкость. — А теперь... Она, правда говорила все то, что мне слышалось? — Айк сам перешел почти на шепот, и замер, напряженно заглядывая в глаза бывшему сопернику. Тот сначала хотел поглумиться и поуточнить, а что именно слышалось и точно ли он уверен... Но увидев взгляд младшего, очередной раз вспомнил себя год назад... Как давно это было, тля! Как будто целая вечность прошла...

— Да, она только в любви тебе не призналась, парень. Но, думаю, это из-за толпы зрителей, — и, усмехнувшись, подмигнул, потом оседлал таки Айкейнури, зажал его ноги между своими, всем телом нависнув над ним, на вытянутых руках, заглянул тому в глаза и четко, по одному слову, сказал:

— Если. Ты. Сука. Еще. Раз. Расстроишь. Мою. Жену. Я. Тебя. Выебу. По самые-самые гланды. Понял?!

— Да, — Айк тоже был абсолютно серьезен, потому что понимал — это именно предупреждение-угроза, а не заигрывание. И был абсолютно согласен с нависающим над ним парнем. Тля! Он сам бы себя выебал, если бы мог.

— Скажи так, чтобы я...

— Да, тля! Верхний, я тебя понял! Я сам к тебе приду и наденусь, на твой член, если еще хоть раз расстрою свою госпожу! Я ее люблю, тля!!!

Эйнри умиротворенно упал рядом, на живот. Айк тоже рискнул перевернуться.

— Тебя парни хоть смазали? — Эйн сам тут же понял, как двусмысленно прозвучал его вопрос и первым начал смеяться. Оторжавшись вволю, смазали друг другу спину маслом, запасы которого регулярно обновлялись во всех тумбочках в комнатах большого и малого гарема. Причем, если старший просто заботливо и нежно смазал младшего, то тот не смог удержаться, и провел пальцем в масле между ягодич лежащего под ним парня, запустив к нему внутрь сразу два пальца.

— Суууука, тля! Спину мажь... — шевелится и убивать не хотелось абсолютно, усталость подкатывала волнами и накрывала.

В это время в коридоре раздались женские голоса и дверь широко распахнулась.

Вошедшие девушки замерли от представившейся им картины.

Айкейнури, с виноватым выражением лица, сидел сверху на лежащем лицом в подушки Эйнри, и оба указательных пальца его рук были в чужой заднице. Проследил за изумленными взглядами двух женщин, заметил, что в одной паре глаз начал разгораться гнев, и, увидев это, Айк испуганно убрал руки за спину. Преданно уставившись на свою госпожу он тихо пролепетал:

— А... А мы тут... А я его маслом смазывал!

— Дэйн этого не видит... — тихо прошептала, почти с восторгом, Айрин.

Эйн все это время тихо стонал от смеха, но после этой фразы совсем зарылся в подушку, отхихикался, потом приподнял голову:

— Привет, девочки, а вас стучаться не учили? Мало ли чем мы тут занимаемся? — и снова аж всхлипнул от смеха...

— Эйнри!

— Да, госпожа? — В голосе только преданность и покорность, как будто предыдущая фраза всем послышалась.

— Ты неисправим, братишка! — Айрин решила, что после случая с Вилом, Кэйтириона сумеет пережить несколько вольное поведение своего мужа. Тем более ей сейчас явно не до него.

— Айк, как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, госпожа, уже лучше.

И у обоих такие мечтательно — влюбленные лица, просто прелесть какая-то! Сестра с братом переглянулись и Эйн, кряхтя, сполз с кровати. Наклонится и поднять с пола штаны было уже несколько выше его сил, но Айрин догадалась захватить его одежду, а в коридоре даже подлезла под руку, чтобы Эйнри смог на нее опереться. Вместо того, чтобы отвести брата в его с Вилом комнату, девушка затащила его к себе. Уложила на край мега-

кровати, сама присела рядом и почти час просто ласково гладила любимого по волосам, видимой половине лица, рукам... А парень жмурился от удовольствия и только не фырчал, как кот. А потом окончательно разомлел и уснул.

И только тогда Айрин пошла искать мужа. Не найдя его у Вила, очень удивилась. В комнате Лейхио и Сайни его тоже не оказалось, и в гаремном зале его не было.

В задумчивости девушка застыла перед комнатой Юйлайнэ. Постучать или просто тихо заглянуть? Но тут она услышала до боли знакомые... Три глубоких вдоха подряд, стон, глубокий выдох... Да, ее муж был там. Ну что ж, пусть и он кого-нибудь сегодня празднично трахнет, а не только его.

И успокоенная тем, что Дэйн нашелся и у него явно все было хорошо, Айрин вернулась в свою комнату.

* * *

Сыграв несколько партий Вил сказал, что уже вполне может побыть один. Дэйн дошел до гостиной и никого там не нашел, зато из его комнаты доносился смех Эйри. Решив, что девушки пошли успокаивать жертв сегодняшней экзекуции, отправился погулять по дому. К детям идти не хотелось, а хотелось странного. Ласковый котенок Вил вывернул всю душу наизнанку, поэтому парень даже не удивился, когда понял, что ноги принесли его к знакомой двери. За которой, скорее всего уже спал другой ласковый котенок. С красивым именем Юйлайнэ.

Тикусьо! Он ведь так и обходил парнишку стороной, с того вечера. Может тот уже нашел себе другого, по сговорчивее. Дэйн несколько раз подносил руку к двери, но постучать так и не решился. Уже даже развернулся, на каблуках, в обратную сторону... Но потом, все же, снова резко обернулся и вошел, без стука. И тут же наткнулся на стоявшего почти у дверей мальчишку, испуганно замершего, с широко распахнутыми глазами.

Увидев, что это его черноволосая мечта, а никто-то другой, Юйлай облегченно выдохнул.

В его, буквально почти вчерашнем прошлом, шуршание и звуки под дверью не означали ничего хорошего. Поэтому он и стоял в боевой готовности, напротив двери в ванную, чтобы если что — закрыться там. Хотя он здесь уже больше недели, а на него так никто и не покусился. Но, пока у тебя нет своего Верхнего, прикрывающего твою задницу на время

сна, расслабляться нельзя ни на минуту.

Это основной гаремный закон мальков и парней лет так до двадцати. Найти надежного Верхнего. Пусть у него будет таких как ты — трое или даже четверо. Главное, он должен быть жадным и сильным. И тогда ты защищен от притязаний остальных, а если тебя все же отобьют и перетащат в другую кровать, значит твой новый Верхний еще более сильный и тебе офигенски повезло.

Правда, это синеглазое видение Юй выбрал скорее вопреки всем правилам. Вот если бы он лег под Лейхию, или даже под того парня, который так жадно на него посматривает все время — один из любимчиков Хозяйки Сабины, Эйтэйрэ, это было бы более правильно. Эйтэйрэ — вообще идеальный выбор, у него никого нет, и круче него в гареме тоже никого нет. Маленький гаремный филиал Старшей госпожи не в счет. Да и, на самом деле, что-то не Эйри, ни тот-же Дэйниш к нему не пристают, а Лейхию вообще с ним дружит, как с равным. Так почему же он до сих пор не лег под него, предпочитая чутко спать и просыпаться от каждого шороха? Почему он все эти дни следит за мельканием по гарему высоченного черноволосого красавца, который даже ни разу не посмотрел в его сторону? Вернее пару раз, все же, пролетая мимо, уточнил как Юй себя чувствует... И все. Как будто того вечера просто не было. И почему сегодня, узнав что завтра за ним приедет его будущая госпожа, он был в ванной раненым зверьком, вместо того чтобы прыгать от радости? Айсоэль... Красавица, чьи пальцы такие нежные, а ногти такие острые, готова назвать его своим мужем, Первым. Он будет Первым мужем Старшей госпожи Четвертого Дома. Любимым. И госпожа Айсоэль ему нравится... Очень. Ему никогда раньше так не нравилась ни одна женщина. Так почему же вместо благодарности, он испытывает жуткое желание упасть госпоже Айрин в ноги и умолять ее оставить у себя в гареме? Нет, не в ее личном гареме, а именно вот в этой комнате, где он будет лежать и прислушиваться к шороху в коридоре, вместо того, чтобы нормально спать.

И вот под его дверью оказался не кто-то, а именно Дэйниш. От счастья у Юйлайнэ перехватило дыхание. Выдохнуть то он выдохнул, а вот вдохнуть смог не сразу. Так и стоял, замерев, не веря своим глазам.

А его Верхний-мечта подошел к нему вплотную, приподнял голову за подбородок, долго пристально смотрел в глаза и потом... Поцеловал. Матерь Всего Сущего! Его снова поцеловали! Юй аж взвизнул от восторга и повис на шее Дэйна, жадно отвечая на поцелуи и награждая своими в ответ. Правда, из последних сил, стараясь вести себя не слишком развратно-навязчиво, чтобы о нем плохо не подумали.

Дэйниш, приподняв парнишку на руки, донес до кровати, положил на спину и продолжил целовать стройное, желанное тело, благодарно реагирующее на каждое прикосновение его губ, рук, и даже дыхания.

Почему он так долго сдерживал себя? Почему и сейчас, где-то на краю подсознания стучит мысль, что все происходящее неправильно. Парнишку завтра отдадут в мужья в другой Дом, и несбыточная мечта гораздо быстрее вылетела бы из его головушки, чем вот то, что сейчас происходит между ними. А им еще придется часто встречаться... Легко ли им будет? Тикусйо! Да зарастить все... И Дэйн позволил себе полностью расслабиться. Зарыться лицом в кудрявые, нежные как шелк, волосы, вдохнуть сладкий запах корицы с ванилью — интересно это сам парнишка так аппетитно пахнет или его гель для душа? Прикоснуться губами к его маленьким розовым, воинственно стоявшим соскам и понять, что применять стандартные ласки на грани между болью и наслаждением абсолютно не хочется. Хочется дразнить их языком, нежно покусывать губами, прямо как будто... Юйлайнэ, до этого просто тихо постанывающий — за него говорило выгибающееся и извивающееся тело, не выдержал и застонал в голос. От этого громкого признания удовольствия, Дэйниш почувствовал внутри открытие второго дыхания, и, опустился ниже, найдя себе новый объект для игр. Правда, для этого пришлось положить обе руки парнишки на ноги, иначе он безбожно вырывался. Юй стонал, метался по кровати, его руки уже давно запутались в покрывале, а подлый Верхний, вместо того чтобы освободить, зафиксировал их еще плотнее.

Когда руки Дэйна еще шире развели его ноги, раскрыли ягодицы и, вместо пальцев или члена, он почувствовал влажное нежное движение языка Верхнего...Юй еле удержался, чтобы не кончить. Но он был на такой грани, что еще только дыхание, касание перышка и его разорвет на миллионы маленьких Юйчиков.

И только тогда ему дали передохнуть, пока Верхний матерясь шепотом искал смазку у него в тумбочке. Юйлай ее всю перетаскал в ванную, потому что привык использовать сразу после душа, на всякий случай. Поэтому дернулся за ней с кровати, был пойман, и, пока несли обратно, смог тихо пролепетать, куда и зачем шел.

Потом пальцы Верхнего нежно-нежно растянули его и... Юй весь зажмурился от удовольствия, этот момент слияния в единое целое, когда все происходило с согласия его самого, был самым блаженным... Иногда даже более приятным, чем оргазм. Ощущение обладания, чувство внутри себя частички чужого тела, желанного чужого тела. Когда сердце на секунду замирает, а ты тихо привыкаешь к этой наполненности, а потом в

тебе начинают двигаться и ощущения меняются, постоянно меняются.

Юйлайнэ очень хотел кончить позже Верхнего, но как не старался, его все же разорвало на тысячи, миллиарды тысяч, миллиарды миллиардов маленьких Юйчиков. И только потом он открыл глаза и любовался, как кончает на нем и в него его черноволосая мечта.

* * *

Сладко потянувшись, Юй перевернулся на живот и улегся так, чтобы видеть лицо своего Верхнего.

— Меня теперь не продадут, да? — в его голосе звучала радостная убежденность, что сказка только началась и впереди у них счастливое будущее.

Но, увидев виноватое лицо Дэйна, закусил губу от отчаяния, и просто физически ощутил как его накрывает черной волной депрессии. Соскочив с кровати рванул в ванную, закрылся, включил воду в душе, во всех кранах, забился в угол под полки и заскулил. Закусывая зубами руку, чтобы было как можно тише.

В дверь сначала стучали, потом сильно стучали... И наконец она слетела с петель, и в ванную влетел Дэйниш. Юйлайнэ тихо сжался в своем уголке, расстроенный и растерянный.

— Почему?! Почему?!?! Только не говори мне про правильность, очень прошу!

Дэйниш, открывший было рот, чтобы сказать именно это, задумался.

— Юй, тебя хотят взять мужем в хороший Дом, Первым мужем. У меня всегда на первом месте будет госпожа, потом есть еще Эйн..

— Мне все равно!

— Мне не все равно, кудряшка! Я не могу так с тобой поступить, понимаешь? Прости, что пришел сегодня...

— Ты жалеешь?! Ты!!!! Жалеешь?!?!

— Нет, Юй, нет! Я жалею что...

Дэйн сел рядом с парнишкой, спиной к стене, откинул голову назад и закрыл глаза...

Он жалел только об одном, что не приходил раньше. И теперь, главное, хотя бы не поругаться, на последок.

Не надо было приходить... Паренька берут мужем в хороший Дом, и ему сейчас надо о будущей госпоже думать, а он взял и...

— Ты жалеешь... — раздался рядом грустный голос.

— Юй... — как он устал быть правильным, тля!

Дэйниш схватил маленького заплаканного парнишку, отнес обратно на кровать, накрыл своим телом, прижал к себе крепко-крепко, как будто отнимут его вот прямо сейчас, а не завтра. Как только тот прорывался что-то сказать или спросить — целовал, и потом снова прижимал к себе. Так они и лежали, вместе, пока Юйлай не уснул, продолжая горестно всхлипывать даже во сне.

И только тогда оделся и пошел в комнату к госпоже. Хорошо, сначала решил заглянуть в гостиную — она сидела там, на диване, с книжкой.

Виновато улыбнувшись опустился рядом, на колени, прикрыв книжку взглянул на обложку, поднял глаза, на госпожу пытаюсь скрыть усмешку. Очередной местный любовный роман.

— Госпожа, я запутался...

Айрин отложила книжку в сторону и внимательно посмотрела на мужа:

— Оставить Юйлайнэ тебе?

— Нет... Да... Не знаю. Правильнее же его отдать?!

— Дэйн, скажи, в отношениях Эйри и Кэйтирионы много правильного? Вернее не так, правильнее было бы отдать Эйну ей?

— Нет, конечно! Он любит вас, а не ее... И...

— Кого любит Юйлай?

— Не знаю...

— Ну ты задай ему этот вопрос, и пусть он с ним едет к госпоже Айсоэль в гости, на неделю. Через неделю я лично хочу услышать от него ответ. Так будет правильно?

Дэйниш восхищенно застыл, потом энергично закивал. Не сразу продавать, а отпустить на неделю в гости? Да, так будет более чем правильно. Тут же внутри стало легко, как будто скинул с души или с совести тяжелый камень. Не ему придется принимать это сложное решение, между правильностью и желанием.

— Единственное, о чем бы я хотела тебя попросить... Не говори ему, что он едет только в гости, хорошо? Иначе он не будет даже пытаться настроится, а отбудет срок и вернется к нам.

Дэйн согласно кивнул, и получил ласковое поглаживание по щеке.

— Сегодня очень богатый на события день рождения у тебя получился, да, волчонок мой?

Потеревшись щекой об руку любимой, покрыл поцелуями от запястья, потом перешел на плечи, шею...

- Ты еще пахнешь сексом, золотко! Неужели в тебе есть еще силы...
- Для вас? Всегда, моя госпожа... Только под душ схожу...

* * *

На следующий день Юйлайнэ был бледен, обреченно понур и всем своим видом выражал несогласие с ожидающей его участью. Чем очень сильно изумил приехавшую за ним Айсоэль.

Поведение раба, которого забирают, чтобы сделать Первым мужем, причем госпожи, которая ему явно нравится, должно было быть немного иным. А тут просто как на Церемонию Прощания собрался, ни больше, ни меньше.

Юй, последний раз обернувшись, встретился взглядом с Дэйнишем и залез в аэрошку. Любит или не любит? Станный вопрос задал ему его Верхний... Бывший Верхний. Было бы с чем сравнивать... Хочет быть рядом? — Да. Готов делить его с еще толпой народа? — Да. Сердце замирает, когда он рядом? — Да. Любовь ли это?!

Госпожа Айсоэль вызывает в нем схожие чувства. Юйлай поднял глаза на свою будущую жену. Та очень неодобрительно сверлила его взглядом, и парнишке сразу стало стыдно. Покраснев, он отвел глаза в сторону и тихо прошептал:

— Простите меня, госпожа, что не высказал достаточной радости от чести, оказанной мне. Я исправлюсь, госпожа, простите! — Юй преданно заглянул в глаза девушки, убедился, что находится на правильном пути и попытался изобразить эту радость. Его старания были вознаграждены — рука госпожи погрузилась в его кудри и чуть оттянула голову назад, вызывая легкую боль. Юйлай все время обучения в Джордане огребал наказаний, раз в неделю точно. Именно за неумение во время изобразить нужную эмоцию. Вот и сейчас не смог идеально изобразить счастье от внимания госпожи. Хотя очень старался... По его щеке со всего размаху ударила маленькая женская ладошка.

— Я не понимаю, почему ты так себя ведешь, раб! И я уже не уверена, что хочу тебя в мужья! — голос девушки звенел от гнева и обиды. Ей очень нравился этот симпатичный звереныш, и нравилась его реакция на ее ласку. Почему же сейчас он ведет себя так непонятно?!

Юй тихо сжался, уткнувшись лицом в колени, и даже не замечая, что плачет... Почему он такой непутевый уродился?! Нет чтобы радоваться и петь от счастья, ему хочется выть с тоски, потому что с каждой минутой его

увозили все дальше и дальше от любимого... Да, тля!!! он определился! От любимого парня! Увозили из дома, где его никто не бил, только баловали... Даже женщины только трепали его за кудряшки и дразнили младшим братом Лейхио. После Джордана и, особенно, после того кошмара, что он пережил у Ийссайхайртов, его только начало отпускать. Сон по ночам стал менее чутким, и вздрагивать перестал от каждого заинтересованного взгляда. И вот снова... Нет, конечно госпожа Айсоэль права в своем гневе...

Юй поднял взгляд от пола и виновато прошептал:

— Простите меня, пожалуйста! Я очень стараюсь... Я буду еще сильнее стараться, госпожа! Простите меня!

Айсоэль зыркнула на расстроившего ее зверенка и уставилась в окно, обиженно надув губки. Он был такой забавный, пока она играла с ним у Айрин. Замирал, дышал возбужденно, смотрел исподлобья почти влюбленным взглядом. А теперь с ним уже не так весело.

Завтра же верну, — решила девушка, — сегодня поиграю как следует, а завтра верну.

* * *

Сначала Юйлайнэ отправили на мужскую половину дома.

— Приведи себя в порядок, и жди, после обеда я пришлю за тобой, — объявила ему Айсоэль и удалилась, стуча каблучками.

А Юй побрел искать мужскую половину и, главное, место где он там сможет привести себя в порядок.

* * *

— Парни, глядите, какая кудряшка у нас тут появилась. Интересненько, это и есть будущий супруг нашей госпожи? Какая прелестная прелесть! — на него в упор смотрел нахальный светловолосый парень, с широкими плечами, бугристыми мышцами на руках и груди... И взгляд этот не обещал Юйлайю ничего хорошего. Абсолютно ничего.

Попытался задом нырнуть обратно в дверь, но его кто-то схватил за плечи, кто-то очень сильный. Дернувшись пару раз, понял, что сопротивляться бесполезно и его сейчас или изобьют, или изнасилуют.

Злобно, со всей силы пнули пендалем и толчком между лопаток, еле

успел спружинить руками, чтобы не войти лбом или подбородком в пол. Тут же стянули штаны и распяли ноги, согнув их в коленях и растянув так, что казалось сейчас задницу разорвет на пополам.

— Не надо, пожалуйста... Не надо... За что?!!

— А просто так, парень, чтобы заранее знал свое место и не дергался!

Дэйн... Ласковый, нежный, со своей дурацкой правильностью... Сука! Ведь если бы он попросил госпожу, та бы ему не отказала! И оставила своему мужу его игрушкой, любовником, забавой на раз в неделю... Оставила бы его в Доме Вайнгойртов. Конечно, оставила бы, если бы этот правильный гад попросил! Но он вбил в свою красивую голову, что так будет правильнее... Видел бы он его сейчас...

— Не надо, пожалуйста... Не надо!

Вместе с целым тюбиком смазки, без всякой подготовки в него засадили что-то большое, огромное, разрывающее внутренности...

Закусив руку зубами, чтобы не заорать от боли, Юй только тихо всхлипывал и, закрыв глаза, старался отключиться... Между ног полилась чужая сперма, и тут же в него вошел новый член... И потом еще один... Сколько же вас?! Все? Трое..

— Вставай, душ в углу.

Юйлайнэ встал, ноги свести вместе сразу не удалось. Зато глаза широко распахнулись, когда он увидел стоявшую в углу душевую кабину, с абсолютно прозрачными стенками. Шоу за стеклом?! Но вариантов то у него нет... Его отправили привести себя в порядок и ждать вызова, и разве тут кому-то будет интересно, что он слегка задержался не по своей воле, а потому что его изнасиловали трое парней?

* * *

Только успел принять душ, как влетел малек и объявил, что госпожа желает развлечься со своим новым рабом.

Юй, еще мокрый, влез в штаны и поплелся за пацаненком.

В комнате Айсоэль все было в зелено-желтой гамме, кровать, шкаф, кресла, огромные зеркала везде и всюду, даже на потолке.

Увидев выражение лица Юйлайнэ, девушка почувствовала новый прилив злости и обиды. Да ее мальчики на коленях от двери ползут к ней, в восторге, что ее выбор сегодня пал на одного из них. А этот смазливый наглец опять вошел со страдающим выражением лица жертвы! Иех, жаль нельзя украсить его спину плеткой — Айрин не поймет, обидится.

Пришлось взять в руки флоггер и от души разогреть неблагодарного зверька. А потом засадить ему в задницу самый толстый из ее анфаллосов. И любоваться, как тот стоит, терпя возбуждение и боль и по его лицу тихо стекают слезинки. За каждую пойманную пальцем слезинку Айсоэль залепляла парню пощечину.

Наконец парнишку выгнуло, в глазах появилась мука, губы чуть приоткрылись... Выключила вибру. Дала пять минут передохнуть и включила по новой. На этот раз слез было меньше. В глазах начало мелькать отсутствующее выражение... Отключила вибру. Дала передохнуть. Сняла контролер.

— Опускай стояк, кончить не заслужил.

Обернулась, досчитав медленно до пятидесяти. Надо же, опустил! Может все-таки оставить? Смазливый, обученный...? Надрессировать как следует придется, так это даже интересно...

* * *

Обратно на мужскую половину Юй плелся с ощущением, что все хорошее в его жизни было вчера... Вот оно вчера было и ушло. Все. И больше никогда уже не вернется. Это был только сон. Потому что вернулось обратно все остальное. Его снова будут брать силой, пока он не найдет себе покровителя, госпожа будет всячески издеваться над его телом и требовать, чтобы у него на лице сияла счастливая улыбка наслаждения происходящим. Матерь Всего Сущего, может кинуться сейчас головой вниз? Третий этаж... На смерть не убьется, но покалечится изрядно и тогда его усыпят. Правда сначала будет больно, очень больно!

Глава 31

Вечером, после отъезда Юйланэ и госпожи Кэйтиайрионы со свитой, Вил, захлебываясь эмоциями и запинаясь от смущения, рассказал, какие чудеса с ним творились, пока его Верхний приходил в себя после экзекуции. Сказать, что Эйн был в шоке после такого признания, значит не сказать ничего.

— Моя жена?! Моя жена — тебе?! Моя жена делала тебе..?! Охренеть, тля!

После этого Эйри затих, полностью олицетворяя обещанное состояние охренения. Потом, чмокнув Вила в макушку, ушел искать Дэйниша.

— Ты вчера отвалил из комнаты, чтобы проверить, как там наши жены, так?

— Ну да.. — Дэйн сразу понял, к чему эти вопросы, и похоже, заподозрил, что сейчас его и назначат крайним за случившееся.

— И...?

— Что «и»?

— Не прикидывайся, тебе это не идет, тля! Что они делали?!

— Они совместно играли в твоего котенка...

— И..? Как они в него играли?! Не тяни кота за яйца, Дэйн! Давай, рассказывай, тля!!!

— Твоя жена отсосала ему...

— При тебе и госпоже?!

— Ну да...

— Тля-аяя...

— Слушай, чего ты бесишься? Ревнуешь? Вила к госпоже Кэйтиайрионе или наоборот? Или двоих сразу?! Что такого криминального произошло, что у тебя пар из ушей идет? — Дэйн сам чуть тогда глаза не протер, когда увидел, но теперь то можно и повыделываться.

— Я, тля! как кретин порядочный, трахал ее только с жимом от груди, как... Как учили, тля!!!! А она... Моему парню... Тля!!!!

Попытавшись пропустить через себя переживания друга, чтобы точнее понять его претензии, заодно, вспомнил, как все тогда происходило...

— А знаешь, госпожа... Наша госпожа... Она ведь не была удивлена. Вот что странно. Как будто знала... Эйн!? А помнишь, мы фильм смотрели, и твоя жена как раз приехала... Ну в прошлом году еще, помнишь?

Эйнри уставился на него восхищенно-понимающе.

— Дэйн, ты гений! Думаешь она после этого фильма...? Тля-ая! Я тогда вел себя как голодный весенний кролик, и она могла... Точно! Интересно, на ком она тренировалась? Вил под впечатлением, явно работа мастера, тля-а!

— Тикусйо! Ты бы видел лицо своего котенка, когда они его с двух сторон зажали и давай развлекаться... Я аж чуть спасать не кинулся.

— Ты бы спас, точно! — Эйн облегченно рассмеялся. Его жена не издевалась над ним все то время, что спала с ним. Просто она очень быстро научилась одному полезному навыку, который применила сначала ни на нем, и уж точно не на Айке... Хотя... Иех, поздно узнал!

— Слушай, как ты думаешь, она не на Айкейнури тренировалась?

— Нет, твоя жена — очень умная женщина. И очень хорошо разбирается в людях, не считая тебя, — Дэйниш отпрыгнул в сторону, — козла с вечным недоебитом...

Но прыжок ему не помог, и, меньше чем через минуту, Дэйн лежал с заломанной за спину рукой, лицом в пол, а сверху сидел довольный Эйнри.

— Значит козел с недоебитом, да? — хмыкнул тот, стягивая штаны с друга, и, потом, своей рубашкой, связывая ему руки.

— Тикусйо!!!

— Давно не трахался? Соскучился? — тихо прошептал, вылизывая языком ухо покорно лежавшего под ним парня.

— Ага, целых два дня прошли зря... — хмыкнул, выгибаясь при этом всем телом, Дэйн.

— Сейчас наверстаем упущенное... — злорадно пообещал Эйн и тут же начал выполнять обещанное.

* * *

А Юйлайнэ, как это не удивительно, трахать вечером по новой парни не стали, поэтому он упал в углу на ковер и почти тут же уснул, проснувшись утром от пинка огромного ботинка.

— Вставай, оболтус! Тебя велено вернуть обратно домой, не ко двору ты пришелся.

Бугай даже не понял, почему парнишка, которого отправляют с позором обратно, взвизгнув от счастья даже чмокнул его в щеку и быстро приняв душ и впрыгнув в штаны, сияющий, как гирлянды на первоснейжэвом дереве, нетерпеливо канючит:

— Я уже готов! Поехали скорее?!?! Ну скорее же!

* * *

Чуть ранее Айсоэль созвонилась с Айрин и рассказала, что Юйлайнэ перестал ее забавлять. И она абсолютно не понимает его поведение, а непонятные зверьки ей неинтересны — у нее полный гарем понятных и визжащих от восторга, если госпожа изволит уделить им свое высочайшее внимание. На что Айрин лишь понимающе улыбнулась, сказав что подозревала нечто подобное — парнишка еще будучи выпускником вел себя слишком вызывающе, ведь она и познакомилась с ним во время наказания. Девушки обменялись еще несколькими вежливыми фразами, договорились встретится 28-го, на очередной еженедельной вечеринке, чтобы начать готовить программу для развлечений членов Совета, ну и просто посидеть-поболтать, потанцевать... Потом попрощались, довольные друг другом.

А через полчаса во двор влетела аэрошка, в которой сидел довольный и сияющий Юйлай.

— Ты очень оригинальный парень, кудряшка! — улыбнулся ему Дэйниш, — Вчера уезжал грустный, как будто на Церемонию Прощания, а не Первым мужем к хорошей госпоже. А сегодня возвращаешься сияющий, как сверхновая, как будто тебя не вернули с позором, после первого использования.

Юй попробовал изобразить соответствующее случаю душевное переживание, понял, что фигня редкая получается, и снова засиял.

Эйн, пнув Дэйна в бок, объявил, что норма по наличию котят в доме с честью выполнена. А на гневный взгляд друга заржал: «Я жертва воспитательного процесса, меня обижать нельзя!». Но, на всякий случай, спрятался за Вилайди.

Взгляд Юйлайнэ, сначала настолько сияющий от счастья, что, казалось, его можно использовать как освещение в темноте, потихоньку терял яркость. Парнишка никак не мог понять, рад ли Дэйн его возвращению или нет.

И только когда губы у Юйя начали тихо подрагивать, а в глазах заблестели слезинки, Дэйниш подошел, приподнял голову паренька за подбородок и поцеловал.

По-прежнему стоявший за Вилом Эйнри, подняв обе руки вверх, потом резко согнул их, локтями вниз, с довольным криком: «Даааааа!».

Дэйн обернулся, прикидывая расстояние и смысл связываться, но, решив, что друг неисправим, предпочел не обращать на него внимания.

Обнял своего личного котенка за плечи, покрепче прижал и повел к себе в комнату. А Юй потихонечку начинал снова увеличивать сияние, и, когда они прошли по коридору мимо всей мужской половины дома на личную территорию госпожи Айрин, паренек уже снова мог работать небольшим осветительным приборчиком.

— Дээйн? Я буду жить с тобой или ты просто...?

— Ты будешь жить со мной, кудряшка. Если, конечно, ты этого хочешь.

— Дэээй... Дэйн, я... Я этого очень хочу!

Комната Дэйниша, хотя сам он и спал в ней достаточно редко, все же уже носила в творческом порядке — беспорядке отпечаток индивидуальности хозяина. Недочитанная книжка — старинная континентальная, с золотым тиснением на обложке «мир приключений и фантастики», ящик со старинными деревянными фигурками-шахматами — подарок матери на окончание Джордана, на двери — плакат с лошадью и спрятавшимся у нее между ушей котенком, а у большого, от пола до потолка, зеркала — столик, на котором валялись маленький несессер, расчески, сундучок с цепочками, кольцами, браслетами, зажимами и заколками для волос, привезенный госпожой Клаусийлией из его старого дома. На тумбочке у кровати — планшет, работающий фоторамкой, со сменяющимися друг друга фотографиями отца и матери. В шкафу уже тоже висели не обноски от Сайни, а коллекции обуви могла позавидовать даже Старшая госпожа далеко не самого бедного Дома. Стены были покрашены в нежно-сиреневый с фиолетовыми рваными линиями то поперек, то наискосок, покрывала на кровати и на кресле были фиолетовыми, как и плафоны торшера и люстры. На кровати валялась плюшевая игрушка кого-то из детей, мигрирующих по всей личной территории мамочки-тетушки.

На двери в ванную висел плакат с вынырнувшей по пояс обнаженной русалкой, напечатанный явно не на Венге, в голубо-зелено-фиолетовой гамме. Только гнедая лошадь с рыжим котенком в гриве, выделялась, резким контрастом. Даже шторы на окнах, и те были сиренево-фиолетовыми!

Юйлай аж даже присвистнул на все это фиолетовое безобразие, но промолчал, потом взвизгнул и запрыгнул с ногами на кровать. Ну не получалось у него еще пока быть долго серьезным, как бы он не старался.

Дэйниш с улыбкой понаблюдал за прыгающим на кровати счастливым ребенком, а потом с плотоядной улыбкой и пристальным взглядом

хищника, следящего за добычей, мягкой грациозной походкой подкрался к замершему, и с восторгом в глазах следящего за ним Юйлаю, напрыгнул и подмял радостно завизжавшего парнишку под себя. Потом долго целовал, вертя мальчишку то на спину, то на живот, то снова на спину... А Юй извивался, хихикал, выгибался от возбуждения и смеялся от счастья. Наконец Дэйн стащил с парнишки одежду, и занялся более серьезной подготовкой. А Юй, дико возбужденный, полный желания, все же слегка нервничал — после вчерашних развлечений лучше было бы воздержаться от секса дня два точно. Но вариантов, как бы сказать об этом Дэйнишу, в голову не приходило. Но тот все понял сам, как только увидел...

— Юйлай?! Кто с тобой так?! — в голосе его Верхнего было столько гнева, что им можно было бы, наверное, убивать на расстояние.

Мальчишка быстро перевернулся, попытался схватить штаны, был пойман за руку и снова распят на кровати, уже лицом к лицу с Дэйном. Испуганно сглотив, попытался придумать какую-нибудь версию поспокойнее...

Иду я это по лесу, грибы собираю... А тут, раз, и серые волки... Мда...

— Кто?! Айсоэль?!!!

— Нет... Не только... То есть... Ну... Дэйн, я же мелкий и чужак, поэтому меня и... Так же принято, ты же знаешь...

Дэйн сел на кровати и почувствовал, что надо срочно что-то сделать, пока тараканы раскладывают по лавке его мозг, чтобы трахнуть в особо извращенной форме. Он, кретин, совершенно не подумал, со своей идиотской жадой пристроить Юйлайнэ мужем в Дом к хорошей госпоже, что основную часть времени ему придется проводить среди мужчин, в гареме. А ведь даже его, когда он впервые сюда попал, поимели двое, а могли бы и четверо. И это при том, что он уже был далеко не мальчик-стройняшка, а вполне себе прокачанный парень, и Лейхио точно бы смог завалить, наверное. Хотя били бы его не по одному, а скопом. А против Сайни и Эйна вместе он бы точно не устоял. Тля!

— Юй... Прости меня, идиота, пожалуйста...

— Дээээй? Ты то тут причем? — Юйлайнэ, весь вчерашний день призывающий на голову своего Верхнего все неприятности вселенной, сейчас, услышав извинения, застыл в шоке. Потом сел на колени, на кровати, за спиной Дэйна, обнял того за плечи, уткнулся ему в спину, и жарко зашептал:

— Если бы не воспоминания о нашей с тобой ночи и не надежда увидеть тебя снова... Дэй, ты не виноват в том, что...

— Я виноват в том, что защищая тебя здесь, не подумал о том, кто

будет защищать тебя там. И глядя как Айсоэль тискает тебя по углам, забыл, как принято среди госпожей развлекаться с рабами, когда никто не мешает. Я виноват, Юй, что показав тебе рай, дал выкинуть обратно в ад.

Дэйниш попробовал встать с кровати, но Юйлай схватил его за плечи и повис, всем своим телом. Конечно он был слабее и Верхний мог скинуть его одним движением, но парнишка верил что с ним так не поступят. А еще он понимал, что если сейчас позволит Дэйну встать, тот уйдет страдать куда-нибудь в гордом одиночестве, а ему придется сидеть в этой комнате одному и...

— Не смей уходить! Не смей оставлять меня снова одного наедине со всем этим!! Быстро ложись рядом, обними меня и рассказывай, какой я хороший, замечательный и как ты меня любишь!!! И тогда я тебя прощу, понятно?! — Юй сам был удивлен этим всплеском наглости, но интуиция у парнишки была отменная.

Дэйниш, уже начавший сеанс мозготраха и только искавший место поуютнее и поинтимнее, где можно было бы с наслаждением погрузиться в этот процесс, прервался и выполнил все то, что ему было сказано его разгневанным личным котенком. И вдыхая-шепча на ухо мальчишке какой тот славный, замечательный, исключительный, красивый и неповторимый, парень почувствовал, что тараканы тихо разбредаются по своим углам, чтобы погрузиться в рисование и музицирование, а его мозг, с наслаждением потянувшись, сползает с лавки...

Тут в дверь постучали и почти сразу же ввалился Эйри:

— Извини, я не то чтобы третьим напрашиваюсь, но раз у вас незаперто... Пошли обедать? Все уже собрались в гостиной, даже Сайни приперся и притащил какие-то парниковые овощи... Лейхио уже упарился глумится, пойдем, поможешь? — при этом парень быстрым взглядом изучал обстановку, у него даже крылья носа раздувались, так тщательно он нюхал воздух на предмет наличия или отсутствия запаха секса.

Дэйниша эта, тщательно скрываемая ревность, так развеселила, что последние незанятые делом тараканы скрылись, испуганно схватив вышивание.

— Пошли, Юйлик, питаться. Видишь, дядюшка Эйн специально за нами лично пришел, — старательно пряча ехидную ухмылку, Дэйи подождал, пока Юйлай сползет с кровати, обнял его и повел в гостиную. Проходя мимо стоявшего в дверях Эйри, не удержался, и чуть толкнул того в живот, сразу напрягшийся всеми кубиками пресса.

Проводив друга взглядом, Эйн еще раз внимательно изучил комнату,

прикрыл дверь, и, с разворота, засадил кулаком в стену. Потом прижался к ровной теплой деревянной поверхности лбом, постоял так почти минуту, еще раз шарнул кулаком, и, убрав волосы с лица и натянув на него свое обычное выражение порочно-стервозного красавца, отправился к остальным.

* * *

После обеда Юй был оставлен на попечение Вилу:

— Держитесь вместе, котята, и не шалите! — сдохмил по этому поводу Эйри, а потом, взяв Дэйна за руку, потащил за собой в кабинет.

Лейхио проводил эту парочку очень скептическим взглядом, потом, обняв пышущего жаром Сайни, над которым злостно издевался весь обед, повел его к себе в комнату: «Пойдем, свекловод ты мой...».

Сайни, сначала гневно попытавшийся вывернуться, потом решил расслабиться и не обращать на подколки друга внимание. Может тот вообще просто завидует?!

Вил, держащийся раньше с Юйлайнэ чуть отстраненно, но вполне дружелюбно, приветливо улыбнулся, и они отправились вместе выполнять запланированный на сегодня список дел. По ходу Вилайди объяснял, рассказывал, и заодно давал понять встречавшимся на пути, что статус мальчишки резко подпрыгнул вверх. К вечеру юноши уже были практически друзьями.

* * *

А Эйн, затащив Дэйна в кабинет и заблокировав замок, прижал друга к стене, за плечи, навис над ним... Долго смотрел в глаза и наконец, почти злобно, выдал:

— Ты — мой! Понятно?!

Дэйниш, уже готовый к сцене ревности с обычной концовкой «мордой в пол», такого натиска все равно не ожидал и застыл, изумленно смотря в разгневанное лицо своего Верхнего. То, что в данный момент Эйн не был ни его соперником в постели госпожи, ни его другом, ни... Ни кем, кроме его ревнующего, аж пар из ушей, Верхнего, он уже понял. А вот как правильно на это отреагировать — не знал.

Эйри, очевидно не дождавшись нужной ему реакции, с силой тряхнул

парня, так что тот пару раз ощутимо стукнулся головой об стенку. Это усилило работу шестеренок в мозгу и Дэйн выдал, наконец, ожидаемый ответ:

— Да, Верхний! Я твой...

Руки, сжимающие его плечи так, что наверное останутся синяки, расслабились. Эйри опустил глаза в пол, несколько раз глубоко вздохнул, выдохнул, и уже вполне нормальным взглядом посмотрел на друга.

— Повтори, пожалуйста... — действительно с просящей, почти умоляющей интонацией прошептал он.

— Я твой, Эйн! Твой... Никакие котята этому не помешают, расслабься!

Эйри последовал совету, опустил руки, закрыл глаза... Потом уткнулся Дэйну в плечо лбом, и прошептал:

— Я тебя люблю...

Дэйниш, одной рукой обняв друга за плечи, запустил другую ему в волосы, закрыл глаза и наслаждался звучанием этой, так много для него значащей фразы...

— Я тоже тебя люблю...

Эйн поднял голову и внимательно посмотрел Дэйну в глаза, потом, чуть покраснев, прошептал:

— Повтори еще раз... Все сразу...

— Я твой, и я тебя люблю. Полегчало?

Парни, переглянувшись, улыбнулись друг другу.

— Да, полегчало. Давай работать.

* * *

Айрин долго раздумывала и выбирала сценарий для пьесы, которую придется играть во Дворце, меньше чем через месяц. Ей хотелось созорничать, но так, чтобы это не сильно бросалось в глаза. А еще очень запали в душу эти разбирательства о жестокости наказания особо приближенных рабов за измену. Интересно, а если парня зажали где-то в темном углу, и вариантов у него два — или дать себя изнасиловать, или оказать сопротивление женщине? И так, и эдак хорошо не закончится, а, главное, если разгневанная отказом чужая госпожа скажет, что измена все же была, то кому поверят?

В голове закрутился план, побежала в библиотеку, нашла планшет с древнейшими континентальными пьесами-историями в стихах, выбрала

нужную, прочла краткое содержание... Оно, да! Но надо адаптировать и менять пол героев. Потому что иначе все женщины просто убедятся, что мужчины — глупые и доверчивые или завистливые и злобные, а надо, чтобы задали себе вопрос: «А всегда была ли измена?».

Переделать целое произведение... Эйн пишет стихи, но от случая к случаю, под вдохновение. От брата ассоциативная цепочка выхватила из глубин памяти Кэйтириону и... Ее сублильное недоразумение, Тийкийлэ.

Вот кто ей нужен! Срочно! Еще до 28-го, потому что пьесу уже надо репетировать, и начинать надо было вчера.

Девушка, с планшетом в руках, побежала к себе в комнату, звонить подруге.

— Айрин, конечно Тийк приедет к тебе, завтра...

— Сегодня, Кэйт! Он нужен сегодня. Он нужен был еще вчера, но нам всем было не до него и не до пьесы, как ты помнишь, — девушки понимающе улыбнулись друг другу.

— Хорошо, покормите его тогда, а то он вместо обеда развлекает мою маму. Пойду сейчас освобожу его и отправлю к тебе. Не знаю, как мать, а Тийк будет просто счастлив.

— Спасибо! Конечно покормим... Как там Айкейнури? Жив еще? Не скончался от счастья?

— Живучий такой мальчик оказался! — радостно засмеялась Кэйт, — Просто диву даюсь! А как Эйн?

— Да что с ним сделается? Убежал к себе в кабинет, с Дэйном, работать.

— Понятно... Ну ладно, побежала спасать для тебя Тийку.

— Ага. Жду! Пока.

Попрощавшись с подругой, Айрин снова села изучать пьесу. Потом дошла обратно до библиотеки и вывела полное и краткое содержание пьесы на печать. Схватила карандаш, распечатку, и начала вычеркивать, подчеркивать, дописывать...

— Госпожа? — испуганно-взволнованный голосок мальчишки оборвал общение девушки с музой.

— Так, смотри сюда! Вот пьеса, вот распечатка, я на ней уже немного начиркала, сейчас тебе новую распечатаем... Значит надо переписать вот это все, чтобы вместо мужчин были женщины. Ну а главная героиня станет Дэйздеймонэ, понятно, да? Ну и адаптировать под наше время... И все в стихах, вот в этом же стиле. Сможешь? К 28-му? У тебя целых трое суток еще.

У Тийкийлэ испуганно дернулся правый глаз, но... Трое суток писать стихи или вернуться домой и развлекать старую госпожу? Да уж, богатый выбор.

— Я буду очень стараться, госпожа.

— Отлично. Сходи на кухню, скажи что тебя надо покормить. И про ужин не забудь.

И девушка, облегченно свалив один груз на чужие плечи, пошла советоваться с Вилом насчет танцев. Ей хотелось, что бы танцы были прямо в пьесе. Стихи, музыка и танцы. Как там это называлось у древних? — Балет!

* * *

После ужина Эйн всем объявил, что они не доделали одно мегаважное дело и снова увел Дэйна в кабинет. Юйлай достаточно уверенно чувствовал себя в кругу избранных, разве что по-прежнему сильно смущался Айрин, так что Дэйн снова оставил своего котенка на попечение котенка Эйна, и пошел вслед за другом, размышляя, серьезно ли он про дело или опять приступ ревности накатил.

Эйнри снова заблокировал замок, вальяжно уселся в кресло, нога за ногу, руки на подлокотниках..

— Разденься.

Дэйн настороженно взглянул на друга, пытаясь понять, что этот человек-загадка задумал. Однако начал развязывать запах рубашки...

— Не так! Покорно и возбуждающе!

— Тикусйо! Да ты...

— Ты мой?

— Да, тля! Твой... Угораздило...

Дэйниш, злобно сверкнул глазищами и начал раздеваться так, как заказали. Как будто исполнял под звучащую у него в голове мелодию завораживающе-эротичный танец. Настолько сексуально расслабится он не позволял себе даже с Айрин, но этот блонд всегда умел докопать до самых сокровенных тайников души и вытащить наружу все его порочные фантазии и страсти. И, главное, каким-то непонятным образом заставить их реализовать...

Судя по глазам друга, процесс реализации его безумно возбуждал.

— А теперь встань на колени и руки за голову.

— Нет, тля! Ты точно охренел, маньяк!!!

— Дэйн!!! — в голосе странное сочетание мольбы и угрозы.

Тля... Встал.

Эйн приподнялся с кресла, сначала подошел, и, приподняв за подбородок голову, взглянул в напряженно-злые глаза, провел пальцем по губам... Потом обошел и встал сзади, чуть выпрямил спину, поправил не совсем идеальную сцепку пальцев, быстро скинул с себя одежду и тоже встал на колени, почти вплотную к телу Дэйна, раздвинув тому ноги, чтобы было удобней. Провел ласково, но так, чтобы было не щекотно, от локтей вниз, и, потом по ребрам до бедер, от туда снова вверх, к пояснице и опять вниз, к уходящей вглубь между ягодич тропинке... Чуть раздвинув, потерялся об нее уже всю стоявшим членом и, тихо, на ухо:

— Возьми меня...

Друг превратился в застывшую ледяную статую. Забавно, конечно, но нет никаких гарантий, что так внезапно подкатившее в гостиной желание отдаться не покинет его через минуту. Надо торопится.

— Не тормози, Дэйн, второй раз может не обломится.

Дэйниш, издав нечто среднее между восторженным выдохом и стоном предвкушения, вывернулся и уложил Эйна на спину, под себя.

— Ты уверен? Не пожалеешь потом?

— А для чего, как ты думаешь, я первые пятнадцать минут трахал твой мозг? Чтобы у меня по-прежнему было преимущество, — нервно усмехнулся его Верхний.

Дэйн ответил ему такой же, кривоватой улыбкой, потом захватил губы друга своими... Но инициатива быстро перешла к Эйну: «Я сказал взять меня, а не подчинить, не путай!».

Перевернув капризное блондинистое создание на живот, начал жадно целовать плечи, спину, задницу... Потом потянулся за первыми попавшимися в зону видимости штанами — тюбики со смазкой парни таскали с собой чуть ли не десятками, мало ли когда человек хороший случится? Вернее, шанс подвернется.

Выдавил, запустил внутрь два пальца... Тля!

— Расслабься, Эйн...

— Не могу, веришь?! Тело хочет, мозг хочет, а на каком-то сто с лишним уровне подсознания стоит блок... И... Забей, бери силой.

— Эйн..

— Я сказал, забей! Моя задница, в конце концов?! Может мне надо, чтобы... — Тля! Чуть не проболтался...

Дэйн, попробовав еще хоть чуточку раздвинуть проход пальцами, выдавил еще тюбик сразу себе на член, и медленно начал вводить...

Эйри сначала сжался еще сильнее, потом, вцепившись зубами в руку, каким-то чудовищным напряжением силы воли, заставил себя расслабить мышцы, и даже сам сделал встречное движение бедрами...

Дэйниш, слушая сбивающееся от боли дыхание, тихо матерился про себя на тему, кто же из них двоих больший мазохист...

Когда чужой член оказался полностью внутри, и сопротивление стало бессмысленным, Эйн расслабился.

Это был очень странный трах, когда оба участника почти не получали вначале физического удовольствия, зато вдвоем пытались взломать секретный код на этом долбанном сто каком-то по счету блоке подсознания Эйри. И когда парень начал не просто старательно, закусив губу от боли и напряжения, как будто выполняя тяжелую физическую работу, терпеть и даже заставлять себя надеваться на чужой член, а, покрутив бедрами, поймал наиболее удобное положение, работа по взлому могла считаться выполненной.

— Как в тебя Айк смог вставить, не понимаю! — выдохнул, даже вспотевший от напряжения Дэйниш.

— Айк брал меня силой, с размаху... Я почти сразу открылся, потому что...

«Потому что извращенец и люблю, когда меня берут силой, тля!», — Эйри тихо стонал от удовольствия, боль уже отступила, а вот наслаждение накатывало, волной... И сладкое чувство победы над собственным огромным тараканищем это наслаждение только усиливало.

Где-то далеко-далеко послышались три коротких вдоха подряд, выдох... Стон... Оба парня кончили почти одновременно. И упали рядом на ковер, полностью без сил...

— Тикусьо! Быть у тебя сверху так утомительно! — нервно усмехнулся Дэйниш, — Но я бы рискнул повторить, когда-нибудь, если позволишь.

— Позволю... Надо закрепить результат, — хмыкнул Эйн, — потом резко перевернулся и навис над другом, — Но это ничего не меняет в наших отношениях, понял?!

— Да уж, не дурак... — улыбнулся тот, обнял Верхнего за затылок и притянул к себе, целуя и позволяя ему проявить свою власть над ним.

* * *

Эйтайрэ медленно шел по коридору на мужскую половину дома. В

глазах все уже начинало слегка туманиться, приходилось то смаргивать, то протирать их руками. Идти с каждым шагом становилось все труднее, хотелось сесть прямо тут, возле стенки, а лучше вообще лечь, и закрыть глаза.

Но надо идти, надо дойти и еще успеть найти кого-то из парней госпожи, лучше всего Лейхио. Матерь Всего Сущего, пусть хоть кто-то из них будет на мужской половине — до комнат Айрин он уже просто не дойдет. Надо торопиться, надо все рассказать, пока его отсутствие не заметили.

У него еще было в запасе два года, Матерь Сущего, он не готов... Не успел подготовиться. За что?! Что же ему, крестину, не лежало с закрытыми глазами? Не успел...

Вот она, заветная дверь... С каким же трудом она открывается...

— Лей... Лейхио... Мне надо с тоой поговорить, срочно и наедине. — Спасибо тебе, Матерь... Надеюсь, успею...

— Эйтайрэ? Что с тобой, тля?!!!!

— Со мной уже все, Лей. Я о вас... — говорить все тяжелее и тяжелее, мысли разбегаются, язык заплетается, но надо сконцентрироваться, от этого зависит... — Меня сегодня взяла Сэйверайла, их было четверо... Они пользовали меня и болтали между собой, много лишнего болтали, Лей. Потому что пили чистый вэйж... Они собираются сделать неприятности госпоже. Очень большие неприятности. Я сейчас попробую сосредоточиться и рассказать тебе все, дословно...

Матерь Сущего, ну почему ему не слушалось с закрытыми глазами? Они ведь даже не обращали на него внимания — просто бревно с членом, для удовлетворения. Но когда Сэйверайла натолкнулась на его внимательный взгляд и поняла, что он все слушает и запоминает, вспомнила, что он — любимчик Сабины, а та обожает молодую госпожу... Она сразу протрезвела, тля!

От куда у молодой хозяйки оказался раствор, используемый на Церемониях Прощания? Да какая уже разница... Он успел. Он дошел. Он рассказал. Все.

— Эйтайрэ? Что с ним?! Лейхио. что с ним?! Лей, сделай чтонибудь?! — кудрявый новенький котенок... он так и не дался ему, ну и правильно... — Хорошо, что выбрал не меня, а то я бы сейчас тебя здорово подставил, малыш! — а в глазах, уже почти ничего невидящих, блестят слезы... К Прощанию готовятся морально чуть ли не за год, ну за полгода, точно. У него впереди еще было два года жизни, тля! Обидно...

— Нет! Заткнись! Все будет хорошо!!! Дэйн, Лей... Ну сделайте же

что-нибудь?!

— До Космопорта мы его не довезем, а телепорт так до сих пор и не изобрели — мрачно констатировал Лейхио..

— В медблоке есть реанимационный набор, — глядя в потолок выдал Дэйниш.

— От куда...? — Лей сначала изумился, а потом, с пониманием в голосе — Дайнис оставил после выставки?

— Ну да...

— Это из-за того, что твоя мать...

— Да, он постоянно боится, что у меня тоже вдруг резко откажет сердце, как у нее... — быстро проговорил Дэйн, и потом уточнил — Так что, тащим вниз?

— Да. Юй, мчись предупреди... — Юйлайнэ даже не дослушав, вылетел из комнаты, сверкнув голыми пятками.

Эйт уже был не с ними, его душа подходила к воротам Дома Матери Всего Сущего, где его встречали старший брат, первый любовник и мужчина, очень похожий на него и на брата... Отец..

— Разряд! Еще разряд!

Тля... Зачем?! Куда?! Нет... Госпожа?

— Эйтайрэ, смотри на меня, я приказываю тебе! Смотри на меня!

— Да, госпожа... — потрескавшиеся губы еле шептали, в глазах двоилось, но...

— Через час весь яд выйдет из его организма. Я, одновременно, запустил очистку крови, так что и желудок, и печень сильно пострадать не должны. Сердце, надеюсь, тоже выдержит. Для своего возраста парень был в идеальной форме, и не только внешне. Но с ним кто-то должен постоянно сидеть...

— Да, конечно, мальчики будут дежурить возле него все время. А я пойду разбираться с проблемой, из-за которой он пожертвовал своей жизнью.

Сэйверайла, проводив подруг, вернулась в комнату и в ужасе замерла. Раб, который вот-вот уже должен был сдохнуть и унести с собой все то, что они так неосторожно выболтали в его присутствии, исчез. А ведь она приказала ему лежать и подышать, собаке! Но нет, с этой инопланетной девчонкой все рабы посходили с ума и не слушаются абсолютно! Неужто пошел к ней?! Или к Сабине...? Надо бежать отсюда... Быстро. К Вейтийлане... Она, конечно, будет ругаться и обзовет ее дурой — потерять такого осведомителя в стане врага, конечно она расстроится. Но на улицу

то не выбросит? Скорее...

— Сэйверайла, дорогая, куда-то торопишься?

Женщина даже не успела обернуться на знакомый ненавистный голос Старшей госпожи своего Дома, как ее подмял под себя ураган по имени Эйнри.

— Простите, госпожа, но мне будет спокойнее, если вы будете мило беседовать с ней связанной. Можете потом меня наказать за оскорбление женщины...

— Спасибо, любимый. Обязательно потом накажу. А теперь приведи сюда Сабину, пожалуйста. Ну а мы, пока, мило побеседуем с родственницей, — от голоса Айрин у Сэйверайлы мурашки пошли по коже, от страха и от злости. Злости и на себя, дуру, по привычке решившей, что ее приказа лежать рабу будет достаточно, и злости на эту инопланетную дрянь, из-за которой в головах зверьков все перемешалось и они абсолютно обнаглели.

— Расскажи-ка мне, милая, в подробностях, что вы с Вейтийланой задумали...

Конечно, Райла так сразу и кинулась все рассказывать... Сначала, женщины мило обменивались колкостями и любезностями, но потом, когда к ним присоединились Сабина и Эйнри, разговор становился все более и более интересным.

Через час в комнату вошли четыре девушки из Гвардии, забрали плюющуюся ядом Сэйверайлу и удалились.

За окнами была темная-темная ночь, все три планетки-солнца спрятались и освещали другую половину Венги. А ночного светила-спутника, типа земной Луны, у планеты не было. Только яркие огни Венгсити, Космопорта и звезды, сверкающие в ночном небе.

Девушка, практически повиснув на брате, пошла спать... На половине пути Эйн, улыбаясь, взял сестру на руки и, прижав к себе как можно крепче, понес ее, уже почти заснувшую, на кровать, к детям и мужу.

Потом пошел вниз, навестить Эйтайрэ. Рядом с ним сидела Сабина, читающая с планшета какую-то книгу.

— Госпожа? Как он?

— Нормально. Я отослала всех твоих парней на ночь, но, где-то часов в шесть, пришли кого-нибудь сменить меня...

Эйн кивнул, почти в изумлении отмечая про себя, как у парня заботливо поправлено одеяло, а на тумбочке стоит наполовину выпитый стакан отвара, который Хозяйка бережет только для крайних случаев. А уж сам факт ночного дежурства вообще говорит о слишком многом... Но, при

этом, за целых семь лет, что Эйт здесь, в гареме (а любимчиком Сабины он стал чуть ли не с первых же дней), она не надела на него ни браслета, ни даже серьги-метки.

— Ты что-то хочешь спросить, Эйн?

— Нет, госпожа, простите...

Не его это дело... И, поклонившись, Эйври отправился к себе в комнату.

* * *

Ночью Эйтайрэ проснулся, попытался поднять голову с подушки, огляделся... И решил, что, все же, еще спит. Уж кого только он не ожидал увидеть у своей кровати, но только не хозяйку Сабину.

А та, отложив планшет, озабочено разглядывала своего любимца. Убедившись, что парень вполне нормально себя чувствует, просто чем-то слишком озадачен, женщина пересела с кресла на край кровати.

— Давай-ка, мой милый, побеседуем с тобой. Я не окольцевала тебя браслетом, потому что не хотела лишать права выбора. Райла любила с тобой развлекаться не меньше, а может даже и больше, чем я. Все же она на двадцать лет меня моложе... Но то, что сегодня произошло, заставило меня поволноваться. Скажи мне, мой мальчик, если я предложу тебе... ну не браслет, конечно, это было бы слишком жестоко...

— Почему, госпожа? — обкусанные запекшиеся губы приходилось постоянно облизывать, и голос странно, еле слышно хрипел... Но этот вопрос нельзя было не задать. Ответ на него он искал последние лет пять, точно. Почему?! Используя его чуть ли не каждый день, видя как он предан ей, почему?! Почему нельзя одеть на него браслет?! Он не закончил Джордан и не слишком умен, да. Но и хозяйка — не старшая госпожа Дома, да и для зачатия детей она его, явно, использовать уже не будет.

Сабина задумалась. Без браслета парню осталось жить два года, потом он сможет попробовать переучится на спеца. Хотя умом Эйт не блещет, так что толку от его переучивания, скорее всего, не будет. А если она его признает своим мужем, то он будет жить в гареме даже после ее смерти. Но за это ему придется хранить ей верность. Окольцевать через полтора года? А пока пусть еще погуляет на свободе?

Эйтайрэ смотрел на задумавшуюся Сабину и понимал, что ее мужем ему не бывать.

Но он ошибся, женщина приняла решение, достала из большого кармана юбки широкий браслет, и закрепила его на руке, ошaleвшего от счастья, парня. Эйт попытался сползти с кровати на колени, но был остановлен:

— Потом... Все потом, мой мальчик, а сейчас засыпай. Тебе надо много спать и восстанавливать силы. Ты же помнишь, я играю редко, но зато долго, — и Сабина потрепала своего молодого мужа по волосам.

Глава 32

С того вечера, как госпожа Айрина выдала Тийкийлэ задание: ни много ни мало — воспользовавшись пьесой древнего континентального поэта, как основой, практически сочинить свою, адаптированную к Венговским реалиям, парень не вылезал из библиотеки. Даже спать он оставался там, на диване. И вот, через трое суток, днем, 28-го снейжэна, во время обеда, Тийка принес госпоже исчирканные и исписанные красивым убористым почерком листы.

От Шекспира Тийка попытался сохранить как можно больше, а добавляемые им самим стихи выдерживал в заданном стиле и ритме. Но, все равно, получалось, что бедный парень за трое суток практически полностью переписал пьесу.

— Ух ты-ж... — с уважением в голосе прошептал Лейхию, после того как автор закончил прочтение обновленного им литературного шедевра.

— Да уж... Ты... Ну не гений, конечно, но..

— Почему же не гений? — ехидно уточнил Дэйи у друга, и Эйи, усмехнувшись, согласился:

— Ладно, гений. Ге-ний! Как вы считаете, госпожа?

Айрин пребывала в восторженной эйфории... Эта пьеса произведет фурор на вечеринке, террариум вздрогнет!!! Она уже перерыла, вместе с Вилом, все архивы и наслушалась одноименных опер и насмотрелась одноименных балетов...

В целом идея была такая. Танцы привязать только к определенным моментам пьесы, музыка же, в фоновом режиме, должна звучать почти постоянно. Иногда делаться чуть громче, подчеркивая накал страстей, иногда совсем затихать, когда и в стихах слишком много эмоций...

Вил поскуливал, что один не справится и ему нужен напарник, разбирающийся в танцах и музыке, ну если не так же хорошо, то хоть не сильно хуже, чем он.

Юйлайнэ был хорошим танцором-исполнителем, но сам ставить танцы не умел и импровизировать тоже побаивался. Но, зато, он был просто идеальный мальчик-мечта на роль юного невинного Дейздэймонэ. Его звонкий трепещущий голосок: «Сошли меня в изгнание, но жить оставь! Дай эту ночь прожить! Отсрочь на сутки! Только полчаса! Еще минуту! Дай мне помолиться!», — с нужной испуганно-умоляющей интонацией, стоя на

коленях и протягивая руки к Лейхио, изображающего Ойтейлу, всех пробрал до дрожи.

— Слушай, надо камнем быть, чтобы не пожалеть беднягу... — Эйри смотрел на Тийку с таким укором, как будто это он был в ответе за смерть мальчишки.

Тийкийлэ просто распирало от гордости, он оправдал надежду, выполнил почти невыполнимое, его хвалят такие крутые парни... Он со славой вернется к себе домой... И тут же попадет в руки недоигравшей с ним госпожи Эйлиорины. Ах! Настроение сделало резкий скачок вниз.

— Госпожа Айрин, вы вернете меня сегодня домой?

— Конечно, зайка. Ты уже, наверное, соскучился по друзьям, да?

Тий горестно вздохнул, и девушка расценила этот вздох как признание того, что парень действительно очень хочет обратно, к Маргойлинам.

— Пообедаешь у нас или сразу домой поедешь?

Тий, которому кусок в глотку уже не полез бы, помотал головой:

— Спасибо, госпожа. Поеду...

— Это тебе спасибо, зая! Ты умница и, правда, очень гениальная умница!!! Передай своей госпоже... Хотя я сейчас сама ей позвоню и расскажу, какой ты молодец.

— Спасибо, госпожа...

И гениальный поэт обреченно поплелся на конюшню, за своей лошадью.

* * *

Ближе к вечеру подъехала Айсоэль с двумя прокачанными блондинами, при виде которых Юйлай тихой шушаркой спрятался за спину своего Верхнего.

Дэйниш проводил парочку, следующую за своей госпожой в гаремный зал, очень недобрым взором, и тут же пересекся взглядом с изучающим его под разными углами Лейхио:

— Надеюсь, ты понимаешь, что новая драка нам совсем ни к чему?

Выругавшись, парень прижал к себе дрожащего от напряжения Юйлая, и они, вдвоем, двинулись за Айсоэль и ее свитой. Эйри и остальные уже были там, так же, как и приехавшая чуть раньше Кэйтириона, которая привезла с собой свою любимую тройку: Айка, Шайнэ и рыжего Нэйя. А еще молодого блондина, с которым они успели познакомиться после Совета — Рэйнйляша, в помощь Вилайди. Парень

тоже был танцором, именно таким, как Вил и заказывал, умеющим не только танцевать придуманное другими, но и со способностью к импровизации. По крайней мере, так сказала Кэйт, но в деле парня еще никто, кроме нее, не видел.

* * *

Айрин сидела на полу, вместе с Эйном и тот, под ее диктовку, загонял в планшет последние строчки Тийковой нетленки.

Сестры Пайти, Кэйт и Айсоэль хихикали над чем-то своим, девичьем, сидя на скамейке у стены.

Блондины, похожие друг на друга, как близнецы, сидели в ногах у своей госпожи и посматривали на остальных парней с легким пренебрежением. Раньше девушка приезжала с другим эскортом, более дружелюбным.

Для Дэйна эти двое служили яркой красной тряпкой. Хотя очень не хотелось устраивать драку, для которой и причины вроде бы не было. Блонды отстаивали свою территорию, закон гарема, все нормально. Трахнули они Юйку со смазкой, ну не подготовили, не возбудили, взяли почти силой... Но так всегда и везде поступали с новичками, и с ним Эйн и Лейхио поступили почти так же... Что же тогда так кулак сучает по контакту с этой наглой блондинистой мордой, оценивающе разглядывающей его мальчишку?!

Эйнри, оторвав глаза от планшета, чтобы потянуться и слегка помахать кистями рук, уставшими стучать по экрану, проследил за взглядом друга, потом обратил внимание на спрятавшегося у того за спиной напуганного Юйлайнэ, примерно сложил два и два. Виновато улыбнувшись Айрин, встал, подошел к Дэйнишу, и положив ему руку на плечо, проникновенно шепнул:

— Мы потом надерем им задницу, тихо, так чтобы никто не узнал, но сейчас расслабься, ладно? Выдохни, Дэйн! А то сейчас найду куда твой адреналин скинуть...

— Тикусьо! У тебя все мысли в одну сторону...

— Ну вот такой я у вас уродился озабоченный, терпи! Госпожа же терпит меня как-то... — парни рассмеялись и Дэйниша немного отпустило.

Но обещание друга надрать блондинам задницу он запомнил.

Вилайди и Рэйни сидели вместе над одним планшетом и просматривали первый балет, из трех отобранных. Парней явно распирало от искусства танцоров. Вил захлеб рассказывал про то, как устроены пуанты, и что он уже попробовал соорудить нечто подобное, но чуть не переломал себе все пальцы. Рэйни периодически подскакивал и пытался повторить особо понравившиеся па.

Фуэте у него получилось очень красиво, сначала три двойных подряд, потом тройное и снова четыре двойных подряд. Вилайди уважительно присвистнул — у него тройное, вот так вот почти без напряжения, не получалось.

После этого парни попробовали проделать антраша, развеселились, начали пробовать па с поддержкой, и развеселились еще больше.

Эйнри их радостный смех и вообще процесс лапания его котенка кем-то другим несколько напрягли, он начал сильно отвлекаться, и Айрин, пожалев брата, разрешила ему всучить планшет Юйлайнэ, а самому пойти бдить за Вилом.

После присоединения третьего участника, веселье резко поутихло, но зато запахло возбуждением и тестостероном. Рэйнийляш продолжал ненавязчиво лапать Вилайди, причем так, что с одной стороны и придраться вроде не к чему — парни танцевать учатся, а с другой... Вил, испуганно поглядывая на своего Верхнего, начал выдавать почти все признаки возбуждения, кроме, пока еще, основного и неоспоримого.

Когда желваки у Эйна начали перекатываться уже слишком заметно, Рэй, усмехнувшись, предложил ему поработать поддержкой для себя, любимого. Пояснив, что Вилайди слишком хрупко смотрится, а ему бы хотелось, чтобы его поддерживала сильная мужская рука.

Дальше процесс провокации заработал в противоположную сторону — Рэйни, двигаясь по грани между откровенным соблазнением и просто расслабленным поведением, начал возбуждать Эйнри.

В итоге у всех троих скоро возникла жизненная необходимость удалится в душ, что они и проделали. Рэйни был отведен к Дэйну, а Эйн затащил своего котенка к ним в комнату. Через час они вернулись, довольные и удовлетворенные, а Рэй, за это время, как раз успел все спокойно досмотреть. Встретил он их с ухмылкой, но, на самом деле, слегка расстроился — он рассчитывал на тройничек.

Айрин зачитала пьесу, и несколько минут удовлетворенно любовалась

на затихшую в шоке публику.

Наконец Кэйтириона смогла из себя выдавить:

— Это мамин недокормыш сочинил?!

— Нет, он сделал более сложную вещь, Кэйт, он, оставив часть текста автора, добавил свое, причем так, что даже я, зная точно где чьи куски, не отличаю, веришь?!

— Вот это да! Обалдеть! Мама его как-то совсем не по назначению использует....

— А это тот тощенький такой, который на вечеринке свои стихи читал? — заинтересовалась Айсоэль, — У него чудесные стихи, правда, девочки? — Рина и Риана энергично закивали. — Такие прочувственные, такие... Сейчас, вспомню... Как же он назвал то его... А! Разговор с бесом!

— Интересно, что это у него за Богиня размышляющая? — И Айсоэль ехидно посмотрела на вспыхнувшую Кэйтириону.

Все девушки, кроме Кэйт, весело рассмеялись, а она, закусив губу, делала вид, что любителю на Айку, болтающего о чем-то с вернувшимся, после достаточно долгого отсутствия, Эйном. Уходил муж из зала с тугой косой, а вернулся с распущенными влажными волосами, так же как и Вилайди. Смешной котенок, он и раньше стеснялся посмотреть ей в глаза, а теперь вообще то краснеет, то бледнеет, то выдает все почти одновременно, и еще губку закусывает... Так трогательно. Прямо как она сейчас, усмехнулась про себя девушка. Вот ведь, никак не ожидала от Тийки! Но мама его так просто из своих цепких ручек не выпустит.

— Кэйт, ты сейчас на кого любишься? Или на всех троих сразу? — Айрин положила руку подруге на колени и чуть потрясла ее, возвращая в реальность. — Давайте роли распределять, тут же главные герои сплошь женщины.

А Аик, решивший на время оставить свой пост у ног госпожи, был сейчас несколько озадачен свалившимся на него вопросом:

— Моя жена тебе уже минет делала?!

Вот как стоял, так и застыл, обдумывая, толи сразу в морду Эйну дать, за такие шутки, толи сначала температуру измерить... Ректально, гы!

— Ты вообще в своем уме или как?! Где я, где госпожа и где... Минет, прости меня Матерь?!!!

— Понятно, значит мимо тебя тоже прошагали с песней... А Вилке досталось, прикинь?!

— Что? — голос Айка предательски дрогнул, — Что досталось?!!!!

— Да не ори ты. Оно самое и досталось... Я просто подумал, вдруг она на тебе училась, но, получается, что на ком-то другом. Причем еще в прошлом году должна была начать, в середине жниэвена где-то...

Айкейнури тихо стоял и пытался переварить услышанное... Какое там «переварить», проглотить не получалось! Кто?! Кто... Хотя... Тля...?! Эта загадочная удовлетворенная сытая морда, каждое утро вываливающаяся из спальни... «Госпожа изучает...» Тля?!!!!

— Я знаю, чей член был использован тестовым образцом... — почти прошипел сквозь зубы парень. — Пойдем, зажмем этого... В углу....

Шайнэ мило болтал с Лейхио, когда на него налетели, пылая злобными взглядами Эйнри и Айк.

— Пойдем, выйдем, поговорить надо! — быстро проговорил муж госпожи, чуть ли не хватая его за рубашку, чтобы придать ускорения.

Лей и Эйн обменялись очень много чего сказавшими друг другу взглядами.

— Да нормально все, мы только поболтаем по душам, наедине, и все. Никаких драк, клянусь!

И парни, втроем, отправились в комнату Эйнри.

— А теперь выкладывай все, объект изучения, тля!!!! — Айк с полуоборота кинулся на Шайнэ и размазал того, за плечи, по стенке.

— Что рассказывать? — парень мгновенно сообразил, о чем его спрашивают, но старался протянуть время и придумать, как бы вывернуться и не подставлять госпожу...

— Айк, отойди на два шага от Шайя. А ты не изображай из себя кретина, у меня нервы ни к черту что-то совсем, так что могу нечаянно кулаком ухо погладить. Потом сам же переживать буду, тля!!!! Тля!!!!

Шай тихо стоял у стенки и просчитывал ситуацию. Против этих двоих его шансы равны нулю. Один на один с любым из них — можно было бы рискнуть.

— Я реально просто хочу услышать от тебя только да или нет, Шай. Ты же понимаешь, что нам с Айком это важно? Никаких подробностей, никаких объяснений, только да или нет. Она училась делать минет на тебе, Шайнэ?

В комнате наступила тишина... Наконец Шай кивнул.

Айкейнури, аж подпрыгнув, попытался сделать движение в сторону по-прежнему стоящего у стены парня, но Эйнри тут же крепко обнял его, зафиксировав, со спины.

— Айки, золотко мое, ты сейчас выдохнешь и расслабишься. Шай больше нам ничего не скажет, и именно за это я его уважаю, а еще за то, что по нему, сссуке, абсолютно незаметно, какая охуенная честь ему привалила, понимаешь?! Если бы это был ты, то павлиньи перья летели по ветру в разные стороны, точно ж?! Поэтому это был не ты... Догадываюсь, почему это был не я... Но какого... Тля! Она сделала это с моим котенком?!!! Не понимаю... Засветилась же по полной. И вся ваша, — Эйн кивнул в сторону Шайна, чтобы тот сразу понял, о чем речь, — хваленая конспирация провалилась в задницу!

— А может она и хотела, чтобы конспирация провалилась? — Шай интуитивно чувствовал, что правильно угадал, госпожа хотела этих разборок. Не понятно, правда, зачем. Но ведь она же понимала, что делала... Или не понимала?

В дверь постучали, и стоящий ближе всех Шайнэ открыл ее. В комнату вошли Лейхио и Вилайди.

— Я же тебе обещал, что мы просто поговорим, Лей... — устало выдохнул Эйнри, потом перевел взгляд на Айку и тот, отведя глаза в сторону, буркнул: «Я понял, Верхний, только говорим...»

После этого все пошли обратно в зал.

Оставленный без присмотра Дэйниш, сидя в центре зала на ковре, нагло, вызывающе, в упор разглядывал блондинов Айсоэль. А они пинали друг друга и обменивались пошлыми комментариями насчет стоявшего рядом с Айрин Юйлайнэ, который категорически отказывался играть и даже демонстрировать что-либо.

— Нет, госпожа, пожалуйста... Ну пожалуйста... — в голосе мальчишки уже звенели слезы, но он сдерживался изо всех сил. Как госпожа не понимает?! При Айсоэль и этих двух он не будет играть, хоть убейте!!! И судя по взгляду госпожи, его сегодня убьют, совершенно точно.

Наконец Айрин отстала от парнишки, и повернулась к двум бугаям на ковре:

— Мальчики, выйдете на время, если ваша госпожа не возражает.

Парни переглянулись и вопросительно взглянули на Айсоэль. Та кивнула, разрешая им удалиться. Дэйниш, тут же двинулся за ними следом, и столкнулся в дверях с возвращающимися «пообщавшимися» мужчинами.

Эйнри, увидевший, еще идя по коридору, как из зала вываливают два бугая, ускорился, и успел поймать друга.

— Что, завидуешь нам с Айком? Решил переплюнуть? Чтобы тебя

классически отодрали двое? Меня одного тебе уже мало?! Или тебе кудряшка их рекомендовал?

После последней фразы Дэйн ринулся залепить Эйну кулаком в лицо, но в последний момент перевел удар в стенку.

— Тикусйо! Я же реально мог тебе врезать!

— Тебе бы полегчало? — в голосе друга было столько всего... невысказанного, личного.

— Ты обещал, что мы начистим им задницы!

— Я сегодня только и делаю, что всем что-то обещаю... За что хоть бить будем?

— Они Юйку изнасиловали!

— Ну так в своем же праве... — начал Айк, но, получив предупреждающий взгляд Эйна, быстро заткнулся. В конечном итоге набить кому-нибудь морду очень хотелось. А за что — это уже дело десятое.

Лейхио, обняв Вила за плечи, завернул того в зал, а сам, раньше трех молодых взвинченных оболтусов, догнал двух гуляющих по коридору блондов и тихо приложил, двоих одновременно, шокерами. Он таскал их с собой в карманах практически постоянно, особенно когда вместе собирались представители нескольких гаремов.

Увидев обломанные лица, хмыкнул:

— Тащите вон в ту комнату, от нее ключи только у меня. Морду им бить я вам не дам — не за что, а вот трахать — трахаете на здоровье. Можете Юйке предложить, самое правильное решение будет.

Блондов затащили в секретную каморку, связали и оставили, томится до ночи.

* * *

Айсоэль, практически перед отъездом, обратила внимание, что ее свита исчезла. Все дружно кинулись искать парней, но они как сквозь землю провалились. Девушка была не то чтобы зла, но сильно озадачена. Это были два из трех самых идеальных рабов ее гарема. Они не могли просто так взять и исчезнуть, нет. Но что же тогда с ними могло произойти в этом тихом, мирном, уютном доме?

Блонды, достаточно промаринованные в одиночестве, сидели

связанные друг с другом, спина к спине, в центре комнаты. На кровати сидел Эйн, в обнимку с Вилом, и Лейхио вместе с Сайни. В кресле, нога за ногу — Дэйниш, а на подлокотнике, рядом со своим Верхним — Юйлай. Вот уже минут десять, почти безуспешно, пытающийся объяснить Дэйну, что парней надо просто отпустить.

Лейхио и Сайни были полностью согласны с парнишкой, но предусмотрительно молчали.

Стоявший в дверях Айкейнури, тоже считал, что все было вполне законно, но тоже молчал, поглядывая на Эйна.

На самом деле и Эйн претензий Дэйниша к парням понять не мог. Но слов, как объяснить другу, что он не прав, в голову не приходило.

Наконец Дэйн прервал затянувшуюся после последней реплики Юйлайнэ паузу:

— Вы все здесь считаете, что эти два кабана могли позволить себе взять моего Юйку, только потому, что они его сильнее, а он оказался на их территории, правильно?

— Не совсем так, — Лейхио стряхнул несуществующую пушинку с плеча Сайни и посмотрел на Дэйниша, — они наглядно показали ему его место в иерархии гарема, и, заметь, ему предлагалось быть там четвертым, тогда как тебе мы предложили стать пятым. И показывали они ему его место потому, что Юйка был представлен как будущий муж, а не просто заехавший погостить парнишка. Опять же, так же как и ты. Так что если ты считаешь, что мы должны как-то поиметь эти две горы мышц, то давай уж тогда начни с меня и Эйна.

Дэйн сжал руками подлокотники с такой силой, что всем показалось — еще немного и несчастная мебель затрещит.

Юйлайнэ тихо всхлипнул. Ему было с одной стороны приятно, что из-за него затеялась такая вот заварушка, а с другой страшно, потому что он очень хорошо знал, чем закончилась предыдущая, подобная ей.

— Юйкин, скажи, ты считаешь что их нужно отпустить, потому что боишься или и правда считаешь, что все было честно? Что они с тобой поступили честно?!!

— Да....

— Что «да»?!

— Они поступили честно, Дэйни...

Сделав несколько глубоких вдохов, Дэйн смог спокойно попросить:

— Не называй меня так, ладно? Как хочешь, только не Дэйни, договорились?

Юй испуганно кивнул.

А Дэйниш подошел к Вилу и протянул руку: «Нож дай». Потом перерезал веревки, связывающие блондов.

— Валите отсюда и врите, что хотите, хоть что затрахались в кладовке, но если скажите правду — убью нах... Ясно?

Блондины переглянулись, оценили компанию и решили что правильнее будет спокойно распрощаться. Тем более, в принципе, черноволосый дылда заслуживал уважения — он защищал свою собственность. Чего непонятного? Им же никто не сказал, что этот молокосос не навсегда, а просто в гости, вот они его и завалили. А он, оказывается, не просто так, а малек мужа госпожи Вайнгойрт.

— Извини, парень, ошибка вышла... Мы ж не знали, что мелкий твой..

— Все, парни, валите, по-быстрому, пока на него снова не накатило, — и Лейхио вытолкал блондов из комнаты.

* * *

Всю дорогу домой Айк ехал молча, лишь иногда улыбаясь на реплики госпожи. Кэйт сначала попыталась растормошить любимчика, потом решила оставить его в покое и перенесла все внимание на Рэйни и Шайна. Рыжик тихо жался в уголке, как обычно. А Айк ехал и думал, думал, думал... Его мозг так и отторгал от себя полученную информацию. Ну вот отрывал и все тут. Госпожа — Шайнэ — Минет. Не складывалось. Госпожа — Вилайди — Минет. Парень потряс головой, но даже этот, всегда безотказный метод по затряхиванию в голову странных мыслей, в этот раз не помог. По отдельности все представлялось вполне даже неплохо, более того, если Шайн и минет... Ну... Тоже вообще... Но Вилайди и минет вообще супер складывались. Только потом туда добавлялась госпожа и вся картинка разлеталась вдребезги. Госпожа и минет... Минет и госпожа... Мать Сущего, спаси мой мозг!!!

Шайнэ видел, что Айкейнури не в себе и даже подозревал о причине столь явно выраженного движения мыслей у парня в голове, что даже скрип шестеренок слышался. Сейчас в его бедной головушке пытаются уложиться мысли на тему: «Как госпожа, воспитанная на Венге, могла дойти до такого...» и «А тиграм в зоопарке не докладывают мяса» «А меня, кажется, опять где-то кинули...». Интересно, какое из двух направлений сносит ему крышу больше всего? Наверное, второе...

Но Айкейнури до второго направления еще не дошел, в отличие от Эйри, который совсем не заострил внимание на первом. Еще бы, ведь шел

третий год, как он рядом с Айрин. Но Айк был обыкновенным венговским парнем, пусть излишне эмоциональным и вспыльчивым, однако воспитание и нормы морали в него были заложены профессионалами. И теперь столбики, на которых устойчиво стояло его мировоззрение, треснули.

Госпожа и... Тля-аяя! И вот тут-то, наконец, Айка осенило! «Этому дала, этому дала, а этому...», то есть ему, Айкейнури, которому темной ночью в любви признавались, ему не дали! Конечно, Эйн, зараза, прав, он не смог бы скрывать случившееся так же хорошо, как Шайнэ, поэтому понятно, почему тренировались не на нем. Но почему после Шайнэ пошел Вилайди, а не он... И... А с чего это вдруг такая святая уверенность, что между Шайнэ и Вилом никого не было?! Айк почувствовал дикое желание вцепиться самому себе в волосы и постучать головой обо что-нибудь гораздо более твердое, чем стенки кареты. И голова от мыслей странных болеть перестанет, а заболит от более конкретных и понятных вещей, и мысли эти странные вылетят... Пока он был не у дел, в комнате госпожи перебивалась просто толпа народа, и что теперь? Их всех надо зажать в темном углу и выпытать, было или не было? Тля!

— Госпожа, я забыл у Вайнгойртов одну важную вещь. Можно я пешком к ним, а потом на коне обратно?

— Айк, ты уверен, что эта вещь до завтра испортится?

— Да, госпожа! Мне очень нужно...

— Хорошо. Тогда я проведу сегодня ночь с Рэйни.

Зубы Айкейнури предательски скрипнули, а у Рэйнийляша, наоборот, блеснули в улыбке.

Так бы и вмазал... — подумал Айк, спрыгивая на ходу.

К Вайнгойртам он добежал, даже не успев как следует запыхаться, так старался правильно дышать, в такт хрусту снега под ногами. Сосредоточенность на дыхании помогла избавиться от лишнего в голове. Поэтому на мужскую половину он вошел уже спокойным и расслабленным, оставив верхнюю одежду и грязную обувь на лестнице.

Эйнри, явно, уже был немного занят с Вилом, так как открыл дверь абсолютно голым и возбужденным.

— Айки, детка, как ты вовремя!

— Я поговорить пришел...

— Одно другому не мешает, — хохотнул Эйн, но напялил на себя штаны и выполз в коридор.

— Ну?

— Я тут подумал... Она же могла после Шайнэ и на Рыжике, и на Гейне, и на Никки, и на... Рэйни... Это... Потренироваться...

— Могла, — спокойно согласился Эйри.

Айк аж поперхнулся от возмущения:

— И что, тебя это не беспокоит?

— Нет, мне важно было понять кто первый. А тебе надо думать о том, что бы ты стал последним. Понял? А то у вас там просто разврат какой-то творился, — Эйн усмехнулся, но скорее сочувственно.

Айкейнури задумчиво переваривал услышанное, пока второй парень надевал на голое тело куртку и унты — на босые ноги, при этом продолжая говорить:

— Не устраивай разборок на пол гарема, опозоришься только. Шайнэ никому про госпожу не говорил, и про то, что мы два обломанных кретина, тоже никому не скажет. А Рэйни только заподозрит, что ты ревнуешь, сразу такой концерт на твоих нервах устроит, взвоешь. Дали ему или не дали, не узнаешь, но отглумится над тобой он по полной. А остальные... Рыжик ваш... Это ж котенок, почище Вилки, так что если ему и перепало, то только развлечения ради. Айк, тебе главное доказать Кэйтирионе, что и ты не хуже Шайнэ умеешь хранить секреты... Полишинеля, тля! Пошли, на конюшню провожу. Или обратно тоже пешочком прогуляешься?

— Да пошел ты...!

— Я то сейчас пойду... Не далеко. А у тебя впереди прогулки по морозцу часа на полтора...

— Зато мозги проветрил...

— Что-что проветрил? — Эйн развеселился так, что даже за живот схватился от смеха. — Мозги! Зайка, нельзя проветрить то, чего нет... Уморил...

Айкейнури обиженно посмотрел на Эйри из под челки и тому стало даже немного стыдно перед парнем. Ему-то тоже, когда узнал, было не сладко, а каково сейчас Айку? Ведь он уже расслабился и считал, что круче него только вареные яйца. А тут на тебе, кушай, не подавись только. С его-то темпераментом узнать такое...

— Не грусти, Айки, — Эйн дружески хлопнул парня по спине, — все нормально будет! Придешь к ней сегодня и...

— Она сказала, что возьмет вместо меня Рэйни, раз я к вам обратно...

— Тля...! Я думал ты там сейчас один вечеринкой управляешь...

Айкейнури пнул ногой ни в чем неповинное ведро, зазвеневшее на всю конюшню.

— Рэйни ваш, еще та штучка... Присматривай за ним. Пусть лучше госпожа тебе по роже за наглость лишний раз врежет, но его надо от нее держать подальше. С этой акулой в масхалате забросомика тебе не

справится, он хитрый и все время в смазке, в любую щель пролезет. А ты ж у меня бревно прямое... — Эйпри потрепал младшего по голове, и, хотя тот и попытался вырваться, но не очень активно.

— Тля... Я снова попал в рай, и меня оттуда нагло выталкивают, понимаешь?

— Но не госпожа же...

— Нет, но она же сегодня взяла его вместо меня.

— Так это она может из капризности и ревности, у женщин бывает. Планировала с тобой развлечься, а ты ее обломал, за это она тебя тоже... Нормально. Больше только старайся шансов никому левому не давать, и все нормально будет. Вы с Шайном между собой договоритесь, а Рэйни с вами делиться не будет. Всех ототрет.

Парни попрощались, и Аик поскакал в сторону дома.

В доме у Кэйтирионы.

Когда Никки, встречающий во дворе своего Верхнего, увидел, что из кареты вышли все, кроме него, и рядом с госпожой сияет, как сверхновая, Рэйнийляш, то всерьез испугался, даже сердце застучало чаще, чем обычно. «Неужели снова чего-то натворил?», — запереживал парень.

Нэй, увидев, что у Никки только глаз не дергается, проходя мимо тихо шепнул: «Все нормально, он у Вайнгойртов что-то забыл. Жди, скоро вернется». Никки сел на крыльцо, обнял руками колени и принялся ждать. Солнца уже давно закатились, а фонари вокруг дома, наоборот, ярко вспыхнули, включенные чьей-то заботливой рукой. И вот, наконец, стук копыт и во двор влетает взмыленный конь, разбрызгивая комья снега, с долгожданным всадником в седле.

— Ягодка? Что ты тут делаешь?!

— Тебя жду... Ты не рад, да? Извини, я просто волновался..., - Никки, подскочивший, как-только услышал глухие звуки, похожие на удары подков об тонкий ледок, покрывавший дорогу, развернулся и пошел в дом.

Аик, бросив поводья, догнал, обнял, прижал к себе спиной... «Прости, сладкий мой, я совсем тебя забросил, да?»

Замеревший от счастья Никки, положив голову на плечо стоящего сзади парня, обнял его одной рукой за шею, запустив пальцы в волосы на затылке...

— Да. Я очень соскучился без тебя....

— Зато Тийка должен быть безмерно счастлив, — усмехнулся, целуя свою Ягодку в макушку, Айки.

Никки извернувшись, повернулся к Айкейнури лицом:
— Поцелуешь? — и улыбнулся, так, как умел это делать только он.

* * *

Кэйт, войдя к себе, сразу, не раздеваясь, упала, поперек кровати, на живот. И, кивнула Рэйю на центр комнаты:

— Разденься и встань тут, как в прошлый раз.

Парень выполнил приказ и замер, делая вид, что смотрит в пол, а сам краем глаза следил за девушкой. То, что с ним делали в прошлый раз, было очень запоминающимся. Казалось, что Мать Суцего, наконец-то решила дать ему достойную госпожу. Рэйнйляш привычно пытался очаровать и приучить ее к себе, чтобы она впала в такую же зависимость от него, как и две предыдущих. Чтобы он мог, наконец, начать творить, все что вздумается, не учитывая мнение ни занудного старичка, ни вспыльчивого бычары, который, к сожалению, снова вернул себе расположение Кэйтирионы.

Но уже были израсходованы и обычные способы, и изощренные, и... И даже после ночи с ним госпожа снова забыла про него на время. К такому обращению Рэй не привык. И вот он снова в ее комнате, и его поставили так же, как в прошлый раз, значит помнят, что же в тот прошлый раз было.

— Давай, повтори снова тот фокус, — улыбнулась ему девушка.

Рэй расслабился, потом сосредоточился...

— Да, здорово! — Кэйт даже в ладоши захлопала, — У тебя это так здорово получается, как в замедленной съемке! А теперь также медленно опусти!

Кэйтириона внимательно следила за плавным движением его члена вниз. Под ее сосредоточенно — восторженным взглядом проделывать этот «фокус» почему-то было сложнее, чем в присутствии десятка подруг прежней госпожи, стоя на подиуме.

Девушка подняла взгляд на лицо парня, увидела закусанную нижнюю губу и бисеринки пота, над верхней.

— А если я прикажу тебе повторить? — с интересом разглядывая

юношу, уточнила она.

— Я... Постараюсь выполнить ваш приказ, госпожа! — Рэй почувствовал, что предательски краснеет.

Такого за ним давно не наблюдалось! Да что же это с ним происходит? Это он должен приручить новую госпожу, и манипулировать ею, как двумя другими. А получается, что это она играет с ним? Он даже почувствовал в себе странное чувство, очень похожее по описанию на ревность. После того, как неделю назад госпожа вернулась от своей подруги, рядом с ней неотрывно крутится этот взбалмошный буйвол... Иногда к ним присоединяется старичок, и тогда бычара отваливает развлекаться со своим сладким улыбашкой. А он, Рэй, вот только сейчас смог снова второй раз пролезть в эту комнату... И сегодня в гостях госпожа любовалась на своего мужа и на бычка-любимца, а на него обратила внимание только когда блядстер присоединился к ним.

Рэй, конечно, был самоуверенным парнем, но сильных конкурентов чуял за версту, жопкой. Еще в первый день, во время дружеской встречи они с бычком друг другу не приглянулись, почуяв равные силы. А вот блядстер ему часто после Совета вспоминался. Не с точки зрения переспать, хотя тоже было бы неплохо, а с точки зрения конкурентности. Минус у него был только один — староват. Но госпожа, похоже, любит старичков. А по всем остальным статьям Рэй явно проигрывал.

Но бычарку то он должен обставить! А если не выйдет, надо будет найти красную тряпку и помахать у него перед носом. Бычок впадет в неадекват и сотворит снова что-нибудь, за что его опять отодвинут в запасник.

— Постарайся!

Рэй мысленно застонал. Очень было похоже на то, что госпожа над ним просто издевается. Была у прежней его владелицы такая подруга. С юмором. Вот она тоже любила подобные садистские игры, нацеленные на демонстрацию полной никчемности раба.

Второй заход прошел сложнее, внутренне, но внешне это почти никак не отразилось.

— Мать Всего Сущего очень любит число три, — уже неприкрыто усмехнулась девушка.

И вот эта ее усмешка ударила по самолюбию Рэя гораздо сильнее, чем провал попытки в третий раз повторить так понравившейся госпоже

фокус.

Опустившись на колени, на уровне подсознания отследив, чтобы это получилось грациозно и эротично, юноша состроил жалобно-виноватую моську и спросил:

— Чем я не угодил вам, моя госпожа? Я так стараюсь доставить вам удовольствие..

— Ты стараешься оттереть от меня моих любимцев и занять их место, Рэй. Мне не надо приходить в гарем, чтобы знать, что там происходит. У меня для этого есть Гейнийляш. И его очень беспокоит твой настрой, Рэйни.

— Госпожа! В чем конкретно меня обвиняют? Я ничего не делал..

— Конечно нет, иначе сейчас ты слушал бы не мою милую болтовню, — Кэйт очаровательно улыбнулась собственной шутке, — а свист плетки. В лучшем случае, Рэй. Только потому, что мне нравится как ты танцуешь. И только это умение используй, пожалуйста, чтобы обратить на себя мое внимание. Я умею быть очень ласковой и нежной, помнишь?

— Да, госпожа, я никогда не смогу забыть...

— Вот и отлично. Значит мы друг друга поняли? Айкейнури и Шайнэ — это люди, которые мне дороги. И всех, кто пытается им навредить, я предпочту удалить из своего дома, каких бы неповторимых умений и способностей у них не было.

Кэйтириона спустилась с кровати, подошла к стоящему на коленях Рэйю и с силой притянула его голову за волосы к спине.

— Мы поняли друг друга, Рэй? Только танцами ты сможешь заслужить мое расположение, без интриг и подстав!

— Да госпожа..

— А это тебе, чтобы было что продолжать помнить, — облизнула губки девушка, и, подняв парня за волосы, продолжая одной рукой крепко сжимать их, пальчиками другой очень нежно поласкала сначала соски, потом провела вдоль ребер до бедра, потом опустилась ниже, ниже... Глаза Рэя открывались все шире и шире и вот Кэйт положила руку на его мошонку, слегка помяла и поиграла по ней пальчиками. Контроль мгновенно был утерян, и член парня поднялся вверх, намного быстрее, чем это происходило во время демонстрации. Широко распахнутые глаза замороженно, не отрываясь, смотрели в глаза своей госпожи. И на лице парня читалась почти детская обида от произошедшего конфуза.

— Так нечестно... — почти одними губами прошептал он.

— Что именно нечестно, солнышко? — ехидно уточнила Кэйтириона,

выпустив волосы из второй руки, чтобы провести ею вдоль крепкого красивого ствола. Ответной реакцией был слабый стон через плотно сжатые губы. Закрыть глаза юноша побоялся, только прикрыл их на секунду и снова широко распахнул, с испугом и изумлением продолжая смотреть девушку.

— Я так и не услышала от тебя полного подтверждения того, что ты понял меня и учтешь мои пожелания.

— Да... да, госпожа, я... Все понял и... Только танцы, госпожа... И... Я не лезу между вами и Айком с Шайном...

— Умный мальчик. Ты вполне в состоянии завоевать свое личное место рядом со мной, не прогоняя тех, кто намного раньше заслужил право сидеть у моих ног. А теперь иди и найди Айка. Если он занят с Никки, скажи, что я буду рада видеть их обоих. Скорее даже передай, что я непременно хочу видеть их обоих. У меня очень игривое настроение сегодня. Запомнил?!

— Да, госпожа..

— Ну тогда спокойной ночи, солнышко...

Глава 33

28 снейжэна. Вечер. В доме у Кэйтирионы.

Айкейнури и Никки как раз поднимались по лестнице на мужскую половину, когда их догнал Рэй. Двоих старших парней при виде друг друга слегка перекосило, хмурый взгляд Айк пересекся с полным ненависти взглядом Рэя.

— Госпожа приказала тебе зайти к ней.

Никки грустно вздохнул. Всем намеченным на эту ночь планам снова не суждено сбыться. И рад вроде за Верхнего, что того наконец простили и снова возвели в ранг первого любимца, и грустно, потому что теперь они встречаются от случая к случаю, в основном в тренажерном зале, ну или в коридоре — чтобы быстро поболтать и разбежаться.

— И улыбку своего захвати...

Передав приказ госпожи, Рэйни быстро побежал по ступенькам вверх, и даже если бы был кто-то, кто смог бы утверждать, что хорошо знает этого парня, и тот бы не догадался, насколько муторно сейчас у него на душе.

Все в этом доме шло не так, как он привык. Все было иначе. Ничего, госпожа разрешила очаровывать ее танцами, и он уж расстарается по полной. Будет третьим, не вопрос. Неделя длинная, двух-трех раз ему вполне хватит. Найдет себе малька какого-нибудь по симпатичнее, чтобы в остальные ночи не так скучно было. Жаль бычок захапал себе улыбку, прямо хоть отбивай, так идеально парнишка вписывался во все требования к имеющему счастье быть приближенным к его прекрасному телу. И внешне, и характер, и... Улыбка эта... Этот бычок — одно сплошное обломинго локального значения, конкретно его, Рэйни распрекрасного, птица-обломастик.

Айк, держа одной рукой нервничающего Никки, другой — постучал в дверь, и, после разрешения, вошел в комнату к госпоже сам и затащил за собой своего Ягодку.

Упав на колени, оба парня настороженно застыли, а Кэйт не спешила раскрывать им свои планы, продолжая лежать на кровати, только передвинулась поудобнее, чтобы лучше было видно двоих коленопреклоненных рабов. Наконец, когда количество вопросительных знаков в глазах Айки перевалило за сотню, девушка решила сжалится.

— В тот день, когда ты, любимый, пытался покинуть меня и этот мир, твой мальчик старался, используя Шайна, как подручный материал, научить меня делать минет более... эм... профессионально..

Айкейнури перевел взгляд на Никки, который в момент покраснел, но сумел заставить себя не отвести глаз от своего Верхнего: «Прости, это же было в тот день, когда ты... А потом мы наедине почти не были... Я не скрывал, просто не успел... Не знал, как рассказать... Прости!».

— Так, вы что ругаться сейчас будете? — голосом капризной девочки, которой срывают всю игру незапланированными мелочами, спросила Кэйт.

Айк посмотрел еще раз на виновато закусившего губу Никки, вспомнил тот день, и, особенно утро следующего, заплаканного Ягодку, поившего его каким-то отваром, помогающего ему одеться, провожающего его до кареты... И все это время знавшего, что его госпожа развлекается совсем не венговскими забавами, но ничего ему об этом не сказавшего... Пожалевшего его разум, пережившего все это внутри себя... Как же он удачно тогда проявил альтруизм и спас это сладкое чудо от посягательств остальных парней!

— Нет, госпожа, мы потом поболтаем... Ругаться не будем, — ободряюще улыбнулся Айкейнури своему Ягодке и тот сразу же расцвел.

— Ну вот и отлично, а то я запереживала прямо... Так вот, когда Никки меня учил на Шайне, он делал это... Без души. Мне кажется, на тебе он покажет все более правильно.

Нет, женским вуайризмом на Венге никого не удивить, этим многие госпожи любят развлекаться. И повезет, если для подобного выберут реальных или хотя бы допустимых партнеров, и соединят их в правильной позиции. Ведь госпожа могла, например, заставить Шайна делать минет Никки, а это было бы чревато, потом, небольшими разборками на мужской половине. В те времена, когда мораторий на него еще не был объявлен, Айку приходилось развлекать подобным образом мамочку Кэйтирионы. Но вот самую любимую как-то не пришлось... Да и не наблюдалось раньше за ней интереса к подобным играм.

— Вы намеков совсем не понимаете, да? — обиженно надула губки Кэйт.

Никки выдохнув, подполз на коленях к вставшему Айку, чуть спустил с него штаны, чтобы достать подопытный образец, и, облизнувшись, приступил к наглядной демонстрации. Опыт подобных уроков у него уже был, поэтому сильного смущения парень не испытывал. Тем более сегодня ему не надо было переживать за своего Верхнего, а наоборот, соскучившись за неделю, он получил возможность вновь доставить своему

старшему удовольствие. А внимательный взгляд госпожи даже усиливал возбуждение от процесса. Особенно у Айка.

— Так, остановись! — приказ Кэйтиайрионы дошел до Никки с запозданием на несколько секунд, но все равно до того, как используемый для обучения экспонат кончил, став на какое-то время непригодным, — теперь ты будешь смотреть и проверять, чтобы я все делала правильно.

У Айка чуть все не упало, Никки поперхнулся и закашлялся. Девушка, подождав пока в мире все придет в норму, слезла с кровати и встала на колени перед замершим каменным изваянием Айкейнури.

Потом, глядя ему в глаза, Кэйт облизнула губки и парень судорожно сглотнул, умоляюще глядя на свою госпожу и сам не понимая, о чем именно умоляет. Толи пожалеть его бедный разум, встать с колен и сказать, что пошутила, толи... Толи... Матерь Сущего... Айк очень хотел закрыть глаза или отвести их в сторону, потому что госпожа, стоявшая перед ним на коленях и делающая ему минет, это было слишком... Слишком для него. Но и не смотреть на это он не мог. В голове было пусто-пусто и только большие буквы: Л, Ю, Б, И, М, А, Я... Складывались в разные комбинации: люблю, любимая, любит... Какой контроль?! Какое правильное дыхание?! Люблю, любимая, любит... Меня любят! Моя любимая! Я люблю..

Кэйт была неправа, думая что Айки после такого задерет нос и перестанет здороваться со всеми остальными наложниками. Парня просто накрыло такой волной счастья, от того, что его не просто простили и приблизили обратно, а... Любят! Кругом цвели цветы, пели птицы и порхали бабочки, хотя за окном шел мокрый снег и свистел жуткий ветер.

Руки девушки нежно ласкали точку где-то между анусом и мошонкой, и это было почти также приятно, как если бы она запустила внутрь него свои пальчики.

— Я... Сейчас... Кончу...

Кэйт, по косвенным признакам тоже догадавшаяся о приближение оргазма, вопросительно посмотрела на Никки, и тот понял что это не предложение поменяться, а вопрос, как сделать так, чтобы Айку стало совсем хорошо. Показал, что надо чуть прибавить темп и попробовать взять поглубже, то есть ничего оригинального.

Айки уже был настолько погружен в себя, что не заметил этого обмена взглядами, потому что поймал себя на диком желании захватить руками волосы девушки и... Поэтому спрятал их за спину, сцепив как можно сильнее, а его желание госпожа реализовала сама, увеличив скорость и заглотив его член почти по самый корень, тля! Вместе с последним выбросом семени к Айкейнури вернулся мозг. Вернее то, что от него

осталось... Парень упал на колени перед своей госпожой, застонал от избытка впечатлений, потом тихо прошептал:

— А я... А мне... А я вам... можно? Можно я тоже..? Кэйт?

— Никки, иди спать, солнышко! Я его верну тебе завтра утром, честное слово! — Девушка ласково улыбнулась, дождалась когда за парнишкой захлопнется дверь, и прошептала, уже для Айка: «Конечно можно...».

* * *

Рэйнйляш бегал по своей комнате и матерился про себя самыми страшными ругательствами. Какого, хобот слоногемота им в задницу, происходит?! Он, наивный, думал, что у него вечером неудался. Ха! Тляшки-букашки! Он сегодня с вещами переселяется до 17 вйуэжена к Вайнгойртам!

Вот Блядстер со своим Вилкисом ему обрадуются! До икоты... Тляндец!

Нет, чем..? Чем он так прогневил Матерь Всего Сущего?! Приношения как часы делал, раз в неделю ходил отдавался жрице... Что?! Что он сделал не так?!

Ладно, он из штанов выпрыгнет и Вилкиса заставит, хотя тот и так дымится от энтузиазма, но этот спектакль будут помнить еще внучки присутствующих на премьере.

Не будь он Рэйнйляш распрекрасный, тлять!

Раз госпожа любит смотреть, как он танцует, он им станцует... Зря что ли в него столько денег вложено? Вот две госпожи вкладывали, а он из них веревки вил и в клубочки сматывал, а теперь, ради третьей, готов зайчиком скакать и ушами по команде хлопать... А ведь еще на рынке было понятно, что непростая ему госпожа досталась... Когда она на все его ухищрения лишь улыбнулась загадочно. Теперь то он понял, имея мужем Блядстера, сложно удивится шуткам молодого мальчишки... А он щенок-сосунок по сравнению с ее мужем, это и ежикам ясно.

* * *

29 снейжэна. В доме у Вайнгойртов.

Когда Рэйнйляш соскочил с лошади, швырнул поводья подскочившему мальку и двинулся к входу в дом, его уже встречали.

На веранде, облокотившись о перила, стоял Дэйниш, а напротив него, у двери, прислонившись спиной к стене — Эйни. И лица у них двоих были такие гостеприимные, что прямо душа пела.

— И не надо на меня так радостно смотреть! Все восторги от моего присутствия в вашем доме целых три недели можете передать моей госпоже лично, на коленях и с поцелуями кончиков туфель...

— Эй, ты что с утра пораньше такой заведенный?! Нервные клетки беречь надо, тебе еще жить и жить, Рэйни, — Дэйи попытался натянуть на лицо дружелюбную маску хозяина дома, — Пойдем, мы тебе твою комнату покажем. Позавтракать успел или сразу выкинули с ускорением?

— Какие мы, фу ты ну ты, вееееееееееежливые, — фыркнул Рэй, — Не кормленный я, не поенный, сразу с утра к вам прогоненный.

Эйн не выдержал и заржал:

— Бееееееееедненький! Ну пойдем, злые дяди тебе каши зерновой дадут поклевать.

— А что-нибудь посытнее у вас пожрать с утра дают? На кашке я долго не протяну.

— А тебе, деточка, фигурку беречь надо. А то ножками в воздухе дрыгать не сможешь.

«Хобот слоногемота тебе в задницу, блядстер!», — изо всех сил пожелал Рэй, даже глаза зажмурил, представляя...

— Да не злись ты, предупредили раньше, кундейки бы заныкали жаренной, а так, сам понимаешь, в большом гареме клювом щелкать нельзя, — примирительно улыбнулся Дэйи.

«Вот как был классным парнем, так им и остался..», — почти влюбленно вздохнул про себя Рэйнйляш. Дэйниша он заприметил еще в Джордане, хотя и был на три года младше. К высоченному черноволосому парню, знающему наизусть все шесть томов Кодекса и смотрящего на мир через странную призму черного и белого, без всяких серых оттенков, у него еще там возникло что-то очень похожее на уважение. Конечно если представить Рэйни способным на такие странные чувства. Уважения Дэйниш удостоился после того, как спас мальчишку, подсказав ему пять вариантов отмазки, пока сопровождал в комнату для наказаний. Рэйя, конечно, все равно наказали, но уже просто в профилактических целях, а не за ту провинность, а то не сидеть бы ему на жопке неделю, точно. Ведь он тогда еще не вошел в возраст использования и за все шалости страдали спина и два полупопия. Потом они встречались еще раз, в предпоследнем

доме — Дэйна привозила с собой госпожа со странным садистским юмором. Она еще потом спасала Дэйниша от другой госпожи на вечеринке после Совета, правда самого Рэйнйляша тогда под шумок тихо стащили и чем все закончилось, он не увидел.

Было немного обидно, что встретившись сейчас снова, он, Рэйни распрекрасный, тут же узнал Дэйна, а вот тот его — нет. Ну ничего, после его выступления на вечеринке все начнут вспоминать, как в одном поле с ним цветочки собирали.

Размышляя о будущей славе, Рэй дошел до столовой Вайнгойртов, которая была в два раза меньше чем у них. Окинул взглядом по кругу помещение и вопросительно посмотрел на Эйна.

— Зато тут кухня больше, — усмехнулся Эйри, — И мы тебя сейчас там и накормим, потому что здесь уже все убрали и полы намыли до обеда.

И они пошли в кухню, где стояло несколько столов для тех, кто решил поесть в неурочное время, за одним из них давным-давно, как будто в прошлой жизни, Эйн кормил свою госпожу перед поездкой на рынок и в бордель, где они потом купили Вилайди.

Пока Рэйни давил в себя кашу, потому что есть хотелось сильно, а до обеда была еще прорва времени, Эйри сбегал и нашел Вила, передав ему гостя с рук на руки. А сам, вместе с Дэйном, удалился:

— Ну мы пошли делами заниматься, а вы давайте не сильно ножками в воздухе крутите, а то коленки назад вывернуться.

Потом Эйн строго посмотрел на Рэя и, сверкнув глазищами, уточнил:

— Вил — мой парень и я жутко ревнивая скотина, понятно?

«Да уж чего там не понять, ревнивый блядстер — это вааще круто до нечленораздельного мычания, угу..», — быстро прожевывая кашу, потому что не привык остричь с полным ртом, подумал Рэй. Ну а потом просто буркнул: «Понятно...». Глупо нарываться, в первый день в чужом доме. Тем более с учетом того, сколько ему тут придется прожить, могли и «приемку» устроить. А его кашкой покормили... И кундейки бы оставили... Рэй даже во рту почувствовал вкус жаренного мягкого сочного мяса, и чуть не подавился.

— Так вкусно, что слюной захлебываешься? — сочувственно усмехнулся Вил, — Пошли, у меня в комнате салата целая миска. Если туда картоперцы нарезать, вполне сытно получится.

Рэй тут же отодвинул тарелку и встал из-за стола.

— Посуду отнеси к мойке...

«Нормально они тут мальков разбаловали...», — возмутился про себя Рэйни, но промолчал.

Парни зашли в общий зал, где на стены заканчивали развешивать сразу четыре экрана. Один из спецов сидел с планшетом и настраивал выходы с экранов в венгонет с одним и тем же идентификатором.

Вот общий зал у Вайнгойртов был огромный, и витражи в окнах в форме арок. И вместо двух кондиционеров под потолком, как у Маргойлинов, тут, в каждом из четырех углов, стояли высокие, под два метра, воздухоочистители. При этом они явно не справлялись с нагрузкой, судя по легкому запаху жимолости, витавшему в воздухе. Рэйнийляш еще вчера обратил внимание и на запах, и на мощные системы очистки, но был слишком занят соблазнением блядстера и Вилкиса, чтобы обдумать это наблюдение.

Как раз к тому времени, когда содержимое миски, так кстати заначенной Вилайди, было уничтожено, а миска отнесена на кухню, к мойке (Рэйнийляш снова промолчал, но решил, что местные икринки просто нюх потеряли, тляшки-букашки), экраны были установлены и настроены.

И парни пошли их тестить, врубив на всю мощь одну из найденных Вилайди балетных постановок.

— Понимаешь, этот балетмейстер как раз «Отеллу», почему-то не поставил, зато у него есть «Ромео и Джульетта». Я нашел саму пьесу на том же планшете, что и подлинник «Отеллы», и, не поверишь, читал и чуть не плакал...

«На то ты и Вилкис», — фыркнул про себя Рэйни, — но вслух сочувственно покивал с заинтересованной мордашкой. За что на него было излито краткое содержание в вольном пересказе самой печальной повести на свете.

— Ну да, не повезло ребятам, — не слишком эмоционально отреагировал Рэй, потому что все там в этой пьесе вели себя странно и непонятно. Особенно главные герои. В пьесе, которую им выбрала госпожа Айрин, логика героев была вполне понятна, а в этой... Тляндец и все умерли. Главное, умом не объять — зачем.

* * *

Конечно на предупреждение блядстера, не подкатывать к его котенку с интересными предложениями нескучно провести время, Рэйнийляш завинтил болт.

В первый день он тихо осваивался, на второй потащился со всеми в

тренажерку и бассейн, присмотрел себе несколько кандидатов на право развлечь себя, любимого. Двое Верхних и трое мальков, чуть старше возраста использования.

— Имей ввиду, у нас мальков без их согласия не пьют, — испортил весь инжир блядстер, догнавший его на дорожке и проплывший какое-то время рядом, прежде чем обогнать. Плавали все у Вайнгойртов так, как будто на перегонки гонялись. Только Дэйн просто размеренно плыл, наслаждаясь ласкающей тело после тренировки прохладной водой.

Вылезая из бассейна, Рэйнйляш еще раз оглядел довольную, бултыхающуюся и дрызгающуюся во втором бассейне мелочь. И как от таких согласия добиваются? Конфетами прикармливают? Или сказки перед сном...? На манер Шахеризады: начало просто так, а продолжение после минета. Избалованные икринки, тляшки-букашки!

Ложится снизу не сильно хотелось, оптимально было влезть между блядстером и Вилкисом, паровозиком. Рэй уважал подобные развлечения лет так с девятнадцати, точно. В середине было самое уютное место, правда темп задавал тот, что сзади, но человек с опытом и желанием при любом ритме удовольствие получит.

* * *

— Вилайди, ты сейчас ничем не занят? — как-то слишком подозрительно ласково спросила Айрин.

После того случая, когда его госпожа и жена его Верхнего... И ведь не знаешь, какое слово употребить. Поиграли? Наверное правильное всего именно оно. Поиграли в него вдвоем. Жизнь снова поделилась на две половины. И те мечты, которые раньше Вил прятал внутри себя как можно глубже, боясь хоть взглядом, хоть движением брови выдать, как ему иногда хотелось бы... Раз, всего лишь раз попробовать. Теперь эти мечты подошли к самому краю, к самой границе между реальностью и фантазией и просто стучали ногами и требовали продолжения банкета.

Вил с перепугу даже малька одного соблазнил, в надежде, что если в кого-то член засунет, то его отпустит.

Не отпустило. А память садистски прокручивала в голове все кадры, когда она была так близко, так рядом, так доступна... Особенно много, слишком много было кадров первых дней его пребывания в этом доме. И ведь тогда он хотел совсем другой ласки, и на него изливали эту сестринско-материнскую нежность галонами. А теперь... Самое страшное

— это ночи, потому что контролировать сны не возможно. И во сне с ним происходит теперь такое, такое...!

— Нет, госпожа... То есть нам с Рэйни надо идти тренироваться дальше, но..

— Хорошо, зайди ко мне в комнату и подожди, я сейчас подойду.

Вил уселся в кресло и приготовился ждать. Раньше, приходя в эту комнату, всегда надо было аккуратно переставлять ноги — кругом были игрушки и дети. Но теперь и те, и другие большую часть времени проводят в свободном броуновском движении по дому. Присмотр за ними передавали, как эстафетную палочку. Один поиграл от получаса до часа, нашел кого-то свободного и передал ему наблюдение за тремя активными тельцами и их приданным. Даже спали малыши теперь днем там, где свалились в игре. И только на ночь, пока еще, загонялись в комнату к матери и тети.

За дверью слышались голоса Дэйна и Эйна, потом смех госпожи и вот дверь открывается и в комнату входит она. Одна. Что-то защекотало внизу живота, сердце забилося чуть сильнее, чем следовало и лицо, почему-то предательски начало краснеть.

Девушка, с еле заметной усмешкой, подошла вплотную к Вилайди, привычным движением провела большим пальцем у него по щеке... Дыхание парня на секунду сбилось, потом снова вернулось в норму. И глаза в этот раз даже не прикрыл, так и стоял с неммым обожанием смотря на свою госпожу.

Айрин плавным движением убрала с плеч его красивые длинные волосы... Все-таки не выдержал, закрыл глаза, и губы девушки нежно прикоснулись к его шее, чуть мазнули и обожгли дыханием.

— Потом, милый, позже... Я обязательно дам тебе все, что ты хочешь, только позже. А сейчас я хочу обсудить с тобой более важный момент. Готов ли ты морально к операции по пересадки кожи? — и губы Айрин коснулись метки, про которую он вспоминал только тогда, когда оставался один дома, а все остальные ехали или в Космопорт, или во Дворец.

Да, в этот раз он должен будет поехать во Дворец со всеми, а значит надо убрать эту метку с лица, госпожа права — это очень важно.

— Да, госпожа.

— Хорошо. Я уже договорилась с одним из врачей пригородных больниц, он ждет тебя завтра утром. С тобой поедет Эйни, хорошо?

— Да, конечно, госпожа...

Девушка еще раз погладила Вила по щеке, проказливо улыбнулась и, обняв парня за шею, поцеловала его в губы.

— Обещаю, ты все получишь... Только позже..., - шепнула она ему, —
А теперь иди, спокойной ночи!

* * *

Так что весь третий день своего пребывания в гостях Рэйнйляш развлекал себя самостоятельно. Вернее рядом с ним неотрывно сидел Юйлайнэ, заодно учивший текст.

Подкатывать к кудряшке Дэйна Рэйни почему то не стал, наверное, это была почти совесть, ну или что-то похожее.

Ближе к вечеру вернулись Эйфри и Вилайди. Вил был бледный, смущенный, но довольный. На скуле, на том месте, где раньше было клеймо, был прикреплен кусочек ткани, и Вил все время пытался дотронуться до него рукой и почти касаясь пальцами, отдергивал их, но, через некоторое время начинал по новой.

— Болит? — сочувственно выдохнул Юй, искренне переживающий за нового друга.

— Зудит, — буркнул Вил, которому ну никак не удавалось сосредоточиться, потому что реально же зудело так, что сил никаких не было.

А до 35-го оставалось всего-ничего. К тому времени надо будет продумать все выступление целиком, когда — стихи, когда — танцы, которые надо еще придумать, станцевать, записать, составить список требований к каждому герою-танцору...

Хорошо, гарем госпожи Кэйтирионы оказался богат талантами — и поэт свой, и танцор-хореограф. Детальную проработку всех танцев делал Рэйнйляш, у него это получалось быстро, при этом каждое движение — выверено, а сами танцы — красивы и идеально подходящие для выражения чувств героя.

Вил напрасно волновался — к утру очередного общего сбора, все запланированное было выполнено и довольно успешно. Конечно, от классического балета было оставлено примерно столько же, сколько и от Шекспира. Но из мешанины гимнастически — пластичных танцев для развлечения господ и балетных движений, получалась такая красота, что количество зрителей под дверью в зал росло день ото дня.

Сегодня из всей толпы под дверью Вилайди и Рэйни придется

выбирать будущих участников пьесы. Только главные герои — парни одновременно и стихи читают и за себя танцуют. И один главный герой уже какой день ходит слова учит, теперь вот и у остальных появился шанс свое умение проявить. Сначала было решено поискать таланты в собственном гареме, а уже потом порыться в гаремах Кэйтирионы и Айсоэль.

Хотя Кэйт очень рекомендовала еще одного новенького — Нийкийнэ, Никки. Сегодня его должны были привезти продемонстрировать.

Эйнри вчера вечером гнусно хихикал, что скоро будет снимать смачные сливки из под своих универсальчиков. Вилайди сначала даже не понял, о ком это его Верхний, только потом вспомнил, что «уни» — это те, кто имеют и Верхнего и Нижнего. Как Дэйн, например. И сливка — это Юйлайнэ, который с таким обожанием смотрит на Дэиниша, что сразу понятно, ничего-то его Верхнему не обломится. Да он на Юйку очень и не претендует. А сегодня Рэинийляш проболтался, что Нийкийнэ — это парень Айкейнури. Ну и как бы... Если Эйн захочет — тот даже вякнуть не сможет. Хотя... Последнее время его Верхний тихий такой, ни к кому не пристаёт, постоянно возле него и Рэини крутится. Наверное, ему Рэй нравится, он же красивый такой... И танцует очень... эротично. У самого внутри что-то замирает... А уж у Верхнего, с его-то темпераментом.

Пока парни производили отбор танцеров, девушки шумно и эмоционально пытались придумать другие развлечения. Пьеса — она на два первых часа, пока женщин после Совета отпускает и они пищу вкушают и вейкоктейлями накачиваются. Хотя на прошлой вечеринке они вообще сразу в разнос пошли, так что, наверное, пьесу в середине поставить надо.

Сначала какое-то развлечение чтобы эмоции выплеснуть, потом пьеса, потом борьба с последствиями вейкоктейля.

В голове Айрин вертелась масса идей: бокс, борьба в грязи, битва на мечах... Но все это было прекрасно для женщин среднего возраста и младше, а таких в Совете едва ли половина.

В итоге решили устроить конкурсы по меткости. Сначала две команды, сидя по лавкам, будут стараться накидать как можно больше мячиков в бочонки соперника. Как только одна из команд исчерпает запас мячиков — соревнование прекращается.

Потом соревнование по одиночке — кто дальше кинет. Тут потребуются не одинаковые мячи, а с разным весом. Сначала все желающие кидают мячики разного цвета, отсеивается половина

участников, увеличивается вес мячиков... По идее, бросание предметов на расстояние должно было снять накал агрессивности.

Но, на всякий случай, был придуман еще один конкурс — кто кинет сильнее. В мешочки, при всех, упаковуют стеклянную посуду, например большие стаканы. Потом участники швырнут эти мешки со всей силы, и у кого осколки будут мельче — тот и победил. Битье посуды уж точно всех успокаивает, проверено временем. Можно же не один раз кидать, если победитель не ясен.

Про запас был еще и адаптированный вариант — швырнуть и ногами потоптать. Но это уже чисто для души, например как призовая игра.

Пока придумывали — насмеялись от души. А вот начав размышлять, как развлечь накоктейленных дам, сразу пригорюнились. Не шло в голову ничего, кроме традиционного варианта. Хоть иди на рынок и покупай специально рабов для вечеринки, потому что своих жалко.

И тут Айрин осенило — аукцион! Сдаешь своего раба для участия в аукционе и получаешь жетон на право участия в одних торгах. Сдаешь двух рабов — два жетона, ну и далее по такому же принципу. Рабов надо будет выставлять не как бревно с членом, а чтобы завел как следует, возбудил потенциальных обладательниц. Стрип-танец пусть станцует или песенку споет, романтическую. Ну и далее сами торги за настоящие деньги, и обязательно надо будет уточнить, что вся сумма в какой-нибудь фонд и тогда никто возражать не посмеет. Зато сколько сразу жадных любительниц халявы отсеется!

Подруги предложение одобрили, осталось обсудить все с Первым Домом, получить денег на закупку реквизитов и бросить все силы на пьесу.

Тут подошли Рэйнйляш и Вилайди, сообщить что с распределением ролей закончено. Два мальчика из гарема Айсоэль и трое из гарема Кэйтиайрионы, остальные все местные. Просто на главные роли выбрали по два танцора, чтобы в процессе репетиций выяснить, у кого лучше получается и иметь дублера, на всякий случай. Порадовавшись, что ее окружают такие умные и предусмотрительные люди, Айрин и остальные девушки пошли смотреть на отобранных везунчиков.

Нийкийнэ, хотя и не понравился Вилу, как ярко выраженный потенциальный соперник, явно во вкусе Верхнего, все же согласился, что у парня хорошее чувства ритма и отличная физическая подготовка именно для танцев.

Новость, что его Ягодку оставляют у Вайнгойртов до самого Совета, Айкейнури абсолютно не обрадовала. И он очень эмоционально бухтел Эйну, что если только чей-то посторонний палец, не говоря уже о других

частях тела, коснется его мальчика...

— Айки, золотко, не переживай! Если мальчик не захочет сам, никто его не тронет, ни пальцем, ни другим органом. Ты же знаешь, у нас тут с этим строго, Лейхио за попытку изнасилования мелочи может и узлом завязать.

Айкейнури немного расслабился и занял на часик комнату Дэйна, пообихаживать Ягодку, чтобы неделю потом вспоминал.

* * *

Если до поездки в гости основной задачей Юйланэ при появлении Айсоэль было начать мелькать у нее перед глазами, обращая на себя внимание, то теперь все происходило с точностью до наоборот — Юй старался превратиться во что-то маленькое и незаметное. После того, как он чуть не расплакался 28-го, Айрин всю неделю присматривалась к парню, настаивала, чтобы вечерами он репетировал при ней, а потом вообще собрала толпу девушек и заставила бедного паренька выступать перед ними. Юйлай сначала от смущения позабыл все на свете, но потом достаточно быстро реанимировался и выдал почти весь текст, и несколько танцев, из тех, что исполнял один и успел запомнить.

Зрители рукоплескали, Юйлайнэ светился... Ровно до тех пор, пока 35-го, вечером, госпожа не позвала его к себе в комнату.

Дэйн и Эйри напряженно переглянулись.

— Надеюсь, лавры моей жены сестру не манят? — с надеждой уточнил Эйн у друга, — Ведь Вила она отпустила, не попробовав. Значит и Юй — по делу, да?

— А ты загляни... Третьим попросишься, — съехидничал Дэйниш, — Ты что-то ревнивый снова становишься, с чего бы?

— Я им и был все время, просто к тебе-то чего ревновать? Смысла нет, хоть уревнуйся. И Обаяшка, он же тоже попал в переплет... А вот если сестренка сейчас весь гарем понадпробует, как Кэйтириона, то я тоже буду рвать и метать, почти как Айки.

— Презабавное будет зрелище, — хмыкнул Лейхио, подойдя к парням и прислушавшись к разговору.

Эйн нафырчал на всех, что натура у него тонкая и легко ранимая, а обидеть всякий норовит... И пошел следить за Вилайди, обсуждающим с Рэйни очередной творческий момент.

А Юйлай вошел в комнату к госпоже и поискал глазами место, где можно было бы, наиболее убедительно, прикинуться торшером, например.

— Юй, хороший мой, — Госпожа подошла вплотную к мальчишке, и погладила его волосы, убирая их со лба, — я все понимаю, но давай ты будешь делать вид, что Айсоэль просто одна из девушек, и все? Если каждый раз, встретившись с ней взглядом, ты будешь замирать, как кролик перед удавом, то нашу пьесу ждет полный провал, понимаешь? На Совете она будет в качестве гостыи, принимающей участие в организации вечеринки. И будет сидеть и смотреть на тебя, лапочка. А то заледенеешь и замрешь?

Юй чуть покраснел и отрицательно помотал головой:

— Я не подведу вас, госпожа, правда-правда! И... Я исправлюсь.

— Надеюсь, мальчик мой, очень надеюсь. Ты идеальный главный герой, и я очень на тебя рассчитываю.

Юйлай кивнул и покраснел еще больше.

— Мне можно идти, госпожа?

Айрин улыбнулась, убрала, снова упавшую на лоб непослушную кудряшку:

— Иди, а то парни, наверное, уже немного волнуются из-за нашего уединения.

Юй сначала вопросительно распахнул глаза, потом до него дошло, для чего обычно госпожи запираются со своими рабами, и, покраснев еще больше прежнего, метнулся за дверь.

* * *

Айсоэль покидала дом подруги в растрепанных чувствах. Под конец вечера она ловила себя на том, что откровенно любит на кудрявого капризного наложника, не оценившего оказанную ему честь и с позором выставленного из ее дома.

Мальчик все же притягивал, чем-то неуловимым. Захотелось снова зажать его в уголке и приласкать-погладить, а, главное, снова увидеть восторг и желание в его глазах. Раньше мальчишка, все время, как-то случайно, попадался ей на пути, а теперь, когда она только делает движение в его сторону — тут же, как ветром сдувает. Даже обидно как-то, ведь ничего такого с ним не делала, просто наказала-поиграла. Принадлежи он какой-то другой госпоже, не Айрин, можно было бы договориться и забрать снова, но Айрин не отдаст. Тем более парнишка просто ест глазами

ее мужа, да и тот ему, явно, слишком много внимания уделяет.

Не отдаст даже тут поиграть, хотя может если при ней? Надо будет как-нибудь в середине недели заехать, когда не будет такой толчеи и суматохи. И тихонечко, по-девичьи, обсудить эту небольшую проблемку. Пусть прикажет своему зверьку быть с ней по-доступнее, не хватало еще за рабами бегать. Мужем она его точно больше сделать не хочет, но поиграть... Прямо руки чешутся, как хочется.

* * *

В этот раз на Совете продолжили обсуждение на тему: «Есть ли у налогоплательщиков право на жизнь после тридцати?» и рассмотрели предложения по решению этого вопроса, а также варианты строительства приюта для отказников.

У Айрин с Кэйтириной предложений не было, не подготовились они к Совету, не до того было. Поэтому честно признались, что целиком и полностью поддерживают вариант госпожи Альцейкан. Причем Клаусийлия еще даже не выступала, но уже приобрела два голоса поддержки.

В итоге ее предложение и победило, набрав еще несколько голосов. Остальные очень упорно отстаивали именно свои варианты, отличающиеся друг от друга небольшими, но самыми важными для их создательниц подпунктами.

А потом началось веселье. Битье посуды имело колоссальный успех! Пьесу отсмотрели практически молча, и даже когда актеры ушли из зала, в нем некоторое время стояла такая тишина, что было слышно ветер за окнами.

Кэйт с Айрин обреченно переглянулись — пошалили, называется. Но потом народ оживился, захлопал, послышались одобрительные возгласы. А Клаусийлия, посмотрев на двух бледных подружек, подмигнула им и поцеловала сложенные щепотью кончики пальцев — мол, «конфетка» у вас, девочки, просто получилась.

Переждав какое-то время, Айрин объявила правила ведения и участия аукциона, и народ снова зашумел. Причем в целом гул был из серии — «Так ты у меня постоянно моих таскаешь, а своими делится не желаешь, ну вот теперь и сиди со стаканом и тарелкой салата», то есть хитрость затеи все оценили сразу же.

Первая госпожа Венги очень прониклась этой идеей, а особенно тем,

что все собранные деньги можно будет перевести в Фонд строительства приютов для отказников, пусть это и будут копейки по сравнению с требуемыми суммами, но все равно приятно. И объявила, что отныне аукцион станет традиционным развлечением на всех больших праздниках, устраиваемых Первым Домом. А в следующий раз она хотела бы увидеть не только пьесу, но и, так разрекламированные гостями последней вечеринки Вайнгойртов, смешанные танцы. А насчет развлечений сразу после Совета — в следующий раз тоже можно будет что-нибудь покрушить и побросать, ей, лично, очень понравилось.

* * *

Айсоэль выполнила задуманное, и, приехав к Айрин, мило с ней поболтала. После чего Дэйниш привел Юйлайнэ, и так посмотрел на жену, уходя из комнаты, что ей захотелось провалиться сквозь землю прямо на месте. Она потом с мужем до следующего утра не разговаривала, хотя он и извинялся, и на коленях стоял, и кулаком об стену стучал.

Только утром следующего дня, проснувшись и полюбовавшись какое-то время на красивое утонченное лицо, заметила, как чуть вздрогнули ресницы, и поцеловала...

— Волчонок ты мой...

— Вы простили меня? — глаза сразу раскрылись, а в них вопрос, вина и любовь. Ну как на него можно долго сердиться?

— Если ты, еще хоть раз, рискнешь вести себя, как Эйри, мы поругаемся гораздо серьезнее. Может быть, я даже накажу тебя, понятно?

— Да. Простите... Простите, что я подумал, будто вы...

— Да, Дэйн, именно это и было обиднее всего. То, что ты подумал, будто я смогу поступить с твоим мальчиком плохо или позволю это сделать кому-нибудь в моем присутствии.

— Простите...

— Простила... Иди ко мне, Волчонок.

На самом деле Юйлайнэ и Айсоэль просто поговорили. И Айсоэль уехала слегка смущенная, размышляя, что в принципе, наверное, будь она более внимательна и ласкова, этот нежный мальчик сейчас жил бы в ее доме. Потому, что он отнюдь не был к ней безразличен даже сейчас, а тогда-то вообще ее обожал. Что ж, будет снова приручать зверька, потихоньку — новая игра, даже в чем-то забавная. Раньше никогда в такую

не играла, может этим и привлекает. Дома то все ручные и покорные, а тут, по правилам, надо не сломать, а приручить... Забавно!

17 вйуэжен. Вечер. В доме у Кэйтирионы. Рэинийляш.

Кэйт пропустила меня к себе в комнату первым, заблокировала дверь на замок, обернулась:

— Раздевайся и ложись на кровать, на спину.

На кровать — это хорошо, это очень хорошо. На кровать и на спину — это вообще многообещающая позиция. Это вам не в подъемный кран в центре комнаты играть...

Раздевался я весь из себя такой эротично-необыкновенный и трепещущий в предвкушении. Играл все очень натурально, потому что... Действительно, все внутри трепетало, как в первый раз.

Тляшки-букашки, я даже развязывание запаха рубахи чуть не завалил, но, вроде удалось сделать вид, что ничего не произошло. Со штанами проще — стащил и все. Вот с содержимым штанов гораздо сложнее — его же контролировать надо, чтобы вел себя прилично и лежал... Ну не лежал, конечно, это фантастика, но чтобы не агрессивно колом стоял, а мой, сейчас, как раз именно это проделать и пытается. И умный я, зачем-то, встал к госпоже боком, как раз, чтобы наиболее четко продемонстрировать свой очередной конфуз, наверное.

Госпожа с интересом смотрит на меня, пока я, довольно успешно, загоняю стояние в приемлемые рамки...уф! Теперь можно спокойно снимать штаны. Не понятно, с чего он у меня так сильно переполошился, что решил свою головку из кончиков штанов высунуть... Но я этот акт не могу расценивать иначе, как предательство меня, любимого. Потом придумаю, как наказать вредителя.

Наконец, весь такой красивый и манящий, укладываюсь в центре кровати, и пытаюсь соорудить на лице выражение покорного ожидания. Надо было лайму пожевать, перед тем как к госпоже идти, потому что так и тянет улыбнуться — ура, движуха есть, за месяц с центра комнаты, в центр кровати.

Тляшки-букашки... Обычно меня на кровать загоняли в первые два часа после покупки, а тут... Такой прогресс, прямо взрыднуть в беседке с цветочками тянет...

На всякий случай живот напряг, чтобы все мышцы красиво проявились, ну чтобы, если уж опять обломать решила, так хоть ручками погладить-потрогать захотелось. Хотя она же обещала за танцы меня

поймать, а я сегодня выложился так, что даже на два часа вырубился прямо в одном из закутков гарема Первого Дома. Проснулся накрытый одеялом и с подушкой под головой, а рядом лахудрик Дэйновский сидит, сон мой охраняет, зайка сознательная.

С другой стороны, она госпожа... Старинная гаремная мудрость какая? «Госпожа пообещала — Госпожа сделала, а если пообещала и не сделала — значит, госпожа пошутила.»

Но, похоже, не пошутила. Иначе, зачем мои руки привязывать к спинке кровати? Хотя в любом случае непонятно — я же мог их просто за спину убрать и все. Ну или тут на кровати крючки есть, я их еще в прошлый раз разглядел, можно было к крючкам... Не люблю, когда руки так вытягивают, хотя мое тело от этого еще красивее смотрится, чего я разжужжался? Но вот не люблю... Совсем себя тогда беззащитным чувствую, а перед ней я и так игрушка-игрушкой. Не хватало только шептать начать: «Ну поиграй со мной, пожалуйста..». Хотя, тляшки-букашки, еще месяц она меня промаринует и буду на коленях умолять. С чего меня так перемкнуло то на ней? Вот у Вайнгойртов госпожа тоже красивая, но не тянет под нее совсем. И Айсоэль — красавица, глаз не отвести. Так бы и любовался сидел, если Кэйтиарионы рядом нет. Нет. С этим надо что-то делать срочно, это я госпожами манипулирую, а не они мной.

А мне, между тем, еще и ноги растянули по углам кровати, хотя привязывать их не куда не стали, и за это спасибо, на коленках кончики туфель чмоки, тляшки-букашки! Да делай уже со мной хоть что-нибудь, пока у меня снова конфуз не произошел, из последних сил держусь же уже! Особенно после того, как над моим лицом грудью своей позависали, так бы губами и... Тляшки-букашки, да что со мной такое то?! Ну наконец-то... Да, вот так ноготочками... Это я очень люблю, аж выгибает просто. А просто пальчиками — это запрещенный прием, так нельзя... Ниже — тем более нельзя!

А в голове уже крутится воспоминание, как ко мне в прошлый раз совсем запрещенный прием применили... Да, именно его... Мать Суцего!! Пальчиками, нежными своими, по... Уау! И даже так? И как я должен это терпеть?! Я же не робот, красивая моя, а живой такой, вполне себе сексуально здоровый парень, а вы со мной так... Нечестно!

И тут госпожа мне на ухо, шепотом, с интонацией мужа своего, ненавижу блядстера!

— Что же ты так плохо себя контролируешь, солнышко?

Тляшки... Только не обламывайте меня сейчас, только не сейчас, ну пожалуйста, доиграйте в меня до конца, ну пожалуйста же!!!

— Пожалууууиста...

Это кто сказал? Это я сказал? Довела она меня, чистого вейдже ей в глоточку и запереть в подвале, Матерь Сущего! Я, Рэйни неповторимый, умоляю свою госпожу... Несмываемый позор на мою голову. Но ведь помогло же! Хотя лучше бы не помогло... Контролер же не одела, а сама...

И тут мне снова в ухо прошептали: «Расслабься, я сама слежу, чтобы у меня от вас детей не было». Вот счастье-то привалило... Ни разу еще в госпожу не кончал. Все равно же надо дотерпеть, чтобы сначала она, а уже потом я. А терпеть то я уже совсем и не могу... Ну совсем не могу... Так, сосредоточься же, Рэйник, а то конфуз за конфузом, причем только с ней. Так у меня самцеценность ниже плинтуса упадет, и что я тогда делать буду? О чем же подумать то, чтобы не так мозги сносило... А в голове пусто-пусто... Зато головку сейчас разорвет... Ну кончай же ты скорее, красивая моя, пожалуйста!

Уау! Я сделал это... Я смог...Дотерпел... Э... А мне кончить дадут? Дадут? Уау....

— Кэйт...

Тляшки-букашки, за волосы то за что?!

— Запомни, солнышко, по имени меня называть могут только двое, ясно?!

Я назвал ее по имени? Когда? Я это вслух произнес? Крееееееееетин.... Хобот слоногемота мне...

— Простите, госпожа, я... Не отследил и забылся. Мне так хорошо никогда раньше... только с вами... и я забылся... такого больше не повторится... простите!

Женщины, они же любят, когда единственные и неповторимые? Может простит? Не соврал же почти! Повторится, скорее всего, но я, правда, постараюсь, чтобы было как можно тише и лучше совсем про себя.

Тляшки, как я завидую этому бычаре, аж всего наизнанку выворачивает! Чем он лучше меня? Тем, что на блядстера сильнее похож? Тля-аяаяаяаяяяяшки-букашки, я все понял! Они ж как братья... Мозоль знаем где, топтать вот запретили, а такая бы забава была редкая.

Интересно, а у старичка где мозоль прячется? Топтать нельзя, но знать болевые точки сокроватников я просто обязан.

— Глаза у тебя очень странно заблестели, солнышко. Ты наш договор помнишь?

— О, да, госпожа! Танцы и только танцы. И через месяц я снова вас ими порадую!

— Надеюсь, солнышко... А теперь иди к себе, спокойной ночи.

- Спокойной ночи, госпожа...
- И позови Шайна, пожалуйста.
- Хорошо, госпожа...

Где у старичка мозоль? Может если буду знать, то не так муторно на душе будет? Опять выставили... Использовали, выставили и ведь не одна спать будет... Да что же это происходит то?!

17 вйуэжсен. Вечер. В доме у Вайнгойртов. Вилайди.

Госпожа пропустила меня к себе в комнату первым, заблокировала дверь на замок, обернулась:

— Ты был неповторим, Вилайди, я очень тобой горжусь!

— Спасибо, госпожа! — а у самого голос дрожит, и даже чувствую, как щеки гореть начали... Если позвали только похвалить, то зачем дверь заблокировали? Если не только... То я сейчас от усталости сам упаду просто, наверное так себя выжитый в чай лимон чувствует.

— Раздевайся и иди ложись на кровать.

Я так долго ждал этого, так мечтал... Должно открыться второй дыхание, наверное? Только глаза предательски закрываться начали, когда голова коснулась подушки.

— Переворачивайся на живот, котенок.

Вот ведь... Размечтался опять, дурачок, а тебя всего лишь в задницу поимеют и все... А это живым членом намного приятнее, чем анфаллосом.

Айрин, усмехнувшись, уселась на парня сверху, и начала ласково разминать напряженные плечи, шею, размассировала кулачками позвоночник, вытянув руки вдоль туловища размяла и их тоже. Потом ноги... Тщательно, старательно, пока совсем не станет мягкий-мягкий. Теперь перевернуть почти спящее тельце, помассировать ноги, руки и плечи спереди, а теперь поцеловать в так маняще расслабленные губы... Надо же, спит же почти, а все равно отвечает.

Госпожа начала мне делать массаж, Верхний тоже такой умеет делать, и последние время он очень часто применял свои знания, даже Рэйю делал несколько раз. Как же спать то хочется, сил просто нет... Переворачивают... Спаааать... Хорошо то как... Рэйнйляш уснул прямо сразу после пьесы, хорошо хоть в зале не упал. Он же не спал всю ночь перед вечеринкой, волновался. Верхний с Дэйном его в уголочек отнесли, а потом даже одеяло с подушкой где-то ему достали и посадили Юйлайнэ

сидеть рядом, охранять. Даже часы для связи выдали, а то мало ли что может произойти в этом Первом Террариуме? У них теперь у всех такие часы есть, вот и Юйке тоже, наконец, выдали. Теперь на небольших расстояниях друг от друга всегда можно связаться и даже сообщение отправить. Ну и время еще показывают... А время совсем позднее, надо Верхнему сказать, чтобы с массажем завязывал, очень спать хочется. Но он и сам вроде догадался. Да, поцеловаться и спаааать...

И тут меня аж подкинуло на кровати, и глаза открылись сразу, и сон ушел... Госпожа! Меня поцеловала госпожа и я ей ответил.

По широко распахнувшимся глазам, Айрин поняла, что парнишка уже почти уснул и забыл где он и кто с ним. Успокаивающе погладила по щеке, чтобы расслабился и не переживал по пустякам.

— Спи, мой хороший. Сегодня ты спишь здесь. Детей Дэйн уложит в одной из комнат на мужской половине, и Эйри тоже в курсе, что сегодня будет мерзнуть на кровати один.

— Госпожа... А утром... Утром я просто уйду и все?

— Дурашка ты моя виктимная, конечно нет! Сначала с утра мы немножко поиграем, а сейчас спи.

Глава 34

На вечеринке, Айрин, сев выдохнуть после всех конкурсов, обратила, наконец-то, внимание на бледного от усталости Дэйниша, с темными кругами под глазами и красными, искусанными от волнения за Юйлайнэ и остальных парней губами. «Волосы иссиня-чёрные, как воронье крыло, сам бледен, как снег, а губы алые, как кровь», — что-то это описание напоминает, из далекого детства. Белоснежку! «Белоснежка и семь гномов». А еще папа очень любил ей читать немного иную версию, но зато в стихах: «Сказку о мертвой царевне и о семи богатырях». Вот она, пьеса на следующую вечеринку! Тут даже ничего в сюжете переделывать не надо, все и так понятно будет. Наоборот, очень хорошо, что это в древности и в другом государстве творилось, а то сказ про царевну злую, знаете ли, может несколько подпортить с трудом налаживаемые отношения с Первым Домом.

Хотя, жаль, конечно — из мужа идеальный Белоснежник получился бы, только уж высокий больно. Ладно, пусть царевной будет Кэйт, а на роль злой красавицы-царицы надо будет пригласить Айсоэль. Ну и семь гномов-богатырей в гареме наскребсти не проблема, а на роль принца просто просится Нэй. Будет стенать под гитару: «Ветер, ветер, ты могуч...». Точно. А закончить все праздничной ассамблеей! Раз Первая госпожа Венги изъявила желание увидеть смешенные танцы, надо ей их продемонстрировать. Обязательно — полонез или менуэт, пожилым дамам должно понравится. А потом придумать что-то для пошалить... Например, самба! Этот танец, такой же красивый и задорный, как и «ча-ча-ча», они уже разучивали на еженедельных посиделках. Осталось обучить ему Айки и Рэйни, для Кэйтиорионы. Чтобы танцевать тройками. Сама она будет танцевать с Эйпри и Вилайди. Сначала выступит одна тройка, где мальчики будут соперничать за девочку, в танце. Очень эффектно получится, с учетом жизненных реалий. А потом их тройка, где в конце чуть ли не групповичок надо будет изобразить. Иех, пошалим!

И, чуть ли не потирая ручки в предвкушении, девушка кивнула своим мужчинам в сторону двери — пора уже домой собираться, а то сейчас тут вот-вот традиционный разврат начнется, который никто не отменял.

На следующий день подружки, собравшись вместе со своими избранными мальчиками в общем зале, обсудили задумку Айрин, одобрили и сразу начали раздумывать над оптимизацией ее реализации.

Первая пьеса потребовала максимальной нагрузки, потому что туда постарались запихнуть все — и танцы, и стихи, и идею. В этот раз пусть будет просто сказка, только красивые стихи и игра актеров, тем более на реквизитах можно не экономить — все оплачивает Первый Дом. Кэйтириона идею с привлечением Айсоэль отвергла, сказав, что скромность, конечно, украшает, если верить древним, но сильно много украшений на себя надевать не надо. Сакраментальный смысл этой фразы заключался в том, что с ролью злобной царицы прекрасно справиться и сама Айрин, просто пусть вспомнит, как она ласково попинывала Кэйт первые полгода знакомства, и все получится.

Девушки развеселились, вспомнив, какая тогда Кэйтириона была тихая и незаметная, и всегда, при виде Айрин, пряталась за спину Эйна. А теперь, ишь какая подросла!

Пока госпожи веселились, их парни читали, с одного из больших экранов, стихи-сказку про царевну, после чего Рэйни задумчиво выдал, что без танцев будет как-то совсем тускленько, и надо, как раз, обыграть разговоры принца с природными элементами. Сначала танец солнца, месяца или ветра, потом песнь Нэя, потом сам стихотворный диалог. Все три песни пусть сочиняет Тийка. Танцы поставят Рэй и Вил, как обычно. И для себя Рэйни застолбил роль ветра, чем очень всех удивил.

— А почему не Солнца, счастье ты наше лучезарное? — задал вслух, вивавший в воздухе вопрос, Лейхио.

— Потому что у ветра танец эффектнее можно придумать, — искренне признался парень, и все облегченно выдохнули. Такой душевный позыв от Рэйнийляша был, как раз, ожидаем и понятен. А то, сначала, просто насторожил своей скромностью.

Закончив с пьесой и распределив роли, начали думать над самбой и менуэтом.

Менуэт решили преподнести красиво, взяв за основу наряды 18 века.

Мужчин одеть в штаны из плотной ткани, до колен, а под них прозрачные или белые чулки. Сверху шелковые рубахи с воротниками стойкой или жабо и двубортные камзолы-фраки. А на ноги — туфли с

пряжками, на высоких каблуках.

А женщинам нарядится в пышные, низко декольтированные, приталенные платья на каркасной основе — корсет и фижма. И ведь обязательно, на следующую ассамблею, найдутся еще желающие приодеться подобным образом! Вообще было бы забавно снова ввести в моду жесткие тугие корсеты.

Завершив обсуждение менуэта, перешли к самой сложной части всей программы — самбе.

Бешеное увлечение латиной охватило Вилайди еще в конце прошлого года, и «ча-ча-ча» на вечеринке 16 снейжэна было выбрано отнюдь не случайно. Вил умел танцевать и самбу с румбой, и пасодобль, и сальсу с бугги-вугги. Понятное дело, что он так же увлеченно пытался обучить этим танцам и всех остальных. Так что, гарем Дома Вайнгойртов основы самбы знал. Но, так как вывозить с собой сопровождающий эскорт Кэйтиайриона начала не так давно, из всего Дома Маргойлинов изобразить что-то похожее на этот танец могла только сама Кэйт.

Поэтому Рэйнйляшу выдали диски с записями менуэта и сборной солянки из уроков «самба» и пожелали успехов в обучении Айкейнури, Шайнэ и остальных, кого их госпожа пожелает взять с собой на следующие посиделки.

На этом решили закруглиться, потому что солнца уже давно скрылись и половине присутствующих следовало ехать домой.

Айрин, объявив, что в такую темень она подругу трем бешеным коникам ни за что не доверит, вызвала две аэрошки, куда загрузили все разрастающийся и разрастающийся мини-гарем избранных Кэйт.

Оставшиеся тоже начали расползаться по своим комнатам.

После того, как в него с утра поиграли, Вилайди смешно краснел чуть ли не до ужина, встречаясь взглядом со своей госпожой. Причем, чувствуя что начинает краснеть, стеснялся еще больше и от этого, само собой, заливался еще большим румянцем.

Кэйт устала подкалывать Айрин, перечисляя все возможные варианты того, что можно было проделать с парнем, чтобы довести его до такого состояния.

В итоге девушка не выдержала, и отшутилась, что она не делала с ним ничего такого, чего подружка не проделывала с Нэйем. И в зале сразу вместо одного красного солнышка засияло сразу два. Правда у Нэя это получалось лучше, румянец сразу охватывал все лицо, и получалось

действительно солнышко, в ореоле медно-огненных локонов-лучиков.

Посмотрев на два раскрасневшихся чуда, подружкам стало стыдно и они угомонились, стараясь больше не смущать эти две невинности.

Но, в процессе расползания по своим местам, Вилайди снова умудрился впасть в крайнюю степень смущения, потому что, вспомнив, на половине пути в свою комнату, что забыл планшет со стихами пьесы, он быстро полетел по коридору обратно и столкнулся с выходящей из зала Айрин, разговаривающей с Лейхио и Дэйнишем.

— Какой ты у меня быстрый, котенок, — улыбнулась ему девушка, имея ввиду только лишь то, что сказала. Стремительность движения парня.

А Вил сразу вспомнил, как опозорился сегодня утром, опустил глаза в пол, закусил губу и снова начал краснеть. К тому же почувствовал, что еще немного и вообще расплачется, как мальчишка. И, главное, никому ведь и не расскажешь о своих переживаниях и своем позоре, даже Верхнему. Стыдно. Так долго ждал, так долго мечтал, и... Он минет терпел в три раза дольше, чем...

— Лейхио, спокойной ночи и привет Сайни. Дэйниш, иди к нам в комнату один, я скоро подойду, — и, быстро разогнав мужчин, Айрин, взяв парня за руку, затащила его в пустой зал.

— Котенок, посмотри мне в глаза, вот так, да. Ты что, плакать собрался?! Почему?

Вилайди испуганно уставился на госпожу. Она хочет, чтобы он сейчас вслух, четко и понятно, как положено провинившемуся рабу, сказал, в чем его вина? Госпожа не может быть настолько с ним жестока... Или может?

— Я... Утром... Совершил ошибку, госпожа. Мне очень стыдно и...

— Вилайди! Ты до сих пор переживаешь?! Мальчик мой, мне даже приятно было, что для тебя это так важно оказалось! Ты же волновался так, что я думала у тебя вообще не встанет. В следующий раз все нормально получится, не переживай!

— Вы... Вы позвольте... Вы позовете меня еще раз? — Вил с таким обожанием смотрел на девушку, что устоять было совершенно невозможно.

— Конечно, мой мальчик. Раз в месяц ты будешь проводить ночь в моей спальне, обещаю!

Парень медленно опустился на колени и благодарно прижался к ногам своей госпожи.

— Спокойной ночи?

— Спокойной ночи...

— Не забудь только про то, зачем ты так быстро сюда бежал.

— Ой! — Вилайди, конечно, на радостях, абсолютно позабыл про планшет, и стихи, и про то что будут новые репетиции... Обо всем, кроме того, что через месяц ему дадут шанс реабилитироваться. Наверное, все же придется посекретничать с Верхним, может посоветует что-нибудь умное, у него же богатый опыт.

* * *

Пока ехали домой, Айкейнури сидел и пытался прокрутить в голове последние диалоги. Что-то его насторожило, царапнуло, но он отвлекся на очередную шутку Эйна насчет развлечений у семи богатырей, и пропустил... Пропустил что-то очень важное. Тля! Точно! Вспомнил!

— Рэйни, вот три диска, здесь все, что Вилайди удалось собрать интересного по менюэту и самбе. Думаю, ты быстро разберешься, но если будут вопросы — приезжай или звони, Вил всегда с радостью тебе поможет. И успехов в обучении Айка, Шейна и остальных, кого ваша госпожа выберет для сопровождения на следующую вечеринку. Запомни, ты и Айкейнури должны танцевать самбу идеально! Вы идете первой тройкой, но я в тебя верю, милый, — и госпожа Айрин еще погладила эту наглую морду по голове, точно!

Поэтому Эйн и сострил что-то злобное, насчет семи гномов — богатырей и их личной жизни в лесу, полном беспокойных оленей и тревожных лосей. Точно, а про то, что их семеро, как дней недели, он подметил раньше. Вообще сегодня Эйнри был какой-то, ядовитый на язык сильно, а Вилайди... Краснел и бледнел, как будто мальчик на выданье. Но это они пусть сами между собой разбираются, а вот он такого учителя, как Рэйни видел в... глубоком темном туннеле.

Айк еле дотерпел до дома, уже давно выучив, что в отношении выпрашивания поблажек самому себе, с госпожой гораздо проще договорится наедине, чем на людях.

И, аккуратно оттерев у двери Шайна: «Я буквально на десять минут, подожди, очень надо!», влетел следом за девушкой и, прямо с места галопом, на выдохе, выдал:

— Госпожа, а давайте меня будет танцевать учить Вил или Эйн, а не Рэйни?

— Что это еще за новости? — вопросительно выгнула бровь Кэйт и нахмурилась, только Айк был так поглощен своей идеей, что не обратил внимания на первый тревожный звоночек меняющегося настроения

любимой.

— Госпожа! Ну вы же понимаете?! Я и он..! Сейчас начнет корчить из себя великого и непревзойденного танцора, а Эйн, он...

Наверное, не очень удачное времечко он выбрал, упомянув все Эйнри, потому что Кэйтириона, как раз, всю дорогу вспоминала свои первые месяцы замужества, когда широкая надежная спина скрывала ее от злых ревнивых взглядов Айрин, тогда еще только старательно имитирующей дружелюбие. Вспоминала, какой он был тогда... Настороженно-нежный, покорно-правильный... И как она дурела от его взглядов, сходила с ума от его прикосновений, как щемило сердце от его безразличия... Сейчас все иначе, муж и смотрит на нее по другому, с уважением, и заботится, как о женщине, а не совсем беззащитной малышке. Но чего ей это стоило? И теперь ее Айкейнури смотрит ему в рот и ведет себя точно также, как она когда-то.

И вот, после таких не очень приятных размышлений, в комнату влетает Аик и объявляет, что хочет учиться танцевать у Эйна. У Кэйт даже дыхание на секунду от гнева перехватило:

— Ах! Ты! Нет уж! Как ты себе это видишь, Айки?! Мы на выступлении должны будем танцевать втроем, поэтому и репетировать будем втроем! Понятно?!

— Да, госпожа, — Айкейнури не ожидал такой агрессивной реакции на, в общем-то, вполне ожидаемый от него отказ обучаться танцам у Рэйнийляша, — но основы...

— Вот и основы тебе покажем я и Рэйни, или ты хочешь, чтобы вместо тебя третьим взяли кого-то другого? Мне кажется и Нэй, и Никки с радостью согласятся...

— Нет, госпожа, что вы! Я... Простите! Я не подумал... Простите!

— Все. Свободен! Спокойной ночи, Аик. И позови сюда Шайна.

— Спокойной ночи, госпожа...

Расстроенный Айкейнури побрел к себе и пол ночи жаловался Никки на жизнь.

А расстроенная Кэйтириона, уткнувшись в плечо Шайну, тоже пол ночи плакала на жизнь, жалуясь, что только зависимости Айка от Эйна ей и не хватало. А Шайнэ пытался очень аккуратно пропихнуть в головку госпожи мысль о том, что, возможно, влияние ее мужа на Айки, как раз очень даже положительно сказывается на последнем. «Но он на него так влюбленно смотрит...» — тихо всхлипывала Кэйт, которой совсем не хотелось, чтобы один из ее двоих любимцев попал в сети очарования этой

зеленоглазой бестии, ведь выбираться из этих пут так трудно, уж она-то знает. «Он смотрит на него, как на старшего брата, госпожа» — выкрутился парень. И девушка, выпросив очередное: «Все будет хорошо», наконец сладко заснула, а измотанный эмоционально Шайн, еще какое-то время полежал, глядя в потолок и боясь пошевелиться, чтобы не потревожить сон своей любимой.

* * *

Рэйни чувствовал, что обучение Айка самбе будет так же опасно, как бег по тонкому льду озера. При их то взаимной любви и постоянной конкуренции, причем причина будет крутится тут же рядом... Да если они не убьют друг друга за этот месяц, им памятник при жизни поставить надо будет!

Пол ночи Рэй обдумывал, чего конкретно он хочет. Поглумиться от души над соперником? Довести его до нового эмоционального срыва? Все это было довольно сложно реализовать, при наличии постоянно находящейся рядом Кэйтирионы. Ну не отдаст же госпожа своего любимца ему на растерзание, оставив их без присмотра с вывеской на зале: «В живых остаться должен только один»? Да и нужно ли ему именно это?

Утром Рэйни принял решение. Ему перепала прекрасная возможность показать себя белым и пушистым, продемонстрировать госпоже свою сознательность и ответственность. Прогнуться, короче, и похлопать ушками в прыжке. И самое удивительное, что он готов это проделать. Но вот готов ли к такому повороту бычок-переросток?

Айкейнури решил, что еще спит и ему снится очень странный сон, когда с утра пораньше к нему в комнату ввалился Рэйнйляш, собственной персоной.

— Сладость ягодообразная, смойся на время, мне с твоим стебельком поговорить за жизнь нужно.

Никки, понимающе кивнув, без возражений выскочил из кровати и, схватив штаны, скрылся за дверью.

— Айки, объясняю на пальцах, как особо одаренному. Мы друг к другу взаимно неровно дышим, но никто, кроме тебя, третьим, так идеально, как нож в масло, в этот танец не войдет. Заменяй тебя на Никки или Нэйя и получим скан с тройки Вайнгойртов. А ведь тут такой вариант отличный — мы не всей толпой уродуемся, а отдельно Домами, понимаешь? Это же шанс, бычара — подпрыгнуть выше. А то наша

госпожа все время в тени чужого Дома мелькает. Ну и потом, ты же знаешь, госпоже важны эти развлекашки для старушек, значит вдвойне важно проверить все на отлично. Ради этого я готов месяц терпеть твою тушу рядом с моим великолепием, и даже не колупать твой маленький мозг и не задевать твою легко ранимую психозную систему. Вообще все красное из зала уберу, тляшки-букашки! Только не сорвись и не испорти мне весь инжир, по рукам?

Была у Рэйна еще одна причина, почему он должен был станцевать идеально и почему ему нельзя было докапываться до Айкейнури. Но он, конечно, не стал заострять на ней внимание.

А Айк знал, что какое-то время после вечеринки Рэйни провел в комнате госпожи, но раз потом туда пошел спать Шайнэ, то парень наивно верил, что скользкую мокрицу просто хвалили.

Поэтому третья причина осталась личной тайной Рэйнйляша.

Аргументы у Рэя были убедительны, и Айк согласился совершить насилие над своим организмом, и потерпеть его великолепие рядом со своей тушей, хотя намек про маленький мозг он запомнил, а память у него была большая и вместительная.

— По рукам, только ты занимаешься со мной основами один на один.

О, Матерь Сущего, за что ты шлешь своему сыну испытание за испытанием? Чем я так прогневил тебя?! Один на один с бычарой, и быть все время в образе дрессированного пушистого зайчика?! Я не выдержу этот соблазн!

Следующую неделю из танцевального зала целые дни звучал тихий спокойный голос Рэйнйляша:

— На каждый четный счет, Айки! Два, четыре, шесть, восемь.

— На полупальцы и потом вниз, на всю стопу. Сначала на полупальцы, вот так. Да. Теперь на всю стопу. С другой ногой все тоже самой, Айк. А теперь наоборот. Начинает партнер с левой — вперед, а потом обратно, с правой — назад.

— Шаг вперед с левой ноги, на полупальцы. Сначала на полупальцы... С левой, Айк. Партнерша, то есть сейчас я, с правой — назад, а ты с левой — вперед....

— Вперед, в сторону, приставить, назад, в сторону приставить. Вперед с левой. Айк, с левой, на полупальцы, на подушечку. Потом опустил всю стопу. Да!

— Шаг в сторону левой ногой, чуть сгибаем в коленях, да. Правая на носок около левой пятки, и теперь опустились вперед на левую ногу.

— Правую ногу в сторону, согнули, подтягиваем левую..

— Поворот партнерши. Обними меня, милый, — и потом веселый смех Рэя.

— Бедрами работаем, Айк. Вот тут... Да не лапаю я тебя, вот тут работай, да, вот так смотри на меня, отлично! Как будто хочешь убить... Запомни этот взгляд, Айки!

А Кэйтириона, позавтракав, подходила к дверям и какое-то время слушала этот спокойный, почти ласковый голос, умилялась и уходила с Шайном. На эту неделю парни сменили время дежурства у ног госпожи, иначе было совсем не честно по отношению к бедному Айкейнури.

Каждые три часа Рэйни вылетал из зала, бежал к себе в комнату, падал на колени перед маленьким алтарем Матери Всего Сущего, зажигал очередную свечу и горячо шептал:

— Дай мне силы и терпения, еще силы и терпения! Пожалуйста, те что ты дала в прошлый раз уже закончились! Мне надо еще... Или я убью его или себя!

А потом снова, с улыбкой на лице, шел в зал...

* * *

И так, 17 тайя, после очередного Совета, зрителям была сначала представлена пьеса, принятая с благосклонностью. Потом несколько конкурсов-развлечений на швыряние, ломание и разбивание посуды и мебели. А также конкурс на острый язык и хорошее воспитание. Участницы попарно обменивались колкостями, причем нельзя было явно грубить, использовать эпитеты повторно и повышать голос. Милая светская беседа двух дам. Этот конкурс был назван в итоге «Дуэль», и занесен в обязательную программу ежемесячных развлечений, наравне с аукционом. Женщины от дуэлей были в восторге, ведь личным триумфом теперь может наслаждаться не только одна победительница и несколько, стоящих рядом при разговоре, подруг, а весь зал.

После того, как определилась тройка самых светских леди, и Первый Дом вручил каждой по небольшому призу-статуэтке «Госпожа Вежливость», был объявлен небольшой перерыв для приготовлений к первой части менуэта, демонстрации.

Сначала девушки хотели привлечь для этого свои гаремы, но, так как

два главных хореографа были слишком погружены в постановки отдельных номеров, то Айрин решила использовать любезное разрешение Первой госпожи Венги и выдала ее помощнице диск с менюэтом, описания костюмов и пожелала успехов.

Поэтому первая на Венге ассамблея была организована, как и положено, царствующим Домом. И, надо отметить, организована прекрасно. Девушки восторженно хлопали танцорам, стоя вместе со всем залом. И потом, когда после демонстрации, было предложено желающим попробовать свои силы, тоже рискнули, причем использовав собственных партнеров, а не выбрав из предложенного Первым Домом ассортимента.

Женщины оценили костюмы танцоров, но тугие корсеты, утянувшие талии до сорока сантиметров, вызвали шквал негативных эмоций. Их бурно объявили пережитком прошлого, вредным для женского здоровья. Хотя некоторые, склонные к полноте, госпожи, согласно кивая подругам, на самом деле явно брали идею на заметку. Ведь даже в пожилом возрасте хотелось выглядеть стройной, а это, к сожалению, удавалось далеко не каждой, обтягивающие, по местной моде, платья и юбки на многих смотрелись уже не столь эффектно, как в былые годы. И местные нехуденькие модницы сразу разглядели прекрасную возможность скрыть свои пышные достоинства. А вред для здоровья... Какие мелочи, вейкоктейль тоже вреден, но ведь водопадом льется на каждой вечеринке.

И вот, когда возбуждение от самого танца и костюмов танцоров слегка поутихло, Кэйтириона и ее мальчики тихо скрылись в одной из соседних комнат, чтобы переодеться. А молодые грации Первого Дома быстро приготовили зал для следующего выступления.

* * *

Самба Кэйт.

Сначала на сцену вышла, эффектно покачивая бедрами, Кэйтириона. Ее «платье» состояло из ярко-алого топика, окаймленного кипельно-белой тесьмой с прозрачно-перламутровыми блестками, которые сверкали, в направленных лучах освещения импровизированной сцены, драгоценными камушками. Сам топик, так же как и юбка были сшиты из оригинальной шелковой ленты, приспособленной так, что один край оставался свисать пышными воланами. Сзади на спине шла одна полоска яркого шелка, а спереди получался треугольник, вершина угла которого в спокойном

состоянии целомудренно занавешивала даже живот, оставляя открытыми лишь бока танцовщицы.

Юбка вообще была собрана из трех таких полосок, соединенных спереди и сзади, по бедрам, спускаясь по обеим ножкам немного ниже колен. Между полосками было небольшое расстояние в несколько сантиметров, завлекательно открывая взору зрителей стройные бедра девушки. Пояс юбки оказался оригинальным корсетом, состоящим из трех полос такой же кипельно-белой тесьмы, как и окантовка топака, и тоже состоял из трех деталей — Верхняя полоска шла почти по самой талии, вторая по выступающим тазовым косточкам, и третья как раз уже была пришита к первому ряду красной ткани юбки чуть ниже бедер. На поясе помимо блесток, болтались еще и прозрачно-перламутровые паетки.

А на ногах были мягкие бальные туфельки на таких высоких каблучках, что казалось, будто девушка прибавила в росте сантиметров десять.

Гладко зачесанные при помощи специального мусса волосы были туго стянуты в хвост и украшены заколкой в виде красной розы. Яркий макияж и смуглое от природного загара тело юной чаровницы, сразу же приковывали к себе взгляды всех зрителей, выгодно подчеркивая ее задорное настроение, словно девушка бросала вызов: «Кто рискнет присоединиться к ней?».

Впрочем, этот танец и был своего рода вызовом элите венговского общества. Раньше госпожи не рисковали показываться в столь фривольной одежде на торжественной части, считая это ниже своего достоинства. Вот рабы для ублажения взора — это, пожалуйста, причем, никого не смутило, если бы мужчины танцевали совершенно обнаженными. Наоборот, это даже приветствовалось. Но этот танец... Кэйтириона нервничала, несмотря на то, что программа была утверждена госпожой Первого Дома. Слишком много было тех, кому не очень нравились новые веяния, и сближение их оригинальной субкультуры в угоду демократичной, существующей в Космопорте, казалась дерзкой. В Космопорте же просто не могло быть по-другому, так как люди, проживающие там, слишком тесно общались с разными представителями инопланетных гуманоидов.

И пусть эти танцы, которые Айрин и Кэйт сегодня, силами двух Домов, собирались продемонстрировать на Совете, были вообще старинными, «изобретенными» еще на далекой старушке-Земле, все равно это было слишком откровенно. Хорошо, что Рэйни, увидев свою госпожу в наряде для выступления, сглотнул, восхищенно прицокнул языком и уверил, что она выглядит просто сногшибательно, и все у них обязательно

получится. Ведь на репетиции Кэйт приходила в закрытом боди и пусть и полупрозрачной, но достаточно длинной юбке, так что теперь девушка чувствовала себя немного странно. Но облизывающие взгляды ее и чужих рабов ласкали кожу, будили женское начало, раскрепощали... Словно она собиралась не танцевать, а прямо сейчас заняться сексом с кем-то из них...

Странно, что на вечеринках Айрин, она ни разу не чувствовала себя настолько скованно, но теперь надо было собраться. За подготовку к этому мероприятию Кэйт отвечала не одна и не могла подвести всех, кто также должен был участвовать в этом выступлении. Поэтому — спинку прямо, подбородок вверх, улыбку приклеить, ресничками взмахнуть...

Это был настоящий спектакль, пусть без слов, но все было задумано так, чтобы «говорило» само тело.

Девушка обошла зал по кругу, продолжая соблазнительно покачивать бедрами и ритмично поцокивать каблучками. Потом на секунду застыла в центре площадки, поставив ноги на ширину плеч... Подняла левую руку, согнув в локоточке, до уровня животика, томно улыбнулась в зал, подавая себя в наилучшем виде, словно прикидывая, есть ли здесь те, кто сможет по достоинству оценить ее, несравненную? Отведя руку в сторону, медленно подняла ее вверх, акцентируя внимание на своем лице. Сымитировала ласку, проведя ладонью ото лба к шее, затем отвела руку в сторону и снова вскинула ее вверх. И тут достаточно спокойный ритм музыки усилился в несколько раз. Все тело девушки, от поднятых вверх теперь уже обеих рук до бедер и ниже, извивалось, как у тоненькой, грациозной огненной змейки. Причем это была очень энергичная змейка, и движения ее были не плавными, а резкими, четкими, в такт ритму... Скорее даже не змейка, а танцующая на углях огненная саламандра, которым согласно древним легендам и мифам, приписывались свойства очищать людей от порочных мыслей, желаний, страстей, страхов... Наблюдая за этим танцем, можно открыть в себе нечто новое, скрытое и выйти из очищающего жара невредимыми, озаренными и счастливыми... Правда, насчет порочных мыслей, вопрос оставался открытым...

Красный шелк платья взметнулся в стороны язычками пламени, разжигая интерес публики, которая и так забыла, как дышать, слегка шокированная брошенным танцовщицей вызовом.

При этом руки Кэйтиайрионы то маняще имитировали поглаживание тела, от груди до бедер, то извивались волнами, разведенные в стороны, то изображали беснующуюся на углях змейку... Ноги при этом тоже не стояли на месте. Девушка то делала шаг от бедра вбок, при этом извиваясь и в

талии, и бедром, и ножкой, стоящей на носочке. То делала оборот, прижимая руки к талии или груди... Она наслаждалась самым танцем, ритмичными, быстрыми, то пружинящими, то стелящимися движениями... Тем, что может так легко управлять своим телом, которое так и ласкают восхищенные взгляды. И о том, что эта видимая легкость стоила месяца напряженных тренировок, знали только те, кто готовился вместе с ней. Для остальных это казалось просто чудом и предметом легкой зависти — ничего себе, а смогла бы я так?

И Кэйтириона с удовольствием преподносила себя с наиболее выгодных позиций. Казалось, что танцовщица дразнит, провоцирует, манит, соблазняет, но пока достойного партнера не находилось. Соло же было просто великолепно.

Но, наконец, когда накал страстей достиг пика, на сцену вышел Рэйнйляш, и, делаящая как раз очередной оборот, Кэйт ровнехонько вошла к нему в руки.

На Рэие были черные, прямого покроя брюки, с высоким поясом-корсетом. А сквозь полупрозрачную свободную рубашку великолепно просвечивал красиво прокачанный торс... Загляденье...

Парень поймал нечаянную добычу и тут же включился в навязанную задорным ритмом игру, но девушка уже не солировала. Окруженная яркими всполохами ткани, лишь радостно задавала ритм, увлекала своим весельем партнера, которому пришлось доказывать, что он ее достоин.

Дальше начался сам танец самба — веселый зажигательный с элементом легкого заигрывания. Пульсирующий ритм усложняется качественной пружинистой работой бедер обоих партнеров. Зрители просто взвыли от восторга — эти сочетания пластичности и неожиданных «мягких», прерывистых движений, заставляли их самих ерзать на местах в такт звучащей снаружи и внутри, в районе солнечного сплетения, музыке.

А через две минуты на сцене появился Айки, и Кэйт, очередной раз, вильнув бедрами рядом с Рэйни, раскрутилась вокруг него, так чтобы развернуться за спиной парня, провести руками у него по ребрам и бедрам, потом снова сделать несколько оборотов и оказаться в руках второго претендента. Дальше Кэйт танцевала какое-то время с Айкейнури, а Рэини демонстрировал чудеса гибкости в одиночку. Потом резко выдернул девушку на себя, и уже Айку пришлось повилять бедрами одному.

Накал страстей продолжался. Оба юноши оказались достойны ветреной партнерши, и теперь им предстояло выяснить между собой, кто же из них более достойный. Кэйт отошла в сторону, только слегка подтанцовывая, чтобы не отвлекать внимание от парней. А они, встав друг

напротив друга, исполнили захватывающий танец-соревнование, глаза в глаза, где резкие почти агрессивные движения бедер сменялись медленным и соблазнительными имитациями ласк собственного тела, мол, посмотри на меня, и отойди в сторону, отдохни — именно я — тот, кто будет рядом с этой женщиной! Тестостерон, смачно одобренный эротическим подтекстом, пробудивший древнейшие инстинкты самцов, сражающихся за внимание самки, не мог оставить равнодушными даже самых привередливых хранительниц лелеемых традиций Венги.

Что-то животное, заложенное самой природой, было в этом спектакле, предложенном зрителям. Это было неподобно. Неправильно как-то, с точки зрения того, что госпожа всегда решает, кого она одарит своей милостью, обратив на него свое внимание, но сейчас это явно решали парни, и происходящее казалось на удивление правильным, и гармонично накладывалось на эту музыку и древний танец далекой Земли. Зрители терялись в том, кому отдать предпочтение, настолько эта троица казалась сплоченной.

Ни один раб в зале пожалел, что не может оказаться на месте любого из тех двоих, танцующих возле госпожи Кэйтирионы. А их госпожи, с трудом представляя себя на месте девушки, рискнувшей примерить на себя роль танцовщицы, завидовали сейчас ее отчаянности и храбрости. А ведь она совсем недавно заняла в Совете место своей матери. Так завести, почти поголовно, всех мужчин, соблазняя, дразня, увлекая без всякого допинга с вейкоктейлями... Да, это было настоящее искусство, с оглушительным успехом продемонстрированное всем, и оно, определенно, оказывалось достойно высшей похвалы. Аплодисменты перешли в бурные овации...

И ведь ничего не изобрели нового, просто забытое за ненадобностью Земное наследие...

— Чего творят, чертячье отродье! — облизнувшись, заблестел зелеными глазищами Эйн, в этот момент слегка пожалевший о своем, несколько поспешном обещании, не трогать Айки. Бесспорно, Рэйни танцевал профессиональнее, и фигурка у него была очень хороша, и даже более прокачена, чем у Вилайди, ведь парнишка не воротил нос от штанги, в отличие от котенка. Однако Айкейнури со штангой вообще был на ты, и талия у него была значительно уже плеч, и теперь он этой талией и бедрами выделял такое... Да еще вкладывая в каждое движение свой бешенный темперамент и этот блеск настоящей ненависти в глазах... На месте жены он бы держал этих двоих в разных клетках и, лучше всего, в разных половинах дома, а то мало ли что... Один запросто яду насыплет или

толченого стекла, а второй просто нечаянно шкаф уронит на соперника.

— Какая самба! Пасодобль надо с ними двумя ставить, — тоже любуясь и волнуясь за ребят, горячо зашептал на ухо Айрин Вилайди, от чисто эстетического возбуждения зрелищем даже забывший покраснеть.

— Тебе все карты в руки, мой хороший, — улыбнулась ему Айрин, тут же представившая этих двоих в танце, имитирующем испанскую корриду. Айкейнури — ярко выраженный бычок, главное чтобы не обиделся.

Госпожа Первого Дома была довольна своим решением спихнуть на девчонок развлекательную программу. Кэйтиайриона справилась великолепно — зал только не выл от восторга. Но теперь с еще большим предвкушением хотелось увидеть, что подготовила младшая Вайнгойрт.

Уж наверняка должна выступить не хуже подруги-соперницы...

С подачи Клаусийлии ей тоже было любопытно следить за перипетиями любовных линий двух девушек. Замужество Кэйт было несколько необычным для Венги. Эйри — зеленоглазый взрослый красавчик-раб из гарема Айрин был настолько влюблен в свою госпожу, что пренебрег возможностью перехода в Дом Маргойлин в качестве мужа к юной красавице, да еще и влюбленной в него, словно кошка. Мог бы купаться, как сыр в масле. Немыслимая привязанность к сестре...

И как они все уживаются, соблюдая странное дружелюбие в отношениях, было поистине загадкой для госпожи Первого Дома, являющейся в достаточной форме собственницей, как и многие женщины Венги, и вряд ли ставшей терпеть подобное. Правда, Эйри великолепно изображает нежную привязанность к жене на глазах общественности, но Клаусийлия поделилась, что там все намного сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Присутствующая в зале госпожа Альцейкан знала немного больше, чем все остальные, включая Старшую госпожу Первого Дома, но загадочно помалкивала, с огромным интересом подавшись вперед, и успевая отслеживать не только сам волнующий танец, но и реакцию зрителей.

С каким-то мрачным удовлетворением Клаусийлия отметила взгляд Эйри на Кэйтиайриону и ее парней, попыталась сделать умозаключение на основании увиденного и чему-то заулыбалась, словно у нее сошлись части головоломки.

Обернувшись, быстренько стукнула веером по подбородку собственного раба, сидевшего с открытым ртом, заставив бедного парня побледнеть. Госпожа Альцейкан была в отличном расположении духа,

поэтому отчитывать раба не стала — что взять с мужчины, когда она и сама чувствовала, насколько возбуждающ был этот танец. Однако, ехидно заметила, чтобы тот прикрыл рот, а то туда залетит что-нибудь большое, резиновое и невкусное. Попадать в немилость, рабу вовсе не улыбалось, поэтому он срочно постарался взять себя в руки. Его госпожа, его богиня, насколько могла быть щедрой на ласку, настолько же не скупилась и на изощренную расправу-наказание.

По мнению Клаусийлии, Кэйт отработала великолепно, а мальчики ее оказались вообще выше всяких похвал. Теперь была очередь Айрин. Эти девочки, смело воплощающие в жизнь немного опасные идеи послабления участи рабов, все-таки определенно должны быть в ее лагере...

* * *

Самба Айрин.

На фоне эффектного выступления первой тройки, танец Айрин и ее мальчиков был уже не так оригинален, но в него было заложено несколько подлинных «изюминок». Во-первых, сама музыка, повторяющийся, непрерывный, четкий ритм, напоминающий всем сразу, что сначала «самбу» танцевали дикие первобытные племена под барабанный перестук.

Ведь танец — древнейшее из искусств, отражающее восходящую к самым ранним временам потребность человека передавать другим людям свои радость или скорбь посредством движений своего тела. И именно аналоги современных барабанов, звучали тогда, чтобы воодушевить племя на подвиги или при проведении разных обрядовых мероприятий, тесно связанных с разными аспектами социальной жизни древних людей. Правда, вместо современных акустических материалов, использовали натянутые в качестве мембран шкуры животных, или вообще кожи, снятой со спины врага. И то, что должна была изображать Айрин со своими рабами, напоминало древний ритуал...

Сначала на сцену вышел Эйри, босиком, в одних черных штанах, с распущенными волосами, потом, тихой тенью проскользнула и спряталась за ним Айрин. Ее танцевальный наряд из длинных кистей бахромы на юбке и коротком, едва прикрывающем грудь топике, был имитацией кусочков шкур, ведь тогда, давным-давно, пра-пра-пра в нескольких поколениях предки жителей Венги еще не имели понятия о каких-то других тканях...

Любопытная девушка выскользнула из своего укрытия, чтобы посмотреть, кто нарушил ее уединенную территорию обитания, но парень, словно дикий охотник, был начеку — и, обрадовавшись новой добыче, сначала решил поиграть с ней.

В этом танце мужчина не просто вел женщину, он крутил ее так, как ему хотелось. Мостик, прямой шпагат на полу, идеально продемонстрированная растяжка в шпагате стоя, когда Эйн раскручивал ее на одной ноге, выгнув вторую и приставив к голове девушки... Айрин безропотно отдавалась его власти, позволяя проделывать с собой все эти гимнастические па, для успешного выполнения которых они тренировались каждый день по несколько часов. Исполнение скользящего движения тела девушки вокруг тела мужчины, вызвало оживление в зале, слишком это было... Уже чересчур для Венги. Но при этом красиво и волнующе, притягивало восхищенные жадные взгляды зрителей. Вот тело Айрин обвилося вокруг талии Эйнри поясом, или, скорее тесным обручем, который парень лихо крутанул вокруг себя несколько раз... Потом, оказавшись лежащей спиной на спине своего мужчины, девушка обвила его за шею, и снова превратилась в пояс, съехала у него по одной из широко расставленных ног на пол, вынырнула чуть сбоку и сзади, на коленях, протянула к нему руки, и Эйн, обернувшись, поднял ее, прижал к себе на секунду. Потом, встав лицом к залу и почти касаясь пальцами рук друг друга, они начали свой танец, даже не с бедер, а с плеч. Казалось, воздух в зале пропитался этим сексуальным возбуждением, от которого трепетали ноздри, и даже у зрителей невольно участился пульс, разгоняя кровь, расцвечивая лихорадочным румянцем лица, как присутствующих женщин, так и рабов, сидевших на полу у их ног.

Потом началась сама самба, причем в движениях Эйна продолжало проскальзывать что-то брутально-дикарское, от охотника, еще незнающего никакого оружия, кроме своих рук и камня. А Айрин продолжала играть в грациозную пугливую лань, полностью передав инициативу в танце своему мужчине. Соблазняя только его, смотря только на него, не замечая никого вокруг, словно мужчина в эти мгновения был ее господином. Но вдруг в ее движениях начала проявляться уверенность и независимость, девушка стала выделять больше соблазняющих движений, глядя в зал и отпустив руку Эйнри, которому происходящее явно не нравилось и он начал изображать дикаря, ищущего причину так явно изменившегося поведения его женщины, его, как он считал, законной добычи.

Причина появилась в образе такого же, какой только что была Айрин,

пугливого и грациозного юноши, Вилайди. Пара отошла в тень, и он сначала станцевал отдельно что-то похожее на вступление Кэйт, только в более мужском варианте исполнения, а потом на него накинута Эйн. Причем не для того, чтобы устроить бой, а чтобы соблазнить и захватить, найдя в этом особую прелесть от своей, как он подразумевал, бесспорной победы над соперником.

Зайдя за спину юноши, старший парень плавно наклонил его, показывая свое превосходство, головой вниз, на левую сторону, потом чуть повернул совсем вперед, затем на правую сторону и снова поставил ровно. Движения, взгляды, полные обещания и вынуждающие подчиняться, наверное, не удалось бы изобразить так достоверно, если бы мальчики не были парой, а сейчас они словно соревновались за то, кто дольше сможет продержаться, и не сдаться, чтобы тут же перейти от прелюдии к самому акту любви...

Кэйт уже успела переодеться в длинное платье, выгодно подчеркивающее ее соблазнительные формы своим покроем из мягкой стрейчевой ткани. Платье было с открытой спиной, на тонких лямках, делая акцент на полной груди и тонкой талии девушки. И оно очень ей шло, несмотря на вызывающий кроваво-красный цвет, выбранный потому, что смывать и заново накладывать макияж, заменяя чересчур яркий, уместный для выступления, было некогда. Поскорее хотелось вернуться в зал и ничего не пропустить.

Увидев, что вытворяют Эйри и Вилайди, словно позабыв, что они должны лишь имитировать свое соперничество, Кэйт даже замерла, но облегченно вздохнула, поняв, что мальчики просто проявляют чудеса артистизма.

Вилайди оказался на высоте, он и не собирался так легко сдаваться, и, потянув Эйна за руку, крутанул того и выгнул на мостик, поддерживая рукой под спину. Эйри ответил ему тем же и еще добавил элемент обвития тела юноши вокруг своей талии и последующим спуском-скольжением по ноге на пол, на колени. Поднимал Эйн Вилу, имитируя захват руками за одежду на груди. Дальше танец так и продолжался, то Эйн и Вил нежно оглаживают тела партнера, лаская друг друга взглядом, то Вил взбрыкнув, выделяет с Эйном что-то резкое, провоцирующее, за что получает в ответ аналогичное, и усиленное. Под конец оба парня танцевали на коленях перед вытанцовывающей между ними Айрин, которая, в итоге, в завершении танца ушла с Вилом, а Эйн упал лицом в пол, и умоляюще

протянул руки им вслед.

Просто девушка и два хореографа решили, что если Айрин уйдет с Эйри, это будет слишком сильным вызовом общественности, а тут вроде наглый раб наказан и оставлен один.

Это тоже был танец-спектакль, где все понятно без слов, сама музыка и тела танцоров говорили с притихшим залом, с замиранием ожидающим, какова будет развязка этой небольшой зарисовки любовной истории на троих? Может быть этот танец, показавшийся вначале слишком неправильным и бесцеремонным по отношению к женщине, в конечном итоге оказался более понятным и наглядно продемонстрировал, что госпожа сама выбирает того, кто ей больше по вкусу...

Стихли последние аккорды музыки, и зал взорвался аплодисментами. Не сдержав свои эмоции, кое-кто даже повскакивал с мест. Айрин и Вилайди сияли, а «покинутый» Эйри чувствовал на себе плотоядные взгляды соблазненных им чужих женщин и еле сдерживался, чтобы не передернуть плечами... Ведь впереди еще должна быть традиционная развлекательная программа...

Мать Сущего, не разворотили ли они осиное гнездо? Теперь наверняка каждая из присутствующих в зале, прикидывала, как она могла бы наказать зарвавшегося раба... И что стоит влиятельной госпоже сделать намек на «заимствование» чужой игрушки? И в то же время это состояние, когда вождедеющие взгляды распаленных женщин буквально буравят твою кожу, мысленно сдирая остатки одежды, будоражило, выплескивая в кровь все новые дозы адреналина.

Эйн поискал взглядом Кэйт, поймал восторженный взгляд своей второй половинки, подарившей ему теплую улыбку, показывающую, как она восхищается и гордится им, и немного успокоился.

Хотелось надеяться, что в этот раз его женщины внимательнее проследят, чтобы он не попал в загребущие лапки раззадоренных зрелищным шоу остальных госпож...

Зал все еще бесновался, и не отпускал понравившихся танцоров, влажная от волнения ладошка Айрин чуть дрожала в его огромной ладони, а сердце готово было выскочить из груди, так сильно его распирало от гордости, что и они справились с поставленной задачей. Потому что, после выступления Кэйтиорионы с парнями, он начал слегка переживать за успех их трио...

Оглядев очередной раз зал, Эйри заметил, что Аик беззастенчиво пялится на него, как... Как порой смотрит Вилкин, перед тем как

восхищенно выдохнуть от избытка чувств: «Верхний...». Интересно, тоже сейчас жалеет об их уговоре? Или это — просто игра света и тени?

Взгляд переместился к пустующему месту госпожи Пятого Дома, где, на полу сидели Дэйниш и Лейхио, ожидая, когда Айрин и ребята переоденутся и вернутся к ним. И во взгляде потемневших синих глаз друга-любовника явно скользило бесспорное желание. Вот только, тоже наверное из-за игры теней и света, казалось, что в желание Дэйна сквозила нотка агрессивности... Будет забавно, если охотник-дикарь проведет сегодняшний вечер в излюбленной позе Дэйниша «мордой в пол»... С другой стороны что-то в этом было такое... Заманчивое.

* * *

Девушки постарались как можно скорее покинуть гостеприимные стены Дворца, еще в середине проведения аукциона, до того как почти культурная распродажа закончится повальным изнасилованием покупок.

А Первая госпожа Венги на некоторое время удалилась в свою секретную комнату, вместе с госпожой Клаусийлией.

Там госпожа Альцейкан передала своей подруге документы на небольшое здание, в пригороде, но не очень далеко от Венгсити. Старшей представительнице Первого Дома еще в прошлой раз пришла в голову безумная идея, которая после сегодняшнего шоу уже не казалась такой безумной, скорее наоборот, удивительно, почему раньше никто не додумался ни до чего подобного. Ведь мини-спектакли ставились во многих Домах, силами своих собственных гаремов. Но актеров из разных гаремов никогда не объединяли, наоборот, было принято соперничать и соревноваться, стараясь хоть в чем-то превзойти постановку подруги. И вот они видят уже вторую пьесу, поставленную не ради того, чтобы продемонстрировать зрительницам свои игрушки, а для удовольствия. Причем, общего — и тех, кто играет, и тех, кто смотрит. Первая госпожа понимала, что каждая пьеса — это ежедневные изматывающие репетиции, но зато и удовлетворение на лицах актеров не просто сиюминутное, а истинное наслаждение от проделанной и оцененной по достоинству работы.

Идея у двух женщин была такая. Устроить кастинг среди всех гаремов Венги, выбрать лучших актеров, танцоров, певцов, из тех, кем госпожи готовы поделиться, конечно, за определенную ренту. Но спектакли-

премьеры бесплатно показывать только раз в месяц, на вечеринках после Совета. А потом один состав продолжает играть эту пьесу, скажем, еженедельно, но за просмотр уже берет деньги. А другой состав репетирует новую, премьеру которой покажут на следующей вечеринке.

С актерами-девушками и женщинами было сложнее, потому что одно дело сдать не часто используемого в гареме раба, обладающего каким-то талантом и получать за это постоянно небольшую сумму (хотя Первая госпожа планировала основную массу актеров просто выкупить), а совсем другое — выступление на публике женщины. Понятно, что Кэйтириона и Айрин не будут позорить свои Дома, но молодые хозяйки могли бы... Значит тоже кастинг и разовая оплата участия, если взята на роль.

Конечно, выгоды от всего этого безумства у Первого Дома практически не было, больше всего это подходило под древнее определение понятия меценатства. Но зато это было интересно и весело. А еще континентальным средствам информации это увлечение можно было очень неплохо прорекламирровать. К тому же сразу столько рабочих мест для мужчин после тридцати — от осветителя и уборщика, до музыканта или актера.

Обе женщины были так довольны своей идеей, что даже смурлыкали вдвоем их любимую, еще с лагеря, песенку.

Теперь только надо было продумать, как преподнести эту идею двум девочкам, чтобы они прониклись счастьем, нежданно свалившимся на их головы и благодарно предоставили большую часть своих гаремов на первое время. Ведь у них там были и сценарист, и режиссер, и поэт, и хореограф. Композитора вот только своего не было.

* * *

Узнав, следующим утром, от проезжающей мимо и заехавший попить тайшу, Клаусийлии, что Первый Дом размышляет над созданием театра, и даже вот здание в пригороде купить ее попросили, Айрин так загорелась идеей спихнуть со своих плеч работу с пьесой, что упростила госпожу Альцейкан, предложить Первой госпоже Венге на этот месяц своих и Кэйтирионовых мальчиков. Пусть они уже сразу обживаются на новом месте, репетируют, ездят, как на работу, на большой аэробуске. С утра, после завтрака и, если их там будут кормить обедом, то часиков до четырех-пяти, чтобы успеть приехать домой, привести себя в порядок, отдохнуть и идти ужинать.

Клаусийлия покивала, обещала обязательно обсудить это с подругой, и уехала по своим делам. Во Дворец. Сообщить, что с завтрашнего дня можно будет начать перестраивать свежкупленное здание под театральные нужды.

Со следующего дня, почти неделю Вилайди, Рэйнильяш и Дэйниш, в качестве финансово-экономического эксперта, проводили в здании будущего театра. В первый день они распечатали план здания и облазили все закоулки, даже чердак и подвал. Отметили где надо ломать стены, а где строить перегородки, какие шторы будут в гримерке Рэйя и какой высоты должна быть сцена. После чего повторили этот пробег уже с руководителем команды спецов-строителей, а список требуемых предметов интерьера распечатали и всучили помощнице Первой госпожи. И к ужину, пыльные, голодные и довольные приползли домой. Следующие два дня они ездили только проверять результаты работы строителей, а на третий руководили командой граций, мелькающих по зданию то со стульчиком, то со шкафом, то умотанными в шторы, то трудолюбивыми муравьями прущих занавес. Потом были техники с экранами, электрики и осветители, и, наконец, через неделю, театр был готов.

Пьесу решили поставить из популярных местных, потому что времени на какие-то извращения, переделки и постановки уже не было.

Но вот танец после пьесы...

* * *

Выбирая произведение, Вилайди и, сначала «игры» в театр, снова переехавший к Вайнгойртам, Рэйнильяш, пересмотрели и отметили целую кучу постановок. В итоге, сошлись во мнении, что звучащая в «Болеро» Равеля искра, заставляющая срываться с места и включаться в действие — это именно то, что им нужно.

На старушке-Земле, куда тянулись их корни, существовало слишком много всего. Но этот испанский колоритный фольклор, отличная хореография, движения, полные внутренней силы и страсти под аккомпанемент гитары и барабана, где сами танцующие, дополнительно, отбивали на кастаньетах сложные ритмические фигуры, сплетающиеся в необычайно прихотливый узор... Это все вместе было чем-то таким волнующим и пьянящим, почти гипнотическим, хотя сам танец был построен всего на двух, упорно повторяемых без всякого развития, темах. Здесь не было ярко выраженных переходов в разные тональности, смены

гармонических красок. Танец получился в очень сдержанном темпе, совершенно неизменный как мелодически, так и гармонически, и ритмически, причем ритм непрерывно отбивался барабаном, наращивая эмоциональное напряжение. И единственным элементом разнообразия, было вносимое оркестром крещендо. И это повторение звучащих тем, чем-то напоминало арабскую вязь...

Парни решили, что будут производить захват внимания постепенно. Сначала они начнут свой танец, практически в фоновом режиме, пока госпожи будут спокойно есть, пить и переговариваться за столом, продолжая обсуждать особо интересные и волнующие моменты на Совете. Потом женщины начнут заинтересованно прислушиваться, и, постепенно, наваждение ритма должно будет полностью захватить их.

Причем и сам сюжет танца должен был быть построен по такому же принципу. Одинокий танцор и некое количество погруженных в себя людей. Но потом в народе возникает интерес, больше, еще больше, и вот, наконец, все сосредоточены только на танцоре, все внимание поглощено им одним. А изобразить подобную вакханалию можно, представив, что действие происходит в Космопорте.

Планируемое зрелище, действительно, должно было быть изумительным. Ведь за основу они взяли постановку, знаменитого, и столь полюбившегося Вилайди, Мориса Бежара. Только вот хотелось чего-то еще. Возможно световых эффектов...

Мальчики дали волю фантазии, чтобы создать настоящий танцевальный спектакль, в котором найдется место для любых, даже самых смелых экспериментов. А, главное, можно будет солировать вдвоем, устроив очередное танцевальное состязание. Естественно, у каждого из парней была причина продемонстрировать свое умение тем, в чьем внимании они были заинтересованы. И, если все получится так, как они задумали, очередной набор «сладких пряников» будет им обеспечен...

Вырвавшись на волю из венговской обыденности, забыв обо всем, не думая о завтрашнем дне, парни полностью погрузились в танец. Чувственный, страстный, неумный до исступления в своем неистовом порыве... Это был танец тех, кто знает, как сладка и мучительна любовь, кто умеет слушать ритмы сердец, у кого сумбур в душе, восторг и блеск в глазах. Отчаянная смелая мудрость раба — он не принадлежит себе и все, что он может себе позволить — страдать, танцевать и петь, среди себе

подобных, ведь вся его жизнь во власти госпожи, а потому он смиренен с ней, но неистов и страстен в танце, где его ничто не сдерживает, никакие рамки и запреты. И если нет любви, привязанности, огня в душе, смысла жизни, то все напрасно, и тридцать лет — так мало... Танец мотылька-однодневки. Танцевать так, как будто это не выступление среди элиты венговского общества, так, как будто ни одна госпожа не должна это увидеть.

Импровизация, основанная на классических элементах, выразительные телодвижения, жестикуляция, особенно движения рук, живущих, кажется, самостоятельной жизнью, вычерчивающих замысловатый узор — зашифрованное послание, тем, кто сумеет понять.

Главное соблюсти ритм — относительно быстрое или относительно медленное повторение и варьирование основных движений. И рисунок — сочетание движений в композиции...

С этим парни справились достаточно быстро, определившись с тем, что именно они хотят показать, а дальше позвали на репетиции, которые уже проводили в здании театра, независимых зрителей...

Вернее, условно «независимых», вот Дэйниша точно можно было считать таковым, но уж точно не Эйри, пребывающего в состоянии некоего внутреннего разлада — ему, конечно же нравилось все, что делал его котенок, но Рэй... Этот одаренный талантом поганец! Его техника — степень владения телом и мастерство в выполнении основных па и позиций, были явно лучше, ведь прежние госпожи не скупилась на его обучение. Эйну иногда казалось, что Рэйни затмевает Вилайди, и он невольно начинал переживать и придирается к котенку, вместо того, чтобы поощрить похвалой.

За что, в итоге, получил выговор не только от Дэйна, но и, как ни странно, от Рэя.

— Тляшки-букашки! Нам зрелищность нужна, динамика, движение, напряжение, боевой духом Тигрискис, вместо Вилкиса. А ты как на него рыкнешь, так он вообще Шушаркисом становится, и еле лапками машет. Вил должен быть уверен, в своей неотразимости, а кому еще его в этом убеждать, как ни тебе? Потому что, если он будет в этом не уверен сам, как сможет убедить зрителей?

То, что при этом Рэй ни разу не предложил своей помощи в поднятии самооценки у Вилайди, убедило Эйна в том, что этот скользкий тип говорит абсолютно серьезно. И он проникся...

Танец получился великолепным, это был просто целый спектакль,

впрочем, как обычно.

Вокруг достаточно высоко приподнятой круглой сцены, имитирующей стол в одной из забегаловок Космопорта, на небольшом расстоянии выстроенные каре стулья, на них сидят участники подтанцовки солистам... Все парни лишь в одних свободных штанах, босиком, с обнаженными, прокачанными и гибкими торсами. Зрелище не для слабонервных, — как определила Сабина, приглашенная на генеральную репетицию, и поедающая парней глазами, ведь среди них был ее молодой муж.

И тут на возвышении появляется Рэйни и начинает свой надломленный танец, словно для себя, постепенно оттаивая, и распрямляясь, заряжаясь положительной энергетикой, тугой спиралью раскручивающейся изнутри... Понуро сидящие по своим местам парни, попарно встают, сначала с одного угла, потом, с другого, подходят ближе, начинают улавливать ритм, пытаются симитировать какие-то движения, выстраивая собственный рисунок. Затем поднимаются следующие и тоже включаются в геометрически выстроенный сюжет, вокруг круглой сцены уже не четырехугольник, в восьмигранник, затем их становится шестнадцать, и в результате они образуют еще один круг вокруг стола-сцены. Они — как будто зрители, которых постепенно заводит ритм танца, также, как он должен будет захватить и госпожей, вырвав их внимание от продолжающихся послесоветных споров и пересказов свежих сплетен.

Парень на столе все больше и больше оживляется, с появлением зрителей, но тут у него появляется соперник. Вил тоже вспрыгивает на сцену, и парни на мгновение замирают друг напротив друга, затем обходят по большой дуге, почти по самому краю, глядя друг другу в глаза, как два хищника, перед дракой. И вот Вилайди начинает собственную композицию, и народ из подтанцовки оживляется, начинает подражать. Рэйни это все, конечно, очень не нравится, хотя сам вызов он принимает с удовольствием, ведь дух соперничества в своих мужчинах женщинам Венги так и не удалось искоренить.

Так и продолжается этот танец, когда восторг зрителей переходит то к одному, то к другому, а, под самый конец, солисты танцуют вместе, двигаясь идеально слаженно, синхронно, зеркальным отражением друг друга. А внизу все вставшие со своих мест «зрители», плотным кольцом окружившие сцену, тоже с воодушевлением подходят к кульминации действия выраженной жестикуляцией вскинутых рук, играющих мускулами под обнаженной кожей торсов, то согнутыми покорно спинами, то гордо вздернутыми подбородками... И этот круговорот радости, бесшабашности, страсти, сменивший их уныние поздним вечером так похож на саму жизнь,

на безумные качели побед и поражений, что просто дух захватывало.

* * *

В день своего рождения Эйн привычно проснулся от собственного крика. Открыл глаза и увидел над собой испуганного Вилайди, трясущего его за плечи уже несколько минут, пытаясь разбудить.

— Уф, Верхний, если каждый первый чэйровень ты будешь будить меня подобным образом, я возненавижу твой день рождения примерно так же, как и ты.

— Прости, котенок, я не специально...

— Я знаю. Но это ненормально, Верхний! — последние месяцы Эйн очень пытался приучить звать себя по имени, аргументируя это тем, что он, конечно, в восторге от столь четкой расстановки статусов, но Вилайди уже состоявшийся парень, поэтому будет лучше, если при посторонних они не будут столь явно афишировать свои отношения. Вил старался изо всех сил, но в минуты сильного волнения все равно забывался.

А как тут не волноваться, когда вот уже второе день рождения Эйн кричит и мечется по кровати, и, главное, не разбудить его ни как, чтобы прекратить этот кошмар. В первый раз Вил пытался окольными путями и прямыми дорогами узнать, что же с ним такое делали, чтобы закрепился такой странный эффект. Но Верхний, который даже, как-то раз, под кальян правда, ударился в воспоминания об искусстве госпожи Эйлиорин, захлопнулся, как устрица в раковине, и только заладил: «Прости меня, малек, я не специально...». Ну вот и сейчас все снова по новой.

Госпожа Айрин вчера вечером предлагала ночь с ней провести, а Верхний, старательно отводя глаза в сторону, запинаясь и подбирая слова пытался ей объяснить, что эта ночь ему ну никак не подходит, а вот следующая — вполне. Но, похоже, его теперь не скоро пригласят снова. Что-то они с госпожой последнее время в каких-то странных натянутых отношениях. Вроде и не поругались, но напряжение между ними, тугое, как капроновая нить.

Эйн, захватив одной рукой своего задумчивого котенка, подмял его под себя и начал целовать, нежно, ласково. Чтобы тот только не мурлыкал... Котенок... Его сладкий котенок. Как бы он жил без него?

А теперь, после душа, надо посетить еще одного человека, без которого его жизнь вообще скоро уже должна была бы оборваться.

Двадцать семь лет, из них последние десять, каждое утро собственного дня рождения его встречает кошмаром и он просыпается в холодном поту, когда на улице во всю светят солнца. Мать приучала его к этому постепенно, лет с четырнадцати. В семнадцать рефлекс закрепился. В тридцать все должно было бы закончиться, но, благодаря встрече с удивительной девушкой, ему удастся прожить несколько больше. Если повезет, то раза в два. Мужчин старше семидесяти даже с диким напряжением памяти вспомнить не удалось, кому они нужны? К этому возрасту начинает заметно портиться последнее ценное в спецах — мозг. Руки сдают гораздо раньше, но пока нормально работают мозг и память, еще можно использовать как наставников для детей. А потом — только проблемы. Интересно, что у него особенно ценное для сестры?

Постучавшись, как приличный, а, вернее, как виноватый, зашел и сразу наткнулся на демонстративно, только что, специально для него сооруженную композицию — Айрин, обнимающая Дэйниша. Лицо друга сигнализировало, о том, как ему происходящее не нравится. А, это как раз и означало, что композиция была собрана принудительным методом. Ладно. Госпожа — женщина, которой вчера отказали. Имеет право на маленькую месть.

— Дэйниш, выйди, пожалуйста...

— Дэйн, останься! Пока еще приказываю здесь я!

Не маленькая месть... Хорошо, будем унижаться при Дэйнише.

Эйнри, низко опустив голову, дошел до кровати и опустился перед Айрин на колени. Преданно заглянул своей женщине в глаза, пытаясь найти там любовь и прощение. Не нашел. Его госпожа была очень рассержена, и смотрела на него сверлящим душу взглядом. Что ж... Двадцать семь. С днем рождения...

Эйн встал, грустно посмотрел на друга, и вышел из комнаты. Но, через минуту, без стука, влетел испуганный Вилайди.

— Верхний у вас?!

— Нет уже, — презрительно бросила Айрин.

— Да? Странно, он же шел к вам извиняться... Объяснить про вчерашнее..

— Он попытался, но наша госпожа была настолько погружена в собственные переживания, — злобно съехидничал Дэйн, которого задело и бессмысленное унижение друга и то, что любимые опять поругались.

Вилайди застыл в дверях, переваривая услышанное. Верхний минут десять готовился морально, прежде чем решился пойти. Наверняка еще

постоял, прежде чем постучать... И его просто отказались выслушать?!

— Он кричит во сне... Каждую ночь, в свой день рождения, он кричит так, что я пугаюсь! И его не разбудить... Я трясу его, трясу, он мечется в моих руках, кричит и не просыпается. Это... Очень страшно. Он не хотел, чтобы вы...

Дэйниш спрыгнул с кровати, взял аккуратно сложенные штаны, оделся, не очень добро посмотрел на Айрин:

— Я пойду помогу Вилайди найти Эйна.

— Приведи его потом ко мне...

— Не наиздевались еще?

Айрин вскинула на мужа предупреждающий взгляд, и Дэйн замолчал, а то будет не очень здорово, если друга в итоге простят, а вот на него разозлятся.

Выяснив у вездесущих мальков, что с мужской половины Эйпри не уходил, облазили все и в итоге нашли его в комнате для Церемонии Прощания. Парень стоял в центре, напряженно замерев, сжав кулаки и закрыв глаза. Он не открыл их даже когда двое его друзей, так же напряженно, замерли у него за спиной.

— Ты чего?!

— Мне двадцать семь лет, пора начинать готовиться..

— Ты думаешь, она тебя..? Ты спятил, Эйн?! — Дэйн уже даже не знал, на кого он больше всего был зол из этих двоих. Но их ссоры просто сносили его нервную систему, с каждым разом они были все более и более... Даже не бурными, нет. Молча скрестили взгляды и молча разошлись. Каждый в свою сторону. Думать свою фигню. А он и Вил между ними, как ангелы мира... Почему-то это происходило все чаще и чаще. Наверное надо куда-то отправить этих двоих вместе, на неделю. Или наоборот, разлучить на месяц. Встряску им устроить, чтобы поняли, как друг друга любят и как друг друга мучают.

Взяв друга за руку, вытащил из этой страшной комнаты, от которого самого в дрожь бросает, хотя ему-то уже и совсем не с чего...

— Через три года моя жизнь будет зависеть от прихоти двух женщин...

— За три года ты сможешь помочь зачать Кэйтиарионе наследницу и будешь спать спокойно.

— Я не хочу...

— Чего?!

— Я уже раз облажался, Дэйн. Я не хочу больше даже пытаться. Потому что, если я облажаюсь еще раз, то она меня возненавидит.

— Кретин! Какой ты все-таки кретин...

— Неважно. У нее есть Айкейнури и у того в роду куча сестер. А у меня по отцовской линии одни парни. И у матери моей матери только братья были, это она сама родила только девочек, избавляясь от неудачных плодов зачатия.

— Откуда такие подробности? Гаремные сплетни?

— Длинный язык госпожи Эллессит.

Вилайди, молча стоявший в уголке и, как обычно, не участвующий в разговоре, если Дэйн занимался полосканием мозга его Верхнего, потому что был полностью и целиком всегда согласен с Дэйнишем, решил напомнить:

— Госпожа просила...

— Да, точно. Пошли, тебя госпожа ждет.

Обратно шли сначала молча, потом пару раз рискнули обменяться ничего не значащими фразами. Напряжение витало в воздухе.

Запихнув друга в спальню госпожи, встали по краям двери, как два стража. Переглянулись, улыбнулись друг другу и Вил пошел на кухню за завтраком.

Эйн вошел в комнату, с ощущением, что проваливается в прошлое. Именно с таким чувством он всегда заходил в комнату к матери. Ударит? Приласкает? Одарит? Отберет?

— Где ты был?

— Тут, на мужской половине.

— Где конкретно, Эйн?!

— В одной из комнат..

Госпожа соизволила обернуться от окна и посмотреть на него своими зелеными глазами. Так, что захотелось упасть на колени, уткнуться лицом в пол и начать молиться Матери Всего Сущего.

— Где. Конкретно. Ты. Был?!

Сестренка, тля! Характер, иногда, как один в один с друг друга списанный...

— В комнате для Прощаний.

— Зачем?

— Мне двадцать семь лет, госпожа...

— Ты идиот, да?! — эту фразу госпожа произнесла обычным своим голосом, со спокойной интонацией, скорее утверждая, чем спрашивая.

— Я ваша собственность, госпожа, как вы изволили мне, неделю назад, очередной раз напомнить. Ваш раб и ваша собственность. И мне

сегодня исполняется двадцать семь. Что странного в том, что я начинаю готовить себя морально к тому...

— Ты идиот, — теперь уже, абсолютно точно, с некоторой грустью в голосе, констатировала прискорбный факт девушка, — Я даже не помню, о чем мы тогда говорили, но ты всю неделю ведешь себя, как оскорбленный принц на высылках, вместо того чтобы прийти и сказать, что я тебя обидела и закрыть эту тему. Я бы извинилась и все. Все! Вместо этого ты неделю надо мной издеваешься, весь такой в лучших чувствах затронутый. И когда я, наконец, нахожу прекрасный повод провести ночь вместе и все обсудить, ты, при всех, без объяснений, отказываешь мне и уходишь спать к Вилу.

Пока девушка говорила всю эту обвинительную речь, Эйн стоял и смотрел в угол, считая про себя до ста, потом еще до ста... Потом...

— Простите меня, госпожа! Я не понимаю, что со мной последнее время происходит. Наверное я просто устал и... Опять теряю контроль над своим характером. Простите.

Айрин подошла к брату, обняла его и прижалась к нему, крепко-крепко. А тот сначала постоял несколько секунд, потом глубоко вздохнув, бережно прижал любимую к себе, закопался лицом в ее волосы...

— Твое предложение все еще в силе? — вопросительно, с надеждой, заглянул ей в глаза.

— Конечно, — улыбнулись ему в ответ, и он поцеловал эти сладкие, любимые губы. А потом взял свою женщину на руки и отнес на кровать. И пусть все подождут — у него сегодня день рождения все-таки!

* * *

После обеда приехала Кэйтириона и ее обычный эскорт — Шайн, Айки и Нэй. Девушка, едва зайдя в гостиную, чуть покраснев, смущенно улыбнулась:

— Эйри, я бы хотела вручить тебе свой подарок наедине.

С легким изумлением и усмешкой в глазах, Эйн поднялся с пола и, подойдя к жене, поцеловал ее в ладошку:

— Конечно, как пожелаешь, родная, пойдём ко мне в комнату?

Айкейнури скрипнул зубами и сжал кулаки, а довольный результатом, специально для этого одного зрителя и разыгранного спектакля, Эйри уже серьезно кивнул жене и сделал приглашающий жест рукой, пропуская девушку вперед.

У комнаты Эйна Кэйт несколько задержалась, не решаясь первой

открыть дверь.

— Стучать будем? — улыбнулся ей Эйн, пропуская к себе и блокируя замок, на всякий случай.

И хорошо сделал, потому что разговор предстоял явно слишком... семейный. Кэйтириона достала из сумочки и протянула ему великолепный серебряный бицепсный браслет, похожий на тот, что почти всегда украшал руку Дэйна. На браслете красовался вензель Дома Маргойлин.

— Мне будет приятно, если ты его будешь носить... Ну... Хотя бы на выезды, где мы вместе. Ты отказался взять мою фамилию и я обиделась... Как маленькая девочка... И не стала делать тебе тогда свадебный подарок. Потом очень жалела, но как-то все случая не предоставлялось... Да и боялась, что ты... Не примешь... Или будешь носить как ошейник, по приказу...

Девушка запиналась, краснела, бледнела, теребила платье, старалась смотреть на мужа, но это было так сложно... Гораздо проще было смотреть в сторону — не так страшно. И, хотя она репетировала эту речь перед зеркалом целых три дня, все равно понимала, что говорит скомкано, путано... Главное донести смысл, получить отказ и успокоится. Почему ей вдруг, именно сейчас, захотелось надеть наконец на мужа символ его принадлежности Дома Маргойлинов? Не объяснимы пути женской логики. Захотелось, до кожного зуда. Сначала хотела передать через Айрин, потом поняла, что нет, не так. Надо вручить самой, чтобы понял — это подарок, красивый аксессуар, очень важный для нее, но совершенно ни к чему не обязывающий его...

— Его делали на заказ, специально для тебя, — закончила свою сбивчивую речь девушка.

— Родная... прости...

— Нет, не хочешь носить — не надо, — быстро проговорила Кэйт, чтобы успеть до того как он скажет «нет»... конечно, это была глупая идея... и зачем ей понадобилось?! — Но пусть он лежит у тебя в тумбочке, а не у меня, — Мне до сих пор немножко больно, когда мой взгляд натывается на него... — Я же его тебе еще на церемонию заказала...

Эйнри, молча опустил перед женой на колени и, с чувством проговорив стандартную церемониальную фразу:

— Благодарю вас, моя госпожа, за оказанную мне честь, — протянул ошалевшей от изумления и радости девушке свою руку. Кэйтириона, закусив от волнения губку, надела браслет на бицепс мужу и залюбовалась. И красотой самого украшения, и тем как оно идеально подошло по руке

(еще бы, несколько раз ведь мерку снимала ночью), и редким зрелищем смущенного Эйна.

Парень, тоже полюбовавшись на браслет, так и не вставая с колен, поцеловал Кэйт пальчики, потом, перевернув к себе ладонь, прижался губами к запястью и виновато прошептал:

— Прости за фамилию, родная. Я не думал, что тебе так важно... Хочешь, я стану Вайнгойрт-Маргойлин? Большого тебе предложить не могу, прости...

Когда в гостиную вошла раскрасневшаяся от пережитых впечатлений Кэйт, Айрин изумленно взглянула на подругу, подняв вопросительно бровь. Шутки-шутками, но если уж решили развлечься, могли хотя бы в известность поставить. А то тут только ленивый над ревностью Айкейнури не поострил, и, выходит, парень переживал не напрасно?!

Но когда следом за ней вошел брат, на руке которого сверкал браслет... Серебряный браслет с вензелем Дома Маргойлинов! Айрин почувствовала желание придушить эту парочку. Ну так, слегка, чтобы не забывали, кому на самом деле принадлежит этот зеленоглазый наглец. Но, брат, как почувствовав, как грозовые тучи собираются над их солнечным небом, подошел и пристроился на коленях у ее ног. Преданно заглянув в глаза улыбнулся:

— Я муж или не муж? Должен же у меня быть отличительный аксессуарчик моего элитного положения в обществе? Как у Дэйна, например, в конце концов?!

— А у меня, Эйн, нет такого аксессуарчика. У меня браслет с вензелем прежней семьи, если ты забыл, — играя желваками выдал Дэйниш.

Айрин изумленно посмотрела на своего волчонка:

— Ты никогда не говорил, что тебе важно...

— Мне важно. Мне было важно, чтобы вы сами догадались. А теперь... — Дэйниш, еще раз скользнув взглядом по браслету Эйна грустно вздохнул и уставился в окно.

— Таракашки с боем берут последние рубежи, — фыркнул Эйнри, и подмигнул сестре, типа разбирайтесь тут без меня:

— Объявляю операцию «витязь» — я ушел, а вы ебитесь...

И, действительно, пересел к Кэйт и ее тройке, заодно переманив с собой Вилайди.

Дэйниш, от фразы про таракашек нахохлившийся еще больше, после операции «витязь» не смог сдержать улыбки.

— Волчонок, прости меня, но я, правда, считала, что тебе и так хватает подтверждений моей любви. Если тебе для полного счастья не хватает браслета с вензелем Дома Вайнгойртов, я тебе хоть на всю руку закажу. И пояс на талию... И кольцо..

Дэйн заржал:

— Кольцо не надо, неудобно носить будет!

— Кольца, милый, континентальный извращенцы носят на пальце. Во время брачной церемонии жених и невеста обмениваются кольцами, обычными! Но могу и туда тоже, ночной такой аксессуарчик, по праздникам надевать будешь.

Посмеявшись от души, и разогнав тараканов, присоединились к остальным, во всю снова развлекающимся над Айкейнури.

Веселится над бедным Айком начали еще утром, когда Шайн и Нэй, зашли за ним в комнату и увидели, как он, матерясь, старается красиво упаковать подарок, при виде которого у Шайнэ случилась натуральная истерика, и его пришлось отпаивать водой. Он даже икать от смеха начал. Нэй отнесся более философски, но тоже похихикал. Да и кто бы удержался?

Айкейнури собирался подарить Эйну настенные часы, раритетные, еще со стрелками, оббегающими циферблат по кругу. Только, вместо цифр, на них были схематично нарисованы два человечка в различных, пикантных позах. Айку его подарок казался очень смешным и оригинальным, ровно до того момента, как Шайн не начал икать у него над ухом, пытаясь выговорить, что Эйнури, конечно оценит и часики, и человечков, и, особенно, расценит предложенные позиции, как намек и приглашение к экспериментам, используя для этого тело дарителя.

Быстро найти что-то приличное за полчаса до отъезда не удалось, поэтому пришлось ехать с тем, что есть.

Уход Эйны с Кэйт и, потом, его явление с браслетом на руке, произвели фурор не только среди тараканов Дэйна. Ревнивые тракашки Айка и, даже, чего уж скрывать, забитые, но не сломленные, тараканчики Шайна, при виде этого зрелища возбудились и забежали, размахивая плакатами и лозунгами, забили во все колокола... Вышли на демонстрации с цветами и шариками. Активировались по полной.

А когда, пересев к ним, Эйнури начал обсуждать с госпожой свою двойную фамилию, у таракашек вообще случился спортивный марафон на длинную дистанцию по кругу.

Но потом парни как-то навели порядок в своих бедных головушках, ведь, в конечном итоге все происходит правильно — Эйн взялся за ум, надел браслет, взял фамилию жены. Не будь он у них такой весь из себя особенный, жил бы сейчас в Доме Маргойлинов и не было бы никаких смен караула, Шайн доживал бы свой век в другом гареме, Айк бесился бы под пальмой...

И вот, когда Айкейнури почти совсем отпустило, он вспомнил про часы и занервничал. Решил что не будет дарить совсем. Но тут его, совершенно нечаянно, подставил Вилайди, разглядевший уголок оберточной бумаги, торчащий из под дивана, куда парень первым делом затолкал подарок, чтобы в глаза не бросался.

— Ой, это Эйну, да? — посмотрел он на всех своими большими честными глазами. Эйни сразу оживился:

— Зайка моя, ты принес мне подарок! Дай я тебя поцелую, Айки!

Шайн снова начал всхлипывать и икать от смеха, а Кэйт, которая еще не видела, что же там такое, под шумок, пока трое ее мужчин веселились, а Нэй загадочно ухмылялся, тихо развернула упаковку и, с каменным лицом, очень стараясь не засмеяться, протянула мужу часы.

— Айки!!! Боюсь представить, зайка, сколько гадостей тебе наговорил про меня этот злой дядя, пока захлебывался слюной от зависти над таким прекрасным подарком! — хихикнул Эйни, с демонстративным укором поглядывая на пытающегося успокоиться Шайна, которого после этих слов скрутило по новой.

Тут как раз подошли Айрин и Дэйниш. Дэйн, с совершенно серьезным лицом изучил часы:

— А вот этой позы я не знал, забавно.

После чего не удержался и прыснул в кулак, но тут же снова соорудил серьезное лицо:

— Думаю, Айк как раз хотел намекнуть тебе, что даже такому развратному товарищу, как ты, всегда можно открыть для себя что-то новое.

Эйн, соорудил глубокомысленную морду, изучил неизвестную до сих пор Дэйну позу, и тоже с серьезным лицом сказал:

— Сегодня надо будет попробовать, как ты думаешь? Ты со своим, я со своим, ну а потом... — и оба парня понимающе друг другу покивали, с абсолютно каменными лицами, но с озорным блеском в глазах.

— Да ну вас... — Айкейнури, надувшись начал пытаться встать и

выйти, подышать свежим воздухом.

— Спасибо, Айк, — Эйн, перестав издеваться, протянул парню руку, — Прикольный подарок, правда. Мне очень понравилось. И... Ты смелый парень, раз рискнул мне подарить такое, — снова не выдержал и заржал. Но при этом не стал больше лезть целоваться и обзывать зайкой, а хлопнул по плечу, и подмигнул. Как нормальный. И Айк решил, что вообще удачно он все же с часами придумал. Оригинальнее только госпожа подарок сделала. А так — все какие-то банальности...

* * *

А утром Дэйн проснулся от того, что ему на руку надели браслет. Массивный такой, гораздо шире, чем у него был от госпожи Клаусийлии.

— Это фамильный, мне вчера его вечером Сабина отдала... Она тоже все удивлялась, что я не прихожу за браслетом, вместо того, чтобы намекнуть хотя бы... Теперь ты доволен, мой любимый? Этот браслет носил еще мой дедушка, а теперь вот ты..

— Дедушка у вас был мужик, что надо! — улыбнулся Дэйн, изучая размеры подарка, — Благодарю вас, моя госпожа, за оказанную мне честь..., - и вдруг, совершенно по детски мгновенно покраснев, выдал — Мать Сущего, как долго я ждал этого!

Глава 35

День рождение Кэйтирионы. 25 шуйль.

Кэйт проснулась в одиночестве и была весьма огорчена этим обстоятельством, слепо пошарив по кровати в поисках теплого родного тела Шайна. Парень, обычно, старался оттянуть момент пробуждения, потому что день рядом с Кэйт принадлежал Айку.

Но, почти тут же, девушка интуитивно почувствовала, что в комнате она не одна и, резко сев на кровати, распахнула ресницы... Чтобы тут же зажмуриться и, помотав головой, отгоняя наваждение, снова широко раскрыть глаза. В комнате, идеальным полукругом, рядом с ее кроватью стояли на коленях рабы... Много рабов. Практически все взрослые парни ее гарема, одним слаженным движением упавшие лицом в пол, приветствуя ее пробуждение, и тут же, не дожидаясь разрешения подняться, выпрямившиеся с довольными озорными улыбками, дружно выдохнув:

— С добрым утром госпожа! С днем рождения!!!

Кэйтириона, находящаяся под впечатлением необычного пробуждения в некоторой прострации, почувствовала, как досада и раздражение от отсутствия Шайна отходят, просто тая от обилия белозубых улыбок и блестящих искренней радостью взглядов. Правда, при этом, исподволь разглядывающих свою госпожу, полусонную, теплую, растрепанную, в довольно провокационной полупрозрачной ночнушке. Девушка не смогла сдержать ответной улыбки. Парни, конечно, очень рисковали, но их порыв, поздравить ее раньше других в этот день, радовал, заряжая положительными эмоциями.

— С добрым утром... Спасибо... Ох, сколько вас у меня, мои хорошие... Можете встать.

Шайн и Айк находившиеся по краям композиции, как раз ближе всего к кровати, тут же поднялись на ноги и, шагнув вперед, подали ей руки, чтобы их госпожа могла опереться, поднимаясь.

Остальная часть рабов так же грациозно поднялась с колен на ноги. У Кэйтирионы всегда дух захватывало, насколько красиво получалось у ее парней проделывать такой маневр — особенно таким бруталам, как Гейн или Кыйос.

Хорошо, что ее уже крепко держали, иначе она бы точно упала обратно в кровать, изнывая от приступа безудержного смеха. Очевидно, в качестве

подарка, все ее мужчины были полностью обнажены. На шеях парней красовались белые полоски ткани, имитирующие воротнички рубашки с обязательными черными бабочками, подчеркивающими торжественность момента. А на гордо торчащих стволах парней были повязаны красные бантики, до того нелепо, смешно и в то же время трогательно передающие атмосферу праздника, что Кэйт простонала:

— Так нечестно, мальчики, как же я выберу самый лучший подарок? У меня просто глаза разбегаются...

Айкейнури уже беззвучно трясся, опасаясь рассмеяться вслух, полностью уверенный, что чтобы девушка не говорила, все равно она выберет его. Шайн, наоборот, старался внимательно вглядываться, чтобы уловить малейший оттенок настроения любимой — понравился ли ей экспромт? Оценила ли она шутку-признание в любви и преданности?

А Кэйтириона, и в самом деле не знала, на ком из парней задержать взгляд...

Хорошо, что ее от непростого решения спас родной братик, пришедший поздравить, и чуть не обалдевший от представившегося зрелища...

— Э... эм... моя госпожа... с днем рождения... простите, если я помешал...

А на хитрой моське уже читалась напряженная работа мысли. Кэйт поманила братишку, позволила себя обнять, и поцеловала в нахально подставленные губы. Эйли правильно рассчитал — сегодня она простит ему эту вольность.

— Госпожа, — с придыханием попытался он отвоевать еще немного поблажек, опускаясь на колени, скользя ладонями по ее бедрам, — а можно я тоже разденусь?

— Эйли! — одернул Гейн и ехидно добавил, — у тебя бантика нет, так что не примазывайся, жулик...

— Уууу, боишься конкуренции, — обиженно огрызнулся парнишка.

— Нет, золотко, просто ты единственный, кто из мальчиков остался в штанах, может быть, ты как раз и сходишь за моим завтраком? — взъерошила девушка светлую макушку.

— Но, госпожа... конечно схожу, — вздохнул парень, просительно заглянув в глаза. Близость сестры, так ни разу и не позволившей себе поиграть с ним, будоражила юную кровь.

Кэйтириона улыбнулась, уцепив прядь волос, которые только что наглаживала, оттянула назад, заставив запрокинуть голову...

Зрачки Эйли предвкушающее расширились, но она лишь рассмеялась,

еще раз коротко мазнув своими губами по его, и отпустила.

Кто бы знал, как он хотел побыть с ней хоть несколько часов... Почему Эйн живет со своей сестрой, а Кэйт отказывает ему в этой малости... Обидно же... Когда его отдадут в чужой гарем, тогда с сестрой он будет видеться, если только обе госпожи смогут где-то пересечься, у кого-то в гостях... Раньше, пока Старшей госпожой была мать, он только и мечтал поскорее улететь из родного дома, но сейчас... настроение было несколько другим...

— Ой, я совсем забыл предупредить, госпожа Эйлиорин собиралась поздравить Вас...

— Эйли... — чуть не простонала Кэйт, представив, как удивиться мамочка застав в ее комнате такую красочную картину.

Но предпринять они уже ничего не успели, потому что система оповещения, установленная Шайном еще во время ее болезни, чутко реагирующая на приближение старшей Маргойлин, заверещала, сообщая, что бежать поздно. А собственно, почему надо кого-то прятать?

Мать замерла на пороге, рабы склонились в приветственном поклоне лицом в пол, но это было скорее не столько данью уважения, сколько нежеланием светить своими причиндалами «в праздничной упаковке».

— Дорогая, я надеялась быть первой, но у тебя уже собрался целый цветник... — немного завистливо пробормотала Эйлиорин, — Гейн! Что-то я не припомню такого дружного нашествия ко мне в спальню в мою бытность Старшей госпожой. Выслуживаешься? Или это вообще не твоя идея?

Гейнийляш мог бы сейчас признаться, что идея не его, или свалить на кого-то, но Кэйтириона понимала, что он этого не сделает. Парень старался не попадать в столь щекотливые ситуации, но сейчас ему явно не повезло.

Он лишь склонил ниже голову, хотя, куда уж ниже?

— Дорогая, когда ты закончишь с ними, я хочу видеть Гейна у себя, — заявила Эйлиорин.

— Да, мама... — тихо пробормотала Кэйт, увидев, как у парня опустились плечи.

Шайн с Айком, переглянувшись, решили поиграть в благородство, правда, Айкейнури успел первым:

— Прошу прощения, госпожа Эйлиорин, но эта смелая идея приветствовать так нашу госпожу, родилась в моей бестолковой голове, Гейн здесь ни при чем.

Гейнийляш слабо усмехнулся, оценив попытку, но он слишком хорошо знал старшую Маргойлин, та так просто не отказывалась от своей затеи.

— Ну-ну, отважный зверек, я оценила, — коротко рассмеялась Эйлиорин, жалея, что она не может позабавиться с этой неприкосновенной аппетитной задницей, — Но, насколько я помню, у нас, пока еще, Гейн — старший в гареме, и его насильно сюда никто затянуть не мог.

— Мама, ты пришла меня поздравить? — отвлекала внимание женщины на себя Кэйт.

— Ах, да, дорогая... Как ты знаешь, у меня почти не осталось личных средств, а тех, что выделяются мне теперь, едва хватает на булавки... Однако, я теперь так редко выхожу из дома... Вот. Бери. Они достались мне еще от бабушки, — протянула она красивую бархатную коробочку, — Открой, дорогая, я хочу увидеть, подойдут ли они тебе?

— Ооо! — только и смогла вымолвить девушка.

Эти изумруды, вставленные в оправу знаменитым мастером-ювелиром, представляли собой настоящую художественную ценность. Последний раз она видела их давным-давно, еще маленькой девочкой, и вообще была удивлена, что они сохранились у матери, и она не заложила их в свое время... Или потому так долго и не видела, что они хранились не в доме?

— Вообще-то они должны переходить не к дочери, а к внучке... Но раз пока у тебя нет наследницы, — подчеркнула старшая женщина. — Хочу, чтобы они принадлежали тебе...

Шайн скрипнул зубами, пытаясь понять, это у него так громко получилось, или просто Айк эхом повторил его молчаливое негодование. Кэйтириона слегка напряглась — мать, как всегда любезно, била по самому больному. Но возражать было глупо. В конце концов, она все еще надеялась на дочь от Эйнри. Всего несколько сеансов зачатия, а может быть, хватит и одного... Только надо немного подождать.

— Ладно, не буду вам мешать, — удовлетворенная маленькой мстью, улыбнулась Эйлиорина.

— Спасибо, мама, — сдержанно кивнула девушка, примеряя подарок.

А серьги ей удивительно подошли, даже сейчас, когда она стояла в одной ночной сорочке...

— Я жду тебя у себя, Гейн! — произнесла на выходе старшая Маргойлин, и парень тяжело вздохнул.

С уходом Эйлиорины, возникшее напряжение немного спало, но настроение уже было не то.

— Так мальчики, я вам очень благодарна за отличное поздравление.

Надеюсь, что маме не удастся мне испортить весь день еще больше. — Кэйт обошла парней, проводя ноготочками по их напряженным животам, бокам, ягодицам, бедрам... Поощряя, давая понять, что она оценила каждого. Рыжик, которого тоже взяли сегодня, покраснел так, что стало незаметно веснушек, едва только Кэйтириона дотронулась до него. Пришлось поощрить его еще и коротким поцелуем в подбородок, потому что босиком она оказалась совсем мелкой по сравнению с этими элитными самцами, и едва доставала им до плеч. А вот Никки сразу весь засветился, едва только госпожа скользнула взглядом по его ладной фигурке, немного субтильной на фоне остальных, но оба тотчас вспомнили их «уроки», и Кэйт смущенно отвела глаза, а Никки запоздало покраснел, поймав предостерегающий строгий взгляд Айка.

Тут, наконец, примчался Эйли с подносом, но девушка не стала завтракать сразу же, отправив всех восвояси и оставив лишь Гейна, пообещав Шайну и Айкейнури, что позавтракает с ними, но чуть позже. Айку не очень пришелся по душе порыв его любимой, но Шайн настойчиво подтолкнул его к выходу. Старший парень очень хорошо понимал, что счастливому избраннику для забав старшей Маргойлин просто необходима моральная поддержка перед предстоящей экзекуцией. А уж как их госпожа решит поступить — будет ли утешать словами, или... «Или», он конечно тоже не хотел, но богиня вольна распоряжаться своим и их телами, так что лучше не знать и думать о каких-нибудь отвлеченных темах...

А Гейн вовсе и не ожидавший теперь ничего хорошего, настороженно уставился на девушку.

— Мне жаль, что так получилось, — смущенно призналась Кэйт, — я хочу немного скрасить впечатление, мой хороший...

— Госпожа? — вопросительно вскинулся парень. В ту единственную ночь, что он провел в этой комнате, они просто лежали и разговаривали, пока госпожа не уснула, строго настрого запретив ему уходить до утра.

— Без контроллера сумеешь удержаться?

— Да, — обалдело прошептал Гейнийляш.

— Хорошо, тогда ложись на кровать, приготовься для меня...

— Госпожа? — неверяще, почти умоляюще глянул он на девушку, шепча про себя: «только не обмани ожиданий не будь столь жестока».

— Мы обойдемся без веревки, Гейн? — улыбнулась Кэйтириона, и, поняв его сомнения, успокаивающе, провела ноготочками по напрягшемуся животу, скользнула ниже, развязывая пикантный бантик.

— Да! — уверенно кивнул он, укладываясь и чувствуя, как сердце

колотится где-то возле самого горла, а он волнуется как самый распоследний малек на первом свидании с госпожой, опасаясь совершить ошибку и испортить все впечатление...

Кэйт плавно опустилась сверху, чуть приподняв подол ночной сорочки, щекотавшей кожу его ног.

— О, Матерь Сущего, какой же ты огромный... — чуть вздрогнула девушка.

— Простите, госпожа, — расстроено прошептал парень. А что он мог сделать, если природа одарила его столь внушительными размерами?

— За что ты просишь прощения, глупый? — рассмеялась Кэйт, и тут же охнула, чувствуя, как мышцы с трудом пропускают огромный член, обхватывая слишком плотно. Хорошо, что великолепное зрелище ее парней уже в достаточной степени возбудило ее воображение, иначе пришлось бы искать лубрикант... Такого она как-то не ожидала, визуально не оценив как следует... Вообще-то надо получше приглядеться и к остальным... Она не собиралась расширять свой мини-гарем, но сейчас Гейн явно заслуживал поощрения. И пусть ему сегодня повезет. Мамочка слишком долго помнит и лелеет обиды. А то, что парни продемонстрировали, пусть и не нарочно, ей сказало о том, насколько им по нраву новые порядки в Доме. И, значит, обижена она серьезно. Но, зато, хоть несчастному Тийку достанется меньше...

Кэйт взглянула на забывшего свои горести Гейна, заморожено глядящего на нее, словно все еще не веря, что ему привалило такое счастье. А затем, перекрестив руки, схватила подол, и рывком сдернула с себя ночную сорочку — пусть любитесь... Сильным парням тоже нужны яркие впечатления, чтобы оставаться сильными, когда судьба им кидает подлжки.

* * *

Кэйт пришлось еще какое-то время задержать Гейна у себя, даже после того как он принял душ, и очень жалела, что сегодня к завтраку не принесли тарелку с нарезкой лимона и лайма, очень бы пригодилась. Потому что неумемная радость так и плескалась из парня наружу, словно он в одиночку схомячил огромный торт. Гейн старался изо всех сил, но даже осознание того, что теперь его ждут совсем другие игры в комнате мамочки Кэйтиайрионы, не могли пригасить праздничную иллюминацию в светящихся шальным блеском глазах. Полное ощущение, что парень

находится под воздействием вейджэ...

Девушка чуть не стонала — от голода уже подводило желудок. Но выпускать Гейна в таком сияющем виде, когда в коридоре его встретят, голодные, как она, и расстроенные, оттого что их выставили за дверь, Шайн и Айк, как-то не хотелось. Шайнэ, как обычно, все поймет, но Айки... ее ревнивый любимый... Ох... Шипеть и ёрничать будет до самого вечера. А ведь днем приедет Айрин с Эйри. Да уж, этот День Рождения ей тогда точно будет долго аукаться.

Почему-то сегодня не хотелось даже мизерных конфликтов... Хватит с нее любимой мамочки.

Кэйт уже даже собралась рассердиться и предложить Гейну поиграть по-другому, подготовиться и размяться. Но, наконец-то, парень почти справился с непосильной задачей и постарался придать себе соответствующий вид, ожидающего скорой казни. И, теперь, было похоже, что она просто утешала его перед тем, как отправить на экзекуцию к жаждущей мести родительнице.

Выпроводив Гейна, Кэйтириона тут же махнула рукой парням, которые привычно облюбовали любимое место, под пальмой. И, невольно, отметила, что сюда, наверное, стоит перенести один из диванчиков. Пост номер один, рядом с ее комнатой, теперь, с подачи Айка, редко пустовал. Можно подумать, во всем доме больше нет мест, где можно с пользой для души провести время в ожидании, пока она выпроводит очередного приглашенного на аудиенцию в свою спальню.

Зайдя в комнату, Айкейнури, даже не скрывая своего жадного любопытства, бросил взгляд на идеально заправленную кровать. Ноздри парня хищно трепетали, в надежде уловить то, что ускользает от визуального восприятия. Вряд ли он хотел удостовериться, что его госпожа утешала Гейнийляша сексом, скорее наоборот, ведь на высказывание претензий у него, все равно, не было никаких прав.

Унюхал он что-то или нет, Кэйт выяснять не стала, кивнула Шайну присоединиться, и строго взглянув на Айка, велела перестать изображать Ойтейлу, благо теперь все имели представление, о чем идет речь. Иначе, если он не хочет, как белый человек, разделить с ней трапезу, будет изображать сервировочный столик.

Видимо, Шайн тоже как-то намекнул, чтобы Айк перестал вести себя, как последний кретин, потому что младший раб злобно зыркнув на старшего, смиренно опустил у ног своей госпожи на колени и виновато

потеря лицом о ее животик, выпрашивая ласку.

Вот в чем Кэйт не могла отказать этому паршивцу, так в такой малости. Только что, он, буквально раздражал ее этим своим, непонятно откуда присутствующем в рабе, приступом ревности, и тут же захотелось приласкать, приголубить и уверить, что он для нее единственный и неповторимый, самый желанный... И в тот момент, несмотря на присутствие Шайна, прячущего в глубине глаз понимающую улыбку, она и сама верила, что Айк у нее один.

Какое счастье, что Шайнэйлиер был гораздо взрослее и сознательнее этого настырного нахаленка, все время перетягивающего огромное «одеяло» на себя. Иногда Айки казался даже хуже Рэя.

Вот тоже еще одно чудо, которое она завела себе в доме, не подумав, сколько головной боли оно может принести. Кэйт до сих пор так и не смогла полностью разгадать новенького раба.

Вот Буй — прямой, открытый, сразу стал пользоваться спросом у женской половины дома, и кажется, не был слишком расстроен тем, что Старшая госпожа не брала его поиграть.

Никки... Ягодка Айкейнури... Вот уж не думала, что Айк найдет свою пару в этом парне, который каким-то неведомым образом сошелся с Тийком, до этого неохотно общающимся с кем-то, кроме своего брата... Никки — милый...

А Рэйнйляш — тот еще фрукт! Ощущение, что от него можно ожидать всего чего угодно, не покидало, хотя, парнишка вроде бы сообразительный. Но все его поведение, должное изображать, какой он весь из себя белый и пушистый зайка, на которого незаслуженно не обращают внимания, все равно казалось лишь удачной маской...

Надо как-нибудь попробовать заняться им посерьезнее. В прошлый раз, интуитивно почувствовав, что парень собирался замутить какую-то авантюру, чтобы пролезть в ее спальню, в обход заслуживших это право кандидатов, она провела с ним разъяснительную беседу, а потом и вообще спланировала из дома, направив неумную энергию в мирное русло, и назревающий конфликт, вроде бы, был исчерпан. А парень действительно оказался талантлив.

Вот узнать бы, почему его, в самом деле, продали? Не может быть, чтобы такое сокровище сбаврили из предыдущего Дома ни за что... Но, к сожалению, Кэйт не была лично знакома с его предыдущей госпожой, и естественно, мило поболтать и исподволь выяснить причину ей не удалось бы... А если отбросить свои предположения, основанные на голой

интуиции, то пожалуй, из приобретенной недавно тройки, Рэй оказался настоящим бриллиантом в ее коллекции талантов. И это, как ни странно, случилось очень вовремя. Страшно представить, что бы они с Айрин делали, и как выкручивались с организацией развлекательных мероприятий на Советах, если бы не обнаружили одаренных талантом артистов в собственных гаремах...

Когда эго Айка немного потешили, и его восприятие окружающей действительности снова стабилизировалось до уровня «Я по-прежнему любим моей любимой госпожой», Шайн, которому девушка уже давно дала отмашку — начинать кушать без них, пользуясь тем, что Аик стоял спиной к столику, припрятал с тарелки уже остывшие, но все еще восхитительно мягкие круассаны с шоколадом, оставив лишь один — для Кэйт.

Млеющий от близости с Кэйтирионой, Айкейнури чуть не мурлыкал, склоняя голову то к одному плечу, то к другому, позволяя девушке, ерошить и перебирать его волосы, легонько щекотать за ухом, поглаживать по сильной шее. На Шайна, давящегося смехом, глядя на то, как Айки изображает ласкового котенка, парень не обращал внимания. Сегодня у госпожи гости, значит, не удастся умыкнуть ее куда-нибудь на целый день. Так хоть сейчас вдоволь и впрок запастись этим ощущение, что он ей просто необходим.

От осознания того, что приедет Эйри, Айка слегка потряхивало. И он не мог понять, отчего больше. То, что происходило между Кэйтирионой и ее мужем, скорее напоминало родственные отношения без сексуальной подоплеки, но толика ревности все равно присутствовала, а еще просто хотелось увидеть эту зеленоглазую сволочь... который нет-нет, да и приснится ночью, гад!

И оттого, что его самого пробирало на какие-то странные чувства рядом с Эйри, теперь он мог представить, что ощущала Кэйт... И это бесило... А собственная похожесть на ее мужа, парня то радовала и вдохновляла, то вгоняла в черное уныние. Как-то раз, сдуру поделившись своими опасениями с Шайном, Аик был жестоко обсмеян. Что номер с ярко-зелеными линзами, чтобы цвет глаз был идентичен Эйри, не прокатит, он и сам понимал. А вот, наоборот, стать еще более непохожим... Изменить себе форму носа, что ли... Чтобы быть точно уверенным, что любят его, на не клон своего мужа... Поделился он с Шайном в надежде, что тот попробует поискать в сети какую-нибудь подходящую клинику и почитать отзывы. Прежде чем идти за разрешением к госпоже, нужно же иметь бизнес-план и прикинуть финансовую стоимость вопроса — хватит

ли собственных, заработанных относительно честным левым бизнесом средств, или все-таки попробовать уговорить Кэйтириону сделать финансовую инъекцию... Или занять у того же Шайна... Но без разрешения его госпожи никто править чужую собственность не будет, конечно. Сюрприза не получится сделать.

А Шайн, зараза, оборжал и посоветовал сходить к Гейну, а лучше к Иймайксэ, с которым Айк не слишком ладил — мол, ты лишь попроси, он живо придаст твоему носу иную форму, бесплатно. Только потом не вопи, что пусть вернут, как было...

В общем, после этого памятного разговора Айкейнури релаксировал часа два, забрав обоих — Никки и Нэя в зал. Ух, и погонял он их! Правда и у самого дурь из башки выветрилась...

Когда Шайн пришел спасать своего Рыжика, его уже совсем отпустило. И он решил, что внешность, все же, не главное.

— Айк, отцепился бы ты уже от госпожи, она от голода скоро рухнет, а тебе вообще ничего не достанется.

Парень, осознав, что утешение его несчастного и впрямь несколько затянулось, неохотно выпустил девушку из объятий и, обернувшись, возмущенно завопил, глядя, как Шайн отправляет в рот последний кусочек круассана.

— Эй! А мне?

— Извини, — развел руками Шайн, сыто откинувшись на стуле. — Я, знаешь ли тоже переживаю... И в такие моменты у меня просыпается дикое чувство голода, — даже не улыбнулся старший парень и, вскочив, перед подошедшей к столику Кэйт, подвинул ей стул.

— Тайшу уже остыл почти... молока добавлять?

— Да нет, тогда не надо, — махнула рукой Кэйт, пряча улыбку. Она видела все манипуляции Шайна. И ее забавляло, когда мальчики, сдавая «смены», задерживались вот, как сегодня. Обязательно подначивая друг друга. От Айка она еще могла ожидать всяких подлянок, но чтобы это увлекало благоразумного Шайна? Может быть, просто он умеет прятать свои эмоции гораздо глубже, чем Айк, а на самом деле ему тоже не хочется уступать пальму первенства, даже на время? Но сегодня оба были на взводе. Сначала Гейн... Теперь вот напряженное ожидание Эйна... Айрин пока еще не решила, останется ли она на ночь... Видимо, все будет зависеть от того, насколько предлагаемые развлечения придутся по вкусу. Но комнаты для гостей были готовы, так что осталось самое главное —

дождаться их самих.

А еще надо собраться и привести себя в порядок...

Айк поискал взглядом булки, не веря, что в Шайна могло столько влезиться, и расстроено поник...

— Тогда и мне тайшу налей, проглот...

— А волшебное слово?

— А в глаз? — сострил Айкейнури.

— Не, — рассмеялся Шайн, — я тебе не Никкки, и даже не Рэй, милый...

— Я не милый, а злой! — вспыхнул Айк.

— Зря ты так, — улыбнулась Кэйт. — Не уверена, что он своему Ягодке угрожает... Я как представлю его улыбку... — мечтательно прикрыла глаза девушка...

Айкейнури, представив улыбку Никки и почему-то сразу вспомнив, что Кэйт брала у него уроки минета, засопел в два раза суровей.

— Все, Шайн, хватит издеваться, дай ему поесть, а то голодный и обиженный Айки меня пугает своей непредсказуемостью.

— Ну почему же непредсказуемостью? Вполне все предсказуемо: сначала у него пар из ушей повалит, потом он помчится разыскивать Нэя и Никки и потащит их в тренажерку...

— Так ты припрятал?! — обвиняющие уставился Айк на старшего парня, буравя его взглядом.

— Ладно, ладно, сдаюсь! — поднял руки вверх Шайнэйлиер. — На, питайся, страдалец... — вытащил он завернутые в салфетку круассаны из небольшой полочки под столешницей сервировочного столика и выложил их на тарелку.

— Давно бы так, — с явным облегчением, обрадовался Айк.

— Госпожа, может быть, все-таки принести горячего тайшу? — обернулся Шайн к девушке.

— Да нет, спасибо, Шайнэ... А скажи-ка мне, что вон там на тумбочке в большой коробке? — вдруг заметила посторонний предмет в комнате Кэйт.

— О, там еще небольшие сюрпризы...

Кэйтириона тут же хотела вскочить, но Шайн погрозил пальцем, как маленькой девочке:

— Сначала завтрак, потом подарки.

— Шайн! Ну так нечестно! У меня первый раз настолько необычно начинается день рождения... — надула губы девушка, но осталась на месте,

поспешно запихивая в ротик остатки круассана и запивая его остывшим напитком. — Все! Я готова.

Парни рассмеялись, потому что видеть, как их милая воспитанная госпожа ерзает от нетерпения, и в самом деле, так похожая на ребенка, ожидающего сюрприз, было достаточно забавно.

— Еще ручки надо помыть, — включился Айк.

— Поговори мне, — попыталась нахмуриться Кэйт, но ничего не вышло, разулыбалась. Ну не могла она на Айку сердиться почему-то...

Подарки оказались шикарными, неизвестно, кто сколько вложил собственных средств, но то, что вообще рабы скинулись и позаботились о том, чтобы у их госпожи получился настоящий праздник, трогало до слез: здесь были диски со странной не Венговской и даже не Земной музыкой, экзотические сувенирчики, настоящие восковые свечи, о которых она как-то мечтала, да так и не выбралась «за сувенирами», еще приятные женскому сердцу мелочи и одна очень забавная игрушка, при виде которой девушка даже слегка смутилась. С внешней стороны это были обычные кожаные трусики, с приделанным к ним анфаллосом — привычная игрушка женщин Венги, но с внутренней стороны там был приделан стандартного размера имитатор мужского члена. Вот хитрецы! Наверное, это намек, чтобы когда она вызовет кого-то из парней для забавы, не пользовалась анфаллосом, а включилась в развлечение и сама, чтобы контакт их тел был более полный.

Кэйт даже слегка зарумянилась, представив...

Больше всего она обрадовалась бамбуковым и сделанным из тонких листов какого-то металла трубочкам — «шумам ветра», уже давно хотелось нечто подобное развесить в доме и в саду. Наверное, парни не смогли определиться, какой звук ей больше придется по душе, поэтому подарили разные. Кэйт тут же вручила Айку и Шайну легкие конструкции, и минут пять, легонько дотрагиваясь, прислушалась, пытаясь определить, какой звук ей нравится больше — металлический дзыньк или тихий деревянный перебор странных аккордов... И где бы их повесить? На веранде или все-таки в комнате... Они же звучат только подчиняясь колебаниям воздушных потоков...

Парни смотрели на довольно улыбающуюся госпожу и радовались вместе с ней, настолько ее рапирало от этого маленького счастья.

Когда пришел домашний визажист, девушка выпроводила обоих парней. А, примерно через час, выйдя из комнаты, переодеваясь,

накрашенная и причесанная, Кэйт чуть не споткнулась об огромную корзину цветов. Как раз таких, о которых она мечтала... Кто?

Впрочем, особого выбора не было, только Айк и Шайн присутствовали, когда она увидела сообщение в местных новостях, что на Венгу завезли новый сорт цветов и она потом еще два часа, наверное, восторгалась. Все уши прожужжала парням, о том, что хотела бы их потрогать, понюхать, и мальчики вынужденно терпели. Шайни даже бросился искать по разным сайтам, чтобы узнать, есть ли они в какой-то из городских оранжерей, или пока только в лабораториях, в которых работают над адаптацией растений к новому, совершенно чуждому для них климату и условиям содержания?

Всего-то полтора месяца... Наверняка, пока еще не высадили в городские... Но где же они достали?

Кэйт, затаив дыхание, опустилась на колени перед прекрасными эйрдезиями с далекой планеты, опасаясь даже дотрагиваться до них пальчиками. Словно наваждение может растаять...

Надо же скорее поставить их в воду или специальный раствор для сохранения свежести!

Матерь Сущего! Вот это праздник так праздник...

— Спасибо, мои родные, — растроганно пробормотала девушка, вынимая охапку из корзины. Каждый стебелек оказался опущен в пробирку со странного вида янтарной жидкостью, плотно охваченный каучуковой пробкой, чтобы не было доступа воздуха. Видимо лучше их оставить так, в вазе все равно не видно будет, в воде они стоят или в этой своей субстанции ядовитого на вид цвета.

А на дне корзины огромная коробка, точно собранная на заказ, с красивой витиеватой надписью «С Днем Рождения!».

Кэйтириона бросилась назад в комнату. Рассыпала цветы на кровати, заметалась в поисках подходящей вазы, не нашла, вызвала малька, показала фронт работ и вернулась за коробкой.

Куда девать декоративную корзинку она пока не представляла. Скорее всего, ее потом можно будет пристроить на веранде, выложив внутри водонепроницаемой пленкой и засадив какой-нибудь вьющейся зеленью. А коробку вскрыла тотчас...

Глаза разбежались — это было ассорти, уложенное в пять рядов — ее любимые конфетки: суфле со вкусом ванильного ликера, сладкий вишневый ликер в шоколадной оболочке, белый шоколад с фундуком, черносливом и абрикосами, трюфели...

Удержаться, чтобы не попробовать все это сладкое богатство, Кэйт просто не смогла, и когда вернулся малек, принесший подходящую по форме и размеру красивую вазу, молодая госпожа чуть не покраснела от смущения, представ перед мальчишкой вся такая праздничная, нарядная с набитым шоколадом ртом...

Поспешно отвернувшись, девушка махнула рукой, предоставив ему самому заниматься с букетом, устанавливая эйрдехии в вазу, судорожно пытаясь справиться с этим ощущением сладости далекого детства, когда они с Эйли забирались на кухню и тихонько тырили конфетки. Причем, заводилой была, конечно, она, а маленького братишку оставляла на стреме, чтобы он успел подать какой-либо сигнал, пока она лазила в поисках нового места по полкам, потому что конфетки все время перепрятывали. Ей не запрещалось есть сладости вообще, нельзя было только перед едой... Но, почему-то, именно перед обедом их хотелось особенно сильно...

В интерьере ее комнаты, в вазе, цветы казались еще более красивыми, чем в корзине. Или это комната будто преобразилась с их появлением. Подойдя, поправила стебельки, не оттого, что малек сделал это небрежно, а просто хотелось лишний раз прикоснуться к лепесткам необычных для Венги цветов, как будто их вырезали из кусочков нежнейшего шелка, влажных на вид... Верхние лепестки отливали своей чистотой и изумительной формой, а Нижние, будто махровые по краям, с ядовито-ярким зевом с вкраплениями еще более ярких пятен и с каемкой по краю... На них можно было любоваться и любоваться... А сам запах оказался очень свежим, лишь с легкой ноткой какой-то карамельной сладости, еле уловимый. Кэйт осторожно выдохнула. Какое счастье, что он приятный...

Кэйтириона вспомнила, как она однажды сильно ошиблась, решив побаловать себя, купив красивые орхидеи... Радовалась целый день, а с закатом солнца они запахли... Нет, не просто запахли, они завоняли, причем оччень неприятно, пришлось их тут же поместить под специально выписанную из того же магазинчика прозрачную сферу, но цвели они почти месяц и вид действительно был красивый. Девушка даже жалобу сначала хотела оставить, за то, что не предупреждают покупателей о такой особенности сразу, но потом как-то забылось, а сфера так и валяется в одном из чуланчиков «на всякий случай»...

— Возьми конфетку, — предложила она мальчишке, справившемуся со своим заданием и теперь смущенно сидевшему на коленях, ожидая дальнейших распоряжений или разрешения бежать дальше по своим мальковским делам.

— Благодарю, госпожа! — разулыбался малек, но глазенки разбежались, не зная, что выбрать. Рука тянулась то к одной конфетке, то к другой, мальчишка поджал губы, чтобы не прогадать, ведь раз уж выпал такой шанс — надо выбрать самую вкусную. Кэйт сжалась над его потугами:

— Возьми по одной каждого вида.

— Спа...спасибо, госпожа! — выдохнул счастливый малек, цапнув конфетки и, склонившись в быстром поклоне, выскочил за дверь.

Ну, теперь можно было и пройти в гостиную, ведь совсем скоро придет Айрин.

* * *

Сначала на пороге возникла корзина с уложенными в нее необычными гибридами каких-то экзотических фруктов, и Кэйтириона, подскочившая встретить гостей, буквально растерялась. Потом, прикинув, что удержать она ее не сможет, просто отступила в сторону.

Затем появился сияющий Эйн. И, в принципе, даже если бы он не вручил ей огромную охапку ее любимых цветов, гибрида роз и астр, Кэйт все равно была бы счастлива — все ее любимые мужчины с ней рядом. Все, о ком и о чем она могла мечтать: муж, подруга, праздничная приятная суета... Нет, определенно это самый лучший день рождения за последние несколько лет!

Подарок для жены Эйври заказал еще три месяца назад, немного помучившись на эту тему. Редкое на Венге «Ледяное вино», названное так не потому, что его хранят в морозильных камерах, а потому что делают из винограда, замороженного на лозе, было любимым лакомством Кэйт. Технология приготовления этого удовольствия трудоемкая, но зато в итоге оно получается сильно концентрированное, очень сладкое, и довольно дорогое. Кэйтириона любила красное, а Айрин пила только белое. Поэтому, прикинув, что именинница обязательно захочет угостить вкуснотищей подругу, и будет искренне расстраиваться, оттого, что та откажется, Эйн заказал два ящика, чтобы никому обидно не было. А то, что Айрин надуется, как шушарка на крупу, что все знали про ее страсть к белому и, как назло, накупили красного, в этом можно даже не сомневаться. Ну, и если учесть, что все будут прыгать вокруг Кэйт, и он в том числе... В общем, проще было купить два ящика.

Айрин подарила подруге статуэтку обнаженного ангелочка-мальчика, со сложенными за спиной крыльями. И при вручении, прошептала на ухо:

— Сама реши, кто это из троих... Или ты его Рэйни назовешь?

— Айрин! — возмутилась Кэйт, смутившись и мило покраснев, но тут же опомнилась. — Спасибо, дорогая...

После недолгого совещания, решили праздновать все же не в гостиной, а на мужской половине в большом общем зале, чтобы можно было тут же и наслаждаться тем, что приготовили для развлечения ее мальчики.

Рассматривать шикарную композицию в принесенной Сайни корзине сбежалось, наверное, все население дома. Кэйтайриона сказала, что такую красоту, практически шедевры, даже кушать жаль, из-за чего Сай, ожидавший похвалы не только за дизайнерский проект, но и за вкусовые качества фруктов, чуть не расстроился. Но потом решили, что, корзину с фруктами следует заснять на память, и Кэйт заставила парня позировать вместе с ней на фоне этого поистине сказочного богатства, словно выпавшегося из рога изобилия, прямо как изображали на древних гравюрах подарки богов. Сайни теперь уже застенчиво жмурился от удовольствия.

Кэйт просто светилась от восторга, что у нее получился такой замечательный день и столько подарков. Когда заговорили про необычные цветы, девушка тут же заручилась согласием Сайни, с разрешения Айрин, чуть попозже, в конце месяца, заняться ее садом. Эйли заверил, что разыщет старые чертежи-схемы бывшей системы орошения, а Шайн пообещал помочь сначала создать макет будущего дизайна на планшете, чтобы Кэйтайриона могла представить себе, что получит в результате и, если что, внести свои корректирующие пожелания.

Выяснив, что никто пока не проголодался и, пользуясь случаем, чтобы на месте показать фронт будущих работ, девушка потащила всех в парк.

Сайни светился, еще бы! Кэйт ему давно нравилась, а сегодня она выглядела просто красавицей.

Правда Айк прошипел, что она серьги специально оставила изумрудные, ведь они так идут под цвет глаз Эйри. На что, услышавший это Эйн, успокоил парня, что и его глаза с этими серьгами вполне гармонируют. А если Айк не верит, то можно взять и попросить на минутку у хозяйки, примерить. А то, что уши у кого-то не проколоты, так это ж

минутное дело!

Вся шумная толпа разбрелась по тропинкам, наслаждаясь весенним чистым воздухом, Сайни и без удержу болтающая Кэйт, жестами показывая, что она хотела бы получить в результате облагораживания своего участка парковой земли, вырвались немного вперед. Кэйтириона радовалась, что Сай просто налету подхватывает ее фразы и продолжает мысль. Странно было лишь то, что его красноречие заканчивалось, как только тема уходила чуть в сторону от профессионального интереса, и парень просто замолкал, смущаясь и пряча за спину огромные руки, словно опасаясь, что ему захочется потрогать стоявшую перед ним девушку... жену его брата.

Почему Айрин больше не зовет его к себе? Почему Кэйт всегда такими влюбленными глазами ласкает Эйри? Ведь они чем-то похожи... Но сегодня Кэйтириона явно выбрала объектом своего внимания именно его, пусть ненадолго. До тех пор, пока они не вернутся в дом. Но душа парня отчего-то ликовала. Может, это весна виновата? Хотя, обычно, перемыкает в голове ранней весной, когда в воздухе словно витают флюиды радости и желания соединяться и почковаться, заложенное самой природой, а теперь уже скоро лето. Сайни сейчас был очень благодарен Айрин за ее идею получить переквалификацию. На него никто никогда не жаловался, что он не умеет доставить удовольствие, но и звезд с неба не хватал, так чтобы женщины рвали его друг у друга — не было такого... А вот специалистом... Сразу же авторитет резко возрос... Странно, но теперь даже такие красавицы, как Кэйт готовы просить(!) его об одолжении... Так непривычно, и так приятно, что просто распирает от гордости.

Все были довольны, настроение отличное и только Айк, как всегда, был на страже собственных шкурных интересов. И от радости из-за взаимопонимания по принципиальным вопросам между Кэйт и Сайни в восторг не пришел, тихо бубня себе под нос:

— Этот-то куда лезет? А? Мало нам одного... Шайн!

— Ну что ты разоряешься, как потерпевший? — попробовал его утешать Шайни.

— Тебе что, дела нет?

— Айки, я переживаю за ночи, а то, чтобы у тебя было поменьше конкурентов днем — это твоя забота... Хочешь попробовать проверить, на каком месте Сайни мог бы оказаться в нашем гареме? — с сомнением

окинул Шайн набычившегося Айкейнури. Точно, пора промывать мозги... — Эйн!

— Ты что?! Не смей! — зашипел Айк, воровато оглядываясь.

Но Эйнри уже услышал и подошел:

— Айки, счастье мое, что случилось?

— Ничего, проверка связи...

Шайн откровенно ржал, и Эйн, бросив взгляд в сторону жены и брата, который как раз только отмер, когда Кэйтириона снова что-то спросила о клумбах, понимающе покачал головой и тут же сгреб Айки в охапку, громко зашептав:

— Если ты попробуешь бодаться с ним, то я ставлю на брата. Прости, дружище...

— Я тоже, — хмыкнул Шайн, забавляясь.

— Пустииии, — зашипел Айк безнадежно пытаюсь вывернуться из хитрого захвата. Он, конечно, мог бы применить из этой позиции тот подлый приемчик, что недавно показывал ему Гейн, но вся беда в том, что причинять Эйну боль не хотелось. По крайней мере, не так... подло... и вообще чувствовал он себя сейчас и в самом деле юнцом, которому вправляют мозги, пусть с насмешкой, обидно... но справедливо же.

— Ладно, Айки, не ерепенься, — миролюбиво фыркнул Эйнри, резко отпустив любимчика жены, отчего тот чуть не шлепнулся, потому что как раз в этот момент попытался снова вывернуться, но его уже никто не удерживал. Шайн подставил плечо, а Эйн ухватил Айкейнури за грудки и, поставив прямо, разгладил складочки на одежде:

— Остынь...

— Да ну вас, — обиделся Айк. — А ты... — обернулся он к Шайну, обвиняющее сверкая очами.

— А что, я? — состроил тот невинную рожицу. — Я все вырученные средства отправляю на твой счет в реабилитационном центре... если тебя, конечно, сумеют собрать заново...

Айк посопел, переводя взгляд с одного веселящегося парня на другого, потом снова бросил взгляд на широкую спину Сайни, почесал в затылке и, пробормотав, что он сам связываться не будет, лучше Гейну нажалуется, рассмеялся вместе с ними...

— Конечно, тебе дела нет, ты здесь появляешься раз в год по обещанию, — отсмеявшись, все-таки упрекнул Айкейнури Эйнри.

— А ты скучаешь без меня? — подколот Эйн. — Могу попросить свою госпожу, чтобы она мне позволила погостить недельку у вас.

— Только попробуй! — тут же взвился Айки, не оценив шутки, но

глядя на закатившихся парней, снова разулыбался:

— Госпожа Вайнгойрт тебя не отпустит, а, в крайнем случае, я ведь тоже могу попросить...

— Я что-то упустил в ваших отношениях? Неужели ты думаешь, она послушает тебя? — усмехнулся Эйнри.

— Ага, — уверенно отозвался Айк, — я умею жалостливо просить, и она просто не сможет мне отказать в такой малости.

— Жалостливо у тебя получается только нашу госпожу просить. Она, не понимаю почему, все время тает... И, вместо того, чтобы всыпать тебе разочек, сразу утешать принимается, — буркнул Шайн.

— Нуууу... я вот тоже много чего не понимаю... например, над чем еще можно экспериментировать, — насупился парень, — если она тебя забирает на всю ночь... Может поделишься? Тут как бы все свои? — понизив голос, спросил Айки, кивнув на Эйнри.

— Да нет уж, давай, у каждого останется хоть чуточку чего-то личного, — помотал головой Шайн, быстро оглянувшись на всякий случай, есть ли куда отступать, если эти двое его снова возьмут в оборот.

— А кстати, парни, я бы на вашем месте как-то договорился бы между собой, чтобы всем нескучно было — неделю один ночует, неделю другой. Ну, с учетом пожеланий дамы, разумеется.

— Ага, умный ты, советы давать, — вздохнул Айк. — Хотя, конечно, мысль интересная. Меня она не раз уже посещала. Пока мы самбу репетировали, как раз, так и было и мне очень понравилось. А то днем шляются вокруг госпожи всякие...

Шайн, после этих слов, оглянулся на расшалившуюся Кэйт, которую как раз в этот момент Сайни легко приподнял и поставил сразу на третью ступеньку винтовой лестницы, вокруг одной из клумб-скульптур в виде чаши, чтобы что-то показать вдалеке и тут же легко вспрыгнул следом.

— Тля-а... Это что он вообще творит-то? Специалист хренов! — чуть не подпрыгнул Айкейнури.

— Ага, ты еще пойди повозмущайся, что это «наша госпожа»! — нахмурился Шайн. — Вот говорю тебе, Айки, выбирай быстрее, определяйся, кем хочешь стать потом, чтобы это «потом» у тебя было.

— Кем, кем... — передразнил Айк, и, мазнув завистливым взглядом по Эйнри, вдруг развернулся и зашагал прочь, засунув руки в карманы и ссутулившись.

— Ну, тля! — грустно вздохнул Эйн, ощущая смутное чувство вины перед парнем, который постоянно рядом с его женой, для которого она — единственный свет в окошке, да и заслуживает Кэйт большего. Не просто

братской любви и опеки от встречающегося с ней раз в неделю мужа. И ведь Айкейнури ей не родственник, и наследственность у парня что надо, но почему же он все еще остается просто рабом?! А ведь у него была безумная надежда, что, определившись и почти признавшись при всех, что она любит Айка, Кэйтиайриона возьмет его вторым мужем. Да для любого парня это — предел мечтаний. А уж для влюбленного в нее, до потери контакта с мозгом, Айкейнури — тем более... Почему же она этого не сделала? Может быть, из-за Шайна? И через год, когда... рядом с женой не будет постоянно крутиться этот спокойный, надежный парень... Вот уж с кем бы он ее оставил и выдохнул облегченно, так это с ним. Но... Ни он, ни Лейхио, Джордан не закончили. Хотя оба умнее его ведь, тля! Несправедливо как... Или Кэйт все еще надеется на наследницу? Нет уж, страшно... Если и второй ребенок окажется мальчиком?! Айрин согласится взять еще одного? Или его сын окажется рабом в доме какой-нибудь из подруг Кэйтиайрионы? Например, госпожи Клаусийлии, вот так запросто лишившей его Котенка репродуктивной возможности?

— Айк! Айки! Подожди! — двинулся он следом за парнем, который не посмел послушаться и остановился, но из вредности не оборачивался и ждал когда Эйн сам подойдет.

До вечера больше почти никаких инцидентов не было, и, вскоре, нагуляв аппетит, вернулись в дом, за шикарный стол. Отведали яства, предлагаемые кухней Дома Маргойлин, и, естественно, продегустировали великолепное вино и экзотические фрукты. Сайни снова пожинал лавры, и довольно сиял. Потом началась культурная программа.

* * *

Освободившейся, наконец-то, Гейнийляш с удовольствием проскользнул незамеченным к себе, но, на пути к спасению, находился общий зал, являющийся проходным между личной зоной наложников с их комнатами, коридором и КПП, и остальной частью дома. Поэтому он замер у дверей, обдумывая, как бы просочится мимо общего празднования, не заостряя внимания на своей персоне.

Кэйтиайриона, сидевшая на диванчике в окружении своих приближенных рабов, была увлечена разворачивающимся действием на импровизированной сцене, посреди зала.

Кроме нее из женщин присутствовали Айрин со своим

сопровождением и некоторые женщины их Дома. Зал, украшенный разноцветными шариками, всплывшими под самый потолок, с болтающимися на них длинными атласными завязками-лентами и яркими большими цветами действительно выглядел парадно и в то же время немного озорно. Словно это какой-то детский праздник. Парни — молодцы развлекали свою госпожу и ее гостей на славу, судя по тому, какой незамутненной радостью светились их лица.

Гейн и сам был бы не прочь присоединиться, но, к сожалению, организм, требовал уединенного отдыха, подальше от веселой суеты. Когда можно не вымучивать улыбку, а тихонько поскулить, закусив подушку, переживая, когда пройдут болезненные симптомы после общения со старшей госпожой Маргойлин... Единственная радость — чувство некоторого удовлетворения, после слов довольной госпожи, произнесенных с интонацией сытого утомленного хищника: «Я, кажется, незаслуженно тебя забыла, сильный зверек... Но теперь исправлю это упущение». Хотя, если честно, эта фраза была настолько же пугающей, насколько и похвальной... Тля! Если она подобным образом забавляется с Тийкой...

Бедный малек... ему медальку надо выписать, не иначе... — невольно усмехнулся парень шальной мысли, — вот утвердить эскиз «За терпение и мужество», или что-то в этом духе...

Быстро пройдясь вдоль стены, Гейн понадеялся, что остался незамеченным. В это время как раз выступали организованные Рэем мальки, изображая поклонение богине. Красиво получилось. До сегодняшнего дня он видел лишь репетицию, и на прогоне это не казалось таким сказочно красивым и торжественным действием.

Двенадцать босых мальчишек были облачены в полупрозрачные светлые туники на голое тело, едва прикрывающие стратегически важные места. Легкая ткань красиво ниспадала, облекая их юные стройные тела, закрепленная на одном плече блестящей пряжкой под серебро. Распущенные волосы были прибраны такими же «под серебро» мягкими тесьмами, но в темноте казалось, что настоящими обручами. На вытянутых руках юноши держали прозрачные чаши с маленькими зажженными свечами. Танец этих граций отличался плавностью и изяществом движений, передающим зрителям их волнение и преклонение перед суровой, но справедливой богиней. Впрочем, юные артисты, вполне возможно так себя и ощущали, и их эмоции, требуемые для впечатления, были вовсе не наигранными. Рэй был слишком суров, добиваясь идеального исполнения номеров, которые брался делать сам. А идеи для

очередной постановки сыпались из парня, как из рога изобилия. Особенно после того, как он получил доступ ко всем архивам Вайнгойртов, куда сливались все законным, но чаще контрабандным путем найденные и скаченные континентальные видео и аудио записи, фильмы и книги.

Гейнийляш подозревал, что Рэйни таким образом пытается доказать Кэйтирионе свою полезность, потому что иным способом проскользнуть в любимчики к госпоже, ядовитому на язык наглушке пока не удавалось. Аик, не смотря на некую оттепель в их отношениях, все равно слишком предвзято относился к потенциальному сопернику. Шайн был более лоялен, но тоже предпочитал держать Рэя подальше от девушки всеми доступными ему способами. Это состояние холодной войны, Гейна, призванного следить за порядком на мужской половине дома, немного напрягало, но на открытый конфликт парни не шли, поэтому и он пока не вмешивался.

А мальчишки меж тем осуществляли свой красивый ритуал — то опуская руки с дрожащими язычками колеблющегося от воздушных потоков пламени почти к полу, то кружились на месте, то, меняясь местами, выписывая какой-то сложный геометрический узор, то возносили руки к небу, то есть к потолку, но неважно... В том, насколько все это проделывалось синхронно под соответствующую медленную и возвышенную музыку, было что-то такое неземное, словно они и в самом деле исполняли культ в древнем храме. Но вот уже настала кульминационная сцена, после того, как они все упали на колени, склонив головы к самому полу, вытянув руки вперед с зажатыми в ладонях чашами с мерцающими в них искорками пламени, и замерли в ожидании, приняла ли их обожаемая госпожа, которой они воздавали хвалу? Оценила ли? Будет ли благосклонна к их стараниям?

Насколько Гейнияш помнил, сейчас, когда угаснет в тишине последний аккорд мелодии, должен зажечься свет. Поэтому парень поспешил ретироваться с глаз долой, чтобы кто-нибудь не обратил на него внимания. Показываться перед госпожой и ее гостями в таком виде, когда на лице невозможно изобразить полнейшее благодушие вместо еле сдерживаемой гримасы боли — нет, это уж слишком. Свою слабость нельзя показывать никому, и уж тем более омрачать праздничное настроение его обожаемой Старшей госпожи.

Как он был благодарен ей за утреннюю «терапию» не передать словами. Наверное, если бы ускользящее сознание не цеплялось за пережитые наедине с Кэйтирионой мгновения, он бы позорно провалил зачет на состоятельность с Эйлиориной, а так... Вроде даже оказался на

высоте. Только, кто бы знал, как не хотелось попадать в «любимчики» старшей Маргойлин, до дрожи в коленях и зубовного скрежета.

«Мать Сущего, яви свою милость, пусть госпожа Эйлиорина забудет о моем существовании...»

Гейну удался бы его маневр, если бы не вездесущие мальки. Шайн еще утром, как только «счастливый избранник» с траурным лицом прошествовал в сторону покоев матери Кэйт, поручил малькам сразу же сообщить ему, когда старший гарема вернется обратно, подозревая, что парню придется несладко. Это Айк мог не знать, как любит играть Эйлиорина, а уж он-то отлично помнил, словно все было только вчера.

Гордость Гейнийляша не позволит попросить помощи у кого-то из более низших в их иерархии, но не зря Шайнэйлиер оставался в стороне от всех этих внутригаремных разборок, кто круче...

Только малек не рассчитал, что когда он будет шептать Шайну, что Гейн вернулся, его услышит госпожа Кэйтириона, и тут же задаст вопрос, требующий ответа:

— Откуда вернулся? Он что, как ушел с утра, так до сих пор его и не было?

— Да, госпожа, — растерялся малек и, вскинув глаза на нахмурившуюся девушку, испуганно спросил. — Вы... Вы сердитесь на него? Он должен был быть в зале, да?

Шайн покачал головой, выражая свое недовольство излишним любопытством мелкого, которого не касалось, на что именно сердится его госпожа. Он-то прекрасно понял, что не на Гейнийляша, а на саму ситуацию.

— Госпожа, разрешите, я схожу? — тихо произнес он, стараясь не привлекать к возникшей проблеме сидевших рядом.

— Я сама, Шайни... Займи пока гостей, пожалуйста...

— Госпожа? — встревожено встрепенулся Айк.

— Я сейчас вернусь, — шепнула девушка, склонившись к уху своего второго мужчины, заставляя того невольно сощуриться от приятной щекотки теплым дыханием и провокационной близости губ любимой.

Эйн вопросительно взглянул на жену, задержав ее ладонь. Он дотронулся до нее, пытаясь передать свое восхищение представленным мальками зрелищем, и не спешил убирать, а Кэйтириона, конечно же, не торопилась выдергивать свою ладошку. Ведь это такая малость из всего, что они теперь могли предложить друг другу, и, по сути, этот жест был

таким невинным, практически дружеским, что и не стоило акцентировать на нем внимания. К тому же у нее сегодня День рождения — могла ведь она позволить себе немного радости... Наверное, Эйри считал так же, с самого начала праздника усевшись у ее ног, хотя сегодня прикидываться примерным мужем было необязательно — ведь из гостей сегодня была только Айрин.

Скорее всего, Эйн догадался, куда она собралась отлучиться, и, тоже побывав в «любимчиках» у ее мамы, прекрасно понимал, как после такого «неземного наслаждения» важна будет любая поддержка. Поэтому он тихонько ткнул в бок насупившегося Айка и что-то назидательно произнес вполголоса. Но девушка уже встала, поэтому не расслышала. Если Шайнэ прав, и Эйри решил опекать Айкейнури по принципу старшего брата, то, наверное, все-таки объяснил, что Гейнийляшу требуется толика ее внимания, а не стал подзуживать, что мол, смотри в оба, как бы Гейн не стал претендовать на очередность в спальне госпожи.

Гейн прикрыл дверь и тяжело выдохнул, прижав ладонь к животу — бедные внутренности давненько не подвергались столь изощренным испытаниям на прочность, и ныли не меньше, чем почки. Чем «добрая» старая госпожа намазала анфаллос перед «употреблением»? Наверное, все же не перцем, но зараза, жгло до сих пор и пробирало, чуть не до печенок...

Заставившая выпить четыре литра воды, Эйолирин с любопытством ждала, когда же он вззоет и попросит о снисхождении, не дождалась... Наверное, это было ее единственным разочарованием. Да он и сам удивлялся, как смог дойти до своей комнаты и не оприходовать под собственные нужды так заманчиво стоявшую на пути кадку с пальмой у комнаты Старшей госпожи, за которой любит прятаться Айки «в засаде». Единственное, что удержало от святотатства — опасение, что небольшого пространства между поверхностью специальной почвы и краем кадки не хватит... Да и вообще, вдруг бедное дерево загнется, а стоимость у них сейчас примерно одинаковая, или дерево уже стоит дороже?

Видимо, он слишком медленно шел, потому что, еще не успев отдышаться, чтобы сделать последний рывок в сторону вожденного санузла, как дверь распахнулась и на пороге появилась Кэйтириона:

— Гейн!

— Госпожа... — простонал раб, понимая, что согнуться в должном поклоне у него просто нет возможности, иначе случится непоправимый позор...

— Госпожа... — беспомощно повторил он, начиная склоняться — привычка правильно должным образом приветствовать свою госпожу, вбиваемая в мальчиков Венги с пяти-шестилетнего возраста, брала свое. К счастью, Кэйт кое-что, наверное, все же знала о методах «воспитания рабов» своей мамочки, потому что тут же остановила его жестом:

— Ты с самого утра был у мамы?

— Да, госпожа...

— Тогда иди, приведи себя в порядок, я подожду.

— Спасибо, госпожа, — чуть не прослезился Гейн, шалея при мысли о том, насколько он становится рядом с этой женщиной сентиментальным. Хотя, может, это просто сказывается нервное напряжение и стресс, в котором он пребывал последние несколько часов.

Ощущая себя полковым конем, который, как воспитанная скотина, не мог себе позволить обделаться под седоком (а гадский наездник не слезал пару суток), Гейн с чувством, граничащим с эйфорией, стоял над унитазом, оперевшись одной рукой на стену. И уже с тревогой думал о том, а вообще-то это нормально, когда вылилось, кажется больше, чем он пил вообще за последнюю неделю? И не надоело ли госпоже Кэйтирионе ожидать его, и не вздумает ли она заглянуть, чтобы удостовериться, что у него все в порядке? А какой тут, тля! порядок, когда, кажется уже пошла интоксикация организма, оттого, что не было оттока жидкости столько часов... Он сейчас был очень благодарен их строгим наставницам в Лагере для мальчиков, которые с самых первых лет обучения заставляли учиться терпеть. Кто же знал, что женский изощренный ум посчитает, что одного стек-фаллоса будет мало, и обязательно нужно усовершенствовать форменное издевательство еще и дополнительным развлечением? Тля-а...

Наверное, только спустя пять минут, парень наконец-то понял, как прекрасен этот мир, и во всем исполосованном плеткой теле необыкновенная легкость образовалась. Перешагнув спущенные штаны, он пинком отфутболил их в угол. Теперь бы еще стянуть рубаху и попробовать залезть в ванну. А, тля! Некогда в ванной разлеживаться — душ по-быстрому, ведь в комнате ждет госпожа. Но... Мать Суцего, зачем? Ведь убедилась, что он пришел на своих ногах? — с тревогой подумал Гейн, кряхтя, выпутываясь из рубахи.

И в этот момент у Кэйт, наконец-то, лопнуло терпение. В конце концов, она лишь хотела увидеть, что Гейн живой и относительно невредимый, у нее же там, в зале, гости.

Прикрыться полотенцем раб не успел, да и смысл?

— Ох... — только и смогла вымолвить Кэйт, углядев ровные красные

вздувшиеся полосы на обнаженных ягодцах. Что-что, а вот рука у мамочки по-прежнему оставалась твердой. Полоски были симпатичными, и, в общем-то, не слишком шокировали бы Кэйтириону, если бы она не вообразила весь спектр представленных парню «развлечений». Уж за столько-то часов, Гейнийляш, наверняка вспомнил все, чему обучали в Джордане.

Девушка подошла, опустила ладони на талию напрягшегося парня, отметив, каким же все-таки огромным он кажется по сравнению с ней, такой нежной и хрупкой, и удивилась, что может испытывать что-то вроде сочувствия к этому здоровяку.

— Давай помогу, выпутывайся скорее, — улыбнулась она смутившемуся рабу, придерживая подол его рубахи.

Спина была еще красивее его задницы — рисунок напоминал «елочку», правда перевернутую вверх тормашками, зато симметричную, словно по линейке отмеряли.

— Ты уверен, что стоит лезть под душ? Щипать же будет?

— Я... как скажете, госпожа, но мне бы хотелось смыть... — парень вытер противный пот, ему и в самом деле хотелось принять холодный душ — почему-то было жарко и все тело просто горело, хотя установленный датчик регулирования температуры в помещениях, показывал нормальные 23 градуса.

— Гейн, а у тебя случайно нет температуры? — нахмурилась Кэйт глядя на яркие губы раба и отмечая лихорадочно расплывшийся по щекам румянец... Как-то нечасто ей доводилось видеть стеснительность на лице этого мужчины... И потом, с чего бы вдруг ему начать ее стесняться?

— Нет, госпожа, я в порядке... честно, — вымученно улыбнулся Гейнийляш.

— Хорошо, — кивнула Кэйт, смирившись, но, заметив, как его шатнуло в сторону, пока он пытался забраться в невысокий поддон душевой кабины, покачала головой и вышла, потом, немного подумав, высунулась в коридор и послала первого подвернувшегося малька за домашним лекарем.

Гейн выполз через несколько минут, слегка посвежевший, но все равно пышущий жаром.

— Ложись, я тебя смажу маслом...

— Спасибо, госпожа, вы так добры, но я могу обойтись...

— Конечно, конечно, мой хороший, мне просто хочется потискать твою широкую спинку, — сыронизировала Кэйтириона, и парень рассмеялся, осторожно укладываясь на кровать лицом в подушку.

Ладошки госпожи аккуратно скользили по его спине, принося облегчение и будоража странные желания, которые, по идее, должны были воодушевить на определенные подвиги, только вот почему-то шевелиться совсем не хотелось. Эх, если бы внутри еще все не ныло, подкатывая волнообразными приступами спазмов, сворачивая внутренности, было бы вообще шикарно.

Гейнийляш чувствовал, как его словно укачивает в гамаке под палящими лучами жгучих солнц жарким летним днем. Хорошо бы еще подул ветерок...

— Гейн? — донеслось до его сознания.

— Да, госпожа... простите... я чуть не отключился... — расстроено прошептал парень, пытаясь вынырнуть из вязкой полудремы, — Я сейчас... мне следует прийти в зал?

— Нет, мой хороший, можешь сегодня отдыхать...

Дойдя до поясницы, и щедро плеснув масла на горевшие ягодицы раба, Кэйт тихонько погладила их круговыми движениями, но, почувствовав, как парень напрягся, не стала усердствовать в оказании помощи.

Вот-вот должен был подойти лекарь, которому она поручила зафиксировать его состояние. Не для широкой огласки, а просто для статистики. Кажется, мамочка снова забывается, что в имущество Старшей госпожи Дома следует играть бережно, иначе, может остаться вообще без игрушек. Кстати, надо бы и на Тийку собрать соответствующую статистику. Парень, наверняка, обращался за помощью не раз и не два, в отличие от Гейна, который и сегодня сам бы ни за что не позвал Базийлеса. Слишком гордый и самолюбивый, ни за что не признается, что у него есть слабые стороны. Но остальным мальчикам ведь сообщать необязательно? Ей и самой спокойнее, когда в гареме порядок, и когда есть ответственный человек, кому за этот порядок отвечать.

Склонившись, Кэйт хотела поцеловать его в щеку, просто в поощрение, чтобы Гейнийляш знал, что она ценит его, хоть и не приближает к себе так, как двоих любимых мужчин. Но вычурная массивная оправа длинной серьги с изумрудами, утренний подарок матери, так чудесно подошедший к ее тонкому бархатному платью, красиво облегающему стройную фигурку, царапнул щеку раба, и оба вздрогнули. Кэйт досадливо покачала головой, намереваясь все же довести задуманное до конца, и хотела снять сережку, но Гейн покачал головой:

— Не надо... Они вам очень идут...

Девушка невесело хмыкнула:

— Теперь всегда, когда я их буду надевать, ты будешь вспоминать визит к моей матери.

— Нет, госпожа, — светло улыбнулся парень, — я буду вспоминать чудесное утро...

Кэйтириона прижала серьгу ладонью и все же склонилась и поцеловала расплывшегося в блаженной улыбке Гейнийляша, прошептав:

— Отдыхай, мой хороший, надеюсь, у тебя, когда-нибудь еще будет шанс обновить воспоминания...

— Благодарю, госпожа... — накрыл он получившую награду щеку рукой, словно опасаясь, что чудесное ощущение девичьих губ куда-то упорхнет...

А мыслями был уже там, в будущем, когда ему снова повезет. Да если Кэйтириона будет с ним так же добра, ласкова и щедра на неслыханные милости, как сегодня, он согласен снова пройти через все то, через что любезно провела его мать обожаемой госпожи. В конце концов, к этой негативной составляющей абсолютного счастья со временем можно даже привыкнуть, зря что ли их в Джордане обучали? Просто он сам виноват — из-за своего привилегированного положения забыл уже, что такой же «простой смертный», как и остальные рабы. Ну что ж, придется вспомнить. Ради того, чтобы попасть в спальню Кэйт он согласен на все...

Глава 36

День рождение Кэйтирионы. 25 шуйль. Продолжение.

Не успела вернувшись к гостям Кэйт, снова устроиться поудобнее, как к ней подошел Никки и, открыто улыбнувшись, передал лист бумаги, исписанный мелким убористым красивым почерком:

— Госпожа, автор этого шедевра очень стесняется вручить его Вам сам. Пожалуйста, я Вас очень прошу, прочитайте, уверяю, Вы не пожалеете!

Этот почерк Кэйтириона узнала сразу. Именно таким и была переписана Шекспировская пьеса под нужды их Венговского общества. Конечно, она тут же углубилась в чтение. Такого поздравления-признания в любви, написанного так складно, с такими живыми, идущими от сердца чувствами и эмоциями, она от парня не ожидала. Губы кривила улыбка, а по щекам текли слезы... Нет, матушка и впрямь губит талант, мальчишку надо срочно оградить от ее посягательств. Да и вообще стоит поискать его шедевры и забить все в планшет. Кажется, она знает, что можно подарить Тийку на его день рождения, хотя рабов и не принято баловать, но вот его точно поощрить стоит. Необязательно делать большой тираж — нескольких экземпляров вполне хватит. Айрин и Айсойэль, да и сестренки Пайти, наверняка, не откажутся от сентиментального сборника. Пусть не классика, но местечко на полке этим стихам вполне должно найтись.

Скорее всего, Тийка не хотел бы, чтобы эти стихи видел кто-то, кроме нее, поэтому, шутливо стукнула Айка по любопытному носу, и шепнула подруге, что покажет их ей позже. А потом громко позвала поэта, отчаянно замершего в дальнем уголке, боясь даже поднять глаза, чтобы увидеть реакцию той, которой предназначалось его посвящение...

Наверное, он так и не решился бы отдать столь смелые и немного вольные свои мечты, излитые на бумагу, но Никки, нахватавшийся от Айка дурных привычек делать все спонтанно, решил за него.

— Тийка!

— Да госпожа?

Парень поднялся и робко подошел, чувствуя, как заledenели от волнения пальцы.

Ее любимые мужчины, сидевшие у ног Кэйтирионы слегка потеснились, пропуская его ближе, чтобы он мог опуститься перед своей

госпожой на колени:

— Спасибо, мой хороший, чудесные стихи, мне очень понравились... Я рада, что увидела их, — погладила она парня по малиновой щеке. А потом, ухватив пальчиками за подбородок, и удерживая его лицо неподвижно, склонилась и поцеловала... Нежно, осторожно, только чуть коснувшись искусанных от переживаний, пока стоял, ждал и волновался, губ. Тийк сейчас отчаянно жалел об этой своей привычке, боясь что госпожа оцарапается о сухую кожу... Но глаза сами закрылись и поднимающийся жар от пылающих щек, казалось прожигал роговицу даже сквозь опущенные ресницы...

— Тийка...

— Госпожааа... — заморожено прошептал парень...

— Ну все. Клиент готов... мы его теряем... — мрачно пошутил Айк, передразнив реплику врачей из какого-то старого земного фильма, скаченного Шайном на пиратском сайте. Она ему безумно понравилась, так как подходила к очень многим случаям. Пришлось вскочить, чтобы подхватить потерявшегося в ощущениях от переизбытка эмоций (его! поцеловали при всех!!!) парня.

Хорошо, что Айк подхватил его. Правда, зажав своими клешнями подмышками, как в тиски, но зато так Тийк быстрее пришел в себя. Отведя парнишку в уголок, и сгрузив на попечение Никки, Айкейнури, получив благодарную обожающую улыбку, коротко склонившись, чмокнул своего Ягодку куда-то в область шеи, недалеко от уха, и поспешил на место. Около ножек Кэйт почему-то все время столько народу!

К тому же, как раз собирался выступать Рэй, репетировавший свой танец, на этот раз, в строгой секретности, и самолично руководивший вчера, отданными в его распоряжение на время специалистами, монтировавшими какие-то хитрые приспособления и светоустановки в этом зале. То, что некоторые из этих световых пушек будут светиться ультрафиолетовыми лучами, Айк вычитал еще на валяющихся упаковочных коробках. Подойти и просто спросить ломало. Несмотря на их оглушительный успех после исполнения самбы, на репетициях которой у обоих парней было убито, наверное, половина нервных клеток, причитающихся им по жизни, близкими друзьями-товарищами соперники так и не стали. Айк с удивлением понимал, что вот Эйн, которого он, по идее, должен был опасаться и ненавидеть, как это и было раньше, стал ему чуть ли не ближе Шайна. А вот Рэй, каждый раз получающий свою порцию

внимания наедине с Кэйт, после своих выступлений, потрясающих воображение, его просто бесил! И Айк ловил себя на гадкой мысли, что он втайне мечтает о провале Рэйнйляша. Хотя это было как-то не по-спортивному. Все-таки чаще всего Рэй выкладывался на отстаивании чести Дома Маргойлин. Но сегодня этот... Даже слова не находилось, чтобы обозвать от души! Опять продемонстрировал себя, удивив всех и сорвав восторженные аплодисменты. Шоу было потрясающим. Полная темнота, начинает звучать забойная музыка и вдруг впыхивают мечущиеся лучи света, и этот... Тля! Ну просто, короче, ЭТОТ... выскочил откуда-то, как чертик из табакерки, весь обнаженный, раскрашенный разноцветной краской, красиво сверкающей в лучах ультрафиолета... Нереально красиво! Очертания тела можно только угадать по нанесенным полоскам, точкам, какому-то абстрактному рисунку! А что ЭТОТ вытворял, приковав внимание всех, кто сидел в темноте, уму непостижимо! По крайней мере, словами, приличными и даже неприличными, все это Айк точно описать бы не сумел. Поэтому молча сидел, вместе со всеми, затаив дыхание, заворожено следя, как, подчиняясь ритму музыки, это фантастическое существо выписывает, то какие-то плавные текущие фигуры, оставляя размытый след зажатыми в руках, светящимися в темноте, трубочками, то, наоборот, мечется так, что зрители еле успевали отследить меняющийся, как в калейдоскопе, рисунок. Тля! Красиво... — затосковал Айкейнури, поняв, что очередную аудиенцию ЭТОТ себе у Кэйт заработал, к гадалке не ходи. Главное, чтобы не на целую ночь, хотя бы! Или лучше пусть уж ночью, чтобы ему не маяться возле кадки вечером, ожидая, когда эта морда выползет из спальни их госпожи, с сытой довольной рожей, словно он там не... В общем, не она его имела, а он ее сожрал, как минимум! Айк всегда старался сразу же пойти и убедиться, что его любимая цела и невредима. На всякий случай...

* * *

Поздно вечером, уставшие и довольные, сыто-пьяные от обилия пищи и впечатлений, гости наконец-то расползлись по выделенным им помещениям. А Кэйтириона, взяв за руку Эйна и, мило улыбнувшись всем оставшимся, Шайну, Айки и Рэйни: «Спокойной ночи, мальчики», увлекла мужа за собой. Эйнри, в дверях зала, обернулся и послал всем воздушный поцелуй на прощание.

— Сссука! — выдохнул возмущенный Айкейнури, и тут же обернулся

к Рэйни.

— А я что? — пожал плечами Рэйнийляш. — Госпожа мне уже сказала, что моя ночь — следующая. А сегодня муж в фаворе, никому не обидно.

— Лучше исчезни отсюда, — вздохнул Айк, признавая правоту парня. — Нет! Но эта-то морда зеленоглазая, какие красивые песни нам пел днем! Тля! Разберитесь между собой... Тля! Тля и тля!

— Ладно, Айки, не гунди, — почти скопировал его вздох Шайн. — Ты как, у кадки сегодня заночуешь, под пальмой или к Никки пойдешь, пока он к Тийки не улизнул?

— Да Ягодку-то я с этого поэта стащу, не вопрос. Или вообще сверху пристроюсь, — хохотнул Айк, хотя было видно, что на самом деле ему не так уж и смешно.

— Ну успехов в ночных развлечениях, — рассмеялся Шайн. — Если что, имей в виду, Рыжика я тебе не уступлю!

И парни расплзлись по своим комнатам.

* * *

Когда Кэйтириона, затащив Эйна в спальню, захлопнула дверь, весь глумливый задор с парня слетел. Потому что сейчас могли дать приказ, который нарушит и хрупкую конструкцию их новых взаимоотношений, и его дружбу с Айком, и...

— Поболтаем? — улыбнулась ему Кэйт. — Только я сначала душ приму. А ты пока кровать разбери, — и жена скрылась в ванной.

Вот, тля, попал... Но рожа Айка, когда до него дошло, что спать с Кэйт сегодня будет не Шайн... Сложно было удержаться и не созорничать. Правда, потом ему это припомнят, главное, чтобы была возможность с честными глазами сказать, что все это ваши девичьи мечты, а между мной и женой была тумбочка...

Разобрав кровать, растащил две подушки по разным краям, а в середину положил скатанное в рулон покрывало. Намек такой...

Хотя, гори все... Сложил покрывало на кресло, а подушки швырнул художественно, как упали, так и пусть лежат.

— Пойдешь под душ? — Кэйт вышла в красивой ночной сорочке, хотя, спасибо, Матерь Сущего, наверное пожалела его. В то время, когда откровенно пыталась соблазнять, эти шелково-прозрачно-кружевные тряпочки были не в пример игривее.

— Да, конечно... — слегка охрипшим голосом выдавил Эйн.

Интересно, а вот и правда, что он будет делать, если жена его поймет захочет, на законных основаниях, между прочим. И, еще хотелось бы знать, а Айрин в курсе происходящего, или завтра придется улаживать проблему и с этой стороны? И как вообще все это будет происходить? Как вот завтра смотреть в глаза Айки и Шайну? Тля! Но какая у Айка была рожа... Мда, хватит натираться — блестит уже весь, как яйца у кота. Можно вылезать из ванной и прикидываться импотентом.

Открыл дверь и заржал. Все-таки, если Айрин на него похожа, потому что кровинушка протекает общая, то откуда у него столько сходства с Кэйт, не понятно.

На кровати, по разным краям лежали подушки, а в середине, свернутое в рулон — одеяло. И на одной половинке кровати сидела его жена, довольная и сияющая.

— Мне показалось, что так ты точно согласишься в чистоту моих намерений, — усмехнулась девушка. — Я, правда, просто хочу поболтать. Мы же раньше никогда не разговаривали с тобой нормально. А мне очень многое с тобой хотелось бы обсудить.

— Мне тоже... Многое... Давай поболтаем. Сегодня, кстати, единственная ночь в году, когда будет видно вторую звезду созвездия Матери. Не хочешь посмотреть? Я каждый год смотрю просто... Что-то типа традиции.

— Традиции, это хорошо. У меня на веранде есть телескоп...

— Настоящий?! — глаза парня заблестели мальчишечьим восторгом.

— Конечно настоящий! Вот видишь, ты так давно... — Кэйтириона замолкла, погрузившись на мгновение, не договорив фразы, но тут же снова с энтузиазмом заулыбалась:

— Моя звездочка упорхнула... Вот, решила, вдруг разгляжу новую...

— Кэйт, прости... — блеск в глазах слегка стерся, от чувства вины, но тут же засветился с удвоенной силой. — Для этого не обязательно смотреть в небо, родная!

— Хочешь сказать, лучше заглянуть с утра под пальму? — девушка усмехнулась, очередной раз подумав, что все же придется поставить там диванчик.

— Да, там, за листьями, очень ярко сияет любопытным носом новая звездочка. Разве нет? Я бы, на твоём месте, там диван поставил. Этот любопытный нос блестел из под пальмы каждое утро, еще когда я у тебя жил, а уж сейчас он там вообще должен был гнездо свить и обжиться.

— Я тоже думаю насчет дивана, идея хороша! — засмеялась Кэйт. — К тому же, знаешь, в последнее время, у меня здесь многие засветились...

— Трудный выбор? — сочувственно спросил Эйн, сразу подумав про старшего из пары любимцев жены.

— Да нет... Хотя, да... трудный... Шайн... Я не знаю, что мне с ним делать... Если бы не он, не они... Я не знаю, смогла бы смириться...

— Кэйт, они оба прекрасны, но Шайн... К сожалению, он будет еще большим вызовом обществу, чем я.

— Да в том-то и дело... Мама и так злится, что я объявила мораторий на моих любимчиков...

— И на их любимчиков тоже? — иронично поддел Эйн.

Кэйт кивнула, опустив голову, чтобы скрыть смущенную улыбку.

— Ты — Старшая госпожа в Доме.

— Только я, в отличие от Айрин, воспитана на Венге... — вздохнула она, — мне трудно принять окончательное решение наперекор матери.

— Время еще есть, я уверен, ты что-нибудь придумаешь. В конце концов, если получится все-таки провести Закон в Совете... Там же осталось всего несколько пунктов, по которым есть разногласия.

— Я надеюсь...

— Но я всегда готов буду тебя поддержать, во всем, ты же знаешь?!

— Знаю... Точнее, я очень на это надеюсь, впрочем, Эйн... Ты же прекрасно понимаешь, что это взаимно, милый?

— Спасибо, родная, — Эйн, уже давно сидевший рядом с женой, нежно обнял ее и прижался губами к виску, а потом, скрывая смущение за наглой интонацией, спросил: — Ну так и что у нас с Айкейнури?

— С Айком проще, чем с Шайни, но я очень боюсь, что он не вынесет такой чести. Слишком эмоционален, ревнив, молод...

— Поверь мне, молодость — это очень быстро проходящий недостаток, я б сказал, пролетающий. А от осознания ответственности мужчины умнеют гораздо быстрее, родная, посмотри на меня, — улыбнулся Эйнри, изобразив на лице что-то, очень условно похожее на скромность.

— Я пока подожду, вдруг это случится совсем скоро. В смысле, он поумнеет, — рассмеялась девушка. — Ладно, солнце мое, пойдем телескоп смотреть. И ты мне звезду покажешь... Пусть хоть в мой День рождения у нас будет немножко романтики.

— Кэйт, у тебя будет все, что ты захочешь, обещаю!

— Но не с тобой, — Кэйтириона улыбалась, но глаза влажно заблестели...

— Глупышка... Знаешь, я ведь не обязательно должен изображать влюбленного по уши кретина, чтобы окружить дорого мне человека романтикой, — усмехнулся Эйнри, подхватывая легкую девушку на руки. — Так уже романтично?

— Ага! — просияла Кэйт, обнимая его за шею и прижимаясь щекой к сильному плечу, — Только не называй меня глупышкой, мне и Шайна хватает. Никакой субординации! Эх, разбаловала я вас...

— Как пожелаете, моя госпожа! — прошептал, закопавшись лицом в ее волосы Эйн... Вот паршивец... От одной только этой фразы, произнесенной с особой интонацией, побежали мурашки...

— Желаете, чтобы я отнес Вас на веранду на руках, моя госпожа?

— Да, желаю! Только иди помедленнее...

Эйнри красноречиво взглянул на жену, разгадав ее хитрый намек на то, что она хочет подольше оставаться в его объятиях, и смущенная девушка спрятала лицо в ладошки, отчего оба рассмеялись.

Матерь Сущего! Как же хорошо, что они теперь могут оставаться просто близкими людьми... И вот такая вольность вовсе не содержит сексуального подтекста, легко и свободно... Да, ей хочется внимания мужа, и всего, что он может ей предложить... Пусть не много, зато от чистого сердца, и, поэтому, это ценнее, чем игра и притворство, обман и иллюзии... Пусть лучше будет так.

Эйн склонился, опустил девушку, обиженно распахнувшую глаза, что так мало подержал на ручках, на кровать и тут же снова подхватил вместе с одеялом, завернув края, чтобы не болтались под ногами:

— Теперь не замерзнешь, — пояснил он, но Кэйтириона и так уже догадалась, и просто растаяла от такой трогательной заботы. В легкой ночнушке, хоть и достаточно целомудренно прикрывающей все ее прелести, ночью и в самом деле не стоит оказываться на веранде, раздвижные окна которой с весны до осени держали открытыми днем и ночью, прикрывая только в непогоду, чтобы не захлестывал дождь. Летние дожди на Венге были похожи на Земные тропические ливни, хорошо хоть не длились месяцами, и темные тучи истаивали буквально за полчаса интенсивного полива...

— Я похожа на гусеницу? — игриво выгнула бровь госпожа.

— Ты похожа на прекрасную бабочку, родная, — улыбнулся Эйн.

— Эх... знаю, что врешь, но все равно приятно, — Кэйт хотелось мурлыкать от удовольствия, но она только выпутала из-под одеяла руки, чтобы снова обвить шею мужа...

На веранде оказалось достаточно прохладно, несмотря на то, что уже совсем скоро наступит лето. Наверное, из-за поднявшегося ветра. Кэйтириона еще раз с благодарностью отметила предусмотрительность мужа, побеспокоившегося о том, чтобы ей было уютно. Наверное, это и есть ответственность... Шайн, скорее всего, тоже не забыл бы о такой мелочи, а вот Айки... Эх...

Самой ей было достаточно комфортно, но о себе парень не позаботился, и после душа снова натянул лишь штаны, ведь они собирались спать.

— Приземляемся, — Эйн аккуратно поставил жену на пол веранды и огляделся. — Как у тебя тут все зазеленело! И где тут, в кустах, одиноко спрятался телескоп?

— Вон там, за авокадовыми зарослями, — махнула в угол веранды Кэйт.

Телескоп был, конечно, любительский, но очень хорошего качества. Эйнри какое-то время повозился, шепча, почти про себя, про градусы, часы и минуты, и про то, что этот координатный круг калибровать — затрахаться можно.

Дождавшись, пока парень со всех сторон рассмотрит игрушку, покрутит настройки, почти любовно погладит тусклую гладь металла телескопа, с таким восторгом, что мысленно сделала пометку о возможном подарке на следующий его день рождения, Кэйт рассмеялась:

— Ты похож на моих мальков, они еле вечера дождались, когда его только привезли...

— Дорогая игрушка для мальков... — смутился немного Эйн, наконец-то вспомнив, что неприлично так бурно выражать свой восторг, чуть не забыв, с кем он пришел сюда.

— Я избавилась от балласта ненужных рабов, так что вполне могла себе позволить... И Эйли был рад...

— Ты балуешь своего брата, — улыбнулся ей муж.

— Айрин тоже тебя балует, только вот Эйли придется уйти из Дома, и пусть у него о нем останутся приятные воспоминания, ведь я пока еще не знаю, кому он достанется в мужья...

Наконец, Эйн, последний раз заглянув в окуляр телескопа, удовлетворенно отстранился, посмотрел на Кэйтириону, и поманил ее к себе.

— Иди сюда, вот смотри, — привлек он кутающуюся в одеяло

девушку, приобняв за плечи, — видишь, — указал он в бархатную темноту неба, — вооон та... красивая?

— Маленькая какая... — послушно посмотрела Кэйт в указанном направлении, откинув голову на плечо мужа, чувствуя какую-то странную торжественность момента и единения, словно они одни в целом мире, но рядом с этим мужчиной, обступившая со всех сторон ночь со своими шорохами, запахами, прохладой ветра вовсе не пугают, а создают дополнительный романтический антураж...

— Да, кажется маленькой, но если взглянуть на эту звезду с помощью прибора ночного видения, в просторечии называемым телескопом, который к счастью, имеется у нас в наличии...

— Не умничай, — рассмеялась девушка. — Ты настроил?

— Да, смотри! Тебе хорошо видно? Я сделал максимальное приближение, но если...

— Да! Я вижу! — восторженно перебила Кэйт... Ух ты, какие кратеры... Вот это да! Эй! Ты видел?! — обернулась Кэйт.

— Конечно. Говорю же, я традиционно смотрю на нее каждый год.

— Классно, Эй! Я теперь тоже буду смотреть каждый год... Этот день трудно пропустить... К тому же я надеюсь, что ты снова будешь рядом...

— Ну это не всегда происходит точно в твой день рождение, но я обязательно буду рядом, если ты только захочешь, — пообещал Эйри. — А горные образования? Ты видишь, они похожи на хребты заснувших ящеров. Помнишь, таких, которые когда-то обитали на Земле. Мне вот все-таки удивительно, почему, если Венга по своему климату так похожа на планету наших предков, она проскочила этот период развития?

— Нет, — покачала головой Кэйтиайриона, — солнце мое, я не знаю, чему вас там учили в Джордане по общеразвивающим предметам, но если брать сравнительные характеристики Земли и Венги, то климат нашей планеты похож на земные тропики, и это всего лишь малая часть Земной поВерхности на экваторе.

— Откуда такие познания?

— Я была отличницей почти по всем предметам, а не только по укрощению рабов. Голубой шарик, который покинули наши отважные прародительницы, имеет семь ярко-выраженных климатических зон: где-то круглый год палящий зной, а где-то вечная мерзлота и ослепительно белые снега... Кстати, на Ютаранге почти такой же климат. Но впрочем, я не собираюсь тебе читать лекции. Если интересно, могу найти свои конспекты, хотя мне кажется, сейчас в сети проще посмотреть какую-нибудь научно-популярную передачу. У нас как-то не принято давать много

информации в свободный доступ о других планетах, но я могу сказать Шайну, он кинет ссылку, где полазить аккуратненько на досуге...

— Спасибо, милая... Что-то у нас с подготовкой к Советам и основной работой, несмотря на то, что я спихнул почти половину на Дэйна, как-то мало досуга в последнее время.

— Устаешь? — участливо обернулась Кэйт.

— Немного... Хотя, наверное, больше морально, чем физически...

— Тебе приходится делить свое внимание на троих... Дэйниш... Мне нравится, что у вас... теплые отношения с мужем Айрин, я за тебя спокойна...

Эйн улыбнулся деликатности Кэйт, которая, наверняка прекрасно понимает, какие у них с Дэйном на самом деле отношения, к тому же, один раз они с Айрин были свидетельницами их «сотрудничества»...

— И Вилайди... твой Котенок такой забавный...

— Кэйт... — чуть не простонал Эйнри, — я тебя прошу, родная моя, ты только Вила больше не соблазняй, он и так несколько дней как чумной ходил после ваших забав. У тебя у самой полный гарем котят!

— Ладно, ладно, только не плакай, — рассмеялась Кэйтириона. — Котят и не-котят у меня в самом деле много. Вот не знаю только к какой категории мне Рэйя отнести...

— О, этот субъект вне категорий... Ты с ним поосторожней, милая... А то найдешь себе проблему похлеще нашего Айки. От Айкейнури хоть примерно знаешь, чего ожидать, а этот... Это — вещь в себе. Не могу пока понять, что он на самом деле из себя представляет, хотя он достаточно часто крутится в нашем доме. Ты его на голодном пайке держишь?

— Завтра получит свою награду, согласись, заслужил?

— Да, вот чего не отнять... — немного завистливо протянул Эйнри, вспомнив, насколько соблазнительно умеет преподносить себя этот молодой прохвост... Если бы к Вилайди в свое время были приставлены в таком количестве учителя танцев, он смог бы с ним посоперничать, но теперь... Эйн погрустнел:

— Знаешь, если верить той легенде... Что после смерти рабы становятся частью звездного ожерелья в созвездии Матери до тех пор, пока душа полностью не растворяется, вливаясь в космический абсолют... Я хотел бы быть ближе вот к этой звезде...

— Эйн... — напряглась Кэйт, почувствовав, что как-то неуловимо изменился оттенок его голоса, с налетом легкой грусти и фатальной неизбежности...

— Хочу знать, что если ты будешь смотреть в небо, хотя бы раз в год...

— Прекрати, — обернулась Кэйт, прикрыв ладошкой его губы. — Я не дам своего согласия на Церемонию, и не мечтай, что так просто от меня отделаешься, — шутливо пригрозила она. — И вообще, давай сменим тему. Расскажи мне о других звездах.

— Хорошо, — Эйн благодарно поцеловал ее ладонь, теряясь, отчего ему так повезло с женой? Разве он заслуживает того, что она столько лет хранит ему эту странную верность, и по-прежнему любит... Хотя он не оправдал стольких ее надежд...

Стоя у нее за спиной, целомудренно, через одеяло, и вместе с тем так интимно обнимая, чтобы передать то, насколько он ценит ее отношение, начал тихо, на ушко, рассказывать, куда надо смотреть и как называются звезды, которые она сейчас видит.

Наверное, Кэйт почувствовала его настроение и что-то такое, похожее на обиду, что время уже упущено и ей никогда не удастся заполучить мужа в свое безраздельное владение, начало формироваться в груди, мешая дышать:

— Почему никогда раньше... — возмущенно выдохнула девушка, и вдруг замолчала, догадавшись, немного подумав, «почему». Она не смогла измениться благодаря Эйну, и он подстраивался под нее, находясь рядом. Ее изменил Шайнэйлиер. Именно ему она обязана за ее новые отношения с мужем, за то, что у нее вообще есть какие-то отношения с мужем! И за ее новые отношения с Айком... И за... За то, что у нее вообще по-прежнему есть Айк, потому что она «дошайноватая», плача внутри и каменея снаружи, продала бы взбунтовавшегося и возмнившего невесть что о себе раба, на следующий день после порки, которую даже не стала бы откладывать. Но Эйни прав, взять мужем Шайна она не сможет.

Кэйт, оторвавшись от телескопа, уткнулась личиком во второго, по надежности, мужчину, и расплакалась по первому.

— Ну вот, — огорченно произнес Эйн. — Я хотел для тебя романтики, а вместо этого...

Подхватив Кэйтириону и, отнеся всхлипывающую жену на кровать, лег рядом, ласково гладил ее по голове и шептал, что у нее еще куча времени, что-нибудь обязательно придумается, и, вообще, почему бы ей просто не оставить Шайна жить дальше, как их госпожа оставила Лейхию? Ведь использует-то она его гораздо чаще.

Кэйт никогда, почему-то, не приходила в голову такое вот простое решение. Взять и оставить. Потому что ей так захотелось, и плевать на то, что скажут остальные... У них все равно никогда не получится уверить, что

«все будет хорошо» именно так, как в этом умеет убеждать ее Шайни.

— Какая чудесная идея, милый! — и девушка, обняв мужа, горячо поцеловала его... в щеку.

Но из щели в двери ее спальни эта важная подробность видна не была, а вот сам факт поцелуя...

Айкейнури не спалось, поэтому, потащив с собой своего Ягодку, чтобы было кому его выслушивать, а не возмущаться вслух самому себе (ну и чтобы было кому его остановить, если что), он, сначала, какое-то время грел уши, но слышно ничего не было. И тогда Айк тихонечко приоткрыл дверь, самую малость, чтобы увидеть этот поцелуй и почувствовать себя... Обманутым по всем пунктам кретином.

Никки, мгновенно сообразившей, по буквально застывшей фигуре, что Айкейнури надо срочно спасать, быстро захлопнул дверь, заткнул тому рот ладонью, и потащил огромную тушку своего Верхнего к лестнице. Парнишка только с виду был хрупкий, тонкий и звонкий, однако для поднятия наверх вырывающегося из рук Айка требовался, как минимум Гейн. Ну или Кыйос, так удачно спускающийся с лестницы, вместе с Иймайксэ. Втроем им удалось дотащить Айка до его комнаты. Потом парни ушли, а Никки встал возле двери и с вызовом посмотрел в глаза метавшему искры и пускающему пар из ушей Айкейнури.

— Можешь меня ударить, отшвырнуть, избить, в конце концов. Сил, чтобы тебя удержать мне не хватит, но я буду висеть у тебя на ногах и громко кричать. Всей мужской половине дома будет очень весело. Ты готов к такому развлечению?!

Айк не был готов... Как только он понял, что для того чтобы очередной раз определится, кто из них с Эйном сильнее, ему придется сначала сделать больно Ягодке, распираемое его бешенство начало медленно сбавлять обороты.

— Не уходи только, — попросил он, прежде чем упасть на кровать, лицом в подушку и уйти в себя, размышляя о всяких предателях, прикидывающихся сначала друзьями, а потом... потом... потом целующихся с его госпожой!

То, что этот предатель, по совместительству, не какой-то там наложник-любимчик, а муж, резало, стеклом по сердцу. И даже понимание, в глубине души, что у Эйна выбора не было, позвали — пошел, не мешало, почти до слез обижаться на зеленоглазого гада.

Никки прилег рядом, тоже на живот, ужиком заполз Айкейнури под руку, и почти сразу уснул. Время то уже было совсем недетское.

Ягодка спал так сладко, расслабив пухленькие губки, и посапывая в ухо Айку, что тот, решив себя не накручивать, а то мало ли что, тоже вскоре уснул.

* * *

А успокоенная Кэйтиайриона, ничего не подозревавшая о метаниях своего несчастного любимца, свернулась калачиком подмышкой у мужа и тихонечко всхлипывала, слез уже не было, все равно...

Эйн скосил глаза и пораился удивительному сходству жены с их сыном, хотя все уверяли, что Кэйттар просто его копия. Но девушка так трогательно пыталась успокоиться, прижав стиснутые кулачки к лицу, свернувшись пушистым котенком, даже спазм сжал горло... Срочно захотелось сделать для нее что-то такое...

— Кэйт, родная моя, ну все уже, милая... Тебе стоит отдохнуть, просто слишком много впечатлений и эмоций за один день... Хочешь, я тебе колыбельную спою? — выдал Эйнри, поражаясь пришедшей в голову идее, но все... с языка уже слетело, и Кэйтиайриона энергично закивала головой:

— Да! Вот ту, помнишь, которую ты чаще всего Кэйттару пел, пока... «вы были рядом» — не договорила она и по щекам снова побежали слезы. Нет, это точно просто избыток эмоций — ее сегодня швыряет, как утлую лодку в океане — от радости до почти звериной тоски... Хорошо, что Эйн рядом, словно островок с надежной пристанью.

Она обняла мужа поперек живота и прижалась к его горячему боку, радуясь, что он остался в штанах и самые отчаянные мысли, о том, что ведь можно воспользоваться своим правом жены потребовать удовлетворить супружеский долг, даже не спрашивая его госпожу, постаралась задавить еще в зародыше.

Так и заснула, убаюканная тихим, ласкающим слух, голосом своего любимого мужчины, чувствуя себя практически абсолютно счастливой.

* * *

Утром Эйн проснулся от того, что его кто-то настойчиво щекотал. Нежным пушистым веером, одной из игрушек-сувениров, подаренных вчера этому изощренному садисту на день рождения. То под носом, то кончики губ, то по линии скулы...

Эйнри притаился, и когда этот кто-то, предвкушающее захихикав, снова потянулся продолжать развлекаться со спящим и беззащитным телом, тело сделало резкий рывок и оказалось сидящим сверху на безмерно довольной, свеженькой после умывания, девушке.

— Я кушать уже очень хочу! — томно прошептала она, игриво выгибаясь навстречу мужу.

Эйн, раскинув руки девушки по кровати и прижав, за запястья, своими ладонями, продолжая сидеть на ней сверху, наклонился почти к самому ее лицу и прошептал:

— А зачем для этого надо было будить меня, родная? Или ты рассчитываешь, что я метнусь для тебя за завтраком? У тебя для этого есть куча страждущих под пальмой!

И тут один из страждущих влетел в дверь, злющий, покрасневшийся, гневно сверкающий глазами...

— Сссука ты Эйн! — выпалил Айк и, хлопнув дверью, исчез в коридоре.

— И тебе с добрым утром... — слегка шокированный этим неожиданным явлением, прокричал ему вслед Эйнри. Потом слез с жены, испуганно и с мольбой смотрящей на него, потому что улаживать этот конфликт ей явно не хотелось. И ее можно было понять. Сталкиваться сейчас с Айкейнури, пускающим клубы дыма, как старинный паровоз, не хотелось никому. Но кому-то придется... Заодно и завтрак жене принесет, чего уж там.

Сразу за дверью пышущего жаром ревнивого кретина не было, но на лестнице его удалось догнать, потому что запал у парня закончился и по ступенькам он поднимался еле-еле.

— Не говори ничего! Я видеть тебя не хочу, — устало прошептал Айк и сел на одну из ступенек.

— У нас с ней ничего не было, кретин!

— Ага. Я видел. И вчера ничего не было. И сегодня.

— Так это ты вчера дверью скрипел? А я думал ветер...

— Я. И я видел, что она тебя целовала...

— И? С каких пор поцелуи собственного мужа в щеку у нас вызывают приступы ревности, зайка?

— Она целовала тебя в щеку?

— Да, шпион ты мой ревнивый, в щеку. После того как мы долго и упорно обсуждали твой мозг и Шайновый возраст. Эти две проблемы немного волнуют мою жену...

— Причем тут мой мозг?!

— Да вот я тоже думаю, как может быть причем-то то, чего нет? А Кэйт верит, что с возрастом вырастет. Может, если Сайни будет с должным старанием за ним ухаживать...

— За кем?

— За мозгом твоим, деточка! — заржал Эйн. — Пойдем, я сдам тебя твоей госпоже. И никаких сцен ревности, понял? Вернусь с завтраком, увижу свою жену расстроенной — удушю, а потом кинжалом зарежу, понял?!

— Я зажимов нигде не терял, в отличие от Дейздеймонэ, — рассмеялся, выплескивая из себя напряжение от всей сегодняшней ночи, Айк. Хотя шутки насчет его мозга уже начали утомлять, конечно. — Эй, а с утра ты что с Кэйт делал? — вдруг вспомнил еще один, напрягший его момент парень.

— Мстил! — с кровожадной интонацией злого монстра заявил Эйн. — Она хотела завтрак в постель, а я предлагал ей вызвать того, кто живет под пальмой. И она вызвала! Прикинь, дверь медленно-медленно открылась... — перейдя на интонацию малька, рассказывающего страшную-страшную историю ровесникам, сидящим плотно-плотно друг к другу в темноте и боящимся до последней, решающей все фразы, — и к нам в комнату ввалился Айкейнури! — Айк даже подпрыгнул, так умело сыграв голосом, Эйн завершил страшную-страшную сказку. — А за завтраком, как дурак, попрусь я! — грустно закончил тот свой монолог.

— Идиот! Я чуть не обделался, — снова заржал Айкейнури. — Госпожа и я любим с утра круассаны, — с таким лицом, как будто он — муж, а Эйн — жалкий позабытый наложник, заявил парень. И Эйнри, решив подыграть, склонился в полупоклоне:

— Как пожелаете! С тайшу и молоком?

— Да, разумеется, — продолжил вещать с величественной мордой лица Айки...

И оба парня, переглянувшись, не выдержали и закатились от смеха. Потом один пошел в комнату к своей госпоже, а второй, бурча под нос, что быть мужем в этот гареме очень невыгодно, пошел в столовую. Чем любит лакомиться с утра жена, за время пребывания здесь он успел выучить, но все равно искренне обрадовался, встретив по дороге Шайна.

— Все живы? — на полном серьезе спросил тот.

— Сам удивляюсь, — усмехнулся ему Эйн, — Причем некоторые из выживших сейчас с госпожой, а некоторые — идут за круассанами и тайшу.

— Ну что ж, давай составлю этим некоторым компанию, — улыбнулся Шайнэ.

По пути в столовую к ним присоединился Дэйниш:

— Эйри, доброе утро... — окинул он внимательным придирчивым взглядом друга, не решаясь спросить при Шайне, как у него прошла ночь с женой. — А в этом доме всех кормят?

— Конечно, — улыбнулся Шайн. — Думаю, меню не хуже, чем у вас...

Короткая заминка, позволила Рэйю, идущему следом за Дэйном, пройти вперед, и пробормотать, словно невзначай, но так, чтобы Эйну было хорошо слышно:

— Хорошо, что есть группа поддержки, а то сегодня многие расстроены, что остались ночью ни с чем...

— Это что, намек? — изумился Эйри.

Видимо, Рэйю не терпелось высказать, пришедшую на ум очередную шутку, он обернулся:

— Ага... Я вот, тляшки-букашки, подумал, надо предложить Гейну утвердить приз в соревнованиях за внимание нашей госпожи... переходящий... в виде хрустального фаллоса...

Парни на секунду зависли, а потом дружно закатились смехом.

— Зря смеетесь, — постарался сделать серьезное лицо Рэй, хотя сам уже искусал губы, чтобы не заржать вместе с ними:

— Я даже знаю с кого надо делать эскиз... — кинул он выразительный взгляд на Эйри, куда-то в область паха, и, не дожидаясь реакции, рванул вперед, хохоча во все горло...

— Вот паршивец, — восхищенно пробормотал Эйн, глядя шутнику вслед.

— Весело тут у вас, — утирая от смеха уголки глаз, признался Дэйниш.

— Ага, обхохочешься... — вздохнул Шайн, радуясь, что эту шуточку не слышал Айки.

* * *

Когда, с двумя подносами в руках, парни подошли к двери спальни Кэйт, в их головы одновременно закралась одна и та же мысль, и, вместо того чтобы с ноги открыть дверь и вломиться, они тихо заглянули в щелку. Переглянулись, усмехнулись и пошли под пальму, завтракать. Тащится с подносами еще куда-то было лень, да и двое в спальне через некоторое время освободятся же, и тоже захотят позавтракать.

Глава 37

Айрин.

Мать Сущего, как же я ужасно устала и морально, и физически... Сначала завела себе Мийлияша, нет, он конечно безумное очарование, и этот влюбленный взгляд... До сих пор... Но постоянное напряжение между ним и Дэйнишем, особенно пока Мий был здесь. Я чуть с ума не сошла, один ревнует, второй горюет... Дурдом просто, а не гарем для моей радости. Потом начались эти политические интриги...

Зачем? Ну, зачем я в них полезла? Ради детей? Ради детей денег надо было копить и вывозить их всех отсюда к чертов... к родной бабушке и дедушкам. Так я ж теперь на Венге просто канал «Культура» из вечеринок устроила, благо папа историк-литературовед и сама историческо — архивный закончила. В плане факультета очень удобно оказалось — всех институтских знакомых раскрутила на ссылки с тайными залежами. Эйн, бедный, устал диски к компьютеру закупать и добавлять, через день заканчиваются. И постоянно надо из этих залежей что-то найти, перевернуть, переработать, прокрутить...

Бедные дети видят мать только утром и вечером, весь день ползая по дому, предоставленные практически сами себе. Хорошо хоть Дэйн старается проводить с ними больше времени. Особенно с любимицей, доченькой, как он ее про себя называет, Айзарийэн. Конечно, при всех он никогда не называет ее дочкой, проклятое Венговское воспитание не позволяет, но и не госпожой, а по имени, Аза-а-ри.

Но вечером, перед сном, когда лежим вместе в кровати и рассказываем друг другу как прошел день: «А наша доченька...». И глаза блестят... Нет, парнишек он тоже любит, но доченька — это просто свет во мраке ночи.

Зато я сама больше мальчишек балую. Хотя из этой тройки очень сложно кого-то выделить отдельно — они же неразвяжи шнурки ботинки. Причем сейчас уже видно, что дочь будет вертеть двумя этими оболтусами, легко и непринужденно, со свистом. Может поэтому и тянет побаловать будущих жертв? Девочка-то растет с характером, не мамочке своей чета.

Распустила я своих мужчин, всего два года и хваленая Венговская дрессура полетела в тартаратары. Даже Вилайди теперь имеет свое мнение — конечно, заматерел мальчик. Режиссер в первом и единственном Венговском театре. На его открытие, 18 чэйровеня, собралась такая толпа

народу, что мест не хватило. Артистам пришлось играть пьесу дважды, а сам праздник перенести на улицу. И во всей этой суматохе Вилайди и Рэйнйляш не просто не растерялись, они руководили целой толпой специалистов, актеров, ублажали зрительниц, мелькали везде красивые, уверенные в себе, просто глаза и душа радовались.

И не только у меня и Кэйт. Первая госпожа Венги предлагает за парней уже очень баснословные суммы.

У брата глаз начинает дергаться от количества ноликов, а вот Вилайди знает, что я его не продам. Один раз спросил, услышал в ответ: «Ни за какие деньги, пока сам не попросишь», и все. Верит. А Эйри не верит... У них сейчас с Дэйном мода такая, считать меня стервозной и жестокой. А я что? Я имидж поддерживаю, мне не жалко. Вил же верит, что я по-прежнему добрая, и с ним можно позволить себе быть самой собой.

Причем и он со мной расслабляется, в отличие от старших парней. Как-то раз, перед его днем рождения, устроили с ним вечер воспоминаний — накрашила его, косу заплела... А потом ласкала-целовала-тискала... Котенок же! Это он в театре у себя крутой и незаменимый, а в моей спальне — котенок стеснительный. Главное не избаловать сразу, успеть поиграть хоть какое-то время! А то просто хоть на рынок иди, за новыми! Или вообще надо в бордель их сходить, там испортить сотрудников не дадут. Точно, полный дом мужиков, плюнуть не куда, а я в бордель пойду. Отдыхать и чувствовать себя Венговской госпожой.

Сайни вот с вещами к Кэйт переехал, сад ей в порядок приводит. Уже почти месяц там живет, Лейхио себе все кулаки погрыз. На людях он его иначе, как свекловод-губитель и не называл, а теперь все сидит и вспоминает-страдает: «Саечка то, Саечка се...». А Саечка там Айки с Шайном доводит до белого каления, небось все зубики в порошок стерли. Отрывается... Избалует мне подруга последний ценный кадр из старшего поколения! Он так смешно смущался при женщинах, а тут на Совет приехал, в свите Кэйт, к слову, и даже краснеть при виде меня не стал! Глазки только в уголочек опустил, и на том спасибо. Лейхио наивно думал, что после Совета его «мальчик» к нам заедет переночевать, но так нет же! Чмокнул Лейя в щечку! и в аэрошку к Кэйтарионе. А у Айкейнури на него взгляд такой недобрый, что сразу понятно, хоть разочек, но в спальню к подруженьке Сай зашел, про систему орошения поговорить...

Мне Дэйниш про идею Рэйни насчет переходящего хрустального фаллоса рассказал. Долго смеялась. А ведь как все начиналось-то — я такая неблагонадежная, испорченная континентальным воспитанием девушка и она, цветочек аленький, ромашка земная, ресничками хлоп-хлоп, грудку

вперед, косу на плечо и теребить пальчиками-волноваться... И свет в окошке — братик мой. Не прошло и года! Хотя, надо быть честной, год все же пройти успел. Заметно меняться Кэйтиайриона начала этой зимой, и Эйн утверждает, что большую роль сыграл тот фильм, который она у нас посмотрела. Я себя тогда просто совратительницей малолетних чувствовала, и парни мои соскучившиеся тоже смотрели и облизывались, антураж соответствующий создавали. И на неокрепшую детскую психику это оказало свое разлагающее влияние. Причем так быстро и качественно, что я даже сама испугалась. Правда-правда! Когда она Вилу минет делать стала, у меня глаза были зеленым отражением больших синих блюдец на лице Дэйниша. Только он, золотко мое, в кресле сидел и коктейльную соломку покусывал. А мне надо было срочно реанимироваться и делать вид, что все нормально и ничего удивительного не происходит, так-с просто... Подумаешь, девушка с Венги, где член у мужчин даже руками не трогают, в крайнем случае, в перчатках и двумя пальцами, стоит перед парнишкой моего брата на коленях и делает ему минет! Причем ведь со знанием дела делает, и с удовольствием... Абалдеть!

Теперь, воодушевленная первым успехом, пытаюсь Айсоэль развратить. Но там девка-кремень просто. Хорошая, как подружка, но Юйлайнэ я ей, до сих пор, только в своем присутствии разрешаю слегка потискать. До тех пор пока сам парнишка не возражает. Я все пытаюсь его приучить говорить «стоп» словами, но он и одним взглядом может просигнализировать так, что сразу понимаешь — терпению Дэйновского Кудряшки пришел конец, пора закрывать лавочку.

Сначала Айсоэль обижалась: «Я ничего с ним не делаю!! Ты мне подруга или кто?! Неужели тебе жалко, если я в него поиграю?! От него же не убудет...».

Ага. Я Дэйна, после возвращения Юйлая, погостившего всего один день у нее дома, откачивала потом неделю. «Как я мог... Почему я забыл... Не подумал... Бедный Юйкин...»... «Бедный Юйкин», счастливый и сияющий, через три дня уже все забыл, как только к лекарю на смену тампонов бегать перестал. И начал бегать за Дэйнишем, преданно заглядывая ему в глаза, явно рассчитывая, что ему в то место, откуда тампоны вынули, что-то другое вставят. А этот... Монохромный мой, ходил и страдал. Пришлось изобразить нежданный приступ резкой социопатии и объявить, что хочу ночь провести одна-одинешенка с книжкой. Ну дальше уже дело было за Юйлайем — и так чуть ли не за ручку до комнаты довела, уж в кроватке как-нибудь сам должен проявить креативное мышление и искусство соблазнения. Он и проявил...

Эйнри перебудил всех с рассветом, ногой в дверь к ним стучал и матерился, потому что там явно с утра продолжение ночного банкета было, судя по звукам, а замок заблокировали, хитрые масленицы. И мой братик, вместо того чтобы валить пахать одному и ждать, пока его коллега к нему присоединится, устроил целую сцену «изгнания из рая». Я специально выползла, поржать над этим шоу. Дверь открывается, от туда мой утрах... уставший с утра по раньше муж выползает, в одних штанах, на голове черти-что, хорошо хоть без бантика, пол шеи в засосах, губы красные-красные и морда сытая-сытая, только сонная.

Родственник мой драгоценный шварк его об стенку, на шею посмотрел, фыркнул, потом поцеловал так, что аж завидно стало, потом снова об стенку шварк... «Чтобы через полчаса был на месте», и летящей походкой по коридору... А Дэйн стоит и счастливо улыбается, смотря ему вслед... Потом на мою дверь посмотрел, вздохнул, и пошел себя в порядок приводить. А я щелочку прикрыла и пошла книжку читать, раз уж подняли ни свет, ни заря. Хорошо хоть скрываться перестали почти, правда при Вилайди Эйнри подобное проделывать не стал бы, за угол сначала затащил. Ну а Дэйн при мне засмутился бы, как будто я про их отношения не в курсе абсолютно.

Я больше приступов социопатии ночных не устраивала, раз в месяц у мужа есть свободные ночи три-четыре, пусть их и пользуется, а так... Кому надо, и днем полчаса найти сможет. Благо комната отдельная есть...

Юй, надо отдать ему должное, смирился с тягой моего мужа к фиолетово-сиреневой гамме, хотя сам он явно зеленое предпочитает. Но тихо предпочитает, максимум, на что он рискнул пойти, это где-то добыл покрывало в фиолетово-зеленую клетку.

Вот Вилайди с Эйном сошлись на рыже-коричневом, у них в комнате сразу тайшу с шоколадом хотеться начинается. Я туда, правда, редко захожу. Особенно последнее время — у брата какой-то затяжной кризис среднего возраста, уже несколько месяцев. То отпустит, то снова скрутит. И отыгрывается он на мне, почему-то. Скажешь ему: «Рыбка моя, помолчи», а у него сразу в голове система стройная: «рыба-акула-зубы-собака», надувается и смотрит на меня злобно. Недельку пытаешь, если не лень. Потом выдает: «А помнишь, как год... неделю назад, ты меня блядью обозвала?». И сиди, вспоминай... А перед днем рождением его вообще скрутило так, что пристрелить было бы честнее, чем позволить так мучаться.

Сидим, где-то числа так 30 тайя, вечером, болтаем обо всем и ни о чем. Лейхио очередные идеи генерит, он же единственный, по-моему, кто не в

устройство развлечений после Совета ударился, а за всеми политическими дебатами следит. После того как мы с Кэйт на второй Совет явились с чистым и пустым взором, а в голове пьеса и конкурсы, он объявил, что меня запихивали туда не клоуном, а революционером (ну он вежливо, конечно, высказался, витиевато так, но смысл был именно такой), и теперь у нас вечером смена программ. С канала «Культура» на «Политические новости и планы».

Как он надо мной ржал, когда я всем свой разговор с Клаусийлией пересказывала, довольная, что у мальчиков теперь есть постоянное место работы и они прекратят оккупировать общий зал для репетиций. Только Лейхио мог вместо фразы: «Вас, моя госпожа, злостно наебали», выдать: «Мне кажется, госпожа, Клаусийлия воспользовалась вашей неопытностью и наивностью..». Корректный мой! Люблю, не могу! С ним так хорошо... Особенно с учетом того кошмара, что творится с братом.

Ну так вот, сидим, разговариваем, и что мне за язык дернуло пошутить: «Собственность вы моя любимая..»?! То есть я знаю, что, вернее, кто — Лейхио со своими идеями... А Эйн надулся. Причем я сразу то и не поняла, почему. Потом неделю мучалась. Мне уже в день рождения свое глаза открыли... Он вообще в тот день чудил!

Поперся в комнату для церемонии прощания, кретин! «Мне двадцать семь лет...». Точно! «Поцелуйте меня в ж... двадцать восемь мне уже», кретин!!!

Лейхио я себе оставила, а его усыплю, чтобы не мучился и мой мозг ложкой не ел. Дэйниш со своей монохромностью не так укачивает, как брат со своим кризисом.

Он теперь весь из себя муж примерный, просто слезы умиления на глазах, так бы и придушила, гада! Браслет носит с вензелем Маргойлинов. Ему Кэйт на день рождения вручила, удружила, после этого у моего мужа истерика недолюбленности случилась. Знала бы, что оно ему так надо, статую серебряную заказала бы, пусть как Командор по дому ходил..

Так мало мне браслета, брат на следующий день объявил, что берет фамилию жены. И смотрит на меня так... Ну да, я же стерва! Чуть не забыла! Так что, топнула ногой и сказала, что будет только двойная. И Эйн свалил довольный. А чего вот просто нельзя было прийти и сказать: «Сестренка, Кэйт обижается и для нее важно, чтобы я был Маргойлин, а для меня важно быть Вайнгойртом, как ты смотришь на двойную фамилию?». По мне лично пусть он хоть Петровым-Васечкиным будет, главное чтобы с головой снова подружился.

На день рождения Кэйт притащил два ящика вина дорогущего,

красное и белое. Хотя знает, что Кэйтиайриона пьет красное. Значит белое покупал для меня. Значит любит? Или это к моему имиджу стервы бонус? Типа чтобы не убила, за то, что перед женой прогнулся?

Спать тоже к жене пошел, причем оба мне ни слова не сказали, я его пол ночи ждала, как дура. Дэйниш уснул, а я сидела и ждала... А утром Дэйн за завтраком пошел и встретил это чудо, довольное. Я аж испугалась, что Кэйт снова решила с ним начать спать. Вроде у них отношения в разряд рыцарской такой романтик перешли, когда он ей стихи и цветы, а она на балконе... Страдает.

Вот я, как-то, стихов не заслужила до сих пор. Цветы, правда, дарит... Может ему и правда романтики не хватает? Я вся такая цинично-практичная, а ему романсы под гитару петь хочется... Сидеть вдвоем в темноте, на звезды в телескоп любоваться, гаду, стихи декламировать, и романсы под гитару стенать... Слышала я как-то раз, как он Вилайди про звезды рассказывал. Обнял его, и давай на уши вешать...

А мне вот безумно Рэйннийляш нравится, хоть выкупай. Хотя он в Кэйтиайриону влюблен, бедняга. Уж не знаю, какой он там, по счету, в очереди в ее спальню, надеюсь в первой десятке. Но мне с ним болтать нравится. Он же язва редкая, но наблюдательный и умный, чертенок.

Еще когда у нас в первый раз жил, мы с ним про Сайни с чего-то болтать начали.

— А почему вы его, госпожа, медвежонком называете?

— Ну... Потому что большой, неуклюжий немножко, сильный очень... А что?

— Но он же не все время неуклюжий! В тренажерке или в бассейне он — как тюлень в воде! А в остальное время — тюлень на суше.

— Рэй, а откуда ты про тюленей знаешь? Здесь же их нет?

— Ну один то точно есть! — засмеялось это чудо, а потом просветил меня, — Есть у нас тюлени. Тюлень-монах зовут. Красивый зверек... И название для Сайни подходящее, — и снова рассмеялся. — Вы, госпожа, его к Айсоэль пристройте, Лахудрик все равно от нее шныркает по углам, да она и предпочитает качков. Вот оставьте ее ночевать и... Угостите.

— А может им лучше Кэйтиайриону угостить? — съехидничала я над ним. Так бедный мальчик сразу стал бледный...

Потом, краем уха слышала, как он Вилу жаловался: «Угостить... Прикинь, Вилкис?! Мало, значит, нашего гарема, так ее еще и из чужого угостят... Жена Блядстера — это диагноз!». Не знаю, что на это ответил ему Вилайди, но кликуха Блядстер к моему братику очень подходит. Редкий он... Это самое слово.

Что же мне с его головушкой то сделать? Может отправить его куда-нибудь отдохнуть? В Космопорте гостиницу снять на неделю? Интересно, здесь санатории для уставших на голову рабов есть? В Джордан отправить? — Пусть ему голову через задницу поправят. Прямо вся в задумчивости... И с Дэйном не посоветоваться, его монохромность от моей циничности просто пятнами идти начинает. Волчонок у меня правильный-правильный, он Эйна жалеет. Это я злобно над ним издеваюсь, а Эйнири у нас — одуван невинный.

Нет, сначала Дэйниш на моей стороне был, а вот после того как друга из комнаты прощания пинками выгнал... Да я сама после того случая свою речь фильтрую, уж даже не знаю через сколько фильтров. Суперочистка, просто. И все равно раз в две недели на меня зыркают недобро и замолкают такие гордые и неприступные. Но я уже умная, неделями не маринуюсь, сразу налетаю с вопросом: «где была рыбка?!». Народ ржет, братик дуется-дуется, потом признается где. Пропускаем фразу через дополнительный супер-супер фильтр и мир в доме еще на две недели.

Все происходящее охренительно способствует укреплению моей нервной системы... Я уже пару раз, болтая с мамой, срывалась и плакала... Зря, конечно. Плакать надо с Лейхио, вот уж кто и успокоит, и подскажет, аккуратно, что делать. Только он сейчас кулаки же грызет, занят немного, жаль отвлекать на такие мелочи..

Рэйни — мальчик приятный, во всех отношениях, но жилетка для чужой госпожи — точно не его ампула. Дэйниш меня сейчас вполне устраивает в группе поддержки брата, а если ему хоть раз придется видеть мою истерику, то он быстро сменит цвет формы. Вилайди последнее время тихо болеет за меня, но, при всех, изображает нейтралитет. Лейхио — мой болельщик, но ему сейчас, и правда, очень плохо. У него мощная переоценка ценности Сайни в своей жизни идет. Вернее, внешнего проявления этой ценности. Пусть по переоценивает, а то загнобил совсем парня своими приколами.

Хорошо, Лейхио не поехал с нами на день рождения Кэйт и не видел, как его «мальчик» с моей подружкой по парку гуляли. Айкейнури с Шайном злющие такие были, хоть плачь, хоть смейся. Бедные — они готовились все утро к приезду Эйна, а оказалось, что опасаться надо было его братика.

Кстати, именно на дне рождения Кэйтиайрионы мы впервые увидели знаменитый танец Рэйни.

Это было потрясающее шоу! Полная темнота, начинает звучать ритмично-энергичная музыка и вдруг вспыхивают мечущиеся лучи света, и

Рэй выскакивает откуда-то, как чертик из табакерки, весь обнаженный, раскрашенный разноцветной краской, сверкающей в лучах ультрафиолета... Нереально красиво! Очертания тела можно только угадать по нанесенным полоскам, точкам, какому-то абстрактному рисунку! Мы все молча сидели, затаив дыхание, заморожено следя, как, подчиняясь ритму музыки, это фантастическое существо выписывает, то какие-то плавные текущие фигуры, оставляя размытый след зажатыми в руках, светящимися в темноте, трубочками, то, наоборот, мечется так, что зрители еле успевают отследить меняющийся, как в калейдоскопе, рисунок. Красиво!!

Так эти два хореографа на дне рождения Вилайди показали нам результат уже парного выступления. А потом добились нас всех сообщением, что это была генеральная репетиция танца для вечеринки после Совета. Я аж праздничным тортом подавилась. И не одна я, Кэйт тоже шампанское не в то горло пошло. Там же пожилые женщины со слабым сердцем, а тут темнота и два скелетона танцуют... С палочками светящимися в руках! О, ужас!

Но самое смешное, что танец имел бешеный успех. Парней заставили его повторить три раза. На четвертый они просто не согласились, упав на колени и взмолив о пощаде. Госпожа Первого Дома нам в тот вечер за мальчиков предложила сумму с тремя нулями на конце. Кэйтириона даже уточнила, дрожащим голосом: «Это за двоих?». А узнав, что нет, за одного, слегка изменилась в лице. Еще бы, она за такие деньги себе не то что весь сад восстановить, а еще и пол дома обновить смогла бы. Уже мысленно попрощалась с Рэем, но подруга отказалась. Удивила! Значит не только Рэинийляш ей предан, но и она к нему относится... Хорошо относится. Но на мой вопрошающий взгляд она предпочла использовать лучшую меру защиты: «Ты же тоже Вилайди не продаешь!». Сравнила... Вил — любовник моего брата и, с некоторых пор, и мой тоже. А, главное, он член семьи. А про Рэйни я только и слышу: «скользкий тип» и «еще тот фрукт». Значит и правда, еще тот фрукт, раз его за такую огромную сумму от сердца не отрывают.

* * *

А 2 мойиэля у Айзариэн и Дэйнослайва была первая годовщина. За день до этого я только на коленях перед Эйри не стояла, умоляя его уехать куда-нибудь по делам, потому что годовщина наследницы — это большой

традиционный праздник. Ключевое слово — традиционный. Понаедет куча тетушек и соседок, привезут своих деточек, от года до двадцати, и тут Кэйтиайриона с мужем. Будет как 16 снейжэна..

Но брат хмуро пообещал мне крепится.

Когда, в обед, приехала Кэйт, я завела ее за угол и популярно объяснила, что мне будет катастрофически некогда следить за слабым на голову родственником. А его душевное и психическое состояние с зимы тоже только ухудшилось. Подруга покивала и клятвенно обещала не отпускать от себя, держа за ручку, весь праздник.

Не то чтобы меня это обрадовало, обычно я предпочитаю держать за одну ручку Дэйна, а за другую Эйна. Но, к сожалению, это было абсолютно невозможно.

Подготовка к празднику и сам праздник потратили мой годичный запас нервных клеток, точно. Я нервничала из-за Эйнри, нервничала из-за всей этой традиционной культурной программы... И, главное, надо же было всем улыбаться, благодарить за подарки. Дочери! Сына по ходу у меня как будто и не было... Так, вылез кто-то вместе с наследницей.

Кэитар и Дэйник потерянно бродили по мужской половине дома, ища свою сестричку. Кэитар через час даже расплакался. Пришлось бежать успокаивать, и ведь к гостям не вынесешь — не принято... Через полчаса рыданий плюнула, взяла в каждую руку по мальчишке и принесла их в зал. Азари сразу кинулась к друзьям, давай подарками хвастать, конфеты из-за щек вытаскивать и им в рот запихивать. Хорошо, я деточку заранее антигистаминным накормила, впрок, потому что в нее, тайком, по моему уже килограмм сладостей запихали. И вот сейчас она полкило братьям раздала, и побежала добывать новые.

Кэитар, увидев отца, поковылял к нему, тут и маму разглядел-узнал, обрадовался, что у него своя кормушка вкусами организовалась. Ну а Дэйна-младшего Дэйн-старший развлекать принялся, вместе с Вилом и Юйкой. Так что я снова смогла изображать из себя счастливую мать единственного ребенка.

Народ уже, похоже, привык к моим странностям, так что особого культурного шока произвести не получилось. Так, несколько десятков косых взглядов... По сравнению со слезами Кэитара и паникой в глазах Дэйника — ерунда.

А вечером, когда все гости разошлись, я объявила парням и подруге, оставшейся на ночь в качестве демонстрации женской солидарности, что мы сегодня будем кутить. Мне еще неделю назад Екки прислал бочонок со сливовым вином и заправку для кальяна, забойную, чтобы на хихи

пробивало и стресс снимало.

В загерметизированном бочонке было два отверстия и трубочки. Путем хитрых манипуляций бочончек присоединяется к кальяну, уже заправленному прихихишкой, и сначала клиент получает чистый хихи, а на тяжке третьей к этому добавляется сладкий вкус сливового вина... Мальчикам я заказала два таких же бочонка с темным пивом. У них тут на Венге пива совсем не пьют, почему-то, но в Космопорте же, как в Греции, есть все.

В итоге вечер удался, я считаю. Мы с Кэйт хихикали вдвоем, над своим мешочком со смехом, а мальчики ржали, в свое удовольствие, над своими. По моему, даже Эйна отпустило, по крайней мере какое-то подобие расслабленности я у него на лице увидела.

Иех, надо срочно решать проблему с санаторием!

* * *

На следующее утро я нашла брата сидящим на полу, в зале. Прислонившись спиной к стене, прижав к себе колени и положив на них голову, он отстраненно следил за играющей малышкой. Дэйниш, когда присматривает за детьми, даже если не участвует в игре сам, то следит всегда с большим интересом. А Эйн просто наблюдал, каким-то краем сознания, большая часть которого сейчас бродила где-то далеко-далеко. Он даже не услышал, как я вошла в зал. А может и услышал, но посчитал мое явление не слишком важным событием, чтобы оторваться от своих размышлений. Стоп! Сейчас главное не завестись заранее, еще до того как обменяемся первыми утренними колкостями.

Поэтому спокойно подсаживаюсь к любимому мужчине рядом и просто молчу, а потом обнимаю его за талию и подлезаю сама к нему под руку. В конце концов, я женщина, значит умнее, вернее могу позволить себе быть ласковой, не задумываясь о том, что сейчас мой имидж стервы будет безнадежно разрушен. Это мой брат, почему-то, зубами и когтями держится за свой образ крутого парня, не расслабляясь ни где и ни с кем, даже в одиночестве.

Эйн прижал меня к себе так крепко, как будто он тонул, а я спасательный круг, сброшенный с уплывающего корабля.

— Айрин... Любимая... Жизнь моя...

А вот сейчас, главное, совсем не расслабится, а то глаза уже на мокром месте. Нервишки-то тоже никуда не годятся последнее время... Да...

Совсем никуда... Сдаюсь, и тихо плачу, уткнувшись ему в подмышку, чувствуя как он губами нежно касается моих волос и шепчет мое имя... Так бы и сидела с ним рядом, вечность. Как же я его люблю!

— Я тебя люблю...

— Я тебя тоже... — эхом отвечает мне мой мужчина, и потом целует, уже в губы. Нежно-нежно, почти по братски. И в глазах столько всего невысказанного....

— Прости меня..

— За что, любимый?

— За то что мучаю... За то что метаюсь, как зверь в клетке и мучаю вас всех. Знаешь, я раньше не верил в возрастные кризисы, считал что это от безделья у людей случается. Вот веришь, у меня почти нет свободного времени, но накрывает по-страшному.

— Верю... — сквозь слезы улыбаюсь ему я и мы вместе смеемся, так как раньше.

— Меня же должно отпустить? До того как вас всех от меня замутит и вы решите от меня избавиться? — с надеждой, как будто я не историк по образованию, а психолог, причем специализирующийся на мужчинах среднего возраста, спрашивает он меня. Дурашка. Остальные парни его жалеют, а жена от него вообще в восторге. Краснея и бледнее, запинаясь и теребя пальчиками косу, как будто провалившись в прошлое, Кэйтириона рассказала мне, через неделю после своего дня рождения, как они чудно провели ночь. И в глазах у нее светилось столько счастья и платонической влюбленности, что я даже цинично острить и ругаться не стала. И брату ничего не высказала, тем более он-то мне про чудную ночь с женой докладывать не стал. Просто извинился, что свалил к жене не предупредив меня, и все. Даже на колени не падал, свинтус обнаглевший. И вот теперь именно у меня он уточняет, успеет ли его мозг стабилизироваться до того, как всех, читай между строк — меня, он не начнет раздражать совсем и полностью. Ну не кретин ли?!

— Любимый, я плохо себе представляю, как тебе нужно изголиться, чтобы я захотела от тебя избавиться. Тем более, в отличии от ваших женщин, я в курсе стройной системы возрастных кризисов и у детей, и у мужчин. Выдыхай.

Пытаюсь встать, но меня хватают за руку, снова притягивают к себе, усаживая боком на ноги, как маленькую. Прижимают к груди крепко-крепко, так, что по моему, где-то косточки слабо хрустят...

Обнимаю моего любимого за шею и шепчу ему:

— Не сломай меня, я тебе еще пригожусь!

И мы снова вместе смеемся, хотя в его глазах столько тоски и грусти... Непонятной мне абсолютно.

Целую его в оба глаза, по очереди, потом в кончики губ, потом...

— Я люблю тебя...

Почему в его признании столько обреченности-то?

— Я тоже люблю тебя. Тебя это беспокоит и ты хочешь б этом поговорить?

Эйпри открывает глаза, смотрит на меня с немым укором, и произносит:

— Ну вот и как такому цинику стихи посвящать, скажи мне, а?! Хорошо хоть, когда я тебе «цветные веники» дарю, ты их в вазу ставишь...

Ну да, букеты я называю вениками — не люблю мертвые цветы. Это отдает некрофилией, по моему. Сейчас вот тянет ответить гадость, из серии, что его никто не заставлял в меня влюбляться. Но тогда все предыдущее на смарку и мы снова в военном нейтралитете? Не хочууууу! Устала... Люблю...

— Прости... Дари мне стихи в конце финансовых отчетов? — пытаюсь плоско пошутить я.

Но потом не выдерживаю, снова прижимаюсь к нему, и шепчу:

— Дари мне цветы в горшочках!

— Ага! Чтобы ты разбивала их об мою голову, когда мы очередной раз поругаемся? Я что, сам себе враг, что ли?! — наконец искренне развесился братишка. — Я тебе поляну ромашек соорудил. Пойдем отведу, покажу, хочешь?

Где он нашел тут семена ромашек?! Мать Сущего!

Сдаем детей первому подвернувшемуся несчастному, и, держась за руки, бежим смотреть романтический подарок мне, циничной континентальной девушке.

Мать Сущего! Надеюсь семена он покупал на свои деньги... Потому что иначе наш Дом разорен! Поляна ромашек, полосками — васильки, а по краям, вдоль канавки, незабудки. Абалдеть!!!!

Визжа от восторга, висну у брата на шее, ногами обхватываю его за талию и заваливаю прямо тут, рядом с этой восхитительной поляной, в траве...

Как же я его люблю!

Глава 38

15 мойиэля 328 года. Космопорт.

В утреннем кафе было пусто и тихо, только за тремя столиками сидели посетители. Две парочки, скорее всего инопланетников, и пять женщин, явно венговского происхождения. Это сразу бросалось в глаза и по осуждающим взглядам на слишком вольно ведущих себя мужчин, и по плотоядным усмешкам и перемигиваниям, которыми они обменивались, оценивая мелькающего по залу мальчика-официанта. Паренек старался держаться от них как можно дальше, но одна из женщин поманила его пальцем, и ему пришлось подойти.

— Принеси нам счет, красавчик и убери со стола.

Парнишка кивнул, и даже попытался улыбнуться клиентам. Получить хорошие чаевые за нервный стресс было бы неплохо.

Женщины оценили его попытку, в очередной раз переглянувшись между собой, после того как мальчишка отошел, с полным подносом грязной посуды.

— Мийя, ты права! Он — вылитый муж Вайногойрт, особенно когда улыбается. Вечером...?

— Ну не сейчас же, среди светлого дня и при всех? Тем более он нас боится до усрачки. Конечно, вечером. За несколько минут до начала комендантского часа, как обычно.

В это время паренек принес счет, одна из женщин выдала ему карту, остальные, скинувшись, высыпали на стол всю имеющуюся в карманах наличную мелочь. У парнишки даже глаза заблестели — на такую огромную сумму он не смел и рассчитывать.

— Спасибо, большое! Заходите к нам еще! — радостно засиял он белозубой улыбкой, подчеркивающей его сходство с Дэйнишем Вайнгойртом.

Но не только Мийрийнива с подругами заметили удивительную схожесть юного официанта маленькой кафешки в Космопорте и мужа Старшей госпожи Пятого Дома.

Парень, с обреченным лицом выслушивающий щебет своей очередной подружки, от скуки тоже изучал внешность обслуживающего их паренька. И тоже заметил его сходство со своим знакомым. А еще обратил внимание на оживленное обсуждение внешности мальчишки среди женщин, за

соседним столиком.

Когда дамы, возбужденные предстоящим вечерним действием, удалились, Екки сначала подошел к парнишке и очень убедительно и настойчиво объяснил, чтобы тот никуда из кафе не уходил, а ближе к вечеру нашел себе замену и затаился. Потому что, иначе, через полгода все родственники и друзья смирятся с его потерей и перестанут искать, а очень похожий на него мальчик с обреченным взглядом, появится на рынке рабов в Венгсити.

На всякий случай парень подстраховался и поручил одному из друзей присмотреть за мальчишкой, объяснив, что такое явное сходство может быть только неспроста. И надо как-то связаться с Вайнгойртами и сообщить им об этом официанте.

Айрин, узнав от Екки о странном мальчишке, тут же сразу поняла, кто это. Еще три месяца назад Дайнис сообщил, что его младший сбежал от матери в неизвестном направлении. Мужчина очень переживал, напряг все свои связи, но сыночек как сквозь землю провалился. А он, оказывается, все это время рядом с ними был, на Венге. Тут его, наверняка, никто не искал — кому придет в голову искать сбежавшего из дома молодого парнишку на планете с жестким матриархатом? Хотя... Дайнису, как раз, могло бы и прийти.

Дайниш и Лейхио быстро метнулись в Космопорт, а Айрин пыталась выйти на связь со свекром, но неудачно. А через час парни вернулись расстроенные — молодой официант исчез из кафе, причем сделал это очень ловко. Следивший за входом друг Екки не заметил ничего странного и никого подозрительного. За окнами, правда, никто не присматривал, но открыть их можно было только изнутри. А это означало, что парнишка исчез сам, добровольно.

15 мойиэля 328 года. В доме Мийрийнивы.

Лейксийо еще раз осмотрел сервированный на троих столик, прокрутил в голове последовательность подачи блюд — вроде все продумал, все учел. Конечно, госпожа все равно найдет к чему придраться, если будет в плохом настроении. Хотя последние недели ее настроение даже не плохое, оно просто ужасное. И ее многочисленный гарем ощутил это на всех частях тела, особенно любимчики. А он не просто приглянувшийся на время наложник, у которого есть все шансы, что через месяц о нем забудут. Поэтому ему сейчас тяжелее всех. И надо еще как-то пытаться сохранить лицо, иллюзию прежнего самоуверенного Лейксийо,

которого в девятнадцать лет госпожи разыгрывали в карты, потому что было слишком много желающих забрать себе, и даже огромная сумма, которую запросила за него мать, никого не отпугнула.

Почему он наивно считал, что раз так дорого стоил, то с ним будут продолжать обращаться как с именным хрустальным сервизом? Так, как он привык дома?

Нет, его купили, чтобы демонстрировать подругам процесс ломки гордого раба. И он сломался, правда не так быстро, как хотела госпожа, но сломался.

Лейксийо поправил уголки салфеток, и почувствовал, как начинают дрожать руки — во двор влетела аэрошка, и из нее вышла госпожа и ее подруги. Их было пятеро, хотя предупреждали его с утра о троих. Он не успеет... Мать Суцего, спина еще не отошла от вчерашнего... Нет, надо собраться и попробовать, а не впадать в панику.

— Тойшийнэ, ласточка, их на две больше...

— Я понял, Верхний, сейчас...

Когда женщины вошли в комнату, Лейксийо поправлял приборы у пятой тарелки. И тут же получил пощечину, за стоящие на разном расстоянии от бутылки стаканы. Парень сразу понял свою ошибку — между третьим и четвертым был пропуск на три сантиметра длиннее, и от центра он стоял дальше остальных. За это пороть не будут, а пощечина... Заслужил.

— Простите, госпожа. Я сейчас исправлю...

— Исчезни и пришли сюда своего мелкого.

— Да, госпожа, — а сердце сжалось от страха за мальчишку. Он так похож на него, десять лет назад. Добрый и гордый, независимый и преданный... ему, Лейксийо. Мать Суцего, пусть сегодня все обойдется, пожалуйста! Пятеро женщин и Тойшийнэ...

Когда госпожи улетели снова куда-то по своим делам, старший парень отнес младшего в их, общую, комнату и послал малька за лекарем. Мать Суцего не услышала молитву своего любящего чада, хотя... Ничего непоправимого не произошло, а значит... Значит услышала?

Вечером госпожа вернулась одна, поздно, уставшая, но очень довольная.

Упав в кресло протянула ему ноги, и он, стараясь чтобы не было так сильно заметно, как у него трясутся руки от волнения, почти час

массировал ей ступни и икры. А госпожа пила вино, бокал за бокалом, уже пошла вторая бутылка. Скоро придется посылать кого-нибудь в бар за следующей партией... Госпожа могла за один вечер уговорить до четырех бутылок, прежде чем вырубится, прямо в кресле. И тогда ее надо было аккуратно раздеть и перенести на кровать. Если в процессе раздевания или перекладывания госпожа просыпалась, то... Удачным этот вечер назвать было бы нельзя.

— Хватит. Встань и разденься.

Мать Суцего... В него уже давно не играли просто так, забавы ради. Только чтобы унижить, сделать больно, наказать. Что он в этот раз сделал не так?!

Надо попробовать изобразить на лице если не радость, то хотя бы спокойствие.

— Встань вот здесь, в центре, чтобы на тебя падало как можно больше света... Повернись. Еще раз. Теперь боком... Ты все еще красивый, хотя тебе уже сколько?

— Двадцать семь, госпожа.

Будут унижать возрастом? Первого мужа усыпили два года назад, в тридцать один. Год ему подарили за какие-то особые заслуги. Лейксийо за шесть лет дальше «здравствуй» и «прощай» так и не продвинулся в общении с этим замкнутым парнем. Он был из инопланетников, в гареме рассказывали, что в первый год ежедневно пытался руки на себя наложить, но потом его чем-то припугнули. Госпожа умеет манипулировать слабостями своих рабов. У них с Тойшийнэ слабость — второй партнер, и госпожа поэтому вертит ими, как хочет. Именно поэтому в гареме больше нет ярко выраженных пар, чтобы не попасться так же, как они, на крючок к госпоже.

— Прямо жаль будет с тобой расстаться просто так. Пожалуй я бы хотела угостить тобой напоследок своих подруг, как ты на это смотришь?

Ма... Мать Суцего! Почему? За что? Мне двадцать семь, а не тридцать!

— Ах, да... Я же не сказала... Сегодня я нашла себе нового мужа, а по закону их может быть только двое, ну или трое, по личному разрешению Первой госпожи Венги, которое она мне не даст.

— Но... Я сейчас у вас один..

— Согласна, но я уже обещала Фойлийтэ взять его в мужья. Так что считай, что вас уже двое.

Фойлийтэ — редкий говнюк, прости меня Мать! Но тот, второй, может он согласится..

— Сколько у меня есть времени?

— Я же сказала, на Совете выставлю угощением.

— На этом?!

— Конечно, зачем мне ждать еще месяц?

Нет! Нет, нет и нет.

— Я возражаю.

— Ты... что?! — не поверила своим ушам Мийрийнива.

— Я не совершил ничего предосудительного, был примерным мужем в течение восьми лет... Пожалуйста, позвольте мне еще месяц... Месяц, госпожа!!! Пожалуйста!

Только бы не заставила сейчас посмотреть в глаза, в них сейчас столько ненависти... За все эти примерные восемь лет оптом.

Госпожа встала и пошла к двери... Зачем?

— Позови сюда Тойшийнэ..

— Нееееееет! — упасть в ноги, прижаться к ним, целовать и ненавидеть, ненавидеть и бояться... Не за себя... Со мной — все. Когда там Совет? Послезавтра? Отлично.

— Я согласен, госпожа! Вы только скажите мне, что я должен сказать и я скажу. Я буду покорным госпожа, даже дергаться не буду!!! Как вы любите! Пожалуйста! Все что вы пожелаете!

В это время в комнату вбежал Тойшийнэ, ласточка, любимый, мальчик мой..

Увидев своего Верхнего обнаженным на коленях перед госпожой, парнишка сразу напрягся. Тоже упал на колени:

— Госпожа?

— Тойши, твой друг просто позволил себе немного покапризничать, напоследок, но он уже исправился. Так что можете уходить. Оба.

Лейксийо, схватив одной рукой штаны, второй — своего парня, быстро вышел в коридор, пока госпожа не передумала. Правда ничто не помешает ей позвать их через час или два, но все же есть небольшая надежда, что она сейчас уснет. И пусть ее Фойлийтэ на руках таскает.

Штаны Лейксийо надевал уже на лестничной площадке, перед глазами все плыло, губы дрожали, руки тряслись... Что будет с Тойши, после того как его не станет? Им тогда нельзя будет манипулировать и парень станет не нужен...

— Что происходит, Верхний? Какого хрена?! Что происходит?!

— Все нормально. Давай поднимемся к нам и я все объясню, хорошо?

- Ты свою рожу видел? Сразу же видно, все нормально, что звездеч!
- Тойш..
- Поцелуй меня в задницу, Верхний! Быстро говори, что происходит!

— А его усыпят, правильно? Не сегодня, так завтра, верно, принц? — проговорил спускающийся вниз по лестнице парень, и злобно усмехнулся.

Родством с Первым Домом его не попрекнул только ленивый, но сейчас напоминание об этом звучало особенно жестоко и цинично. Как раз в духе Фойлийтэ, истинного выкормыша Дома Ийссайхайрт. Их госпоже до них как пешком до первой звезды...

Тойшийнэ устало прислонился спиной к стене, рядом с Лейксийо. В его жизни не так уж много было хорошего, и почти все это небольшое было связано с Лейкси.

С того дня как его привели сюда, весь вечер до этого рыдавшего в подушку в своем старом доме, на любимой с детства кровати, совершенно не стесняющегося двух лучших друзей, с которыми вместе озорничали всю сознательную жизнь... И он, гордо тряхнув челкой, оглядел мрачные рожи обитателей здешнего гарема и, расслабив мышцы, приготовился к драке... К нему первым подошел именно он, Лейксийо. И тогда Тойши просто выплюнул этому красавчику в лицо: «В сознании — не дамся!», а тот улыбнулся и сказал: «Я так и понял, поэтому предлагаю свою защиту.» И они, вопреки принятым тут правилам, почти сразу стали жить вместе, не скрываясь... С того дня все хорошее — это Лейксийо.

Фойлийтэ, наслаждающийся, пусть мелкой, но гадостью, пошел в сторону комнаты госпожи. А парни побрели к себе, молча. Также молча разделись и упали на кровать — в душ идти не хотелось, потому что расставаться, хоть на секунду, не было никакого желания.

Самые горячие поцелуи и самый нежный секс — перед расставанием, особенно когда ты точно знаешь, что оно навсегда. Только если они встретятся у Матери Всего Сущего, но тогда Тойшийнэ надо будет поторопиться следом за другом. Правда Мать не примет к себе совершившего акт неуважения к собственности своей госпожи, но ведь можно просто заморить себя голодом, например.

- Утром, проспав всего часа два, парни проснулись, почти одновременно.
- Тойши, она избавится от тебя сразу после меня... Обещай мне, лечь

под Фойлийтэ, пожалуйста! Ты ему давно нравишься...

— Отсоси, Верхний!

— Тойши!!

— Отсоси два раза!! Я не лягу под эту сволочь.

На завтрак они не пошли, чтобы не терять время на всякие глупости, но, ближе к обеду, их призвала к себе госпожа.

В комнате, кроме нее, был довольный Фойли, и смотрел он на Тойшинэ, как кот смотрит на шарик в клетке.

— Младшему из двоих — раздеться и лицом в пол, быстро! — лениво, с кровати, проговорила госпожа, — А старшему — сходить мне за завтраком, тоже быстро! И помните друг о друге, если решите дернуться, птички мои влюбленные...

Глотая слезы злости и бессилия, Лейксийо пошел на кухню, а Тойшийнэ, с ненавистью взглянув на любимца госпожи, стащил с себя штаны и швырнув их, на всякий случай, поближе к двери, лег перед этой сволочью, и даже ноги раздвинул. При этом прокручивая в голове утренний разговор с другом и чувствуя, что ненависть ко всему этому дому скоро просто выплеснется наружу, так ее было в нем много. Наивный Лейксийо думал, что у него спросят согласия?! Наверное у него случилось помутнение рассудка, от избытка отрицательных эмоций.

Лейксийо внес в комнату поднос с завтраком и начал привычно сервировать стол. Кружка в пятнадцати сантиметрах от тарелки с булочками с вареньем, тарелка с канапешками правее тарелки с булочками, примерно на угол в сорок пять градусов... Бокал с утренним морсом поставить за тарелку с канапе... А сам графин чуть ближе к краю. Салфетку сложить «лягушкой»... И не смотреть в сторону мечущегося под... Ненавижу!!!! Не смотреть на Тойшийнэ..

— Странно, я думала, что сломала тебя до конца. Похоже, я ошиблась. Но у нас впереди еще почти сутки. Если хорошо постараться... Хотя совсем сломанное угощение — это так невкусно. Гораздо приятнее, когда жертва чуточку вздрагивает, когда в нее вонзаются твои зубы, правда же? — и Мийрийнива, бесшумно подошедшая, чтобы полюбоваться, как проходит процесс приготовления к завтраку, за волосы повернула голову своего мужа так, чтобы он смотрел прямо ей в глаза. Лейксийо не успел загасить блеск ненависти, поэтому теперь просто стоял и почти отстраненно думал, какую

на этот раз изощренную пытку придумает его изобретательная госпожа.

Мийрийнива, полюбовавшись на идеальную сервировку, почувствовала даже некую жалость, не к Лейксийо, нет, а к тому, что теперь придется натаскивать Фойлийтэ до такого же профессионализма. Парень наивно думает, что его впереди ждут только розы, но он забыл, что у этих цветочков очень колючие шипы. Но ничего, мальчик вырос в хорошем доме, должен быстро привыкнуть. А в награду она отдаст ему на дрессировку молоденького инопланетника, которого планировала взять вторым мужем. Наложника из гарема могли и изъять, после проведения расследования и убедившись в нарушении закона, а вот забрать законного мужа было можно только если госпожа отказывает ему в защите, для Церемонии Прощания. Ну и предварительной парой-тройкой экзекуций, на законных основаниях.

В руку Лексийо вонзилась игла от шприца с лошадиной дозой снотворного, потому что сон охватил его чуть ли не до того, как госпожа успела вытащить иглу из вены. Тойшийнэ, краем глаза увидевший, как падает на пол тело его друга, попытался сделать рывок из под огромной туши, но его волосы были намотаны на руку Фойлийтэ, поэтому, чуть ли не взыв от боли, парнишка был вынужден затихнуть и продолжить изображать бревно для удовлетворения.

Утром, слух Лейксийо начал потихоньку просыпаться, но тело продолжало спать.

— Давай, соси, ссучонок, если не хочешь, чтобы я залепил в этот кусок мяса ногой. Ботинки то у меня с железным носом, как у госпожи, так что пару ребер сломаю...

— Госпожа тебя за это накажет!

— Нет, если я пугану твоего принца, что отзеркалю удар по твоим ребрам. Он будет терпеть и делать вид что с ним все распрекрасно, а терпеть боль он умеет хорошо, уж я то знаю... Госпожа часто при мне с ним играла.

— Сссука!!

— Я тебя предупредил! — обжигающий холодок около ребер, кончики ботинок этого гада поглаживают бок...

Звук расстегиваемой молнии... Тойшийнэ, ласточка моя...

— Что здесь происходит?! Нам через полчаса выходить, а у вас тут разврат полным ходом?

— Простите, госпожа... Отвали, щенок! — и звук пощечины... Тойшийнэ? Он ударил Тойшу?! Тело подло не реагирует ни на одну команду, даже пальцем пошевелить не удастся...

Его берут, как мешок перекидывают вниз головой и куда-то несут. Понятно куда — в аэрошку, чтобы отвезти на Совет, где его затрахают до полусмерти, а потом воткнут иглу со специальным раствором и завтрашнего утра уже не будет. Да и сегодняшнее он не увидел.

А он так любил смотреть из окна, как сначала появляется краешек самого маленького из солнц, самое любопытное. Потом, как будто они склеенные, появлялось первое из больших, и, когда оба, старшее и младшее, уже показались целиком, через несколько минут появлялось солнце-госпожа. Оно чуть отличалось оттенком, и двигалось в небе немного по иной орбите...

Не видать ему больше этого чуда из окна... Но может во Дворце Матери Всего Сущего тоже будет видно эту красоту?

17 мойиэля 328 года. Первый Дом.

На этом Совете должны были обсуждать очередные демократические веяния. Основной спор разгорелся из-за предложения Клаусийлии разрешить вывоз мужчин на другие планеты. Не всех, только наиболее преданных из достигших тридцатилетнего возраста и мужей, сопровождающих своих жен.

Мийрийнива переглянулась с Вейтийланой, и обе поняли — время пришло. Первая госпожа Венги попала под дурное влияние, ее надо спасать, срочно. Признать недееспособной, передать власть в руки одной из ее дочерей... Хотя девчонки тоже развращены этими континентальными новшествами, надо кого-то из сторонников прежних законов и традиций, например Жюйстийлену, двоюродную сестру Первой госпожи. И передача власти по родству будет условно соблюдена, и весь этот континентальный разврат удален с планеты.

Но сначала женщины и их сторонницы попытались воззвать к голосу разума большинства присутствующих, но их аргументы в этот раз звучали менее продумано, чем убедительная речь Клаусийлии Альцейкан. Многие из женщин уже обнаружили, что присутствие рядом одного-двух мужчин на участившихся в последнее время деловых встречах, может сильно повлиять на результат переговоров, в положительную сторону. К тому же, континентальные мужчины банально нервничали и терялись, не зная, как себя правильно вести с представительницами «сильного пола» Венги. А

налаживание деловых контактов шло полным ходом. То, что раньше продавалось через десятки руки и, соответственно, с каждой передачей прибавляло в цене, теперь можно было закупить напрямую, это не могло не радовать.

Женщины Венги были целиком и полностью согласны, что мужчинам, доказавшим за тридцать лет жизни свою преданность, можно было бы позволить провести еще десять-двадцать лет практически в раю, отстаивая интересы своей госпожи на других планетах. Причем Клаусийлия подчеркивала в своей речи, что запускать континентальных представителей на планету никто не собирается. Наоборот, следует ужесточить контроль над прилетающими кораблями, построить на одной из ближайших планет пересадочно-проверочный пункт и основную часть переговоров и встреч проводить там. А саму планету снова закрыть экранами, закупить пограничникам последние модели кораблей, усилить вооружение... Опять же, наличие на переговорах преданных мужчин станет необходимым не только для спокойствия континентальных представителей. Несколько наложников смогут выполнять функции охранников, отвлекая внимание от мелькающих рядом, в красивых нарядах, телохранительниц-женщин.

План госпожи Альцейкан ублажал живущего внутри почти каждой женщины Венги параноика и искренне радовал огромного земноводного, тоже проживающего почти во всех госпожах, молодых и старых, стремящихся к обогащению себя, любимой, под флагом: «Все лучшее для моего Дома».

А вот предложения Мийрийнивы и Вейтийланы огромное земноводное очень настораживали.

Спустя несколько часов шум в Совете стоял такой, что понять о чем кто кричит и кто что предлагает было уже невозможно.

Поэтому в зал в два ряда зашли гвардейцы, а Первая госпожа Дома включила сирену, мгновенно заглушившую все споры. Гвардейцы проследили, чтобы уважаемые члены общества, поправив прически и одежду, проследовали каждая к своему креслу, и после этого, также красиво, как вошли — вышли из зала Совета.

Когда женщины слегка выдохнули, Совет объявили закрытым.

Мийрийнива и Вейтийлана, выйдя вместе, обсудили идею преподнести Лейксийо, как извинительный подарок за столь бурную реакцию на

прекрасное предложение, с которым они, после небольшого обдумывания, само собой тоже согласились. Поэтому, приказав нескольким мальчишкам Первого Дома помочь им в подготовке к «упаковке примирительного дара», женщины удалились к личной аэрошке Мийрийнивы. Где лежал уже полностью пришедший в себя Лейксийо, рядом с ним на коленях стоял Тойшийнэ, пытающийся чуть ли не зубами перегрызть связывающего друга цепочки, которыми его предусмотрительно замотала госпожа. А в углу лежал без сознания Фойлийтэ.

Угнать аэрошку от Дворца у парнишки не получилось, для запуска умный транспорт требовал скан ладони Мийрийнивы. Вытащить замотанного в тонкие, но прочные цепи друга в центр огромного дворцового двора — не хватило наглости. Хотя, скорее всего, их бы никто не остановил. А в доме, где прожил первые девятнадцать лет, Лейксийо ориентировался прекрасно и уж где-нибудь бы они спрятались. Но вот как-то все казалось, что вот-вот и хитрая цепочка хоть где-нибудь, но раскроется, поддастся, снимется. И в итоге...

Предупредить Тойшийне, увлеченного борьбой с непокорной металлической конструкцией, Лейкси не успел: рубящий удар двух ладоней по плечам, рядом с шеей, потом удар локтем между лопаток и парнишка со стоном падает на тело своего друга.

Пришедшие с женщинами молодые парни из Первого Дома потащили всех троих в зал для гостей, где уже вовсю играли очередную пьесу.

Когда спектакль закончился, и зрители, устав аплодировать и восторгаться, расселись по своим местам, в зал вошла Мийрийнива, а за ней со связанными за спиной руками, послушно шел Лейксийо. Следом шел злющий Фойлийтэ с огромной шишкой в районе виска, пинками гоня перед собой Тойшийнэ, извращающегося шепотом в остроумии, придумывая все новые и новые прозвища для своего конвоира.

Женщины затихли... Госпожа Первого Дома приподнялась со своего кресла, узнав племянника.

Мийрийнива, зайдя парню за спину, толкнула его в спину и удержала за волосы, так, чтобы он резко начал падать на колени и сосчитал звездочки из глаз от боли.

— Мой муж сильно расстроил меня своим поведением, поэтому я отказываю ему в своей защите и хочу поделиться им со своими

замечательными подругами. Сгладить этим подарком все наши сегодняшние разногласия. Он ваш, мои дорогие, наслаждайтесь!

И, демонстративно постукивая каблуками, Мийрийнива пошла к своему месту.

Одна из сидевших с краю стола женщин дернулась к стоявшему на коленях парню, но Первая госпожа Дома начала говорить, и чересчур энергичной даме пришлось сесть на место:

— Спасибо за чудесное угощение, дорогая. Первый Дом просто в восторге от твоей щедрости, — в зале сразу наступила гробовая тишина и все резко вспомнили, что Лейксийо — сын одной из двоюродных сестер Старшей госпожи Главного Дома Венги, любимой сестры, старшая дочь которой сейчас является официальной любовницей, а значит прилюдное унижение своего брата может воспринять как оскорбление. Все-таки парень был любимцем семьи, про это тоже резко все вспомнили и как-то сразу сникли.

Угощение вот оно, здесь, только руку протяни... Но что-то рука не тянется и кусок в горло не лезет. Выпендрилась Мийрийнива, и закон не нарушила, и подарок преподнесла, и об Первый Дом ножки вытерла, а теперь сидит и ждет, как Старшая госпожа этого Дома выкручиваться из ситуации будет.

Эйнри, наклонившись к ушку своей госпожи, что-то очень эмоционально ей проговорил. После этого девушка, тихо, вдоль стены, дошла до Айсоэль и ее мамы, пошептала с ними. И уже Айсоэль двинулась в сторону кресла Мийрийнивы. Переговорив, девушка вернулась и огласила сумму, за которую Тойшийнэ сможет сменить госпожу. Айрин издала тихий стон... Но брат очень просил... Непонятно зачем ему этот мальчишка, но сейчас в их отношениях только все более-менее стабилизировалось, хрупко так, хрустальненько. И пусть Мийрийнива подавится этими денюжками, жаба, но раз брату приспичило поиметь эту белобрысую язву, она его ему купит. И Айсоэль снова двинулась в сторону кресла госпожи Шойфейр уже с мешочком денег, а вернулась с Тойшийнэ и распиской о продаже-покупке, сделанной на салфетке. Документы на раба надо было заехать и забрать завтра утром. Расписка была, правда, на Айсоэль Айзейнштайт, но Айрин Вайнгойрт точно бы никто никого не продал, а так... Будет у парня двойная перепродажа, делов-то...

Пока вдоль стены шло активное движение из-за одного из рабов Мийрийнивы, в это же время в центре зала происходило бурное обсуждение судьбы другого раба. Выкупать раба у целого зала гораздо

накладнее, чем у одной слегка зарвавшейся госпожи. Но расстраивать свою любимицу и позволить пустить по кругу мужчину, в чьих жилах течет кровь сестры, тоже не самое правильное решение. В итоге были арендованы и привезены во Дворец парни из ближайшего борделя, удовольствие недешевое, но, зато, этот вариант всех удовлетворил.

Когда договор между Первой госпожой и гостями был заключен, Лейксийо разрешили подняться с колен и подойти к креслу Старшей госпожи Дома своей матери.

— Лейкси, ты являешься законным мужем госпожи Шойфейр, но она при всех отказала тебе в своей защите, значит, сейчас ты — никто. Тебя не существует. Но для меня ты по-прежнему любимый и единственный сын моей любимой сестры. Поэтому я отдам тебя Клаймейнтии, и она позаботится о тебе, мой мальчик. Надеюсь, ты не скоро ей надоешь, потому что, когда это произойдет, мне придется тебя усыпить. Вряд ли найдется ненормальная госпожа, готовая рискнуть и выкупить ничто за те деньги, которые я только что потратила на аренду целого борделя. К тому же, когда это ничто уже перешагнуло двадцатисемилетний рубеж.

Старшая дочь Первой госпожи Венги встала из-за стола и, взяв парня за руку, увела его к себе в апартаменты.

Эйнри, почему-то не желал уходить, не убедившись, что с подарком от Мийрийнивы все в порядке. И только после того, как парень скрылся из зала вслед за дочерью Старшей госпожи Первого Дома, Айрин и Кэйтиариона, вместе со своей свитой, покинули вечеринку. Как раз во время, потому что, через десять минут после их отлета, прибыли аэробусы с бордельными рабами, и в зале начинался традиционный разврат.

Тойшийнэ потерянно проводил своего Верхнего взглядом, но Эйн, дружески обняв его, одной рукой, за плечи, пока они шли к выходу, успокоил: «С ним все нормально будет, пошел сестренку развлекать, он это дело раньше очень уважал». Тойш понял сразу две вещи — у Лейкси все хорошо, и этот красивый блондин — его хороший знакомый, если не друг.

— Ты его знал раньше?

— Мы вместе в одной группе Джордана учились, не то чтобы лучшими друзьями были, но тусили вместе часто. Лейкси очень добрый и компанейский парень был. Как его угораздило оказаться в гареме Шойфейр? — негромко уточнил Эйнри.

— Он рассказывал, что его мать в карты разыграла, потому что желающих слишком много было.

— Мда... А ведь всегда считал, что его мать любит безумно...

— Ты что! Лейкси очень гордился этим!

— Да? Ну он ее тоже любил, конечно. А когда любишь, все прощаешь и оправдываешь, правда, сестренка? — теперь уже достаточно громко проговорил Эйри, и притянул к себе за руку Айрин, идущую с остальными немного впереди, чтобы поцеловать ее в щеку.

— Эйн, любимый, а раскрой нам тайну, зачем нам понадобилось покупать у Мийрийнивы этого чудо-ребенка?

Эйри покусал губу, потом посмотрел на злющего Вила и недоумевающего Дэйна, решил что, наверное, остричь не надо, все как-то слишком напряжены и не оценят, поэтому сказал правду:

— Для Лейксийо.

— А кто такой Лейксийо? — продолжала допрос Айрин.

— Это бывший муж госпожи Шойфейр, а сейчас игрушка для своей двоюродной сестренки, — во взгляде, которым Эйн посмотрел на девушку, было окончание этой фразы: «...как и я», но Айрин решила не обострять сейчас, и без того слишком хрупкую иллюзию нормальных взаимоотношений, и промолчала, с укором посмотрев на брата. А тот, смущенно отведя глаза, продолжил:

— Ну вот, я сразу понял, что это его парень, потому как они друг на друга смотрели..

— А с чего такое странное альтруистическое желание сделать этому Лейксийо приятное, выкупив его парня? — взял ведение допроса на себя Дэйниш.

— Он мой бывший одноклассник, Дэйн. Вот просто вместе учились в Джордане и все, веришь? В одной компании время вечерами проводили, болтали иногда за жизнь.

Вилайди начало потихоньку отпускать, правда, рука Эйна, обнимающая этого белобрысого, мешала выдохнуть до конца. Но Эйри, почувствовав хмурый неодобрительный взгляд своего котенка, тут же убрал руку и даже, подняв вверх, покрутил обеими, показывая, что ручки-то, вот они. Вил не выдержал и улыбнулся. Тойшийнэ сначала не понял, почему его перестали обнимать, потом проследил за обменом жестами и улыбками и сам тоже заулыбался, как можно дружелюбней, чтобы все сразу поняли — он не из тех, кто пары разрушать пытается, у него свой любимый есть.

17 мойизля 328 года. В доме Вайнгойртов.

Поздно вечером, сидя в комнате Эйны, между ним и Вилайди, Тойши рассказал все, что сам знал, вернее то, что рассказал ему Лейксийо. И про матримониальные планы Мийрийнивы на брак с каким-то неизвестным инопланетником тоже.

У Эйны аж глаз дернулся, он подскочил, выбежал, вернулся с сонным Дэйнишем. Парни понимающе переглянулись, но решили, что утра вечера мудренее, а брак без согласия мужчины инопланетного происхождения, сейчас, скорее всего, признают недействительным.

В день пропажи брата Дэйны, Дариса, Екки разослал его фотографию по всем своим друзьям и знакомым, ее даже пару раз показали по экранам на стенах Космопорта. Предупредили всех сотрудников охраны, что парня с такой внешностью надо спасать, независимо от того, сколько женщин его сопровождает и какую правдоподобную пургу они гонят. Но тот как сквозь землю провалился.

Единственное, чего удалось добиться, поднять записи отпечатков пальцев и выяснить, что Дарис появился на Венге месяц назад, с планеты не улетал и Космопорт не покидал. Так что или его все же похитили, или он сам прятался в секретном месте. В очень секретном месте, о котором не знали, ни Екки, ни Крис, ни их друзья.

Теперь где, примерно, находится парень, стало понятно. Но для явных обвинений против Мийрийнивы поводов не было, поэтому на обыск в ее доме можно было не рассчитывать. Были даже найдены скрытые резервы — у Сабины оказалась знакомая среди старых хозяек в Доме Шойфейр, но та, еще вчера, клялась, что новеньких темненьких рабов у них в гареме не появилось. Вот и Тойшийнэ утверждал, что новеньких рабов за последние два дня не привозили. Где же Мийрийнива прятала Дариса?

* * *

Вопрос: «Где же спрятали Дариса?», волновал очень многих, хотя никто из них и не был лично знаком с братом Дэйны. Знакомая Сабины исследовала весь дом, обойдя тайники, известные ей и тайники, про которые рассказал Тойшийнэ. Несколько раз она столкнулась с Фойлийтэ, после чего объявила, что лишние проблемы ей не нужны, тем более и где еще можно искать парня — она не знает. Единственное, чем она могла

порадовать — Дому Шойфейр еще не было представлено ни одного нового мужа Младшей госпожи.

Глава 39

22 мойиэля 328 года. Дом Вайнгойртов.

Вечером в гостиную влетел посланный Сабиной испуганный малек, сообщивший, что Айрин вызывает по видеосвязи Дворец. Девушка тут же бросилась в свою комнату и включила экран.

Старшая госпожа Первого Дома, как всегда, величественно — прекрасная, слегка обозначила приветствующий кивок головой.

— Добрый вечер, старшая Вайнгойрт.

— Добрый вечер, Первая госпожа Венги, — в уме Айрин быстро перебирала возможные причины звонка, но как-то ни одна ее не устраивала. — Чем я и мой Дом могут быть полезны Вам?

— Мне и моей дочери очень понравился танец ваших с Маргойлин рабов, на вечеринке после Совета 17 йакшиэна, и я бы хотела попросить вас об одолжении... — очевидно, Первой госпоже Венги не часто приходилось кого-то о чем-то просить, поэтому она задумалась, явно стараясь вспомнить, как это делается. — Мне бы хотелось, чтобы они выступили на празднике совершеннолетия моей средней дочери, через три дня. — Первая госпожа снова задумалась, не забыла ли она чего? — Ах да! Конечно, вы и Маргойлин тоже будете приглашены.

Айрин тоже задумалась, хотя правильнее будет сказать, изобразила задумчивость. Потому что, когда Первая госпожа Венги приглашает тебя на день рождения одной из своих дочерей, отказываться как-то слишком вызывающе. Да и не видела девушка ничего страшного в том, что парни станцуют для молодых девчонок. Кэйт, конечно, надо будет спросить, но выбора у них уже нет, надо смотреть правде в глаза.

— Конечно, мы с Кэйтириной с радостью примем...

Связь неожиданно оборвалась. Как-то очень подозрительно неожиданно. И, в связи с последними событиями на Совете, случившееся не могло не беспокоить.

— Лейхио, подойди сюда. Да, скорее же, я знаю, что вы подслушиваете под дверью!

— Да, госпожа? — во взгляде Лейя было искреннее беспокойство, он тоже отметил для себя неожиданный обрыв связи.

— Найди быстро, кто из более-менее адекватных находится ближе всего ко Дворцу.

Лейхио рванул к себе в комнату за планшетом со списком, быстро изучил адреса, сверился, на всякий случай с картой, пулей мелькнул по коридору и степенно вошел в комнату госпожи.

— Вот, Седьмой Дом, госпожа Ийльюсойль.

— Отлично, найди мне ее личный номер...

— Уже, госпожа, — Лей щелкнул пальцем по адресу на карте и на экране планшета высветился список номеров.

— Подарок от Шайнэйлиера, база личных номеров всей Венги, — пояснил он на вопросительный взгляд Айрин.

— Отлично, — девушка решила выразить свое восхищение позже, а пока быстро набирала номер, стоящий в списке первым.

На экране появилась пожилая женщина, Хозяйка:

— Добрый вечер...

— Добрый вечер, госпожа Айрин, чем могу вам помочь?

— Простите, что беспокою вас без предварительной договоренности, но у меня есть большие подозрения, что во Дворце сейчас происходит что-то не очень хорошее...

— Сейчас я позову госпожу Ийльюсойль, — кивнула девушке женщина, и через некоторое время к экрану подошла сама Старшая госпожа Седьмого Дома.

— Добрый вечер, Айрин. Что происходит?

— Сама не знаю, госпожа Ийльюсойль. Мне звонила Первая госпожа и вдруг связь оборвалась... Надеюсь, это просто неполадки, но, все же, немного волнуюсь...

— Неполадки со связью? Во Дворце? Странно...

— Я тоже так думаю, — согласилась Айрин. — Простите, мне бы хотелось попросить вас...

— Раз я живу рядом с Дворцом, да, дорогая?

— Да, именно...

— Хорошо, я пошлю кого-нибудь из своих рабов разведать обстановку, и перезвоню сразу же, как только что-то станет известно.

— Спасибо большое, госпожа...

— Не переживай, дорогая, я тоже волнуюсь о нашей Первой госпоже...

Ийльюсойль отключила связь, и Айрин села на кровати и задумалась. Неужели Мийрийнива, Вейтийлана с мамочкой и остальная их компания все же решились на захват власти?

— Лейхио, метнись птичкой до Космопорта, а? У тебя пропуск еще действителен?

— Да, госпожа. Еще две недели...

— Отлично. Давай, родной мой, быстро, предупреди там кого нужно, пусть по всем экранам покажут фотографии потенциальных бунтовщиц и вообще будут готовы к странным действиям... Лучше всего пусть активируют силовое поле и пустят вдоль стены ток. Ведь правильное перебдеть, чем недобдеть, да?

— Согласен, госпожа. Уже исчезаю.

— И, Лей! Уже из Космопорта свяжись со мной, я сообщу...

— Само собой, госпожа! — уже из коридора прокричал Лейхио.

В дверях застыли Эйн, Дэйниш, Вилайди и все остальные. Тойшийнэ был напуган больше всех, еще бы! Ему есть, о ком переживать во Дворце.

— Пока мне не перезвонит госпожа Ийльюсойль, мы не волнуемся!

— Это вы сейчас кому сказали, госпожа? — с легким ехидством в голосе уточнил Эйпри. — Судя по тому, что Лейхио вжиком метнулся «неволновать» целый Космопорт, нас ожидает нескучная ночь?

— Ну... Я не знаю, но у меня очень нехорошее предчувствие.

— Из-за, прости меня, Матерь Сущего, последних событий на Совете и этих трех неумных женщин?

— Да. Именно. Из-за них...

Тут зазвучал сигнал связи, и Айрин подпрыгнула к экрану.

— Госпожа...

— Все очень плохо, дорогая! Дворцовая гвардия против толпы сумасшедших женщин, часть из которых вооружена оружием дальнего поражения. И я не понимаю, откуда оно у них! А, главное, их прикрывают роботы! И еще, они планомерно гасят центры связи, так что скоро волна доползет и до моего дома.

— Я все поняла, спасибо Ийльюсойль...

Женщины обменялись поклонами, как будто на приеме, но на сердце у каждой было очень неспокойно.

Айрин тут же набрала номер Кэйт.

— Дорогая, молчи и слушай. Дворец пытаются захватить. Связь откуда-то глушат, волнами, по кругу. Гвардия пытается что-то сделать против беснующихся неумных женщин с оружием дальнего поражения в лапах, которых прикрывают роботы. И ими явно кто-то же управляет! Скорее всего, оттуда же, откуда глушат связь. Лейхио я уже отправила в Космопорт и он пока еще не выходил на связь..., - в голосе девушки зазвучали умоляющие нотки. — Пожалуйста, скажи мне, что Шайнэ сейчас где-то рядом и в рабочем состоянии!!!

— Э... Да, конечно. — Кэйтириона достаточно быстро вышла из

ступора, и через минуту у экрана появилось лицо Шайя.

— Секретная лаборатория, про которую ты рассказывал Лейхио, находится в доме или где-то рядом?

— В доме, госпожа Айрин.

— Забей на все эти реверансы! Я пока не могу сообщить Лейхио о новой проблеме, чтобы он подключил к ее решению Космопорт, так что вперед, ищи кто глушит связь и кто управляет роботами. Сможешь?

— Попробую, гос...

— Отлично! Кэйт, все время пусть кто-то дежурит у экрана, хорошо? Раз в десять минут будем проверять связь, вызывая по очереди. Следующая — ты. Если через десять минут вызова нет, хватаем руки в ноги и... Что тогда будем делать? — в голосе девушки, наконец-то, зазвучал, до этого идеально скрывааемый, страх.

— Тогда вы запретесь с детьми в подвале, вместе с остальными женщинами, и госпожа Кэйт поступит точно также, а мы что-нибудь придумаем, — ласково улыбнулся жене Дэйниш.

— Что значит в подвале?! — оскорбилась Кэйт.

— Именно это самое и значит, родная, — Эйнри строго, как на маленькую девочку, задавшую дурацкий вопрос, посмотрел на свою жену, — и я найду способ проверить, не сомневайся! И, кстати, можно мне поговорить с Айком?

— Вы собираетесь устроить заговор за моей спиной?! — Кэйтириона гневно метнула в мужа зелеными молниями.

— Да, родная, само собой, мы, мужчины, такие гады, когда защищаем своих женщин, не поверишь! — Эйн послал жене воздушный поцелуй. — Я просто ужасно соскучился по Айкейнури, такая версия вас устроит, госпожа?

Оскорбленно фыркнув, Кэйт гордо удалилась, а на экране появилось взволнованное лицо Айка.

— Общую обстановку ты уже слышал?

— Да.

— Если связи не будет, берешь мою жену в охапку и тащишь в подвал, чего бы она там не кричала, понял?

— Само собой. Я бы так поступил и...

— Знаю. Просто на всякий случай решил подстраховаться. Мальков держите у конюшен, будут изображать радиоволны.

— Не переживай, у нас в гареме тоже не полные идиоты...

— Да ты что?! Если бы не Шай, я бы в этом сильно сомневался.

— Да пошел ты... Верхний! — заржал Айк и выключил экран.

22 мойиэля 328 года. Дом Маргойлинов.

Первое время гарем Дома Маргойлинов вел себя так, как и положено. Парни сидели на мужской половине и переговаривались между собой, обсуждая, что происходит, и гадая, что будет происходить дальше. Только Шайнэ, прихватив Нэйя, скрылся в своей лаборатории.

Наконец Гейн не выдержал и пошел искать Айкейнури, чтобы уточнить у него подробности о происходящем и наличие планов на будущее.

Никаких планов на будущее у Айка не было, кроме того, что госпожу, при малейших признаках опасности, надо будет запереть в подвале, вместе с мелкими девочками, а остальных женщин разогнать по их комнатам, чтобы под ногами не мешались.

Гейнийляш восхищенно присвистнул, примерно прикинув, что с ними проделают потом, когда все закончится. Но идею убрать всех женщин — оценил. Не было в Доме Маргойлинов амазонок и стратегов, а вот неуправляемые истерички были, и как поведет себя госпожа Эйлиорин, предсказать было абсолютно невозможно. Вот хозяйка Ойлива, та была вполне адекватной, именно поэтому она уже давно сидела в своей комнате, вместе с еще несколькими подругами, только иногда посылая Эйлийоринэ за новой порцией напитков и закуской. А вот группа молодых хозяек бегала по дому и паниковала, и, как выяснилось, у них уже была на это причина. Пока бурно обсуждались и демонстративно переживались утренние сведения, две маленьких девчушки исчезли, очевидно, предпочтя спрятаться самостоятельно. И, когда их мамы решили отвлечься от болтовни с подружками, они поняли, что теперь у них есть все основания начать переживать по-настоящему. Так что теперь по дому бегала толпа женщин и, заглядывая везде и всюду, сильно мешала и отвлекала от составления плана действий. В итоге было решено действовать по обстоятельствам, а сейчас всем ринуться на поиски исчезнувшего младшего поколения.

— Жаль, Рыжик с Шайном ушел, у девочек к нему слабость, — хихикнул Айк, и тут как раз мимо них на бешеной скорости пролетел Нэй, держа в руках какие-то диски и флешки.

— Неужто и там нашли? — переглянулись между собой парни, но сильно веселиться не стали, и пошли вслед за рыжим метеором, в комнату к Кэйт, чтобы как раз услышать последние слова: «...а теперь они нас тоже вычислили, и идут к нам, судя по переговорам... А это Шайн успел

перекинуть, пока аппаратура еще не полетела...» — протянул Рыжик диски госпоже.

Айк подмигнул Кыйостяйнэ и Гейну, и парни, развернувшись, двинулись в сторону тайника с оружием. Иймайксэ показал жестом, что будет открывать и закрывать двери, остальные парни рассредоточились по дому, помогая искать девчонок, и заодно, отлавливая бегающих по дому женщин. Им всем, пока еще вежливо, и с должным подобострастием в голосе, предлагалось пойти в свои комнаты. Наиболее безнадёжных планировалось отловить потом и, подкравшись сзади, надевать на головы мешки для хранения овощей, чтобы они не могли точно указать виновника. Ну а потом относить в погреб, благо там дверь закрывается только снаружи.

Кэйтириона как раз собиралась звонить подруге, чтобы сообщить ей последние новости, когда к ней подошел Айк и, взяв на руки, куда-то понес...

На какие-то доли секунды девушка буквально онемела от возмущения столь бесцеремонным обращением с собственной персоной, но потом, припомнив «распоряжение» Эйри, кусочки мозаики сложились воедино. Видимо Айк решил, что настал их звездный час, и пора уподобиться континентальным мужчинам, убирающим с дороги слабых женщин, чтобы самостоятельно позаботиться об их безопасности.

— Айк! Поставь меня на место, немедленно! — по голосу Кэйт сразу было понятно, что она не шутит. И Айк выполнил ее приказание, поставив госпожу на пол, но из рук не выпустил.

— Госпожа, вы же понимаете, что проще пожертвовать нами, чем вами? Скоро здесь будет толпа невменяемых женщин. Они очень недовольны тем, что вы поддерживаете госпожу Вайнгойрт. Вдруг они очень сильно недовольны и убьют вас? Госпожа, я уже пытался представить что буду жить без вас и оказался к этому не готов. Простите.

— Айкейнури! С чего ты решил, что я неспособна защитить свой дом?!

— А вы способны, госпожа? — почти с надеждой спросил парень. И Кэйтириона начала прокручивать в голове все, что она знала, но вот как-то не было у них среди примеров — посещение дома бунтовщицами, пытающимися захватить власть на планете. Как правильно себя вести в таком случае, не понятно. Но Кыйос должен знать, у него же сестра — военная.

— Где Гейнийляш и Кыйостяйнэ?

— Пошли за оружием, госпожа.

— Вы прячете в моем доме оружие?! — девушка все же была больше изумлена, чем разгневана. — То есть Гейн уже принял на себя командование, я правильно понимаю ситуацию?

— Да, госпожа. А теперь позвольте, я отнесу вас в подвал? — обезоруживающе улыбнулся Айк, снова беря Кэйт на руки.

— Я не хочу в подвал! Это не правильно! Отпусти меня немедленно! Айкейнури!!! — но парень уже бежал вниз, вслед за Иймайксэ, придерживающего двери и разгоняющего мальков у них на пути.

— Айки... Айкейнури, солнышко мое... — убедительно мурлыкнула Кэйтиайриона, потеревшись щекой об его плечо. Обрадовавшись перемене настроения, и поверив, что ему удалось убедить госпожу пересидеть заварушку, слегка ослабил хватку. Девушка тут же коварно этим воспользовалась и принялась вырываться, пинаться и даже попыталась укусить аккуратно, но достаточно крепко держащего ее раба. В итоге Айк не выдержал, и, со словами: «Свои же люди, потом сочтемся, госпожа», перекинул Кэйт через плечо, вниз головой и быстро сбежал последний пролет, к уже открывающему дверь подвала Ийму.

Не успели парни повернуть операцию: «Кидаем, выбегаем, закрываем», как появились Никки и Нэй, доложить, что девчушки найдены и переданы матерям.

С чувством глубокого удовлетворения, Айкейнури, под стук из подвала и многообещающие крики Кэйтиайрионы о том, что она с ним проделает, когда освободится, пошел звонить Вайнгойртам.

— Ийм! Ийм... Открой дверь немедленно! Ты же понимаешь, что я вам этого не прощу?! — попробовала припугнуть Кэйт второго раба.

— Ничего не слышно! — нарочно громко прокричал, уже сверху, Айк. — Тля! Ийм, кажется, я совсем оглох, а ты как?

— Я тоже! У меня какие-то странный слуховые галлюцинации... И словно голоса в голове, — подхватил парень, понимая, что такое безобразие им уже точно не простят.

— Мне здесь страшно! — попробовала привести разумный женский довод отчаявшаяся Кэйтиайриона, прислушалась к наступившей тишине за дверью.

Иймайксэ, тоже уже поднимающийся по лестнице, приостановился и вопросительно взглянул на старающегося сохранить невозмутимое выражение на морде лица Айкейнури:

— Ты уверен?

— А ты предлагаешь рискнуть ею? Предпочитаю, чтобы она меня сама потом прибила, чем знать, что мог уберечь и не сделал. Нам надо постараться дать Шайну побольше времени, может быть, еще все обойдется. И приведи сюда мелочь с их мамашками... Чтобы наша госпожа не скучала. Только аккуратно, главное, не выпустить госпожу. Понял?

— Да понял, я понял! — сорвался с места Ийм, надеясь, что если вот сейчас он приведет компанию... А заодно, наверное, надо отловить кого-то из мальков, пусть пошарят на кухне в поисках чего-нибудь вкусного, чтобы скрасить вынужденное «заточение» их Старшей госпожи... Тля-а... в страшном сне такое привидеться не могло...

Через несколько минут Ийм вернулся в сопровождении двух женщин, одна из которых держала за руку перепуганного ребенка, а вторая была нагружена одеялами и пакетом, в котором вперемешку были насыпаны конфеты, фрукты, бутылка воды и довольно большой кусок окорока. Прото, как женщины будут отрезать от окорока куски, никто из парней не подумал, поэтому нож не захватили. Малек, которому было велено открыть и быстро закрыть дверь, трясущимися руками пытался вставить в замок ключ. Он отчаянно трусил, из-за того, что уже был наслышан, о том, что их госпожа изволит гневаться. Ийм, державший на руках вторую девчушку, с живым интересом ожидающую, что будет дальше, прошел вперед, подозревая, что Кэйтиайриона уже приготовилась прорываться, как только откроют дверь. Поэтому, едва только приоткрылась небольшая щель, быстро шагнул внутрь и всунул слегка опешившей девушке ребенка на руки. Кэйт, в замешательстве, отступила вглубь от вожденного дверного проема, и в подвал вошли ее будущие «сокамерники». Иймайксэ, быстро выскочив обратно, оттолкнул малька, захлопнул «темницу», и только тогда, подперев дверь для верности спиной, вытер выступивший от облегчения из-за выполненной нелегкой миссии пот:

— Ну, все два кандидата в покойники уже есть, — мрачно вслух пошутил парень, затем подмигнул бледному мальчишке: — Третьим будешь?

Тот сглотнул и отчаянно замотал головой:

— Я... я не хочу...

— Эх... кто нас будет спрашивать? Все, пошли к остальным, нас уже посчитали... — приобнял он совсем сникшего малька, потащив вверх по лестнице...

Дом Вайнгойртов.

Прошло уже больше часа с момента отлета Лейхио в Космопорт. Айрин извелась уже вся, находясь в таком состоянии, что еще полчаса неизвестности, и она сама помчится следом за Лейем. Каждые десять минут девушки вызывали друг друга по очереди, сейчас была очередь Кэйт. Прошло десять минут. Одиннадцать. Двенадцать. Зубы Айрин начали выстукивать мелкую дробь от напряжения. Тринадцать...

— Тля-аяая!

Четырнадцать.

Сигнал!!! Дом Маргойлин. На экране — Айкейнури.

Общий выдох...

— Шай нашел источник, пытается его заглушить. Но... Похоже, что они обнаружили нас. Женщин запихали в подвал. Гейнийляш с парнями громит тайник с оружием, дальнего действия очень мало, зато контактных — воз. Ножи, кнуты, парализаторы. Есть умные предложения?

— Да. Я еду в Космопорт за подмогой, потом решу на месте. Связь не прерывайте, счет потом выставим Первому Дому, — нервно хохотнув, Эйн продолжил: — Если совсем все... То у Екки оружия припрятано наверняка и дальнего, и массового... и химически-токсического. Пальнем по этим... «туманной дымкой» с вейдже, пусть трахают своих роботов...

Схватив сопротивляющуюся Айрин на руки, Эйнри потащил ее вниз, девушка вырывалась и брыкалась. На первом этаже она услышала похожие звуки, это Лис и Тоймаш тащили в подвал сестер Пайти. Нейрио нес следом племянницу. Всех аккуратно загрузили в подвал, и через некоторое время туда же Дэйниш и Вил принесли ее троих детей.

— Дэйн, я вас запорю, когда вылезу!

— А-ха!

— Дэйниш! Выпусти меня сейчас же!!!

— Нет. Я считаю, что сейчас все правильно. Когда позвонит Лейхио и когда объявится Эйн, я вам сообщу.

— Дэйниш!!!

— Он ушел, госпожа...

— Вилайди, выпусти меня немедленно!

— Не могу, госпожа.

— Почему?!

— У меня ключа нет. Да я бы все равно вас не выпустил, вы же знаете...

— Вил!

Айрин тихо сползла по стенке на корточки. Удивленные малыши смотрели на нее и пытались понять, что происходит в мире. Вздыхнув,

девушка собрала мелочь возле себя, и тихо стала рассказывать им сказки.

Дом Маргойлинов.

Четверо мальков в подростковом возрасте, под командованием Тийки и его брата, были отправлены на конюшни.

— Если связь оборвется, я паю в воздух зеленой ракетой, пацанье прыгает на коников и несется к дому Вайнгойртов, как будто их в задницу кусают пчелы. Если я паю из окна красной ракетой, проделываете все то же самое, но помните, что кругом притаился звездац, который я увидел и страшно разволновался, понятно? — Айк с тоской смотрел на Тийку, размышляя, в состоянии тот отличить красное от зеленого, и увидит ли он вообще ракеты, если вдруг на него из-за угла нападет муза, тля?! Потом перевел полный надежды взгляд на его брата и парнишек, те покивали, давая понять, что все поняли.

Никки улыбнулся, успокаивающе погладив Айки по руке, и тому сразу стало легче. Кто-то из шестерых уж точно должен разглядеть ракету и вроде как уже все в том возрасте, когда красный и зеленый отличают?

Пульнуть ракету Айкейнури не успел, звездац раньше всех добрался именно до хозяйственных пристроек. Сначала туда отправился Никки, предать парнишкам, чтобы не волновались, и пока все кругом нормально. А потом...

— Ягодка..., - смотря в окно, вдруг, чуть осипшим голосом, прошептал Айки, и, расталкивая столпившихся за ним парней, практически с места телепортировался на конюшни.

Вдалеке слышались выстрелы, но страшное происходило ближе... Языки пламени красиво танцевали по складам и кладовым, находящимся недалеко от дома. Всего один порыв ветра, и огонь охватит конюшню, а потом и сам дом... Лошади, которые стоят столько же, сколько хороший наложник... Госпожа и ее родственницы... Ягодка... Там его Ягодка!

Когда Айкейнури влетел в двери, почти все денники уже были пусты и мальки выводили очередную партию:

— Мы отводим их в лес и привязываем там, на поляне. Тийка с братом сидят и охраняют их, а ребята отводят, — отчитался Никки.

— Молодцы... Твоя ведь идея? — потрепал своего Ягодку по макушке Айки.

Никки смущенно улыбнулся... И тут произошел этот, всего один порыв ветра, которого не хватало... Фитилек от соседней постройки,

добежал по траве до угла конюшни, и начал медленно, но старательно, подниматься по стенке вверх. Оставшиеся лошади заржали, забили копытами...

Парни, переглянувшись, кинулись освобождать животных, успокаивать их, пытаться спокойно вывести... Но тут выстрелы начали слышаться совсем рядом. По кому стреляют, было непонятно, но лошадам эти звуки очень не понравились. Силы Айкейнури еле хватало, чтобы сдерживать четверых, Никки пытался справиться с тремя, еще двое бились в боксах.

— Тля! Выводи тех, что держишь, и присылай мне подмогу, я постараюсь справиться.

— Айк, те двое вот-вот...

— Да и хер с ними, большинство же вы спасли. А эти двое побегают, жрать захотят и вернутся. Давай же, Ягодка, сматывай отсюда! — умоляюще вскрикнул Айк, но увидев взгляд своего парня, быстро добавил: — И зови сюда мне подмогу...

Другого варианта все равно не было, поэтому Никки, медленно вытащил упирающихся, фыркающих и возмущенно раздувающих ноздри коников, и быстрым шагом двинулся к лесу. На пути он встретил Тийку, бегущего к нему, потому что уже даже из леса было видно, что конюшня горит.

— Там Айки, беги, помоги ему. Ты же удержишь одну лошадь? Хотя бы одну, Тий?

— Одну — удержу, — кивнул Тийка и быстро помчался вдоль кустов.

* * *

Минут пять Айк еще поборолся с напуганными животными, краем глаза следя, как огонь медленно лижет дальнюю стену, а два последних жеребца разносят свои боксы. Потом решил, что гори все огнем, в переносном смысле, а вот давать прорастать этому красному цветку дальше нельзя никак. Поэтому, хоть черная дыра раскройся над этими парнокопытными, а его основная задача — загасить костерок.

Чем он и занялся, выпустив лошадей и схватив первую попавшуюся ему под руки попону. Замочив ее в бочке с водой, сжав зубы от усилия, принялся лупасить по, дразнящему его языками, пламени. Огонь уже успел переползти на крышу, и находиться внутри становилось немного страшновато.

Даже уже и не немного, если честно, а совсем по-настоящему стало страшно из-за близкой опасности. Адреналин, замешанный на страхе и каком-то странном возбуждении от осознания своей значимости, будто от него что-то важное зависит, бурлил в крови, а в голову мысли лезли идиотские. Вот если, прямо сейчас, не дай Матерь Сущего, с ним что-то случится, будет ли Кэйт переживать больше из-за него или из-за разоренной конюшни?

Почему-то представилось, как он, такой весь из себя геройский, ценой собственной жизни спас хозяйское добро, и ему устроят пышные похороны в Зале для Прощаний... в закрытом гробу... тля! С другой стороны, он сейчас занимается тем, что наносит знатный ущерб собственности своей госпожи, прыгая здесь, в искрах пламени. Но бросить все и бежать отсиживаться, как положено, в гаремном зале что-то не хотелось.

Здания построек были покрыты специальным раствором, поэтому горело медленно, ровно и ярко, чтобы сразу было заметно издалека. Подмога все не приходила, а с каждой минутой огонь отвоевывал все новые и новые сантиметры, весело потрескивая. Хотя на уютный, словно в камине, этот звук как-то не очень походил...

— Эх, Тийки рядом нет, уж он бы точно подобрал определение, поэт хренов... Наверное, все-таки это называется «зловеще», — решил Айк, — расслабляться не стоит.

И сразу же, словно в подтверждение его опасений, окно углового денника разлетелось вдребезги от страшного грохота, не очень ясного происхождения. Парень инстинктивно присел и закрыл голову руками, пряча лицо от разлетевшихся в разные стороны осколков. Один из которых со свистом вошел в кусок горячей стены и Айку на спину посыпались обуглившиеся куски дерева. Подпрыгнув от боли, парень принялся затапывать ногами эти уголки до того, как они доберутся до выставленного опилками пола ближайшего бокса.

Нет, одно дело, когда Кэйт, обливаясь слезами, склонилась бы над ним, таким прекрасным, целуя и прощаясь навеки, переживая, что не слишком ценила его, по сравнению с Эйном... А совсем другое, если будет морщиться, прикрываясь платочком, пропитанным духами, чтобы не чувствовать трупного или вот этого запаха паленой плоти... Нет-нет-нет! Праздничные похороны отменяются!

Айк наподдал себе мысленного пинка, чтобы быть поаккуратней, и в отчаянии огляделся, лихорадочно прикидывая, можно ли еще что-то сделать, или все-таки уже хватит геройствовать?

Выдохнув, Айк решил, что шланги для мытья коней вполне подходят и

для тушения пожаров, и почему он, кретин, сразу про них не вспомнил? Не пришлось бы надрываться, размахивая тяжелой мокрой тряпкой...

Запас воды подходил к концу, а у парня с его жарким противником было что-то типа вооруженного нейтралитета. Полностью погасить не удавалось, но с крыши согнать вниз получилось. Однако захватчику принадлежало уже сразу три стены, а значит — минутная заминка, и верх снова запылает.

И тут, наконец, пришла подмога...

— Загораешь? — раздался за спиной спокойный женский голос.

Обернувшись Айк увидел несколько девушек в форме гвардейцев, охраняющих Космопорт. — Иди, отдыхай. Как тебя хоть зовут, герой?

— Айки...Айкейнури, — смущенно пробормотал парень. Сразу столько военных ему еще ни разу видеть не приходилось, разве что издали, во время праздничного парада.

— Красавчик! — хихикнула одна из девушек.

— Храбрый красавчик! — строго посмотрела на нее та, которая заговорила с Айком первой, — И мне кажется, именно его ищет по всему дому Старшая госпожа. Под описание он вполне подходит...

Девушки весело рассмеялись — очевидно, описание госпожа давала, еще не совсем простив его за выходку с подвалом, а значит, ее уже выпустили?

Аукейнури быстро побежал в сторону дома, про себя размышляя, как поступить лучше. Спрятаться у себя в комнате, под кроватью и отсидеться там до утра, или сразу пойти и сдаться на милость Кэйтиарионе? Всему такому героическому, пахнущему огнем и испачканным в саже и копотях? Наверное лучше сейчас... И плечо, зараза, так жжет...

Тут Айк издали увидел, как в аэрошку усаживается Эйн и вместе с ним трое девушек в форме. Вот, тля, этому везунчику опять подфартило! Интересно, а что он вообще здесь забыл-то?

Дом Вайнгойртов.

— Лейхио вышел на связь. Основные военные силы отправились на помощь Дворцовой Гвардии, а два отряда, вместе с Эйном на хвосте — в Дом Маргойлинов. Шайн перекинул координаты машинного разума в Центр при Космопорте, сэкономив тем кучу времени, так что роботов уже отключили. И связь везде восстановили. Даже с Дворцом. Остались только приматы с оружием дальнего поражения в лапах, так что я вас пока не

выпущу. Но в целом уже все хорошо.

— Зачем Эйн туда поперся?!

— Чтобы убедиться... Ну и выпустить Кэйт. Получив по роже, вместо Айка.

— А меня будешь выпускать ты или тоже он?

— Жребий кинем, — даже не видя лица мужа, Айрин знала, что тот улыбается, и тоже улыбнулась, — а может, вообще малька какого-нибудь попросим... Кстати, Лиса и Тоймаша мы спрятали, пока их госпожи не остынут.

— Их госпожи уже остыли, — устало сказала Риана, — и очень хотят домой, спать.

— Скоро уже, потерпите еще чуточку. Когда поступит сигнал, что все основные участницы задержаны, мы вас тут же выпустим. А пока очень не хочется рисковать...

— Дэйниш, вы все рискуете своими задницами!

— Ну, по мне, так это более правильно, чем вами...

Судя по звуку удаляющихся шагов, муж ушел. «Так правильнее», ха! Она ему покажет, как правильнее, когда все закончится... Хорошо закончится. Вот Лейхио нашелся, только теперь брат помчался к своей жене. Зачем? У той в гареме толпа мужиков, Айкейнури, Гейнийляш, Шайн тоже не только мозгами шевелить умеет... Сын его тут, любовники все тут, она тоже тут. Зачем его понесло к Кэйт?!

Если бы Айрин хоть на минуту могла заподозрить, что брат влюблен в свою жену, тогда хоть как-то было бы понятно, но ведь нет же. Он относится к жене с той же снисходительно-опекаемой покорностью, как Лейхио к ней. Ну... Может, поэтому и помчался? Опекать? А ее, любимую женщину, бросил... Запихал в подвал, передал ключи Дэйну и убежал спасать свою жену?!!! Гад! Только бы у него и у Кэйт все было хорошо... И у мальчишек Кэйтарионовых, всех сразу, вплоть до того сублильного недоразумения стихоплетущего, тоже пусть все будет хорошо.

Дети тихо уснули, свернувшись тройным калачиком, как всегда. По краям мальчишки, а в центре — Азари. Дочь Рианы тоже уже спала, положив голову матери на ноги. А выпускать их что-то никто не торопился. Наконец и Айрин начала проваливаться в уютный сон, пожирающий время, в течение которого она могла бы продолжать бесполезно волноваться.

Во сне ей показалось, что она плывет на лодке, и ее мерно качают волны... Потом лодка пристала к берегу, и стало тепло и мягко, и повсюду был запах брата, сильный, желанный... И странный терпкий запах еще

чего-то... Крови? Но выскочить с испугом из сонного царства ей не дали, запах крови исчез, зато рядом оказалось теплое любимое тело мужа, девушка обняла его, и, как обычно, запихала под себя, уткнулась лицом в макушку и продолжила спать. Уже не замечая, как Дэйн тихо выскользнул из ее объятий, поправил одеяло, поцеловал в щеку и вышел из комнаты.

* * *

Эйна привезли домой три девушки-военных, на аэрошке. Вся компания весело смеялась и кокетничала, в пределах правил приличия, конечно. На самом деле парню было не очень смешно — он получил несколько полосных ударов ножом по запястьям, и истек бы кровью, кретин, если бы бойня так быстро не закончилась.

Дэйниш, когда в комнату ввалился Эйври, белый как мел, с перевязанными руками и виноватым выражением морды, сильно много думал на тему: «А не придушить ли гада?». Но сжалился, и решил оставить этот шанс Вилайди или госпоже. Кто-то из этих двоих точно не сможет удержаться. Придется еще и спасать, наверное.

— Какого... Тля!!! Ты полез в драку?!

— Не кричи, и так хреново...

— Хреново ему! Хреново было бы мне, Вилу, нашей госпоже, твоей жене... А тебе уже было бы все равно!

— Дэйн, заткнись, а? Иди сюда, я тебя поцелую...

— Идиот! Тикусйо!!! Ты — идиот!

— Я в курсе, Дэйн... Вот видишь, Вил сидит и молчит. Бери с него пример, а?

— У меня просто нет слов, Верхний! А те, какие есть, произносит Дэйниш, и я просто не считаю нужным повторяться. Ты — гад и кретин, Верхний. И ты совсем не думал о нас, когда полез в эту треклятую драку...

— Да я только о вас и думал...! Если бы не полез, то она бы это недоразумение порезала! Уж не знаю, как этот, тля ж его, гений, оказался на улице... А я его увидел и о вас подумал... Но жить, зная, что мог его спасти и не спас, я бы не смог.

Парни затихли.

Дом Маргойлинов.

Эйн снова прокручивал в голове кадры, когда тело еще

сопротивляется, а мозг уже все рассчитал, проанализировал и понял, что сейчас вот тут, вместе с этим щуплым мальком-стихоплетом, погибнет внутри и он, Эйри Вайнгойрт, а к парням придет только его тело, будет пытаться жить и даже шутить, но недолго.

Поэтому он выскочил из кустов, где мило проводил время, наблюдая за «избиением младенцев» в бинокль, выдернул из рук озверевшей женщины парнишку, причем с такой силой, что у той в руках осталась часть мальковой одежды.

И тут по запястьям прошла резкая острая боль, и рукам сразу стало тепло и мокро. А женщина уставилась ему в глаза своим безумным взглядом, и Эйн попытался сконцентрироваться, поставить блок от удара снизу, потом еще раз получил по запястью, защищая грудь от колющего прямого выпада... А потом в глазах начало темнеть и то, как тетку скрутили две стройные красавицы в форме, Эйри уже не видел.

Очнулся он в гаремном зале Дома Маргойлин, а над ним тихо старалась не всхлипывать Кэйт.

— Как ты, родная?

— Нормально... Тут кругом...

— Да, конечно. Простите, госпожа. Это у меня от волнения.

— Конечно, Эйн. Тийкийлэ сказал, что ты его спас...

— Да, пришлось. Надо заботиться о собственности своей госпожи, тем более такой гениальной, как он, правда же? — Эйри попытался пошутить, но, глядя на его лицо, практически белое, от потери крови, Кэйтирионе еле удалось выдавить из себя улыбку.

— Что, так херовато выгляжу? — тихо прошептал, чтобы не услышали воинственные амазонки-спасительницы.

— Ну... Ты зачем то запудрил все лицо мукой, это тебе очень не идет.

— Хорошо, учту на будущее, госпожа, — голос Эйна с каждой минутой становился все бодрее. Действовало лекарство, которое ему вкололи сразу же, как только внесли в зал.

— А остальной ваш гарем как? Никто не пострадал, госпожа?

— Пока нет, но скоро пострадают. По крайней мере, один точно, посмевающий перекинуть меня через плечо и унести в подвал!

— А что же так непочтительно? — Эйри еле сдержал усмешку, представив жену, кверху задницей, на плече у Айки...

— Ну я сильно сопротивлялась... — смущенно отвела взгляд Кэйт, — но все равно это не давало ему никакого права обращаться со мной подобным образом! Так что вечером я ему за все отомщу!

— Искренне ему завидую, госпожа, хотя меня ждет нечто похожее у

себя дома. Даже наверное более...

Представив, что скажет сестра, узнав про его подвиги, какую головомойку он получит от Вилайди... А Дэйниш... Дэйниш просто придушит, чтобы не мучился. Малодушно захотелось потерять сознание снова и остаться в этом уютном зале, дня на два, пока все не утрясется.

— Мне надо лететь к своим, госпожа, они там волнуются, — в голосе Эйна зазвучали виноватые нотки, как всегда, когда приходилось разрываться между людьми, которые небезразличны ему, и которым небезразличен он.

— Да, я понимаю... — уже вроде давно все решено, но почему-то снова была маленькая надежда, что муж пробудет эту ночь здесь, с ней. Нет, конечно, он полетит сейчас к Айрин, и будет выслушивать, какой он кретин и гад, в общем, все то, что она сама сейчас выдаст Айкейнури, как только он найдется...

Дом Вайнгойртов.

И вот, наконец, он дома. Дэйн рвет и мечет, как и предполагалось, а Вил ждет своей очереди и выдаст ему все или ночью или завтра утром. Но тут Дэйниш, наконец, выдохся и затих, и наступила блаженная тишина. Ненадолго.

— Может, перенесем уже госпожу из подвала? — нервно хихикнув, предложил Вилайди.

Эйн с Дэйнишем переглянулись, обреченно вздохнули и пошли вниз.

* * *

Когда Дэйниш, тихо выйдя из комнаты со спящими женой и детьми, нашел парней, те стояли на лестничной площадке, застывшими, как каменные изваяния.

— Что?! Что еще?!

— Лей... Лейхио... — Вилайди тихо всхлипнул, и обернулся к Эйну, умоляя, чтобы страшную новость сказал он. Потому что самому Вилу выговорить ее не получалось никак.

— В Космопорте была стрельба, при захвате кораблей убита заложница и... В общем, там не то чтобы гора трупов, но несколько убитых и тяжело раненных...

— Эйври!

Эйн посмотрел на Дэйна, в упор, потом отвел глаза в сторону, шарнул кулаком по стене со всей дури, застонал от боли в запястьях и тихо сполз на пол, обняв колени и уткнувшись в них лицом.

— Лейхио считают погибшим. Тела не нашли, но Екки видел, как в него стреляли, и как тот упал. Пока он сквозь толпу к Лейю пробивался, того, похоже, загрузили в больничную аэрошку и увезли. Но до больницы он не доехал. Такое бывает только если..., - Эйн замолчал и уставился в одну точку, собираясь с силами, через минуту продолжил. — Только если пациент по пути умер, и его отвезли в другое здание.

Стоя на лестничной площадке, все трое прокручивали у себя в голове воспоминания, связанные с Лейем и у каждого внутри стеноло и кричало: «Нет! Не верю! Не может быть!».

Но тут, мимо, с радостным визгом и писком пролетел малек и сообщил, что во двор, на настоящей Космопортовской аэрошке привезли Лейхио, и понесли в медблок... Парни рванули вниз, перепрыгивая через две-три ступеньки, Вил последний пролет просто съехал по перилам, у нужной двери они остановились, глубоко вдохнули, и гуськом вошли в помещение.

Лейхио был в сознании, но бледный как полотно, и вся грудь у него была забинтована. А выражение лица сидящего рядом лекаря было не слишком довольным.

— Как он?

— Он вполне в норме, — негромко произнес Лей.

— На самом деле, вместо триумфального возвращения со скандалом домой, я бы порекомендовал несколько дней провести в больнице, под присмотром более квалифицированных специалистов, чем я, — не согласился с этим утверждением лекарь. Но его все проигнорировали.

Лейхио скосил выразительный взгляд на бинты Эйна:

— Ты тоже не скучал, похоже?

Эйнри кивнул, обернулся на хмурого Дэйниша, и виновато опустил голову. Потом оживился:

— Сегодня жена высказала замечание, что использование муки для гримма мне не идет, глядя на тебя, не могу с ней не согласиться. Уволь своего визажиста.

— Ты мне зубы не заговаривай, красавчик наш на два гарема несравненный, я в зоне боевых действий был, а тебя где носило?

— Он Тийку спасал! — раздуваясь от гордости проговорил Вилайди, как будто не он, буквально полчаса назад, обзывал, как раз именно за это,

своего Верхнего кретином и гадом.

— Екки сказал, что есть погибшие, и среди них...

— Эти дуры, прости меня Мать, стреляли на поражение, чтобы запугать по максимуму. И улетели на трех кораблях, потому что у них в заложницах была племянница Первой госпожи Венги. А перед отлетом, какая-то из стерв, пожилая, пальнула в девчушку, и та скончалась мгновенно.

— Тикусйо! Они же приговор себе подписали! — Дэйниш, вспомнив красивую молоденькую девушку, постоянно улыбающуюся, с радостью участвующую почти во всех конкурсах, и мысленно пожелал этим трем кораблям столкнуться друг с другом, а потом, взрываясь, провалится в черную дыру безвременья, чтобы взрывались и взрывались, бесконечно...

— Согласен, — кивнул ему Лейхио.

— Тля! Мийрийнива, наверняка, зла на нашу госпожу, тем более, если она в курсе, кто поднял всеобщую шумиху... — Эйри, тихо присел у стенки, действие смеси лекарства и адреналина уже заканчивалось и начиналось хотеться спать.

— В курсе, даже не сомневайся, это же она в меня пальнула. Правда или специально так плохо прицелилась, или стрелять умеет гораздо хуже, чем каблуками азбуку морзе отстукивать, или просто меня Мать Всего Сущего прикрыла... Но пока падал и пока меня с мигалками к больнице везли... Знаете, только об одном и думал. Живем мы все-таки мало, парни! Я вот уже больше нормы третий год с вами, и ведь нет бы, обрадоваться, тому, что больше ваших рож не увижу. Так я, как-то даже расстроился, представляете? Кстати, а где та рожа, которую я готов видеть всегда и в любое время?

— Ты имеешь в виду Сайни, надеюсь? — хмыкнул Дэйн.

— Конечно, его. Госпожа, это... Ну ты понимаешь?

— Лей, я надеюсь действие лекарства скоро закончится, и ты снова станешь прежним, а то я прямо волнуюсь за тебя! — Вилайди опустил перед старшим другом на колени и потерся щекой об его плечо.

— Не переживай, котенок, — Лей нежно погладил парнишку по макушке, — просто когда уже второй раз проходишь по грани между жизнью и смертью, в мозгах немного перемыкает. Тянет пофилософствовать... Так где Сайни?

— Я уже послал за ним малька, он во дворе, с другой стороны от входа. Сейчас придет.

— Отлично. Кстати, а это правда, что вы госпожу запихали в подвал?

— Лично отнес, — усмехнулся Эйри.

— Смертник!

— Знаю, но уж пусть лучше я, чем она, верно?

— Да нет, все правильно, — услышав эту фразу от Лейхио, Дэйниш не выдержал и заржал. Парней потихоньку отпускало. Все закончилось более-менее хорошо, и даже если им всем потом выпишут за самоуправство, чувство вины за содеянное никого не мучило.

Тут в комнату влетел запыхавшейся Сайни, и, не глядя больше ни на кого, упал на колени, возле кровати Лейя..

Остальные тихо вышли и разошлись по своим комнатам, спать.

Глава 40

23 мойиэля 328 года. В Доме Вайнгойртов.

На следующий день, ранним утром Айрин разбудил долгий и настойчивый вызов на экране.

Хорошо, что после годовщины дети переехали в отдельную комнату и им выделили ночных няней — несколько парнишек лет 18–20, сменяющих друг друга по какому-то, удобному им графику.

На Первой госпожи Венги было другое платье, и только это убедило девушку, что у нее самой не наступила дереализация личности, сопровождаемая состоянием дежавю и пришла, наконец, пора лечится.

— Рада видеть тебя, Старшая Вайнгойрт. — У Первой госпожи изменилась не только одежда, но еще и голос. Казалось, что она состарилась сразу лет на десять, причем внешне это, пока еще, проявилось не так заметно, но вот голос... Голос принадлежал уставшей женщине, у которой отняли смысл жизни.

— Я тоже искренне рада видеть вас живой и невредимой, Старшая госпожа...

— Меня зовут Хрийстийана, и, после того что ты вчера сделала... Думаю, ты заслужила право не тратить свое время на все эти титулы, когда мы говорим наедине. А нам с тобой о многом надо поговорить, дорогая. Подъезжай сегодня со своей подругой и, конечно, с вашими мужчинами, во Дворец. Обед подают в шестнадцать часов, вот к этому времени и подъезжайте. Буду я, мои дочери и еще одна гостья.

— Госпожа Клаусийлия?

— Да. Милые уютные, почти семейные посиделки, на которых мы будем организовывать свой маленький заговор, — Попыталась улыбнуться Первая госпожа, потом прикрыла рот тыльной стороной ладони и замерла, с застывшим взглядом.

Айрин не торопила, понимая, что женщина сейчас пытается запихать внутрь скорбь по своей любимице.

— Я и Кэйтиариона будем у вас к обеду, большое спасибо за приглашение. — Без церемоний, так без церемоний, вроде ей удалось ответить просто и вежливо.

Первая госпожа кивнула, на прощание, и отключилась.

Полусонный Дэйниш, приподняв голову с подушки, в изумлении смотрел, то на жену, то на погасший экран. Сразу было видно, что парень тоже очень переживает за свою способность адекватно воспринимать действительность.

— Мне не приснилось...?

— На твоём месте я бы сейчас прикидывалась покрывалом и не отсвечивала!

— Вы все ещё злитесь?

— Да! И вы массово принесете мне извинения за обращение со мной без всякого уважения!

— Эйн вас очень нежно и ласково на руках отнес, не наговаривайте! А обратно я лично вас выносил, ещё более нежно и ласково, а Вил открывал двери и придерживал ваши ножки, чтобы они ни обо что не стукнулись, нечаянно.

— А мой расчудесный братик что делал в это время? — и тут Айрин немного испугалась... Хотя она могла поклясться, что чувствовала сквозь сон запах брата... Но.. — Эйн же вернулся, да?!!

— Да, вернулся, — Дэйниш старательно обдумывал, как бы сообщить плохую новость так, как будто она хорошая, — Он живой, и..

— Невредимый? — с надеждой уточнила Айрин.

— Ну... Он получил пару царапин ножиком, пока спасал Тийку...

Уточнение, кого спасал Эйри уже никто не слушал, после упоминания про пару царапин девушка стремглав вылетела из комнаты.

Дэйн, меланхолично застелил кровать, одел штаны, пошел ополоснул лицо и только после этого решил, что теперь, наверное, уже можно зайти в комнату к другу.

Поторопился...

— Ты обо мне подумал?! Ты подумал, как я буду жить без тебя?! Ты, последнее время, вообще обо мне думаешь?! Ты... Ты...

А вот теперь можно заходить.

Да что ж такое то? — Не угадал.

— А ты знал, и молчал?! Пара царапин?! — Айрин с размаху залепила едва успевшему войти в дверь Дэйну пощечину. — Вы все..! Вам всем...! На меня....

Взяв почти не сопротивляющуюся жену на руки, отнес её в пустую гостиную, проводив взглядом шмыгнувшего с лестничной площадки обратно в комнату к другу Вилайди.

— Я вас избаловала... Вы абсолютно распустились... Что мне с вами делать? — устало прошептала девушка, прижавшись щекой к груди своего волчонка.

— Любить? — улыбнулся ей Дэйниш. — Мы вот вас очень любим.

— Это он от большой любви под нож полез?

— Нет. Просто если бы он так не сделал, то перестал бы себя уважать...

— А если бы его не спасли, то меня должно был бы греть от того, что он умер полным уважения к себе? — тут Айрин очень внимательно посмотрела на мужа, — И почему я не вижу Лейхио? У него, надеюсь, нет пары царапин от ножика?

Дэйниш поставил девушку на пол, погонял языком по зубам, смотря в сторону, потом, издав странный цокающий звук, выдал: «Понимаете... У него есть царапины от пуль...».

Айрин слегка побледнела:

— Он в больнице?

Какое счастье, что она не переживала вместе с ними тот кошмар на лестничной площадке. Всего минут десять-пятнадцать, но им показалось, что прошла целая вечность. А парни узнали обо всем еще раньше, чем он..

— Лей в медблоке...

— Отнесешь? — Повиснув на шее у мужа, прижавшись к нему щекой и слушая как ровно бьется его сердце, девушка чувствовала себя спокойно и надежно. Он никуда не убегал, никого не спасал, был все время рядом. Он вообще все время рядом.

— Дэйн...

— Да?

Почему это так легко сказать Эйри и так трудно сказать ему? Вот просто так, взять и сказать...

— Я тебя люблю, мой волчонок!

Дэйниш крепче прижал к себе свое сокровище, несколько раз сглотнул непрошенный комок в горле, потом тихо прошептал:

— Я вас тоже... Очень люблю... Очень-очень люблю!

После посещения медблока Айрин вызвала на связь еще одного дорогого ей парня.

Мийлийаш отреагировал почти мгновенно, как будто дежурил у экрана. А у него за спиной стоял какой-то незнакомый мужчина, молодой и симпатичный.

— Значит мне не показалось, что ты кого-то себе завел? — так и не удовлетворенное желание отомстить за вчерашний вечер и переживания сегодняшнего утра, кажется нашло себе жертву.

Мий тут же отреагировал падением на колени, лицом в пол.

— Представь нас!

— Это моя госпожа, Айрин. Это мой друг, Алекс... — голос у парня явно дрожал, во взгляде было дикое желание куда-нибудь спрятаться и пересидеть немотивированный гнев госпожи. Судя по тому, с какой тоской он поглядывал на стол, уютное место уже было найдено.

— Ты спишь с ним? — женщина и мужчина, глаза в глаза. Но друг у Мийя не только красив, но еще и с сильным характером. Явно не на Венге растили. Хотя Эйна растили тут... А уж что выросло..

— Нет. Он сказал, что не спит с мужчинами. — Какой у него голос, какой тембр!

«Мимоза декоративная» — хихикает где-то в дальнем углу комнаты Дэйниш, сбивая весь злобствующий настрой на корню.

— Ты доставляешь его телу другое наслаждение? Флоггер? — понимание приходит в мозг практически мгновенно, как только Дэйн запускает ассоциативную связку. Мимоза-флоггер.

— Да. Я позволил себе позаботиться об его удовольствии, пока вас нет с ним рядом. — Красивый, сильный, уверенный в себе, надежный мужик! Очень хорошо, что он сейчас рядом с их Очаровашкой.

Почти ничего не объяснив, но выдав Мийю ценное указание держаться вместе с Алексом, как сиамским близнецам, Айрин величественно попрощалась.

И тут же позвонила Кэйтирионе. Судя по сверкающим глазам подруги и бледному Айку на заднем фоне, там тоже шли разборки, из серии: «ты меня уважаешь?!».

— Не убивай его до конца, — С совершенно серьезным лицом попросила Айрин, — нам его над будет предъявить сегодня Первой госпоже Венги.

— Зачем? — изумилась Кэйт.

— Ну, я пожаловалась ей на его отвратительное поведение, и она изъявила желание лично...

— Вы же сейчас пошутили, госпожа Айрин, — Испуганно уточнил Айкейнури, тоже абсолютно избаловавшийся, абсолютно..

— Айк, тебя разве не учили, что когда две госпожи разговаривают между собой, рабы должны стоять там где их бросили и молчать?!

— Учили... — хмуро буркнул парень, за что получил ощутимый подзатыльник от Кэйтирионы.

— Учили, госпожа Айрин.

— Отлично! Рада, что хоть кто-то из двух наших с тобой гаремов, подруга, еще помнит чему его учили... Ладно, я и правда шутила. Нас пригласили на обед во Дворец, к четверем. С собой разрешили взять твоих и моих оболтусов. Так что приводи Айку в гостевыводной вид.

Кэйт застыла меньше чем на минуту, переваривая услышанное. Очнувшись, кинула взгляд на часы и в ее глазах засверкала паника:

— Уже же почти двенадцать!

— Ну да, у тебя еще куча времени... Успеешь еще. Или ты так сильно его испортила? — ухмыльнулась ей подруга.

— Да он-то почти нормальный, мы даже до плеток еще не дошли... Но прическа... Платье... Это же обед во Дворце! Все, я побежала..

Айрин с тоской обернулась к Дэйнишу: «И мне тоже прическу? И платье?!», — тот, еле сдерживая улыбку, попытался изобразить на лице сочувствие. Ежемесячные сборы на Совет девушка воспринимала как необходимое зло, с которым надо мириться. Но с последнего надругательства над ней прошла неделя, она еще не успела набраться сил и подготовиться морально к следующей пытке.

* * *

В Доме Маргойлинов.

Когда военные переловили всех гуляющих по саду незваных посетительниц, Иймаксэ и Гейнийляш выпустили Кэйтириону из подвала. Ийм, открыв дверь, тут же спрятался за широкую спину Гейна, но его вообще проигнорировали:

— Где?!!! Где этот гад?! С ним все хорошо?!

— Он убежал спасать ваши хозяйственные постройки, госпожа. И судя по тому, что конюшня до сих пор не запылала, пока еще продолжает этим заниматься.

— Один?! Надо же отправить кого-нибудь ему на помощь!

— Да, мы уже отправили, госпожа.

— А что с Шайном?

— Все отлично, он и Нэй уже были в гаремном зале, а все остальные

потихоньку отмываются и собираются там же.

— От чего отмываются? Почему у меня горят хозяйственные постройки? Что вообще тут происходит, Гейн!

— Сейчас уже все хорошо, а вот недавно здесь было безумно весело, госпожа. Давно уже в Доме Маргойлин не было столько гостей сразу...

Тут по лестнице вниз скатился один из мальков, с громким воплем то ли восторга, то ли ужаса:

— Принесли мужа госпожи!

Кэйт, подобрав юбку, быстро начала подниматься по лестнице, Гейн пошел за ней, а Иймайксэ остался, чтобы помочь молодым мамашам разнести их полусонных девчушек.

Подбегая к залу девушка вспомнила зиму, и как она тогда бежала сюда же, чтобы увидеть бездыханное тело Айка...

Как напророчила! Белый, как полотно, Эйри лежал без сознания, а над ним всхлипывал Тийка.

— С ним ведь все будет хорошо, да, госпожа? Он меня спасал... — испуганно прошептал парнишка, с надеждой заглядывая в глаза своей госпоже.

— Конечно с ним все будет хорошо! — уверенно ответила Кэйт, больше себе, чем Тийке. С Эйном ничего плохого случится не может, это будет слишком жестоко по отношению к ней и Айрин.

Когда Эйри улетел с сопровождающим эскортом домой, все тревоги и волнения, отошедшие на задний план, при виде бездыханного тела мужа, снова заметались в головушке Кэйтирионы.

Шайна она уже видела, и с ним все было нормально, также, как и с крутящимся рядом с ним, Нэйем. Никки почти все время утешал Тийку, но при этом, несколько раз что-то уточнял у Гейна, и краем уха Кэйт слышала имя своего обнаглевшего любимца. А вот его самого нигде не было, и это начинало немного беспокоить.

Из окна гаремного зала Кэйтириона уже разглядела и разгромленный сад, и обгоревшие склады, которые активно гасили вызванные гвардейцами спецы-пожарники. Поплакать над всем этим она запланировала на завтра, потому что сегодня внутри было какое-то опустошенное состояние, эмоций почти не было никаких, а те что еще оставались, она извела на переживания об Эйри.

Ну, вернее ей так казалось... Потому что, возвращаясь на крыльцо

проводив мужа, Кэйт увидела Айкейнури, пахнущего гарью и потом, грязного и с красными следами ожогов на плече и спине. Девушка тут же поняла, что вполне может себе позволить еще немного поволноваться.

— Айк! С тобой все в порядке? Как ты?!

Никки, спустившийся следом за своей госпожой, в компании еще нескольких парней, при виде Айкейнури, закусив губу, тоже в напряжении ждал ответа. После того как их всех нашли и вернули домой, он несколько раз прорывался побежать помочь другу, но Гейн строго настрого запретил: «Хватит, напасались! Теперь тихо сидим и не отвешиваем. Айку и без нас помогут, ты же сказал, что он на конюшне?». Никки сказал. Самое главное — он сказал об этом госпоже, и та, сидя над еще не пришедшим в себя Эйри, попросила одну из офицеров вернуть ее любимого наложника, возмнившего себя великим пожарным.

Айки, спину и плечо у которого жгло все сильнее, а руки налились свинцовой усталостью, смог только кивнуть и попытаться улыбнуться своей госпоже, временно простившей ему все «подвиги» сразу и оптом.

Когда девушка обернулась к остальным, в их сторону уже двигались Гейн и Шайн, чтобы помочь поддержать Айку. А Никки, мимолетно прикоснувшись к руке друга, кивнул Кэйт в сторону дома: «Я за лекарем, да, госпожа?». Хотя это был не вопрос, а утверждение, потому что не дожидаясь никаких одобчительно — разрешающих жестов от своей госпожи, парнишка побежал к отдельному входу в дальнее крыло, где находился медицинский блок.

Гейн с Шайном, подхватив Айку с двух сторон, помогли ему добраться до комнаты Кэйтиайрионы, запихали парня в душ, и, начали пытаться смыть основную грязь, по возможности не задевая спину. Через несколько минут, вернувшийся от лекаря Никки, раздевшись, влез в ванну, настроил воду на теплую, всучил душ Шайну, а сам взял первую попавшуюся тряпку и, намылив ее, начал оттирать тело Айку, очень аккуратно касаясь участков с поврежденной кожей. Бедный парень уже высказался по полной, пока его поливали почти холодной водой двое садистов. Поэтому попытки Ягодки его отмыть, он воспринял как меньшее зло и молчал, только сквозь зубы резко выдыхая от боли, когда Никки касался обожженных мест.

Приведенному в более-менее чистый вид Айкейнури помогли вылезти и уложили на кровать к Кэйт. Осмотрев внимательно спину, лекарь пошпикал на ожоги специальным спреем, на два самых серьезных наклеил пластыри для заживления кожных покровов и вколол снотворного. «К утру будет как новенький, госпожа Кэйтиайриона.» — успокоил он девушку.

Кыйос повел лекаря наверх, в гаремный зал, чтобы он осмотрел еще несколько парней с царапинами, ушибами и одного из мальков, у которого по симптоматике, похоже, было сотрясение мозга — его приложило по голове куском падающей садовой скульптуры.

Рэйни погеройствовать никто не пустил, хотя он очень рвался. Гейнийляш, знающий, во сколько сейчас оценивается это чудо, категорически запретил ему высовываться, припугнув подвалом. Поэтому сейчас, хотя он и пришел со всеми остальными, но чувствовал себя здесь явно лишним. И, почему-то, привычное чувство отдаленности от общей массы, в этот раз сильно расстраивало. Кругом толпами сновали герои, а он сидел в гаремном зале, как и положено приличному рабу, вместе с мальками, и в первый раз в жизни был зол, на то что его, распрекрасного, так высоко оценили.

Парни сидели на ковре и перешучивались между собой, заодно пересказывая госпоже свои и чужие подвиги. Свои получались скромные и невзрачные, из серии: «Пришел, увидел, победил», зато чужие получались замечательно. Никки свое спасение практически всех лошадей, расписал именно так. Хотя, благодаря ему и Айкейнури, лошадям Дома Маргойлин здорово повезло. Последних шесть коников, сбежавших от Айка, гвардейцы тоже поймали и привели, то есть, можно сказать, ни одна лошадь не пострадала. А вот спасатель их жилища лежал, постанывая во сне, и начинал покашливать. Лекарь предупреждал, что так все и будет, поэтому влил в парня какого-то настоя и оставил полбутылки на тумбочке: «Если будет сильно кашлять, обязательно влейте еще, госпожа».

Тийка, которого задело за живое столько короткое описание подвигов Никки, начал поэтично и в красках расписывать как они сначала спасали лошадей, потом как горела конюшня и он побежал спасать друга, а сам попал в лапы к госпоже, которая хотела узнать у него, где второй вход в дом. А пока он героически молчал («Потому что потерял дар речи со страху» — прокомментировал Ийм), тут как подлетит Эйври и как выхватит его, даже рубашку порвал....

Под конец красочного пересказа событий в комнату вошли Эйлиорин и Рейтийя (мама одной из девочек). При виде своей мучительницы Тийка и Гейн сразу оба постарались слиться с ковром. Кэйтириона, махнув рукой матери, чтобы та подождала, вопросительно посмотрела на свою соседку по заточению в подвале.

— У нас окно разбито, дерево скрипит рядом и вообще страшно очень, — чуть смущенно призналась женщина и с надеждой посмотрела в сторону Гейна и Ийма, — Пусть кто-то из рабов поспит с нами?

Кейэт тоже посмотрела на парней, оценила не очень удачную попытку Гейна слиться с интерьером, усмехнулась: «Гейнийляш, иди, составь молодой госпоже компанию.» Счастливый Гейн, быстро подскочив, удалился вслед за такой же довольной Рейтийей.

А Кэйтириона повернулась к матери:

— У тебя тоже окно разбито и деревья скрипят, мама?

— Нет, я просто очень перенервничала и мне не уснуть! Из-за твоей дружбы с Вайнгойртами наш Дом не просто разорен, он разрушен! И дом, и сад...

— Кому бы говорить о разорении, мама, но уж точно не вам!

Шайн, почувствовав, что еще немножко и обе госпожи сейчас поругаются, приподнялся с ковра, подошел к Эйлиорин и, низко поклонившись, предложил: «Может быть госпожа пожелает провести какое-то время со мной?». Обе женщины в изумлении уставились на парня, потом Кэйт строго посмотрела на мать: «Но если ты его только пальцем тронешь...!». Гордо фыркнув, старшая Маргойлин двинулась в сторону своей комнаты, за ней Шайн. Рыжик, испуганно проводив взглядом своего друга, сорвался с места вслед: «Я с ним, госпожа!».

Никки, тоже встал, и кивнув Тийке на дверь, улыбнулся Кэйтирионе: «Мы тоже пойдем уже спать, госпожа? Спокойной ночи».

Начавшего приподниматься Рэйнийляша девушка остановила: «Не уходи, я еще не хочу спать и мне будет скучно!». Рэй, криво усмехнувшись, присел обратно и уставился в дальний угол.

— Ты сегодня сам на себя не похож, солнышко. Сидишь, молчишь... Что-то не так?

— Все нормально, госпожа.

— Ты уверен? А что ты делал сегодня?

— Сидел, весь из себя идеальный, в гаремном зале, как и положено приличному рабу, чья стоимость шкалит за три нолика, госпожа.

— Судя по надутым губкам и понурому виду, ты делал это не добровольно, — улыбнулась Кэйтириона, приподняв голову Рэйна за волосы челки.

— Да ну, что вы, госпожа. Я слишком бесценен, чтобы размахивать шокерами и гасить огонь на конюшне. И не засоряю свою прекрасную голову всякими глупостями, предпочитая самовыражаться в танцах, а не в

машинных кодах, как некоторые.

— Рэй, а почему ты не можешь честно признаться, что ты расстроен? — Кэйт всегда с большим интересом играла в забавную игру: «Открой для себя еще кусочек Рэйнийляша.» Этот загадочный парень манил ее, как бабочку огонек. В это время Аик снова закашлялся, а потом издал громкий всхрапывающий звук.

Рэйни ухмыльнулся:

— Теперь я знаю, почему вы предпочитаете проводить ночи с Шайном, госпожа.

— Да ну тебя! Он обычно не храпит... Ой, а пойдем проверим, как там Шайн?

— Как пожелаете, госпожа.

* * *

Как только Шайн представил себе, что Кэйт, измученная всей неслыханной обстановкой и переживаниями за мужа и Айка, будет еще трепать нервы и с матерью, которой, скорее всего, просто скучно стало после такого бурного веселья, то, даже сам не понял, какой леший поднял его с места у ног любимой госпожи и заставил вызваться составить компанию той, перед которой все еще присутствовал иррациональный страх. Наверное, это от зависти, потому что физически пострадавший второй любимчик привлекал больше внимания Кэйтиорионы. Хотя то, что удалось провернуть ему, было поистине чудом. И, конечно, еще большим чудом было то, что помощь гвардии подоспела так вовремя. Очень хотелось уберечь Кэйт от лишнего стресса. Наверное никто из домашних, кроме него, не знал, насколько их молодая госпожа ранима и хрупка, отличаясь от большинства своих ровесниц. Ему досталось от этой хрупкой девочки и боли и ласки, и он был счастлив, что она именно с ним была настолько открыта. Поэтому очень ценил свое особое положение, предано оставаясь рядом в любое время. И вот теперь, шагая в двух шагах позади госпожи Эйлиорин, как когда-то в далеком прошлом, Шайн поминал попеременно Матерь Сущего, очень надеясь на ее защиту и любимое Айковское «Тля-а...». Вот, спрашивается, что ему тоже не прикинуться было предметом интерьера в комнате Кэйтиорионы, как мгновенно сориентировавшийся Тийки или Гейн? Хотя от Гейна прямо скажем он не ожидал подобного демарша, но его вполне можно было понять. Те, кто близко пообщался с матерью Кэйт, когда она не в духе, а особенно, когда в

духе и жаждет развлечений, включая богатое воображение, могут себе позволить немножечко помандражировать, опасаясь привлечь пристальное внимание старшей Маргойлин.

Однако еще больше Шайнэйлиер перепугался, когда позади хлопнула дверь и он услышал торопливые шаги, догоняющего их человека. Спутать их он не мог при любом раскладе, очень-очень такие знакомые шаги... Рыжик. дурашка, ты-то куда? Зачем?

Эйлиорина задалась, видимо тем же вопросом, обернулась и удивленно подняла бровь. Шайн на секунду впал в ступор. Вот до чего же все-таки не похожи по характеру мать и дочь, но вот эта мимика — непередаваемое выражение удивления и насмешки — сразу выдавало в них близких родственниц.

— Нэй?

— Простите. Госпожа Эйлиорин, позвольте присоединиться?

— Нэй... — ахнул Шайн, до последнего надеющийся, что парень просто «мимо проходил». Но, как ни делал Шайн большие глаза, молчаливо призывая одуматься, это не помогло. Вот ведь тля! Словно тот ни разу не видел бедного Тийку, возвращавшегося от Эйлиорины после «воспитательных мер» с целью профилактики или просто для развлечения.

— Нэй... Рыжик... Солнышко... — с удовольствием посмаковала мать Кэйт, склонив голову к плечу, разглядывая резко побелевшего парня, так, что стала видна россыпь веснушек на лице. Наверное, до Рыжика только теперь дошло, что их госпожа строго предупредила мать насчет одного из них, а вот про второго никаких дополнительных указаний не было. Мало ли, что на всех них объявлен мораторий для остальных женщин Дома. Это вовсе не значит, что его нельзя нарушить. Ведь не будет же Кэйт наказывать свою мать так же, как рабов. А если и лишит каких-то привилегий или разок оставит без недельного содержания... Так ведь не на хлебе с водой, так что стоит старшей Маргойлин рискнуть?

— Отважный какой зверек... Твой? — обернулась женщина к Шайну, у которого сейчас вид был не лучше. Все-таки за себя волноваться проще, чем за близкого человека.

— Н-нет, — выдавил старший раб, мысленно попросив прощения у обиженно распахнувшего глаза Нэя.

— Врешь, — спокойно заметила Эйлиорин. — Ладно, я оценила. Не обижу обоих. Я, знаешь ли, предпочитаю чуть помоложе... Ну или побрутальнее, по настроению, — подмигнула Эйлиорин, заставив сердце Рыжика сначала замереть, а потом заколотиться с удвоенной частотой. И, словно отвечая его заматавшимся мыслям, женщина продолжила:

— Вот через пару лет, когда войдешь в силу... И моя дочь в тебя наиграется... Ох, Рыженький, какие я знаю забавы... — мечтательно прикрыла глаза их бывшая Старшая госпожа..

— Тля-а... — тихонько прошептал Нэй, незаметно вытирая внезапно вспотевшие ладони о штаны.

Вот так, довольно мирно болтая, все трое дошли до комнаты госпожи Эйолирин, и она, слегка нарушив правила запустила обоих парней первыми.

Звук двери, закрывшейся за ними, напоминал, почему-то, о том, что они и впрямь всего лишь зверьки и дверца клетки захлопнулась, оставив их наедине с опытным дрессировщиком. Решив, что для начала следует проявить должное почтение и подобострастие, оба, не сговариваясь, упали на колени.

Женщина насладились своим маленьким триумфом, и рассмеялась:

— Я рада, что общение с моей дочерью не выбило из вас хорошие манеры, и ваша новая любимая Старшая госпожа еще не окончательно вас избаловала. Хватит прикидываться, поднимайтесь, — приказала она. — Шайн, помнится мне, ты хорошо делал массаж ступней? Не разучился еще?

— Нет, госпожа, — смиренно ответил раб.

— Отлично, а то нынешняя молодежь делает это как-то без души...

Шайн обернулся на небольшое трюмо, на поверхности которого громоздились ряды разнообразных флаконов разного предназначения — от баснословно дорогих духов и средств за увядающей кожей лица, до зубных капель. Вот в этом Эйолирин всегда была небрежна и очень не любила наводить здесь порядок, предпочитая, чтобы все было под рукой. Не разрешая разбирать даже слугам.

— Да-да, Шай, именно там поищи, — кивнула, довольная сообразительностью своего бывшего раба госпожа, усаживаясь в кресло.

Нэй метнулся помочь снять аккуратные домашние туфельки старшей Маргойлин. С каким удовольствием он делал бы это для Кэйт, но там было слишком много кандидатов, имеющих на это больше прав... Эх...

Не успел он закончить, как подоспел Шайн, держа в одной руке крем для массажа, а в другой — небольшой пуфик, который пристроил под ноги госпоже.

— Вот за что я тебя всегда ценила, Шайнэйлиер, так это за предупредительность, — похвалила Эйолирин старшего парня.

— Благодарю госпожа, Вы слишком добры, — сдержанно отозвался Шайн, выдавив на ладони немного крема и очень осторожно приступая к

массажу. Насколько он помнил, одна лодыжка госпожи Маргойлин требовала особого деликатного обращения — последствия не слишком удачно закончившейся вечеринки, когда та слегка перебрала не только вэйкоктейля, но и алкоголя. И, оступившись на высоких каблуках (лет десять назад она еще довольно пристрастно следовала моде), получила трещину, но отчего-то не сразу обратилась к лекарю. Вот с тех пор иногда страдает от фантомных, а может и самых настоящих болей, все-таки возраст дамы уже под полтинник... Только вот какая — правая или левая? Шайн на секунду завис, поднял глаза и встретился с насмешливым взглядом Эйлиорин:

— Подсказать? — ехидно предложила госпожа.

— Левая... — выпалил он, понимая, что это тоже своего рода тест, и подсказка снижает балл.

— Угадал, — добродушно отозвалась госпожа, расслабляясь. — Видимо все-таки нога беспокоила ее, и лишней, пусть и небольшой боли, она не хотела.

Теперь, самое главное, точно придерживаться выбранной техники — не слишком агрессивно, чтобы утешить этот дискомфорт от нытья былой травмы, но и не переусердствовать в сторону эротичности. Мало ли, как потом госпожа пожелает снять накопившийся за день стресс...

— Нэй, вон ту красивую корзинку подай, — велела госпожа, указав на шкафчик, сверху которого пристроился сундучок, искусно плетеный из ивовых веточек, с закосом под этническое наследие Земли. В таких обычно хранилось разное барахло, милое сердцу, но совершенно бесполезное. Впрочем, даже выросшие на Венге женщины, все равно оставались женщинами, и некоторая сентиментальность по отношению к прошлому, вернее к некоторым вещицам, напоминающим о каких-то ярких моментах минувших дней, присутствовала.

Рыжик быстро справился с заданием и протянул миниатюрный сундучок, хозяйке. Но ей было неудобно удерживать его на коленях и это мешало Шайну. И женщина предпочла понежиться под дарящими тепло и облегчение ладонями, отпихнув «сокровищницу» Нэйю:

— На-ка поищи, все равно не занят. — И продолжила наслаждаться умелыми прикосновениями рук к своим ступням и пальчикам. — Раз уж я вынуждена соблюдать вашу целомудренность, должны быть и у меня какие-то бонусы на вечер? — вроде бы и вопрос, но прозвучало, как утверждение.

— Конечно госпожа, а что искать? — сунул нос в приоткрытый сундучок парень и невольно заулыбался — прямо сверху на листах

изрисованной бумаги лежала небольшая любительская фотография. Совсем еще молоденькая Эйлиорин в Венгсити около какого-то детского аттракциона рядом с маленькой девочкой, с перемазанными мороженым губами. Девчушка держала в одной ручке подтаявшее лакомство, а в другой — огромный воздушный шар. И, судя по тому, с какой любовью и гордостью взирает на ребенка госпожа Маргойлин, на снимке — ее юная наследница, Кэйтириона.

Рыжик никогда не видел фотографий своей госпожи в столь юном возрасте. Такая смешная... И чем-то неуловимо напоминает одну из его домомучительниц, полюбивших, видимо за столь неординарную внешность, играть именно с ним. Надо будет как-нибудь, когда у Кэйтирионы будет хорошее настроение, расспросить ее о том, во что любила играть она. Скорее всего, тоже в парикмахера, потому что до сих пор не избавилась от привычки расчесывать и заплетать косички своим любимчикам, оказавшимся у ее ног. Шайну она, почему-то, не разрешала отращивать волосы, уверяя, что он уже достаточно взрослый мальчик, а вот Айк просто млел, когда она дарила ему подобные ласки. Даже специально старался попасться на глаза госпоже не с аккуратной косой или хвостом, а неприлично лохматым, чтобы у нее тут же просыпалась потребность, усадить рядом и исправить. Кто от процесса получал большее удовольствие — трудно сказать... Но сам Рыжик подозревал, что оба. Потому что Кэйтирионе нравилось возиться и с его огненными прядями, и он знал, как это приятно. Но тогда Айк начинал сердито фыркать и грозить, что если Нэй не начнет причесываться сам, он ему живо приведет дочку Рейтины и спасти больше не будет. Кэйт только посмеивалась над пыхтящем от ревности любимцем и, конечно же, тот получал потом свою порцию ласки.

— Ну что ты там углядел? — усмехнулась женщина.

— Это Вы с госпожой Кэйтирионой? — спросил Нэй, доставая снимок.

— Да! — довольно улыбнулась Эйлиорина. — Представь себе, я была такой же молодой и красивой как твоя госпожа сейчас.

Вы и сейчас по-прежнему красивы, — польстил Рыжик, протягивая фотку госпоже.

— Умница, — вновь похвалила сообразительного парня Маргойлин.

Нэй зарделся. Ну да, пусть на лице появились мимические морщинки, но Эйлиорина по-прежнему следила за собой и черты былой красоты в самом деле прослеживались отчетливо.

— Ой... — Рыжику сначала показалось, что он обознался, взглянув на дальнейшее содержимое, но госпожа рассмеялась:

— Похож, не правда ли? Шайн, взгляни. — разрешила она старшему парню отвлечься, чтобы посмотреть на карандашный рисунок.

— Эйри? — выдохнул он удивленно. — Такой юный...

— Да. Это Кэйт рисовала, я тогда специально попрятала все наброски, опасаясь ее нездоровой привязанности к одному нахальному рабу... Очевидно, поздно спохватилась... не помогло, — немного огорченно призналась женщина.

— Она больше не рисует... — заметил Шайн.

— Наверное, с тех пор, — пожала плечами Эйлиорин. — Ты бы предпочел, чтобы по всему дому валялись портреты Эйны или Айка? — поддела она.

— Да нет, мне их рож... Простите госпожа, их лиц и так хватает, насмотрелся, — отвернулся Шайн и вновь сосредоточился на массаже ступней госпожи.

— Ну и правильно. Надо было, наверное, все-таки не похожего ей дарить, а полную противоположность, — досадливо вздохнула Маргойлин. — Глядишь и выздоровела бы, а теперь... Что она на нем так зациклена... Ладно бы еще наследницу сумел зачать... — и недовольно замолчала, видимо до сих пор переживая.

— А что мы ищем, госпожа? — задал вопрос Рыжик, стараясь сменить неприятную для всех тему.

— А? Я не сказала? — удивилась Эйлиорин. — Карты, Рыженький. Мне как запретили играть в азартные игры, я все подальше распахала от соблазна, но сегодня же можно...

Шайн с Нэем переглянулись и почти одновременно пришли к выводу, что лучше уж составить компанию госпоже за игрой в карты, чем изображать послушного щенка с виброанфалосом. Намного лучше. И Рыжик с двойным усердием принялся рыться в «сокровищнице воспоминаний» старшей Маргойлин.

Спустя почти три часа, Маргойлин все же сдалась:

— Ладно, мальчики, я вами обоими довольна, вот уж ублажили, так ублажили... Но теперь я хочу спать. Нэй, сбегай-ка принеси свежего сока, — распорядилась она.

— Да, госпожа, — метнулся за дверь Рыжик.

А Эйлиорина повернулась к Шайну:

— Я слышана о твоём личном вкладе в сегодняшние события, Шайнэ... Честно говоря не ожидала. — похвалила госпожа напрягшегося мужчину. — Ты... знаешь, я вот подумала... Наверное, рано я тебя

задвинула в небытие, мой хороший. Не бойся, когда тебе стукнет 30, я попрошу Кэйт тебя не усыплять, а заберу обратно к себе... По крайней мере, ты единственный, который так великолепно умеет делать массаж ног, — усмехнулась она своим мыслям.

— Бла... благодарю, госпожа, — низко склонился Шайн, похолодев от возможной перспективы. Это вот сегодня Эйлиорина добрая и ласковая. Но всем известно, насколько непредсказуемы пожилые женщины... Тля-а... Ну он и попал.

Когда, наконец-то они оба были отпущены восвояси, возвратившись к себе, Шайн уткнулся в макушку Нэйя и долго сидел, обнимая уже почти переставшего быть похожего на мальчишку парня. Ведь уже еле удастся сводить руки на плечах, достаточно широких, благодаря ежедневным занятиям в спортзале, от которых Айк не позволял отлынивать Рыжику и Никки, правда делая маленькие поблажки своему Ягодке. Может и правильно. Это Рыжик еще не раскрыл до конца свой потенциал.

— Шай? — забеспокоился Нэй, почувствовав, как сильнее стиснув, тяжело вздохнул за его спиной Шайнэйлиер.

— О, прости, задумался, — шепнул тот, разжимая руки. — Давай спать... Просто спать. Я устал.

— Хорошо, — согласился парень, быстро забираясь под легкое одеяло.

— Рыжик...

— Да?

— Спасибо, что ты у меня есть! — с чувством произнес Шайн, укладываясь рядом.

— Да ладно тебе... — смутился Нэй, слегка покраснев. — И вообще, двигайся ближе...

Рыжик почти сразу отключился. А Шанэйлиер, все пытался представить, как там этой ночью Кэйт без него... И вообще с кем? Да еще и «радужная» перспектива, озвученная ее матерью, никак не способствовала быстрому засыпанию. Парень встал и отправился к алтарю Матери Всего Сущего с острым желанием привести мысли в порядок и слезно попросить... Только пока еще неизвестно о чем... Если Кэйтиайриона от него откажется... То ли просить самому, чтобы усыпили, то ли что... И, на всякий случай, стоит, наверное, написать очередное завещание, по крайней мере, это успокаивает. Правда, Рыжик шипел в последний раз, что лучше бы он пробовал писать стихи, как Тийк, а не строчить свои последние распоряжения... Но Шайн не обижался. Просто Нэй еще слишком юн,

чтобы оставаться оптимистом...

* * *

Тляшки-букашки, какой сказочный трындецовый звездац поселился в голове и не хочет съезжать не за какие бублики! Ушки только заичьи надо подвить, чтобы уж совсем невинненько смотрелся. Или наоборот, начесать как следует, чтобы в них смущенно носиком прятаться? Прыгаю рядом с госпожой, проверить как там конкурент по кровати время проводит... Мать Сущего, бычара храпит на том месте, где вполне себе сегодня я мог прилечь и отдохнуть, за хорошее поведение. Вот чего бы, красивая моя, тебе было не усыпить это чудище с опаленными крылышками у него в комнате? Кроватка тогда бы была вся наша. Старичок бабулю ублажает, бычок у себя в комнатке дымок выпускает, как кальян сломанный, а мы бы чудно ночь провели... Хотя настроение такое, просто хоть горчицу из себя выжимай — нажористая получится, пальчики оближешь. Ведь хороший же был, вел себя как в законе прописано, что же так тошно-то, как будто носки чужие понюхал?! И ведь не потому, что это буйвол сейчас звуки немелодичные на кровати издает. Общее состояние души такое, как будто облажался по полной, только не понял где.

— Рэйни, солнышко, ты о чем задумался? Я тебе вопрос задала!

Вау! Допрыгались-доскакались-домчались в белой аэрошке, тляшки-букашки!

— Простите, госпожа, я не расслышал...

— Почему тебя продали, Рэй?

— Эм... Ну так... Мужу не угодил. Натура ж у меня такая, раскрасивая, вот ему завидно стало, пиявок ему на рабочий инструмент воспроизводства...

— Рэй, я правду бы хотела услышать.. — Кэйт остановилась у комнаты матери и тихонечко приоткрыв дверь, застыла изумленно.

Шайнэ, Эйлиорин и Нэй играли в карты, да так азартно, что хоть присоединяйся.

Поманив пальчиком Рэя, чтобы и он оценил происходящее диво, и обменявшись с ним понимающими улыбками, девушка двинулась обратно к себе. Рэйни за ней. Продолжая размышлять над тем, какие ушки ему пойдут больше — с начесом или завитые.

В комнате Кэйтириона пристроилась в центр кровати и махнула

парню, чтобы тот прилег рядом. Рэй окончательно растерялся, но виду старался не подавать. Поэтому пристроился рядом с госпожой, поправил под головой подушку... Бедром почувствовал бедро госпожи, и ощутил, как предатель в штанах зашевелился.

— А теперь говори мне правду, Рэйни!

— Про что, госпожа? — Все-таки ушки с начесом, вот так вот их сейчас на глазки и оттуда невинный взгляд. Не прокатило, тляшки-букашки!

— Про то, почему тебя продали, солнышко! Правду! — и Кэйт, пристроившись Рэю под руку, посмотрела на него таким же невинным взглядом, и парень мысленно приделал своей госпоже заичьи ушки и улыбнулся.

— Меня обвинили в избиении младшего мужа госпожи, но я клянусь своими любимыми тапочками с помпонами, не трогал я его. То есть трогал, но не так...

— А когда ты понял, что будешь танцором?

Не понял, это все, что ли? То есть я сказал, что не я и все?! Тляшки-букашки, она поверила мне на слово, и все?! Меня не будут гнобить, пилить, стругать и ругать? Тляшки-букашки... Спасибо тебя, добрый самаритянин, начистивший мордасик вторушечке ЕЕ Высочества, Ненаглядной госпожи Ейлийфии. Без тебя бы я продолжал прозябать на ниве домашнего дрессированного красавчика, а сейчас я одна вторая от первого места в первом театре при Первом Доме. И лежу на кровати своей госпожи, обнимая ее одной рукой и болтая с ней о моем детстве... Чудны дела твои, Матерь Сущего. Но я тебе свечку должен, если что. И за эту ночь тоже.

— Я с трех лет танцевать любил, госпожа. А в лагере меня обучать всерьез начали. А мне можно вам вопросы позадавать, госпожа?

— Конечно, солнышко. Задавать — можешь. — И снова перекрестились две пары глаз с невинными взглядами из под заичьих ушек.

Так, мило болтая, они и уснули. А проснувшийся утром Аик увидел рядом с собой идеальную картинку, прямо хоть плачь от умиления, только ему, почему-то, рвать и метать захотелось.

Обойдя кровать, парень ощутимо пнул Рэйни в тот бок, к которому не прижималась свернувшаяся калачиком Кэйтириона.

— Ты же вроде вчера не танцевал, кузнечик откормленный! Ненавижу, тля! Что ты здесь делаешь?!

— Сначала твой храп слушал, потом с госпожой болтал, потом спал,

теперь на тебя, бычара паленая, люблюсь, а что?

Кэйт встрепелась и, поднявшись на локтях, оценила расстановку сил. Ее любимец нависал над ехидно щурившимся спросонья Рэйем, а тот, хоть и ощутимо напрягся, но вскакивать и вставать в стойку для намечающейся безобразной драки не спешил. Может наивно надеясь на благоразумие Айкейнури, а может здраво оценивая свои силы. Ведь именно сейчас, против взбешенного и действительно чем-то смахивающего на быка Айка, он категорически проигрывает.

— А ну оба замолчали быстро, мальчики! Рэй, солнышко, иди к себе. Спасибо что не дал мне поскучать этой ночью! — зубовный скрежет Айкейнури, после этой фразы, по звуку напоминал царапание камнем по железу.

— А с тобой мы сейчас, как свои люди, считаться будем!

Рэй понятно свалил, но, обернувшись в дверях, продемонстрировал средний палец более незадачливому сопернику.

Айкейнури чуть не кинулся выписать наглой роже по роже, но увидев взгляд своей госпожи, понял, что опять облажался, и надо срочно спасать положение. Ему же повезло сказочно, и Кэйтириона не выставила ему «счет» вчера. И, тля! если бы он сейчас не изображал Ойтейлу, возможно госпожа совсем не стала бы сердиться. Конечно, кому же приятно просыпаться под звуки перебранки? Слегка забылся... Может прикинуться, что не выветрился из бестолковой башки вчерашний угарный дым? — с тоской подумал Айк.

Много раз он вот так позволял себе вспышки ревности, только это было по отношению к Шайну и Эйну. А они, каким-то непостижимым образом, имели влияние на Кэйт, и она прощала ему эти выходки. Но тут он просчитался. Рэйни не оказывал на Кэйтириону «положительного» влияния, чтобы быстро пригасить фитилек недовольства госпожи или направить его в мирное русло. С одной стороны, и слава тебе, Матерь Сущего! А с другой... Вот ведь тля....!

— Госпожа, доброе утро? — нерешительно поднял он виноватый взгляд на хмурую девушку, внимательно следящую за сменой мимики его лица, на котором, видимо, уже отразились все промелькнувшие мысли.

— Это ты меня спрашиваешь? — хмыкнула Кэйт. — Для меня оно почему-то началось так себе, ты не в курсе, кто в этом виноват?

— Эээ...Я готов разделить Ваше не слишком радужное настроение, — с готовностью упал на колени Айк, надеясь, что все-таки обойдется.

Его маневр удался только наполовину. Кэйт бесспорно разглядела его

пострадавшую спину, но вместо того, чтобы пожалеть и посочувствовать, нахмурилась еще больше:

— Ты не угадал, Айки, у меня крайне паршивое настроение, — огорошила госпожа. — И раз уж ты сам вызвался его разделить со мной, расскажи мне, мой хороший, почему ты решил что хозяйственные постройки мне дороже одного несносного нахального раба, которого я терплю вот уже столько времени? И, как говорят очевидцы, могла бы вчера потерять.

— Они преувеличивают, госпожа, — клятвенно заверил ее парень, пока еще не решив, радоваться тому, что его все-таки оценили чуть дороже конюшни, или еще пока рано.

— Может быть, но товарный вид этот несносный тип все-таки потерял.

— Простите, госпожа? — чувствуя, как холодеют пальцы, вскинулся Айк. Упоминание про «товарный вид» у него почему-то прочно ассоциировалось с перспективой оказаться на рынке. Вдруг подумалось, что вот сейчас он примерил шкурку Шайна, когда тому грозила продажа на рынке.

— Страшно? — с надеждой спросила девушка, удовлетворенно отметив легкое смятение на лице любимчика.

Айкейнури сглотнул и соврал:

— Нет.

— Нет? — выгнула бровь Кэйтиайриона. — А почему тебе не страшно, врунишка?

— Потому что я Вас люблю, моя госпожа, и...

— И надеешься, что после твоей выходки это чувство взаимно? — ехидно перебила Кэйт.

— Вообще-то надеюсь, — не стал отрицать Айк и взгляд серо-зеленых глаз обиженно потемнел.

И тут в комнату, предварительно постучав, зашел весь из себя идеально-правильный Рэйни, неся на подносе завтрак.

— Ой, солнышко! Какой ты милый! Спасибо! — улыбнулась Кэйтиайриона парню, рассчитывающему на приглашение к столу. — Айки, сходи проверь, как там Шайн поживает и возвращайтесь. Я с тобой еще не договорила.

Девушка решила подстраховаться присутствием Шайнэйлиера при разговоре, чтобы нечаянно не сделать с этим нахалом что-то непоправимое.

Дверь за Айкейнури захлопнулась чересчур громко и с оранжереи

послышался странный звон, больше всего напоминающий звук разбивающегося об пол стекла. Кэйт испуганно посмотрела на Рэйни и парень грустно вздохнув, кивнул, подтверждая печальные мысли своей госпожи.

— Совсем-совсем все плохо? — тихим шепотом уточнила Кэйтириона.

— Гейн сказал, что из сада выглядит ужасно, но может изнутри все не так уж и страшно...

Кэйт подбежав, распахнула дверь и застыла. Потом обернулась к подошедшему к ней Рэйни и зарыдала, уткнувшись ему в грудь. В это время в комнату вошли Шайн и Айк. И старшему пришлось крепко схватить младшего за плечо, удерживая. Потому что Айкейнури, не разбираясь, с места, рванул набить-таки наглую морду, умудрившуюся довести госпожу до слез.

— Оранжевая? — грустно уточнил Шайн у Рэйя. Тот кивнул, застыв, слегка напуганным каменным изваянием, не зная, как правильно надо реагировать, когда у него на груди рыдает его госпожа.

— Все, я успокоилась, мальчики, — действительно почти спокойным голосом проговорила Кэйт. — Это всего лишь растения, — девушка горестно всхлипнула, но не позволила себе снова расплакаться, — А мне надо решить проблему с людьми. Рэйни, солнышко, спасибо тебе, а теперь оставь нас, пожалуйста. Тут намечается слишком личный разговор...

Чтобы сгладить резкость своих слов, Кэйтириона погладила парня по щеке и благодарно улыбнулась ему. Рэй постарался скрыть разочарование за ответной улыбкой, поклонился и вышел.

— А теперь я хотела бы продолжить наш с тобой разговор, Айк, — уже без всяких улыбок повернулась девушка к проштрафившемуся любимцу, — А Шайн пока посидит тут, позавтракает спокойно, а заодно не даст мне тебя убить.

— Простите, госпожа, я виноват...

— Хорошо, по одному пункту мы уже пришли к согласию, — ухмыльнулась Кэйт. — Осталось еще несколько — в том числе твоя безобразная ревность и выходка с подвалом, с чего начнем? Потом суммируем и тогда уже подведем итог, — обрисовала она дальнейшую радужную перспективу.

Айк прикинул размеры этой «суммы» и загрустил, лихорадочно соображая, на какой вопрос отвечать, чтобы выклянчить себе максимальную амнистию.

Но его спас от размышлений замигавший на экране вызов от Айрин.

В Первом Доме.

Обед прошел в теплой и дружеской обстановке. Если не обращать внимания на небольшой раздражающий фактор в лице старшей дочери Первой госпожи, Клаймейнтии, беззастенчиво разглядывающий Дэйниша.

Когда двух младших дочерей выставили из зала, Клай подошла к сидящему у ног Айрин парню, и жестом попросила его встать. Дэйниш испуганно оглянулся на жену, но в просьбе не было ничего криминального и Айрин кивнула, разрешая, и ободряюще погладила мужа по плечу.

Попросив Дэйна выйти к ней поближе, девушка обошла его по кругу, прикоснулась к волосам..

— Клаймейнтия, будь добра, сядь на место! — Первая госпожа с улыбкой следила и за тем, как забавляется дочь, и за тем, как беспокоится Айрин. — А к кому ты бы больше ревновала, дорогая? Если бы Клай увлеклась твоим братом, тебе было бы легче?

— Думаю тогда переживали бы и я, и Кэйт, — вежливо нарисовала улыбку на лице Айрин.

— А если бы это был вон тот мальчик, рядом с твоей подружкой?

— Кэйтириона бы очень расстроилась.

— Но он же не ее муж, не ее брат, не ее личный раб..? Простой наложник из гарема.

Айкейнури, до этого сидевший довольный и счастливый, во-первых, оттого что госпожа его явно простила и больше наказывать уже точно не будет, во-вторых, оттого, что их пригласили во Дворец и он присутствует при обсуждении очень важных политических изменений на родной планете, после того как его назвали простым наложником из гарема, как оно и было на самом деле, расстроился и нахохлился. Эйн попытался приободрить друга, погладив того по руке, но в ответ на него так посмотрели, что утешать сразу расхотелось.

Вежливо отогнав дочь от чужого мужа, Первая госпожа еще раз внимательно осмотрела пришедших с девушками парней: Гейна, Айка, Шайна, Эйри и Дэйна.

Айрин долго раздумывала, взять ли ей с собой Сайни или Эйта, но, в итоге, решила не брать ни одного, ни второго. Сайни не отходил от Лейхио,

а Эйт был чужим мужем. Мало ли, случись что, отчитывайся потом перед тетушкой.

Мальчишек не взяли тоже именно из-за желания уберечь от этого неведомого «а вдруг там что-то случится», потому что Первая госпожа Венги даже в горе и желании похвалить, даже наедине, все равно была непредсказуема. И вот, похоже, этот «случись что» начало случаться.

Айрин только выдохнула, когда, слегка напуганный Дэйниш, снова присел возле ее ног и ухватился за ее руку, чтобы успокоиться. И снова напряглась, когда госпожа Хрийстийана сама начала изучающе оглядывать всех пришедших с ними парней. Сначала она поманила пальчиком и поставила в центр комнаты Шайна.

— Сотрудницы Космопорта выражают тебе искреннюю признательность за помощь. Хотя ты и выполнял приказы своей госпожи, но выполнял очень старательно. Надеюсь, она учтет это на твой следующий день рождения, даже если мы не успеем принять новый закон о продлении жизни наложников.

Шайн опустил на колени, благодаря за оказанную ему честь и пряча лицо, на котором отразилось переживание о своей судьбе после тридцатилетия.

Гейна изучили чуть более пристально:

— Моим девочкам показалось, что ты и все окружающие тебя мужчины были вооружены. И еще им показалось, что вы смели драться с женщинами, пытающимися пробиться в дом, как будто закон о мужчинах-телохранителях уже принят, причем настолько лояльный, что вам разрешено использовать оружие.

Гейнийляш даже не стал оборачиваться к своей госпоже за поддержкой, ведь инициатива была полностью его, так что нечего искать помощи у той, кого они вчера были готовы защищать всеми возможными и невозможными способами, пусть даже и ценой своих собственных жизней.

Но поддержка пришла оттуда, откуда и не ждал.

— Госпожа Хрийстийана, он это проделал с разрешения своей госпожи. Мы сразу договорились, что если случится непредвиденное, мы с детьми прячемся в подвалах, а мужчины охраняют дом.

— Как это не по-венговски, дорогая. Хотя от тебя другого и не ожидалось... Но Кэйт...!

Кэйтириона заметно покраснела, правда, оправдываться тем, что ее силой унесли в подвал, перекинув через плечо, как мешок с мукой, было бы нечестно по отношению к Айку. А оправдать его поведение приказом

Эйри было бы вообще глупо. Парни обращаются с ними, как с кисейными континентальными барышнями — любят, охраняют и балуют. С этим уже ничего не поделаешь, тем более Айрин происходящее вообще не напрягает, а саму Кэйт... Что-то она тоже уже привыкла к подобному отношению. И без привычного: «Все будет хорошо..», уже плохо засыпается. И, хотя она и металась по подвалу загнанной волчицей, призывая на голову Айкейнури все известные ей громы и молнии, но глубоко-глубоко внутри ей было... Приятно? И слыша, как Гейн с парнями разносит тайник с оружием, она чувствовала себя не Старшей госпожой Дома Маргойлин, а прекрасной принцессой, ради которой отважные рыцари были готовы сражаться с драконами до последнего вздоха. Это было так... Романтично! И вот, теперь, ее отчитывают, за случившееся, как маленькую девочку... Что же теперь делать? Попробовать привести парней в норму? А надо ли им оно? Вот ей и Айрин, нужны ли обычные рабы, или их устраивают как раз именно такие? Инициативные, самостоятельные, смелые, уверенные в себе? Вон Гейн даже ни разу не обернулся, хотя ему, наверное, страшно сейчас, гораздо больше чем вчера, когда в крови играл адреналин. И заступилась за него не она, а подруга, вот за что стыдно. А за свое сидение в подвале — почему-то нет. Обидно, что отнесли туда так... Неромантично.

— У Кыйоса сестра служит в пограничных войсках Космопорта, поэтому у него гораздо больше знаний, чем у меня. И я приняла, рекомендованное в сорок седьмом пункте свода правил для госпожей решение, переложила ответственность на того, кто разбирается в этом лучше меня.

— Дорогая, но там имелись в виду подчиненные тебе женщины! — с искренним восхищением полету новаторской мысли девушкиотреагировала Клаусийлия.

— Да, но мои женщины разбираются в защите дома от вооруженных неадекватных людей еще меньше, чем я, — повернулась Кэйт к новой собеседнице.

— Уверена, твоя мать смогла бы дать тебе несколько ценных советов, — подколола Кэйтириону Первая госпожа Венги, а потом проговорила, обращаясь к Гейну:

— Твоя госпожа, как я понимаю, не имеет к тебе никаких претензий и твоя преданность ей похвальна. Такие как ты, являются подтверждением правильности новых законов о тридцатилетних наложниках, интересно только, почему не каждая госпожа может похвастаться такими самоотверженными рабами. Не откроешь нам тайну? — и женщина приподняла голову Гейна за подбородок, чтобы заглянуть ему в глаза.

Гейнийляш не знал, что ответить на такой, в сущности простой вопрос. Почему, вместо того чтобы отсиживаться на мужской половине, в ожидании пока госпожи сами между собой разберутся, они всем гаремом кинулись защищать свою Старшую госпожу и ее дом. И одну из нападавших, выстрелившую от злости в любимую садовую статуэтку Кэйт, он лично приложил шокером. А сегодня парни пол утра бродили по саду и пытались навести там хоть какое-то подобие порядка, пока их госпожа тихо рыдала у себя над разбитой стеклянной оранжереей.

Первая госпожа Венги, на самом деле и не ожидала ответа, она была умной женщиной и сама прекрасно все понимала, может даже больше, чем девушки и их рабы. Именно поэтому, перемигнувшись с подружкой, она приступила к последнему пункту их плана.

— Иди к своей госпоже, — отпустила она Гейна. А сама поманила в центр Айка, у которого не было столько силы воли, как у Гейнийляша, поэтому он испуганно обернулся на Кэйтириону, и только потом, с трудом скрывая, как ему не по себе, подошел и встал на колени перед Старшей госпожой Первого Дома.

— Одна из моих племянниц занята поисками себе мужа, ты как раз в ее вкусе. Думаю стать мужем одной из женщин Первого Дома — достаточная честь для простого наложника?

Испуганный взгляд Айка заметался от Кэйт, к Эйну, от Эйна к Айрин, от Айрин снова к Кэйт... Потом парень перевел взгляд на Первую госпожу и тихо прошептал: «За что?!».

— Ну, мой мальчик, я наслышана о твоих подвигах, мне кажется ты заслужил звание мужа, или я ошибаюсь?

Кэйтириона, нервно откашлявшись, помахала рукой, привлекая к себе внимание, и, издав, для надежности, еще парочку покашливаний, проговорила:

— Конечно, он заслужил право стать мужем, вы абсолютно правы, госпожа Христийана. Но он еще утром получил предложение стать Вторым Мужем Старшей госпожи Девятого Дома, и принял его с радостью, правда Айкейнури?

Когда до парня целиком дошел смысл, только что прозвучавшей сейчас фразы, он засиял так, что смело мог конкурировать со светом сразу от всех трех солнц. Он светился, весь, от пяток до кончиков ушей. Сияли его глаза, улыбка...

Первая госпожа Венги усмехнулась, снова обменявшись с Клаусийлией ехидными взглядами:

— Ну что ж, жаль... Придется еще поискать племяннице мужа по

другим гаремам. Ни один раб из ваших не согласится сменить свою госпожу добровольно, как я понимаю...

Счастливый Аик, отпущенный к Кэйтирионе, прижался к ее ногам, преданно заглядывая ей в глаза, и пытаясь найти подтверждение: «Не обманула? Не пошутила? Дождался?», а девушка перебирала его волосы и чувствовала какое-то внутреннее умиротворение, как будто с плеч свалился тяжкий груз. Она, наконец, приняла решение о судьбе одного из своих любимцев, осталось только решить судьбу второго. И Кэйт посмотрела в сторону Шайна, старательно изображавшего радость, но в его глазах была настороженность и неуверенность. Что будет теперь с ним?

Когда Первая госпожа уселась снова за стол, нога за ногу и, удовлетворенно откинувшись на спинку кресла, привычно потянулась приласкать свою любимицу, глаза женщины чуть увлажнились, но она практически сразу взяла себя в руки. Тем более, сидевшая рядом подруга, протянула ей бокал со сладким лимонадом, отвлекая внимание.

— Госпожа Хрийстийана, у нас к вам есть небольшая просьба. Дело в том, что несколько дней назад из Космопорта был похищен молодой человек, сводный брат моего мужа, и по косвенным признакам, вина за это похищение на Мийрийниве Шойфейр. К тому же она планировала в ближайшее время совершить брачную церемонию с одним из инопланетников. Вы не могли бы помочь нам в поисках? Все-таки это континентальный мальчик и...

— Даже если бы это был просто твой наложник, дорогая, я бы все равно не отказала тебе в помощи, тем более мне лично это же ничего не стоит, — улыбнулась Айрин Первая госпожа.

Вызванной военной, явно из офицеров, было передано распоряжение сравнять Дом Шойфейр с землей, но найти юношу, изображенного на фотографии — фото Дариса Дэйн таскал с собой постоянно, на всякий случай.

* * *

В Доме Маргойлинов.

Всю дорогу до дома, Аик, не веря, в буквально обрушившееся на него счастье, сидел рядом с Кэйт, неприлично сияющий на фоне остальных, и держался за руку любимой. Гейн, хоть в какой-то мере, тоже был рад, что

его не отругали за превышение полномочий преданного раба, и прокручивал в уме, как бы потактивнее преподнести госпоже, зачем они все-таки хранили оружие. Но Шайн уже даже и не пытался сделать счастливое лицо, мрачно устроившись в уголке и уставившись в пол.

Девушка не мешала Айкейнури радоваться жизни. Да, наказать она его не успела за утреннюю выходку, потому что позвонила Айрин, и сейчас размышляла, стоит ли вообще отменять наказание в свете последних событий, или все же действовать, согласно правилам? А правила гласят, что наказание может быть лишь отсрочено, но неумолимо настигнет нарушителя, иначе госпожа потеряет свой авторитет, а кое у кого может закрасться крамольная мысль, что это нормально и обнаглеет окончательно. Эх... Не хотела она так быстро давать любимцу в лапки лишний козырь. Он еще не готов. И дело даже не в самом парне... Шайн...

Очень хотелось именно его сейчас взять за ручку или даже обнять и шептать ему на ушко, что все будет хорошо, но Айк держался крепко и все попытки пошевелиться воспринимал как личную угрозу, и мгновенно реагировал совершенно неподобающим образом, еще сильнее стискивая ладонь. Все-таки этот груз для него был слишком велик. Ну Первая госпожа, удружила... Хотя, наверняка, не обошлось без Серого Кардинала, Клауйсийли.

Им с Айрин есть еще чему поучиться у более старшего поколения. С другой стороны, очень хорошо, что они «в одной лодке», иметь противником госпожу Альцейкан — это слишком чревато.

— Шайнэ...

Парень поднял голову и подарил улыбку, не дошедшую до глаз... — типа все просто замечательно, я очень за вас рад...

Кэйт тяжело вздохнула... врунишка...

Выйдя из аэрошки, девушка бодро зашагала к дому, надеясь, что на глазах у зачем-то собравшихся женщин (скорее всего, просто им не терпелось поскорее узнать новости из Дворца), мальчики вспомнят, что им положено идти на пару шагов позади, но куда там!

Айк подскочил и снова уцепился за ладошку. А Шайн с Гейном, воспользовавшись тем, что госпожа уже не услышит, приотстали и теперь сцезивали яд зависти, прикалываясь над затмевающим сразу все три светила Айкейнури:

— Нет, Гейн, ты, как хочешь, но я поверить не могу, что это тот же самый человек, который вчера был таким смелым, что таскал нашу госпожу совершенно неподобающим образом, — ехидно заметил Шайнэйлиер.

— Ха! Шай, жаль, что мы не могли видеть это незабываемое зрелище собственными глазами, — глумился Гейнийляш, — наверное удивились бы еще больше! Но сейчас наш герой просто похож на малька, который отчаянно трусит, поэтому его ведут в новый Дом за ручку.

Айк, счастливо избежавший участи остаться в Доме Первой госпожи и слегка шалея от счастья, что Кэйт наконец-то приняла решение на его счет, даже не обернулся на гнусных шутников, лишь сильнее вцепился в ладошку девушке.

Поравнявшись с женщинами, Кэйтириона улыбнулась:

— Все в порядке, дорогие, не о чем волноваться.

— Но это так неожиданно было...

— Да, много чего неожиданного, но это после. Тетушка Ойлива, — обратилась Кэйт к родственнице, — я к тебе зайду чуть позже, вызови, пожалуйста, Эйли.

Рабы склонились перед недоуменно переглянувшимися женщинами, и прошли следом за своей госпожой в дом.

В прихожей Кэйтириона велела Айку идти в ее спальню, а сама обернулась к парням, поманив пальчиком Гейна. Склонившегося у ее ног раба, девушка потрепала по волосам, и чуть потянув их назад, заставив поднять лицо, чмокнула в щеку, прошептав, что благодарит за то, что он держался достойно во Дворце, но завтра с утра ждет приемлемое объяснение образовавшегося в ее Доме тайника с оружием.

— Да, госпожа! — клятвенно заверил Гейн, радуясь, что у него впереди целая ночь для выбора наиболее благозвучной и правдоподобной версии.

— Шайнэ, подойди.

Шайнэйлиер так же хотел опуститься на колени, но Кэйт удержала и, обвив шею руками, прижалась щекой к его щеке, тихо прошептав на ухо:

— Радость моя, ты сегодня ночуешь у себя, только не сиди всю ночь под пальмой! Ты же понимаешь, почему я должна сейчас побыть немного с Айком?

— Конечно, госпожа, — тихо выдохнул Шайн. — Вам не о чем беспокоиться. Надеюсь, хоть Рыжик мне обрадуется.

— Но тогда почему я беспокоюсь? — Кэйтириона отстранилась и, взяв лицо парня ладонями, заставила посмотреть себе в глаза.

Шайнэ очень старался сделать вид, что он все понимает правильно, мысленно снова сочиняя свое завещание. Но видимо эти самые мысли плохо прятались за выразительной тоской и пониманием, что он теперь

точно лишний. Как никогда близко встал призрак вчерашнего обещания госпожи Эйлиорин взять его к себе под крылышко, когда он перестанет быть нужным Кэйт.

Кэйтириона покачала головой:

— Шайнэ, завтра твоим будет день и вся ночь, я обещаю. Только и ты пообещай мне, что перестанешь себя мучать и выдумывать то, чего нет. Ты мне по-прежнему нужен, мой хороший. И в связи с предстоящим событием, даже больше, чем раньше.

Как это вяжется одно с другим у расстроенного парня пока не укладывалось в голове, но он кивнул.

— Это мое распоряжение, которое ты должен беспрекословно выполнить, понимаешь? — Кэйт все еще пыталась достучаться до разума одного из своих самых любимых мужчин, но он слишком глубоко погрузился в свои переживания.

— В общем так, иди найди Рыжика и устрой ему нескучную ночку. Я завтра спрошу с него в подробностях. И не дай, Матерь Сущего, он мне пожалуется! — пригрозила она.

Шайн наконец-то, наверное, впервые за весь остаток дня, после заявления госпожи о том, что она берет второго мужа, улыбнулся настоящему.

Показавшийся наверху лестницы Никки, легко сбежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки, чтобы оказаться в объятиях стиснувшего его в медвежьей хватке Айкейнури.

Айка просто распирало от желания поделиться с кем-то сногшибательной новостью, но девушка была начеку, решив для себя, что объявит о своем решении домашним чуть позже. Хватит им всем стрессов, хоть одну ночь пусть поспят спокойно:

— Айк! Я запрещаю тебе говорить о том, что было во Дворце! — предупредила она. — Я сама объявлю, когда сочту целесообразным, — чуть насмешливо прибавила девушка, поймав обиженный взгляд серо-зеленых глаз любимчика.

— Добрый вечер госпожа! — выскользнул Никки из объятий Айка и упал на колени, чувствуя, что что-то происходит, и госпожа чем-то немного раздосадована, хотя по сияющему лицу Айка понятно, что тому ничего страшного не грозит. Но на всякий случай стоило все-таки ублажить взор Кэйтирионы, должным образом прогнув спину.

— Никки, солнышко... — Кэйт отпустила Шайна, — подойди сюда, Ягодка...

Никки удивленно поднял голову. Госпожа улыбалась, и вовсе не

дразнилась. Ягодкой его называл только Айк, остальные произносили это слово с легкой ехидцей, желая подколоть его или Айка, не нарываясь, а просто для поддержания тонуса. А из уст их госпожи это звучало так... волнующе, что у парня даже приятно затрепетало в груди.

— Да, госпожа?

— Яаагодка... — повторила Кэйт, улыбнувшись, перекатывая на языке, словно пробуя на вкус сладкое прозвище, любуясь парнем. На него и в самом деле невозможно было смотреть без улыбки, он совершенно не умел скрывать своих эмоций. И жизнерадостность и теплота восхитительной аурой распространялась вокруг. Сладкий мальчик... Айку очень повезло иметь такого Нижнего. Самое то для его взрывного характера, чтобы как-то уравновесить эту парочку.

— У меня к тебе есть два поручения, одно маленькое, но очень важное, а второе...

На лице парня промелькнуло беспокойство.

— Все нормально, сладкий мой. — успокоила его Кэйт. — Найди, пожалуйста, Нэйя и скажи ему, чтобы не отходил от Шайна, чтобы тот ему не рассказывал, договорились?

— Да, госпожа, — посерьезнел парень.

— Я на тебя очень рассчитываю, — провела ладошкой по щеке Никки Кэйтиайриона, и, не удержавшись, специально задела пухлые, как у подростка губы, подавив в себе желание его поцеловать. Хватит уже демонстрировать свою привязанность сразу ко всем приближенным рабам.

— А второе поручение какое? — тихо спросил Никки.

— А второе я тебе скажу, когда ты выполнишь первое. Найди Рыжика и передай, чтобы сохранил мне Шайна до утра во вменяемом состоянии. А потом жди меня у моей комнаты.

— Под пальмой? — улыбнувшись, шепотом уточнил парнишка.

— Да. — подарила ему ответную улыбку Кэйт. — Давай, живо дуй к Нэйю.

— Я мигом! — пообещал Никки, рванув вверх по лестнице.

— Куда это он? — удивился Гейн.

— К Тийку помчался, — съехидничал Шайн, чтобы хоть немного компенсировать себе горечь утраты иллюзий, не понимая, откуда в нем столько желчи, но сейчас он был просто не в состоянии искренне порадоваться за Айкейнури.

Айк криво улыбнулся, оценив попытку менее удачливого соперника.

Гейнийляш усмехнулся, вздохнув:

— Мне что ли кого постоянного завести... только вот кого? —

произнес он, словно рассуждая сам с собой. — Из мальков выбирать как-то...

— Солнце мое — так под тобой весь гарем... — рассмеялась Кэйт. — Оставь мне только вот этих двоих, — кивнула девушка на двух своих любимцев.

Айкейнури, которого уже целенаправленно послали, обернулся у открытой двери в коридор первого этажа:

— А у нас Рэйни бесхозный... — обронил он.

Кэйтириона переглянулась с Гейном и Шайном, прекрасно понимающими подоплеку намека, и Гейнийляш, кусая губы, чтобы не заржать, постарался соорудить задумчивую мину:

— Кхм... боюсь, он тогда время от времени танцевать не сможет.

Девушка живо представив размеры органа старшего по гарему, не сдержалась и фыркнула, прикрыв рот ладошкой:

— Гейн, идея сама по себе, конечно, заслуживает рассмотрения, но, знаешь... ты пожалуй, Рэйя тоже не трогай, я тебе лучше завтра Эйли пришлю.

— Чтооооо? — изумился парень, не веря своим ушам.

Тут уж, поняв, что она сморозила, Кэйт не выдержала и рассмеялась:

— Нет, я не о том, о чем ты подумал!

— Размечтался! — заржал Айк.

— Ну, мало ли, — смущенно пожал плечами Гейн.

— Пусть он поедет с тобой, и сам выберешь себе достойную... в смысле подходящую по всем параметрам «половинку» на рынке... В конце концов, если у вас ничего и не получится в смысле романтики, потом можно будет нашим женщинам отдать развлекаться... — закончила свою мысль Кэйтириона, хлопнув здорового парня по плечу и, обернувшись, погрозила любимчику пальцем. — Айк! Прекрати провоцировать!

— И дарить напрасные надежды, — глумливо подхватил Айкейнури, чувствуя, что уже практически недосыгаем, даже если Гейн и вздумает напомнить ему его место.

— Ладно, мальчики, добрых снов, — обернулась Кэйт к Гейну и Шайну, и торопливо поднялась вслед за Айком, которому, похоже, срочно требовалась профилактическая мера для приведения в чувство.

Зайдя к себе в спальню, она даже не успела открыть рот, как была подхвачена на руки искрящимся от радости парнем:

— Кэйт! Кэйтиии... — собственнически прижал он ее к груди.

И, если раньше Кэйт позволяла ему подобные вольности за хорошее

поведение, то сейчас срочно следовало расставить все акценты, пока ошалевший от счастья раб окончательно не слетел с катушек. И это пока еще неофициальный муж! А что с ним будет, когда проведут Церемонию?

— Айк! — добавила строгости в голос Кэйтириона, но он, похоже, даже не расслышал теперь, когда вокруг не было никого из посторонних, твердил, как заведенный:

— Кэйт, любовь моя... я... я даже не знаю что сказать...

— Так! Давай-ка для начала ты поставишь меня на место! Это раз! — голос девушки зазвенел от возмущения.

Айк моргнул, немного недоверчиво уставившись на любимую, которую непонятно чем прогневил. Но на всякий случай все-таки аккуратно опустил ее на ножки и отступил на шаг, спрятав руки за спину.

— Отлично! — Кэйтириона раздраженно расправила слегка помявшееся в объятиях парня платье и уперла руки в бока: — Во-вторых, ты сейчас же вспомнишь, как следует обращаться к своей госпоже!

— Кэйт... — недоуменно пробормотал Айк, чувствуя, что пахнет жареным, но все еще не до конца оценивая масштабы катастрофы. — Госпожа?

— Вот именно, родной мой! «Госпожа!!!» Даже Эйн не сразу удостоился милости называть меня по имени.

— Но я думал... что раньше... и... — совсем потерялся Айк. А Кэйт устыдилась. Понятно, что раз она ему раньше иногда позволяла проявлять столько безрассудности и смелости, то сейчас, когда он почувствовал свой триумф, было бы глупо требовать от него адекватности, и зачем она вообще приплела Эйнри? Тоже хороша, воспитательница! Ну, ладно, самобичеванием можно заняться и позже, а теперь следовало все же продолжить начатое:

— Айк, радость моя, — уже мягче начала девушка. — Я тебя очень люблю, И более того, если бы меня не вынудили сделать сегодня подобное предложение, ты его все равно получил бы. Только не сейчас. Через год. Надеюсь, ты понимаешь почему, — выдержала она паузу, дождавшись, пока парень осознает, что его любят, и ругают сейчас за что-то, о чем он должен догадаться сам.

Шайн? Тля-а... Как он мог забыть?

— Простите, госпожа, — покаянно склонил парень голову.

— Но ты, Айк, оказался таким эгоистом... Я расстроена... Очень расстроена. Я вот даже не уверена, что ты все-таки дорос до того, чтобы принять на себя ответственность быть моим мужем.

— Госпожа?! — в голосе раба проявилась паника, а во взгляде

потемневших серо-зеленых глаз плескалось столько эмоций, что Кэйт опустила ресницы.

— Я не буду отказываться от своих слов, и надеюсь, никогда не пожалею...

— Никогда! Кэйт... Простите, госпожа, клянусь!

— Айк! — чуть не простонала Кэйтириона, — но ведь ты даже сейчас меня перебиваешь! Как я могу тебе верить? Несчастье ты мое?

— Я исправлюсь... — виновато вздохнул он, попытавшись изобразить непередаваемое выражение, точно скопированное с... Рэя.

Кэйт не выдержала и улыбнулась. Хотелось плюнуть на все эти воспитательные меры и утянуть любимого наглеца в кроватку... Но нельзя. Если он почувствует слабинку, потом вообще обнаглеет.

— Айки, ты помнишь что-нибудь из того, как должен вести себя раб, которому оказана честь стать мужем?

— Да, госпожа, — упал на колени Айк, уткнувшись лбом в кончики ее туфель.

— С трудом верится, — прошептала девушка, — Но давай хотя бы вспомним основы. Тебе ведь придется предстать перед многими женщинами... Давай-ка мы с тобой сегодня поиграем традиционно?

— Да, госпожа, — уныло согласился Айк, даже не скрывая своего разочарования.

— Плохо, радость моя, незачет! — покачала головой Кэйтириона.

— Да, госпожа! — нарисовал улыбку на лице опомнившийся Айкейнури. — Благодарю вас, госпожа!

— Вот уже чуть лучше, — ухмыльнулась девушка. — Иди в ванную и потренируйся перед зеркалом, как правильно изображать радость, какой бы выбор не сделала твоя госпожа. Став моим мужем, ты будешь не единственным в моей кровати, ты помнишь об этом, зайка моя? Или тебе запретить смотреть континентальные фильмы?

— Я помню, госпожа, — энергично закивал Айк.

— Ну вот и славно, — потрепала Кэйт парня по щеке. И, уже совсем другим тоном:

— Тебе помочь принять душ, чтобы не намочил пластырь?

— Я справлюсь, госпожа, благодарю вас за заботу, — сориентировался Айк, что лучше уж пусть Кэйтириона пока пойдет пошепчется с Ойливой, чем сначала он заведется от близости с ней в душе, а потом госпожа возьмет и покинет его, чтобы утрясти какие-то вопросы. Он же с ума сойдет в ожидании...

— Я быстро вернусь, — пообещала Кэйт направляясь к двери, и уже

взявшись за ручку обернулась. — Отомри, Айки. Я тебя люблю, но... второго Эйна мне не надо, постарайся проникнуться этой мыслью.

С Ойливой и Эйли Кэйтиайриона хотела обсудить финансовые вопросы. Первый Дом обещал оплатить все расходы по восстановлению сада и дома, но надо было составить список этих расходов, сделать смету...

Заодно тетушке, под большим секретом, было сообщено, что у Старшей госпожи их дома появился второй муж.

* * *

Когда Кэйтиайриона вернулась, Айк ждал ее, стоя у окна, обнаженный, красивый, желанный, с влажными после душа волосами. «Ну что ж, наказывать можно очень по-разному», — подумала Кэйт, посмотрев парню на спину, с наклеенными на нее пластырями. Плеток сегодня точно не надо, хотя самым страшным наказанием для Айка будут не они... А наказывать Айкейнури надо, к тому же еще и впрок, на будущее. А то когда еще руки снова дойдут?

— Тут твоя госпожа в комнату вошла, или ты не заметил? — ехидным голосом спросила девушка.

Айкейнури, радостно обернувшись на звук открываемой двери, изумленно распахнул глаза, потом спохватился и упал на колени.

— Уже лучше. А теперь слушай меня внимательно, мой мальчик. Ты вчера продемонстрировал всю бездну своего неуважения ко мне.

Несчастный парень начал пытаться вспомнить, когда и где, и в каком месте он посмел..

— Когда отнес вас в подвал, госпожа? — других вариантов в голову просто не приходило.

— Да, солнышко мое, именно тогда ты дал мне понять, что не уважаешь ни мои желания, ни мое решение, ни даже мои ум и здравый смысл!

— Я хотел вас спрятать понадежнее, госпожа! — несчастный Айк совсем не рассматривал случившееся вот в таком раскладе, он просто очень волновался за свою Кэйт.

— А кто спрашивал твое мнение? Рабы, обычно, сначала учитывают желания своих госпож. У нас, знаешь ли, так принято... — продолжала издеваться над бедным парнем Кэйтиайриона.

— Простите... — покаянно прошептал Айк, преданно заглядывая в

глаза своей будущей жене. Тля! Удалась первая ночка...

— Что обычно делают с плохими мальчиками, Айкейнури?

— Их наказывают, госпожа...

— Замечательно. Есть вполне уважительная причина, почему тебя нельзя высечь, и эта причина достаточно сильно смягчила силу моего гнева. Но не полностью, любимый, не полностью. Я сначала думала вообще поставить тебя где-нибудь в уголочке, смотреть как я награждаю Шайна и Гейна, — с удовлетворением отметив, как вздрогнул Айк, как будто она его ударила, девушка продолжила, — но я решила проявить уважение, и не давать тебе шанса испортить им удовольствие зубовным скрежетом и злобными взглядами. Поэтому я выбрала другого. Попробуй напрячь свой мозг и уши, и может ты даже угадаешь — кого.

Парень непонимающе уставился на свою госпожу, пытаясь понять, что же в конечном итоге его ждет.

— Ползи на коленях вон в тот угол. Да. Нет, лицом в угол. — подойдя Кэйтириона завязала Айку глаза любимой черной повязкой Шайна, и прошептала в ухо, — А теперь стой с прямой спиной, внимательно слушай и раскаивайся. И помни о контроле, мой мальчик.

Высунувшись в коридор девушка поманила к себе, действительно засевшего под пальмой Никки. Парень вошел и тут же поискал глазами друга, но сначала не нашел. Кэйт помогла ему, кивнув в сторону угла, и глаза Никки изумленно распахнулись. Повернувшись к госпоже он уже даже приоткрыл рот, чтобы вслух уточнить, а что здесь, собственно говоря, происходит, но пальчики госпожи чуть сжали его губы. И Кэйтириона, отрицательно помотав головой, приложила палец уже к своим губам: «Тшшшш! Пусть угадывает, кто ты». А сама нежно обрисовала манящий контур губ парнишки, легко-легко коснулась уголка рта и усмехнулась, наблюдая, как начал жмуриться Никки, расслабляясь от ласки. Но, когда ноготочки девушки прошли у него по ребрам, парень распахнул глаза. Если бы до этого Кэйт не видела его реакцию на ласку, то была бы убеждена, что он по-прежнему наслаждается игрой. Но она уже видела более яркое проявление удовольствия, и оно ей понравилось больше. Никки ни в чем не провинился, даже наоборот, он заслужил награду, спасая ее лошадей. И выбрала она его для сегодняшнего развлечения, только потому, что парнишка идеально подходил для этого по всем параметрам. Айкейнури должен получить свое наказание, причем ровно в том объеме, в котором заслужил, не меньше, но и не больше. Но и Нийкийнэ должен получить от всего этого удовольствие, ну и, конечно, она сама должна

насладиться и наказанием одного, и награждением другого. Ласкать сладкую Ягодку своего обнаглевшего любимца будет приятно, мальчик просто создан для такой игры.

— Тебе не нравится боль, малыш?

— Простите, госпожа...

— Ты больше любишь ласку, Ягодка? — вместо острых ноготочков по телу юноши заскользили подушечки пальчиков госпожи, и глаза Никки начали слегка туманиться от ласки.

— В тебя раньше играли по-настоящему? — лаская пальчиками шею парня, и почти касаясь его уха губами спросила девушка.

— Нет... Госпожа... — выдохнул Никки и распахнул глаза, чтобы увидеть, расстроил или обрадовал он этим Кэйтириону.

— Ну что ж, чудненько, значит игра будет еще интереснее, как ты считаешь? — Кэйт запустила обе руки в волосы парнишки, на затылке, и очень нежно потянула его голову вниз, к спине, чтобы полностью открыть шею. По которой проложила дорожки из поцелуев... Никки выгнулся, стараясь грудью коснуться ее тела, потом просто замер, стараясь не дышать и не шевелиться.

— Отомри, Ягодка. Мне нравится видеть, как сильно тебе нравится то, что я с тобой делаю.

Выдохнув и тут же резко снова захватив как можно больше воздуха, Никки опять выгнулся, прижавшись своим телом к телу госпожи. А та с шеи уже спустилась чуть ниже, к ключицам и потом к соскам. Нежно поцеловав и слегка куснув их губами, девушка отошла на шаг и махнула рукой в сторону кровати: «Продолжим там». И оба, не сговариваясь, посмотрели в угол, где с прямой спиной и руками за головой стоял Айк.

В серых глазах была вина, в зеленых — сочувствие. Но Кэйт точно знала, что все делает правильно, и увидев сомнение в глазах Никки, сразу уточнила:

— Я ваша госпожа, Никки, и, в данном случае, его наказание — это не самодурная прихоть, на которую я тоже имею полное право, а продуманное решение.

Серые глаза перекрестились с зелеными и парень отвел взгляд в сторону:

— Простите, госпожа. И... Спасибо...

— За что, сладкий мой? — Кэйт решила, что уже хватит разговоров, и можно продолжить забаву. Поэтому толкнула стоящего перед ней парнишку на кровать, и сама стащила с него штаны, отшвырнув их в сторону двери.

— За то что вы... Это — вы, госпожа. — улыбнулся Никки,

зажмурившись и расслабившись от очередной порции ласки.

Айкейнури каким-то седьмым чувством понял, что в комнату вошел его Ягодка, еще до того как услышал их перешептывание с Кэйтириной. Сначала он разозлился — с чего бы тому поздно вечером заявляться в комнату к госпоже? Но обостренным слухом услышав разговор, понял, что Никки попался не просто нечаянно под руку, а был расчетливо выбран. Это слегка расстроило — значит, его планировали наказать еще до того, как он забылся и позволил себе сегодня лишнего, на радостях. А он наивно решил, что вчерашнее поведение ему простили...

Ну а потом Айку стало не до размышлений, потому что его Ягодка начал тихо постанывать от ласк ЕГО госпожи. То, что Кэйтирина, одновременно, госпожа и Никки тоже, из бедной головы вылетело. И тут Айк услышал такое, от чего в его голове вообще произошел маленький взрыв и только долгие годы дрессировки помогли остаткам разума удержать тело в приказанном госпожой положении. Он услышал, как стонет его Кэйт... Что Никки с ней там делает? Он свято был уверен, что так явно и столь громко выражать свое удовольствие госпожа может только с ним. Только он доводит ее до такого состояния, иначе почему она до сих пор предпочитает его всем остальным мужчинам? Бедный парень уже не понимал, к кому кого ревнует, его начинало уже потряхивать от напряжения. Хотелось заткнуть уши, чтобы не слышать... Ничего... Айк начал бубнить про себя считалочку, из далекого лагерного детства:

Маленький мальчик
Сел на стаканчик,
В дудочку играет,
Госпожу забавляет.
Госпоже на потешки,
Нам на орешки.

Но полностью сосредоточиться и отключить слух никак не удавалось. Тогда, в надежде, что эти двое слишком сосредоточены друг на друге и никто ничего не заметит, парень заткнул уши. И тут же раздался голос Кэйт:

— Тебе как приказали стоять, Айкейнури?

— Простите, госпожа... — выдохнул Айк и снова сцепил руки за головой.

Даже смотреть на это чудо, умудрявшееся сочетать в своем облике мужественность и какую-то удивительную непорочность, которой Никки немного стеснялся, было до замирания сердца приятно. То, как он старался сосредоточиться, чтобы выполнить все, так, как подобает при общении с госпожой, когда она берет тебя в кровати и не привязывает, но тут же растекался жидкой медушкой от одних только прикосновений, заводило Кэйт не на шутку. Она специально теперь чередовала легкие скользящие движения острым язычком, выписывая узоры по его коже вокруг потемневших горошин сосков с такими же несильными укусами кончиками зубов, чтобы парень не слишком улетал из реальности. И очень рассчитывала потом сама получить полноценное физическое, а не только созерцательное удовольствие.

Особенно манили его губы, которые он то приоткрывал, стараясь глотнуть еще воздуха пересыхающим ртом, то закусывал, очевидно, вспоминая, что в комнате они все же не одни. Девушка специально почти склонилась к нему, для того, чтобы, когда она поднималась выше, к незащитно подставляемой под ласку шее, касаться его полной грудью...

Чувствуя, что Никки уже с трудом контролирует себя, все чаще пытаясь выгнуться навстречу, желая получить еще больше, чем она предлагала, Кэйтириона наконец-то отстранилась, удержав ладонями потянувшегося за ней парня, и улыбнулась:

— Теперь я чуточку усложняю задачку, Ягодка, — не удержалась она, проводя ладошкой по скуле парня, одновременно задевая уголок его рта, чуть оттопыривая Нижнюю губу... Нет, она определенно не могла оставить промелькнувшую картинку без внимания. Снова склонилась, прижавшись ртом к этой манящей губе, провела кончиком языка по внутренней части, отчего Никки судорожно вдохнул и выдыхать почему-то не спешил...

Кэйт все-таки созорничала, буквально на секундочку засосав и без того пухлую губку, и тут же отстранилась, щелкнув парнишку по кончику носа:

— Выдыхай, глупый...

Никки шумно освободил легкие, и постарался быстро восстановить сбившееся дыхание, выдавив вымученную извинительную улыбку.

— Простите, госпожа, — прошептал он. Девушка помотала головой, отрывая замороженный взгляд от его рта, и посмотрела в потемневшие от возбуждения, слегка расфокусировавшиеся серые зрачки... Парень тут же

постарался спрятаться за «занавесом» из густых ресниц.

— Ягодка, думаю, тебе стоит открыть глазки, — ласково шепнула Кэйт, осторожно перемещаясь чуть дальше вниз, и легко, привычным движением, опускаясь на его бедра. В этот момент Никки и распахнул огромные глаза, в которых плескалась бездна изумления и восторга.

Кэйтириона осталась довольна. Мальчик — уни, у него есть не только Айки, но он и сам бывает сверху. Возможно, именно поэтому, побывав в обоих положениях, и находя в этом достаточно преимуществ, он и любит ласку больше, чем болевые ощущения, которые прививаются всем мальчикам с самого детства, заставляя их чувствовать наслаждение именно «через». Не слишком размежевывая, где проходит призрачная грань, переводя из одного состояние в другое. И она очень хотела увидеть то, как он воспримет естественную смазку...

Девушка опускалась медленно, давая ему возможность полностью насладиться новыми ощущениями, радуясь в душе, что это все-таки не Гейн (хотя, даже и до Айки не дотягивает), но зато можно и самой поупражняться в любимой игре, когда работают не только бедра, но и внутренние мышцы. Кэйт в свое время очень гордилась, что овладела подобной техникой доставления удовольствия не только себе, но и партнеру... Очень хотелось как можно сильнее привязать к себе Эйри, даже специальные уроки брала. Но... ладно, зато остальным мальчикам теперь повезло...

И именно с Никки у нее теперь была возможность в полной мере «повторить» пройденный материал. Главное только, чтобы он сумел продержаться, пока она не вспомнит все пикантные моменты. А это безумно заводило, заставляло изгибаться на нем. То медленно и плавно насаживаясь, впуская в себя ровный горячий ствол на полную длину, плотно соприкасаясь в области паха, ощущая ягодичами мягкую бархатистость нежной кожицы яичек, то приподнимаясь так, что он чуть не выскальзывал. И это ощущение полной свободы, того, как напрягается и расслабляется Никки, стараясь все-таки, изо всех сил соответствовать, было до одури приятным, вызывая у девушки сладкие стоны наслаждения...

Зародившееся предвкушение скорого оргазма уже формировалось там, глубоко внутри, «гуляя» словно электрическими разрядами по все ту же сжимающейся спирали от паха к позвоночнику, почти до болезненного спазма в животе... И Кэйт принялась работать все быстрее, чуть отклонившись назад, впиваясь ногтями в бедра раба, уже практически встающего на мостик в желании слиться сильнее, чтобы он не смел кончить

раньше. На краю сознания она отмечала, что это безобразие, то что Ягодка так несдержан, и в то же время, довольная, понимала, что это она вынудила его совершенно потерять контроль. И от собственного «могущества» просто голова шла кругом.

Рваное дыхание срывалось с пересыхающих губ, зато уже выступила легкая испарина, и девушка запрокидывала голову назад, создавая себе дополнительное наслаждение, елозя распущенной гривой волос по спине, и, наверное задевая голые колени Никки, уже тоже бездумно мотающего головой по подушке, чуть ли не стонущего под ней, пытаюсь сдержаться... Дааааа....

— Аааах... — наконец, замерла она на пике, чувствуя, как жадно пульсирует все внутри, не желая выходить из этого крутого виража упоительной эйфории...

— Можно... — прошептала она, непослушными губами, но Никки уже не требовалось дозволение, он практически сразу последовал за ней, увлекаемый ее страстным оргазмом... И тут же виновато застонал.

Кэйт лениво отметила, что следует с парнем еще немного поработать, чтобы такого не случилось впредь, но сейчас было и так хорошо... Жаль только, что затихающие отголоски удовольствия не могут продлиться дольше...

Она приподнялась, позволяя обмякшему члену выскользнуть из нее, и обессилено опустилась рядом.

— Госпожа... — жалобно прошептал сконфуженный парень, боясь теперь без приказа даже пошевелиться.

— Чшшш... — накрыла ладошкой его губы Кэйт, млея, прислушиваясь к себе...

— А можно я...

Никки не договорил, но Кэйтириона и так поняла, что он хочет срочно реабилитироваться.

— Можно, Ягодка... — улыбнулась девушка, раздвигая стройные ножки, чтобы отчаянно желающий угодить раб мог теперь доставить ей оральное удовольствие.

Виньет она очень уважала, правда лучше всего получалось у Шайна... Но представив, как эти пухлые губки Ягодки будут целовать ее там, непроизвольно прогнулась навстречу, издав тихий стон.

— Дааа... Никкиии... Оу... ах-ааа... не торопись... — вцепившись в волосы парнишки, она слегка попридержала его усердие, направляя и задавая ритм... ну вот теперь снова можно расслабиться — ох какой кайф... оу... эти губы и этот шустрый язычок... дааа... еще раз вот так...

уже почти вот-вот... аааа...

Кэйт металась по кровати, вскидывая бедра навстречу очень грамотно работающему ротуку Ягодки, не стесняясь своего полубессознательного состояния, стонала и чуть ли не всхлипывала в голос.

Девушка даже не ожидала, что почти сразу же вновь отправится в бесконечный полет... Может быть, это даже не столько физическая закономерность, сколько эмоциональное состояние, когда знаешь, что этот не просто награда Никки, но и часть шоу для одного очень любимого ревнивца, замершего в дальнем углу. Эта мысль царапала по нервам, возбуждая и подстегивая следующий один за другим оргазмы... Нет, пожалуй за такое наслаждение, Никки даже не придется пенять за то, что поторопился... Мальчик честно отрабатывал свой оргазм.

К тому времени как Кэйт кончила второй раз, Айка уже потряхивало от напряжения. Он боролся из последних сил с возбуждением и с желанием стукнуть головой об стену со всей силы. Но где-то в глубине подсознания утешало то, что его унижения видит именно Ягодка, а никто-то другой. И больше всего радовало, что госпожа не позвала Рэйни...

Выпроводив Никки и приняв душ, Кэйтиайриона, подойдя сзади, сняла повязку с глаз Айкейнури, подняла его за волосы и толкнула к стене, в которую парень уперся руками, размышляя, что же ждет его теперь. Теперь его ждал анфаллос. Нет, не то чтобы он не любил, когда госпожа так с ним играла. Любил. Когда это происходило глаза в глаза или когда она сидела сверху на нем и он чувствовал ее тело... Но сейчас его просто механически трахали, давая скинуть скопившееся возбуждение.

Потом снова поставили на колени, снова завязали глаза, и пожелали спокойной ночи. Тля! Всю ночь на коленях, когда рядом сладко спит его Кэйт?! Матерь Сущего, он знал, что его госпожа умеет наказывать, но никак не ожидал, что его накажут так изощренно.

25 мойиэля. В Первом Доме.

Тяжело быть первым лицом целой планеты, душа выла и металась, оплакивая любимую, но надо было соблюдать формальности. Совершеннолетие средней дочери, большой праздник, совмещенный с победой над бунтовщиками. И, главное, необходимо решить судьбу почти двух сотен женщин, оставленных, брошенных здесь на Венге младшей Шойфейр и ее сторонниками. Простить и отпустить?

Внеплановый сбор, несколько сократившегося в количестве участниц Совета, прошел 25 мойиэля. Первая госпожа присутствовала на нем только в своей физической оболочке, поэтому в прениях по поводу дальнейшей судьбы задержанных бунтовщиц не участвовала.

На милом уютном семейном обеде их судьба была решена — отправка на планету-колонию. Всех. Без исключения. А задачей госпожи Клаусийлии и девушек было уговорить Совет согласится с этим решением, потому что давить сейчас своим авторитетом Первой госпоже Венги не хотелось абсолютно. Она искренне переживала, что если ее спровоцируют, то она просто прикажет всех казнить.

Сначала выступила госпожа Альцейкан и привела серьезные аргументы, те, которые они все дружно придумали во время обеда. Потом выступила Кэйтариона, просто рассказав о тех ужасах, которые довелось ей пережить. О полностью разоренном саде, который она только восстановила, о сгоревших хозяйственных постройках и о том, что огонь просто чудом не добрался до ее дома. А также, о том, что все это совершили женщины, которых она считала своими старшими подругами, доверяла им... Материнские чувства членов Совета были задеты, к тому же они были полны сочувствия потере сада, оранжереи, конюшен... А потом выступила Айрин. Речь для нее почти целый день сочиняли она сама и Лейхио. Все было закручено и заверчено, в стиле Лейя, и сверху украшено кучей эмоциональных высказываний, в стиле наивной континентальной девушки, пережившей страшное потрясение. Почему-то именно это, последнее выступление, членов Совета добило окончательно. Возможно им стало стыдно за поведение своих сопланетниц? А может сработал эффект накопления? Но именно после выступления Айрин, тридцатью девятью голосами против двенадцати было принято решение о массовом переселении участниц бунта на планету-колонию.

После этого женщины разъехались готовиться к всеобщему празднованию, а девушки остались поддержать Первую госпожу, которой сейчас надо было объявить свое решение двум сотням будущих переселенцев. Гвардейцы завели их в зал, и некоторые, тут же, сразу, заголосили, запричитали, стали умолять о пощаде. Большинство, конечно, стояли с каменным лицом выражая презрение существующей власти, и за таких совесть не переживала. Но при виде двух молодых девушек, всхлипывающих на коленях и молящих о прощении, оставаться суровыми и жестокими было сложно. Но это было необходимо — или все, или сейчас начнется бедлам. Эти женщины были задержаны с оружием в руках или у

Космопорта, или у дома Маргойлинов, или у Дворца. Невинных, гуляющих по полянам ангелов, среди них не было.

Поэтому Айрин, любезно испросив разрешения у Первой госпожи Венги, приступила к «избиению младенцев». Сначала она уточнила у рыдающей на коленях парочки, где они были 22 мойиэля, и девушки тут же начали запинаться и спотыкаться. В итоге выяснилось, что одна «невинная овца» находилась в Космопорте и постреливала совсем даже не в воздух, а вторая гуляла без приглашения по саду Кэйтиайрионы, где теперь снова все надо восстанавливать... Остальные рыдающие и раскаивающиеся тоже были цинично поставлены на место. Айрин была очень зла, и за Лейхию, и за Эйри, и за сад подруги... И за разбитую оранжерею... И, самое главное, за смерть невинных людей и во Дворце, и в Космопорте.

Клаусийлия не мешала Айрин, скорее она искренне наслаждалась происходящим. Первая госпожа Венги находилась в несколько отрешенном состоянии, у нее как раз наступил период полного осознания своей потери. А Кэйтиайриона... Каждую из этих женщин ей было жаль, ровно до того момента, пока подруга не начинала с пристрастием уточнять, где та была и что делала, а, главное, о чем та думала, держа в руках оружие и используя его против таких же, как она, живых, дышащих, ни в чем неповинных людей.

Но, с особым цинизмом, Айрин измывалась над теми, кто был задержан у Дома Маргойлинов. Кэйт, наивно веря что подруга так им мстит, думая о ней, была бы очень удивлена, узнав что особое внимание уделяется женщинам, из-за гибели сада и оранжереи. Нет, про Кэйтиайриону тоже помнили, и про ее мальчиков, и про Никки в лесу, и про Тийку, и про Айка, боровшегося с огнем, и про Гейна с гаремом, защищающих подступы к дому...

Цветы, кусты, деревья... Девушка в детстве даже по траве босиком не бегала, боялась, что травке больно будет. Мать думала, что дочь ботаникой заниматься будет, но: «Природу любить надо, а изучать ее не интересно. Пестики и тычинки меня не привлекают», изрекла десятилетняя Айрин, увлеченно штудирова очередную том «Всемирной истории». И вот столько невинных жертв, равноценных в правах с людьми, по мнению девушки. Да и подругу было искренне жаль, она в этот сад столько души, сил и денег, что ни мало важно, вложила. Радовалась, как девочка....

Когда бывшие воинствующие бунтовщицы, а ныне раскаивающиеся страдалицы, поняли, что прощения им не светит и что, почему-то, их судьбу сейчас решает даже не Первая госпожа Венги, а озлобленная

континентальная девчонка, истерики затихли и женщины начали уже торг за другое. Сколько рабов можно будет забрать с собой и будут ли они все жить в отдельных домах или группами.

Тут за дело принялась Клаусийлия, потому что это все уже было тоже обговорено, за тем их первым совместным обедом, 23-го мойиэля.

Первая госпожа Венги подозревала, что наступят несколько дней, когда она будет только «тело и лицо планеты», переходящая статуя для демонстрации. Поэтому они тогда до позднего вечера обсуждали планы на следующие две недели, подробно, до самых маленьких деталей.

Единственное, о чем в те часы жалела Айрин, так это об отсутствии Лейхио. Вот уж кто бы искренне наслаждался триумфом Дома Вайнгойрт. Потому что, Эйри и Дэйниш скорее переживали, чем радовались. Все более и более близкая связь с Первым Домом, почему-то их беспокоила.

* * *

Но у этой связи было множество преимуществ. И одним из них было возвращение в дом брата Эйна, Бойгдайшэ. Мужа Вейтийлайны Ийссайхайрт. Хотя ему уже и исполнилось тридцать несколько месяцев назад, Вейтийлана не стала его усыплять, придержав, как козырную карту, в игре против Вайнгойртов и Маргойлинов. Всех Старших госпожей, участвующих в заговоре, официально лишили прав, и те Дома, что остались без наследниц, переходили к Первой госпоже Венге. А Клаусийлия, занимающаяся отсчетом свалившегося на подругу богатства, решила, что Айрин будет очень рада знакомству со своим родственником. Это можно было расценивать как дар-компенсацию, потому что, не смотря на тщательный обыск всего дома Шойфейр и его окрестностей, найти Дариса не удалось.

Глава 41

День рождения средней дочери Первой госпожи Венги отмечали вечером 25-го мойизля. Праздник был не таким радостным, как планировалось, но молодость не может грустить долго, поэтому к середине вечеринки девушки уже веселились вовсю. Вилайди и Рэйни исполнили заказанный танец, и потом были отправлены домой, во избежание непредвиденных ситуаций. С Кэйтириной остались Шайнэ и Айки, а с Айрин — Эйри и Дэйниш.

Клаймейнтя, выпивая коктейль за коктейлем, все больше и больше сужала круги вокруг Дэйна. Но наткнувшись на строгий взгляд Айрин, усмехнулась и предложила:

— А хотите завтра посидеть у меня? Поболтаем... Лейксийо по Тойшийнэ скучает.

Девушки переглянулись и согласились — подружиться с будущей Старшей госпожой Первого Дома было очень даже неплохо.

На следующий день, ближе к вечеру, три девушки расположились в апартаментах Клай. Тойшийнэ был сразу отправлен к Лейкси, а остальные парни расселись у ног своих госпож. Клай прислуживал совсем юный мальчик, к которому девушка обращалась исключительно как к зайке и котеночку. Разговор сначала не клеивался, потому что у Айрин голова была забита переживаниями о сбежавшей Мийриниве и о ее дальнейших планах, а у Кэйт — выбором даты и обдумыванием подготовки к Церемонии Зачатия, после которой Аик будет официально признан ее мужем. Клайментя просто хотела подружиться, потому что вокруг этих двух девушек бурлила интересная жизнь, а сама Клай скучала во Дворце и желала разнообразия.

В итоге Кэйтирина и Клаймейнтя начали обсуждать предстоящую Церемонию, наряды, гостей и потихоньку эта тема захватила и Айрин.

Она вспомнила салон красоты от Зуйлии, и с тоской подумала, что с ее последнего посещения этого замечательного места прошло уже два года. Пора было обновить впечатления.

— Девочки! Я так давно не менялась, так хочется что-то сотворить с прической, новое. Подстричься коротко, что ли?

— Айрин! Даже не думай, у тебя такие роскошные волосы. Давай их лучше завьем? Тебе так пойдут локоны! — Клай даже облизнулась,

мысленно распустив тугой конский хвост на голове девушки и завив прядки крупной волной. — А если тебе под глазами нарисовать тоненькие стрелочки, совсем тоненькие... Позволишь? — в глазах Клаймейнтии засветился азарт и что-то еще, пока не очень уловимое, но Айрин просто ощутила как ее мысленно раздевают. «Надеюсь, чтобы переодеть во что-то более красивое», — попробовала успокоить себя девушка.

Парни тихо сели в отдельном уголочке и хихикали между собой. Айкейнури старался радоваться не так заметно, чтобы не портить настроение Шайну. Но все равно влюбленная довольная улыбка почти не сползала с его лица. Стать мужем любимой и любящей его госпожи, это же мечта всех наложников и вот она у него сбылась. Причем Кэйтиайриона уже сообщила о своем решении не только тетушке, но и матери, так что он был официально представлен семье как будущий муж. А еще Кэйт разрешила сообщить об этом Никки, искренне обрадовавшемуся за друга. Правда первая брачная ночь прошла довольно оригинально, но обида как-то стерлась из памяти, тем более Айки честно признавал, что сам заслужил наказание своим слишком вольным поведением. И теперь скорее больше радовался, что третьим участником был именно его Ягодка, а не кто-то другой, с именем, начинающимся на букву Р.

— Айк, что-то ты никому не рассказал о своей первой ночи в правах мужа, — Эйпри не то чтобы на самом деле интересовали подробности, просто его радовало сияющее лицо своего нового родственника.

— Ну... Да все как обычно прошло, — быстро пролепетал Айк и покраснел.

Парни понимающе переглянулись: «Ну да! Так мы тебе и поверили...»

И тут Дэйн обратил внимание, как Клай увлеченно прихорашивает их госпожу. С распущенными волосами и легким макияжем Айрин стала такой хорошенькой, прямо глаз не отвести. Вот Дэйниш и не отводил. Эйпри тоже краем глаза следил за манипуляциями Клаймейнтии, но, в отличии от друга, заметил не только изменения во внешности сестры, но и особенные взгляды, которые Клай кидала на его Айрин. И это его слегка беспокоило.

Наконец вернулся довольный и удовлетворенный Тойшийнэ, и девушки попрощались с хозяйкой, которая взяла с них слово посетить ее через день.

Потом они заезжали к Клаймейнтии и 28-го, и 30-го. Тойши сразу убегал к Лейксийо, так и не выходявшему к гостям, даже поздороваться.

Эйнри это немного огорчало, потому что ему хотелось поболтать с одноклассником, а тому, похоже, как раз наоборот, хотелось какое-то время побыть вне общества. Тойшийнэ честно докладывал, что выглядит его Верхний отлично, гораздо лучше, чем раньше, и Эйну ничего не оставалось, как верить парнишке на слово и ждать, когда Лейкси, наконец, решит явить себя миру.

Девушки за время встреч успели не то чтобы стать подругами, но близкими знакомыми их уже можно было назвать. Темы для общения у них находились постоянно, и не только о косметике и нарядах. Следующая встреча была назначена на 32-ое число и на ней должны были присутствовать еще и Хрийстийана со своей подругой. А Айрин и Кэйт обещали привезти Вила и Рэйни, чтобы те станцевали что-нибудь красивое. Политика — политикой, а про развлечения забывать не стоило.

Узнав что готовится очередной званый обед с участием Первой госпожи Венги Лейхио впал в депрессию, долго торговался с врачом, но тот совершенно ясно дал понять, что утверждение: «Я прекрасно себя чувствую» и его пациент находятся в разных точках Вселенной. «Не менее месяца! Условно-постельный режим не менее месяца. Или вообще в больницу сдам!». В больницу Лей не хотел, так что утер слезы тоски и слюни зависти и попросил хотя бы записать разговор, чтобы он мог его послушать. А еще лучше заснять все скрытой камерой.

* * *

В тот же день, 30 мойиэля, поздно вечером, в дом матери вернули Бойгдейша. Встречать аэрошку вышла, еще не успевшая лечь спать Сабина, в сопровождении Эйтара. Остальные замерли у окон, а Дэйн и Эйнри, каждый в своей комнате, на всякий случай натянули штаны. Айрин лежала в кровати и любовалась на застывшего в напряжении мужа. В такие минуты, когда все тело — одна сплошная готовность сорваться и бежать, Дэйн становился возбуждающе прекрасен и она, как никогда, понимала брата. Не зря Эйн любит сначала создать экстремально-адреналиновые условия, прежде чем заваливать Дэйниша лицом в пол.

— Что там происходит, Дэйн?

— Гвардейцы кого-то привезли и передают Сабине, но это не Дарис. Да, это совсем не Дарис, больше всего на Сайни похож, только еще крупнее.

— Странно... Обычно всех новеньких в дом притаскиваю я. А тут

решили меня не беспокоить и привезли сами. Пойдем смотреть, что за чудо на нас свалилось?

В это время по коридору кто-то с шумом промчался и почти сразу материализовался во дворе: «Бойгд!».

Эйнри кинулся обнимать брата, но тот просто закаменел у него в руках, и удивленный парень разжал руки: «Бойгд? Это я — Эйн! Ты меня не узнал, да?»

— Узнал, — каким-то странным голосом проговорил мужчина, делая при этом шаг в сторону аэрошки.

— Бойгд? Ты... Ты что, меня боишься? — неверяще уточнил Эйнри, и в его голосе зазвучало что-то похожее на обиду.

— Не боюсь, — ответил ему брат, таким же странным голосом. Безэмоциональным. Отрешенным. Но при этом сделал еще один шаг назад.

— Эйнри, отойди от него. — быстрее всех сориентировалась в ситуации Сабина, которой не в первый раз приходилось видеть сломанных рабов. Ийссайхайрты были выбраны из расчета, а не для того, чтобы мальчику из семьи Вайнгойртов хорошо жилось мужем в их Доме. Хотя лично она возражала против этого брака, но сестра уперлась, ведь ее сына брали мужем, а он даже не закончил последний курс Джордана. Такая честь для семьи. Поэтому, какое-то время, Вайнгойрты, без лишних вопросов, оказывали финансовую поддержку почти всем идеям и проектам юной Вейтийланы. Пока Сабина не устроила бурный скандал с угрозой совсем удалится от ведения дел Дома, потому что прибыли от всех этих проектов не было никакой, а вот вложений каждая новая идея требовала все больше и больше. Наверное, как раз после отказа их семьи спонсировать Вейтийлану, жизнь племянника резко изменилась. И вот теперь у них в доме жалкое подобие прежнего Бойгдейша.

Услышав в женском голосе властный приказной тон, мужчина сразу сжался и замер. Сабина подошла поближе:

— Иди за мной, Бойгд! — и, повернувшись к сбежавшим вниз всем остальным, включая Айрин, уточнила, уже обычным своим голосом заботливой тетушки, — Я отведу его в старую комнату Эйна, рядом с моей. А потом приду к вам поболтать.

Бойгдейш, не оглядываясь двинулся вслед за женщиной, а остальные, включая Эйтара, толпой, двинулись в гостиную. Юйка, слегка взволнованный чем-то, побежал добывать на кухне легкую закуску и вино. Явно намечались ночные посиделки, потому что взбодрились все по полной программе.

Через полчаса к молодежи присоединилась Сабина, и, уютно

расположившись в кресле, получила бокал глинтвейна из рук сидящего у ее ног мужа, и начала объяснять правила поведения с новеньким.

— Руками его трогать сейчас не стоит, хорошо хоть не отпрыгнул. Не трогайте его пока, пусть привыкнет, освоится...

Эйн, выпив залпом два бокала подряд, зыркнул недобро на тетушку, пока та не видела, но ничего не сказал. А впрочем, что он мог сказать? Если бы не заступничество Сабины, он бы сейчас был в гареме у Маргойлинов. Конечно, место во много раз более приятное, чем Дом Ийссайхайрт, но матушка его жены тоже знала толк в хороших забавах. Выпив третий бокал, терпячка Эйна напилась и сдалась:

— Госпожа Сабина, вы все это время знали, где Бойгд?

— Да, Эйнри, знала.

Эйн с каким-то изумленно-потерянным видом посмотрел на тетушку, и вылетел в коридор. Оттуда слышались удары кулака об стены. Дэйниш вышел следом за другом, слышалась перебранка, потом Дэйн засунул голову в дверь: «Мы пойдем у Эйна в комнате посидим? Хорошо?». Айрин кивнула и дверь закрылась.

Вилайди тихонечко подполз поближе к ногам девушки и та улыбнулась, оценив тонкий расчет парня. Раз Дэйн сейчас с Эйнри, в его комнате, то спальное место возле госпожи свободно.

Юйлайнэ тихонечко свернулся калачиком на коврик, и похоже решил уснуть в гостиной. Посмотрев, как Айрин задумчиво изучает полусонного мальчишку, Эйтар тихо успокоил: «Я его потом отнесу, госпожа. Не волнуйтесь. Мне только приятно будет...» — и парень немного грустно улыбнулся. Девушка сразу вспомнила, что Эйт какое-то время ухаживал за Юйкой, так что наверное да, ему будет действительно приятно отнести парнишку в кровать.

Через час, поболтав о пустяках, решили расходиться спать. Довольный Вилайди зашел в комнату вслед за Айрин и, как обычно, замер в дверях ожидая разрешения. Это всегда так умиляло, особенно если сравнивать с поведением Эйна. Поэтому девушка какое-то время полюбовалась на традиционное для Венги зрелище, и, очередной раз, подумала насчет похода в бордель, чтобы уж по полной проникнуться духом планеты. А потом позвала Вилайди к себе... Разлагать и портить. Вил уже научился отвечать на поцелуи, а не замирать от нехватки воздуха. И сам тянет свои руки, чтобы приласкать, а не ждет разрешения от госпожи. Но на этом, пока, Айрин решила остановиться. Все-таки сейчас у нее мальчишки располагались некой лесенкой, сначала Эйн, потом Дэйниш, потом Вил. Только Лейхио был особенный и своей ступеньки не имел, зато успешно

перемещался по лесенке ровно туда, куда в данный момент больше всего было нужно госпоже. Но Вилайди баловать до состояния Дэйна не хотелось, вверх мальчики продвигались с радостью, а вот откат вниз давался им с трудом. А девушка, наоборот, уже какой раз замечала за собой желание попробовать именно совсем-совсем традиционного парня. Все снова упиралось в необходимость посетить бордель. Потому что на рынке можно купить кого угодно, например Рэйнйляша. А продать-то потом она эту радость не сможет. И так и ходить скупать пол рынка, пока не угадаешь? Нет, лучше в бордель. Не понравился? — Взял другого. И голова не болит, куда девать предыдущего.

— Госпожа? Можно я сегодня буду сверху...?

— Вот уж нет, мой хороший. Мы уже это обсуждали. Сверху — только я. Ясно?!

— Да, госпожа...

* * *

Весь следующий день Бойгд просидел в бывшей комнате Эйри, безвылазно. Сначала еду ему принес Эйтар, расставил ее на столе и попробовал уговорить мужчину поесть. Ничего из этого не получилось — Бойгдейш застыл на том месте, где находился, когда Эйт вошел и расслабился только тогда, когда парень вышел. Обед ему вызвался отнести Юйлай.

Войдя в комнату, прямо от двери, Юйка объявил, что сейчас мы будем кушать, кушать очень полезно, если не кушать, то госпожа будет ругаться... Не уточняя, какая именно госпожа. И так, не замолкая ни на минуту, и постоянно поминая ругающуюся или расстраивающуюся госпожу, Юй дождался пока Бойгд съест и первое, и второе, и чай с печеньем. После чего мужчина, еле дошел до кровати и тут же уснул. Голос у Юйлайнэ был очень красивый, мелодичный, и его постоянный щебет воспринимался не как раздражающий уши фактор, а как приятная фоновая мелодия, в которую вплетались указания к действию. Так что ужином Бойгда кормили по той же системе.

— Он, во-первых меня знает, виделись когда я жил у госпожи Вейтийланы. Во-вторых я безобидный, абсолютно. А Эйт все же смотрится внушительно, мало ли что у него на уме, — резонно объяснял Юйка всем желающим внести некоторое разнообразие при общении с Бойгдом, при этом выразительно глядя на Эйна.

Эйнри весь день ходил потерянным и задумчивым. Попытки погрузиться в работу успехом не увенчались. Случившееся с Лейксийо не так оглушило, как явление собственного брата, шарахающегося от него или замирающего в ужасе. Сидя в кресле их кабинета, рядом с пристроившемся у него в ногах Дэйнишем, Эйн изливал на друга все воспоминания, начиная от самых ранних, связанные с Бойгдом. Их было не очень много, хотя разница в возрасте между братьями была и небольшая, но сначала Эйн был совсем маленьким, потом братья разъехались по лагерям и встречались только на каникулах. И, как-то, вернувшись очередной раз домой, Эйнри узнал, что брата отдали «в хорошую семью».

Дальше Эйн какое-то время мог говорить только громко и матом. Причем, по сути, возмущаться было нечему, брата действительно отдали в хорошую семью. В Третий Дом. Без законченного Джордановского образования. Продали за постоянную финансовую поддержку. И ведь благодаря какой-то из махинаций Вейтийланы Дом Ийссайхайртов за десять лет так разбогател, что до бунта, находился в первой десятке богатейших домов Венги.

Дэйниш беспокоился о душевном состоянии друга, переживал за его брата, но больше всего волновался о судьбе Дариса. Ведь его до сих пор не нашли, а со времени исчезновения прошло уже две недели. И никаких следов, полная неизвестность.

Эйнри через некоторое время слегка успокоился, и осознал, что его родственник найден и находится дома, не то чтобы совсем здоровый на голову, но физически в полном порядке. Хотя ему уже немного за тридцать и они могли вообще больше никогда не встретиться. А теперь у него есть возможность старательно, медленно и упорно налаживать с братом контакт.

А вот брата Дэйна уже две недели не могут найти, и что будет с его бедной неподготовленной головушкой после недели общения с госпожой Шойфейр, если все же это именно она его похитила? А если это не ее вина, то тогда вообще ничего не понятно. Но с планеты никто с отпечатками пальцев Дариса не улетал. Разве что на одном из кораблей с бунтовщицами, но неужели Мийрийнине хватило глупости потащить с собой пленника в Космопорт?!

* * *

Перед поездкой во Дворец Эйну удалось вывести себя из

упаднического состояния, и, за то время что они там были, он даже отвесил в сторону Айкейнури пару вполне мирных шуток. Но, на обратном пути опять расстроился, сразу побежал к брату в комнату, наткнулся на его затравленный взгляд, стукнул кулаком в стену и вылетел в сторону озера.

— Надеюсь не топится, — повторил Дэйн шутку самого Эйри почти годичной давности. За что получил суровый взгляд от Вилайди, раздумывающего над тем, бежать ли ему за своим Верхним или дать тому время побыть одному. Очень мало было ситуаций, с которыми Эйри не смог бы справиться каким-либо способом. Даже если не решить, то смирится, принять и переварить внутри себя. Ситуация с Бойгдейшем явно не относилась к тем, с которыми Эйр готов был смириться. Но и устраивающего его быстрого решения она не имела. Айрин уже нашла и договорилась о приезде одного из инопланетных психологов, имеющего опыт работы с подобными случаями.

Его рекомендации, до прибытия и обследования пациента, совпадали с советами Сабины. Не лезть, не трогать, не беспокоить, создать умиротворяющую обстановку и ждать.

Психолог как раз должен был приехать в первых числах следующего месяца.

Айрин чувствовала, что опять начинает тихо сходить с ума от количества проблем, требующих ее пристального внимания. Хотелось расслабиться и выдохнуть. Но, увы, даже с Вилайди это сейчас было невозможно — он волновался сразу и за Дэйна, и за Эйна, и за их братьев. Не считая того, что работу в театре никто не отменял.

Лейхио честно попытался утешить свою госпожу, но и у него тоже получалось плохо. И не только потому, что он на самом деле чувствовал себя не так прекрасно, как говорил и выздоравливал медленнее, чем ему хотелось. Но и потому, что Сайни продолжал вести себя странно, и, хотя Лей уже только на коленях не стоял, отношения между парнями никак не напоминали те, что были еще два года назад. Да, Сай не отходил от друга первую неделю, пока Лейхио было совсем плохо, но сейчас снова все дни проводил восстанавливая сад и оранжерею Кэйтиайрионы, вместе с Нейрио и сестрами Пайти. Навещая Лейя вечерами он теперь молчал, хотя раньше с восторгом рассказывал другу обо всех своих успехах, а Лей тогда подкалывал и ехидничал. Теперь он сам расспрашивал Сайни, но в ответ получал короткие односложные фразы. Восемнадцать лет вместе... Конечно Лейхио был расстроен, и винить ему было некого, кроме самого себя, не уследившего, как его мальчик вырос.

Клаусийлия и Хрийстийана почему-то видели в Айрин какой-то потенциал, который необходимо было развивать, по их мнению. Хотя сама девушка ничего подобного в себе не замечала. Она просто сумела отобрать лучших и дать им возможность самостоятельно выполнять ту работу, которая доставляла им удовольствие. Но вот теперь в ней еще собирались что-то развивать женщины, которым просто невозможно отказать.

* * *

Перед очередной поездкой во Дворец Эйпри снова с утра зашел к брату.

Вчера с Бойгдейшем долго беседовал приехавший психолог, которого доставили к Вайнгойртам под конвоем двух гвардейцев, потому что он был мужчиной. Выводы были не то чтобы неутешительными, нет, прогноз был вполне благоприятным. По мнению психолога, видевшего и гораздо более худшие случаи.

«Не форсировать события. Спокойная обстановка. Отсутствие резких эмоциональных всплесков. Никакой агрессии.» — все это мужчина говорил чуть ли не в упор глядя на Эйна.

— Я, тля! так похож на агрессивного неуравновешенного психа?! — возмутился Эйпри.

— Да, мой хороший. Последнее время именно на него ты и похож... — сочувственно подтвердила Айрин.

Эйн сначала хотел очередной раз врезать кулаком по чему-нибудь твердому но, поймав насмешливый взгляд сестры, сдержался и, даже спокойно вышел из гостиной, где они собрались сначала выслушать психолога, а потом обсудить услышанное между собой. Но у своей комнаты все же залепил кулаком в стену и, потом, упав на кровать, застонал... Так хотелось заплакать...

И вот утром он снова стоял в дверях и смотрел на брата. А Бойгд смотрел на него и в глазах страх. Почему?!

Появившейся с подносом Юйлайнэ ласково выпинал Эйна в коридор.

— Не ходи ты к нему, пожалуйста! И себя расстраиваешь и он нервничает. Ну подожди, недельки две, а?! Ты сейчас потенциальная угроза для него, а не брат родной, понимаешь? Потерпи, Эйн, а?

* * *

В аэрошке, пока летели во Дворец, Эйри немного успокоился. Айрин тихо гладила брата по волосам и шептала, что все будет хорошо, надо только потерпеть. Терпение не входило в список основных добродетелей Эйна, но он был абсолютно согласен с сестрой. Конечно, надо заставить себя потерпеть и все наладится.

— У тебя храбрый котенок, Дэйн. Береги его...

— Берегу, — улыбнулся другу Дэйниш. Храбрый Юйлайнэ, отчитав Эйна, явился к своему Верхнему и отчитал и его тоже. Строго настрого запретив им даже по коридору проходить мимо комнаты Бойгдейша. «Дэйни, пока он сам не выйдет, не заходите к нему, пожалуйста! Особенно Эйри. Я потом еле успокоил человека...»

* * *

Девушки и парни расселись на ковре, и Клаймейнтia, чуть приоткрыв ширму, отделявшую основную, проходную комнату-гостиную, от ее спальни, поманила кого-то рукой.

К гостям, наконец-то, вышел Лейксийо. Он уже не был похож на уставшую, обреченную, замученную жизнью жертву. Нет, это снова был «прекрасный принц», и глаза его сияли, как два солнца, когда он смотрел на свою новую госпожу.

— Разденься, красивый мой, — нежно проворковала Клай.

Лейксийо, так и не отрывая взгляда от своей госпожи, развязал запах рубашки, скинул ее, потом снял штаны, и не глядя отшвырнул их в ту же сторону.

Девушка развернула парня так, чтобы он оказался лицом к гостям, сама встав чуть сбоку, чтобы иметь доступ к телу, но при этом не загораживать прекрасный вид.

Лейкси уже позабыл, как это возбуждающе, стоять обнаженным перед несколькими господами сразу, и знать, что запланирована не пытка или наказание, а развлечение. Игра, где с ним будет забавляться только его госпожа, а если она и подпустит к нему еще кого-то, то лишь при условии соблюдения правил. Как же это раньше ему нравилось... Но потом он

разучился доверять своей прежней госпоже, и потерялось удовольствие даже от предвкушения. А удовольствия от самих игр уже не испытывал последние лет восемь, точно.

Но сейчас он ощущал каждым миллиметром кожи это излучение предвкушения зрелища, от сидящих на ковре людей, видел озорной блеск в глазах госпожи, а проведя несколько недель в этом доме, он уже успел убедиться, что его новая госпожа такая затейница, что прямо самому себе завидно.

Клаймейнття одним пальчиком подняла голову парня за подбородок, чтобы он стоял идеально ровно. Сама завела обе его руки за спину, согнув в локтях, развернув этим плечи, и надежно, крепко, но не слишком туго связала их широкой лентой.

Продолжая стоять сзади, обняла Лейкси за плечи, глядящими движениями спустилась по плечам чуть ниже, потом потянулась и прокрутила подушечками больших пальцев по соскам. Захватила их, сжала, надела, чуть оттянула, царапнула ноготочками...

Айрин, внимательно наблюдающая за происходящим, уловила краем глаза почти незаметное движение рядом — это Эйну почему-то перестало сидеться на месте спокойно. И он как-то слишком часто стал облизывать губы, почти не моргая следя за тем, что проделывают с его бывшим одноклассником.

Клай, обойдя парня и встав к нему лицом, протянула руку в сторону стоявших у двери мальков и один из них вложил ей в ладонь открытую коробочку, на которой лежали две золотых булавки, украшенные маленькими, блестящими зелеными кружочками — фиксаторами. Дождлся, когда госпожа вынет одну и забрал коробку обратно.

Девушка, еще немного поиграв-помучив именно правый сосок, сняла фиксатор с булавки и, оттягивая кожицу одной рукой, другой — проткнула ее и тут же плотно закрутила фиксатор на место.

У Лейкси лишь глаза на секунду распахнулись чуть шире, а на губах заиграла понимающе-провоцирующая улыбка, предназначенная Эйну, уже сжавшему кулаки от напряжения и чуть ли не в кровь искусавшему себе Нижнюю губу.

Когда вторая булавка оказалась на предназначенном ей месте, девушка отошла в сторону, чтобы дать всем полюбоваться на сотворенную красоту.

Потом, натянув на ручки перчатки, взяла в руки член парня, замершего и закрывшего на секунду глаза немного от страха, немного — от удовольствия. Сдвинула крайнюю плоть, оголив незащитно — нежную розовую головку.

Снова протянула руку и малек вложил ей катушку полиэфирного лавсана, разглядев которую, Эйн чуть не подпрыгнул, и только крепкая хватка руки Дэйна удержала его на месте.

Лейксийо, усмехнувшись, медленно облизнул губы... «Тля, сссука!», — тихо прошептал Эйнри, сглатывая комочек зависти.

А Айрин, вздохнув, поняла, что подарив брату бездну новых ощущений, она лишила его множества привычных старых, которые в должном исполнении тоже несли в себе неплохой такой положительно-эротический заряд. И это надо было исправлять, как можно скорее.

Клаймейнття мелкими стежками прошила кожу за головкой, по кругу. Ни о каком контроле речи, конечно, уже не шло и парень был очень сильно возбужден. Так же, как и сидящий напротив него Эйн, тихо постанывающий от разыгрываемого у него на глазах представления.

Закончив работу, и перерезав нитку ножницами, протянутыми мальком в обмен на катушку, девушка встала с колен и снова отошла в сторону.

«Тля, сссука! Тля-ая!», — похоже, уже не вполне осознавая свои действия, шептал Эйнри, вцепившись пальцами в ковер с таким усилием, что еще немного и клочки несчастного куска войлока останутся у него в руках.

Клаймейнття снова подошла к Лейксио сзади, обняла одной рукой парня за грудь, играя его проколотыми сосками, а пальчики другой ввела ему в анус, от чего Лейкси сначала выгнулся дугой, а потом покорно насадился сам, и, приоткрыв губы, задышал глубоко с легким, еле слышным «хаааа!» на выдохе... При этом улыбка, предназначенная Эйну, была уже откровенно дразнящей: «Смотри, как в меня играют и завидуй!». И по лицу Эйнри было видно, насколько сильно он завидует.

Когда к сбившемуся дыханию добавились тихие постанывания, Клай, поцеловав свою игрушку в плечо, проговорила, глядя на Тойшийнэ:

— Если хочешь, можешь подойти и помочь своему Верхнему кончить.
Слова госпожи дошли до парнишки не сразу, потом какое-то время он

пытался побороть паралич, сковавший все его тело. И все это время Айрин и Дэйн удерживали, вдруг решившего подняться Эйна, дышавшего тоже уже слишком глубоко и часто.

Дэйниш уже просигналил жене глазами, что было бы неплохо позволить им удалиться куда-нибудь в укромное место, и девушка ждала только, когда освободится хозяйка и постановщик шоу, чтобы уточнить, где в этом доме имеются эти самые укромные места, для приведения в чувство некоторых, особо впечатлительных, зрителей.

Наконец Тойши смог заставить себя сдвинуться с места и, опустившись перед Лейксией на колени, взял его член в руку и медленно сделал языком круговое движение по краю оттянутой кожицы, точно по стежкам... Лейкси этого вполне хватило, чтобы кончить. При этом он не отрывал взгляда от Эйна, а тот — от него. Один сладко постанывал, выгибаясь, а второй, вцепившись пальцами в несчастный ковер, тихо шептал: «Матерь Сущего... Как хочу-то...».

Потом на какое-то время в комнате наступила тишина.

Довольная произведенным эффектом Клаймейнтia улыбнулась Тойшийнэ:

— Если твоя госпожа не возражает, можешь пойти и провести время с Лейксией. Заодно поможешь ему освободиться от украшений.

Тойши вопросительно взглянул на Айрин, получил разрешающий кивок, и, довольный Лейкси, одев штаны, за руку увел парня к себе.

— А теперь я бы хотела насладиться еще одним зрелищем, и думаю остальные девушки не будут возражать, улыбнулась Клай, с интересом глядя на ерзающего по ковру Эйна.

Айрин, почувствовав, что запахло жареным, щелкнула пальцами, обращая на себя внимание и покрутила отрицательно головой.

— Ну бросьте, девочки, тут же все свои! Я очень хочу увидеть, как блондинчик имеет эту неземную красоту, — и Клай кивнула в сторону Дэйна, — Вы не дадите мне с ними поиграть, хотя вот я с радостью поделюсь с вами всеми своими игрушками. Так вы еще, жадные, не хотите мне дать посмотреть?! А блондинчику, между прочим, не помешает развлечься, — и девушка демонстративно скосила взгляд на штаны Эйри.

Айрин вопросительно посмотрела на брата и мужа. Эйну число

зрителей уже было абсолютно безразлично, но в этой сценке должны были участвовать два актера, и второй был категорически против.

Сидевшему у ног Кэйтиайрионы Айку, вдруг тоже перестало сидеться спокойно. Не то чтобы он хотел предложить себя на роль второго участника, хотя опыт у них двоих уже был, но...

А Дэйниш был совсем не готов к общению с возбужденным до очень агрессивного состояния Эйном на публике. У них не такие близкие отношения с Кэйтиайрионой, да и то, что на это будет смотреть госпожа заводило и пугало одновременно. А уж присутствие Клаймейнтии, с жадностью поедавшей его глазами. Тикусйо! А, главное, у него уже начинало вставать... Что за коктейлями поят в этом доме?

Оценив обстановку, девушка решила не сдаваться.

— Клай, какие у тебя планы насчет Лейксийо?

Девушка ехидно усмехнулась:

— Хочешь собрать всю парочку у себя? Ты — коллекционер самых красивых игрушек Венги, Айрин!

Потом подумала, посмотрела на Дэйна и Эйри, хихикнула своим мыслям...

— Давай так, сейчас мальчики развлекут меня, в качестве платы за так понравившееся твоему брату зрелище. Ну а Лейксийо я продать тебе не смогу, мамуля же за него кучу денег выложила... Но я готова поменяться, — хитро усмехнулась Клай, — Ты привезешь мне красивого раба для игры, а я отдам тебе своего. Договорились?

— Ты отдашь мне не просто своего, а именно Лейксийо! — уточнила Айрин.

— Какая ты зануда... А я так хотела тебя потом немного подразнить, — надула губки девушка, — Хорошо. Именно Лейксийо. Только найди мне что-нибудь оригинальное, в возрасте 23–27 лет — я не люблю играть в детей. У тебя на поиски есть... Наверное, месяц. Если он надоест мне раньше — я попридержу его для тебя, — Клаймейнтия очаровательно улыбнулась Айрин, давая понять, что оказывает ей этим очень большую услугу.

— Спасибо, — благодарно кивнула ей в ответ девушка.

— А теперь хочу побыть зрительницей! Давайте, начинайте, мальчики!

Тут со своего места поднялась Кэйтиайриона. Два ее мужчины изощренно продемонстрировали сейчас ее несостоятельность. Официальный муж дал всем понять, что ни она, ни Айрин не

удовлетворяют его потребности в плане развлечений, а будущий тоже вон тут сидит у ног, и ерзает, как будто у него шило в заднице. Хотя точнее было бы сказать, как будто он хочет, чтобы ему в эту задницу вставили и отнюдь не шило. Опустив ладошку на затылок Айка, Кэйт захватила светлые пряди раба и с силой потянула назад, приводя любимчика в чувство, после этого мило улыбнулась подругам:

— Извини, Клаймейнтия. Возможно я сейчас немножко всем испорчу планы, но я категорически против того, чтобы мой муж трахал прилюдно кого бы то ни было.

Эйн благодарно посмотрел на жену. В его затуманенном возбуждением мозгу кнопка «СОС» горела ярким светом, но сам себя остановить он уже был не в состоянии.

Клай обижено посмотрела на девушек и надула губки:

— Какие вы жадные зануды! Ну и ладно...

Потом подумала, посмотрела на Дэйна и Эйнри, хихикнула своим мыслям:

— Идите вон туда, за ширму. Только на ковре, а не на кровати! А мы с девочками еще поболтаем и вина попьем, правда?

* * *

Когда, попрощавшись с хозяйкой, поздно вечером все усаживались в аэрошки во дворе, Кэйтириона отозвала Эйна в сторону.

— Ты сегодня вел себя очень несдержанно! Твое поведение просто недопустимо для выпускника Джордана и Первого мужа Старшей госпожи Дома Маргойлин!

Слегка побледневший Эйнри опустился на колени и виновато прошептал:

— Прости...

— Не так! Я ругаюсь сейчас совсем не как Кэйт!

— Простите, госпожа! Я был не прав. Такого больше не повторится.

— Очень надеюсь! Я сильно расстроена твоим поведением, Эйн. Очень сильно расстроена!

Эйнри снова виновато посмотрел на жену:

— Правда, прости... Я не знаю, что на меня нашло. Обещаю, такого никогда больше не повторится.

Кэйтириона выдохнула, потом увидела восхищенные взгляды Айрин и Клай и задрала нос кверху. Она отчитала Эйнри и тот, встав на колени,

признал свою вину. Ну разве она не молодец?

* * *

На следующий день, поздно вечером, договорившись предварительно с Дэйном, Эйри зашел в комнату госпожи, и остановился, любуясь зачитавшейся девушкой. «Опять очередной любовный роман, наверное...», — мысленно усмехнулся он.

Отложив книжку, Айрин встала с кресла и подошла к брату.

— Скажи, любимый, мне ведь не показалось вчера, что ты мечтал оказаться на месте Лейксийо?

— Не так буквально, моя госпожа! — улыбнулся парень, чувствуя нарастающую панику в душе, — Он просто так возбуждающе наслаждался...

— Ты уверен, любимый? — девушка начала медленно развязывать у брата запах рубашки, и, спустив ее с плеч, ловко завязала ему руки за спиной. «И где только научилась?» — удивился Эйн, ведь он старается подобным образом развлекаться с Дэйном только когда их женщина спит. А Айрин уже расстёгивала штаны, при этом не отрывая своего взгляда от его, все шире и шире раскрывающихся глаз.

— Нет, госпожа! Пожалуйста, не надо...

— Ты не хочешь? Удивительно! А твое тело утверждает обратное..., - облизнув губы, девушка провела рукой по беспардонно выдающей его части.

— Я не хочу так... Так и с вами — не хочу, пожалуйста!

Айрин положила руки брату на плечи и заглянула ему в душу, через два бездонных зеленых зеркала.

— Любимый, но ты ведь, на самом деле, хочешь....

Эйн, одним движением освободившись от связывающий его рубашки, поднял сестру на руки и, поцеловав, отнес на кровать.

— Хочу... Так... — медленно раздевая и целуя шептал он, — Вот так... И еще вот так хочу... С вами — только так... Пожалуйста!

Девушка не сопротивлялась, закрыв глаза и наслаждаясь ласками и поцелуями, ныряя в очередной раз в море удовольствия, в котором брат топил ее, как всегда, умело и с любовью.

Но тут она почувствовала, что Эйри вошел в нее без презерватива, и глаза Айрин сразу широко распахнулись.

— Эйн? — неуверенно-вопросительно уточнила она.

В глазах парня сверкнуло что-то... Что-то такое...

— Да, моя госпожа?

— Ты ничего не забыл? — так не хотелось разговаривать, попытки сформулировать мысли заставляли выныривать с глубины, приводили в чувство, отвлекали...

— Знаете, госпожа, — Матерь Сущего, как он может двигаться в ней и одновременно думать и рассуждать? — я очень много читал медицинской литературы и континентальной, и венговской. И там нигде не написано, что все обязательно должно закончиться плохо...

— Ты о чем сейчас вообще, любимый? — все-таки вынырнув окончательно, девушка попыталась понять, что же ей хотят сказать.

— Я хочу от вас ребенка, госпожа... — спокойно, как сказал бы нормальный континентальный парень своей женщине, выдал Эйри. В голосе почти не было ни просьбы, ни вопроса. Нет, констатация факта и уверенность, что его желание выполнят.

Айрин, спихнув с себя окончательно обнаглевшего личного раба, перевернула его на спину и села сверху, гневно глядя ему в глаза.

— А о моих желаниях ты подумал?! А о Дэйне?! А о...

— Простите, госпожа! Я виноват... Очень... Я зарвался, забылся и вел себя нагло... Накажите меня! — а в глазах... Почти мольба... «Ну накажи же меня! Останови! Поставь на место! Пожалуйста!»

Девушка прилегла комочком, справа от брата, и уткнулась ему в подмышку. Эйри, несколько раз стукнув кулаком левой руки по матрасу, издал то ли всхлип, то ли стон и, перевернувшись на бок, накрыл собой свою госпожу.

— Эйн, любимый, я же тебе предлагала в начале похожую игру, почему ты не согласился?

— Потому что не было чувства вины...

— А без вины..? В Лейксийо играли же просто так, почему тебе непременно надо..

— Потому что мне непременно надо. Мы тараканов Дэйниша чуть ли не по именам всех знаем, но почему же считается, что у меня их нет?! У меня их тоже полк, сестренка! Матерых, откормленных, злобных таких... И извращенных, как я, — парень грустно улыбнулся, — Полежишь со мной просто так? — Эйн смущенно покраснел, как будто предлагал своей госпоже что-то совсем неприличное, — Вот просто так как сейчас... И... Расскажи мне что-нибудь про свое детство, например. Ты обещала про школу, когда тебя перевели в другой класс, помнишь?

Проснувшись на рассвете, Эйри выбрал на конюшне самого быстрого жеребца и поскакал к дому Маргойлинов.

Там уже тоже кое-кто проснулся, а по двору шныряли полусонные мальки. Но сама Кэйт еще сладко спала в своей кроватке, а рядом с ней посапывал Айк. «Похоже на этой неделе он работает ночной задницей, а Шайн — дневной», — усмехнулся про себя Эйри. И пнул Айкейнури тихо в бок. Тот распахнул глаза, увидел Эйна и напрягся:

— Что-то случилось?!

— Нет, просто свали. Я хочу просто поболтать с нашей женой.

Айк начал пытаться тихо сползти с кровати, но Кэйт уже проснулась и тоже очень разволновалась при виде Эйна.

— Да все нормально, правда! Просто поговорить хочу... О вчерашнем...

Айкейнури тут же испарился, а Кэйтириона закуталась в одеяло и внимательно посмотрела на мужа:

— Я тебя внимательно слушаю.

Эйн сделал пару кругов по комнате, пытаясь придумать, с чего же начать... Потом просто сел на ковер и уткнулся лицом в колени:

— Плохо мне, родная! До слез плохо... Не понимаю, что со мной происходит. Запутался совсем. — помолчав немножко, усмехнулся, — и Дэйн уже не помогает, представляешь? Не снизу, не сверху...

— Ты пробовал с ним сверху?! — Кэйт очень хорошо понимала, что вот то, как легко сейчас Эйн это произнес, на самом деле не означало, что ему легко далось и само действие, и признание между делом, что действие имело место быть.

— Да, — Эйри грустно улыбнулся жене, — Пробовал. Не помогает! Мужским членом через задницу мои проблемы с головой не решаются. Может у тебя есть альтернативные варианты?

Кэйтириона задумалась.

— А Айрин..?

— Кэйт, родная! Айрин, это... Айрин, это... Это — АЙРИН! Хотя, извини, с тобой тоже ничего не получится, прости что разбудил...

Девушка, откинув одеяло, спустилась с кровати, подошла к сидевшему на ковре мужу, схватила его за волосы и поставила на колени. Заглянула в глаза:

— Это почему же со мной ничего не получится, а Эйн?!

Эйнри, сначала закрыл глаза и понаслаждался забытым ощущением, когда его тело находится во власти женщины. Разгневанной женщины. Вчера, когда Кэйт его отчитывала, что-то давно позабытое сладко екнуло внутри, подсказывая, чего именно ему не хватает. Уже давно.

А потом посмотрел на жену своими зелеными глазищами, улыбнулся, резко поднялся с колен и, обняв ее, прижал к себе и жарко поцеловал в губы, и девушка безвольно обмякла в его руках. По всему ее телу прошла горячая волна возбуждения, она потянулась сама обнять и ответить на поцелуй мужа, а еще лучше затащить его в постель, вот прямо сейчас... Пока с ним происходит непонятно что, но он с ней рядом, такой доступный и желанный.

А Эйн, разжав руки, сделал шаг назад:

— Я же сказал, что с тобой тоже не получится... Ничего не получится.

Когда Кэйтириона поняла, что это была всего лишь проверка ее выдержки, она всерьез разозлилась. И залепила Эйнри пощечину, с размаха. Но когда она делала замах для следующей, Эйн поймал ее руку, поцеловал в запястье, потом в ладошку, потом прецеловал каждый пальчик и, опустившись на колени, преданно заглянул в глаза: «Прости, родная... Я знаю, что сука редкая...Прости!»

Кэйт, медленно освободив свою руку, потерянно дошла до кровати, села и расплакалась. Приводить в чувство будущего второго мужа оказалось гораздо проще, чем держать саму себя под контролем, разговаривая с первым.

Эйнри, на коленях, дополз до жены и начал целовать пальчики ее ног, поднимаясь все выше и выше.

В это время в комнату вошел Айкейнури, неся на подносе завтрак, и замер, явно раздумывая, огреть Эйна подносом по голове или пожалеть... Завтрак.

— Все в порядке, Айки. Мы с Эйнри обсуждаем кое-какие его личные проблемы. — сквозь слезы попыталась успокоить своего любимца Кэйтириона.

— Точно! Я просто так сразу и подумал, госпожа! Поэтому вы рыдаете, а он целует вам ноги и твердит чистую правду, про то, что сука редкая...

— Айк! Я не обязана перед тобой отчитываться, но даю тебе объяснение происходящему. Что должен сделать хороший раб?!

— Простите, госпожа. Спасибо, госпожа. Я принес вам завтрак. Мне уйти снова и не мешать вам дальше плакать?

— Пожалуй, это мне надо уйти.. — Эйн встал с колен, посмотрел на

жену, не отводящую влюбленных глаз от явно разгневанного, но сдерживающего себя Айка. Усмехнулся этой идеалистической картинке.

— Айки, а может ты мне морду набьешь? Вдруг мне полегчает?

— Да ну тебя... — Айкейнури быстро занял освободившееся место у ног госпожи и продолжил начатое Эйном. Вернее начал по новой, с целования каждого пальчика на ножках Кэйт.

— Эйн, ты ведь сначала попробовал с Айрин, верно? — Кэйтириона уже почти успокоилась, только еще тихо всхлипывала.

— Да...

— И..? По какому ее слабому месту ты ударил?

— Сказал, что хочу от нее детей, — Эйнри покраснел и отвел глаза в сторону.

— Ну ты и... Ты — сволочь!

— Я знаю, — и, грустно улыбнувшись жене, вышел...

Но через два часа Эйн вернулся обратно, как раз когда Кэйт, Аик и Шайн завтракали второй раз.

— Угостите? — спросил, нагло посмотрев жене в глаза, потом взглянув на напрягшегося Айка, — Да не буду я больше никого сегодня до слез доводить, обещаю!

Потом отвел жену в восстановленную оранжерею, и, зажав ее между собой и стеной, настойчиво зашептал:

— Напиши письмо в Джордан, а? Вот прямо сейчас напиши?! Я им сам объясню ситуацию, только мне направление или от тебя, или от Айрин надо. Айрин не напишет, ты же понимаешь?! Напиши!

Ошалев от самой идеи и от такого напора, девушка согласилась и ей тут же вручили планшет, честно экспроприированный со столика в спальне: «Пиши!»

После того как на экране замигала надпись: «Ваше письмо отправлено», Эйн, чмокнув Кэйт в щеку, выскочил и рванул домой, собирать вещи.

Просочившись мимо Айрин и Дэйниша, в свою комнату, закинул в маленькую сумку зубную щетку, расческу и пару штанов, столкнулся в дверях с Вилайди, поцеловал его:

— Прикрой меня, котенок! Придумай что угодно, но где-то неделю меня дома не будет. Я в Джордан...

— Ты спятил, Верхний?!

— Нет, я нормален как никогда раньше. Берегите Айрин пока меня не

будет, ага?! Я вас всех очень люблю.